



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07920202 8



MICROFILMED

* Q 0 0

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

•Добра хочу братья и Русьскій Земля. •

Владиміръ Мономахъ.

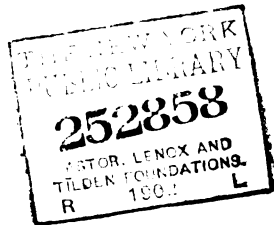
1861

ЯНВАРЬ



ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КЪЛИША.



ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ законенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, января 10-го дня, 1861 года.

Цензоръ *Ст. Лебедевъ.*

СЪ ЯНВАРЯ 1861 ГОДА БУДЕТЬ ИЗДАВАТЬСЯ

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

Программа этого журнала слѣдующая:

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ: стихотворенія, повѣсти и рассказы на южно-русскомъ языкѣ; а также на велико-русскомъ, но изображающіе жизнь и природу южнаго края.

II. ИСТОРИЯ. Жизнеописанія. Древности. Акты историческіе и юридическіе. Старинныя записки.

III. НАРОДООПИСАНІЕ. Языкознаніе. Современный общественный и частный бытъ.

IV. ВОСПИТАНІЕ и ОБРАЗОВАНІЕ.

V. ЗЕМЛЕВѢДѢНІЕ. ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ. МЕДИЦИНА въ приложеніи къ южно-русскому краю.

VI. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО, ПРОМЫШЛЕННОСТЬ и ТОРГОВЛЯ.

VII. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ и распоряженія, относящіяся къ южно-русскому краю.

VIII. РАЗБОРЪ ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШИХЪ СОЧИНЕНІЙ и указатель всѣхъ вообще книгъ и статей, также музыкальныхъ и художественныхъ произведеній, предметомъ коихъ будетъ южно-русскій край.

IX. ОБЛАСТНЫЯ ИЗВѢСТІЯ; переписка; вопросы; замѣтки и вообще мелкія статьи.

Край, изученію котораго будетъ посвящена *Основа*, обитаемъ преимущественно южно-русскимъ народомъ. Хотя въ Бессарабіи, Крыму и Землѣ Войска Донскаго, преобладающее населеніе не южно-русское, но мы включаемъ и эти области въ кругъ нашего изученія, какъ потому, что онѣ не имѣютъ еще своихъ періодическихъ органовъ, такъ и потому, что онѣ находятся въ непосредственной, промышленной и торговой, связи съ прочими южно-русскими землями.

Въ юнѣ текущаго 1860 года мы объявили въ газетахъ о своемъ предпріятіи, приглашая литераторовъ и ученыхъ къ участию въ *Основѣ*. Въ отвѣтъ на нашъ призывъ, многіе выразили полную готовность содѣйствовать намъ своими трудами. Ободренные сочувствіемъ людей, которые до сихъ поръ, каждый порознь, выполняли мысль, положенную нами въ основаніе нашего изданія, мы обращаемся теперь съ объясненіемъ ко всему русскому обществу.

Письменная словесность южно-русская, возродившаяся въ концѣ прошлаго столѣтія, долго была дѣломъ сомнительнымъ, и обращала на себя вниманіе критики, какъ временная прихоть двухъ-трехъ человекъ, пробующихъ простонародный языкъ съ его комической стороны, на потѣху людей, не слишкомъ разборчивыхъ въ своемъ чтеніи. Но произведенія этой словесности становились все болѣе и болѣе разносторонними и, наконецъ возможность ея дальнѣйшаго развитія сдѣлалась несомнѣнною для многихъ непредубѣжденныхъ умовъ. Въ наше время, число болѣе или менѣе даровитыхъ южно-русскихъ писателей увеличивается съ каждымъ годомъ; въ наше время, вопросъ — можно ли и слѣдуетъ ли писать по-южно-русски, или — что все равно, — по-украински, разрѣшенъ самимъ дѣломъ. Остается позаботиться о томъ, чтобы, съ одной стороны, облегчить писателямъ обнародованіе ихъ произведеній, а съ другой — сдѣлать эти произведенія доступнѣйшими для большинства читателей. Такъ какъ въ журналахъ сѣверно-русскихъ нѣтъ мѣста сочиненіямъ на иномъ языкѣ, а наши писатели далеко не всѣ имѣютъ возможность издавать отдѣльные книги, то значительная часть написаннаго остается до сихъ поръ въ рукописяхъ; это, естественно, замедляетъ производительность писателей и развитіе литературнаго вкуса въ южно-русскомъ обществѣ. Такимъ образомъ, потребность періодическаго изданія чувствуется по отношенію даже къ произведеніямъ одной изъясной словесности на родномъ нашемъ языкѣ. — Но эта словесность развивается не въ обособленіи отъ науки. Рядомъ съ нею, съ конца прошлаго столѣтія, шли изысканія историческія, экономическія, этнографическія, относящіяся къ народу, который говорить языкомъ южно-русскимъ, и къ самой почвѣ, на которой онъ утвердиль вѣками свое существованіе. Труды нашихъ ученыхъ были издаваемы отдѣльными книгами, или помѣщались въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Въ томъ и другомъ случаѣ, уже по однимъ издержкамъ, не для всякаго было доступно пользоваться этими трудами въ совокупности. Потребность особаго литературнаго органа сдѣлалась настоятельною и съ этой стороны. Между тѣмъ, скорый обмѣнъ разнообразныхъ свѣдѣній о данномъ предметѣ, съ каждымъ годомъ дѣлается необходимымъ, — удобство и неудобство пускать въ ходъ добытую изъ жизни мысль — ощутительнѣе. Поэтому, журналъ, открытый для всякаго честнаго слова о южномъ нашемъ краѣ, во-первыхъ, облегчить для своихъ читателей пользованіе всѣмъ, что въ настоящее время работаетъ изъясная словесность и наука относительно прошедшей и настоящей жизни южно-русскаго народа, и, во-вторыхъ, дастъ возможность заявлять каждую мысль, относящуюся къ насущнымъ потребностямъ всего южнаго края.

Программа Основы обнимаетъ все, что можетъ занимать просвѣщенное общество по отношенію къ южно-русскому народу и къ мѣстамъ, которыя онъ болѣе или менѣе населяетъ. Считаеиъ долгомъ объясниться нѣсколько подробнѣе о значеніи каждаго изъ ея отдѣловъ.

I. До сихъ поръ прошедшая и настоящая жизнь нашего народа создавалась то на сѣверно-русскомъ, то на южно-русскомъ языкѣ. Вопросъ о недостаточности сѣверно-русскаго языка для изображенія Украинцевъ, поднятый въ недавнее время, рѣшить сама словесность. Мы открываемъ свой журналъ для художественныхъ произведеній на обоихъ родственныхъ языкахъ. Зная, какъ важно во всякомъ дѣлѣ начало, мы бу-

состояніе и ходъ южно-русской жизни. Въ этомъ отдѣлѣ всякій наблюдатель можетъ быть вкладчикомъ: главную цѣну такихъ наблюдений составляло бы, разумеется, содержаніе ихъ, а не изложеніе; при множествѣ подобныхъ корреспонденцій, всякая, по-видимому, ничтожная, ничтожная, записка въ совокупности съ другими однородными записками, получила бы смыслъ и значеніе.

Цѣль нашего наданія — всестороннее и безпристрастное изслѣдованіе южно-русского края, — уразумѣніе его потребностей, — критическій взглядъ на себя въ прошедшемъ и настоящемъ, — общественная польза. Общечеловѣческое просвѣщеніе, въ примѣненіи къ мѣстнымъ условіямъ края, будетъ руководящею идеею редакціи. Больше всего мы боимся удаленія отъ общей связи съ челоѣчествомъ, а тѣмъ болѣе — съ жизнью сосѣднихъ народовъ. Для нашего развитія вреднѣе всего была бы замкнутость въ однихъ своихъ элементахъ, которые тогда только получаютъ всю свою цѣнность, когда придутъ въ естественное соприкосновеніе съ нравственными началами другихъ народностей.

Редакція Основы считаетъ нелишнимъ назвать слѣдующія статьи, которыми уже располагаетъ въ настоящее время.

СТИХОТВОРЕНІЯ: Галки (Іеремія), Глѣбова (Л. И.), Кузьменка (П. С.), Малашенка (М. Л.), Шевченка (Т. Г.), Щоголева.

ПРОЗА: Барвинокъ (Ганны): *Два разсказа на южно-русскомъ и одинъ на велико-русскомъ яз.*

Горухи (М. В.): *Женщина по народнымъ пѣснямъ и сказаніямъ, и критическіе разборы.*

Жемчужникова (Л. М.): *Этнографическія записки.*

Журавского (Д. П.): *Нѣкоторыя мѣры къ улучшенію торговли на юж.*

Костомарова (Н. И.): *О составѣ Русскихъ летописей; — о федеративномъ началѣ въ древней Руси; — большая часть лекцій по Русской исторіи, и статьи по исторіи Южной Руси.*

Кулиша (П. А.): *Повѣсть и разсказъ на в.-р. яз.: обзоръ южно-русской словесности; этнографическія записки.*

Лебедничева (Ө. Г.): *Проповѣдь на народномъ языкѣ.*

• Динейкина: *Гимназическая переписка прошлаго времени.*

Марка Вовчка: *восемь повѣстей и разсказовъ на ю.-р. яз.*

Марковича (А. В.): *Этнографическія и критическія замѣтки.*

Мордовцова (Д. Л.): *Повѣсть и два разсказа на ю.-р. яз.*

Пониса (М. Т.): *Отрывки изъ автобіографіи Бѣлокопытенка, и этнографическія письма.*

Носа (С. Д.): *Этнографическіе разсказы на ю.-р. яз.*

Патриченка: *„Злій духъ“ — рядъ этнографическихъ разсказовъ на ю.-р. яз.*

Переводы изъ Гилія: *Объ этнографіи, и о пѣснь.*

Сторожика (А. П.): *Дѣль повѣсти и рядъ разсказовъ на ю.-р. и одна повѣсть на в.-р. яз.*

Хуторянина: *„Листи изъ хутора,“ на ю.-р. яз.*

Щербака (М. Г.) *Обзоры вновь найденныхъ старинныхъ летописей и записокъ, съ подлинными или выемками, и филологическія статьи.*

Не перечисляемъ множества этнографическихъ, историческихъ, юридическихъ, библиографическихъ и другихъ матеріаловъ, также не упоминаемъ обѣщанныхъ, но еще недоставленныхъ намъ, статей.

Кромѣ поименованныхъ, — въ Основѣ примуть участіе еще слѣдующія лица:

Александровичъ (М. Н.), Бьлозерскій (Н. М.), Великданъ (Ст. П.), Витавскій (Р. П.), Галананъ (Гр. П.), Гоговскій (С. С.), Дорошенко (Ил. П.), Иванюшевъ (Ник. Дм.), Калиновскій (В. С.), Карачевскій-Волкъ (В. Н.), Конисскій (Ал. Як.), Котляревскій (Ал. Ал.), Лазаревскій (Ал. М.), Ламанскій (Вл. Ив.), Лашикоковъ (Ив. В.), Левченко (М. М.), Макаровъ (Н. Як.), Максимовичъ (М. Ал.), Маркевичъ (А. Н.), Межовъ (Вл. Изм.), Мизко (Ник. Дм.), Мокрицкій (П. Н.), Навроцкій (Ал. Ал.), Новицкій (Н. Д.) Нововъ (Ив. П.), Орловскій (М. Ак.), Остапенко-Бьленко (Ал. Ак.), Петровъ (Н. Н.), Пилычиковъ (Дм. П.), Ршельманъ (Ник. Арк.), Рьдкинъ (П. Гр.), Сементовскій (Ал. М.), Сементовскій (Н. М.), Сидоренко (Юр. Дм.), Смирновъ (М. П.), Соколовъ (Ив. Ив.), Стратовъ (Ник. Ник.), Сухомликовъ (Мих. Ив.), Сыровъ (Ал. Ник.), Тарновскій (Вас. Вас.), Татариновъ (Вас. Ив.), Троцина (К. Ел.), Туловъ (М. А.), Утиловъ (Б. А.), Ушинскій (Конст. Дм.), Цьхановецкій (Гр. М.), Чужбинскій (Ал. Ст.), Чубинскій (П. П.), Шохинъ (П. Т.), Якушкинъ (П. Ив.).

Подписка принимается въ С. ПЕТЕРБУРГѢ, въ конторѣ Основы при книжномъ магазинѣ Дм. Еф. Кожанчикова, на Невскомъ проспектѣ, противъ Публичной Библіотеки; также: у М. Ос. Вольфа, Як. Ал. Исакова, Ал. Ив. Давыдова, П. И Крашенинникова, Н. Г. Овсянникова; въ МОСКВѢ у И. В. Базунова; въ КІЕВѢ: у В. Г. Борщевскаго; въ ПОЛТАВѢ: у Э. Л. Изопольскаго и Эм. Гр. Чижака; въ ТАГАНРОГѢ: у К. Д. Данилова; въ ОДЕССѢ: у Ал. С. Великанова, и у другихъ.

Посылки и письма, равно и жалобы, въ случаѣ неисправнаго полученія книжекъ Основы, слѣдуетъ адресовать: *Василію Михайловичу Бьлозерскому, въ С. Петербургъ, противъ Крулаго Рынка, въ домъ Принца Ольденбургскаго.*

Цѣна за 12 книжекъ, — каждая отъ 12 до 15 печатныхъ листовъ, — 8 р. 50 к. безъ пересылки, 10 р. сер. съ пересылкою и доставкою на домъ въ С. Петербургъ.

Редакторъ В. Бьлозерскій.

Печатать дозволяется. С. Петербургъ, 24 декабря 1860 г. Цензоръ Ст. Лебедев.

Въ типографіи В. Безобразова и Коми.

КОБЗАРЬ.

I.

Не для людей и не для славы,
Мережани та кучеряві,
Оці вірші віршую я: —
Для себе, братія моя!

Мині легшає въ невóлі,
Якъ я їхъ складáю:
Зъ-за Дніпрá, мовъ, далéкого
Словá прилітають
И стéлютьця на папірі,
Плачучи, сміючись,
Мовъ ті діти, и радіють
Мою сїру дúшу —
Убóгую... Любо мнї —
Любо мнї зъ нїми,
Мовъ бáтькові багáтому
Зъ дїтками малїми.
И радїй я, и весéлий,
И Бóга благáю,
Щобъ не приспáвъ моїхъ дїтокъ
Въ далéкому краю:
Нехай летя́ть до-дóмоньку
Легéнькнї діти,
Та роскáжуть — якъ-то тѣжко
Було їмъ на свѣті...

И въ семѣи веселій, тихій,
 Дітей привітають,
 И сівую головою
 Батько покиває;
 Мати скаже: бодай тіи
 Діти не родились,
 А дівчина подумає:
 Я їхъ полюбіла...

1848 г.,
 Орская крѣпость.

II.

ПОСЛАНІЕ

СЛАВНОМУ П. І. ШАФАРИКОВІ

ПРИ ПОЭМІ «Иванъ Гуръ», Або «Еретикъ».

Запалили у сусіда
 Нову добру хату
 Сусіди злі; нагрілися
 Та й полягли спати,
 И забули теплий попіл
 По полю розвіять ..
 Лежить попіл на роспї ..,
 А въ попелі тліє
 Огню іскра великого —
 Тліє, не вгасає,
 Підпалу жде,—якъ той мѣстникъ
 Часу дожидає—
 Злого часу. — Тліла іскра,
 Тїхо дотлівала
 На роспїтті широкому —
 Та й гаснути стала.

Оттакъ Німота запалила
 Велику хату, и семью —

Семью Славьянъ розъединила,
И нишкомъ тихо упустила
Усобиць лютую змію.

Полился ріки крѣви,
Пожаръ погасили,
А Німчки пожаріще
Й сіріть поділили;
Виростали у кайданахъ
Славьянські діти,
И забули невольники —
Чи вони діти.
А на давнімъ пожаріщі
Искра братства тліла, —
Дотлівала, дожидала
Рукъ твѣрдихъ та смілихъ...
И дождалась. Прозрівъ-еси
Въ попелі, глибоко,
Огонь добрий, смілимъ серцемъ
Смілимъ орлімъ окомъ!
И засвітивъ, любомудре,
Світочъ правди, волі...
И Славьянъ семью велику,
Во тьмі и неволі,
Перелічивъ до одного,
Перелічивъ трупи —
Ітту не Славьянъ, — и ставъ-еси
На великихъ купахъ —
На распутті всесвітньому —
Іезекілемъ,
И, о диво! трупи встали
И очи розкрили!
И братъ зъ братомъ обнялися
И проговорили
Слово тихої любові
На віки и віки! —
И потекли въ одне море
Славьянські ріки!

Слава тобі, любомудре,
 Чеху — Славьянине,
 Що не давъ ти потонѹти
 Въ нїмецькій пучїні
 Нашій правді! Твоє море
 Славьянськее, нове,
 Затого вже буде повне,
 И попливє човенъ
 Зъ широкими вітрилами
 И добримъ кормиломъ, —
 Попливє на вольнимъ морі,
 На широкїхъ фїляхъ!
 Слава жъ тобі, Шафарьку,
 Во віки и віки,
 Що звівъ-еси въ одно море
 Славьянськї ріки!

Привітай же въ своїй славі
 И мою убогу
 Лепту — думу немудрую —
 Про Чеха святого,
 Великого мученика,
 Про славногo Гуса!
 Приймї, отче! а я нишкомъ
 Бѹгу помолюся,
 Щобъ усі Славяне стали
 Добрими братами,
 И синями сонця правди
 И Еретиками
 Оттакими, якъ Констанський
 Еретикъ великий!..
 Миръ мїрові подарують
 И славу во віки.

22. ноябра 1845 року,
 въ Переяслові.

III.

Ой три шляхі широкі
 До купи зійшлися;
 На чужину зь України
 Браті розійшлися;
 Покіннули стару матір;
 Той жінку покінувъ,
 А той сестру, а найменьший
 Молоду дівчину.

Посадила старá мати
 Три ясени въ полі,
 А невістка посадила
 Високу тополю;
 Три яворі посадила
 Сестра — при долині,
 А дівчина заручена —
 Червону калину.

Не прийались три ясени,
 Тополя всихала;
 Повсихали три явори
 Калина зівьяла;
 Не вертаютьця три брати,
 Плаче старá мати,
 Плаче жінка зь діточками
 Въ нетопленій хаті.

Сестра плаче — йде шукати
 Братівъ на чужину.
 А дівчину заручену
 Кладуть въ домовину...
 Не вертаютьця три брати, —

По світу блукáють,
 И три шляхі ширóкі
 Тёрномъ зароста́ють.

1847.
 Петербургъ.

 IV.

ПУСТКА.

(М. С. Щепявну).

Заворожи мині, во́лхве,
 Дру́же сивоу́сий!
 Ти вже се́рце запечáтавъ,
 А я — ще бою́ся...
 Бою́ся ще погорілу
 Ха́ту руйнува́ти,
 Бою́ся ще, мій го́лубе,
 Се́рце поховáти...
 Мо́же ве́рнетця надія
 Зъ тією водо́ю
 Цілю́щою, живу́щою —
 Дрібною слезо́ю;
 Мо́же ве́рнетця въ некріту
 Пу́стку зімува́ти,
 И укріе и нагріе,
 Погорілу ха́ту,
 И вімете, и віміе,
 И світло засвітить;
 Мо́же ще разъ прокі́нутьця
 Мої ду́ми — діти;
 Мо́же ще разъ пожу́ріюся,
 Зъ дітками заплачу́,
 Мо́же ще разъ со́нце пра́вди
 Хочь крізь сонъ побáчу!

1846.
 Київъ.

V.

ЧЕРНЕЦЬ.

(П. А. Кулішъ.)

У Києві, на Подолі,
 Було колись, и ніколи
 Не вернетця, що діялось,
 Не вернетця, сподіване...
 Не вернетця... А я, брате,
 Такі буду сподіватись,
 Такі буду виглядати,
 Сэрцю жалю завдавати.

У Києві, на Подолі,
 Братерська наша воля,
 Безь холопа и безь пана,
 Самá собі у жупані,
 Розвернүлася весела,
 Оксамітомъ шляхі стэле,
 И едвábомъ застилае,
 И нікому не звертае.

У Києві, на Подолі,
 Козакі гуляють:
 Якъ ту воду відромъ-цэбромъ
 Вино розливають;
 Лэхі, шинкі зь шинкаркамі,
 Зь вінами, медами
 Закупіли Запорозці
 Та й тнуть коряками!
 А музика реве, грае,
 Людэй звеселяе,
 А изь Братства те бурсацтво
 Мовчки виглядае;
 Нема гóлій шкóлі во́лі,
 А то бь догодила!...

Кого жъ то тамъ зъ музиками
Люде обступили?

Въ червонихъ штаняхъ оксамитнихъ
Матнею ўлицю метé —
Идé козакъ... Охъ, літа, літа!
Що ви творите? На то те жъ
Старий удáривъ въ закаблўки,
Ажъ встала кўрава! Отгáкъ!
Та ще й приспівуе козакъ:

»По дорóзі рáкъ, рáкъ,
Нехай́ буде тáкъ, тáкъ!
Якъ-би́-таки́ молоди́ці
Посіяти ма́къ, ма́къ!
Дамъ лі́ха закаблўкамъ,
Закаблўкамъ лі́ха дамъ,
Достанéтся й передáмъ!
А вже жъ тiі закаблўки
Набрáлися лі́ха-мўки...
Дамъ лі́ха закаблўкамъ,
Дамъ лі́ха закаблáмъ
Достáнетця й передáмъ!

Ажъ до Межигорського Спáса
Протанцювáвъ сiвий,
А за нiмъ и товари́ство
И ввесь святи́й Киiвъ.
Дотанцювáвъ ажъ до бра́ми.
Крикнувъ: »пўгу, пўгу!...
Привіта́йте, святи́ ченці,
Товáриша зъ Лўгу!«
Свята́ бра́ма одчинiлась —
Козакá впусти́ли;
Изнóвъ бра́ма зачинiлась —
На ви́кт зачинiлась
Козакóви.

Хтó жъ цей сiвий

Попрощався зъ світомъ?
 Семѣнъ Палій Запорóжець,
 Ліхомъ недобітій.

Ой високо сонце сходить,
 Низенько заходить:
 Въ довгій рясі по кѣллі
 Старій чернець ходить.
 Іде чернець у Вишгородъ
 На Київъ дивитись,
 Та посидить на пригорі,
 Та хочъ пожуритись;
 Іде чернець Дзвонкову
 У яръ воду пити,
 Та згадує, якъ-то тяжко
 Було въ світі жити;
 Іде чернець у кѣлню
 Міжъ стіни німїї,
 Та згадує літа свої —
 Літа молодїї;
 Берє письмó святé въ рúки,
 Гóлосно читає,
 А думкою старій чернець
 Далéко літає...

И тїхнуть Бóжні слова...
 И въ кѣллі, нинáче въ Січі,
 Братѣрство слáвне оживá,
 А сївий Гетьманъ, мовъ совá,
 Ченцєві заглядає въ вічі...
 Музїки... тáнці... и Бердїчевъ...
 Кайдани брязкають... Москва...
 Борї, снїгї и... Енисей...
 И покотїлись изъ очей
 На рясу слєзи...

»Бий поклони

И плоть старéчу усмирїй,
 Святé Писáние читáй!

Читай, читай, та слухай дзвона, —
 А серцеві не потурай:
 Воно тебе в Сибір водило,
 Воно тебе весь вік дурило,
 Приспи жь ёго, и занехай
 Свою Борзню и Хвастовщину:
 Загіне все, ти самъ загінешь,
 И не згадають — щобъ ти знавь...«

И старецъ тяжко заридавъ,
 Читать Писанне покінувъ,
 Ходивъ по келі, ходивъ,
 А потімъ сівъ и зажурился:
 »Для чо́го жь я на світь родився,
 Свою Україну любивъ?«

До ўтрені завивъ зъ дзвіниці
 Великий дзвінъ; чернець мій вставъ,
 Надивъ клобукъ, взявъ патирицю,
 Перехристився, чотки взявъ...
 И за Україну молились
 Палій Чернець пошкандибавъ. —

Т. ШЕВЧЕНКО.

1848.

Орская крѣпость.

ТРИ ДОЛІ.

I.

У слободі я родилась—Пятигір'я. Тамъ недалечко одъ насъ, — може коли Слободянські сторони доводилось переіздить, то чували, — старá жєна вкопала печєри у крейдяній горі? Тридцять, чи сорокъ лїть копала, — такі великі вкопала, Господи! Було ми ходимо малими по печєряхъ тихъ, — запалимо вїти соснові, та й ходимо; а хїдъ узєнький та низький и дуже трудний. Міжъ людьми йде, що була то жєна вєльми дрєвня, и немошна, а дїуха великого. Що, було, якъ вже їй сили переймєтца—упадє по трудахъ тяжкихъ, та тїльки заплаче до Бѳга, то—якъ зїллá підъ росєю—зновъ одживїє, та й зновъ копа и копа. Була вона Господомъ улюбленá. Такá остáлась пáм'ять її святá.

Якъ вїйти зъ тихъ печєрь та стáти одъ сонця, — передъ тобою усє тїльки гѳри крейдяні білють висѳкі, а міжъ гѳрами тїми узєнька рїчка, прозѳра и глїбока, джурчїть. Прѳдко бїжїть та рїчка гѳней изъ двáдцять, до самѳї лукї зелєної, — по луцї вже тїхо и шїроко разливáєтца и тїхо далї мелїє по-підъ гаїми, а тамъ у висѳкихъ очеретáхъ дєсь пропадає. Слободá нáша надъ самѳю лукѳю рїчковою, на п'ятї гѳрахъ стоїть крейдянихъ, осáжена вїсоко у давнї вїки одъ вѳрога Татарїна, щобъ нáгло не збїг: здалєка зоглядáли зъ гїръ, ховáлися й рятувáлись. Гѳри вже тї травѳю зелєнїють, урослї садкáми густїми. Межї білихъ хатѳкъ цвітє й вїшня ряснá, й тонковѳрха топѳля нахѳчимъ лїстомъ шелестїть; дє надъ ворїтьми тѳмня дрїбнолїста грѳша, якъ намєть, укривáє, абѳ гїллáстий ясокїрь бує; вѳ бєрєзі кáлїна розрослáся, повиростáли вѳрби. Зъ гїръ на вѳду горѳди бучнї

розвелись. Тамъ-то зілля, овощу! Тамъ-то цвіту! Тамъ-то стежечокъ и до воді, й до сусіди, и до другої. Все то позбігали, повихожували легесенькі ніжечкі дівочі.

Наша хата на горі, на самому шпилечку стояла. Даліко й шіроко навкругі очіма скіннути.

Якъ-то часто приходять мині на умъ молоді літа: — дє що було, якъ... Вже старуха сіва, а пам'ять молодá не забúлась...

Отсє наша хата стояла на шпилечку... Було, вийду, сяду на прізьбі, прислухаюся, придивляюся. Вечір тихий; сонечко за гору пада, блищить вода червоно, и тихо леліе — не ропче; коло кожної хати гомінъ чути; тамъ череду вже зъ паши женуть, а тамъ пісень співають, а за річкою коваль кує... А ось, вже й смеркає небо, мєрхне и втихає земля, втихає — уже тихо. Ніч обняла. Вісипались зорі золоті; зішповъ ясний місяць — и все те у прозорій воді забулицало; защебетавъ соловейко, защебетавъ другий...

Я свого отця-вєньки не знаю; я ще в сповиточку зосталася сиротою и прийавъ менє мій родичъ до сєбе, — Павло Булахъ звáли. Ёго жінка менє вихохала споломъ зъ своєго дочкою; вь їх хаті я й зросла, у їх и служити зосталася.

Родичъ мій бувъ хазяїнъ замо́жний, хліборобъ; шість паръ волівъ у ёго велось, два плуги орали на хлібъ; бравъ и сіножатей у людей зъ сторінъ. Ходивъ вінъ часомъ и на Дінъ, не щоробку, а такъ, якъ ёму по-вигоді, привозивъ, було, рибу и спродувавъ людямъ — хто попросить, а то й собі на споживокъ ишла. Зъ того бувъ ёму не великий прибитокъ, коли бъ не вбитокъ, а що вінъ дуже любивъ дорогу. Ще ёго батько чумакувавъ, и берє ёго зъ собою малого, то ще тоді вінъ закохався у дорогахъ. Якъ ходивъ вінъ переймомъ, то ходивъ коли ёму пожадаєтця, не поспішаючись. Та вже, було, одъ до́му до До́ну, такъ якъ по своєму садкові, гуляє. Було, якъ прийде, отсє, до до́му, та весєлий: »Жінко! а та криниця вь степу, біля Рóбленихъ-Могіля, зовсімъ засипалася...«

Жінка хочъ и не знає, що тамъ за криниця така, а заразъ пожалкує звичайнєнько: »Отсє«, каже, »шкóда жъ кринички! И такечки зовсімъ-такі засипалася!«

— А якъ ми зъ батькомъ покійнимъ, було, ходимо — що тамъ за вода була у тій криниці — чиста, якъ слєза!

И почіне розказувати, якъ-то було за батька, и якъ теперъ настало...

Жінка въ ёго така була людина добра, така тиха, привітна, ввічлива. Я не чула зъ роду-віку мого одъ неї слова гіркого, не чула докору. Та й обличче въ її було такé, наче отъ вона се тільки зъ церкви Божої повернулася. Сивенька вже була, а хороша та чепурна, якъ та я лебедя.

Хазііпъ бувъ чоловікъ кремезний и моровлівий. Любивъ вінъ дуже и жінку й дочку, та хотівъ, щобъ слухали вони ёго, не питаючи, не озиваючись. Чи у господарстві, чи такъ, вінъ самъ за усé погадае и поміркуюе и преділіть, а жінці тільки скаже, коли треба. Вона жъ завжди, було, погодитьця, якъ вінъ схоче; вона усé прийма.

Була въ їх дочка Кятря... Ся не въ матірз зародилася—палка, прудка дівчина—трудно їй було батеньку корітись. Було, якъ здвигне старій брови, стисне уста тонкі, та блисконé окомъ своїмъ чорнимъ—ми вже зъ паніматкою лёдві дйшемо,—одна Кятря не боїтця нічого: питае ёго та роспитуе, та сунеречить, поки ажъ батько не покрикне: «Гді!» такімъ голосомъ, що й найсмільше у світі стїхне... Після того, ще довго у Кятрі лїтко горить и слізкі викочуютця зъ очий...

Хороша була та Кятря! Було, отсé, якъ вберётця—единачка, то вже нічого не жалували для неї,—плахта на їй шовкова, хустка зъ золотими квітами, зъ золотою габію,—зав'язе, а зъ правого боку квіточка. Корсетъ зелений зъ байки, або зъ сукна. Коса въ неї була така, що, було, й рукою не сягне,—и кісниківъ не носїла, тільки стрічка вплётена червона, або голуба. Намїсто добре; на намїсті дукачъ зъ каміннямъ дорогімъ; черевички на корочкахъ високéнькихъ; сорочка тонесенька, вишивана до самихъ чохолъ... Увійде, було, вона, де гостей людно,—всі помовкнутъ и на неї дивлятця-здивляютьця,—а вона и всміхнётця, и засеромитця.

Що-то за весéла! Що-то за шамка була! Родичівъ у насъ багато: той ожонитця, той заміжъ идé,—то міжъ своїмъ родомъ нагуляеся.

На весілле, чи на вечорнійці—якъ-то, було, Кятря весело поспїшаётця! И хто її перетанцюе, хто переспївае?...

А весною?!... Скоро, отсé скрэсла крїга, потанувъ свігъ изъ

стрихъ закрáпало, а зъ гиръ струмóчки покотíлися; сóнечко греє з-за веснянiхъ хмáрокъ; вiтрéць дрімливий та тéплий якiйсь пáше,— вже Кáтры веснянки заспiвála. Йде слободо́ю й спiвáє, и дiвчáть на úлицю викликáє.

Всiмá, булó, вона дiтчáтами верховóдить, и дiвчáта ii слýхали, и дуже ii любiли: вона жъ булó зъ нiми скiльки разъ нá день и попосмiетця, и посвáритця кiльки разъ, и обiймаеця....

Житте молодéе! пiшло вже ти за водою!

Веснá йде та йде. Ось вже и нéбо голубé и чiсте, и водá голубá, просвiтчаста. Сóнечко блищiть и горiть; гаi розвивáютьця; садкi зацвiтають; у вéчери десь тéхнувъ соловóйко на листáтому клени; куé зозúля на висóкiй березi; гудé бджолá; мигтáть бiлi метéлики по-надъ молодéнькою травiчкою; хруцi лiтáють гучливи.... якiйсь гóминъ, гукъ якiйсь, чи зъ-пiдъ землi, чи зъ водi, чи зъ нéба!..

Дожидаемо вéчора, а въ вéчери— на могiлу. Лéдвi намъ сáють мiсяцевпi рóги, тiхо усé,—тiлько ми спiвáємо, да десь млинъ мéле, та водá въ берегi плескае... У прáзникъ, булó, ми зарáни прокiнемось до цéркви, а зъ цéркви по дiвчáть на слободу; гукáє, збирáє Кáтры дiвчáть: »Дiвчáтонька! ходiмо ми на могiлу!« —»Нi, ходiмъ у гаи по сувiнци!« — »Нi, лóчче вже на положi, въ степi!« — »Нi, въ садóкъ!« —»Тáмъ крáще!« —»А тáмъ лóчче!« —»А тáмъ веселiше!«

И тáмъ, и тáмъ! И всюди гáрно, и всюди вéсело, и всюди крáсно! И весéла юрма дiвчáть женé, и пiсня и рéгiть несéтця....

Щó-то молодi лiтá золотi людямъ! Щó задумавъ, все ёмú можна, все ёмú вiдрáдiсно, все втiшно; а старóму— якъ заkáзано!

II.

Булá у насъ сусiдка—удовá Пилипиха: господiня на всю слободу. Якá хáта, якi горóди, садóкъ, скiльки пóля, стéпу, и баштáнъ, и пáсика, и млинъ—чогó вже не булó тамъ! Зъ сéбе булá огряднá, висóка, чорнява, — все, булó, у червóному очiпку красуецця и въ зелéний юпци-до-усiвъ; чóботи рiпають, бiлi рукава мають ширóкi, — похожає собi дé, то, мовъ, багáта тéща у вбóгого зáтя.

Пиліпиха була ще давня товаришка и приятелька нашої матері, и жили вони зь собою добре, любилися. Не долюбляв тільки батько удові, що така вона своєумка непокірлива; недолюбляла и вона ёго—обопільно. Що було старій у господарстві по порядкуе, що тамъ намислити, чи зробити,—мати удові похвалятця,—удова усё осудить. Хочъ у вічі не скаже словами йноді, дакъ зітхне, абó головою похитае. Ніяково, наче, їй було, що мати годить такечки старому, що такъ ёго слухае. Абї до насъ прийшла, що старого дома немає, то й почне слова закидати, воду, якъ-то кажуть, каламутити: »що чоловік—господаръ у полі, а жінка—господїня въ господі; та що лихе житте изъ тимі самовольцями, що вже на-за-у-міру своїмъ упоромъ ходять. Се якъ той хрінъ коренчастий: де вже розкоренїтця, то й посїяти за нимъ доброго нічого не можна. Лихе житте изъ такіми!«

— А якъ-же не лихе! — одказуе мати наша удові, — кривъ Бігъ насъ, нехай и дітокъ нашихъ боронить!

»Ще твій не нарóвливий, голубко? Ще тобі по ёму голова не звязата? Ще тобі не тісно? ще тобі не важко?«

— Отсе! Чогó жъ мині важко? Чогó менé лихомъ тимъ надїляете, що ёго зь-рóду не було? Та менé чоловікъ мій ніколи словомъ недóбримъ не покартавъ...

»Щó то, що вінъ мовчїть! Кажуть, що й катъ не говіркий, а голову вінъ одтинае! Мовчїть!.. та вінъ мовчки усіхъ васъ гніпїть, нїдъ ноги собі топче... ні ради въ васъ, ні поради не спитá—не шукае; повóдитця, якъ той панъ зь підданками!«

— Щó'тсе ти, любко, щó'тсе! Мóже вінъ трóхи и мисливенький собі вдáвся, та вінъ же на те розумний въ насъ; намъ добре за нимъ; дякуемо ёму...

»А вжéжъ! а вжéжъ! Ти бъ и вóрогу своёму подякувала, ти така въ Бóга, мабїть, сама-одна! Менé бъ вінъ такеньки не обїшóвь: ябъ ёму довела свого, — побачивъ би вінъ!«

— Ну жъ бо, сёрце!.. бóде вже! — одпрóшуєтця мати: -- Ніяково мині тебе й слухати!

»А то жъ я зь чогó 'тсе говорю, якъ не зь приятни моєї? Менé щó долігае? щó зачіпае?.. Тебе жалуючи говорю, тебе люблячи! Ти, якъ дитїна, свого лиха не тїмишъ, не добачаешъ, здорова!«

То се вона, люблячи та жалуючи, було їй и показуе...

И справді — добра мисливши й люблячи щіро: удові здавалося, що якъ одбиватись одъ яко́го ли́ха рука́ми, то хочъ и не одіб'ється, такъ бо́ищемъ натіши́ся сла́вно.

Чудно́ буде, якъ искаж́у, що удова́, не любі́вши старо́го такі́ й гара́здъ, якъ бу́ло до насъ прій́де, та ё́го до́ма не́ма, то і́й на́че дуже ста́не доса́дно: тоді́ вь не́ї и вь горо́ді не вроді́ло га́рно, и вь по́лі недорі́дъ, и зі́мі вона́ споді́ва́етця холо́дної; а якъ нашъ ба́тько тутъ — вона́ дівит́ця жва́во и, на́че, ми усі́ і́й тоді́ лю́біші и ми́ліші...

Отъ бу́ло, тільки́ що зі́йдутця вони́, за́разъ и почну́ть яку́сь тамъ ущі́пливу розмо́ву міжъ собо́ю.

»Э́к, ка́же, бу́ло, нашъ старі́й: э́, па́ні-сусі́дко! Я бь васъ де́ полковникомъ настанові́въ! То́ іншимъ молоді́цямъ ма́къ сія́ть та мо́ркву сади́ти, а вамъ, і́й-же-Бо́гу-моему́, ва́мъ отаманува́ти!« А самъ, гово́рячи та́къ, зь-бо́ку яко́сь, на не́ї дівит́ця му́дро, що го́рда удова́ тільки́ счервоні́е та о́чи гні́вливі у зе́млю спу́стять, по́кі ажъ зва́житця ё́му одмови́ти.

— Се весі́лі жа́рти, па́не-сусі́доньку, — та все жа́рти; а ви ми́ні яке́ розу́мне сло́во прокві́ньте.

»Вибача́йте на розу́мні́мъ — прій́міть правді́ве, сусі́донько пова́жна!«

И ще́ Пилі́пиха почервоні́е...

Чи вона́ сво́го чоло́віка не́біжчика згада́е, (а вона́ ча́сто любі́ла ё́го зга́дувати) »отъ чоло́вік бу́въ!« Зі́тхне́ ва́жко, о́чи свої́ бі́стри у зе́млю спу́стять: »о́хъ-о́хъ! тепе́рь ё́го ду́шенька вь раю́...«

— Дя́куючи вамъ, сусі́донько! озве́тця ба́тько.

Вона́ такъ и спахне́, и ту́гу забу́де сво́ю за не́біжчикомъ.

»Ми́ні дя́куючи?« вхо́питця за те сло́во: »за що́ ми́ні?«

А ба́тько і́й спо́кійне́нько та хитро́во: — А що́, ка́жу, ви ё́му ві́мовили вь Бо́га місце́ у раю́...

И завсю́ди, якъ тільки́ вони́ вкү́пі, — все отта́къ заведу́тця ласка́вими сло́вами одно́ 'дно́го шпига́ти. Тині́тця і́нша шпі́лька и така́, що Пилі́пиха не сті́рпить, — угні́вавши́ся, пі́йде, ви́соко го́лову сво́ю го́рду несучі́. Та се не на великі́ часи́: ху́тко зновъ насъ одві́дае и зновъ такъ са́мо супері́чками та ура́зками, а сва́рокъ спра́жніхъ ні́коли не бува́ло.

Була́ вь удові́ дочка́ Мару́ся, на́ша подру́жниця, — то́жь одно́лі́тка зь на́ми, — и до́бра, и лю́ба, не сказа́ти яка́. Була́ круг-

люшідонька, ясноока, уста рум'яні, якъ вишня; и висока и ставна; брови на шнурочку; а голосъ... було тільки заговорить, то здається, вже тебе пожалувала. Тіха була дівчина, така вже тіха, що ніче вона чоґось смутненька. Ніколи вона такъ швидко рум'янецьемъ не спалне, якъ отъ Катря наша, не скрикне такъ ніколи, не кінетца, не заплаче; до внаду не затанцюється, не разсърдитца до сварки; не втоплена гульбоцями, горемъ не перемучена,—ясна була собі, якъ тіхее літо.

Ми зъ Катрею дуже ту Марусю любили, и було такъ: аби намъ годинка вільна—біжимо—летимо до неї, хочъ удові ми й боїлися тріхи: Катря, — й та мішалася передъ удовинимъ поглядомъ.

Було, якъ забіжишъ до Марусі у робочу часину, —отъ, скучишъ, —такъ словце яке на-швидку перемовити, а тебе перестріне сама Пилипиха и стане передъ тобою не-мовъ стіна мідяна.

»А що, голубко? десь уже въ васъ по роботі?«

Та ні, я се до Марусі прибїгла на хвилиночку, забамалось одвідати.

»Спасібі, голубко, спасібі! Насъ ще Господь до якого часу милує!«

И такевкн вона тебе, ніче и ласкою, зъ хати вижено, тільки передъ тобою стоючи, та тобі въ вічі глядючи.

Пилипиха була мати своїй дочці не податлива, не схильчива. Вона, якъ ганила чоловіківъ-мислівцівъ, такъ ще гірше їй було хазяйку, мовляла, непутящу бачити у семї.

»Хазяйка—порадница въ хаті«, було, доводить, »а коли вона плоха, то яка буде порада? Зъ плохихъ людей нема поради. Семью свою треба хазяйці такъ тримати, якъ макъ у жмені: а то розсиплетца усє, вірохомъ піде за вітромъ.«

Такъ вона й робила, якъ говорила. Дочку свою чи пошлє куді, чи гуляти вустить, дочка въ неї не спізнитца, не забаритца. Оце, було, якъ наша Катря де загостює, та мати дивують »ніче се доні нема?«—Якъ тоді удові головою хитала! Хитає, та й очи ажъ запліщуть.

Намъ зъ Катрею було житте вільне, бо батьку ніколи було насъ стеретї — чи робимо ми, чи гуляємо; а мати — у матері було одпрѣсимоє коли схочемо; забаримося, то вона за насъ діло наше поробить, а насъ тільки спитá: »А що, чи добре гуляли?«

Було, підъ годинку добру, разомъ би намъ зъ Марусею погуляти, а Марусі — не можна...

Колотіла Пилипиха у насъ въ хаті, а наша Катря такъ-само въ неі. »Житте жъ твоє, Марусю!« порікувала Катря, розсѣрдившись: (бѣтъ, не пустить удовá дочкú зъ нами, чи щó тамъ.)

А Маруся ій: — А щó моє житте?

»Та якъ ти живѣшь-горúешь! А ні піти тобі, а ні погуляти, а ні чогó забажати! Гіршъ ти корíсся, ніжъ наймичка!«

— Та се тобі такъ, Катре, а мині, дочці...

»Говорі! хибá я тобі віри піймú, що ти зъ своєї охóти усé на вгóду ій рóбишь? Вона жъ така надто вже нарoвлíва!«

— Колі, правда, що й посумúю; а все лúчче якъ я її втíшу...

»Зъ такою втíхою я бѣ у домовíну рада. Ще дасть тебé за-мíжъ за якóгось гайдамаку старóго,— ось побáчишь, колі не від-дасть!.. Охъ, Марусечко мíла! Марусечко лúба! Бíдна жъ твоя го-лóвонька!«

— Отсé, — смієтця Маруся, — ся Катря то задалегідъ менé оплáкуе!

Катря вже и самá смієтця.

»А такъ такъ«, каже, »знай же менé, щíру приятельку!«

— Катре,— попитáла я въ неі,— а якъ тебé бáтько віддасть за тогó, мовляла, гайдамаку?

»Хибá жъ я підú? Я зъ рóду не підú!«

— А якъ бáтько присíлуе?

»Менé? менé присíлуе?« покрíкнула, — почервонíла по самé волóсса: »я самá бáтькова дочкá!«

— Ну вже, ну! гóді тобі! Самá на себе лíха не закликай!

»Ви усі менé тимъ лíхомъ страхáете, якъ вóвкомъ! Мóже й е воно десь у лíсі, а мóже й нема! Теперъ въ мене тé стоить за лíхо пекúче, що мині слóва промóвити не вíльно при бáтьку: тíлько наменúсь, усі моргáють и кивáють, що трéба мині за язикъ вкусíтися! Та колíсь-такі я зъ бáтенькомъ погoмоню!«

Ми тогó дúже боялися, розмóвн тíі. Вже я́къ, було, мáти свою Катря вмовляе, я́къ прохáе!

»Дóню моя, дóню! Шанúйся, голúбка, шанúй бáтька. Не вра-зй ти ёгó якíмъ слóвомъ, абó пóглядомъ пустíмъ, — слúхай по-кíрливо!«

Катря мáтері обіцяє вже, а скóро бáтько у чомú ій на пере-

шкіді стане — чи тамъ у ярмарку не звелить купувати якої одѣжини, чи воза не дасть поїхати куди — вже Кятря просить назадь свої обіцянки. »Я скажѹ татові, мамо! Я тата ще поспитаю, мамо!...« и вже гонить по хаті, вже розчервонілася, розгорілася, вже у вочахъ слези... Мати було її за руку зъ хати виведуть. — Кятря дуже матірѹ любила, — для матері вже терпіла, її слухаючи.

III.

Відавала одна Бұлахова рідичка дочкѹ заміжъ. Молода зъ багатої семѹ була, и бучнѹ весілля справляли.

Ми собі на те весілле прибіраємося, тройко насъ въ кущі зъ Марусею.

Ще коли почали до насъ убігати дівчата, то одна, то друга — за те весілля гомоніти: и когó дожидають тамъ, и якогó людѣйтэмечки запрошено.

Молода у другѹ село відавалася, у Любчики, — одъ нашої слободи те село недалѣчко — на годіну місця ходи, — то звідти, славили, усі будуть, а щó вже дівчата та паробки Любчівські, то неодмінно, — хибá бъ не доживъ котрий, то зъ домовини не прийде. Отсе жъ було наші дівчата тілько óхають, розказуючи, та ажъ за голову берутьця, що якó-то вже те весілля б́де пишнѹ, та люднѹ, та багате.

И пройшла ще ч́тка така міжъ нами, що б́де якийсь рідичъ молодóго, якийсь козакъ Чайченко, та такій вже хорóший, та такій вже гáрний — и не сказати, и не списати!

»А хтó зъ васъ ёгó б́чивъ?« пита дівчати Кятря.

— Олена Чугаївна б́чила, якъ изъ ц́рки йшла, — ажъ зитає, якъ згадає. Да Маруся, здаётця, тóжъ б́чила? — говорять.

»Марусе!« крикне Кятря, »ти б́чила?.. А мовчѹть!.. Коли жъ се ти ёгó б́чила?«

— Якъ була зъ мамою у Любчикахъ на весілли, — тоді б́чила, — одмовила Маруся.

»Ну, хорóший же вінъ справді? Яки óчі? яки брови?«

— Вінъ чорнявий.

»Чи изъ тобою розмовлявъ? Щó говоривъ вінъ тобі? Чи ввічливий, чи вінъ гóрдий?.. А до когó б́льшъ горнўся вінъ?«

— Годи-бо вамъ, дівчата, годі! — говорить Маруся.

»Роскажі, роскажі, та роскажі усё!«

Оступили її, схопили — не пускають.

— Що жь маю вамъ росказувати? —

»Який вінъ, — чи ввічливий, говіркий?«

— Вінъ ввічливий и не дуже говіркий?

»И трόхи не гóрдий?«

— Не знаю.

Да питанне Марусі за питаннемъ, та питають ко́жне по десяти разъ, поки-ажь Маруся до до́му пішла.

Не було дівчатамъ вгаву: Чайченко — якъ на мислі, якъ на язичі; — да́лі вже такъ ста́ло, що тільки й мо́ви, що про ёго: та якъ на весілля прийде, та якъ ёго побачять. Одна довідалась, що въ ёго е мати стара; друга плéще, що вінъ хо́че у Любчи́кахъ оселитись — ха́ту собі тамъ ціну́е; тре́ття зновъ ви́літа на у́лицю, якъ горобецъ зъ стріхи: »Чайченка Яковомъ зову́ть!« че́тверта, зновъ, прочу́ла, що въ ёго на руці такий пéрстень, та́кий!... Та жо́дна безъ по́вісти не прийде.

»Дівчаточка мо́ї, голубочки! гляди́ть лишéнь не пере́хваліть ёго!« сміе́тця Ка́тря дівчатамъ: »сла́вні бубни за горами, а зблизька — шкура́тїні!«

— Ну, ось вже весілля не далéчко, — побачимо, — гуду́ть дівчата: — вже довідае́мось дісно, вже побачимо ёго — який.

»Та да́й же вамъ, Бо́же! а то вже вінъ трόхи й онаві́снівъ ми́ні: тільки й мо́ви, що вінъ, тільки й думо́к!.. надокучило!«

Дождáлись дівчата: вітають на дівичь-вечі́рзь; вітають на весі́лля.

Ми убрáлись, вквіча́лись, біжимо́, смію́чися, гово́рячи зъ Ка́трею. Маруся чо́гось задума́на. А ми, кажу́, сміе́мось зъ Ка́трею, жарту́емо. И про то́гожь-таки́ Чайченка пра́вили, що, мо́же, та́кий вінъ, що й по́глядомъ дівча́ть побива́е.

»Та чо́му́ отся́ Маруся намъ не ска́же нічо́го? Скажи́ жь бо, Марусе!« гово́рить Ка́тря, »а то на́че для себе хова́ешъ!...«

— И спра́вді, чо́мъ-таки́ не ска́жешъ ладо́мъ, Марусе? — озва́лась и я до не́ї.

— Та що́ я маю каза́ти?

»Який вінъ?«

— Молоді́й, чорня́вий....

»Отсе и всього!« сміється Кáтра. »Чи máло жъ по світу тихъ молодіхъ и чорнявихъ! Якъ же ёго міжъ ними впізнати?.. Якъ на тежъ, Любчівські паробкі усé чорняві... Якъ ёго пізнати? А, може, въ ёго на чолі — місяць, а на потілиці — зóри сáють?«

Отóжъ люде́й на ўлиці и коло́ хáти — вігде й гóлки встро́мити! Якóсь ми пробіла́ся, увійшли. Тутъ — на́ші дівчáта, чужі дівчáта, віта́емось, пита́емось, — зъ мо́лодо́ю сло́вце́ перемо́вили... Загра́ли му́зика, посі́пали дівчáта у двіръ. А у дворі́ паробкі́въ — стіно́ю сто́ять! Да то́ самі́хъ незна́емихъ, чужі́хъ! И дé не оберне́ся — все на тебе́ незнако́мі о́чі блискотя́ть...

»Дé жъ ото́й Ча́йченко́, дума́ю-собі́, »того́й всла́влений?« Та й дивлю́сь нішкóмъ, чи не пізна́ю ёго́ дé, — коли́ чу́ю: »Ой мнѣ́ лі́шечко!« жакну́лась Кáтра, о́-бікъ́ мене́. Огля́нусь я: що́ то-бі́? — Во́на сто́ить, отъ́ якъ́ би во́на, безъ́ гáдки й думки́, ра́зомъ, передъ́ яки́мъ дівомъ́ опі́нилася — такъ́-то во́на сто́яла. диві́лась куди́-сь... Я со́бі туди́ зирну́ла: міжъ́ паробка́ми висóкий, ставні́й, чорня́вий коза́къ у чо́рній свѣ́ті, у черво́ному шовко́вому по́всі... Задиві́лась й я на ёго... Тро́хи схамену́вшись, пита́ю: »Чи ти не зна́єшъ, Кáтре, хто́ се такий?«

— Не зна́ю... не зна́ю...

»Чи не Ча́йченко́!«

— Ні... мо́же... не зна́ю...

Я до Мару́сі, найшла́ її; во́на задума́лась — не погля́вє...

»Мару́се!« кличу́: »хто́ се сто́ить онъ́ — та́мочки? Ча́йченко́?«

— Ві́нъ, — ка́же.

»Що́ жъ то за красá! що́ то за па́робокъ!« шепотя́ть дівчáта міжъ́ со́бою.

Мару́ся тільки погля́нула у той бі́къ, дé ві́нъ сто́явъ.

»Чи жъ то́бі не до-сподо́би?« пита́ю.

— Хорóший, — про́мовила сті́ха.

»А що́ вже Кáтра́, говорю́ Мару́сі, »то, наді́юсь, до́брóмъ-та́кі у ё́му зако́халась!«

А Мару́ся мнѣ́ такъ́-то вже пова́жно вимовля́є: »Ти, сестри́це, коха́ннемъ не жарту́й!« отъ́, мовъ́, во́на воро́жка ста́ра, абó що.

»Ну, до́бре, ка́жy, »иді́ близьче́, сама́ подиві́ся, дé тутъ́ влі́ха жа́рти?« Взя́ла її за рúку, прита́гла до Кáтри

»Кáтре!« почи́, — а Кáтра́ якъ́ сті́сне мнѣ́ рúку:

— Идѣ, идѣ, прѣсто до насъ идѣ! — шѣпче, а самá такъ и тріпѣче.

Чáйченко ставъ коло Кáтри и взявъ її у-танѣць. Вона, отгá смільлива, метка́я Кáтрия, не мовъ перелякала́сь чо́го, збі́лила...

»Мару́се, изміча́єшъ?«

Мару́ся імъ у-слі́дъ диві́лась своїмъ по́глядомъ т́хкимъ.

Скѣро Чáйченко пу́стивъ Кáтрию, усі дівча́та та́къ и ті́снутця до не́ї: »А щѣ? Чи зна́єшъ, изъ кимъ танцюва́ла?.. Се Чáйченко! Се Чáйченко Яківъ! А чо́го жъ мѣвчи́шъ? Чѣмъ не говѣри́шъ? Не вподо́бався? Вподо́бавсь?«

— Та я щѣ ё́го до́бре й не розгле́дила, — одмовля́єтця Кáтрия передъ дівча́тами, самá озира́ючись округі́, на́че бѣ вона́ у дівчи́й пу́щі опени́лася.

Де́-котрі й віри́ їй пони́ли: »Та вбача́й же бо, вбача́й до́бре: друго́го тако́го нема́! а котѣрі — такъ зъ-підъ брові́ на не́ї подиві́лись.

А весі́лля, а та́нці не стиха́ють; вѣ двѣрѣ усю́ траву́ зелѣну підкі́вками ви́несли. Чáйченко танцюва́въ зо всі́ма; бравъ и мене́, и Мару́сю: яка́ на ѳчи́ попаде́ дівчина́, ту вінъ и бере́.

»Вінъ на́ми горду́є«, обіжа́лися їнші́ дівча́та, »що бере́ насъ, у ві́чі не подиві́вшись!«

— Зажди́ть бо, які́ жъ скѣрі! Нехай вінъ тро́хи обсві́дчитця вѣ насъ, — вмовля́ли зновъ дру́гі.

Мі́жъ та́нцями за́йшла розмо́ва у дівча́тъ зъ паробка́ми: чи до́бре изъ бага́тою одру́житись?

»До́бре, якъ взя́ти любу́ та мѣлу!« озва́въ Чáйченко.

— Чѣму́ бѣ то́бі и не взя́ти — одка́же ё́му Грицько́ Лѣпехъ, — що самъ, сла́вили, коха́въ ни́шкомъ молоду́, — то́бі нага́ни не да́дуть, ти самъ бага́тий.

»Бага́тий на дрі́бні слѣзи́«, промови́въ Чáйченко, всміха́ючись.

Музи́ки загра́ли, усі пішли́ у та́нець — и Чáйченко. Чи се вінъ пра́вду сказа́въ, чи се вінъ пожа́ртува́въ — хтѣ ё́го розбе́ре! Ми усі́ зъ собо́ю изгля́нулися; бага́то дівча́тъ помо́вкло — за́думалися.

Сві́тъ вже біме́нкий розсвіта́въсь, якъ ми зъ то́го весі́лля поверта́ли до до́му. Мару́ся и Кáтрия ні словѣ́чка не проки́нули. Я заговѣрю́, »ні!.. э́ге жъ!.. а вже жъ!« одка́же Мару́ся: які́сь її свої́ мисльѣнки занѣ́сять, а Кáтрия — то й зѣвсі́мъ ми́ні одвіту́

не оддає; то вона швиденько йде, насъ попережаючи, то вона одстане....

Тутъ насъ паробкі наздогнали, и Чайченко бувъ міжъ ними. Вклонилися намъ и на добра-нічъ далі. И Чайченко... Якийъ въ ёго гóлосъ бувъ струйний! и почуєшь, и визнаєшь всюди—хочъ міжъ дзвонами! А Кáтря наша? Дé жъ тії жáрти? Дé ті вгадки колишні? Вона лéдві паробкámъ на «добра-нічъ» оддала.

IV.

У тиждень по томú весіллю, булі у насъ молоді и запрошáли до себе. Ми поїхали у Любчики всією семьєю. Поїхала й Пилипиха зъ дочкою. Кáтря ще зъ вéчора усé наготовила убранне; прокинулася у-дóсвита, та чи й спáла вона—не знаю; а нині—то все такі снi снілися дівні тієі нóчі. Снілось мнi, що виходимо ми зъ Кáтрею и зъ Марусею на якийсь шляхъ велікий міжъ стéпами, и всі степи тії, и ввесь шляхъ усé Чайченки закрасили, усé Чайченки, та оди́нь у оди́нь хорóші...

Кáтря мевé будить—я їй роскáзую: «а чи жъ не дівний сонъ?» Якъ же вона вжахнулася, почувши!

— А цю́ те ви́щує? щó ви́щує? — притьомъ искажі їй.

«Не полохайся, Кáтрє, вмовляю, же сонъ недільний: якъ до обідъ не справдїтця, то й не ждати нічого...»

— Бóже, Бóже! що-то б́уде! — бідкаеця вона...

Зоря розсвітáла, день починавъ біліти; ми сиділи коло вікóнця, — розчїсувала и шелá вона свої коси довгі; рум'янець гу́стїй спáхувавъ на лїчку, а лїчко бу́ло бліде.

Розвіднілося; уста́ла мáти, бáтько; почали лáгодитися, зарáні вїїхали.

«Кáтрє!» говорію їй стїха: «чи побáчино ми тамъ Чайченка?»

— Не знаю. — Самá одвернулася.

«А въ жадібку ёго побáчити?»

Не чує.

«Кáтрє? а хочешъ, кажú, побáчити?»

Хотіла вона осмихнúтися, та не всмихнулася, а розсёрдилася.

— Отже, ості́ли, коли хочъ, жáрти!

Дáлі, що почну́, то нічого не виходить: то Кáтря усé хвá-

лить, то Кáтры усé гáнить; то усé вь не́и вже й зли́шнього сла́вне, то усé вь не́и ні до чо́го не зга́рне й недокла́дне.

При́хали у Лю́бчики; ще тільки бу́ли тамь са́мі ро́дичі у мо́лодихъ, та бли́жні при́ятелі, отъ-якъ Пи́липи́ха; у ха́ті бу́ло про-сто́ро; ми пе́ршого очі́ма зу́спіли Ча́йченка: сиді́в вінъ проти́ дvereй....

Ста́рі со́бі розмовля́ли; ми по́плічъ зь Ма́рүсею та зь Ка́трею, такъ, о́дсторонь, сиді́ли. Тихесе́нко я Ма́рүсі сві́й сонъ пе-река́зала. »Чи не діво жъ?« пита́ю.

— Усе́ дива́ вь Бо́га! — одка́зала заду́мавшись.

Мі́жъ ро́дичами мо́лодо́го сиді́ла ста́ра бабу́сечка у те́мній ху́стці, у те́мній ю́пчині, біле́шка на ви́ду, невели́чка зросто́мъ, зь смутне́нькимъ по́глядомъ. Са́ма вона́ говори́ла небага́то, а лю́дя́мъ одмовля́ла любе́нько, ввічли́во, яко́сь уча́стливо, мі́сто-бъ вона́ пожа́лувати хоті́ла. Вона́ часте́нько погляда́ла на Ча́йченка и на насъ. Се бу́ла Ча́йченкова ма́ти.

Обі́дня го́дина; ні що непра́вдіть мо́го сну.... а по обі́ді по-нахо́дило тако́го люде́й; розлі́гся го́мінъ; му́зики загра́ли; та́нці ви́строїли́сь.

Танцюва́ли вже изъ до́бру го́дину, а Ча́йченко усé сиді́в со́бі та тільки диві́всь, якъ дру́гі підкі́вками крешу́ть. Ко́лі є́го ма́ти до є́го нахили́лась и щось говори́ла є́му; пі́сля то́го вінъ за-разъ пішо́въ у та́нець и взя́в пе́рво Ка́тры, тамь Ма́рүсю, тамь мене́, тамь и дру́гихъ дівча́тъ, зно́вь якъ то́ді, не подиві́вшись и вь ві́чі жо́дній. Ми́ні довело́сь сиді́ти коло́ Ча́йченка, мо́же, загово́рить, кажу́; подивлю́ся на є́го — де́ вже се́й загово́рить!

»Яко́го тутъ люде́й!« зніма́ю рі́ч са́ма.

Вінъ ози́рну́вся на ме́не и по ха́ті погля́нувъ:

— Бага́то госте́й!

»Сла́вне се́ло Лю́бчики, весе́ле! Ви ще тутъ не да́вно?..«

— Не да́вно.

Та́къ вже ми́ні попита́ти, чи зоста́нутьця вони́ тутъ, — та́къ ві́же!.. »Ту́течки усі́ лю́ди живу́ть досту́пні та́кі, приви́тні... жа́лко вамъ бу́де і́хъ кі́дати...«

— Та ми сю́ді на се́лище при́шли́, у земля́не пі́шемось Лю́бчи́вські.

Вь мене́ ажъ увъ о́чяхъ я́сно ста́ло, якъ вінъ похва́ливсь.

»До́бре вамъ жи́ти бу́де!«

— Де жити, то жити, — почула я одъ ёго....

Повернулися ми до-дому. Кáтря смутна була. Мáти пита́ла, чи здужає, — «здужаю», ка́же. Ведётця місяці зо́ два, що ми Ча́йченка бачимо въ ряді-часі: то Любчи́вської церкви не проспимо́, а зъ церкви за́йдемо до ро́ду, — просять на обідъ; по обі́ді гуля́ємо пота́м увесь день, то запроша́ли якось на́ші іхъ до се́бе, то зновъ вони́ насъ.

Ча́йченкова ма́ти купи́ла ха́ту у Любчихахъ, святи́ла ту ха́ту; насъ зва́но, и Пили́пиху зъ дочко́ю; то ми усі на вхі́дчинахъ тіхъ бу́ли.

На господа́ді у се́бе, Ча́йченко та́кий са́мий небалакли́вий якъ и въ лю́дяхъ, ма́ти жъ ёго дуже ласка́ва й привітна́ до всіхъ стави́лась. Якъ вже ми до до́му вихо́дили одъ іхъ, то вона́ насъ провoди́ла за свою́ левáду, та й ка́же Кáтри: «Коли́бъ ми́ні до сі́і хáти та́ку пта́шечку, якъ ти!»

Ніхто́ тогo сло́ва не чувъ ті́хого, окро́мъ ме́не. Я Мару́сі се говорю́, що чу́ла я. Вона́ тільки поспита́ла: чи до́бре я чу́ла?

Зъ яко́го ча́су-години́ осмутни́ла на́ша Кáтря весéла. Не разъ я на свої́ о́чі бачи́ла, що вона́ о́це дума́є-дума́є та й обілетця́ слезáми дрібни́ми. Абó не знать зъ чо́го, зъ до́брого дiва, обраді́є: то́ді співа́є, всміха́єтця, червоні́є. Якимъ́ вже я ті́химъ вiдомъ́ не підхо́дила розмóвитись зъ не́ю, распита́тьця за все, та́къ вона́ жъ одъ ме́не по́сторонь. Ні ми́ні нічо́го не ка́же, ні Мару́сі. И вже до насъ та́къ не го́рнетця, якъ давнó: вже вона́ зъ свої́ми мислонька́ми и вже любі́шъ і́й на самоті́ изъ собо́ю. Тепе́ръ вже са́ма не промовля́є сло́ва, — не залюби́ла и други́хъ чу́ти — якъ говорять. Ста́ла вона́ до дiбро́ви уча́цати.

Бувъ́ гай, та́кий густи́й, пúци́ такі за рі́чкою — все вона́ туди́ ходять. Якъ я настере́гла, що вона́ берётця́ одно́го́ разу, — я й собі́ за не́ю на́зирцемъ побі́гла.

У са́мій гу́щовині́ дубрiвни́й, да тамъ́ лі́пина и горобі́вна и дубъ́ кучеря́вий поспліта́лися ві́тами зелéними надъ холо́дною кривичови́ною, — забра́лась ажъ туди́, та й сиді́ть, схвíвши го́лову. Уяви́лася я — вона́ за́разъ схопи́лась, охму́рилась.... Я до не́ї сло́во зговори́ла.... «Го́ді́ вже то́бі!» промóвила, «въ ме́не го́лова́ бо́лять!» Попоходи́ли у-ку́пі по га́ю, послóхали, якъ́ лі́ства шумля́ть, якъ́ вода́ то́читця, та й до до́му при́шли. Така́-то́ вже ста́ла Кáтря недотóрклива: ані́ поспита́ти, ані́ загомоні́ти до

неї! Колибъ думокъ гáдокъ своїхъ, а то й такъ нічого мині не скаже...

Побреду до Марусі, а Маруся наче стала ще тихша, ніжъ була; усé вона шиє та вишиває, усé за діломъ, усé тожъ въ якихъ-сь мисляхъ.... Ніякої мині поради н одъ Марусі. То було усé насъ тройко у любій кúпці, а то якось розійшлися якъ зозулі въ лісі...

Одні неділі смуткувала я дуже сама. Кáтря покрíлась десь,— пішла я собі до Марусі. Прихожу—вона сама у хаті, старі Пиліпики не було. »Здоровенька була, Марусечко!« кажу їй. »Чого се ти сама дома?«

— Та мати у гостину пішла.

»А ті жъ? Чи не болять въ тебе голова«, кажу, »якъ въ нашої Кáтрі? У дівчатъ, якъ сэрце наброило, то заразъ на голову звérнуть....«

— Я чогось нездúжаю трóхи, — промóвила Маруся.

Придивíлася я на неї пíльно, та ажъ у крикъ покрíкнула—такеньки змарніла вона дúже. А въ очу жъ який смúтокъ!

»Марусе голубко!« кажу їй: »якъ ти змарніла! И чого въ тебе такі очі смутні?«

— Да того, може, що нездúжаю, — сказала на одвітъ. — А якъ тамъ Кáтря? — питає.

»Та нема її дома давно: мабíть, у дубахъ сидíть та дúмає думку. Вже, кажу, й мати давно помітили, вже й пита́ли саму Кáтрю н менé. Кáтря не признаётця... А я що скажу? Хибá свою догáдочку? А бáчу вже, що бідá якась ко́тця: бáтько на Кáтрю позирає,—óть, якъ вінъ її поспитає!..

Маруся поручъ зі мнóю сидíть н слúхає, а сама словéчка не промóвить.

»Бóже мій! И що се ли́хо такé сколотíлось несподіване? И ти, Марусю, вже не така, якъ колíсь була!«

От-сé такеньки сидимó, а вéчоръ темніє,—колі й Кáтря вбiгла. Обiйняла Марусю, стíснула менé, поцiлувала, сіла коло насъ. Мовчимó усi довго. »Ну, бувай же здорова, Марусе!« кажу. »На добра-нічъ! Вже часъ додóму. Чи пiйдешъ н ти, Кáтре? Тебе«, кажу, »мати, мабíть, давно дожидають. Вже й спáти порá.«

»Хiмочко голубочко! Марусе голубочко! Я не хочу спáти... Я«, каже, »я того Чайченка покохала!«

»Та хибá не знаємо!« веселенько я їй одмовляю: »отсе намъ новинá велика!«

А Маруся такъ-то на-вспражне її питає ще: »Чи такъ се, Кáтре? Чи справді, Кáтре?«

— На щó ти менé такъ питаєшъ, Мару́сю? Я ёго люблю.

»Чи щіро? чи вéлико, сестріце? Поду́май!«

— Та Бóже жъ мій, Бóже! — одкаже Кáтра: — та я ёго одъ першого ráзу покохала! Вже я зъ того весілья за нимъ пропадаю. Тільки ти не вважала, а зъ мене вже усі дівчáта сміютьця...

»Нік, каже Мару́ся, «я вважала, та думала: се такъ.... Я думала — забудешъ...«

— Хибá якъ óчи заплóщу!

»То поможи́ тобі Бóже, Кáтре!« промовила Мару́ся.

— Дай тобі Бóже, Кáтре! — кажú й я.

Кінула́сь насъ цілувати, жалувати Кáтра.

»А вінъ же чи полюбить?« стала тоді гадати. »Мóже насміється! Скажи́, Мару́сю, скажи́, Хімо! чи вінъ любітиме?«

— Ой, трохи́ чи не бiльше ти одъ насъ відаєшъ про се, Кáтре, — говорю, —десь ти ёго бачила, абó-що, бо ти чо́гось náче на світь одроділася сего́дні. Призна́йся жъ и намъ, любко, щобъ и ми знали.

»Я ёго бачила«, розка́зує. »Була́ я у га́йхъ и забрiла́ дуже далéко, ажъ туди́ къ чужосiльскимъ левáдамъ; ишла́ собі, коли́ чую: »Здорóва була!« Глянула́ — бачу ёго, віри́ не йму́. Се, кажú, мо́я дума́ щодéнна, щочáсна вживiлася... А вінъ усé говорiть до мене, усé говорiть...

— Щó жъ вінъ тобі говорiвъ?

»Пита́в менé, чо́го зайшла́, чо́мъ не весéла...«

— Щó жъ ти ёму́ сказа́ла? — я все її питаю; Мару́ся тільки слухала.

»Такъ зайшла́, — кажú, гуляю́ собі, и я, кажú, весéла... Тоді́ вінъ пита́в менé, чи ху́тко ми будемо у Любчи́кахъ и казавъ, що у Кра́сному́ цéрква згорiла:... И що бувъ вінъ у я́рмарку от-тоді́, якъ ми ходили до цéркви, а ёго́ не було — вінъ то́ у я́рмарку бувъ, — говорiвъ, що туга́ ёго́ обiймае... И провiв менé ажъ до самiсiнького на́шого тiну. Ишовъ усé поручъ зо́ мною... Спаси́би тобі, вечiръ тёмний, и ти, доленько мо́я щáсна!.. А Яковéн-

ко вже рушникі побравъ у Гáнни; на томú тѣжню весілля. Цитавъ вінъ, чи будемо...

— Отсѣ, кажу, тепѣрѣ треба ще на те весілля прибиратись! Трохи й ми зъ тобою тамъ розважимось, Марусю!

»Та не знаю щес, каже, якъ мати схочуть.«

— Хибá самій не манѣтця? хибá не попросишь матусі?

»Та якось вже будес, одказала.

— Ти, кажу, сумуєшь чогось, Марусе; чи не пішла бъ ти взъ нами?

А Кáтря тоді: »Сумує Маруся? чогó сумує?«

— Голубко! — говорить мині Маруся, — мині не смутно, а коли й буде комú смутно, люде не розважуть!

»Тільки той, когó любишь, розважить«, озвалась Кáтря.

— Покохаймо кого-небудь, Марусе! — жартую. Маруся нічого не одказала.

»Щаслива будешъ«, говорить Кáтря.

— Покохаймо жъ, Марусѣ! — я зновъ до неі.

»Не жартуй«, одкаже тѣхо.

Надійшла Пилипиха. Попроцáлись ми й вiшли зъ Кáтрею додому. А Кáтря сѣго вѣчора да така ласкава була й весѣла, в смир-вѣсенька така, що я такою їі зрóду не бáчила.

V.

Ходила Кáтря у Любчвки нiби-то заповочи позичати червóноі, та й повернулася додому якъ вѣчору така, що бáтько споглянувъ та й поспитавъ въ неі, дѣ була, дѣ ходила, а почувши дѣ и по щó: »якъ така зъ тебе швáчка«, каже, »то дбай, щобъ не позичати заповочи вдрóге по чужихъ сѣлахъ.«

По тiмъ слові бáтько вийшовъ зъ хáти, запаливши люльку.

«Щó тобі, моя дитино!» упадá вже коло Кáтрі мати, »уступила до хáти бiла, мовъ бiлочокъ... щó тобі, дóнку?«

— Нiчого, мамо, нiчого!

»Дѣ вже тамъ нiчого! Жўришь ти менѣ, дóчко!«

Прийшла Пилипиха до насъ зъ Марусею. Мати зъ старою зня-ли розмóву, а ми, дiвчáта, у садóкъ поскорiлися.

»Що жъ такé, Катре?« питаю.

— Сегодні вінъ у-вечері буде,—вінъ сегодні прийде до мене...

»А ти жъ якъ вийдешъ до ёго? А батько не почує?«

— То щó? щобъ я не вийшла? До ёго щобъ я не вийшла? Нехай чує батько, нехай чує мати, нехай усі — я до ёго вийду!

»Та якъ батько почує, то не пустить«, кажу: »якъ вже ти собі тамъ не ймися, а мусишъ зостатися тоді.«

— Я не зостануся, я піду!.... Чогó ти на мене напалася, недобра дівчино?...

»Я тобі саму правду говорю, Катре; хибá жъ я нападаюся на тебе?«

— Не треба мині такої правди, не хочу я такої! Я вже бачу, що ти мині не щіра подружниця, ти мині не хочешъ у помочі стáти, я самá за все стáну!«

»Слұхай лишъ, Катре, чогó бо ти вгнівалася? Я правду тобі виказала, та я жъ тобі и въ пригоді стáну, коли вже не можна инáко...« Тоді вона менé цілувати, тоді вона менé обіймати! Почали ми змовлятись, якъ двéри відчинити Катрі и якъ їй вийти. Рáдилися и Марусі питáлись, щó вона думає, —самá вона нічого не говорила и нічого не питáла, сиділа собі тихо якъ на могильці....

Катря усé розказáла, якъ вона у Любчикахъ булá.

»Ёго мати менé поклікала самá, якъ я йшла улицею, и жалувала менé любо и роспитувала, чи менé хто свáтає, чи я когó вподобáла... А вінъ усé оддалікъ стоявъ, не підходивъ... Такъ-то вже мині гірко стало! »Я (кажу) сії осени заміжъ піду.« Якъ я сказáла, вона якъп окрикне: чи жъ то правда? »Щó?« запитавъ вінъ у матері, а вона ёму каже, що я заміжъ піду вьосени...

»Я тоді попрощáлась зъ нимі. Вона зітхнула, провелá менé трóхи, и каже: »шкóда мині тебе, дівчино!...« що я ажъ слізьми мнілася... Одійшла трóхи, стáла, — та нехай хоть на їх хату водивлюся! коли вінъ и виходить изъ воріть, и йде... Я хочу далі — не мóжу... Діждáлась, що вінъ близько до мене зблїжився... Зблїжився: »чи правда сёму?« поспитавъ... Дівчатонька, голубоньки! коли бъ же я самá знала, якъ я ёму призналася, що я ёго кохаю одного у світі... Дóвго говорити не мóжна булó: усé знакомі люде дохожáли улицею; тоді я ёму сказáла — нехай прийде до мене ввечері, вінъ сказавъ — прийде...«

Скóро наші старі поснұли, я випустила Катрю зъ хати, а

самá сіла, щобъ сонъ не хилівъ, та мині не спалося: ліхо та й годі дождатись було! Нема, та й нема, та й нема!

»Якъ се вона гаїтця, думалося мині. »Що їй добре, то й забула про мене, яковó тутъ мині дождати, боячись.... Такі-то люде на сѣмý світі!«

А тамъ и те я згадала, що я спротую, що вбога я, та не при батькові-мáтері зроста, живу у чужій семі зъ ласки; що не пожауе ніхтó менé шіро, не любить ніхтó душею усію.... И за щó я перше дяковала, зъ того самого тоді слізъ гіркіхъ уточила; за щó було, хваліти Бóга, вікъ байдуже, у той часъ такъ того забажалося, такъ-то вже треба стало...

Горючи-плачучи, пзвелá гóлову, погляну — якъ-то округі менé сѣмно усé, а у вікно вже світанне синіе....

Очутілася я якось одразу, та й самій мині чѣдно стало: чогó се я такеньки и чимъ зажурилася? Хибá жъ я не знала Катрі, що вона до світу забарить? та й якá бъ то дівчина зъ коханья поспіхомъ дбала? И чи я жъ сегодні вспротіла? чи се теперъ тільки зъубожіла?

Поглузовала я самá зъ сѣбе та й вийшла Катрі на-зустрічъ — за ворóта. За ворітьми я ще довгенько зотривала її, поки ажъ вона прибігла весéла.

»А щó, надивілася? наговорілася?«

— Все я ёмý сказала, все... якъ же я ёго кохаю, Хімо! Гóсподи великий! якъ я ёго кохаю?

»А вінъ же щó говорівъ?«

— Питавъ, чи дуже я ёго люблю.... Вінъ прийде за́втра.... Я ёго за́втра дождатиму...

Зъ того часу стали вже вони що-вѣчора зіхóдитись. Прилучалося мині, провóдивши Катрю, того Чáйченка зострічати. У неділю, абó вь свято якé, идéмо у двійзі зъ Катрею, немóвъ погуляти ранкомъ тихимъ, то й вглéжу було я Чáйченка, — усé вінъ наче смутній... та й спитála якось Катрі: »а ви изъ нимъ ніко́ли не свáритесь?« А вона мині: »щó 'тсе тобі Богъ давъ, Хімо! Отсé бъ изъ нимъ свáритись!

»Та чогó жъ вінъ наче невесéлний хóдить?« кажу.

— Такий завсюди, — зговорила, самá тутъ миттю впечалившись. »Ти смутній?« питála я ёго. »Чогó жъ ти смутній?« А вінъ мині: »на світі бiльшъ смѣтку, нiжъ радості!« — »Щó говó-

ришъ, сѣрце! та я, якъ знаю, що ти менѣ любишъ, я забула, який то смѣтокъ на свѣті живѣ!» »Сес, каже, «се такеньки Богъ даѣ тільки дівчатамъ, та пташкамъ свівочимъ...»

Такий вінъ, такий, Хімо! И говорить, и жадує смѣтно; а по тóму, ще мнѣ любіший, ще миліший...

Постерегла́ ма́ти, що дієтьця щось, посьмита́ла. — Ка́тры призна́лась ма́ту́сі. А ма́ти голово́ю журли́во похита́ла:

»Отсе и тво́я порá прийшла́, до́ню! Гляди́ жъ, се́ на весь вікъ, Ка́тре! гляди́, кого́ обира́ешъ, та й нехай тебѣ Ма́ти Бо́жа и благослови́ть и допомо́же!»

Ба́тько не пита́въ нічо́го; чи вінъ здога́дувався, чи ні — то́го не зна́ли ми. Пра́вда, що двічі, а мо́же й більшъ, вінъ яко́сь пильне́нко на насъ спогляда́въ. Ми, бу́ло, собі гово́римо, що якъ се бу́де — Ка́трине весі́лля, та яке́ житте і́й кра́сне; гада́емо; а ба́тько усту́пить до ха́ти, — ми й попо́лошимось усі: одна́ схопи́тця, дру́га шукáє чо́гось за за́пичкомъ, тре́тя голку загу́бить, — ба́тько сáде у сто́ла, диви́тьця би́стримъ о́комъ та й ка́же: «а въ якому́ кутку́ пожа́ръ въ на́шій ха́ті?»

Ми й скамені́емо передъ нимъ... Вінъ почне́ про господа́рство що́ гово́рити ма́тері, яке́ діло за́гадувати, ми візьмемо́сь ро́бити щі́ро якъ, Бо́же еди́ний!»

Чо́го бъ то й опа́суютьця бу́ло? Ми думáли, що вінъ прийме́ Ча́йченкове зали́цяньне ласка́во, бо Ча́йченко и багáтий, и моло́дий, и дочці́ любий, и лю́де Ча́йченка не ду́ралися — чо́го жъ опа́суютьця? А ми все бо́ялися дуже́ ё́го ча́сомъ. А ма́ти вже для сво́єї дочкі́ поклопотáлися, постарáлися. Ба́чу, де вже стрі́нутьця зъ Ча́йчихою, пося́дуть рядо́чкомъ, и поті́ху розмовля́ють собі лю́бе́нко, а проща́ютьця, то обійма́ютьця щі́ро. Прийшла́ до насъ Ча́йчиха у неді́лю, а въ се́реду вже ма́ти до Ча́йчихи йде. Ча́йчиха зновъ и собі не забáритця насъ одві́дати; та й пішлос́я та́къ, що абі́ яке́ свя́то, то абó Ча́йчиха въ насъ, або на́ша ма́ти у Ча́йчихи...

Ка́тры намъ зъ Мару́сею призна́лася, що бу́де її свáтати Яківъ въ-осені́. Ма́ти вда́лися до Пили́пихи за порáдою; розказа́ли і́й усѣ, що дочка́ вподо́бала па́робка, що то́ хорóші лю́де — за нї́мъ нажи́тьця!

— Да́й Бо́же ща́стя! — гово́рить Пили́пиха.

»Охъ, голубко́ мой! я ще не зна́ю, якъ чоло́вікъ згоді́тця....

та чого бь ёму не згодитьця? Сёй хибá не гáрний? Сёй хибá не дóбрый пáрбокъ? И замóжний...»

— А ти мáти, чи нi, своiй дочцi? Якъ почнe вiнъ прiмхати, то ти й рúченьки попúстишь—нeхай моймú дитiтi дóля гiне.

Вже якъ тiльки вчúла удовá, що бáтька боятьця, вонá жвáво вхопiлась за свáтанне: »Що зъ тóго бúде, що ви головáми розкивáлися? Дóбре дiло — доводьте жь ёму крáю!«

Та й одпочiти не даe чáсу; пiдмовляe та пiдговóрюe: »хутчiй! хутчiй!« Булó, мой годiновько, ажъ за рукава трясe, щобъ хутчiй....

Почалá мáти заходити коло старóго, та свогó слóва домовлiяти; почалá усe про Чáйчиху провáдить, та ёму нагáдувати, та хвалiти, а рáзомъ вже й сiна молодóго:

»Щó то за пáрбокъ хорóший, роботящий, удáтний, — се мáтерi втiха вiдъ Бóга, а не синъ!«

— Вже тóго не знáю, який вiнъ до дiла, — кáже бáтько, — а що до тáнцiвъ, то вдась: дiвчáтами, якъ мúхами, увивáе.

»А щó жь, мiй гóлубе? Якъ весéлого нóрову, то весело изъ нимъ и жiти бúде, комú сúдить Госпóдь. Самъ не сумовáтиме и подружьячку смутковáти не дасть.

— Не жóдну й тúгу танцюра розтанцюe! — на тe iй одмóвивъ.

У-дрúге зновъ примóщуеця мáти Чáйченка добрiть: »а мотóрний, а розумний, а слáвний!« Пiльно бáтько iй у вiчи поглiянувъ.

— А щó се хвалiшь, — змóвивъ, — нинáче бь зiятя?

»Якъ воля Бóжа та трóй вгóда, мiй гóлубе!« одкáже ёму тiхо, та умóвно такъ ужe!..

Ми зъ Кáтрею сидимó — не тхнемó...

Старiй подивiвся на жiнку, подивiвся на дочкú.

— Не шукай дочцi цáри, старá, — промóвивъ, — вже я iй самъ пáру знайшовъ; — осени заждiть.

Старá зиркъ на дочкú, — дочкá обмертвила либóнь; сплеснúла мáти руками, та на ёго:

»Мiй ти гóлубе мiлий! за кóго жь ти iй 'ддати хочeшь?«

— Се вже минi знáти.

Та й вийшовъ зъ хáти.

»Гóдi, дóню! гóдi, дитiно моя!« вонá до Кáтри. »Не печáль свогó сeрденька, Катрe моя мiла, гóдi! Я для тeбе на все звá-

жуся; я поклонюся щé тво́ему ба́тькові; я ёго́ б́уду за тебе прохати....»

— Идіть, ма́мо, йдіть бо — просіть за́разъ! Идіть, ма́мо, йдіть!

»Не мо́жна такъ, доню! Та́къ гірше б́уде: зажди́ трóхи....»

— Ма́мо, ма́мо! яковó мині заждати́!

Ми ї́ вговора́ти ста́ли... Та коли́ жъ умóвивъ хто молодú т́угу нетерплі́чу слóвомъ розсúдливимъ?

Слúхаючи, Ка́тры поливалася слізьми́, та все сво́е, знай, пра́вила: »Йдіть, идіть за́разъ!«

»Ка́тре!« говорю́, »б́уде гіршъ зъ тимъ по́спіхомъ: ми ќинемось до ба́тька — блага́ти, а якъ вінъ при́йме тепе́реньки? Щó жъ, якъ вінъ згукне́ намъ отте́ сво́е »го́ді!« та й нага́дувать ищé не зведи́ть?»

— Го́ре мо́є! го́ре мо́є! До́бре! Я жда́тиму... Якъ же мині ва́жко! чи се смерть мо́я прихóдить!.. Треба щé дожди́ти! коли́ жъ се б́уде? коли́? скажи́ть, ма́мо!

»А отъ, за́разъ по обі́ді, ви зъ Хі́мою ви́йдіть зъ ха́ти, — а то́ді ёму́ скажу́... Я то́ді скажу́ и поблага́ю... Для сво́єї дитини́ й го́лову підъ со́кіру покла́дають, а то б́з мині ще не по́кловати́ся тобою...»

— Я жда́тиму, — промови́ла Ка́тры: — я терпі́тиму.

А жда́ла вона́ такъ, якъ отъ пташкі́ сиди́ть у клі́тці, — що вже нікуди́ летіти, то б́ютьця де́ зач́инені.

VI.

Обі́даючи, ба́тько на́че не добача́въ, якъ ма́ти блі́дла, якъ Ка́тры пла́кала, — сиди́въ такий, не-га́дки, якъ и вчóра.

Пі́сля обі́дъ, ми съ Ка́трею за́разъ зійшли́ зъ ха́ти, ста́ли по́вкупі́ підъ двері́ма.

Довго́нько у ха́ті́ т́ихо бу́ло...

»Го́лубе ми́й!« заговори́ла ма́ти: »на́шу Ка́трыю хóчуть сва́тати...»

— А щó жъ! Нехай́ сва́тають, хто хóче, — зъ то́го дога́ни нема́!

»Се молоді́й Ча́йченко хóче сва́тати.... Яка́ тво́я вго́да?«

— Я за Ча́йченка не 'ддамъ.

Я вже живосиломъ одволікла Кятрю отъ дверей хатніхъ: »Катре! Катре! усé пропаде!...«

Затрусілася вона и стала нерухомо на прислухъ знову.

»Дитина дуже паробка вподобалас, просить мати: »нехай же вона въ насъ щаслива буде!«

— Не на те я дочку виховавъ,— грімнувъ батько,— щобъ я її першому пройдисвіту мавъ оддати, який тамъ їй въ око впаде!

»Чимъ вони не люде? И добрі, и замóжні; усі їхъ на повáзі мають.«

— Зá що поважають? Хиба за те, що зайшла вона невідомо чогó та й осіла у селі чужому.

Зна́ли бь люде... чу́лись би непорóки на їхъ, а то усі шанують... Ти самъ перве зъ ними заходивъ...«

— Я по усіхъ шляхахъ б́итихъ блукаюся и багáто люде́й набридешъ усякихъ, що на ворóта бь свої не пускавъ їхъ ніколи...

»Велику лáску міні зроби, послухай!«

— Гóді!..

Кятря якъ скричитьъ, зарвѣтця до хати, — я її за поперекъ вхопи́ла, у с́ини наза́дъ одкинула...

— Щó такé? — пита́ батько зъ хати, би́жить мати...

»Се ми йдемо́ въ бе́регъ по во́ду«, одкажу́ го́лосно. Та відра на корóмисель, та Кятрю обіручки за со́бою...

»Не журі́сь«, вмовляю́ її, »не журі́сь! Мо́же ще ба́тько вла́скавитця — вінъ же тебе́ жа́лує!«

Якъ же нападѣтця на мене Кятря! »Куди́ се мене́ тя́гнешъ? Щó на мене́ замишля́ешъ?«

Ажъ я сама́ трóхи излякала́ся: »Та Богъ изъ то́бою, Катре́«, кажу́: »обмірку́йся гара́здъ!«

Обли́лася вона́ слізьми дрібними.

— Коли бь же я хоть є́ю побáчила, сво́є се́рденько хотъ трóхи розвесели́ла! Хи́мо! біга́ймо у великий га́й, — вінъ се́годні у га́ї дѣрево руба́е.

»Біга́ймо«, кажу́, »утри́ся, не плачъ!«

Вона́ тоді́ зара́зъ обітерла очі́ці и побігли ми до га́ю, прихováвши відра свої по-надъ ро́вомъ у бурьяна́хъ.

До га́ю хотъ близенько видáти, та далéко стрібáти: розсúдли-вій лю́дині на дóбру го́дину ході́, а ми перебігли не зупиняю-

чесь. Чѣмо вже — сокіра цюкае и гóлосъ вѣтеръ до насъ заносить — пісні хтось співае.

»Се вінъ!« впізнала до-разу Кáтря.

Тутъ ми ёго й побáчили обидвi заразómъ, ще оддалікъ....

Вже тоді вісень ишла; листъ червонівъ, жовтівъ, вянувъ и обспáвсь, и котючий вѣтеръ низáвся поміжъ дéревомъ безлістимъ. Гóлосно и простóро стáло округі, у свѣжимъ гаю пахúщимъ...

Бáчимо ёго, а вінъ насъ ще не бáчить — співае. Кáтря припинялася. »Щó вінъ таке співае?« спитáлася, вжахнувши ся співу тогó: »щó вінъ співае?«

— Послúхаймо, — кажú, — то й почúємо... Ходімъ блížче.

»Цить! постривáй!« шепóче мині.

Стáла за кущъ, та й слúха. Слúхаю й я.

Чáйченко обрúблювавъ гількi зъ звáленого дéрева, и кругъ ёго зрубáне дeрeвье и пенькi свѣжi; надъ нимъ яснeе та холóднее нeбо, грáйливе сóнечко. Недбáло вінъ своeю сокірою блискучою цюкавъ, — задумáвся самъ тязько, и тiхо и сúмно співавъ.

Оттакá булá ёгó пісня:

Співавъ вінъ, що любівъ колись щиро та вiрно, а ёму зрáда стáлася несподівана, — и вже повiкъ нещасливий вінъ жити; кохають iншi — та до iншихъ сeрце вже не приляже, до нiкого:

»Хоть якá ласкава, якá чорнобрива,

»Та не бóде тáкъ, якъ пeршая мила!«

»Якихъ се ти пісeнь співаeшь?« покрiкне крикомъ Кáтря, нáче себе не пам'ятáючи.

Вінъ издрiгнувся; швидeнько схопивъ, кiнувъ сокіру, взявъ Кáтрю за рúку, — зновъ пустивъ, и зновъ сокіру пiднявъ.

— Спасибi, — кáже, — спасибi, що прийшла, а я не сподiвався...

»Бóже милий! якóи жъ смúтної ти співавъ! Якú ти мiлу згáдувавъ? Булá вже, либóнь, пeрша, а я — дpуга?«

Вінъ такъ нiби трóхи измiшáвся.

— Лúчче, — одмовляетьця, — лúчче пожалуй менe, моá рiбонько!

Вонá рум'янцемъ усá закрасiлася, якъ те слóво почúла, — вонá усe своe гóре забúла....

»Ніє, каже, »я знаю, що ти менé вiрно любишть, а я тiльки пожартувала, — збачь мині тé....«

Та й знову, перескокомъ:

»А на що такі смiтної спи́вавъ? Проти чо́го спи́вавъ такі?«
Тоді вже я зъ-за куцá озвалась:

— Чи забула, — кажу, — голубонько-гуркотливочко, чо́го бiгла сюди?

»Ой, лихо жъ моé велике! нещастя моé!«

— Що ти каженшь?—пита́ її Чайченко, вклонившись мині.
Усі ми посiдали на при́корню.

»Батько за тебе да́ти менé не хо́че!«

— Мае друго́го зiтя до руки?... ко́го се? — пита́ вiнъ, — та чу́дно мині те, що пита́ вiнъ ні весело, ні жу́рно, наче за хлiбъ-сiль подяку складае.

»Кого-сь тамъ думае на моé безголовья!« говори́ть Ка́тря, заплакавши.

— Уже зiть нарекований!—каже тоді Чайченко. — Отъ вонó щó! кращо́го знайшли! Ничимъ втiшатись та й на́ри́кати ні щó; дармо жъ зъ сухо́й крини́ці во́ду братъ...

Ма́бiть за доса́ду ёму́ ста́ло, що трóхи мовъ знева́жений зо́ста́вся... уста́ стiсну́въ и го́лову пiднiя́въ го́рдо, и о́чи блиско́внули... Та все те пота́ивши у со́бі, нiби зъ упоко́емъ по-ма́лу уста́е...

— А то́бi жъ якъ? Ти щó думаешъ? — пита́ Ка́трі.

»На що пита́ешъ? на що моé се́рце кра́ешъ?« одка́же вона́.

— Та хто васъ зна́, хто й розбере! — промовивъ Чайченко гiрко: — покоха́ете вранци́, забу́дете ввечерi!

Зари́дала-запла́кала Ка́тря, а я проти ёго голово́ю хита́ю.

Вiнъ тоді узя́въ її за ру́ку.

— Не плачъ! ще ти молодá, ще тво́я до́ля тебé дожди́ае!

»Якъ? безъ тебе́? Хиба́ жъ ти ко́го ще покоха́ешъ? То ти й щасли́вий зъ друго́ю бу́дешъ?«

— Уже мині не бу́ло то́го ща́стя одви́ку, та й пови́къ не бу́де!...
Проща́й, дiвчино! бува́й здоро́ва й щасли́ва!

»Та щó се виє, говори́ю я, »та ви жъ сiдьте, пора́дьтеся: якъ ёго́, щó тутъ робiти, якъ запобiгти? — мо́же ще й ні за що бу́де на до́лю на́ри́кати. Сiда́йте лишъ!«

Вони́ слухнiя́ненько коло мене посiдали; вiнъ су́мно диви́вся,

вона жь ніче усі шляхі погубіла, тільки усё до ёго близьче горнулася.

Отъ и стали ми радитись.

»Не треба батькові докучати слізьми«, кажуть. »Не треба теперъ до ёго й приступати «

Чайченко усёго дослухае, склавши руки.

»Я батькові до нігъ упадуть«, нахваляється Катря, послухавши того слова розумного. »Якъ не відасть мене батько за тебе, я виму!«

— Ти й до нігъ зажди упадати, — мовлю їй, — и вмірати зажди: може ще й такъ переженитця; а поки що (кажуть) не займай батька, нехай вінъ самъ трохи вгамується.

»Та яковό жь оттакечки й не знати — чи мині жити у світі, чи лежать у домовині? Ой лихо моё! лихо моё!«

— А ти думала! Сё воно, житте людське, сё воно й ё: терпіння-терпіння, надійсь та сподівайся! — вивожу Катрі.

»Або ще й сподіванку покіннь, та живи собі такъ, якъ безъ неї живётця!« додавъ Чайченко. Знавъ, бачте, паробокъ, порадю втішити. .

— Розумний не стратить надії, — я ёму: — треба сподіватись живши...

»Поки не зрадіють,« зновъ мостить вінъ.

А Катря тоді до ёго пригорнулася. »О«, каже, »отсё я тебе зражу?«

Ажъ и вінъ на такé любе словечко всміхнувся.

— А намъ порá до-дому, — нагадую, — щобъ часомъ не нажити намъ собі лишенька!

»Иди, Хімо, голубочко!« говорить Катря. »Я ось тільки ще дві слові скажу, я тебе наздожену.«

А сама мене виводить на стéжечку.... Я пійшла.... Що й казати! Я ще підъ гаємъ чималу годинку трівала тихъ двоухъ слівъ.... Та вже дóбре й тé мині, що вона прийшла трошки спокійніша и веселіша.

Допали криниці, та боржій, спóвнивши відра, додому побрáлись. Насъ перестрівъ батько....

»А до якої се криниці ходили?« спитавъ.

— Ми ще й прогулялися собі трохи, — одкаваю ёму.

Вінъ подивівсь мині въ вічі и подивівсь на дочку... А въ дочкі слёзи хвилюють... »Батенько!« промовила.

И пішовъ собі, наче вінъ не завваживъ и не чувъ слова її благащого...

VII.

Часъ идé, минáетця; ми ждемó собі кращого, бідкаємось, страхаємось. Батько не згадує за Чайченка.

Зняла жъ бучу Пиліпиха, якъ визналася батькова подія...

»Якъ, важе, якъ! Та чи жъ ти не рідна мати своїй дитині! Чи не ти страждала, чи не ти її згодувала? Нехай би такъ мене хто застувавъ передъ моїмъ дитямъ! Я — мати, вільно мині її за ко́го хотя́ віддати, чи за пана, чи за наймита, за того, хто мині до вподоби...«

Та ажъ тоді вона посвари́лась зъ нашою матірью, и довго до насъ не ходила.

А на селі весілля ладятьця та ладятьця; приходять до насъ, запрошують. Не гулянки у Катрі въ голові, та ходить, — надія, бачъ, така: — ёго тамъ побачить.«

Сіі осени и батько нашъ на всіхъ весілляхъ гулявъ... Помічаю я, що Чайченко ставъ більше до Катрі припадати: то було поперідъ вона ёго шука-шукá, поки-то вінъ уявитця, а то вже самъ вінъ її очима назорить міжъ дівчатами, и вмисне тоді до неї горнетця, якъ старій батько тутъ буде, — якъ-би ёго волю мавъ нехтувати...

»Голубé, голубе!« (думаю) »се́го тобі не перетенéтити такъ, — шкода й заходу!..

Ну, батько нічо́го собі, — тільки дивитьця — не на Чайченка, а черезъ ёго голову, зъ-горі...

А Чайчиха й наша мати сидять, отъ-мовъ ті голубки сіві, що бачять, якъ їхъ гніздéчко розношають....

На одному́ весіллю, Чайченко вже надто всміливсь: одъ Катрі ма́ло-що и одступае... Мати вже у такій тривозі була, що забула й молодихъ привітати.

Першъ усіхъ гостей нашъ батько побравсь до-дому и намъ звелівъ сходити; а ще самé гулянниве, самі танці... пішли ми до-дому; пішла Катра плачучи.

»На плачъ, Кáтре! щó помóжетця?« вмовляю.

— То щó? я плачу, а все я щасліва! щасліва, щасліва! Вінъ менé любить и я ёго любітиму, поки мого життя... нехай батько знаé! хоч горюю, — я щасліва — нехай и те знаé!

»Кáтре! краще буде, якъ батька не гнівiти; лóчче, коли бъ Яковъ тихóнько обхóдивъ коло ёго. Атó жъ який таланъ вамъ бóде, якъ батько не зглiнетця... Уважай, яка мáти смутна, та й у якій вона тривóзи... Не горни́сь ти вже такъ до ёго — и дiвчáта смiятимутьця зъ тебе.«

— Нехай смiютьця! Я ёго люблю, я щасліва!

»А якъ батько образився, — якъ не пóститъ бiльшъ по весiльяхъ ходити — дé тодi Якова побáчишь? У-рáнци вийти забороняе, у-вечерi самъ двiрi замкáе....

Обсiпалася вона слiзьми щé дрибнiшими.

— А такi я щасліва, — промóвила. — Ей же Бóгу моéму, щасліва!

Перегóдомъ, зновъ насъ на весiлля прохáли. Мóже й не пóстивъ би батько, дакъ рóдичi. Идемó тудi усi вкóпи, та ажъ насъ ўлиця ширóка тiсне.... Прихóдаємо. Зiркъ-зiркъ по хáти, по кiмнáти, по усiхъ куткáхъ и зáкуткахъ — бiгмá Чáйченка.

»Ще рáно, ще вінъ прийде!« кáже Кáтря.

Йдемó, та дожидáємо — нема. Вже пiзно уступiла старá Чáйчиха. Кáтря тiльки ii зóспiла, у-рáзъ опинiлася бiля своi мáми: знаé, що Чáйчиха вже не минé. Чи Чáйчиха не обáчила — сiла вона собi оддалiкъ. Нáша мáти самá до неi добрáлась — сiла. Сидять мóвчки. И Чáйчиха п нáша мáти неспокийнi, бачу. Отъмовъ и хóчуть спитáтьця, та не звáжутьця; хóчуть говорiти, та не змиркóютьця. А Кáтря такъ и кпшiть у пiджóдi томóу. Знаé те нáша матóся, — дiвiтця на Чáйчиху любéнько-жалiбнёнько, а Чáйчиха на свiй пóясъ доглядáетця, та й кáже: »Якi-то тепérки поясi тчуть, мой голóбка!..«

— Чомó вінъ не прийшовъ? чомó? — вiмовила Кáтря самá, матерi не дожидáючи — своi, — чужоi не сорóмлячись.

»Кáтре!« дорiкнóла мáти. »Охъ! мой дитiно!«

А Кáтря й не чýе: — Чомó не прийшовъ? чомó ёго нема?

»Не знаю, не знаю, моя крáсо! Вінъ казáвъ минi — бóде... а нема!.. мáбiть, притiчина яка... я ёго поспитáю... я тоби скажó...«

Такецьки старá Чайчиха слова́ми міша́етця, и зупиня́етця, и перехо́плюетця — що́тсе таке́?

Да́лі вже ка́же, що Яковъ дожида́ввъ яко́гось чоло́віка до се́бе, — яки́сь во́лі на спрода́жъ нахо́дятьця... «То́го вінъ и не прийшо́въ, ма́біть.»

Не-въ-заба́рі вона́ похвата́лась до-до́му и пішла́.

Ми ще бу́ло по весі́лляхъ, а Чайченка — якъ пійма́ поняла́ — нема́, ніде́ не бува́е. Ма́ти ё́го хо́дить, и — то вона́ ска́же, що вінъ незду́жае, то ска́же — до́ма ё́го нема́. Сама́ вона́ журна́ дуже́, а Ка́трю вгово́ряе: «Не печа́ліся, дити́но, не печа́ліся! Пе-ре́йде ли́ха годі́на и го́ре перебу́детця, то й поберете́сь!»

Ма́ти те́ жь Ка́трю сво́ю жа́луе: «Лу́чче, до́ню, якъ вінъ не попада́ється ба́тькові на о́чи — ба́тько не гнів́итця, — а тамъ, мо́же Госпо́дь дасть, ста́рий мій и погоди́тця.»

— Неха́й же я ё́го побачу́, хоть на ма́лу хвили́ночку, — бла-га́ла Ка́тря, — неха́й вінъ хоть селомъ про́йде, а я подивлю́сь на ё́го зда́лека!

«Зажди́, зажди́, не мо́жна!» одма́галася Чайчиха. «Зажди́, зажди́, не мо́жна», про́сить ма́ти.

Ка́тря, хочъ смуту́е, хочъ пла́че, а слуха́, — сподіва́етця до-бра́ вще́...

Одно́го дня увійшо́въ ста́рий у ха́ту весі́лий: «Чи не бу́де сні-гус, ка́же: «тамъ та́кі білі хма́ри дра́гнуть.»

Ста́ра, дивля́чись на ё́го, на́смілилась:

— А що́, мій го́лубе, — вимовля́е любе́нько, — що́ ти ба́чивъ? що́ чувъ?

«А що́ я чувъ? на́шу Ка́трю свата́ють.»

Тимъ сло́вомъ спо́лохну́въ насъ усі́хъ: хто сиді́въ, — схо́пив-ся; хто сто́явъ, — у куточо́къ горну́всь....

— А хто́ жь свата́е? ко́го намъ Госпо́дь поси́ла? — пита́е ма́ти, ле́дві го́лосъ зводя́чи.

Ка́тря біло збі́ліла.

«А ста́рий Ше́ляхъ за сво́го си́на Дми́тра свата́е. Се жо́ніхъ! Се не лі́чозі́ръ, не про́йді́світъ який-не́будь, се хазя́їнъ до́брый, що́ зъ срі́бного кю́бка своі́х госте́й поча́туе.»

— Що́ зъ ті́хъ кю́бківъ, якъ по́вні слі́зь! — мо́вить ма́ти.

«Гмъ!» Бі́льше не сказа́въ нічо́го, тількі́ придиві́вся на не́ї пі́льно. Вона́ слёзи́ свої́ нішко́мъ втира́ла — хова́ла.

«Я собі бь кращого зїтя самъ не шукавъ», зновъ батько озвав-ся; — насунувъ шапку, та й зъ хати вийшовъ.

Мати усі думки приплікали: »щó ёго робіти, и щó ёго чинїти!«
Катря ажъ білі рўки лямле...

Якъ на ту жь пеню — и старá Чáйчиха не завїдає насъ, и Пялипи́ха се́рдитця: нікому поради дати, нікому разважити... А тогó лю́бого якъ запавъ слїдъ, то й запавъ...

Мати почали-були Катрю умовляти: »покорїсь батькові, доню, — покорїсь, дитя моє!«

— И вы вже, ма́мо?... Безталáннечко жь моє!.. — побиваєтця Катря...

»Дóнечко мїла! когó жь лїхо мине? Жївши у свїті, ёго не втечешъ, — ко́жне одбува́... Щó жь, якъ ти батькової лáски одпадешъ, а той, мо́же, одцураєтця...«

— Вінъ одцураєтця? Мо́же и я ёго занедбаю! — Та и засмілася... Хотїла я їй тоді сказати, що вже й теперъ трóхи на те походило, що вінъ цураєтця, та жалко мнї її ста́ло... И ма́ти за се́ бїльшъ нічо́го не змóвила, — зітхнула важенько, та ста́ла зновъ їй прохати: »корїсь, доню, батькові!« — Нехáй же я лóчче вмру! — Якъ ма́ти не плакали передъ нею: — Абó я вмру, абó за нимъ б́ду!

Давненько ми вже Марусю не бачили, то за горемъ своїмъ, то за свáркою тією межї старїми, та й Маруся на́че ховáлася: зъ хати, сливё, не вихóдила

»Ходїмъ«, кажу́ Катрі, »ходїмъ до Марусі; щó намъ, що старї посварїлись — ми тогó не знаемо; ми собі зъ нею у трїйзі пора́дїмось.«

Маруся сидїть — шїе; удовї не бу́ло до́ма.

»Марусю! Марусю!« гóвóрить Катря, »прийшла я до тебе свою тугу розділити, та знаю, що й ти мене осудишъ, якъ моє слóво почувешъ!«

— Сядь, Катре, та розкажї, — ка́же Маруся.

»Батько мене за ёго не да́, — знаешъ? За нелюба мене вже теперъ прибїра́е. А я, Марусенько, хочъ и батька й ма́тир, то я для ёго покинула бь — не пожалїла... Щó мнї тее? Нехáй ска́же — я за їмъ на край свїта пїду! Пїду та й не оглянусь разў! Мнї нічо́го не трéба: нехáй їншимъ роскоши, їншимъ нехáй достáтки, — мнї нехáй житте изъ нимъ вку́пи!«

Не зводячи очей, промовила Маруся: — Бóже вамъ поможи́, Катре!

Зумілася жъ я! »Марусю!« покликну. »Се ти? та́я покiрлива?..«

— Голубко мой! сестрице! — обиймае її Катря, ридючи. — Ти менé не судишь?

»За щó?« стiха питае Маруся. »А ти жъ ёго любишь?«

— Такъ люблю, що й не вiмовлю! А на мене усi нападаютьця! хочуть, щóбъ я ёго покинула! Марусе! якъ би ти любила?

»Я бъ не покинула.«

Я все чую, та вiри не ймú. — Марусе? чи се ти говоришь? — кажú. А мати твою якъ бi почúла?

»А щó жъ? якъ бi я любила, то вже минi ничóго не страшно; и никóго бъ я не боялася — тiльки тогó, когó любила...«

— Ти моé серце розвеселила, Марусечко! — дякуе Катря. — Дуже вже минi булó важко... хочь менé ни́хтò не переумить, та словá тii менé ображали... Спасiби тоби, Марусенько, галонько!

Маруся iй осмихнулася. »Нi за ви́що дякувати«, згомони́ла: »я правду свою́ тоби кажú.«

VIII.

У першу жъ такi недiлю по сему, до насъ свати въ хату одъ Шéляха. Приняли, пошанували. Дякуе за ласку мати, тугу свою́ та журбú перемагаючи, — а батько говорить:

»Я собi кращого зiття не жадаю, панóве ласка́ви! Та трéба дитинн запитати.«

Вкликали Катрю. »Катренько!« кажú iй тiхо, »роздумайся добре!« Вона мовъ и не чуе. Уступила до хати бiла, а смiла, необорня — хочь тутъ вмирати.

Питае въ неi батько: чи пiйде за Дмитра́ Шéляха? та пита́ винъ я́кся ласка́во и гризно....

»Я паробку ганьби́ не даю, и пiти́ не пiду!« одказала Катря чiсто, якъ виспiвала.

Поклонилися свати́, — тiхо та гóрдо геть вийшли зъ хати.... Ми не ворухнемось; Катря стоить.... Батько не промовивъ слова, вийшовъ и собi зъ хати....

Плаче мати, очей не суначи. Старій не впоминаєця про свѣтанне, мовъ ёго не було; а насъ наче не бачить передъ сѣбе: хто увійде — не оглянетця; хто озвѣгця — не слухае.

А Чайченка того нема та й нема!.. И матері ёго не видно...
Вже Катря самá до їхъ бігти заривáлася — дакъ мати впиняла.

»Коли вже ти менé не послухаешъ, доню, то Богъ изъ тобою: робí тоді, якъ ти самá знаешъ, а я вже батька не проситиму.«

— Дóбре, дóбре, мамо! покиньте менé, заведбайте... Тільки нустить до ёго!..

»Ні, не пуцý, доню! Я тобі на порóзі стану, не попуцý їти!.. Не годитця!«

— Я втечý одъ васъ! — озивáетця Катря. — Я абó втоплюся, абó що! Я такъ жити не здолію!..

»А сáмъ же якъ?« йнколи спитá її Маруся, слухаючи того нарікання. »А якъ ти ёго зажуришь?.. Те своé горе ти не пестí такъ; яковó ёму тепереньки — ти не помисляешъ... Ти для ёго перетривай усé, поки батька вблагáешъ.«

— Та колибъ же хочъ на ёго глянула! хочъ до ёго промóвила! Нехай тільки бъ сказа́въ, що мнѣ робити! Нехай вінъ менé въ огонь пошлé — я підú... Чомú жъ бо вінъ не йде идóси! Хибá мнѣ менé покине?

»Коли не йде, то, ма́буть, такъ трéба, Катре! А ти втихомі́рся та жди... Та, мо́же, ма́ешъ що ёму переказати, за́разъ, нега́ймо... Перекажи́ черезъ мене: я хотъ и схожý до їхъ.«

— Ти?... А мати тво́я не пу́стить тебé?

»Підú. Говори́ — що ска́зати?«

— Ти скажи́ — що я пропадаю, що живáя гиню!

»И на́ що отакé ёму говори́ти? Лúчче нехай вінъ почúе, що ти ёго вíрно любишь, що ти ёго бúдешъ дожди́ати; що бúдешъ батька благáти...«

— Нехай би вінъ зна́въ, яку я му́ку терплю! Скажи́ ёму, що бъ усé вінъ кídaвъ, щобъ ишовъ менé одвiдати... батько не зна́тиме... а хотъ дозна́етця, гiршъ, ма́буть, вже не бúде...

»На́ що такé казати, Катре?« зновъ їй Маруся: »Хибá жъ ёму й такъ не вáжко?«

— Ну хотъ скажи́, що такъ я ёго кохаю, якъ свою дúшу; що я журюся...

Того жъ такі дня, Маруся каже: »Піді я, мамо у Любчичи!«
Пилипча дуже подивовала, да не боронила... Вже якъ Маруся ви-
ходила, убравшись, — вона запитала: »Чого се ти у Любчичи?«

— Піді, мамо, прогуляюся.

»Иді, доню.« Самá її за ворота провела та тоді вже у-слідъ,
схаменулась, покрикнула: »Не барись довго, Марусе!«

А Кáтря, скоро виводила Марусю за слободу, то вже й
ждать почала — коли прийде; — переняли ми її ще на дорозі.

»А що? бачила? буде? Що казавъ? Коли?«

— Треба тобі, Кáтре, ще потривати... — каже Маруся.

»Вже не сила мой тривати! Такъ вінъ не прийде? По що жъ
ти ходила? Чому вінъ не прийде? Що казавъ?«

— Дуже вінъ печаловитий щось, — говорить Маруся.

»Печаловитий?« покрикне Кáтря. »Коханий мій! Самá такъ слі-
зьми й розлилася.

»Я піді до ёго самá, каже, »піді, — хочъ нехай мені не-
тімъ живу замучать, — я піді!«

— Вінъ велівъ, щобъ ти не приходила...

»Не приходила? Якъ-то — не приходила? То ти, мабуть, не вчу-
ла! Хибá бъ я теперъ звáжилась на ёго сказати, щобъ не при-
ходивъ, хоть би й смёрть мині за плечима по тому?«

— Просивъ тебе не приходити, Кáтре; а ти, якъ ёго любишь
вірно, то послухаешъ.

»А вже жъ я ёго послухаю!..«

И довго вона, по тому слові своєму, плакала — сидючи край
дорóги.

Тільки бачу, Маруся щось такъ, якъ не домовляє: то у зéм-
лю очи спустить, то щось у думці має собі... Якъ вилучила-
ся мині годинка, нішкомъ побігла самá до ноі.

»Марусе!« кажу, »щось мині той Чайченко не певенъ!«

— Якъ-то? — питає.

»Не любить вінъ Кáтрі щиро! Чи я жъ не правду кажу? го-
вори!«

— Та я не знаю, Хімо! — однаже мині, роздумуючись.

»А я дакъ знаю, що ти Кáтрі розказала не все. Ажé не все?..«

»Ні, не всё.

»Кажі жъ мині усé.«

— Та нічого, Хімо! Я щό тамъ чула, одъ Кáтрі не потаїла, а се, бачъ, въ мене мої думки...

»Дарма! розкажи тї думки свої!«

— Отъ, якъ прийшла я туди, — розказує — менé стрїла ёго мáти, та смутнá такá, Гóсподи мїлий! А якъ я сказала; чо́го я прийшла — вона заплакала сїльне... Нічо́го й не одмовляла вона на мої слова, тїльки усé плакала... Уступївъ и вїнь у хáту... Десь вїнь, Хімо, самъ у великихъ мїсляхъ, у скорбóтї... Такъ змарнївъ на видú.... Я говорю, що менé Кáтры прислае — и зда-лося мнї, — чи то такъ, мóже, зда́лося, — що вїнь, почúвши, не обрадївъ... Не ка́же мнї сво́го слóва, не пита́ менé... Тодї вже я самá усé переказáла, и що Кáтры хотїла самá до ёго прий-тї; а вїнь зáразъ похопївся: »вехáй не приходить вона, скажїть їй, будь лáска, — нехáй вона не приходить!« Вклонївся мнї та й зъ хáти пішовъ...

»А старá?« питаю.

— Постóяла я трóхи, та й берúся йтї до-дóму; тодї вона мнї, плачучи, зговори́ла: »Дївчино-лáстївко!« ка́же, »велика тóга на мо́єму сёрденьку, та, мóже, ще дóля на насъ зглянетця... перекажи́ тсе Кáтрі — щобъ вона такъ не вбивáлася; ще, мóже, усé на дóбре вїйде...« Та я й пішла...

»Щό́ тсе тамъ у їхъ — таїности? Щось непéвно... Чи не до-вести сёго Кáтрі?«

— То щό́ жъ ми їй доводити ма́ємо, ко́ли не зна́ємъ самї га-раздъ, — ка́же Марúся.

»Та я вже зна́ла, що Ча́йченко не любить щїро Кáтрі; не-хáй же й вона вїдае. Ко́лись такї ся правда справдїтця, — лóч-че нехáй теперъ. Скажú їй, та й гóді! А чи пойма́ жъ вїри вона мнї? Та й чимъ мнї довести? И якъ тогдї вона прийме?.. Якъ би на мене, то́ правда гїркáя краще крївди солóдкої, — вонó й здоровїшъ до́ того, — та не всї жъ бо такú вдáчу маюць.«

Думала я й передумувала довгёнько собї... Нї такї, я їй ска-жú!.. Я такú часїнку вїгадала, якъ вона не плакала, а вже по слéзáхъ, втомївшись, сидїла собї тїхо. »Кáтре!« кажú їй: »чи тї зна́єшъ пёвно, що Якївъ тебé любить?«

Вона глянóла на мене, якъ на дитїну малú, — осмихнóлася.

»А щό́с, кажú-такї, »якъ вїнь тебé та покине?«

Вона ще веселїшъ до мене засмїялася.

— Ты ще нічого не розумієш! — промовила.

»Може розумію краще, ніж ти«, говорю їй: »збоку усé вбачаетця видніше!« Звóжу на óчи їй чимáло таки́хъ, що любíли, та й покинули; що покинули, та ще й насміялися; íнші вишóкують тогó кохáння такъ, абí замутíтьця; а є й такі, що вимагають щíрости, не скажé для тогó тільки, щобъ зостáвити по-вiкъ нещасливими ймовiрнихъ!.. Усé свiтóве я їй довóжу гáрно, беруся розсúдливо, якъ могучí, — та шкодá могó рóзуму клопiтнóго! Якъ хто когó любить, то любíвий — и найкращий у свiтi и все вже добрó відъ ёго. Не думки намъ, що рóбить вінъ, якъ и íнші люде, — не гарáздъ; а така думка, що вехáй люде ёгó рóбомъ рóблять, то усé добрe бóде. Такъ-то мивí Кáтря одмовляла, щó їй розкажé — яку зрадó — вона й одмóвить: »я бъ и зъ-рóду такóго не кохáла пáробка!«

»А чомý твiй Якiвъ самъ не йдé, и не хóче щобъ ти приходила?« Чомý ёгó мáти хочъ не навiдаєтця?«

— Се вінъ знаé; вінъ мивí скáже.

Я вже тодi и доводити їй и говорити гóдi. Коли бъ вона хочъ розсёрдилася за що нéбудь, а то приймáє моi рéчи такъ, нáче я їй кажé, що Чáйченко птахъ, а не пáробокъ, — и зъ мéне ще вона смiётця: »нiчого не розумiєшъ!«

У хáтi у насъ несóгласка, сумъ. Бáтько хмúрий хóдить, мáти плаче та журитця... Кáтря за своéю тóгою, та за кохáннямъ, то й не зважáла на мáтерину журбóу.

»Матýсю! гóдi вамъ плакати! Абó ви Кáтрi не потурáйте, абó не плачте вже!«

— Вамъ, скóримъ оттакiмъ, лóчче у свiтi, — одкáже смúтно: — ви собi, якъ вже покладетé — »такъ бóде!« та й ведетé до тогó. А я, нещаслива, я не знаю, щó мивí пёршъ дiяти: не гáрно Кáтрi потурáти, та жáлко и впиня́ть — якъ я згадáю, якъ вона, моя голóбка, побивáєтця! Хiмó, моя дитино! хто ёгó й зна, щó тутъ и краще! Тутъ Кáтря моя гiне, а тутъ чоловiкъ скипáєтця проти мéне, — вже й на óчи не хóче приймáти...

Окрóмъ Шéляха, нiхтó ще Кáтрi не свáтавъ; а Шéляхъ, тогó жъ таки тiжня, якъ Кáтря имъ згордувала, засвáтавъ другó дiвчину, та й одруживсь. Та, булó, приберé свою молодóу жiнку, мовъ тóю крáмарку багáту, — тамъ-то намiста дорогóго, тамъ-то дукачiвъ; а самá жiнка манéнька, коротéсенька, та ажъ пiх-

че підъ тїми убраннями, — а вінъ усé її мїмо нашихъ віконъ у свято провáдять — самъ у такій шапці, якъ рéшето, у поясі шовково́му, черво́ному, що ажъ óчи въ себе берé. Идé, та повéрхъ нашо́ї хáти поглядáе: »щó 'тсе такé стоїть, що я ёго дóбре не бáчу?« такїмъ, бу́ло, поглядомъ поглядáе.

Пізно підъ вісень, тогó ро́ку, побрався нашъ бáтько у дорóгу. Якъ вихóдивъ: »бува́йте здоро́ві!« промовивъ усїмъ намъ загóртъ, та й пішовъ... Ми за імъ иде́мо, провóдити ёго за слóбоду. Ста́ли ма́ти гірко пла́кати, — вінъ трóхи зупинивсь и го́ворить: »ви собі робіть, якъ зна́ете; кохайтеся, коли вхі́тні, — а я на сво́ему слóві ста́ну: я за Ча́йченка дочкі не 'дда́мъ, по́ки живъ. Бува́йте здоро́ві!« Підня́въ протї насъ ша́нку, та й пішовъ дорóгою, — а ми у слі́д ёго дївимо́сь стоїмо́, якъ холо́домъ прибі́ті.

»Ка́тре! Ка́тре! дитїно мо́я!« вїмовила ма́ти: »въ яку́ се го́дїну ти зако́халася! Го́споди світе! Пішовъ, лéдві попрощáвся — коли́ се бува́ло?« Дивїлася за бáтькомъ, вилива́ючи слéзи, а вінъ усé да́лі, та й за го́ру зайшовъ, тїлько ще чу́ли, якъ гукáвъ: »гей! гей!«

Ще дослу́халися-сто́яли, та вже тїхо — до́дому тоді поверта́ли: »Ка́тре!« пита́е ма́ти, »чо́го задумалася?«

— Я хóчу Якова бáчити!

»Ой, дитїно мо́я! Чи не чу́ла, щó бáтько ка́завъ?«

— Я хóчу Якова бáчити!

Не тужїла вона́, не пла́кала, и на все, що її проха́ла ма́ти и зупинї́ла, и жалувáла, — на все вона́ одмовля́ла: »я хóчу Якова бáчити!«

IX.

»Ка́тре!« гово́рить ма́ти, »нехай я лу́чче сама́ підú туди́, — сама за все розвїдаю...«

— Ні, ма́мо, ні! Чи такї ви самї не бáчите, що ми́ні не до жа́нківъ, не до обі́тниць... Не збороня́йте ми́ні, ма́мо! Я не послóхаю васъ... я нещасли́ва — я на все підú...

Побра́вся ми у Лю́бчики, не га́явши ча́су. Намъ ва́жко бу́ло, а Ка́трю обня́ла яка́сь ра́дість божеві́льна: усé вона́ позга́дувала, и бала́кала не стихáючи. Спо́мьяну́ла, якъ ми бу́ли на вхі́дчи-

нахъ у Чайченка, якъ танцювала въ Булаха на весілі, пригадала знакомихъ дівчатъ Любчівськихъ и паробківъ, усі жарти и вигадки веселі наші, — отъ, ніби-то вона була десь у тісній, земній неволі, та се визволилася, и зновъ иймѣця їй на житте веселе и любе, и забігае вона вже думками поманливими...

Уступили ми сперву до своєї рідички; зрадили намъ, приймають. Въ хаті у їхъ усє такъ, якъ и було, тихо та сумірно. Чоловікъ її привітний, сама весела та спокійна. Вінъ вже сани ладна, вона кожухі переглежує: добра імъ осінь була, доброї и зими сподіваютьця... Здоровий величєнний кітъ мурій, на сонці потягуючись, мрукає — зъ свого доброго талану; волі високорогі половії дівлюютьця зъ загороди у двіръ поважно; білі гуси поспішаютьця на воду зъ горі; а чорнорябі каченята, крикаючи, у двіръ садкомъ берутьця; курі рознопєрі по усєму дворищу розбрилися, а півні не вгамонні кукурікають, місто вихваляютьця. Садокъ вже безлистя, а не пустій, добіляютьця полотна, розстєлені по землі, и ниткі розвішани по дєреві; сўшятьця на сонці грушкі й яблука на тичкахъ тонєнькихъ; у городі гуркі, на насінне зоставлєни, жовтіють, та гарбузі...

Стали мати прощатися, бо вже Катря давно коло дверей стояла, а рідичка просить: — погуляйте ще въ насъ, та погуляйте!

»Та я хочу ще Чайчиху навідатнє, каже мати.

— Ні жъ дома немає.

»Дє жъ вона?« спитали ми усі, а Катря голоснішъ одъ усіхъ.

— А поїхала у Хмєлінці ще позавчєра, до сїна.

»А синъ чогó тамъ?«

— Хтó єго знає! Вінъ вже давнєнько все тиньєтця дєсь... Наші люде єго бачили въ-останнє у Хмєлінцяхъ, а сє и мати поїхала туді до єго; вони жъ самі зъ Хмєлінцівъ, въ їхъ тамъ якісь рідичі...

И хаті білі й хазаї милі—немовъ піломъ приналі, по тій новинці, для насъ. Слўхаємо, якъ вони розказують та хвалютця и життемъ и людьмі; та хтó жъ не зна, якъ то слўхати легкі рєчі безнапастного щаснїці, при своїй лихій годїві? Се якъ тяжкнедужому припадають пахоці весняні, що й хóроше дочувати їхъ, и томлють на-уміръ...

Пішли ми собі до-дому, а Катря звертає до Чайченкової хá-

ти; схлилася на тинь и подивилась у тихий та пустий двір, біда сама, якъ хустка.

»Завтра я зновъ прийду«, промовила наче сама до себе.

Тільки ми тріхи вийшли за село, на перехресний шляхъ, наперейми намъ чоловікъ вóзомъ идé, волі поганяє—заразъ ми впізнали Михайла Иванénка: якъ ёго не пізнати? Дуже бувъ білявий волосомъ, а засмáлений вітромъ, опáлений сóвцемъ—то брови й усь наче впиомъ понялися. До-того, високого зросту, коцáвний, похіпливий, жвáвий... Сей Иванénко на-пропáло закохáвся у ярмаркáхъ, у кúплі та въ продажі: чи засівáвъ пашню: »се повезу у ярмарокъ!« чи жавъ, чи косівъ, чи вигодóбувавъ щó: »бúде чимъ поярмаркувати!« Чáсомъ вінъ, булó, й втрáтитця здóрово, а стáнуть ёму тé доводити: »то щó, що втрáтився! абí свíжа копійка!« Жінка ёго горувáла за нимъ: якъ одружився, то вінъ вже трéтю хáту се перенрóдавъ. Якъ нема ёго, то все жінка жаліетця лóдямъ: »Які хаточкí булі придóбні, які слáвні—поспрóдувавъ; тепérъ опоряджáю сю хáту, та й сю, мáбiть, продáсть; менé не жáдує, лiгъ моiхъ не ввáжує!« А якъ вінъ дóма гостює, то зновъ вона, якъ не жадá посварiтися—не мóжна изъ нимъ свáрку зачепiти. Вінъ iй привезé и очiпокъ, и серéжки, и хустку зáвсiди; вінъ свою кúплю такъ крáсно покаже, а продáсть—дóбре, тáкеньки слóвомъ передъ жiнкою примiнитця, такого iй новинóкъ нароскáзує,—а булá жiнка цiкава зъ цiкавилъ,—що вона ёго слýхає та й заслýхаєтця,—та тодi тумáнъ спаде, якъ вже вінъ зновъ зъ дóму вiхопитця куди у ярмарокъ.

»Звітки Богъ несé?« пита́ мáти Иванénкови...

— Зъ якóго ярмарку?—кажú.

Кáтра идé понéреду, не слýха, тiльки вклонилась Иванénкови, мáючи звiчай.

»А сес, каже, »бувъ у Зáйчикахъ, бувъ у Лебедiвци; у Хмелiнцяхъ бувъ...

— Дёсь-то вже ярмарокъ дóбрый у Хмелiнцяхъ, перехопiла мáти, отъ и Чáйчиха туди поiхала,—не бáчили ii?«

— Дё то вже не бáчивъ! Хóдить и вона по ярмарку, мовъ грóши загубiла.

»Чогó жъ се такъ? Тамъ же вони зъ сiномъ?

— А синъ хóдить якъ прóбу рóзумъ загубивъ. А гáрна удова́ веселiє, що загублене знайшла́.

»Якá удовá?«

— Хороша, молодá, свіжа... Отъ, коли бъ такých та спрóдувати, чи купляти, — були бъ торгá, кажú вамъ...

»Чи не знаéте, якъ вона на нмá прозивáетця?«

— Вбачáючи, — кáже, — дáво, та не спитáти, звiтки ваялóся?«
Вона Терничиною прозивáетця.

»Чи жъ Чáйченко ii свáтати хóче?«

— Тамъ ихъ залётчикiвъ бiля неi такогó, щó за дéнь не перéвшаешъ; — хтó свáтае, а хтó вiзьме — се-то вже вона знаé.

»Бувайте здорóви!«

— Щастi Бóже!

Кáтры нiчóго тогó не чýла...

»Бóже мiй, Бóже великий!« промовляла мати зъ жалемъ, идучi дорóгою: — »Бóже мiй дóбрый!«

Думали-думали, якъ ёгó лóчче Кáтры завiстити про те, щó чýли, та порiвнявшихъ, прóсто усю правду кáжемо. Мати плаче та вмовляе: »не журiсь«, та прóсить: »забúдь!«

»Нá що менé дурiти«, гóвóрить Кáтры зъ смúткомъ.

Ми присягаёмось, щó чýли одъ Иванéнка.

»Гóди! гóди вже!« тiльки одмовляе.

Якъ у хáту, увiйшла, припáла на лáви, схилiвшихъ на покúтне вiкóнечко — дiвiтця, та дýмае; а тамъ якъ звелáся — блiдá, блiдá!

»Щó тобі, Кáтренько, щó тобі?«

— Нiчóго! я подумала: щó, якъ би томú правда була, щó вiнъ iншу покохáвъ... я тiльки подумала, я вiри не йму... и не нiтиму...

На дрúгий дéнь вона такi зновъ пiшла у Лóбчки; була и на трéтiй... Щó мати гóворiла, сварилася — не слýхала... усé вона собi думала и частéнько на видú блiдла...

На зáвтрий дéнь вона зновъ у Лóбчки, и на позáвтрий — що-дня iде. Коли, булó, я за нею пiдú собi — вона менé и не заввáжить нáче; а заговорю до неi: »гóди, гóди!« перехóпить мешé... У Лóбчки увiйде (я вже, булó, усé ведú ii по-пiдъ горóдами, якъ изъ нею, пóтайно), приiде до Чáйченковоi хáти, подiвiтця на двéри позачiнюванi, на втiхлий двiръ, постóить та й додóму вертáетця...

X.

Одного ранку Кáтря вже убíралася йти у Любчики, коли сама Чайчиха до насъ у хату. Усі ми такеньки до неї й кинулися...

Сiлá старá на лавці, нитає, щó вь насъ, чи все гарáздъ, чи все дóбре. Я на неї дивлюсь — змáрвила вона чо́гось дуже за той часъ, що ми її не бáчили.

»Та не такъ-то дóбре«, одкаáує мáти, »якъ би сёрденько моё жадáло!»

— А щó старий кáже про дiтóкъ вáшихъ? Чи вiнъ коли надъ нiми власкáвитьця?

Кáтря, що все коло неї сидiлá та трепетáлась, при сiмъ слóвi якъ кiнетця, якъ обхóпить її рука́ми, якъ зарадає: »дó вiнъ? дó Якiвъ?« вiмовила.

Старá її жа́лує, — гóворить, що вiнъ ху́тко бóде до неї, що здоровий... Мáти взяла Кáтрю за рúки, а дала водiци...

»Колi бóде вiнъ, ска́жить мiнi!« прóсить стару́ Кáтря.

— Та зáвтра бъ ранёнько прийшо́въ, колi бъ не бáтько твiй...

»Нема бáтька!«

— То ранёнько прiйде.

»Зáвтра ранёнько!« вiмовила Кáтря, обiяла гóлову свою́ и вáжко зiгхну́ла.

— А щó жъ бáтько вамъ кáже? — пита́ Чайчиха, — що кáже вiнъ?

Тóдi iй мáти усé й розка́зали... Якъ сплесне́ Чайчиха рука́ми, якъ заплаче! »Гóсподи мiлий! за щó мо́му дитáтi щáстя нема!«

Мáти, самá у слiза́хъ, поглядáє на свою́ Кáтрю, та промовлáє: — гóдi! щó се ви!

»Вже до́вiку бóде дóля егó гiрка! Се та́къ ёму́ порóблено! Не бóде ёму́ цáри до́вiку! Не бóде ёму́ щáстя!

Кáтря схопи́лася; мáти уста́ла; усiхъ якъ хвiлею приби́ло до Чайчихи.

— Якъ порóблено? Хто ёму́ поробiвъ?

»А та жъ удовá, те моё ли́хо неку́че!« кáже Чайчиха, дри́бнi слёзи виллiва́ючи. »Не судiвъ Гóсподъ намъ порiднiтись, та ви мнi якъ найми́лiша родiна... Слу́хайте жъ усёго гóра мого́!

»Знаєте, що спершу ми у Хмелінцяхъ жили и була тамъ у насъ въ селі удова прехороша, пишна... Терничвою звали. Така-то вже жвава, говірка, така—що й летючі слова хапає... така-то до кожного прикидчива, приладна, лєсна... Я такі ще уперве, якъ її побачила, подумала: непевні очі удовини! Це жь сєрденько моє чуло!... Одколи завнався изъ нею мій Яківъ, ні до чого ставъ паробокъ—ні до роботи, ні до господарства, й гуляння покинувъ парубоцьке. Де вона, тамъ єго и очі, тамъ и гадки єго...«

Мати слухає, на свою Катрю смутно поглядаючи, слухає й Катря пильно; стоить, уста стиснуті. А Чайчиха усє розказує:

»Якъ я єго прохала: покинь, соколе, покинь, сизий! Не слухавъ:—такъ вона до єго прикинулася, такъ присєрбилася, що й світь єму весь завязала. Безъ неї, мовлявъ, мовъ не живий хожу. Вже якъ мині и за невістку не хотілося приймати, та вже Богъ изъ тобою, кажу, сїну, оженися. Заслали старостивъ... А вона жь? Насміялася зъ єго, матінко! Не пішла! А щоб, сїну, кажу тоді, не на моє вийшло? Вона усімъ рівно очіма світить, якъ тобі... покинь, забудь стидку! Вінъ усє не кїдавъ. Дїждавсь, що виявився багачъ зъ чужого села, и засваталася вона зъ тимъ багачємъ, а єго, якъ на воді лишїла. Щоб вінъ поскорбивъ тоді, щоб вінъ поболівъ—я знаю! Та щоб ви думаете? Яка недобра, яка незвичайна! ходить та й ходить, було, въ насъ предъ віконню—єму жалю завдає. Іде хороша, уряжена та весєла, и дивитця, чи нема єго дє; угледить—на добрі-день дає, на здоровья питаєтця... Таку покинути бь, та ще Бєгу подякувати, а вінъ усє любивъ... Дала вона якєсь даннї єму,—якісь чари чарувала...

Я, моя матінко, ріки слізъ вїлила—благала: сїну, оженися,—коханий, оженися! нехай же вона зъ тебе не смієтця. Довго вінъ менє не слухавъ,—а делі самъ схаменувся. Була у насъ дївчина, що єго давнєнько вже любила, ми до неї свативъ—дївчина не хоче... Мабіть вже перечула що такє, або вже то заподіяно такъ було: зъ другимъ паробкомъ дївчина повинчалася... А таа безббжниця єму, підъ вікномъ нашимъ стоючи, вигукнула: »бурлакуй увєсь вікъ, Якове, та любї тільки мої очі яснї!« И зъ рєготовъ пішла собі—у долоні плаще; а вінъ за нею у слїдъ біжить, якъ дитїна, а вінъ, якъ дитїна, плаче... Вона по-

бралася взъ тымъ своїмъ багачёмъ, поїхала изъ нимъ, та хутко зъ ёго родичами усіма посварїлася, зъ людмиї поневирїлася—не хотїла жити тамъ: вмовила чоловіка у Хмелїнцяхъ хѣту купити, и зновъ у Хмелїнці вкинулася... Тодї вже такє лихо прийшло, такъ вона Якова зводила, що вінъ и нездужавъ, и марнївъ. Люде вже стали хитати на ёго головою... Я усє спродала своє, и селїдбу и товаръ, який бувъ, та въ Любчики ми перебрали ся відъ неї... И Богъ мнї допомагавъ: Якївъ одужавъ, ставъ неваче трѣхи забувати, на вечорнїці ставъ ходити, — колись вінъ у мене міжъ усіма паробками такъ и сявъ! Отъ вінъ вашу дочку вподобавъ... Я вже долї ёму сподївалася, — сподївалася що старий вашъ такї змілуеця, — коли Якївъ: »не хочу женїтись! не буду!« Я плачу, я питаю, я падаю: — »не хочучь!« И прочула я, що въ неї чоловікъ вмеръ: — дє вже зъ нею на свїті задляеця! Несподїванна ёго, кажутъ, смерть спостїгла; а вона заразъ Якову знати дала, щобъ до неї їхавъ... Вінъ и поїхавъ... Я за нимъ; прохала, нѣчі не вспїяла, днї не вгавала—вінъ не слухає, вінъ для неї и матїръ стару и самого себе забуває... Дивлюсь, що по ярмарку за нею юрма женє, и мїй Якївъ помїжъ инцими... Я вже хотїла до-дому, та до васъ, усє лихо сказати, — коли Якївъ до мене прийшовъ, та й впавъ на лавї... Щѣ такє?... А се вчѣра изновъ вже засваталася зъ якимсь шинкаремъ!.. Стала я тодї Якову говорити, вмовляти—и вінъ слухавъ мене... Думали—якъ вашого старѣго вблагаемо, такъ и весїлля бѣде... Та, мабїть, вже подїя так! Мабїть, вже ёму не бѣде щастї! Маятисъ ёму одинокому бїдолаці!»

И стала Чайчїха плакати сїльне, и матї плаче. Кятря швидко взъ хати вїйшла; я-за Катрею.

»Катре! Катре!« клічу, — не озиваетца, йдє улицею швидко. Догнала я її, беру за рѣку, спїняю: »та куди жъ идєшь, Катре?«

— Не знаю... куди-небудь дальшь вїдъ хати... Такъ отъ чогѣ вінъ такої піснї спївавъ! отъ чогѣ вінъ смутовавъ! Вінъ не мене любївъ — іі!

»Тѣ—було, та вже теперъ пройшло — и тї не думай... Дѣбре, що обміркувався вінъ, — збачъ ёму: нема тогѣ дрѣва, щобъ птїця не сїдала!«

— Бѣже мїй, Бѣже! Вінъ мене не любївъ и не любить!

»Бодай тебе, Катре! хиб! и такъ въ насъ зъ тобою на лихо,

па сумъ нестáтки? Ти вже лúчче зъ Яковомъ поговорí, — нехай самъ вінъ скаже усé, чи вінъ тебе любить...»

Вона озирнётця на мене, — якъ схопить мене за рúку:

— Ти минí не згадуй ёго на имья! Я ёго вже не побáчу! Не хочóу!

Та й слéзи ревні íї словá перехопíли... Гóсподи! якъ вона плакала, якъ ридáла! Якими доприками палкими, якими гíрськими ёго дорикала! мене не слухала — не чула...

Тáмъ утерла слéзи и зновъ швидко завернулася до хáти. У хáті. мáти зъ Чáйчихою горóють у-двiйзi.

»Я не підó за вáшого сiна«, промóвила гóлосно Кáтря.»

— Якъ? Щó? — питае Чáйчiха, переликавшись чи íї гóлосу, чи íї пóстатi. Злякала й мáти.

»Не підó за вáшого сiна«, ще гóлоснiшь гóворить Кáтря, »не хочóу. Хоть и бáтько давáтиме — не підó!«

Мáти ажъ рúки до нéба простягла, а Чáйчiха слiзьми вливалася.

— Чáри, кáже, чáри! Я знáю! Не дúрно вона ёму крикнула: »бурлакúй довику!«

Усi плачóть; Кáтря стоiть нерухóма у стóла, тiльки дiше.

Чи то вже тáкъ упéвняна булá тимi чáрами старá Чáйчiха, чи щó Кáтря такъ свої словá вiмовила непóзибко, Чáйчiха тiльки сказала: »такá вже дóля!« щé поплакала, пожурилася, любó попрóщалася зъ нáми — (Кáтрю якъ обнялá вона, Кáтря ажъ издригнулася), та й пiшлá собi до-дóму, горóючи.

Кáтря за нéю у-слiдъ подивiлася. Сiла на лáвi и дивiлася по хáтi, дивiлася на насъ пiльними та бистрiми очiма, вáче вона щó поховáла — та недóбре ще обмiркувалася.

»И дóбре, дóню«, озвáлася до нéй мáти, — »бáтьку покорiлася... переiде тúга, знайдешъ собi до пáри... «та й хотiла íї пожалувати...

Якъ же заридáе Кáтря, якъ затúжить! И не вгавáе плачёмъ своїмъ. Мi коло нéй хóдимо, мi коло нéй падаемо, а то вже склáли рúки та й не поворóшимося.

Минóвъ рáнокъ, минóвъ день, поминóвъ вéчiрь, нiчъ минáе — у насъ вь хáтi ридáння гóлоснé та гiркé, та розпáчливе. — Зъ утóми переставáла плакати, а скóро занесé íй гóлосу людськóго, гóмону деинóго, скóро у тiшi вочнiй вiтхнé мáти, абó я ворух-

нусь — усé те, ко́женъ о́дгосось наче побужае, наче додае ту́зі сили—и ту́жить вона́ зно́ву, и ридае, и побива́ється.

Прийшла́ до насъ Мару́ся. Сидимо́ усé т́хо собі у сму́тку. Ніхто́ не по́раетця, не ро́бить нічо́го. Такъ и сидимо.

Бра́лися заговоріть до не́ї, коли́ Катря якъ кри́кне на насъ:

»Ну, кажіть міні, що́ ви каза́тимете,— кажіть, чи не ме́рлі вставітимуть?« Та одхиляючи насъ відъ се́бе, та не слухаючи насъ, наріка́ти ста́не, жалкува́тися: »Коли́ бъ же хочъ попроща́тись прийшо́въ — коли бъ же хочъ ще́ разъ ёго́ побачити!.. Якъ я гляню на ёго? Та міні зъ-за ёго́ плеча́ удовпне́ лічко красові́те дви́житиме... міні іхъ лю́бі слова́ чу́ютьця, я іхъ коха́ння спочува́ю, въ ме́не се́рдце схне́!.. Покінула ёго́!.. Ба́ць, чо́го вінъ смутова́въ! А я, щобъ ви зна́ли, я ёго́ ще́ більшъ за той сму́токъ любі́ла, я ёго́ ще́ лу́чче жа́лувала, я ёго́ якъ розважа́ла!.. Охъ ва́жко, ва́жко жъ міні!..

— А чимъ ви́в віненъ, що́ пе́рше любі́въ?— ви́мовила Мару́ся.

»Хто́ ви́нний, що́ я пропада́ю? хто́ ви́нний?«

— Коли ти ёго́ вірно́ люби́шь... — щось поча́ла зно́въ Ма́руся...

»Чи жъ я́ не любі́ла вірно? чи я жъ не коха́ла щіро? а те́перъ міні що́? Лу́чче бъ я ёго́ похова́ла!«

ХІ.

Ча́сь збіга́въ; ту́га яка́сь по-гро́ху вти́хла—та́ на усé розля́лася. Пішли́ся тоді́ Катрі́ отті́ ра́нки до́вгі, а ті́ вечо́рі ще́ до́вши, ті́ дні, нія́къ непе́ребу́тні, — що́ все сиді́шь та ду́маєшь, яке́ ли́х тво́є и якъ́ прийшло́ на те́бе, и якъ́ не поки́не те́бе ніко́ли.

У-ночі́ вона́ ма́ло спа́ла;—устане́—ні́ объ́ чимъ́ не дба́є; са́де́ коло́ вікна́, изло́жить ру́ки, сидіть та́ въ віко́нце дівитця́. Таке́ньки т́жні́ сходи́ли, що́ вона́, живу́ща, бу́ла на́че ме́ртва. И ми́ ходимо́ — на́че що́ въ ха́ті́ вме́рло. А ра́зомъ, яко́го-не́будь весе́лого, промене́истого́ ра́нку, або́ т́хого́ те́много́ веча́ра, вона́ якъ́ оживі́є, — таки́ми ре́вними, гірькі́ми слеза́ми оби́летця! И ту́жить, и рида́є, и бьётця́ до вто́ми... — и зно́въ сті́хне, и зно́въ на́че ніщо́ і́й не дохо́дить до-жи́ва.

Хотіла зъ нею мати говорити, хотіла питати, — просять: «не говоріть нічого, и не питайте нічого.» Ні зо мною, а ні зъ Марусею розмови не хоче; часомъ ніби зъ насъ сміється.

Мати журілася дуже. Пилипиха усю пригоду нашу знала, а радн не знаходила, хочъ яка була мислива собі. Вона тільки судила, та сварілася, що мати коритця чоловіку, що зъ того усє лхó встає, — та більшъ вона доводи́ла того гнівóмъ своїмъ, а ніжъ словами.

Діждали ми батька зъ дороги. Повернувся вінъ такий, який пішовъ — не ласка́вий. Осмáлений сонцемъ та обвітряннй, здава́вся вінъ ще похму́рвіший ніжъ бувъ.

Повернувся до-дому у-вечері; ми ще не лягали, а вже всюди було т́хо, якъ ёго гóлосъ грізнйй почу́вся. Ми кинулися, я и мати, ёму на зустрічь, клічемо Кáтрю за со́бою: «иди́ батька стрічати.» Вінъ у двіръ уступивъ, насъ минаючи, тільки мóвчки вклонився, — ми такъ и стоїмо; — вінъ опорядивъ усє, — тоді у хату, сівъ на лаві оддалікъ одъ усіхъ. Мати вечєрати просіла — вінъ кивну́въ головою, що добре, и вечєривъ усє мóвчки, усє не діячнсь на насъ. Тільки одного́ разу ёго óчи б́стри споглянули на Кáтрю п́льно, — наче бъ осмáлене обліччє побі́мло трóхи, а вінъ нікому не сказа́въ нічого.

А Кáтря стоїть коло стінй, самá, якъ стіна́ біла, — бачу — зомліває. Добачає те й мати, хоче мóву почати зъ батькомъ, та гóлосу нема́ слово в́мовити.

»Втомівся я, ка́же батько.

— На добра́-нічь вамъ, — (клáняюся ёму); уз́яла Кáтрю за рúку, та й в́вела за со́бою съ хати у світли́цю. Вона́ сіла и труса́лася уся́.

»Щó то́бі, Кáтре?« питаю. »Чи ти батька изляка́лася?«

— Ні, ні... я тільки спогадáла... якъ то́ді блага́ла я батька, якъ наріка́ла!... то́ді въ мене було щáсте... тепєрь вже ні-объчímъ мнв́и просіти до́ма, нічóго сподівáтись зъ сторонй... Нема́ въ мене нічóго, — я самá нещасла́ва!

»Втихни, Кáтре, втихни для батька, батько почує, — годі!« вговоряю її.

— Втиши́ жъ ти пєршъ моє сєрце! — одмóвила, ридáючи.

Нічь ишла́ въ ту́зи та въ жалю́. »Тємная нічь яка!« промóвляла Кáтря суму́ючи, — яка тємная та довга́я!« А стáла зоря́ роз-

світати, стало сонечко ясненько сходить, — каже: »Вже й зорієтця! Вже сонце; — день, — якъ ёго перебути до ночі — Бóже милій!»

Мати тимъ тильки своєю журбóу тишить, що сée безталанне Катринне бóде батьковí вгодне; — хутко й поспішила ся сказати ёму: »Катря вже не хоче самá за Чайченка.

Дуже батька слова її зрушилн. »Повісті, якъ усé було, — не мнинí нічого!» велить.

И усé ёму мати повістíла — щó було.

— Зглянься на дитину бідну, друже мій, — просить батька: — вона послухала, покорíлася, а нещаслива...

»Вона не менé послухала«, одмовивъ батько, та й задумавсь.

Мати бóязко на ёго споглядала — гнiву не вбачала, тильки думу-думу на чолí висóкíмъ похмурíмъ!

Далí вінъ пішовъ собі наъ двóра — такъ, якъ мкъ гаю побрався, — а тii порí вже не було ніякого дiла въ полі...

»Якъ вінъ привнявъ тée — не знаю«, говорила мати, смутно вглядáючи ёго до-дóму.

Вінъ повернувся у-вечерí мізно.

У-вечерí усi у хатí зiбралися, усi вкунí перебули ёго, довгого вechора того. Усi робили коженъ свéе дiло.

И багáто тiхъ вechорíвъ довгихъ перевелóся въ насъ безъ розмови, безъ гóмону, — отъ якъ, бува, при недужому, що къ смертí недуге, сидять люде не зглянутьця, бо смутний коженъ поглядъ, не розмовлятьця, бо нема íмъ у словí поради, а часъ íде, тихо íде, дуже тихо, — то, нiби, разомъ якъ промигле кiлька годiнь, и зновъ ледвi точитця, а кóжна хвилина вóжко прилягае на душі...

XII.

Щó далí, то гiршъ сумовала Катря. Жалю свогó збулася, а обнявъ її самий сумъ. То було коли озветця до насъ зъ Марусею словомъ сердешнимъ: »ой вáжко, Марусю! ой вáжко, Хiмо!« а то зовсiмъ одцурáлася усiхъ. Лiску прийня, не вважаючи; щó спитаешъ въ неi, заговоришь — »щó трéба? чогó хочете?« До матерí якъ не рiдна дитина; вiдь батька далéко сторóбитця... Дé таъ въ селí притóда, дослухаецця, якá хто, журитця, плаче — iй

наче либо вдвлятися, обміржувати тутъ — и дівитця и слўхае вона такъ, що ніби їй не жалко, що серце болить, а жалко, що чоловік нікчемъ у світі, и говорить-було: »Отсе люде! що той рбзумъ людський!«

Стала вона якась холодновата, спокійна, хочъ и сумна, и смутнаа.

— Бóже мій, Катрўсю! — згадаю їй: — якъ колись — що ти за весела була!

»Була веселас, одкаже, »бо перше було жити лóгко у світі, якъ дурному зъ горі́ бїгти... тутъ мині дó-що нахваталося — зупинило мене... Спитала я тоді: що то за житте наше? И на що чоловік живе? Пó що у світь родитця? Живе на мўку — родитця на смерть. Нічого шукати, ні по чімъ болити — усé прохóдитъ, якъ димъ, усé минае, якъ зїйна...«

Почне, було, тóчекки говорити, тїльки слўхаемо зъ Марўсю. Нагнїть було хóлоду своїми словами.

— Скажи мині, Катрўсю, — питаю одного разу, слўхаючи тї мови і́ суворї, — чи ти вже не любишь?

Та й сама злякала, що нагадала їй, а вона всміхнулася.

»Не бїйся, не бїйся«, каже »я́ вже не плачу теперъ, я вже не ревнўю, та й не кохаю...«

— Якъ? вже забўла?

»Ой, Хїмок, промовляє, »якъ усé світовé минае! И коханне и радóнці, и гóре — якъ усé минае! Що було намъ дорогé надъ дўшу, — бачимо, ажъ порошок пїльна!..«

Змагаєтця зъ нами, що нема у світі а ні добрихъ людéй, а ні правди у людéй. »А дé ті правдїві? Кудї глїнуть, що стўплять, то все не по правді. А дé ті добрі?«

— Мати жъ наша? кажў... — Переконїла мене: »Мати, батько, родичї? Та свїй своєму по неволї вже братъ! А нехай-но вь одну рїчъ вкохаютьця та владутьця — побачишь тоді, якї добрі и яка правда!«

— О, ё у світі добрі люди, ё правда! — говорить Марўся.

»Хїба у нашихъ мїсляхъ нзъ тобою!«

— А що се, Катре, — кажў, — се вже ти одна, мабїть, сама-одна певна людина на світі?

»Що певного у світі? Отъ мині певно тé тїльки, що я безщасна...«

Непорушімо вимовила свої слова... Згадують такевьки давнього давна поховане и приплакане. А ми измóвкли. И отсе ні ласкою, а ні жартóмъ не визвóлить її и на хвиліну зъ того лёдоватого сýму...

Мати терпіла та плакала мóвчки; дармо, б́уло, озивáтися до Кáтрі... Бáтько тежъ слова не ронивъ; тільки бáтько одмінився якось... Якійсь поглядъ у ёго часомъ бувъ, що я ще въ ёго ніколи не бáчила... Не постерегла тогó мати, и вжé жъ ни Кáтря, а щось у ёму одмінило. Се я, цікава, самá тільки я завважила. Ставъ вінъ ніби на видú нохмурніший, а ласкавший; мовч́ущий якъ перше, а унятливий; ставъ піклуватий такий, казавъ би віжний...

Якось Кáтря, дивлячись у вікóнце, промóвила: »Усé хмари, усé негóда! коли вже те ясно б́уде! коли теплішъ стане!« То якъ вінъ виглядавъ тогó ясно! якъ ждавъ на те тепло! якъ ще зъ-вечора виходивъ и дививсь пильно та вважливо округи на небо!

Кáтря лёгко спáти стáла, не досипáла у ночі; а, лучáлося, у день засне коло свогó вікóнца. Увійшовъ одного рáзу бáтько — дверіма грукнувши. Кáтря издрігнулася... Якъ вінъ після тогó тихенько уступавъ завсiди, абó переживавъ на-дворі, на пекучому морозі, щось ніби тамъ рóблячи, а нудячись безъ діла, поки довідаецца, що Кáтря обудилася!

Якось принесла до насъ Пили́пиха кожущáночку — хвалилася, що добра — »А справді добра«, казала Кáтря.

— Добре, коли бъ и тобі такú, — говорить Пили́пиха. »Добре бъ и мині«, каже Кáтря.

На другий день ráно, бáтько изъ двóру поїхавъ, — у тиждень повернувся — ажъ у другóму повіті бувъ: привізъ намъ усімъ нові кожущáнки. Даé Кáтрі — якé понуре ёго облічче було и якъ трусилася рука даючи! Якъ вінъ прийнявъ якось покiрно, що вона брала не глядячи щó берé, и дякувала... Якъ вінъ поспішився у місто, коли вона сказала, що тамъ крáщі черевіки, ніжъ у насъ!

Чáйченка ми не бáчили, а ні старóі ёго мáтері. Часомъ, було, перечуешъ черезъ дівчáтъ, що зостріли де, абó такъ їхъ на нмья згадують — тільки ми й знали.

XIII.

Чую, той мині каже: »Маруся зъ лиця спалає, той менé питає: »чи Маруся нездужаєє, — Пилипила прійде, говорить, що дочка въ неі вьяне, и хвалитця, що хутко ий поможетця, а часомъ по чванливому обличчю бижать слэзи дрібні... И сама я бачу, що Маруся занепадає.

»Маруся, що тобі? Ти чогó-сь журисся?« кажу ий.

— Ні, — говорить, — мині нічогó, и я не журюся.

Катря бачить, слухає — и все ий байдуже. Одногó жъ разу ми сиділи зъ нею самі, я почала про Марусю ий згадувати: що се ий такé сталося, що вона така, а нікóди не жалитця, и не бачила зъ-рóду я, щобъ вона плакала. Думати бъ, мати не ласкава, такъ мати й перше била така сама — а тепереньки тільки що ради не прóсить — жалко дочкү. Я отгакъ говорю, Катря задумалася. Думає, думає, мовъ що пригадує, — та обертаючись до мене:

»А знаєшъ, чогó Маруся така стала? чогó Маруся схне? Вона Чайченка любить!«

— Отсé! — покрикну. — Щó ти, Катре! схаменись! Та вона знала, що вінъ иі не любить...

»Дарма! та вона ёгó кохає! Я не знаю, якъ давнó я сёго не зрозуміла, ще тоді... А потімъ я вже не думала, забула усé...«

— Та по чóму жъ ти вважаєшъ? Чи коли вона ёгó згадувала? Вона жъ одъ мене, здаётця бъ, не крилася... Вона жъ тепёръ нікүди не ходить... А, мóже, й кохає, та когó ишого...

»Ёгó! ёгó! се напéвно. И давнó вже кохає. Вона жъ ёгó перше насъ зазнала. Памьятаєшъ, якъ усі ми тоді, веселі та дурні дівчата, прибіраючись на весілля, якъ ми питали въ неі про ёго и якъ вона одъ насъ втікала, якъ не хотіла розказувати и якъ нічогó не розказала, — памьятаєшъ? А якъ менé питала, чи я справді ёгó кохаю? А якъ заступалася за ёгó передо мною? Чи усé ти памьятаєшъ?

Тоді я усé згадала собі, и те весілля, и слова усі Марусици; згадала багато чогó, що перше знала, та не дбала, — та й сама задумалася: мóже воно й справді такъ. А все ще віри мині не

шмѣтця. Якъ же се я не постерегла бѣ того? Очи жѣ мої усѣ бачили добре — дѣ жѣ провидливість моя непомилешна? Де мій рѣзумъ бѣстрий?

Я хочѣ такъ собі не приказувала, та тавеньки думала.

Тільки мині хвильночка вільна, — я зразу до Марусі побігла; постукала у віконцѣ: »Марусе, Марусе, голубонько! вийди хутенько!«

Вона виходить, а я до неї тимъ такій словомъ: »Марусе, ти кохаєшь Чайченка?«

Вона надригнулася и пильно на мене поглянула, тихо її очі засяли; личко сплахнуло рум'янцемъ, и каже мині: »то що?«

— Правда сѣмү, Марусе? А я Катрі віри не в'яла, я не думала... И дуже ти ёго любишь? И давно вже?

»Я за ёго умерла бѣ«, говорить, дивлячись поглядомъ своїмъ добримъ, а смілимъ: »я для него бѣ у свѣті жити рада... а люблю я ёго давно, давно... завжди люблю, якъ знаю...«

— Вінъ же до тебе не залицявсь ніколи, Марусе? Вінъ до Катрі... до іншої...

»Нехай здоровъ буде та щасливий изъ тією, що покохає собі...«

— А тобі жѣ, Марусе? Тобі тільки мука, печаль та горе?

»Хочѣ горе, — я відъ ёго усѣ прийму за добре.«

— А мати жѣ твоя?

»Що жѣ мати моя? Я їй тимъ не докучаю.

— Та вона замічає, що ти в'янешъ, вона тимъ печалитця..»

»Коли бѣ же діялось по моїй волі, коли бѣ мої сила, то я бѣ рум'явила!«

— Якъ же ти заміжъ підешъ?«

»Я не піду заміжъ.«

— А мати стане силувати.

»Що жѣ?... важко мині буде.

— Та вже жѣ важко за вельобого йти!

»Ні, я кажү — буде важко, що мати вмовляти стане, а я не піду...«

— Та чогό жѣ дождатимешъ? На якѣ добро впов'яєшь?

»Я нічогό не дождатиму й ні на що не впов'ятому.«

— Та вінъ не знає и не дбає, що ти ёго кохаєшь!

»Нехай! Абї я ёго кохала.«

— Ліхо тобі изъ тимъ коханнемъ буде та горе, а радощівъ я не сподівуюсь:

»Коли не судилося милого щастя, нехай міле горе буде...«
— Прощавай, Марусенько! — кажу їй.

»Бувай здорова!«

Провелá менé трóхи, ще попрощáлася, й пішла до господи тїха та яснá.

А я додóму. Иду собі та думаю: чогó-то на світі не бувá, абі здорова нáша головá! И той Чáйченко! Чи вінъ у барвінку купаний, що такъ дівчáть чаруе? Коли вже на правду йде, то й мині вінъ чи одну нічку снівся? Вже я ходїла, ходїла до голови по рóзумъ, поки скаменїлася... Подумáла, зїтхнїла, та й скáзала: »гóді!« И гóді.

»А щó?« пїтá Кáтры вь мене, всміхáючись, »чи жь я не вгадáла?«

— Твоя правда, — кажу. Нещаслива дівчина! Жáлко мині її дуже! Гіркá їй доля судїлася!

»Гірько даремне кохати,« промóвила Кáтря, »гирько даремне дожидáти, а ще гирше не кохати й не дожидáти!«

Зь Марусею вона про се не заходїла у розмóву, хибá такъ, на здогадъ, що скáже Кáтря: »вá що те кохáння у світі?« А Маруся: — а коли сэрце кохáє—якъ не кохáти? Кáтря собі: »Який прибитокъ зь тїхъ любощївъ, — чи жь вáрти?« А Маруся: — не знáю, тїльки нїхтó не залишїть свого кохáння...

Чáсомъ Кáтря якъ посмівáетця, чáсомъ нїби якъ завїдно їй чогóсь стáне...

Все вона світомъ нудить, все ні до чóго у неї нема охóти, ні до чóго жадóби.

— Кáтре! — кажу їй, — такъ ти дїло робїшъ, голубко, якъ мóкре горить!

»Абї-то!« вона мині, »абї день до вéчора!«

Мáти їй убрáння хорóші та пїшні купуе — вона лéдві подївнїця: згóрне, та й забуде; мáти послá її у гостїну — нехáй розвáжитця: вона йде усюди, та й усюди світомъ нудить.

Мáти дуже тужїла, та ще й страхáлася — щó буде зь нею. Менé прóсить: »не одхóдь ти одь Кáтрі, покїнь усé, ходї изь нею!« Бáтько нїчóго не вимовлявъ слóвомъ, а рáзъ-у-рáзъ, дé ми йдемó, ёго скрізь стрїнемо несподівано. Нїчóго не скáже, — спогляне на Кáтрю, и минé...

Кáтря ще любїла гуляти по полáхъ, по степáхъ, по лісі:

Ходимо зь нею — я на неї дивлюся, а вона́ округі́, розмови нема́. Такі́ бу́ло́ ходимо, що́ й пта́ства не поло́хаемо...

XIV.

Броді́ли ми такечки одно́го ра́нку. Погóжий, ясний та весéлий бу́в ра́нокъ той лі́тній — и зайшли́ ми дуже́ далéко, ажъ до печéръ самі́хъ. А місце́ ди́ке таке́, неосéляне! Білі́ крейдяні́ шпилі́ гирь ло́щять на со́нці, та міжъ гóрами кóтить рі́чка глибо́ка — ні дрéва, ні квіту, ні щебетáння...

— Кáтре! — кажу́: — чо́го се ми тутъ при́йшли?

»Ходімъ у печéрі«, говорі́ть міні́, та зь ці́мъ слóвомъ и йде, а я за нею. »Не ході́, Кáтре!« прошу́, »вона́ йде.

Тéмно бу́ло у печéряхъ зовсі́мъ и хо́лодъ свіжий поні́мавъ. Дé, звéрху, у горóвú розпáлину, со́яшний про́мінь роні́въ сся́ющу стя́гу.

Кáтря йде́ усé далі́ та далі́ — вже дúшно міні́: — »верні́мось Кáтре!« йде́ далі́... Вже ми набрі́ли те місце́, де ка́мьяна́ по́стіль помості́лася — крейдяні́й обва́ль, а на ё́му мéньший якъ узо́ловісь. У тій печéрі навві́шки бу́де такъ, що́ тільки стáти схи́лівши гóлову чоло́віку невели́кого зрóсту; на сті́ні хресті́ ви́биті, а передъ тими́ хрестáми на долі́вці́ я́мка: сто́явъ тутъ хтось ро́ки на мо́літві, ажъ мо́лячись у зéмлю вхо́дивъ.

Кáтря сто́яла, диві́лася и думала, — не впокі́йна, тривóжна... Якъ првонé зь се́бе корáлі доро́гі — гéть одкі́нула — тільки вони́ гурь-гурь — розкоті́лися! Я кі́нула́ся зб́рати: — »що́ тобі́ таке́, Кáтре?« а Кáтря впáла коло́ тії ка́мьяно́ї постéлі на ко́ліна, розли́ветця слі́зьми.

»Кáтре!« покрі́кну: »що́ ти рóбишь?«

А вона́ не слúхає, не чу́є, у слі́захъ вели́кихъ!..

Ледві́ я її вівела́ зь тії́ печéрі на сві́тъ Бóжий. — »Що́ тобі́, Кáтре?«

Вона́ якъ стáла, якъ глі́нула — чи жъ пізнáти її бу́ло! Отъ náче до́вго та до́вго тиня́лася по чужі́хъ, та разóмъ несподі́вано роді́ну усю́ свою́ знайшла́ — заспокоена та раді́сна, та сама́ диву́етця...

»Химо!« ка́же до мéне, »я у чорні́ці підú.«

Я скамені́ла — якъ сто́яла.

»Бúде міні́ спóкій«, промовля́є, раді́ючи.

— Вь чорніці! — кажү, — а мати жь? а батько?

»Ходімь додому, ходімь«, перехопіла мешэ, »нехай вже менэ вряжають!«

И додому поспішила, а я за нею.

Увійшли у хату. Було саме тоді свято; батько й мати сиділи у стола говорючи. Кятря імь вклонілася до нігь я прбсить:

»Тату, мамо! Я підү вь чорніці, — я буду Бóгу молітись.«

Мати такь рукамі и сплеснула. Батько уставь.

— Катре! Катре! покрывне мати.

»Я підү у чорніці«, промовляе Катря, »стану Бóгу молітись.«

— Ти жь вь нась одна дитина едина, ми тобою втпшатиь хотіли, а ти нась думаешь покинути при нашій старости... — плаче матп.

»Я за вась буду Бóга просити«, каже Катря.

— Гóді, дóчко, гóді! — мóвить батько: — я тако́го слова щобь бильше не чүвь відь тебе!

»То ви менэ не пúстите?« покрікне Катря. »Пустить менэ! Не губить моéи души!«

— Я сказа́вь: годі — то й гóді! — звóвь мóвить батько. — Я ніко́ли тебе на се не благословлю!

— Чи жь тебе Богь милосéрдний прійме, якь родітели не благословлять, мо́я дитино? — вмовляе мати.

»Пустить менэ... не губить моéи души... Я підү, пустить менэ!...« слово одно Катрине.

Зь того часу усе просілася у чорніці, просілася та плакала. Нікүди вже не йде — сидить у хаті — плаче.

Тїждень збігь.

Одного ранку прокїнулись ми, — нема Катрі: де вона? Я клічу — не озиваетця, — я кїнулася скрізь шукати, шукаеть й мати — вігдэ нема, ніхто зь сусідь не бачивь.

»Десь пішла проходїтись«, кажемо, а самї вже не впеvняёмось, вже серце мре... Нема Катрі и опїдня; вечірь, нічь не вертаетця. Яковó-то було матерї перетрївати; яковó їй було батькові оповістити, — а батька той день дома не була. Якь почүвь вінь — біленький ставь, зовсімь біленький...

»Ко́лі?« спита́вь.

— Вчóра ранесенько, — прокїнулись, вже її нема! Усе своє покинула пішла! — вбиваетця мати.

Батько коні запрягъ свіжі й поїхавъ з́аразъ. Два дні ёго не було, — на третій повернувся наче зъ-підъ землі.

— Нема́?—питає ма́ти, хоть ще здалека ёго самого побачила и заплакала.

»Нема́«, одказавъ.

Ще шукали, ще питали — не чу́тно ниде́, ниде́ нема́ її, якъ въ во́ду впала.

— Де́ жъ вона́ пішла? Де́ жъ вона́ поділася? — разъ-у-разъ го-ворить ма́ти:—може те́перъ у великій приго́ді, може...

Батько нічо́го свого́ не ка́же...

Нема́ у світі гірше́, якъ та невідо́мость, непев́ность: що́ ні заспоко́итьця, ни зажу́ритись до́бре на да́сть; та́кеньки ми́ жили́. Що́ годі́ни Ка́тры хова́ли, що́ годі́ни зно́въ опоживля́ли; усі́кі її приго́ди й біди она́кува́ли, то зно́въ надію скла́дали, що́ Богъ її у все́му допо́мже и на до́бре виве́де.

Гово́римо, було́. изъ ма́мою та зга́дуемо, — ба́тько слуха́е, — брово́ю не сдви́гне... Прихо́дили разъ-по-разъ лю́де одві́дати насъ, а найбі́льшъ тіхъ молоді́ць-жалі́бні́ць убі́гало, що́ вони́, було́, въ насъ и нашебе́чутця и наплачу́тця.

Дуже суді́ла насъ Пили́пиха, навча́ючи, що́ самі́ провині́ли, а ще дужче жу́рилася сама́ нашо́ю напастю́. Дуже тяжко́ смутовала́ Мару́ся.

Пережи́ли ми вісе́нь и зи́му; ди́ждали зно́въ весні́. Чу́токъ було́ чимало́ для на́шого жаха́ння й споді́вання. Прочу́ємо, що́ де́сь тамъ, въ пові́ті, ба́чили дівчину́, ні́кому незна́ему — ба́тько іде́ пита́ти—объя́жжа́е округі́ шука́ючи. Прочу́ємо, що́ де́сь ме́рлу зна́йдено—іде́ ба́тько на не́ї подиві́тися; чи уто́плена по-ня́то—іде́ ба́тько її побачи́ти. Пев́ности дожи́даемо—пла́чемо; до-зна́ємось, що́ не вона́—дя́куемо, ра́ди—и зно́въ пла́чемо та су-му́ємо, що́ її слі́дъ запавъ́.

Ко́ли клі́чуть одно́го ра́на ба́тька й ма́тиръ до свяще́ника. Ма́ти й наля́калася, и зра́діла, и запла́кала.

»А по що́ то?« пита́ то́го дя́ка, що́ за ні́ми пришо́въ,—«ко-лі́ зна́єте, ска́жіть намъ, голубчи́ку!»

— Ми́ні ба́тюшка нічо́го не призна́ввся, то́ й я не зна́ю нічо́го, — одка́же дя́къ.

Та́кий бувъ спра́вді. що́ самъ со́бою не зна́въ нічо́гісінько,— и голі́вка въ ёго була́ така мале́сечка, якъ зѣ́рнятко.

Приходять батько и мати до священика, а він їмъ каже: »дитина ваша жива.«

— Господи Божє мій добрий!

Росказує тоді священикъ, що вона вже въ монастирі далєкому, ажъ підъ Кїевомъ дєсь, и отсє листъ єму пішуть зъ того монастиря, що така дівчина зъ вашого села прийшла у нашъ монастирь и зосталася, маючи велике жаданне чорницею бѹти;—а роспитали въ неї, що родителїв має замѳжнихъ, то нехай родителї оджалують їй дє-що на прожитте, бо вселїлася вона у їхъ въ такїмъ убѳжествї, що й не сказати; чорниці якї милостївї здарували їй що-мога; а ще нехай родителї не заборонять їй спасєнія, бо се тяжкїй грїхъ їмъ бѹде, и нехай присилають дочцї своє благословєніє. »Мѳлимося Бѳгови«, пішуть, »а васъ прѳсїмо, щобъ напутїть и навестї родителїв на добрі и хорѳші мїсли та вчївкї.«

»Пишїть дочцї благословєніє«, каже священикъ, — »не спорьтєся, не відмагáйтєсь — все рївно її не вєрнете, а жалю нарѳбите, и грїхъ вамъ бѹде.«

— Не вєрнетця вже?—пита мати та плаче. — Нїколи вже не мѳжна?

»А вже жъ«, одказує священикъ: »пишїть благословєніє.

— Хай же її Богъ благословїть, мою дитїну! — промѳвила мати, — хай Богъ її благословїть!

А батько стѳїть — не говорить.

»То й добресъ, хвалить священикъ, поглядáючи на батька, »я такъ и напишў, що батько й мати благословляють...«

— Нї, — озвãвсь тоді батько, — за мене, за батька, не пишїть, бáтюшка; я не благословлю.

»Якъ же? Та се грїхъ тобі великїй!« страхáє священикъ.

Батько зновъ нїчѳго не говорить.

»Гѳді, гѳді вже!« вмовляє священикъ.

Батько усє нїчѳго не говорить.

»Напишў, що батько й мати благословляють.«

— Нї, бáтюшка, батько не благословїть нїколи — сє напишїть, коли хѳчете: — правда бѹде. Щаслїво!

Уклонївся та й додѳму побравсь.

Мати не прѳсить, не озивáетця — тїлькї плаче та тѹжить.

»Щѳ жъ се такє?« говорить священикъ до матерї: »чи жъ такъ рїдну дитїну покинете на вѳбжєство, якъ сиротў?«

Мати зразу ж кинулася до-дому, до батька за грошіма, а батько хоч самъ не казавъ давати, та й не заборонявъ, — зібрала мати гроши, зразу ж однесла священикові, щобъ переслать Катрі.

»Се добре«, каже священикъ, »колісь, може, вінъ и поблагословіть, а теперъ напишуть, що мати благословила...«

А тутъ люде прочули, идуть — радіють — до насъ: »дочка ваша жива! Дитину вашу Богъ береже! Чи вже чорницею? Чи дуже далеко? — Можно одвідати, хочъ и далеко. У доброму місці знайшлася. Може вашу дитину такъ Богъ допровадивъ.«

Мати до усіхъ озиваетця то жалемъ своїмъ, слізьми, то словомъ, — батько ні до кого не озветця. Хто-сь зъ людѣй ёму каже: »ваша дочка.« — »Въ мене нема дочкѣ«, одмовивъ. »Ваша дочка чорниця.« — »Въ мене нема дочкѣ«, зновъ одмовивъ.

Тїжнівъ у три, одібравъ священикъ зновъ листъ, що дякує Катря батька й матірѣ за ласку и за гроші, и просить, щобъ її не забували.

»Якъ же її тамъ? добре? Чи здужа? Чи здорова?«, тсе мати питалася.

А священикъ каже: — А вже жъ! — А дякъ: — хто се знати може? Вона тамъ, а ми тутъ.

Не сподіваючись Катрі, стали ми жити у тихому, а не вгавучому, смутку. Старій батько свіе; на високому чолі морщина у всю довжъ лягла, — глибѣка та повура.

XV.

По усіхъ тихъ випадкахъ та бідяхъ, мати якось стринулася изъ Чайчихомъ: заплакали обидві, та зъ того часу почали зновъ одна до 'дній ходити та вкупі горувати. Частішъ ходила до насъ Чайчиха, бо мати все недугувала. Зидутця, згадають давне — та й смутують. Прийде и Пилипиха... Була и въ неї своя журба, та ніколи вона не жалілася, и зъ-роду не плакала. Отсе, якъ бачу її, прийде-було, сяде вище усіхъ, поглядає, наче судить судомъ, и розкаже:

»Моя Маруся вьне. Нічого її не мило. Вбїрається не гляючи, що берє на себе. Міжъ дівчата не йде; за гуляние байдуже їй... Теперъ сватає Похиленко — не хочуть!... А якъ те, кажуть,

не хочеш доброхить, то я тебе сілою віддамъ. »Оддайте, та ви мині, мамо, світъ зав'яжете, — и мині, и ёму. Не буде у насъ въ хаті ні любові, ні ласки... Я ёго не знаю, и не кохаю, и не буду... Згляньтесь хочъ на ёго, за що доброму паробкові світъ зав'язати!«

— Що жъ, кажу, и ти хочешъ у чорниці? и ти мене думаешъ при моїй старости покинути?

»Ні, мамо. Поки васъ Господь на світі держить, я васъ ніколи не покину.«

— Може кого любить та боїтця признатись, — говорить мати: — може якого сироту вбогого покохала.

»Питала я: хто тебе зъ уму-зъ-розуму зводить?« — Ніхто мене зъ уму-зъ-розуму не зводить.«

Змовкне Пилипиха; зажуритця. не хілячи голові; а мати зъ Чайчихою про долю, та про безталанне світове почнуть, а зведуть усє на дітокъ своїхъ...

»А що, Марусє, голубокъ, було кажу їй, що тсе у світі робитця?«

Вона осміхнєтця мині.

»Якъ ти живєшъ, Марусє?« питаю: »чи усє любишъ такъ само?«

— Такъ само, — одкаже.

»Може вінъ хутко ожєнится — ёго мати усє плаче: ожєнись, та ожєнись... хвалилася, що обіщавсь: ожєнюся...«

— Нехай ёму добре буде! Нехай щасливо!

Такєньки, було, и розмовляє зо мною, часомъ співає, ласкава та ввічлива.

И Чайченко зновъ міжъ нашу чєлядь уявився... Такий самий, хорóший, може щє крáщий... бо якъ хорóший та любий поболє, абó потерпїть, мїцнїй до ёго дурнє сєрце прилягає... Зновъ вінъ до всїхъ привїтний, зновъ зо всїма говорить, и зновъ нікого не кохає... Удова ёго люблена тоді вже звїнчалася зъ якїмсь шинкарємъ.

Маруся бачить ёго... Розмови зъ нимъ не шукала, не наvertалася ёму на очі — хто бъ пїзнавъ що кохає ёго! Тільки рум'яніти стала, якъ ставъ вінъ бувати...

»Отсє ти рум'янієшъ«, кажу.

— А мати усє говорять, що занепадаю. Піду — нехай побачать мене рум'яну.

»А чого усé ти смутна́я?«

— Не вéсело, Хімо.

»Ти усé імъ печалі́ся, — а чого́? Ёму́ у світі не гіршъ, якъ іншимъ живётця!«

— Ёму не дóбре! — вимовить, и на лиці побіліе.

Якось розмовля́ли та радиліся у насъ въ хаті Пилі́пиха, Ча́йчиха й ма́ти, — коли Ча́йчиха и ка́же удові:

»Дуже мнi вáша дочка́ Мару́ся мiла: — коли бъ мнi таку́ невісточку́ Господь послáвъ!«

А Пилі́пиха ка́же: — вья́не мой Мару́ся!

»Та ий, здаётця, трóхи полóччало:—бу́де здоро́ва!«

— Не ка́жть — полóччало: вона́ вья́не!

»Мій Якiвъ — дóбрий па́робокъ«, зновъ Ча́йчиха говóрить, — а такi ёму́ одъ Гóспода сподiваю́ся дóлі. Тéперъ вмовляю́ ёго: сiну мiй, одружiся! — »Дóбре, мой ма́ти«, одка́же, »одружiся, чи не вiяснитця мнi зъ хоро́шою люди́ною!« На що жъ мнi кра́щоi пита́ти ёму́, якъ вáша дочка́? ка́жть мнi, голóбочко, ка́жть мнi до вáсъ старостi сла́ти!«

— Мой Мару́ся не схóче, — я сiловати не хóчу.

»Та хочъ поспита́йте iй, лю́бо, хочъ поспита́йте!«

А ми усé те зъ кiмнати́ чýемо зъ Мару́сею и чýемо, якъ Пилі́пиха вимовила: »дóбре, я поспитаю́!« Я́къ вiйшла до садку́, и кíче Мару́сю.

Мару́ся то́дi устáла одъ шитвá сво́го, йде... Я iй за рýку: — Мару́се! óтъ, дiво!

»Якé дiво, Хiмо?«

Увiйшла́ у хату́.

— Мару́се! — пита́ iй ма́ти, — чи ти пiдешъ за Ча́йченка за Якова́?

»Пiду́«, одмóвила.

Пилі́пиха ажъ рýки знала́ у-го́ру, — здивовáлася.

Ча́йчиха радiе та́къ, Бо́же мiй дóбрий! усiхъ обни́мае, цілу́е, пла́че та дякуе. И ма́ти вiтае́, добри́ть, а смутни́шъ iй, ма́бiть, ста́ло, — ма́бiть, зга́далося...

— Се ти мнi корíся, дóчка, чи по своiй лю́бóвi за ёго iдешъ? пита́ Пилі́пиха.

»По своiй лю́бóвi, ма́мо.«

— Давно́ се ти ёго́ лю́бишъ?

»Якъ ёго знаю, мамо.«

Більшъ Пиліпиха дочкѣ не пита́ла, тільки промовила:— я не бороню тобі, дѣчко!

Почалі́ умовля́тися та почалі́ ра́дитись... почало́ся за віно, за весілля...

Заручі́ли їхъ. Гуля́ло багáто люде́й на заручинахъ. Вінъ бувъ до не́ї привітний якъ до йншихъ, трѣхи смутний, недба́лий... Во́на була́ спокійна та ясна...

Ставъ вінъ до не́ї ходити що вѣчора... Иде́ до не́ї — не спи́шитця; проща́стця зъ не́ю — не забаритця...

— Мару́се! — говорю́: — отсе́ ти за ёго заміжъ идешъ, — чи жъ тобі не приходить на думку, що берé вінъ тебé не по вели́кій любові-коханню?

»Знаю«, ка́же, «що вінъ менé не коха́е; се я давнѡ и дѡбре знаю, — та вінъ менé и не цура́етця. Вінъ до мене́ приходить, го́ворить... Я ёго розважáтиму, я ёму́ догождáтиму, — веселі́шъ ёму́ у ха́ті́ бу́де зо мно́ю, якъ тепе́рь самотно́му.»

— Тру́дно та́къ жи́ти, Мару́се! Щобъ́ ти коли́сь не ка́ялась!

»По чо́му ми́ні́ тру́дно бу́де? Чого́ ка́яться? Я ні́коли не думáю, тру́дно, чи ва́жко ми́ні́ бу́де: — якъ бу́де, такъ и бу́де: я перетривáю; я роблю́ якъ ми́ні́ моé се́рце чу́е, що́ лúчче...«

XVI.

Повинча́ли їхъ вь осе́ні.

Ми́ні́ бу́ло тоді́ важенько. Усе́ бу́ло кажú собі: дурна́, дурна́ голова́, нерозу́мна! Усе́ бу́ло мірку́ю и обмірку́ю дѡбре, — а не помага́етця... Почала́ я тоді́ часті́шъ до Мару́сі́ ходити — лéгше, на́че, ми́ні́ ста́ло... Оди́н, що́ Мару́ся була́ ми́ні́ за́всѣди дѡбра, а дру́ге, що́ ціка́вость мо́я: якъ то вони́ живу́ть изъ собо́ю? Почала́ я до нихъ уча́щати...

И, бу́ло, якъ не прій́дешъ до їхъ — сумі́рно и со́гласно, та тільки чо́гось дúже вже поря́дно, — отъ, ка́жють, го́сті́ усе́ сидя́ть, а господарі́в и нема́. Нема́, якъ то бува́ часомъ, чоло́вік и жінка́ госте́й віта́ють: »А ну, чоло́віче, внесе́й зъ ко́мори, що́ тамъ!« — »А ну́ лишень, жінко́, часту́й лю́бихъ госте́й!« що́, ба́чишъ, жи́вуть вони́, якъ свої́, и все́ у їхъ вку́пі: бо́лещі́ и радо́щі́, думки́

и гадки, варті и жарти; чи заговорить одинъ, другий перехобить — докаже... А молоді Чайченки хочъ и рядкомъ сидітимуть, та буля міжъ ними якъ стіна залізна. Чи той підніметця, другий уступає геть, місце дає, — доторкнѹтись стережѹтця; вона до ёго заговорить, якъ дочка до бѣтка, — вінъ до неї, якъ зять до тѣщи.

Пилипиha сумовала, віддавши Марѹсю заміжъ; зъ сѹму того закупадати стала.

»Якъ Богъ мѣлає?« пита, було, въ неї мати.

— Самá живѹ, — одмовить; — того не скаже, що сѹмно самий жити, ні въ-свѣті.

Ходить до дочкѣ и завидно їй бачити, що тамъ безъ неї своѣ сѹмьѣ.

»А що, якъ дітки ваші?« спитаємо.

— Буля у їхъ въ гостинні, то усѣ гараздъ.

»Свекрѹха вашу Марѹсю дѹже любить, — якъ свою рідву дитиву.«

— Марѹся годить свекрѹсі, якъ мині годила...

Зъ Чайченкомъ Пилипиha поводилася звичайвенько, ушатливо, тѣльки якъ зъ чужимъ-чужисинькимъ чоловѣкомъ, що нічого ёмѹ казати, ні-объ-чимъ ёго поспитати.

»Мій зять«, говорить-було, якъ отъ кажуть: »далѣкий повѣтъ.«

— Отсе въ васъ тепѣреньки двѣ дѣтѣгъ: и дочка ѣ синъ, — дѹмає хто уместить, кажучи.

»Въ мене одна рідна дитина!«

Якъ вже старá Чайчиха її шанувала, якъ вже годила їй — въ неї наче и очі ѣ ўха позавішувані. Нікому вона такъ низько, та гордо такъ не кланялася, якъ тій бѣдній Чайчисі, що та, було, вѣчі не досиплає, — дѹма, за що ласки одпала, та якъ зновъ підъ ту ласку підійти? Самá такъ намъ признавалася. Далі стратила надію власкавить Пилипиху: якъ Пилипиha до їхъ у хату — вона тихѣнько зъ хати, — десь хочъ підъ тѣномъ перебуде. »Джѹся, що вона попрощаєтця, тоді и увидѹ — не мѣжу їй докучати собѣю, не хочѹ собѣю її гнѣвити — Богъ изъ нею! якъ бѣ не вона мене смѹтила, то бѣ мнѣ такѣ дѣбре житте було зъ ними. У хатѣ въ насъ люблю, мило! Я вже не знаю, когѣ я бѣльшь кохаю, чи свого Якова, чи Марѹсю? И такѣньки я дѹмаю: чи жѣ се її дитина, що така вона любяча, та прихѣльна, ся Марѹся!«

Старá не довго ще пожила: на другий рікъ по весіллю вмёрла. Не дуже й боліла.

Якъ її поховали, Пилипиха почала дѣнь-у-дѣнь до дочкѣ ходити; до-дому тільки на нічъ, а коли, то й почує у дочкѣ. Дивитися веселішъ стала.

Заздросна, та радісна що зновъ самá зъ дочкою, вона багáто дѣ-чого не добачала довго. Вона не вважала, що Чайченко, сливѣ, дома й не живѣ, тільки навідуєтця; що який вінъ смутний, та нетерпличий, та неспокійний ту рідку хвилину, якъ посѣдить дома... куди вінъ усѣ поспішаєтця? чогó вінъ якъ на жарині? Чи все те бачила Маруся... чогó вже не догледисся, якъ кохашъ! Маруся нікому не казала—я хотіла якъ-небудь розмову на се навернѹти; вона мовчала слѹхаючи мої ті підходи цікаві, а тїха, добра та ясна у своїй хаті.

Що далі забувалася небіжка Чайчиха, то зновъ Пилипиха робилася похмурніша—важкимъ дѹхомъ стала дїхати вона на зїтя. Сперше раділа, що вінъ зъ-дому часто отгожаєтця, а тамъ завважила, якъ ёго дожидає Маруся, якъ ўстрїчъ ёму виходить... По нїточцї до клубочка, якъ то кажуть, и Пилипиха вже вмїчати почала, що дома вінъ не говорить и смутує, а йде—вибїраєтця зъ господи—то й очі блищать...

XVII.

Якъ итї одъ нашої слободи до Любчинівъ, то при дорозі шинокъ стоявъ и шинкувавъ тамъ жидъ Гѣршко. Давно вже все вінъ державъ той шинкъ, самъ старий дуже. Звісно, якъ ті жидї живуть довговічні: посївіє, побїліє, пожовкне, та й тоді ще живѣ,—ажъ ліхо! Такъ и той Гѣршко живѣ-живѣ... а тутъ разомъ вінъ и вмѣрѣ. Отъ и одержавъ шинокъ другий шинкаръ зъ нашихъ людѣй,—багатїрѣ, славили люде, самъ жартовливий и злий, а жінка въ ёго прехороба, препїшна, превесѣла така, що й часъ не змигнѣтця зъ нею.

Се було саме тоді, якъ вмёрла старá Чайчиха.

Бачимо, що вже Пилипиха тїжнівъ изó два не виходить зъ своєї хати и кроку нікуди, — не бувáо и Маруся въ неї...

»А щó се ви усѣ дома?« питаємо: »якъ же Господь мїлує?«

— Спасібі, добре.

»Ви вже давнієнько у дітокъ не були у своїхъ,—чи вони здоровенькі? Чому Маруся не бувáе?«

— Вѣ неі дитіна неадужае.

»Та якъ же вона, молоденька, безъ васъ тамъ запомагаётця?«

— Нехай самá собі живѣ, — промóвила Пилипиха.

»Що се ви, Богъ изъ вами, голубочко! Чи у насъ зъ вами діточокъ по́ле засіяно? Вже мині Господь послáвѣ ли́хо та горе— ёго Божá воля, а васъ Господь мѣлуе, то й шануйтеся!

— Я вѣ своѣі дитіни ні-за-що... вона менѣ не шануе, не поважае! вона менѣ заміняла на свекру́ху, вона менѣ заміняла на свого чоловіка... Чи зъ-ро́ду вони кохали її, якъ я, ма́ти рідна, питіма ма́ти! Вінъ її не кохавъ — хотіла за ёго, а тепѣрѣ вінъ до йншої хóдить!

»Та, мо́же, се неправда...«

— Неправда? Я вже давно бачу, якъ вінъ зъ до́му рвѣтця, я́къ вона ёго дожидае, стрічае, а вінъ мѣмо йде—чи гляне; я ста́ла назирати. Отъ и дозна́лась, що хóдить вінъ у шинóкъ. Я перше думала: пѣе нішкомъ. Кажу Марусі: »чи ти зна́ешъ, що твій чоловікъ усѣ до шинку хóдить?« Вона зблídла, якъ крѣйда, мовчѣть. »Не пускай ёго зъ до́му«, говорю їй, »скажи ёму.« — Якъ я ёго маю не пускати, — одмовляе то́ді: — мо́же ёму діло яке... »Скажи ёму«, наполягаю. Вона такі а ні словечка ёму не промóвила, я́къ вінъ пішовъ. Я її докоря́ла—вона стояла передо мною, та мовчала. »А, ти віри, кажу, ма́териному ро́зуму не ймешъ?« Пішла я за нимъ у-тропі, и на́зирцемъ ажъ до шинку дохо́жу побачити на свої о́чі й при лю́дяхъ—мо́же, дочка віри пойма́є то́ді. Дохо́жу до шинку, де тамъ кúпка я́блунь стоїть: чую, розмовляе зъ кимъ-сь мій зять — ёго го́лосъ. А місяць світить. Блѣзче я дивлю́ся — сидїть підъ я́блувею молоді́ця; рукава вѣ неі за білі лóкті зако́совані, у персня́хъ вона срібнихъ, рука́ми у станъ хибкі́й узяла́ся, о́чі по́ночі блищать блискучі; слухае, що мій зять говóрить—и сміётця. А зять мій такі рѣчи до неі промовляе: »я́къ тебѣ не побачу«, ка́же, »хочъ го́дину, то я зъ нудьги пропадаю, та зъ туги: я безъ те́бе жити не мо́жу! безъ те́бе жити не хóчу! Дарма́ вже, що ти менѣ занасті́ла на-віки—нехай я тільки отта́кеньки до те́бе прийдú, та глянú, та сло́во твоѣ, нехай и неласка́ве, почую... А вчóра, ка́же, вчóра и позавчóра я усю́ нічъ підъ цією

яблукою стоявъ: чи вже ти того не знала?« А вона ёму: »Твоя жінка молодá щó каже, якъ не днѣєшь, не ночѣєшь дома?« Ї смієтця. »Нічого«, одмовивъ їй (правду одмовивъ!) »Якъ нічого? Чи вона жъ тебе не любить?« »Не знаю.« »А чому жъ ти въ неї не поспитаєшь за се? га?« Голосно засміялася. »Ой, чоловікъ мій почує!« схопилася зъ місця, поцілувала якъ вразіла, и зникла.

Винъ клікавъ—рукою махнула, пішовъ за нею у шивокъ, а я до дочкі: »а щó, чия правда? Якé діло въ ёго?« Дівитця на мене. »Не добрий винъ тобі судився, тебе імъ Богъ скаравъ.«—Мáмо, не гнівѣть Бóга, се ви вже Бóга гнівѣте!—мині дорікає дочка моя!

»Тоді я усé їй розказала, щó чула, щó бачила.—«Ой, мáмо, на щó, булó, вамъ доглѣжуватися, на щó допѣтуватися? — »А тобі лѣтче, якъ дурять любити?«—Винъ менé не обманює.—»То щé віри не имéшь мнѣ?«—Я ёго ніколи не питала объ сѣмѣ, чи менé любить:« — Не питала, чи тебе винъ любить? Такъ ти ёго не кохаєшь, чи щó? — »Кохáю...« Спóритця та змагаєтця изо мною... Такецьки, ажъ поки винъ повернувся пізно... Повернувся винъ, а моя дочка идé навпроти ёго, двѣри розчиняє, якъ бáтькові шанóвному, якъ чоловікові лю́бому... »Якъ вже ти уваги на сéбе не маєшь,—кажѣ,—то я свого а́тя спитаю: дé бувъ винъ до півночи? За якою причиною? у ко́го?«

»Винъ змішався и въ мисляхъ и въ словахъ, дівитця у-бікъ, а дочка моя:—гóді, мáмо! Се ми вже міжъ собóю роспитаємось, а вамъ вже часъ спочѣти, коли ласка.—«Я вже бѣльшъ нічого не казала, бѣльшъ не слѣхала, середъ ночи до-дóму пішла. Не була зъ того часу у їхъ, и не бѣду.«

— А унѣчка ваша дѣже слаба?

»Не велика тамъ слабѣсть, та велике побиванне.«

— Жѣратця вони дѣже?

»Хтó вони? Та зять мій чи ч знає, що дитя нездѣжає —винъ не питає и не дівитця.«

— Не відрікайтеся дѣтокъ, лю́бо, — прóсьте вже мáти Пили́пиху, — не відрікайтеся втѣхи своѣй!

»Я самá собі раду ра́жу«, одкаже на тé Пили́пиха.

— Подаруйте вже дочці своѣй: вона жъ ёго дѣже такъ любить, Якова! — говорѣть мáти.

»И я її дуже люблю!« одказала Пилипиха.

»Хочь я вже одвідаю Марусю, — кажу матері, та й пішла до неї.

Маруся сама була в хаті, сиділа на лаві, хитаючи в обіймах недужу свою дитинку.

»Божє допоможі, Марусе!« вітаю її.

— Спасібі. Сідай, Хімо.

»А що дитинці?«

Вона глянула на дитинку й одмовила: »терпять малесеньке.«

»Була в нась твої маї, Марусе, кажу.

— Яка вона була? що говорила?

»Не хоче до тебе ходити; казала: не буду.«

— Смутно мінні те! — промовила Маруся.

Я вже більш нічого не говорила за се, й питати ні об чім не питала.

Почали ми тиху розмову — згадуваннє. Згадали наші забавки давні дитячі, — пригадали й дівочі безсумні часи... Не зводячи очей з дитинки своєї, Маруся розмовляла изо мною, хитаючи недуженьке.

Чайченко усє не приходив, а вже вечоріло. Вже пізно — він не приходив. Вона єго дожидала любо: що там шурхне, шелєсне — прислухаетця пильно; стїхне усє знов и нема нікого, — вона не зїтхне навіть, знов дожидає... Я й пішла так — не бачила єго, — не повернувся при мнї. Скажі матусі моїй, що прийду до неї, якь мой дитинка трохи одужає, — просїла мене Маруся, прощаючись.

А туть у кількв днів занедужала Пилипиха. Поклікали ми до неї усіх знатниць и лікарок, — здаєтця нікому не впізналася її недуга — яка була. В неї нічого не боліло, казала вона, тільки ходила усє кволий та кволий, поки не збулася сила своєї — тоді лягла вже, знємоглася и лежала повура.

Маруся приїхала з дитинкою — дитинка ще не зовсім одужала, — усє ще квіліло кришенятко. Я памьятаю добре те врємя, якь, було, у-ночі не спимó усї, а ұлиця, село у сні, и всюди тихо. Заквіліть дитятко, схилитця до єго Маруся гойдати, а Пилипиха блискучими очима в обохъ вдивляетця. Вона не вспляла ночей и хвилиночки. Якь Маруся вже не падала коло неї, якь Маруся не годила її, — не пригорнулася вже маї до неї

ніколи; ніколи не всміхнулася ласкаво до самої смерті своєї. Що, було, Маруся просить: «мамо, чого журитесь? чого, мамо, не дбаєте о здоров'я своє?» Вона не прийма нічого того. И остання слово її було: «лучче, мовляла, ображеному вмерти, ніж такъ на світі жити.» И вмерла.

XVIII.

Округи насъ діялось, чулось, велось. Що радощівъ, а що журби зважали ми зъ боку; скільки поженілось на селі, зміжъ повиходило, народилося, вмерло; якъ радощі проминали и журба втихала, якъ одно по другому наставало усє новє у людєй, — ми жъ усє жили зъ своєю старою тугою.

Батько усє ходивъ по дорóгахъ и вертався сивіший та похмурвіший; мати усє смутніла и слабшала. Одъ Катрі висти були рідко, та й то не ширóкі. Отсє, було, напросить мати священика, щобъ туді написавъ та спитавъ про здоров'я й житте, то й одише Катря на три листі однимъ листóчкомъ своїмъ: «здорова», напише, «живу, Бóгу молюся за свої гріхи и за вáші.»

Скільки-то слізъ виливалося матусинихъ слухаючи, а опісля згадуючи, скільки благалося благословєння! У Марусиній хаті ще гірше повелось: що далі, Чайченко зóвсімъ дому одбився свого. Шинкарка нїмъ такъ ужє заорудувала, що вінъ у неї підъ тїномъ шинковїмъ днє и ночє, а щобъ шинкаръ не мавъ на єго прїзри, (бо ревнївий шинкаръ бувъ), то потрóху почавъ Чайченко й пїти. Бачили вже єго й п'яного люде, а не дурно тежъ кажутъ: що въ тверезого на умі, тє въ п'яного на язиці, — вінъ не встерігся, мїркнувъ тамъ якєсь слóво, чи дрóге, до шинкарки, хто-сь цікавий підхопивъ та розславивъ по селу, — отъ и поговорь ставъ недóбрый. Тоді усі до Марусі молодїці зъ питаньямъ, та зъ жалощами, усі старі бабї зъ радами та зъ наукою; тїльки Маруся на усі питанья и жаління и на ради усі: «Вінъ мині добрий и любий; я єго надъ усє въ світі шаную.» И жалібницї и порадницї образїлися, — покинули Марусю: нехай же терпїть, коли така! Нїхтó й одвідати не одвідає. Тїльки й ходили до неї, що мати да ї; ми — частєнько.

Одного разу підхожу горóду стєжкою до хати; — се було у

свято, — ажь дзвінкій рэгітє такий чути, що такъ и розкочуетця. Гості въ неї якісь?

Дохожу, уступаю. За столómъ сидять Маруся и Чайченко и гості — молодіца и чоловікъ. Що то вже за молодіца була красовица! Я її заразъ піанала, хочъ ніколи не бачила. Була чорнява, въ рум'янцяхъ, білолиця, уста червоні сміютця, очі радісні, убрана світло: — змалювати бь таку та дивитись, не впускаючи зь очей, та самóму всміхатись на ту красу смільливу та веселу. Тільки отті брови її високі, изрощені вьюнкою чорною гадючкою на чолі білому, чорніли, — щось не добре вищували. Поручъ зь молодіцею, одь вікна у затінку, сидів чоловікъ плечистий, приємковатий, зь чорнимъ щетинастимъ усомъ; чорне волóсса посівіло въ ёго косамаи; одь лівого виска вінъ чорнявий, якъ гракъ, а зь-виду дивівся вінъ зь-підлоба, абó зь боку, наче когó підлежувавъ зліми очима своїми.

Маруся, почастувавши усіхъ, одійшла; а въ неї и питаю: »хтó се въ васъ, Марусе?«

— Шинкаръ изъ жінкою.

»Чи давно се ходять вони до васъ?«

— Се у-перше прийшли сегодні.

»Якъ се здумали вони?«

— Та шинкаръ схотівъ неодмінне до насъ.

»Чого-то?«

— Каже, менé забачити.

»А ти жь до їхъ підешь?«

— Та щé не знаю, Яківъ ще не казавъ нічого; якъ Яківъ мні скаже.

Спокійна собі, люба — отъ наче вона безъ жодної думки важкої по квітчастому полю прохочає вéчоромъ тихимъ та теплимъ.

Чайченко сидівъ изъ гістьми дуже смутний, зітхавъ часто; шинкаръ поглядавъ на ёго — не ласкавий бувъ поглядъ той: ниначе яка іскра спахувала зь чорного ёго óка... Шинкарка усé всміхалася.

»На щó пьєшь багáто, не пий!« озвалася вона до шинкаря (а вінъ чарку за чаркою випивавъ).

— Чому не пити мні? Упьюся — менé люба жінка доведé до господи.

»А якъ не схочу?« задзвиніла вона, жартуючи.

— Не схочешь? — каже, а самъ її мірле поглядомъ — яка. —
Або жь хто тебе запитаеть, чи хочешь?

Чайченко, слухаючи се, важко зітхнувъ и ва шинкарку смутненько дивився, а шинкаръ на ёго пильно. Маруся вже загомуруе, питае, частуе — не звивъ очей шинкаръ зъ Чайченка, ажъ той самъ схаменувся, самъ ёго поглядъ на собі почувъ, — тоді шинкаръ очі въ зѣмку вривъ.

»Хутко у васъ празникъ«, говорить Маруся до шинкаря: — »гостей же до васъ, гостей!«

— Дякувати, менѣ добрі люде не забувають! — одкаже шинкаръ: не такъ за мою щирість, якъ за те, що жінка хороша, славлють, — то прихильному приятелю мило подивитися на мою кралю!

Та й засміявся, а такеньки засміявся, що й шинкарка тріхи стрепенулася.

»А вашъ братъ у-другихъ, чи здоровий вінъ зъ молодію жінкою?« питає зновъ Маруся.

— Помьяніть ёго душу, шановна хазяечко! хибѣ ви ще не чули? То бѣ я вамъ давнѣ вже повѣстивъ! Жіночку ёго молоді взято й завезено кудись... А вінъ втопився.

»Якъ? Бѣже мій! Бѣже мій! Бідна жь вона людина!«

— Чого — бідна! Вона у роскошахъ теперъ — ій ще покращало у світі... Ну, якъ на мене, то бѣ не такъ було: я бѣ не втопився, а ні повисився бѣ самъ-однѣвъ, а хибѣ вже вкупці зъ коханкою!

Схиливъсь до своєї жінки, окомъ искривъ.

— У-двохъ, кажутъ, и вмірати охитнішъ! — додавъ.

Сумно стало. Мѣва не мовилася.

Стали гості прощатися, и побрались до-дому. Йдучи шинкарка озирнулася на Якова и махнула якось ёму рукою, то-бѣ то незнарошне. Шинкаръ вхопивъ її за руку: »Годі махатъ, порѣ перестати! ходімъ изо мною!«

— Отсе! не дасі добре и зъ хазяйкою попрощатися, — засміялася ёму шинкарка: — чи ти менѣ загубити боїся, якъ тую голочку?

»Коли загублю, то вишукаю, бувай на тому певна, голубко моя сива!« відказавъ ій.

И пішли до-дому. Вона, йдучи зъ нимъ, щось щebetала и сміялася, брала ёго за руку — обернулася щѣ до насъ, крикнула: бувайте здорові! Шинкаръ вшовъ не оглядаючись.

У кілька день ми перечули черезъ людѣй, що стинілась свάρка міжъ шинкарómъ и Чáйченкомъ, и що вiгнавъ шинкаръ Чáйченка зъ шинку. А стинілася тáя свάρка за те міжъ ними, — казали, — що ставъ шинкаръ свою жінку зневажати — вона усé оджартóувалась, сміялася, а Чáйченко не перемiгъ свого сёрця, уступiвся—мáбiть вже у ёго бринiло. Якъ же сцепiлись вони — такá буча збiлася, що лéдвi розняли iхъ. И казавъ шинкаръ Чáйченкови: »не приходь«, каже, »у шинóкъ бiльше!« А Чáйченко кричитьъ: — Чому? — »Не приходь у шинóкъ«, зновъ такъ-само ёму шинкаръ гóворить.—Чому?—»А тó прийдi, промóвивъ шинкаръ.

Люде вже iхъ розвели и за Чáйченкомъ двéри зачинили.

Шинкарка, кажутъ, дуже блiда була, дуже, хочъ и не втерiла на той часъ ни хiсту свого, а ни всмиху. Шинкаръ же веселий такiй розвеселився и жарту пiднiявъ... пóвiстки роспорóбивъ, такé!.. А Чáйченка зъ того грóму нiде не бачивъ нiхтó.

Я приходжу до Марусi: чи все гараздъ, Марусе?

»Чоловiкъ нездужає, смутно вона минi одказала.

— Коли се вiнъ занедужавъ?

»Та вже три днi. И не iсть, и не пьє.«

А вже по тiй свáрцi три днi вiйшло.

— Та дé жъ вiнъ?

»Лежить у кiмнатi.«

А вiнъ тодi клiче: »Марусе! Вона схопилася — кiнула́сь до ёго.

»Хтó се до насъ прийшовъ?« питає.

— Се Хiма прийшла менé одвiдати.

Нiчого бiльшъ не казавъ и не питавъ. Маруся до мéпе вiйшла.

Я тодi iй гóворю:

»Марусе, чи знаєшъ ти, що позавчóра було?«

— Не знаю. Щó було? Якiвъ повернувся недужий. Вчóра вранцi прибигла шинкарка, задiхана усiя, до мéне: »нехай. Якiвъ не приходить, боронию ёму, вь насъ бiда! Чуєшъ — не приходь, боронию тобі!« крикнула на Якова, »вь насъ бiда. Мiй бóде казати, що у ярмарокъ iде, що до приятеля iде, — не йми вiри, не приходь.« И побiгла вiдъ насъ. Я бiльшъ нiчого не знаю. Мини сýмно, и боюся, що ёму бóде недóбре!

Змóвели ми та й сидимó собi мовчущi. Багато дé-чого мини й чулося и згáдувалось!

»Жаль«, кажú, »жаль, та не вёрнетця!«

— Чогó жаль? спитала Марúся.

»Життя молодого, віку загубленого дарма — чи я жь вже тобі не казала, чогó жалко?«

— Мині не жаль нічогó«, говорить.

Зновь змóвкли — сидимó... Вже вéчирь пізний. Дітки посnúли, сплять спокійно сині малéнькі, а на горóді вітеръ шумить вёрбами, надвóрі чóрно; блискавиця поблискує.

»Кудí тепéрь підешъ у негóду такú«, каже Марúся; »заночúй у мене.

А вже дощъ гурчítь, гурчítь, и грíмъ и блискавиця й вітеръ.

»Дóбре, зостануся — заночúю вь тебе.« И зосталася.

Чайченко лежавъ неспокійно, вь тривóзі, на ліжку, — зiтхавъ усé — Марúся прислухалася, а до ёго не ввiходила, не насміла бiднeсенька. Разъ, чи два зь вéчора — вінъ покликáвъ ii, спитавъ, хто вь хати вь неi, нáче забувáвъ, що я прийшла, а що дáлі вь ночi, то все частiшъ, частiшъ ii кликавъ, и все каже: »хтось прийшовъ до насъ!« — Немá нiкого. — »Хтось прийшовъ; я чувъ у-дверi стúкало; хто-сь пiдъ дверима, — вiдчинii! « Вона одчинить — нема. Трóшки згóдомъ, зновъ ii шле: »пiдъ ворiтьми хтось стóить«, то: »пiдъ вiкномъ хто-сь добувáетця.« Вона усé вихóдила дивитись, вкликала, дожидала — нiкого не булó цiлу нiчъ тую чóрну, вiтрянú.

Минi почúлося, щó Чайченко плакавъ; Марúся не спала, хочъ до мене не озивáлася слóвомъ...

На свiтаннi, чýемо, стúкають тихéнько, тамъ мицнiшъ — Марúся вибiгла, я за нею, »хúтче, скорiшъ!« гукáвъ намъ у-слiдъ Чайченко...

Одчиняемо ворóта, а пiдъ ворiтьми шинкаръ: »здорóвi булi!« до Марúси, »а дé вашъ чолóвiкъ?«

— Дóма.

»Колi бъ ви до мене ёгó вiкликнули, колi дóма вiнъ.«

— Вiнъ нездúжає, лежить.

»Не мóжна й подивiтись на ёго?«

— Нездúжає. Нá що се вамъ такъ кóнче ёгó трéба?

»Я ёмú изъ йрмарку дóброго гостiнця привiзъ. Нездúжає, кажете? А я, мóже, ёгó дé стрiву по дорóзi! Щаслiво!«

Швiдко пiшовъ, швiдко.

Маруся розка́зує чоловіку, — не да́є своїмъ пита́ннямъ промовляти їй. Велі́въ їй ще та ще розка́зувати. Вона́ розка́зувала.

XIX.

Ще хма́ри чо́рні, важкі волокли́сь по не́бу, а тільки зь-кра́ечку роже́во зоря́лося одъ східъ-со́нця. Ми вже й не ляга́ли спа́ти, ранку́ джда́ли. Я беру́ся до-до́му йти. Попро́щала́ся, пішла́. Се було́ въ неді́лю. Ба́чү, идучи́, що коло́ шинку́ люде́й скү́пчилося ба́гато, гомоня́ть та́кеньки... Близче́ схо́жу—жино́к ба́чу тутъ, и ба́чу — ще їхъ біжи́ть до́рогами; ба́чү, две́рі збі́тні вино́сять зъ шинку́... »Що́ то таке́?« пита́ю люде́й.—Шинка́ръ зъ жи́нкою забу́вся! — Поча́ли ми́ні усе́ розка́зувати мо́лодіці; ти́скають мене́ подиві́тись на обо́хъ...

Обо́е на до́лівці лежа́ли, спо́лощени кро́втю. Въ не́ї ви́жъ у пе́рсахъ ве́дкий стримі́въ; рука́ми вона́ ёго́ якъ сти́снула за ши́ю, такъ и заме́рли ру́ки — впи́лись. Сорочкі́ на їхъ по́рвани, по́драни, намі́сто її розсі́пане у кро́ві: ду́же, ма́біть, вона́ одбива́лася. Вона́ ёго́ заду́шила, видно́, — бо не було́ на ёму́ ніяко́ї порáзи, и лежа́въ вінъ счорні́вши, — вона́ лежа́ла бі́ла-бі́ла, зъ чо́рними бровáми. Якъ при́йшли чо́ловіки до шинку́—зачі́нено; поча́ли стү́кати—не відчи́няють. Нади́шли ще лю́де, ба́чять—щось не певно́ — ви́били две́рі, а вони́ обо́е лежа́ть...

Я метчі́й до Мару́сі...

»Бо́же мій пра́вий!« промові́ла тільки Мару́ся.

А Ча́йченко́ вже кри́чить: »Хто́ пришо́въ до насъ?«

— Ли́хо ста́лося, — кажú го́лосно.

»Яке́ ли́хо?«

— Забу́вся шинка́ръ зъ жи́нкою.

Ти́хо... Ажъ-ось у́війшо́въ вінъ до насъ у ха́ту білий: »Що́, що́?« пита́єтця, — самъ ша́нку хапа́є, світу́ на се́бе вдяга́. Мару́ся бі́ля ёго́.

»Пра́вда се́му?« запита́въ вінъ Мару́сі.

— Пра́вда, — промові́ла Мару́ся.

»Я на свої́ о́чі обо́хъ ба́чила«, говорю́ ёму́.

— Я сама́ підú подивлю́ся, Якове́, ще́ розпита́юся! — загово́рила Мару́ся.

»Иди, йди, Марусе, та хутко вертайсь. Скажи усю правду! Вертайсь хутко!«

Просить її, якъ дитина маленька.

Маруса побігла. Вінъ дождивъ, не мовлячи слова, духу не зводячи, блідий, замлілий.

Повернулася вона: »правда«, каже.

Ставъ Чайченко плакати дуже.

Біда тая зовсімъ ёго скрутила; у голові ёму завернуло наче; почне говорити, то путаниву такъ, що й не розберешъ. Занедужавъ тяжче, гірше, — тільки живий та тёплий. Громада тямъ-часомъ дала вже віду справнику. Набігли судські у-триконь зъ бубенцями, изъ дзвониками; по-трое, по-двоє їхъ позирають зъ воза. Заразъ усіхъ людей зібрали; заразъ де-якихъ повязали. Прислали по Чайченка — ходивъ вінъ до шинку часто. Чайченка тоді гарячка палила; безъ пам'яті, сливё, бувъ вінъ. Не вважають, — беруть, везуть ёго судити судома. Питають: одкази ёго нерозумні, чудні... Вкинули ёго у темну комору, звязали ёму руки... Марусю женуть геть відъ ёго...

Вона до насъ дітокъ своїхъ завела — покинула, а сама зновъ-таки пішла туди до ёго.

»Не пустять, Марусе!« кажемо їй.

— Я ближче буду до ёго. — Пішла. •

Де-якихъ людей хутко повипускали и оправдали, хочъ нікого и не було виноватого, — а інші, и багато, ще були за сторожею, поки ажъ доброї ради не послухали... тоді й імъ вільний шляхъ дали. А рада була така: справника *подякувати*. Хто вже бувъ у бувальцяхъ, то заразъ и зробивъ такъ, не вповаючи на безневинність свою, а хто угинавсь, той сидівъ довго. Раду такъ подававъ усімъ справниківъ чи слуга, чи приятель, чи родичъ, хто ёго, пікчемного, зна. У чорному колушкѣ, зъ чирвонимъ комірцемъ ходивъ, шапка кругленька зелена, зъ себе худий, жовтий, очі ямковаті, зубатий такий... Вінъ радивъ усімъ дякувати, а хто не слухавъ, то вінъ грозивъ, наполягавъ... Справникъ самъ не казавъ нічого, — дождивъ: цілий день стоить на порозі, руки въ кишеняхъ, на шії чирвона плетена хустка, самъ пикатий, усатий, витришковатий, — стоить та свистить — якусь жовнірську ходу висвіщує. Хіба чай пиває, то перестане, а випивъ самоваръ чаю — зновъ на порозі, зновъ свіще...

Подякувала Маруся—її пусти́ли до чоловіка побачитись. Вона на другий день зновъ про́ситця, зновъ *дякує*, — ста́ли її пуска́ти що-дня́. Сиді́въ Чайченко́ тижде́нь ще, — вона́ усе́ ході́ла до ёго. Гро́шей вже́ не бу́ло, ста́ла спр́одувати това́рь... »Оте́с до́брая жо́на!« хва́ли́въ спра́вникъ зъ поро́га, якъ вона́ про́ходила́ ми́мо ёго... Вже́ судъ ви́бира́вся зъ на́шого се́ла ви́зді́ти на-за́втра, вже́ Чайче́нка ви́пустили, — ко́ли ви́шука́всь яки́йсь ро́дичъ шинка́рю не́біжчику, що́ ска́ржити при́йшовъ, ні́би шинка́рь ко́ли́сь ёму́ узи́ва́въ Чайче́нка «свои́мъ во́рогомъ» и ка́за́въ, »що́ ти́-во і́мъ обо́мъ у сві́ті жи́ти.« Зновъ́ судъ́ суді́ти почавъ́; зновъ́ пита́ння — Чайче́нка зновъ́ узя́ли за сто́ро́жу, а тамъ́ у два́ ти́жні́ по́везлі́ ёго́ у мі́сто, поса́дили́ вь о́строзі́.

Мару́ся за ні́мъ пі́шла. »Про́щава́й», ка́же ми́ні, »спр́одай усе́, пере́сяла́й гро́ші.«

— Мару́се, — го́во́рить і́й ма́ти, — усе́ ти спр́одуе́шь, а вь те́бе ді́тки...

»Я зна́ю... я не забу́ваю...«

Попр́оща́лася зъ на́ми, ді́то́къ при́горну́ла, — пі́шла.

Ї́ до о́строзу́ не впу́ска́ють.

»Мі́й чо́ловікъ тамъ́«, до́воді́ть вона́ усі́мъ.

— Тві́й чо́ловікъ по́винов́аче́ний — ё́му тамъ́ и си́діти — то́би ве́ мо́жна.

»И́ я ви́нна.«

— У чо́му ви́нна ти?

»Ви́нна й я, ко́ли ві́нъ ви́нний.«

— Го́ді! и́ді геть́ собі́! — ка́жуть і́й, жа́ліючи.

Вона́ не і́де.

— Що́ жъ́, ти при́знае́сся, що́ ви́нна ти? — пита́ють вь не́ї зновъ́.

»Ви́нна.«

Ка́за́ли і́й ру́ки извьяз́ати. Поса́дили́ міжъ́ зло́діями́, міжъ́ уби́йниками́, мо́лоду́ та до́бру. Два́ міся́ці изъ́ тижне́мъ ви́була вона́ зъ чо́ловікомъ тамъ́, по́ки і́хъ ви́пустили.

Ді́тки вь на́съ бу́ли. Усе́ пита́ють: де́ ма́ма? усе́ клі́чуть: ма́мо!

Мару́ся не одмі́ни́лася — тільки́ пі́шла мо́лоде́нька, а по́вер-ву́лася сі́ва, якъ́ го́лу́бка

А я́ ще, стрі́чаючи́ її́, ди́вю́юся, що́ вона́ кра́си́ сво́єї не́ стра́-

тила: ті жь́ о́чі, чо́ло те́ жь́, — коли́ вона́ ста́ла дру́гу ху́стку зав'язува́ти, — ажъ́ шовко́ва сивина́ забіліла.

Осели́лися вони́ зновъ́ у свої́й ха́ті, у глухі́мъ́ дворі́, бо вже́ не бу́ло тамъ́ нічо́го живо́го, щоби́ го́лосъ́ подало́, щоби́ крило́мъ́ стрепену́ло — усе́ вже́ спрода́не бу́ло... Ді́тки гомоня́ть са́мі одні́, и вже́ така́ імъ́ утішка́ съ́ то́го, якъ́ горобці́ прилетя́ть — зацві́ривкають, або́ голу́бъ́ попогу́де: не поло́хають, са́мі приту́лятця́ підъ́ ти́номъ́, радію́чи.

Ча́йченко́ усе́ хорі́въ, усе́ боли́въ; відъ́ люде́й на́че хова́вся: зъ́ ха́ти не вихо́давъ́, хиба́ пі́зно, крадькома́, за горі́лкою́ у чу́жé село́. Пі́ти вінъ́ ставъ́ дуже́:

Я́ ёго́ ба́чила́ дві́чи. Одно́го́ ра́зу, вінъ́ сиді́въ безъ́ жо́дного діла́, скла́вши ру́ки, о́чі приплю́щова́въ, — де́сь, си́льне въ́ ёго́ голо́ва́ боли́ла .. Дру́гого́ ра́зу ба́чила — вінъ́ спа́въ... Мару́ся диві́лася на ёго́ таки́мъ́ по́глядомъ́, якъ́ и пе́рше, прихі́льна бу́ла, якъ́ пе́рше. *Кого́* вона́ люби́ла ще? *Якого́* коха́ла? Якъ́ зазна́ти чо́ловіка́ у краси́ ёго́, у квіту́, въ́ си́лі, якъ́ зазна́ти ёго́ до́брого, а часъ́ пі́де, та́ усе́ измо́же, то́ інше́ пока́жетця́, ни́жъ́ гада́лося. »Ми́сли жь́ моі́, ми́сли! до́ кого́ жь́ ви при́йшли?« сказа́ти, та́ й го́ді! »Бага́то жа́лю́ мо́го́ бу́де, — не бу́де вже́ мо́єі́ любі́ві.«

XX.

Мене́ сва́тало́ два́ жонихі́... Э́ге-жъ́! Зда́дуєтця́ ми́ні́ ча́сто чо́ловікъ́ Палі́й, що́ якъ́ въ́ ёго́ дити́на втопи́лась, ха́та згорі́ла, — вінъ́ ишо́въ у́лицею́, та́ весі́лля забачи́въ, и ка́же: »а́ ті́ лю́де ще́ жени́тця!« Э́гадува́вся ми́ні́ чо́ловікъ́ Палі́й... Сва́тало́ жь́ дво́є. Пе́рший́ жоні́хъ́ вбо́гий бу́въ па́робокъ́, до́брый, смутни́й — я́ не пі́шла́ за ёго́! Не бу́ло въ́ мене́ коха́ння́ сму́токъ́ ёго́ розва́жати; не бу́ло гро́шей ха́ту неогоро́жену́ впридо́бити — не схоти́ла робачко́мъ́ ста́ти... Вінъ́ пожури́вся за мно́ю, та́ зъ́ іншою́ оже́ни́вся. Дру́гий́ жоні́хъ́ бу́въ бага́тий, наровлі́вий: ко́нче хоті́въ мене́ взя́ти за се́бе. Ё́му́ ма́ти ёго́ заборони́ла, проси́ла: не жада́лося́ ї́й для́ свого́ си́на, че́пурно́го, сироту́ бра́ти, — вінъ́ таки́ ма́тиръ́ прися́лова́въ, що́ вона́ ще́ са́ма́ мене́ мовля́ла. Я́ не пі́шла́. Сей́ бу́въ ми́ні́ зо́ всі́мъ́ не до́ сподо́би: ре́вни́вий, незвичайни́й — вінъ́ и любі́въ́ яко́сь, на́че́ бився́.

Якъ вже одцуралася я ёго свѣтанья, то трѣба було жити, якъ на чокѣ: боялася ёго сама-одна стрінути. Якъ вінъ очіма на мене свѣтивъ! Мати жалкувала, що я не пішла заміжъ; батько тільки дослухавъ: ёму байдуже було усѣ зъ того часу, якъ Катря покинула. Вінъ объ неї не говоривъ, та вже й ні объ чому не говоривъ. Сумовавъ, ходивъ по дорóгахъ; богативъ не-дбáючи. Ёго Катря одцуралася, — вінъ усіхъ за те відцурався людей: и своїхъ ріднихъ и чужихъ. И вже до смерти такий остався самотний и неласкавий. Якъ занедужавъ вінъ на смерть, то мати просила священника, щобъ написавъ Катрі, чи не приїде вона зъ батькомъ попрощатись. Написавъ священникъ и гроши їй послали.

Тяжко було одного дни батькові дуже, — мати сиділа біля ёго, та й каже: »Друже мій! Дитина наша приїде до насъ.«

Вінъ разомъ підвівся самъ, дивитця на неї. Мати зновъ каже: »Катря до насъ приїде.«

Дожидали Катрі — Катрі не було. Смерть вже за плечима. Старий дожидавъ — якъ дожидавъ! и мертивъ и оживавъ. А ні слова ніколи не промовивъ — чому не їде, чм буде — а ні одного! Тільки зъ вѣчора казавъ: »я помру́ за́втра.« На-за́втра и вмеръ вінъ.

Якъ поховали ёго, то въ кілька днівъ листъ одъ Катрі прийшовъ, що, пише, »молїтмуся за батька мого́ душу, а гроши, що мнї прислани, на цѣркву Божу віддала, — будуть поминать, будуть грихи избирать...«

Зновъ жилóся...

Була въ насъ у слободі бублешниця, а въ неї шаймичка — велика, чорнява дівчина, роботяща, а вже не потороча така, якъ рідко, — то було стріснесся изъ нею, питаешъ: »що робили ви?« — »вóду носили, бублики пекли«, одкаже вона спокійно. — »А за́втра щó робитимете?« — Водї принесемо́, бублики спечемо́. — »А по-за́втрѣму?« — Бóдемо воду носити, бóдемо бублики пекти.«

Вмеръ въ їхъ хазяїнь — дівчина трóхи заклопоталася, ноки ёго поховали.

»А щó въ насъ?«

— Въ насъ хазяїнь вмеръ, и поховали.

»А теперъ якъ?«

— Вóду носимо, бублики печемо́.

Дівчина було говорить спокійно, стоїть свіжа — а тут і слухати ніяково: — дивієся, як се вона живе доволна такеньки, що бублєчки пече... Бувають такі в Бóга!

Намъ день минавъ, день розсвітався, весна йшла гріючи; наближувалася зима з морозами — усе здавалося якось нудно, якось докучливо... Були в насъ давні радіщі; були в насъ старі сумовання — до їх теперъ душа не озивалася, не стрепехалося серце. Коли бь!.. то бь не такъ, зовсімъ не такъ було! Тоді, якъ серце та душа живі, то вийдешъ, забачишъ дєрево, що вже роки стоїть знакове, а тутъ вітаєся: яке дєрево! зеленіся, дєрево, розвивайся! отсє, якъ шелестить! Глянешъ на поля, на луги — які поля, які луги! ажъ смієтця щось в тобі...

А вже якъ житте лічшъ своє понеділкомъ та неділею, то все тобі байдуже: що новє, то заклопоче тільки спєршу, а що старє, то вже такє старє будє, такє знаєме та безвітшне!

Такеньки ми жили. Коло насъ одні люде вмірали, нарожались другі... Часомъ звали насъ на вєсілля — ми ходили на вєсілля... Найчастішъ я ходила до Марусі.

Марусі не такъ жилося, якъ намъ. Пиля вона хочь одъ гіркої, та одъ живої воді... Й сонєчко не такъ світїло, якъ намъ; їй и пташкі иначій щєбетали...

XXI.

Чи великий, чи малій часъ збігъ — мати заведужала. Сказавъ би, радá вона своїй недүзі була: »Отсє й мині вмірати«, каже, »отсє и мбя годїна! Біжі, Хїмо, до священника, просї — нехáj піше заразъ до Катрі, щобъ прихала поховати матіръ. Біжі, любко, не барїся!«

Зновъ написавъ листъ священникъ, зновъ туди грóши послали.

»Отсє, не їде Катря!« мутїтця матв: »хто жъ менє оплаче! Мабїть, не пускають її тамъ; коли бь я вїдужала, то бь я вже самá до неї поїхала одвідати, побáчити... Чи побáчу її вже коли? Коли бь я одужала, то бь я її одшукáла, дє вона... Чи я вже її не побáчу?«

Одъ Катрі такїй сáмий листъ одібрали, що: »молітмуся за

материну дүшу, а грóши на поминáння віддалá — бóдуть поми-
нáть, грíхí бóдуть одпрóшувати.»

»О, дитино мýла! не побáчу вже я тебе!« промóвила мáти и заплакала.

»Поховáй мене, Хýмос, говорíть минí: »поховáй мене гáрнень-
ко. Тобí бóде нехáй нáша хáта, се тобí нехáй бóде. Помьянй мене,
голúбно. Сядь до мене близче, лóбно! близенько сядь!« усé про-
хáла мене.

Передь смéртю говорíла: »Мóже ко́ли побáчишь Кáтрю мою,
мóже бóде нездúжати, болíти, — послужй íй, сéрце, не покинь!«

Усé Бóгу молилась, всé молилася — до остáннєй годíни. Тíхо и сýмно вмерла.

Якь íй поховáли, то зновь Кáтрí знáти давáли, що мáти вже
вмерла, що зостáвся íй ланй, степй и грóши. Тодí одписáла Кá-
тря, що бóде самá, приде самá опоряджáти, щó íй у-спадку дí-
стáлося. — Ми стáли íй дожидáти.

Дíждáли.

Якь бáчу той вíзъ, критий, палубчáстий, що притягáе до нá-
шого двóру. Було се рáнкомъ, — рáнокъ слáвний, ясный, нахú-
чий: у но́чí дощъ перенáвъ.

Я вибíгла за ворóта. »Кáтренько, дé ти?«

Нíхтó не обíзвáвся минí. Вилáзила пéрше зъ вóза опóлиста,
румыáна чорни́ця и хрестила мене. За нею Кáтря.

Кáтря тежъ мене перехрестíла — лéдвй на мене глянула во-
нá — и за чорни́цею у хáту увíйшла. Я за нíми уступíла. Чи жъ
вонá мене не памьятае—забóла? Сéрце, що було стрепенúлося,
то притíснуло ёго тóжко...

»Охъ, якъ же втомíлися миє, почалá румыáна чорни́ця, ски-
даючи зъ сóбе чорнй свої рýси одну по дрúгíй: »вже íхали ми,
íхали, та й гóдй сказáли!«

Гласъ вь не́й бувъ такий, що для глухíхъ дóбрий.

Кáтря стояла у стóла, розбíраючи чóтки у рукахъ.

Булá ще вонá зъ сéбе дúже хорóша, хочъ якъ змарíла и óчй
впáли и самá, якъ нítка, бíленька стáла. Вонá якóсь заохолóла...
На духъ-марú вонá походíла зъ своїмъ нездвигóннимъ облíччемъ,
изъ своїмъ поглядомъ безпрíчаснимъ... А щé, вь тíй дóвгíй рýсй
чóрвíй, у тíй чóрнй покривáльни́цй!..

Хочъ би вона що въ мене спитала! Хочъ би до мене слово промовила!

Чорниця зновъ говорить: »Втомілися якъ, Бóже милий! Лédви дихаємо!«

А тамъ додає: »Вже сонечко підбілося на свідання...«

Глянула на Кáтрю — Кáтря стоить, не чýє и не озивається.

»Сéстро!« до Кáтрі посмикаючи її мицненько за рукава: »тréба намъ підживітися?«

— Якъ завóлите, сéстро Мелáнія, — одказала Кáтря.

Я лédви дочýла: безодголósно такéчки вона гомонила.

»Дівчино!« прикликає мене сестра Мелáнія: »ході лишень ближче, — якъ на нмья?«

— Хíмою звуть, — кажú.

»Хíмо, чи не дала бь ти намъ поснідати?«

— Заразъ изготую, — кажú.

Почала я готувати свідання, а чорниця за мною у комóру, пшонá одміряє у глечикъ, одсипає мукки у миску, сметани у полумисокъ; сливьянку набірає; хлїбъ крає; порозчивляла столі, достала скáтїрку, стїлъ застеляє — жвава та хапкáя, Господи-свите!

Кáтря усé стояла самá. Сестра Мелáнія одхвїлила її рукою одъ столу, накриваючи, — Кáтря сїла на лавці тоді.

Готове свідання — стали снідати. Сестра Мелáнія Кáтрю ближче посадила. Кáтря послухала, близенько присунулась, а исти нічого не їла вона, окрім малесенький шматочокъ хлїба изъ водою. Сестра Мелáнія свідання впорала. Мала вона тридцять и два зуби білі та здорові та роботящі. О, які жь зуби! Усé-молола ними, якъ жорномъ добримъ.

По свіданню, стала сестра Мелáнія до Кáтрі говорити:

»Сéстро! тréба усé тéперъ дóбре впоряджати, тréба хúтче, щобъ тутъ намъ не забарітися...« А очі въ неї почали прижмурюватись; говорючи, якось мимовільне мостїла вона ближче до себе дві великі подушки у крапльстихъ тёмнихъ пошивкахъ, що зъ вóзу я внесла.

»Не тréба барітись«, ще промовила зітхаючи, ро... о...« вїмовила ще разъ, вже зовсімъ на подушки схилївшись головою... Спала. Мухи по-надъ нею гуля, мухи її кусали — спала.

Кáтря сидїла, схилївши гóлову. Чи молилася вона? бо шептала щось и румьянцемъ закрасїлася живимъ. Я до неї близь-

ко підступіла и кажú: »Кáтрé, чи ти вже менé зовсімъ забúла? Чи не пізнаєшъ?« Румъянці одразу збігли зъ її обличчя; оберну́ла на мене вже безпричасні о́чі свої и одказала мині: »Я тебе пам'ятаю.«

»Чомú жъ се така до мене веласкава? Чомъ не заговоришь до мене?«

— Усі слова пражні. Треба моли́тись...

— Кáтрé, чи ти знаєшь, що Мару́ся заміжъ пішла?

»Бо́же благослови.«

— За Ча́йченка пішла.

»Бо́же благослови.«

— Вона нещасна дуже.

»Бо́жа во́ля!«

Усе мині одка́зує, якъ-на́че по псалти́ру чита́є.

»Чи ти коли́ згадувала насъ? згадувала люде́й?«

— Я молю́ся за васъ и за всіх люде́й.

»Спаси́бі. А ти вже менé тепе́рь и тро́хи не любишь?«

— Госпо́дь повелі́въ усіхъ любити, — и вороги́въ.

»То ти менé якъ во́рога жа́луєшь, чи що́? Чи жъ у тебе́ вже нема́ и въ сві́ті ніко́го лю́бого? нема́ нічо́го ми́лого?«

— Мині усі рівні, за всіх молю́ся.

»Й усі вороги́ тобі?«

— Ко́женъ чолові́къ друго́му во́рогъ вели́кий, во́рогъ лихий, — промовила зъ о́паломъ: о́чі заискрили́сь, задрижа́ли уста: пізна́лася мині да́вня Кáтря. Огне́мъ да по́ломьємъ від не́ї пахну́ло — якъ ко́лісь.

»А семья́? а роді́нна?« кажú.

— Усі! усі! Прихля́ють до се́бе ду́шу, боро́нять до Бо́га!

»Такъ усіхъ кидати?«

— Кидати, кидати! Въ Бо́зі спасе́ніє! Бо́же ми́й! Бо́же ми́й! поми́луй насъ! — покля́кнула сýмно.

»А́минь!« одказала зъ ла́вки сестра́ Мелáнія глу́хо. Пореспáла вона́ свій дзвінний го́лосъ. »А́минь« ще разъ ка́же, та й по́зіхнула та́кеньки, що въ мене рука́ва замáнули, а які му́хи по столу ла́зили, то поскóчувалися, якъ насіння одъ вітру. Дóвго ще потагáлася на ла́вці. Да́лі устáла, прибрáлася у ряси: »Ходи́ть вже до ба́тюшки«, прика́зує Кáтрі.

Й пішла́. И мині велі́ла йти изъ со́бою сестра́ Мелáнія, до́рогу пока́зувати.

Поки ми дійшли до священикового двору — біля церкви стояв зь двома кінами и зь рундучкомъ підъ піддашше, — поки дійшли, кажуть, то вже сестра Меланія зовсімъ чуйна була: хочь очі одь спання помаліли, та дивилися густо и жваво.

Священикъ стривъ насъ, увивъ у кімнату.

Сестра Меланія посіла у якомусь великому кріслі, що въ нѣму мало було придоби, а багато цвяхівъ. Катря стала біля неї, а я по-за Катрею.

»Сідайте жь бо, батюшка!« просить ёго сестра Меланія.

Батюшка сівъ проти неї та й закашлявся.

»А що се — кашель васъ напавъ, батюшка?« пита сестра Меланія. »Йіповаго цвіту напійтеся у-вечері, на нічь. Та чого се ви такі на виду жовті? Чи не жовтяниця? Йі посівили ви зовсімъ, а мабуть ще не дуже й старі, — боліли на голову?«

Батюшка самъ бувъ розумний и розсудливий, та смірний — сторопивъ, слухаючи її та на неї дивлячись — тільки головою кивавъ.

»Отсе ми до васъ приїхали зь вашою давнєю порахвіянкою, починає другу вже річь сестра Меланія: »вона мині прирúčена. Спадокъ її одь родителівъ, якъ знаєте; вона усє оджалувала на монастирь. Ми приїхали усєго того роздивітися, опорядити. Вамъ звісно, що тутъ її належить, — покажіть мині, коли ласка ваша буде. Разомъ вкуні зь вами для Господа Бога нашого потрудимось.«

Тоді пішли по степахъ, по лавяхъ оглядати, громадськихъ людей кликали цинувати. Сестра Меланія нікала скрізь по всіхъ куткахъ, мугілася, підбігала, приглядала, прислухала; Катря ходила за нею слідомъ, не глядячи округі. Місця знакомі коло неї процвітали — вона не вважала. Нігдє не припинилась, и разу не оглянулася. Въ хату якъ ми повернулись, то тамъ вже людей понаходило багато. Вітали Катрю, питали... Вона ніче нікого зь роду не бачила и нічого не знала, хто й які приїшли.

Одчинили скрині, стали лічити гроші, які тамъ були. Батюшка усє зашептывавъ и записывавъ; сестра Меланія тежъ собі перцемъ черкала — Катря усє стояла оддалікъ, не глєдючи...

Люди потроху розійшлися...

»Ви добре се знаєте, батюшка, що хата цій дівчині приділена відь небіжчиківъ?« питалася батюшки сестра Меланія ажъ двічі.

— Знаю добре, — говоривъ батюшка.

»Та вона жь далєка родичка, а дочка є рідна...«

— Така була воля їхъ. Вони дівчину жалували.

»И другі знають те?«

— Якъ же! свідки є.

»А!« каже.

Більшъ вже не питала.

XXII.

Прийшла Маруся до Кятрі. Була вона тиха, смутна и ласкава.

»Знає?« спитала менє.

— Знає, — кажú; — та їй за все байдуже. — Катря її спершú не пізнала, а на вітання одказала: »Благослові, Господи!«

»Се Маруся«, говорю їй.

Тоді вже вона пізнала и зновъ каже: »Бóже благослові!«

Маруся стояла передъ нею.

»Сідай, Марусе!« прошú.

Вона не схотіла, чи не вчула, стояла и дивилася на Катрю. Катря непорухóма сиділа. Більшъ не було нікого въ хаті.

»Катре«, промовила до неї Маруся: »чóмъ ти слова не промовишъ? Чи мині звелішъ говорити, Катре?«

— Щó?—питá Катря, — щó говорити?

»Бачъ, Маруся вже сива стала зовсімъ«, кажú, знявши хустку зъ Марусі.

Подивившись, каже: — сива.

Посідила Маруся мóвчки и попрощалася. Катря її хрїстить.

»Катре!« промовила Маруся: »въ мене діти...«

— Бóже їхъ благослові!—одказала Катря, по своєму звичаю.

Якъ самá вже вона нічимъ людськимъ не мутілася, — та ще й не вважала, якъ въ іншихъ серце колотілося.

Маруся додóму пішла.

На третій день Катря изъ сестрою Меланією поїхали. Маруся ще приходила попрощатися. Катря прощалася такъ само, якъ віталася... Хочъ бы вона лице запечалила! хочъ би озирнулася разóчокъ!

»Якъ одмиїлася!« промовила Маруся, дивлячись у слідъ за тимъ возомъ крїтимъ, по дорóзі.

— А пам'ятаєшъ, яка була вона? — кажú.

»Якъже!.. дóбре пам'ятаю.«

Ще ми постóяли, подивились. Маруся пішла до своєї господи, а я її провела и въ неї трóхи посиділа.

Яківъ усé хорівъ, усé болівъ. Давно вже вінъ не робивъ нічого: — не здолавъ. Падала коло всéго самá Маруся. Багато було їй діла въ господі, велико печáлі на сёрці.

Весело, якъ ё кімъ радити, та й те дóбре, коли ё объ кімъ поплакати. Ей-же-Бóгу моёму, дóбре! Гірка та живá вода, кажú вамъ...

Вихóжу я одъ Марусі и вона менé до воритъ доводить, а за нею дітки топотáть дрібненько-важéнько...

»Подивись«, каже вона, »подивись, Хімо, усі тройко у ёго вилились — мої чорнявенькі!«

И сгорну́ла їхъ усіхъ до себе. А вони, хто зъ пáличкою у руді, хто зъ хлѣбомъ, зъ пісочкомъ въ жмѣньці, жвáвенько дивлятьця... Тіха и вбóга хáта зъ вишнѣвимъ садкомъ!

Я живу собі придóбно на своїй селідьбі. Сусіди до мене ходять, а я зновъ до їхъ — одвідуемось. Рáдимось, якъ горóди засивáємо; вкупі нашъ одпочівокъ у свáто.

Часъ за часъ, а къ вѣчору блізде...

МАРКО ВОВЧОКЪ.

НА УКРАЇНУ.

Україно, Україно!
 Наше сонце ясне!
 Чи є в світі щось від тебе
 Миліше и краще?
 Стрепенітця бідне серце,
 Як тільки згадаю...
 Положув би я до тебе
 Да крилеч не маю!
 Там, на горі, на високій,
 Під гаєм зеленим,
 Стоїть хата Батьківська
 З садочком вишневим.
 Є и поле круг хатини,
 И луг над Десною...
 На що ж ми тут літа тратимь,
 В чужині, з журбою!
 Діки стріху солемьяну
 Вітру развівати,
 Діки грукать в віконці
 Батьківської хати?
 Пусте, німе подвір'ячко,
 Рундук зацвів мохом,
 Кіме з таву розібрали
 Сусіде потроху;
 Сад вишневий, гай зелений —
 Де ви?.. пенькі всюди!..
Без хазяїна худоба
Плаче, кажуть люде...
 Відсуну я кватірочку —
 У віконце гляну:
 Попід гаєм зелененьким
 Шлях іде в Україну.
 Любо мині на чужині
 На той шлях глядіти,

Якъ на свою жінку-любку,
 Якъ на квіти-діти.
 Летять пташкі зъ того краю —
 Може й зъ України? —
 Пошідь хмарами чорніють,
 Ледве-ледве відні...
 Пташка Бója по всімъ світу
 Літає по во́лі:
 Схо́че — здійметця підъ не́бо,
 Схо́че — сяде въ по́лі;
 Чомъ же, чомъ на Бóжимъ світі
 Я не маю во́лі?
 Мо́я во́ля зъ вітромъ въ по́лі
 Десь шукає до́лі.
 О, коли́бъ я мавъ ту во́лю,
 Що пташка... давно́ вже
 Полетівъ би въ Україну...
 Та-ба́! стій, небо́же!
 Україно, Україно!
 Ажъ се́рце заграє,
 Якъ ми́ні що́ на чужі́ні
 Тебе́ нагадає...
 Онъ, вона́, лебедя́ біла!
 (Серде́нько трепече!)
 Тамъ ве́село со́нце сяє,
 Дніпръ хві́лями плече́, —
 Дніпръ ширóкий, Дніпръ глїбо́кий,
 Якъ у да́вні по́ри,
 Що носївъ човні́ коза́цькі
 На Чóрнее мо́ре.
 Я — на березі́, двлю́ся —
 Чи не рай то́ ба́чу?
 Тудї́ ру́ки простяга́ю,
 Якъ дитїна́ пла́чу!
 О, на що́ насъ, рідна́ ма́ти.
 Пуска́ешъ відъ се́бе,
 Коли́ на́ше ца́сте й до́ля
 Тїльки-що́ край те́бе?..

Булі часи, смутні часи,
 Якъ ти вся палала
 И сліза́ми — своїхъ дітокъ
 Ра́ни обми́вала.
 Булі часи — тяжкі часи —
 Бода́й не верта́лись! —
 Якъ поля твої и стѣпи
 Кро́вью залива́лись,
 Якъ съ кінця въ кінець ирва́ли
 Тебе́ зліи лю́де...
 Тільки жъ то бу́ло давнó вже —
 Бльшъ, мабу́ть, не бу́де...
 — Чо́го жъ ти така́ смутна́я?
 Ту́га се́рце су́шить,
 Безта́ланну го́ловоньку
 Недо́ленька кру́шить!
 Що́ жъ то́бі зъ тихъ да́внихъ часі́въ, —
 Що́ пройшли́ мовъ ла́ва, —
 Що́ оста́лось, рідна ма́ти?.. —
 »Сину! добра сла́ва!«

Филимонъ Галузенко.

ИЗЪ АНТОЛОГІИ.

I.

ЭЛЛАДА.

Голосно въ світі гу́ла тво́я чародійная сла́ва,
 Зма́лку геро́ямъ тво́імъ приви́кавъ дивува́тись школя́ръ;
 Сле́зи наро́дівъ теклі́ на ру́ини тво́ї; на ко́ліняхъ
 Мо́вчки сто́явъ, гледю́чі на тебе́, заворо́жений сві́тъ.

Шко́да сла́ви тво́єї, вродли́вая, кра́сна краі́но!
 Шко́да тво́го Паре́но́на, шко́да теа́трівъ тво́ихъ;
 Шко́да Со́лоновихъ правъ, хитро́мовнихъ рі́чей Демосе́ена,
 Шко́да вели́кої на́віть Тимо́леона ду́ші.

Ти не спиняла дітей... вони гризлись зь соббою якъ звірі;
 Ти все шукала свободи — нікчёмная грóшей раба!
 Ти прославляла війну людодну, и въ Спарті проклятії
 Пань для потихи пускавъ злихъ на Илота собакъ!...

Ти научала народи втікати до неволи одъ волі,
 Ти запсувала найкращий неба востóчного даръ...
 Памьять посмертна твоя засліпляла манóю намъ очи;
 Ми, на тебе гледючи, не бачили сами себе.

II.

ДАВНИНА.

Якъ то недóбре на світі булò,
 Якъ світомъ безкарні боги управляли!
 Маїнь проворний и хїтрий синóкъ
 Всіхъ покривавъ — и хапугъ и злодіївъ.
 Змўтити, бувало, чор'знае зь чогó
 Рідъ чоловічий Арей-гайдамака, —
 Лютця риками и слези и кровъ
 За-для утїхи тїхъ лєжнівъ безсмертнихъ.
 Якъ же задума який Прометей
 Рóзума світломъ прогнати темнóту —
 Сцапають заразъ боги молодця
 Та й оддадуть на поталу шулікамъ.
 Въ той часъ Юпітеръ якъ хоче гуля:
 Доць золотий розсипае дівчатамъ,
 Чи перекинетця білимъ бичкомъ —
 Скаче, мичить, борикае рогами;
 Люде жъ, на штуки такі дивлячїсь,
 Гóлови мóвчки побóжно схиляють:
 »Истино«, кажуть, »не вїл се, а богъ...«

А Прометєя новóго немае...

I.

Гей-гей, волі! Чогó жъ ви стáли —
 Чи дуже поле заросло,
 Чи лемішá гiржá поiла,
 Чи загупи́лось чересло?
 Бадiмле зсóхло, вже й валiтця,
 Лемiшь я дóбре настáливъ,
 А чересло моé новее...
 Чогó жъ ви стáли? Гей, волі!

Гей-гей, волі! Чи зсóхло поле?
 Чи плугъ у зéмлю не идé:
 Чи деревьяная поли́ця
 Тяжкóи ски́би не зведé?
 Земля пухка́я, плугъ не стóгне
 И ски́бу дóбру відвалiвъ,
 И борозна́ ужé чорнiе...
 Чогó жъ ви стáли? Гей, волі!

Гей-гей, волі! Зъорéмо поле,
 Насiемъ я́рого дзерна́,
 Пройдé разóкъ тонкее рáло
 И пробiжитця борона́;
 А тамъ — дивiсь — зiбрáлась хмáрка.
 Дрибнóнький до́щичокъ поли́въ —
 И нiва шóвкомъ зеленiе...
 Чогó жъ ви стáли? Гей, волі!

Гей-гей, волі! Дзерно́ поспiе
 И зако́сятця поля́,
 И вёрне намъ за пiть крiвáвий
 Изъ-лишкою святá земля.
 Тодi збирáй колóсся пóвне
 Та тiльки Гóспода хвалi...
 Чогó жъ ви стáли, моi дiти?
 Порá настáла! Гей, волі!

II.

Повiй, вiтре, на Вкраiну,
 Де поки́нувъ я дiвчiну,

Де покинувъ чорні очі...
Повій, вітре, съ полуночи.

Міжъ ярами тамъ доли́на,
Тамъ білєвкя хати́на;
Въ тій хати́ні голубовька,
Голубовька-дівчинонька.

Повій, вітре, до східь-сонця,
До східь-сонця, край віконця. —
Край віконця постіль біла,
Постіль біла, дівчя мїле.

Зупинїся нїшкомъ-тїнникомъ
Надъ рум'янимъ білимъ лічкомъ,
Надъ тїмъ лічкомъ зупинїся,
Чи спить мїла — подивїся.

Якъ спить мїла, не збудїлась —
Нагадай їй, съ кимъ любїлась,
Съ кимъ любїлась и кохалась,
И кохати присягалась.

Якъ забьєтця їй сердєнько,
Якъ дівчя зітхнє тяжєнько,
Якъ заплачуть чорні очі —
Вертай, вітре, кь полуночи.

А якъ мїла позабула,
Якъ нєлюба пригорну́ла —
Ти розвійся край доли́ни,
Не вертайся зь України...

Вітеръ віє, вітеръ віє;
Сєрце тужить, сєрце мліє...
Вітеръ віє, не вертає,
Сєрце зь жалю замірає...

Подолянинъ С. Т. Руданський.

I.

ВЕЧІРЬ.

Чи згадуєшъ, дівчинонько моя,
 Якъ згадую безъ тебе я
 Той вечірть тихий надъ водою,
 Якъ сумували ми зъ тобою,
 Що Богъ намъ доленьки не давъ?..
 Въ садочку соловей співавъ,
 За гай спускалось сонце ясне,
 Плескалась рибка на воді...
 »Отъ, скоро й Божий день погасне,«
 Сказала ти тоді —
 И загадалась й зажурилась,
 Головкою на рученьку схилилась —
 И на рукавця пзъ очей
 Слєзѣ тихенько покотилась....

Бажавъ я бачити світъ, людѣй, —
 Та й бачивъ світъ, зъ людми спізнався...
 А все туди не разъ душею рвався,
 Дє соловей въ садку співавъ; —
 Въ той вечірть тихий надъ водою, —
 Дє сумували ми зъ тобою,
 Що Богъ намъ доленьки не давъ...
 Неначе тамъ я щасте поховавъ!

II.

ЖУРБА.

Стоить гора високая,
 По-підъ горою гай,
 Зелений гай густесенький,
 Неначе справді рай.

Підъ гаємъ вѣтця річенька:
 Якъ склѣ вона блищить,
 Долиною зеленою
 Кудись вона біжить.

Край бѣрега, у-затишку,
Прив'язані човні;
А три вербї схилилися,
Мовъ журятся вони, —

Що прѣйде любе літечко,
Повіють холодá,
Осіплетця ихъ лістячко —
И понесé водá.

Журюся й я надъ рїчкою...
Біжить вона, шумить,
А въ мене хїле сѣрденько
И мліє и болить.

Ой рїчечко, голубонько!
Якъ філечки твої —
Пробігли дні щасливї
И радості мої!

До тебе, мої рїченько,
Ще вѣрнетця весна;
А молодість... не вѣрнетця —
Не вѣрнетця вона!...

Стоить гора високая;
Зелений гай шумить;
Співáють пташки гóлосно
И рїчечка блищить...

Якъ хóроше, якъ вѣсело
На білімъ світі жить!...
Чогó жъ у мене сѣрденько
И мліє, и болить?

Болить оно та журитця —
Що вѣрнетця весна,
А молодість... не вѣрнетця —
Не вѣрнетця вона!...

Л. Г л ъ в о в ъ.

БАЙКИ.

I.

ДОЛЯ.

У дощову палипівську нічъ
 Забрáвъ Івáнъ на пічъ,
 Та й спочивáе;
 Ажъ чуе,—підъ вікномъ гукáе:
 »Здорові! вéчиръ добрий вамъ!«
 — Здорові! а хтó ви тамъ? —
 Пванъ у просі обізнáвся.
 »Хвортúна я; чи ждавъ мене, чи сподівáвся?«
 — Не сподівáвся, нічого брехáть... —
 Вставáй же, гóді спать;
 Бері мiшóкъ, вихóдь хутéнько;
 Червiнчикiв копiцю я вайшла —
 И чималéньку, —
 Да це и до тебе прийшла,
 Щобъ и съ тобою подiлiтьця,
 Капiйчина тоби згодiтьця...«
 — Ось зáразъ одягнýсь. —
 »Да йди и тáкъ.« — Постiй, пiдперезу́сь... —
 »Чи я тебе дожду́сь?«
 — Да дай, хоть чóботи надiну,
 Да одягнýсь вь свитiну... —

Поки́ Івáнъ збирáвся —
 Обúвъ, одягсь, пiдперезáвъ,
 Да вiйшовъ зъ хáти—
 Хвортúну поминáй якъ звáти!..
 И слiдъ ii простiгъ...

Івáнъ и рúки опустiвъ;
 Вернýвъ у хáту, сiвъ да на Хвортúну плаче...

А я бѣ ёму сказавъ: не що-бо-й що, коза́че!
 Не на Хвортуну — на себѣ жалку́й:
 Тоді залізо куй,
 Якъ ще вонó гаряче.

Р. В.

II.

ПРОХОЖІ ТА СОБАКИ.

Черезъ левáди та горóди
 Два кума йшлó зъ весілля до госпóди.
 Бредуть, балакають про щось...
 Ажъ-ось —
 Дѣ не взялась Собáка вѣ бiса —
 Чи зъ-пiдъ воритъ, чи изъ-за лiси —
 Присiкалася, ажъ вищiть...
 Коли поглянуть — щѣ бiжить
 Мабуть сѣ десятокъ, чи й не бiльше.
 Та якъ напали, бáтю мiй!
 Однá гарáздъ, другá ще гiрше,
 Кiндрáтъ махá цiпкомъ мерщiй.
 »Ось не займáй-лишeнь, Кiндрáтеc,
 Тутъ обiзвáвсь до ёго Климъ:
 »Я iхъ натóру знáю, брáте;
 Відчеплютьця... ось-ну, ходiмъ, —
 Та не махáй и не дивiся...«
 Отъ, и пiшли вонi... идуть-собi та йдуть...
 Собáки й справдi унялиcя,
 А дáлi стáло вже й не чють.

Оттáкъ и завиднiй лóде

(Вонi ё всюди!..)

Якъ що завiдно iмъ — кудi! —
 Брехáти, мовъ собáки, стáнуть...
 А ти собi идi та йдi
 Набрешутьця, та й перестáнуть.

Л. ГЛѢБОВЪ.

СТѢХИНЪ - РОГЪ⁽¹⁾.

Отцѣва ѿ матчина молитва зі дна моря выйме,
Одъ грѣхѣвъ смертѣльныхъ дѣшу одкушиє...

(*Дума о бурѣ на Черномъ морѣ*).

Въ мирное время, передвиженіе войскъ совершается чрезвычайно медленно. Послѣ двухъ небольшихъ переходовъ слѣдуетъ днѣвка, и полкъ—часто случается—пройдетъ не больше ста верстъ въ недѣлю. Съ перваго взгляда, такое странствованіе покажется нестерпимо-скучнымъ, но кому приходилось *ломать походы*, тотъ вспоминаетъ объ нихъ съ удовольствіемъ. Перемѣна мѣстъ увлекаетъ; съ каждымъ днемъ, какъ въ калейдоскопѣ, все вокругъ мѣняется: иная природа, иныя лица, иныя нарѣчія. Походъ представляетъ неисчерпаемый источникъ для наблюденій. Есть возможность осмотрѣть все, освященное временемъ и исторіей; взглянуть въ бытъ, въ нравы и обычаи жителей проходимаго края, прислушаться къ ихъ рѣчи, къ народнымъ толкамъ, пѣснямъ, повѣрьямъ и преданіямъ. Передъ вами живая книга: читайте ее и любуйтесь; передъ вами вѣчно-юная природа, свѣжая душа народа, истина неподдѣльная, неподкрашенная.

Полкъ, въ которомъ я служилъ, проходя черезъ Полтавскую губернію, имѣлъ ночлегъ и днѣвку въ мѣстечкѣ Г—ѣ. Мнѣ сказали, что въ верстѣ отъ селенія находятся развалины древняго монастыря, основаннаго еще какимъ-то Переяславскимъ княземъ. Часовъ въ семь вечера, когда дневной жаръ спалъ, я отправился осмотрѣть развалины и полюбоваться красивымъ мѣстоположеніемъ окрестностей мѣстечка.

(¹) *Рогъ, рѣкъ* — имень.

По склону высокой и крутой горы, тянулась просёлочная, довольно широкая, дорога. Влѣво, на самомъ гребнѣ горы, возвышались развалины монастыря, рѣзко обозначаясь на темной зелени дубоваго лѣса. Колокольня и кельи стояли безъ крышъ; на полуразрушенной оградѣ и массивныхъ воротахъ византійскаго стиля росли тощія березы, шпирель и трава. Одна только церковь нѣсколько уцѣлѣла отъ сокрушительнаго времени. Куполъ съ почернѣвшимъ крестомъ и крыша еще не обрушились и оконныя рамы, съ выбитыми стеклами, еще держались въ своихъ гнѣздахъ. Вокругъ зданія лежала, какъ завалина, масса осыпавшейся штукатурки; разметанные осколки стеколъ, оживленные лучомъ солнца, сверкали какъ алмазы. Монастырскій дворъ заросъ высоко крапивою, лопушиникомъ и бурьяномъ, изъ котораго кое-гдѣ торчали деревянные кресты, уцѣлѣвшіе на могилахъ иноковъ. Нельзя было не замѣтить, что поселяне не увеличивали разрушенія святой обители: оконныя рамы нижняго этажа были не тронуты: плитнякъ на крыльцахъ не разобранъ; желѣзная обшивка на дверяхъ съ крючьями совершенно цѣла. Грустно было глядѣть на эти развалины; онѣ почему-то наводили на печальныя мысли и тяжелыя воспоминанія.

Отъ монастыря я перешелъ черезъ дорогу, и мнѣ представилась поразительная картина украинской природы. Днѣпръ, около двухъ верстъ въ ширину, величественно катился у самой подошвы обрывистой горы. Лучи заходящаго іюньскаго солнца горѣли яркими огнями на легкихъ облакахъ и отражались на зеркальной поверхности рѣки. Днѣпръ, по всему протяженію, сколько обнимала глаза, пламенѣлъ и сверкалъ, какъ огненная лава, ярко отдѣляясь отъ темной рамки противоположнаго берега. За рѣкой виднѣлась низменная степь съ селами и хуторами; даль, по мѣрѣ отдаленія, синѣла, туманилась, небосводъ постепенно понижался, пока совершенно не сливался съ землёю. По Днѣпру видѣлись плывущіе байдаки, барки, дубы, плоты, а около береговъ сновали, по разнымъ направленіямъ, маленькіе, какъ орѣховая скорлупа, челноки рыбаковъ.

Я стоялъ надъ самымъ обрывомъ, и у моихъ ногъ разстилась новая картина. Покатость горы до берега покрыта была кустарниками, живописно сгруппированными на холмахъ и въ разсѣлинахъ. Мѣстами росли столѣтніе дубы, липы, ясени и свидѣ-

гельствовали, что нѣкогда и здѣсь былъ такой же лѣсъ, какъ за монастыремъ. Надъ берегомъ выдавался, острымъ угломъ, каменный мысъ, на высотѣ котораго обрисовался темными очертаніями статный козакъ, ⁽¹⁾ въ высокой *смушевой* шапкѣ на-бекрень. Упершись локтемъ въ колѣно и склонивъ голову на руку, онъ сидѣлъ такъ неподвижно, что еслибы, по-временамъ, не вспыхивалъ дымокъ изъ его коротенькой трубки, то его можно было бы принять за окаменѣлость.

Видъ на рѣку открывался еще болѣе съ того мыса, гдѣ сидѣлъ козакъ, и я, примѣтивъ въ сторонѣ дорожку, началъ спускаться съ горы. Кусты шпиреля, шиповника и глода, осыпанные цвѣтомъ, во мѣрѣ приближенія къ берегу, разрастались и дѣлались роскошнѣе. Мѣстами дорожка извивалась по чащѣ высокаго орѣшника, а мѣстами терялась въ глубокихъ рытвинахъ. На днѣ рытвинъ журчали ручьи, и, то дѣясь, то соединяясь, вливались въ Днѣпръ. Послѣ нѣсколькихъ поворотовъ, я наконецъ выбрался изъ гущи кустовъ и очутился возлѣ самаго мыса.

Козакъ все еще сидѣлъ также неподвижно, не замѣчая моего приближенія.

— *Здоровъ будь, козаче!* — сказалъ я, слегка ударивъ его по плечу.

Козакъ вздрогнулъ, выпустилъ трубку изъ рта и торопливо оглянулся. Увидѣвъ меня, онъ снялъ шапку и хотѣлъ-было подняться, но я, положивъ ему руку на плечо, оставовилъ порывъ его вѣжливости. Судя по козакину изъ тонкаго синяго сукна, китайчатымъ шараварамъ, засунутымъ въ юфтовые сапоги, видно было, что козакъ былъ *знѣчнаго роду*. Ему было лѣтъ пятьдесятъ; на чубѣ и длинныхъ усахъ пробивалась сѣдина; черные глаза и загорѣлое лицо его были очень живы и выразительны.

»Сиди, сиди«, сказалъ я, «и я посижу съ тобою; *тутъ такъ жарко!*»

— Да, *місце не-абі-якѣ!* отвѣчалъ козакъ, протягивая ноги.

Утесъ, на которомъ мы сидѣли, возвышался надъ уровнемъ рѣки саженой на пять. Вправо отъ утеса загибалась коса, съ остроконечнымъ гребнемъ въ родѣ крыши, и врѣзывалась въ рѣку на

(1) Въ Малороссіи, *козаками* называются потомки прежняго козацкаго сословія, обращенные въ государственныхъ крестьянъ, съ сохраненіемъ за ними нѣкоторыхъ вѣстныхъ правъ.

нѣсколько саженой. Косу эту образовала, вѣроятно, часть упавшей горы, но если обвалъ и дѣйствительно случился, то очень давно, потому что камни и земляныя глыбы осѣли и заросли уже высокими деревьями. По ту сторону косы раздавался хохотъ, говоръ и визгливые крики женскихъ голосовъ.

»Кто это тамъ кричить?« спросилъ я.

— *Баба*; тамъ ихъ купанье. Видите ли, со всѣхъ сторонъ *затишокъ*, и ни откуда ихъ не видно; вотъ онѣ тамъ и плещутся себѣ до самой ночи.

»Вишь, какія предусмотрительныя!«

— Такая ужъ, видите, глупая бабья натура: прячется, чтобъ на нее не взглянули, будто боится, чтобъ не сглазили. А какія смѣлыя, подумаешь,—прибавилъ значительно козакъ: — чего бъ и слѣдовало бояться, того не бояться!...

»Чего жъ имъ бояться?«

— Какъ—чего?—Козакъ взглянулъ на меня съ недоумѣніемъ. — Правда! вы не *тушеши*, продолжалъ онъ, вы — *переходомъ*, такъ не знаете; а если бъ знали, то и сами сказали бы, что *дідько* ихъ знаетъ, какія смѣлыя. Это мѣсто нехорошее, страшное, вотъ чтó!

Козакъ нахмурилъ брови и задумался.

Я просилъ его рассказать, почему это мѣсто нехорошее и страшное, но онъ отвѣкивался.

— Поздно, — говорилъ онъ: — вотъ ужъ и солнце садится, не успѣю досказать, да *проти ночі* не хорошо вспоминать объ этомъ... *цуръ ёму!*

Я неотступно просилъ козака и наконецъ убѣдилъ его.

— Ну, ну, пожалуй, расскажу, если вамъ ужъ такъ захотѣлось; только обождите, люльку запалю.

Солнце скрывалось за гору, бросая лиловую тѣнь на Днѣпръ. Вечеръ свѣжѣлъ; въ воздухѣ разливался запахъ дикой фіолы, васильковъ и другихъ цвѣтовъ; соловьи заливались цѣлыми хорами.

— Знаете ли, какъ это мѣсто называется? — спросилъ меня козакъ, закуривая трубку.

»Не знаю.«

— *Стѣпинъ-Рігъ*; такъ люди назвали это урочище по одному случаю. Мнѣ объ этомъ рассказывалъ мой прадѣдъ, старый-престарый *дідуанъ*, когда я еще былъ *хлопцемъ*. Все лѣто онъ си-

дѣлъ въ своей пасинкѣ, а на зиму приходилъ въ батькову хату и забивался въ свой уголъ, около печи. Вотъ тутъ-то для насъ, дѣтворы, и былъ праздникъ. Прадѣдъ мой мастеръ былъ разсказывать; кто его знаетъ, какъ онъ славно разсказывалъ! Бывало, только *казанецъ* засвѣтаетъ, такъ мы его со всѣхъ сторонъ и обляпимъ. Ужъ онъ и знаетъ за-чѣмъ: »А какую вамъ разсказать, собачьи сыны?» спросить: (такой былъ добрый, пошли ему Господи царство небесное!) »веселую или страшную?« Страхную, страшную! закричимъ въ одинъ голосъ; и—что бы сказать веселую? можетъ-быть, она забавнѣе была бъ, такъ вѣтъ! разсказывай страшную! Бывало—*щó ѿ казати?*—слушаешь дѣда, а тебя такъ и коробитъ, такъ сзади и обдаетъ холодомъ, а чубъ дыбомъ,—дыбомъ; страшно подъ лавку заглянуть; бывало, мать кликветъ: *«а нѣте, діти, вечеряють!»* такъ вздрогнешь, будто тебя *дідько* за ногу потянулъ: голосу родной матери испугаешься!

»Нѣ, такъ вотъ-какъ мой прадѣдъ разсказывалъ намъ про *чудасію*, которая на этомъ мѣстѣ случилась.

— Давно, очень давно, еще когда ляхи съ козаками жили какъ братъ съ братомъ, когда все у нихъ было недѣленное — и горе, и радость, и корысть, — тогда наше мѣстечко было еще небольшимъ селомъ; кругомъ его былъ окопъ съ валомъ, а на валу стояла пушка.

На самомъ выѣздѣ изъ села, у рѣки, стояла убогая хатка одного бѣднаго козака, который промышлялъ рыболовствомъ. У него была жена и дочь Стеха, первая красавица во всемъ селѣ, такая, какъ говорится, что и во снѣ не увидать. Высокая, стройная, какъ *очеретинка*, лицомъ бѣлая, чернобровая, а глаза каріе да ясные *якъ зірки*. Бывало, кто ее ни увидитъ, такъ къ землѣ и приростетъ, — очей отъ нея не отведетъ, — себя забудетъ.

Стехъ пошелъ уже восемнадцатый годъ, а она все еще была точно малое дитя, — такая тихая, боязливая; не только на *вечорницѣ* и на *досвіткѣ* не ходила, да и по праздникамъ рѣдко съ подругами играла; все сидѣла дома, съ матерью. А когда, бывало, какой-нибудь паробокъ кинетъ на нее окомъ, такъ она потупится и покраснѣетъ, словно маковка. Видите ли, очень была стыдлива, ужъ такъ стыдлива, что когда въ воскресенье надѣваетъ чистую сорочку, такъ отъ родной матери прячется; а когда мажетъ

хату, то хоть и сорочку запачкаетъ, а не подоткнется. Лѣтомъ, какой бы зной ни былъ никогда не ходила купаться, съ дѣвчатами, а купалась одна-одинёхонька въ полночь, когда всѣ люди въ селѣ спали. Бывало, мать начнеть ей выговаривать: *эдурна*, чего ты боишься, чего стыдишься? а она молчить да по своему дѣлаетъ.

И въ селѣ забыли бы, что есть на свѣтѣ Стеха, если бѣ иногда, въ поздній вечеръ, заунывная ея пѣсня не разносилась по всей околицѣ; а голосъ у нея такой былъ, что и рассказать нельзя!.. Кто бѣ ни слышалъ ея пѣсню — *ударить и лихомъ объ землю*, и духъ притаить: слушаетъ и не наслушается. Случалось, что байдакъ плыветъ себѣ спокойно по-серединѣ Двѣпра; вдругъ лодманъ слышитъ пѣсню Стехи, повернетъ къ берегу, плыветъ, плыветъ, плыветъ и не опомнится, какъ наткнется на мель. А она, сердечная, и не знаетъ, что такъ заслушиваются ея, а еслибъ знала, то и замолкла бѣ, какъ испуганный *соловейко*. Такая-то была Стеха!

На этомъ самомъ мѣстѣ она купалась (козакъ указалъ на мысъ). Въ то время здѣсь было плесо, а кругомъ дремучій лѣсъ. Не боялась приходитъ она и въ темную ночь, лишь бы только никто ея не видалъ; а того и не знала, что на этотъ камень, на которомъ мы теперь сидимъ, выползалъ подводный царь-*синько водный* (какъ старые люди называютъ) и грѣлся на мѣсяцѣ.

Разъ, когда онъ выползъ изъ своего *кристалёвого палаца* и распластался на этомъ камнѣ, прибѣжала Стеха купаться. Смѣло сняла она сорочку, вышла изъ кустовъ и остановилась около самого плеса. Полный мѣсяцъ такъ и окатилъ свѣтомъ ея бѣлое тѣло; стоитъ Стеха, какъ вылитая изъ чистаго серебра, — только коса, чернѣе *гравирована*, колышется ажъ у самого колѣна. Стоитъ Стеха, то ножкой играетъ съ волною, то ручки протянетъ надъ водою, будто поплыть хочетъ, или сложить на груди, будто сама собой любитъ; а *дидуанъ* смотритъ, смотритъ, совсѣмъ прилипъ къ камню и духъ притаилъ, только жабрами водить, какъ сомъ. Много у него русалокъ, красивыхъ лицомъ и станомъ, а такой, какъ Стеха, не бывало! Постоявъ немного, Стеха окунулась, но не пошла въ глубь — боялась, а только играла и плескалась возлѣ берега, чуть не подъ самымъ носомъ *дидуана*: то окунется, то вытянется по-верхъ воды, то покатится по бѣлому песочку. Выкупавшись, Стеха вернулась домой и давно ужъ

заснула, а подводный царь все еще не могъ опомниться: лежалъ, сопѣлъ и все придумывалъ — какъ бы причаровать къ себѣ дѣвчину и завербовать ее въ русалки. Извѣстно, что если такая *пѣвица* что затѣветъ, то рѣдко не поставитъ на своемъ. Вотъ подводный *дѣдуганъ* и сталъ наводить чары на бѣдную Стеху. Въ явѣ онъ не показывался ей на глаза, а все являлся во снѣ, рассказывалъ ей о своихъ богатствахъ, о хрустальныхъ палацахъ, и во всемъ старался угодить ей. На томъ мѣстѣ, гдѣ она купалась, вносилъ на дно чистаго песку, убралъ камышки. Бывало, когда отецъ ея поѣдетъ ловить рыбу одинъ, то развѣ только лягушку вытянетъ, а какъ возьметъ съ собой, на-счастье, дочку, то *дѣдуганъ* нагонитъ ему въ неводъ цѣлый возъ рыбы на отборъ. Станетъ Стеха купаться, *дѣдуганъ* перекинется волною, моетъ ее, носитъ на себѣ, а она думаетъ, что сама плаваетъ, — не стала бояться и глубины; а подводный *дѣдко* всё ее дальше и дальше заводитъ. Да не того ему хотѣлось; ему надо было не утопить ее, а чтобъ она сама сгубила свою душу: вотъ тогда бѣ только она стала русалкою.

Разъ, когда Стеха купалась, не снявъ съ шеи мониста, *дѣдуганъ* и отцѣпилъ его. Жаль ей стало мониста: она и ну нырять, все ощупью ищетъ да ищетъ по дну, и нашла — вытащила; смотреть: не ея монисто: не красное, а бѣлое, — крупное, какъ вишня и такъ сияетъ, какъ радуга. Увидѣла мать и спрашиваетъ: «гдѣ ты, *дѣню*, взяла это монисто?» а Стеха смѣется: «мнѣ!» говоритъ. «подводный царь подарилъ.» И рассказала матери, какъ нашла его. «Хорошее», говоритъ мать, «да жаль твоего, что еще отъ прабабы досталось.

Не хитрый же былъ и подводный *дѣдуганъ*! Не прошло недѣли, какъ въ наше село пришла команда *жовніровъ*: привелъ ее красивый и статный Ляхъ, панъ ротмистръ, еще молодой, — только-что усь пробился. На встрѣчу жовнірамъ высыпалъ изъ села народъ, дитвора, а больше всего *жонки* и *дѣвчата*; какъ-то туда замѣшалась и Стеха съ матерью. Какъ завидѣлъ ее панъ ротмистръ, заразъ повернулъ коня и подѣхалъ къ ней. Такъ у него глаза и разбѣжались: не знаетъ, на что смотреть: монисто хорошее, а дѣвчина еще краше: «гдѣ ты достала, *моя кралячко*, такое пречудное монисто?» спрашиваетъ панъ ротмистръ; а мать отвѣчаетъ смѣясь: «подводный царь ей подарилъ.» — «Продай мнѣ, дѣв-

чинос, говоритъ панъ ротмистръ: «сколько захочешъ, столько и заплачу тебѣ!» А Стеха покраснѣла, потупилась и взглянуть не смѣетъ. «Что пожалуете, вельможный панес, отвѣтила за нее мать, «тѣмъ и будемъ довольны.» Вотъ панъ ротмистръ вынулъ изъ кармана мѣшечекъ съ дукатами и подаль его Стехѣ, а мать отцѣпила монисто и отдала его пану ротмистру. Тутъ Стеха, нехотя, подняла глаза, и какъ увидѣла молодаго ротмистра, такъ у ней и ёкнуло сердце, и вся кровь заиграла и загорѣлась. Сердце у дивчины, на-порѣ, отъ молодецкаго взгляда, какъ зерно на нивѣ послѣ теплаго дождика, наполнится и проростетъ.

Того только и хотѣлъ подводный *дідуанъ*, чтобъ Стеха *зако-халась*.

Сильно обрадовались дукатамъ Стехины батько и матеръ; построили себѣ новую хату, большую, на двѣ половины, одну — для себя, другую для будущаго зятя; батько накупилъ такихъ неводо́въ, что за четверть Двѣпра хватають, а дочку одѣлъ не хуже какой-нибудь *сотниківны*. Да не до того теперь Стехѣ. Смутно было у ней на умѣ, тяжело на сердцѣ; затихла пташка, голоска не подастъ, и не узнать ея: не прячется болѣе въ густыя черешни, а все, знай, возлѣ плетня снуетъ да высматриваетъ. И панъ ротмистръ, изъ веселаго, такой сталъ задумчивый, и куды бъ ни пошелъ, такъ его и притянетъ къ Стехиному садочку. А она только завидитъ пана ротмистра, — и притаится за плетнемъ, и смотритъ на него, смотритъ, а сердечко токъ-токъ-токъ, какъ у перепелочки, когда завидитъ ястреба. Зорокъ былъ и панъ ротмистръ, не долго пряталась отъ него Стеха. Сначала заговорили они межъ собой черезъ плетень, а тамъ панъ ротмистръ перелѣзъ и въ садочокъ, и за бѣлыя руки взялъ, и къ сердцу приголубилъ... Опять запѣла наша пташка и ужъ не нашу пѣсню, а веселую, людскую, да только не долго, бѣдняжка, пѣла: поднялась война съ туркомъ и пану ротмистру пришло приказъ, чтобъ онъ отправился съ своими жовнирами по дорогѣ въ Туреччину.

Горько было разставанье Стехи съ паномъ ротмистромъ, да что дѣлать: война съ *бузувіромъ*, такъ тутъ не до любви. Прощаясь, панъ ротмистръ надѣлъ Стехѣ на палець драгоценный перстень и поклялся, что когда вернется благополучно съ войны, то непременно на ней женится.

Тоскуеть Стеха въ разлукѣ съ милымъ, задумывается, а порой вспомнить свое счастье и развеселится. И почудится ей, что панъ ротмистръ уже вернулся съ войны, и любить её больше прежняго; — она ужъ больше не прячется съ нимъ въ садочку да по лѣснымъ затишьямъ, а живетъ вмѣстѣ, по закону, сидитъ въ палацѣ обнявшись и ножкой колышетъ колыску съ сыномъ. Да не такъ на свѣтѣ дѣлается, какъ думается! Подводный *дідуганъ* не дремалъ: только-что панъ ротмистръ выступилъ въ походъ съ *жовнірами*, онъ такъ и кинулся подземными *жерѣлами* къ рѣкѣ Дунаю, и сторожить его тамъ.

Въ старину не умѣли, какъ теперь, наводить мосты черезъ такія широкія рѣки, какъ нашъ Днѣпръ или Дунай; пѣшее войско переправлялось на дубахъ, а конница вплавь. Вотъ, когда пришелъ къ берегу съ своими жовнѣрами панъ ротмистръ, то, не долго думавши, и поплылъ черезъ Дунай. Только добрался до быстрины, а *дідуганъ* цапъ его за ногу, да и затасовалъ на самое дно. На войнѣ чего не случается? не велика бѣда, что утовулъ: однимъ только меньше. Такъ думаютъ люди, а того не знаютъ, что для родной матери, или коханки, въ немъ одномъ погибло все на свѣтѣ!...

Когда вѣсть о смерти пана ротмистра дошла до Стехи, она, бѣдная, словно *збожеволила* (1). По нѣскольку дней сряду, бродила по лѣсамъ, какъ дикая кошка; не на долго навѣдается въ хату и опять безъ вѣсти пропадетъ. Чтѣ ни дѣлали отецъ и мать — ничтѣ не помогало; какъ ее ни допрашивали, молчитъ и не жалуется на свою долю. Случалось людямъ встрѣчать Стеху въ лѣсу, такъ едва могли признать ее — такъ извелась. Глаза такіе жъ каріе, ясные, да такъ страшно смотрятъ, что морозъ подираетъ по кожѣ; коса разметалась, сама она блѣдная, какъ полотно, сорочка въ лохмотьяхъ. Вотъ такъ-то, сердечная, билась она съ своимъ горемъ, билась, — и какъ выплакала всѣ свои слѣзы — свѣтъ ей опротивѣлъ. Разъ, на Ивана-Купала, пришла она на этотъ камень, постояла-постояла, понуривши голову, а потомъ подняла руки, вскрикнула — и бухъ въ воду. Подводный *дідуганъ* уже ждалъ ее, сидя тутъ подъ кручей. Только что она...»

Вдругъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ зашумѣла и зако-

(1) Помѣшалась.

лыхалась вода, и въ ту жь минуту на поверхности показались голова и бѣлыя плечи плывущей женщны.

— Здравствуй, дядьку!—закричала русалка, сплеснувъ руками.

Внезапность испугала насъ обоихъ, въ особенности козака.

»Святъ, святъ!« пробормоталъ онъ, быстро вскакывая на ноги и устремляя на русалку взглядъ полный ужаса.... »Стеха, Стеха!« Закричалъ онъ, растопыря руки: »чтобъ тебя дѣдко ухватилъ!... Тьфу, до смерти перепугала!..«

— Стеха?! спросилъ я.

»Стеха!« отвѣчалъ козакъ, успокоиваясь: »да только не та, а живая! чтобъ ее... *нехай здорова буде!* Да ловко же подкралась: шутка ли ажъ вонъ откуда вынырнула. Вѣдь она у насъ ныряетъ какъ норець, какъ вѣдьма какая держится на водѣ и не тонетъ!«

Стеха заливалась звонкимъ хохотомъ и, желая выказать свое искусство, плавала легко и красиво, то взмахивая руками, кружась и ныряя, то спокойно лёжа и чуть колеблясь на поверхности воды.

»Ну, эта«, замѣтилъ я, »не боится, чтобъ ее не сглазили!«

— Дура,—пробормоталъ козакъ, ухмыляясь:—она думаетъ, что коли съ низкаго берега не разглядишь человѣка въ водѣ, такъ тоже и съ высокаго: дура, на вѣки дура! — говорилъ онъ, щурясь и не сводя глазъ съ прельщавшей его Стехи.

»Дівчина чи молодійця?«

— Молодійця.... Еще не давно замужемъ... Славная, нечего сказать, дѣдко ея не взялъ. Посмотрите, словно выточенная, а бѣла, бѣла какъ молоко.

Козакъ говорилъ съ большимъ одушевленіемъ; да и нельзя было не залюбоваться Стехой. Къ красотѣ мѣстоположенія только и не доставало русалки; внезапное появленіе Стехи какъ-будто осуществило фантастическій разсказъ козака.

Не долго забавляла насъ Стеха. »Прощайте!« вскрикнула она, погружаясь; бѣловатая полоса проскользнула за окраину мыса и исчезла.

— *Бисова молодійця*... чтобъ ее... говорилъ козакъ, ковыряя указательнымъ пальцемъ въ потухшей трубкѣ:—чортъ знаетъ какъ было, испугала!

»Да за тó и потѣшила!« замѣтилъ я.

— Нечего сказать, потѣшила!.. — Козакъ захохоталъ и закрутилъ головою.

Солнце зашло; наступали сумерки; даль потемнѣла; поверхность Днѣпра приняла цвѣтъ полированной стали. Барки, байдаки и плоты причалили къ берегу на отдыхъ. Огоньки засверкали и сивеватый дымъ, словно прозрачная пелена, разстился надъ берегомъ. Украинскія мелодіи сливались съ великороссійскими и бѣлорусскими пѣснями; дребезжала сопѣлка; вдали щелкали перепела, трещали коростели, гудѣлъ бугай⁽¹⁾, а возлѣ насъ свистали пастушкіи⁽²⁾, ворковали горлицы и еще громче заливались соловьи.

Козакъ сосалъ трубку и, подперши ладонью подбородокъ, весь погрузился въ свою думу.

»Ну, козаче, досказывай«, заговорилъ я, дергая его за рукавъ: »уже вечерѣть.«

— Да! — пробормоталъ козакъ, потирая лобъ: — на чемъ-бишь я остановился?..

»Ну, вотъ какъ кинулась въ воду Стеха, подводный царь схватилъ ее, перекинулъ въ русалку и помчалъ въ свой палаць. И палаць же былъ на удивленье! стѣны, потолоки, крыша, все изъ чистаго стекла, столы, лавки, скамейки изъ самоцвѣтныхъ камней, а полъ посыпанъ мелкимъ, какъ макъ, жемчугомъ.

Когда увидѣли дѣдовы русалки Стеху, то словно тертаго хрѣну понюхали. Живьемъ бы ее съѣли: (вѣдь бабы презавистливы, гдѣ бы ни были, на землѣ или подъ водой, всѣ на одинъ ладъ): только не ихъ воля, не ихъ и сила: ничего не сдѣлаютъ. *Синько-водяной* прогналъ отъ себя всѣхъ русалокъ и зажилъ съ одной Стехой. Разсердились русалки, стали межъ собой совѣтоваться, какъ бы имъ сбыть Стеху... Была между ними одна русалка, хитрая-прехитрая, ехидная, какъ змѣя подкодная, а умѣла прикидываться такой добренькой, какъ говорится *»ангельскій голосокъ, а чортова думка.«* Еще при жизни она была вѣдьмой, изъ нашего таки села, да разъ попрятала дожди, а тутъ, ей на бѣду, нашелся такой знахарь, и утопилъ ее проклятую; она и попала къ подводному дідугану въ русалки. Да, хоть она была и русалка, а *вѣдѣмства* своего все-таки не забывала; вотъ она и взялась спроводить

(1) Выпь. Болотная птица. Ее называютъ бугаємъ потому, что крикъ ея напоминаетъ ревъ бугая (быка).

(2) Маленькая птичка.

Стеху... Заразъ подобралась къ *дідугану* и впробилась къ Стехѣ работницею: такая услужливая, угодливая, все Стехѣ рассказываетъ про ея отца и матеръ, какъ они за нею убиваются да плачутъ; а Стеха слушаетъ и все больше мучится и тоскуеть. Дідуганъ чего не дѣлалъ! Чтобы развеселить Стеху, затѣветъ подводныя игрища: раки осѣдлаютъ осетровъ и бѣгаютъ въ запуски, какъ люди на скакувахъ; черепахи, какъ собаченки, на двухъ лапкахъ танцуютъ; а иногда разберутъ на своры щукъ и сомовъ, будто борзыхъ, и поѣдутъ на охоту, травить рыбу, какъ мы зайцовъ... Ужъ и не помню всего, что прадѣдъ рассказывалъ: бывало, какъ начнетъ выдумывать да своего додавать, то слушаешь, слушаешь и отъ смѣха ажъ за животы берешься. Ну, такъ, говорю, что ни дѣлалъ дідуганъ, чего не придумывалъ, никакъ не могъ развеселить Стехи; все сидитъ себѣ понуривши голову, и не усмѣхнется.

Вотъ русалка и стала ее спрашивать: не хочетъ ли побывать у своего батька и матери? »Хочу, сестричко«, говоритъ Стеха, »хоть-бы мнѣ взглянуть на нихъ!« — »И увидишь«, говоритъ русалка, »и услышишь ихъ голосъ, и будетъ тебя мать въ рукахъ держать: только слушайся меня и дѣлай все, что я ни скажу.« — »Что хочешь«, говоритъ Стеха, »тѣ со мною и дѣлай.«

Разъ, когда подводный дідуганъ, отправился осматривать свое подводное царство, вѣдьма-русалка обернула Стеху въ *плиточку* (плотву) и пустила ее въ *ятеръ* ея батька. Подъ вечеръ пришелъ батько. Увидѣвъ, что въ *ятерѣ* всего одна рыбка, не хотѣлъ было брать, а потомъ подумалъ, что ихъ теперъ только двое, — не много имъ нужно; взялъ дочку, положилъ въ мѣшочекъ и принесъ домой. Боже милостивый, какъ Стеха обрадовалась, увидѣвши *родину*, кровныхъ: ажъ затренилась! А они-то, горемычные, отъ тоски и печали такъ извелась, что узнать трудно: у *отца* чубъ побѣлѣлъ, а у матери глаза покраснѣли и запухли отъ слезъ. Взяла мать ножъ и ну оскребать чешую: и что же? Стехѣ такъ хорошо, такъ любо въ рукахъ матуси роденькой, ажъ спинку выгибаетъ отъ радости. Выпотрошила мать *плиточку* и въ горшокъ съ кипяткомъ бросила, а Стехѣ все также хорошо, и огонь, разведенный матусею не жжетъ ея. Когда плиточка сварилась, мать вынула ее изъ горшка, положила на кленовую тарелочку и поставила на столъ: Сѣли старики вечерять, да їда нейдетъ имъ на умъ. Сидѣли, сидѣли и вспомнили о своей несча-

стливой Стехѣ: »осиротила насъ«, говорить батько, »иѣкому болѣе радовать и утѣшать насъ!« а мать также всхлипываетъ, да прирекаетъ: »кто за нами старыми да немощными присмотритъ! кто закроетъ намъ очи, кто насъ оплачетъ когда умремъ, и помолится за насъ грѣшныхъ? Не увидимъ ея ни въ сей жизни«, говорить батько, »ни въ будущей: сгубила она душу свою!.. Боже милостивый!« заголосили старики, »помилуй ея грѣшную, неразумную, несчастливую!..« сидятъ да молятся, а слѣзы капаютъ на тарелочку и обмываютъ плиточку, а душа Стехи, какъ отъ *живущей и сѣлющей воды*, оживаетъ, оживаетъ; теплая молитва дошла до Господа... милосердный Богъ помиловалъ грѣшную!.. Очнулись старики, видятъ—нѣтъ болѣе на тарелочкѣ плиточки, а лежатъ голубенькіе цвѣточки; не успѣли опомниться отъ одного чуда, какъ имъ послышался милый и знакомый голосъ, голосъ Стехи!

»Наша Стѣха!« закричали старики, всплеснувши руками, и опрометью выбѣжали изъ хаты. Обѣжали кругомъ, приглядываются: никого нѣтъ; ночь темная, ни звѣздочки, — только холодный осенній вѣтеръ завываетъ, свѣвая съ деревьевъ сухое листьѣ. Тутъ они спознавъ, что Богъ услышалъ ихъ молитву; вошли въ хату и легли спать. Когда мать заснула, Стеха явилась къ ней во снѣ, вся въ цвѣтахъ, такая веселая; румяная, какою она была до прихода пана ротмистра. И рассказала она матери всё, что я вамъ сказаль, какъ дѣдуганъ ея сгубилъ, какъ вѣдьма оборотила ея въ плиточку и какъ молитва батька и матуся *вызволила* грѣшную ея душу.

Тѣмъ временемъ подводный дѣдуганъ возвратился въ свой хрустальный палацъ; смотритъ—нѣтъ Стехи; какъ проиухалъ, что съ нею случилось, то и рассказать нельзя какъ разлутовался. Сейчас собралъ съ половины свѣта тучи, изъ подземельныхъ жерлъ выпустилъ вѣтры, со всѣхъ рѣкъ стянулъ воду. Загремѣла буря, какой отъ созданія міра еще никто не видѣлъ, полилъ дождь какъ изъ ведра и Днѣпръ надулъ свою гриву и расколыхался, какъ весной въ полную воду, и ревѣлъ и стоналъ, сердечный. Трое сутокъ лилъ дождь, дули вѣтры, ажъ земля колебалась и была такая темень, какъ ночью. Дѣдуганъ, должно быть, хотѣлъ перевернуть всю гору съ нашимъ селомъ, да ничего не доказаль. Подмылъ только въ этомъ мѣстѣ и свалилъ порядочный кряжъ въ Днѣпръ. Но что ни дѣлалъ, какъ ни бѣсился, а Стеху все таки нужно было вернуть; вотъ онъ и

выбросилъ ея трупъ, вотъ на эту горку. Козакъ указалъ въ лѣво на небольшое возвышеніе.

Когда все *утихомирилось*, народъ сбѣжался сюда, посмотрѣть на проказы подводнаго дідугана и увидѣлъ трупъ Стехи. Сказали объ этомъ ея батьку и матери; прибѣжали старики, плакали, убивались и похоронили. Попъ отказался было отпѣвать самоубійцу, но мать рассказала ему какъ Богъ помиловалъ Стеху, и батюшка сотворилъ надъ нею христіанское погребеніе.»

— Гдѣ она погребена?

»На той же горкѣ, на которую ее выбросилъ дідуганъ. Недалеко отсюда, мы будемъ проходить около самой могилы, я вамъ ее покажу.«

Полная луна подпаялась надъ горизонтомъ и набросила сребристый покровъ на окрестности. Днѣпръ, мѣстами, казался бездонной пропастью, въ глубинѣ которой яркія звѣзды сверкали, какъ алмазы на черномъ бархатѣ; мѣстами—отливался, блестяль сребристой чешуей. Прибрежные огоньки разгорѣлись и отсвѣчивались въ пучинѣ, огненной колонадой. Ночь была теплая, тихая; ни одно деревцо не колыхалось, ни одинъ листочикъ не шевелился.

Козакъ всталъ, и я за нимъ. Пройдя въ гору около сорока шаговъ, онъ остановился возлѣ довольно высокаго креста.

»Вотъ вамъ и Стехина могила,«—сказалъ онъ, снимая шапку и крестясь.

Не замѣтно было и признаковъ возвышенія; поверхность земли была совершенно ровная и покрыта мелкой травой. Одинъ только крестъ указывалъ мѣсто Стехиной могилы.

»Навѣрное Богъ ее помиловалъ«, важно продолжалъ козакъ, »когда и люди ее простили!.. Никто не помянетъ Стеху лихомъ; рѣдкій изъ жителей нашего мѣстечка, молившись за упокой душъ своихъ родичей, не помянетъ и Стехи. Какъ ислябеть и повалится крестъ на ея могилѣ, найдется добрая душа и поставитъ новый. Кто ни пройдетъ мимо ея могилы, всякій вспоманетъ несчастную и помолится. Старикъ просить Бога, чтобы не наказалъ тѣмъ же лихомъ и его дѣтей, дѣвчина, чтобы не послалъ и ей такой же доли. Кажется, пока свѣтъ стойтъ, не забудутъ Стехи, будетъ стоять крестъ на ея могилѣ, а урочище это называться *Стѣхинь-Рѣй*. На Ивана Купала собираются сюда дѣвчата и парубки, раскладываютъ костры дровъ, веселятся и прыгаютъ черезъ огонь.

Въ этотъ день усыпають могилу Стехи цвѣтами, а на крестъ вѣшаютъ вѣнки изъ барвинка и васильковъ. Дивчата даже думаютъ, что стыдливая Стеха для нихъ и купальню такую устроила, что ни съ которой стороны не видно ихъ, когда онѣ купаются.»

Возвращаясь въ мѣстечко, козагъ не умолкалъ; между прочимъ далъ мнѣ замѣтить, что онъ не изъ простыхъ.

»Вѣдь и я тоже», говорилъ онъ, »почти военный: и дѣды и прадѣды мои воевали съ басурманомъ, и сынъ у меня также на службѣ. И еще гдѣ! Въ *Петенбургль*, въ гвардіи!...

— Въ которомъ полку?

»Въ самой кавальгардіи!«

»Давно?

»Шестой годъ. Пишетъ, — хвалится, что ему тамъ хорошо, только жалуется, что въ казармахъ лѣтомъ душно, а зимой холодно, и по вареникахъ скучаетъ.

Проходя улицей, онъ остановился возлѣ дома, покрытаго тесомъ, о пяти окнахъ, съ затѣйливыми воротами, шинкомъ и сараями, все изъ хорошаго рубленого лѣса.

»Вотъ и моя хата», сказалъ онъ, снимая шапку и низко кланяся: »прощайте, *на добра-ничъ*.«

— Прощай, козаче, — отвѣчалъ я, пожимая его руку: — прощай, спасибо тебѣ за Стеху.

»Да, не забывайте нашей Стехи и не вспоминайте лихомъ и Марка Порохню. Прощайте!«

Ал. Стороженко.

ЗАМѢТКИ И НАБРОСКИ Н. В. ГОГОЛЯ

ДЛЯ

ДРАМЫ ИЗЪ УКРАИНСКОЙ ИСТОРИИ.

НѢСКОЛЬКО ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫХЪ СЛОВЪ.

До сихъ поръ мы знали только по слухамъ, что Гоголь писалъ драму изъ исторіи Украины, но не находили никакихъ слѣдовъ этого литературнаго труда. Покойный С. Т. Аксаковъ, въ «Воспоминаніяхъ» своихъ, сообщенныхъ мнѣ для *Записокъ о Жизни Гоголя* (т. I, стр. 252) пишетъ: «Въ 1839 году Гоголь говорилъ мнѣ, что, кромѣ труда завѣщаннаго ему Пушкинымъ, совершеніе котораго онъ считаетъ задачею своей жизни, т. е. *Мертвыхъ Душъ*, у него составлена въ головѣ трагедія изъ исторіи Запорожья, въ которой все готово, даже до послѣдней нитки въ одеждѣ дѣйствующихъ лицъ, — что это его давнишнее любимое дитя, — что онъ считаетъ, что эта пьеса будетъ лучшимъ его произведеніемъ, и что ему будетъ слишкомъ достаточно двухъ мѣсяцевъ, чтобы переписать ее на бумагу.»

Въ то же самое время и для той же работы, О. В. сообщилъ мнѣ другой фактъ, относящійся, надобно думать, къ той же драмѣ (см. тамъ же, стр. 330): «... На замѣчаніе мое объ отсутствіи драмы въ *Мертвыхъ Душахъ*, Жуковский отвѣчалъ мнѣ: «Да и вообще въ драмѣ Гоголь не мастеръ. Знаете ли, что онъ написалъ было трагедію? Читалъ онъ мнѣ ее во Франкфуртѣ. Сначала я слушалъ; сильно было скучно; потомъ рѣшительно не могъ удержаться и задремалъ. Когда Гоголь кончилъ и спросилъ, какъ я нахожу, я говорю: «Ну, братъ Николай Васильевичъ, прости, мнѣ сильно спать захотѣлось.» — «А когда спать

захотѣлось, тогда можно и съечь ее», отвѣчалъ онъ, и тутъ же бросилъ ее въ каминъ. Я говорю: »И хорошо, братъ, сдѣлалъ.«

Еще мы знаемъ, что Гоголь, въ первый свой прїѣздъ въ Москву, говорилъ о какой-то драмѣ М. С. Щепкину: »Ну, Михайло Семеновичъ, будетъ вамъ славная работа: у меня есть драма за выбритый усъ, въ родѣ *Тараса Бульбы*. Я скоро ее окончу.« Михайло Семеновичъ имѣлъ неосторожность спросить объ этой драмѣ у Гоголя при свидѣтеляхъ. Гоголь отперся и отвѣчалъ, что никогда не говорилъ ничего подобнаго; но, выходя изъ комнаты, шепнулъ г. Щепкину: »Болтунъ, ничего больше не скажу!«

Вотъ все, что было извѣстно намъ до сихъ поръ о драмѣ Гоголя. Ни С. П. Шевыревъ, пересматривавшій бумаги Гоголя вскорѣ послѣ его смерти, ни племянникъ великаго писателя, Н. П. Трушковскій, не открыли никакихъ остатковъ этой драмы, ни даже намековъ на нее. Я самъ, пересматривая много разъ бумаги Гоголя при изданіи его *Сочиненій и Писемъ*, остался въ убѣжденіи, что слѣды украинской драмы его исчезли. Но, вотъ, недавно, перелистывая выписки Гоголя изъ разныхъ книгъ по предмету русской и всеобщей исторіи — работу учительскаго періода его жизни, я открылъ листъ ярко-зеленой бумаги, сложенный въ осьмушку и исписанный въ разныхъ мѣстахъ по три, по четыре, по десяти строкъ, изъ которыхъ, однакожъ, никакъ нельзя было догадаться, что это такое, — тѣмъ болѣе, что писано это самымъ небрежнымъ почеркомъ. Перелистывая одинъ за другимъ эти наброски, я попалъ наконецъ на одно мѣсто съ подчеркнутою надписью: *Какъ должно создать эту драму*. Я перебралъ тогда всѣ лоскутки бумаги съ брошенными на нихъ кусочками мыслей, которыя, до сихъ поръ, я не зналъ куда отнести, и такимъ образомъ составилъ предлагаемую статью, несомнѣнно удостоверяющую, что драма дѣйствительно существовала, если не на бумагѣ, то въ умѣ Гоголя. О времени, въ которое сдѣланы эти наброски, можно судить по бумагѣ, на которой просвѣчивается штемпель фабрики: »J. Whatman Turkey Mill 1838.«

Пользуясь драгоценной для меня довѣренностію почтенной матери великаго нашего поэта, я приношу, отъ ея имени, этотъ малый, но безцѣнный, въ своемъ родѣ, даръ новому украинскому журналу, какъ замогильное напутствіе писателя, которымъ наша родина по справедливости гордится.

П. Кулишъ.

Какъ нужно создать эту драму.

Облечь ее въ мѣсячную чудную ночь и ея серебрянное сіяніе, и въ роскошное дыханіе юга..

Облить ее сверкающимъ потокомъ солнечныхъ яркихъ лучей, и да исполнится она вся нестерпимаго блеска.

Освѣтить ее всю минувшимъ и вызваннымъ изъ строя удаливших(ся) вѣковъ, полнымъ старины временемъ, обвить разгуломъ козацкимъ и всѣмъ раздольемъ воли.

И въ потоппъ рѣчей неугасаемой страсти, и въ рѣшительный, отрывистый лаконизмъ воли и свободы, и въ ужасный, дышущій дикимъ мщеніемъ, порывъ, и въ грубыя, суровыя добродѣтели, и въ желѣзные, несмягченные пороки, и въ самоотверженіе неслыханное и дикое, не-человѣческое великодушіе.

И въ безпечность забубенныхъ вѣковъ.

Вдохновенная, небесно ухающая, чудесная ночь. Любишь ли ты меня? по-прежнему ли ты глядишь на своего любя(мца) ⁽¹⁾ и горюшь, и блещешь ему въ очи, и цѣлуешь его въ уста и лобъ, и такъ же ли, по-прежнему, ли смѣется мѣсячный свѣтъ? О Боже, Боже, Боже! такіе ли звуки, такіе снуются и дрожатъ въ тебѣ, *которые мнѣ одному ты давалъ слышать* ⁽²⁾ въ то время, когда... передъ окномъ, на груди рубашка раздёрнута, и грудь и шея моя *тебѣ* ⁽³⁾ на стрѣчу, а божественный ⁽⁴⁾ чудесный *освѣжительный* ⁽⁵⁾, утомительный, дышущій нѣгой и благовоніемъ рай(скій) небесн(ый) вѣтеръ ночной, дышущій радостнымъ исполненнымъ молод(ости), холодомъ, вѣтеръ урывками обнимаетъ меня и обхватываетъ своими объятіями и убѣг(аетъ) и вновь возвращается обнимать меня, а черныя... массы лѣсу, нагнувшись издали глядѣли... стоялъ торжеств(енн)о несмущенный воздухъ. И вдругъ соловей... О небеса! какъ загорѣлось все, какъ вспых-

⁽¹⁾ *Сверху, друими чернилами, написано: не измѣнивагося ни годами, ни (у)тратами.*

⁽²⁾ *Курсивныя слова зачеркнуты друими чернилами, а надъ ними сверху написано: Я клянусь, я слышалъ эти звуки; я слышалъ ихъ одинъ.*

⁽³⁾ *Это и слѣдующія курсивныя слова зачеркнуты друими чернилами. Надъ слѣдующимъ затѣмъ словомъ начинается приписка друими чернилами: ночному, освѣжительному ночному вѣтру, какой...*

⁽⁴⁾ *Друими чернилами сверху: какой.*

⁽⁵⁾ *Друи. черн: св: и оживляющій.*

нуло ⁽¹⁾! А мѣсяцъ, мѣсяцъ... *О мѣсяцъ! Боже, Боже, Боже!* —
 Отдайте, возвратите мнѣ мою молодую крѣпость. Еще... меня,
 меня свѣжаго — того, который былъ ⁽²⁾. О, не возвратимо все,
 что ни есть на свѣтѣ.

Отвѣчаетъ срани. иносказательно. Правда, случается, что вошь
 падалъ, издыхалъ, но подъ рукою человѣка, которому Богъ далъ
 умъ на то, чтобы сдѣлать... но никогда еще не случалось, что-
 бы быкъ погибалъ отъ свиньи.

Дѣлаетъ распоряженія о продажѣ рыбы, о запасѣ на зиму,
 именно на такое-то время, потому что тогда хлопцы пьянствуютъ, —
 о покупкѣ соли, о баштанахъ, хлѣбахъ, о порохѣ, ружьяхъ, кун-
 тушахъ для солдатъ. — Войны, кажется, ожидать не нужно, по-
 тому что мужицкая и козацкая снаровка бунтовать такъ, чтобы не
 побунтовать не можетъ проклятой народъ; такъ вотъ у него рука
 чешется, дармоѣдитъ да повѣсничаетъ, по шинкамъ да по ульцамъ.

Разсказываютъ про клады и сокровища Запорожцевъ. Уйду
 на Запорожье: здѣсь всякой чортъ тебя колотить.

Монахамъ такого-то монастыря купить вытканые и шитые
 утиральники.

Демьянъ превращается въ кашевара. Самко въ...

МУЖИКИ.

Разговоръ между мужик(ами). Вадорожало, все дорого... Ей
 Богу, не длиннѣе вотъ этого польце 20 четвериковъ... 4 пары цы-
 плятъ къ Духову дню, да къ Пасхѣ пару гусей, да съ каждой
 свиньи, съ меду, да и послѣ каждыхъ трехъ лѣтъ третьяго вола.

РЫЦАРСКІЕ.

Не поединки, а раздѣлываются драками, набравши съ собою
 сколько можно больше слугъ и, выѣхавши на поле, нападаетъ
 на своихъ противниковъ.

⁽¹⁾ Друг. черн: У, какой громъ!...

⁽²⁾ Что слѣдуетъ дальше, приписано другими чернилами.

Выдумать, какъ запала мысль въ голову молодому дворянину. Чисто козацкое изобрѣтеніе, какъ подговорить. Лукашъ говорить, что онъ ничего не знаетъ, — что нужно склонить полковниковъ на радѣ... и вынуждаютъ... и сказать. Какимъ же образомъ...

Сказавши монологъ, долго кричатъ. Выходить. Мать. Дочь. У тебя болитъ голова. и прочее.

Нѣтъ, не голова болитъ: я вся. Болятъ мои руки, болятъ мои (ноги), болитъ грудь моя, болитъ моя душа, болитъ мое сердце. Огонь во мнѣ... Матушка, матуся! дай такой воды, чтобы загасила жгущее меня пламя. О, проклята твоя злодѣй... и проклять родъ твой, и прокляты тѣ всѣ, что... Мать моя, матушка! зачѣмъ ты меня породила такую несчастную? Ты, видно, не ходила въ церковь; ты, видно, не молилась Богу; ты, видно, въ свяченой водѣ не купала... въ ядовитомъ зельѣ, на которомъ проклятая гадина.

Входятъ, возвѣщаютъ и совѣтуютъ бѣжать. Бѣгите и спасайте женъ и бабъ. Ляхи за нами, и грабятъ и жгутъ, Въ этомъ положеніи находятъ. Укладываются. Старушка плачетъ, расставаясь съ прежнимъ жилищемъ, гдѣ столько пробыла и откуда никуда не выходила.

Внутри рветъ меня, все немилло мнѣ: ни земля, ни небо, ни все, чтó вокругъ меня.

Отреченіе отъ міра совершенное. А между тѣмъ мерещится прежнее счастье и благо(денствіе), которое могло... Прощаніе слезное съ молодыми лѣтами, съ молодыми радостями... и строгое покореніе судьбѣ. Обѣтъ, и какъ будетъ молиться, какъ припадеть къ иконѣ и все буду плакать. И ничто, никакой пици бѣдному сердцу и не радуюсь никакимъ воспоминаніемъ.

И вдругъ. Здѣсь встрѣча съ соперницей въ унижительномъ состояніи, и все вспыхиваетъ вновь во всемъ огнѣ и силѣ. Жестокіе упреки и злобная радость. Бросается на колѣни и проситъ прощенія.

Н. Гоголь.

МЫСЛИ

О ФЕДЕРАТИВНОМЪ НАЧАЛѢ ВЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

Географическая мѣстность страны и обстоятельства, подѣ влияніемъ которыхъ сложился бытъ Восточныхъ Славянъ, произвели надолго, въ исторіи Русскаго народа, сочетание единства и цѣлости земли съ раздѣльностью частей ея и съ своеобразностію жизни въ каждой изъ этихъ частей. Коренной зачатъ русскаго государственнаго строя шелъ двумя путями: съ одной стороны, къ сложенію всей Русской Земли въ единоедержавное тѣло, а съ другой — къ образованію въ немъ политическихъ обществъ, которыя, сохраняя каждое свою самобытность, не теряли бы между собою связи и единства, выражаемаго ихъ совокупностію. Это начало федераціи не представляетъ въ исторіи нашей чего-то исключительно-свойственнаго Славянскому племени; его встрѣчаемъ мы, какъ у древнихъ, такъ и у новыхъ народовъ, повсюду, гдѣ только живучесть нравственныхъ силъ челоѣка не была подавлена насильственнымъ сплоченіемъ, или гдѣ, вслѣдствіе неблагопріятныхъ для поддержанія единства оборотовъ судьбы, части не приняли характера совершенно отдѣльныхъ другъ отъ друга цѣлыхъ, и не разошлись, на своемъ пути, въ разныя стороны. Русская Земля была слишкомъ велика для скорого образованія изъ себя единоедержавнаго тѣла; племена, населявшія ея, были слишкомъ разнообразны, чтобъ скоро слиться въ одинъ народъ; самое то племя, которое имѣло болѣе залоговъ сдѣлаться господствующимъ, первенствующимъ между другими, было само раздѣлено на второстепенныя племена, заключавшія въ себѣ залоги долгаго существованія въ отдѣльности.

Еще въ незапамятныя времена, послѣ пришествія Славянъ съ Дуная, на всемъ Русскомъ материкѣ жило два рода Славянъ: одни Славяне —

старые, другіе—пришлые; въ языкѣ, нравахъ и обычаяхъ тѣхъ и другіхъ должны были заключаться такія отличія, которыя препятствовали ихъ скорому слитію. Сверхъ различій, какія необходимо должны были существовать между массою древнѣйшихъ обитателей края и массою пришлыхъ, каждая масса подраздѣлялась на виды, которыхъ прирожденные признаки, этнографическія особенности, означались не одними только мѣстами новаго ихъ поселенія, но и укоренялись, и развивались въ теченіи значительнаго времени, привычками, преданіями и своеобразными приемами быта. Достаточно указать на описаніе Полянъ и Древлянъ въ нашихъ лѣтописяхъ: обѣ эти вѣтви принадлежали къ одной массѣ новопришлыхъ Славянъ и, притомъ, обитали по сосѣдству другъ съ другомъ; но различіе между ними доходило даже до вражды. »Поляне бо своихъ отецъ обычаи имуть кротокъ и тихъ, и стыдѣнье къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и къ родителемъ своимъ, къ свекровемъ и деверемъ велико стыдѣнье имѣху; брачные обычаи имяху: не хозаше зать по невѣсту, но приводяху вечеръ, а завѣтра приношаху по ней что владуче. А Древляне живяху звѣриньскимъ образомъ, живуще скотьски: убиваху другъ друга, ядаху вся нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху уроды дѣвicia.« (Лѣтоп., т. I). Радимичи и Вятичи производили себя отъ Лаховъ: въ этомъ преданіи, конечно переходившемъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, лежитъ уже причина ихъ отличія и зародышъ отдѣльности, да сверхъ того каждый изъ этихъ двухъ народовъ имѣлъ собственные завѣтные преданія, которыя были чужды другимъ Славяно-русскимъ народамъ и имъ самимъ не давали смѣшиваться другъ съ другомъ. У Радимичей былъ свой родоначальникъ—Радимъ, у Вятичей—Вятко. Для другихъ русскихъ Славянъ эти праотцы не были священными лицами, какими были для признававшихъ себя ихъ потомками. Какъ у Древлянъ, такъ и у Радимичей и Вятичей, лѣтописецъ подмѣтилъ особыя черты правовъ. »И Радимичи, и Вятичи, и Сѣверъ одинъ обычай имяху: живяху въ лѣсѣ, якоже всякій звѣръ, ядуще все нечисто, срамное слово въ нихъ предъ отци и предъ снохами; браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы. Схожахуся на игрища, на пласанье, и на вся бѣсовская игрища, и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто съвѣщашеся; имяху же по двѣ и по три жены. Аще кто умряше, творяше трызну надъ нимъ и по семь твораху кладу велику, и възложяхуть и на кладу мертвеца и сожьжаху, а посемъ собравши кости, вложяху въ судину малу и поставяху на столшѣ на нутехъ, еже творять Вятичи и нынѣ. Си же твораху обычай Кривичи, прочіи поганіи, не вѣдуще закона Божья, но тво-

»рице сами себѣ законъ.« (*Тамъ же*). Кривичи, какъ показываетъ ихъ названіе, уже тяготѣли къ Прусско-Литовскому центру религіознаго строя (Криве), и тѣмъ должны были сильно отличаться отъ другихъ. Многочисленный народъ Тиверцевъ и Улучей, жившій по близости къ морю, имѣлъ, конечно, свои особенности: на это намекаютъ слова нашей лѣтописи, — что этотъ народъ нѣкогда звался отъ Грековъ *Великая Скуфь*, — этотъ именно, а не другіе съ нимъ вмѣстѣ. »Сѣдяху бо по Днѣстру оми до моря, суть гради ихъ и до сего дне. Да то ся зваху отъ Грекъ Великая Скуфь.« (*Тамъ же*).

Всѣ различія между племенами ярко бросались въ глаза современниковъ и не исчезали ни послѣ укорененія единого княжескаго рода, ни послѣ распространенія христіанства. Лѣтописцы наши, жившіе, разумеется, уже послѣ принятія христіанства, говорятъ, что всѣ они *мляху* *обычамъ своимъ и законъ отцевъ своихъ и преданья, каждо свой краевъ*, и при этомъ жалуются, что нѣкоторые, какъ, напримѣръ, Вятичи, долго держались своихъ языческихъ привычекъ, противныхъ христіанству. Въ это время этнографическія особенности казались еще рѣзче между ними и тѣми, къ которымъ христіанская вѣра получила скорѣйшій доступъ. Ни географія, ни исторія этихъ народовъ не способствовали исчезанію ихъ народностей. Климатъ и качество почвы поддерживали мѣстныя особенности племенъ. Иныхъ занятій, иного образа жизни требовали поля, обитаемыя Полянами, плодосныя, и вмѣстѣ открытыя нападению иноплеменниковъ, чѣмъ лѣса Древлянъ и болота Дреговичей. Иначе дѣйствовалъ на организмъ и наклонности человѣка теплый и здоровый климатъ Улучей, чѣмъ холодный и ровный климатъ Ростовской и Суздальской земли, или сырой климатъ отечества Кривичей.

Пространства, на которыхъ жили всѣ эти племена, были слишкомъ велики, а пути сообщенія слишкомъ длинны и труднительны. Дремучіе лѣса, непроходимыя болота и широкія степи раздѣляли ихъ другъ отъ друга. Массы народцевъ мало знали одна другую; каждый составлялъ себѣ понятіе о сосѣдяхъ или невѣрныхъ, или враждебныхъ, и надолго сживался съ такими понятіями. По видимому, взаимная вражда Полянъ и Древлянъ принадлежитъ такому отдаленному вѣку, что всякое исканіе ея слѣдовъ въ наше время должно показаться бредомъ. А между тѣмъ, и до сихъ поръ, во взглядѣ Украинца, потомка Полянъ (или преемника ихъ по землѣ) на своего сосѣда Полѣщука, потомка Древлянъ и наследника ихъ имени, проглядываетъ тѣнь враждебности. Полѣщукъ, для Украинца, или колдунъ, способный на лхое дѣло, превращающій людей въ волковъ,

или глупецъ, осмѣиваемый въ затѣйливыхъ анекдотахъ. Еще рельефнѣе выдается, въ воображеніи того же Украинца; Литвинъ (подъ этимъ именемъ разумѣется народъ не дѣйствительно Литовскій, а Бѣлорусскій), т. е. потомокъ Кривичей и Дреговичей, обозначавшійся у него подъ общимъ именемъ Литвина. Земля Литовская до сихъ поръ для Украинца земля чудесъ и чародѣйства, какъ земля Кривская была страной волхвованій при Всеславѣ Полоцкомъ. Такъ близкіе народные оттѣнки получаютъ нѣкоторымъ образомъ видъ различныхъ народностей. Чѣмъ неразвитѣ масса народа, чѣмъ уже кругъ ея понятій и скуднѣе запасъ свѣдѣній, тѣмъ уже у нея понятіе о своенародности, тѣмъ оно сосредоточеннѣе въ самомъ тѣсномъ кругу признаковъ и все, что сколько нибудь не похоже на свое, кажется чуждымъ, иноземнымъ, непривычнымъ, неудобопріемлемымъ. Различія нарѣчій, нерѣдко даже одного выговора, достаточно, чтобъ въ какомъ нибудь городкѣ или округѣ составились насмѣшливые рассказы о сосѣдяхъ и передразниванья. Такъ и теперь сосѣди Псковичей и Новгородцевъ насмѣшливо передразниваютъ употребленіе *ѣ* вмѣсто *з* въ ихъ нарѣчій, а у Одоевцевъ и Мценянъ *з* вмѣсто *ѣ*. Различіе въ одеждѣ, постройкѣ домовъ, мелочныхъ особенностяхъ домашняго быта, достаточно, чтобъ сосѣди дали сосѣдямъ прозвище, и это одно уже поддерживаетъ сознаніе отдѣльности. Такъ Ростовцевъ, напримѣръ, называютъ вислоухими за то, что они носятъ шапки съ длинными ушами и лапшевками за то, что они постоянно ѣдятъ лапшу. Иногда даже особенности не народа, а мѣстности, даютъ жителямъ ея у сосѣдей насмѣшливое и оскорбительное прозвище; напримѣръ: Дмитровцевъ называютъ лягушками за то, что около ихъ города множество лягушекъ. Вся южная часть Воронежской губерніи населена Малороссами, пришедшими въ разныя времена изъ разныхъ краевъ Южной Руси. Предки однихъ пришли изъ Волыни, другіе изъ Подоли, третьи изъ Сѣверской стороны; разныя нарѣчія Южной Руси отпечатлѣлись въ говорѣ и способѣ рѣчи ихъ потомковъ и одно село смотритъ на другое какъ на особой отъ него народъ. »Что городъ, то норовъ«, говоритъ пословица. Въ народѣ оставляютъ воспоминаніе не тѣ событія, которыя касаются внѣшней политической исторіи, а тѣ (часто вовсе упускаемыя историками), которыя выказываютъ народные нравы: такъ, нѣкогда благоприятный пріютъ разбоевъ—Сѣверскій край и сосѣдній ему—нынѣшняя Орловская губернія, оставили надолго о себѣ въ народной памяти непріятное впечатлѣніе: Орловцевъ, Кромцевъ, Карачевцевъ прозываютъ ворами и сорви-головами. Въ нашей сельской жизни можно повсемѣстно встрѣтить примѣры, какъ село пов-

торенными нѣсколько разъ преступленіями своихъ жителей навлекаетъ на себя отъ сосѣдей дурную славу; всѣхъ его жителей на-голо прозываютъ ворами, конокрадами, плутами, и тому подобными названіями, и то же названіе идетъ изъ рода въ родъ. Въ древности, подобные случаи не ограничивались только однимъ оскорбительнымъ прозвищемъ, но раздражались кровавыми столкновениями, которыя раздували болѣе и болѣе вражду и укореняли между ними взгляды, мѣшавшіе имъ соединиться.

Историческія обстоятельства не доставляли средствъ къ слитію и изглаженію племенныхъ разностей. Вліянія иноплеменныхъ народовъ дѣйствовали на Славянъ разъединительнымъ способомъ. Иноплеменники одни за другими нападали, покоряли себѣ Русскихъ Славянъ, обыкновенно владали ими не долго и уступали въ свою очередь власть надъ ними другимъ. Такимъ образомъ подчиняли Славянъ то Обры, то Болгаре, то Хазары, то Норманны. Но попадали подъ чуждую власть не всѣ Славяне разомъ и не однимъ, для всѣхъ ихъ, завоевателямъ. Такъ, предъ пришествіемъ Рюрика, на Сѣверѣ властвовали одни пришельцы — Норманны, на Югѣ другіе — Хазары, а Югозападная часть оставалась, какъ видно, независимою, но не избѣгала столкновения съ пришлыми племенами.

Съ незапамятныхъ временъ и до позднѣйшихъ, на югѣ Русскаго материка бродили кочевыя опустошительныя орды, смѣняя одна другую, и если были иногда слабы, для того, чтобы поработить Славянъ, то всегда препятствовали ихъ соединенію между собою. Впослѣдствіи показалось ясно, какъ Печенѣги, Торки, Половцы, Ятвяги препятствовали на Руси развиваться правильному гражданскому строю и образоваться прочнымъ государственнымъ связямъ. Та же судьба постигала Южный край и древле. Различныя событія въ странахъ Русскаго міра возбуждали различныя интересы и тяготѣнія. Если бѣдствія препятствуютъ политическому и гражданскому успѣху, то общее горе сближаетъ людей и въ отдѣльныхъ личностяхъ и въ массахъ. Нужно только, чтобъ это горе охватывало одинакимъ образомъ какъ-можно-большую массу, на столько многочисленную и сильную, чтобъ она могла противодѣйствовать. Когда народности Русскаго материка подпали рабству Готевъ, понятно, что появленіе въ Приволжскихъ степяхъ шайки Гунновъ могло поднять всѣми пластами поработенные народы, но силъ къ устроенію чего-либо прочнаго, своего, на мѣсто чуждаго ига, не доставало Славянамъ или, по крайней мѣрѣ, не доставало на столько, чтобъ воспротивиться препятствующимъ обстоятельствамъ: для этого нужно было время и постепенный укладъ понятій о гражданской самостоятельности. А Славя-

намъ не было времени передумать это. Держава Гунская распалась отъ своей огромности и отъ разнородности народныхъ частей, изъ которыхъ она сложилась. Племена, ее составлявшія, терявъ временную взаимную связь, стали тереть другъ друга, и Восточные Славяне снова разбились на отрывочныя части, и возникъ снова прежній образъ раздѣльности, и рядъ родовыхъ междоусобій, и столкновения народовъ съ чужешлеменниками безъ взаимной связи съ единородцами. Для соединенія племенъ нужна какая-нибудь внѣшняя сила, вызывающая противодействие; но тогда необходимо, чтобъ эта внѣшняя сила могла овладѣть многими, если не всеми, племенами, и налечь на такую массу народа, которая была бы въ состояніи испровергнуть тяготящее начало, чтобы такимъ образомъ, эти племена могли имѣть общую цѣль. Это, дѣйствительно, и случилось въ IX вѣкѣ, но только на одномъ Сѣверозападѣ Русскаго материка и, слѣдовательно, не на столько, чтобъ дать всему Восточно-Славянскому міру скорый переходъ къ единобытности. Въ IX вѣкѣ, Славянѣ на югѣ и въ средней Руси покоряли Хазары; сѣверныя страны покоряли Норманны. Власть Хазарь была слишкомъ мягкой, и не возбуждала противъ себя энергическаго движенія; — Славяне не очень, какъ видно, дорожили этому иноплеменной оценою, когда такъ легко отдались Руссамъ, но и не тяготились ею до того, чтобы вооружиться и жертвовать жизнью. Когда Руссы двинулись для подчиненія народностей, то, по извѣстію летописца, не спрашивали у народовъ, которыхъ встрѣчали: свободны ли вы, или даете кому-нибудь дань? а просто: кому дань даете? Конечно, ни летописецъ, ни тотъ, у кого летописецъ почерпнулъ это извѣстіе, не слышали, какъ Руссы спрашивали объ этомъ Славянъ, но выраженный такимъ способомъ разговоръ показываетъ, что въ убѣжденіи писавшихъ летопись, для этихъ Славянскихъ народцевъ въ оное время было какъ-то немисливо существовать не давая дани. Подобныя понятія можно встрѣтить теперь и у Черемисовъ, или у Сибирскихъ инородцевъ. Они знаютъ, что даютъ дань Русскому государю, сознаютъ, что можно давать дань еще и другому такому же государю; но имъ покажется неудобовразумительно — не платить никому дани, потому что ихъ сознаніе о своей народности или не достигло до представленія объ образованіи изъ себя самостоятельнаго общества, или отвыкло отъ такого представленія, если, быть можетъ, оно и было у ихъ пращуровъ. Такъ и Славяне Русскіе легко отдались пришельцамъ, потому что были подъ властью другихъ чужеземцевъ. Напротивъ, труднѣе приходилось князьямъ Рюрикова дома справиться съ Улучами, Тиверцами, Дреалянами, немод-

нашими, какъ видно, подѣ Хазарскую державу. Не скоро можно было подчинить и Вятичей, хотя они и считались въ числѣ данниковъ Хазарскихъ, но живя не на проходной дорогѣ, какъ Поляне, сохраняли болѣе своеобычности; самое подданство Хазарамъ для нихъ было, вѣроятно, болѣе номинальное. Новая власть, Русская, была тягостнѣе Хазарской: это доказывается умирнымъ сопротивленіемъ Радимичей и Вятичей противъ Гусевскихъ князей, тогда какъ, по видимому, эти народы спокойно оставались подѣ властью отдаленныхъ Хазаръ. Но эта новая власть Руссовъ не могла возбудить противъ себя единомышленного и плодотворнаго противодѣйствія покоренныхъ народовъ. Она была не до такой степени отяготительна, чтобы породить въ народахъ сильное противъ себя ожесточеніе и заставить ихъ соединить свои общія силы для освобожденія. Русскіе князья ограничивались только сборомъ дани, такъ называемымъ *полюдьемъ*. Дань эта и способъ ея собиранія могли быть то легче, то обременительнѣе, смотря по личности князя или дружинныхъ начальниковъ, но не падали на народы тягостію постоянного управленія, введеніемъ чужихъ обычаевъ, внимательствомъ въ ихъ домашнія дѣла. Обязанный платить дань, каждый народъ не выходилъ изъ коленъ обычаевъ дѣдовскаго быта. Онъ не былъ осужденъ постоянно имѣть предъ глазами княжескихъ мужей, и вообще власть князей дѣйствовала издали; они со своими дружинами появлялись, какъ гроза, ежегодно за данью, хватали что успѣвали, дни ихъ посѣщенія могли быть для народа недобрыми днями, но днями короткими; князьямъ нужно было объѣздить много пространства; останавливаться долго на одномъ мѣстѣ было некогда. Уѣзжалъ князь—и народъ оставался себѣ на произволъ, не выдалъ надъ собою отяготительнаго яра, и скоро забывалъ нашедшую на него тучу до новаго ея появленія. Притомъ же пришельцы покоряли Славянскія племена посредствомъ ихъ же самихъ. Такъ Олегъ, пока дошелъ до Кіева, то его ополченіе увеличивалось на пути свѣжими силами изъ вновь-подчиненныхъ. Иноплеменныхъ пришельцевъ, Руссовъ, было мало, и они слишкомъ скоро распылились въ массѣ Полянъ, передавши имъ свое имя. Когда князья утвердились въ Кіевѣ, имъ встати пришла вражда Полянъ съ Древлянами, чтобъ покорить послѣднихъ. Конечно, тоже было и при подчиненіи другихъ племенъ; древнее преданіе о томъ, что восставалъ родъ на родъ, показываетъ, что между народами существовали исконны частныя взаимныя непріязни.

Подчиненіе племенъ имѣло различный характеръ, смотря потому, въ какомъ отношеніи были подчиненные къ Полянамъ, составлявшимъ ядро

покоряющей силы. Такъ Олегъ обошелся человѣколюбиво съ Сѣверянами, которые, какъ видно, будучи въ ближайшемъ сродствѣ съ Полянами, вѣроятно, не дожили до такой вражды, какая была у послѣднихъ съ Древлянами и которыхъ еще болѣе, вѣроятно, сблизила общая зависимость отъ Хазаровъ. Лѣтописецъ говоритъ, что Олегъ наложилъ на нихъ дань легкую, а о Древлянахъ говоритъ, что Кіевскій князь *примучилъ* ихъ. Съ тѣхъ поръ Древляне еще нуждались въ укрощеніи, а на Сѣверянъ не дѣлалось нападеній. Должно думать, и между Полянами и Сѣверянами былъ уже такой взаимный народный взглядъ, который могъ со временемъ возбудить, при обстоятельствахъ, непріязненные отношенія: это дѣйствительно случилось, когда возникла борьба Ольговичей съ Мономаховичами; но въ древности, сколько можно догадываться, два народа не находились въ старинной враждѣ: и прежде будучи сосѣдями, знакомыми другъ другу близко, они были соединены подъ властію Хазаръ, и теперь, подъ властію Русскихъ князей, соединеніе съ Полянами было для Сѣверянъ не новость, а потому и у нихъ не было побужденія возставать противъ новой власти, если не было его у самихъ Полянъ, тѣмъ болѣе, что и дань, наложенная на Сѣверянъ, была легкая.

Такимъ образомъ, подчиненіе на одномъ концѣ Тиверцевъ и Улучей, а на другомъ — Вятичей и Радимичей, которые сопротивлялись долѣ другихъ народовъ, совершилось уже не такъ какъ прежде, а принимало видъ подчиненія ихъ не иноплеменнымъ Руссамъ, а Руси-Полянамъ, Кіеву, и Поляне-Русь здѣсь являются уже господствующимъ, завоевательнымъ племенемъ. И Радимичи съ Вятичами на одной сторонѣ, и Тиверцы съ Улучами на другой, не могли взаимно дѣйствовать противъ завоевательной силы, потому что были раздѣлены слишкомъ большимъ пространствомъ, и сообщеніе между ними перехватывалось границами завоевательнаго народа Руси-Полянъ, да смежнаго съ послѣдними — Сѣверянъ, и покоряемые были не въ одно время, да конечно и мало знали другъ друга, чтобъ завязать между собою сношенія.

Сѣверные народы, по отношенію къ первымъ русскимъ князьямъ, были въ другомъ положеніи, чѣмъ южные и средніе. Тамъ — избраніе, добровольный призывъ, здѣсь — завоеваніе посредствомъ одного изъ народовъ, съ которымъ слились пришельцы. Новгородцы остаются также свободными, какъ и прежде, и при Святославѣ выбираютъ себѣ князя добровольно. Кривичи были разъединены отъ Южной Руси и жили отдѣльнымъ міромъ; они не платили Кіевскимъ князьямъ дани, слѣдовательно, даже

и при условіяхъ большей близости, чѣмъ какая была на самомъ дѣлѣ, они не имѣли бы надобности оказывать содѣйствіе Древлѣнамъ, Тиверцамъ, Радимичамъ и Вятичамъ, когда эти народцы отстаивали свою независимость. Среди самыхъ подчиненныхъ народовъ возникли интересы, отношенія, связывавшія ихъ дружелюбно съ побѣдителями. Побѣдители приглашали ихъ въ свои ополченія, воевали съ ними Хазарь, потомъ Грековъ; они были участниками и добычи и военной славы. Въ тотъ вѣкъ было очень приманчиво такое занятіе; много находилось охотниковъ. Наконецъ князья, по удобоподатливости Литовской природы, скоро и легко ослабевали и теряли, для подчиненныхъ племенъ, характеръ чужеродства. Послѣ этого перерожденія, уже невозможно было возстаніе Славянскихъ народовъ съ характеромъ противодѣйствія иноземному игу. А соединеніе Славянъ, при степени ихъ тогдашней образованности, только и могло случиться противъ чужеземнаго ига, ибо только такого рода иго могло быть одинаково для всѣхъ тягостно. Такого ига уже не чувствовалось; для Вятича или Радимича тягость была уже не отъ иноплемениковъ, а отъ Руси-Полянъ, и отъ личности князей. Для Улучей и Тиверцевъ, близкихъ къ Полянамъ по народности, возстаніе противъ нихъ уже имѣло бы характеръ внутренняго междоусобія. Впрочемъ, если бы власть сосредоточивалась долго и постоянно въ Кіевѣ и тяготѣла деспотически надъ всѣми народами одинаково, то еще возможно было бы соединенное возстаніе нѣсколькихъ народовъ; тогда Тиверцы, Дулебы, Радимичи, Вятичи, Древлѣне, при какихъ нибудь благоприятныхъ обстоятельствахъ, устроившихъ между ними сношеніе, могли бы еще содѣйствовать другъ другу противъ наслія отъ Полянъ; но было не такъ: при верховной власти Кіева надъ народцами, въ каждомъ изъ послѣднихъ были свои князьки. Кіевъ, безъ нужды, не стѣснялъ ихъ внутренней самобытности. Довольно было съ него, если народы давали дань, и князьки ихъ состояли подъ рукою великаго Кіевского князя. Мало по малу эти частныя князьки были вытѣснены, упали въ своемъ значеніи, и достоинство ихъ заняли князья изъ пришлаго Кіевского Дома. Во внутренней жизни народа, отъ этого собственно, ничто не перемѣнилось; къ князьямъ они привыкли и прежде; у Древлѣнъ, при Ольгѣ, былъ какой-нибудь Малъ, потомъ сталъ княземъ членъ Рюрикава Дома. У Вятичей былъ свой князь Ходота; сталъ другой князь тоже изъ Рюрикава Дома. Эти князья усвоивали, конечно, и нарѣчіе края; они набирали себѣ дружины изъ уроженцевъ того же края, и перестали быть пришельцами для жителей страны, гдѣ княжили.

Сначала народы могли все таки чувствовать нечто чужое надъ собою, когда прѣзжалъ изъ Кіева князь или воевода собирать съ нихъ дань; но воззрѣніе измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ у этихъ народовъ явились особые князья. Хотя они происходили изъ того же единого рода, который княжилъ въ Кіевѣ, но за то изъ Кіева уже не прѣзжалъ къ нимъ никто за данью. У Древланъ и Дулебовъ былъ тогда свой князь, точно также какъ у первыхъ нѣкогда какой-нибудь-Малъ; если онъ воевалъ съ Кіевомъ по своимъ родственнымъ отношеніямъ, то Древланинъ, служившій въ его ополченіи, шелъ противъ Полянъ съ чувствомъ прежней непріязненности къ своимъ сосѣдямъ, или по крайней мѣрѣ съ остатками этого чувства. Если поставленіе у народовъ князей изъ единого рода, съ одной стороны, способствовало обобщенію самихъ народовъ, то съ другой—поддерживало и особенныя стихіи каждаго изъ нихъ; чѣмъ болѣе развѣтвлялись удѣлы, тѣмъ невообразимѣе казалось соединеніе противъ князей: народныя побужденія переплелись съ княжескими. Значеніе князя совпало съ народными убѣжденіями. Въмѣстѣ съ образованіемъ стремленій, порожденныхъ между князьями родовыми или семейными побужденіями, начали вынырывать наружу слегка-подавленные стремленія народныя. Собственно князья, въ распредѣленіи своихъ волостей, не сообразовались строго съ народностями, не думали, чтобъ одинъ или другой изъ ихъ собратій владѣлъ тѣмъ или другимъ племенемъ. Когда Ярославъ дѣлитъ своимъ дѣтямъ волости, то говоритъ: одному Кіевъ, другому Черниговъ, третьему Переяславль, четвертому Владиміръ, пятому Смоленскъ; а не говоритъ: этому Полянъ, другому Древланъ, третьему Вельнянъ, и такъ далѣе. Еще болѣе: Всеволодъ получаетъ Переяславль и вмѣстѣ съ нимъ Ростовъ, который не имѣетъ съ Переяславлемъ ни географическаго, ни этнографическаго сближенія. Народные интересы сами собою стали пробиваться сквозь путаницу княжескихъ междоусобій, совершенно подчиняли своему направленію княжескія побужденія, и хотя сами измѣняли свой характеръ, но за то и характеры княжескихъ отношеній сообразовались съ ними.

Прежняя мѣстная самобытность обозначалась въ томъ же, или приблизительно въ томъ же, порядкѣ; части начали проявлять свою самобытную жизнь одна за другою. Правда, нѣсколько болѣе мелкихъ народностей объединились, за то докончились, опредѣлились и укрѣпились большія, слитыя изъ меньшихъ. Такимъ образомъ, первая, выступившая самобытно наружу, была народность Славянъ Новгородскихъ, — потомъ Кривичей. Новгородцы, призвавшие князей, какъ будто спрова-

дли ихъ отъ себя на Югъ и востокъ являются съ началами независимости и отдѣльности. Не теряя связи ни съ княжескимъ родомъ, ни съ остальною Русью, подъ управленіемъ лицъ одного рода, Новгородцы стали выбирать себѣ князей, изъ среды этого рода, по своему желанію, и такимъ образомъ начали свою самобытную исторію. Явились и развивались у нихъ интересы, имъ однимъ принадлежавшіе, подчинялись Чудскія племена имъ исключительно, а не всей Русской землѣ, развилось понятіе о власти Новгородской отдѣльно отъ прочихъ Русскихъ вѣлостей, начали обозначаться болѣе или менѣе видныя границы. Выказываютъ свое самобытное существованіе и Кривичи, но это многочисленное племя не представляло вполнѣ гармоніи поземельнаго единства. Одна часть ихъ, съ первенствомъ Полоцка, начинаетъ жить своеобразною жизнію, подъ властію — сперва Ротволода, потомъ — потомковъ перваго сына Владимірова; Земля ихъ, въ свою очередь, дробилась на мелкія княжества; не рѣдко эти части воевали между собою, но всегда сохраняли взаимное тяготѣніе, какъ части одной группы по отношенію къ другимъ частямъ Руси. Въ другой части Кривеской земли, въ Смоленскѣ съ пригородами, образовалась другая половина, дробившаяся также на части, которыя всѣ вмѣстѣ составляли одну группу, одну Землю. Псковская народность составляла переходъ отъ Кривеской къ Новгородской; здѣсь племя Кривичей смѣшалось съ племенемъ Ильменскихъ Славянъ; вѣроятно, въ незапамятной древности Славяне — пришельцы съ Дуная, поселялись тамъ между старожилыми Кривичами и дали начало къ смѣшанной переходной народности. Псковская Земля, со своими пригородами, сначала составляла часть Новгородской Земли, но народность ея имѣла свои отличія и, потому, залогъ собственнаго самосуществованія; она не прикнула къ Землѣ Полоцкой, ибо уже отошла отъ чистой Кривеской народности, но держалась слабо въ единствѣ съ Новгородскою, стремилась къ отдѣльной жизни и въ послѣдствіи достигла этого. До сихъ поръ нарѣчіе Псковское есть переходъ отъ Бѣлорусскаго къ Новгородскому; точно также Смоленское есть переходъ отъ того же Бѣлорусскаго къ среднему Великорусскому говору. Зачатки народныхъ особенностей по нарѣчіямъ, вѣроятно, существовали и въ отдаленной древности на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ теперь, хотя бы и не въ тѣхъ видахъ. Незавѣстно, когда Смоленская Кривеская Земля сформировалась въ удѣльномъ укладѣ, — съ Мстислава ли Владиміровича съ котораго княженіе Смоленское осталось навсегда у его дѣтей, или прежде, потому что и посаженіе князей Вячеслава и Игоря, и вхожденіе его къ Переяславскому княженію суть явленія случайныя

скоропреходящая, и не показывают народной зависимости отъ другого края. Народная жизнь шла своимъ путемъ, былъ ли такъ или иначе соединенъ или раздѣленъ край административно; прочность и вліяніе административныхъ отношеній, въ то время слабо скользящихъ по народному быту, могли быть дѣйствительными только тогда, когда они сливались съ народными побужденіями. Смоленскіе Кривичи, какъ и прежде, до пришествія Рюрика (что доказывается неучастіемъ ихъ съ Новгородцами и другими Кривичами въ призваніи князей и въ приступленіи къ этому сѣверному союзу при Олегѣ), жили своею жизнью, отличною отъ другихъ Кривичей. Въ XII вѣкѣ, однако, Смоленскъ показывалъ болѣе живой связи съ остальною Русью чѣмъ другіе Кривичи и Новгородъ, гдѣ связь эта была слабѣе. Во всей остальной Руси обозначается своеобразное натуральное направленіе жизни съ половины XII вѣка, то есть, когда послѣдовало ослабленіе связующей власти, и чрезъ то самое ощутительнѣе выступили наружу существовавшія и прежде народныя начала. Но мы не въ правѣ думать, что формы отдѣльныхъ народностей тогда и возникли, когда являются на политической сценѣ и оказываютъ признаки самостоятельности по извѣстнымъ намъ глгописнымъ сказаніямъ. Въ этотъ вѣкъ княжескіе подѣлы и разграниченія, чрезъ самое свое раздробленіе, стали въ уровень съ этнографическими подѣлами и подчинились народнымъ началамъ, а потому послѣднія и выказываются уже ощутительнѣе, но онѣ самимъ дѣломъ существовали и прежде; ибо ихъ слѣды слишкомъ видны и раньше. Такимъ образомъ, хотя съ половины XII вѣка яснѣе выказывается самобытность Черниговской и Новгородъ-Сѣверской Земель, однако эта самобытность виднѣется уже и прежде, при большей крѣпости связующаго уклада. Половину XII вѣка можно считать только эпохою соединенія княжескихъ побужденій съ народными и обозначенія формъ, которыя сами собой, свободно, должны были, по этнографическимъ причинамъ, явиться въ частяхъ Русскаго края, какъ только ослабнуть препятствовавшія ихъ явленію связи. Но отнюдь то не была эпоха порожденія народныхъ стихій, которыя облакались въ эти формы. Дѣленіе по княженіямъ, въ этомъ случаѣ, уступало натуральному дѣленію по народамъ. Дѣленіе вмѣстѣ съ тѣмъ нашло предѣлъ своему безконечному развѣтвленію; народности указали ему границы: дѣленіе продолжалось, но уже новыя вѣтви держались связи между собою въ такихъ кругахъ, какіе указывали имъ народности. Такимъ образомъ, на Волыни было множество князей и, слѣдовательно, княженій, какъ и въ Бѣлоруссіи, или въ Кривской Землѣ, но эти княженія были, по мѣстности, непостоянными, а

или свои предѣлы, то здѣсь, то тамъ появлялся князь, но единица Волынской Земли, единица Кривской Земли, оставались однѣ и тѣ же и всѣ князья одной Земли между собою всегда въ тѣснѣйшей связи: ихъ княженія имѣли смыслъ одной группы владѣній, одного нераздѣльнаго, образованнаго внутреннимъ единствомъ, округа. Понятіе о Землѣ обнимало ту или другую Русскую народность въ известномъ пространствѣ, по ея разнѣженію на этомъ пространствѣ. Оно выразилось въ жизни признаніемъ первенства главнаго города и тянувшихъ къ нему пригородовъ; оно связывалось цѣлью взаимнаго народнаго управления, независимо отъ княжескаго. Въ томъ или въ другомъ пригородѣ появлялся одинъ и другой князь, бралъ свои помѣшны, набиралъ себѣ дружину и оборонялъ городъ и принадлежавшую къ нему территорію отъ непріятелей, но въ земскихъ дѣлахъ пригороды тянули къ городу, — какъ говорить лѣтописецъ: что старѣйшіе здумаютъ, на томъ пригороды stannoтъ. Къ каждому пригороду тянула волость, состоявшая изъ селъ, находившая себѣ оборону въ силахъ города. Всѣ города тянули къ главному городу. Это составляло Землю. Это-то сознаніе Земли выражается въ актахъ, словани: Русская Земля, Полоцкая Земля, Ростовская Земля, Новгородская Земля. Въ томъ же значеніи дается это названіе и чуждымъ сосѣднимъ странамъ.

Такимъ образомъ, послѣ показанныхъ нами, отдѣленныхъ уже заранѣе, Славянъ Ильменскихъ подъ видомъ Великаго Новагорода, — Кривичей, въ видахъ Земель: Смоленской и Полоцкой со всею зависимою отъ понятія о Землѣ системою Бѣлорусскихъ княженій, и наконецъ переходной Псковской народности съ территорією, прилегавшею къ озеру, — мы встречаемъ среднюю Великорусскую народность въ двухъ отдѣлахъ, составившихъ понятія о Земляхъ: Землю Ростовско-Суздальскую и Землю Вятскую (Вятичей). Между народностями ихъ должно было издревле существовать различіе. Въ Ростовско-Суздальской Землѣ Славянское населеніе, вѣроятно, наплыло туда изъ Новгородской Земли, посунулось изъ сосѣдней Вятской и дополнилось переселенцами съ Юга, которые шли туда въ толпахъ княжескихъ дружинъ, по раздѣленіи Русскаго міра на отдѣльныя княженія. Эти Славянскіе пришельцы смѣшались съ туземцами Восточно-Финскаго племени, и изъ такой смѣси образовался Великорусскій народъ. Самобытность этой Земли ясно обозначается въ лѣтописяхъ съ половины XII вѣка. Земля Вятичей раздѣлялась въ этнографическомъ отношеніи на двѣ вѣтви: Восточную или Рязанскую, и Западную, населенную берега Оки съ ея притоками, была соединена, по княжескому упра-

влению, съ Сѣверскою Землею, но потомъ, когда воцумлена была свобода народнымъ элементамъ, она начала выдѣляться и приняла естественное очертаніе. Разань стала центромъ, около котораго группировались другія части.

На юго-западъ отъ Земли Вятской мы встрѣчаемъ Землю Сѣверскую, которая также раздѣлялась по народностямъ на двѣ половины: Черниговскую и Новгородъ-Сѣверскую. До нашего времени этотъ народъ остался со своими чертами, напомнимающими древнее самораздѣленіе его. Нужно только взглянуть пристальнѣе въ народныя черты уѣздовъ: Суражскаго, Мглинскаго, Стародубскаго и другихъ Задесескихъ, до самаго Чернигова: по нарѣчію, по образу жизни, даже по физической структурѣ, народъ этотъ составляетъ средину между Южнорусскимъ, Великорусскимъ и Бѣлорусскимъ. Сѣверія составляла, въ удѣльный періодъ, самобытное цѣлое, но болѣе имѣла тяготѣнія къ Югу, чѣмъ къ Сѣверу.

Обширная и разнообразная Южно-русская народность, въ удѣльный періодъ, обособилась системою частей, образующихъ одну Землю. Древніе Поляне образовали два княженія: Русское и Переяславское, но народность ихъ была одна, и потому Переяславль съ Киевомъ всегда составлялъ одно тѣло, одну связь, и самые князья, тамъ сидѣвшіе, подчинялись единству народности въ своихъ стремленіяхъ. Переяславскіе князья не могли принять направленія, чтобъ обособиться отъ Кіева, какъ другіе, княжившіе среди народностей, болѣе отдаленныхъ отъ народности Русской, иначе — народности Полянъ. Другой видъ Южно-русской народности былъ — Древянскій — Полѣсье, народность Полѣшуконъ, существующая и теперь, но, послѣ древняго шогрома отъ Полянъ, не развившаяся до такой степени, чтобъ начать свое самобытное существованіе въ отдѣльности отъ прочихъ частей Южной Руси. По близости къ Полѣсью на Западъ, означалась Волынская земля съ своими подраздѣленіями и княженіями; земля Улучей — Подоль — приняла образъ самобытности въ системѣ княженій бологовскихъ князей, о которыхъ, къ сожалѣнію, известно слишкомъ мало, но и того достаточно, чтобы видѣть, что въ этомъ краѣ также было народное стремленіе къ самобытнымъ проявленіямъ жизни. Тиверцы на Днѣстрѣ и Хорваты въ Червоней Руси по границамъ къ Карпатамъ, вѣроятно, близкія между собою вѣтви, явились въ политическомъ образѣ частнаго княженія, подобно Землѣ Кривской, и эта земля оказала очень явное стремленіе къ большому, противъ многихъ другихъ земель, обособленію, хотя не теряла окончательной нравственной связи съ Русскимъ миромъ, до самого выступленія своего изъ него. Поляне, Улучи,

Тиверцы, Хорваты, Вельняне были вѣтви очень близкія между собою, такъ что, хотя Полянѣ и Вельнянѣ почитаютъ въ числѣ пришедшихъ съ Дуная, а остальные являются древними обитателями, но, вѣроятно, Поляне и Вельняне прежде жили на Дунаѣ, по близости къ Улучамъ, которые также прилегали нѣкогда къ Дунаю. Напротивъ, Древліане и Дреговичи, приходшіе также съ Дуная, были, вѣроятно, изъ мѣстъ болѣе отдаленныхъ отъ Улучей. И теперь, по нарѣчію и образу жизни, Украинцы ближе къ Подолянамъ и Вельнцамъ, чѣмъ къ Полтвучкамъ и Пинчучкамъ. Хорваты и Тиверцы возвратились къ началамъ прежней частной отдѣльности. Какъ только князья Рюрикова дома, сыновья князя Ростислава, сдѣлались князьями въ Галичѣ, тотчасъ же усвоили народное стремленіе къ самобытности. Волынь и Подоль держались долѣе связи съ Киевомъ, и съ Полъсьемъ, но послѣ паденія великокняжескаго достоинства въ Кіевѣ, прикнули къ Галичу и вошли въ круговоротъ обстоятельствъ, касавшихся обоюдно этихъ странъ. Затѣмъ, и Полъсье, и наконецъ Русь, болѣе или менѣе показывали стремленіе прикнутъ къ новому центру, образовавшемуся въ Галичѣ. Судьба южно-русскихъ вѣтвей всегда была неразрывна, даже до послѣдняго подчиненія Галича Польшѣ, а Волыни, Подоли и Руси Литвѣ. Оба эти государства спорили за единую власть надъ всею Южной Русью, сознавая ея народное единство; и наконецъ, въ XVI вѣкѣ, Южная Русь опять, въ совокупности своихъ этнографическихъ особенностей, вошла въ соединеніе съ Польшею, какъ единое тѣло, отличнo отъ Бѣлорусіи, земли Кривской. Части ея: Украина (т. е. Русь съ Подолью), Полъсье, Волынь, Червенная Русь, при всякомъ народномъ дѣйствіи, показывали взаимное тяготѣніе и сознание своей внутренней связи и нераздѣльности. Поэтому и Русь-Полянѣ, и Полъсье, и Волынь, и Подоль, и Русь Червоную, всѣ части южно-русской земли и южно-русской народности, съ ихъ частными особенностями, слѣдуетъ разсматривать, какъ единую Южно-русскую Землю, всѣ нечисленныя части которой, относительно общей своей связи, соединены еще тѣснѣе, чѣмъ въ Великой Руси Вятчи, Рязань и Суздаль въ отношеніи общей народной связи велико-русскаго элемента.

Такимъ образомъ, въ первой половинѣ нашей исторіи, періодѣ удѣльно-вѣчеваго уклада, народная стихія общерусская является въ совокупности шести главныхъ народностей, именно: 1) Южно-русской, 2) Сѣверской, 3) Велико-русской, 4) Бѣлорусской, 5) Полъскай и 6) Новгородской.

Теперь слѣдуетъ намъ указать на тѣ начала, которые условивали между ними связь и служили поводомъ, что всѣ онѣ вмѣстѣ носили и

должны были носить названіе общей Русской Земли, принадлежали къ одному общему составу, и сознавали эту связь, не смотря на обстоятельства, склонившія къ уничтоженію этого сознанія.

Эти начала:

- 1) Происхожденіе, бытѣ и языкъ.
- 2) Единый княжескій родъ.
- 3) Христіанская вѣра и единая церковь.

Что происхожденіе пришлыхъ Славянъ было между ними памятно и служило для нихъ признакомъ единства, частію это достаточно видно изъ сказаній въ началѣ нашихъ лѣтописей о прибытіи Славянъ съ Дуная. И теперь самое названіе «Дунай» между другими общими признаками представляетъ что-то общее для русскихъ племенъ: въ пѣсняхъ велико-русскихъ и малорусскихъ, имя «Дунай» остается однимъ изъ немногихъ общихъ, для тѣхъ и другихъ завѣтныхъ собственныхъ именъ. Безъ сомнѣнія, въ древнія времена, ясныѣ, живыѣ и общныѣ были воспоминанія народовъ о приходѣ ихъ предковъ съ Дуная. Такимъ образомъ пришельцы сознавали единство общаго своего происхожденія. Полянинъ могъ враждовать съ сосѣдомъ своимъ Древляниномъ, но помнилъ, что онъ одного съ нимъ происхожденія и пришелъ съ одного мѣста; вражда могла быть ожесточенною, но не могла потерять характера домашней; у враговъ были однѣ и тѣ же старыя преданія, пѣсни, которыя ихъ сближали, и указывали тѣмъ и другимъ на взаимное родство. Память объ общихъ герояхъ, прародителяхъ, носилась надъ племенами дыханіемъ поэзіи. Какъ помнилось происхожденіе это — можно видѣть изъ того, что Славяне Новгородскіе долго и долго имѣли тяготѣніе къ Киеву; это объясняется тѣмъ, что жители береговъ Ильмена были вѣтвю Полянъ: ихъ нарѣчіе до сихъ поръ показываетъ близость къ Южно-русскому.

Вмѣстѣ съ преданіями о происхожденіи соединила Славянъ и общность основъ въ ихъ обычаяхъ и нравахъ. Хотя каждое племя, какъ передаютъ намъ древніе лѣтописцы, и имѣло свои преданія, свои обычаи, законы своихъ отцевъ, но въ томъ, что принадлежало одному изъ племенъ въ особенности, заключалось въ главныхъ чертахъ много такого, что составляло сущность жизненныхъ началъ другаго племени. И теперь народныя пѣсни, у всѣхъ Славянъ чрезвычайно разнообразныя, имѣютъ много общаго и единого. Въ пріемѣ и способѣ выраженія встрѣчается сходство въ пѣсняхъ народовъ, отдаленныхъ другъ отъ друга и по географическому положенію, и по исторіи. Такъ въ пѣснѣ: «о Мар-

къ Краевичѣ» встрѣчается образъ, что этотъ герой посаженъ въ темницу, долго сидѣлъ и не зналъ ни зимы, ни лѣта; дѣвицы шли мимо тюрьмы и бросали въ тюрьму цвѣтокъ; по этому онъ узналъ, что тогда было лѣто. Такой же образъ мы находимъ въ одной малорусской пѣснѣ о «Левенченкѣ». Въ сербскихъ пѣсняхъ разсказывается исторія «кровосмѣшителя»; та же исторія сохранилась въ народныхъ великорусскихъ сказаніяхъ и нѣкогда своевольно примѣнялась и къ житіямъ разныхъ святыхъ; обломки ея видны и въ пѣсняхъ южнорусскихъ. Можно найти много такихъ событій, которыя воспоминаются въ пѣсняхъ разныхъ Славянскихъ народовъ одинаково, и, безъ сомнѣнія, суть остатки древнихъ мифологическихъ преданій, общихъ болѣе или менѣе всему племени. Напримѣръ, описаніе, какъ дѣвица извлекаетъ изъ воды своего суженаго, превращеніе замужней женщины въ кукушку (въ этомъ видѣ прилетаетъ она къ матери), приходъ мертвой матери къ своему дитяти изъ гроба, превращеніе въ дерево невѣстки, преслѣдуемой злой свекровью, исторія похищеній божества, преданія о змѣяхъ и королевнахъ и о борьбѣ съ ними богатырей. Такихъ признаковъ не исчислить въ области Славянской поэзіи. Сравнивая пѣсни обрядныя и самые обряды, легко найти между ними сходство и въ тонѣ, и въ содержаніи. Много старыхъ обычаевъ, обрядовъ, вѣрованій удерживается въ сходномъ видѣ у Славянскихъ народовъ, не смотря на то, что они не могли заимствовать ихъ другъ отъ друга. Напримѣръ, Куцальскій огонь и дерево Марены, погребеніе лѣта въ видѣ чучела, обычай Коляды, хороводныя пляски и игры—общія черты. Все это доказываетъ нагляднымъ образомъ, что, въ древности, Славянскія племена, въ основахъ своей духовной жизни, имѣли одинакіе вѣрованія, обычаи и религіозные обряды.

Между прочимъ, особенно поразительно сходство религіозныхъ обрядовъ, отправлявшихся нѣкогда при храмѣ Святовида у Прибалтійскихъ Славянъ съ нашими домашними и гадальными обрядами, какъ напримѣръ между гаданьемъ посредствомъ Свантовитова коня и нашимъ такимъ же гаданьемъ посредствомъ перевода коня черезъ бревно, или между обрядами на праздникъ жатвы при храмѣ Свановита и малороссійскими обрядами въ сочельникъ. При недостаточности свѣдѣній о древней нашей мѣстной мифологіи, можетъ показаться, что у Славянскихъ народовъ были такія божества и такія вѣрованія и обряды, которые были совершенно чужды другимъ соплеменникамъ; но въ самомъ дѣлѣ не такъ было: достаточно можно это видѣть и изъ сходства того, что дѣлалось въ Арконѣ и Ретрѣ, съ тѣмъ, что дѣлается въ Малороссіи и Великороссіи. Ми-

оологическія имена, теперь уже исчезнушія у насъ и извѣстныя только у древнихъ Западныхъ Славянъ, въ самомъ дѣлѣ входили и въ кругъ нашихъ вѣрованій, наиримѣръ Сварожичъ, божество Лужичанъ, по Дитмару, является мѣологическимъ именемъ у насъ, по нашимъ памятникамъ. Названіе Вилы, извѣстное по Сербскимъ пѣснямъ, въ древности давалось и у насъ фантастическимъ существамъ, какъ доказываетъ слово Христолюбца; также точно открывается, что Берегини, богини Чешскія, были и нашими. Названіе Марены, о которомъ мы знаемъ изъ Забоя, Славоя и Людека, по Краледворской рукописи, да изъ Польскихъ лѣтописцевъ, что это—божество смерти зимы, было и у насъ, какъ показываетъ названіе купальнаго древа Марены. Прочитавъ въ «Любушиномъ Судѣ» описаніе, какъ Любуша сидѣла на тронѣ, окруженная дѣвами, державшими символическіе знаки, мечъ и праводатныя доски, какъ при нихъ стояли вода и огонь, — невольно представляется малороссійская свадьба, гдѣ женихъ съ невѣстою сидятъ на посадѣ, а передъ ними два символическія лица держатъ: одно—мечъ, а другое—свѣчу. Умыканье у водъ дѣвиць сохранилось до позднѣйшихъ временъ у Черногорцевъ.

Еще знаменательнѣе этихъ остатковъ язычества, исчезавшихъ вмѣстѣ съ христіанствомъ, общія Славянамъ начала общественнаго строя. Вѣтчевое начало было родное всѣмъ Славянамъ и въ томъ числѣ всѣмъ Славянамъ Русскимъ. Повсюду, какъ коренное учрежденіе народное, является *въче*, народное сборище. Самое выраженіе *въче* есть названіе общее всѣмъ Славянамъ Русскимъ какъ въ Кіевѣ и на Волыни, такъ и въ Ростовѣ и Новгородѣ; во всѣхъ углахъ и краяхъ Руси употребляютъ одно и то же названіе самага драгоцѣннаго и важнѣйшаго явленія народной самобытности. Въ любви къ свободѣ Славяне Русскіе хранили за вѣтное чувство всего своего племени, и что говорятъ о свободолюбіи Славянъ Прокошій, Маврикій и Левъ Мудрый, то сохранялось долго у Русскихъ Славянъ, не смотря на противодѣйствующія обстоятельства. Вѣтчевое устройство должно было дѣйствовать соединительно на Русскій народъ. Уже одно общее имя *въча* у всѣхъ Русско-Славянскихъ народовъ къ этому располагало. Собранія народныя соединяли людей часто разнородныхъ, особенно тогда, когда на собраніе сходились изъ нѣсколькихъ городовъ. Вообще не было нигдѣ строгихъ правилъ, запрещавшихъ тому или другому участвовать въ этихъ собраніяхъ; мы, напротивъ, видимъ, что участвовали отъ мала до велика; перешедшій изъ одного славянскаго города въ другой видѣлъ такое же собраніе, какъ и у себя, также безъ стѣсняющихъ правилъ, вольное, широкое, и входилъ въ него лег-

ко. Вездѣ существовало раздѣленіе на города и пригороды, зависѣвшіе отъ городовъ; вездѣ города были главами и центрами Земель. Всѣ коренные обычаи, не только домашніе и религіозные, но и общественные, по сходству началъ своихъ, должны были поддерживать сознание единства племени Русско-Славянскаго.

Не смотря на различіе русскихъ нарѣчій, между ними существовало всегда столько сродства, сколько нужно было, чтобъ каждый народецъ, говорившій тѣмъ или другимъ русскимъ нарѣчіемъ, видѣлъ въ другомъ единоплеменномъ, сосѣднемъ народѣ, родственное себѣ по сравненію съ другими народностями. Броженіе и поселеніе между Славянами иноплеменниковъ столько же помогали сохраненію между ними сознанія о племенномъ единствѣ, сколько мѣшали фактическому соединенію народовъ. Каждое Славянское племя могло смотрѣть на другое, какъ на отличное отъ него во многомъ и не сознавать сродства своего съ нимъ только до тѣхъ поръ, пока не знакомилось съ такимъ народомъ, который равнымъ образомъ чуждъ обонимъ. Тогда изъ сравненія являлось понятіе о близости и возможность сознанія единства. Мы имѣемъ случай наблюдать это въ наше время. Великокорусь-простолюдинъ не сознаетъ родства своего съ Полякомъ, когда встрѣчается съ нимъ одинъ на одинъ, но сознаніе это сейчасъ пробуждается, какъ скоро случай приведетъ его сравнить Поляка съ Нѣмцемъ или Татаринномъ. Такъ, въ древности, Полянинъ, встрѣчавшійся съ Печенѣгомъ, долженъ былъ замѣчать, что съ нимъ у него нѣтъ сродства въ языкѣ, а напротивъ есть съ Вятичемъ, и отсюда возникало сознаніе, что Вятичъ ему родной. Невозможно теперь показать, въ какомъ отношеніи между собою находились народныя нарѣчія въ древности по сравненію съ настоящимъ ихъ положеніемъ. Въ наше время, въ кругу племенъ Финскихъ Восточной Россіи и Кавказа, близкія по сосѣдству одноплеменные народности не понимаютъ другъ друга; это наводитъ на предположеніе, что въ древности наши нарѣчія были между собою отдаленнѣе, чѣмъ теперь. Съ другой стороны, напротивъ, письменные памятники показываютъ, что вообще у Славянскихъ народовъ, въ языкахъ, были такія общія формы и слова, которыя теперь составляютъ достоиніе только частныхъ нарѣчій. Что касается до связей между собственно Русско-Славянскими нарѣчіями, то всѣ они имѣли еще тѣ общіе признаки, которые были имъ свойственны какъ одной особой семьѣ Славянскаго рода. При ознакомленіи съ другими Славянскими народами, напримѣръ съ Поляками или Болгарами, неизбѣжно выставлялось предъ глаза сравнительно большее сходство народовъ русскаго материка между собою, чѣмъ каждаго изъ нихъ

съ прочими Славянами. Въ древности, какъ и теперь, существовали общіе русскимъ нарѣчіямъ филологическіе признаки, которыхъ не было, или которые иначе сложились, у другихъ Славянъ. Эти признаки сохранились въ нашихъ лѣтописяхъ сквозь церковно-книжную одежду, и указываютъ на существованіе особенностей, отличавшихъ говоръ всѣхъ Русскихъ нарѣчій отъ другихъ Славянскихъ. Таковы, напримѣръ: смягченіе согласныхъ, вставка гласныхъ *о* и *е*, съ перемѣною *а* въ *о*, тамъ гдѣ въ другихъ нарѣчійхъ ставится двѣ согласныхъ: *правъ* — *норовъ*, *о* вмѣсто *е*, въ словахъ: *олень*, *одинъ*, вмѣсто *елень*, *единъ*; окончанія на *тъ* съ твердымъ или мягкимъ полугласнымъ звукомъ въ третьемъ лицѣ изъявительнаго наклоненія; замѣненіе глухихъ и носовыхъ звуковъ чистыми, и проч. Такимъ образомъ, Славянинъ какого бы то ни было Русскаго народа видѣлъ, въ Славянинѣ другой, своей же, вѣтви, болѣе родную для себя стихію, во-первыхъ по сравненію съ не-Славянскими племенами, окружавшими Славянъ, а во-вторыхъ и по сравненію съ иными Славянскими вѣтвями. Полякъ для Кіевлянина долженъ былъ представляться болѣе далекимъ, чѣмъ Славянинъ Новгородскій. Строй языка и говоръ много содѣйствуютъ образованію понятія о близости или отдаленности народныхъ особенностей; чѣмъ ближе говоръ, чѣмъ родище языкъ въ чужомъ чловѣкѣ, тѣмъ больше склонности считать этого чловѣка въ общительности съ собою. Естественно, что самыя близкія, хоть нѣсколько отличныя по говору, вѣтви народа, могли скорѣе слиться въ одно тѣло, чѣмъ тѣ, рѣчь которыхъ представляла затрудненія къ удобному взаимному пониманію; равнымъ образомъ, послѣднія, болѣе отдаленныя, чѣмъ первыя, могли быть ближе третьихъ, представляя условія для ближайшаго и скорѣйшаго соединенія между собою, чѣмъ съ этими третьими. Наконецъ, эти третьи, при всѣхъ отличіяхъ, имѣли вмѣстѣ съ тѣмъ достаточный запасъ общихъ признаковъ, чтобъ и о нихъ составилось понятіе, какъ о родныхъ, и такъ могла образоваться съ ними связь, нѣсколько уже слабѣйшая, чѣмъ со вторыми и третьими. Такимъ образомъ, чувствовалась различная степень свойствъ и вмѣстѣ съ тѣмъ различная степень единенія. Кіевлянинъ былъ ближе къ Древлянину, чѣмъ къ Кривичу и Вятичу; Галичанинъ ближе къ Волянцу, чѣмъ къ Кіевлянину, ближе къ Кіевлянину, чѣмъ къ Сѣверянину, ближе къ Сѣверянину, чѣмъ къ Ростовцу или Рязанцу; и на этомъ основаніи завязывается болѣе тѣсная связь Галича съ Волянью, чѣмъ съ Кіевомъ, чѣмъ съ Черниговомъ, тѣснѣе съ Черниговымъ, чѣмъ съ Ростовомъ; но Ростовецъ, отдаленный по мѣстоположенію, былъ для Галичанина родственнѣе близко живу-

щаго Болгарина или Поляка. Кіевлянинъ чувствовалъ себя отдѣльнымъ въ отношеніи къ Древлянамъ и Волянцамъ, но въ равной степени, вмѣстѣ съ Древлянами и Волянами, чувствовалъ себя отдѣльнымъ отъ Вятичей. Наконецъ, вмѣстѣ съ Вятичами, онъ чувствовалъ свое общее единство и отдѣльность отъ Поляка и Болгарина, и оттого между Кіевлянами, Древлянами и Галичанами образовалась взаимная связь скорѣе и тѣснѣе, чѣмъ у каждаго изъ нихъ съ Вятичами; но, съ другой стороны, и положеніе Вятичей въ отношеніи всѣхъ первыхъ трехъ было таково, что известная близость ихъ нарѣчій не дозволила имъ совершенно разойтись. Точно также и Вятичъ Рязанскій чувствовалъ свою отдѣльность отъ Ростовца или Москвича, но въ отношеніи Кіевлянина онъ составлялъ съ Ростовцемъ и Москвичомъ одну народность. Съ народностями совершается такая судьба, что большому или меньшему ихъ сближенію, отъ простаго чувства народнаго сходства до положительныхъ стремленій къ слитію, способствуетъ столкновеніе съ такимъ единоплеменнымъ народомъ, котораго особенности равно одинаково близки и одинаково далеки и тѣмъ и другимъ; какъ и соединенію всего племени или племенной вѣтви, состоящей изъ многихъ народовъ, можетъ способствовать столкновеніе съ массою иноплеменниковъ.

Намъ возразятъ въ этомъ случаѣ, что мы признаемъ слишкомъ глубокую древность за тѣми этнографическими особенностями, которыя, можетъ быть, возникли уже впоследствии. Утверждаютъ, что настоящія нарѣчія и отбѣнки Русской рѣчи явились уже послѣ. Древность Малорусскаго языка была не очень давно предметомъ ученаго спора, нерѣшеннаго надлежащимъ образомъ: выходило то, что какъ скоро одна сторона находила въ словахъ и оборотахъ чисто Малорусскій складъ, противная отыскивала подобное въ областныхъ великорусскихъ нарѣчіяхъ. Это оттого, что обращали вниманіе на сходные или несходные признаки по частямъ, а не въ ихъ совокупности. Не споримъ, что образъ, въ какомъ является нарѣчіе и говоръ теперь, составилъ позже, но намъ кажется, что на тѣхъ же мѣстахъ существовали искони прародительскія отличія: отъ чего именно въ тѣхъ предѣлахъ является система удѣльныхъ земель, въ которыхъ до сихъ поръ мы видимъ размѣщеніе разныхъ русскихъ нарѣчій? Отъ чего Бѣлорусскимъ нарѣчіемъ говорятъ именно тамъ, гдѣ были Кривичи, и вся страна, гдѣ говорятъ имъ теперь, образовала *Землю Кривскую*, сознававшую свое единство и отличіе отъ другихъ? Неужели Бѣлорусское нарѣчіе образовалось, какъ нѣкоторые думали, отъ смѣшенія Великорусскаго съ Польскимъ? Отъ

чего же въ Юго-Западной Руси, которая также, даже еще крѣпче, была соединена съ Польшею, не образовалось такой же смѣси? Отъ чего жъ эта смѣсь сохранилась въ Смоленской губерніи, которая, если и была нѣсколько времени подъ властью Польши, то слишкомъ мало для того, чтобъ усвоить смѣсь одинакую съ Бѣлоруссами, которые были въ соединеніи съ Польшею много вѣковъ. Не споримъ, что какъ въ Бѣлорусскомъ, такъ и въ Южно-русскомъ нарѣчіяхъ есть вліяніе польскаго элемента, есть слова и обороты, вошедшія въ нихъ вполнѣ, но такъ какъ основы народности и говоры различны, то, очевидно, и прежде въ Бѣлоруссіи и въ Южной Руси существовали своеобразныя свойства, при которыхъ самое сближеніе съ Польшею выразилось иначе и въ томъ и въ другомъ краѣ. вмѣсто княжествъ, въ удѣльныя времена образовались системы княженій и волостей болѣе или менѣе согласно съ тѣмъ развѣтвленіемъ народностей, какое мы застаемъ вполнѣ и теперь, и какое, съ другой стороны, указывается на первыхъ страницахъ нашихъ лѣтописей. Эти системы волостей, или Земли, располагались согласно съ нынѣшними этнографическими особенностями. Гдѣ были Кривичи, тамъ нынѣ Бѣлоруссы, тамъ образовалась Земля, — система княженій и волостей, имѣвшихъ взаимную связь, — и такъ вошла во владѣнія Литовскія. Гдѣ теперь видѣнъ переходъ отъ Бѣлоруссовъ къ Новгородцамъ и смѣшанное нарѣчіе, тамъ образовалась Псковская Земля; гдѣ были Русь-Поляне — тамъ теперь Украинцы, тамъ была система волостей Русской земли; гдѣ Древляне, тамъ Польщуки; гдѣ Дулебы и Вельшине — тамъ Волинцы, — тамъ была система волостей Волинской земли; гдѣ Хорваты — тамъ Червоно-Руссы, тамъ Галицкая Земля; гдѣ были Улучи, тамъ Подоляне, тамъ были Богоговскіе князья. На Волини образовалась группа княженій и волостей, имѣвшихъ одно тяготѣніе съ Галичемъ; и теперь мы видимъ на Волини особый оттѣнокъ народности, очень близкій къ Червонорусскому; какъ Украина по-Днѣпровская нѣсколько дальше и теперь отъ Червоной Руси въ этнографическомъ отношеніи, чѣмъ Волинь, — такъ и въ старину Галицкая Земля имѣла ближайшее взаимное тяготѣніе съ Волинью, чѣмъ съ Русью Кіевскою. Но Украина по-Днѣпровская не имѣетъ, однако, отъ Червоной Руси на столько отмѣны, чтобы между ними потерялась связь единопородности; такъ и въ удѣльный укладъ, не смотря на явленія, противодѣйствующія къ слитію Червоной Руси съ Русью Кіевскою, эти земли все-таки вращались въ одной общей сферѣ. Всѣ отмѣны Южнорусской народности имѣли между собою столько сходныхъ общихъ признаковъ, что, съ устраненіемъ въ нихъ мелочей, представлялась одна народность,

но сравненію съ другими такими же группами, отличными отъ всѣхъ ихъ вмѣстѣ. И теперь мы видимъ, что всѣ этнографическія особенности совершенно сообразны съ системою развѣтвленія волостей удѣльнаго уклада, и всѣ эти этнографическія особенности составляютъ сумму одной народности — Южно-русской. Такъ и княженія и волости встарину составляли одинъ общій разрядъ, связанный взаимнымъ тяготѣніемъ.

Но тутъ могутъ намъ возразить, что мы видимъ этнографическое тяготѣніе тамъ, гдѣ могло быть одно географическое отношеніе сосѣднихъ земель. Въ такомъ случаѣ мы укажемъ на Новгородъ, который долго и постоянно склонялся къ Южно-русской Землѣ, и только послѣ внутренней борьбы, когда притомъ запустѣніе Кіева лишило его тяготѣющей силы, началъ тяготѣть къ Восточной Руси, но всегда съ какимъ-то внутреннимъ противодѣйствіемъ, съ готовностію склониться въ другую сторону, если бы представился случай. Вслушайтесь въ нарѣчіе Новгородское и вы найдете въ немъ слѣды народности, болѣе близкой къ Южно-русской, чѣмъ къ Московской, слѣды хотя явные и рѣзкіе, но все таки только слѣды прежняго нарѣчія, ибо Новгородъ, впоследствии, не только подвергся тѣсному соединенію съ Московскою народностію, но еще были употребляемы насильственные мѣры къ перерожденію туземной народности; однако и слѣдовъ достаточно, чтобъ признать, что Великій-Новгородъ, въ этнографическомъ отношеніи, составлялъ вѣтвь несравненно ближайшую къ южно-русской народности, чѣмъ къ Велико-русской и Кривской, и оттого-то между имъ и Кіевомъ является очевидное взаимное тяготѣніе, хотя по мѣстности онъ былъ самою отдаленною отъ Кіева Землею. Признаки Новгородскаго нарѣчія почти тѣ же, что и Южно-Русскаго: *ѡ* вмѣсто *ѡ*, *ѡ* и *ѡ* часто смѣшиваются, мягкое *о* вмѣсто *е*—Йому, Його вм. ему, его; *у* вмѣсто *ѡ*, *ѡ* вмѣсто *g*, отбрасываніе *ѡ* въ творительномъ падежѣ множественнаго числа (вм. *своима*—свома), перестановка слоговъ въ томъ порядкѣ, какъ и въ Южно-русскомъ (напр. *намастиръ* вм. *монастырь*), сохраненіе *о*, измѣненіаго у Великоруссовъ и Бѣлоруссовъ въ *ѡ*, отбрасываніе *ѡ* въ третьемъ лицѣ настоящаго времени глаголовъ, *ѡ* вм. *ѡ* во множественномъ числѣ (будуть вм. будутъ), перемѣна *е* въ *о* послѣ шипящихъ, напр. *жена* вм. *жена*; усѣченныя окончанія прилагательныхъ женскаго рода, напр. *высока*, *добра*, и сверхъ того мѣстное отлічіе: *ѡ* вм. *ѡ*. Разбирая эти признаки по частямъ, можно, конечно, находить то и другое въ разныхъ областяхъ Россіи, но совокупность всего въ одноѣ нарѣчій показываетъ такое поразительное сходство съ Южно-русскимъ нарѣчіемъ, что Малороссъ, услышавъ

Новгородское нарѣчіе, изумится, если не имѣлъ прежде понятія о ихъ близости, и придетъ невольно къ заключенію, что народъ, говорящій такимъ нарѣчіемъ, долженъ былъ нѣкогда составлять одно съ малороссомъ. Въ землѣ Великорусской, впоследствии, совершалась перетасовка народныхъ элементовъ; произошелъ процессъ перерожденія финскихъ народностей, и примѣсь татаръ, происходили насильственные административныя переселенія, наконецъ двигалось население само собою съ сѣвера на югъ и на востокъ съ промышленными цѣльми; не смотря на все это, тѣ системы, изъ которыхъ образовался Великорусскій край, имѣютъ до сихъ поръ различную физиогномію: проѣзжайте по Владимірской губерніи, по этому древнему княжеству Суздальскому—развѣ не отличенъ тамъ говоръ отъ говора Рязанскаго и Московскаго? Также точно представляются, въ этомъ отношеніи, отличными отъ Московскаго, Рязанскаго и Владимірскаго края древняя земля Вятчей, край Орловскій, Калужскій, Курскій, Воронежскій.

Насъ могутъ упрекнуть въ голословности, но мы думаемъ, что напоминаемъ нашимъ читателямъ вещи, давно извѣстныя. У насъ много писали объ этнографіи, довольно и занимались ею, да занятія наши были какъ-то односторонни: не доставало сравнительнаго изученія. Говорили о томъ, что есть, не говорили чего нѣтъ у однихъ изъ того, что есть у другихъ. Съ цѣлю изучать исторію народа по настоящимъ его этнографическимъ признакамъ никто не брался систематически. Изученіе исторіи народа должно начаться именно съ этого. Надобно изслѣдовать и привести въ ясность всѣ виды Русской народности, во всей совокупности ихъ отличительныхъ признаковъ. Надобно отыскать: чѣмъ выражается отличіе одного края отъ другаго, съ нимъ сосѣдняго, въ нарѣчій, говорѣ, образѣ жизни, постройкахъ, одеждѣ, пищѣ, обычаяхъ, привычкахъ; надобно обозначить совокупности всѣхъ такихъ признаковъ, составляющихъ этнографическіе виды, показать ихъ взаимныя переходы и мѣстныя ихъ грани, и съ настоящимъ положеніемъ народностей свѣрять историческое теченіе прошедшей жизни народа. Только тогда и доберемся мы сколько-нибудь до ея уразумѣнія. Очевидно, это не легкая работа. Она тѣмъ болѣе трудна, что при самомъ тщательномъ, добросовѣстномъ, подробнѣйшемъ этнографическомъ описаніи останется еще то, что едва ли возможно описать какимъ бы-то ни было перомъ—физиогномія народа, подобно тому, какъ нельзя ни коимъ образомъ описать живаго человѣка такъ, чтобъ можно было по описанію столько же знать его, какъ живши съ нимъ.

Все это высказывается здѣсь для того, чтобы показать, что разнообразіе нарѣчій связывалось первостепенною и второстепенною близостью ихъ, и эта близость, сознаваемая народомъ, способствовала поддержкѣ въ немъ взаимности и сознанія единства въ разнообразіи.

Съ принятіемъ христіанства явился въ Руси одинъ общій языкъ — книжный, и это была новая сильнѣйшая связь Русскихъ народовъ, прочнѣйшій залогъ ихъ духовной неразрывности. Мы говоримъ — съ принятіемъ христіанства; ибо если даже принять, что договоры Олега и Игоря писаны были въ то самое время когда заключались, то, вѣроятно, ихъ писали русскіе христіане, а если бы даже язычники, то они должны были пользоваться плодами, принесенными Христіанствомъ. Книжный языкъ сдѣлался орудіемъ и распространенія вѣры и удержанія государственной жизни, и передавалъ общія всѣмъ понятія и взгляды. Вместе съ потребностію высшей жизни явилась и форма, въ которой могла быть достигнута эта потребность. Тогда во всѣхъ углахъ Россіи, въ какой бы то ни было вѣтви народной, въ церквахъ раздался одинъ языкъ; власть старалась передать свой голосъ однимъ и тѣмъ же языкомъ; событіе старины — случилось ли оно въ Кривской землѣ, или въ Руси, или въ Новгородѣ—записывалось тѣмъ же самымъ языкомъ. Знакомство съ правилами вѣры и нравственности происходило черезъ посредство этого языка. Явились школы и въ этихъ школахъ учили на томъ же языкѣ, не обращая вниманія на то—изъ какого племени были учащіяся. Такимъ образомъ, вездѣ и повсюду, явилось одно орудіе выраженія высшихъ потребностей жизни. Пока книжный языкъ существовалъ въ своей чистотѣ, духовное единство не могло быть прервано, какъ оно не прервано, въ этомъ отношеніи, не только между Русскими и Червоноруссами, составившими нѣкогда одно федеративное тѣло, но и между Сербами и Русскими, не смотря на то, что никогда не поддерживалось другими политическими условіями, подобно частяхъ Русскаго народа. Австрійская политика очень благоразумно хочетъ въ наше время уничтожить употребленіе церковно-славянскаго языка въ школахъ Червоной Руси, подъ благовиднымъ предлогомъ покровительства народной рѣчи. Она изъ опыта предшествовавшей исторіи Славянъ знаетъ, что этотъ языкъ былъ и есть сильнѣйшій двигатель сродства племенъ и взаимнаго братства. Языкъ доставилъ намъ единство. — Но самъ по себѣ языкъ не былъ достаточно для водворенія единства политическаго. Онъ не могъ даже вытѣснить, истребить и замѣнить собою нарѣчія, во-первыхъ потому, что, до известной степени, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ былъ столько же чуждъ народной

рѣчи, какъ въ другихъ близокъ, и во-вторыхъ, что будучи достояніемъ однихъ образованныхъ того времени людей, касаясь извѣстныхъ только высшихъ проявленій жизни, не только не замѣнялъ обыденной народной рѣчи, но даже самъ, въ книжной сферѣ, подвергался наплыву послѣдней, какъ это видно въ гѣтописяхъ, которыя, благодаря не полному умѣнью гѣтонисцевъ ладить съ книжнымъ языкомъ, обличаютъ намъ живучесть народнаго слова при существованіи книжнаго. Языкъ книжный самъ по себѣ былъ достаточенъ только для того, чтобы части, достигавшія самобытности вслѣдствіе коренныхъ народныхъ особенностей и историческихъ обстоятельствъ, не теряли связи между собою, чтобы каждая часть имѣла у себя, въ равной степени то, что было священно и для другой части; но онъ былъ недостаточенъ для того, чтобы всѣ части могли перестать быть тѣмъ, чѣмъ до того времени были, и стать тѣмъ, чѣмъ ни одна изъ нихъ не была.

Второе звено, соединившее части Русской земли въ эту первую половину Русской Исторіи, былъ княжескій родъ. Онъ способствовалъ единству даже своимъ раздѣвленіемъ, своимъ многообразіемъ. Обыкновенно привыкли (издавна это ведется) жалѣть объ удѣльной системѣ, жаловаться на ея безпорядки, думать, что она замедляла прогрессъ Русской жизни, приписывать ее неблагоразумію Ярослава, и если извинять его, то единственно грубостію и невѣжественностію вѣка. Но Русскій міръ и не могъ иначе быть единымъ. Именно, только этимъ поддержалась связь его. Не Ярославъ выдумалъ дѣлить Россію дѣтямъ, даже не Владиміръ. Въ договорѣ Олега говорится о свѣтлыхъ князьяхъ, сущихъ подъ его рукою. При Владимірѣ эти старые удѣльные князья замѣнены другими изъ одного рода. Это могло повести только къ большому единству, а не къ раздробленію. Удѣльный порядокъ вытекалъ изъ сущности положенія, въ какомъ находились народы, составившіе впоследствии Русскую державу. Чтобы соединить разсѣянные, раздѣленные одни отъ другихъ племена, нужно было именно то, чтобы и у того и другаго народа были начальники, родственные между собою: тогда и народное сознание взаимнаго родства получало себѣ пищу. Искать ли источника этой народной связи посредствомъ одинаго начальствующаго рода въ такъ-называемомъ родовомъ бытѣ Восточныхъ Славянъ? — Конечно, на сколько общечеловѣческія понятія о родствѣ оказывали вліянія на сформированіе у Славянъ понятій объ общественной и государственной жизни. Связь народовъ посредствомъ родства лицъ, стоящихъ во главѣ ихъ — представленіе слишкомъ всеобщее, повсемѣстное; Людовикъ XIV думалъ же, что не существуетъ болѣе Пиренеевъ, когда посадилъ на Испанскій престолъ внука;

и Наполеонъ хотѣлъ поддерживать связь подчиненныхъ себѣ націй тѣмъ, что сажалъ на престолы Германіи и Италіи своихъ братьевъ и зятьевъ. И въ средніе вѣка феодальное разнообразіе находило для себя связь частей въ родственныхъ союзахъ. Только вездѣ на Западѣ явленіе это не было до такой степени первостепеннымъ, фундаментальнымъ, для всего механизма общественнаго строя, какъ у насъ. У насъ начало соединенія частей, основа государственнаго быта, возникла отъ призванія княжескаго рода извнѣ. Впрочемъ, и у насъ форма единства Рюрикава рода не представляла единственно-возможнаго, незамѣнимаго ничѣмъ, способа соединенія частей: предѣлъ его былъ уже видимъ. Съ развѣтвленіемъ княжескихъ вѣтвей, съ неизбѣжною сообразностію такого рода развѣтвленія съ народными дѣленіями, значеніе князей, какъ начальниковъ земли, стало упадать. Уже въ XII вѣкѣ видно, какъ народное начало встало наверхъ и взяло перевѣсъ надъ княжескимъ. вмѣсто того, чтобъ князь наследовалъ, онъ избирался толпою; вмѣсто того, чтобъ быть единымъ начальникомъ и предводителемъ, — являлось по нѣскольку князей разомъ предводителями въ одномъ и томъ же мѣстѣ заразъ, и въ то же время должность ихъ замѣняется уже не князьями. Такъ въ 1180 г. въ ополченіи городовъ Кривской земли, изъ двухъ городовъ—Витебска и Полоцка—начальствуютъ князья, а изъ другихъ двухъ—не князья. Въ Галичѣ, князья до такой степени потеряли свое древнее значеніе, что ихъ судили и казнили смертью, какъ простыхъ людей, а мѣста ихъ считались занимать люди не княжескаго рода. Въ Новгородѣ, оставшемся внѣ татарскаго завоеванія, продолжались развиваться старыя стихіи и въ XIV—XV вѣкахъ уже не стало необходимости держать князей, и отношенія къ великимъ князьямъ казались болѣе лишнимъ бременемъ, отъ котораго только трудно было освободиться. Въ XIV вѣкѣ явился новый родъ—Гедиминовъ, который началъ оспаривать право быть орудіемъ связи Русско-Славянскихъ народовъ. Но тогда уже Русь склонялась къ единойдержавію. Еслибъ даже удѣльный порядокъ, вслѣдствіе иноземныхъ вліяній, не былъ у насъ замѣненъ единойдержавнымъ, то все-таки онъ рано или поздно долженъ былъ уступить другому, болѣе сообразному съ дальнѣйшимъ ходомъ народной жизни, которая вырабатывала, хотя медленно, свои начала. Самое единство княжескаго рода было формою выше той, какая существовала въ видѣ народнаго управленія — каждою родомъ своимъ, т. е. своими начальниками, не имѣвшими между собою родственной связи. Если при воздѣйствіи чужеземномъ, единство рода княжескаго должно было уступить высшей формѣ — едино-

державіу московскому, то, безъ этого воздѣйствія, оно бы уступило иной новой формѣ единства, формѣ, какую выработала бы сама изъ себя народная жизнь.

Болѣе или менѣе князья размѣщались параллельно народностямъ, и такимъ образомъ или родовое единство между собою шло въ параллели съ сознаниемъ единства народностей. Родъ Дома Изяслава Владиміровича постоянно княжилъ въ Полоцкѣ, и развѣтвлялся въ Землѣ, имѣвшей одно тяготѣніе съ Полоцкомъ. Домъ Святослава Ярославича, со всѣми его развѣтвленіями, помѣстился въ Сѣверщинѣ и образовалъ княжественную двойственность, сообразно двойственности Земель—собственно Черниговской и Новгородъ-Сѣверской. Князь Сѣверскій былъ ближе къ Черниговскому, чѣмъ къ Кіевскому, и народность Сѣверская была ближе къ Черниговской, чѣмъ къ Кіевской. Но князь Сѣверскій не терялъ все-таки связи съ Рязанскими и съ Суздальскими князьями, все-таки онъ считалъ послѣднихъ происходящими изъ одного съ нимъ рода, и только далѣе отъ него, чѣмъ были къ нему Черниговскіе. Такъ и народъ въ Сѣверской области считалъ народъ Суздальскій и Рязанскій далѣе отъ себя, чѣмъ Черниговцевъ, но сознавалъ, что и Суздальцы—Русскіе. Какъ князь говорилъ: «я не Угринь, я не Ляхъ, мнѣ часть въ Русской землѣ», такъ каждый русскій говорилъ, что онъ не Ляхъ, не Угринь, что ему часть въ той широкой землѣ, гдѣ Сѣверянинъ, Русинъ-Полянинъ, Волынецъ, Суздалецъ, сознаютъ свое родство. Имѣя дѣло съ князьями, своими однородниками, князь въ то же время имѣлъ дѣло и съ цѣлою землею, какъ показываетъ, напр., такое выраженіе: *бѣшетъ бо ему тяжа съ Рюрикомъ и съ Давидомъ и съ Волынскою землею* (1190 г. Ип. спис. 140). Князь могъ не поладить съ своимъ сосѣдомъ и народъ могъ раздѣлять съ нимъ его неудовольствіе; но также народъ могъ не поладить съ другою вѣтвію общаго Русскаго народа; и какъ у князей ссоры были усобицами, такъ и въ народѣ брань одного края съ другимъ была домашняя, а не внѣшняя, война. Этимъ сознаниемъ сродства объясняется, почему Новгородцы, воюя до неистовства съ Суздальцами въ началѣ XIII в., послѣ того опять находились съ ними въ связи и принимали оттуда князей, и отъ чего тѣ же Новгородцы, защищая свою независимость противъ покушеній Московскаго единовластія, въ то же время никакъ не могли оторваться отъ Московской Земли и принять, въ отношеніи ея, тотъ образъ дѣйствій, какъ въ отношеніи чужихъ, напримѣръ, Нѣмцевъ или Шведовъ. Если бы въ Россіи не возникло удѣльнаго порядка, еслибы возможно было чтобы Ярославъ, соединивъ Русскія страны подъ одну власть, передалъ все вмѣстѣ

одному изъ сыновей, то, безъ сомнѣнія, Русская Земля скорѣе могла бы потерять единство, чѣмъ при раздѣленіи на удѣлы. Тогда должны были бы оставаться тѣ старѣйшины-князя, которые существовали допрібытія Рюрика дома, или—Земли управлялись бы намѣстниками Кіевского князя. Въ первомъ случаѣ, старѣйшины разныхъ родовъ, не имѣя между собою кровнаго единства, старались бы каждый о совершенномъ обособленіи своихъ Земель, и находясь въ отношеніи Кіевского князя какъ покоренные, чувствовали бы надъ собою иго и старались бы освободиться отъ него. Естественнo, тогда между всѣми ими несравненно было бы менѣе связи, чѣмъ между князьями *одного* рода. Во второмъ случаѣ, сами народы чувствовали бы чуждое иго—власть одной земли надъ своею, и смотрѣли бы на намѣстниковъ, какъ на враговъ и утѣснителей. Географическія условія и необходимость постояннаго отбоя отъ непріятелей не позволяли бы Кіеву сосредоточить свои силы для насильственнаго удержанія въ своей власти такого множества народовъ, на такомъ огромномъ пространствѣ: послѣдовало бы совершенное разложеніе. Даже еслибы всѣ народы сживались со своими намѣстниками и покорно повиновались имъ, то и тогда связи духовной было бы меньше, чѣмъ при существованіи удѣльнаго порядка; ибо такіе намѣстники не были бы такъ связаны между собою, какъ родственные князья.—Указываютъ на горькія послѣдствія княжескихъ споровъ и дѣлежъ. Но безъ сомнѣнія, еслибъ не было удѣловъ родовыхъ, то усобицы между народами были бы неизбежныѣ, и были бы гораздо жесточе, губительныѣ, разрушительныѣ. Напротивъ, княжескія усобицы способствовали поддержанію народнаго единства Россіи, посредствомъ знакомства частей между собою. Безъ нихъ сообщеніе между родственными племенами было бы рѣже; въ такомъ большомъ числѣ посѣщающихъ далекія страны тогда не было бы. Вспомнимъ, напрѣмъ, упорную войну Суздальскихъ князей съ Кіевскими въ половинѣ XII вѣка? Едва ли бы могло быть по какому нибудь мирному поводу столько Суздальцевъ въ Кіевѣ. Всякій, кто ворочался домой, рассказывалъ о далекой землѣ, и изъ рода въ родъ, въ семейныхъ преданіяхъ, укоренялась привычка считать народонаселеніе того и другого края близкимъ къ своему,—разширялся кругъ географическаго понятія о томъ, что такое составляетъ *свое* и *чужое*.

И вотъ, то, что съ перваго взгляда, кажется, наиболѣе препятствовало единству, на самомъ дѣлѣ служило этому единству поддержкой. Выше мы коснулись воцаренія Гедиминовичей. Когда въ XIV вѣкѣ княжеская Рюриковская линія стала замѣняться Гедиминовою, связь между Запад-

пой и Восточной Русью ослабла. Москва и Литва часто смотрѣли на себя какъ на чужихъ, какъ на особенныя государства. Народъ и въ Москвѣ и въ Литвѣ оставался Русскимъ, а между тѣмъ связи между нимъ гораздо было меньше, чѣмъ при князьяхъ единого дома. Правда, очень часто возникала мысль о соединеніи, но замѣчательно, что эта мысль являлась только послѣ войнъ, когда оба народа возобновляли старое знакомство, хотя и печальнымъ образомъ. Оставаясь въ покоѣ, Москвичъ забывалъ, что Литвинъ-Бѣлоруссъ его — кровный; у него это выходило изъ памяти при долгомъ нестолкновеніи съ сосѣдями-единоплеменниками.

Въ числѣ началъ, поддерживавшихъ единство Руси, слѣдуетъ поставить и то именно, что еще больше княжескихъ усобицъ иѣшало ея единству — безирестанья неприязненныя отношенія къ иноплеменникамъ, сновавшимъ или осѣдлымъ между Славянскими Русскими народами. Одна часть ихъ была осѣдлая Финская, покоряемая Славяно-руссами; а другая напротивъ — кочующая, нападающая, въ образѣ Половцевъ и ихъ кочевой братіи, разорявшая славянскую гражданственность, а въ образѣ Татаръ — завоевательная и поработительная. Нѣтъ сомнѣнія, что и тѣ и другіе прешатствовали порядку гражданской стройности, а между тѣмъ и помогали сознанію единства. Такъ, когда на Южную Русь нападали Половцы, нѣсколько разъ князья забывали свои несогласія и собирались какъ бы въ крестовый походъ противъ враговъ вѣры и своей народности. Въ умахъ русскаго народа образовалось понятіе, что есть такіе народы, которые — враги всѣмъ вѣтвямъ его, а чрезъ это понятіе поддерживалось и понятіе о взаимности и сродствѣ своихъ народныхъ вѣтвей. Это понятіе еще болѣе развилось во время татарскаго завоеванія. Тогда повсюду, кто только принадлежалъ къ Русскому народу, проникался, то въ большей, то въ меньшей степени, чувствомъ враждебности къ покорительному народу. Эта враждебность поддерживала, даже и впоследствии, древнюю связь Южной и Западной Руси съ Восточною. Такъ, разомъ на Днѣпрѣ и на Дону составилось воинственное общество козаковъ съ цѣлю противостоять татарскому и турецкому покорительному началу, и нерѣдко Польскіе и Русскіе государи, среди непрерывныхъ взаимныхъ несогласій, приходили къ мысли о союзѣ противъ общихъ враговъ; — въ враждебныхъ между собою государствахъ не разъ являлась мысль о возможности прочнаго соединенія западной и восточной половинъ Руси, въ надеждѣ, что, такимъ образомъ, общими силами можно удачнѣе и успѣшнѣе дѣйствовать противъ Татаръ и Турокъ. Враждебность къ этимъ народамъ перешла преемственно изъ тѣхъ вѣковъ, когда

Славяно-русскіе народы боролись съ Тюркскими племенами, бродившими некогда по широкому матеріку Россіи. Та же борьба, которую русская стихія выдерживала въ IX и въ X столѣтіяхъ противъ Печенѣговъ, явилась потомъ въ XII въ религіозной враждѣ противъ невѣрныхъ Половцевъ, когда русскія дружины ходили, въ ихъ степи, по призыву Мономаха и Игоря; она приняла, въ XIV вѣкѣ, значеніе освобожденія отъ чуждаго яга при Димитріѣ Донскомъ, и руководила важнѣйшими явленіями внѣшней политической жизни до позднѣйшихъ временъ во враждѣ съ мусульманскимъ турецкимъ Востокомъ. Есть въ исторіи завѣтные племенные ненависти; онѣ развиваются вѣками, то утихаютъ, то разгораются отъ обстоятельствъ, то засыпаютъ, то вновь пробуждаются, проходятъ черезъ разные виды историческихъ перемѣнъ и даютъ направленіе народнымъ силамъ и томъ народнымъ думамъ. Къ такимъ враждебнымъ явленіямъ принадлежитъ борьба Славянскаго племени съ Турецкимъ или Тюркскимъ. Ея источникъ скрывается во мракѣ доисторическихъ временъ. Мы знаемъ только ея продолженіе, и не видимъ начала, и для насъ такія черты легко представляются кореннымъ племеннымъ свойствомъ, какъ дѣлаемъ мы со всѣмъ, чему не можемъ доискаться начала въ тѣхъ сумрачныхъ вѣкахъ, откуда нѣтъ ничего положительно-достовернаго.

Есть еще признаки племенной враждебности къ иному племени, такъ же неприязнчивому къ Славянамъ, съ незапамятныхъ временъ — къ племени Нѣмецкому. Но эта враждебность, составляющая всю сущность исторіи Западныхъ Славянъ, касалась легче нашихъ, Восточныхъ. Признаки ея можно видѣть во враждебныхъ отношеніяхъ Новгородца и Пскова къ Ливонскимъ Рыцарямъ и Шведамъ, и равнымъ образомъ въ томъ возрѣніи, какое народъ нашъ имѣлъ и до-сихъ-поръ неизгладимо имѣетъ на нѣмецкое племя. Новгородцы и Псковичи поддерживали языческихъ Эстовъ во враждѣ ихъ съ Крестоносцами и Финляндскую Емь въ борьбѣ со Шведами, противъ распространителей христіанства, защищая свободу языческой совѣсти отъ насильственнаго крещенія. Во враждѣ этой участвовали вскользь и другія Русскія вѣтви. Въ ополченіяхъ Великаго Новгорода и Пскова отличались и Суздальцы, и Смольняне, и Полочане. Съ своей стороны, Нѣмцы, поработивъ Прибалтійскихъ Славянъ, готовились подвергнуть той же участи и сѣверныхъ русскихъ Славянъ, и въ XIII вѣкѣ уже успѣли покорить Псковъ, но были отражены Новгородцами подъ предводительствомъ Александра Невскаго. Съ тѣхъ поръ, Псковская Земля стала полемъ, гдѣ безпрестанно разыгрывалась и воспитывалась старая вражда Славянъ къ Нѣмцамъ, вражда,

которой первые зачатки также теряются въ доисторическомъ сумракѣ. Съ Нѣмцемъ, въ понятіи всѣхъ Русскихъ, безъ различія народныхъ видовъ, соединялось представленіе о чемъ-то тяготящемъ, высокомерномъ, посягающемъ на свободу нашу; Русскій ставилъ его въ противоположность къ себѣ, независимо отъ того, былъ ли самъ этотъ Русскій Суздалецъ, Смольнянинъ, Псковитянинъ, Новгородецъ и т. д.

Важнѣйшимъ звеномъ единства Русскихъ частей сдѣлалась православная Христіанская вѣра, со времени ея введенія и распространенія по Руси. Не станемъ безусловно раздѣлять мнѣнія о чрезвычайной быстротѣ распространенія вѣры между Русско-Славянскими народами, хотя не можемъ отрицать, что изъ множества народовъ, обратившихся къ Христіанству въ разные времена, міръ Русско-Славянскій принялъ Божественное Откровеніе съ меньшимъ упорствомъ, чѣмъ многіе другіе народы. Но то несомнѣнно, что всѣ исчисленные выше соединительные элементы были бы слабы и недостаточны для водворенія единства народовъ русскаго міра, безъ содѣйствія православной религіи. Христіанство дало отдѣльнымъ частямъ народа такіе элементы, которые для всѣхъ составляли высочайшую святыню и въ то же время были въ равной степени общи для всѣхъ. Православная вѣра образовывала и утверждала высшую единую народность вмѣсто частныхъ. Православная вѣра распространяла единыя нравственныя понятія и ввела единыя богослужебныя обряды. Изъ Христіанства возникла потребность просвѣщенія. Она удовлетворялась только посредствомъ Церкви. Кто только былъ, по тому времени, человѣкъ образованный, тотъ или принадлежалъ къ церкви, или вращался въ кругу понятій церковныхъ.

Масса, инстинктивно всегда уважающая людей, стоящихъ выше ея по образованію, получила понятіе о томъ, что выше ея по духовному смыслу и, слѣдовательно, достойно уваженія; а это высшее не принадлежало уже ни къ какой частной народности. Оно было русское. Церковное богослуженіе воспитывало въ массѣ чувство единства. Новгородецъ въ Суздаль, Черниговецъ въ Полоцкѣ, слышали въ церкви тотъ же языкъ какъ у себя дома, видѣли тѣ же обряды, тотъ же церковный порядокъ, всѣхъ учили содержать одни и тѣ же посты, читать тѣ же молитвы, почитать однихъ и тѣхъ же святыхъ, искать въ одномъ, для всѣхъ, спасенія и утѣшенія; такимъ образомъ, укоренялось въ каждомъ понятіе, что святыня его сердца — общая для всѣхъ вѣтвей русскаго народа: и такъ онъ со всѣми другими составляетъ единое тѣло.

Православная Церковь ввела въ нашу жизнь множество новыхъ

формъ, обычаевъ, не только церковныхъ, но и домашнихъ, вошедшихъ въ частный бытъ равнымъ образомъ во всѣхъ Русскихъ краяхъ. Установились понятія о томъ, какъ при какомъ-нибудь извѣстномъ обстоятельстве слѣдуетъ сѣсть или стать, ѣсть и пить; образовались разныя приличія и правила общежитія, сообразныя съ достоинствомъ православнаго человѣка и, слѣдовательно, общія для всей Русской Земли. Возникали монастыри, появлялись мощи, чудотворныя иконы, составились преданія, которымъ вѣрилъ и Ростовець, и Новгородецъ, и Кіевлянинъ, и Сѣверянинъ, на-сколько каждый былъ православный Русскій. Нѣкоторые монастыри прославились скоро и заслужили всеобщее уваженіе; таковъ былъ самый ранній—Печерскій. Въ разныхъ мѣстахъ одни за другими являлись общества отшельниковъ, которые прославлялись подвигами и жизнію. Для народа становились болѣе или менѣе одинаково святы угодники, почитающіе гдѣ бы то ни было въ Россіи, и изъ разныхъ мѣстъ ходили къ намъ на поклоненіе. Такимъ образомъ, образовывалось паломничество, которое, съ одной стороны, умножало сообщеніе земель, съ другой — поддерживало сознаніе единства общей святыни.

Наконецъ, вводились церковныя законы, развивали въ народѣ юридическія понятія и распространяли во всѣхъ краяхъ Россіи одинаковое возрѣніе на святость права. Христіанская религія принудила измѣнить взглядъ на многое, и то, что считалось прежде нравственнымъ, стало безнравственнымъ, какъ, на примѣръ, понятіе о мести у язычниковъ, такъ точно, Христіанская вѣра истребила мѣстную языческую святыню въ разныхъ краяхъ и замѣнила своею всеобщюю для всѣхъ въ одинаковой степени. Народъ уже доживалъ до той эпохи, когда обычай его должны были принять значеніе права; по крайней мѣрѣ, такъ было въ нѣкоторыхъ странахъ, на примѣръ, у Полянъ. Доказательствомъ служить Русская Правда—сборникъ обычаевъ и постановленийъ власти, уже записанныхъ и принявшихъ значеніе руководства для случаевъ, подобныхъ тѣмъ, какіе рѣшаемы были прежде. Но съ народнымъ разнообразіемъ Русь не скоро могла дойти до водворенія общихъ законовъ, или до соединенія народныхъ обычаевъ.

На широкомъ пространствѣ Русскаго материка было слишкомъ много, для каждаго изъ народовъ, своихъ условій развитія гражданственности, которыя никакъ не могли сходиться съ существовавшими въ другихъ русскихъ краяхъ. Не было бы и необходимости, не взошло бы даже въ голову составителю законовъ наблюдать какое нибудь единство для всѣхъ частей; слѣдовательно, если бы, въ разныхъ краяхъ Руси, обычай и стали превращаться въ положительные писанныя законы, то эти законы спо-

собствовали бы скорѣе разрозненности частей вмѣсто ихъ соединенія. Ибо законы, отличавшіе Землю отъ Земли въ юридическомъ отношеніи, укоренялись бы и дѣлались для своей Земли писанной святыней; преданія отцовской мудрости, безъ особенныхъ переворотовъ и насилій, не скоро уступили бы мѣсто чему-нибудь болѣе общему. Коричая, вошедшая вмѣстѣ съ Христіанствомъ, напротивъ, заронила въ Русскомъ мірѣ идею законодательнаго единства и общности права.

Въ этомъ случаѣ слѣдуетъ обратить вниманіе на корпорацію духовенства, связаннаго узами одного законоположенія и получавшаго вездѣ одно и то же воспитаніе. Во всѣхъ духовныхъ предметахъ и даже въ значительной части мірскихъ отношеній, духовенство было изъято отъ всякаго свѣтскаго суда, зависѣло отъ своихъ епископовъ, епископъ отъ митрополита, митрополитъ отъ патріарха; такимъ образомъ, вся церковная администрація изображала одну цѣпь, протянутую по всей Россіи, а крайнее звено ея находилось въ Царьградѣ за предѣлами русской земли. Духовенство въ большей части своихъ отношеній къ народу стояло выше мѣстныхъ обычаевъ и понятій, налегало на народъ своею нравственною силою и, вмѣсто народныхъ старыхъ правилъ, вводило новыя, общія и равныя для всѣхъ частей русскаго міра. Въ древности духовенство пользовалось правами гораздо большими, чѣмъ впоследствии, судилось по греческимъ писаннымъ законамъ, апостольскимъ и соборнымъ правиламъ. Такимъ образомъ, люди этого класса, имѣвшіе право на всеобщее уваженіе, были внѣ мірскихъ условій, проповѣдывали одно и то же, одному и тому же учили, указывали одну цѣль. Такъ образовалась идея церкви, общества, не связаннаго съ мѣстностію, неприкованнаго къ одной землѣ, и съ нею совокупно развивалась идея объ общности всѣхъ русскихъ земель, о единствѣ русскаго народа. Священникъ — былъ ли онъ Новгородецъ, Кіевлянинъ, Суздалецъ, долженъ былъ жертвовать своими мѣстными отношеніями требованіямъ церкви. Церковное законоположеніе не ограничивалось однимъ духовенствомъ да духовными дѣлами; оно подчиняло себѣ многія стороны житейскія и имѣло право исключительно судить преступленія противъ обязанностей семейнаго быта: въ спорахъ о наследствѣ, въ семейныхъ распряхъ обращались къ духовному посредству, а духовенство произносило свои приговоры, по большей части одинаково, какъ въ Кіевѣ, такъ и въ Новгородѣ и въ Ростовѣ, потому что вездѣ у него предъ глазами были греческія церковныя законоположенія. Остатки язычества, народныя вѣрованія подлежали духовному суду, и подъ вліяніемъ духовенства должны были уступать единымъ для всѣхъ

краевъ христіанскимъ понятіямъ и вѣрованіямъ. Судъ святительскій долженъ былъ совершаться одинаково по всей Россіи. Духовенство, приучаясь смотрѣть на всю Россію, какъ на единое тѣло, научало и князей смотрѣть на нее такъ же. Такъ, въ 1189 году, по поводу захвата Галича Уграми, митрополитъ говорилъ князьямъ Святославу и Рюрику: «се иноплеменники отъяли отчину вашу, и дѣло вамъ потрудиться.» Такимъ образомъ онъ указывалъ князьямъ прежде всего — забыть, на время, свои споры, выручить Русскую землю отъ не-русскихъ, кому бы изъ князей ни досталось потомъ вырученное.

Съ церковнымъ законоположеніемъ вошли къ намъ, въ видѣ прибавленій къ Номоканону, мѣста изъ гражданскихъ законовъ Византійской имперіи, такъ называемые градскіе законы. Неизвѣстно, имѣли ли они когда-нибудь всеобщую обязательную силу, но нѣтъ сомнѣнія, что, прилагаясь обыкновенно въ видѣ дополненій къ церковному законоположенію, которое было обязательнымъ; они пользовались уваженіемъ, и слѣдовательно, должны были вѣдряться въ русское правосудіе. При недостаткѣ собственнаго гражданскаго законодательства, судъ и рѣшеніе дѣлъ естественно должны были завистѣть отъ ума и наклонностей судей. Получая вначалѣ просвѣщеніе единственно изъ книгъ, переведенныхъ съ греческаго, не иначе, какъ съ понятіями, заимствованными изъ сферы церковной, эти судьи—были ли они князья или тиуны, или же выборные народомъ, — необходимо должны были иногда обращаться къ этимъ кодексамъ, гдѣ содержались готовые рѣшенія на случаи, которые могли встрѣтиться, и на которые не было правилъ въ русскомъ обычномъ правѣ, или же когда рѣшеніе иль, по обычному древнему праву, противорѣчило христіанству. Ничего не могло быть естественнѣе для князя или, вообще, для судьи, ставшаго въ тупикъ на судѣ, какъ обратиться къ пособію этихъ уставовъ и заимствовать оттуда юридическую мудрость. Тѣмъ болѣе это было умѣстно, когда градскіе законы составляли какъ бы дополненіе къ тому, что уже считалось святынею. Владиміръ святой совѣтовался съ епископами объ устройствѣ земскомъ; то же дѣлалъ и Ярославъ; а епископы эти были Греки и, конечно, не могли дать совѣта иначе, какъ въ духѣ Номоканона, не только въ церковной, но и въ гражданской сферѣ. И въ послѣдствіи, князья нерѣдко, въ дѣлахъ гражданскаго управленія и суда, обращались къ епископамъ, игуменамъ, священникамъ. Духовенство, составляя себѣ понятіе о долгѣ, сообразно своему воспитанію, неизбѣжно должно было давать совѣты, сходные съ греческимъ законодательствомъ. Ужъ, конечно, у каж-

даго святителя былъ экземпляръ Кормчей съ ея добавленіями, и святитель оттуда могъ черпать для вразумленія судей, и во всѣхъ странахъ Русскаго міра святители одинаково руководили судебными рѣшеніями. Такимъ образомъ, въ разныхъ Земляхъ прививались къ народу одинакія юридическія понятія. Вліяніе духовенства въ гражданскомъ управленіи и судѣ простиралось не на однихъ князей, но и на массы народныя, на вѣча. Въ Новгородѣ, во время полнаго развитія его свободы, власть и вліяніе архіепископа на суды были во всей силѣ. Владыки были представителями не однихъ церковныхъ, но и политическихъ интересовъ страны.

Наука духовенства была одна; гражданскія, нравственныя, юридическія понятія были одни, какъ воспитанныя на одной почвѣ. Плоды вліянія духовенства на собранія народныя вездѣ должны были являться одинаковыми послѣдствіями для народной жизни, въ Новгородѣ, и въ Полоцкѣ, и въ Кіевѣ и повсюду.

Кормчая книга съ гражданскими законами расширила значительно кругозоръ нашихъ понятій и внесла, по крайней мѣрѣ для тѣхъ, которые стояли на челѣ народной образованности, новые взгляды. Она должна была пріучить умъ нашъ возводить факты къ юридическимъ понятіямъ. Нѣкоторыя понятія были вновь внесены, другія развиты. Нельзя не указать на то, что Кормчая, подъ вліяніемъ толкованій духовенства, при каждомъ случаѣ содѣйствовала образованію понятія о единовластіи и о царственности правителей. По старымъ Славянскимъ понятіямъ, князья были выборные правители, зависѣвшіе отъ народной воли, а ученіе, принесенное изъ Византіи, стало придавать имъ значеніе византійскихъ государей. Помощь духовенства являлась повсюду, когда только совершалось движеніе въ пользу единой державы. Духовенство было на сторонѣ права родоваго старѣйшинства князей и поддерживало его въ противорѣчій съ правомъ вольнаго народнаго призыва. Андрей утвердился во Владимірѣ, и лѣтописцы, духовные по званію, оправдываютъ его и преемниковъ его въ стремленіи къ верховной власти надъ всѣми Русскими землями. Съ благословенія церкви, въ лицѣ митрополитовъ, утвердилась Москва; съ благословенія церкви Іоаннъ III уничтожилъ Новгородскую свободу. Зародышъ единовластія—въ пришедшихъ къ намъ еще въ X и XI вѣкѣ греческихъ понятіяхъ и больше всего въ Кормчей, гдѣ еще въ эти, далекія отъ господства единой державы, времена читали наши предки, что «народы, которые не имѣютъ властелина, а управляются сами собою, суть варвары...»

Аристократическіе зачатки, которые были у Славянъ чрезвычайно слабы, развивались у насъ отъ византійскихъ понятій о противоположности благороднаго происхожденія однихъ и низкаго званія другихъ. Въмѣстѣ съ книгами, законами, обрядами и единымъ воспитаніемъ духовенства, къ намъ занесенъ изъ Византіи апотеозъ церемоній, формальности. Славяне были одно изъ племенъ, менѣе многихъ носившее въ себѣ склонность къ этому, во время принятія христіанства. Почти всегда, какъ только самобытныя славянскія силы сколько нибудь развивались, являлось противное желаніе — обойти всякое правило, освободиться отъ всякой формальности, прямо браться за содержаніе безъ оболочки. Византійское вліяніе ввело къ намъ понятія о святости извѣстнаго рода формъ, обрядовъ, мелочныхъ обычаевъ. Мы говоримъ здѣсь не о церковныхъ обрядахъ, но о житейскихъ, которые вѣдрили въ жизнь нашихъ верховныхъ лицъ и высшихъ классовъ.

Не смотря на всѣ изложенныя здѣсь начала, способствовавшія поддержанію и развитію идеи единства Русской земли, онѣ не были столь сильны, чтобъ скоро довести народныя силы до единодержавія и части до полнаго слитія.

Хотя родъ княжескій сознавалъ свое семейственное начало, однако, уже потому, что онъ былъ родъ, условливалъ необходимость раздѣленія, ибо каждый изъ членовъ рода имѣлъ право на волость, то есть, на право управленія Землею. Великое пространство препятствовало слитію нарѣчій, а церковный языкъ, какъ ни соединялъ проявленіе умственного труда во всей Россіи, какъ ни служилъ органомъ слова, вразумительнымъ и священнымъ для всѣхъ русскихъ, но уже потому, что былъ не народный, не могъ сдѣлаться житейскимъ языкомъ и вѣчно оставался только книжнымъ. Наконецъ, и самая Церковь не въ силахъ была, при всѣхъ своихъ элементахъ единства, привести къ нему и народъ безъ особенныхъ другихъ сильныхъ, пособляющихъ, толчковъ. Во-первыхъ, Церковь уже по духу своему не предпринимаетъ крутыхъ мѣръ: развивая въ человѣкѣ то, что принадлежитъ проповѣдуемому ученію, оставляетъ расти и его собственной природѣ. Если признаки язычества, какъ показываютъ Вопросы Кирика, были еще ощутительны въ XII вѣкѣ, то, конечно, церковныя правила и поученія не могли такъ скоро передѣлать всѣхъ понятій народа, не могли даже помѣшать образовываться въ народѣ новымъ, роднымъ понятіямъ мимо вліянія и участія перкви. Пока на первыхъ порахъ высшее духовенство было изъ Грековъ, — власть Церкви могла еще быть чѣмъ-то вѣдшимъ, перерабатывающимъ народъ и не принимающимъ ничего отъ

него самого; но когда высшее духовенство, какъ и низшее, стало выбираться изъ своихъ, изъ Русскихъ, тогда народныя привычки пробивались чрезъ монашескія мантии, а Русскій народный умъ проглядывалъ изъ-подъ клобуковъ, подъ которыми головы обязаны были мыслить иначе, не по-русски, а по-византійски. Духовные стали входить въ интересы своихъ Земель, гдѣ были епископами, или же откуда сами происходили. Чувство любви къ мѣстной родинѣ, понятія, усвоенныя отъ родителей, оставались въ нихъ. Новгородскіе владыки не рѣдко въ своихъ дѣлахъ должны были слѣдовать правиламъ того уклада, среди котораго жили и дѣйствовали, въ иномъ духѣ, нежели Московскіе. Духовенство низшее, происходя изъ народа, не получивъ, какъ должно думать, такого воспитанія, которое бы его съ малыхъ лѣтъ отдѣляло отъ народа, наконецъ, — женатое и, слѣдовательно, связанное и родствомъ и житейскими нуждами съ народомъ, конечно носило на себѣ столько признаковъ частной, особенной народности, сколько и все-нивелирующаго византизма.

И вотъ, начала, соединяющія Земли между собою, хотя и были достаточны для того, чтобы не допустить эти Земли распасться и каждой начать жить совершенно независимо отъ другихъ, но не на столько были сильны, чтобы заглушить всякое мѣстное проявленіе и слить всѣ части въ одно цѣлое. И природа, и обстоятельства историческія — все вело жизнь Русскаго народа къ самобытности Земель, съ тѣмъ, чтобы между всѣми Землями образовалась и поддерживалась неустанно связь. Такъ Русь стремилась къ федераціи, и федерація была формою, въ которую она начинала облекаться. Вся исторія Руси удѣльнаго уклада есть постепенное развитіе федеративнаго начала, но вмѣстѣ съ тѣмъ и борьба его съ началомъ единодержавія.

Н. К о с т о м а р о в ъ.

1860
Февраль.

ОБЗОРЪ УКРАИНСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

I.

КЛИМЕНТІЙ (1).

Народы, созидающіе свою литературу по чужимъ образцамъ, начинаютъ ее или тяжелою прозою, или стихотворствомъ безъ поэзіи. Истинная поэзія только тогда проявляется въ письменномъ словѣ, когда оно перестанетъ быть отголоскомъ чужой литературы и заговоритъ въ духѣ собственнаго народа.

Старинныя украинскія училища, сколько ихъ ни размножилось въ подражаніе Кіево-Братской школѣ, не дали обществу ни одного поэта. Причиною тому было пренебреженіе основателей этихъ училищъ къ языку, которымъ говорила наибольшая, если не вся, масса населенія украинскаго. Ни Исаія Купинскій, ни Петръ Могила не могли, по своему собственному воспитанію, постигнуть, что основаній краснорѣчія надобно искать въ языкѣ народа, который они желали просвѣтить, и въ его изустной поэзіи. Всѣ современные имъ и послѣдовавшіе за ними ученые Украинцы старались не о томъ, чтобы народный языкъ возвысить до выраженія высокихъ понятій о Богѣ и человѣкѣ, заключенныхъ въ Библии, а о томъ, чтобы церковно-славянскій языкъ Библии, усвоенный церковною іерархіею, вселить въ народъ, посредствомъ богослуженія, проповѣ-

(1) Изслѣдованіе о Климентіѣ, украинскомъ стихотворцѣ временъ гетмана Мазепы, было напечатано въ 5-мъ томѣ *Русской Бесѣды* 1859 года. Здѣсь оно предлагается съ значительными дополненіями, какъ начало обширнаго критико-историческаго изслѣдованія, предназначеннаго для *Осмогъ*.

ди и наконецъ школьной науки. А такъ какъ основатели украинскихъ училищъ воспитывались или въ польскихъ школахъ, или посредствомъ польскихъ книгъ, то въ учебный языкъ свой подмѣшали они польскихъ словъ и оборотовъ. Образцами стихотворства сдѣлались для нихъ силлабическія вирши польскихъ поэтовъ, столь убогія въ сравненіи съ гармоническими народными пѣснями украинскими. И такимъ образомъ, повернувъ своихъ питомцевъ спиной къ народу и его рѣчи, а лицомъ къ тому, что написано на чуждыхъ украинскому слуху языкахъ, учили ихъ схоластики всякой книжной премудрости, выдѣлывали изъ нихъ свое подобіе, распространили его по всей Украинѣ во множествѣ болѣе или менѣе крѣпкоголовыхъ образцовъ, но не произвели ни одного поэта. Поэзія чуждалась школъ и жила, мимо ихъ вѣдома, въ неграмотномъ народѣ. Самая поэтическая личность, пройдя чрезъ умственную пытку, которой подверглася въ тогдашнихъ школахъ человѣкъ, теряла способность выражаться поэтической рѣчью и, возвращаясь въ народъ, дѣлалась ему чуждою. Печальный примѣръ такого пересозданія видимъ мы даже въ позднѣйшее время на Сковородѣ, который, воспитавшись на иныхъ началахъ, могъ бы быть великимъ двигателемъ духовнаго развитія Украинскаго народа. Но Сковорода не былъ, Сковорода не могъ быть единственною жертвою тупой школьной науки стараго времени. По милости ея, много свѣтлыхъ именъ исчезло для насъ безъ слѣда, много высокихъ поэтическихъ талантовъ погребено въ рукописныхъ и печатныхъ фолиантахъ схоластической бесплодной работы. Предшествовавшія намъ поколѣнія Украинцевъ равнодушно истребляли эти фолианты на домашнія потребности, или разбрасывали, какъ негодный хламъ, по амбарамъ и чердакамъ. Въ просвѣщенномъ негодованіи, мы называемъ ихъ варварами, которые не умѣли дорожить былою жизнію и дѣятельностью предковъ; но когда глубже вникнемъ въ это по-видимому возмутительное явленіе, то увидимъ въ немъ безмолвный приговоръ, произносимый временемъ надъ заблужденіями человѣческими. Будь эти фолианты писаны такъ, чтобъ отъ нихъ трепетало живое сердце, — не охладѣли бы дѣти къ тому, чѣмъ дорожили отцы, и цѣнили бы внуки наследіе послѣ дѣдовъ. Будь эти фолианты — слово жизни, а не мудреное хитросплетеніе рѣчи, убивающее всякое свободное любопытство, — они бы сдѣлались источникомъ свѣта для грамотныхъ людей, и тогда, послѣ просвѣщенныхъ родителей, не были бы равнодушны къ ихъ премудрости наследники ихъ книгъ. Намъ не жаль истребленія цѣлыхъ рукописныхъ библіотекъ, накопленныхъ кіевскими академистами, черниговскими и другими семинаристами; намъ жаль, что столько ум-

ственныхъ силъ и столько времени потрачено на труды, недостойныя вниманія потомства и чуждые потребностямъ его жизни. Конечно, изъ нашихъ старинныхъ школъ распространились въ высшемъ сословіи кой-какія философскія понятія и научные факты, — распространились и вошли въ капиталъ современнаго просвѣщенія Россіи, вмѣстѣ съ тѣмъ, что привлечено въ нее изъ Западной Европы черезъ Петербургъ; но по предмету словесности, составляющей душу всякаго просвѣщенія, эти школы сдѣлали, можетъ быть, больше вреда, нежели пользы. Они подавляли живое слово народа и врожденный народу даръ поэтическаго творчества, давая своимъ воспитанникамъ ложный взглядъ на высокое и низкое въ содержаніи и формѣ поэтическихъ произведеній. Это можно видѣть на всѣхъ доселѣ напечатанныхъ схоластическихъ виршахъ, начиная отъ панегириковъ Конашевичу-Сагайдачному и Петру Могила, — этихъ безцвѣтныхъ и безобразныхъ словозвѣтій, въ которыхъ не замѣтно и отдаленнаго родства съ современными имъ произведеніями народной музыки, дышащихъ вѣчною свѣжестью поэтическихъ красокъ и преисполненныхъ самой оригинальной и живой образности. Позднѣйшія стихотворныя сочиненія архимандритовъ и архіереевъ, законодательствовавшихъ въ свое время литературнымъ вкусомъ съ кафедръ Кіевской академіи, не исключая и виршъ самаго талантливаго изъ нихъ, Георгія Конискаго, такъ же мертвенны въ риторическомъ своемъ убранствѣ, какъ и хвалебныя гимны могилинскихъ семинаристовъ. Они до того удалены отъ народнаго языка и интересовъ насущной жизни народа, что не заслуживаютъ названія даже первыхъ опытовъ украинской словесности. Ихъ ожидаетъ судьба, постигшая средневѣковую латынь въ стихахъ и прозѣ, — равнодушное и полное забвеніе.

Что-то похожее на попытку вывести поэзію изъ-подъ академическихъ сводовъ на открытый просторъ, въ живой народъ, представляетъ покаместъ одинъ *Климентій Эльковіевъ сынъ*, іеромонахъ временъ Мазепы, въ своей рукописи, открытой, покойнымъ А. В. Шишацкимъ-Иллчемъ, украинскимъ стихотворцемъ нашего времени, Климентій, какъ видно, не доучился современной премудрости до конца: въ стихахъ своихъ онъ извиняется передъ «благоразумными» читателями, и «особливо передъ виршописами» въ томъ, что не въ каждомъ стихѣ соблюлъ равное количество «свлябъ» и разорвалъ кое-гдѣ цезуру, а въ другомъ мѣстѣ сознается, что мало смыслилъ въ ирмолоѣ, а партесовъ совѣтъ не знаетъ. Не былъ онъ однимъ изъ тѣхъ счастливицевъ, которымъ, по выпускѣ изъ школы, все идетъ какъ по маслу, которые дивятъ общество своими образованными способностями и становятся его авторитетами и куми-

рама. Онъ пишетъ, что претерпѣвалъ много скорбей, не имѣлъ постояннаго спокойнаго жилища, писалъ свою книгу въ разныхъ мѣстахъ, и писалъ единственно для утоленія своей печали, «будучи въ гоненіи». Всѣ эти данныя объясняютъ, какъ содержаніе стихотвореній его, такъ и нѣкоторое сближеніе въ нихъ автора съ народомъ, на перекоръ схоластикѣ. Въ рукописи его, состоящей изъ 321-й четвертушки обыкновенной писчей бумаги, не достаетъ трехъ листковъ въ началѣ, многихъ листковъ въ срединѣ и, Богъ знаетъ сколько въ концѣ. Писана она красивымъ, для своего времени, почеркомъ, близкимъ къ полууставу и греческому начертанію буквъ, со словотитлами и сокращеніями. Начинается она философическими разсужденіями о правдѣ, о болѣзняхъ, о вѣтрѣ, объ огнѣ, о Божіемъ долготерпѣніи, объ именахъ Божіихъ, о смерти, и т. п. Въ стихотвореніяхъ на эти темы, авторъ платитъ безусловную дань своему воспитанію и времени. Очевидно, они писаны для чтенія въ кругу монастырскомъ. Но іеромонахъ Климентій много странствовалъ по свѣту, видалъ всякіе виды, и сталкивался со всякаго рода людьми. Не переставая быть философомъ-догматикомъ, онъ вводитъ въ свои вирши нѣкоторыя подробности изъ явленій повседневности и часто судитъ судомъ толпы, среди которой онъ вращался. Строгихъ убѣжденій у него нѣтъ. Понятія о добрѣ и злѣ у него относительныя. Иногда онъ бываетъ не въ мѣру строгъ, иногда не въ мѣру снисходителенъ въ своихъ сужденіяхъ, смотря по тому, подъ какими вліяніями писалъ, и часто самъ себя противорѣчитъ, оправдывая то, что прежде порицалъ. Вообще, онъ—ноклонникъ высшаго, господствующаго сословія, противъ котораго не смѣетъ сдѣлать, въ стихахъ своихъ, никакого прямого замѣчанія; если же говоритъ объ общемъ порокѣ всѣхъ сословій, то или умалчиваетъ о высшемъ, или даже выгораживаетъ его и извиняетъ въ немъ то, что въ другихъ осуждаетъ немилосердо. Этимъ объясняется тогдашнее положеніе странствующаго монаха: всякій протестъ его противъ злоупотребленій гетмана и пановъ украинскихъ грозилъ ему серьезною опасностью. Властвовалъ тогда въ Украинѣ не умъ, властвовали сила и богатство. Исторія описывала тогда дѣянія правителей и полководцевъ; поэзія восхваляла ихъ доблести, или услаждала слухъ сильныхъ міра сего приатными для нихъ вымыслами; сатира осмѣливалась касаться только людей безответныхъ. Поэтому-то мы находимъ въ книгѣ іеромонаха Климента слѣдующую сатиру на простолудииновъ, въ которой онъ неумышленно выставилъ злоупотребленія землевладѣльцевъ, оправдывая ихъ насилія.

О идучихъ на слободы людѣхъ (¹).

Кто кбавекъ собѣ ѣщеть на житло слободы:
 мало входять змежъ такіхъ великою бѣды.
 Бо готовые хаты идучіи покидають:
 а прышедши на слободу готовыхъ немають.
 А що найгоршей часомъ худобы забырають:
 и тылко що зъ дүшами живыхъ оставляють.
 Уже жъ тогда где зхочеть то скочить хочъ к лѣсу:
 и голый уже наветь хочъ к самому бѣсу.
 Пожытчная ему судылась слобода:
 довбляная пустыня и ліка и вода.
 На що любо зволится (:) хочъ утопїтися:
 а ежели захочеть (,) вблно и двавїтися.
 Отожъ мѣшь за свое теперъ дурный мужыче:
 а бывший на своего пана бунтовниче.
 Не хотѣлесь панови послушенство отдавать.
 и въ цѣлости зъ всѣмъ своимъ въ единомъ мѣсцу пробовать.
 Гїянь же теперъ за свое злое непокорство:
 и за упрямую твою гордость и упорство.
 I добре тые чїнать, що прочанъ обдырають:
 Богъ ихъ простить, за тое згола грѣха не мають.
 I не тылко потреба бѣ такіхъ обдырати:
 але и з самїими душами разлучати.
 Поневажъ не хотѣвъ пудъ кимъ бувъ чинїть повїнность
 обдерї и хочъ забий за тую учинность.
 Богъ за бунтовника якъ мовять неповѣситъ:
 але и нагородою еще потѣшитъ.
 Кгдажъ учинивъ своему пану пакость мнбгу:
 нетылко пану и самому Богу.
 Якъ ся мѣвъ то мѣвъ треба было бѣ претерпїти:
 а за терпенїе спасенїе могъ бы мїти.
 Зачимъ вы панове такихъ не вѣжтєсь щадѣти:
 втѣкаючихъ прочъ самыхъ дерѣть, бѣть и берѣть дѣти.
 I огнїудъ милости такимъ не показуйте:
 але совершенно такъ таковымъ справуйте.

Это стихотвореніе даетъ самое грустное понятїе о состоянїи тогдаш-
 наго населенїя нашей Украины. Въ числѣ пановъ разумѣются и козакки-
 землевладѣльцы, ибо козакъ былъ тогда не простой человекъ, какъ это
 свидѣтельствуетъ и Климентїй, противопоставляя вездѣ козакамъ не-ко-
 заковъ-поселянъ, какъ *простыхъ людей*. Вмѣсто закона, господствова-
 ли обычаи, установленные правомъ сиднаго. Возмутившіеся противъ зем-
 левладѣльца вольный *подсосьдокъ* считался *бунтовникомъ*. У него от-

(¹) Сохраняю, по возможности, правописанїе подлинника.

бирали всю *худобу* и выпускали голаго, только съ душою. Но, видно, хорошо было жить у пановъ въ подсосѣдкахъ, если человекъ бросалъ все и уходилъ на пустыя земли, на слободу ⁽¹⁾! Эти такъ называемые вольные переходы, какъ видимъ, сопровождались, со стороны оставляемыхъ пановъ, грабежомъ, побоями и даже отнятіемъ дѣтей у родителей. И тѣмъ безнадежнѣе было положеніе чернорабочаго, неграмотнаго народа, что у грамотѣевъ не было къ нимъ никакого состраданія. Грамотѣи были не шутя увѣрены, что паны созданы для того, чтобъ пановать, а мужикъ — для того, чтобы терпѣть. Посмотрите, какую перспективу показываетъ стихотворецъ угнетенному подсосѣдкѣ панскому: »Какъ ты ни живъ, а все живъ; надо было до конца претерпѣть, а за то могъ бы ты получить спасеніе.« Утѣшительная будущность, нечего сказать! Но, еслибъ несчастный и рѣшился, ради спасенія души, терпѣть безропотно притѣсненія со стороны землевладѣльца, то тотъ же самый философъ осудилъ бы его на вѣчныя мученія за множество другихъ поступковъ, которые онъ, въ своихъ стихахъ, объявляетъ страшными грѣхами. Поэтому хорошо дѣлали неграмотные поселяне, не слушаясь его совѣтовъ. Хорошо дѣлали и всѣ, кто оставлялъ безъ вниманія философію, высжиживаемую въ бурсахъ. Она была чужда народнаго смысла и годилась только для тѣхъ, кто ее проповѣдывалъ. Но могъ ли сдѣлаться народнымъ поэтомъ человекъ съ такими дикими понятіями о добрѣ и злѣ, какъ авторъ философскихъ виршъ, и что удивительнаго, если творенія подобныхъ ему мудрецовъ не произвели на народъ никакого впечатлѣнія? Народная поэзія никогда не оправдываетъ беззаконія, никогда не льститъ низкимъ страстямъ сльзнаго, никогда не

(1) Теплоу, въ своей запискѣ о внутреннемъ состояніи украинскаго населенія при Разумовскомъ (*Записки о Южной Руси*, т. II), приписываетъ охоту подсосѣдковъ къ перемѣнѣ мѣста врожденной любви ихъ къ праздности. По духу вѣка, онъ не могъ входить симпатично въ положеніе подсосѣдка, но говоря о грабежахъ со стороны пановъ и о томъ, что »сильные кредитомъ въ націи помѣщики, заманивши единажды на свою землю мужика, много и иныхъ способовъ имѣютъ не выпустить его переселиться къ другому«, самъ указываетъ, къ чему были способны паны, относительно своихъ подсосѣдковъ, если только жажда къ стяжанію подстрекала ихъ на принужденіе мужика къ работѣ. Естественно, человекъ, сознавая себя неключимымъ рабомъ другого человека, пользовался всѣми возможными средствами уйти отъ порабощенія. Теплоу говоритъ, что мужики »по большей части не заводятъ у себя никакого домоводства, дабы удобнѣе было съ мѣста на мѣсто подвигаться.« Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ также *противъ* тогдашнихъ нравовъ. Вольные хлѣбопашцы, которымъ открытъ путь на всѣ четыре стороны, не живутъ цыганскою живзнію и гнушаются ею.

ругается надъ несчастіями и страданіями. Народная муза полна разума и милосердія, и только тотъ способенъ увлекать словомъ своихъ народъ, въ полномъ его составѣ, кто совмѣститъ въ себѣ эти два нераздѣльные условія. Украинскія бурсы никогда не были разсадниками ни истиннаго разума, ни истиннаго милосердія, взаимно другъ отъ друга зависящихъ, и потому не могли провозвести ни одного поэта. Еслибы Климентій усвоилъ себѣ всѣ преимущества тогдашняго воспитанія, онъ не былъ бы поэтомъ и на столько, на сколько является въ своей книгѣ: онъ не пошелъ бы дальше обычныхъ въ тогдашнее время сочиненій. Еслибы онъ угнѣздился спокойно на одномъ мѣстѣ и повелъ свои дѣла не хуже прочихъ, — онъ бы не ушествовалъ лукаво о томъ, что не относится къ нему непосредственно, и не сохранилъ бы для насъ, вовсе безъ умысла, многихъ чертъ несчастной старины нашей. Онъ написалъ бы, а, можетъ быть, и напечаталъ бы, такія книги, изъ которыхъ потомокъ ровно ничего не вычитаетъ насущнаго, объ которыхъ притупится самое острое вниманіе и которыя способны внушить отвращеніе къ умственной работѣ самому настойчивому труженику. Его сочиненія сдѣлались бы достояніемъ тѣхъ, которые грызутъ и перегрызаютъ, точно крысы, книгу за книгою и, переставъ быть людьми, сами дѣлаются ходячими книгами.

Климентію, Зѣновіеву сыну, кто бы онъ ни былъ, много помогла въ его сочиненіи неровность его характера, которая, какъ видно изъ разныхъ мѣстъ его рукописи, помѣшала ему испить до дна чашу современной семинарской науки и, по всей вѣроятности, выбросила его рано изъ схоластической машины въ беспорядочный, полный страстныхъ увлеченій, несхоластическій міръ. Онъ упоминаетъ мимоходомъ, что бывалъ на Волынѣ и въ разныхъ городахъ Земли Кіевской. Онъ часто сравниваетъ Литву съ Украиною. Онъ говоритъ о разныхъ промыслахъ и ремеслахъ съ подробностями, которыя свидѣтельствуютъ, что онъ наблюдалъ ихъ не издали, а, можетъ быть, и непосредственно въ нихъ участвовалъ. Корчмы, шинки и все, что въ нихъ случается, онъ изображаетъ не общими мѣстами, какъ обыкновенно дѣлаютъ удаленные отъ дѣйствительности проповѣдники. О приходскихъ школахъ, о школярахъ и ихъ продѣлкахъ онъ говоритъ съ такой же опредѣлительностію, какъ и о монастырской кельѣ. Суиружескія отношенія слишкомъ хорошо ему извѣстны для отшельника, и, судя по ожесточенію, съ которымъ онъ нападаетъ на непокорность и тайныя шамни женъ, надобно предположить, что супружеская жизнь закома ему не по слухамъ. Всего вѣроятнѣе, что онъ вышелъ изъ семинаріи въ дьячки, въ діаконъ, а пожалуй и въ попы, по-

тожь овдовѣлъ и, не зная, что съ собой дѣлать, пошелъ въ монастырь. Это подтверждаютъ его позднія сѣтованія на свое одиночество, и вольнодумство на счетъ поповскаго не-двоеженства. Монастырская жизнь не удовлетворила его. Онъ шлялся по міру, подъ предлогомъ испрошенія пожертвованій; не рѣдко увязалъ въ корчмахъ и шинкахъ, потомъ каялся въ своемъ нечестіи, возвращался въ монастырь и писалъ стихотворныя филиппики противъ недостойныхъ иноковъ. Но раздоръ съ монахами, на который онъ часто жалуется, прогонялъ его въ другую обитель, а мірскія привычки и очевидная неустойчивость характера заставляли его скорбѣть въ уединеніи, смотрѣть на исправительныя мѣры со стороны старшей братіи, какъ на гоненія, и безпрестанно мѣнять одно мѣстопробываніе на другое.

Таковъ мой выводъ изъ его книги, чуждой какой бы то ни было вѣшной и внутренней системы, — книги, писанной, какъ онъ самъ говоритъ, *перѣскакомъ*, наполненной общими религиозными мѣстами и вмѣстѣ кошунствомъ, строгими правилами нравственности и потачками самымъ циническимъ порокамъ, философскими попытками возвести явленія современной жизни къ идеѣ истины и грубѣйшими противорѣчіями христіанскому ученію. Такъ какъ она существуетъ въ единственномъ экземплярѣ, то я дѣлаю изъ нея извлеченія въ порядкѣ представленныхъ мною замѣчаній, чтобы подтвердить ихъ словами самого автора и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность другимъ судить о Климентіѣ, какъ о первомъ украинскомъ стихотворцѣ. Считаю необходимымъ измѣнить его правописаніе сообразно произношенію украинскому. Образцомъ служила Климентію орфографія церковныхъ книгъ, которыя читались и до сихъ поръ читаются неперереученными Украинцами по законамъ народной фонетики. (Напримѣръ. слова *свѣта отъ свѣта* Украинецъ читаетъ: *світа одъ світа.*) На этомъ-то основаніи я ввожу въ стихи Климентія собственное украинское правописаніе, (какъ и въ другихъ изданныхъ мною книгахъ). Мѣста, въ которыхъ онъ впадаетъ въ церковно-славянизмы и полонизмы, оставляю безъ перемѣны, какъ напримѣръ окончаніе *лъ* вмѣсто *въ*, которое онъ также иногда употребляетъ, но, очевидно, по привычкѣ говорить не тѣмъ языкомъ, которымъ писалъ.

О должникѣхъ, што кому́ должны, або тежъ винень.

Не дай, Боже, позичать, алé дай своё мать,

бо мовять: Душно, якъ два прѣвять, третью нічого дати!

Добрó такому чегó-кóльвекъ позичати,

котрый мóжетъ въ прѣдумъ часі и отдати,

А винному двойка часомъ скорбь биваетъ,
 гди презъ назначенний часъ вдвѣ отдаваетъ;
 Же то есть такія речъ пудъ часъ меновите:
 должний на себѣ облікъ (¹) дасть отдать совите (*).
 И виділемъ на свѣті тоѣ въ своѣмъ віку,
 же презъ прѣшлий термінъ далъ вдвѣ чоловіку,
 И суженно на суді, би тоѣ стало такъ.
 На Волиню единъ ся ошукалъ неборакъ,
 Бо мовилъ: »Когдѣ въ той часъ зуповно не отдамъ,
 хочъ единъ день похйблю, мовить, вдвѣ отдамъ.«
 Также ему бідному за нещастямъ стало,
 же другой половици даремне не стало.
 Присудилъ Ляхъ, жебъ Жиду Русинъ отдалъ вдвѣ,
 и мусилъ (²) старатися бідний біло о тоѣ.
 Хто жъ, чи судія томъ виненъ, чи самъ винний: —
 Не вимъ; подобно, ббльшей ошукался винний:
 На що біло въ облиці такъ ся обцати,
 же презъ реченець бѣду вдвѣ отдавати?
 И то не готовизну далъ, тилько всю худобу
 въ сту талярѣхъ, ажъ протѣ збулъ свою оздобу (³),
 Же много изъ жалости хорилъ для фрасунку (⁴),
 потомъ сталъ пить и умеръ зъ хмелѣвого трѣнку.
 А жонѣ, при злой нѣндзі (⁵), пошла запрядати,
 а діти свої Жидамъ почала наймати.
 Прѣто (⁶) не дай намъ, Бжже, въ долги упадати,
 алѣ и должнимъ дай вскорі свобождати.

Волинь тогда находилась въ предѣлахъ Польскаго королевства. Ляхъ, Жидъ и Русинъ играютъ на Волини, въ стихахъ Климентія, тѣ самыя роли, что и въ народныхъ преданіяхъ. Но когда онъ описываетъ свою Украинну, то не упоминаетъ о Евреяхъ вовсе. Даже шинки и заѣздныя дворы находились тогда въ рукахъ Украинцевъ. Истребленіе и изгнаніе Евреевъ, во время польско-козацкихъ войнъ, дало иной видъ Украиннѣ лѣваго берега Диѣпра. Побережье правой его стороны, кромѣ окрестностей Кіева, кромѣ Канова, Черкасъ и Чигирина, лежало тогда безлюдною пустынею, и потому Евреямъ не было доступу къ козацкой Украиннѣ (⁸). Они начали вкореняться здѣсь только въ царствованіе Ека-

(¹) Обязательство. — (²) Съ лихвою. — (³) Слово *мусити* Климентій пишетъ почти всегда чрезъ *ль*, котораго звукъ въ украинскомъ выговорѣ соответствуетъ моему *і*. — (⁴) Красоту. — (⁵) Горести. — (⁶) Нуждѣ, бѣдности. — (⁷) По тому-то.

(⁸) Самое слово *аренда* было ненавистно гетманскимъ Украинцамъ, какъ это видно изъ «мятвѣнїя Мазепы объ уничтоженіи въ Малороссіи аренды», посланнаго въ Москву въ 1692 году, въ отвѣтъ на указъ царскій, въ которомъ сказано, что, по случаю аренды, устроенной въ малороссійскихъ городахъ, в маетностей, давныхъ разнымъ особамъ, «происходятъ межъ народомъ по-

терины II, когда, съ одной стороны, паденіе козачества, какъ господствующаго (вмѣстѣ съ своею старшиною) сословія, а съ другой — соединеніе обѣихъ приднѣпровскихъ частей Южной Руся, дали этому промышленному народу возможность насѣсть на украинскіе города и прибрать мало-помалу къ своимъ рукамъ бѣльшую часть капиталовъ, находившихся въ оборотѣ. Въ одномъ только стихотвореніи говоритъ Климентій о Евреяхъ, но не обозначаетъ мѣста, которое они занимали тогда въ Гетманщинѣ, и такъ-какъ умалчиваетъ о нихъ въ описаніяхъ шинковъ, рынковъ и торговыхъ людей, то надобно полагать, что это стихотвореніе относится къ Польской Украинѣ.

О Цыганахъ и о Жидѣяхъ.

Цыгане да Жиды едни еднимъ равни,
 понэважъ (¹) вельми тие люде есть злонравни,
 Бо въ нихъ только есть правди, якъ въ шелягу сребра...
 бодай имъ безпрестанно каті крушіли рѣбра!
 Же збитѣчнее (²) людіямъ чынять ошуканства,
 где-кѣльвекъ (³) прихавши до якого пѣнства,
 А землі своєї згѣла (⁴) нигдѣ собі не мають,
 тілько, не мѣвачи, якъ Цыгане пробувають,
 Тако жъ тулятса и Жиды по всемъ світу
 абі-гдѣ въ акіхъ зѣмляхъ и въ котромъ повіту.
 А прѣсяжъ (⁵) где есть Жиды — свої двори мають,
 а Цыгане где день, где ночь по світу туляють.
 Якъ не міють домѣвъ, щобъ и щастя не мали,
 а наостатокъ жеби и дѣбли ихъ побрали!
 И дай, Господи, абі тѣе такъ ся імъ стѣло,
 ижъ би на віки тоѣй нечистоті не стѣло!

Эти послѣдніе стихи дышуть фанатическимъ духомъ нетерпимости, столь общимъ тогдашней Украинѣ, еще непозабывшей кровавой борьбы съ иновѣрцами. Но Климентій одинаково строгъ и безпощаденъ ко всему, что противно его понятіямъ о добрѣ и злѣ. Онъ смягчается только передъ людьми знатными и богатыми, да передъ музыкантами и хмѣльными-

сполитымъ вошь и пререканія, а особливо отъ Запорожцовъ произносятся голоса, къ шатости склонные.» — Мазепа, въ своемъ мнѣніи, говоритъ: «Та аренда здѣсь въ Малороссійскихъ городахъ не такъ налогами своимъ народу есть тяжелоносна, какъ самымъ именемъ изъ давныхъ временъ (части для того, что при Польской державѣ Жиды оною владѣли и многіе вымышленные отягощенія чинивали) есть досадна и полна безчестія и хулы.» (*Чтенія*, изд. Бодянскимъ, 1859, кн. I, отд. II, стр. 5—6).

(¹) Понеже. — (²) Чрезвычайные. — (³) Куда-нибудь. — (⁴) Все.

(⁵) Однакожъ, при всемъ томъ.

ми напитками, которые хвалить безусловно. Впрочемъ, хвала музыку вообще, не любить козы или волюнки и нападетъ на дударей, какъ на людей богопротивныхъ. Еще сильнѣе вооружается онъ противъ *воду въ емно люющихъ и особъ наклѣны творящихъ пюющихъ*. Это впрочемъ понятно. Но не понимаемъ его гоненія на курителей и нюхателей табаку. Развѣ за то онъ ихъ преслѣдовалъ, что нѣкоторые шинкари въ *юрілку, въ судна табакъ вовергають*. Это — фактъ интересный (1). У него есть цѣлое стихотвореніе о табакѣ.

О табаци и о уживающихъ ея.

Злая влодилася речъ и всюди есть явна,
 же рѣзний людъ заживаеъ табаку здавна;
 А бѣзій въ Литви тое вѣлми недобре,
 бо жѣни и діти ихъ заживають добре.
 И тутъ такіхъ есть много, же ея вживають;
 тѣе нѣздрами пахають, а твое втагають,
 И, хто тогѣ навчѣвся, и люлькою тягнутъ.
 Потреба бѣ доконѣчно одѣ тогѣ повстягнутъ,
 Бо въ немъ часть пекельного діму обрѣтаеъ,
 и хто тѣгнетъ, то изъ устѣ тогѣ смрадъ изхождаеъ.
 И хочъ и власті тѣгнутъ, еднакъ не обель (2) то чѣстно;
 а нюхати наипаче брѣдко и безчѣстно,
 Кгдижъ, тѣнучи димъ, прочъ вопъ изъ устѣ випуцаеъ,
 а нюхаючи паче себѣ осквернаеъ:
 Же въ нѣздахъ та нечѣстость ему остаеъся,
 съ чегѣ часомъ и нѣмоць лютая стаеъся;
 Бо мозгъ въ головѣ егѣ табака зсушаеъ,
 же власне (3) якъ швецъ дубомъ шкурѣ переспнаеъ.
 И не слышитъ табачникъ збѣтний ухаїня,
 а ні смраду, тежъ благоуханія.
 Такѣму и священства особѣ возбраняють,
 и святѣти не всюда такіхъ позволяють;
 Бо, хто нѣсомъ не чѣуетъ, не цѣль пробуаеъ,
 власне составу собѣ якогѣ не маеъ.

(1) Котляревскій упоминаетъ также о *тютюнковой юрілкѣ*, въ описаніи каррикатурнаго рая:

Сидѣли, рѣки поскладавши,
 Для нихъ все праздникі буай,
 Люлькі курїли полагавши,
 Абѣ горілочку пилї, —
 Не тютюнкѣву и не пінну,
 Но третѣпрѣбну черегінну...

(Енеида, изд. 1808, стр. 138).

(2) Совсѣмъ. — (3) Словно.

А священство мѣтъ той обѣчай отъ вѣка,
 же трѣбуеть цілого на то человека.
 Есть же и такіе, що ѣные и дѣятъ,
 и тѣе пѣче Бѣгу и святѣмъ всѣмъ брѣдѣятъ.
 А ѣныѣ въ горѣлку въ сѣдна вовергають.
 и, на погѣбель собѣ, людеѣ оскверѣяють.
 Такѣхъ бѣ годѣло бѣ ся не тѣлько кѣемъ бѣтъ,
 алѣ ѣного хочѣ бѣ и пѣзъ свѣта згубѣтъ.
 Особно жѣ ѣныѣ навѣкъ бардакомъ⁽¹⁾ тягнѣти,
 презѣ котѣрый не едному пришѣло смѣслу збѣти.
 Уныѣ бо бардакомъ такѣ ся затѣяють,
 ажѣ нагле дѣши свои въ той часѣ ѣзвергають
 И самѣхъ себѣ бѣсу офѣру⁽²⁾ давають,
 якъ тѣе, що зѣ горѣлки пѣяныѣ вмирають.
 Тѣмъ оббѣмъ пекѣльна бѣдетѣ нагорѣда:
 отѣметѣ бо ся отѣ нихъ отѣ негѣ свобѣда.
 Намъ же по-хрѣстѣянскѣй дай, Хрѣстѣ, умираѣтъ
 и, позбѣвши всѣхъ грѣхѣвъ, нѣбо наслѣдоваѣтъ.

Табакъ, ввергаемый въ сосуды съ горѣлкой, возбуждалъ тѣмъ сильнѣйшее негодование въ Климентѣ, что ему было извѣстно, по опыту, другое злоупотребленіе, противоположное, по смыслу своему, этой коварной заправѣ, именно — подмѣсъ воды въ горѣлку. Изъ его стихотворенія по этому случаю мы выводимъ печальное заключеніе, что Евреи, удалясь изъ нашей Украины, оставили въ ней своихъ преемниковъ между хрѣстѣянами, которые не уступали имъ въ фальшивой продажѣ вина⁽³⁾. Какъ бы ни была совершенна сама по себѣ религія, которую исповѣдываетъ человекъ, она не спасаетъ его отъ низостей, если въ его нравы и обычаи не проникнула религіозность путемъ разумной проповѣди. Деспотизмъ гетманскаго правленія во времена Мазепы подавлялъ свободный протестъ противъ чиновныхъ покровителей неправды; вѣроученіе ограничивалось догматикою и утомяло слухъ мірянъ общими риторическими мѣстами. Духовные витѣи грозили черни адскими муками, пируя вмѣстѣ съ вельможными особами, потакая ихъ неправеднымъ стяжаніямъ и вообще оставляя ихъ совѣсть въ покоѣ. Мазепа строилъ храмы за храмами, и въ то же время предавался необузданности страстей сво-

(1) Табакомъ. — (2) Жертву.

(3) Мазепа, въ 1692 году, писалъ въ своемъ универсалѣ: »Да и за то не меньше намъ приходитъ негодование на старшину, что и того не досматриваютъ, дабы въ арендахъ подмѣшеное и мѣрою умаленное не продавано было вино, которымъ образомъ нѣкоторые шинкари или шинкарки дерзаютъ безбоязненной въ черни чинить обманъ«, и пр. (*Чтенія*, изд. Бодякинскімъ, 1839, кн. I, отд. II, стр. 9).

ихъ. Все въ Украинѣ шло на основаніи права сильного, и только путемъ хитрости и низкопоклонства можно было талантливому челоуѣку пробратся къ высшимъ должностямъ, чему живымъ примѣромъ былъ самъ гетманъ, добравшійся до булавы угодничествомъ, коварствомъ и подкупомъ. Не мудрено, что въ его правленіе Климентій набрелъ на слѣдующую тему для стихотворства:

О купцѣхъ и о продавцѣхъ фальшивихъ и о продающихъ вино и воду въ вино (сирічь въ горілку) люющихъ и о особѣ наклѣпи творящихъ піюцимъ для душегубнихъ имъ прибитковъ.

Отъ вамъ тремъ персонѣмъ тѣе са звѣщаеть,
же за тѣе васъ всіхъ гнівъ Божій ожидаеть,
Понѣважъ то у вино воду мішаєте
и Богу крѣпко, крѣпко тимъ согрѣшаєте. (¹)

Климентій, въ качествѣ моралиста, считалъ долгомъ своимъ проповѣдывать воздержаніе отъ хмѣльныхъ напитковъ, такъ какъ съ неосторожно выпившими случаются разныя непріятности, но пьяницъ вообще увѣщавааетъ онъ снисходительно, а въ слѣдующемъ стихотвореніи сознается, что и самъ не былъ врагомъ Бахуса.

О крылошанахъ, збитне (²) трюнокъ горільчаний заживающихъ и на ўтреняхъ въ церквѣхъ небивающихъ.

Не дивно есть горілку крылошаномъ не въ часъ пїти,
алѣ найдивнїишъ въ цѣркві утрѣні не пропустїти.
Бо за слѣужбу Божїю не такъ старшїи карають,
а за непрїтѣмность ўтреннюю не пропуцають.
Кгда жъ ўтреню подвигомъ великимъ називають,
а за литургїю, любь большъ важнїиша, пробачають.
Въ часъ слѣужби Божой не всякъ челоуїкъ можетъ спѣти,
а до ўтрѣні, хочъ звонъ чѣуетъ, не хочетъ встѣти.
Зачїмъ ўтреннїи подвигъ на свѣтї есть дивнїишїи,
а до слѣужби Божой южъ не тако чуднїишїи.
А такъ, братїе, до ўтрень ся спїшимо,
хочъ часомъ, ложѣся спѣти, и горілки напїмо.,
Бо трюнкѣвимъ людамъ трѣдно и не выпивѣти,
жебї на гѣлосъ и на весѣлосъ здобувѣти.
И прибѣдетъ охѣти до всего: писѣць сей самъ знаеть,
и жъ то таковїи обїчай и собї маеть.
И дай, Бѣже, помїрно кождїмъ заживѣти,
да не бѣдутъ тебї и людамъ преступѣти.

(¹) Въ рукописи не достаеть въ этомъ мѣстѣ четырехъ листковъ.

(²) Неумѣренно.

Еслибъ Климентій доучился до конца въ семинаріи, или принадлежалъ къ старшимъ монахамъ, онъ бы, въ своихъ поучительныхъ стихахъ, строго держался общиимъ выраженій, сквозь которыя столь слабо пробивается дѣйствительность. Но тутъ онъ выражаетъ не искусственный, а натуральный взглядъ на свое званіе и на свое дѣло. Такъ разумѣли себя и свое ремесло многіе, если не всѣ его собратья, по тогдашнему состоянію вѣроученія, основаннаго на одной формѣ. Онъ простодушно называетъ классъ людей, къ которому принадлежить, *трунковыми людьми*. По его мнѣнію, иначе и быть не возможно въ положеніи крылошанина. Подвигъ у него означаетъ не болѣе, какъ буквальное выполненіе дѣла, которое не имѣетъ, по его мнѣнію, никакой связи съ трезвою и благочестивою жизнію. Въ другомъ стихотвореніи онъ описываетъ приходскихъ причетниковъ, бросая тотъ же тупой и, можно сказать, хмѣльной взглядъ на ихъ дѣло. Исчисливъ трудности причетническаго дѣла при церкви, онъ говоритъ: —

И треба всімъ жылами добре ся надуваѣть,
жебі гортань моглъ глѣдко и голосно спѣваѣть.
Треба жъ часомъ для сіли чимъ ся и послаѣть,
меновѣте, хочъ не въ часъ, горѣлки ся напѣть,
А за грѣхъ той Бѣгу ся помолѣти,
жебъ онъ пѣвцѣвъ свойхъ (за нѣмоць) рѣчили^(*) простиѣти,

Наконецъ, отложивъ всякое житейское пощеченіе, онъ воспѣлъ просто-напросто вакхическую пѣсню, озаглавивъ ее слѣд:

Вірши похвѣальніе любячимъ пѣво пѣти, или тежъ за еднімъ заходомъ и всякъ трѣнокъ, кому не шкѣдить, або не вѣдитъ.

Котрій, мѣвають, человекъ добре випиваѣтъ,
тѣди такому панъ Богъ на пѣво даваѣтъ.
Хочай-то и такъ праваѣтъ, же пѣво не дѣво,
ѣднакъ добре, гди зтрѣха горло промочѣло:
До людѣй виразнѣйше бѣдетъ глаголѣти,
и въ цѣркѣ на крѣласѣ глѣдшей заспѣвати.
Зачѣмъ, панѣве, собѣ здорѣви буваѣте,
а где ли кольвекъ пивѣ, — добре потагаѣте.
А въ головѣ, здорѣвий, все не перебираѣи,
да вшелѣкий напѣтокъ зарѣвно випиваѣи.
Бо въ жѣрна добрие що вкинь, мѣвають, то змѣле.
похваляй и ти менѣ за то, чѣстний хмѣле!
И сѣрживъ хто любить, — хлѣбъ зъ него уживаѣтъ;
и просѣнинъ, овсѣнинъ — все то кормъ биваѣтъ;

(*) Благоволилъ.

А хто едно щб любить, тогб и держіся, —
 хочь штані заставь, иді у корчмѣ, напися.
 Тільки жь прошу — и штановъ на-вікъ не покидай:
 славія то одѣжа, — найскорійшь викулай.
 А на мене за сей віршъ, прошу, не дивіть,
 да, якъ бѣдете піти, то й мене вспомяніть.

При всей нескладности и тупости своихъ стиховъ, Климентій характеризуетъ современное ему общество уже однимъ личнымъ взглядомъ своимъ на разныя явленія тогданней жизни. Интересно у него описаніе сельскихъ буръ, называвшихся *школами*. Подъ именемъ школяровъ надобно разумѣть здѣсь не вольноприходящихъ учениковъ, а постоянныхъ обитателей школы, такъ называемыхъ *нищунковъ*, то есть безродныхъ и безпріютныхъ сиротъ, поступившихъ, такъ сказать, подъ опеку церкви. Подъ руководствомъ дьячковъ и пономарей, они не рѣдко отправлялись на фуражировку по дворамъ безопасныхъ поселенъ, почему и назывались *курохватами*. Школа была также пріютомъ для такихъ странниковъ, какъ самъ Климентій. Члены прихода видѣли въ ней вѣчто въ родѣ страннопріимнаго дома и вмѣстѣ свободнаго училища при церкви; но испорченные бурсами дьячки и пономари обращали это благочестивое заведеніе въ притонъ праздности, пьянства и мародерства. Климентій, глядя на все это снисходительно, упустилъ изъ виду многія характеристическія черты старинной приходской школы и коснулся только воровства дровъ, да и то для того, чтобъ оправдать школяровъ, — вѣроятно, за ихъ гостепрѣимство.

О школярѣхъ, дрѣва крадущихъ и о школѣ.

Школа — церковный уголь. Такъ ся називаетъ,
 вгднжъ церковнихъ набоженствъ дітѣй научаетъ,
 И що въ церкві правать, то и въ школѣ знайдѣеть,
 а безчїний въ ней жаднихъ вїгди не знайдѣеть.
 Бо мовять: *Школа всякимъ страннимъ домъ есть обольний;*
 алѣ еднакже праве онъ не сволюбольний.
 И причѣтниками тежъ школярѣ ся именѣють,
 поневажъ церкві сватѣй шїре услугѣють.
 А що часомъ вкрадуть дрѣвъ, же не мїють где взять:
 мїщанѣ и селянѣ не хотїть купувать.
 А знаю, жѣ бь темъ діломъ люде не згрїшїли,
 ижъ би когда на якїй возокъ ся зложїли.
 Годїло бь ся церковнимъ слѣгамъ то вчинїти,
 абѣ зь двора готѣвихъ імъ не зборонїти.
 Могло бь милостїнею и тѣе ся назвати,
 а імъ би рачилъ за то Богъ нагорожати.

Приповідь же въ школярѣвъ: *Не крадеъ, алѣ доставѣ.*

А ти, Бѣже, за дрѣва грѣха імъ не поставѣ.

А по козѣцѣй, хочъ вкравъ, то мѣвѣтъ, же добувѣ.

Кѣжди, розумію, козѣкъ о томъ словѣ чувѣ.

А ви, панѣве, за сей вѣршъ не подивѣте,
и кто егѣ написавѣ, и тогѣ простѣте.

Бо едѣнъ бѣднѣй школярѣ, прозванѣнемъ Трѣсца,
где живѣ и где будѣтъ житѣ, не мѣтъ емѣ щѣста.

А хочѣй онѣ, въ свѣтѣ живучѣ, вѣelmi сѣ страждѣетѣ,
только жѣ, бѣднѣй и вѣelmi мизѣрнѣй, свою тѣрбу въ скрѣ-
ню хѣвѣетѣ.

Четыре послѣдніе стиха, приписанные другими чернилами и менѣе старательнымъ почеркомъ, безъ сомнѣнія, относятся къ самому автору. Мы видимъ, что школярами онъ называетъ всѣхъ, живущихъ въ школѣ; а такъ какъ, по его словамъ, »школа всякимъ страннымъ домъ есть вольный«, то, вѣроятно, не ужившись въ монастырѣ, по своимъ довольно свободнымъ привычкамъ, онъ пріютился въ обществѣ мірскихъ »крылошанъ«, гдѣ ему не возбранялось »для силы чинѣ сѣ и послѣитѣ«. Проще сказать — онъ, вѣроятно, возвратился къ первоначальному своему ремеслу и, пожалуй, занялъ мѣсто приходскаго дьячка въ школѣ. Догадку свою основываю на томъ, что такими же блѣдными чернилами и такимъ же скачущимъ почеркомъ приписано у него еще нѣсколько мѣстъ, отличающихся школярскимъ вольнодумствомъ. Такъ, напримѣръ, разсужденіе о священническомъ двоеженствѣ, противъ запрещенія котораго онъ возстае съ энтузіазмомъ страдающаго человѣка; стихотвореніе въ пользу женщинъ, рождающихъ дѣтей вскорѣ послѣ брака, и другое стихотвореніе, оправдывающее дѣвицъ, сдѣлавшихся матерями. Эти два послѣдніе стихотворенія отличаются саркастическою веселостью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и необычайной даже у самого Климентія свободой выраженій. При всемъ томъ это вовсе не сатира на порчу нравовъ, а увлеченіе страстнаго человѣка. Надобно замѣтить, что и въ стихотвореніяхъ, написанныхъ имъ прежде, онъ часто обращается къ женщинамъ не слишкомъ строгой нравственности и только подшучиваетъ надъ ними, но не выражаетъ отвращенія къ ихъ продѣлкамъ. Не разъ, заведя рѣчь тономъ келейнаго философа, онъ переходитъ въ тонъ свѣтскаго балагура, а однажды договорился до такихъ стиховъ, что самъ ихъ перечеркнулъ Андреевымъ крестомъ. Словомъ, стихотворца Климентія надобно отнести къ разряду странствующихъ иноковъ, представленныхъ Пушкинымъ въ *Борисъ Годуновъ*. Въ разсужденіи своемъ о школярахъ и школѣ, онъ говоритъ, что въ школѣ никогда не бываетъ никакихъ безчинствъ и

что это домъ, чуждый всякихъ своевольствъ. Онъ не говорилъ бы этого, еслибъ не существовало въ тогдашемъ обществѣ противоположнаго понятія о школѣ. Замѣчаніе наше подтвердимъ его апологіями въ пользу лицъ духовнаго званія и вообще людей *письменныхъ*, въ которыхъ апологіяхъ онъ приводитъ слова и мысли, порожденныя въ мірянахъ безчинствами и злоупотребленіями его ученой братіи. Изъ стиховъ, которые мы тотчасъ приведемъ, видно, между прочимъ, что міряне стояли, въ Магепино время, въ оппозиціи съ духовенствомъ. Несогласія происходили частію отъ взаимныхъ притязаній на поземельную собственность, такъ такъ монастыри и церкви не упускали случая увеличить свои владѣнія, во отпущеніе грѣховъ отходящимъ изъ сего міра, частію отъ контроля, которому ктитору и прихожане старались подвергнуть церковные сборы, а частію и отъ неблаговиднаго поведенія многихъ лицъ духовнаго званія. Хотя Климентій безусловно защищаетъ свою братію, однакожъ намеки на испорченность ея правовъ, сдѣланные имъ неумышленно, слишкомъ бросаются въ глаза современному читателю.

О чинящихъ пакости монастырѣмъ и церквамъ,

Каменные, звать, сердца въ тихъ людей биваютъ,
котрые монастырѣмъ пакость сотворіють.
Люде на обители святіе давають,
а оны готовое отъ нихъ отдають.
Негодни таковые ктитори похваля,
але достойни тѣе всѣкоі неслави,
Же то Христіянами себе називаютъ,
да, власне басурмане, церкви разграбляютъ.
Не хочемъ ми ктитореѣмъ такіхъ мѣти,
лечь жебъ съ прислугами ихъ не билѣ на свѣти.

— —
Але овшемъ пакостить уже перестаньте,
а благотворитъ церквамъ и обителимъ станьте.
А хочъ на монастырѣ нищо не давяйте,
то приямній⁽¹⁾ готовихъ речей не отнимайте...

О хулящихъ чинъ духовний.

И той человекъ вельми зле поступоваетъ,
котрый на чинъ духовний хулу наносаетъ.

(1) По крайней мѣрѣ.

А йний зліе слова о духовнихъ говѣрять,
и многі чудеса неподбно творить⁽¹⁾.
И абі не постыгло зло тихъ чудотворцовъ,
же хулять священниковъ, своїхъ боломблцовъ.
Уже жъ хочъ отъ сего дня въ шайности ихъ мійте,
и слўшати ихъ словесъ и въ любви мїть хтїйте...

О невіласахъ⁽²⁾, укоряющихъ тихъ людей, котріе Писаніємъ Святїмъ викладають что полезное на пользу ихъ, а они (неразсудные головы) злословятъ и ненавидятъ тихъ труждателей, на доброе діла писаніємъ навчающихъ и спасенія їмъ желающихъ.

Знайте и разумїте таковіе люде,
что вамъ за тїе речї въ послїдній день бѣде.
Прошў васъ, наставниковъ своихъ не хулите,
але повинїйтесь и Бѣга (за нихъ) молїте...

О писанїи святѣмъ и о учащихъ ся вѣ.

— — —
И хто Писанїе Святѣе зневажаеть,
такїй вельми Гѣсподу Бѣгу согрїшаеть.
Бо йний мѣвить, же зъ письменнихъ все зло биваеть;
нехай за егѣ лгання на егѣ обращаеть,
И обратїтся, же слїпъ дерзаеть вождѣвъ хуліти;
бѣдетъ бо певне егѣ Богъ за тѣе судїти.
Изнобу жъ мѣвять: »Презъ письменнихъ западетъ свѣтъ.«
Щѣбъ той самъ запался! а тогѣ и по сей часъ нїтъ.

Замѣчательно, что вообще между *письменными* и *неписьменными* существовалъ тогда разладъ. Грамотїи смотрѣли съ-высока на неграмотныхъ и казались сами себѣ чѣмъ-то облагороженнымъ. Неграмотные, напротивъ, потеряли вѣру въ книжный народъ и дошли до убѣжденїя, что мїръ погиваетъ черезъ *письменныхъ*. А вотъ стихи Климентїя о *неписьменныхъ*.

Яко такожь трѣзвому изъ пьянимъ обитать,
тако и письменному изъ прѣстїмъ пробувать;
Бо въ прѣстого мужика прѣстїй есть обїчай,
а въ письменного особнїй, полїтїчний звїчай.
Зачїмъ перестанте, простакї, письмѣ блюзнїти,
бїсте ся не могли въ прѣпасть вїчну потопїти...

(1) Намекъ на знахарей, которые, обладая сравнительно высшимъ умомъ между мїрянами, естественно сильнѣе другихъ порицали недостатки людей духовнаго званїя.

(2) О людяхъ непросвѣщенныхъ, язычникахъ.

Видно, однакожь, что этотъ *політичний зэйчай* клонился не къ тому, чтобы, съ помощію грамоты, распространять добро между людьми темными: иначе — простой мужикъ, въ простотѣ своего обычая, не возвышалъ бы голоса противъ грамотѣевъ и не упрекалъ бы ихъ въ беззаконіяхъ. Печальное понятіе даетъ простодушный стихотворецъ Климентій о временахъ Мазепы. Литовскій статутъ былъ позабытъ военными администраторами и оставляемъ безъ вниманія людьми сильными. Развитая Мазепою, въ подражаніе Польшѣ и Петровой Россіи, канцелярская наука была сѣтями, въ которыя опасно было попасть челоуѣку простоватому или безпомощному. Самая грамотность, павшая въ народѣ въ теченіе *великой руины*, или войнъ, затѣянныхъ Хмельницкимъ и долго свирѣпствовавшихъ по его смерти въ Украинѣ, начала возрождаться въ приходскихъ школахъ и бурсахъ въ антинародномъ направленіи. Въ старину народъ учился для того, чтобы противостать католикамъ и униатамъ, — для того, чтобы крѣпко стоять въ своемъ вѣроученіи противъ иновѣрческихъ толкованій. Со времянъ Мазепы, илѣ съ возрожденія школъ, опустошенныхъ и унесенныхъ Богъ знаетъ куда войнами, ни у духовенства, ни у мірянъ не было уже могущественнаго побужденія къ преуспѣянію въ познаніи истины, какъ ее понимали въ XVII вѣкѣ. Покушенія на порабощеніе Риму священства и прихожанъ не существовали болѣе въ предѣлахъ гетманской Украины. Поэтому явилось новое побужденіе къ грамотности, котораго, конечно, не исключалъ и періодъ униі, но которое тогда подчинялись другимъ, болѣе сильнымъ порывамъ, — именно побужденіе выдти въ люди. Выдти въ люди значило тогда, какъ и теперь значитъ, возвыситься надъ первобытнымъ своимъ состояніемъ. Желаніе, по видимому, невинное; но, при упадкѣ въ то время гражданственности, которая развилась было до значительной степени въ Украинѣ прежде *великой руины*, при упадкѣ также промысловъ и торговыхъ оборотовъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, лица, овладѣвшіе искусствомъ писанія и вышедшіе въ люди, естественно должны были проявить свою дѣятельность не въ чемъ иномъ, какъ только въ кляузахъ, въ обманахъ и притѣсненіяхъ неграмотной, простосердечной части населенія. Возвысаясь надъ первобытнымъ своимъ состояніемъ, грамотѣи, къ какому бы званію они ни принадлежали, стремились увеличить средства своего существованія. Для этого они угодничествовали передъ высшими, интриговали съ равными, тѣснили низшихъ и угнетали при всякомъ удобномъ случаѣ слабыхъ. А такъ какъ слабыхъ и безпомощныхъ была сравнительно огромная масса въ Украинѣ, то имъ больше всѣхъ, имъ скорѣе

всѣхъ и доставалось отъ грамотѣевъ, вышедшихъ въ люди изъ ихъ толпы. Поэтому-то народъ не благоволялъ къ *письменнымъ*, видя отъ нихъ одни посягательства на свой достатокъ. Еслибы тогдашнее духовенство, управлявшее просвѣщеніемъ народнымъ, отъ высшихъ до низшихъ школъ, поняло свое призваніе и направило грамотность къ умственной свободѣ темныхъ людей, и вслѣдствіе того къ сознанію и сохраненію личныхъ правъ своихъ, — изъ гетманской Украины вышло бы совсѣмъ не то, что вышло. Но въ томъ и дѣло, что, послѣ *великой руины*, оказался страшный упадокъ высшихъ школъ, которыя давали приходамъ священниковъ. Типографіи, заведенныя даже въ такихъ городахъ, какъ Новгородъ-Сѣверскъ, исчезли безъ слѣда. Кіевская лавра одна производила издѣлія книгопечатанія для всей Гетманщины, ограничиваясь одними церковными книгами. Средневѣковая схоластика, пересаженная на Русскую почву, сдѣлалась послѣ *руины* еще тупѣе, нежели была во времена Петра Могилы. Семинаристовъ, въ новозаведенныхъ семинаріяхъ, не учили, а мучили, и выходили изъ нихъ люди, слишкомъ далекіе отъ того, чтобы понимать, что значить народъ и каково ихъ назначеніе относительно народа. Стихотворецъ Климентій, будучи іеромонахомъ и, вѣроятно, прежде того попомъ приходскимъ, очень наивно говорить, что *письменному* толковать съ *неписьменнымъ* все равно, что трезвому съ пьянымъ. Грамотность и семинарское образованіе, по его убѣжденію, нужны собственно для попа; отношенія же его къ народу и значеніе его въ кругу мірянъ онъ опредѣляетъ слѣдующими словами:

И кгда бѣ не священники, и церкви бѣ не билѣ,
 не билѣ бѣ законѣ, а лѣ беззаконіе бѣ билѣ;
 Бо законнаго браку не мѣжно бѣ составляти,
 поневажъ бѣ не билѣ кому шлюбовѣ даѣти;
 Также христіанами не могли бѣ ся називати,
 кгда бѣ раждаемыхъ дѣтѣи нікому билѣ крещати.

По этому видно, что для тогдашняго духовенства средство сдѣлалось цѣлью, а истинная цѣль христіанства скрылась отъ него за облакачи догматики и общихъ, потерявшихъ свою силу и значеніе, выраженій о спасеніи души, о царствѣ небесномъ, о мукахъ, ожидающихъ грѣшниковъ за гробомъ, и т. п. Чѣмъ чаще были на устахъ у поповъ эти выраженія, тѣмъ слабѣе и слабѣе дѣйствовали они на душу прихожанъ, и особенно, когда обѣщали царство небесное тотъ, кто своими дѣлами показывалъ, что не заботится о немъ, или грозилъ загробными мученіями проповѣдникъ, по видимому нисколько ихъ небоавшійся. Мнѣ рѣдко слу-

чалось читать акты временъ Мазепы, которые большею частію истреблены пожарами въ Батуринѣ и въ другихъ городахъ во время Шведской войны; но вотъ нѣсколько фактовъ изъ архива Н. А. Маркевича, относящихся ко временамъ близкимъ къ гетманству Мазепы. Они покажутъ слишкомъ ясно отношенія, въ которыя поставило себя гетманское духовенство съ мірянами, по уничтоженіи уни, ненавистной той и другой сторонѣ.

Въ гетманство Скоропадскаго, архимандритъ Гусятинскаго монастыря, Гавріиль Леопольскій, жаловался въ генеральную канцелярію, что судья Ягельницкій записалъ въ козаки двухъ посполитыхъ (простыхъ поселянъ) монастырскихъ, не объявивъ о томъ монастырю. Монахъ-управляющій, не зная о томъ, потребовалъ ихъ на работу. Ихъ домашніе побѣждали въ судъ, а оттуда съ поручикомъ Невскаго полка — въ Заудавскій монастырскій дворъ, вломились въ домъ, вышибли окна, монаховъ, тамъ спящихъ, избивали палками, плетью и кулаками, вырвали нитъ волоса и бороды. Эконома въ одной рубахѣ вели пять верстѣ, потомъ положили на возъ, привезли въ Прилуку и держали на дворѣ до разсвѣта, привязавъ къ колесу.

Такое почти невѣроятное ожесточеніе противъ монашествующей братіи объясняется слѣдующими фактами:

Какой-то Петръ Пасичникъ жаловался гетману Скоропадскому, что монахи схватили его и посадили въ тюрьму за то, что былъ кѣмъ-то украденъ въ ихъ пасикѣ одинъ улей пчелъ. Этого не довольно, »аде ще й сына мого, хлопця, черезъ тижнівъ три розками бито, всякого дня даючи по сто розокъ, допрошуючи, чи не скаже того злодійства на своего батька.«

Въ 1728 году войсковою канцеляристъ Лисаневичъ жаловался гетману, что архіепископъ черниговскій и новгородъ-сѣверскій, Иродіонъ, послалъ 60 человекъ дьяковъ, пономарей, цоваровъ, слугъ и конюховъ загородить ему ото всеѣхъ улицъ проѣздъ. Они напали на него, стащили съ коня, сорвали саблю, потащили въ »катедру« и посадили на три недѣли подъ стражу. При этомъ его ограбили: взяли пару коней, сбрую и оружіе.

Въ 1730 году, отаманы сотни Иванпольской (или Янпольской) жаловались гетману въ слѣдующихъ выраженіяхъ: »Черницы Новгородскіе (т. е. новгородъ-сѣверскіе), якъ прежде за козацтво наше смертными боеми бывали, отъ якого вные и померли, и со всеми нашими пожитками розорували, такъ и теперъ вышеупомянутые черницы, дочувшися, що,

якъ дяды и отцы наши въ разныхъ походахъ службу козачую одбывали, и мы похотили такожъ служить, напали ночью, иныхъ повязавши козаковъ, были безъ пощады, отправившы въ монастырь Новгородскій въ турму; а было, кони, товаръ рогатый, овцы, свини со всеми нащадкомъ до монастыря своего отобрали. Того рады всепокорственно просымо, дабы черницы болшъ насъ не мучылы. Тутъ же приложенъ реестръ монастырскихъ селъ, въ которыхъ монахи записали козаковъ въ подданство.

Въ 1734 году Андрей и братъ его Яковъ Полуботки жаловались князю Шаховскому на архіепископа Иродіона, что онъ послалъ монаха-кошюаго, а другого монаха-старца съ двумя-стами школьничковъ, съ дубьемъ, цѣпами и возами, на домъ Полуботковъ. Орда выломала ворота; ворвалась на дворъ, людей хватала, колотила, вязала; оторвала замки, вышибла стекла въ окнахъ и всё пожитки дочиста унесла къ Иродіону. На запросъ князя Шаховского, Иродіонъ отвѣчалъ, что будто бы вступился за дѣтей Якова Полуботка, противъ распоряженій ихъ отца; но неизвѣстно, возвратилъ ли пожитки. Извѣстно только, что фамилія Полуботковъ обѣднѣла и что фамильный каменный домъ ихъ, на который сдѣланъ набѣгъ, принадлежитъ нынѣ Черниговской семинаріи.

Въ 1737 году, Привлукіе судья и писарь доносили князю Ѡ. Ив. Борятинскому, что іеромонахъ Густынскаго монастыря Логвинъ и монахъ Харлинскій, по приказу игумена Гавріила Леопольскаго, схватили, по какому-то подозрѣнію, какого-то Карпенка изъ дому его въ Ольшанѣ, привезли въ монастырь и начали «по самой сорочки бить шелепами, т. е. плетью товстыми, гораздо, такъ що и кровь крузь сорочку показовалася, и оный Карпенко тамъ же въ монастыри, по томъ бою, и умре.»

Не удивительно послѣ этого, что міряне, по словамъ стихотворца Климентія, дерзали хулять своихъ *вождовъ*. Въ 1732 году коропской сотникъ Химчичъ былъ отлученъ отъ церкви и судимъ за то, что сказалъ: «Я самому Богу не вѣрую, а не то вамъ, попамъ.» А въ 1727 году, на второй день свѣтлаго праздника, трое прихожанъ (не помню какой церкви), съ родными и женами, вошли въ церковь и ругали священника, который боялся выдти изъ алтаря. Въ наше время подобные факты невозможны, и по нимъ можно судить, каково было духовенство оплакиваемой многими Гетманщины, когда школьникамъ въ семинаріяхъ преподавались такіе уроки, какъ набѣгъ, подъ предводительствомъ монаховъ, среди бѣла дня, какъ произвольныя истязанія и убійства посреди мона-

стырей. Что дѣлали до великой руины іезуиты и уніаты съ православными, то посаѣ руины усвоили себѣ монахи украинскіе относительно своихъ единовѣрцевъ. Не напрасно отаманы Ямпольской сотни, жалуясь на монаховъ въ 1730 году, вспоминали, что монахи и *прежде за козацтво смертныиъ боеиъ бивали ихъ*. Монастыри, разжегши въ козакахъ вражду къ католикамъ и уніатамъ, первые воспротивились возстанію простонародья, изъ опасенія лишиться обычныхъ доходовъ съ земель своихъ, и просили Хмельницкаго запретить монастырскимъ подданнымъ вступать въ козацтво. Хмельницкій, дорожа отзывами монаховъ, пожертвовалъ для нихъ вовсе для него неопасными посполитыми, и это была первая изъ его уступокъ, которыя, какъ извѣстно, окончились тѣмъ, что козаки отреклись отъ своихъ соучастниковъ въ побѣдахъ надъ шляхтою. Въ *Актахъ, къ Западной Россіи относящихся* (т. V, стр. 85) напечатанъ слѣдующій весьма важный универсалъ 1648 года декабря 28:

«Всѣиъ вообще и каждому зособно подданныиъ монастыра Печерско-го, до ипокинъ того монастыра въ селѣ Подгорцахъ належачымъ, и новыиъ козакомъ, симъ листомъ монимъ гетманьскимъ ознаиуемъ и владою нашою гетманьскою сурово напоминаемъ, абысте, яко вы, подданные, такъ и тые, которые съ охоты своее, подъ тотъ часъ въ козацтво не хотячи, до того монастыра работы и повинности отпраляти удалися, честной законницѣ, госпожѣ Магдалинѣ Бѣлецкой, игуменѣ Кіево-Печерской, и всѣиъ сестрамъ о Христѣ того жъ монастыра послушныиъ были, и повинности и работы всякіе отпраляти, постерегаючися на себе войсковаго каравня. Бо мы со всииъ войскомъ не хотимъ отъ монастыровъ, особливо отъ убогихъ законницъ, подданныхъ отыиовати. Дастъ Богъ на услугу войсковую охочихъ и безъ людей церковныхъ. А васъ и повторнѣ напоминаемъ, абысте вы вси, которые въ Подгорцахъ знаидуетеся, законницамъ Печерскимъ по старому послушенство отдавали. А если розказанью и листу нашому кто изъ васъ спротивится, таковой, яко войсковый непріятель и зневажачъ листу нашого, горломъ караныиъ будетъ.»

Забывая больше всего о своихъ доходахъ, монастыри у каждаго гетмана выпрашивали себѣ новые универсалы и подтвержденія старыхъ, и крѣпко держали за руки приписныхъ къ своимъ землямъ поселянъ. Въ библіотекѣ Черниговской семинаріи хранятся *Листы Лазаря Барановича*, изъ которыхъ видно, какъ этотъ хитрый человекъ ласкался поочередно ко всѣиъ козацкимъ предводителямъ, отъ Сомка до Самойлови-

ча, и кого вчера считалъ злодѣемъ, сегодня превозносилъ похвалами, и наоборотъ, смотря потому, какъ служило этимъ честолюбцамъ счастье. Ни политическихъ, ни социальныхъ убѣжденій большинство старинныхъ украинскихъ монаховъ не имѣло; о спасеніи душъ христіанскихъ заботилось на словахъ, а всей душой работало для собственной корысти, или для удовлетворенія тщеславія. Лучшіе изъ нихъ, передовые люди ихъ корпораціи, въ своихъ сношеніяхъ съ властями только и говорятъ, что о *маетностяхъ* да о доходахъ. Ни у одного не видно самоотверженія въ пользу труждающихся и обремененныхъ; никто не подвизался безкорыстно для просвѣщенія своего края. Заводимыя ими школы были не что иное, какъ фабрики, въ которыхъ, за известную плату и подарки, выдѣлывали грамотевъ. Если же и воспитывались въ этихъ школахъ *gratis* дѣти убогихъ родителей, то испрашивали сами себя пропитаніе у горожанъ, какъ объ этомъ очень трогательно рассказываетъ Шафонскій (1), или живились такъ, какъ описано въ стихахъ Климентія. Главное вниманіе монастырей, или ихъ настоятелей, сосредоточено было на маетностяхъ и подданныхъ. Въ окружномъ посланіи черниговскаго архіепископа Іоанна Максимовича, 1706 года, сказано, что, по установленію гетмана Мазепы, запрещено было «тяглымъ переходити въ козаки, такожде и козакамъ въ тяглые.» Но, какъ подданные катедральные, села Ястребщины, «пошли самовольно, безъ всякія вины, въ козаки», то онъ счелъ себя въ правѣ, въ качествѣ архіпастыря, сдѣлать слѣдующее распоряженіе: «За таково ихъ самовольство, *отчуждаются* они зъ домами своими *Божія благословенія, общенія Христіанскаго и входу церковнаго*. Кто зъ нихъ или въ домахъ ихъ, умереть — *не похоронити*; буди имъ безъ обычлаго пѣнія церковнаго погребеніе. Кто народится въ домахъ ихъ — *не крестити*. Кто бы ихъ пріялъ въ свой

(1) *Черниговскаго Намѣстничества Топографическое Описаніе*, стр. 35: «... не только достаточныхъ, но и самыя бѣдныя мѣщанскія и козацкія дѣти, съ доброй воли въ вышеписанныя школы идутъ и мірскимъ подаваніемъ ежедневныхъ пиццъ, списываніемъ для собственнаго и другихъ обученія печатныхъ книгъ живутъ, и терпя голодъ и холодъ, и всякую скудость и нужду, охотно и прилежно учатся...» Далѣе, стр. 283: «(въ бурсу) отъ архіерея давали дрова, въ недѣлю нѣсколько разъ печеный ржаной хлѣбъ и на кашу крупа. Однако сія дача столь мала, что еслибы не было народнаго подаванія, то бы они съ голода и холода помирать должны. Когда послѣ полудня изъ классовъ учащихся по своимъ квартирамъ распустятъ, то обыкновенно студенты, жившіе въ бурсы, или бурсаки, къ сожалѣнію и общему стыду, ходятъ по всему городу подъ окошками, духовныя пѣсни поютъ и за то отъ жителей денежное и съѣстное подаваніе получаютъ... Нѣкоторые жители, сверхъ сего дневнаго подаванія, снабждаютъ ихъ одѣваніемъ.»

дворъ, съ ними пріобщался и до нихъ пошолъ — тому жъ неблагословенію подлежати будетъ. « (1) Я сказалъ и повторяю опять свои слова, выведенныя изъ обвинительныхъ документовъ: »Что дѣлали до великой руины іезуиты и уніаты съ православными, то послѣ руины усвоили себѣ монахи украинскіе относительно своихъ единовѣрцевъ.« Обуздана ихъ только Екатерина II, отобравъ у нихъ въ казну населенныя имѣнія. Во времена Мазепы, неистовства стяжательной братіи была въ полномъ разгарѣ. Мазепѣ, какъ и Хмельницкому, надобно было ладить съ духовенствомъ, для удержанія своей власти надъ народомъ. Онъ строилъ церкви; онъ закрѣпостилъ монастырямъ тяглыхъ, запретивъ имъ освобождаться посредствомъ вступленія въ козаки; онъ угождалъ духовному чину, елико было возможно. Еслибы онъ былъ, по успѣху своего замысла, вторымъ Хмельницкимъ, ему бы архіереи сочиняли силлабическія оды; но, какъ его постигла неудача, то они торжественно предали его проклятію. Стихотворецъ Климентій смотрѣлъ, какъ всѣ, на переходъ простыхъ земледѣльцевъ въ козаки и, вѣроятно, въ видахъ монастырскаго увѣщанія, помѣстилъ въ своей книгѣ сатиру на мужиковъ, которымъ онъ отъ всего сердца желалъ оставаться неизмѣнно мужиками. Эта сатира — родная сестра его стихотворенію о переходѣ подсосѣдковъ съ однихъ земель на другія. Тамъ и здѣсь онъ угождаетъ сильнымъ міра сего, которыми въ то время были паны и монахи.

О уписующихся въ козаки дурныхъ мужикахъ и злову выписуватися хотѣющихъ.

Тожесь, дурній мужіку, бѣрзе неувѣжний,
 же тѣлько безчѣстишь чинъ козацкій повѣжний.
 Засяглась тогѣ чину, алѣ погоржаешь:
 не бѣвши въ войску, кожъ вѣступитъ гадѣешь.
 Нѣхтѣ ты выписувати, нѣтъ, не приневолѣяль,
 алѣ самъ ся зъ доброй волѣ естѣсь вписалъ; •
 А не хочъ съ козаками у войско завитѣть,
 ѣкосъ не хотѣлъ предъ тѣмъ тѣглости отбувѣть.
 Прѣто берѣзовимъ шѣромъ выписувати ты трѣба,
 и худобу, гдѣ маешь, на рѣтушъ взяти потрѣба,

(1) Этотъ драгоценный документъ сообщенъ мнѣ, вмѣстѣ со многими другими, ревностнымъ собирателемъ старинныхъ украинскихъ актовъ Н. М. Бѣлозерскимъ, который собственноручно скопировалъ для себя такъ называемую *Книгу копѣальную царскихъ Грамотъ и Универсаловъ гетманскихъ*, хранящуюся въ библіотекѣ Черниговской семинаріи, подъ № 35. Въ этой копѣальной книгѣ окружное посланіе архіепископа Максимовича помѣщено на листахъ 121 и 122.

Аби еси, яковó козацтво, паміта́ль
 и дру́гимъ мужика́мъ такъ чині́ти заказа́ль.
 Отó жъ, вгдася не вто́пѣлся напро́дъ где у во́ду,
 прийми́ жъ коза́цкую, Хорба́ць, пагорóду,
 Бись не запóмні́ль то́ей рѣчи ажъ до смѣрти,
 по́куль ся обвѣси́шь, чи тежъ сѣ́дится вмѣрти.

Независтью и презрѣніемъ дышуть эти стихи. Католическій и униатскій поць времянь *руины* не могъ бы обращаться къ простолюдину съ большимъ ожесточеніемъ. Польское владычество, основанное на пожертвованіи многочисленнѣйшимъ классомъ народа въ пользу малочисленнаго, положило неизгладимую печать на всѣхъ Украинцахъ, которые ниѣли притязаніе на какое-либо первенство. Внѣшнее дѣйствіе заразы устраниено было кровопролитною борьбою, но внутри она осталась глубоко и продолжала дѣйствовать тѣмъ съ большею силою, что народъ не видѣлъ, въ чемъ, какъ и даже отъ чего искать ему спасеніи. Чтобы докончить образъ тогдашняго монаха, представляю рядъ выписокъ изъ книги стихотворца Климентія.

*О волоча́щихся чернцáхъ и чернцѣахъ, по мѣстахъ, по шко́лахъ
 и по корчѣмнѣхъ двора́хъ.*

Мно́гне волоцю́ги зъ гульта́йства бива́ють,
 особно чернці и чернцѣи тако́жь ся пробѣгають.
 Не хотя́тъ въ монастирѣхъ послу́шаній мѣти
 и, ве́дмугъ⁽¹⁾ своѣго спасенія, терпѣти,
 Да повіе́тся иній къ бісу по сво́ей во́лі,
 шука́ючи, на згѣбель собі, свояво́лі.
 А свояво́ля добра, да не пожитѣчна,
 зъ котро́роі ся ражда́еть згѣбель доконѣчна,
 А особлі́ве тежъ чернцá и чернцѣю о́па погубля́еть,
 а свѣтского та́кже, ві́мъ, не направля́еть.

— —
 • Да тудá жъ и чернѣць і́ппи вандрóвний шалѣть
 И лю́дей до згоршѣ́нія свѣцкихъ приво́ждаетъ.

— —
 Тако́му не потре́ба мѣлостни́ню дава́ть,
 а́ле всю́да го́дно е́сть кнѣми́ частова́ть.

Слово *кнѣми* написано прописными буквами. По видимому, это языкъ строгаго анахорета. Но у Климентія строгость идетъ объ руку съ поползновеніемъ ко грѣху, который онъ совѣтуетъ совершать какъ мож-

(1) По, сообразно съ чѣмъ.

во болѣе тайно, вовсе не упоминая о внутреннемъ судѣ совѣсти и все отстрочивая на послѣднюю, загробную расправу, какъ видно, по словицѣ: *сечь семь блдѣ, а одинъ отвѣтъ.*

Кто бо захочеть часомъ что-ко́львекъ згрѣшити,
 длженъ пѣлно одѣ людскѣхъ очей хоронити;
 Бо мовать: »Хочь відають, да нехай не відають«, —
 и такъ грѣшникомъ люде не бѣрзо обрѣдять.
 Публічний бо грѣхъ душі тяжчѣйший биваеть,
 и Богъ за публічний грѣхъ горшѣ прѣве караетъ.
 И что схочешъ сотворитъ велика и мала,
 утрѣсь и запрѣсь, жебѣ сичѣ и совѣ не знала.
 И спиваютъ зась: »Хмізомъ, нїзомъ пудъ вербѣми«,
 жебѣ жадниє люде нїгди не узнали.

Развратнѣе этой морали едва ли можно гдѣ-либо высидѣть. Она убиваетъ самыя главныя побужденія, которыми душа человѣческая двигается къ совершенству. Іезуиты охотно пріяли бы почтеннѣйшаго отца Климентія въ свой орденъ. Если онъ и проповѣдуетъ что-нибудь доброе, не вѣрте ему: это дѣлается у него механически; это его ремесло, а не призваніе. За такую проповѣдь люди его хвалятъ и награждаютъ. Но еслибы другіе люди хвалили и награждали за противоположное, то онъ готовъ былъ бы служить имъ и въ обратномъ направленіи. Это монахъ того закала, что и знаменитый Мелетій Смотрицкій, который ораторствовалъ сперва въ пользу, а потомъ противъ православія, и въ послѣдней своей роли превзошелъ самъ себя.

Продолжаю выписки о *волочащихся черницахъ.*

И будеть ѳнни чернець чрезъ весь вікъ ся волочатъ,
 а трафляется томú въ шиблі ся и скончатъ,
 Абб де нагле луснетъ у корчѣмномъ домú;
 то ужѣ и не знатъ, що чинитъ томú.
 Мбжець нерозсѣдной той шинкарці напѣти,
 а що горшѣ — и комедій якѣхъ начинити (*).

—
 Не хочеть у монастирú той жительствовати
 и старшому и брати ся повиновати,
 Да, злий рабъ, яко гультай, завше волбчатся,
 а въ монастирú нїгдѣ ему жить не хочется,
 Бїлєби по городѣхъ людемъ очи поробъ.
 Бодай тѣлько егб катъ самбо испоробъ!

—
 Бо, напродъ згинѣннѣя, онъ монастирѣ осуждаеть,
 же мовить: »Жадний менѣ игумень не прїймаеть.

(* Сирѣчь, по предмету безбрачія иноческаго.

Мўшу ся волочїти по тоёй неволі.»

А то лжеть, бїле бь ему нашалїться довлї.

И зась брешеть, же мовить: »Нїгдѣ мя не прїймають.«

Биваетъ то и правда, же нецнбти⁽¹⁾ его знѣють.

— —
Бо що отъ шїбениць котрїе втїкають,

и тїе въ монастырїхъ часомъ ся свобождають.

— —
Есть же то правда, якъ не еднѣи мѣтери дїти:

• иный хочъ странствуетъ, да стѣтокъ будетъ мїти.

Не пойдеть таковой где въ корчмѣ ночовати,

алѣ до священника можетъ ся впрохати,

Абб хочъ и до прбстїхъ таже людей чѣстныхъ,

а не до корчѣмныхъ котрїхъ домовъ безчѣстныхъ.

— —
И азъ, пїшущїи се, тожъ негдїсь провандровался,

любъ въ далекїе краї, да зле не блукѣлся,

И впятъ беззазбно сталъ въ монастырь поспїшатъ,

и въ немъ по давному, зъ лѣски Божой и старшихъ, пре-
бувати.

Эти стихи писаны на 40-мъ листкѣ, и все, что имъ предшествуетъ, наполнено большею частію благочестивыми общими мѣстами; но далѣе въ рукописи авторъ поразгулялся и часто отъ строгой морали переходитъ не точію къ разрѣшенію вина и елєя, но и къ потворству нѣкоторымъ инымъ пополозновенїямъ. На листкѣ 61-мъ, онъ говоритъ, что его обуреваютъ *четверочисленная скорбь человеческая*: грѣхъ, немощь, нищета и озлобленіе. Судя по характеру его жизни, выразившемуся во всей книгѣ, надобно понимать это такимъ образомъ: что онъ часто страдалъ отъ раскаянія въ содѣянныхъ грѣхахъ, потому мучился немощью воздержаться отъ новыхъ, а какъ видно, что въ монастырѣ ему ужиться было трудно, при его страстной натурѣ и, по всей вѣроятности, при невоздержанїи въ словахъ, то его естественно постигала нищета и вслѣдъ за тѣмъ — озлобленіе. О раздражительности его отъ непрїятныхъ столкновенїи съ дѣйствительностію можно судить по двумъ флїппикамъ противъ собакъ, которые надоѣдали ему во время странствованїи въ нищетѣ и производили въ немъ озлобленіе паче монастырскаго.

*Слово 1-ое о псахъ, абб тежъ о собакахъ, и о людѣхъ, любящихъ ихъ и вѣлыми въ нихъ ся кохающихъ и въ тихъ бѣс-
тїяхъ нечїстїхъ ажъ дүши свои полагающихъ.*

Хто въ псахъ кохається, самъ ему ся равнїеть⁽²⁾:

жѣдєнь невозлюбившїи ихъ тѣе прїзнаєть.

(1) Проказы, дурныя дѣла.

(2) Это писано уже на листкѣ 148.

И не тільки таковий псові есть подббень,
але Ліху той, або дѣмону надббень;
Кгдижъ дѣмони, въ постасі (¹) псовъ, къ святімъ хождаше,
котріе ихъ любіли прѣжде, тихъ прельщаше
Зіло; стужаюцимъ імъ пакости твораху
и вся помишленія злаа напосаху.
Тимъ вірнимъ не достобитъ тихъ бѣстій любіти,
но добро бѣ, гди бѣ мѣчно и зѣ свѣта скоренїти.
А что инѣ стражама псовъ себѣ називають,
лечъ (²) не вість бідний, ижъ въ томъ вельмі ся омилаетъ,
Почитаючи пса паче самогѣ Бѣга.
Ахъ, не чинїте тогѣ! прошу васъ для Бѣга.
Же и ласку Бѣжїю той прочъ отгоняють,
понѣважъ всякъ за злихъ псовъ егѣ проклинають.
А такъ грїхъ есть въ бѣстїи збїтне (³) ся кохати
и въ ней надїю, бѣдто въ Бѣзі, полагаїти.
— —
Бѣдуть бо изъ Армѣни тїе часть имїти, —
не тільки онї самї, але іхъ и діти....

Слово 2-е о псахъ и о людѣхъ, не любящихъ псовъ и недержачихъ ихъ.

Благословенъ есть той домъ назавше отъ Бѣга
и отъ людѣй биваетъ похвала премнога, —
А іменно той, котрїй въ себѣ псовъ не маєтъ;
тогѣ безпрестанно самъ Богъ благословляетъ.
А за что жъ, повідъ ми, Богъ благословляетъ?
за то, же всякъ человекъ егѣ похваляетъ.
А гдѣ въ котромъ домѣ пси въ кого пробувають,
тогѣ тамъ вшелякїе людѣ проклинають:
»Бодай вамъ«, мовять, »зѣ псама нїгди не бїло добра,
же не мѣчно проминуть безъ палица двора!«
Бо пси и потайнїе часомъ въ кого бувають,
и — щобъ дѣбли побрала ихъ — людѣй кусають,
И инїе пакости на свѣтї людямъ творають,
понѣважъ въ розмантїихъ речѣхъ инїхъ шкодять,
Яко-то: зѣ вѣза въ кого гдѣ-що виволокають,
а въ огородахъ грядкї зѣ сївбїю потоптають.
И для того бѣ псовъ всегдѣ не трѣба держати,
же бѣ благословенства Бѣжого не прогоняїти....

Продолжаемъ выписки о монашеской жизни, въ которыхъ всего важнѣе взглядъ автора на монастырь.

О вступающихъ зѣ роскошей свѣтовїихъ людѣй богатїихъ во убогое и нищетное житїе иноческое, жебѣ не скорбїли и не кая-

(¹) Во образѣ. — (²) Но. — (³) Слишкомъ.

лися напóтимъ, не призна́сивши зъ потребу свою и мінія, си-
рїчъ вещей: и яденія, и питія, и грóшей наипáче; идижъ и во
иноцїяхъ безъ и мінія трóдно и вѣльми нóдно, пáче же прѣжде
богáтство и мѹцїимъ.

Зда́бета, же пробóдетъ ні івши, ні пївши
богáтїи, въ черне́цкое житіе вступївши,
И зда́бета, же бóдетъ нічòго не трѣба;
разсмóтрїтся напóтимъ, ажъ всего́ потреба!
Бо гдижъ мнóго таковїхъ богáтїихъ бивáеть,
же їннї всю худóбу въ монастїръ давáеть.
Емú ся вїдїть — бóдетъ и тогда́ кóвтенъ мїтъ;
ажъ зза дубовїхъ дверей не бóдетъ и вїдїть.
А хочáй дверї бóдутъ и не дубовне, —
не бóдутъ раствóреннї тожъ и сосновне.
Изь рукъ бїднїи неборáкъ бóдетъ южъ глядїти,
и не бóдетъ тогò, щò прѣжде имїлъ, мїти.
Зачїмъ богáтїи напро́дъ постерега́йся
и, гди хочъ, въ черне́цство здорóвъ пострига́йся.

О чернцáхъ и охóтїащїхся въ черне́цство.

Зъ давнїихъ чáсовъ свїтовїи людь то повїда́еть,
же нікòго черне́чая рїза не спаса́еть.
И въ чернцáхъ, ёсли тáкже изхóчетъ грїшїти.
то дай, Бóже, жебї душі не згубїти.
И бїлая рїза тáкожъ не погублáеть,
ёжели хто добрїя дїла отпра́вляеть
Тїлькò то на кòждїи грїхъ покóрта бивáеть;
а не трѣба ея́, хто не согрїша́еть.
А щò зась въ черне́цкомъ ткнѣтса тежъ забóну,
о котрòмъ не свїдомо свїцкому всякòму;
Бо гдибъ вїдалъ, чтò емú въ чернцáхъ бóдетъ слухáть,
нїгди бъ нудъ прися́гою не хотїлъ постригáть,
И, навазáвши бъ на ся кáмепъ, въ вóду втопáлъ,
нежели бъ на вїчную скорбь въ черне́цство вступїлъ.
Бо пáвда то, же въ чернцáхъ вїчная невóля,
а свїцкнїмъ во всїхъ речáхъ совершѣнна воля.
И свїцкнїмъ зда́бета той чинъ за хлїбъ пшенїчний,
а постригшїсь, познáвши, далъ бы и за жїтнїи,
А понѣважъ свїцкнїи господáръ во всемъ довóменъ
въ своѣмъ добромъ, а черне́ць южъ ні въ чомъ не воленъ.
И черне́цство не тїлькò младїхъ въ чинъ свой ввóдїть,
алѣ чáсомъ мóдрихъ и старїхъ въ той завóдїть.
Прѣто, всї свїтовїе люде, кáйтесь на насъ⁽¹⁾:

(1) Т. е. глядя на наше положеніе, берегитесь, чтобъ не очутиться въ немъ.
Выраженіе народное. Въ пѣснѣ, соблазненная и обманутая дѣвушка говоритъ:

Ой хто у борú,
Чúйте новїцú;
А хто у селї,
Кáйтесь на менї.

прошу якъ найпокорній о томъ ділі всіхъ васъ.

— —
 Пішеть же о томъ чину совершенъ дознавецъ
 и надъ всіхъ въ немъ страдальцевъ біднійший страдалецъ.

— —
 Сміючи мовить, же хочъ хто бувъ своявольникъ,
 а якъ вступитъ въ чернецтво, то будетъ невольникъ.
 И зъ басурманскихъ неволь свободни бивають,
 а зъ чернецтва до смертїи не освобожаютъ.
 Тільки жъ, гди хочеть, нехай здоровъ въ чинъ той вступаєтъ:
 охочого не внять, — Богъ нехай помагаетъ.
 Я о томъ ділі ему не перебиваю,
 лечь, видячи воздѣржність егб, поражаю.
 А невоздѣржнихъ могу отъ того впинати
 и, якъ мѣчно, до того ихъ не допуцати....

*О милолюбущихъ, яко повідає: инокомъ не трєбі жаднихъ мїти
 стяжанїи.*

Бїло нєгдїсь черницамъ нї що не надббно,
 а теперъ все потреба такожде подбно,
 Бо и чернцєві также хочеться що мїти;
 хочай то и не жонá въ него и не діти,
 Еднакъ и черницю встáдно гóлому ходїти,
 тáлько, якъ нїтъ нїчого, мусїть хочъ просїти;
 Бо чернцѣвъ гóлихъ зовуть опїяками большъ,
 абó и нецнотливими, — то ещє и найгóршъ.
 Мовятъ, же не дармо той нїчого не мáеть;
 а бідному нїгде взятъ, — онъ тогб не знáеть;
 Кгдїжъ въ монастирѣхъ не вельми чáсто давáють
 одѣжу; а запаснїе лїшнїе не мáють.
 Убгнїе черницї хочъ бóльшей и працують,
 тáлько жъ вбгнїхъ и тамъ не бáрзо шанують,
 А мáючихъ, якъ и вмреть, лúчшей поминáють;
 а нїщетнїхъ въ скóрий чáсъ и запоминáють.
 И якъ свїдкнїмъ не добрб на свїтї голншамъ,
 такъ же то и чернцáмъ сиротáмъ, побїдашамъ.
 И гóлихъ и пришельцовъ чáсомъ не приймають;
 хочъ би и ремесникъ бувъ, прочъ вислáють.
 И такъ, мїлий Бóже, всїмъ убгнїмъ не добрб,
 а котрїи много всего мїеть, томú добрб.
 И блаженъ и преблаженъ той въ теперешнїи вїкъ,
 хто мїеть чєго-кóльвєкъ довбльно человекъ.
 (Бо и въ лєкцїяхъ пишуть: »Хто богáтъ, той всїмъ братъ;
 а хто нїчого не мáеть, тогб нїхтб не знáеть«)....

За этїмъ слѣдуетъ характеризующее монастырскую жизнь заглавїе:
О иноцїяхъ (насъ южє) послїднїхъ (т. е. омонастырской черни), *тер-*
пящихъ безвїннїи и повиннїи премногїя злбá напáстїи и скóрби, и

лоненія, и оклветанія и нависті, и всяческіи озлобленія. Но стихотвореніе на эту тему состоитъ изъ общихъ мѣстъ, нестойкихъ выписки.

О безжённомъ житіи иноческомъ.

Свободѣ ѿнокъ отъ женъ и дѣтей, повѣдаеть,
 ёднакъ нѣжда, же своёй господиніи не маеть;
 А хочъ и всего также ѿний можетъ мѣть,
 а въ той рѣчи еднѣ то мѣситъ терпѣть.
 А що мовять: »Не жоні и не дѣтямъ збратіи«;
 а ёслиби мѣвъ жонѣ, такожь би моглъ зправляти.
 Але жѣнитись законѣ той не повеліваеть,
 тѣлько безъ помощниці самъ-ёдинъ пребиваеть.
 Мѣночій жонѣ, той ся и въ скорбѣхъ утѣшаеть,
 а чернцѣ бѣднаго Богъ тѣлько нехай утѣшаеть.

Слѣдующіе стихи даютъ понятіе о томъ, какъ тогдашній монахъ понималъ уединеніе. Братія его были просто человѣконенавидцы, такъ что, лишь только собиралось ихъ нѣсколько человѣкъ, тотчасъ обнаруживалась вся сухость ихъ душъ и, вслѣдствіе того, антипатія другъ къ другу, на мѣсто того, что испытываютъ люди, ясно понимающіе даръ Божій — жизнь. Мы ищемъ общества себѣ подобныхъ, и лучшіе свои часы проводимъ въ симпатичныхъ къ нему отношеніяхъ. Климентій и его братія, напротивъ, сойдясь въ одну келью, не могли не царапать по сердцу другъ друга, и потомъ предавались уединенію, для исцѣленія ранъ своихъ. Онъ говоритъ:

Кѣждий ѿнокъ возможетъ тебѣ цѣле признати,
 же наединіи не такъ скорбно пребивати;
 А где въ кѣліи соборъ великий пробуваеть,
 тамъ ненавиствъ и враждѣ часто ся украдаеть.

Даже вдвоёмъ не могъ тогдашній монахъ ужиться въ кельѣ, потому что, по понятіямъ Климентія, иноческая жизнь требовала тайны, а сожитель —

Бѣдетъ, вѣмъ, другѣго во всемъ осуждати,
 и ложно злыми дѣянъ тобо обношати,
 И завше въ ненавиствѣ бѣдетъ его мѣти,
 и отнюдъ неправедно тожь ненавиждити.

Размышленіямъ и воспоминаніямъ о женщинахъ посвятилъ Климентій 43 стихотворенія, что мы относимъ также къ условію его иноческаго быта. Мысль его безпрестанно обращалась къ запретному плоду, и какъ онъ ни

старался возвышаться надъ грѣховными пополазновеніями, но слишкомъ часто увлекался воображеніемъ въ противоположную сторону. Самыя нападки и обличенія его проникнуты разженной мечтою о томъ, на что чело-вѣкъ много быта смотритъ спокойно и нравственно. Вообще, онъ о женщи-нахъ думалъ низко и считалъ ихъ недостойными грамотности. Мечты его о другомъ полѣ оскорбительны даже для насъ, мужчинъ. Мѣры же къ исправленію нравственности замужнихъ женщинъ онъ предлагаетъ самыя варварскія. Въ сорока трехъ стихотвореніяхъ его, посвященныхъ сла-бѣйшей половинѣ человѣческаго рода, нѣтъ никакой мягкости и ничего подобнаго поэзіи, которою дышуть народныя наши пѣсни. Онъ представ-ляетъ женщину исчадіемъ діавола и богоульствуетъ самымъ возмущи-тельнымъ образомъ, желая играть роль возвышеннаго надъ міромъ мо-ралиста. Подобныя выходы не новы между его отпавшею отъ жизни бра-тією. Мы приведемъ только тѣ мѣста изъ его стихотвореній, которыя характеризуютъ собственно его личность.

Дармо, ся видить, женскъ полъ звиклъ письмá учѣти:
моглá бѣ цѣрковѣ и безъ нихъ письмá обходити.
Бо токо мужемъ далъ Богъ небезпотрѣбно,
а имъ—здаётца, ꙗкоби и непотрѣбно.
Женá письме́нна мужемъ прѣстимъ погоржаётъ
и, якъ простака, цѣле тобо вни́вчаётъ.
Овшемъ бо прáве жена́мъ письмо́ неприлѣчно,
тѣлько оно менщѣзнамъ потрѣбно и слѣчно;
А жена́мъ, якъ ꙗ́того колеса, такъ трѣба,
а мужемъ всѣкимъ всѣгда на все то потрѣба.

Въ одномъ стихотвореніи Климентій говоритъ, что женщинъ на свѣ-тѣ вдвое больше, нежели мужчинъ, —

Една́къ надъ жена́ми Богъ далъ мужемъ верхъ ми́ти,
а имъ не далъ му́жескихъ рече́й розумѣти.

Судя по совѣтамъ, какіе онъ даетъ мужьямъ касательно обращенія съ женами, можно было бы подумать, что женщины временъ Мазепы бы-ли вообще самой дурной нравственности. Но, на нашъ взглядъ, стихотво-рецъ характеризуетъ тутъ свою собственную натуру, исполненную по-дозрительности и лукавства.

Подоба́еть таковы́й вчинѣти совѣтъ намъ,
же ни́гда не да́ти ни въ чемъ віри жена́мъ;
Жена́мъ бо за́вше ла́тво такъ кля́тву сполнѣти,
якъ пра́гнучому ча́сомъ води́ ся на́пити.
Прѣто, аще би мо́щно, звѣздъ зъ не́ба бра́ла,
або те́жъ прѣдъ соббо́ю зѣмлю поа́дала,

То уже да не бѹдетъ онимъ віра данна,
хочъ би и прекрасная она билá пánна.

— —
И áще би и мáти, ёднакъ тáя жъ женá,
и презъ мáтерь бивáеть скорбъ и грѣху вина.

Какая разница въ воззрѣнїи народа на мать! Пѣсня о правдѣ и неправдѣ говорить:

Немá въ свѣтѣ правди, тѣлько рідная мáти.

Другая пѣсня возводитъ высокое понятїе о матери почти до боготворенїя:

Мáти нáша, мáти!
Де жъ намъ тебѣ взáти?
Хибá тебѣ, мáти,
Да намалювáти....
Намалюю мáтирѣ
На божничкѹ въ хáтї.
На божничокѣ глáну —
Мáтирѣ испомáну;
Назáдъ обернѹся —
Слѣзáми заллюся.

И вообще народъ высоко ставитъ въ жизни мать, почему и въ пѣсняхъ называетъ ее *порáдницею*, или *порáдонькою вірною*. Только такой человекъ, какъ Климентїй, вѣсушивъ душу въ отчужденїи отъ всѣхъ живительныхъ связей съ обществомъ человѣческимъ, могъ дофилософствоваться до такого нечестиваго взгляда на мать. Вслѣдъ за тѣмъ онъ избираетъ темою своихъ размышленїй неплодїе женъ и говоритъ:

Повѣждъ мнѣ, чемѹ жѣни многїи есть неплодны,
любо то и отъ мужей своихъ не свободны?

Размышленїе объ этомъ доставляетъ ему, такъ сказать, келейное удовольствїе, и можно себя представить, съ какими чувствами онъ написалъ: *отъ мужей своихъ несвободны...* Въ самыхъ, по видимому, благочестивыхъ его размышленьяхъ высказывается воображенїе нечистое, и похвалы его жѣнской непорочности дышутъ тайнымъ развратомъ. Напримѣръ, въ стихотворенїи *о вдовственныхъ женахъ*:

Живѹщая въ чѣстостї чѣстныя вдовици
обрящутся предъ Богомъ, якъ чѣстныя дѣвици,
И судилъ бихъ надъ дѣвицъ ихъ чѣстнѣйшихъ пáче,
звѣща здравихъ и юнихъ, то есть младѣихъ найпáче.
Дѣва бо плѣтскихъ грѣховъ себѣ не познали,
а онѣ и познавши, чѣстность заховáли.

И не дивно безъ того старимъ вдовамъ жити,
а младимъ, трудно, мовятъ, безъ того прожити.

Далѣ онъ размышляетъ о прельщеніяхъ женскихъ и о мужскихъ пристрастіяхъ до женъ, аздаща до чуждыхъ, и, пересыпая свою рѣчь готовымъ запасомъ ходячихъ душеспасительныхъ фразъ, изображаетъ неумышленно самого себя въ слѣдующихъ стихахъ:

Кто бо биваетъ до нихъ страстію побѣжденъ,
той не скоро впять будетъ отъ той свободенъ,
Бо изъ ума не будетъ то ему сходити,
аби прельстѣвшися могъ въ тихъ грѣхахъ пожити.

Но тутъ по крайней мѣрѣ мечты затворника-стихотворца прикрыты назидательнымъ тономъ; а потомъ у него идетъ стихотвореніе, рѣзко отличающее дѣйствительный строй его помысловъ.

*О терпѣніи женстимъ, како въ зимі студѣностей не боятсѣ,
когда во время лютихъ мразовъ на рѣкахъ хусти перуть.*

Подобно, пекельная горячость въ женскомъ тілі:
дозанна о томъ правда въ людѣи самими ділі.
А котріе жъ, повѣждъ мні, люде тогб дознали?
Тіе, котріе себи били жени поили.
А кромъ понятія нѣсть ли мѣчно тогб дознати?
Не увість непонявшій. Дай, Боже, и не знати.
А котрій хочъ познаетъ, той зѣло согрѣшаетъ;
великая бовимъ въ томъ ділі тайна биваетъ.
А что жъ то есть за тайна? не биваетъ ли явна?
Бо безженнихъ за то караютъ здавна.
А якіе жъ за тую речъ карности биваютъ?
Тіе, же часомъ за то здорѣвѣя умаляютъ.
О, понѣважъ такъ, и мні трѣба жену поити,
жеби могъ невозбранно тоби тайни дознати.
И Боже теби свою жонѣу понять поможі,
и чада побжнія отъ неѣ вамъ умножі.

Неловкое увлеченіе свое пекельною горячностью женщины Климентій вымѣщаетъ на женщинахъ же ругательствами.

И баба зъ хлопцемъ и бисъ въ ѣдномъ цеху ходятъ,
понѣважъ зъ тихъ трехъ персонъ все зѣло походитъ.

Потомъ дѣлается совершенно нравственнымъ стихотворцемъ и пишетъ:

*О женѣхъ въ корчѣмницахъ въ радѣхъ, а найпаче иде въ поляхъ
въ корчѣмницъ гостинницахъ блудно живущихъ...*

Еще выше становится наш моралистъ, когда начинаетъ предлагать мужьямъ душеспасительныя средства къ спокойной и, пожалуй, счастливой супружеской жизни.

Щастливъ той, хто жені злой ся не поддаваеъ,
и що, якъ бестіі, по ребрахъ часто даваеъ.

— —
Бо ліпшъ, мовять, желізо у воді варіти,
неже, пскою личіну, жену злу учіти.

Ужé человекъ бідний такій не изучитъ, —
Разві самъ дияволъ, гди зъ душею розлучитъ.

Все участіе, къ какому способенъ Климентій, отдаеъ онъ сторонѣ болѣ сильной, то есть самовластно карающему мужу. Онъ общаетъ ему, за претерпѣніе словъ и поступковъ ожесточенной имъ жены, царство небесное и наказываетъ ему колотить ее ежедневно. Вотъ его собственныя слова:

А теперъ, человекѣ, мусішь біду терпіти
и до смѣрти зъ такою не будешъ добра міти:
И самъ ты нехай Господь рачитъ свободити,
а жену твою згую зъ світа скоренити.
Ти же восходи тѣе отъ ней пострадати
за покѣту, — и будешъ въ небі царствовати.
Едкакъ жені своей злой ні въ чемъ не хлїся,
и каждый день кѣмъ паритъ не лїнїся;
А такъ певше одъ Бога приймешъ нагороду,
и получишь отъ муки вѣчной себѣ свободу.

Вотъ мораль, высиженная въ удаленіи отъ міра! Вотъ выводъ изъ перечитанныхъ стократно книгъ закона! Не къ такимъ ли людямъ относятся слова благаго Учителя: *ожжди слымы!* Въ украинской народной поэзіи старыя поколѣнія завѣщали новымъ иныя нравственныя убѣжденія, но это именно потому, что учителя, подобные Климентію, захватили въ кругъ своихъ нечистыхъ чаръ далеко не всю массу населенія родного края. Еслибы однородная съ его виршами литература проникала всюду такъ, какъ проникаетъ пѣсня, — Украинскій народъ былъ бы сухой фанатикъ и темный изуверъ, Украинскій народъ былъ бы низкій матеріалистъ, прикрытый маскою безчувственнаго святостества. Такимъ именно является чуждый народнаго духа и вкуса стихотворецъ, находящій непонятное для насъ, обыкновенныхъ смертныхъ, удовольствіе перемѣшивать дидактику съ цинизмомъ. Напримѣръ, въ стихотвореніи: *О женѣхъ блзнята рождajúщихъ, сирічъ по двѣ дїтїи:*

Гдѣбъ котра́я въ годъ по двѣе рождѣла,
 такѣя билѣ бѣ отъ всѣхнхъ козако́въ похва́ла,
 А хочъ би но едино́му, абѣ ко́ждо́го ро́ку,
 ижъ би се запѣсла на то́е зворо́ку.

Въ другомъ стихотвореніи: *о оспалихъ людѣхъ, которіе вѣлми твѣрдо и много надѣ миру и не чѣтко спятъ, кохѣючися збѣтне въ сну вели́комъ*, казалось бы, «виршопіисъ» долженъ держаться въ области чистаго умозрѣнія и разсуждать о вредѣ излишняго сна для тѣла и для души; но нечистое воображеніе тотчасъ рисуеъ, къ его услугамъ, соблазнительную картину:

А пудъ часъ тежъ и жонѣ той не встерегѣтъ,
 котбрая житнѣмъ своѣмъ ошукнѣѣтъ,
 Гдижъ мѣжетъ се таковѣхъ женъ много знайдѣватъ,
 змежъ котборихъ ивѣя ждетъ, абѣ мужъ леглѣ спатъ,
 А самѣ о зломъ дѣлѣ въ той часъ проишлѣетъ,
 и мѣжеви своѣму віри не схранѣетъ.

Зато ужъ безукоризненна мораль слѣдующихъ стиховъ:

Въ монастырѣ чѣлости и тебѣ бѣ навчѣнно,
 ꙗко би ти чимъ-ко́львекъ удо́вжъ процѣвѣнно;
 Бо хто въ монастырѣ утро́ню заспѣлетъ,
 той пудъ часъ и покарѣтъ знемного бивѣетъ.

Правственность, поддерживаемая такими мѣрами, конечно должна приводить къ результатамъ, выразившимся столь осозательно въ стихахъ многострадальнаго Кліментія, который не можетъ себѣ представить цѣломудренную женщину иначе, какъ подъ строгимъ надзоромъ. Кромѣ страха физической кары, онъ не предполагаетъ въ женской душѣ другихъ, болѣе могущественныхъ охранъ чистой нравственности. Въ стихахъ своихъ онъ не смѣетъ обвинить поголовно всѣхъ женщинъ, предоставленныхъ самимъ себѣ въ отсутствіе мужей; но предположеніе возможности женскаго свободнаго цѣломудрія является въ его стихахъ въ видѣ риторической фигуры, посредствомъ которой онъ, не безъ пріятнаго ослабленія, садится на своего любимаго конька, какъ напримѣръ, въ стихотвореніи: *о женахъ мужниихъ и болшей въ домахъ своихъ безъ мужей пробувающихся*.

Я воображаю себѣ фигуру стихотворца-анахорета времяъ Мазепы, странствующую по богатымъ весямъ и градамъ, пирогами обильнымъ, подѣ гнетомъ четверочисленной скорби, яже есть: *грѣхъ, немо́щъ, ни́щета и озлобленіе*. Я воображаю, какъ онъ обходитъ окольными улицами дворы съ псами, которыхъ отъ всеѣ души не терпитъ уже по

одному тому, что, при ихъ посредствѣ, невозможно дѣлать назиданія даже и такой женѣ, которая *ждетъ, аби мужъ леглъ спать*; какъ онъ днемъ читаетъ въ корчемныхъ домахъ ту или другую часть своей книги, смотря по тому, какого сорта люди его слушаютъ; какъ во время уединенныхъ прогулокъ по пустыннымъ берегамъ рѣчекъ или прудовъ, дѣлаетъ онъ наблюденія надъ *терпнїемъ женстимъ* и предполагаетъ въ женскомъ тѣлѣ *пекѣльную горячность*, а вечеркомъ пробирается куда нибудь *низома, хмизома, поидѣ вѣрбами*. Все это онъ обдѣлываетъ отлично. Ему ли не быть мастеромъ своего дѣла, когда онъ такъ убѣдительно написалъ наставленіе своимъ преемникамъ: »Когда пожелаешь иногда сдѣлать какой-нибудь грѣхъ, то старайся всѣми мѣрами укрыть его отъ людскихъ глазъ. Большое или малое сдѣлаешь прегрѣшеніе, *утрись и запрись, жебѣ сичь и сова не знала!*« Такъ онъ писалъ, такъ, вѣроятно, поступалъ и самъ. А чтобъ отвратить и самое предположеніе въ мірянахъ, что онъ способенъ къ какимъ-нибудь шапнямъ, онъ преподаетъ имъ самыя строгія правила, дышашія безчувственною жестокостью и приговариваетъ:

Истинную правду я тобі повідіаю,
божъ на свѣті всіаки рѣчи такъже знаю....

Сознаніе собственной опытности даетъ его рѣчахъ тонъ автократическій. Онъ, по всей справедливости, называетъ глупцомъ того, кто его слушаетъ; онъ приобрѣлъ полное на то право:

Пѣвно, бѣдетъ крѣпко Богъ того карати,
же злой жені, якъ шкапи, не вмїетъ (на узді) держати.
Отбожъ тобі, глупіаче, науку даваю:
абися ребра крушілъ злой жоні, поражаю.

Далѣе онъ вселяетъ въ слушателя собственную подозрительность и обрекаетъ его на вѣчныя опасенія за свою жизнь:

А ежели порáду мою занехáешь,
не минѣтся велика бідá, — самъ дознаешь;
Бо на здорóвье твоѣ жонá твоá ватúетъ
и — чегó не знаешь — смерть тобі готúетъ:
Пíти и íсти тобі потрáви давають,
а часомъ и трутíзну тобі жъ зготовляють.
А такъ, окайнииче, самъ напро́дъ не кúшай, —
нехáй жонá пьетъ першъ и ясть, — мене слúшай.
А гди бъ самá напередъ скúшати не мíла,
то горшкóмъ абó кíемъ коснйсь еí тíла;
Абó дúркою скрутí ей рúки и нóги,
жебíи не перелíзла и черезъ два порбги;

Абб, звязавши, посади къ гарячої пѣчи,
щобъ припеклися онуй шатанскіе плѣчи.

Вотъ семейная инквизиція, до которой трудно додуматься челоѣву, живущему въ кругу семьи и на которую не способенъ рѣшиться тотъ, кто находится подъ вліяніемъ образа мыслей родныхъ и сосѣдей, живущихъ семействами.

Одно изъ его стихотвореній, ничтожное по содержанию, носитъ заглавіе, характеризующее національныя убѣжденія Украинцевъ временъ Мазепы, — именно: *О иновірной единой персоні между мужемъ и женою, то есть (наприкладъ) кѣди биваетъ часомъ мужъ Ляхъ, а жена благочестивая, абб жена неблагочестивая, а мужъ благочестивый, а хочаи и обое благочестивие, да не еднихъ людѣй, сирѣчь: мужъ будетъ Москаль, абб Литвинъ, або Бойко, або Цыганъ, или тежъ зъ Жюда перѣхристъ; или зась жонá таковихъ людѣй, а онъ правдѣйи Руснакъ, Козакъ, Украйнецъ порбди Малороссійской.*

Изъ самого стихотворенія стоить привести только слѣдующее мѣсто:

Тбе жъ есть, гди не еднихъ и людѣй порбди:
не міють и такіи межъ собію згбди;
Же то власне поросѣ зъ вѣвкомъ пробуваеът,
а жалости и скѣрби що-день прибавляеът.
Зачѣмъ-то подобаеът людѣмъ християнскимъ
не мѣть прѣчти къ дѣшамъ инорбднимъ и поганскимъ.

Достоинно также вниманія, что, по словамъ Климентія, браки въ старинной Украинѣ заключались раньше нынѣшняго. Онъ говоритъ, что нѣкоторые родители —

. . . безвременно замуужъ давають дівіци:
въ единадѣсѣтихъ літѣхъ отроковіци.
А въ дванадѣсѣти літъ синѣвъ оженіють.
— — —
А то, вимъ, въ Литві малѣхъ жѣнятъ, зле справують,
що несмісленнимъ дітямъ свѣтъ тѣлько завязують.
Въ шестнадѣсѣтихъ літъ слѣшно младенца женіти,
а дівіцию въ тринадѣцѣть, — інакъ не чиніти.
И такіхъ ещѣ бѣ ввѣдѣти въ той чинъ не подобало,
да на іний часъ до літъ слѣшнихъ откладало;
А слѣшность літъ — въ двадѣцѣть рокъ оженіти сѣна,
отъ котораго мѣжетъ битъ въ рокъ и дитїна;
А дщѣрь пристѣбно замуужъ въ 15 літъ давати,
то можна рѣчь — до року и матерію стаѣти.

Мы представили характеристическія мѣста изъ всѣхъ стихотвореній, посвященныхъ такъ или иначе женщинамъ и наполненныхъ, какъ обыкновенно водится у подобныхъ авторовъ, безцвѣтными пошлостями. Остается еще два, и они стоятъ того, чтобы помѣстить ихъ здѣсь цѣликомъ. Они исполнены пьянаго комизма, въ который вдается необузданно челоуѣкъ, долго стѣснявшійся насильственной ролью. Въ нихъ Климентій является, такъ сказать, безъ клобука и рысы.

О женахъ, раждающихъ діти въ скорій часъ по принятію шлюбномъ и по браці въ кѣлько дний минувшихъ, а не въ рокъ.

Козацкій звѣчай тѣе-то дівці мають,
що заразъ по весілю и діти рожають;
Бо на свѣті такъ мовять: »Козацкому роду
мало когда, абб тежъ немашъ переводу.«
И добре чинять, же то зъ запасомъ приходять,
запаси бо жадною мірою не шкодять.
Где ещѣ девять місяць на тѣе труждаѣти,
а тѣ липшъ въ скорій часъ приплодокъ оглядаѣти.
И хто-кольвекъ межъ людми тѣе похваляеть,
котѣрий где чоловѣкъ роботу поспішаеть.
Зачѣмъ здорови собѣ живѣти и пробуваѣте,
и безъ лѣности въ ночь и въ день въ томъ ся труждаѣте.

О дівцахъ, діти раждающихъ.

Не треба таковѣхъ дѣвъ карністю карати,
що стараються въ вѣйско людѣй примножати;
Бо, яко здавна людѣй войскамъ було треба,
а тепѣрь, въ нашомъ віку, найпаче потреба;
Гляжъ немого вѣйско малу силу маеть,
а великое внивечъ меншихъ обрацаеть.
Зачѣмъ би то слѣшна речъ тѣе похваляѣти;
абб невольно свого добраго давати.
Онѣ бѣднѣе вѣйску такъ щѣро приняють,
а другіи невинно за то зневажають.
Прѣто нехай каранни тѣи то бивають,
котріи дѣтѣй своихъ дѣрно погубляють.
Еднакъ же онѣ держать звѣчай той козацкій;
хочъ добре, хочъ не добре, все то по козацкій.
А ви, дѣвки, за тѣе менѣ похваляте,
да кварту и другу ю горѣлки купите;
Бо я сѣе написавъ, вамъ то на похвалу,
а при васъ и козакамъ-друзѣмъ чиню славу.

До сихъ поръ вниманіе наше было сосредоточено главнѣйшимъ образомъ на личности автора, въ которой выразился болѣе или менѣе весь

классъ людей, къ которому онъ принадлежалъ. Далѣе мы прослѣдимъ его рукопись по состояніямъ и ремесламъ, то есть выпишемъ все, чего нельзя назвать общими мѣстами, заливающими всю книгу и дѣлающими чтение ея крайне утомительнымъ. Но, разставаясь съ личностью Климентія, какова бы она ни была, укажемъ признаки, по которымъ мы относимъ его твореніе ко временамъ Мазепы.

Во-первыхъ: на листкѣ 272, онъ говоритъ, что зналъ въ Каневѣ попа-двоеженца, которому Ясинскій благословилъ служить безпрепятственно; а Варлаамъ Ясинскій былъ митрополитомъ Киевскимъ съ 1690 по 1707 годъ. Вотъ и самые стихи, въ которыхъ объ этомъ говорится. Они писаны блѣдными чернилами и, вѣроятно, по смерти Ясинскаго; иначе — онъ придалъ бы ему титульное имя.

О попадяхъ, замужь идучихъ по смертехъ³ поповъ своихъ.

И той рѣчи можемъ ми вѣлыми задивѣти,
же невольню въ другій разъ попамъ ся женѣти.
Хто той законъ в zakonилъ, ми не знаемъ,
тѣлько тому ся крѣпко, крѣпко удивляемъ.
За священника-вдовца отвѣтъ сотворѣти
можетъ тотъ, кто законъ сей дерзнулъ положѣти.
Кгда попь-вдовецъ въ грѣхъ блудный упадется,
ажъ и законъ давшему кѣнче не минѣтся.

— — —
Бодай би онъ изъ своимъ закономъ и не снѣлся,
же, неразумный, Христу Спасу спротивился!
Азь, виршопѣсь, видѣлемъ двоженца прощѣнна
и до служебъ Божихъ цѣле припущѣнна.
Въ Каневі отѣць Андрѣй, въ четверопрестольныхъ
патріархъ бѣвшій⁽¹⁾, принѣслъ патѣнтъ верховныхъ
Зъ Іерусалима, зъ Александріи и Антиохіи
и Константинаграда письма неплохїи;
И, вѣдлугъ письма, Ясинскій служить благословилъ
и жадною рѣчию ни въ чемъ не спротивилъ....

Во-вторыхъ: на листкѣ 273, восьма нетвердою старческою рукою, но тѣмъ же почеркомъ, что и вся книга, написана замѣтка: *Року* ⁽²⁾ 1712, мѣсяца юня, числа 21, на Ивана Предтечи, великая бѣрзе бѣра великая була, котѣрая церквей Божие ламала и по дубровахъ великие сосни и б... ⁽³⁾

⁽¹⁾ Т. е. который былъ у четверопрестольныхъ патріарховъ.

⁽²⁾ До какой степени немощный человекъ писалъ эту замѣтку, видно изъ того, что вмѣсто *року* онъ писалъ *руку*, а вмѣсто *великие* — *векне*.

⁽³⁾ Не дописано.

Чтобъ не возвращаться болѣе къ личности автора, приведемъ кое-что изъ объяснительныхъ его стиховъ, изъ которыхъ вообще мало объясняется фактическое его положеніе.

Ужé що ся въ сей книзі писало, то писало;
хочь троха́ и каюся, такъ ся тбе́ стало.
А прѣдсяжъ и плъзи въ ней немало́ набудешъ,
якъ ся собі́ добудешъ и читатъ будешъ.

Изъ послѣдняго стиха можно заключить, что Климентій сочинялъ свою книгу для продажи. Это подтверждается слѣдующимъ заглавіемъ одного стихотворенія, показывающимъ, что въ тѣ времена существовалъ особый классъ людей, занимавшихся перепискою чужихъ и сочиненіемъ собственныхъ книгъ: *О писаря́хъ рѣзнихъ, то есть ѣменно, що кни́ги гото́вие препісують, и видаю́ть зъ голо́ви я́кіе новіе річи, и о писаря́хъ тежъ гра́дскихъ и монасти́рскихъ, грамоти, абѣ зась листі́ пїшуцихъ и вся́кіе крїпкіе правá.*

Все это стихотвореніе, какъ и многія другія, наполнено несноснѣйшимъ пустословіемъ. Выпишемъ только четыре стиха:

И часомъ ся случаетъ писати такъ трѣдно,
же ажъ, не напившися горілки, то нѣдно....
И сей віршопісь маєть къ писаря́мъ горлі́вость (*),
бо и самъ тимъ билъ, — знаетъ тѣю доле́глівость (**).

Вѣроятно, Климентій былъ монастырскимъ писаремъ, а пожалуй и мірскимъ, до вступленія въ монашество. Вообще, это былъ, что называется, тертый калачъ и, безъ сомнѣнія, перемѣнилъ на вѣку своемъ не одно званіе: иначе — онъ не зналъ бы столькихъ подробностей и обстоятельствъ, относящихся къ описаннымъ имъ разнообразнымъ ремесламъ. Онъ, кажется, и самъ придавалъ цѣну своей бывалости, потому что любить вдаваться въ номенклатуру каждаго ремесла. Такъ какъ онъ не различаетъ ремесла отъ промысла, а промысла отъ состоянія, то и мы будемъ смотрѣть на тогдашній украинскій міръ его глазами. Чтобы начать съ высотъ, на которыя осмѣливался Климентій бросать наблюдательный взглядъ свой, приведемъ стихи его о тогдашнихъ архіереяхъ. Непонятно однакожь, почему онъ не дерзалъ выносить соръ изъ панскихъ дворовъ, а объ архіереяхъ написалъ очень смѣлое обличительное стихотвореніе. Не потому ли, что книга его назначалась для мірянъ, которымъ было

(*) Усердіе. — (**) Тагость, трудность.

опасно держать въ домахъ своихъ сатиры на предержанія свѣтскія власти? или, можетъ быть, его не поражадо хищничество тогдашнихъ пановъ, столь очевидное по другимъ документамъ и даже по его собственнымъ дружелюбнымъ къ нимъ обращеніямъ? Въ сатиру на архіереевъ, у Климентія, въ заголовкѣ высказано больше, нежели въ самихъ стихахъ: *О кумовствіі, що куми брати кумові не благословляють, або тежъ дочки кумині. А іди хто пересолить добре талярми, або чирвоними золотими архиерееви котрому, то и гріхъ прочь откладають, и благословляють, и беззаконіе на законъ прекладають.* Изъ самого текста мы выпишемъ только слѣдующіе стихи:

И не тільки самому куму взять збороняють,
але ещё и синбмъ также возбраняють.
А гди владикамъ очи добре засліпляють,
то обіма рукамі тихъ благословляють.
И нехай би владіки нічого не брали,
да дарёмно, безъ всякихъ дачъ благословляли.
Але за гріхъ собі великий почитають,
а хто подсунеть добре, и гріхъ прочь откладають.

О панахъ Климентій имѣлъ понятія самыя рабскія. Онъ не допускалъ и мысли, чтобы власть попадала въ руки недостойныя, хотя передъ его глазами властвовалъ коварнѣйшій изъ пройдохъ, гетманъ Мазепа. (1) Онъ говоритъ:

Человікъ самъ собою власти не приймаеть:
тільки ему отъ Бѣга посланна биваеть,
И хочъ часомъ панъ якій на урядъ промоваль (*),
еднакъ найпаче самъ то Господь Богъ кероваль (*);
Бо всяка власть въ Бѣжихъ рукахъ жительствоеть,
еяже кому хѣчетъ, гѣдному дарствоеть.

Въ стихотвореніи: *О веселості двѣрской и о смущеніи*, онъ сравниваетъ пана съ Христомъ:

Если часомъ весель панъ, и слуги веселятса;
а ежели панъ смутень, и слуги смутятса.
Смутна жъ била вся тварь, гди Хрестѣ распѣто,
поневажъ зъ свѣта всяку радостъ билѣ отнѣто;

(1) О личномъ характерѣ Мазепы даетъ понятіе Пасекъ, авторъ извѣстныхъ въ польской литературѣ *Pamiętników*, на котораго Мазепа нагалялъ королю и отъ котораго получилъ въ королевской пріемной пощечину. Мнѣніе Паска о Мазепѣ тѣмъ интереснѣе, что онъ писалъ о немъ, не зная его будущности. (*Pamiętniki Jana Shrysostoma Paska. Petersburg. 1860 pp. 101, 152 — 156.*)

(*) Вызывался, старался получить. — (*) Управлялъ, направлялъ.

А когдѣ такожде впять Христось изъ мѣртвихъ востѣлъ,
тогда нѣвое мѣру весѣлле даровѣлъ.

Поклоняясь панамъ униженно, до профанаціи святыни, Климентій осмѣливається просить ихъ, въ особомъ стихотвореніи, не слухать ябедниковъ:

Щѣ то, панѣве, у васъ есть такіи за звѣчай,
же то оскорбляете слугъ свойхъ надъ звѣчай,
А найпачей слугъ вірнихъ и южъ заслужѣнныхъ,
и жадною мѣрою въ чемъ не подозрѣнныхъ!
Кгди жъ мѣрзскимъ клеветникомъ віру имаєте,
ажъ они лгутъ, яко пси, ви и не знаєте.
Навѣтъ кажіть тимъ лгаріямъ доводъ доводжати,
а собі тогѣ часу всяко розсуждати;
А не мѣли би слухнихъ доводовъ давати,
то звѣляйте кнѣми такіихъ частовати.

Взяточничество не могло не существовать подъ самовластнымъ и любостыжательнымъ гетманствомъ Мазепы. Въ стихотвореніи: *О убогихъ людѣхъ*, Климентій проронилъ два стиха о лихоимцахъ:

Бо богачъ сѣдямъ очи мздою забиваетъ,
и тобою до концѣ бнихъ ослѣпляетъ.
А убогий неборакъ хочъ трѣхи споткнѣтся,—
пѣвнѣ побѣденному дармо не минѣтся.

Различіе состояній въ тѣ времена было велико. Климентій пишетъ, что убогіе люди, служа по наймамъ, часто не получали своего бѣднаго заработка. О судѣ и правѣ онъ не упоминаетъ и грозитъ грабителямъ только Божескими наказаніями. Что богачи тогдашніе были далеки отъ простоты въ жизни, — видно изъ описанія такъ называемыхъ ихъ *шафарей* (казначеевъ, дворецкихъ) и ключниковъ.

Шафаръ повиненъ писати всякіе росходи,
также якіе тежъ есть и приходи.
— —
И на сумнѣннѣ панства скѣрби вручаютъ,
нехай же и до панѣвъ шафарѣ щѣрость мають.
— —
Якъ то видимъ, такіи трафунки бивають:
якъ лічби не здають, своимъ докладаютъ.

Въ стихотвореніи: *О ключникахъ панѣвъ великихъ свѣцкихъ и духовнихъ властей*, онъ изображаетъ такимъ образомъ удаленіе пана отъ дворскихъ слугъ.

Всякий панъ, якъ вірного слугу вподобаєть,
 то тѣди велѣний скарбъ такому вручаєть,
 И розкажуть инъ панъ, же до вбѣгихъ мій взглядъ
 и въ своємъ послушенстві во всемъ добрь доглядъ:
 Жебі ма не о всемъ томъ въ свой часъ турбовано
 и жебъ мні отъ двѣрскихъ слугъ не доношанно,
 Же по гѣдности въ свой часъ кому звѣючи дай,
 а згѣла хто бунтовникъ гѣрдий, тому не дай.

Изъ этого видно, что дворекіе слуги во многомъ, если не во всемъ, зависѣли отъ шафара или ключника, — и поэтому-то клеветники и ябедники, въ панскихъ дворахъ, были въ большемъ ходу. При независимости личной, право сильного до такой степени развилось въ гетманство Мазепы, что панъ называлъ *бунтовникомъ* непокорнаго, то есть не все сносящаго подсосѣдка или двороваго слугу. Климентій одобрялъ панскія мѣры для удержанія пахарей на панскихъ земляхъ; но дворовымъ, видно, доставалось отъ пановъ еще больше, и потому онъ написалъ стихотвореніе: *О вѣстелехъ, карѣющихъ людей, або и слугъ своихъ домовихъ безъ доводовъ слѣшнихъ*, въ которомъ однакожь ограничился увѣщаніемъ судей и не тронулъ пановъ ни единымъ стихомъ. Онъ признавалъ за ними право наказывать кѣями дворчанъ своихъ, какъ это мы видѣли изъ его совѣта *частовати кѣями* ябедниковъ. Въ стихотвореніи: *О оскудѣніяхъ въ сіе время грошовыхъ*, онъ предлагаетъ панамъ (безъ сомнѣнія, сообразно съ тогдашними правами и обычаями) слѣдующія вѣрныя средства—заставить народъ не пренебрегать дурною монетою: 1) *шмаровати кѣями* ⁽¹⁾, 2) отбирать *худобу*, 3) *мордовати* (мучить) работою въ своихъ дворахъ. Это стихотвореніе исполнено историческаго интереса, и потому выпишемъ его цѣликомъ.

Скѣдно вѣлыми на грѣши стаю въ нашемъ віку,
 же трѣдно о нихъ згѣла нѣндзну ⁽²⁾ челоуіку.
 Хочъ заробити, лихѣими грошми заплачають,
 а и лихѣими еще особъ укривжають.
 А добрие все собі богачі позбирали:
 жебъ билѣ що на той світъ братъ, въ зѣмлю поскривали.
 И нехай же и въ зѣмлю грѣши сокривають,
 або хочъ ложками ихъ въ стравахъ пойдають,
 Тільки жебъ гладкими наветь не браковали,
 и шафаровъ своихъ на то не научали.

(1) Слово *кѣями*, какъ здѣсь, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, написано большими буквами.

(2) Убогому.

Людямъ вбогпмъ чехі зли по чеху давають,
 а отъ нихъ по осмаку въ купляхъ отбирають,
 Бїлеби якъ несїтства свой насїтїти
 и всї шкату́ли презъ верхъ самїи наполнїти.
 Уже жъ, е́сли пблните, добре наполнїйте,²
 да принїмнїи поспблству браковать зборонїйте.
 Нехай по-Запорбзскїи би не перебирали,
 да и гладкими грошми не браковали.
 Если бїсте ви, вла́сті, тихъ браковъ зборонїли,
 добре бїсте наро́ду крїпко учинїли.
 А то, на васъ глядячи, и самї бракують,
 да ненави́сть и скорбъ межъ собою справують.
 А спосо́бъ би вамъ такий слўшне былъ на то́е:
 гдї бїсте кнїми шмаровали за то́е,
 Абó тежъ на худобахъ мужиковъ кара́ли,
 или робото́ю въ дворахъ своихъ панскихъ мордовали,
 Или тежъ самї бїсте престали браковать,
 и по городахъ люде́мъ презъ письма приказать;
 А ина́чеи не мо́жно вамъ браковъ скоренїти,
 и самї не б́удете знать, що зъ тимъ чинїти.

Это стихотвореніе гармонируетъ съ извѣстнымъ представленіемъ
 Мазепы о чехахъ, нарочно вычканиенныхъ для Украины.

Смерть богатаго и знатнаго чело́вѣка описана у Климентїа ходячими,
 избитыми фразами. Замѣчено только, что съ высокими титуломъ *вла-*
стеля соединяется непременно богатая нажива:

Бо гди вла́стель, то вспомнїть свой висбкїи титу́ль
 и предъ конаннемъ мно́го зъ скърбомъ узрїть шкату́ль.

За панами въ тогдашней Украинѣ слѣдовали, какъ вторая степень
 подражательной аристократїи, козаки, изъ которыхъ каждый, сдѣлав-
 шись урядовымъ чело́вѣкомъ, назывался уже паномъ, или, на Климен-
 тїевомъ языкѣ, властелемъ, и могъ, умирая, узрѣть передъ собою *мно-*
го зъ скърбомъ шкату́ль. Мѣра его обогащенїа завистѣла не столько
 отъ важности занимаемаго имъ мѣста, сколько отъ его жадности, отъ
 равнодушїа къ подчиненнымъ и отъ умѣнья угождать болѣе сильнымъ
 людемъ ⁽¹⁾. Мазепа, выигравшїи такъ много во мнѣнїи потомства своими
 бѣдствїями, былъ, во время своего благоденствїа, верховнымъ покрови-
 телемъ и образцомъ хищничества въ Украинѣ. Онъ обогащаль своихъ
 родственниковъ; онъ предоставлялъ каждому свободу обогащаться по-По-

⁽¹⁾ См. приложенїа ко 2-му тому *Записокъ о Южной Руси*, стр. 348.

дуботковски (1); онъ потакалъ самоушправству каждого высшаго начальника съ низшимъ, каждого сотника съ простымъ козакомъ, и козака съ безоружнымъ пахаремъ (какъ это мы увидимъ ниже). Поэтому люди посполитые были паствою вооруженнаго сословія, которое играло роль аристократіи не хуже собственно такъ называемыхъ пановъ.

Слѣдующее стихотвореніе покажетъ, какой духъ вкоренился въ гетманскихъ козакахъ относительно ихъ беззащитныхъ братіи. Стихотворецъ не упоминаетъ вовсе о мѣрахъ строгости къ мародерамъ со стороны старшихъ, такъ какъ этихъ мѣръ никто и не принималъ, считая простой народъ за ничто. Даже и въ думѣ народной только Богъ каралъ козаковъ за жестокое обращеніе съ безсильными поселянами (2). Козаки обуздывались одной совѣстью въ своихъ неистовствахъ. Законы для нихъ почти не существовали: ихъ собственная судьба зависѣла отъ произвола лукаваго гетмана и достойныхъ его войсковыхъ старшинъ, руководствовавшихся въ своихъ поступкахъ только эгоистическими убѣжденіями.

О козакахъ, неібднихъ похвалі, меновіте о тихъ злихъ и окаяннихъ синѣхъ и не-отѣцькихъ дѣтяхъ, котѣрне у войско идуть,

(1) Въ упомянутой выше запискѣ Теплова, на стр. 189, сказано: «Старшины, опредѣляя имъ (простымъ людямъ) командировъ, яко бы выборомъ ихъ собственнымъ, а въ самомъ дѣлѣ единственнымъ своимъ самоольствиемъ, законы многоразличные обращаютъ во вредъ, а пользу ищущихъ правосудіа — въ прихоти, содержа ихъ въ подобострастіи тѣми чиновниками, которыхъ они опредѣляютъ и низвергаютъ. Я здѣсь разумѣю не тѣхъ только старшинъ, которые у нихъ называются генеральные, но, по ихъ же нарѣчію, всѣхъ тѣхъ, которые во всей Малороссіи въ судахъ высшихъ и низшихъ правосудіе отправляютъ, которыхъ власть, каждого по своему мѣсту, почти неограничена, а взаимное соединеніе мыслей неразрывное.»

(2) См. думу о бурѣ на Черномъ морѣ, въ *Сборникъ Украинскихъ пѣсень*, князя Цертелева:

Якъ я изъ гѣрода съ Ширѣтина, панѣве, виізжѣвъ,
близькѣхъ сусѣдѣвъ хлѣба й обліи безневѣнно збавлѣвъ,
 Дѣти маліи, вдѣви старіи стрѣннѣвъ въ грѣди товкѣвъ.

Въ вариантѣ, записанномъ мною отъ кобзаря Архипа Никонѣнка, воспоминаніе о безнаказанности вооруженнаго сословія выражено еще въ болѣе мрачныхъ краскахъ:

Тѣ ще ми, братѣ, не дѣбре вчинѣли—
 По ѹлицѣхъ добримъ кіньми гулѣли,
 Дѣтки малѣнкіи кіньми розбивѣли,
 Крѣвь христіянську безневѣнно проливѣли....

См. еще вариантъ въ *Малор. и Червонор. народн. пѣсн. Думѣхъ и Пѣснѣхъ* (Лукашевича), стр. 61.

а людѣй, на путѣхъ идучихъ, або идучихъ, обдирають, или щокольвекъ насильствомъ рабѹючи, пакості сотворяють.

Вѣльми тѣе козаки зле собі поступаютъ,
 же, идучі у войско, людѣй где обдирають.
 Подобало бѣ імъ тогда милостиню дати,
 а не такъ на погібель имъ вѣчну сотворіати.
 Запамяталне то, знати, въ таковіхъ злихъ дѹши,
 же показують бісу вгодни анімѹши (¹).
 И нехай тбе собі зліе рабі бѹдутъ знати,
 же съ помстою своєю Христось не бѹдетъ (іхъ) минати,
 И воскорі таковіхъ можеъ викореніати,
 и памать іхъ со шѹмомъ на-вѣки погубляти. •

— —

Побиють бо слѣзи на вѣкъ отъ нихъ оскорбленнихъ
 и всякихъ хочай мало отъ нихъ озлобленнихъ,
 И у войска пошедши, ку домомъ не возвратятъ,
 але бѹдутъ ганѣбно головами накладыть....

Не все козаки пользовались правомъ сильного; не всехъ осуждаетъ и Климентій. Вообще къ козацкому сословию онъ очень благовольтъ и допускаетъ неистовства только въ *не-отецкихъ дѣтяхъ*, т. е. въ безродныхъ бурлакахъ, записавшихся въ козаки. Въ одномъ мѣстѣ онъ пишетъ цѣлый панегирикъ козакамъ, въ которомъ говоритъ:

....грішіть Богу, хто даѣтъ козакамъ зневагу.
 Прбстий чоловікъ завше у дому пробуваѣтъ,
 а козакъ, шѣдши въ войско, весь домъ свой оставляѣтъ.

— —

Зачимъ не тілько ховай, Боже, нагапу давати
 козакамъ, але треба іхъ, якъ святихъ, шанувати.

Осуждая въ козакахъ желаніе быть погребаемыми въ поляхъ, на могилахъ, преимущественно передъ цвинтарями, онъ съ негодованіемъ говоритъ о мужикахъ, которые въ этомъ подражаютъ козакамъ:

Треба бѣ ганити подобно такіхъ челоуіковъ,
 же кладѹтся ниіе въ поляхъ зъ давнихъ віковъ,
 Кгди освященнимъ місцемъ церковнимъ взгоржאותъ,
 а на могилахъ себе клаіти повелівають.
 Хто бо подъ церковню главу покладаѣтъ,
 о томъ большъ церковъ Бога о покбй благаѣтъ.

— —

Бо мбвнть: *зде лежачихъ*, а не: *на могилі*,
 хочъ то и тихъ могильнихъ вспоминаѣтъ по хвїлі,
 Когдъ речѣтъ: *и повсюду Християнъ православнихъ*,

(¹) Характеръ, духъ.

та́кже вспо́минаєть и власте́й козако́въ сла́внихъ.
 Ино въ дорбѣ́ любь въ войску легті́ и въ полі,
 же церквѣ́ нема́шь; мусіть то бить по нево́лі;
 Ато зъ до́му нести́ся въ по́ле изво́ляєть,
 где вовкъ, абѣ́ тежъ ѳ́ний звірь ся похожаєть,
 А на священно́мъ мѣ́сту не хѣ́четь покладáть,
 лечь зъ добро́й во́лі хѣ́четь отъ церквѣ́ отдаля́ть.

— —
 Звичáй коза́цкиє въ тихъ рѣ́чахъ бува́ють:
 же въ поля́хъ кладу́тся и моги́ли висипáють,
 Того́ ра́ди, же въ войска́хъ бивáли и въ по́лю,
 и зъ непри́ятелими на поті́чкахъ въ бѣ́ю,
 Жебъ и по сме́ртѣхъ щі́рость і́хъ не запо́мина́нна,
 дабі́ хвале́бно лю́дьми чѣ́стними вспо́мина́нна.
 А мужи́камъ не тре́ба въ коза́цку сла́ву втруча́ть
 да гди не пудъ церквáми, то въ гѣ́мнахъ пудъ гру́шами по-
 кладáть,

Жеби жо́нки і́хъ гробѣ́въ чáсто наві́жали,
 а на мѣ́стахъ і́хъ дру́гихъ мужико́въ приво́жали.
 Ужé жъ, коза́ки, собі́ ви здо́рови бува́йте,
 а мужи́камъ прѣ́стимъ сла́ви коза́цко́й на потáлу не попу-
 щáйте.

Статья о Климентіѣ должна, кромѣ своего критико-исторического обзора, служить замѣною и самой рукописи Климентія, покажѣть не находящей себѣ издателя, а потому представимъ рядъ выписокъ о ремеслахъ, начавъ съ ремеслъ, ближайшихъ къ быту первенствовавшихъ тогда сословій.

*О кухмістерахъ, абѣ́ тежъ о кухаря́хъ, що́ готу́ють па-
 нáмъ і́сти мѣ́дро, абѣ́ хочъ чáсомъ и не мѣ́дро.*

Кухмі́стра, мѣ́вають, пудъ поро́гомъ положи́ти,
 е́жели би голо́домъ мѣ́в себѣ́ уморѣ́ти.

— —
 И тру́дящися не тѣ́лько бъ себѣ́ не зморѣ́ль,
 лечь би не згрѣ́шилъ, гди бъ и во́ного пожнѣ́въ
 (Ежели при достáткахъ мно́гихъ клопотѣ́тся,
 коло́ огню́, якъ́ мѣ́ха въ укрѣ́пі, верті́тся).

Пань би за то вели́ка гнѣ́ву не положи́ль,
 и Богъ би сме́ртельна грѣ́ха не постано́вилъ.

Пѣ́длугъ Письма́, тру́дникомъ прѣ́жде подобáєть вку́сити,
 и потѣ́мъ до столо́въ па́нскихъ чѣ́стно пося́ти.

И понѣ́важъ тежъ кѣ́хмі́стръ въ тру́дахъ своѣ́хъ клопотѣ́нь,
 тре́ба и емѣ́ того́ жъ вворва́ть, жебъ не билъ голоде́нь.

Бо пудъ чáсь на пумѣ́скахъ не тѣ́лько не оста́неть,
 а́лѣ́ бивáєть то, же ино́гда и не ста́неть....

О докторяxъ и о цілюрикаxъ.

Вельми и докторство есть потрібно на світі,
 же кождий би доктора хотілъ собі міти;
 А же о їхъ нўжно, же мало їхъ биваєть,
 кромь великъ сенаторъ где доктора тримаєть.
 И не тїлько оскўдно о докторовъ мўдрихъ,
 але и о прбстихъ цілюриковъ немўдрихъ.

— —
 Тїлько жъ на ліченомъ не наїздяться коні:
 графїялось тихъ лікарствъ заживати и мнї....

О гафаряxъ (¹).

И гафарство — чєстное ремесло на світі,
 и імъ бо далъ Богъ рєчи мўдріе умїти.
 И хочь онї и цєху у себє не мають,
 а поважніе штўки до церквєй зробляють,
 Яко-то: пояси, покрвци и воздўшки,
 а паномъ кульбаки гафўють и подўшки,
 И до сагайдачча оздоби придавають,
 и инїе чєстніе діла виробляють....

О золотаряxъ.

Золотарї треба би ангеломъ равнати,
 же мбжець небесніи сосўди зробляти;
 А то въ такїй цель тбе не инакъ ставаєть,
 ижъ всякий щирозлбтний пбсудъ вєбо маєть;
 Напрїкладъ, якъ-то: мїтри илї патерїци:
 тамъ бо царскїи вїнци, сцєптри въ Божой десїнци,
 И прбчєе мбжесть все зась знайдовати,
 котрбе звїкло zde въ насъ на землї бивати;
 Меновїте — вельможнихъ гетмановъ булави,
 до котбрїхъ потріба хотїщимъ головї.
 И инїи войскївнє ділають клейноти
 и прилїчнїе воинамъ рбзніе примїоти.
 И пояси ділають срібрнїе мўдрїи,
 и євангельскїи блїхи рбблять премўдрїи,
 А особъ капїтўламъ ділають печати,
 о котбрїхъ ажъ не знають, якъ рєщї почати.
 Также и властєльскїи лїски (²) оздобляють,
 якъ імъ повелївають, тако потрафляють.
 И позлоцївнїи тежъ зъ срібра рбблять кўбки,
 и всякїи до столобъ панскїихъ втожъ посўдки.

(¹) Гафарь — шмуклерь, занимающийся шитьемъ узоровъ и выдѣлкою кнестей, снурковъ и т. п.

(²) Палицы.

И до бѣтарей святѣхъ рѣчи престѣльни,
 и многи потреби такъже церкѣвни.
 И паннамъ перстени златїи изробляють,
 и каменями драгими бнѣхъ украшають.
 Додавають же кштѣлтовъ и на сагайдаки,
 и на сагайдачнїе бѣтра и кульбаки.
 И шаблї драгоцїнно срібрѣмъ осажають,
 же ажъ зрѣщи на тихъ вѣльми ся удивляють.
 И гўзїки робать и окладають нѣжна,
 и всегѣ неотмѣвни, все бо имъ возможна.
 И справляють тако жъ премўдри ножи,
 котрѣхъ держать собї богѣти мужї.
 А що есть кадївницї и срібрни лхтарї,
 и лїмпи, — все то тѣе робать золотарї.
 И до образѣвъ вїнцї, рўчки и корбни.
 Приймї до свѣей їхъ, Бѣже, оборбни!
 И що-кѣльвекъ на землї свѣтъ сей потребуеть,
 все то золотаръ своїмъ рѣзумѣмъ готуеть....

О довбишахъ, що въ бўбни бўбнятъ и о тренбачахъ, що въ трўби трўбятъ и въ сўрми сўрмятъ.

Дѣвбиши войсковїи ѣгри отправляють,
 такъже и тренбачї, гдї въ трѣбнї витрубляють.
 И потреба имъ обѣмъ братъ за брата жїти,
 же довбишь бўдетъ бубнїть, а тренбачъ трубити,
 И ѣгри ихъ слухачѣвъ часѣмъ ввеселяють,
 а иногдѣ на жалѣсть велїку возбуждають,
 Гдї, слїшащї, мѣщно судъ Бѣжїи памятѣти
 и архѣнгельскую тежъ трубу вспамятѣти.
 И до умнѣнїя слїшащїхъ приводить,
 повѣже чѣловїку и смерть въ памѣть ввѣдїть.
 А часѣмъ при банкѣтахъ весѣло слухають,
 когдѣ мїрно на пїрахъ пїтїи уживають.
 А особно зась довбишь въ раду вибубняеть,
 и въ походъ войсковїи тѣе жъ сотворяеть.
 И по побѣдахъ такъже зъ бўбни, витрубляють,
 колї южъ вѣйска собї триумфъ составляють.
 И предъ врати бўбнятъ, трўбятъ панѣвъ вельможнїхъ
 и въ Запорѣзкой Сїчї вѣйскъ слѣвнїхъ и побѣжнїхъ.
 Бўбнятъ въ Сїчї у вѣчѣрь, вѣйску ва похвалу
 и рѣпо, гдї въ то врѣмя и Бѣгу твѣратъ хвалу.
 Прѣто и войсковїмъ музїкамъ добръ прїемъ
 и, ѣко чѣстнїхъ вѣйску слугъ, щїро похваляемъ.

О музїкахъ, менѣйте о цимбалїстахъ и скрїпнїкахъ.

Весѣлое ремеслѣ музїцтво, повїдають,
 же ѣграми своїми смѣтнїхъ пудвеселяють,
 А весѣлие пѣче весѣлыми бивають,
 когдѣ музїки въ скрїпку и въ цимбали играють.

И чéстно тáкже собі на світі пробувають,
 ќди жъ и самóму Богу похвалу́ отдавають,
 Понéважъ, якъ ѝнше ремéсники цехъ ма́ють,
 такъ и оні́, спасéть ихъ Богъ, въ цеху́ заставають,
 И вéдлугъ церкóвного укладу́ поражають,
 и до церквѣ́й Божні́хъ свѣчи́ часто справляють.
 А гди́ бъ хто мóвнивъ, же лéгкимъ хлѣбомъ забавляють,
 та́кий имъ хлѣбъ Господь далъ, — нехай́ не подивляють,
 И хлѣба́ дарéмного нѣгдѣ́ не уживають,
 тѣ́лько егó вся́кне презъ пра́цу заробляють.
 И прѣто́, хто ремесла́ навча́еть,
 таковѣ́й меншъ прѣ́стою робѣ́тою тружда́еть.
 Ремесло́ свѣ́то діло́ на світі́ ся знайдѣ́ть,
 котрѣ́й зъ пѣльцою́ егó охѣ́тою патру́еть.
 И хто ремесла́ своего́ за́вше́ часто пильну́еть,
 томú до егó пра́ці и самъ Богъ́ пособствѣ́уть.
 Нехай́ же безъ лі́ности и му́зйки игра́ють
 и весѣ́лости молодѣ́мъ лю́дямъ додава́ють.
 А найгра́внися, нехай́ грѣ́ха и спочива́ють,
 да по пѣ́вной кля́ниці горѣ́лки випива́ють.

Казалось бы, стихотворецъ, столь довольный, какъ Климентій, скрипачами и цимбальниками, не долженъ вооружаться и противъ *дударей* или волынщиковъ; но у Климентія была къ нимъ какая-то непонятная для насъ антипатія. *О дударяхъ, що въ дуди играють, онъ пише* такъ:

Мерзѣная то игра́ дудá застава́еть,
 и шу́лицю́ всі́мъ грѣ́шнимъ лю́дямъ прѣзнача́еть ⁽¹⁾;
 Пади́мають бо́ ся, ꙗ́ко гѣ́рдий дме́тся,
 по́куль ревѣ́т и густѣ́ зъ бѣ́дою начи́ється.
 Повѣ́дають, же та́ игра́ нечестѣ́ва,
 лечъ, гди́ не отъ́ Бѣ́га, то отню́дъ злочестѣ́ва.
 А гди́ начну́тъ дударѣ́ дуди́ пади́мати,
 въ той́ часъ шпѣ́тне, же гѣ́би ста́нутъ отди́мати.
 А ижъ́ не отъ́ Христѣ́янъ прѣ́ве явилася́ на свѣ́тъ,
 не годѣ́ло бъ́ ся ѣ́й Христѣ́яномъ́ имѣ́ть.
 И не тѣ́лько дудъ, а́ле хочъ́ би и игръ́ жа́днихъ,
 бо́ будя́тъ блу́дную мисль́ въ чело́вѣ́цехъ жа́днихъ.
 Мо́жно бъ́ и безъ́ игръ́ въ сла́ву Бѣ́га повесѣ́литъ,
 а всі́ душевѣ́рднѣ́е и́гри искоренѣ́тъ.
 Ра́звѣ́ вѣ́ннихъ игръ́, що́ звѣ́кли въ́ войскахъ́ держа́тъ,
 котрѣ́ми въ́ вѣ́йпахъ́ на брань́ и на́ три́умфъ́ глася́тъ.
 За́ войсковѣ́е и́гри грѣ́хъ не́ положѣ́нно
 въ́ кнѣ́гахъ, а́ле и по́ сей́ день не́ отречѣ́нно.
 Мо́гутъ ихъ́ войска́ по́ день послѣ́дній́ трима́ти
 и къ́ звича́йнимъ́ потреба́мъ́ онѣ́хъ́ ужива́ти.

(1) Т. е. оужденіе на Страшномъ Судѣ.

II безгрішно есть въ трѣнби и въ доміхъ трубѣти,
 звѣща въ великихъ властѣй, и въ котліи біти,
 II зъ огненнихъ ору́жий часомъ випалѣти,
 абб тежъ, простійше мовлячи, стріляти.
 II, на хвалу́ Христову, и днесъ заживають,
 поневажъ въ Великъ-день на радость стріляють.
 Вспоминяючи триумфъ Христовъ, всегда́ що-робку,
 и, на умѣльность дұшамъ, чїпнѣть то знаробку,
 II на Богоявлѣнскій прѣздникъ та́кожъ стріляють,
 очищеніе отъ грѣхъ мїру извѣщають.
 А корчѣмніе ѣгри похвалі не гѣдни,
 бо тїлько своявольнымъ людемъ оні вгѣдни.
 А барзій дудѣ, здавна подобно проклята,
 щобъ отъ благословѣннихъ она́ билѣ отнѣта!
 Проклятому роду ю тримать подобаєть,
 котѣрий Христа́ Бога во віки не знаєть.
 II бодай загїнула дудѣ на всі віки,
 жебъ большъ не видали ю вірніе чоловіки!
 II научившимся людемъ въ неѣ игрѣти
 трѣба за тоє крѣпко отъ сѣрдца каїти;
 А еї до всіхъ дѣбловъ у вѣду втопѣти,
 абб огнемъ великимъ у гною спалѣти....

Точно такъ возстаєть онъ и противъ танцевъ. Видно, оба эти стихотворенія писаны были въ монастырѣ, послѣ прогулокъ *пїзомъ*, *хмізомъ*, *пони́дъ вѣрбами*. Сравнивъ танцоровъ съ древнею Иродіадою, онъ продолжаетъ:

II тепѣрь танцовъ много на свѣті биваєть,
 кѣждий человекъ правду на тебе признаєть,
 Яко-то: на ѣгрищахъ и на тихъ позбрахъ,
 и по корчѣмнихъ вездѣ своявольнихъ двѣрахъ;
 II на весілляхъ брачнихъ та́кже танци бивають,
 и многовертїмимъ пляснѣмъ Бѣгу згрїшають.
 Мѣцно бѣ браку закбипу обїйти и безъ того,
 именно безъ плясѣннѣя проклятого....

О сїдлярѣхъ, абб тежъ о кульбачникахъ, що кульбаки робить.

Дobre то вїгадано кульбаки робїти,
 жебъ, іздѣчи хто вѣрхи, на такъ ся могъ збїти.
 II честніе то річи кульбаки, и вѣжніе,
 бо іздѣять осѣби високоповѣжніе....

О шабельникѣхъ не могъ Климентій ничего больше сказать въ цѣломъ стихотворенїи, какъ: что они *премудріе шаблі иаробляють* и что маляры изображаютъ съ мечемъ святыхъ.

О сагайдачникахъ, що сагайдаки (абѣ тежъ по-прѣстїи мѡвѡчи) лυки рѡбѡтъ козѡцкїе.

И сагайдачники, що лυки изрѡбѡлюють,
та́кже, зная, козакѡмъ потрібни бѡвѡють,
Бо кгдажъ до стрѣль и лυковъ особно потреба,
а тативу и самъ мѡжетъ здѣлать, якъ треба.
А що самѣе, мѡвлю, бнѡе-то лυки
учѡбнѡе майстерѡве рѡбѡтъ ремесникѡи,
Бо козаку и лυкъ — привилѣїи, абѡ клейнѡть,
абѡ тежъ, вѡмъ, козѡцка оздѡба и примѡѡтъ....

О стрѣльникѡхъ, що стрѣли козѡцкїе рѡбѡтъ и о козакѡхъ по-хвѡальнѡе.

И стрѣльникѡи козакѡмъ потрібни бѡвѡють,
понѣважъ до воѡннихъ справъ стрѣли зрѡбѡлюють;
Бо и стрѣлю мѡщно та́кже поразѣти
и якъ огненною стрѣльбою умертѡвити.
И дѡвнаѡя рѣчь стрѣли, гди нхъ витѡгають
вѡбру: и вѡсоко такъ нѣчѡмъ не досягають.
Же котѡрий знаѣдется козѡкъ здѡрѡвнихъ рукъ,
то такий крѣпко мѡщно и добре тѡгнетъ лυкъ,
Же ажъ мѡжетъ на верстѡу вѡздухъ зачѣпѡти
и хмѡри вѡздѡшнѡе стрѣлю пробѣти.
И то по правѡди томѡу та́ко бѣти мѡжно,
кгда и билѡ на свѣтѣ тѡе-то не лѡжно,
Ижъ нѣгдѡсь стрѣла, вѡбру козакѡмъ пушѣнна
суха, а зъ висѡтѣи вѡ долъ мѡкра вѡзвращѣнна.
Знать то, же скрозъ дождѣвну хмѡру стрѣла пройшла,
тѣлько що щѡсь ѡблаковъ небѣснихъ не дойшла.
Билѡ то на Сѡверѣ, вѡ пѡсѡдѣ сѡбѣ вѡку,
при людѣхъ мнѡгихъ, а не при еднѡмъ челѡвѡку.
И тогдѡ жъ хмѡри чѡетка на зѣмлю изпѡла,
велѣчѡствомъ, ѡко челѡвѣчая глѡва,
Въ подѡбнѣи лѣда, и тамъ же и изтаѡла,
и вѡдою свѣтлою на зѣмлѣи зѡстѡла.
Прѣто дѡвѡватѡнѡе и засѣ стрѣламъ треба,
же маѡю самѡго не досягають нѣба.
А ви, козакѡи, лυкъ, здѡрѡви, потѡгѡйте
и зъ ѡгненнихъ ѡружѡиїи смѣле выпѡляйте....

О солѣтраникѡхъ.

И солѣтраницѡство — якъ ремѣство подѡбно,
же солѣтранѡи на пѡрохъ вѡставѣчно надѡбно.

А вѡ солѣтранѣи велѣкий кошъ укладѡють,
гди господѡрѣи сѡбѣи мѡйдѡнъ закладѡють;

И великъ кріпко заводъ треба на той розходъ,
покуль ўзрать солітру и изъ нея приходъ....

О пороховникахъ.

Такожь людянь потрібни и пороховникі,
яко тежь и йнше всюда ремесникі.
Прохъ бо потрібенъ, гди звірэй, птицъ стріляють,
и въ день Богоявлєнський, гди воду освящають.

И пороховнику дай, Ббже, мїть пожитокъ,
и, за працу его, въ домъ великий прибитокъ....

*О роговникахъ, що роги козакамъ робять носіти при боку,
для держання порохового.*

И козакамъ треба также майстеръ рбзний, —
розглядівшися, трохá не ремесникъ кождий,
А особливйше тежь той-то и роговникъ,
яко и йний майстеръ, абó зась ремесникъ;
Бо козакамъ треба всякого привїлля,
тїлько не барзо треба шєвского копїлля,
А рогбвъ на порохі завше потребують,
и въ нихъ, идучї въ войско, порохі готують.
И добрий въ козаковъ чинъ — зъ рогáми ходїти
въ войску, бо въ рогáхъ пброхъ не мбжесть змочїти,
Не замбкнесть натравка и впять ладовнїца,
а безъ бйстра пистолєть змбкнесть и ручнїца.
И роговникъ же нехáй козакамъ ся прислугуєть,
и отъ нихъ похвалї и лáски заслугуєть.

*О иконописцахъ, сїричъ о малярáхъ и о чєстномъ рукоділї
бнїхъ, и о богомáзахъ.*

Рбзние мўдростї самъ Богъ на свїть далъ
пєрвого віку, когда сей свїть и миръ создáлъ;
Всякихъ бо рукоділїй презъ Духъ Святъ научїлъ,
и малярскую мўдрость тогдá жъ людемъ открьїлъ,
Жебъ на чемъ-кбльвекъ его тварь изображáли,
такожде и всіхъ святїхъ твáри малювáли.
И ещє икбвъ творцї знайдують штихарї,
и другїе чєстнїе жъ люде золотарї.
И котрїй маляръ чїсто вікъ свой провождáєть,
то чудбвна отъ него икбна бивáєть;
А богомáзкне чудъ образкї не мáють,
бо тїлько Ббгу своїмъ ремесломъ наругáють,
Кгда жáдною на икбнахъ їхъ немáшь озббнї
и малярской тежь якбї-кбльвекъ подобнї;
Алє отнюдь вилепáлись въ тбе рукоділля,
и великое тежь зъ нихъ на свїті безділля,

И імя имъ богомази, же малярства не дойшли,
же безпутьное діло самі собі знайшли.
И не хочуть учітись цілого малярства,
жебъ свой нікчемне покидали махлярства.
И до сихъ богомазства часть не скореняють,
бо многіе глупакі въ науку ставають,
И, научившись, начнуть по селахъ носити,
также и по містахъ по дворахъ пси дражніти....

О друкаряхъ, що кнѣи друкують.

Пишутъ вірши друкарямъ, ремѣсникамъ славнимъ,
котріе друкують кнѣи православному
Людемъ; бо всімъ діло ихъ свѣто есть и чѣстно,
а барзій тмъ, котріе жиють благочѣстно.
Друкують же всякіе церковніе обрядки
и всі християнскіе різніе порядки.

— —
Чирство же ся знайдѣть бнихъ то ремесло,
але ускрутно оубо вѣлми и тяжестно,
А особливе ногамъ, очамъ неспокойно,
и не обрѣтається въ работѣ покойно;
Поневажъ бо, якъ начнуть потягати праси,
ажъ на главахъ ихъ вскорі мѣрки стануть власи;
Зачавши бо, мѣсять ся до поту труждати,
ажъ развѣ въ ноцѣ могутъ измало поспати;
И въ великій работѣ прѣздникъ оставляють,
а тимъ часомъ спбсоби опѣть приготавлиють.
И научилъ такъ Бѣгъ ихъ рѣхло друковати, —
що за день, то не мѣчно за рокъ преписати....

О интролігаторахъ.

Интролігаторъ кнѣи новіи устраяеть,
а часомъ и старіихъ якъ лѣчить оправляеть,
И рабѣтаеть въ церквѣ діло палѣжное
и въ домі письменнихъ привналежное.

О папірникахъ, що папѣри у папірняхъ робять.

— —
На всякіи бо річи папіровъ требують,
на котрихъ різніе річи записують,
Якъ-то: продажамъ, кўплямъ памѣть покладѣють
и на гѣнори прѣва крѣпке ствержають,
И кнѣи тежъ різніе пишуть и друкують,
котріи многіи літа у спрѣтахъ вікують,
И якѣнъ на папѣрахъ много витискають,
и въ церквахъ и тежъ въ домахъ къ стѣнамъ приліпляють.

О виноградади и о винограднихъ.

Если въ літі трудї есть въ чемъ такъ безпрестанно,
 якъ коло виноградаду огнюдъ непрестанно,
 И правда, же безпречъ ся въ немъ трудъ полагаеть,
 гди работяющій въ немъ, нітъ, не спочиваеть.

И тимъ вино добро, бо, німъ до рукъ прїидеть,
 а кошту въ дѣсатеро за літо розїидеть.

Тїлько то охочні егб распложяють,
 а не великий зъ негб, вїмъ, пожитокъ мають....

*О вїнникахъ, или о винокѹрахъ, або тежъ о горїльчаникахъ,
 що горїлки робять у вїнницяхъ. (По-Венгерскїй ся називаеть
 вїнница — виноградній огородъ, або тежъ левада, а по-Рѹскїй
 будїнокъ той вїнницею ся зоветь, въ котрѹмъ кѹрятъ горїлку.)*

И вїнники на свїті достѹбни повѹги;
 а не треба, криї Боже, даватъ їмъ зневаги;
 Потрѣбний бо они, вїмъ, трѹнокъ виробляють,
 котрѹго и монархи сїльниє вживають;
 А хочъ часомъ и на зло той трѹнокъ привождаетъ,
 єднакъ въ томъ вїнникъ винї жадної не маеть;
 Бо гдїжъ вино невіцно, вїненъ злий обїчай,
 же презъ мїру хто пїеть, а не такъ, якъ звїчай....

*О муровицїкахъ, що церкви мурѹють, или полѹци мурѹваннїє,
 або тежъ фортеци, замки и проч., а по-Московскїй о ка-
 менцикахъ.*

И тѣслї церкви робятъ, тїлько не такъ славно
 дїло ихъ древяное и не такъ тривѹлно.
 А мѹри вїчностю ся здавна називають,
 котрїхъ много и поднесь вездї заставають,
 Вѣдлугъ присловья: »Хто правѣ що мурѹе,
 то той тїлько будїнки крїпкїє будѹе;
 А хто-кѹльвекъ древяни виставѹеть клѣцѣ,
 тѹе лѹтво дѹ гѹри вшендзѣ обгнѣмъ лѣцѣ«...

О пивоварахъ.

И броварниковъ, або пивоваровъ, треба.

И хочъ то мѹвять: »Не той пїво пьетъ, хто варить«,
 єднакъ и онъ напьѣтся, гди надъ тимъ часъ травить.
 Не перепьетъ пивоваръ господарска пїва,
 и не жадевь господарь пѹзрїть за то скрїва.

Бо не тільки що п'єва м'єсімъ скоштовати,
але и медь ситячі, такъже спробувати....

О солодівникахъ.

И солодівника людъ многий потребуєть,
котрій солодъ на пиво изъ збѣжа готуєть.

И хочай тежъ и то естъ великое дѣво,
же больша часть въ горілку идеть збѣжа и въ пиво,
Зъ того пивоваровъ и винниківъ вимовляємъ
и на-віки отъ вини бнихъ визволяємъ.
Нѣтъ ихъ винъ въ борошєнныхъ затратахъ,
абѣ зась мѣваю — въ хлѣбнихъ на свѣті утратахъ.

И гдѣбъ на двѣ тихъ рѣчи зтратъ хлѣбнихъ не билѣ,
ні по чомъ би борошно и збѣжа всѣко билѣ;
И нигдѣ би борошень людамъ и дѣвати,
и нищєтнє такъ не могли бѣ погибати;
И дровъ би во всѣхъ краяхъ пребивало много,
атѣ крѣпко оскудно индѣ дровъ для того.
Ужѣ жъ не щѣ мѣєтъ всякъ тимъ рѣчамъ чинѣти,
не мѣжєтъ нѣхтѣ по-вѣкъ того скорєнѣти,
Жєбѣ пѣвовъ и медѣвъ не билѣ варєнно,
йжби и горілкѣ зъ свѣта скорєнно....

О котляряхъ.

Рѣбятъ бо казанѣ, трѣби, корці и лѣйки,
притрѣбники, лѣнбикѣ, мѣднѣ и кварці, и ковдѣйки,
А попрѣсту мѣвчѣ: щѣ вхѣтять, то врѣбятъ....

О юнтаряхъ що кѣнтѣ рѣбятъ.

вирѣбляють бо гѣнту — церквѣ побивати.
И на побѣтѣ домѣвъ панѣвъ тежъ вельможнихъ
и до прѣстѣхъ будѣнковъ людѣй промѣжныхъ....

О цегельникахъ.

Ихъ рукодѣлєе иногдѣ зарѣбѣтно,
хочъ то, правдѣ, пѣтяжко и по частѣ клопѣтно.
Еднѣкъ же мѣжєтъ зъ своєю потребу зарѣбѣти,
а зарѣбѣвши грѣшей, да хочъ и ожєнѣти.
А имѣущєе жѣни, тѣе горшъ пропивають,
а жѣни такѣхъ въ домѣхъ хлѣба зъ дѣтѣми не мають.
Правдѣ, же и цегельникъ инѣи естъ осторѣжний,
смѣрєнный, тѣхий, людѣский и до Бѣга побѣжний....

*О вапненникахъ, що вапно палить съ крейди, а часомъ и зъ ка-
міння.*

Еще одного відравъ ремесника,
що вапно робить, тогб вапненника.

— —
Вапно бо трѣба на церковное муровання
и потѣмъ зась на потвинковання....

*О садовничихъ, що садї садять и щѣплять, для розводоув овоц-
нихъ деревъ.*

Хто хочеть собі новий садъ распложать,
той садовничихъ мусить потребовать,
Жебъ овоцные древа въ зѣмлю сажалъ
и отъ тихъ же деревъ до инихъ прищеплялъ,
И жебї древо кѣждое отреблялъ
и въ весняний часъ гноями осипалъ,
А въ лѣтї жебъ миль траву пудкошати,
жебъ чѣсто бяло овоци збирати....

О гончаряхъ слово віршовое похвѣльное.

Первий на свѣтї гончаръ ремесникъ труждѣтель —
самъ Господь Богъ, Адама и Евы создѣтель,
Котѣрий далъ людемъ всї хитростї умїти
и всѣку премудрость хотѣющимъ разумїти.
Прѣто мѣщно гончарство святїмъ діломъ назвѣтъ,
понѣважъ Богъ Адама зблїлѣ зъ глинї создѣтъ.
И гончарїмъ чловека мѣщно бѣ зъ глинї зробїть,
тїлько не възможно зробївши, дунї влїпїть.
Еднакъ сосуди робѣють напїтки выпивать
и всѣкне тежъ горшкї, що їсти готовать.
Тѣже кафлѣвне пѣчи виставѣють
и рѣзине на кафляхъ оздобї мудрѣють.
А бѣрзїи, що покѣщуваними називѣють,
где фѣрбами всѣкоя красї додавѣють,
Именно же — многое шмїльцами кладѣтъ цвѣти
и вѣльми премудре полагають квїти,
Ажъ би бѣспречъ хотїлъ на тѣю дивїтїся
пѣчъ и грїтїся; до такѣи мїло прїтулїтїся....

*О ткачахъ и о жѣнахъ ихъ и о инихъ жѣнахъ, ткѣти имъ да-
ющихъ.*

Межъ инихъ ремесниковъ и ткачъ умїшався
и такъ же, якъ инїе, ремесникомъ назвѣвся.
Моглѣ бѣ Россїя наша и безъ нихъ прожїти:
инѣ въ Тѣрскихъ странахъ матерїи робїти.

А въ насъ и жѳни тѳе ремесло отправляютъ,
и большъ таковыхъ женъ есть, що ихъ и не требуютъ;
Бо, якъ зхотятъ, заразъ могутъ ся научити
и не будетъ основы южь до ткачей носить.
А въ Литвѣ всѣкне жѳни ткачѳвъ и не знаютъ, —
развѣ козацкне ѳнне потворство мають,
Же то ѳная будетъ не прѣха и не ткаха,
а въ таковой можетъ бити ткачевѣ взнаха.
А що жъ будутъ ткачи въ такой собѣ брати,
гдѣ не будетъ основы и потканнѣ даватъ?
И ткацкне тежь жѳни не всѣ хотятъ прѣсти,
абѣ бъ готовые нѣтки могли въ берда класти,
И часомъ отъ работы втку не мало застанеть,
а до того и прѣжи ещѣ въ кого достанеть,
Ажъ полотно зъ тнхъ рѣчнѣ можетъ изпорядити,
да кошуть и ѳннхъ справъ много мощно пожити.
И письменннй людъ ткачи — всякъ нехѣй разуметь —
же старѣй и молодѣй *Отче нашъ* въ ннхъ уметь;
А ѳннй ремесникъ и молитви не знаетъ,
и нехѣй же не ганьбитъ ткачѳвъ — тѳе собѣ знаетъ....

О бердникахъ.

Бердникъ не знаемъ, кому онъ былъ би потребенъ,
развѣ тѣлько тнмъ ткачамъ и жонкамъ потребенъ,
Бо не можетъ ткачь и тежь жѳнка безъ берда ткѣти,
ѣдно мѣсятъ бердника собѣ потребовати.
• Зачѣмъ-то и бердниковъ не треба зневажатъ, —
нехѣй зрѳбляютъ берда, жеби бѣло чнмъ ткѣти!

О кравцахъ.

Кажднй ремесникъ своѳю начннн не можетъ забрать,
а кравецъ и зъ начиннямъ всѣмъ можетъ повандроватъ.
Всякъ ремесникъ кромъ возомъ будетъ начннн возити,
а кравецъ можетъ все свое за надру вложити,
А локтемъ⁽¹⁾ идѣчи можетъ ся пудпирати
и въ дорѳгу, где емѣ потреба, поспѣшатн.
А начиннне кравцево меновите такѳе:
прасъ⁽²⁾, нѳжннцн, наперстокъ, нѳглока, а не ннбе....

О шевцахъ и о честномъ ихъ реместлѣ.

Поважное ремесло и шѣвство заставлетъ,
гдѣ жъ честное братство и кт ѳторет во зъ ннхъ бивлетъ.
И *шевцѣ-святцѣ*, такъ ся то онѣ назнваютъ,
и зъ своего титулу ажъ самѣ ся втѣшатъ.

(1) Родъ аршина, въ три четверти. — (2) Утюгъ.

И щірше они есть щевці люде на світі,
 и жбни їх добрие, и їх шевские діти,
 Бо нігди оні жаднихъ шалвірствъ не заживають,
 але и ўчневъ своїхъ людзскости навчають,
 И особліве рбзной тежъ своєї політики
 и зъ книги зрззницї шевской чєстной грамматики.
 И копїлла зъ правїллямъ, и вся верстать їх славна:
 знаю о томъ добре, и люде мовять здавна.
 А якъ сїдеть робїти на своей варстатї,
 почнєть своє вськое начїинне розкладати,
 Яко-то: копїла, правїла, дратнїці, стренїці,
 лойннїкї, цвїшкї, смольннїкї, нррчки и кравнїці,
 Такъ тежъ: стїрачі, молоткї, винптакї, тбпки и клесачкї,
 обцалнїкї, смблу, воскъ, вїхти, клєйстра, писачкї,
 Затїрачкї, клннці, гнїпп, дратвн, цїкнвсарї и щетїни,
 шїла, чернїла, ножї, скобелькї, стругї, скоскї, бєлехи
 и смольшїни,
 Вєтошь, нїткн, зрвєтї, кобїлицї, хлбпцн, хўтра и стрихольцї,
 рємїнь, вбду до шповрппя, лўбья, дєготь и натягачї, и
 концї.
 А якъ пбїдетъ до шкуръ, дубъ товчєть, шкўри переснпаетъ,
 а йше шкўри у зблу хўру закладаетъ,
 И йше тежъ на кобїлицї шерсть оббраетъ,
 а потбмъ, надївшн шўствалъ и хвартухъ, бєлехомъ мєз-
 дрў пудробляетъ,
 И, пофрговрвшн, вь Ббжнї часъ укладаетъ вь квасъ,
 и чекаетъ, пбкўль бўдетъ переснпать впять часъ,
 И на крсї по цррскїй (*) сїдїть, якъ на маєстатї,
 и прбсїть Ббга, жєбї на ррботу ррно устатї.
 А устрвшн усрнєть лучнїкъ, и желїзо прїчепляетъ,
 и лучїну зъ пєньковъ смблннхъ зъ огнємъ розкладаетъ,
 А розложївшн огнїю, зрразъ перешнваетъ,
 пбтн, пбкўль ажъ ся ємў подобаетъ.
 Якъ перешнвручн втбмїтєся, то шкўри стрїхўєть
 и на роспускрннн на чбботн, кблько зъ котрбї паръ вїн-
 детъ, готўєть.
 А потбмъ, покїнувшн все, пбїдетъ бїтн збрратъ
 бо потрєба козїлїнн изъ бїтою вчннїятъ,
 И пбїдетъ до гарббвкн у чбвпї хвїтатн,
 козїлїнн и баррннцн хочъ и габелькн окрршатн.
 А нахїтврвшнєся єщє и їстн захбчєть,
 и дасъ ємў шевчїха, чобг исхбчєть.
 А якъ прїдетъ ємў часъ и пррстъ рємїнь вїправлїєть,
 стрнєть крїпко пррцоватъ и, якъ повїємо, тої мятъ.
 И їдвгъ у лугъ дубу и пбпєлу готврбатн,
 и мўсїєть бїдннї добре нр зиму пррцоватн,

(*) Это слово зачеркнуто другими чернилами, и вмѣсто него написано сверху: по-властельскїй.

А особній мусіть по материнку и по листок ходіти,
 же аж и въ свѣто мало мѹжетъ когда зпочіти.
 И сівши на роботі, то до полночи не бѹдетъ спати,
 а часомъ до самаго свѣта бѹдетъ перешивати,
 Абѹ иногда роботу бѹде старю яку крѣпѣти,
 влі тежъ иню хорѹшую нову робіти.
 А якъ схѹчетъ шевчїху побїть, ни що, чимъ бити, не шукаеть:
 ёсли чѹботъ влєсѹеть, тоёю жъ клєсачкою поторкаеть.
 И не дай, Бѹже, на свѣтї жонкамъ гѹршой мѹки,
 якъ попасти якому часомъ шевцѹ у рѹки,
 Бо шїломъ укѹлетъ и дрѹтвомъ звѹжетъ,
 нездорѹва зъ нимъ (хочъ не зхѹчетъ) спати не лѹжетъ⁽¹⁾....

О кожемѹкамъ, що ткѹри вичиняють.

Кожемѹци потреба зъ шевцѹмъ за брата жить,
 а хочъ би и гѹлову вкѹпи зъ нимъ положить;
 Кожемѹка бо шкѹри шевцѹ вичиняеть,
 а швецъ на чѹботи їхъ лѹдямъ поробляеть.
 И шевци иние уміють шкѹри чинїти,
 а кожемѹки чѹботъ не вміють шїти.
 И не вїмъ, кому бѹ шкѹри чинїти належно;
 подобно бѹ, самїмъ шевцѹамъ слѹшне приналежно.
 Абѹ тежъ кожемѹкамъ и чѹботи шїти,
 да и шкѹри за ёднимъ би цѹхомъ чинїти.
 А тѹ ремєсло ёдно наѹвое порѹали:
 неслѹшний нїякийсь лѹде чинъ подали....

О бондарѹхъ.

Кгдїбъ не онї, ни въ чемъ би напїтковъ хранїти,
 ни въ чемъ билѹ бѹ жонкамъ и водї носїти.
 А що обрїзки шевци и кравци покидають,
 а бондари обрїзковъ своїхъ не вкидають;
 Якъ-то: трїскї, котрїми мѹжемъ въ печї палїти,
 такъже зась особливє и їстѹ наварїти.
 И не бѹдетъ дрїмати, же то стѹки-грѹки,
 а къ томѹ навпаче, якъ потягне табѹки.
 И не кохається въ снѹ, же робїть въ ночї
 абѹ трость, альбѹ кругї, или стрѹжетъ обручї....

⁽¹⁾ Последніє четыре стиха передѣланы изъ народной сатирической пѣсни, которая поется такъ:

Он не дай, Бѹже, гѹршой мѹки,
 Якъ попадєсся шевцѹвї въ рѹки:
 Шїломъ укѹле, дрѹтвомъ звѹже,
 Постѹле шкѹру, та и спати ляже,

*О тесляхъ, або тежъ о плотникахъ по-Московскій, а о деми-
дахъ по-Литовскій.*

— —
И честное также ихъ и чирствоное ремесло,
але и pracowито оно, бо тяжестно;
Бо якъ стануть будинокъ який будувати,
треба кождому противъ себе пуднимати,
И туда и сюда дерево обертати,
и еще шлягю и тибель забивати....

О звонникахъ и о комисаряхъ.

— —
Также и гарматные штуки отливають,
котобрими въ приступахъ стѣни добувають.

— —
Также не безпотребни, вимъ, и комисари,
що робять до церкви сосуди и лихтары,
И келюхи, и звѣзды, и всякие кресты,
въ котрихъ часомъ случаетъ попомъ и тайни нести;
И робять дискосы, лбжиды и мирниды,
а для соблюданья агнцовъ и гробниды;
Также и янполки до церкви вливають,
що на всенощныхъ вино и елей ставляють;
И робять фляши, кубки, пулмиски и збаны,
тарилки, кварты, чаши, чарки и роструханя....

О коваляхъ.

— —
И найчастий коваля кождий требовать будетъ,
а якъ-кольверъ безъ иннихъ ремесняковъ пробудеть^(*)...

О свицаряхъ и о слюсаряхъ.

— —
Свицари бо церковный дейсусъ отрезають,
а слюсари рѣзные тежъ штуки работають.

— —
Рѣзные бо мудрости слюсарь показуеть,
и свицаръ безъ числа штукъ давнихъ виставуеть;
Прето слушне бы имъ двоимъ братами ся називати,
же то премудростей навѣкли заживати....

(*) Читатель видитъ, что Климентій иногда наполняетъ свои стихотворенія пустословіемъ, въ которомъ нѣтъ ни одной характеристической черты описываемаго имъ ремесла.

О мельникахъ або тежъ о мiрочникахъ.

П мiрочництва чѣстни ремеслá бивають,
котрiмъ и безъ живнвъ онi хлiбъ заробляють.

— —
Товкiуть бо и мелють все и изъ рукъ здавають,
всiякимъ людямъ ремеслбмъ своiмъ угоджають.

*О самiхъ господаряхъ, владiущихъ млинами и держащихъ ихъ,
и о млинахъ.*

Хочъ то млинъ корчмою ся въ людѣй називаєть,
еднакъ же онъ нi въ чемъ ся корчмi не равняєть:
Млинъ — чѣстна хрáмина; не жиєть въ немъ свавольность,
лечъ виходить зъ него людемъ хлiба довольность.

А хочъ изъ корчмi пáну биваєть пожитокъ
и господаревi корчёмному ужiтокъ,

А млинъ не еднóму пáну догажаєть,
гдi на всю околицность хлiба настатчаєть.

Тiлько жъ и млинъ — якъ комy въ щáстю поведѣтся,
то той тiлько зъ него хлiба не отгребѣтся.

И хто и плугомъ пáшетъ, мельнику ся равняєть,
и кошту своего, якъ мельникъ, не страчаєть.

А мельнику много приборовъ въ млинъ потреба,
залѣдо якоi рѣчи чегó не потреба:

А трѣба камiння, желiза безпрестáнно,
стáли, деревнi, лóю, — мóвлю то негáнно,

А особливѣ часомъ людѣй — греблю гатiть
и бондарей — сосуди въ млинъ на розміри робiть.

А особнiй — трѣбуєть иний и мiрного,
гдi знайдегъ человека добраго и вiрного.

Зачiмъ здадó бъ ся шкiрка за чинбу́ не стáне,
еднакъ хто що звикъ держáть, то не перестáне....

*О каменносiчцахъ, що зъ горъ камянихъ вибивають, або тежъ
виробляють млиновие до млиновъ на молоття камiння и
крестi надiробниие, и деки и слупи до мiровъ и до фортѣць
каменнихъ.*

— —
А камѣнь потребнiйший въ млинъ, — такъ трѣба судiть;
бо безъ камѣня хлiба не мóжно сотворiть....

О шаповáлахъ и о коновáлахъ.

— —
Коновáлъ ёдно тiлько дiло исправляєть,
же то ковямъ и шкáпамъ опра́ву даваєть;

А шаповáлъ всiякне всiмъ вигóди творить,
вгдижъ рóзние потреби людемъ зáвше робить,

Якъ-то: мужикамъ плететь рукавици,
 и лимци виваљуеъ, що носять молодіци,
 И ещё и опанчѹ мѹжетъ изробити,
 и вѣцу (хочъ) найбільшю мѹдро устроити;
 А ёсли часомъ зхѹчетъ и зпочити трѹхи,
 то тогда безпрестанно все вижеть панчѹхи.
 А впитъ якъ почнеть вѹвну перебивати,
 то знать-то ужѹ хѹчетъ зъ лѹкомъ мандровати;
 Бо зъ давнихъ часовъ, якъ где шаповалъ мандровалъ,
 не еднѹ на дорѹзѹ и дѹшу излякалъ,
 Же здалѹку власне Татаре манячатъ,
 а шаповалъ носится зъ лѹкомъ, якъ за дрѹкомъ, — зблѹ-
 зу вбачать.
 А пришѹдъ до людѹей, станеть роббти питать,
 жебъ где-кѹльвекъ мѹлъ собѹ на роботу стать.
 Якъ знайдеъ добрую роботу въ добромъ мѹстѹ,
 ажъ заразъ заробить золотѹихъ сто абѹ двѹсті....

О ратаяхъ, абѹ тежъ о пашуцѹихъ хлѹбъ людѹехъ.

Надъ всѹ ремесла потребнѹйшее подобно
 пахарство, же тѹе всемѹ свѹту вигѹдно,
 Бо хочъ би хто срѹбрѹ и зѹлото могъ робити,
 а не мѹючи хлѹба, зѹлта не вкусѹти....

О рибалкахъ и о резникахъ.

Рибалки зъ резниками прѹтивности маѹтъ:
 якъ постъ да мяснѹици, такъ онѹ пробуваѹтъ.
 Рибалка для постнихъ днѹей рѹби уловляеть,
 а для мяснѹихъ дней резникъ о мѹсо стараеть.

И годѹло бъ ся лѹчшей рибалокъ поважать,
 и паче отъ резниковъ ѹнихъ всѹихъ шанувать,
 Кѹди жъ и самъ Богъ зъ рибалокъ Апѹстоли вчинѹвъ
 и молѹтвенниками за всѹихъ насъ починѹвъ.

И рибалокъ и въ мяснѹей часѹ большѹ потребѹють,
 гѹди жъ наибѹльшие часѹи постные знайдѹють.
 Рѹбу и въ постѹи многѹий нарѹдъ заживаеть,
 о въ постѹи хрѹстианскѹий лѹдъ мѹса не вживаеть.
 Четвѹртая жъ часть на всемъ рокѹу дней скорѹмнихъ,
 а три частѹи знайдѹють такъже нескорѹмнихъ....

О гутникахъ и о склярахъ.

Достѹйни и гутникѹи великоѹ похваляи,
 гѹди сосѹди чѹстние робяъ и криштѹали,
 Такъже для младѹихъ людѹей слячнѹе зерцѹали,
 а состарѹившимся южъ лѹдѹемъ окулѹри,

А сосуди всікне скляніе и збані,
 зъ котрихъ випивають и великіе пані.
 И видно напітокъ скрозь, якъ чегó, чи много,
 или тежъ чегó-ко́львекъ часомъ чи немного.
 А во ѳнихъ не видять, якъ-то въ черепянихъ,
 такъ тежъ особь не видно и у деревянихъ,
 И не видно въ цино́вихъ, желі́знихъ и въ міднихъ,
 и не досмотрітися особній и въ срібнихъ,
 И мося́нжъ прозрїти скрозь, и злота не можно,
 тільки презъ скляніе все видіти възможно.

— —
 Уже жъ гутника́мъ списа́хъ велику похва́лу,
 и оболонника́мъ хочъ ма́лу створи́хъ хва́лу,
 Світові́дние ўбо ділають залони́,
 якъ менові́те всікні оболони́.
 Иніе прб́стие ділають древя́ние,
 а иніе му́дрне и оловя́ние....

О сітникахъ и о решётникахъ.

Мерзєно здавало бъ ся то ремесло и брідко:
 зъ конскихъ огновъ сіта робя́тъ, — вспо́мніть гідко.

— —
 Решета да пудсі́тки зъ ликъ бивають истка́нни,
 а у Волб́хъ решета въ ре́меняхъ пробія́нни....

О копающихъ колодязі глубокіе, а по-лядзкій студні или по-славєнскій студенці.

— —
 И есть смілихъ, же бъ до дна а́дска прокопа́ли,
 аще бъ жрб́ла водние імъ не прешка́зали.
 Моглі бъ жи́ви въ тіліхъ пє́кла досмотріти;
 и, узрївши тамъ зле, сна́дній ка́лялись би на світі.
 А особно и тбе ещє уважа́ю,
 же могли бъ и са́мого доходити ра́ю,
 Если бъ не за срб́кгами, повідаеть, гора́ми
 и за пуща́ми зъ га́ди, и за морскі́ми вода́ми.

— —
 И признають, гди́бъ пра́ве хто до ра́ю и дойшо́бъ,
 то ра́зі ся бъ насо́трийъ звні, а внутрь би не ввойшо́бъ,
 Гди́жъ око́ло ору́жиемъ пла́меннимъ обварова́нню
 и пла́менемъ о́гненнимъ вкругъ оці́ркєва́нню....

О олійникахъ.

— —
 И зъ пра́цові́тостью робб́та імъ приходи́тъ,
 пб́куль гото́вий олі́й изъ гні́зда виходи́тъ;
 Пє́ршей бо сі́мя въ ступа́хъ толку́тъ и просіва́ють,
 потб́мъ въ те́плой воді́ місять и зхва́чєва́ють,

То жь на сковрадахъ смажати и въ гніздо вкладають,
 а послі таранами кління забивають,
 И зачымъ вѣтиснетса якая макѹха,
 а имъ отъ тарановъ ажъ запираются дѹха,
 И покѹль фѹри вийдуть, крѣпко нахлопотѣтса,
 покѹль тежъ зовсімъ-провсімъ добре увольнѣтса....

О воскобѣйникахъ.

А воскобѣйникъ варить воскъ и закладаеть
 въ гніздѣ, и колѣдами клінне забиваеть.
 Изъ гнізда въ судину на сподъ воскъ истиваеть,
 и на захоладѹ тежъ въ сосѹди вливаетса....

О калачникахъ.

Много есть вѣлыми всѣмихъ вѣмисловъ на свѣтѣ:
 калачники не ремѣсники, а змѣслили цехъ мѣти.
 Ремесла ихъ мѣчно ся навчѣтъ за годѣну,
 не старѣхъ тѣлько, алѣ навчѣвъ би дитѣну.
 И самѣ ремеслъ своѣхъ рѣдко работѣють,
 алѣ все своѣхъ бабъ робѣти заставляють,
 Якъ-то: мукѹ сѣяти, и мѣсити тѣсто,
 и пектѣ, и вѣбрать, и продаватъ нестѣ въ мѣсто.

— —
 Кгда жь ремесло ихъ жадной трѹдности не маеть:
 полѣтши сюда-туда тѣсто, въ пѣчь сажаетъ,
 Прѣто и самѣ дармо въ цехъ той упелѣтса,
 власне якъ старѣцькии цехѣ повелѣтса.
 Еднѣкъ въ старцовъ наука есть — язика ся вчѣти
 и якъ би милостини, абѣ хлѣба просѣити.
 Тѣлько жь не трѣба бѣрзо и тихъ цеховъ зневажатъ,
 ежели бѹдутъ до церквѣи свѣчи поставлѣтъ,
 Абѣ къ прѣзидникамъ котрѣмъ канѹни справлѣтъ
 и на церквѣи зъ доходовъ тихъ ся укладѣти....

О токаряхъ.

— —
 — —ложки виточѣють,
 котрѣми и панѣве часомъ уживѣють;
 Такъ тежъ оздобнѣе точатъ и тарѣлки,
 зъ котѣрихъ ядѣтъ и пѣють, зварѣвши горѣлки;
 А особно зрѣблѣють велѣккиѣ ящѣ,
 що зпрѣтуютъ въ дорѣгу печѣние ящѣ;
 И въ церквѣи точатъ слупѣи, а маѣютъ маѣяри,
 и точатъ до церквѣи баѣси и лѣхтарѣи;
 И точатъ на жѣртовникѣ хорѣшнѣе кѹбѣи,
 що священникъ ховаеть, потреблѣши дарѣ, гѹбки;
 И до убѣгихъ церквѣи на престѣлъ грѣбнѣици,
 и до монастѣрскихъ трапѣзъ точатъ сольщѣици;

И тїе виточують тёртки, що пёрець тругь,
 и тїе макобни, що кухарки макъ мнугь;
 И тїе брязкальца, що дїтєй забавляють,
 и веретєна, що жонкї нїтки випрядають;
 И псоховъ властєльскихъ много виточають,
 п тїе качалки, що жонкї хўсти качають;
 И овчарские точатъ зъ дєрева сопілки,
 и козачкне, що зъ лукбвь, витягають стрїлки....

О пастухахъ, скоти и бїдла (и свїнія) пасущихъ, паче же о овчаряхъ.

— —
 Алє еще на снїд себї овци пудкрадаєть,
 а господарїмъ речєть, їко волкъ зьядаетъ;
 А особливє млеко изъ овєць здоетъ
 и господарїмъ овчимъ пакостї створяєть.
 А їнихъ овєць жезлбмъ нещадно ударяєть,
 же ажъ умерщвлїтися бннмъ втожъ сотворяєть,
 И многї творятъ фїглі и незчлївостї....

— —
 а той и вигоняєть зъ гнївомъ изъ оградї.
 И заблуждєнной овцї не тїцательно їщєть,
 и зъ нерадїнемъ їщуци, вь сопілку свїщєть....

О кушнерахъ.

Кбжи бо овчнє овъ вь квасу виробляєть,
 — —
 и на зїмннє часн кожухи зробляєть,
 И трєбующимъ людємъ вь градїхъ продаєть,
 а котрїє привбсать старїхъ, поправляєть....

Стихотворєніє: *О гребенникахъ, що гребенці зъ роїавъ (скотскихъ, абб тежъ бидлячихъ) робятъ до чесаннїя голбвъ, состоятъ изъ самага безцвѣтнаго пустословія.*

О соляникахъ, торяникахъ, бурлакахъ, що солї господарские вярятъ.

Торяникї велїку працу подїймають,
 пачє коломиїцовъ, що гускї виробляють.
 Сбтцє бо вїдеръ вкїнетъ на ббчку сблї водї,
 и, дрбва вь пїчъ вергая, натерпїтся бїдї.
 А безпрестанно трєба и не доспїлати
 и, жєбъ не прогорїла (скбро) сковрадї, пильноватн.
 Потбмъ вь садовнїцу соль зъ сковрадї викидаєть
 и на дрўгїй садъ воду, пошєдши, накидаєть.

И потреба изъ сблию бочку изтрусѣти
и всего, що ведѣтся тамъ, пильно досмотрѣти.
И зъ подляимъ здоровьемъ нічого тамъ пудимати:
хочъ мало знемоцнѣеть, мусіть варить престати,
Илі тежъ товарища просить допильновать,
а самъ, пришедши къ собі, мусіть также отвѣчать.
А особво и тоѣ бурлакамъ вельми нудно,
же о солодкую воду непомалу трудно.
Мусіть тоѣй же сбли господарской частку отложѣти,
жеби, вмѣсто водѣи, браги ся изпѣти.
А впятъ же — не машъ тамъ женъ въ Багмѣти, нікому кошуль
праѣти;
мусіть, взѣвши новую, носіть, покуль зодраѣти.

Тутъ же и то мовлю, же соль есть рѣзна на свѣті.

Якъ-то: Запорѣзкая есть, Крѣмка и ледѣнка,
а не бѣдетъ зъ такою (вѣмъ) праѣцею (и коштомъ), якъ
Торѣнка.

Зачѣмъ бурлакамъ (Тѣрскимъ вірши сіе покладѣю
и праѣцу ихъ и пильний дозѣръ похваляю....

О будникахъ, що пѣташь робѣть.

Да и тѣе будники въ нашої землі бувають,
що пѣташь Тѣркамъ сѣкна фарбовать виробляють.

И сѣхъ часъ есть будищъ много, где буди бувають:
давніе люде бѣ тоѣ и нѣни признали.

И прислухѣйся кождий, що старій мѣвить на глумъ,
а молодій нехай берѣтъ добре собі на умъ⁽¹⁾....

О старцахъ.

Старѣцки во віви не наблиншъ сѣнки.
бо то дѣравне въ нихъ найдѣются тлѣмки.

Есть и такіхъ много на свѣті знайдѣеть
лѣжнювъ, котріе, въ мирѣ ходѣчи, плутѣють.
Бѣдетъ ѣнни здоровимъ, да не хѣчетъ робѣть, —
потреба бѣ такоѣо сімъ разъ на день кѣемъ битъ.

И добре мѣвають: »Въ старці пѣгою не вгнѣти,
а сѣ старѣцѣвъ — хочъ калачѣмъ сталъ би пудманѣти«....

О лѣнникахъ⁽²⁾.

Кодѣли бо мѣдрѣе людіамъ изробляють
и трѣбующимъ ѣнихъ здѣбелъ надавають,

⁽¹⁾ Ср. *Зам. о Южн. Руси*, т. I. стр. 13.

⁽²⁾ Веревоцникахъ.

Именно жъ до кладизей надобни глубькихъ
 и до капуровъ теслямъ до церквей високныхъ,
 Также и до неводовъ озёрныхъ тагнённа,
 когда где биваетъ южъ рыбное ловлёння,
 И до многыхъ ричий зась кодыъ потребують,
 такъже и до будинковъ панскихъ, гди будють.
 Кодолами дѣрево на гору встигають,
 а инди и поромы чрезь рики тагають.

Также и варитники, шлѣи и ужища,
 котрыми припнають у поляхъ конища.
 Также оброти, вожки и пуги зробиють,
 що коней идучи где-кблвекъ затинають,
 И до дзегаровъ рббять втожъ шнуръ на ваги....

О рудникахъ, що зъ руди желіза рббять въ рудняхъ.

Бо хочъ водбою млати въ рудняхъ ударяють,
 ёднакъ безъ великой праці не бивають;
 Гдижъ при болотахъ трѣба и зѣмлю копати
 да руды зъ великою пыльностью искати,
 А знайшедши где руду, особно копати
 и, въ кошницѣ беручи, въ водѣ полоскати;
 Потомъ на уголѣ дровъ въ дуброву рубати
 и вишей хлѣба въ костеръ довгий тасовати;
 Напотомъ дервь ризать костеръ той вкривати
 и смотритъ, жебъ поломья не могло псовати....

О римаряхъ.

Шкуръи бо возовѣи и лиици зробиють,
 и хомуты, и узды, що коней нуздають,
 Такъ тежъ шбры и шлѣи, и бичи на воли,
 и для людей убогихъ зъ ремѣню жъ постолы,
 И рбванки до коней панскихъ и кантары.
 И попруги до кульбакъ они жъ зась зробиють,
 котрыми кульбаками коней люде сидлають;
 И пуга реминни рббять, и тринбги,
 що злимъ проклятымъ конямъ тринбжати часомъ ноги;
 И нагайки, абѣ тежъ канчукы сплѣтають,
 котрыми людзкости жонъ часомъ прищивають.
 А ежели удасться часомъ злая прочвара,
 не научитъ такби и тблстая барбара....

О косаряхъ, що сѣно косятъ.

И, хочъ би не радъ, муситъ косаровъ затыгати,
 по пять чѣховъ и по три шагы на день давати.

А косарі-сподарі идуть къ нему съ косяти
и косять травнi ввесь день и въ порану зъ росами....

О гребцѣхъ сіннихъ.

И жѣнщина мѳжетъ такъже сіно згромажати,
алѣ не мѳжетъ такъ, якъ музчійзна, ухажати,
Бо звичайно то діло музчійзнамъ робити,
гребти сіно и копіць сіннихъ волочити,
Абѳ тежъ у коняці и у стирти класти,
а жонкамъ развѣ тилько у гребенѣи прѣсти.

— —
Нехай жѳни у домахъ діла росправують:
прядуть. ткуть и істи вамъ, мужикамъ, тотують....

О женцѣхъ.

— —
Тилько, хочъ была бѣ имъ часомъ третїна,
алѣ хїлячись заболитъ и спїна....

*О мїльникахъ, що мїла роблять, бѣрские добрие и прѳстие
подлие.*

Не звѣю, по мїльникахъ хто бѣ ся чи зафразоваѣлъ,
хочъ би и не єдинъ ся на свѣтї не обрїтаѣлъ;
Бо рїдко хто на свѣтї мїломъ ся вимиваєтъ,
алѣ бѳльшеи водою тварь собѣ омиваєтъ....

О колесникѣхъ.

И колесникъ ремѣсникъ творить тожъ чудеса,
зробляєтъ бо до возѳвъ и пѣнскихъ колеса,
А іменно іко-то: панѳмъ на ридвѣни,
въ котрїхъ и вельмѳжние іздятъ гетмѣни;
И до карецъ колїсъ трѣба и на лектїки,
въ котрїхъ-славѣтние тежъ іздятъ полїтїки.
Къ палубѣмъ и къ колїсамъ и къ возѣмъ глѣбчѣстїмъ
такъже колїсъ потреба, и къ тимъ драбинчѣстїмъ....

О стадникѣхъ конскихъ.

И стадникъ тожъ людамъ вѣлыми вѳгожають,
же стадь конскихъ у поляхъ у доздрахъ мають,
И у поляхъ при коняхъ завше и ночують....

Царь дождетъ и дождетъ, а ти вѣдѣи
— —
1778
О доитарѣхъ и столѣрѣхъ.

Трѣба правда, где зъ негоб⁽¹⁾ сажу пѣлѣть при друкарнїяхъ,
на чернїла книжние, — по-московскїи при печѣтнїяхъ....

(1) Изъ смолдвою, сосноваго дѣгтя.

О неводничихъ, що вяжуть неводи и сіті, и иние посудки до ловлѣння рыбъ.

— —
 А хочъ же и самъ иний рѣби не имаетъ,
 ежели-то спѣсубу до тѣго не маетъ;
 То, рѣблячи посудъ тѣй, мѣжетъ продавати.

— —
 И часомъ той посудъ и въ панѣвъ биваетъ,
 котѣрый панъ озѣра свої собѣ маетъ.
 Такой не тѣлько посудъ той бѣдетъ держати,
 алѣ и рѣболбовѣвъ мѣжетъ затягати
 Для домашнихъ пожѣтковъ рѣби уловѣти,
 жебѣ не все посилавъ въ гѣродъ куповати....

О рѣблящихъ сѣдна водние великие и малие, то есть морские и рѣчные.

— —
 А рѣблять окрѣнти, кораблі и геміі,
 катѣрги, обшивні, стругѣ и шугаліі.
 Также особно рѣблять ліпи и байдакѣ,
 шкутѣ, дубѣ и лѣдѣ и човнѣ, и плавникѣ....

О партѣсахъ, и учащихся ихъ.

— —
 же конпонуютъ гласѣ для Бѣжней хвалѣ:
 А хочъ бѣльшей тихъ, що гѣтовѣе спѣвають,
 еднѣкъ и тѣе хвалѣ Бѣгу отдѣвають.

— —
 И при великихъ властѣхъ за спѣваковъ биваютъ,
 и за то пудъ часъ людѣмѣ на свѣтѣ ставѣютъ.

— —
 Хочъ би поѣтикъ кто билъ, — не почнѣтъ спѣвати;
 ёсли не вмѣетъ партѣсѣ, не бѣдетъ ихъ знати, —
 И не партѣсѣ тѣлько, алѣ и ирмолѣа,
 а партѣси далѣко труднѣй отъ ирмолѣа....

О костѣряхъ.

— —
 и на тѣе гдѣ хто щѣстя бѣдетъ мѣти,
 запомѣжѣтѣя той самъ и егѣ діти.
 Лѣчь биваетъ на малѣй часъ то вспоможенѣня,
 же не втерпѣтъ, проѣгрѣетъ, ажъ и обнищенѣня.

— —
 гдѣ проѣгрѣавшѣсь пѣчѣго датъ, пѣрста одсѣцають,
 А часѣомъ отрѣзуютъ устѣа абѣ гѣуби
 и ввѣдѣютъ злѣе рабѣи злѣихъ рабѣѣвъ до згѣуби.
 А подѣ часъ за пѣрста ногъ висѣятъ ⁽¹⁾ и щѣзають ⁽²⁾
 и нагѣле зъ свѣта сегѣ на той изхождають....

(1) Т. е. вѣшаютъ за ножныя пальцы. — (2) Т. е. и повѣшенныя такимъ образомъ погибають.

О свічкаряхъ, що лоевіе свічки робять.

— — —
 . . . где ко́львекъ лоевіхъ свічъ начnúть робіти,
 тамъ стáнуть за полверсты ажъ смрѣди сходити,
 А найбáрзій, где лю́де въ судіни мочáють,
 а тамъ не такъ, где въ трубка́хъ же́лізнихъ зрѣбáють.

— — —
 . . . мýсіть мно́гий наро́дъ свічъ тихъ купова́ти,
 же воскови́хъ не мо́жно грѣшей настатча́ти,
 Бо въ ка́мень вбску́ осмь ко́пъ потре́бно вложі́ти,
 а ло́ю ка́менній сімъ за то мо́жно купі́ти...

Представленные нами выписки о ремеслахъ, существовавшихъ въ гетманство Мазепы, показываютъ развитіе промышленности въ большей мѣрѣ на Украинѣ, противъ нашего времени. По всему видно, что существовавшее тогда, при всемъ его разореніи отъ предшествовавшихъ войнъ и татарскихъ набѣговъ, благосостояніе края съ тѣхъ поръ значительно упало. Главными причинами упадка должно, кажется, полагать введеніе въ Украину крѣпостнаго права, развитіе такъ называемой цивилизаціи съ ея изобрѣтственными не дома потребностями въ привилегированномъ классѣ населенія, квартированье войскъ, рекрутскіе лаборы и всего болѣе — распространеніе канцелярскаго управленія народомъ, которое съ одной стороны приостановило всѣ свободныя отправленія ремесла и промысловъ, а съ другой породило множество лицъ, добывающихъ изъ народа не производительнымъ трудомъ, а безплоднымъ перомъ сравнительно лакомый кусокъ хлѣба. Гетманство Мазепы тоже отнюдь не было золотымъ вѣкомъ для Украины. Евреи съ своими опустошительными аренами исчезли, но ихъ система насильственнаго стяжанія усвоена была гетманскимъ правительствомъ, какъ это видно, между прочимъ, и изъ стихотворенія Климентія: *О рандаряхъ*.

И убо́гий чоловѣкъ хті́ль би рандирѣмъ бить,
 ѣслиби то стѣлько мѣль грѣшей ра́ту платі́ть;
 Ті́лько, же и богáтый не всѣкий то мо́жетъ:
 рѣдко я́кий на тѣе суму́ вложі́ть змо́жетъ;
 А хочъ инъ и богáчь е́сть, тогѣ не досту́пнѣ
 ранда́рскаго уря́ду, ажъ большъ ра́ти посту́пнѣ;
 И досту́пнѣвши, гди ея поща́стѣтъ, хлѣ́бъ ма́етъ,
 але́ поспо́літѣмъ ю́жь лю́демъ перешкажа́етъ.
 Не во́льно продава́ти горі́лки ні́кому,
 ті́лько то рандаре́ві уже́ еди́ному;
 Та́кже и тютю́ну ю́жь не во́льно продава́ть,
 ті́лько до него́ мýсятъ хѣ́дѣти купова́ть;

А если и доготь вкупі заарендуютъ,
 то и догтемъ никто вже больше не шинкуютъ;
 А инді въ аренді и брага биваетъ, —
 хто не чувалъ съ віку, той вельми ся удивляетъ.
 А се жъ, мовить, якіе вигдали кадукобе?
 наши не чували зъ віку себѣ и продукобе!
 А еслибъ рандовали еще медъ пиво,
 било бъ южъ всему світу наибольшое диво....

Интересно свидѣтельство Климентія, о состояніи лѣваго берега Днѣпра. Онъ описываетъ пустоту нашихъ рынковъ, недостатокъ промышленныхъ сношеній между жителями и безпріютность большихъ дорогъ для путешественника. Свидѣтельство его, какъ современника, имѣетъ для насъ важность историческаго документа.

— — —
 по іншихъ городѣхъ и хлѣба не знайти
 печеного. Муситъ такъ іхати або пойти,
 А не тільки, же бъ ся могъ стравою поживити,
 да и безъ хлѣба поидеть, хочъ муситъ подивити.
 И зле тамъ, где стравали гостімъ ⁽¹⁾ не вигожають,
 а що гѣршей, же и хлѣба не продавають.
 Звичай то въ такихъ мѣстахъ назбяти ⁽²⁾ непотребний

— — —
 Рѣзний би то гость мусилъ би въ нихъ хлѣбъ куповати
 и, якъ слѣшно, платою ѓнихъ не кривжати.
 Зачімъ въ не вигѣднихъ мѣстахъ бѣдѣи не бувають
 гостімъ, же повиливши мусятъ и поижжати.
 И, поїхавши, ихъ звичаю не похвалятъ
 и въ далѣкомъ краю похвалою не прославятъ.
 А то на Україні тутъ (Малороссійской) не всі мѣста вигѣдни,
 же, побувавши гости, и поїдутъ голѣдни.
 Ежели у кого есть що за харчі у вѣзі,
 то якъ-кѣльвекъ такому надіи у Бѣзі.
 А въ Лѣдзскихъ и въ Литѣвскихъ крайхъ продавають
 хлѣбъ и стравв, и кѣрчми по шляхахъ зъ всіми вигѣдами
 мають,

Ажъ гѣстеві биваетъ вшеякая вигѣда:
 конямъ харчі и самимъ пивомъ и медомъ охолода.
 А тутъ въ насъ развѣ звичай той по мѣстахъ валѣчныхъ,
 якъ-то городѣхъ столѣчныхъ;
 А въ маломъ мѣсті гѣстю не питѣи поживити,
 гдѣбъ ся замѣшкалъ, то могъ би дѣшу уморѣти.

Въ сборникъ свой Климентій ввелъ на листкѣ 18, стихотвореніе:
О нехотящихъ трудѣтисл чѣстнымъ трудомъ, то есть о зло-

(1) Т. е. торговымъ людямъ: — (2) Крайне.

діяхъ. При тогдaшнeмъ устройствѣ Малороссіи и равнодушiи гетманскаго правительства ко всему, что не касалось матеріальныхъ его выгодъ, разбой и воровства естественно могли совершаться по дорогамъ, въ городахъ и селахъ, безнаказанно. Климентій говорить:

... въ сей на́шей страні́ есть такі́хъ мно́го злѣо.

— —
А теперъ намно́жило всю́да душъ безбо́жнихъ,
бо не ми́ють ка́рностей отъ люде́й побѣжнихъ....

Не смѣя тронуть правительствовавшихъ въ гетманщинѣ лицъ, Климентій глухо говоритъ о *драпіжцяхъ*, *нікогда ненасищеннихъ или тежъ о виді́рцяхъ*, подъ которыми нельзя разумѣть одну мелкую начальственную братію, а должно разумѣть всю облеченную въ законъ правительственную тогдaшнюю іерархію: иначе — не пищалъ бы народъ отъ грабителей, притѣсняющихъ его тайкомъ отъ старшихъ, и не вызвалъ бы со стороны паноугодливаго стихотворца довольно энергическаго протеста въ свою пользу:

Речѣ при́повідь: »Волкъ, що споткае, то зъяде«:
такъ и чоловікъ драпіжний нікому не даде,
Ті́лько радъ кю́ю-любо нерсо́ну лупі́ти,
жебі́ могъ яко́жъ-ко́львекъ шкату́лу набі́ти.
Кому́ жъ, рече́мъ, подобе́нь драпі́жъ, то́кмо во́лку?

Далѣе онъ указываетъ на самовластіе старшинъ, не смѣя, однакъ, явно назвать ихъ.

Кромъ ціле ся нарече́тъ самъ всі́мъ госпо́диномъ,
вгді́ жъ самъ ся постано́вилъ на то власте́линомъ.

— —
Прѣто и міто добро́ бѣ вибирать помірно,
а не згло́а оскорбля́тъ бідний лю́дъ безмірно....

Мы исчерпали, по возможности, весь интересъ книги стихотворца Климентія, для нагляднаго изображенія въ наиболѣе ясномъ свѣтѣ тогдaшняго времени. Общее впечатлѣніе наше таково: что Украина отпала отъ Польши не какъ здоровое гражданское общество, а какъ нація изнемогшая въ отчаянной борьбѣ и зараженная недугами, отъ которыхъ страдала сама Польша, — что новое гетманское правительство украинское,

вмѣстѣ съ союзнымъ себѣ духовенствомъ, злоупотребляло отвоеванную ему народомъ свободу и предалось стремленіямъ эгонистическимъ, упустивъ изъ виду идею миновавшей войны народной, — что при такомъ состояніи дѣлъ не могло существовать между гетманомъ Мазепою и Украинскимъ народомъ единства стремленій, каковы бѣ они ни были, и что съ его паденіемъ должно было неизбѣжно начаться и паденіе грѣшной гетманщины.

12 января 1859.

С. Петербургъ.



II.

КОТЛЯРЕВСКІЙ.

Исторія Польши и Южной Руси, или Украины обѣихъ сторонъ Днѣпра, съ XVI по XIX вѣкъ, похожа на судьбу двухъ братьевъ, изъ которыхъ старшій хотѣлъ заставить меньшого на себя работать. — отъ этого вспыхнула между ними непримиримая вражда, старшій не хотѣлъ дать меньшому правъ равенства, меньшей не хотѣлъ подчиниться старшему до покорности слуги, и кончилось тѣмъ, что они взаимно другъ друга разорили, обезсилили, довели до послѣдняго упадка. Участи этихъ двухъ націй сходны не въ одномъ внѣшнемъ отношеніи. Конецъ ихъ отдѣльной, хотя уже давно не самостоятельной жизни, въ исходѣ XVIII столѣтія, былъ временемъ упадка, какъ польской, такъ и украинской народности. Но когда, по-видимому, погасла и послѣдняя искра польскаго патриотизма и украинскаго козацкаго духа, — въ той и другой націи начали обнаруживаться признаки жизни, болѣе могучей и вѣрной, нежели существованіе политическое, часто подчиняющееся нравственнымъ достоинствамъ и недостаткамъ одного лица, — признаки своеобразной духовной жизни, определяющей, что вынесетъ народъ изъ своего прошедшаго, счастливаго и несчастнаго. Польская народность проявила себя въ обширной, энергической литературѣ, которая выразительнѣе всѣхъ Радзивилловъ, Потоцкихъ и Вишневецкихъ сказала свѣту, что такое Поляки разныхъ сословій и состояній и что такое Польская нація вообще, въ своемъ прошедшемъ и настоящемъ. Что касается до Украинцевъ, то у нихъ также, вѣдѣвъ за уничтоженіемъ и послѣднихъ остатковъ стариннаго своеобразнаго гражданскаго устройства, обнаружилась попытка къ выраженію своей народности предъ судомъ современнаго и будущаго человечества. Мы говоримъ о началѣ письменной украинской словесности. Но, поставивъ ее въ параллель съ словесностью польскою, мы далеки отъ того, чтобы ихъ сравнивать въ могуществѣ и обширности развитія. Два брата-Славянина, Дяхъ

и украинскій Русинъ, панъ и козакъ, родные по происхожденію, не похожи другъ на друга религиозными и общественными убъждениями. Пршедшая жизнь Украинца, какъ демократа, была постояннымъ противодѣйствіемъ жизни Поляка, какъ пана, или же — молчаливымъ отрицаніемъ этой жизни. Кромѣ того, Ляхи жили поближе къ старой Европѣ и вдались въ цивилизацію, со всѣми ея посягательствами на благоденствіе массы. Украинцы, напротивъ, отрицая безсознательно, но неизмѣнно, идею рѣчи посполитой, въ томъ видѣ, какъ она осуществлялась Поляками, — держались главными своими силами въ степяхъ и противопоставляли панской роскоши непрехотливую сносливость въ помѣщеніи, въ пищѣ и въ одеждѣ, ихъ утонченности правовъ — естественную, доводимую иногда до грубости простоту, наконецъ, исключительности общественного устройства Польши — внушаемое самой природою пониманіе взаимныхъ человѣческихъ правъ и отношеній. Естественно, что и возродившаяся въ новомъ видѣ словесность одного и другого народа не могли быть ни одинаковы по симпатіямъ, ни равны по обширности и разносторонности развитія. Литература польская, возродясь въ духѣ новыхъ задачъ своихъ, опиралась на исторію многолѣтней гражданственности. Литература украинская, уступя Полякамъ то, что въ лѣтописяхъ и думахъ нашихъ называется *городами*, и отрехшись до поры до времени отъ своей доли связанныхъ съ ними гражданскихъ преданій, вдохновлялась безлюдными, необозримыми степями, шумящими *лугами* ⁽¹⁾ и убогими селами, убѣжавшими въ глухія пустыни отъ польской гражданственности. Старшій братъ-Славянинъ прижмнулъ, такимъ образомъ, съ своей словесностью къ міру старой европейской гражданственности, меньшей — къ міру еще свѣжему, полному юношескихъ великодушныхъ стремленій, поэтическихъ грезъ и недовѣрчиво взирающему на успѣхи челоуѣчности, какихъ возможно достигнуть путемъ извѣстной доселѣ цивилизаціи...

Впрочемъ эти слова относятся собственно къ дальнѣйшему развитію письменной украинской словесности; первое же популярное ея произведеніе носитъ на себѣ признаки глубокаго упадка народнаго чувства самосознанія и самоуваженія. Разумѣемъ *Енеиду* Котляревскаго. Популярность этой пародіи объясняется состояніемъ грамотной части укра-

(1) *Лугъ* въ народномъ языкѣ значитъ низменное надводное мѣсто, покрытое деревьями. Потому-то въ пѣснѣ поется:

Ой не шумі, луже,
Дібровою луже.

лисаго народа въ концѣ XVIII вѣка. Въ критическомъ разборѣ рукописной книги Клементія, украинскаго стихотворца временъ Мазепы, показано уже, какъ, подъ покровительствомъ не-народнаго гетмана и его креатуръ, выдѣлялось изъ козацкаго, въ то время еще не-простонароднаго сословія, сословіе такъ называемыхъ пановъ, ставившихъ ни во что простолюдина (что, впрочемъ, тогда было и во всей Европѣ) и взиравшаго на *посполитый* людъ съ высоты своихъ выторгованныхъ на счетъ посольства привилегій. Это разбогатѣвшее военною добычею и заманщинами сословіе уже и тогда пренебрегало простонароднымъ бытомъ и языкомъ, подражая, сколько было для него возможно, иноземцамъ, какъ это видно изъ той же книги, не говоря ужъ о другихъ источникахъ.

Я не стану томить читателя повтореніемъ тяжелыхъ, глухихъ семинарскихъ виршъ Клементія, которыя, точно подземный голосъ, вырвавшійся изъ молчаливыхъ могилъ, засвидѣтельствовали передъ потомствомъ, какъ ужасно было положеніе простолюдина во времена мнимой самостоятельности нашего отечества. Я хочу только сказать, что, насмѣявшись надъ простодушіемъ украинскаго посольства послѣ развязки *вѣжинской черной рады*, обманщики не остались на Украинѣ безъ послѣдователей.

Когда преданъ былъ Бруховецкій восторжествовавшему надъ нимъ Дорошенку, лукавая партія Бруховецкаго, безъ сомнѣнія, увеличилась не однимъ союзникомъ. Когда предпочтенъ былъ Дорошенку ничтожный эгоистъ Многогрѣшный, — она еще больше усилилась. Когда Самойловичъ привлекъ ее къ себѣ на гибель Многогрѣшному, — она вкоренилась на Украинѣ еще глубже. Когда Мазепа составилъ между старшинами партію противъ гетмана Самойловича и, дѣйствуя съ ней заодно, подѣлился съ княземъ Голицынымъ національнымъ скарбомъ, — это была всё она же, та самая партія, которая вооружила противъ Сомка простой народъ и потомъ горько надъ нимъ наругалась. Гетманство Мазепы было временемъ наибольшаго процвѣтанія козацкихъ пановъ, на счетъ низшихъ классовъ украинскаго населенія. Ни одинъ гетманъ не возвышался до такого самовластія, какъ Мазепа, и, слѣдовательно, ни одинъ не могъ позволить себѣ такихъ крупныхъ злоупотребленій. Чѣмъ ниже клонилъ онъ голову передъ царемъ Петромъ, тѣмъ надменнѣе держалъ ее передъ тогдашнею Украинскою націею, этой простодушной толпою, столько разъ уже проданною своими предводителями со временъ знаменитаго возстанія Хмельницкаго. Набожный безъ вѣры въ распятаго за слово истины, отважный безъ самопожертвованія, онъ обманывалъ людей, для него опас-

ныхъ и передавался на сторону сильныхъ. Такъ поступали и его полковники и генеральные старшины, дѣйствовавшіе съ нимъ заодно, изъ личныхъ выгодъ. Украина, съ ея народонаселеніемъ, послѣ паденія Мазепы, представила возмутительную картину дѣлежа національной собственности между послѣдователями его системы, его непосредственными учениками, и множествомъ ихъ мелкихъ подражателей, которые, увиваясь вокругъ нихъ, живились ихъ недоѣдками. Исторію отъ Мазепы до Разумовскаго можно назвать исторіею расхищенія національной собственности всѣми благовидными и неблаговидными способами. Наконецъ, когда нечѣмъ было уже дѣлиться, козацкіе паны подѣлились подсосѣдками, которыхъ еще Мазепинскій поэтъ, Климентій, называлъ, за вольный переходъ съ однихъ земель на другія, *бутовниками на своихъ пановъ*.

Дѣ, козацкая старшина, при всемъ демократизмѣ своего происхожденія, была роднымъ чадомъ польской аристократіи XVII вѣка, съ которою, въ благородной гордости и презрѣніи къ хлѣпамъ, не могла равняться ни одна аристократія въ Европѣ. Главою поднятой въ 1647 году на пановъ демократіи украинской былъ прежній угодникъ магнатовъ, панскій придворный и, въ добавокъ, питомецъ іезуитовъ. Неразборчивый въ средствахъ для достиженія своей цѣли, Богданъ Хмельницкій первый пожертвовалъ простолюдинами для соблюденія собственныхъ выгодъ и выгодъ вопиющей части Украинцевъ, обезпечивавшей его благосостояніе. Въ сдѣлкахъ своихъ съ Поляками, онъ не одинъ управлялъ мѣтнями верховнаго козацкаго совѣта: его правой рукой и совѣстью былъ такой же, какъ и онъ, шляхтичъ Выговскій, а кромѣ Выговскаго, въ козацкое войско передалось множество дворянъ, которые, при всякомъ удобномъ случаѣ, поселяли въ знатнѣйшихъ козакахъ убѣжденія польскихъ аристократовъ. Іезуиты, просвѣщавшіе Польское королевство со времени Баторія, вдохнули свой нечистый духъ не въ однихъ католическихъ магнатовъ, не въ однихъ окатоличенныхъ русско-литовскихъ князей; не въ однихъ остававшихся вѣрными греко-русскому обряду пановъ-богачей, но и во все то, что пользовалось правами шляхетства, или, что почти одно и то же по-тогдашнему, правами гражданства⁽¹⁾. Вотъ почему козацкая нація, отвергнувъ іезуитско-польское аристократическое начало во виѣшнихъ формахъ, сохранила его въ духѣ своихъ вельможныхъ и невольможныхъ представителей. Вотъ почему разгнѣ-

¹⁾ Мѣщане пользовались правами гражданства, не пользуясь шляхетскими правами; но ихъ охраняло Магдебургское право, которое они покупали у королей и у сената.

рада въ іезуитскомъ вкусѣ іѣжинская черная рада, имѣющая значеніе столь же великаго національнаго бѣдствія, какъ и Зборовскій договоръ, превознесенный всѣми лѣтописцами и историками (за исключеніемъ одного Костомарова). Вотъ почему Мазепа съ своею панскою партією съумѣлъ заставить козаковъ выбрать себя гетманомъ, наперекоръ ихъ нелюбви къ нему. Вотъ почему онъ господствовалъ неограниченно въ Украинѣ до тѣхъ поръ, пока, играя по-іезуитски обязательствами, ошибся въ расчетѣ и принужденъ былъ уступить свое мѣсто ничтожнѣйшему изъ своихъ полковниковъ, Скоропадскому. Вотъ почему, наконецъ, Скоропадскій, сознававшій свое безсиліе и не пренебрегавшій никакими средствами для удержанія за собою гетманства, подарилъ часть своей родины князю Меньшикову, и этимъ актомъ, не встрѣтившимъ ни малѣйшаго протеста со стороны старшинъ, допустилъ на Украинѣ первый примѣръ обращенія подсосѣдковъ въ то состояніе, въ какомъ очутились они всѣ съ 1782 года. Климентіевскій идеалъ обладанія свободными подсосѣдками осуществился на Шептаковской волости и на примезеванныхъ къ ней, по волѣ всемогущаго временщика, земляхъ козацкихъ; и это все не было противно господствовавшему въ Гетманщинѣ взгляду на простолюдина. Лучшіе изъ тогдашнихъ вельможныхъ пановъ нашихъ охотно стали бы на мѣсто Меньшикова и присвоили бы себѣ Шептаковскую волость по-меньшиковски, если судить по Полуботку, который, по милости Конискаго и сочиненной Конискимъ рѣчи, прослылъ героемъ украинскаго патриотизма, но которому патриотизмъ не мѣшалъ заниматься обманомъ и грабежомъ, подъ прикрытіемъ козацкаго полковничества (1). Безъ совершенной отроженности отъ простолюдиновъ и безъ глубокаго къ нимъ презрѣнія, наслѣдованнаго нашими панами отъ ихъ сановныхъ прототиповъ, Вишневецкихъ, Киселей, Радзивилловъ, не возможны были бы тѣ ужасныя дѣла, которыя творились въ Гетманщинѣ отъ отъ Мазепы до Разумовскаго. Самъ Конискій, видѣвшій въ Полуботкѣ и въ другихъ, ему подобныхъ панахъ героевъ вольности народной, написалъ о современныхъ ему событіяхъ нѣсколько кровавыхъ, глубоко потрясающихъ страницъ, которыя, будучи подтверждены часто наивными свидѣтельствами архивовъ, останутся вѣчнымъ памятникомъ на могилахъ нашихъ вельможныхъ пращуровъ, умѣвшихъ процвѣтать и благоденствовать посреди гибели всего того, что куплено столь дорогою цѣною.

(1) См. акты изъ архива Н. А. Маркевича, приложенные при II томѣ *Записокъ о Южной Руси*, стр. 348.

При такомъ обращеніи съ общественными интересами страны, могли ли наши новосотворенные изъ козацкихъ старшинъ дворяне уважать простонародные нравы, обычаи и языкъ? *Chłopska wiara!* говорили католики о вѣроисповѣданіи украинскаго простонародья. *Psia krew!* говорили паны XVIII вѣка о своихъ подданныхъ. *Chłopi icstescie!* отвѣчали радные паны на требованія нравъ гражданскаго равенства со стороны козаковъ. *Мужицкіе обычаи, мужицкая рѣчь!* твердили въ 1782 году наши дворяне, новопожалованные помѣщичьимъ правомъ. И какъ имъ было этого не говорить, когда, столѣтіе назадъ, представитель писемнаго сословія, іеромонахъ Климентій, написалъ, что *письменному* человѣку быть вмѣстѣ съ *простымъ* — все равно, что трезвому съ пьянымъ,

Бо въ прѣстого мужика прѣстий есть обичай,
а въ письменного особний, політичний, звичай.

Этотъ *політичний звичай*, развиваясь по началамъ мазенинской аристократіи, естественно долженъ былъ дойти до полнаго отчужденія отъ всего, что связываетъ любовно одно сословіе съ другимъ, кромѣ обрядовъ вѣры, какъ дѣла, равно обязательнаго для всѣхъ.

Когда въ Украинѣ явилось такимъ образомъ два общества, неположіе другъ на друга ни бытомъ, ни одеждою, ни обычаемъ, ни языкомъ, и когда сами козаки спустились мало-помалу до уровня податнаго сословія наравнѣ съ новозакрѣпощенными крестьянами; тогда въ сословіи модномъ слово *музык* сдѣлалось словомъ укора ⁽¹⁾. Пеловкое, смѣшное, странное и нелѣпое — все это относилось къ низшимъ классамъ украинскаго населенія, и няньки напскихъ дѣтей, желая пристыдить своихъ питомцевъ, еще тогда начали употреблять свою ходячую фразу: *Такъ только мужики дѣлають*. На народные праздники и свадьбы начали паны смотрѣть со смѣхомъ, какъ на диковинные обычаи дикарей, и никому не приходило въ голову, что въ этихъ праздникахъ и свадьбахъ есть черты нравовъ, истинно высокихъ, истинно человѣческихъ.

Петръ Первый, торопясь утвердить новую имперію въ нѣмецкомъ духѣ среди славянскаго населенія, не зная ничего выше Нѣмца, съ его умѣньемъ рыться въ рудникахъ, лить пушки, строить корабли, выламывать солдатъ и сочинять бумаги. Онъ до того обрадовался готовому на все, работающему наемнику, что принялъ его къ себѣ, такъ сказать, въ

⁽¹⁾ Впрочемъ еще въ 1724 году Продионъ, архіепископъ черниговскій и повгородъ-ѣверскій, въ своемъ отвѣтѣ на запросъ генеральной канцеляріи, называетъ козаковъ *музыкками сынами и внуками*. (Архивъ Н. А. Маркевича).

долю на своей обширной фабрикѣ и поставить образцомъ для своего народа весь его бычай. Природными и искусственными Нѣмцами покрылось все пространство отъ Финскаго залива до Азова: ихъ правило — жертвовать живою массою въ пользу отвлеченной идеи государства пришлось по душѣ подготовленнымъ Поляками нашимъ украинскимъ панамъ, и наследованныя нами отъ предковъ одежды и весь бытъ, съ его разумной, дешевой простотою, очень скоро замѣнились у нашихъ пановъ модными нарядами, искусственностію жизни и ея обстановкою, не по средствамъ страны. Одѣваться и жить по-старому—признано было мужествомъ. Явился ложный стыдъ — быть похожимъ на простаго поселенина въ чемъ бы то ни было: Отдѣлиться отъ другихъ сословій чѣмъ только возможно—сдѣлалось задачей нобилитованнаго украинскаго панства, и только люди отсталые, захолюстники, будучи отцами чиновныхъ дворянъ, — не смотря на переименованіе изъ козацкихъ почетныхъ званій въ классные чины, донашивали наследственные предковскіе жупаны и не стыдились походить языкомъ и домашнимъ бытомъ на людей податнаго званія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на козаковъ, понизившихся дѣлою ступенью на общественной лѣстницѣ.

Когда такимъ образомъ двѣ части одной и той же націи стали одна въ виду другой, въ новыхъ для нихъ отношеніяхъ, то, естественно, онѣ показались одна другой странными и смѣшными. Простой народъ выразилъ свои понятія о панахъ въ пословицахъ и пѣсняхъ, за недоступностію для него литературнаго способа высказывать свой взглядъ на вещи. Чтo касается до высшаго сословія, то оно, съ самого того времени, какъ гетманъ козацкій явился въ пудрѣ, окруженный пудреннымъ дворомъ своимъ, — почувствовало, въ лицѣ богатѣйшихъ своихъ представителей, неустержимый хохоть отъ сравненія новомоднаго тогда, а въ наше время перешедшаго къ лакеямъ, костюма съ одеждами старомодными, сохраненными до сихъ поръ въ простомъ народѣ. Не только жупаны, шаровары, чуприны, усы сдѣлались смѣшны напудреннымъ и гладко выбритымъ подражателямъ воспитаннаго за границей гетмана, но и самый бычай и языкъ роднаго края показались имъ чудовищно грубыми и смѣшными. Хохоть ихъ былъ родной братъ того хохота, которымъ Бруховцы провожали омороченныхъ ими простолюдиновъ съ черной рады. Торжествующій пройдоха никогда не смѣшонъ въ глазахъ такъ называемыхъ практическихъ людей, обдѣлывающихъ свои дѣлишки безъ дальнихъ умышленій: смѣшонъ, въ ихъ глазахъ, тотъ, кого надулъ онъ, обобралъ и запретъ въ свое ярмо. Жестокій и беземысленный смѣхъ! Но судьба казнить этимъ смѣхомъ народы

за ихъ беззаботность о судьбѣ своей, за ихъ неразумные внутренніе раздоры, за ихъ забвеніе равно для каждаго святыхъ обязанностей общественныхъ, и, чтобы еще больше наругаться, въ гнѣвъ своемъ, надъ раздѣлившимся на ся народомъ, она выбираетъ исполнителями казни своей тѣхъ именно людей, которые, въ противномъ случаѣ, были бы опорой и честью родного края.

Съ того-то времени появились между Украинцами эти юмористы, которыхъ цѣлые десятки, по преданію, выманили себѣ своими шутками чины и имѣнія у знатныхъ и могучихъ людей. Успѣхомъ у вельможъ они были обязаны смѣлости—казаться тѣмъ, чѣмъ они въ самомъ дѣлѣ были, по своему воспитанію, то есть простолюдинами, или — искусству представлять простолюдина съ его честнымъ простодушіемъ и природнымъ, затаеннымъ умомъ. Весь ихъ юморъ вертѣлся на томъ, чтобы дать почувствовать офрануженному и онѣмеченному Русскому человѣку, до какой степени не похожъ на него человѣкъ, оставленный имъ въ простой хатѣ, изъ которой онъ иногда и самъ выходилъ въ чиновные люди, какъ гетманъ Разумовскій. Эти шуты не были люди ограниченныхъ способностей. Напротивъ, ихъ способности не рѣдко были таковы, что еслибы они шли по пути чести и истины, то могли бы поставить себя высоко во мнѣніи потомства. Но эти господа разочли, что такимъ путемъ далеко не уѣдешь, при тогдашнемъ развитіи протекторства, и рѣшились лучше осмѣять его въ своемъ лицедѣйствѣ передъ пудренною публикою. Они смекнули, что путемъ чести и истины легко было, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, захватить, по слѣдамъ Паляя, въ Сибирь, и благоразумно избрали девизомъ своимъ пословицу: *Скачи, враже, якъ панъ каже!* Они, наконецъ, въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни, дѣйствовали по примѣру юродивыхъ смѣльчаковъ разныхъ временъ и народовъ, какъ, напримѣръ, представители Запорожья передъ разрушеніемъ Сѣчи (хотя эта устарѣлая хитрость не устояла противъ хитрости новѣйшей, возведенной въ достоинство государственной науки, и запорожскіе братчики вдругъ увидѣли себя *убранными въ шоры*.)

Гоголь, зная по преданію, какъ извивались мудрой змією Стѣчки, какъ-бы въ предчувствіи близкой гибели, — пытался представить ихъ въ художественной картинѣ при дворѣ Екатерины Второй; но картина вышла бойкимъ эскизомъ, который даетъ только чувствовать, что въ самомъ дѣлѣ *было* что-то этому подобное въ нашей смѣшной и трагической исторіи. Другой извѣстный намъ образчикъ юмора, отъ котораго хочется плакать, принадлежитъ словесности изустной, потѣшавшей

вельможъ XVIII вѣка. Я говорю о такъ названнѣ мною *Очаковской Бѣдѣ*, пересказанной мнѣ въ полуразоренномъ Мотренинскомъ монастырѣ отставленнымъ и убогимъ его настоятелемъ, въ 1843 году, со словъ какого-то полковника Перепелицы (1).

Вникнувъ въ положеніе козаковъ, представленныхъ въ этомъ характеристическомъ разсказѣ, видишь ясно, что имъ ничего больше не оставалось дѣлать, какъ смѣяться надъ самими собою. Но сколько жалобы и тоски въ этомъ смѣхѣ! Судя по нынѣшнимъ живымъ обращикамъ дворянъ-юмористовъ, получающихъ доступъ въ знатный кругъ за свои анекдоты о простолюдинахъ, — полковникъ Перепелица былъ, вѣроятно, разскащикъ *ex professo*. Подобно актеру, которому безъ сцены скучно, онъ представлялъ, въ монастырѣ, на богомольи, обращикъ-другой своего искусства, и едвали сознавалъ, что, пародируя козацкую службу послѣднихъ годовъ существованія національнаго своего войска, онъ говоритъ такъ много горькой правды. Но какъ бы то ни было, только съ упадкомъ національности въ начальствовавшихъ и богатѣйшихъ Украинцахъ, съ появленіемъ на вельможныхъ козацкихъ головахъ нелѣпой пудры, а на вельможныхъ козацкихъ женахъ нелѣпыхъ фижмъ, нетитулованный козакъ, оставшійся при своемъ предковскомъ жупанѣ, сдѣлался въ высшемъ кругу такъ смѣшонъ, какъ былъ бы смѣшонъ въ обществѣ хромоногихъ людей челоуѣкъ, ходящій прямо. Наши паны поклонились до земли сыну убогой козачки Розуміхи изъ села Лемешѣй (2), когда онъ, сказочной игрою случая, воротился къ нимъ на Украину въ видѣ французскаго маркиза, и поставили его особу и его дворъ образцомъ для себя въ усовершенствованіи своего общественнаго и домашняго быта. Иноземная роскошь, доступная прежде только немногимъ фамиліямъ, распространилась отъ сіятельнаго козацкаго сына, какъ-будто самой судьбою избраннаго на то, чтобы поддержать въ окружавшихъ его духъ польскаго шляхетства. Шафонскій, въ своемъ *Описаніи Черниловскаго Намѣстничества* (стр. 26), говоритъ: »До 1751 года, то есть до прибытія въ Малую Россію графа Кирилла Григоріевича Разумовскаго на гетманство, ни у десяти самыхъ первѣйшихъ Малороссійскихъ вельможъ не было каретъ, а ѣздили почетнѣйшіе въ четверомѣстныхъ, а прочіе въ половинчатыхъ коляскахъ. Нынѣ во всякомъ почти городѣ и уѣздѣ нѣсколько можно оныхъ встрѣтити.« Вотъ почему тотъ же Шафонскій говоритъ далѣе: »Аллегорическіе обряды и

(1) См. *Зап. о Южн. Руси*, т. I, стр. 289.

(2) Черниг. губ. Козелецкаго уѣзда.

церемонія при свадьбахъ, у простыхъ и теперь употребляемые, у почетнѣйшихъ вывелись.»

И одни ли свадебные обряды вывелись у людей, назвавшихся почетнѣйшими? Сколько новаго, чужеземнаго приняли они на-вѣру отъ такихъ людей, какъ Разумовскій, которые не могли себѣ представить ничего выше обычаевъ Версальскаго двора! Вывелся у нихъ страхъ общественнаго суда, потому что общественный судъ ограничивался небольшимъ числомъ панскихъ родовъ, выдѣлившихся изъ козацкаго сословія, которое смѣялось, въ своихъ семьяхъ, надъ пудрою, какъ надъ нечѣстностью, и гнушалось фижмами и открытыми до послѣдней возможности лифами, какъ непристойностью. Вывелся у нихъ обычай водить хлѣбъ-соль, вступать въ родство, свойство и кумовство съ людьми, которые оставались вѣрными здоровой простотѣ нравовъ, образовавшихся на родной почвѣ дѣйствіемъ родной исторіи. Вывелось правило, при заключеніи брачныхъ союзовъ, цѣнить выше всего *честный родъ*, на мѣсто котораго поставленъ, по примѣру гетмана Скоропадскаго, родъ знатный ⁽¹⁾. Измѣнился, наконецъ, и самый взглядъ на все, что, въ простыхъ формахъ, имѣло прежде свое значеніе и вѣсь. Въ то отдаленное отъ насъ время, когда простолюдина называли *смердомъ*, и въ то время, когда его стали называть *хлопомъ*, не больше было разстоянія между нимъ и сословіемъ привилегированнымъ, какъ и въ этотъ третій періодъ его существованія подъ именемъ *мужика*. На родной его почвѣ, подъ влияніемъ чужой народности, въ третій разъ уже выдѣлились изъ него люди, возгнушавшіеся коренными его нравами и обычаями. Но въ первые два періода дѣло обошлось живымъ словомъ, которое лишь случайно попало подъ перо поклонявшихся силѣ и богатству иноковъ, ученыхъ схоластиковъ и важныхъ государственныхъ мужей; въ третьемъ же періодѣ, подъ литературнымъ влияніемъ современнаго міра, явился письменный и печатный органъ презрительнаго взгляда на простонародье и на все, во что оно простодушно вѣруетъ и чѣмъ держится въ своей здоровой нравственности. Мы говоримъ о Котляревскомъ. Въ его перелицованной *Енеидѣ* собрано все, что только могли найти паны каррикатурнаго, смѣшнаго, и нечѣпаго въ худшихъ обращіяхъ простолюдина.

(1) Гетманъ Скоропадскій, въ глубокомъ своемъ униженіи, которому обязанъ и булавою, не смѣлъ воспользоваться даже въ собственной семьѣ своей человѣческими правами и всеуниженнѣйше просилъ Петра Перваго назначить его дочери жениха, который и былъ назначенъ изъ велико-русскихъ баръ.

Котляревскій былъ человѣкъ добродушный, и среда, къ которой онъ принадлежалъ, не состояла изъ людей жестокосердыхъ. XVIII-й вѣкъ, надѣлавшій столько бѣды въ нашей Украинѣ, смотрѣлъ по-своему на свои дѣянiя и не предвидѣлъ, какъ они отзовутся въ потомствѣ. Сохраненныя преданiемъ черты нравовъ общества, которое создало Котляревскаго, во многихъ случаяхъ отличаются идилическою мягкостiю; но эта мягкость относилась не ко всеѣмъ сословіямъ. Сфера заботливаго вниманiя тогдашняго дворянина ограничивалась людьми его сословія и состоянiя. Онъ дорожилъ мнѣнiемъ себѣ подобныхъ; онъ исполнялъ обязанности гостепрiимства и дружелюбiя къ себѣ подобнымъ; его катихизисъ озарялъ передъ его совѣстью только равныхъ ему и оставлялъ въ густой тѣни ближнихъ другого рода. Участiе и помощь были оказываемы добрыми людьми того времени и простолюдинамъ, но это дѣлалось между прочимъ, и походило больше на прихоть доброты, чѣмъ было добротою въ самомъ дѣлѣ. Котляревскій, по преданiю, не разъ вступался за обиженныхъ сутягами козаковъ полтавскихъ, и домикъ его въ Полтавѣ былъ извѣстенъ убогимъ челобитчикамъ; но посмотрите, какъ проводитъ онъ жизнь свою, къ кому онъ льнетъ, передъ кѣмъ разсыпается въ угожденьяхъ; послушайте его анекдотовъ въ кружкѣ прiателей — и для васъ будетъ ясно, какая сторона жизни должна поражать его въ простолюдинахъ.

Иванъ Петровичъ Котляревскій воспитывался въ Полтавской семинарiи, былъ домашнимъ учителемъ въ помѣщичьихъ семействахъ, потомъ служилъ въ армiи, наконецъ вышелъ въ отставку съ чиномъ капитана и поселился въ отцовскомъ домикѣ своемъ, въ Полтавѣ. Его воспитанiе совпало съ эпохой протеста противъ деспотическаго классицизма, — протеста, выразившагося въ европейскихъ литературахъ осмѣянiемъ боговъ и героевъ. По преданiю, онъ еще въ семинарiи началъ перелицовывать Енеиду Виргилiя на каррикатурно-украинскiй языкъ. Кому онъ подражалъ и былъ ли ему извѣстенъ тогда Скарронъ или Баумгартенъ, это занимаетъ насъ мало. Мы только знаемъ, что, поступая въ военную службу, Котляревскій прославился своей пародiей не на шутку. Уже самая мысль — написать пародiю на языкѣ своего народа показываетъ отсутствiе уваженiя къ этому языку. Но Котляревскiй заплатилъ дань своему вѣку, будучи не въ силахъ стать выше его понятiй. Троянскiй герой, въ видѣ украинскаго бродяги, слѣзши товарищей Котляревскаго до слезъ, и рукопись его начала ходить по рукамъ. Помѣщики украинскiе расхохотались надъ *Енеидою* не хуже оян-

церовъ; расхохотались надъ немъ и ихъ лакеи, уже непохожіе на тѣхъ, отъ кого они отрознены дворовою жизнью и съ кого списаны Котляревскимъ каррикатурные портреты. Одни простолюдины не смѣялись: имъ было не до *Енеиды*.

Въ то время сдвали какой другой родъ украинской словесности могъ быть встрѣченъ нашею украинскою публикою съ сочувствіемъ. Понятіе о своей самобытной народности въ ней не существовало. Семинаріи и народныя училища увѣряли каждаго школьника, посредствомъ учебняковъ, что Ломоносовъ и Державинъ одни должны служить образцами высокой мысли и высокой рѣчи. Еще не умолкали оды къ Россу, которому будто бы ничего больше не оставалось дѣлать, потому что его »великихъ дѣлъ полна вселенна«, а уже новый геній русскаго просвѣщенія, Карамзинъ, не вѣрми покамѣсть признанный ради его новости, »въ сладостномъ упоеніи обнимался съ музами и мечтаетъ для потомства.« Чтѣ оставалось дѣлать талантливому человѣку, владѣющему только языкомъ простонароднымъ, да еще и не тѣмъ, на которомъ говорятъ земляки Державина и Карамзина? Оставалось идти по сгѣдамъ Украинцевъ-анекдотистовъ, которые черпали содержаніе своихъ разсказовъ чаще всего изъ простонароднаго быта. Нашего взгляда на этотъ бытъ Котляревскій имѣть не могъ, по духу своего времени, а его время умѣло только смѣяться надъ тою сферою жизни, которая была ему больше всего извѣстна. Не смотря на множество дворянъ, подражателей Разумовскаго, въ нашей Украинѣ родной языкъ и родные обычаи не вывелись еще вообще между классомъ образованнымъ, и могла бы, по-видимому, существовать симпатическая связь между различными сословіями; но школы и высшіе по-тогдашнему круги общества представляли анти-народные образцы вкуса и самихъ нравовъ; все стремилось отдѣлиться отъ простонародной жизни, какъ отъ какого-то варварства, и, отдѣляясь болѣе или менѣе, оглядывалось назадъ не иначе, какъ со смѣхомъ и пренебреженіемъ. Котляревскій, будучи, по своей поэтической природѣ, самымъ выразительнымъ органомъ современнаго взгляда на вещи, высказалъ громче другихъ, писаннымъ и печатнымъ словомъ, чтѣ такое для него былъ нашъ народъ съ его своеобразною, не-чужеземною жизнью. Тотъ вѣкъ вообще былъ послѣднею пробой нашей народности, которая ушла мало-помалу до безсознательнаго состоянія; но ничто не подвергло ее столь опасному испытанію, какъ пародія Котляревскаго. Пока съ человѣкомъ спорять, пока человѣка преслѣдуютъ злорѣчіемъ или клеветою, — онъ еще не погибъ во мнѣ-

ни своихъ приверженцевъ: они еще чуютъ въ немъ силы, вызывающія противодѣйствіе. Но когда его равнодушно осмѣиваютъ, — это послѣдній приговоръ живой, дѣятельной массы надъ человѣкомъ отжившимъ. Такъ именно осмѣивали во времена Котляревскаго украинскую народность, и только богатство скрытыхъ отъ толпы ея сокровищъ спасло ее отъ всеобщаго и окончательнаго отверженія. Самъ Котляревскій, какъ человѣкъ съ талантомъ, не могъ быть совершенно слѣпъ къ этимъ сокровищамъ и заговорилъ въ послѣдствіи другимъ языкомъ о томъ народѣ, который ему, какъ семинаристу, какъ домашнему учителю въ помѣщичьихъ семействахъ и армейскому офицеру, представлялся только съ каррикатурной своей стороны. Когда сравните первыя три книги *Енеиды* съ остальными, вы увидите, что грубый, но искренній комизмъ измѣняетъ автору болѣе и болѣе, и наконецъ переходитъ въ насильственную каррикатуру. Самый языкъ, въ началѣ свободный и вѣрный образцамъ кабачной украинской бесѣды, подъ конецъ дѣлается неловкимъ и смѣшивается съ книжнымъ великорусскимъ. Можно это объяснять тѣмъ, что у автора не хватило комическаго дара на всю поэму; но едва ли не будетъ вѣрнѣе предположеніе, что, войдя въ жизнь народа посредствомъ смѣхотворнаго исчисленія ея принадлежностей, авторъ смутно почуялъ беззаконіе своего смѣха и подъ конецъ смѣялся ужъ безъ искренности. Одинъ разъ онъ вовсе измѣнилъ своему тону и вдругъ, посреди балаганнаго разглагольствованья о войнѣ пьяныхъ царей и героевъ, мы слышимъ отъ него стихи вовсе не шуточные:

Такъ, вічної пам'яті, бувало
 У насъ въ Гетьманщині колись,
 Такъ прѣсто військо шиковало,
 Не знавши: стій, не шевелісь!
 Такъ славні полкі козацькі:
 Лубяньський, Гадицький, Полтавський,
 Въ шапелъхъ було, якъ макъ цвітуть...
 Якъ гринуть, об'ятами ударять,
 Передъ себѣ списі наставлять,
 То мовъ метлюю все метуть.

Котляревскій былъ вѣренъ духу времени, и въ этомъ состоятъ, какъ его литературная заслуга, такъ и вредъ, который онъ нанесъ украинской словесности. Его *Енеида* служитъ для насъ призмой, сквозь которую мы видимъ украинское простонародье въ томъ видѣ, въ какомъ оно представлялось отцамъ и дѣдамъ нашимъ; но та же самая поэма, концентрировавъ въ себѣ тогдашнія понятія о простонародномъ бытѣ, засло-

вила передъ глазами современниковъ поэтическія и моральныя его стороны. Самъ Котляревскій, какъ уже сказано, освободился въ нѣкоторой степени отъ первоначальнаго своего взгляда на дѣло, но, будучи создателемъ своего вкуса и общества, и не обладая способностями гениальными, онъ былъ не въ силахъ возвыситься надъ ними такъ, чтобы твореніями свѣжими и энергическими пересоздать общественный вкусъ и общественныя понятія. Его пѣсни: *Віють вітри*, вѣроятно, не единственная сочиненная имъ пѣсня; не далеко ушла внутреннимъ содержаниемъ отъ русскихъ романсовъ его земляка Капниста, и только языкъ и голосъ ея провели ее, черезъ барышень и ихъ прислугу, въ городской и подгородный народъ полтавскій, а потомъ распространили и по другимъ мѣстамъ на Украинѣ. Но и самая эта популярность ея свидѣтельствуешь, какъ далека была публика Котляревскаго отъ пониманія пѣсенъ народныхъ, которыя безконечно изящнѣе по формѣ и глубже по содержанию этого произведенія грамотнаго стихотворца. Будучи въ послѣдствіи частымъ гостемъ-анекдотистомъ у малороссійскаго военнаго губернатора, князя Рѣпина, Котляревскій написалъ для его домашняго театра двѣ пьесы: *Наталку-Полтавку* и *Москаля-Чарівника*. Обѣ онѣ говорятъ много въ пользу его природнаго таланта, но очень мало въ пользу его литературнаго вкуса. Авторъ знаменитой пародіи, разсмѣшившей всю Украину, умѣлъ отыскать въ украинской простонародной жизни трогательное рядомъ съ комическимъ и до извѣстной степени сообщить нѣкоторымъ изъ своихъ дѣйствующихъ лицъ художественную индивидуальность; но его герои и героини часто выржаются языкомъ Добронравовыхъ, Правдолюбыхъ, и терпимы до сихъ поръ на сценѣ, въ исправленномъ видѣ, больше за свои костюмы и папѣвы. Но вслушайтесь, что они поютъ рядомъ съ куплетами изъ народныхъ пѣсенъ!... Въ ихъ пѣсеняхъ, сочиненныхъ Котляревскимъ, столько же народнаго духа и вкуса, какъ и въ самыхъ монологахъ. Все таки въ этихъ пьесахъ Котляревскій шагнулъ далѣе, чѣмъ въ *Енеидѣ*, къ вѣрному изображенію украинскаго народа и обнаружилъ уваженіе къ его простымъ человѣческимъ чувствамъ. Природное чутье сценическихъ условій въ авторѣ и нѣсколько удачныхъ чертъ простонародныхъ нравовъ съ комической стороны поставили *Наталку-Полтавку* и *Москаля-Чарівника* выше многихъ, если не всѣхъ, пьесъ тогдашняго театра. Но, освободясь отъ легкомысленнаго смѣха надъ народомъ, Котляревскій впалъ тутъ въ другую крайность — въ аффектацію и сантиментальность, отъ которыхъ въ то время не былъ свободенъ ни одинъ русскій писатель.

Да, Котляревскій служитъ печальнымъ доказательствомъ, въ какой

и тѣмъ каждый природный талантъ зависитъ не только отъ требованій вѣка, но и отъ вкуса окружающаго его общества. Это тѣмъ болѣе печально, что каждый сильный талантъ, выражая въ себѣ итогъ современныхъ понятій о жизни, утверждаетъ ихъ надолго въ своемъ обществѣ и даетъ законность господствующему въ немъ литературному вкусу. Сочиненія Котляревскаго, при всей своей каррикатурности съ одной стороны и аффектаціи или сантиментальности съ другой, сильно подѣйствовали въ свое время на всѣхъ, кому доступенъ былъ языкъ украинскій. Онъ былъ единственный писатель, воспроизведшій всѣми забытую или пренебреженную жизнь украинскаго простонародья. Онъ одинъ отдѣлился отъ хора писателей, твердившихъ на другомъ языкѣ, каждый по-своему: »О Россѣ, о подвигъ исполина!« или въ сладостномъ упоеніи обнимавшихся съ чужеземными музами. Это его заслуги. Но его стихи, его простонародные образы, врѣзываясь въ память тогдашняго молодого поколѣнія, какъ единственные образцы украинской литературы, съ одной стороны, приучали смотрѣть на народъ, какъ на предметъ беззаботной шутки, съ другой — придавали его жизни чуждый ей, занесенный изъ другой сферы искусственный характеръ; и когда для этого молодого поколѣнія наступила пора высказать свой взглядъ на народъ въ свою очередь, — оно, въ произведеніяхъ новыхъ писателей своихъ, не могло вполне отдѣлаться отъ того, что можно назвать однимъ словомъ *котляревщина*. Комически-каррикатурное и идиллически-сантиментальное, эти двѣ крайности произведеній Котляревскаго, сдѣлались Сциллою и Харибдою для живописцевъ украинской жизни, и только самые сильные изъ нихъ не были поглощены тою или другою пропастью. На помощь однимъ явилось уразумѣніе достоинства нашей простонародной жизни и поэзіи, на помощь другимъ — строгое изученіе нашего прошедшаго. Тѣмъ не менѣе котляревщина, съ той или другой стороны, отражается до сихъ поръ во многихъ, по видимому совершенно независимыхъ произведеніяхъ украинской словесности, не говоря ужъ о цѣлой массѣ плохихъ стиховъ и прозы, появившихся въ печати, или ненаходящихъ для себя издателя.

Причиной этому не одно литературное преемство авторовъ, неизбежно наслѣдующихъ еще въ нѣжномъ возрастѣ хорошее и дурное, вѣрное и ошибочное отъ своихъ предшественниковъ, не одно удаление отъ народа, обуславливающееся нашимъ воспитаніемъ и городскою, по большей части столичною, а не то — заграничною жизнью, но также и требованія вкуса той части общества, которую составляютъ первые и самые вліятель-

ные наши читатели. Большинство этих читателей, при всей своей литературной образованности, слишком мало знакомо съ памятниками украинской народной словесности и получило первыя понятія объ украинскомъ народѣ не отъ него самого, а отъ людей своего класса, изображавшихъ народъ, стоя на извѣстныхъ подмосткахъ. Наше читающее общество украинское сосредоточивается большею частью въ столицахъ; оно прямо или косвенно передаетъ свои воззрѣнія журналамъ; журналы, въ свою очередь, распространяють его по направленію своихъ радіусовъ въ массѣ грамотнаго городского народа, и такимъ образомъ дѣятеля украинской словесности постоянно окружены особенною, не совѣтъ здоровою атмосферою критическихъ сужденій, которая не можетъ не отражаться и на ихъ дальнѣйшихъ произведеніяхъ. Между тѣмъ преемственное вліяніе котляревщины вывѣтривается очень мало, по недостаточности указанныхъ мною противодѣйствій, и задерживается старыми и новыми литературными авторитетами, которыхъ до сихъ поръ еще не коснулась независимая критика, основанная на изученіи современнаго населенія Украины и ея прошедшей жизни. Въ свое время и въ своемъ мѣстѣ мы покажемъ вліяніе или отголоски котляревщины не въ одномъ талантливомъ произведеніи украинской литературы; теперь же займемся самимъ Котляревскимъ.

Вглядываясь глубже въ его литературную личность, нельзя не замѣтить на ней отпечатка меценатства, котораго искали вообще русскіе писатели его времени, которымъ они болѣе или менѣе даже гордились передъ людьми, не имѣющими доступа въ знатный кругъ, и которому охотно, съ какой-то дѣтской угодливостью подчиняли свои способности. Мы не входимъ здѣсь въ насущныя побужденія, управлявшія тогдашними писателями, для которыхъ общество, въ нынѣшнемъ смыслѣ слова, еще не существовало, и обращаемъ вниманіе читателей на голый фактъ. Котляревскій былъ принятъ, какъ гость, въ домахъ князя Куракина, князя Лобанова-Ростовскаго, князя Репнина, графа Кочубея, графа Ламберта и генерала Бѣлухи-Кохановскаго; словомъ, его влекло всюду, гдѣ пахло знатностью и богатствомъ, хотя, съ другой стороны, его, конечно, привлекала туда и образованность домашнихъ круговъ (но какая!). Онъ не ограничивался чтеніемъ своей *Энеиды*, подъ веселый часъ, въ кругу снисходительныхъ своихъ меценатовъ. Онъ угощалъ ихъ смѣшными анекдотами, которыхъ основаніемъ чаще всего было невѣжество простолюдина, говорившаго, вмѣсто *молебень, белебень*, воображавшаго, что при освященіи во-

ды необходимо крикнуть на народъ: *не тѣптесть!* и т. п. (1). Чтобы наполнить часы протекторскаго досуга иными развлеченьями, онъ сочинилъ двѣ театральныя пьесы и, вѣроятно, сочинилъ бы ихъ гораздо больше, еслибы встрѣтилъ больше поощренія. Но меценаты Котляревскаго, видно, зѣвали, смѣясь курьезнымъ выраженьямъ такихъ лицъ, какъ Вонный и Супрунь, а серьезныя части пьесъ, въ которыхъ выставлены достоинство убогой жизни и постоянство любви, не внушали имъ особеннаго сочувствія. — и Котляревскій остановился на первыхъ опытахъ своего драматизма, вызванныхъ, очевидно, не потребностью самодѣятельнаго творчества, не настоятельной нуждою дѣятельной среды, а случайнымъ внушеніемъ небольшого кружка, искавшаго въ его пьесахъ легкой забавы. По духу своего времени, онъ не могъ видѣть въ украинской литературѣ занятія столь же серьезнаго, какъ и служба, и, вѣроятно, смотрѣлъ на свой талантъ, какъ на одно изъ средствъ расположить въ свою пользу перваго человѣка въ обществѣ, котораго благосклонность возвышала его въ глазахъ другихъ отставныхъ капитановъ и могла увлечь, какъ и дѣйствительно случилось, его средства къ существованію. Доказательствомъ этому служить, между прочимъ, сочиненная имъ похвальная ода малороссійскому генералъ-губернатору, князю Куракину, наполненная грубою лестью. Кстати помѣстимъ ее здѣсь, какъ неизвѣстную еще доселѣ въ печати:

Гей, Орфею небораче!
 Де ти змандрувавъ відъ насъ?
 Якъ би тільки ти, козаче,
 Мні підъ сей згодівся часъ!
 Кажуть про тебе здавна,
 Що у тебе кобза гарна,
 Кобза дивная така,
 Що якъ забриньчишь руками,
 То и гори зъ байраками
 Стануть бити гоцака.

Глянь, Орфею, глянь изъ неба,
 Дай кобзурі мні своєї:
 Мні играти пісню треба,
 Пісню гарную на ней,
 Треба глосъ піднімати,
 Зъ нѣвимъ гѣдомъ поздравляти

(1) Намъ сообщено рукописное собраніе анекдотовъ Котляревскаго, но мы не хотимъ утомлять читателей пересказываньемъ болтовни, которая потеряла свое забавное значеніе съ переменною взгляда на вещи.

Па́на мило́го то́го,
 Що и па́номъ бугъ уміе,
 И, якъ ба́тько, не жаліе
 Животá для насъ сво́го.

Алексію, любий па́не!
 Я про тебе річъ почавъ,
 Да боюсь, якъ словъ не ста́не,
 Щобъ ти мні не накри́чавъ,
 Бо я наперéдъ признаюсь,
 Що я зъ му́зами не знаюсь,
 Тільки трóхи чувъ про нихъ.
 Да и му́зи лобъ нагріють,
 Пóбки проспівáть успіють
 Половіну ді́ль твоїхъ.

Я про те мовча́ти бу́ду,
 Що стрі́чками скру́ченъ ти,
 Що на то́бі, мовъ на чу́ду,
 Де не глі́нешъ, все хресті́;
 Що не́льзя зглі́нути о́чима
 На жу́панъ твій за зві́здами,
 Якъ на со́нце середъ дия,
 Що одъ стрі́чокъ шія́ гне́тця,
 Що изза́ду клячъ товче́тця.
 Все, мабу́дь, се не бри́днїа!
 Не Черні́гівъ, не Полта́ва
 Сée все то́бі дала́:
 Зна́ть, давнó, про тебе сла́ва
 Вь Пе́тербу́рсі загу́ла;
 Зна́ть, ти до́бре тамъ тружда́вся,
 Не по за́печку валя́вся,
 Що по́павъ царю́ підъ ла́дъ.
 Знавъ и ца́рь, съ кимъ подру́жити,
 На ко́го я́рмо зложі́ти;
 Ажъ тепе́ръ и са́мъ ві́пъ радъ.
 Радъ ві́пъ, що я́рмо ти тя́гнешъ,
 Не гнучі́сь, якъ до́брый ві́лъ;
 Де́нь и ні́чъ відъ по́ту мя́кнешъ,
 До́бре рóбншъ, скі́лько силъ.
 Радъ ска́зати пра́вду-матку,
 Що круте́нькую зага́дку
 На́шимъ ти зада́въ па́намъ;
 Бо, щобъ ма́ли чі́сті ду́ши,
 Щобъ держа́ли стрóго ўши,
 Ти собо́й їхъ ўчи́шъ са́мъ.

И до-ві́ку не забу́ду,
 Якъ разъ я къ то́бі прийшо́въ....

Ахъ, мій Бже, скільки люду
 Всякого я тутъ пайшовъ!
 Півні сини, півна хата
 Нашого набита брата,
 Ажъ нельзі пропхнутись мні,
 А повіть, купцівъ да папства
 И жидівъ, тогб плюгавства,
 Мовъ на ярмарку въ Ромні!
 Всі жъ не зъ балами стояли,
 Всі були по ділу тутъ,
 Папіркі въ рукахъ держали,
 Хто багачко, хто лоскутъ;
 Хто чоломъ бивъ на сусіда,
 Хто на папа-людоіда,
 А по-прбству — на суддю,
 Що за цукоръ да за грбши
 Пробивъ судъ нехорбший,
 Цілу розоривъ семью.
 И такихъ було доволі,
 Що прохали на панівъ,
 Що пані, по їхъ злій волі,
 Не дають пахати нивъ;
 Що козацькими землями,
 Сінокбсомъ и полями
 Вередують, мовъ своїмъ.
 Судъ у правду не вникае,
 За панами потакае,
 Щобъ було ёму и імъ.

Не прогнівайсь, Алексію,
 На нескладну річъ мою,
 Що я говоріти смію,
 Про писарню ще твою.
 Разъ мні быть тамъ довелбся...
 Оме жъ, скільки тамъ товклбся
 За столами писарівъ!
 Тамъ паперівъ кучи, кучи,
 Писарівъ тамъ тучи, тучи,
 Мовъ въ Петрівку косарівъ.
 Пішуть, пішуть, да и несутьця,
 Щобъ ти подивівсь, чи такъ.
 Треба жъ тутъ тобі надутьця,
 Треба знать, підправитъ якъ;
 Треба всякую папіру
 Привести якъ разъ до шніру,
 Підвести все під законъ!
 Ніколи борщю сёрбнѣти,
 Ніколи у-смакъ заспѣти, —
 Ти забѣвъ на хлѣбъ, на сонъ.

А про жінку да про діти
 Думати тобі коли,
 Щобь обути и одіти
 И не голодні булі?
 Ні, про се ти не згадаєшь:
 Жінку ти другую маєшь,
 Дочки синь тобою забуть.
 Жінка у тебе — Полтава,
 Синь — Чернігів, честь же, слава —
 Дочки; оть весь рідь твій туть!
 Мовь тобі чернець одь міру,
 Одцуравсь ти одь двора:
 Знай въ Полтаві внешь папіру,
 А додому не порá.
 Що жь тобі изь той Полтави?
 Ти и такь добівся слави,
 Да якби — гай, гай, гай!
 Одпочинь же, пане, трохи:
 Ти ужé притупавь нѳги, —
 Тупае другій нехай.
 Панство здай своє другому
 И здоровья не теряй,
 Попилнуй підь старістьь дому,
 Бо у тебе дома рай.
 Туть всі, якь на бáтька діти,
 Бѳдуть на тебе гледіти,
 Да ще чи не лѳчшь, мзбуть:
 Туть, по правді якь сказати,
 Всі тобі, якь Бѳгу, раді,
 Всі тебе, якь Бѳга, ждуть.
 Да бідá мої я бáчу,
 Сей не по тобі совіть.
 Ти такі свою удачу
 И на той потягнешь світь.
 Пѳки вибьєся изь сіяи,
 Пѳки рійдешь до могїли,
 Бѳдешь хлопцемь на другїхъ.
 Уродівся ти на правду,
 Улюбівся такь у славу,
 Якь у дівчину женихъ.

Ну, коли жь такій ти, пане,
 Що для слави лишь живєшь,
 То кь тобі смерть не пристáне,
 Ти нікѳли не умрєшь.
 Хоть попї не забурмѳчуть,
 Хоть співати не захѳчуть
 Вічну памáть по тобі,
 То прохати їхь не трѳба,

Бо и такъ підъ саме небо
 Пáмáть ти зробивъ собі.
 Сée не умрє ніколя,
 Що ти робишь всімъ добрò,
 Да и робишь зъ доброй волі,
 Не за грòши и сріблò.
 Скільки удовáмъ ти біднимъ,
 Скільки сиротамъ посліднимъ,
 Скільки, скільки слізъ утерь!
 Скільки взявъ людєй ти зъ грязі
 И, якъ кажутъ, ажъ у князі,
 Ажъ у князі їхъ упєрь!

Не умрє, хотъ побожитьця,
 Слáва не умрє твоá:
 Слáва съ тиломъ не ложитця
 У могíлу нічнá.
 Хотъ же смерть къ тобі прискòче,
 Слáви въ зємлю не спитòче:
 Загудє вона якъ громъ.
 Тутъ и прáвда вїзьме сáлу,
 Прїйде на твою могíлу
 И напише такъ перòмъ:
 »Дíво тутъ попá зробíли,
 Дíво дáвнеє изъ днєвъ:
 Въ зємлю мертвецá зарíли,
 А мертвецъ той и ожívъ.
 Бáчця, добре заривáли,
 Бáчця, грíмко всі співáли
 Пáмáть вiчнóю надъ нимъ;
 Оглянулись неборáки,
 Ажъ князь Алексій Курáквинъ
 Все живъ по дíламъ своїмъ!«

Пòки жъ сée дíво буде,
 Поживí хотъ стíлько ти,
 Скільки живъ, якъ кажутъ люде,
 Въ свiтi Маусáль святíй.
 Будь здорòвъ изъ нòвимъ гòдомъ,
 И надъ нáшимъ ще нарòдомъ,
 Ще хотъ трòхи попануй.
 Трòхи!...о́й ко́либъ багацько!
 Бо ти нашъ и панъ и бáтько.
 А на бiльше не здивуй.

Въ этой одѣ выразилась confession de foi Котляревскаго. Высокое и великое было для него то самое, что и для безвѣстно исчезнувшихъ современныхъ ему льстецовъ и подлипалъ. Но въ этихъ уродливыхъ, ан-

тпвародныхъ ввршахъ высказываетъ, однакожь, добрая душа стихотворца: онъ не позабылъ напомнить князю Куракину о послѣднемъ расхищеніи козацкихъ займанщинъ, купленныхъ дорогою цѣною у Вишневецкихъ, Потоцкихъ, Киселей и имъ подобныхъ господъ подѣ Зборовымъ, Берестечкомъ и пр. и пр. Онъ справедливо хвалитъ князя Куракина за помощь вдовамъ и сиротамъ. Онъ противопоставляетъ его нашимъ панамъ-чиновникамъ, хотя, разумѣется, ему и въ голову при этомъ не приходило взвѣсить на однихъ и тѣхъ же вѣсахъ лаживу по мелочамъ отъ судопроизводства и полученіе закулисными средствами арендъ съ полумиллионными доходами, или крупныхъ суммъ на уплату безумныхъ долговъ. Прибавимъ еще, что Котляревскій въ нѣкоторой степени оправдывалъ свойственную его времени низкопоклонность передъ знатными ходатайствомъ у нихъ въ пользу полтавскихъ козаковъ, о которыхъ онъ упоминаетъ въ своей одѣ, что было бы для него невозможно, еслибъ онъ шелъ по слѣдамъ высокаго духомъ, но, къ сожалѣнію, подавленнаго схоластикою украинскаго философа Сквороды. Впрочемъ одно ли стремленіе помогать притѣсненнымъ влекло его въ общество людей, подобныхъ князю Куракину? Мы имѣемъ основаніе въ этомъ сомнѣваться. Въ то время на Украинѣ еще не вывелось старое, наследованное отъ Поляковъ прислуживанье знатному челоуѣку, въ видѣ панскаго придворнаго, такъ называемаго *дворянина* (*dworzanin*), который немногимъ отличался отъ лака и вѣчно чаялъ отъ богача какихъ-то неопредѣленныхъ благъ и даяній. Наши мелкопомѣстные панки, отставные офицеры, какъ Котляревскій, часто исправляли у богатыхъ своихъ земляковъ должности въ родѣ польскаго *маршлка двору* безкорыстно, за ласковое слово и за удовольствіе участвовать въ забавахъ людей такъ называемаго вышшаго круга; но многіе изъ нихъ не упускали случая получить отъ своего милостивца подарокъ, котораго цѣнность превышала ихъ собственныя средства. Такъ въ жизни Котляревскаго мы знаемъ фактъ, опредѣляющій его мѣсто въ домахъ, которые онъ, очевидно, предпочиталъ обществу людей своего сорта. Одинъ изъ пріятелей покойнаго автора *Енеиды*, въ воспоминаніяхъ своихъ, рассказываетъ, между прочимъ, слѣдующее:

»Когда Викторъ Навловичъ Кочубей, бывшій еще графомъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ, пріѣзжалъ въ свое помѣстье Диканьку, Котляревскій былъ очень ласково принимаетъ имъ. Графъ нарочито присылалъ за нимъ и любилъ слушать его *разказы*. Котляревскому *хотлось* выпросить у графа подгородный лугъ, принадлежавшій графу, и вотъ, за обѣдомъ, онъ подучилъ одного изъ сыновей графа, бывшихъ

тогда дѣтьми, сказать отцу: »Подари, папа, Ивану Петровичу *луку*«. Но сынокъ не совсѣмъ понималъ слово и просилъ отца подарить Ивану Петровичу *луку*. Графъ догадался, въ чемъ дѣло, и исполнилъ желаніе Котляревскаго. Разсказъ этотъ я самъ слышалъ отъ Котляревскаго.»

Тѣмъ же, вѣроятно, способомъ получилъ Котляревскій отъ мало-російскаго генералъ-губернатора, князя Лобанова-Ростовскаго, мѣсто надзирателя Полтавскаго дома воспитанія бѣдныхъ дворянъ, черезъ два года по выходѣ въ отставку. Поступленіе на службу можно объяснять его рвеніемъ къ общей пользѣ; но до насъ дошло преданіе о его суровости къ воспитанникамъ и мелочной придирчивости для улучшения вѣшняго ихъ вида. Впрочемъ, зная Котляревскаго какъ человѣка добраго и благотворительнаго изъ другихъ источниковъ, мы готовы объяснить эту суровость и придирчивость рутинною тогдашняго воспитанія и наслѣдственнымъ убѣжденіемъ Котляревскаго, что иначе и не слѣдуетъ поступать со школьниками. Какъ бы то ни было, только, параллельно съ преданіемъ о суровомъ управленіи дворянскою школою, официальная хроника гласить, что въ 1817 году Котляревскій, за улучшеніе этого заведенія, награжденъ чиномъ майора (не смотря на то, что служба была штатская), бриллиантовымъ перстнемъ и пенсією въ 500 р. асс. Тутъ невольно вспомнишь и его забавные анекдоты въ кругу знатныхъ людей, и его похвальные оды. Въ 1827 году, Котляревскій получилъ мѣсто попечителя полтавскаго богоугоднаго заведенія; въ 1835 году ему дали полную пенсію сверхъ прежде пожалованной; въ 1838-мъ онъ скончался, украшенный разными знаками отличій, въ томъ числѣ и пряжкою за тридцатилѣтнюю безпорочную службу. Такимъ образомъ все въ жизни Котляревскаго обстояло благополучно, какъ и вообще у поэтовъ его времени и его разряда. Онъ относился къ людямъ по обще-принятому образцу; онъ сдѣлалъ изъ своихъ способностей столько, сколько отъ него требовало его общество. Угодать знатнымъ, по понятіямъ его вѣка, было свидѣтельствомъ отличнаго ума, умѣющаго обратить на себя вниманіе государственныхъ мужей, которые тогда заправляли всѣмъ, не исключая и самой литературы. Выпрашивать у нихъ подарки, — этотъ актъ освящался преданіями украинскаго дворянства, выросшаго при дворахъ польской знати, ловко пересаженнаго на всероссійскую почву подъ сѣнію козачества и продолжавшаго живиться отъ щедротъ своихъ богатыхъ представителей. Что касается до тридцатилѣтней безпорочной службы, засвидѣтельствованной пряжкою, то она объясняется двойною пенсією, которая должна была обезпечить одинокую его старость.

Въ тѣ времена этотъ способъ обезпеченія старости былъ у небогатыхъ дворянъ всеобщимъ, такъ какъ все находилось подъ непосредственной опекой государства, и *общество* въ нынѣшнемъ смыслѣ слова еще не существовало. Распространяться обо всемъ этомъ было бы неумѣстно въ критикѣ, еслибы характеръ и обстановка жизни писателя не имѣли рѣшительнаго вліянія на его произведенія. Подобно тому, какъ духовныя академіи и семинаріи, отторгнутыя отъ народа искусственностію своей морали, не дали живому обществу ни одного поэта, подобно тому и всякая искусственно созданная жизнь подавляетъ въ своихъ питомцахъ здоровый поэтическій даръ, извращаетъ его внушенія и придаетъ плодамъ его отталкивающую мертвенность. Поэзія возвышаетъ свой голосъ въ такой затхлои средѣ не иначе, какъ въ видѣ жалобы или протеста, и поэтому-то сатирики въ каждой искусственно заведенной литературѣ стоятъ, въ глазахъ потомства, безконечно выше тѣхъ писателей, которые брали ноты, согласныя съ общими убѣжденіями своей среды. Котляревскій, по своему природному таланту, могъ бы въ сатиру уйти далеко отъ своихъ драматическихъ пьесъ; но, будучи постоянно въ зависимомъ положеніи, онъ не смѣлъ, еслибы и могъ, бросить сатирическій взглядъ на существенные недостатки современнаго ему порядка вещей. Онъ, только прикинувшись юродивымъ мужикомъ въ своей *Енеидѣ*, изрѣдка осмѣливается назвать пороки свѣтскихъ и духовныхъ людей, тяготѣвшіе надъ украинскимъ народомъ; но карикатура простонароднаго быта, проведенная чрезъ всю его *Енеиду* (а *Енеидою* не переставалъ онъ заниматься до конца жизни) уничтожаетъ въ немъ и послѣднее достоинство во сатиры. Между тѣмъ смѣхъ Котляревскаго былъ заразителенъ, такъ какъ въ немъ заключалась вся сила его таланта, и читатель его времени, чуждый нашего взгляда на простонародье, хотѣлъ безразлично и надъ тѣмъ, что судья за новый мундиръ переименовалъ дѣло, рискуя Сибирью, и надъ стихами, въ родѣ слѣдующихъ:

Чи бачишь, якъ ми обірались!
Убрання, постолі порвались....

Подобная картина въ наше время не размѣшитъ никого, потому что выяснены нами причины неестественной бѣдности народа посреди края, богатаго естественными произведеніями. Въ эпоху Котляревскаго смѣхъ былъ не очень разборчивъ въ выборѣ предметовъ и преимущественно обращался на тѣхъ, кто не успѣлъ выкарабкаться изъ грязи и занять мѣсто посреди чистенькихъ господъ, обезпечившихъ свою благоприличную

жизнь сотнями такихъ людей, какими, въ приведенныхъ стихахъ, представлены Троянцы. Вредъ *Енеиды* со стороны ея комизма очевиденъ: эта книга дѣлала забавною жизнь простолюдина, осужденнаго на невѣжество самой нуждою и удаленнаго отъ близкаго общенія съ классами болѣе образованными. На бѣду, она имѣла еще успѣхъ, въ тѣ времена необыкновенный. Она какъ разъ пришлась по вкусу грамотной части Украинцевъ, извѣстно какими способами выдѣлившейся изъ темной массы народа, и долго ходила въ рукописи. Потомъ ее напечатали однимъ, другимъ и третьимъ изданіемъ, и все это сдѣлалось уже библиографическою рѣдкостью. Этимъ объясняется, почему до сихъ поръ у насъ не переводятся писатели въ родѣ г. Ващенко-Захарченка или г. Карпенка: всѣ они — воспитанники Котляревскаго и исчадія уродливой народописи, которую разнесла его *Енеида* между армейскими офицерами, чиновниками, помѣщиками, лакеями, писарями, семинаристами и всякимъ инымъ грамотнымъ людомъ, возвышающимся надъ неграмотною частью украинскаго населенія, надъ тою частью, которая, своими пѣснями и обыденною своею рѣчью, дала нашимъ новымъ писателямъ истинно народный тонъ словесности, какъ въ комическомъ, такъ и въ патетическомъ родѣ. Они-то мало-помалу остановили вліяніе котляревщины на литературный вкусъ публики; они отвергли искусственную юрковость рѣчи, которою проникнута вся *Енеида*, и, заговоривъ, во имя своего народа, съ сознаниемъ достоинства украинскаго характера, открыли юной своей словесности безпредѣльную область развитія. Послѣ повѣстей Квитки и поэмъ Шевченка, не только *Енеида*, но и театральные пьесы Котляревскаго сдѣлались анахронизмами для современнаго чтенія и получили цѣнность только первыхъ памятниковъ, первыхъ попытокъ украинской словесности. Сравнивая ихъ съ произведеніями этихъ писателей, мы съ удивленьемъ видимъ, какъ неясно представлялась Котляревскому жизнь, которую онъ очевидно зналъ не по слухамъ, какъ онъ небрежно вглядывался въ ея законы, какъ хаотически смѣшивалъ онъ въ своихъ описаніяхъ разныя ея принадлежности (!) Самый языкъ, которымъ онъ говорилъ съ дѣтства и которымъ владѣетъ, мѣстами, въ совершенствѣ, не пользовался его уваженіемъ, ибо онъ вводитъ въ него, безъ всякой жалости, сло-

(¹) Напримѣръ:

Свинѣчу голову до хрѣну
И лѣкшину на переми́ну,
Потѣмъ съ підлѣвою индѣкѣ.
На закуску (!) кулішъ и кашу.... (Ч. I.)

ва, окончанія и цѣлыя выраженія чисто великорусскія (1). Но главный абсурдъ *Енеиды*, это то, что въ ней простонародью украинскому навязаны пороки, которые могли бы характеризовать только худшую часть тогдашняго украинскаго населенія, именно — чиновное панство, поврежденное въ здоровыхъ основаніяхъ своей народности и недостигшее уточненности нравовъ и обычаевъ на иноземный образецъ. Онъ до того увлекся своимъ карикатурнымъ комизмомъ, до того обезобразилъ украинской народъ своей пародіей, что и его природный талантъ, и знаніе языка украинскаго, и множество характеристическихъ подробностей простонароднаго быта — все это гибнетъ попусту на ложной дорогѣ, указанной ему его вѣкомъ и обществомъ. Между его типами и худшими типами зараженнаго отчасти его вкусомъ Квитки существуетъ только отдаленное національное средство. Между его типами и типами независимаго въ своемъ творчествѣ Шевченка — никакого. Его пародія не потому потеряла для насъ цѣну, что время пародій давно миновало для всѣхъ литературъ: она оттапливаетъ насъ нарушеніемъ естественности отношеній между дѣтьми и родителями (2), между мужчинами и женщинами (3), между бога-

(1) Напримѣръ: *Барановъ* тьма була варѣнихъ,
Курѣй, гусѣй, качокъ печѣнихъ,
До сѣта, щобъ було всѣмъ льсть.

Или: Коли жъ винъ буде й ще *млякати*,
То дамъ себѣ ёму я знати. (Ч. I.)

Или еще: По гóроду тогді *гуляла*,
Колі Троїанців *повстрѣчала*. (Ч. I.)

(2) Какая пародія и карикатура можетъ позволять подобную шутку въ воспоминаніяхъ сына объ отцѣ:

Въ сей день ёго отецъ опрѣгся,
Якъ чикилдѣхи обіжрався.... (Ч. I.)

Или такую рѣчь сына о матери:

И вѣнечка моя ріднѣнка
У чóрта десь тепѣрь гуля,
А може спить уже пьянѣнка,
Абó съ хлопцятами гани.
Тепѣрь ий, бачу, не до соли:
Ужé, підтїкавши десь поли,
Фурцюё добре нависна.
Колі сама съ кимъ не ночуё,
То для когось уже свашкуё:
Для сёго тѣжко поспїшна! (Ч. II.)

(3) Котляревскій описываетъ Дидову такъ:

Розумна пані и мотóрна....
Трудяца, дуже працѣвіта....

ми и смертными (1), въ какомъ бы слоѣ общества, въ какой бы негѣ-ной національности ни помѣстили мы дѣйствіе перелицованной *Еменды*. Котляревскій, обойдясъ съ своимъ предметомъ насильственно, безъ всякаго къ нему уваженія, перешелъ за предѣлы смѣшного и вналъ въ карикатурно-безобразное. А въдъ пародіа—не карикатура, да и сама карикатура только тогда можетъ нравиться сколько-нибудь образованному глазу, когда она не вырывается изъ предѣловъ смѣшного и не переходитъ въ уродливое.

Итакъ, характеризуя Котляревскаго тогдашнимъ вѣкомъ, а тогдашній вѣкъ Котляревскимъ, мы останавливаемся на слѣдующемъ выводѣ: что Котляревскій былъ одинъ изъ множества талантливыхъ людей, которыхъ уничтожали у насъ духовныя училища и воспитываемое ими наше общество; что онъ, по природнымъ задаткамъ, былъ родной братъ нашихъ безыменныхъ поэтовъ, сложившихъ столько прекрасныхъ думъ и пѣсень, въ удаленіи отъ образованнаго по тогдашнему времени круга людей; что, не будь онъ воспитанникъ семинаріи и безсмѣнный членъ чужеземно-украинскаго общества, онъ бы глубже уразумѣлъ дѣло украинскаго писателя; что его пьесы: *Наталка-Полтавка* и *Москаль - Чарівникъ*, написанныя въ одномъ и томъ же году, показываютъ въ немъ инстинктъ таланта, но что этотъ инстинктъ былъ въ немъ подавленъ окружавшей его средою и уже не пробуждался до конца жизни; что самая

Она, повстрѣчавъ Троянцевъ, спрашиваетъ:

Відкіль такі се гольцяки?...
Якій васъ врагъ сюді наравивъ?...
Яка жъ ватага розбишакъ!

и потомъ та же *розумна и прощѣита пані*, черезъ нѣсколько стиховъ, говоритъ оборвишамъ-розбишакамъ:

Колибъ молодці
Енѣя вѣшого запала,
Ужѣ бь тогді весѣла стала,
Тогді бь великъ-день бувъ би намъ!

Въ чемъ тутъ смѣшное? развѣ въ поруганіи женскихъ достоинствъ и въ отрицаніи всякаго моральнаго чувства въ женщинѣ, которая ни съ того, ни съ сего выражаетъ передъ бродягами желаніе запать ихъ атамана, о которомъ сами они отозвались такъ:

Енѣй навѣвъ на насъ ману? (Ч. I.)

(1) Обращу вниманіе читателя на безобразную брань Епеха, обращенную вмѣсто молитвы, къ богамъ (ч. II.)

Гей ти, проклѣтый стариганю!
На зѣмлю зъ нѣба не зиркнѣшь? и проч.

Гдѣ тутъ комическая естественность отношеній?

личность его, по природѣ своей благородная и возвышенная, много пострадала отъ нездоровой атмосферы общественныхъ понятій, которую онъ постоянно былъ окруженъ. Всё же слѣдуетъ сказать, что общій гогосъ жителей Полтавы — отъ просвѣщеннѣйшаго челоуѣка до едва грамотнаго козака — признаетъ за нимъ щедрость, благотворительность и готовность принять участіе въ каждомъ гонимомъ несправедливо и убогомъ челоуѣкѣ. XVIII вѣкъ былъ худшій изъ всѣхъ вѣковъ, въ которые существовала наша нація. Упадокъ нашъ коснулся въ немъ крайнихъ своихъ предѣловъ. Имѣя это въ виду, мы не должны быть слишкомъ строги къ Котляревскому, какъ къ литературной и общественной личности. При всѣхъ своихъ недостаткахъ, онъ былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ Украинцевъ, которые прямо или косвенно повели насъ еще съ того времени къ нынѣшнему нашему самосознанію. Но письменная украинская словесность всё таки не можетъ видѣть въ немъ своего родоначальника (въ противность многимъ изъ его почитателей), потому что онъ былъ слишкомъ еще далекъ отъ уразумѣнія поэзіи обычаевъ народныхъ и поэзіи народныхъ преданій. Къ этому дѣлу призваны были два другіе писателя, Квитка и Шевченко. Литература наша, въ нынѣшнемъ своемъ направленіи, непосредственно отъ нихъ ведетъ свое происхожденіе. Освобожденіе отъ котляревщины служитъ однимъ изъ доказательствъ ихъ родственности съ гениемъ нашего народа, или, что все равно, съ гениемъ жизни. По направленію творчества Котляревскаго, идти далѣе было некуда; по направленію Квитки и Шевченка, лежитъ далекій, неизмѣримый путь къ литературному нашему развитію.

П. Кулишъ.

18 декабря 1860.

С. Петербургъ.

МѢСТА ЖИТЕЛЬСТВА И МѢСТНЫЯ НАЗВАНІЯ РУСИНОВЪ

ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ⁽¹⁾.

*Писахъ не мудрствуя лукаво, но лже
слышахомъ отъ достовѣрныхъ людей
и лже видѣхомъ очима своими.*

Котошихинъ.

Въ настоящее время, Южноруссы, Малоруссы, или, правильнѣе, Русины, живутъ, въ *Rossii*, сплошною массою, въ губерніяхъ: Полтавской, Харьковской, Кіевской, Волынской и Подольской, а также въ землѣ Черноморскихъ Козаковъ. Кромѣ того, Русины занимаютъ мѣста въ Черниговской губерніи, къ югу отъ рѣки Десны, (къ сѣверу отъ Десны живутъ Бѣлоруссы), въ Курской губерніи къ югу отъ рѣки Сейма и весь Суджанскій уѣздъ; въ Воронежской, къ западу отъ рѣки Дона; въ Екатеринославской и Херсонской составляютъ главную массу населенія; Азовскіе козаки (бывшіе Запорожцы, вышедшіе изъ Турціи въ 1828 году), въ Азовскомъ градоначальствѣ; въ Таврической губерніи къ сѣверу отъ Перекопа; въ Бессарабской Области заселяютъ Хотинскій уѣздъ; въ Люблинской губерніи *Царства Польскаго* составляютъ двѣ трети

(1) Предлагаемая статейка, можно сказать, первая въ своемъ родѣ: Въ печати говорилось объ означенномъ въ заглавіи предметѣ какъ-бы мимоходомъ (2), и мнѣ, по-неволѣ, пришлось писать, большею частью, на основаніи собственныхъ наблюденій и по распросамъ у людей, болѣе или менѣе свѣдущихъ, бывалыхъ. Поэтому, буду просить читателей быть снисходительными къ могущимъ встрѣтиться, въ моей статьѣ, неточностямъ и ошибкамъ, и указать ихъ въ «Основѣ». Я желалъ только вызвать другія статьи въ этомъ родѣ и, такимъ образомъ, достигъ подробной обработки свѣдѣній, которыя послужили бы къ составленію народописной карты Русинскаго народа.

(2) Самая подробная статья принадлежитъ г-ну Дешко о Карпато-Руссахъ, помѣщенная въ Кіевлянинѣ 1841 г., изд. М. Ал. Максимовичемъ.

населенія (всѣ Уніаты); въ Гродненской губерніи заселяютъ Пинскій уѣздъ (Пинчуки). Въ *Галиціи*, Русины составляютъ сплошную массу населенія къ востоку отъ рѣки Сана; въ *Венріи* сплошною массою занимаютъ Мармаришскую, Беречскую, Угочскую и Унгварскую столицы (комитаты) и большую часть Сукмарской, Саболчской и Землинской, а также часть Шаришской столицы. Въ *Буковинѣ*, Русинское племя составляютъ треть населенія. Малоруссы поселены также мѣстами по Волгѣ и въ Сибири, за Байкаломъ, еще со временъ Петра I, и въ Турціи, въ такъ называемой Добруджѣ, т. е. въ углу, образуемомъ Дунаемъ и Чернымъ моремъ. Эти послѣдніе суть потомки Запорожцевъ, ушедшихъ въ Турцію при Екатеринѣ II и бѣглыхъ русинскихъ крестьянъ, и называются тамъ *Бутколами*.

Русины, по происхожденію, быту и языку, представляютъ одно племя, но по мѣсту жительства носятъ различныя наименованія, а именно: *Гетманьці* — жители Черниговской губерніи, или, вѣрнѣе южной ея части, потому что живущіе къ сѣверу отъ Десны извѣстны у соседей подъ именемъ Лявтиновъ.

Степовикі — жители Полтавской и Екатеринославской губерній.

Украиньці — жители Кіевской губерніи, которая называется Украинною.

Польщакі — жители Подольской губерніи, называемой у простоародья *Польшею* (1).

Поліщукі — жители Полѣся.

Патлачі — Русины, живущіе въ Бессарабіи и Буковинѣ; названіе получили по длиннымъ волосамъ (*пáтли*), ими носимыхъ.

Пинчукі — жители Пинскаго уѣзда Гродненской губ.

Южноруссы Люблинской губерніи сохранили свое древнее названіе *Русиновъ*. Въ Галиціи, жители плоской ея части также называются *Русинами*, или *Русняками*.

Гуцулі — Русины, живущіе по Карпатамъ, (у туземцевъ называемыхъ: Горбы, Верхы и Бескиды). — По венгерски *гуцуль* значитъ разбойникъ. Это названіе дано русянскимъ горцамъ за ихъ отчаянную защиту православной вѣры, въ то время, когда Венгры вводили у нихъ унию. Впослѣдствіи, когда со словомъ *Гуцуль* стало нераздѣльно понятіе о храбромъ человѣкѣ, эти горцы съ гордостью начали сами называть себя этимъ именемъ.

(1) Въ Новороссіи нерѣдко называютъ *Польшею* Волинь и Украинну, т. е. Кіевскую губ.

Въ Венгріи, живущіе въ горахъ Русины называются *Лишакáми*, а въ долинахъ — *Лимака́ми*, по часто-употребляемымъ ими въ разговорѣ частицамъ *лишь* и *лемь*.

Сотакы, живущіе въ Шарнишской столицѣ, составляютъ переходъ отъ Русиновъ къ Словакамъ.

Бойки — жители юговосточной части Галиціи.

Шляхтичамы называются Русины-католики, въ Киевской, Волынской и Подольской губерніяхъ.

Я выше сказалъ, что эти замѣтки составлены, отчасти, по моимъ собственнымъ наблюденіямъ. Для будущихъ изслѣдователей, считаю не лишнимъ замѣтить, что при переѣздѣ черезъ какую либо мѣстность, для опредѣленія къ какой народности принадлежать жители, должно обращать вниманіе, между прочимъ, на женскія и мужскія одежды, особенно на головные уборы, также на характеръ построекъ. Такъ, напримѣръ, шапка бѣлая (*яломѣкъ*, *мадѣрка*, *мардѣлка*) войлочная, у мужчинъ, бѣлый платокъ (но не *намітка*) у женщины — это Литвины или Бѣлоруссы; темная шапка на мужчинѣ, темный или цвѣтной платокъ на женщинѣ — Русины. Если же въ темной шапкѣ (войлочной) есть хоть немного бѣлага, вслушайтесь въ говоръ — и вы непременно замѣтите бѣлорусскій акцентъ. Хата бѣленая, съ окнами продолговатымъ четырехугольникомъ, крытая соломой — въ ней живутъ Малороссы; хата небѣленая, окна квадратныя, крыта гонтою — это Бѣлоруссы.

Любопытно наблюдать постепенное измѣненіе, вмѣстѣ съ шапками, и народнаго говора, ѣдучи, напримѣръ, хоть изъ Кролевецъ (Черниговской губерніи) прямо на сѣверъ. Близъ Новгорода-Сѣверска вы уже замѣтите, что верхи шапокъ бѣлыя, тамъ же услышите и бѣлорусскій акцентъ; переѣхавъ Десну, вы увидите уже только бѣлыя шапки, но гдѣ встрѣтитесь на ней хоть небольшая полоска темнаго цвѣта, тамъ еще слышится говоръ малорусскій. Подвигаясь далѣе на сѣверъ черезъ Стародубъ, Мглинъ до Рославля, вы вездѣ замѣтите одинъ нарядъ и одинъ говоръ — бѣлорусскій, но за Рославлемъ, на войлочныхъ шапкахъ, въ видѣ усѣченнаго конуса, появляются поля и темныя полосы, а вмѣстѣ съ тѣмъ верхушки начинаютъ удлиняться: вслушайтесь въ разговоръ — дѣканье начинаетъ исчезать; по мѣрѣ приближенія къ Юхнову, шапки дѣлаются темнѣе и языкъ переходитъ въ великорусское нарѣчіе; когда же вѣдете въ Калужскую губернію, то замѣтите, что войлочныя шапки обратились въ извошчыи поярковыя шляпы, а говоръ перешелъ въ московское нарѣчіе.

Съ Малорусскими бараньими шапками происходят тѣ же превращенія: чѣмъ восточнѣе лежитъ мѣсто (въ Харьковской или Полтавской губерніи), тѣмъ шапки тамъ ниже, а чѣмъ западнѣе, тѣмъ выше, такъ-что, во многихъ мѣстахъ Подольской губерніи, онѣ, по высотѣ, не уступятъ знаменитымъ персидскимъ. Головные повязки у женщинъ тоже измѣняются не вдругъ, а постепенно съ сѣвера на югъ. У самыхъ сѣверныхъ Русиннокъ (въ Черниговской губерніи, близъ Десны) головныя повязки чуть не равняются пѣхотному киверу, а подвигаясь на югъ, все дѣлаются ниже и ниже; наконецъ, въ Херсонской губерніи, становятся чѣмъ-то въ родѣ маленькихъ чалмочекъ, не скрывающихъ даже верхней части головы.

Михаилъ Левченко.

Ноябрь 1860 .

Село Майорское, на Телигулѣ.

РІЗДВ'ЯННІ СВЯТКІ.

ПИСЬМО 1-е.

ВМІСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Считаю нужнимъ предъувѣдомить читателя моихъ писемъ о »Різдвяннихъ Святкахъ«, что подь словомъ »святкі«, праздники, я буду разумѣть не то, что мы привыкли обозначать этимъ названіемъ, а то, что празднуеть, или чествуетъ какимъ-нибудь обычаемъ Украинскій народъ, и что имѣеть своимъ основаніемъ его вѣрованія, будутъ ли эти вѣрованія остатки до-христіанскаго періода, или плодъ религіи христіанской, или же осадка исторической его жизни.

Въ кругъ Рождественскихъ праздниковъ, народъ Украинскій включаетъ: *Базату Кутю, Святій Вѣчіръ, Святкі* вообще, *Щодрий Вѣчіръ, Посипання, Голодну Кутю и Ордавъ*.— Я буду говорить обо всѣхъ этихъ праздникахъ, и въ томъ порядкѣ, въ какомъ они тутъ обозначены. Но такъ-какъ всѣмъ имъ предшествуютъ приготовленія, то я и начну съ этихъ приготовленій.

Приготовленія къ Різдвяннымъ святкамъ.

Чистота и убранство хаты.— Хозяйки-Украинки вообще любятъ держать хату свою и свою семью въ чистомъ и опрятномъ видѣ, а предъ наступленіемъ такого большого праздника, какъ Різдвянні святкі, онѣ прилагаютъ особенное попеченіе, чтобы *охайтьця и причепу-рятьця* (1).

(1) Привести все въ чистый и опрятный видъ.

Къ этому празднику хозяйка непременно вынесетъ изъ хаты все, что безъ особеннаго затрудненія можетъ быть вынесено и что болѣе или менѣе напоминаетъ о всеневномъ трудѣ: она вынесетъ, или по крайней мѣрѣ припрятетъ, всё снаряды для пряденія и самую пряжу (*гребені, днища мотовіла, гребінки, веретѣна, мички, почінки, клубки* и т. д.); она разберетъ и вынесетъ *верстать* ⁽¹⁾, если таковая имѣется въ хатѣ и если новая установка ея можетъ быть произведена домашними средствами; она уберетъ лишнюю *одежу*, и т. д. и т. д. Все это исполняется по преимуществу женскими руками, и мужчины принимаютъ участіе въ подобныхъ заботахъ только въ такомъ случаѣ, если трудъ оказывается выше женскихъ силъ.

Рядомъ съ этимъ, идетъ и *мазання* хаты. Разумѣется, наружная сторона ея оставляется въ покоѣ: морозы, холодъ — какъ возлѣ нея *нічкатыця*. Притомъ, снаружи, хата у рѣдкой изъ хозяекъ-Украинокъ не мажется предъ наступленіемъ зимы. За то внутренняя ея сторона должна извѣдать на себѣ всю силу заботъ хозяйки-*чепурѹхи*: тутъ и *черинь набивають* (перекладываютъ подъ печи), если онъ *вѣбився*; *шпарѹють* ⁽²⁾ и *білять*, мѣломъ или бѣлою глиною, стѣны, *стѣлю* (потолокъ), *пічь, кóминь, чѣлюсти, підпічля, припечки* (все это части печки); если гдѣ окажется нужнымъ — *валькѹють* (замазываютъ вывалившіяся, или готовые вывалиться, мѣста большими комьями замѣшанной глины, *валькáми*); выводятъ красною или желтою глиною узоры возлѣ оконъ, дверей, отверстія печи, возлѣ образовъ, а иногда и надъ *лавами* (лавками), подъ *поліцями* (полки подъ потолкомъ) и вокругъ *місниківъ* и *сѹдниківъ* (посудниковъ), — что все дѣлается особенно въ тѣхъ семействахъ, гдѣ есть или *невістка* молодая, или дочка-щоголиха; *вистрѹють діль* (ровняютъ заступомъ земляной полъ) и вымазываютъ *рудóю* глиною, а гдѣ нужно и *накладають* (выбившіяся мѣста выправиваютъ вальками). У людей болѣе зажиточныхъ, напримѣръ у городского мѣщанства и козачества, у мелкопомѣстныхъ дворянъ и у богатыхъ хуторскихъ или сельскихъ козаковъ, вмѣстѣ съ *мазанкою світлиць, кимнатъ, пекáрень* (кухонь) и т. д., идетъ и чистка печныхъ трубъ (*верхі трѹсятъ*).

За мазаньемъ слѣдуетъ *вими́вання, перемивáння, вицища́ння, шару́вання* и т. д. Тутъ чистится и моется все, что только можетъ

(1) Ткацкій станокъ

(2) Замазываютъ глиною трещины (*шлáри*).

подлежать чищенію и омовенію, не подвергаясь опасности испортиться; тутъ моются и чистятся столы, лавы, *ослоби* (скамья), а гдѣ есть, *помѣсти* (деревяные полы), и не какъ-нибудь, а горячею водою и *хвощанками* (пучками соломы, преимущественно пучками растенія, называемаго *хвощежъ*, а также пучками *очерету*); тутъ моются *віхтиками* (изъ соломы, сѣна, и въ особенности изъ тряпокъ) *образи помѣсти, полиці, сѣдники, мѣсники, стільчики* (маленькія скамейки), *кочѣри, ухватки* (или *хватки*), а гдѣ есть — коммоды, шкапы, кровати и другая мебель; если при этомъ гдѣ-нибудь, напримѣръ, въ кровати, окажется какой-нибудь иностранецъ: — »На двірѣ, на двірѣ іі! кипячівѣ, кипячівѣ!« (прочь, прочь изъ хаты! кипятку, кипятку!) и кровать обваривается три-четыре раза кипяткомъ, »Щобъ и дѣху блощичого⁽¹⁾ не було!«; тутъ моются и *вишарбовуютьца* віхтиками горшки, *золінники, широканчики* (виды горшковъ), *міски, полуміски, макітри, риночки*, ложки, и т. д. и т. д.; перемывается, у кого есть, чайная и прочая посуда, чистятся, у кого есть, самовары, вилки, ножи, подсвѣчники и т. п. Словомъ, съ горячею или теплою водою въ одной рукѣ, съ хвощанкою или віхтикомъ или полотенцемъ въ другой, съ разгорѣвшимся лицемъ, съ выбившимися изъ-подъ *очіпка* и нависшими на лобъ пасмами волосъ, *підтікавшись, підсмікавшись*, хозяйка-Украинка пройдетъ въ это время, съ своею любовью къ чистотѣ, по всему, заглянетъ во всѣ закоулки, покорпаетъ въ малѣйшихъ скважинахъ. О, мой читатель, вы еще не знаете, что такое любовь хозяйки-Украинки къ чистотѣ, на полномъ ея ходу!

Когда начнется у насъ въ хатахъ, передъ Різдвянными сватками, всеобщее мазання, вымивання, перемывання, шаровання, земляки мои бьвають, по видимому, очень недовольны, ворчатъ, бранятся даже: »Оце, чѣпурка!« говорятъ они женѣ, невѣсткѣ, или кто править за хозяйку: »Пробі—зъ хати!... не можна, бачь, було подождать до Великодня!« и т. п. Если вамъ придется услышать отъ нихъ подобныя слова — не вѣрьте имъ: это или просто *брехня* (внутренняго смѣху ради, они очень любятъ иногда говорить не то, что думаютъ), или же минутная досада, вызванная необходимостью разстаться съ вѣчно-дорогимъ намъ лежаніемъ въ просѣ на печкѣ, и перспективою слоняться по двору и огороду, на *холоді та на лихий годині*, за неимѣніемъ, по близости, кума или свата, у котораго въ хатѣ не происходило бы то же самое, что и въ ихъ

(1) Блощія — клопъ.

собственной. Повторяю еще разъ, не вѣрьте имъ въ подобныхъ случаяхъ; потому что и сами они очень-очень любятъ, когда уберутъ ихъ хаты *чѣпурно*, и они бы не такую пѣсню заплѣли женѣ или невѣсткѣ, еслибъ она послушалась ихъ и оставила хату къ святкамъ неубранною. Жены ихъ и невѣстки очень хорошо это понимаютъ, и потому онѣ, обыкновенно *знающія строй*, и рѣдко осмѣливающимися поднимать предъ ними голосъ, — на этотъ разъ, когда услышать брань за чистоту, — о, какъ возвышаютъ его! »Ничого вже вамъ, татусю, мабутъ, оце балакати! Идѣть же, идѣть, кажѣ, зъ хати!« говорятъ онѣ; а мужу или брату: »Идѣ жъ менѣ, кажѣ, зъ хати! за добра ума! Ато онъ бачъ — кочерга?« И татусь, или мужъ, или братъ, идуть съ хаты, насовывая на глаза шапку поглубже и будто-сердито ворча: »Ну-ну-ну! ти менѣ, знаєшь?.. не тебе!« или: »Кочерга!.. Гмъ, та въ кочергѣ двѣ кінці!« А какъ выйдуть на дворъ или огородъ, и увидятъ кума или сосѣда, тоже на дворѣ или огородѣ: »Оце«, говорятъ: »хоть зъ двору тикай! Маруся такѣ мазання підняла, що й віконь не видно!«, а кумъ или свать, съ своего двора или огорода: »та й мой Ганна теежъ — и шапки нігде положить!..« И одинъ кумъ смотритъ въ воздушное пространство, а другой кумъ смотритъ въ пространство не воздушное, будто это они такъ себѣ, только подѣлились другъ съ другомъ ощущениями, пожаловались другъ передъ другомъ на свою горькую долю, а не прихвастнули одинъ передъ другимъ, что, молъ, у меня невѣстка вонь-какая, а у меня жена вонь-что!... Какъ видите, тутъ всѣ настроены на одинъ тонъ: мои земляки понимаютъ своихъ женъ и невѣстокъ, жены ихъ и невѣстки понимаютъ своихъ мужей и свѣкровъ, Ганна понимаетъ кума, кумъ понимаетъ Ганну. — словомъ, всѣ понимаютъ другъ друга отлично (1).

Рядомъ съ мазаньями идетъ и *праття* (мытье бѣлья....)

Вы, мой, много видѣвшій и много путешествовавшій, читатель, ужъ вѣрно подумали: »Славное, молъ, должно быть мытье бѣлья у нихъ, у

(1) Къ числу приготовленій хозяйки-Украинки для убранства хаты къ Різдвяннимъ святкамъ, относится и приготовленіе или закупка *теремків*, бумажныхъ цвѣтовъ, для украшенія образовъ, и, вообще, для украшенія *покуття*. Но какъ обычай украшать теремками хаты долженъ быть признанъ обычаемъ по преимуществу *городскими* и обычаемъ селъ и хуторовъ *подгороднихъ*, и какъ теремками, и вообще украшениями изъ бумаги, хаты убираются чаще на *Великдень* (Свѣтлый праздникъ), чѣмъ на Різдвянні святкі, то я здѣсь и оставляю ихъ въ сторонѣ. Придется говорить о Великдні — пожалуй расскажу тогда и о теремкахъ. Равнымъ образомъ оставляю пока въ сторонѣ и окончательныя приготовленія къ убранству хаты: рассказывать о нихъ я буду тогда, когда буду рассказывать о вечерѣ на Богѣту кутю.

этихъ выпачканныхъ дѣттемъ чумаковъ! вотъ что встрѣчаешь по дорогѣ въ Крымъ или Одессу!« — правда подумали?... Но не такъ слѣдуетъ вамъ думать.... Дѣйствительно, тонкое бѣлье селянки - землячки мои вымыли бы скверно, а съ воротничками и манишками вашими онѣ и со всѣмъ не умѣли бы справиться. Впрочемъ, откуда имъ теперь и научиться этому! *Шеабські* полѣтна теперь туда не попадаютъ, а если и попадаютъ — не на что купить.... Землячкамъ моимъ, остались для мытья только *десятки*, *дванадцятки*, а много-много *чотырнадцатки* (холстъ въ десять, двѣнадцать и четырнадцать пасомъ)! Затожъ онѣ моютъ ихъ усердно, очень усердно, и съ полнымъ знаніемъ дѣла!... И если бы вамъ мой читатель, удалось увидѣть чотырнадцатку такую хоть на рубахѣ, у какой-нибудь старушки, въ лѣтній праздникъ сидящей возлѣ хаты и грѣющейся на тепломъ солнцѣ или у какого-нибудь *отѣцько-го* сына, въ лѣтнее воскресенье, послѣ обѣда, безъ *каптанка* и въ широкихъ шараварахъ, выглянувшаго изъ коморы, посмотрѣть, отчего слѣзутъ собаки, — или же на цѣломъ роѣ дивчатъ, щечбучущихъ и *граблями* на плечахъ спѣшавшихъ утромъ въ юньскій понедѣльникъ, на гребовицу, — вы бы сказали — »батистъ!.. свѣгъ!...«

Можете же себѣ представить послѣ этого, что за *прагтя* бываетъ у насъ предъ Різдвянными святками, особенно если у хозяйки одна-двѣ дочки на *виданню* (невѣсты), или два-три неженатые *сими соколѣ*!... Тутъ пускаются въ ходъ всѣ приемы Украинской стирки; тутъ моются и сорочки, и шаравары холщевые или пестрядевые, и *напирники* съ подушекъ (наволоки) и *рядна*, и *рушники*, и *наміткі*, гдѣ онѣ водятся (головной уборъ, въ настоящее время начинающій выходить изъ всеобщаго употребленія), и *очіпки*, и *хустки* и т. д., — словомъ, все, что только слѣдуетъ мыть, до послѣдней тряпки включительно, до послѣдняго *віхтика*, которыми обтираютъ горшки, и остается къ празднику невымытымъ только бѣлье, которое на ту пору бываетъ въ носкѣ, да и то только са-монуужнѣйшее, *аби якъ-небудь переходить до святѣкъ*. — Замѣчу еще, что въ основаніи всѣхъ этихъ хлопотъ о приведеніи въ чистоту бѣлья семьи лежитъ не то разсужденіе, что, дескать, »придутъ праздники, надобно запастись чистымъ бѣльемъ побольше; а мыть его праздниками и нельзя, и некогда, — нѣтъ! Во-первыхъ, стирка бѣлья, по понятію Украинцевъ, не изъ такихъ работъ, которыми нельзя было бы заняться, напри-жѣръ, на второй день послѣ Нового года, или даже и на четвертый день праздниковъ, — и, въ случаѣ надобности, они и занимаются въ эти дни. Во-вторыхъ, каждая хозяйка Украинка, если только средства и время ей

позволяютъ, непременно увеличить къ такому празднику, какъ Різдвяннi святкі, всѣ статьи бѣлья и для всѣхъ членовъ семьи, по крайней мѣрѣ однимъ экземпляромъ, чтобы къ празднику, каждому *була нова сорочка* и т. д. Всѣ эти хлопоты о приведеніи бѣлья въ чистоту, это всеобщее омовеніе, у насъ имѣеть своимъ побужденіемъ одно: чтобы въ хатѣ было можно менѣе грязи во время праздниковъ.

Наряды. — Вы, мои земляки и землячки, читающіе мое писаніе, вѣрно улыбнулись грустно, увидѣвъ выставленное тутъ *наряды?*... Понимаю, отчего у васъ грустная улыбка! Правда ваша!.. какіе у насъ! наряды! гдѣ намъ ихъ взять!... Мы бѣдны, очень бѣдны, совсѣмъ бѣдны! даже богатѣйшіе между нами, — мелкопомѣстное дворянство, городское козачество, мѣщанство и проч. — и тѣ бѣдны! Хлѣба у насъ много — не лѣннимся мы его пахать; и скотъ водится — отчего ему у насъ и не водиться? Но что въ этомъ проку! Земля наша велика и обильна, но *тробшей* въ ней нѣтъ, да и много кое-чего нѣтъ въ ней!

Я, напримѣръ, козакъ, хозяинъ средней руки; у меня жена, сынъ двадцати лѣтъ, записанный въ ревизію, и двое меньшихъ дѣтей. Въ этомъ году отъ кормовъ у меня останется пудовъ сто разнаго хлѣба — могу его продать. Цѣна, слава Богу, теперь не по $4\frac{1}{4}$ коп. ср. за пудъ ржи, какъ было вотъ лѣтъ нѣсколько назадъ, а по 10 коп. ср.; значить я выручу 10 р. ср. Ну, сапоговъ три пары, для меня, жены и сына, по 1 р. 15 к. ср. пара, — 3 р. 45 к.; пуда полтора соли — 1 р. 80 к. ср.; дегтю ведро — 1 р. ср.; водки и рыбы для косарей: — кто поможетъ мнѣ косовицу отбыть безъ водки и рыбы! — 1 р. 25 к. ср. Много ли еще осталось? *Два рубля пятьдесятъ коп.!!!* А подушное за двѣ души, рекрутскія и еще разныя тамъ!... *А присіааетца чою* Старшина, Писарь, Голова, Окружный и проч. и проч!.. А серпы *зубить, сокиру* новую купить, попамъ дать, желѣзо въ плаугѣ порвется и т. д. и т. д.. Ну, и «наша-жъ душá не зъ лопуцька»⁽¹⁾ и хоче того, що й людська, — можетъ быть, хоть праздникомъ когда-нибудь, захочется выпить чарку водки!.. Пить, жена моя, нѣтъ, мой сынъ, не будетъ вамъ въ этомъ году обновки къ Різдвяннымъ святкамъ! Можетъ быть, въ слѣдующемъ году удастся тебѣ, сынъ мой, больше принести денегъ съ заработковъ... можетъ быть, смогу продать одну-другую овечку, продать *телічку*, а можетъ быть и свинью: будемъ всѣ здоровы, и не придетъ

(1) *Лопуцькь* — очищенный, облупленный, стволъ растеній, употребляемыхъ въ пищу, напримѣръ *козельцовъ*.

ся откупать тебя, сынъ мой, отъ рекрутства, или не случится что подобное — куплю вамъ тогда обновки, а теперь *дасть! вибачайте!*... (1)

Мы бѣдны и знаемъ, что «такъ горнѣться, якъ одягнѣтьца», но въ то же время любимъ, чтобы одѣжка была по нашимъ ножкамъ, чтобы мы могли быть вездѣ *нами*, чтобы *свято* (праздникъ) могли мы чтить и въ одѣжѣ тѣмъ, что такъ дорого нашей душѣ — *звичайністю, охайністю*. И потому: во-первыхъ, мы завели у себя обычай, — если только средства сколько-нибудь позволяютъ, имѣть двѣ перемѣны одѣжи, старенькую — *про будень*, а новенькую — *про свято*. Въ слѣдствіе такого обычая, мы носимъ платье не такъ, какъ носите его вы, господа и госпожи! Вы, господа, когда сошьете себѣ новое платье, новый корсетъ подъ жилетъ или подъ мундиръ, или вы, госпожи, какъ сдѣлаете себѣ новенькій бурнусъ или новыи кримолинъ, — тотчасъ на себя и на Невскій, и таскаете ихъ ежедневно до новаго корсета, до новаго кримолина, не разбирая ни *будня*, ни *свята*; мы же, какъ пошьемъ себѣ *керею* (свита), или сдѣлаемъ себѣ *нові запаски* — тотчасъ ихъ въ *скрімю* (сундукъ) или въ *хѣжу* (чуланъ), и не прежде надѣваемъ ихъ, какъ наступитъ свято, къ которому они сдѣланы, и потомъ носимъ ихъ только въ свято, или же при событіяхъ нашей жизни, равняющихся, по нашему понятію, святу. Если средства намъ позволяютъ, мы даже такъ поступаемъ съ одѣжою: во мѣсто двухъ ея перемѣнъ, мы мѣемъ три (богачи-козакъ имѣютъ иногда и гораздо больше, особенно по нѣкоторымъ статьямъ; напримѣръ, кожуховъ у иного наберется пять-шесть и даже больше; но мы говоримъ о массѣ населенія Украинскаго): старенькую перемѣну — для будня, которая поновѣе — для обыкновенныхъ праздниковъ, а совершенно новая — для такихъ праздниковъ, какъ Різдво или Великдень, или для случаевъ, которые, по нашему понятію, равняются большому святу.

Во вторыхъ, у насъ въ обычаѣ шить себѣ платье не сейчасъ, когда мы *спромолись*, или когда намъ придетъ охота, а къ праздникамъ и, главнымъ образомъ, къ Різдвяннымъ праздникамъ или къ Великодню. До праздниковъ мы стараемся какъ-нибудь *проходити*, обойтись старенькимъ. Если я еще весною *спроміся* на *линтаві* (овечья кожи) для женскаго кожуха и еще весною *починивъ* ихъ, кожуха жевъ я все-таки не сдѣлаю къ зимѣ, хоть ей и *на плѣчи нічого накінути*, а сдѣлаю къ Різдвяннымъ святкамъ, а до того пусть *як-*

(1) Богъ дасть! Извините!

нібудь прохóдити, — въ моемъ кожухѣ, въ дочкиномъ, что-ли. Такъ поступлю я и со всякаго рода одежою, и для всякаго члена моей семьи. Благодатный нашъ климатъ не будетъ особенною помѣхою, чтобъ, напримеръ, сынъ мой Иванъ *прохóдивъ* осень и первые морозы зимы въ *шкарбанáхъ* (старыхъ и изорванныхъ сапогахъ); не будетъ помѣхою и мѣстное общественное мнѣніе, что, дескать, я хожу въ жениномъ кожухѣ, или пятилѣтній мой Петрусь катаетъ бабы изъ снѣгу въ материнныхъ сапогахъ, или на женѣ моей *кожушáнка*—что называется «лата на лати»: мѣстное общественное мнѣніе посмѣялось бы надо мною тогда, когда бы я носилъ нищенскую одежду изъ скряжничества, посмѣялось бы какимъ-нибудь прозвищемъ, или чѣмъ либо подобнымъ, убійственнѣе, чѣмъ оно обыкновенно смѣется, такъ, что хохотъ его послышался бы моимъ и внукамъ и правнукамъ. Но надъ тѣмъ, что я по нуждѣ хожу въ жениномъ кожухѣ, или что Ивану не шьются новые сапоги въ ожиданіи Риздвянныхъ святокъ, никто не посмѣется — мы всѣ хорошо знаемъ другъ друга, и знаемъ, *що въ Хієрі нема очіпка*.... (1) Притомъ, въ отвѣтъ нескромному и *незвычайному* зубоскалу, въ арсеналѣ нашей памяти, найдется много метательныхъ снарядовъ, придуманныхъ для подобныхъ случаевъ опытомъ вѣковъ: «скачі, враже, якъ п'янь кáже», «нуждá закóвн змíня», «сѣго не знімуть, кращого не дадуть» и т. п.

Обычай шить платье къ праздникамъ и, главнымъ образомъ, къ Різду и къ Великодню, вполне согласуется съ условіями нашего быта, теперь почти исключительно земледѣльческаго. Послѣ праздниковъ Рождества, у насъ главная молотба, главная доставка хлѣба въ винокуренные заводы и въ города; мы въ это время рубимъ и вывозимъ лѣсъ, хворостъ, лозу, запасаемся, гдѣ можно, очеретомъ; возимъ масло, сыръ, *дробинú* въ такіе пункты продажи, какъ Кіевъ, Нѣжинъ, Черкасы, Кременчугъ, Харьковъ, и т. д. и т. д., — словомъ, это не такое время, чтобы возиться съ *кравцями* и *шевцями*, тѣмъ болѣе, что наши *кравці* и *шевці* такіе же хлѣборобы, какъ и мы сами, и въ рабочую пору ни платья шить, ни сапоговъ тачать не захотятъ. Вотъ какъ *пóстити* снѣгъ и попортить дороги и *токі*, когда ни молотить, ни тздить нельзя, а плетни плести, и сѣять еще не пришла пора, — тогда другое дѣло! тогда можно приняться и за *черевіки*, и за *каптанкі*, и

(1) «У Февроньи нѣтъ повойника». Поговорка эта имѣетъ значеніе, противоположное значенію поговоркѣ: «Знаю, що въ Кузьми є грóші, та и т. д.»: Знаю, что у Кузьмы есть деньги, но....

за карсетми, а хто спроможеться—и за жупани и за шаравары, пестрядевые или китайчатые!... После Христова воскресенья снова работы на всю весну (за исключением короткого промежутка времени около Духова дня), на все лето и на всю осень—опять съ платьемъ возиться некогда! А вотъ, какъ ужъ хлѣбъ на гумнѣ, и мы часть его помолотили для домашнего обихода и для первой продажи, — тогда можно приняться и за платье — этакъ къ Різдву, около середины *Пиліпіаки* (Филиппова поста).

Къ Різдвяннымъ святкамъ преимущественно приготавлиются кожухи, *кереі*, свѣти женскія и мужскія, *кожушанки*, *чоботи*, *кажанки* (кожанокъ—баранья куртка; называется также и тужурокъ) и такъ даље, словомъ, то, что носятъ, по преимуществу, не летомъ.

Безъ сомнѣнія, кто въ состояніи, покупаетъ въ это время женѣ очипокъ или на очипокъ и т. п., а кто побогаче (читатель помнитъ вѣроятно, кого мы богатыми здѣсь разумѣемъ) кожухъ кроетъ новымъ сукномъ, шьетъ дочкѣ новую шубу на заячьемъ мѣху, покупаетъ новую шапку изъ сѣрыхъ смушковъ.

Безъ сомнѣнія также, что слова: »Есть такой товаръ, противъ котораго не устоитъ никакая Украинская *гарная дивка* или жинка, есть кольца-*змѣйки* и серги-*польки*... за которыя Малоросейская крестьянка охотно отдастъ и собранную ею въ теченіи года щетину, и птичье перо палое и щипаное, и многіе другіе предметы ея хозяйства, ей ничего не стоящія, — слова, сказанныя авторомъ »Исслѣдованія о торговлѣ на украинскихъ ярмаркахъ« вообще, больше всего оправдываются при наступленіи такихъ праздниковъ, какъ Різдвянні святки (по крайней мѣрѣ что касается до щетины, собираемой за вторую половину щетиннаго періода, т. е. съ начала лета до праздника Рождества): предстоитъ столько праздниковъ, а послеъ праздниковъ столько будетъ сватѣвъ,— столько, значить, случаевъ показаться! *а може, и вінъ прише сватѣвъ!*... А злодѣи-*щетинники* и *коробѣйники*, то и дѣло, снуютъ, одинъ со двора, а другой въ дворъ! и *дукачі* у нихъ такіе, и *намиста* (мониста), и кольца-змѣйки, и серги-польки!

Пища и питье. Изъ съѣстныхъ припасовъ, которыми хозяйка-Украинка старается запастись еще до наступленія Багатої куті, самыя важныя, безъ всякаго сомнѣнія, припасы для приготовления *куті* и *узвѣра*. Какъ и когда они готовятся и ѣдятся, объ этомъ будетъ разсказано мною въ свое время; здѣсь я укажу только на матеріалы, нужныя хозяйкѣ для ихъ приготовленія.

Для куты ей нужна непременно крупа изъ пшеницы, приготовленная какъ перловая крупа изъ ячменя. Для этого берется хозяйкою самая лучшая пшеница, какая только у нея есть, очищенная отъ *куклѣ* и всякаго сѣру, перемытая, обыкновенно *тогорѣчнѣ*, (т. е. нажатая въ томъ же самомъ году), и толчется въ *ножанѣ ступѣ* (не въ мельничной ступѣ, а въ такой, которая приводится въ движеніе чело-вѣческими ногами), чтобы зерно не дробилось, какъ это иногда случается въ мельничныхъ ступахъ, и выходило бы круглое и чистое, что называется, какъ слеза. Приготовленную такимъ образомъ пшеничную крупу, называемую обыкновенно у насъ кутѣю, очищаютъ черезъ решето, и потомъ хранятъ, гдѣ слѣдуетъ, впредь до востребованія.

Впрочемъ, отъ этого общаго правила бываютъ отступленія! Какъ ни твердо держимся мы стародавнихъ обычаевъ, и какъ ни повсемѣстно у насъ вѣрованіе, что кутя должна быть непременно изъ пшеничной крупы, — между горожанами такихъ городовъ, какъ, напримѣръ, Кіевъ и даже между *панками* и *полупанками* сельскими (сельскимъ мѣлкопомѣстнымъ дворянствомъ), встрѣчаются въ этомъ случаѣ прозелиты, которые, по примѣру иныхъ пановъ, готовятъ для себя кутю уже не изъ пшеничной крупы, а изъ рису. Далѣе, *бидѣта*, у которой нѣтъ ни *жмѣні* (горсти) пшеницы, и которую очень-очень часто можно встрѣтить у насъ между крѣпостнымъ сословіемъ, — въ крайности, когда ужъ нѣтъ никакой возможности достать себѣ настоящей *кутѣ*, приготовляетъ себѣ кутю изъ перловой крупы, называемой у насъ тоже *кутѣю*. Такого же обычая, — готовить кутю не изъ крупы пшеничной, а изъ перловой, держатся и иные панки и полупанки относительно своей двори, подражая, конечно, и въ этомъ случаѣ примѣру иныхъ пановъ.

Приготовляя крупу для куты, хозяйка у насъ заботится еще и о медѣ. По стародавнему обычаю, мѣдъ для куты непременно долженъ быть въ *сцѣльничкахъ* (сотахъ), какъ можно менѣе помятыхъ и, если возможно, приготовленныхъ пчелами изъ липоваго цвѣту, слѣдовательно бѣлыхъ, душистыхъ. Такими сотами запасаются, обыкновенно еще осенью, когда кладутъ ульи въ *бджоляники* (¹), а иногда и нарочито вынимаютъ оттуда передъ Багатою кутею намѣченный прежде улей и добываютъ изъ него сотовъ. Впрочемъ, обычай употреблять непременно

(¹) Бджоляникъ — погребъ, въ которомъ ульи складываются на зиму. — Буквы *дж* произносятся въ этомъ словѣ какъ Итальянское *g* предъ мягкими гласными.

соты для куті, починаєть мало по малу у насъ исчезать.... Замѣтное уменьшеніе у насъ пчеловодства и повсемѣстное распространеніе бѣдности, заставили насъ обращаться къ медовой патоцѣ — покупать ее въ городахъ, или у мѣстныхъ посѣтчиковъ, а чаще всего — доставать способомъ, о которомъ я скажу ниже. — Впрочемъ... если иной изъ моихъ бѣдныхъ земляковъ не въ состояннн себѣ добыть пшеничной и крупы, то гдѣ же ему взять мѣду!... Бѣдять въ такомъ случаѣ и одну кутю, или съ маковымъ молокомъ, съ жижицею изъ узвару, а иногда бѣдять.... Я вамъ расскажу, какъ иногда бѣдять мои бѣдные земляки кутю при нуждѣ!

Бѣхалъ я однажды на Богату кутю изъ школь домой. Въ дорогѣ захватила насъ сильная вьюга, и загнала въ одинъ степной шинокъ. Вхожу — цѣлая толпа народу, тоже путники. Сѣ, то, другое, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Между тѣмъ начало темнѣть, скоро бы и за кутю пора. Принялись толковать и о кутѣ: что нельзя же намъ остаться безъ нея, надобно во чтó бы то ни стало достать, — толковали-толковали, и порѣшили обратиться къ хозяину, продай-моль! »Святощівъ не продають (того, чтó свято, не продають)!« лаконически отвѣчалъ намъ сѣдоволосый хозяинъ шинка. — »Дакъ такъ дай, свасибі тобі!« — »Такъ — можна!« и, поворотившись къ своей старухѣ, — »Даси імъ, старá, якъ будемо їсти, на брата, по грúдоци (¹), та й по півложки ситі, и по ложци узвару!...« Съѣлъ старикъ съ своею семьею кутю, съѣли и мы каждый свою порцію, благодаримъ хозяина, — въ ворота стукъ! Цѣлый транспортъ привалилъ, и все таки наши земляки. — Обогрѣлись новопрѣзжіе, и какъ мы: »Будь ласковъ, дідусю!« — Нѣтъ куті! — Жалко было смотрѣть, въ какое бѣдныя пришли уныніе! »Вотъ,« говорятъ, »какъ привелъ Богъ! хоть бы чужой, хоть бы по кусочку!« — Слушалъ-слушалъ ихъ старикъ: »Ну, говорить, коли ужъ вы люди такіе богобоязлявые... обождите! Дай мнѣ старуха, *лихтарню* (фонарь), да не вымывай миски, чтó ѣли кутю!« И взявъ фонарь и поставивъ въ него *капаніць* (особого рода свѣтильня), вышелъ изъ хаты. Черезъ четверть часа онъ воротился съ кружкою яблочнаго квасу... вылилъ его въ миску, и поставилъ на столъ: »Поїйте!« говорить, »хоть оцѣго замѣсть узвару, — старі люди такъ насъ вчили, при нуждѣ (поѣжьте хоть этаго вмѣсто узвару, — старые люди такъ насъ учили помогать себѣ въ нуждѣ)!« И новопрѣзжіе ѣли ложками квасъ, и благодарили

(¹) По кусочку.

Бога и старика, что и они, бѣдные путешественники, могли *встрѣтить* кутю!...

Хозяйки, собирающіяся готовить у себя кутю изъ пшеничной или перловой крупы, кромѣ крупы и мѣду больше ничѣмъ не запасаются; но хозяйки, которыя *попаячались, панами помазались, или* (какъ выражаютъ еще иногда мои земляки подобный прозелитизмъ) *почортѣли, забѣли Бога, повернулись изъ людей въ чорнацо*, и т. п., т. е. такія хозяйки, которыя забыли *предковскіе змчái* и собираются сдѣлать у себя кутю изъ *рѣжу* (рису), тѣ, кромѣ рису, запасаются иногда и *родзѣнками* (изюмомъ).

Второе мѣсто, послѣ запасовъ для кутю и узвара, занимаетъ приготовленіе *мясѣва* (мясъ) для праздниковъ. Тутъ—кто во что гораздъ! Кто позажиточнѣе, *бьетъ* вола, корову, *телицю*, (обыкновенно такихъ, которые оказываются почему либо неспособными для работы, для приплода, для продажи, — отъ которыхъ нельзя ждать *корѣсти*), и если семья небольшая, часть мяса продается, а другая, замороженная, остается для домашняго обихода, и ею кормятся до великаго поста, а иногда еще солятъ и оставляютъ для Великодня. У кого много птицы, часть, назначаемую для домашняго употребленія (для продажи обыкновенно рѣжутъ послѣ праздниковъ, если, конечно, не продадутъ на мѣстѣ живьемъ), рѣжутъ всю передъ праздниками, и иногда даже за нѣсколькой недѣль, если морозы хорошіе и постоянные, даже иногда предъ Филипповымъ постомъ, чтобы заговѣтъ *дробиною*, и потомъ порѣзанную замораживаютъ и поступаютъ, какъ и съ замороженною говядиною. При этомъ (что впрочемъ случается большею частію съ людьми менѣе зажиточными и нуждающимися въ деньгахъ для праздниковъ и текущихъ расходовъ), часть рѣзанной дробины, особенно гусей, и даже часть нерѣзанныхъ гусей, продается на *красныхъ торгахъ* въ городахъ. Кто же побѣдитъ — довольствуется одною-другою *цускою*, или *куркою*, а кто и совсѣмъ бѣденъ, ничего не имѣетъ... Ну, да вы, мой читатель, и сами хорошо знаете, что можно сдѣлать изъ ничего....

Но бѣденъ ли мой землякъ или нѣтъ, въ состояніи ли онъ что-нибудь зарѣзать въ это время изъ дробины, или не въ состояніи, но ужъ кабанъ, или свинья, или *підсвинокъ*, или хоть *порося*, непременно у него будутъ откормлены и заколоты къ *Різду*. Обычай этотъ до того повсемѣстенъ у насъ и до того намъ по сердцу, что даже жители уѣздныхъ нашихъ родовъ, за исключеніемъ, конечно, панства, держатся его почти все безъ исключенія. А ужъ дѣтямъ-то дѣтямъ—куда какъ онъ по сердцу!.. въ

перспективъ сало, колбасы, *кѣндюль* (1), начиненный *рудниною*, кишочки гречневые или пшонныя, печонка и запекающаяся кровь, поджаренныя съ саломъ, и т. п., а пока—пузырь, вымятый въ гречневой золѣ и наполненный горохомъ: и *торожтѣть* можно, и къ хвосту рудому коту привязать!.. »Глядѣть же, мамо, розбѣдѣть менѣ завтра, якъ будуть кабанѣ смалѣть!.. Чи розбѣдете? га?.. Розбѣдѣть же... «—»И менѣ, и менѣ!.. «—»Добре, добре, спѣть вже!« и дѣти, малъ-мала-меньше, сладко засыпають, убаюкиваемыя радостною мыслию, что ихъ разбудятъ, и что они будутъ смотрѣть, какъ кабана будутъ смалѣть... И вотъ завтра, еще до разсвѣта, уже вся семья на огородѣ, или въ саду, или на берегу у рѣчки, и смалѣть *кованого* или *бѣлого*... На кованомъ или бѣломъ куча пылающей соломы; глава семьи расхаживаетъ и поправляетъ шестомъ огонь, дѣти какъ грибы вокругъ, а въ сторонкѣ мать... А тамъ, подальше, тоже огонь и семья... на право — опять огонь и семья... за рѣчкою слышенъ лай собакъ... на селѣ заблаговѣстили... востокъ начинается змѣть....

Къ этимъ предметамъ заботливости хозяевъ-Украинцевъ, готовящихся къ Риздвяннымъ святкамъ, надобно отнести и заботы о *горілці*. — Большое раздолье у насъ въ это время винокурнямъ и шиннамъ!.. берутъ горилку и бочками, и боченками и ведрами, и *пивсѣдрами* или *пятириками*, и квартами, и можетъ быть только одна косовица въ состояніи потягаться въ этомъ отношеніи съ Риздвянными святками!.. И не удивительно! столько праздниковъ скопилось разомъ, притомъ между ними есть нѣсколько такихъ праздниковъ, въ которые каждый Украинець, даже не пьющій въ обыкновенное время водки, считаетъ своею непремѣнною, можно сказать, священною, обязанностию, пить хоть по немногу. Сверхъ того, вслѣдъ за праздниками наступаютъ свадьбы и неразлучныя съ ними *добридни* (взѣты жениха и невесты роднымъ и знакомымъ, послѣ свадьбы) и т. п.

Купленная горилка употребляется во время праздниковъ большею частию въ натуральномъ ея видѣ; тѣмъ не менѣе хозяйка у насъ, особенно зажиточная, непремѣнно постарается заготовить къ Риздвяннымъ святкамъ разными настойками и *запѣанками*, т. е. водкою, настояною на какихъ-нибудь колоніальныхъ кореньяхъ, на пектѣ, въ горячемъ мѣстѣ, въ закупоренномъ или даже замазанномъ штофѣ, *бутѣлі* и —

(1) Брюшникъ.

постарается запасться любимыми нами *перчиківками*, на струковатомъ или кругломъ перцѣ, *каланівками*, *бодянівками* и т. и т. д.

Мелкопомѣстное дворянство, знакомое съ *шпунтами* или *шпунтушами*, какъ называются у насъ пунши записными любителями этой заурцины, запасаются въ это время и *двойною*.

Білі васильки, ладонь и воскъ. Для чего намъ нужны во время праздниковъ Рождества бѣлые пахучіе васильки, ладонь и воскъ — читатель узнаетъ въ свое время; здѣсь же мы должны только показать, какъ мы ихъ себѣ достаемъ, или, лучше сказать, какъ мы достаемъ себѣ воскъ, потому что ладону, на грошъ, на два, мы очевидно должны купить у *крамаріевъ*, или городскихъ, на *красныхъ торяхъ*, или же на какой-нибудь ярмаркѣ, а васильки растутъ на нашихъ же огородахъ; есляжъ у насъ не выросли, то навѣрное выросли у *сусиди*, у кумы, или у свахи: *сѣю дѣва у насъ — аби хить!*

Пчеловодство у насъ, какъ я и выше сказалъ, падаетъ, число пасѣкъ годъ отъ году уменьшается; поэтому всей почти массѣ хозяекъ-Украинокъ воскъ и мѣдъ приходится доставать у другихъ. Конечно, въ города онѣ за этимъ рѣдко обращаются: зачѣмъ обращаться въ городъ, когда тутъ же на селѣ, или гдѣ-нибудь въ ближайшемъ хуторѣ, есть, можетъ быть, у кого пасѣка! Притомъ, въ городѣ воскъ и мѣдъ приобрѣтаются на деньги, а мы готовы лучше въ три-дорога приобрѣтать все, лишь бы только приобрѣтать не на деньги, потому что, какъ я уже сказалъ, земля наша велика и обильна, но *грошей* у насъ нѣтъ!.. Хозяйки у насъ, поэтому, мѣдъ и воскъ вымѣниваютъ у мѣстныхъ владельцев пасѣкъ: на куръ, куриныя яйца и тому подобныя статьи женскаго хозяйства; но чаще всего вымѣниваютъ ихъ на свой трудъ, или, употребляя присвоенные этому акту мѣны мѣстные термины, объясняющіе и самое качество промѣниваемого труда, *беруть* воскъ и мѣдъ, и особенно воскъ, на *пивмітка*, на *мотокъ*, на *сорочку*, т. е. обязываются пошить кому-нибудь рубаху, или напрямъ пивмітка или мотокъ пряжи (конечно изъ матеріаловъ дающаго мѣдъ или воскъ), и берутъ за это извѣстное количество кусочковъ воску, или извѣстную мѣру мѣду. Даже самую сдѣлку предлагаютъ въ такихъ терминахъ... »Дай«, говорить, »миѣ воску, или мѣду, на пивмітка или на сорочку!« Къ распространенію обычая обмѣнивать, въ такой формѣ, трудъ на медъ и воскъ, немало вѣроятно способствовалъ другой-обычай, существующій у монхъ дорогихъ земляковъ, именно обычай — въ трудныя и скорбныя минуты жизни давать обѣты ставить *Божі матері, Спасітелеві*, угодникамъ

святимъ, свѣчи, собственноручно сдѣланныя, и изъ воску, *собственно-ручно заработаннаго*, и данные обѣты исполнять строго и буквально, хоть будь своего воску—куры не клюютъ, хоть пусть *ладюки тутъ си-чять* и не позволяютъ исполнить даннаго обѣта.... потому что вѣру-ють мои дорогіе земляки и мои дорогія землячки — »хто ламае слово, той віру ламае, той дѹшу ламае, той Бѹга ламае!...«

Такъ достають себѣ медъ и воскъ мои землячки вообще, и такъ онѣ достають ихъ предъ Рїздвянными сватками по-преимуществу... говорю *по-преимуществу*, такъ-какъ предъ этимъ праздникомъ и послѣ него онѣ болѣе имѣють свободнаго времени для отработки взятаго, чѣмъ во всякое другое время года и потому что въ это время года особенно *раз-дается* воскъ на *пїсмітки* и на *сорачкі* владѣльцами пасѣкъ и за-житочнѣйшими хозяйками, имѣющими прядива много, а рабочихъ рукъ мало, и потому покупающими воскъ и спекулирующими.

Вотъ, мой читатель, важнѣйшіе предметы, на которые хозяйка-Украинка обращаетъ особенное вниманіе, приготавлиаясь къ *Рїздвян-нымъ сваткамъ!* Въ слѣдующемъ письмѣ побесѣдую съ вами о *Бола-той кутьи*.

М. Н о м и с ъ .

1858 г.

СЪ ВОЛЫНИ.

Отрывокъ.

. . . . Ямщикъ нашъ былъ очень ожесточенъ противъ Евреевъ и бранилъ ихъ безъ пощады.

»Худоби не годіють и зовсімъ не жаліють!« говорилъ онъ: »бий, гоні, да й тільки! імъ абі більшъ віробить, — и одпочінку нема!... О, якъ би менé настановіли оттімъ!« (и онъ особенно ударялъ на *оттімъ*.) »Я бъ на одной гілліюці всіхъ жидівъ перевішавъ!«

Эти слова, произнесенныя такъ запросто, какъ будто дѣло идетъ о дурной погодѣ, дали намъ почувствовать, что мы находимся въ области славнаго въ пѣсняхъ и безславнаго въ *обывательскихъ* воспоминаньяхъ гайдамачества. Самъ говорившій имѣлъ видъ дикой красоты: рыжіе усы его торчали, какъ у кота; давно небритый подбородокъ ёжился посѣдѣвшими иглами; впалые сверкающіе глаза, глубокія морщины, прорванная сбоку войлочная шапка и свита вся въ лохмотьяхъ.... Чего не доставало такой личности, для того, чтобъ слова его были не пустыми, безсильными звуками? Каждый догадается....

При встрѣчѣ съ жидовскими *будками*, которыя не рѣдко попадались намъ на дорогѣ, разогорченный жидами ямщикъ нашъ обыкновенно кричалъ:

»Звертай, звертай, жидова проклята! атó голови поздіймаю.«

Вѣтеръ уносилъ много словъ его, а стукъ колесъ заглушалъ ихъ, ато бы онъ далъ намъ полное понятіе о томъ краснорѣчїи, которымъ во времена Хмельницкаго и Уманской рѣзни *затяжці* и *колїи* напутствовали сыновъ Израїля въ иную жизнь, до которой они не охотники. Такого ненавистника еврейскаго племени между ямщиками я еще никогда не встрѣчала, или, по крайней мѣрѣ, я не встрѣчала между

ними ни одного, который бы так простодушно выражалъ свою ненависть.

Другіе ямщики обыкновенно высказываютъ ее только тѣмъ, что слово *жидовá* употребляютъ, какъ бранное слово. »Жидовá, не всто́ишь!« говорили они неспокойнымъ лошадямъ. Или: »Заса́палась, жидовá!... Кивáешъ голово́ю, жидовá!...« А этотъ:

»О, якъ-би́ я бувъ проі́жающимъ!... я за́прігъ би́ жи́да во́місто худóби, да й прогна́въ би́ ці́лу верствú!...« И потомъ, подумавъ, поправлялъ себя: »Ні́, не верствú, а пять версто́въ, щоби́ знавъ му́чить худóбу.«

Рудненская станція. Станціонный домъ веселенькій; окруженъ сосновымъ лѣсомъ. Мать станціоннаго смотрителя—полька, очень добродушная старушка; черты лица пріятныя: видно, въ молодости была очень хороша собою. Она пригласила насъ обогрѣться на свою половину, такъ какъ гостинная комната была холодна, и, узнавъ, что обогрѣвшись, мы хотимъ ѣхать дальше, совѣтовала намъ переночевать. »Не надо, говорила она, и милліоновъ, какъ хорошее здоровье! Переночуйте: *czegst-więj* и здоровѣй будете.«

Мы согласились остаться: въ голосѣ и словахъ старушки было столько участія, что нельзя было не согласиться на ея убѣжденіе. Мы только просили ее изготовить намъ что-нибудь пораньше утромъ.

— Вы кушаете постное? спросила она насъ.

»Да.«

— Ну, если такъ, можно сготовить *потравку*.

Мнѣ понравилось названіе, и я, изъ любопытства, просила приготовить неизвѣстное мнѣ кушанье.

Встали утромъ, а старушка уже суетится и съ оживленнымъ лицомъ готовить намъ *потравку*. Подана потравка.... Вкусу никакого! Мерзлый картофель, гвоздичный перецъ и вода—вотъ и все въ потравкѣ.... даже соли не было! »Ну, думаемъ себѣ, мы теперь подкрѣпили свои силы, сдѣлались *черствѣй*, и смѣло можемъ пуститься въ путь!.. авось-либо на слѣдующихъ станціяхъ встрѣтимъ такое же радушіе, по лучшее подкрѣпленіе!«

Послѣ узнали мы, что добрая старушка, съ сыномъ, сами живутъ очень бѣдно, никогда не покупаютъ себѣ говядины и даже не въ состояніи держать для проѣзжающихъ ви́лку и ножъ!... а между тѣмъ сколько въ этомъ голосѣ было выражено готовности и неподдѣльнаго радушія—отогрѣть путешественниковъ и накормить ихъ, совершенно безкорыст-

но, — тогда какъ мнѣ случилось однажды видѣть, какъ станціонная смотрительша, не будучи вовсе въ такой крайности, взяла съ умирающей женщины-путешественницы 10 копеекъ серебромъ за непрошенный стаканъ воды.

Житомиръ. Объ этомъ городѣ, какъ о предметѣ слишкомъ извѣстномъ, распространяться не буду. Мнѣ понравилась липовая аллея на выѣздѣ. По обѣимъ сторонамъ большой дороги тянутся въ два ряда огромныя липы, и роскошно раскинули свои великолѣпныя вѣтви. Вѣтви сплелись и образовали арку надъ дорогою. Мнѣ вообразилось лѣто. Завидный отдыхъ въ знойный день для пѣшехода! Трудно придумать что-нибудь пріятнѣе для путешественника, когда липы разовьются, покроются цвѣтомъ и разольютъ благоуханіе, при солнечномъ горячемъ освѣщеніи. Что долженъ ощущать странникъ, измученный жаромъ и пылью, растянувшись на травѣ, слегка защищенной прозрачнымъ природнымъ зонтикомъ отъ палящаго солнца, при тихомъ шопотѣ листьевъ, жужжаньи пчелъ, шмелей и пѣніи птицъ! Сладкій сонъ! завиднон ложе! и какой воздухъ!.. Много, много жизненныхъ силъ прибавится у путника. Почему бы всѣ дороги не убраться такимъ образомъ!... Почему?... Каждый знаетъ, почему.

Новирадь-Волынскъ. Я съ особеннымъ нетерпѣніемъ желала взглянуть на этотъ городокъ. Одинадцать лѣтъ назадъ, онъ произвелъ на меня чрезвычайно пріятное впечатлѣніе своимъ мѣстоположеніемъ, — нужды пѣтъ, что это было въ первыхъ числахъ февраля. Мы ѣхали тогда ночью и провалились на льду, — наша коляска прорѣзала его однимъ колесомъ; нужно было вставать. Я встала и, выбравъ хорошее мѣстечко на снѣгѣ, принялась наблюдать картину. Передо мной одинъ возъ сѣна былъ опрокинутъ; кругомъ его волы и кони стояли, лежали и жевали сѣно. Селяне — одни сидѣли на раскинутомъ снѣгѣ, полулежа, отдыхали и курили трубки, другіе запрягали лошадей и воловъ въ возы, а остальные принялись вытаскивать нашу коляску. Собаки тоже тутъ присутствовали: привычка путаться подъ ногами и считать себя непремѣнными домохладцами; а всего вѣроятнѣе, запахъ сала манилъ ихъ. А между тѣмъ луна и звѣзды тó выглядывали изъ-за набѣгавшихъ облаковъ, тó снѣга исчезали за ними. Тишина и гармонія были на небѣ, точно въ противоположность съ сумятицей здѣшняго міра.... Со всѣхъ сторонъ, между горъ, раздавалось эхо, ауканье, лай собакъ, пѣніе пѣтуховъ: приближался разсвѣтъ. Наконецъ все проснулось и заговорило. А на небѣ

такъ тихо, такъ спокойно! иногда только падающая звѣзда разнообразила постоянно-одинаковое *миготанье* небесныхъ свѣтилъ.

Такое впечатлѣніе соединилось у меня въ памяти съ этимъ городкомъ, и я съ нетерпѣніемъ желала его снова увидѣть.

Когда мы приближались къ нему, погода сдѣлалась чрезвычайно ненастной. Снѣгъ и дождь въ одно и то же время, и вѣтеръ неистовый. Не смотря на то, что мы были тщательно закупорены въ нашемъ тарантасѣ, мы скоро замѣтили, что у нашихъ ногъ образовалось озеро, что шубы наши совсѣмъ мокры. Но это было еще только начало! Спустились мы съ горы, покрытой вязкою грязью. Гадко, грязно, такъ и бьетъ, и льетъ совсѣхъ сторонъ. Жаль бѣднаго ямщика. Но мы думаемъ: «Переправимся черезъ рѣку и всѣ обогрѣемся въ теплѣ, на станціи.»

Приблизились мы къ пристани: паромъ не вдалекѣ, затертый льдомъ, не можетъ подойти къ берегу. Съ него сталкиваютъ въ воду пару лошадей, предоставляя имъ доплыть до берега. «Нельзя ли прополонить?» спрашиваемъ. Намъ отвѣчаютъ, что люди работали цѣлый день, и, выбившись изъ силъ, оставили.

Мы воротились назадъ. Лошади едва могли встатить насъ на гору. Единственнымъ пріютомъ для насъ была жидовская корчма — неуклюжая, наклонившаяся на сторону отъ ветхости, узкая и длинная. Кровли во многихъ мѣстахъ нѣтъ, глина на стѣнахъ, почти вся, давно обвалилась; во многихъ мѣстахъ свѣтились изъ-подъ нея штукатурные колышки.

Пока мой товарищъ осматривалъ комнату, я оставалась въ тарантасѣ. Гляжу въ щель — идетъ сторбленный старикъ и тащитъ на себѣ два мѣшка, чѣмъ-то наполненные, а за нимъ четырнадцатилѣтній мальчикъ несетъ большую вязанку сѣна. Тяжело было итти бѣднымъ противъ вѣтра!

Я спрашиваю у ямщика-мальчишки: что старикъ несетъ и куда идетъ? «Ужъ не къ жиду ли въ корчму», думаю, «въ такую погоду?»

— То онъ несетъ мякину продавать на рынокъ.

«Крикни ему, что нѣтъ переправы!»

Мальчикъ молча кивнулъ головою.

— Крикни! говорю, — ато онъ напрасно спустится съ такой горы. Молчитъ.

— Кричи ему, что нѣтъ переправы.

А снѣгъ такъ и сыплетъ въ лицо! почти говорить нельзя; вѣтеръ захватываетъ дыханіе.

— Еще жъ и назадъ ему придется итти. Кричи!

»Ать!«

— Да что ты, на него сердить, что ли?

»А за что жь мнѣ на него быть сердитымъ? Самъ увидить, что нѣтъ проѣзду, и воротится.«

— Да подумай, еслибъ ты былъ на его мѣстѣ....

»И я бы такъ сдѣлалъ: пошелъ бы, увидѣлъ, что нѣтъ переправы и воротился бы.«

Языкъ индифферентнаго философа показывалъ, что онъ воспитанникъ дворовой жизни, изгоняющей, какъ извѣстно, мѣстное нарѣчіе.

Между тѣмъ ямщикъ поворотился на козлахъ въ противную сторону отъ вѣтра. Длинные волосы его были всклокочены вѣтромъ и покрыну хлопьями снѣга. Ямщикъ поставилъ стоймя воротникъ своего сѣраго армяка и приподнял вверхъ плечи.

Я снова: »Да зачѣмъ же человѣка мучить?«

— Еслибъ онъ былъ мой знакомый... ага-га-га! (гоготалъ онъ отъ стужи), то я бы сказалъ, ато что жь!

»Да вѣдь мы, христіяне, должны утопающему помочь, кто бы они ни были: жида или цыгане; ато еще свой землякъ!«

Молчить самымъ убійственнымъ образомъ.

У жида, въ корчмѣ, мы заняли комнату нестерпимо холодную; окна съ дырками. Каминъ и печка очень дурно устроены и похожи болѣе на какую-то пещеру, чѣмъ на каминъ и печку; и двое дверей со щелями. Одна изъ дверей выходитъ въ жидовскую кладовую, изъ которой, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, ради любопытнаго жидовскаго наблюденія, прорѣзаны дырья, въ четверть длины и въ полвершка ширины, и еще одна круглая дырочка. Оттуда идетъ холодъ ужасный, а главное — свѣтятся наблюдательные, жадные взоры жидовъ. Запереть дверь нельзя и заставить ее тоже нечѣмъ. Завѣшу ее шубою — еще больше отходитъ и шевелится, если не отъ напряженныхъ глазъ и ушей жидовскихъ, то отъ ихъ пальцевъ. Другую же дверь, которая выходила въ сѣни, невозможно было отворить: такъ и вырвется изъ камина дымъ съ золой и искрами. Что-то адское представлялось мнѣ. Комната наша была похожа болѣе на сарай; въ температурѣ воздуха не было разницы, какъ на дворѣ, такъ и въ комнатѣ. Стѣны тонкія; вездѣ дуетъ. Не было угла, гдѣ бы можно пріютиться и скрыться отъ стужи. Словомъ, въ этомъ сараѣ было нестерпимо гадко и холодно. Ленточка отъ моего капора то и дѣло хлестала меня по лицу: такой былъ вѣтеръ! Мебели почти никакой; негдѣ примоститься; стулъ и скамейку едва выпросили; столъ отвратительный;

два ослаба служили намъ вмѣсто кроватей. Изъ посуды ничего не даютъ, отговариваясь тѣмъ, что все у нихъ каширное, то есть такое, къ которому мы, нечестивые, не должны прикасаться, а кушать — негдѣ. Что ни спросимъ — на все одинъ отвѣтъ: *Се зѣ касырни*. А тутъ еще зашелъ шабашъ. Голодали мы ужасно и даже чай пили съ отвращеніемъ. Жидъ безпрестанно вбѣгалъ взглянуть, не ѣдимъ ли мы чего трафного на его блюдечкахъ. Чайный приборъ былъ отвратительный: кажется, его слѣпилъ самъ хозяинъ. Вмѣсто фаянсу, глина такая, что того и смотри, развалится отъ воды; сверхъ того, чайникъ почти весь былъ исколоть и обвить проволокой.

Грустно было взглянуть сквозь разбитое окно на жидовскій дворъ! *Назімокъ* и двѣ коровы не имѣли навѣса, чтобъ скрыться отъ ужасной погоды, а между тѣмъ въ дворѣ столько закоулковъ! Признаюсь, я сама сдѣлалась любопытна, какъ жидъ. Что могло тамъ у него храниться подъ этими навѣсами? Что въ этихъ сараяхъ, кладовыхъ, въ разныхъ загородкахъ? Почему некуда ему приютить скотины? А на дворѣ, словно, демоны перекликаются: такой неистовый вой вѣтра! Дрожь охватываетъ меня, а въ душѣ такое ощущеніе, какъ будто я сдѣлала какое-то преступленіе. Мысли въ страшномъ разбродѣ; дѣлать ничего не хочется, да и нельзя; даже мысль ни на чемъ остановиться не можетъ.

Скотина такая жалкая въ жидовскихъ рукахъ! Все худое, коклѣтое, скорченное, печальное, стояло поникши головою и прижалось къ забору. На дворѣ ни деревца, ни кустика, — только огромные бодяки подъ окнами да кучи сору.

Но ужаснѣе всего былъ жидовскій слуга! Во всю мою жизнь я не видѣла человѣческаго существа, доведеннаго до большого униженія! Свита на немъ, видно, была когда-то сѣрая. Нитки въ ней подѣлились вдоль и поперекъ. Вся она была усыяна черными и коричневыми заплатами, одна на другой, точно наслоеніе разныхъ пластовъ почвы. Протертая насквозь, полувисячія, въ видѣ отвратительной бахрамы, эти заплаты едва давали распознать, въ своихъ промежуткахъ, первобытную грубую ткань несчастной одежды. Лучше сказать, заплаты только и держали въ связи основу свиты на плечахъ безроднаго Остапа, — да еще поясъ ременный, которымъ онъ былъ очень крѣпко подтянутъ и къ которому привѣшенъ былъ большой ножъ въ кожанной похвѣ (ножнахъ), составлявшій все достояніе Остапа!... Странно видѣть подобную замѣну всякаго другого имущества у человѣка, не имѣющаго на землѣ ни брата, ни сестры, ни жены, ни дитяти, ни друга, ни даже пріятеля! А Остапъ

ничего этого не имѣлъ. Если онъ имѣлъ что-нибудь, чего не носилъ съ собою, то это — пана, который приставилъ его въ безсмѣнные прислужники къ корчмѣ, по условію съ арендаторомъ — Евреемъ, подъ именемъ *сторожа*. Дико-несообразныя вещи дѣлаются на свѣтѣ: ввѣрять безопасность жидовскаго семейства и имущества человѣку, который всего сильнѣе чувствуетъ къ жиду ненависть и которому, кромѣ своей жалкой жизни, терять нечего!

Остапъ имѣлъ видъ гайдамаки. Широкія плечи, широкій лобъ, широкая грудь, мускулистыя исхудалыя руки, похожія больше на желѣзныя щипцы, нежели на руки; брови черныя, густыя, нависшія надъ карими, грустными, почти погасшими, глазами, глубоко ушедшими подъ навѣсъ морщинистаго лба. Выраженіе этихъ, почти погаснувшихъ и чуть-чуть сверкающихъ глазъ — невыносимо. Мнѣ постоянно казалось, что у него лежитъ на сердцѣ такая мысль:

Заховаю змію люту,
Кѣло свого сѣрця,
Щобъ ворожі не бачили,
Якъ лѣхо смієтця...

Голосъ у него упалъ, — чуть слышенъ въ сильныхъ, выходящихъ изъ глубины, звукахъ. Страшный, потрясающій голосъ! Постоы, оббитые отъ долговременнаго употребленія, — лыка обтрепались кругомъ ихъ въ видѣ бахрамы. Гдѣ ступить мой дорогой Остапъ, тамъ и лужа; пройдетъ по нашему сараю-комнатѣ — такъ и плющитъ, такъ и чвікаетъ. Шаровары на немъ распозлились, такъ что *холоши* надѣвались отдѣльно и вся связь между ними заключалась въ суконной черной заплатахъ на ветхомъ полотнѣ. Рубашка грязная завязана веревочкой — *замієць червоної стѣнжки козачької!*... Сорочка, видно, купленная случайно, не сходится на морщинистой, красной шеѣ съ сильно-выдавшеюся горлянкою, какъ не сходились содранные съ жидовъ каптанки на ширкоплечихъ гайдамакахъ.

— Що ти, Остапе, спрашиваю: — багато жалованья получаешь?

»Ні, я жалованья не получаю: я при корчмі сто́рожемъ.«

— Такъ ти нічого й не робишь?

»Ні, роблю усє. Іздужу въ лїсѣ по дрѣва, отопляю корчмѣ, дивлюсь за кіньями, за коровами, воду ношѣ, такъ куди пошлє жидъ — идѣ; на броварню за пивомъ... у ночі, хто приде... я й за дворомъ дивлюсь.«

— Ну, що жъ вінъ-таки, якъ празникъ, тобі дає що-небудь?

»Ні, другій годъ служѣ, а ні одної копїєчки, ані полѣшки, нічого,

нічого. Я тільки долженъ отопляти корчму; а він менé и до коней, и до всéго. »Ти«, каже, »долженъ при корцмі все дблять.« А я, дурний, пану не жалюсь. Другіи жиди ще не такі уїдливі були, а сей такъ и бігае, чи не давъ мині хто шага. Такъ ёму й кортитъ. Оцé, пані ночують, поставлють на варту... коло экипажа вартую.... Уговорюся за два злоти, абó за три, въ нічъ: що жъ? жидъ и одберé! »Ти«, каже, »при корцмі состоісь, и се все при корцмі.«

— Де жъ ти обїдаешъ, Остапе? съ жидáми, чи самъ собі вáришь?

»Я хожу за верству; тутъ двіръ нашъ (т. е. панскій) есть. А якъ таká хуртовина, якъ сéгодня, то я й вечерять не хожу. Кавáлокъ хлїба сухого зымъ, да й годі! А вони нічого не дадуть; отъ служу въ їхъ дру́гий годъ, — чárки горілки не піднесли.«

— А положи намъ, Остапе, дровъ у грѣбку.

»Напакую, напакую!« отвѣчалъ добродушно успокаивающимъ голосомъ Остапъ. »Оцé, чи почуе у насъ хто, то такъ жидъ и стережé: »сцо-зъ тоби панъ давъ?« Оцé ви поспитáли, чи нема пшонá... Тепéрь шáбашъ жидівскій; жидівка не сміе нічого давáти; бїжить вслїдъ за мною: »Дай«, каже, »дай, Остапе, псонá панáмъ, а я тоби зáвтра се псоно верну́, а грóси самá зъ їхъ полуцѹ.«

Мы ничего жидовскаго ёсть не могли, насмотрѣвшись на ихъ опрятность. Они чисто приготавлиють для себя, но для другихъ — возмутительно! описывать не хочется. У насъ всѣ запасы дорожніе истощились, и мы должны были заимствоваться у жида или у Остапа, и сами готовить въ печкѣ, чтобъ хоть теплымъ согрѣться, ато сидѣли въ шубахъ, стуча зубами, какъ въ лихорадкѣ. Наконецъ приготовили себѣ кое-что; но какъ ёсть? хлѣбъ у насъ жидовскій, спеченный ими для продажи; а мы знаемъ, какъ они готовятъ для продажи хлѣбъ.

Чтобы достать хорошаго хлѣба, мы написали записку въ ближайшій господскій домъ, объяснивъ свое осадное положеніе, и послали Остапа. Жидъ догналъ его, схватилъ записку, читалъ, читалъ, и нюхалъ и вертѣлъ кругомъ; но записка была написана такъ, что онъ не разобралъ ничего.

Принесъ Остапъ хлѣбъ отъ помѣщика съ самымъ любезнымъ отвѣтомъ и съ желаніями намъ всего добраго. Жидъ тотчасъ прибѣжалъ и опять началъ напоминать намъ о своихъ блюдечкахъ, а глаза его шныряли не только по столу, но и подъ столомъ. Такъ ему хотѣлось узнать, что принесъ намъ Остапъ, — не принесъ ли водки.

Между прочимъ, покупали мы у жидовъ новую глиняную посуду по невѣроятнымъ цѣнамъ, такъ какъ на время взять было нельзя. Мы, въ

ихъ глазахъ, были скверные, какъ Самаряне, о которыхъ говорилось: *не прикасають бо ся Жидове къ Самаряномъ*. Уѣзжая, мы подарили всѣ купленные вещи Остапу, въ присутствіи самихъ жидовъ, и сказали:

— Гляди жъ, Остапе, не отдавай жидамъ посуды. Сю посуду мы въ ихъ купили за такі грѣши, що можно бъ купити настоящу панську. То ти се знай; отъ, ми передъ самими жидами тоби говоримо, щобъ не сказади вони, що се ихъ посуда и щобъ не одняли въ тебе.

Жида въ корчмѣ, по моему наблюденію, кажется, никогда не спятъ, не ѣдятъ, не сидятъ: такая дѣятельность! Правда, они еще молятся Богу. Они прославляли Іегову заунывнымъ воємъ на разные голоса подъ нашу дверь, въ кладовой, и только на это время успокоивались отъ житейской бѣготни; но лишь только оставляли молитвы, снова мы слышали ихъ уже изученные нами голоса между другими голосами. Вѣтеръ своимъ воємъ и стукомъ ставень удивительно гармонировалъ жидамъ. За снѣгомъ ничего не было видно въ окно. Ветхая корчма съ жалкою нашей комнатой едва держалась на горѣ противъ напиравшаго на нее со всѣхъ сторонъ вѣтра. Онъ заходилъ со всѣхъ сторонъ, обрывалъ гнилую дрань съ крыши, свистѣлъ на чердакѣ, прохватывалъ корчму насквозь черезъ сѣни и неистово добивался къ намъ въ окна, дребезжа ветхими рамами и кой-какъ слѣпленными стеклами. Жида всю ночь не спали и Богъ ихъ знаетъ, съ чѣмъ они возились: что-то какъ будто привозили и увозили; казалось, будто кого-то душили; однимъ словомъ, происходило что-то непонятное. Дверь непрерывно визжала и деречѣла. Шумъ пьянаго народу на противоположной половинѣ корчмы, стукъ въ окно и крикъ *отвори!* не давали ни на минуту сомкнуть глазъ. Я думала: »Можетъ ли быть ужаснѣе въ самомъ аду? Можетъ ли быть больше сумятицы, больше крику, гаму, въ обществѣ вѣдьмъ, на Лысой горѣ?«

9-го марта мы выѣхали изъ этого клочкущаго адскимъ волненіемъ жерла. Жидъ хотѣлъ взять деньги за пшено, которое мы взяли у Остапа; но мы ему сказали, что Остапъ намъ подарилъ пшено. На это жидъ говорить намъ: »Ну, отъ зе винъ зъ мене буде править.« Бѣдный Остапъ! ему ли было *править* съ этого коршуна? Онъ былъ такъ убитъ, подавленъ, что едва могъ бесѣдовать съ нами и едва имѣлъ нѣсколько словъ въ оборотѣ, чтобы жаловаться на свою участь.

Тарантасъ нашъ былъ спущенъ подъ гору къ рѣкѣ, къ парому, и стоялъ на берегу въ ожиданіи переправы. Здѣсь же былъ и базаръ, и тутъ-то мы насмотрѣлись на жидовскія козни! Крестьяниги чего-нибудь

не хочет продавать, но жидъ кладетъ передъ нимъ, по своему усмотрѣнiю, деньги, сколько ему вздумается, и уже забралъ шено, нитки или куръ, и ужъ унесъ, какъ свою законную собственность! Иногда у крестьянина бывали руки заняты ношей до того, что жидъ приходитъ, осмотритъ у него все въ мѣшечкахъ и даже за пазухой и, что ему нравится, беретъ, не спрашивая мужика, что стоитъ. Да еслибъ одинъ жидъ, ато цѣлая стая! Тотъ и догонять не можетъ. У одного даже и шапку сняли съ головы и посмотрѣли, нѣтъ ли въ ней чего. Я сидѣла въ тарантасѣ и все это наблюдала. Тарантасъ нашъ надо было облегчить отъ клади, а тогда уже перевезти осторожно по льду, чуть остановившемуся сдвинутыми теченiемъ крѣпами. Для переноски вещей, явились все-таки жидаы, какъ будто единственные люди, которымъ слѣдуетъ за что бы то ни было получать деньги. Въ толпу жидовъ просунулся и бѣдный солдатъ въ своей шинелишкѣ. Но одинъ изъ жидовъ торопливо предупредилъ насъ тономъ довѣренной особы: «Ему опасно, опасно ввѣрить вещи!» Не смотря на это, товарищъ мой, однакожъ, далъ заработать солдату, позволивъ ему взять чемоданъ. Цѣлая стая жидовъ провожала насъ черезъ рѣку, перетаскивая наши вещи, и это — совершенно противъ нашей воли. Мы бы предпочли имъ загнанныхъ волынскихъ крестьянъ, которые не смѣли и подступитъ къ намъ; но жидаы рвали одинъ у другого чемоданы и узлы, оглушая насъ адскимъ крикомъ и не давая намъ ступить шагу по произволу. Вотъ истинные владѣльцы древней Русской земли, Волыни! Вотъ кѣмъ порабощена страна, прозванная Волынью отъ *воли* (свободы), которую она славилась когда-то въ Русскомъ мiрѣ! Напрасно мы, въ своихъ книгахъ и разговорахъ, отъзываемся объ этихъ завоевателяхъ въ шуточномъ тонѣ. Ихъ власть слишкомъ сильна, ихъ могущество ужаснѣе татарскаго, литовскаго и какого угодно! Они, владѣя страной и ея населенiемъ, не желаютъ процвѣтанiя ни той, ни другому; они любятъ прекрасную, давно уже разоренную и обезображенную ими Волынь, какъ рудокопъ любитъ свою мрачную шахту, — не болѣе. Страшная любовь!... Последнiе ея результаты пророчески выразились уже во множествѣ такихъ личностей, какъ нашъ бѣдный Остапъ, котораго мы, тайно отъ жидовъ, снабдили небольшою суммою денегъ и простились съ нимъ дружески, къ величайшему изумленiю и негодованiю всего жидовскаго семейства.

На возвратномъ пути; мѣсяца черезъ три, мы остановились на дорогѣ противъ корчмы и послали вызвать къ себѣ Остапа. Была середина

лѣта. Остапъ явився къ намъ безъ своей мозаичной свиты, но зато его сорочка и шаровары годились бы для костюма убогаго Лазаря. Онъ очень обрадовался намъ и низко кланялся, почти не говоря ни слова, — можетъ быть, не умѣя говорить словъ, которые произносятся при свиданіи съ друзьями. Друзей у него никогда не было; языкъ дружеской бесѣды ему, конечно, не извѣстенъ.

— А що, Остапе, посѣда? спросили мы.

»Э! однійъ дьявольскій жидь!«

— На що жъ ти оддавъ?

»А що ти зъ нимъ вдієшь? Моя да й моя!«

— Ми жъ тобі казали, що за її великі гроші заплачені!

»То що! хибá жидова сѣго не чула!«

— Да якъ же ти оддавъ?

»А що жъ я зъ ними вдію! Я оди́нь, а ихъ — сила!«

— Ти пáну пожалівся бъ.

»Що панъ?« отвѣчалъ Остапъ, понури́въ голову.

— Ви́нь би заступівсь за тебе.

»Эгé!... Жидъ ёму нужніший. Жиди́ на світі пана держать!«

Противъ этого сказать было нечего.

— Ну, а грошей у тебе не одняли?

»Про гроші я не признавсь. Шукáли по кишéняхъ, такъ — зась! я взявъ, да й заховавъ підъ коло́дку на дрóвитні.«

— Що жъ ти собі купівъ, абó-що, за ті гроші?

»А що́ мнѣ трéба? Я про смерть держу́, щобъ було́ за що́ поховати; да якъ гові́въ, то съ ко́пу пону́ да дяка́мъ роздавъ, да бубляки́въ за пятака́ купівъ, лю́дамъ роздавъ, щобъ на тѣмъ сві́ті побáчитьця зъ своїми.«

— Отъ же тобі, Остапе, сорочка й штани.... Чи не одніме сѣго жидъ?

— »Ні вже, сѣго не здерé зъ мене: я зара́зъ надіну. Моé по́пада́лось, то отесé, спася́би вамъ, — тепóрь зніму́, ви́шеру, да й полатаю.«

— Ато́ въ тебе нема́ й переміни?

»Була́ переміна, да вразька жидівка зняла́ зъ горі́ща, да й подра́ла на ганчірку́ до пéчи....«

Довольно, довольно!... Прощай, Остапе!... Не лучше ли было бы намъ и не знать о твоёмъ существованіи?

А Н Н А Б А Р В И Н О К Ъ .

ВОСПОМИНАНІЕ О Н. А. МАРКЕВИЧѢ.

Въ ожиданіи подробной біографіи и оцѣнки трудовъ одного изъ замѣчательныхъ дѣятелей на поприщѣ изученія южно-русскаго края, Николая Андреевича Маркевича, мы хотимъ занять нѣсколько страницъ воспоминаніемъ о немъ, какъ о писателѣ и человѣкѣ, преждевременная утрата котораго лично для насъ весьма чувствительна.

Николай Андреевичъ скончался 9-го іюня 1860 года въ своемъ наслѣдственномъ селѣ, Туровкѣ, Полтавской губерніи Прилуцкаго уѣзда.— Онъ родился 26-го января 1804 года, въ Дунайцѣ Черниговской губерніи Глуховскаго уѣзда. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ г. Прилукѣ, въ пансіонѣ извѣстнаго педагога по призванію, Павла Павловича Бѣлецкаго-Носенка, а въ 1817 году былъ помѣщенъ во вновь-открывшійся, въ то время, пансіонѣ при Педагогическомъ институтѣ въ Петербургѣ. Одинъ изъ преподавателей этого пансіона, В. К. Кюхельбекеръ, очень полюбилъ даровитаго юношу и много способствовалъ развитію его поэтическаго таланта и литературнаго вкуса. Ему Николай Андреевичъ обязанъ и знакомствомъ своимъ съ А. С. Пушкинымъ, съ борономъ Дельвигомъ, Баратынскимъ и съ В. Л. Пушкинымъ. Въ этомъ обществѣ молодой поэтъ нашъ проводилъ свои досуги во все время пребыванія своего въ Петербургѣ, что продолжалось до 1820 года.

Первыя стихотворныя попытки Николая Андреевича начались еще въ весьма молодые годы: стихотвореніе его *Гробъ*, написанное гекзаметромъ, было уже напечатано В. А. Жуковскимъ въ Невскомъ Зрителѣ 1817 года, когда Николаю Андреевичу было только 13 лѣтъ. Въ 1821 г. онъ поступилъ на службу въ драгунскій армейской полкъ; но вскорѣ, по желанію своего отца, жившаго въ своемъ малороссійскомъ селѣ и страстно любившаго сына, Н. А. долженъ былъ выйти въ отставку и поселиться въ деревнѣ. Въ 1829 г. мы видимъ его опять въ сто-

лицѣ, въ Москвѣ, гдѣ Николай Андреевичъ вель образъ жизни преимущественно свѣтскій, что впрочемъ не помѣшало ему приобрести много друзей въ кругу ученомъ и артистическомъ. Здѣсь, предавшись съ особенною страстью музыкѣ, онъ сдѣлался подъ руководствомъ извѣстнаго Фильда, превосходнымъ фортепянистомъ. Въ его чуткой талантливой натурѣ поэзія и музыка сжились такъ дружно, какъ въ украинской народной пѣснѣ: этимъ двумъ музамъ онъ оставался вѣренъ до послѣдней минуты. Въ томъ же 1829 г. Николай Андреевичъ издалъ въ Москвѣ свои *Элеги* и *Еврейскія Мелодіи*, и *Стихотворенія эротическія*; потомъ, черезъ два года, (въ 1831 г.), тамъ же, изданы *Украинскія мелодіи*. Въ 1830 г., Н. А. женился въ Малороссіи и, наслѣдовавъ по смерти отца довольно значительное имѣніе, предался, съ свойственнымъ ему увлеченіемъ, сельскому хозяйству. Но заботы семейныя и хозяйственныя не помѣшали ему заниматься науками. Замѣчательнѣйшимъ трудомъ его деревенской дѣятельности была *Исторія Малороссіи*, изданная въ 5 томахъ, въ Москвѣ, 1842 г. Какъ исторія, какъ живое, критическое воспроизведеніе минувшаго, это сочиненіе не могло удовлетворить требованій науки и въ то время, но какъ собраніе и обнародованіе разныхъ историческихъ матеріаловъ, оно драгоцѣнно для всякаго, кто изучалъ южный край нашъ, и сохранило за Николаемъ Андреевичемъ имя полезнаго и трудолюбивѣйшаго дѣятеля. Онъ оказалъ неоцѣненную услугу своей родинѣ еще собраніемъ старинныхъ рукописей, актовъ и дѣлъ, въ числѣ 6,000, и составленіемъ подробнаго каталога этому архиву. На составленіе каталога, который самъ по себѣ, независимо отъ архива, чрезвычайно полезенъ и любопытенъ, Н. А. посвятилъ нѣскольکو лѣтъ. За нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины, сокрушаемый мучительнымъ и продолжительнымъ недугомъ, умирающій страдалецъ рѣшился разстаться съ своею драгоцѣнностью и продать ее помѣщику Полтавской губерніи, Ивану Яковлевичу Лукашевичу. — Будучи членомъ многихъ ученыхъ обществъ и комитетовъ, Н. А. Маркевичъ, въ послѣдніе годы своей жизни, началъ прилежно заниматься статистикою и этнографіею, и напечаталъ сдѣдующія брошюры: 1) *О табакѣ вообще и въ Малороссіи въ-особенности*; 2) *объ овцеводствѣ въ Малороссіи*; 3) *рыбки Полтавской губерніи*; 4) *о народонаселеніи Полтавской губерніи*; 5) *обычай, повѣрья, кухня и напитки нынѣшнихъ Малороссіянъ*.

Въ рукописяхъ, оставшихся послѣ Николая Андреевича, найдено множество неизданныхъ имъ работъ и сочиненій; между ними особенно за-

мѣчательны: переводъ, изъ Байрона, 1-й пѣсни Донъ-Жуана въ стихахъ, переводы изъ разныхъ нѣмецкихъ поэтовъ и переводъ почти всего Шиллера, по которому Н. А. учился нѣмецкому языку (1); сверхъ того, въ рукописяхъ покойнаго находится начало Малорусекаго словаря, начало словаря энциклопедическаго, и множество мелкихъ стихотвореній, замѣтокъ, эпиграммъ, описаній и путешествій. Остается прибавить, что Н. А., доставшуюся ему, по наслѣдству, довольно хорошую бібліотеку постоянно пополнялъ многими замѣчательными и рѣдкими сочиненіями и довелъ ее до 8.000 томовъ.

Заявляя этимъ бѣглымъ перечнемъ трудовъ Николая Андреевича, что онъ, по своей многосторонней и добросовѣстной дѣятельности, заслуживаетъ полной біографіи, которая и опредѣлитъ его мѣсто въ литературѣ и обществѣ, мы, лично, никому не хотимъ уступить права—сказать нѣсколько искреннихъ словъ о Николаѣ Андреевичѣ, какъ о человѣкѣ, въ его частномъ, семейномъ быту. Мы его такъ близко знали, такъ искренно любили! Въ его природѣ заключались лучшія черты нашего народнаго характера. Гостепріимный хозяинъ, постоянно веселый, занимательный, радушный и остроумный, Николай Андреевичъ бывалъ особенно привлекателенъ у себя въ деревнѣ. Его добродушная простота, доступность и умѣнье говорить съ народомъ на его родномъ языкѣ, не только располагали къ нему сердца его крестьянъ и слугъ, которые обращались съ нимъ какъ съ другомъ, но внушали и окрестнымъ поселянамъ особенную любовь и довѣріе къ этому рѣдкому пану. Сосѣдніе крестьяне приходили къ нему совѣтоваться по своимъ дѣламъ, разрѣшить споръ или, просто, потолковать съ «розумнымъ паномъ».

Однажды Николай Андреевичъ, посѣтивъ свое гумно, засталъ, что одинъ изъ вѣявшихъ хлѣбъ, курилъ люльку. «Зачѣмъ это ты куришь», замѣтилъ ему Николай Андреевичъ, не выпуская изъ зубовъ собственной люльки: «вѣдъ ты можешь сжечь *клубю*». — «А коли я можу спалити, такъ и ви, пане, спалите». — «Да, но если я спалю, то я и выстрою, а ты мнѣ не построишь новой клубни», возразилъ Н. А. — «И то правда, пане», отвѣтилъ убѣжденный украинецъ, опуская люльку въ карманъ своихъ шараваръ.

Будучи страстнымъ охотникомъ до цвѣтовъ и растений и, въ то же время, хорошимъ садовникомъ, Н. А. развелъ, въ своей Туровкѣ, огром-

(1) Нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ переводовъ помѣщены Н. В. Гербедемъ въ изданіи «Шиллеръ въ переводѣ Русскихъ писателей.»

ный превосходный садъ, самъ разбивалъ его и выростилъ. Въ Туровкѣ, особенно лѣтомъ, собиралось очень часто большое общество. Любимецъ и любитель женскаго общества, Н. А. бывалъ постоянно окруженъ дамами и дѣвицами. Смѣху и шуткамъ конца не бывало. Одной онъ пишетъ или говоритъ экспромтъ, другой посвящаетъ романсъ, третьей сочиняетъ вальсъ или мазурку. Его красивая, оживленная фигура, съ добродушною улыбкою, съ черными умными глазами, съ густыми длинными кудрями, преждевременно побѣлѣвшими, безпрестанно переходила отъ фортепяна къ цвѣтамъ, отъ цвѣтовъ къ письменному столу и книгамъ, сопровождаемая обществомъ дамъ, которыя наперерывъ старались обратиться на себя вниманіе уже посѣдѣвшаго, но привлекательнаго поэта — нерѣдко — въ стихахъ, и постоянно — въ жизни.

Въ лѣтнее время, по утрамъ, Н. А. отправлялся обыкновенно въ садъ, и тамъ, съ коротенькою люлькою въ зубахъ, копался въ грядкахъ, ухаживая за своими любимыми цвѣтами и кустарниками. Вслѣдъ затѣмъ, онъ нерѣдко садился за фортепяно, и пальцами, на которыхъ оставались еще слѣды земли и песку, извлекалъ съ замѣчательнымъ мастерствомъ прекрасные мотивы, то задумчивые, то оживленные. Съ наступленіемъ теплой весенней погоды, большую часть времени хозяинъ и гости проводили въ саду, — тамъ обыкновенно обѣдали, пили чай и ужинали. Послѣ ужина, все молодое общество, женское и мужское, въ сопровожденіи любезнаго хозяина, отправлялось гулять по саду, который казался очаровательнымъ при свѣтѣ луны или мерцаніи звѣздъ благосклоннаго украинскаго неба. Эти прогулки всегда будутъ памятны тѣмъ, кто въ нихъ участвовалъ: сколько умныхъ замѣчаній, острогъ и удовольствій выносилось съ этихъ прогулокъ! Бывало, къ разсвѣту, и соловей умолкнетъ, а въ густой аллеѣ все еще слышится живой говоръ и веселый смѣхъ....

Теперь, когда мы приводимъ въ спокойное сознаніе всѣ впечатлѣнія и воспоминанія, вызываемыя личностью Николая Андреевича, когда живо представимъ себѣ этого человѣка, добраго, благороднаго и даровитаго, то невольно задается вопросъ: всё ли онъ сдѣлалъ для жизни, что могъ бы внести въ неѣ по своимъ способностямъ... и чувство глубокой грусти овладѣваетъ нами, и невольно задумываешься, отчего это у насъ пропадаетъ столько силъ, не достигая настоящаго своего назначенія? Отвѣта на этотъ вопросъ, относительно Николая Андреевича, можно искать, быть-можетъ, въ томъ, что онъ вступилъ въ жизнь общественнымъ дѣятелемъ въ ту грустную эпоху, которая породила много такъ-

называемыхъ *лишнихъ людей*. людей, которымъ наше, болѣе счастливое, поколѣніе должно быть признательно и за то, что они, въ борьбѣ съ тяжелой обстановкой своего времени, не все потеряли, а, напротивъ, умѣли сберечь, и для нашего поколѣнія, идеаль лучшаго строя въ жизни... Но въ присутствіи Николая Андреевича нельзя было грустить и задумываться: обаяніе его было такъ сильно, что заданный выше вопросъ приходилъ послѣ. Съ глубокою тоской думаемъ мы о томъ, что этого человека уже не будетъ болѣе съ нами.

Николай Андреевичъ скончался 56-и лѣтъ отроду, послѣ продолжительной водяной въ груди; его не могли излечить ни искусство медиковъ, ни путешествіе по Италіи, о которой часто грезилъ умирающій поэтъ еще въ ранней молодости. Онъ похороненъ въ своей любимой Туровкѣ, подлѣ церкви, въ виду любимаго сада.

Пусть наши воспоминанія будутъ полевыми цвѣтами, которые мы съ душевною скорбью кладемъ на эту преждевременную и незабвенную для насъ могилу.

Н. М а к а р о в ъ.

ИЗЪ УКРАИНЫ.

СКАЗКИ И ПОВѢСТИ Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

(Чумаки, ч. 3, стр. 63 — 200.)

Изъ статей, написанныхъ объ Украинѣ, неприятны или, лучше сказать, приторны тѣ, гдѣ *безусловно* восхваляется наша родина (къ-счастью, количество ихъ небольшое); но еще несноснѣе, утомительнѣе и приторнѣе очерки и рассказы, въ которыхъ, подъ видомъ неудачнаго юмора и фальшиваго лиризма, Украина изображена въ *небываломъ* свѣтѣ. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ и три томика сочиненій г. Данилевскаго, изданные подъ общимъ заглавiемъ: «Изъ Украины».

Дѣятельность этого сочинителя заключается преимущественно въ описанiи южнаго края.

Мы не будемъ тревожить праха «Козаковъ и Степей» и «Слобожанъ», о которыхъ было сказано въ свое время, а приступимъ къ разбору послѣднихъ произведенiй пера, такъ-смѣло глумившагося надъ нашей исторiей и народностью. Критика не была снисходительна къ г. Данилевскому, но рецензенты смотрѣли на него только съ художественной точки зрѣнiя; я же, въ качествѣ украинца, постараюсь разобрать одну лишь статью г. Данилевскаго со стороны этнографической и, по крайнему разумѣнiю, показать — какъ сочинитель выполнилъ заданную себѣ задачу, и на-сколько приблизился къ правдѣ.

Съ первыхъ рассказовъ изъ «Украины» и даже съ первыхъ приемовъ, вы видите претензiю на юморъ, на тотъ несчастный юморъ, который такъ много повредилъ великорусскимъ рассказамъ Основьяненка, и отъ котораго до-сихъ-поръ не могутъ отрѣшиться иные польскiе писатели. Юморъ этотъ уже перешелъ у насъ въ самый низшiй разрядъ бельетристики. Рѣдко кто изъ писателей-украинцевъ избѣгалъ юмористическаго направлениа, давшагося одному Гоголю; зато передъ героями Гоголя какими жалкими кажутся, напримѣръ, геройчики покойнаго Гребен-

ки! Сочинителю «Чумаковъ», въ свою очередь, захотѣлось поюморичить: «я-де малороссъ», вѣроятно, думалъ г. Данилевскій, «и мнѣ прирождена эта способность», и началъ все выкраивать по предназначенной мѣркѣ, стараясь во что бы то ни стало насмѣшить почтеннѣйшую публику. Слова нѣтъ, есть еще люди изъ такъ-называемаго образованнаго класса, которые не прочь похохотать подъ неотесаннымъ *голомъ*, воображающіе въ простотѣ жалкаго невѣдѣнія, что этотъ народъ способенъ только смѣшить собой, или говорить однѣ смѣшныя вещи. Но какой же образованный писатель рѣшится сочинять самыя неестественныя позы, выдумывать невозможныя сцены и лица, и все это для того только, чтобы смѣшить кого-то, жертвуя истиной и рискуя услышать печатно настоящее названіе своихъ неудержимыхъ фантазій? Вѣдь было время, когда наши юмористы изобрѣтали забавныя, по ихъ мнѣнію, фамиліи и влагамъ въ уста дѣйствующихъ лицъ какія-нибудь пошлыя поговорки, считая подобныя приемы верховнымъ искусствомъ. Но то золотое время прошло невозвратно; на поговоркахъ или наивныхъ остротахъ теперь недалеко уѣдешь: требуется дѣльное пониманіе, основательное, разумное изученіе. Прочитывая плоды досужихъ фантазій, разгуливающихъ по-Украинѣ, я еще бы мирился съ юмористическими наклонностями сочинителей; отъ этого никому ни тепло, ни холодно, и разборъ подобныхъ книгъ потребовалъ бы не много времени. Но если встрѣчаешь повѣсти и рассказы, сочинитель которыхъ преисполненъ претензіи—выдать себя за непогрѣшимаго знатока южнорусской народности, то рецензентъ становится въ чрезвычайно неловкое положеніе. По крайней мѣрѣ, я чувствую это въ настоящемъ случаѣ по себѣ и хочу нѣсколькими словами очеркнуть подобное состояніе. Порипать вещь, особенно книгу, очень легко, даже по избитой фразѣ: «la critique est aisée, mais l'art est difficile», находить промахи еще легче, особенно съ запасомъ изворотливости и недобросовѣстныхъ приемовъ извращенія смысла: это извѣстно всѣмъ и каждому. Но не менѣе извѣстно и то, что, принимаясь за разборъ сочиненія, рецензентъ долженъ хоть чѣмъ-нибудь заявить свои познанія въ данномъ предметѣ, особенно рецензентъ подписывающій свое имя. Въ нынѣшнее время и отъ критики требуютъ фактовъ и положительныхъ доказательствъ, а гдѣ ихъ взять при разборѣ какого бы то ни было сочиненія, относящагося до южнорусской народности? Признаюсь, я было призадумался, писать ли свой разборъ сочиненій г. Данилевскаго; но меня ободрила мысль, что я пишу въ журналъ, предназначенномъ для украинцевъ, которые легко могутъ повѣрить мою оцѣнку и внимнуть въ подро-

ности, ускользящая отъ читателя, незнакомаго съ нашими нравами, обычаями, языкомъ и самою природою. Здѣсь я смѣло могу употребить вопіющіе промахи и не ссылаясь, для подтвержденія, на печатныя источники, — безъ опасенія возбудить подозрѣніе въ справедливости моихъ словъ.

Пропустивъ многіе рассказы г. Данилевскаго, я съ особеннымъ любопытствомъ взялся за статью «Чумаки». Мнѣ хотѣлось взглянуть вѣрно ли г. Данилевскій изобразилъ наше чумачество, и остепенилась здѣсь его фантазія, такъ молодецки разгуливая въ «Козакахъ и Степяхъ», гдѣ этотъ сочинитель передѣлалъ наши народныя легенды на свой ладъ. Прочтя статью отъ первой до послѣдней строчки, увы, я пришелъ къ тому заключенію, что кто искажаетъ народные памятники въ стихахъ, тотъ не можетъ отрѣшиться отъ этой милой привычки и въ прозѣ. Г. Данилевскій и здѣсь остался вѣренъ своей системѣ: онъ кудреватъ описалъ быть чумаковъ, но не съ натуры, а съ своей собственной фантазіи, присочинилъ, по прежнему, разную небывальщину. Предисловіе вступленіе, т. е. выписавъ кое-что и перифразировавъ изъ г. Скальковскаго, который тоже иногда фантазировалъ въ свою очередь, г. Данилевскій принялся описывать чумаковъ, быть которыхъ такъ своеобразно и занимательно. Не стану говорить о риторикѣ и лиризмѣ, заимствованномъ изъ «Слобожанъ» того же автора, — но считаю не лишнимъ сдѣлать одно замѣчаніе. Г. Данилевскій пишетъ характеристику украинскихъ чумаковъ, намекая притомъ, что извѣздилъ весь край въ качествѣ наблюдателя. А между тѣмъ на дѣлѣ видно, что горизонтъ наблюденій сочинителя весьма узокъ или, лучше сказать, за небольшими исключениями, ограничивается одною Харьковскою губерніей. Хотя я и не рѣшусь утверждать, что знаю превосходный край, населенный южноруссами, но имѣлъ возможность проживать во многихъ мѣстностяхъ, занятыхъ этимъ племенемъ, трудясь надъ собираніемъ этнографическихъ свѣдѣній и памятниковъ, и потому скажу, что есть большая разница въ нравахъ, обычаяхъ, одеждѣ, даже нарѣчій, между жителями сосѣднихъ губерній: такъ, напримѣръ, быть въ Харьковской, можно не имѣть понятія о Черниговской; изучивъ обычай, положимъ, Купянскаго уѣзда, можно дать большой промахъ, прилагая эту мѣрку къ обычаямъ Золотоношскаго. Отъ полустрига и невозможно требовать многого въ этомъ отношеніи: но если полустрига постоянно заявляетъ въ дѣлѣ свою непогрѣшимость, критикъ долженъ быть къ нему гораздо строже и не обольщаться цвѣтными описаніями природы. Добросовѣтный писатель выскажется сразу

и безъ всякой хитрости обозначить границы своихъ наблюдений, не имѣя запасной мысли щегольнуть передъ неопытнымъ читателемъ: «я десяти разъ здилъ-таки по свѣту.»

Г. Данилевскому нельзя отказать въ наблюдательности, нельзя отказать и въ знаніи нѣкоторой части Харьковской губерніи; но когда онъ рисуетъ предметы не справляясь съ натурой, какъ они есть, а представляя въ такомъ видѣ, въ какомъ ему хотѣлось, чтобъ они были—объ этомъ нельзя, не годится, молчать. Вся бѣда въ томъ, что г. Данилевскій желалъ набросить какой-то, по его мнѣнію, поэтической колоритъ на чумацкую жизнь, и вслѣдствіе этого пересолилъ, что называется. Нужды нѣтъ, что онъ перечисляетъ по именамъ знакомыхъ ему чумаковъ, которые, судя по названіямъ сѣль, всѣ обитаютъ въ Харьковской губерніи; но можно поспорить, что чумаки въ дѣйствительности далеко не тѣ, какими онъ ихъ выставилъ. Если бы пошло на откровенность, я увѣренъ, г. Данилевскій, положи руку на сердце, признался бы, что присочинилъ малую-толику. Описывая новый предметъ, г. Данилевскій не удерживаетъ своего воображенія, и если хвалить, то хвалить не стѣсняясь; если же выставить какой недостатокъ, то ужъ рѣшительно нѣтъ пощады. Пьяницы между чумаками—попадаются, я самъ знаю такихъ, которые пропивали *худобу* и возвращались домой съ *батогами*. Пропить двѣ-три пары воловъ еще не диковина, но пропить 50 паръ воловъ, какъ сдѣлалъ одинъ знакомый чумакъ г. Данилевскаго (стр. 104) — это, съ позволенія сочинителя, отзывается чистѣйшей фантазіей. Здѣсь можно даже подвести цифру, (хотя я вообще не охотникъ до математическихъ выкладокъ.) Чтобы крестьянину имѣть 50 паръ воловъ, надобно быть очень хорошимъ хозяиномъ и рѣшительно не придерживатся чарки. Пользуясь статью самого же г. Данилевскаго, мы знаемъ, что хорошихъ чумацкихъ воловъ нельзя купить менѣе, чѣмъ за 75 р. пару, значить 50 паръ стоять 3.750 р. — капиталъ для крестьянина болѣе чѣмъ значительный. Такой крестьянинъ, отправляясь въ Крымъ за солью, не станетъ надѣяться на авось, т. е. на случайную транспортировку клади, а беретъ съ собою денегъ на 3,000 пудовъ, — не менѣе восьми сотъ рублей. Какъ же это простолудинъ ухитрится пропить 4,500 р., не одумавшись ни разу, куда дѣнетъ своихъ чумаковъ, человекъ не менѣе десяти, и сколько времени нужно чтобъ пропить подобную сумму?! На Дону пьютъ вино и водку. Мѣстное вино дешево, — не будемъ принимать его въ расчетъ, — а возьмемъ откупную водку и поставимъ ее по самой дорогой цѣнѣ — по 6 р. за ведро. Штофа достаточно въ день напиться

мертвецки; положимъ, что гуляка покупалъ еще 9 штофовъ для пріятелей, — количество, которымъ можно упомѣть многочисленную публику, — значить издерживалъ въ день 6 руб.; допустимъ наконецъ, что онъ тратилъ на другіе расходы столько же — и издерживалъ 12 р. въ сутки, и все-таки ему нужно пьянствовать круглый годъ безъ просьбу и безъ оглядки, чтобы пропить такую сумму денегъ. Неужели же чумаки г. Данилевскаго больше года кутить, пропивая свое состояніе, и какъ это угораздило его рѣшиться на такую огромную трату? Для этого надобно быть болѣе чѣмъ горькимъ пьяницей, — а горькому пьяницѣ трудно вести такое дѣло, чтобы ходить съ 50 парами воловъ въ Крымъ за солью, или на Донъ за рыбой. Нѣтъ, г. Данилевскій! не въ укоръ вамъ, это сильно отзывается неудержимой фантазіей. При всей любви вашей къ родинѣ, выражающейся, пока, однимъ лишь стараніемъ описать ее какъ-можно поэтичнѣе, вы не можете отрѣшиться отъ юмористическихъ, по вашему, нападокъ на счетъ пьянства общихъ земляковъ нашихъ. Мы очень хорошо помнимъ, какъ въ своихъ «Козакахъ и Степяхъ», искажая народныя легенды, вы передѣляли извѣстную пѣсню о «Сагайдачномъ» и заставили прославленнаго Запорожца напиться пьянымъ въ походѣ, что противно козачьей регулѣ, ибо за пьянство въ походѣ наказывали смертью, и въ самой пѣснѣ ни словомъ не упоминается о горѣлкѣ. Есть одна пѣсня, въ которой рассказывается о чумаки, пропившемъ свое состояніе — и, вѣроятно, она-то побудила г. Данилевскаго выкинуть такую штуку. Впрочемъ, если я не правъ, — сочинителю легко уличить меня, и я охотно попрошу у него извиненія, хотя подобно всѣмъ, знающимъ Украину, не соглашусь, что пьянство — главная черта характера нашего простолюдина.

Чрезвычайно невѣренъ взглядъ г. Данилевскаго на домашній бытъ украинца — и даже на хату чумака, хотя, въ описаніи, и попадаются иногда занимательныя подробности. Чумаки, если занимается чумачествомъ по наслѣдству, ничѣмъ не разнятся въ своемъ домашнемъ быту отъ прочихъ крестьянъ; и рассказъ г. Данилевскаго о томъ, что онъ зимой боится жены и угождаетъ ей, а только весной дѣлается самовластнымъ — чистѣйшее мечтаніе. Если какой-нибудь знакомый чумаки г. Данилевскаго и дѣйствительно таковъ въ своемъ домашнемъ быту, то слѣдовало бы писать его біографію, не навязывая своихъ наблюденій всему сословію и не вводя въ обманъ тѣхъ читателей, которые, какъ я сказалъ выше, до сихъ поръ еще охотно вѣрятъ во всѣ шуточки и плоскости, рассказываемыя про малороссіянъ. Живя въ Петербургѣ, навѣдываясь изрѣдка

въ Харьковскую губернію и потомъ проѣхавъ на-скоро по другимъ мѣстностямъ, гдѣ обитаютъ чумаки, положительно нельзя сдѣлать полный очеркъ быта и нравовъ этого сословія, не расходясь съ истиной.

Изъ слѣдующихъ мѣстъ читателю будетъ видно, — до какой степени сочинитель знаетъ предметъ, который описываетъ столь краснорѣчиво. Прежде всего, считаю обязанностью замѣтить, что слова »хуторъ« и »хуторянинъ«, г. Данилевскимъ употребляются вовсе неправильно. Хуторъ въ Малороссіи значитъ выселокъ, большею частью въ степи, состоящій изъ одной или нѣсколькихъ хатъ, у г-на же Данилевскаго село и деревня называются хуторомъ, а сельскіе жители — хуторянами, не знаю уже по какому случаю. Желающіе могутъ убѣдиться въ этомъ, раскрывъ любой рассказъ.

»Святочныя пѣсни поются на Святой вечеръ (стр. 90).« Это крупная ошибка, прошедшая немногими замѣченной у Гоголя, въ его повѣсти »Ночь передъ Рождествомъ«. Не знаю, когда поются *колядки* въ томъ хуторѣ, который угодно было г. Данилевскому избрать для своихъ наблюдений, но въ Малороссіи, на *святъ-вечірѣ* (канунъ Рождества), народъ, постясь съ утра до первой звѣзды, ужинаетъ свою *кутю* и *узваръ*, затепливши восковую свѣчку; и въ этотъ день въ деревнѣ никто не разинетъ рта для пѣсни, потому что это было бы противно религіознымъ обычаемъ простолюдина. Колядки поются на первый день Рождества Христова.

Описывая святочныя гаданья, г. Данилевскій говоритъ:

»Зажженная лучина осзѣщаетъ разубранныя головы и шитыя рубахи (стр. 96).«

Огня не знаю, чѣмъ освящаются избы въ хуторѣ, описываемомъ г. Данилевскимъ, но лучины нѣтъ у насъ въ употребленіи. Есть рѣдкія исключенія, тамъ гдѣ растетъ сосна, но этихъ мѣстъ очень мало, и южноруссы обыкновенно свѣтятъ *казанцѣмъ*. Есть уголокъ, гдѣ дѣйствительно свѣтятъ лучиной, но это по границѣ могилевской губерніи, откуда, конечно, сочинитель не бралъ своихъ типовъ.

»При кормѣ бардою, въ избѣжаніе болѣзни десенъ и языка, воламъ дается, въ перемежку, еще небольшое количество соломы (стр. 103).«

Это чистѣйшая фантазія. Вола нельзя выкормить бардою при помощи соломы. Каждый порядочный хозяинъ, въ особенности чумакъ, покупаетъ самое лучшее сѣно и кормить имъ воловъ, не смотря на большое количество барды.

»Уже старинныхъ Запорожцевъ изображали сильно лѣнливыми и не-

податливыми на подъемъ. Насмѣшливыя картины по самой Украинѣ въ каждомъ кабакѣ представляютъ ихъ съ этой стороны. Подъ одною надписью и т. д. (стр. 106).«

Подобныхъ картинъ не встрѣтите, не только въ *каждомъ* кабакѣ, но врядъ ли въ сотомъ, да и то картины эти не насмѣшливыя. Дѣйствительно, прежде довольно часто попадалось изображеніе извѣстнаго запорожца Мамай съ надписью: »Хоть дѣвссиса на мѣне« и проч., но теперь эта картина сдѣлалась уже большою рѣдкостью.

При описаніи весны, сочинитель, рассказывая о любопытныхъ, собравшихся смотрѣть на вскрытіе рѣкъ, прибавляетъ:

»Тутъ же появляются гречаники на лоткахъ, сластеницы съ жаровнями и открывается настоящій рынокъ... (стр. 111).«

Полно, такъ ли? Подобная обстановка можетъ быть въ мѣстечкѣ да въ торговомъ селѣ, которыхъ такъ у насъ мало; — но гдѣ же вообще по селамъ или хуторамъ, какъ ихъ называетъ г. Данилевскій, видѣль онъ такіе рынки?

»Идетъ май-цвѣтень. Скоро станетъ отъ жары и мошекъ скотъ *майтся* (?). Соловьиный день пришелъ и привелъ пѣсни »веснянки« на хутора. И точно — гдѣ тогда нѣтъ пѣсень? (стр. 120).«

Скотъ бѣгаетъ и мечется (по южнорусски *дрѳчится*, а не *майтся*), въ іюльскіе жары. Чтѣ же касается до веснянокъ, то онѣ давно уже пропѣты въ послѣднихъ числахъ марта и въ первыхъ апрѣля, а въ маѣ — позабыты. Наконецъ, пѣсня подъ № 1 и не *веснянка*, а Богъ знаетъ какой редакціи. У г. Данилевскаго она вышла безсмыслицей, а въ народѣ, по моему, это — художественное произведеніе. Привожу доказательства. Вотъ переводъ г. Данилевскаго:

Ой подъ мостомъ, мостомъ
Трава зеленѣеть;
За хорошимъ мужемъ
Жена молодѣеть...
Ой подъ мостомъ, мостомъ,
*Плеснула*ся рыба;
Я жъ у тебя, мать ты моя,
Все расту не шибко...
Пусти меня, мать, изъ хаты
Я не *запутюсь* (?!);
Только парней подзадорю,
Да гѣмъ и покаюсь.

А вотъ и подлинникъ:

Ой підъ мбостомъ, мбостомъ
Трава зеленіе,

А за добримъ чоловікомъ
Жінка молодіе.
Ой підъ мостомъ, мостомъ
Трава посухає,
За ледячимъ чоловікомъ
Жінка пропадає.
Пусті мене, мамо,
У степь погуляти,
Буду трави прогортати,
Дбленьки шукати.
Пусті мене, мамо,
У ставъ покупатись,
Буду плавать, пурнати,
Дбленьки шукати...
Ой ні, мої мамо,
Де я ни ходила,
Та не знайшла тіі долі.
Що ти загубила.

Не грѣхъ ли знатоку народнаго быта пользоваться жалкимъ варіантомъ и ставить его въ число веснянокъ, не зная притомъ, въ какое время поются веснянки!

»Появилась сорока« (замѣте, дѣло идетъ о концѣ мая); «школяры несутъ учителю-дьячку »сорокъ бубликовъ (кренделей) (стр. 124).«

Дѣйствительно существуетъ обычай носить учителю бублики, которые, впрочемъ, ни-сколько не крендели, — но это дѣлается на сорокъ мучениковъ, въ праздникъ, бывающій задолго до мая мѣсяца.

»Съ Юрья скоть ходитъ уже по опроставшимся сѣнокосамъ (стр. 125).«

Фраза совершенно непонятная. Чтѣ значитъ *опроставшійся* сѣнокосъ? По моему крайнему разумѣнію, это—пространство, на которомъ скошено сѣно. Однако, Юрья 23 апрѣля, слѣдовательно—это невозможно. Напротивъ, въ Украинѣ вообще до Юрья скоть ходитъ гдѣ угодно, даже по всходамъ, а на Юрья, когда священникъ освятитъ, съ процессією, поля, пастухъ дождень гонятъ стадо уже на толоку. — Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что освященіе полей во многихъ мѣстахъ выводится уже изъ употребленія. — Можно бы подумать, что г. Данилевскій по ошибкѣ упомянулъ о Юрьѣ, но на стр. 153-й онъ повторяетъ: »До Юрья скоть пасется еще въ селахъ на толокахъ, а тамъ уже переходитъ на скошенные поля.«

»Замолкла и кукушка. Украинцы замѣчаютъ, что она въ это время »подавилась мандрикою«, особенною лепешкою, какія пекутъ въ петровъ постъ (стр. 154).«

Повѣрье дѣйствительно существуетъ, но сочинителю слѣдовало бы объяснить, что мандрика не особенная, а сырная лепешка, которая пекутся только къ петрову дню, — ибо простолюдины не ѣдятъ въ постъ скоромнаго.

»Какъ я уже сказалъ, на Алешковскіе пески у Днѣпра, знаменитые своею »безкормицею«, мало ѣздить чумаки, а соль везутъ на село Копани, гдѣ она грузится на барки и по Днѣстру« (очевидно опечатка) »ставится въ Херсонь.«

Странно встрѣчать подобное незнаніе мѣстности въ человѣкѣ, который заявляетъ, что лично дѣлалъ наблюденіе въ описываемомъ краю. Объ Алешковскихъ пескахъ спорить не буду, равно и о томъ, что чумаки не ѣздить на этотъ городъ. Но любопытно, гдѣ же взялъ г. Данилевскій на Днѣпрѣ село Копани? Кто это рассказалъ ему такую небывальщину? Чумаки не могли выдумать, а кто-нибудь да сыгралъ шутку съ почтеннымъ туристомъ. Точно, есть село Копани, но въ 35 верстахъ отъ Херсони — къ Николаеву, между тѣмъ какъ сочинитель положительно указываетъ, что тамъ грузится соль, да еще и на барки. Кто хоть мелькомъ наблюдалъ низовья Днѣпра, т. е. проѣхалъ по берегу, тотъ знаетъ, во-первыхъ, что по этой рѣкѣ нѣтъ *Копаней*, и что соль не можетъ грузиться на барки, потому что барокъ здѣсь рѣшительно не употребляютъ. Барки приходятъ сверху чрезъ Пороги, съ лѣсомъ и товарами, но, по прибытіи въ Херсонь, разламываются на дрова, или постройки. По низовьямъ Днѣпра ходятъ двухмачтовые лодки и дубы, и сколько я знаю, соль берутъ въ селѣ Козачьихъ-Лагерьяхъ, которое не далеко отъ Херсони.

»Подвалы хозяекъ наполняются бочками и флягами наливокъ и водянокъ, плодовыхъ квасовъ и морсовъ. (стр. 176).«

Любопытно бы знать, гдѣ это и когда жены чумаковъ нашли возможность ввести въ свой бытъ такую роскошь?

Читатель видитъ, что статья г. Данилевскаго не можетъ пожаловаться на недостатокъ промаховъ. »Чумаки« читаются легко и были бы занимательны, если бы сочинитель возможно-менѣе давалъ воли фантазій. Наша личная просьба къ г. Данилевскому будетъ заключаться въ томъ, что если случится ему наблюдать простолюдина, то чтобы по двумъ-тремъ личностямъ онъ не судилъ обо всемъ сословіи.

А. Ч у ж б и н с к і й.

Декабрь 1860.
Петербургъ.

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЗАМѢТКА

О РАБОЧЕМЪ СКОТѢ И О »ХВОРО́БЪ.«

Всякому, кто сколько-нибудь знакомъ съ сельскимъ хозяйствомъ въ Малороссіи, извѣстно, какое мѣсто занимаетъ въ немъ хлѣбопашество, и какое значеніе для хлѣбопашества имѣетъ рабочій скотъ. Не однѣ стародавнія привычки, не лѣность (въ которой такъ несправедливо и легкомысленно привыкли упрекать Малороссіянь), заставляютъ удерживать систему обработки полей волами, а не лошадьми. Свойство почвы, разнообразіе зерновыхъ хлѣбовъ, у насъ обрабатываемыхъ и требующихъ глубокой распашки, — конечно, удержать еще надолго въ нашемъ хозяйствѣ воловъ, какъ необходимую рабочую силу, т. е. до тѣхъ поръ, пока у насъ не разведутся въ такомъ же количествѣ, какъ вола, рабочія нормандскія лошади, и наши обыкновенные плуги не замѣнятся повсемѣстно Англійскими плугами Гардера; а дожидать этого придется, я думаю, долго. И потому на-долго, очень на-долго, достаточность рабочаго рогатаго скота будетъ непремѣннымъ условіемъ нашего хлѣбопашества, народнаго благосостоянія и богатства. При такомъ значеніи рабочаго рогатаго скота въ нашемъ краѣ, съ промышленными интересами котораго связана не малая часть Россіи, нельзя не обратить особаго вниманія на непрерывно-возобновляющуюся, можно даже сказать, непрекращающуюся, болѣзнь, извѣстную подъ именемъ *скотской чумы*, дѣлающую ежегодно, то въ одной, то въ другой мѣстности Малороссіи, страшныя опустошенія. Если опустошенія эти чувствительны для каждаго помѣщика, разстроивая его хозяйство, то тѣмъ болѣе потеря рабочаго скота не только разстраиваетъ, но надолго почти уничтожаетъ хозяйство крестьянина. Пара воловъ составляетъ главное, существенное основаніе благосостоянія, относительной независимости крестьянина: нѣсколько лѣтъ трудовъ посвящаетъ крестьянинъ, для приобрѣ-

тения вождельной пары воловъ; приобрѣтя ихъ, — лелѣть, березеть, и вдругъ — зловѣщая вѣсть: тамъ-то появилась *хвороба!* (этимъ именемъ насываютъ Малороссіане чуму); *хвороба*, переносится съ мѣста на мѣсто, изъ села въ село, изъ хутора въ хуторъ, и плоды долголѣтнихъ трудовъ, сбережений, разомъ погибають, и надо ожидать много лѣтъ, пока крестьянинъ вновь соберется на пару воловъ. Всѣ рекомендаемыя противъ чумы мѣры предосторожности, отъѣпленіе, отдѣленіе больныхъ, подозрительныхъ, и прочее, очень хороши на бумагѣ, но не на дѣлѣ. Всѣ эти назидательныя мѣры, сопряженныя съ большими издержками и затрудненіями, едва ли могутъ быть примѣняемы въ самомъ благоустроенномъ хозяйствѣ богатаго помѣщика, и положительно не доступны хозяйству крестьянскому. Развѣ можно пресѣчь всѣ сообщенія съ селомъ, развѣ можно разгонять ярмарки, останавливать полевыя работы? а вѣдь болѣзнь, какъ извѣстно, заносится не однимъ прикосновеніемъ къ больному скоту, но и людьми, ихъ одеждою.

Поэтому, сознавая все значеніе рабочаго скота для земледѣлія въ Малороссіи, мнѣ кажется нужно не столько думать о томъ, какъ прекратить заразу, какъ ее лѣчить, какъ защититься отъ нея, а изслѣдовать постепенность распространенія и развитія заразы, и разрѣшить вопросъ — не было ли какихъ-либо постороннихъ причинъ, отъ которыхъ зависить бѣлая или меньшая степень воспріимчивости рогатаго скота къ заразѣ? Предоставляю серьезныя, научныя, изслѣдованія специалистамъ, но мнѣ кажется, есть факты, которые бросаются въ глаза и не специалисту. Такъ, справясь съ прошедшимъ, мы приходимъ къ убѣжденію, что скотская чума, въ старыя годы, не была такимъ нормальнымъ явленіемъ, какимъ она сдѣлалась съ настоящаго столѣтія (1). Другая справка съ прошедшимъ указываетъ намъ на повсемѣстно-существовавшее въ Малороссіи обыкновение — давать рогатому скоту постоянно въ теченіи круглаго года, соль. Для этого употреблялась соль *ледянка* (каменная соль), доступная, по тогдашней цѣнѣ, 2 р. асс. (57½ к. сер.), каждому и не богатому крестьянину. Всякій старожилъ, конечно, помнитъ, что

(1) Отецъ мой, умершій, въ 1829 году, 84-хъ лѣтъ, рассказывалъ неоднократно, что скотская чума была совершенно почти неизвѣстна въ нашемъ краю; между тѣмъ, скотоводство всегда было въ немъ очень развито, чумачество было постояннымъ его промысломъ, и въ послѣднихъ годахъ прошедшаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго, было даже особое товарищество для торговли скотомъ съ Саксоніею. Родной дядя мой, Паськевичъ, былъ главнымъ агентомъ этого общества. М. Б.-К.

было время, когда въ рѣдкой крестьянской избѣ не было куска ледянки, и что такимъ образомъ огромное большинство рогатаго скота въ Малороссіи употребляло постоянно средство, признаваемое и наукою и практикою, какъ наилучшее для сохраненія здоровья, силъ и бодрости животнаго. Съ тѣхъ поръ, какъ цѣна соли, въ слѣдствіе акциза, возвысилась, (1) употребленіе ея для животныхъ, особенно же ледянки, сдѣлалось недоступно въ крестьянскомъ хозяйствѣ, и весьма рѣдко даже въ хозяйствахъ помѣщичьихъ. Съ этимъ невольнымъ прекращеніемъ употребленія соли для корма рогатаго скота, начала чаще и чаще появляться въ Малороссіи скотская чума, и теперь не проходитъ года, чтобы она не производила опустошеній то въ томъ, то въ другомъ уѣздѣ. Можетъ быть я и ошибаюсь, но мнѣ кажется, что совпаденіе распространенія скотской чумы съ прекращеніемъ повсемѣстнаго употребленія соли для рогатаго скота, которое сдѣлалось недоступнымъ по ея дороговизнѣ, что это совпаденіе не есть фактъ случайный, а заслуживаетъ серьезнаго изслѣдованія и вниманія тѣхъ, чье вниманіе и изслѣдованіе можетъ быть наиболѣе плодотворно и повело бы къ благимъ послѣдствіямъ.

М. Б ѡ л у х а - К о х а н о в с к і й,
помѣщикъ Полтавской губерніи.

1 декабря 1860.
Полтава.

(1) Поваренная соль стобитъ теперь, по средней цѣнѣ, до 60 коп. сер., а ледянка — 1 р. 80 коп. Огромная разница въ цѣнѣ той и другой можетъ допустить мысль, что удобно замѣнить для корма скота одну другою; но эта замѣна невозможна, во первыхъ потому, что скотъ, будучи весьма жаденъ на соль, съѣстъ ее втрое и четверо болѣе, чѣмъ сколько можетъ ее слизать (ледянку онъ только лижетъ), что выйдетъ на одно и тоже; а второе, и главное, потому что ледянка, въ своемъ химическомъ составѣ, имѣетъ весьма важное различіе отъ повареной. Она имѣетъ горечь, слѣдовательно дѣйствуетъ въ одно и тоже время, и на пищевареніе и на укрѣпленія желудка; а извѣстно, что, въ чумѣ, первымъ видимымъ явленіемъ есть пораженіе желудочныхъ отправленій. М. Б.-К.

ЛИСТІ СЪ ХУТОРА

ЛИСТЪ І.

Не дивуйтесь, добродію, що десь на хуторі довідались уже, що ви тамъ собі у столицяхъ думаєте-гадаєте. Чутка про вашу *Основу* пройшла въ насъ по хуторахъ уже давненько. Спасібі вамъ за те, що ви нашого мановця українського не кїдаєте; а вже намъ бїтний верстовий шляхъ очортїв за сто рокївъ. Прямуйте жъ, добродію, куди задумали, не хїблючи, та й про насъ, хуторянъ, дбайте не по-городянській. Всі бо письмєнні люде, опрїчъ двохъ, абó трєхъ, котїрихъ гóлосъ до насъ доходить, рають намъ своё хуторянське життя на мищанське мїняти, бо, отъ, кажутъ, ви въ простихъ свїтахъ та сорочкахъ ходите, а той бїтний и вїмятий людь по городахъ — одягний, наче панство, и гóрниці въ ёго на помóсті, и вїкна въ ёго велїкі, и ласо вїнъ їсть, и солодко вїнъ пїє, и забавки въ ёго благороднї, и до книжокъ вїнъ берєтца охóчо, и незабаромъ зрівняєтца освїтою съ панами и зъ Жидами; а ви остаєтєсь у всїхъ позáду....

Колїбъ мали волю сі добродїї, то вже бъ давнó наші хутори поспїсували, росцїніли всякий ступїнь землі, позаводили бъ на всякий хутирь по трахтирю зъ катеринкою, и булó бъ у насъ такъ гáрно та любо, якъ у нихъ оттáмъ де-небудь на Крестовському, або въ Сокóльникахъ, чи що. Родївшись у городахъ, зрїши въ висóкихъ палáтахъ, вони нічого крáцого й не вїдумають надъ своєю панську, чи, якъ тамъ кажутъ, комфортабельну жизнь. А нашъ братъ, хуторянїнъ, попáвшись у ту камяну Москву, абó

въ той безодній бурхъ, дівитця, ей же Бѣгу, зъ великимъ жалемъ на той одягній та ласий людъ, дівитця та й думае собі: »Бѣже мій, Бѣже мій! якъ тутъ отсі пані, у сій тісноті, бідують! Зѣлотомъ сяе, у кареті иде, а якимъ вѣдухомъ дше!.. Такъ отсе вони, тїі роскоши?... Абѣ, мѣже, отся грукотня, отсей гоминь, галасъ, гукъ, свистъ,—чи не се та поваба, котѣрою насъ маняць изъ тихихъ хуторивъ спивучихъ до тѣі мизѣрної цивилізаці?... Абѣ, мѣже, отся дорожнята, що чоловікъ не прохарчѣтця и гнилятною за тї гроши, що гѣркою працею загорѣе,—мѣже, се вона, та краща дѣля одъ нашої убѣгоі, та не голоднѣі дѣлі!»

Промантѣчились городяне на свої що-тїжня новїі мѣди; проілись на свої ласоци, процїндрили бѣткѣвщину на дорогїі забавки; пїйшла половїна въ старці черезъ той дурий пѣтовпъ, черезъ ту навїснѣ дорожняту; то вже тепѣрь нашого брата, хуторянина, до себе, до гурту, да громади, до спїльности закликають. Змилосердились, бѣтче, якъ тамъ кажуть, гуманїі люде, комфортабельні чоловіколюбці, що скїлько-то народу по хуторахъ не знае великихъ благъ цивилізаціі, якъ отъ на Крестѣвському ѣстрові мужикїі знають, що матї, мужїчка въ панськїі шляпці, черезъ вѣжду, абѣ черезъ ледѣчу свою воспїтанность, рїдну дочкѣ продае; змилосердились надъ нашою темнѣтою, що ми, опрїчъ рїлїі своєї та пасїки, та чумацтва, абѣ прѣстого шѣвства, кравѣцтва, рїмарства, кушнїрства, ткацтва, ковальства, то що такѣ, вїчого въ свїті не знаемо, що по чїмъ купѣтця и продаѣтця: скїлько одступнѣі вѣїтї грїшми, абѣ чїмъ їншимъ, за рїдного бѣтца, матїрѣ, брата, сестрѣу абѣ ї дїтїну, якъ чѣсто (огѣ, якъ чѣсто!) бувае по тихъ цивилїзованихъ стѣронахъ. Болїть у нихъ серце, у тихъ писмѣннихъ и друкованихъ городявъ, що ми наѣкъ їхъ и словѣсности писаної не знаемо; а про те сї добродїї ї забѣли, що на однѣу сѣтнѣу рѣкївъ по пѣть разъ вони одъ старѣі наѣки и словѣсности одцѣрувались, и самїі ще не знають, якѣі вїри и якѣі смакѣу бѣдуть перѣдъ смѣртю. Ми жѣ, люде прѣстїі, якъ навчїлись на варязкїі чи на лїтовскїі, абѣ польскїі панщїні за плѣгомъ дѣбре ходїти и недолюдкївъ годувѣти, то ї до сї себѣ самїхъ и бїлорѣкїихъ городявъ хлїбомъ годувѣе. Се, здаѣтця, не лукава наѣка; а въ васъ, городявъ, естѣ и ехїднїі наѣки: е въ васъ такїі наѣки, щобѣ до вїку вїчнѣго тїлько самїмъ у зѣлотї купѣтїсь; е въ васъ и такїі наѣки, що хто когѣ проведѣ та

зненачьба насяде, того великимъ чоловікомъ величають. А въ насъ такихъ добродіівъ зовуть по-просту п'явками та людодіами; ми одъ такихъ, полі одрізавши, мусимо втікати, аніжъ свій рózумъ и дúшу їхъ лукавою дорóгою пускати. Може, скаже хто, що не втечемó, ховаючись по своїхъ закапéлкахъ, що доберúтця вони до насъ колись, якъ уже вíснуть усяку свíжу сíлу округí себе, и що, заставши насъ невми́лими своéи всемірнéи нау́ки, якъ-разъ підгóрнуть підъ свою кормігу, и бúде зъ нами те, що зъ лóндонською и ирлáндською бідотою: тимъ би то лúчче тоі до́лі лихóй запобігаючи, самимъ намъ заворушитись у своїхъ хуторахъ по-городяньські и заздалегідь уже городяньського дúху и рózуму набратись, бо, кажутъ: *воронъ ворону очéи не виклюе!* Такъ насъ лякають и тáкъ намъ рають тіи вожаки́ городянь, що вíдумали премудрость ищé мудрiйшу одъ Христóвої! А ми спрóста, якъ намъ Богъ положивъ на дúшу, одвітúемо: »Тó ще на-двоє баба ворожи́ла, чи бúдемо ми въ городянь підъ кормігою, чи ні, а жидовіти намъ... ні, се не по нашiй натúри! Коли жъ уже справді така наша до́ля, щóбъ намъ до-вiку не бу́ло просвітку, то лúчче намъ усiмъ одно на одному́ повмірати, аніжъ изъ своéи праведноi вiри та въ жидiвську, городяньськимъ рóбомъ, поперевертáтись?»

Отó жъ нічого намъ, панóве городяне, сямъ дорекáти, що ми, мужикúючи по хуторахъ и сéлахъ, не такъ-то квáпимось до всякоi нóвої всемірнéи нау́ки, остаючись у панiвъ и въ жидiвъ позаду. Дúмаєте, може, що ми цураéмось освiти? що въ обскуранти́змі, якъ мовляете, ми закохáлися? що рózумъ нашъ лéжнемъ звикъ изъ давнiхъ давéнь лежáти?... Ой, ой, ой! якъ-то воно́ здалеку химéрно вамъ усé здаéтця! Хтó жъ виненъ тому́ обскуранти́змовi, коли ви тiльки городi знали освiтою забезпéчувати, а намъ не дали вóли, безъ свогó городяньського поря́дку, хоть наймéншу шкóлку, по громадському рóзуму, у себе на селi завести? Рózумъ нашъ лéжнемъ извикъ лежáли? Якъ же бъ воно́ и́нше стáлося, коли дитiну дiя науки трéба изъ семi вiрвати и мiжъ такі люде заслáти, котóрихъ не знаэшъ и не видаешъ, якимъ вони дúхомъ дiшуть и щó сь твоéи дитини зрóблять? Зновъ же й кошть на ёго положи́ такий, за ту городяньську нау́ку, що, може, тiльки сь тiсячи въ одного́ господаря знайдéтця на те й достáтокъ. Уже жъ воно́, учiвшись тамъ мiжъ городяньськими дiть-

ни, и одъ прѣстої свитїни, и одъ прѣстихъ звичаївъ та й одъ рїдної мѣви своєї одвїкне. Якїй же зъ ёго бѣде семъянїнъ у прѣстїї хатї, мїжъ прѣстими селянами? Лѣтче жъ ёму въ бѣтка та въ мѣтери прѣстого господарства навчїтись, анїжъ чужїмъ у рїдну сѣмтю съ тимї науками вернїтись. Отъ вонѣ, якъ у насъ рѣзумъ нашъ лѣжнемъ лежить. Про се ви, городяне, не турбуйтесь. Мѣже, колись на́ша громада вѣраетця зъ дїломъ та полагодить дѣ-що, що ви жъ намъ, набїгаючи до насъ, для порядку поповѣали, та тоді вже своєю волею и своїмъ рѣзумомъ розберѣ, до якѣї науки треба дїтокъ изъ-мѣлку вправляти, — тїлько такъ, щобъ и въ науку дитина вбивѣлася, и одъ лѣдачого товариства городяньского не псовѣлася. Бо, по на́шому прѣстому рѣзуму, то ще не велике дїло, якъ одно знайти, а друге втерѣти. Спасїбі вамъ за тихъ високовоспїтаннихъ козачихъ, абѣ мужїчихъ, дїтѣй, що зъ на́шимъ братомъ не вмїе вже й заговорїти! Спасїбі вамъ и за тихъ розумнихъ людѣй, що якъ поваїзджають изъ городївъ до насъ у гѣстї, то въ мѣтери сѣрце не на мїстї за своїхъ простовѣтихъ, неполаханихъ ищѣ, щїрихъ душѣю дѣтокъ, пѣки паничѣ съ хутора, абѣ зъ госпѣди не збѣде! Спасїбі вамъ за тихъ вївѣленихъ женихївъ, що своїми грїшми вѣблять до сѣбе найдорѣжший цвїтъ хуторянокъ и селянокъ! Не хочемо ми нїякихъ благъ цивилїзації, коли, за сї бѣлага, дїти на́ши не вмїтнуть изъ на́ми, нїдѣ на́шу стѣрїсть, розмовѣати, коли вонї насъ, а ми їхъ, черезъ їхъ велику освіту, не розумїтимемъ! Берїть собї на-вїки и не пускайте до насъ вѣшихъ малѣванихъ паничївъ, що вмїють дївѣчимъ рѣзумомъ и сѣрцемъ, якъ пахѣщою квітѣчкою, що-дня мїняючи, забавѣятись! Нехай догнївають у васъ по городѣхъ тїї поскрїбки цивилїзації, що, мовъ зъ домовїни упирї, на свїжу кровъ кїдають! И нехай лѣтче ми бѣдемо до вїку вїчнѣго въ лѣтанїї сїромїзї ходїти, анїжъ людськїї слѣзи квартїми мїрѣати!

Се вамъ, городянамъ, цивилїзованнїмъ людямъ, ѣдповѣдъ на́ша на вѣши зазїви до спїльности зъ вѣми, до науки, до практичнѣї мѣдрѣсти, одъ котѣрої половїна зъ васъ у зѣлотї купаѣтця, а половїна въ вонючїй грязї тѣне, одъ пекѣльной робѣти чѣчверїе и зъ голоду гїне. А що ми словѣсности вѣшої кнїжнѣї не знаѣмо, то скажїте самї: що жъ бї съ тѣго за добро було, колибъ ми, сто лїтъ назадѣ, те жъ самѣ, що й ви, читѣли, и тогѣ самогѣ смаку, що й ви, набїрались, та начїтавшись и набравшись тогѣ

ліха, якъ жаба грязі, почали вашимъ робомъ у своїхъ хуторахъ и селахъ ходіти? Чи скажете, може, що то була пакосна, по-зичена словесность, котрої ви вже теперъ одцурались и вже намъ теперъ хоробші книжки друкуюте? Згадайте жъ, будьте ласкаві, у котрий се вже разъ ви намъ такъ говорите, *ви*, письменні, городянські люде, почавши съ того стародавнього віку, якъ ваши прапращурини *смердомъ* нашого брата записали? Ажé жъ ви знаєте по старосвітськихъ книжкахъ, що Іезуїти и інші кателіцькі попи, ще краще одъ васъ говорили про душевну освіту, и по селахъ босовогі міссії розсилали, мовъ би новіхъ апостолівъ постановивши, и багато зъ насъ до тої омани поквалилось и одъ простої віри мужичої ⁽¹⁾ одцепилось.... Що жъ вийшло? Брехня, та й годі!... Та чи одні жъ кателіки по городахъ людей и віршами, и всякою іншою словесностью обдурювали? Історія обману довша, якъ-би її списати, одъ історії щирої правди, — що, якъ-би перетрусити всі книгарні, якъ-би хто взявъ у руки такого ціпа, щобъ увесь той давній и недавній мотлохъ перемолотити, то чистого, праведного зерна чи набралось би й съ ківшъ. Самі ви се добре знаєте, а намъ изъ своїми книжками набиваетесь.... О, бо'дай васъ, цивилізаторів! У васъ усé тільки *сбыть и потребление* на умі! и якъ-би весь миръ закипівъ торгомъ, то вамъ би й раю Божого не треба.

Отъ же въ хуторахъ не дуже городянамъ віри доймають. Може, ви й справді поробились ужé святими, надивившись на свої старі гріхі, та хто жъ намъ за васъ у поруки стане? *Здався Ціманъ та на свої діти....* чи не така буде порука? Ваша правда — въ Бóга на суді, а передъ очіма въ насъ — тільки ваша кривда, починаючи съ того давнього віку, якъ ваши письменні, вельможні, и богаті предки прозвали и записали нашого брата смердомъ. Тимъ-то й не ймемо ми вамъ віри, хочъ, може, ви вже й присвятилися. Не дурно бо говорять: *Брехнёю світъ приидешъ, та назадъ не вернесся!*... Що жъ намъ ваша словесность друківана, коли самі ви намъ изневірились?... Що ви її собі вподобали, се намъ байдуже, бо ви й про Вольтєра (абó ваши діди, все одно) на пупъ кричали, що притьмомъ світъ

(1) Chłopska wiara — такъ всі кателіки на Україні зивали нашу віру въ XVI, XVII и XVIII вікахъ.

послі тьми осиявъ миръ; а Вольтеръ самъ написавъ, що слугамъ и черні нічого ёму сказати: се бъ то ёго публіка — самі пані, самі просвіщенні. Ви такъ не говоріте, якъ говорівъ и надрукувавъ великий учитель вашихъ прѣдківъ-городянъ. Ви вже не нахабою, якъ тоді водилося, а лагіднимъ словомъ, силкуєтесь прилүчити насъ до гуманної (лүчче бъ гумѣнной) громади. Ласкавенько насъ величаєте мужичками, и вже солóдкимъ панськимъ голоскомъ гукáете: *Паслушай! паслушай! эй ты! какъ тѣбя, любѣзнай, завуть? Полно тѣбѣ сидѣть за чаркою на васкрѣсныхъ дняхъ съ сасѣдамъ: лүчшь нá, вотъ, пачитай книжку, прасвьтись мальнька, друкъ ты нашъ спрдѣчнай!* И дүмаєте, що въ васъ *есть* щó сказати и слүгамъ, и потóмкамъ тихъ смѣрдівъ старосвітськихъ, що Варягамъ панщину робили. Эгѣ, мабуть, що *есть*, коли мужичокъ и *друкъ спрдѣчнай* махае тілько рукою одвертаючись! Коли жъ візьметця до книжки, то въ тій книзці не бѣде вашихъ химѣрь солóдкихъ: ту книжку написали люде, котóрі самі знали нүжду й напáсть усяку, котóрі не мчáлись віхремъ зъ дзвонками черезъ убогі сѣла, а своїми ногами заходили до людѣй у хату и на ніву та, приголүбивши до себе дитѣй мужичихъ, робомъ свого Учителя благого, — говорили праведнимъ словомъ до людѣй, навчаючи ихъ дүши спасати, а не кишѣні грішми начиняти. Отту книжку читали наші прѣдки за тисячу рóківъ до насъ, та й казали: *правда!* Ту книжку й ми читаємо, та й говоримо: *правда, на-віки правда!*... А ви про свої книжкѣ сто лѣтъ назáдъ кричали: *правда! ще крáще одъ самої правди!* а тепѣрь про ті жъ самі книжкѣ на весь миръ репетүєте: *брехня! а отсѣ, що ми самі написали, отсѣ вже правда!* Такъ когó жъ ви дүмаєте морóчити? малү дитїну, чи щó? Малá дитїна пійме вамъ віри, а мї, слава Бóгу, тисячу рóківъ, якъ себе зазнаємо и, почáвши одъ 'Олегівъ, котóрі до насъ на готóве приїшли, надивились доволі на всякихъ ошукáнцівъ.

Булі видючі и сліпі,
 Булі и штáтські и воєнні,
 Булі и панські и казѣнні,
 Булі миряне и попá.

Отгáкъ ми, добродію, одказуємо тимъ економїстамъ вашимъ столічнимъ, абó й тимъ прáктикамъ-поэтамъ, котóрі надъ міщанина, та надъ прáсола, та надъ цивилізованого куцака нічóго й

кращого въ світі не знають. А ви, добродію, певно не пораете нашому брату, хуторянину, свій тихий холодокъ на ту грукотняву та спеку міняти, або съ простої світи въ тії дорогі одѣжи вбіратися. На вашу *Основу* ми зъ доброю надією споглядаємо. Ми й самі вже такъ міркуємо: що нема и въ світі кращої одѣжини, якъ наша проста світа. Якъ подумаешъ, черезъ якіи вчінки люде собі тії саєти та оксаміти добувають, то, дalebі, вона въ нашій думці ссяє краще всякого дорогого каменю на тихъ жупанахъ, або широкіхъ панськихъ сукняхъ, — що ні одна жъ то гірка слезина на те шорсткє ткання не покотїлася!... Далєбі, здаєтци вона намъ якоюсь ніби святою рїзою; и въ одного Бoga тїлько краща одѣжа, якъ роскїне вінъ її одъ краю до краю небесї, усю въ зоряхъ блискучихъ.

Нехай собі грукотять и свїщуть чугунки, кому їхъ трєба. Колибъ намъ було трєба того дїва, то й ми бъ собі зробїли, бо громада — великий чоловікъ и якъ схоче, то на все добре спроможетца. Що жъ, коли не прийшовъ ище нашъ часъ про чугунки дбати? Ще, мѳже, трєба пєрше дворї й хатї повимїтувати та тогдї й до більшого дїла братись. Атѳ — тутъ насъ смїтїлмъ и всякимъ гнѳемъ закїдано, а намъ, забувши про свою бїдолашню госноду, слїдомъ за чужозємцемъ бігти!... Ні, ми такъ собі дїло розбїраємо, що, коли трєба на щось, щобъ одні люде, якъ отъ Ангєляне, попереду всїхъ ишли, то, мабуть, и те трєба, щобъ йнші, якъ отъ ми, украинські хуторяне, позаду зоставалися. Коли трєба, щобъ одні по городяхъ чўчверїли, якъ отъ наші бурхвци, то, мабуть, и тє трєба, щобъ другї по хуторахъ и сєлахъ мїцнїмъ, велїченимъ здоровьямъ, наче дубї зелєні, твєрдо на своїй рїдній землї стояли. Зновъ же, коли трєба на свїті такїхъ, щобъ усяку премудрѳсть книжню розумїли, то, певно, трєба й те, щобъ чоловікъ читавъ тїлько одну книжку, великий Завїтъ великого всемирнєго Учїтеля, а Божнїй миръ розумївъ бїльшъ сєрцемъ, нїжъ головою. Бо й самї отгї цивилїзатори нехай би розумѳмъ своїмъ збагнули: що бъ то було, якъ-бї нашъ братъ оддався всею душею ще иезуїтській науцї (а иезуїти пробували вчїти насъ и зъ голою шаблею)!... Цивилїзація, кажутъ, ведє чоловіка до всякого щастя.... А якъ же нї?... Що тодї, панѳве? дє тодї візьмете людєй свїжихъ душею и мїцнїхъ здоровьямъ, щобъ йншимъ рѳбомъ зопсѳвану по всїй землї жизнь по-

п'равити?... Такъ покiньте жъ хочъ насъ, б'удьте ласк'авi, по хутор'ахъ про зап'асъ: м'оже, ми в'ашимъ п'равнучкамъ згодим'ося. Пишiть собi тамъ и друк'уйте що-хот'я. М'оже, вон'о й д'обре ком'у сл'ухати васъ, тiлько не намъ. У насъ, пан'ове, на'ука сво'я, тисячолiтня: вон'а навчiла насъ бiльше сл'ухати п'раведного Сл'ова Б'ожого, анижъ лукавоi пан'ської м'ови. Колибъ ви такъ учiли, якъ учiвъ Христ'осъ, то ми бъ васъ посл'ухали одразу, ат'о ви учите не Б'огови, а мам'онi служити; золот'ому iдолу розумною своєю головою кл'аняєтесь, д'умаючи, що пiйшли ще дальшъ сам'оi Евангелiї.... »Просвiтiлись«, якъ той мовлявъ,

. . . . та ще й д'ругихъ
Х'очуть просвiтити;
С'онце п'равди показати
Слiпiмъ, б'ачишь, дiтямъ....

Покiньте, к'ажете, свої п'ростi хутор'янськi звич'аї — б'удете багатi. А на що жъ намъ, пан'ове, багатшними б'ути? Хиб'а в' насъ iсти й п'ити вiчого, аб'о нема сор'очки, свитiни й кожущiни, аб'о не т'епло намъ у на'шiй х'атi, аб'о нема п'ростору круг'омъ х'ати, аб'о нi за що намъ сп'равити по сво'єму зак'ону весiлля, чи родiнн'я, чи христ'янн'я, чи чог'о? На що жъ намъ те навiсне багатство? Хиб'а на те, щ'объ ожидовити? щ'объ не така душ'а бул'а в' насъ п'роста и милос'ердна? Аб'о на те, щ'объ, покiдавши сво'ю деш'еву, тисячолiтню од'єжу, рв'атись усiма сiлами, щ'объ на город'янську пих'у спромогтись, на ту ледащiцю м'оду, що на рiкъ по пять разъ перекр'оює с'укню, н'аче мал'а дитiна, гуляючи в' ляльки? Аб'о, м'оже, на те, щ'объ занедб'авши свої п'ростi звич'аї, вкiнутись у той дурний комфортъ, у ту iдол'ську р'оскiшъ, що нема iй нi мiри, нi в'пiну, нi наспити?... Д'обре намъ р'аєте, спасiбi вамъ! А по-на'шому, такъ чоловiкови за сво'ю п'росту, домотк'аву свiту т'р'еба об'ом'а руками держатись. Се ёго в'оля! Се ёго зат'ула одъ дiявольскоi пок'уси — м'оди, кот'ора васъ, город'янн'я, до тяжкоi роб'оти аб'о до лукавихъ вiгадокъ и вiдумокъ день и нiчъ поган'яє. Тимъ-то боронi Б'оже, якъ-бi вс'яке в' насъ до книжокъ город'янськихъ хап'алося, покiнувши сво'ю еди'ну книжку, та й пон'яло в'ашимъ книжкамъ вiри бiльшъ, нiжъ тiй спас'еннiй, п'раведнiй книзцi! Було бъ, м'оже, те, що всi зжидовили бъ и за гр'оши рiднихъ батькiвъ попрода-

ли. Що тамъ десь, за моремъ, шматокъ Америки цивилизацію трощки на добрий ладъ б'удимъ-то справивъ, влучи попередъ усєго світу, то се ми знаємо и радуємось. Нехай тимъ людцямъ хорощимъ та богобоязливимъ и до конця служить фортуна у великому ділі. Тільки жъ намъ рано ще слідомъ за ними бігти, не виправшись перше съ тимъ, псє чимъ вони добре випоралися. Якъ жє намъ, удавшись не по своєму розуму и не по своїй розумній волі, у цивилизацію, та тимъ тільки зробити зъ сєбе ні Бóгу свічку, ні чóрту кочерєжку, то лóчче намъ у своїй шорсткій корі ще рóківъ зъ сóтню пережити та тогдї вже її зъ сєбе зл'упцити, якъ не стане въ насъ на Україні дє-якої погани, котóra у всяке дóбре діло мішаєтця и всяке дóбре діло псує и нивечить.

Такъ ми, добродію, про городянські науки и городянську словєсность собі міркуємо. Прощу вáшої лáски, надрукуйте сей листъ мій у своїй *Основі*. Нехай тїи комфортабельні чоловіколюбци не д'уже надъ нашою дóлею вболівáють. Не погáна дóля нáша, хлїборóбська й чумáцька, хвалїти Бóга! Не промінáємо ми її на городянську, нїби-то крáщу, и свїти своєї чєсної и неповінної не оддамó ні за якї саєти и оксамїти. Колї жъ моє слóво припадє й гєть-то вамъ до смак'у, то я не зарїкáюсь до кóжної вáшої книжки свїй листокъ доложїти и про все, щó ми, гутъ сїдя, ч'ємо, абó чптáємо, и якъ про щó собі потїху г'уторимо, вислєбизувати. Ви своєю *Основою* видаєтє про насъ, Українцївъ, то трєба й знáти вамъ, якъ ми про щó д'умаємо. Мóже, добродію, и въ васъ у *Основі* б'удє щó не по-нашому, то вже — вибачáйте — не вмовчимо, а такъ-такї, якъ воно здáстця намъ, такъ вамъ гарнєнько й виспїваємо. Хвалї жъ одъ насъ нїякої не ждїте, бо сь того вамъ корїсти булó бъ не багáто.

Х у т о р я ц и н ь .

ВІСТІ.

ЗЪ ПОЛТАВИ.

(Декабрь 1860.)

.... Ми собі такъ мизькуємо, добродію, що »Осно́ва« повинна бѣ
бути на рідній українській мові, та вже ви, ма́бутъ, се діло зна́е-
те лүчче, ніжъ ми́. Отъ же ми всѣ-таки бѣдемо сподіватись, що,
чимъ-да́льшъ, »Осно́ва« вся бѣде въ на́шій любій мові,

»Що ма́ти співа́ла,
Якъ ма́лого спови́вала,
Зъ ма́лимъ розмови́ла.«

Українська мо́ва годітця не для одні́хъ віршівъ; на їй и тепе́рь
мо́жна говори́ти й писати *про все на́ше*, такъ-таки́, якъ и на
їншихъ. Такъ собі дүмаючи, пишү до ва́сь пе́рвні вiстi по-на́-
шому; мо́же, на мій листъ обивүтця зъ други́хъ сторо́нъ розум-
ніши лю́де и при́датніше напи́шуть. Отта́къ, по-тро́ху, по-тро́ху,
та й дійде́мъ до то́го, що про все писати́мемъ по-украї́нськи. Бо
чи то́жъ-таки́ не со́ромъ — лі́зти до сусі́да въ кишéню за сло́-
вомъ? хиба́ у на́сь сво́го нема́? Пора́, пора́ намъ додүма́тця до
власно́ї літерату́рної мові.

I.

Почина́ючи листи зъ Полта́ви, першъ усёго ска́жемо, що ми
не бѣде́мъ дүже ши́роко розмовля́ти: бѣде зъ на́сь и то́го, що по-
дамо́ земляка́мъ звістку объ уся́кімъ грома́дськімъ ділі, хоча́ бѣ
воно́ здало́ся й непоказни́мъ, бо ко́жне грома́дське діло — не самé
тільки діло, абó случа́й, а ра́зомъ и вели́ка истори́чна робо́та.
Ні́ якé діло само́-зъ-себе́ не ро́дитця. Не збудүе́шъ буди́нку, не

поставивши зпершу сторчівъ; такъ-само п жодна розумна робота не буде міцна и кріпка, якъ не матиме підъ собою сторчівъ, — да не зразу вона й виявитця. Одно коліно людей поставить сторчі для якого-небудь розумного діла; друге введе, на тихъ сторчяхъ, стіни; трейте, зновъ, постановить кришу, а четвёртому вже доведетьця тамъ и жити. Такъ на всімъ Божімъ світі роблятьця громадські діла, — ті будівки розуму, добра и слави. Хто до сего ще не додумався, нехай же пильно вдивитця въ жизнь якъ не свого, то іншихъ народівъ.

Скажемо свою коротеньку річъ до шановної громади. Любі мої земляки! Не рёмствуйте дуже на мене, коли, часомъ, чого не впадаєте въ моїхъ листяхъ: бо ви добре знаєте, що се первий починъ писання листівъ на нашої рідній мові. Чи способна вона для такихъ листівъ — побачимо.

Почне́мъ наші вісті про Полтаву зъ того, що найближче лежить коло нашого и громадського серця, въ чому найбільший вжитокъ для народу вбачаемо, що робить людей и розумними, и добримы, и правдивими, — се бь то грамота и школи.

Зъ 1859 року на 1860, въ Полтавськихъ школахъ училось: хлопцівъ — въ гимназіі — 371, въ кадётському корпусі — 371, въ духовній школі — 193, въ повітовій — 40, въ приходській — 42, въ школі чистопи́сцівъ — 50, въ школі п. Таксіса — 28, въ німе́цкій — 28 и въ єврейській 19; дівчатъ — въ институті для панночокъ — 208, въ приюті — 37, да въ частнихъ школахъ п. п. Лерцеръ, Кемингъ, Дейнеки и Антиповоі — 176, а всіхъ хлопцівъ и дівчатъ 1557. Здавалося бь, що для гóрода, въ котрому живе дюдей 27,000, більше й не треба, — тільки жь ні. Сіми школами нўжда народнєі грамотності дуже не здовольнялась, бо тутъ учились діти самихъ богачівъ та панівъ, а неспроможнихъ людей. Звісне діло: въ одній школі — *итатъ*, у другій — *велика плата*. Всі вбачали, яка велика *треба* народнєі грамотності у насъ передъ очима, всі зрозуміли, що наука и грамотность однаковісенько полєзні и тімъ, котрі думаютъ бути колись сўдьями та єнералами, и тімъ, котрі весь вікъ звикують — хто надъ обручємъ, хто за чоботомъ, хто за плугомъ. День одо дня, часъ одъ часу, нўжда въ грамоті чўлася більше и більше. Спасибі́ Бóгу, найшлись добрі люде, що помогли́ народу въ біді, и 1860 рікъ на-віки-вічні зостанетьця памятнімъ для Полтави; бо

ще тільки недавно блиснувъ світъ грамотності на нашихъ темнихъ братівъ. П. Завгостовъ завівъ школу при городській тюрмі, и самъ чотирі рази у тиждень ходить учить тамъ дітій. Квітня 24-го одкрита у насъ недільна безплатна школа; въ неї, зъ першого разу, прийшло учитьця 35 душъ; міжъ ними були и семилітки и сороколітні; теперъ въ сій школі учитьця тріхи не 200 душъ. — Недавно педагогічна рада 'тсії школи випустила до громади печатний листъ, котримъ запрошує всякого, хто захоче завітати у школу, або на раду, виказувати чи на речахъ, чи на папірі, свої уваги и думки про школу. Се діло дуже добре, бо нехай буде хоч який розумний чоловікъ, а все-таки громада розумній відъ ёго; сама громада повинна робити, и найлучче зробить, своє громадське діло.

Ще зъ 1858 року стали у насъ думати, якъ би завести дівочу школу: думали про се тільки самі учителі, а громада, мовъ вельможна пані, сідла собі зложивши рўки, а черезъ те и діло йшло дуже туго. Ми уже тріхи-тріхи не сказали, що ще не дорослі ми до того, щобъ заводити дівочі школи, ажъ-ось—то сягъ, то такъ, а добра думка не загїбла безслідно, и 26 сёрпня одкрили Дівоче Учїлище, у котримъ теперъ учитьця 203 дівчатъ; міжъ ними є и панночки, и крєпачки, и купцівни, и міщанки, и козачки. За Полтавську дівочу гимназію доволі уже говорили, а ми одъ себе скажемо тільки отъ-що: якъ наша шановна громада и далі буде чужими рукама жаръ загрибати, то гимназія, постоявши сімъ літъ, у которі ніхто зъ учителівъ не братиме плати за свою працю, на восьме літо бұхне; бо тоді буде потрібно що року 15,000 карбіванцівъ, — а де вони? Правда, Полтавська громада купцівъ (панська громада ще мовчатъ) положила давати одъ себе що року на гимназію 500 р., та й то, на раді у думі, одинъ багатий купецъ загомонивъ такъ: «наша громада не тільки неповинна давати гріши на гимназію, а намъ и гимназія не потрібна: бо зъ неї вийде не польза, а такє безголівье, що й сказати не можна!» Що маєте робити! Е ще по світу люде и такі розумні, що кажуть: «по насъ, абї були дїні да кавунї,— ми и безъ грамотності проживемо;—а-жъ батькі наші жили?»— и такі підсліповаті, що не тільки самі не вірять въ пользу одъ науки, а ще й другихъ лають и бьють за те, що зьохочуюця учитись.

Народня охота ясно показує, що потреба грамотності у нас ще не вдовольнилась и новими школами. Одному чоловіку в Полтаві прийшла думка завести в празники народні чтенія и розкази про те, що повинне знати усяке. Для народу се було б дуже добре діло, коли б вонó не зосталося тільки одною думкою. Ще б краще, коли б завести у нас народній театр и книгарию, щоб кожному неспроміжнóму можна було брати книжки и читати без грошей. В Полтаві е дві книгари: Изопóлською и Чижакá, а ні в одній, да таки й відé, нема дешéвих народних книжокъ. На що лóчче! у нас и досі нема, на нашій мові, святого Евангелія! А придивітця-лишь до сільскихъ школярівъ, и зараз побачите, щоб то за велика була польза, коли б тихъ школярівъ учили не на церковній, а на рідній українській мові, котру дитина чула змáлечку и котрою вона промовила перве слово. Не одбивалась би дитина одъ родини, не лізла б в канцеляристи, а зоставалась б у рідній хаті, при своєй рідлі, — здалась би на добро и собі й людянь, — та й до науки бралися б охитніше; ато в Полтавській губерні на 130 селянь доводітця одиць тільки письменний... Чи тожь не соромъ?

О л е к с а н д р ь П е р е х о д о в е ц ь .

ВЪ Г. БОРЗНИ (ЧЕРНИГ. ГУБ.)

(29 ноябрь 1860.)

— — »Спасібі, кажутъ, спасібі за »Основу«, велике. А якъ якé спасібі, то й за гроші, мовлявъ, не купишь. Нехай же вамъ Господь спорить... Коли уподобали моє писанне, то нехай вонó вамъ буде на *вхідчини*, коли не побрэгаете и нашою крїхтою.

Що жъ вамъ добраго сказаати? Теперъ 29-те ноябрь, а у насъ гáрно на двóрі якъ у Бóга за двермі: зéлено, якъ на весні; ўтки хлюпошутця, а гуси усé герчечуть и здіймаютьця, мовъ летіть хочуть. Люде кажутъ—гнила зима́ буде: горенько жъ наше, якъ снїгъ не впаде! И торішню зиму, у Пилипівку, ще пахали,—десь и теперъ такъ буде; усé то в світі змінилось... и люде. Було, объ Микóлі уже й лаштýсся на Московщину зъ

України; було тільки й думки абі Сеймъ перемахну́ть, щобъ лідь не провалився підъ нами, теперъ—щó ёго й робити? и тамъ ще, кажуть, грязюка....

Ось щцё що: казану річъ вамъ скаж́у, а не свою. Дівчина одна мені такъ одповідала: »У насъ ё теперъ шко́ла, и за старого попá бу́ла, да ма́ло учениківъ. Накидомъ берé старшина́ учи́ть, пла́чуть и кудкудáчуть ба́тько й ма́ти, а трéба 'дда́ть!... ба́чте, трéба світочку ші́ть, а ні-за-що спомогт́ися, и велáть чі́сто воді́ть. Иноді піпъ и самъ заходіть по хата́мъ, такъ ёму́ й говорáть: »да́йте чо́боти дит́ині, да й беріть.«

А у насъ, въ Борзні, и до́сі не відно неді́льної шко́ли, бо нема́ одностáйности, однод́умства въ грома́ді.

ЗЪ-ПІДЪ НІЗВИНА (ЧЕРНИГ. ГУБ.)

— — Ось-що розказала мині одна перепечáйка: »стали казáть, що прислана така бума́га, щóбъ попí дит́ей учіли гра́моті, Бо́же, якъ израділи! оцё *моя* (дочка десятилітня) усé сидіть у вікна́, усé гулькъ та гулькъ у вікно́: да чом́у ужé той піпъ не йде́? И я рада, щóбъ учіли мою́ дит́ину. Я у одному́ селі бу́ла, а тамъ дівчина пятна́дцяти годъ—якъ гукне́ співа́ть на кри́ласі, дакъ и д́умаю: коли́бъ и мою́ взяли! та́къ же причудёсно, якъ я́нгелі зъ не́ба. Да под́умаешъ — якъ же́ житло́ такé, що вийде́ замі́жъ, та несча́сне бу́де, дакъ нехай́ учітця: хочъ розу́мне бу́де. *Вонó* не багáто у мене́ зробіть.—Отъ, дїждáли, почалі збіра́ть. дит́ей по селу́: въ одінъ дéнь трі́дцять душъ. Зібра́ли молебна, до дакъ́ інше и не перехрїститця-поспіша́е, да такъ и цілу́е Евангеліе, такъ и па́дають, якъ тїі овечáта до водо́пóйла.«

ИЗЪ ПОЛТАВЫ.

(6 декабрь 1860.)

Полтавская Женская Гимназія. Добрыя дѣла имѣютъ истинное свое значеніе, когда совершаются въ тишинѣ, спокойно, безъ возгласовъ, безъ напращиваній на рукоплесканія, безъ разныхъ наружныхъ

обстановокъ. Это неоспоримая христіанская истина для тѣхъ, кто дѣлаетъ доброе дѣло: но она необязательна для тѣхъ, кто его видитъ; постороннему свидѣтелю позволительно выявить доброе дѣло и возбудить къ нему сочувствіе общественнаго мнѣнія.

Въ этомъ убѣжденіи и съ этою цѣлью, я намѣренъ разсказать о происхожденіи и учрежденіи Полтавской женской гимназіи (1). Официально называется она женскимъ училищемъ 1-го разряда, но учащіеся и все общество не называютъ её иначе, какъ женская гимназія, а потому и я удерживаю это названіе для женскаго учебнаго заведенія, открытаго въ Полтавѣ въ августѣ мѣсяцѣ 1860 года.

Я не нарушу той благородной скромности, съ которою началось, устроилось и осуществилось предложеніе объ этой гимназіи; я не назыву ни чьего имени, а постараюсь представить только бѣглый очеркъ знаменательнаго событія нашей общественной жизни.

Одинъ изъ преподавателей Полтавскаго кадетскаго корпуса, въ концѣ 1857 года, сообщилъ двумъ-тремъ своимъ товарищамъ мысль свою о пользѣ, которую могло бы принести, въ настоящее время, учрежденіе женскаго открытаго учебнаго заведенія въ Полтавѣ; для осуществленія такого предположенія, однимъ изъ надежныхъ ручательствъ признавалъ онъ согласіе учителей принять на себя безмездное преподаваніе въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Благородная мысль скоро встрѣтила сочувствіе. Не прошло недѣли, какъ болѣе 20 учителей кадетскаго корпуса, гимназіи, института благородныхъ дѣвицъ, выразили готовность жертвовать своими трудами. Въ тоже время и въ томъ же кругу, супруги и сестры учителей изъявили желаніе принять на себя званіе классныхъ дамъ, и дежурить поочередно въ предполагаемой гимназіи. День ото дня увеличивался рядъ великодушныхъ людей, жертвовавшихъ своимъ трудомъ, и скоро не осталось въ Полтавѣ ни одного почти учителя, который бы не принялъ участія въ этомъ честномъ дѣлѣ.

Когда, такимъ образомъ, положено было основаніе предпріятію, учредители сочли долгомъ заявить о своемъ намѣреніи мѣстному начальству получили разрѣшеніе имѣть частныя совѣщанія, для составленія проекта гимназіи и обсужденія нѣкоторыхъ мѣръ для пріобрѣтенія необходимыхъ матеріальныхъ средствъ.

(1) По особому случаю, я имѣлъ возможность узнать всѣ сообщаемыя здѣсь подробности и буду радъ, если благородное дѣло получитъ наибольшую извѣстность посредствомъ журналовъ. Соч.

Между-тѣмъ, 29-го мая 1858 года, послѣдовало положеніе о женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, на основаніи котораго учрежденіе въ Полтавѣ женской гимназіи, могло принять офіціальную форму. Пока шла переписка, въ обществѣ начало болѣе и болѣе выражаться сочувствіе къ предположенію. Явились денежные приношенія, подписки на ежегодный взносъ на извѣстное число лѣтъ, предприняты спектакли любителей, лотереи, и мало-по-малу къ тому времени, когда попечитель Кіевскаго учебнаго округа, Н. И. Пироговъ, разрѣшилъ открытіе женскаго училища, утвердивъ съ нѣкоторыми измѣненіями здѣшній проектъ, — въ пользу гимназіи уже составила наличная сумма до 3,400 р. да по подпискамъ на ежегодные взносы, отъ 5 и до 7 лѣтъ, 950 р. Но предстоялъ вопросъ: рѣшиться ли съ этими средствами открывать гимназію, на ежегодныя издержки которой, независимо отъ первоначальнаго обузаведенія, потребуется не менѣе 2,000 р. Собрались учредители — и твердые въ своемъ великодушномъ намѣреніи — трудиться безмездно въ теченіи 7 лѣтъ, твердые въ убѣжденіи пользы, которую принесетъ это учрежденіе, согрѣтые надеждою, что Богъ благословитъ честное, доброе дѣло, — единогласно рѣшили открыть гимназію съ перваго же полугодія академическаго 1860 года. Это происходило въ іюнь мѣсяцѣ; учредители избрали тогда же, изъ среды себя, распорядителей для отысканія помѣщенія, и приготовления всего того, что называется первоначальнымъ обузаведеніемъ. Оставалось избрать начальницу для будущей гимназіи и выборъ палъ единогласно на супругу директора Полтавскихъ училищъ, г-жу Данилевскую.

Дѣятельность распорядителей дала возможность открыть гимназію съ 26-го августа. За двѣ недѣли до этого дня начались приемныя экзамены: на первый явилось 27 дѣвицъ; на второй 34, и по мѣрѣ того, какъ болѣе и болѣе распространялись въ обществѣ слухи о вниманіи, предупредительности, ободрительныхъ приемахъ экзаменаторовъ, увеличивалось число желающихъ ноступить въ гимназію: къ дню открытія было уже 136.

26-го августа совершилось открытіе гимназіи безъ всякой пышной обстановки, безъ парадныхъ завтраковъ и неизбежнаго шампанскаго, — съ тою же скромностію, съ какою началось самое дѣло, и которая ниѣтъ гораздо болѣе внутренняго смысла, чѣмъ натянутая, подготовленная, условленная и условная торжественность. Огромное множество посѣтителей наполняло довольно обширную залу гимназіи; тутъ были представители всѣхъ вѣдомствъ, — шитые мундиры и простые кафта-

ны; тутъ были нарядныя шляпки и платочки на головахъ и пестрая густая масса дѣтей разныхъ сословій и возрастовъ — воспитанницы открываемой гимназіи. Послѣ обычныхъ молитвъ, произнесли рѣчи одинъ изъ законоучителей, одинъ изъ преподавателей, и начальникъ губерніи. Тѣмъ торжество и кончилось; присутствошіе были одушевлены и поздравляли другъ друга. Съ чѣмъ?... Но объ этомъ — послѣ; здѣсь простой разсказъ событія, а не разсужденіе о женскомъ воспитаніи.

Черезъ нѣсколько дней начались классы. Число желающихъ поступить въ Гимназію прибавлялось съ каждымъ днемъ, и достигло такой цифры, что педагогическій совѣтъ долженъ былъ прекратить дальнѣйшій пріемъ, по совершенному недостатку помѣщенія. Въмѣстѣ съ увеличеніемъ числа воспитанницъ изъ всѣхъ сословій, росло и сочувствіе общества къ гимназіи. Сочувствіе это выразилось въ желаніи многихъ дамъ, (кромѣ тѣхъ, которыя приняли на себя званіе класныхъ дамъ еще до открытія училища), взять на себя такія же обязанности.

Полтавская женская гимназія, въ своей учебной организаціи и во многихъ другихъ отношеніяхъ, имѣетъ особенности, которыя ее отличаютъ отъ существовавшихъ до-нынѣ женскихъ учебныхъ заведеній. Гимназія раздѣлена на 7 классовъ; первый называется приготовительнымъ: туда поступаютъ, бесплатно, дѣти незнающія вовсе грамоты, или знакомыя только съ азбукою; въ прочіе классы принимаются по экзамену и съ платою 10 р. ср. въ годъ за общій курсъ. Желающія платятъ еще за обученіе музыкѣ 25 р. и танцамъ — 5 р. ср., въ годъ. Сверхъ того, желающимъ преподается англійскій языкъ, съ платою 2 р. ср. за урокъ, сколько бы въ классѣ ни было воспитанницъ. Послѣдовательность преподаванія распределена такъ, что курсъ 2, 3 и 4 классовъ представляетъ законченность въ краткомъ объемѣ преподаваемыхъ предметовъ; съ 5 класса начинается высшее отдѣленіе гимназіи, и предметы преподаванія получаютъ большее развитіе; съ 6 класса входятъ въ курсъ педагогика, гигиена, очеркъ русскихъ основныхъ законовъ о государственномъ устройствѣ и о гражданскихъ правахъ, и домоводство. Кромѣ ученицъ, допускаются въ гимназію и вольныя слушательницы, которыя, за право слушанія лекцій, платятъ тоже 10 р. въ годъ. Въ настоящее время открыты 6 классовъ; въ 6-й классъ нѣкоторые поступили ученицами для продолженія своего домашняго воспитанія, и кончившія учебные курсы частныхъ пансіоновъ. Вольными слушательницами поступили кончившія или домашнее учебное образованіе, или пансіонское; многія изъ

нихъ посѣщаютъ всѣ лекціи 6 класса, другія только нѣкоторыя лекціи, по выбору (1).

Наша гимназія не только открытое учебное заведеніе для учащихся, но также открыта и для общества. Всякій, сказавшись начальницѣ, можетъ посѣтить гимназію.

И вотъ, уже три мѣсяца какъ стройною, тихою жизнію живетъ Полтавская гимназія, приобретающая каждый день болѣе и болѣе довѣрія и убѣждая общественное сознаніе въ пользѣ такого учебнаго заведенія. При видѣ той добросовѣстности, той любви, съ какою всѣ участвующіе въ этомъ добромъ дѣлѣ, исполняютъ принятыя на себя обязанности, сочувствіе больше и больше распространяется въ обществѣ. Достоинѣйшій примѣръ подаеть всѣмъ начальница. Счастливіе выбора нельзя было сдѣлать: дѣятельность г-жи Данилевской сосредоточена преимущественно на гимназіи; ежедневно, отъ 9 до 3-хъ часовъ, она тамъ, внимательная ко всему и одинаково-ласковая ко всѣмъ воспитанницамъ, изъ которыхъ многія не привыкли къ ласкѣ и вниманію постороннихъ.

Полтава справедливо можетъ гордиться своей гимназіей, которая вызвана къ жизни единственно сознаніемъ пользы общественной, и создается не на богатые приношенія богатыхъ гражданъ, а на великодушную жертвѣ тружениковъ, приносящихъ весь свой капиталъ — знаніе и время. — Пожелаемъ, чтобъ содѣйствіе общества соответствовало той пользѣ, которую, несомнѣнно, доставить ему это учрежденіе и тому благородству, терпѣнію и настойчивости въ стремленіи къ достойной цѣли, которое показали на дѣлѣ учредители. Христіанское общество должно помнить завѣтъ Христа: »кто приметъ одно дитя во имя мое, тотъ меня приметъ.«

Средства гимназіи далеко несоразмѣрны съ ея назначеніемъ, и потому невольно представляется тревожный вопросъ: неужели это прекрасное явленіе нашей общественной жизни будетъ существовать только 7 лѣтъ! Собранныя до-сихъ-поръ сумма, ежегодные взносы, плата за право ученія и благотворительныя предпріятія, со всею вѣроятностію, покроютъ, въ теченіи 7 лѣтъ, издержки на наемъ помѣщенія, отопленіе, жалованье смотрительницѣ, прислугѣ и другія необходимыя издерж-

(1) Въ настоящее время составъ гимназіи слѣдующій: начальница, учителей 68, классныхъ дамъ 42; ученицъ: въ 1-мъ классѣ въ 1-мъ отдѣленіи 37, во 2-мъ отдѣленіи 53; во 2-мъ классѣ 56; въ 3-мъ 23; въ 4-мъ 16, въ 5-мъ 11, въ 6-мъ 9. Вольныхъ слушательницъ 14. На жалованьи: смотрительница гимназіи, 4 служанки и 2 сторожа. Соч.

ки. Но когда къ этимъ издержкамъ нужно будетъ присоединить самую значительную:—плату учителямъ, начальницѣ и класснымъ дамамъ, — откуда явятся на это средства??

Пусть разрешить этотъ вопросъ общество, т. е. — какъ я понимаю—соединеніе всѣхъ сословій, для которыхъ—для всѣхъ безъ различія — открыты двери женской гимназіи (¹).

ЖИТЕЛЬ ПОЛТАВЫ.

ИЗЪ-ПОДЪ КІЕВА.

(17 декабря 1860).

Замѣтка о грамматкѣ г. Кулиша, изданной въ 1857 году, въ Петербургѣ (²). Эта книжица, просмотрѣнная духовною и свѣтскою цензурою, и предназначенная для простолюдиновъ и для людей, не получившихъ школьнаго образованія, возбудила у насъ въ Кіевѣ различныя толки. Одни говорили: *блаю!* другіе же: *ні, но льститъ языки*. Хвалители съ хулителями діаметрально расходились во мнѣніяхъ. Появленіе и немедленное исчезновеніе *Грамматки* въ Кіевѣ и, вообще, на правой сторонѣ Днѣпра, казалось намъ необъяснимымъ и предвѣщало ей мало успѣха, не смотря на несомнѣнную и давнюю потребность въ книгѣ для народнаго обученія. — Между тѣмъ, Грамматка сдѣлалась рѣдкою; въ отвѣтъ на наше требованіе о высылкѣ довольно значительнаго числа экземпляровъ, насъ извѣщаютъ, что она ужъ разошлась. Кто были ея покупатели? Ужъ конечно не космополиты - Украинцы, которые пошли далѣе своихъ сѣверныхъ соплеменниковъ въ равнодушіи къ своей народности. И не тѣ также обитатели Украины, которые убѣждены, что въ ней долженъ господствовать исключительно языкъ Чарнецкихъ да Конецпольскихъ, или Ломоносова

(¹) Редакція «Основы» съ удовольствіемъ будетъ отправлять, по назначенію, пожертвованія въ пользу Полтавской женской гимназіи и другихъ народныхъ училищъ, нуждающихся въ пособіи. Въ каждой книжкѣ «Основы» будутъ печататься свѣдѣнія о количествѣ и употребленіи пожертвованій, если они получатся.

(²) Справедливость и желаніе полнѣе и безпристрастнѣе изучать мнѣнія южнорусскаго общества побуждаютъ насъ напечатать это письмо, касающееся одного изъ главныхъ сотрудниковъ «Основы». *Ред.*

и Карамзина. Не жители столицъ и не жители большихъ городовъ. Кто же? Неужто убогіе поселяне, продолжающіе говорить роднымъ языкомъ въ своихъ семействахъ? Но вѣдь книжка не дешева для нихъ: *цѣна 50 к., съ пересылкою 70 к. сер.* Да и книжныхъ лавокъ въ утѣд-ныхъ городахъ у насъ не имѣется. Неужто они выписывали изъ сто-лицъ? Дѣло невозможное! Издателя обвиняли у насъ въ высокой цѣнѣ, которую онъ назначилъ своей книжкѣ. Теперь, когда книжка разошлась, его будутъ обвинять еще больше. Говорятъ, *Грама́тка* напечатана въ 3,000 экземплярахъ. Съ уступкой книгопродавцамъ 20%, и съ выче-томъ издержекъ на изданіе, она должна доставить чистой выгоды болѣе 1,000 р. сер. Это слишкомъ большое вознагражденіе за такой малый трудъ. »Не напрасно г. Кулишъ любитъ украинскую народность!« восклицаютъ у насъ нѣкоторые. »Онъ работаетъ для нея не изъ одной люб-ви къ предмету«, слышишь нерѣдко въ нашихъ кружкахъ (хотя этотъ путь къ обогащенію, если онъ возможенъ, никому не загражденъ). Но какъ же, въ самомъ дѣлѣ, разошлась *Грама́тка*, напечатанная въ Пе-тербургѣ и опубликованная по высокой цѣнѣ? Мы объ этомъ развѣдыва-ли и считаемъ своею обязанностію довести до общаго свѣдѣнія слѣдую-щіе факты. Въ Кіевѣ проводятъ зиму два богатые украинскіе помѣщика, которымъ издатель продалъ 1,000 экземпляровъ *Грама́тки* по 15 к. для раздачи крестьянамъ. Въ этомъ могутъ удостовѣриться многіе отъ нихъ самихъ, какъ отъ лицъ, очень замѣтныхъ въ нашемъ обществѣ. (Къ сожалѣнію, мы не вправѣ назвать ихъ здѣсь по именамъ). По расчисленіи издержекъ на напечатаніе (просимъ принять въ соображеніе достоинство бумаги и печатя, виньетки и переплетъ) ⁽¹⁾ оказа-лось, что издателю самому обошелся каждый экземпляръ дороже 15 к. Послѣ это-го онъ продавалъ лицамъ, покупавшимъ книжку для убогой своей братіи, по 20 к. Мы знаемъ нѣсколько такихъ лицъ. Укажемъ еще на одинъ фактъ: въ Полтавѣ, просвѣщенные люди сдѣлали складчину, купили око-ло 500 экземпляровъ *Грама́тки* по 20 к. сер. у комиссіонера г. Ку-лиша, книгопродавца Э. Г. Чижака, и роздали убогимъ горожанамъ и поселянамъ. Чтó мы должны заключить изъ этого? Тó, что *Грама́тка* напечатана собственно для тѣхъ, которые въ книжныя лавки не ходятъ

(1) Видно, что г. Кулишъ занимался *Грама́ткой* съ теплою любовью, — не такъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ многіе производители книгъ для *низшаго класса*. Самый переплетъ доказываетъ, что г. Кулишъ позаботился и о томъ, чтобъ деньга, добытая кровопотнымъ трудомъ, не пропала даромъ, чтобъ книжка не обратилась въ оборванные куски, прежде нежели ее прочтутъ.

и изъ большихъ городовъ книгъ не выписываютъ, а цѣна выставлена для людей, которые покупаютъ книги въ такую же цѣну, и которыхъ, на 5,000 экземпляровъ *Граматы*, едва ли имѣлось въ виду и 50 человекъ. Дѣйствительно, намъ пишутъ изъ Петербурга, что про *Граматы* и не слышать тамъ по книжнымъ магазинамъ.

Итакъ, вотъ у насъ какъ оцѣниваются труды на пользу общую, труды скромные (авторъ не выставилъ своего имени) и безкорыстные. О *Граматы* г. Кулиша мы не читали ни одного печатнаго слова. Никто не обратилъ вниманія на замѣчательныя статьи, изъ которыхъ она составлена, на превосходный языкъ, какимъ она написана, а кривыхъ толковъ наслушались мы вдоволь. Нѣтъ больше *Граматы* г. Кулиша въ продажѣ. 5,000 ея разошлось въ теченіе двухъ лѣтъ послѣ появленія въ продажѣ. Покупателями ея были люди убогіе, или тѣ, кто объ убогихъ и малосвѣдущихъ заботится. Этихъ фактовъ довольно для того, чтобы издатель былъ доволенъ своимъ трудомъ, за который онъ, по видимому, не получилъ ничего и не разсчитывалъ получить что-либо. А кривые толки онъ долженъ былъ предвидѣть.

II. Горницкій.

ИЗЪ АНАНЬЕВА (ХЕРС. ГУБ.)

(20 декабря 1860.)

Гдѣ грамота — тамъ просвѣщенье,

Гдѣ просвѣщенье — тамъ добро.

А. Пушкинъ.

Спѣшу сообщить объ открытіи народной школы въ нашемъ околоткѣ, именно въ С. Черномъ-кутѣ. Школа эта устроена по мысли и желанію Николая Павловича Чернова, сына владѣлицы этого селенія. Преподаетъ въ ней Г. Шварцъ, кандидатъ правъ Кіевскаго Университета. — Когда я посѣтилъ школу, г. Шварцъ занимался съ своими слушателями урокомъ изъ географіи. Въ классѣ было 15 мальчиковъ, внимательно слушавшихъ преподавателя и съ толкомъ отвѣчавшихъ на вопросы, которые преподаватель задавалъ имъ въ теченіи своего разсказа.

Г-нъ Шварцъ держится прекрасной методы преподаванія на народномъ языкѣ, что для него, какъ для Нѣмца по рожденію, довольно трудно; но излагая свой предметъ потягую и занимательно, онъ постоянно поддерживаетъ вниманіе своихъ учениковъ. Принужденій въ этой школѣ никакихъ не существуетъ, приходятъ только желающіе. Въ день моего по-

сѣщенія было только 15 учениковъ, по случаю ненастной погоды, но въ другіе дни, по словамъ г. Шварца, собирается отъ 20 до 30.

При мнѣ и дѣвушки просили позволенія посѣщать школу, на что, разумѣется, изъявлено было полное согласіе. — Опасаюсь только за будущность этой школы, потому что г. Шварцъ, по обстоятельствамъ, врядъ ли долго здѣсь пробудеть, и врядъ ли найдется достойный ему преемникъ. — Но какъ бы ни было кратковременно существованіе этой школы, она все таки, при методѣ преподаванія г. Шварца, принесетъ пользу, возбудивъ въ молодомъ поколѣніи охоту къ ученію; а нашъ народный поэтъ говоритъ:

Разъ добромъ наліте сѣрце
Вікъ не прохолоне...

Михаилъ Левченко.

ИЗЪ ПОДОЛИ.

(Декабрь, 1860.)

Сообщаю вамъ короткое свѣдѣніе о новомъ плугѣ помѣщика Подольской губерніи г. Краснова. Стараясь улучшить свое сельское хозяйство, г. Красновъ пришелъ къ убѣжденію, что вмѣсто введенія у насъ на югѣ заграничныхъ плуговъ, прекрасно примѣненныхъ къ мѣстнымъ требованіямъ, гораздо разумнѣе усовершенствовать нашъ, украинскій плугъ, съ недавна употребляемый въ черноземной полосѣ Россіи. Какъ бы ни была дурна конструкція послѣдняго, а все таки онъ не даромъ не могъ быть и до сихъ поръ вытѣсненъ изъ употребленія плугами иностранными.

Старанія г. Краснова увѣнчались значительнымъ успѣхомъ. Новый плугъ чисто желѣзный и, не смотря на то, не тяжелъ. Лучшимъ доказательствомъ его достоинства можетъ служить то, что многіе изъ окрестныхъ помѣщиковъ уже ввели его въ свои хозяйства, хотя онъ появился на свѣтъ только въ настоящемъ (1860) году. Цѣна его, на мѣстѣ — съ небольшимъ 16 р. с. Я слышала, что г. Красновъ намѣренъ устроить у себя большое заведеніе, въ которомъ будутъ изготовляться его плуги для продажи. Въ наступающемъ году я буду имѣть случай повѣрить собственнымъ опытомъ преимущества новаго плуга предъ другими. Проживая постоянно на югѣ, постараюсь сообщать въ «Основѣ» свѣдѣнія о ходѣ мѣстной торговли и промышленности.

П. Ловко.

ВОПРОСЫ РЕДАКЦИИ.

1. Неизвѣстны ли кому неизданныя еще историческія думы, пѣсни и преданія, также рукописные старинные дневники, записки, историческія повѣствованія, подъ названіемъ хроникъ, хроничокъ, лѣтописей, повѣстей и т. п.?

2. Не занимается ли кто изслѣдованіемъ юридическихъ народныхъ обычаевъ, стариннаго общественаго устройства и промышленнаго быта южно-русскихъ городовъ и мѣстечекъ?

3. Не имѣть ли кто у себя снимковъ съ разныхъ старинныхъ и современныхъ замѣчательныхъ почему-либо построекъ и, вообще, не занимается ли кто наблюденіемъ надъ народною архитектурою и разнаго рода украшеніями, изстари употребительными въ южно-русскомъ краѣ?

4. Нѣтъ ли у кого каталоговъ старыхъ библіотекъ и архивовъ?

5. Какъ идетъ у насъ межеваніе, какъ принимается оно народомъ и какіе народные обычаи наблюдаются на югѣ при межеваніи?

6. Каковъ въ нынѣшнее время ходъ книжной торговли на югѣ, какія книги преимущественно раскупаются и читаются, сколько и какихъ именно журналовъ и газетъ наиболѣе выписывается въ разныя мѣста южно-русскаго края? Гдѣ и какія на югѣ типографіи?

Редакція принимаетъ на себя издержки какъ на доставленіе ей разныхъ матеріаловъ въ подлинникъ или списокъ, такъ и на почтовую переписку. Доставленные рукописи будутъ, по минованіи въ нихъ надобности, возвращены въ полной сохранности. Уплата издержекъ можетъ быть сдѣлана деньгами или почтовыми марками, вложенными въ письмо.

Редакція проситъ читателей обратить вниманіе на объясненіе къ программѣ «Основы» и содѣйствовать ея задачѣ сообщеніемъ сообразныхъ съ программю статей и свѣдѣній, касающихся разныхъ сторонъ южно-русской жизни.

ОТВѢТЫ РЕДАКЦИИ.

П. П. Б-л-у-П-с-у, въ Прилуки. Редакція весьма благодарна за доставленіе ей сочиненій П. П. Она дастъ объ нихъ отчетъ по прочтеніи, а между тѣмъ усердно проситъ сообщить подробное жизнеописаніе П.

П., или, по крайней мѣрѣ, свѣденія о дѣятельности его какъ педагога, и о послѣдствіяхъ этой дѣятельности.

Д. П. Г-в-р-л-у, въ Черный Ярѣ. Ожидаемъ обѣщанной статьи, чтобъ потомъ, согласно вашему желанію, высказать вамъ мнѣніе наше и о другихъ вашихъ опытахъ; а между тѣмъ просимъ васъ собрать свѣдѣнія о переселенцахъ съ юга въ Астраханской губерніи.

Н. С. Г-р-б-н-у, въ Одессу. Не получивъ отвѣта на письмо отъ 23 сентября, редація находится въ неизвѣстности, какъ поступить съ статью: «Очерки» — и проч. Она можетъ быть напечатана въ «Основѣ», только съ весьма значительными сокращеніями и на опредѣлительныхъ условіяхъ, какіе сообщите, если, разумѣется, они будутъ приняты редакціею.

В. Эд. Д-к-у, въ Ахтырку. Редація можетъ назначить плату за юридическіе акты только по разсмотрѣніи и опредѣленіи ихъ важности. — Архивъ, хранящій въ себѣ, по вашимъ словамъ, бумаги, писанныя за 600 лѣтъ до нашего времени, представляетъ необычайное у насъ явленіе. Хорошо ли вы ихъ разобрали??

Г.-Ө. К-ст-н-у, во Владиміръ. Весьма вамъ благодарны за письмо и за пѣсню.

П. Ал. Л-к-у, въ Харьковѣ. Съ благодарностью принимаемъ ваше предложеніе — сообщать свѣденія о ходѣ торговли и промышленности на югѣ, и будемъ ожидать ихъ съ нетерпѣніемъ.

Неизвѣстному въ Козелецѣ. Весьма благодарны вамъ за присланные по почтѣ юридическіе акты прошлаго столѣтія.

Н. Ив. Н-в-у, въ Одессу. Ждемъ отвѣта на наше письмо и надѣемся, что ваши труды будутъ полезны «Основѣ».

П-р-л-к-н-му, въ Тагакрогѣ. Ваши стихи «К-б-нь Дн-пр-і» не могутъ быть напечатаны въ «Основѣ». Земля В. Ч-м-го или К-б-н-го всегда будетъ входить въ кругъ предметовъ нашего вѣстника, такъ какъ онъ посвященъ изученію всего края, населеннаго южно-русскимъ народомъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ УКРАИНСКАГО СЛОВАРЯ.

Давно я началъ собирать матеріалы для украинскаго словаря, но безпрестанно попадающіяся въ печати и въ народномъ говорѣ новыя слова убѣждаютъ меня, что языкъ украинскій далеко еще не исчерпанъ моимъ собраніемъ. Между тѣмъ, съ каждымъ годомъ, надобность въ

украинскомъ словарѣ дѣлается настоятельно. Откладывать его изданіе до тѣхъ поръ, пока онъ не вберетъ въ себя всю наличность живой украинской рѣчи—значило бы останавливать, въ нѣкоторой степени, изученіе нашего языка въ читающемъ обществѣ, котораго вниманіе возбуждено въ послѣднее время нашею изустною и письменною словестностью. Сознаніе недостаточности моего собранія удерживаетъ меня отъ изданія далеко неполнаго лексикографическаго труда, но желаніе содѣйствовать уясненію украинской народности побуждаетъ меня сдѣлать общедоступнымъ многое, что до сихъ поръ было извѣстно только специалистамъ. Рѣшаюсь напечатать свой украинскій словарь въ томъ видѣ, въ какомъ онъ у меня находится. Но, какъ составленіемъ подобнаго словаря, безъ сомнѣнія, занимаются многіе неизвѣстные мнѣ любители нашего роднаго слова, то я прошу ихъ прислать мнѣ свои сборники. Печатаніе словаря не можетъ идти быстро, по необходимости—держать корректуру нѣсколькимъ лицамъ, а потому всякая присылка поспѣетъ во-время. Кроме того, я нарочно откладываю печатаніе до февраля, настоящаго года, чтобы дать время прислать ко мнѣ вспомогательные матеріалы. Считаю нужнымъ прибавить, что словарь мой будетъ заключать въ себѣ, во первыхъ, слова, употребляемые народомъ въ разговорахъ; во вторыхъ, слова, выбранныя изъ народныхъ пословицъ, пѣсенъ, преданій, сказокъ и т. п.; въ третьихъ, слова, содержащіяся въ сочиненіяхъ лучшихъ нашихъ писателей. При каждомъ словѣ будетъ одинъ или нѣсколько примѣровъ его употребленія. Для того, чтобы представить слово не въ изолированномъ, сухомъ, лексиконномъ видѣ, а въ его живой обстановкѣ, я выбиралъ лучшія, характеристическія мѣста изъ народной поэзіи и литературы. Такимъ образомъ, словарь мой будетъ вмѣстѣ и хрестоматія небольшихъ отрывковъ, которыхъ чтеніе познакомитъ cadaго съ нашей рѣчью, въ разнообразныхъ ея примѣненіяхъ. Въ предисловіи къ словарю будетъ помѣщена краткая грамматика украинскаго языка.

Какъ ни мало удовлетворяетъ самого меня этотъ лексикографическій трудъ, но появленіе-то его въ его несовершенномъ видѣ и вызоветъ скорѣе всего замѣчанія и дополненія, которыхъ теперь мнѣ не достаетъ, для окончательной его полноты и совершенства, при всемъ содѣйствіи, которое мнѣ оказываютъ нѣсколько моихъ соотечественниковъ, работающихъ, здѣсь въ Петербургѣ, вмѣстѣ со мною на литературномъ поприщѣ, именно: А. М. Барвинокъ, В. М. Бѣлозерскій; Н. И. Костомаровъ, А. В. Марковичъ, Н. Д. Мизко, М. Т. Номисъ, А. Л. Пестржецкій, Т. Г. Шевченко, М. Г. Щербакъ и другіе.

П. Кулишъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ РИСУНКОВЪ ИЗЪ ЮЖНОРУССКОЙ ПРИРОДЫ И ЖИЗНИ.

Во время своихъ путешествій по разнымъ частямъ Россіи, я соби-
ралъ народныя сказки, преданія, повѣрья и пѣсни, а также старался
схватить особенности лицъ и одежду, различныя мѣстности и проявле-
нія архитектурнаго вкуса, доказывающія возможность существованія на-
шего самобытнаго народнаго зодчества. Изъ собраннаго мною запаса ри-
сунковъ и замѣтокъ, я издаю тѣ, которыя относятся до Украины, на-
дѣясь этимъ принести пользу, сколько-нибудь ускоривъ изученіе нашей
народности.

Если это собраніе рисунковъ заслужитъ вниманіе хотя немногихъ
просвѣщенныхъ любителей южно-русской народности, — ежели мой трудъ
пробудитъ искреннее сочувствіе хотя бы въ одномъ сердцѣ и *поло-
жить начало новому, болѣе обширному, собранію*, — то цѣль моя
достигнута.

Для доставленія предлагаемому изданію болѣшей достовѣрности, и для
облегченія любителямъ наводить справки, — при каждомъ рисункѣ бу-
детъ указаніе — съ чего и когда онъ сдѣланъ. О художественномъ до-
стоинствѣ рисунковъ — буду стараться по мѣрѣ силъ.

Какъ было бы любопытно увидѣть теперь подобное собраніе рисун-
ковъ не только изъ жизни отдаленныхъ временъ Козачества, но и го-
раздо позднѣйшихъ! Какая это была бы подмога теперь, для историче-
скихъ картинъ, для этнографіи, археологіи и самой исторіи! Иногда без-
дѣлица объясняетъ цѣлый рядъ вѣрованій и историческаго развитія.

Трудъ мой не есть спеціальное изданіе древностей, археологіи, или
народной архитектуры: сюда войдетъ все это, какъ часть цѣлаго, въ
связи съ современною жизнію, — какъ впечатлѣнія путешественника.
Собирая рисунки, я не всегда имѣлъ возможность оканчивать ихъ на
мѣстѣ, а потому они и будутъ передаваемы въ томъ видѣ, въ какомъ
были сдѣланы, безъ малѣйшаго дополненія или измѣненія. Я дорожилъ

чертою, которую добылъ съ натуры, и не позволяя себѣ дальнѣйшаго окончанія въ кабинетѣ, боясь впасть въ ошибки отъ самовластныхъ догадокъ.

Я буду благодаренъ каждому за всякое дѣльное замѣчаніе, — а тѣмъ болѣе — за доставленіе мнѣ рисунковъ современныхъ ли, съ натуры, — или старинныхъ; но прошу *точно* указывать — гдѣ рисунки собраны, отъ кого получены, въ какое время, съ чего сняты и, даже, при какихъ обстоятельствахъ. Поясненія къ рисункамъ, иногда довольно пространныя, будутъ, по мѣрѣ надобности, помѣщаются въ »Основы«.

Я готовъ помѣщать въ своемъ изданіи также и произведенія художниковъ, изображающія мѣстность и жизнь южно-русскую, но только тогда, когда буду имѣть возможность — сдѣлать съ оригинала снимокъ самый точный, вполне передающій мысль и чувство художника.

Изданіе поступитъ въ продажу съ *апрѣля мѣсяца* настоящаго, 1861, года будетъ выходить два рисунка каждый мѣсяць. Хотя выпускъ рисунковъ начнется съ апрѣля, но въ теченіи года выйдутъ всѣ 24 рисунка.

Имѣя прямое сношеніе съ Парижемъ, и получая матеріалъ оттуда изъ первыхъ рукъ; рисуя, гравирова и печатая самъ, — я избавляюсь отъ большихъ издержекъ, и потому могу избавить и публику отъ лишняго расхода, назначая цѣну: *4 р. ср. съ пересылкою* за годовое изданіе, состоящее изъ 24-хъ рисунковъ, — *для тѣхъ лицъ, которыя подписались на »Основу«*, а для прочихъ — *5 р. ср. безъ пересылки и 6 р. ср. съ пересылкой*; — отдѣльно, за каждый рисунокъ, 30 коп. сер., а за всѣ 24 рисунка, вмѣстѣ, когда они будутъ изданы, значится цѣна *6 р. ср. безъ пересылки*.

Всѣ рисунки будутъ гравированы на мѣди, отпечатаны на китайской бумагѣ, и наклеены на толстую, бѣлую, лучшую французскую бумагу, въ размѣрѣ »Основы«. Иногородные будутъ получать рисунки ежемѣсячно.

Желающихъ получить мей *Украинскій Альбомъ* покорнѣйше прошу четко и точно прописывать свою фамилію и мѣсто жительства и обращаться съ требованіями на имя *Льва Михайловича Жемчужникова, въ С. Петербургъ, на Васильевскомъ островѣ по 10 линіи, въ домъ Соловьева*; или на имя редактора »Основы«, *Василія Михайловича Бллозерскаго, въ С. Петербургъ, у Круглаго рынка, въ домъ Принца Ольденбургскаго*.

Л Е В Ъ Ж Е М Ч У Ж Н И К О В Ъ .

ОБЪЯСНЕНИЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 1-Й КНИЖКЪ «ОСНОВЫ».

Замѣтка. Прилагая объясненіе неудобопонятныхъ южнорусскихъ словъ къ первой книжкѣ, редація намѣрена продолжать это во все время изданія «Основы», но для избѣжанія напрасныхъ повтореній, въ послѣдующихъ книжкахъ будутъ помѣщаемы тѣ только слова, которыя не вошли въ предшествовавшія.

Южнорусскій языкъ, которымъ говоритъ 14 милліоновъ народа, на огромномъ пространствѣ, съ весьма разнообразными мѣстными условіями климата, почвы, образа жизни, исторіи, вѣрованій, характера и нравовъ, отразилъ въ себѣ это разнообразіе природы и жизни, и сложился въ нѣсколько нарѣчій и говоровъ.

При недостаткѣ у насъ словарей, путешествій, народоописаній, никто, безъ—сомнѣнія, не можетъ похвалиться совершеннымъ знаніемъ всѣхъ оттѣнковъ южнорусскаго языка. Мы не разъ были свидѣтелями филологическихъ споровъ, которые ничѣмъ не рѣшались, въ которыхъ противники не убѣждали ни себя взаимно, ни слушателей, оттого, что каждый зналъ лишь большую или меньшую часть (но только часть) своей родной земли, прислушался къ говору, видныхъ лишь съ своего берега, волнь широкаго, вѣками образовавшагося моря народной рѣчи.

Съ тѣхъ поръ какъ стали внимательнѣе изучать человѣка вообще, важность познанія какого бы то ни было языка, хотя бы самаго бѣднаго, признана всѣми. Познаніе *нашего* языка, во всей его обширности, важно какъ средство для полнѣйшаго выраженія жизни, думъ чувствъ нашего народа, какъ необходимое естественное орудіе для его образованія. Изданіе южнорусскаго словаря, предпринимаемое

П. А. Кулишомъ, восполнить одинъ изъ чувствительнѣйшихъ недостатковъ нашего языкознанія, но этого еще мало. Словарю необходимо держаться опредѣленной системы, а извѣстно, что никакая система не въ состояннн обнять всего разнообразія жизни, всѣхъ, часто мало-замѣтныхъ, почти-неуловимыхъ, тонкостей и особенностей живаго народнаго слова. Чтобы приблизить время полнѣйшаго филологическаго познанія или по крайней мѣрѣ подготовленія данныхъ для обработки нѣкоторыхъ частей въ нашемъ языкознаннн, для грамматики, фонетики, и т. д., редакція «Основы» признаетъ единственнымъ, возможнымъ въ нынѣшнее время, средствомъ — просить всѣхъ, кто знаетъ народный языкъ, или можетъ, по мѣсту своего жительства, прислушиваться къ народному говору: 1) сообщать въ редакцію «Основы» замѣчанія обо всѣхъ отличіяхъ (въ произношеннн, удареніяхъ, значеннн словъ и т. п.) мѣстнаго нарѣчія отъ того, какое употребляется писателями, участвующими въ «Основѣ»; 2) независимо отъ этихъ частныхъ замѣтокъ, сообщать и самыя краткія и отрывочныя наблюденія надъ языкомъ, и болѣе значительныя филологическія труды; 3) съ величайшею точностью и подробностью указывать мѣстность, а если возможно — происхожденнн, состояннн и мѣсто жительства лица, отъ котораго услышано слово или выраженнн, въ новомъ видѣ, даже самыя обстоятельства, при которыхъ сдѣлано наблюденнн; и 4) при доставленнн руководствъ по разнымъ учебнымъ и хозяйственнымъ предметамъ на народномъ языкѣ (*), объяснять — какаго нарѣчія сочинитель держался при составленнн своей книги, — гдѣ встрѣчалъ малоупотребительныя слова, имъ принятыя, — какииъ соображенннмъ онъ руководствовался, составляя новыя слова для выраженнн новыхъ понятій, и для названія предметовъ, не вошедшихъ еще въ кругъ народной жизни, и почему предпочелъ свое слово тому, которое, съ подобнымъ же значенннмъ, употребляется въ живой рѣчи, въ изустной словесности, или же въ письменныхъ, старинныхъ и новѣйшихъ, произведеніяхъ.

Дѣло созидается совмѣстнымъ трудомъ многихъ. По частнымъ замѣткамъ, дружно и добросовѣстно собираемымъ, мы мало-по-малу уяснимъ себѣ и другимъ нашъ языкъ во всемъ его объемѣ и положимъ начало той обработкѣ роднаго слова, которой уже достигли другіе наши

(*) Редакція уже имѣетъ въ виду священную исторію, ариметику и геометрію нелажал бы получить географію, космографію, фнзнку и проч.

соплеменники съ помощью многихъ писателей, обществъ, академій, журналовъ, и т. п. Разумѣется, нашъ трудъ будетъ полонъ недостатковъ; мы слишкомъ отдалены отъ народа, чтобъ создать литературный языкъ, который обнялъ бы весь духъ его и поднялъ на высшую степень его нравственное развитіе; многое изъ того, что намъ теперь нравится, народъ со временемъ, быть можетъ, отвергнетъ; но тѣмъ почтеннѣе будутъ въ глазахъ его безкорыстные усилія людей, разрабатывающихъ родной языкъ съ главною цѣлю—послужить честно нашимъ *хліборобамъ*, нашей сиротствующей въ умственномъ усидненіи, братіи, такъ долго и терпѣливо намъ служившей,—послужить въ томъ, чѣмъ теперь некогда ей заняться. — В. Б.

Абѣ—лишь бы.

Абѣ—или; развѣ.

Авжѣжъ—конечно, разумѣется.

Аделѣ, аделѣ, а дѣлѣ—загѣмъ; па-
конецъ.

Ажѣ—вѣдь.

Багатѣрь, -ъ—богатый, богачъ.

Багато, багѣцько—много.

Бадилле, баділля—ботва, бурлякъ,
большіе стебли грубыхъ травянистыхъ
растений.

Байдуже—нипочемъ, все равно.

Байракъ—должна, поросшая глѣ-
сомъ.

Балѣкати—говорить, разговаривать.

Барвінокъ (віпса)—любимое наро-
домъ растение, не теряющее зелени и
зимомъ.

Баритисъ—ищкать.

Баштанъ—бахча.

Бжолѣ—пчела.

Безнапѣсний—безпечальный, бла-
женный.

Безсумний—беззаботный, веселый.

Бідолака, бідолаха—бѣднякъ.

Бігти—бѣжать.

Бодѣй—т. е. Богъ дай—пускай

Божевильний—помѣшенный.

Воржій—скорый.

Ворікати—бодать.

Воромити—препятствовать, запре-
щать; оборонять.

Ворошию—мука.

Воячко—робко; страшно.

Влагѣщий—умоляющій.

Влискавка, -вляця—молнія.

Блукати—съ—волочиться, бродить.

Брама—большіе ворота.

Братъ у-дрѣгихъ—двородный

братъ.

Брехвй—ложь.

Бублѣшниця, бублѣшниця—при-

готовляющая и продающая бѣблѣки.

Бѣблѣкъ—баранокъ, обварной крен-

дель.

Бѣбонці—бубенчики.

Будінокъ—зданіе; господскій домъ.

Бѣлка—брычка.

Бузувѣрь—басурмакъ, изувѣрь.

Бурлакувати—оставаться нежела-

тымъ.

Бѣча—шумная ссора.

Бѣчний—пышный, роскошный, шум-

ный.

Вѣдити—вредить, злоумышлять; кле-
ветать;—тошнить.

Вѣжитисъ—отваживаться, рѣшаться.

Вѣжко—тяжело.

Вѣпеникъ—производитель извести.

Вѣрта—стража.

Вартувати—сторожить.

Вбачѣтця—усматривается, видно.

Вбѣратисъ—одѣваться.

Вважати—обращать вниманіе.

Вважливо—внимательно.

Ввѣдливий—внимательный, преду-
предительный.

Вгважати—умолять, утихать; пере-
ставать.

Вдѣча—характеръ; удача.

Вдѣгати—одѣвать.

Вѣлко—много.

Величѣнный—огромный, большущій.

Вередова́ти — капризничать, прихотничать.

Ве́рхи — верхомъ.

Весілля — свадьба.

Вжახну́тись — испугаться, встревожиться.

Вибача́ти — извинять.

Ви́гада — выдумка, затѣя.

Ви́годова́ти — выкармливать, выращивать.

Ви́гукну́ти — выкрикнуть.

Ви́д — лице; образъ.

Ви́зволи́тись — высвободиться.

Ви́кохати — воспитать, вырастить;

Ви́мага́ти — домогаться.

Ви́мовити — вымолвить, проговорить; произнести; укорить; выговорить (при условіяхъ).

Ви́нний — виновный, должникъ.

Ви́паля́ти — стрѣлять; выжигать.

Ви́ряжа́ти — провожать, отправлять, снаряжать.

Ви́слебизува́ти — высказать, высказать.

Ви́спивати — пропѣть (отчетливо).

Ви́тришковати́ — пучеглазый.

Ви́шукува́ти — изыскивать; отыскивать, находить.

Ви́щити, а́ти — визжать.

Ви́дмага́тись — отговариваться.

Ви́да — извѣщеніе, увѣдомленіе.

Ви́драдісно — отрадно.

Ви́ко́ница — ставня.

Ви́но — приданое.

Ви́ри по́няти — повѣрить.

Ви́рши ви́ршувати — слагать стихи.

Ви́тати — приглашать; привѣтствовать.

(Ви́чи) очи, у ви́чи — глаза, въ глаза.

Ви́щувати — предвѣщать.

Ви́вча́тись — убраться голову пѣтьями.

Ви́лепа́тись — наладить на одно, броситься на что-нибудь.

Ви́лякати — позвать.

Ви́ку́пи — вмѣсть.

Ви́ласне — точно, именно, будто.

Ви́ласка́витись — умилюстивиться.

Ви́ча́ти — замѣчать.

Ви́овля́ти — уговаривать.

Ви́рухну́тись — шевельнуться.

Ви́пнѣ — удержъ, угомонъ.

Ви́пнѣти — удерживать, останавливать.

Ви́пно (опечатка) **ви. ва́пно, ва́нна** — извѣсть.

(Ви́подоба) До ви́подоби — по душѣ.

Ви́подоба́ти — полюбить.

Ви́прати — покончить.

Ви́придо́бити — снабдить, устроить.

Ви́родли́вий — красивый.

Ви́спля́ти — спать, досыпать.

Ви́текти — уйти.

Ви́тома — усталость, истома.

Ви́труча́ти — вѣшшивать.

Ви́хідчини, ви́ходини — обычай угощенія, связанный съ новосельемъ и освященіемъ хаты.

Ви́хти́ий — желающій, охотникъ.

Ви́хо́пити — схватить.

Ви́хо́питись — ухватиться.

Ви́чи́нок — дѣло, поступокъ.

Ви́чу́ти — досышать.

Ви́-оста́нне — въ послѣдній разъ.

Га́ба — парча.

Га́дати — думать, раздумывать, замышлять.

Га́дюка-чка — амѣя, змѣйка.

(Га́йтця) — га́ятись — мѣшкать.

Га́й — роща.

Га́йдама́ка — самозванный козакъ, бунтовщикъ; разбойникъ.

Га́нити — порицать, порочить.

Га́нчѣрка — тряпка.

Га́ньба́ — безчестіе.

Га́раздъ — крѣпко, совсѣмъ, хорошо, какъ слѣдуетъ.

Га́рбу́зъ — тыква.

Га́рно — хорошо, красиво.

Ге́ть! — прочь.

Ги́нути — погибать.

Ги́лля́стий — вѣтвистый.

Ги́лечки́ — кувшины.

Ги́пнити — гнѣсти.

Го́ди́нка — часочекъ; хорошая погода.

Го́ди́ти — угождать.

Го́ді! — полно! довольно!

Го́дно — достойно; слѣдуетъ.

Го́лосно — громко.

Го́минь — говоръ, шумъ.

Го́нча́ръ, — горшечникъ.

Го́рище — чердакъ.

Го́спода́ — домъ, дворъ.

Го́спода́рство — хозяйство.

(Го́сти́на) у-го́сти́ну — въ гости.

Го́робецъ — воробей.

Го́робина — рябина; грабина.

Гра́йворонъ, га́йворонъ — грачь.

Гра́къ — грачь.

Гри́нути — вскрикнуть на кого, забранить.

Гро́ма́да — общество; мірская сходка.

Гро́ма́дський — общественный, мірской.

Гру́бка — печка.

Гру́кнати, гру́кнати — стукнуть, хлопнуть (дверьми), загремѣть.

Грукотнѣй — стукъ.

Гукати — громко звать, восклицать.

Гукъ — звукъ густой, сильный.

Гуркѣй, гурокѣй, угірокѣй — огурцы, огурецъ.

Густѣй — гудѣть.

Гущовина, гущиня — глущь (лѣсная).

Гучливий — гулящій, жужжащій.

Далебі, далибі — ей-Богу.

Даннѣй — заговорное (волшебн.) питье.

Дарѣние — напрасно.

Дарма! — ничего!

Дармо, дарма — напрасно, даромъ.

Дѣбати — заботиться, приобрѣтати.

Двигати — двигаться, дрожать, рѣять.

Дѣ — гдѣ.

Деренчати — дребезжать.

Десь — гдѣ-то, вѣроятно.

Дзвѣнь — колоколь.

Дзвѣнкѣй — звонкѣй.

Дзвѣннѣй — громкѣй, какъ колоколь.

Дзвонами см. Дзвѣнь

Дивитись — смотрѣть.

Дивовати — дивиться.

Дитина — дитя, ребенокъ

Дівчя, дівчата — дѣвушка, дѣвцы.

Дівчина — дѣвушка.

Дідуганъ — глубокой старикъ.

Ділько — чортъ.

Дісне — именно, настоящимъ образомъ, въ-точности.

Добачати — увидѣть, досмотрѣться.

Добрѣти — одобрять, хвалить.

Добродій — господинъ, суляръ; благодѣтель.

Добромъ — совершенно.

Довѣдатись — узнать, развѣдать.

Довіку — до смерти, навѣкъ.

Доводити — доказывать, выставлять, убѣждать.

Догана — опороченье, обида.

Доглядъ — надсмотръ, попеченіе.

Догодити — угодить.

Докупи — въ одно мѣсто, вмѣстѣ.

Долівка — полъ (земляной), доль.

Долігати — донимать, беспокоить, тяготѣть.

Долоня — задопъ.

Дошовина — тробъ.

Допрікъ — упрекъ, укоръ.

Дорікати — упрекать, укорять.

Дорожнѣта — дороговизна.

До-сподоби — по вкусу, по праву, по сердцу.

Доступити — получить; подойти; достигнуть.

Доторкнутись — дотронуться.

Дочувати — слышать; ощущать (запахъ).

Драгліти — дрожать, нависнуть (отучахъ).

Дривнѣнко — мелко; часто, скоро (уменьшит.).

Дробина — домашняя птица.

Друквати — печатать (типограф.).

Дукачъ — металлическое украшеніе, привѣшенное къ монисту, — чаще всего золотая монета, съ изображеніемъ Божьей Матери.

Дурити — обманывать.

Дурпій — глупый, дуракъ; сумасшедшій.

Дурно — напрасно, незаслуженно, безъ-основанія.

Едвѣбъ — шелковая матерія.

Единѣчка — единственная дочь.

Жаба — лягушка.

Жадати — сильно желать, жаждать.

Жадібка — желаніе, жажда.

Жадний — никакой.

Жадоба — желаніе, жажда.

Жалоши — сѣтованіе; сожалѣваніе.

Жалувати — жалѣть; ласкать.

Жаль — горестъ, сожалѣніе, сокрушеніе.

Жарина — раскаленный уголь.

Жартъ — шутка.

Жаханье, вжахання — ужасъ, тревога.

Жахнутись — ахнуть, ужаснуться.

Живий — оживленный, живой, молодцоватый.

Жданки — ожиданія.

(Жене)гнати — гнать; бѣжать сильно.

Живосиломъ — насильно.

Житній — ржаной.

Жіеня — горсть.

Жовніръ — солдатъ (польскій).

Жодний — ни одинъ, никакой.

Жонки — женщины; жены.

Жорець — жерновъ.

Жупанъ — кафтанъ особаго покрою.

Журба — тоска, гореванье.

Журити — печалить.

Журливо — тоскливо, печально, задумчиво.

Забавка — забава, игра; игрушка.

Забажати — пожелать сильно.

Забарити — задержать, замѣдлить.

Забити — убить; ушибить.

Заборонити — запрещать.

Завважати — замѣчать.

Завболити — захотѣть, изъявить желаніе.

Завернутись — воротиться.

Завестись — начать ссору, заспорить.

Завідати—навѣстить.
 Завістити—извѣстить, объявить.
 Завітати—навѣдаться; пригласить.
 Завсѣди } всегда.
 Завсюди }
 Загадати—задуматься.
 Загинути—погибнуть.
 Загомоніти—заговорить.
 Загорода—скотный дворъ.
 Загостювати—загоститься.
 Загубити—потерять.
 Загуртъ—вмѣстѣ, вообще.
 Задѣятись—замедлить, промѣшкать.
 Заживати—употреблять.
 Зажурити—опечалить.
 Задалегідь—задолго, заблаговременно, напередъ, прежде времени, съдалека.
 Зазнѣтись—познакомиться, спознаться.
 Займати—трогать, задѣвать.
 Заказати—запретить.
 Закаблѹки—подборы каблукъ.
 Заквилѣть—заголосить.
 Закохатись—влюбиться, пристраститься.
 Закрапити—заканать.
 Залѣтчикъ—сватающійся, искатель.
 Залицѣтись—ухаживать, волочить-ся.
 Залишити—оставить безъ вниманія, кинуть, забыть.
 Заміяти—промѣнять.
 Заміти—лишиться чувствъ.
 Замѣжний—богатый, зажиточный.
 Замутитица—взволноваться.
 Занедбати—пренебречь, забыть, запустить.
 Занедужать—заболѣть, занемочь.
 Занепадати—хворать.
 Занехати—пренебречь, запустить.
 Запалити—зажечь.
 Запеклий—закоренѣлый, закоспѣлый.
 Запитати—спросить.
 Заплющити—замурить (глаза).
 Запобігти—въ пору спохватиться, предупредить.
 Запомнати—(Клим.) забыть.
 Запрядати—пряжей зарабатывать хлѣбъ.
 Запсувати—испортить.
 Заразъ—тотчасъ.
 Зарані—съ позаранку, съ ранняго утра.
 Зарватись—броситься необдуманно.
 Заручена—обрученная.
 Заручини—обрученіе.
 Засмаленый—загорѣлый, обожженный.

Засоромитись—застыдиться, потупиться.
 Застувати—заслонять свѣтъ собой, (застѣть).
 Засягти—достичь, захватить.
 Затого—скоро уже.
 Затрусѣтись—задрожать.
 Затѹла—защита, убѣжище.
 Зачепити—зацѣпить, завязать, задѣть.
 Зачинѣтись—затвориться.
 Зачипати—загрогивать.
 Захід—сборы, приготовления.
 Заховати—спрятать.
 Зацвиріювати—зачиркать.
 Збавляти—лишать, уменьшать; губить.
 Збагнути—уразумѣть, понять.
 Збачити—извинить.
 Збитий—избитый.
 Збіжжа, збѣже—движимое имущество: зерновой хлѣбъ, домашняя рухлядь и др.
 Збіліти—поблѣднѣть.
 Зборонати—мѣшать, пренятствовать.
 Збѹти,-сь—лишиться, потерять.
 Зважитись—отважиться, рѣшиться.
 Звертати—поворачивать; сворачивать.
 Звестись—подняться, встать (съ мѣста).
 Звѣкнути—привыкнуть,
 Звичайненько (уменьш.)—прилично, мило.
 Звітки—откуда.
 Звѣлитись—захотѣть, согласиться.
 Згадувати—вспоминать.
 (Згѣрний) Незгѣрний—неспособный.
 Згланутись—умилостивиться.
 Згордувати—пренебречь.
 Згорнути—сложить, прижать.
 Згукнуть—вскрикнуть, воскликнуть.
 Здивоватись—изумиться, удивиться.
 (Здійметця) здійснѣтись, знятись—подняться, взлетѣть.
 (Здолавъ) здолати, здолати—быть въ состояніи, въ силахъ, мочь.
 Здоровий—большущій; здоровоый.
 Здорово—крѣико, много; здоровоо.
 Землянинъ—постоянный житель въ сельскомъ обществѣ.
 Зирнути—зиркнуть—взглянуть.
 Зілля—былинка.
 Зілля—растения.

Зірка—звѣзда (на небѣ).
Зітхнути — вздохнуть.
Злишнього — лишкомъ.
Злодій — воръ.
Злущити—соскобать, смистить.
Змагаться — спорить, мѣряться,
не смалчивать.
Змалювати — нарисовать красками.
Змарніти — перебинтиться къ худ-
шему (о наружности), исхудать.
Зміркуватись — столкноватись.
Знатниця — знахарка.
Зневага — неуваженіе, униженіе.
Зневажати — унижать, лишать ува-
женія.
Зненацька—внезапно, нечаянно.
Зозуля, аузуля — кукушка.
Зорі — звѣзды (небесныя).
Зостріти — встрѣтить.
Зотривати—обождать, повременить.
Зрадіти — измѣнить.
Зрадіти — обрадоваться.
Зробити — сдѣлать.
Зрушити — тронуть, взволновать.
Зупинитись — останавливаться.
Зусіти — встрѣтить, завидѣть.
Зъ-боку — со стороны, съскося.
Зъ-гори — сверху, поверхъ.
Зъорати — вспахать.

Зна́въ — снова.

Зно́ди — иногда.

(Имѣтца), нітись—браться, итти.
(Иміся) нітись — стремиться,
ждать, браться.

Иновірний — доврчивый; достой-
ный вѣры.

Каду́къ — нечистая сила.

Катъ—палачъ, мучитель.

Кайдани—кандалы; цѣпи.

Каченя—утёнокъ.

Кваті́рочка—форточка въ окнѣ.

Ква́титись—лыститься, завлскать-
ся, бросаться на что.

Квіліти—стонать, жаловаться, голо-
сать; писать.

Кво́лій—слабѣе.

Кий—палка.

Кільки—сколько, вѣсколько.

Кіснйки—узенькія ленточки, въ вѣ-
которыхъ мѣстахъ шерстяныя и даже
спурочки, по большей части красныя—
вылетаютъ дѣвшками въ косы.

Клу́ня — рига.

Кова́локъ—кусокъ.

Кова́ль—кузнецъ.

Кожу́шавка—крытый женскій ту-
лупчикъ.

Кобітись—совершаться (о дурномъ).

Ко́лі—когда; если.

Ко́лі-бъ—если-бъ, когда-бы.

Ко́лішній—бывшій нѣкогда.

Колотити—мутить.

Комі́нь—труба.

Комі́рець—воротничекъ.

Конання—издыханіе.

Конче — необходимо, непременно;
окончательно.

Копá—30 копѣекъ асс.; въ исчисленіи
другихъ предметовъ—60.

Копи́ця—копна.

Коре́ць—ковнць.

Кори́сть—польза, выгода, приобрѣ-
теніе.

Кормі́га—ядро, игло.

Коротесе́нька — коротенькая; низка-
го роста (о женщ.).

Коритись—покоряться.

Кортіти—манить; кортїть — под-
мываетъ (безлично).

Коря́къ—ковшъ.

Косты́рь—токарь.

Косла́тий — косматый, всклоко-
ченный, растрѣпанный.

Кощъ—издивеніе; издержки; сто-
имость.

Коща́вий—костлявый.

Краве́ць—портной.

Кра́лечка, **кра́ля**—королева; крас-
ная дѣвица.

Кра́марка — купчиха, торгующая
краснымъ товаромъ.

Крапльи́стий—съ крапинками, пест-
рый; крупный и рѣдкій (о дождѣ).

Кра́яти—рѣзать.

Кра́ще—лучше.

Крейдя́ний—мѣловой.

Креме́зний—крѣпкій, неуступчивый.

Кривда—неправда.

Крини́ця—колодезь безъ сруба.

Крини́човина—водный ключъ.

Крїти—сохранять, прятать.

Крїтись—скрывать, скрываться.

Крѳ́къ—шагъ.

Кругло́видий—круглолицый.

Кульба́ка—сѣдло.

Купа—бугоръ, куча.

Куря́ва—дорожная пыль.

Кутѳ́къ—уголъ.

Кушати (Клим. и на Подоліи)—про-
бовать.

Купни́ръ—скорнякъ, мѣховщикъ.

Кшта́тъ—видъ, образъ, способъ;
изображеніе, украшеніе.

Ла́годити—чинить, починять.

Ла́годитись — собираться (въ до-
рогу).

Ладі́вниця—патронташъ.

Ладо́мъ—порядкомъ, какъ слѣдуетъ.

Ладпа́ти—прилаживать, готовить.

Лады—порядокъ, образъ, способъ, лады, согласіе.

Лань—большая пива.

Ласо—лакомо; ласощи—лакомства.

Левада—земля около усадьбы, оконная ровь, въ родѣ конопляника.

Лѣдві—едва.

Лѣжень—лежебокъ, лёга.

Леліти (о водѣ)—литься, течь тихо и блестя, переливаться.

Лемішь—плушникъ, рѣзакъ въ плугѣ.

Лѣстний—льстивый.

Лѣхъ—погребъ.

Либонь—пожалуй, никакъ, чего-добраго, по-видимому.

Листъ—письмо.

Лихий—плохой; злой.

Лишитя—оставить.

Ліхтарь—подсвѣчникъ; ліхтаря—фонарь.

Лічба—счесть.

Лічозірѣ—звѣдочетъ.

Локшина, локша—лапша.

Лощити—блестѣть, лосниться.

Лука—поёмный лугъ.

Луснути—треснуть; скоропостижно умереть.

Лучатись—случаться.

Любивий—любимый.

Люблѣний—любимый.

Лягати—ложиться.

Лякати—пугать.

Мабѣть, мабуть—видно, вѣроятно, можетъ быть, должно быть.

Майданъ—площадь; мѣсто съ особенно-устроенною печью для добыванія смолы, селитры и пр.

Мана—пязракъ, обольщеніе, обманъ.

Манѣтця—тянеть.

Мановѣць—путь безъ дороги, куда глаза глядятъ.

Мануться—хотѣть.

Марá—привидѣніе, страшилище.

Маючи звѣчай—соблюдая приличіе. Мерѣжани—вышитый ажурно, расписанный въ кѣтки.

Мерлій—помершій.

Метѣликъ—мотылекъ.

Меткій—живой, подвижной, ловкій.

Метчій—скорый.

Миркнуть—воркнуть, болтнуть себя подъ носъ, сказать невнятно.

Мислѣвецъ—гордецъ; охотникъ.

Мислѣвий—самоувѣренный, высоко-мѣрный; выдумщикъ, затѣйникъ.

Міттю—вдругъ, скоро.

Мізерний—жалкій.

Міркувати—судить, обсуждать, расчитывать, рассуждать.

Місто—гѣродь.

Місто—словно, точно.

Місто-бъ—будто-бы.

Місце—мѣсто.

Міцнѣнко—крѣпко.

Міцний—крѣпкій, сильный.

Мова—рѣчь, языкъ.

Мовлявъ; мовляла—могъ, сказывалъ, сказывала.

Мовъ—точно, будто.

Могіла—курганъ.

Молода—невѣста.

Молоді—женихъ и невѣста вмѣстѣ, или супруги во время свадьбы.

Мордовати—мучить.

Могѣрний—ловкій, видный, обходительный.

Мрукати—мурлыкать.

Мудро—замысловато.

Музика—музикантъ.

Муровати—строить каменное зданіе.

Мурний—пестро-сѣрый, переливчатый.

Наближуватись—приближаться, подходить.

Навишки (нарѣчіе)—высокою.

Нависть—(Клим.) навѣтъ; клевета.

Навідати—навѣстить.

Нависний—сумазбродный.

Навѣтъ—даже.

Навкругі—вокругъ.

На-впе рѣйми—на встрѣчу, на-перерѣзъ.

На-вспражне, жки—серьёзно.

Нагадувать—напоминать; въ Западн. Украинѣ—также и припоминать.

Нагана—осужденіе, посрамленіе.

Нагло—внезапно.

Надворі—на чистомъ воздухѣ, подъ открытымъ небомъ.

Надісь—чай, вѣроятно.

Надія—надежда.

Надто—слишкомъ; особенно.

Нажитьця, тись, — насладиться жизнью; долго прожить.

На-зауміру—черезъ мѣру, черезъ чуръ.

Наздогнати—догнать, настичь.

Назірати—ухаживать, присматривать.

Назірремъ—въ наглядку.

Назімокъ—годовалый бычокъ.

Наймигъ—нанятой работникъ.

Наклепъ—обвиненіе; клевета.

Налякатись—напугаться.

Намаювати—парисовать.

Наменүти—наекнуть.

Наменүтись—стать говорить, открыть ротъ.

Намісто—монисто; ожерелье.

Напакувати—наложить, набить, навьючить.

Напівно—навітряка.

Наприкладь (Клим.)—напримѣръ.

Напутить—наставить.

Нареківаний, назіваний,—нареченый.

Наситъ—насыщеніе, удовлетвореніе.

Насіння—сѣмечки, сѣмена.

Насунути—надвинути.

Натовць—натискъ.

Награвка—полка въ ружьѣ.

На-умиръ—до смерти, въ конецъ, крайне.

Нахаба—напастъ.

На-чеку—на сторожѣ.

Наче—будто.

На-швидку—на-скоро.

Небѣжчикъ—покойникъ.

Неборакъ—бѣдняга.

Негавучий—неустанный, неуголимый.

Негадки—випочемъ, безразлично, равнодушно.

Негайно—немедленно.

Негарно—неладно.

Негода—непогода.

Негодный—недостойный.

Недбалий—беззаботный, нестарательный, равнодушный.

Недбало—нехота.

Недильный—воскресный.

Недорідь—неурожай.

Недугувати—хворать.

Недужий—больной.

Незвичайний—невъжливый, непростойный.

Нездвиженний—непоколебимый.

Нездужати—быть больнымъ.

Незварошне—нехота, ненарочно.

Нема } нѣтъ.

Неначе—какъ будто, точно вотъ.

Необорний—неодолимый.

Неодмовний—неотказывающійся, неотговаривающійся.

Ненаполоханий—незапуганный.

Непѣвний—сомнительный, опасный.

Непозибко—твердо, незыблемо.

Непомилешний—безошибочный.

Непорокъ—дурные слухи о комъ.

Непутящий—неосновательный, безпутный.

Перухомо, непорухомо—неподвижно.

Неситство (Клим.)—ненасытность.

Нескажи—точно, будто-бы.

Несподіваний—неожиданный.

Нестатки—недостатокъ, бѣдность.

Нехай—пусть.

Нехай-ио—пусть-ка.

Нечутно—неслышно.

Ниначе—см. Неначе.

Нижкомъ—потихоньку, тайно.

Ніби } будто бы.

Ніби-то }

Ні въ-світі—никогда.

Нижъ—нежели.

Ніколи—некогда.

Ніколи—никогда.

Нічёмний—ничтожный.

Ніяково—неловко, неприятно.

Нудитись—скучать, мучиться.

Обвіситись—повѣситься.

Обдурвати—обманывать.

Обійма—объятія.

Обіручки—въ охапку, съ силой.

Обітниця—обѣщаніе.

Обіцянка—обѣщаніе, обѣтъ.

Обіцяти—обѣщать.

Обличчє—лицо, образъ.

Обміркуватись—осмотрѣться, разсудить.

Обопільно—взаимно.

Образитись—обидѣться, разсердиться.

Обсвідчитись—ознакомиться, освоятись.

Обсіпатись (слезами)—облиться; осыпаться.

Обудитись—проснуться.

Обхопити—обхватить.

Огрядний—полный, объемистый.

Одвідати—посѣтить.

Оджалувати—пожертвовать.

Оджартуватись—отшучиваться.

Одібрати—получить.

Одказати—отвѣчать.

Одказъ—отвѣтъ.

Одкולי—съ какихъ поръ.

Одмагатись—отговариваться.

Одмінитись—перемѣниться; одмінити—перемѣнить.

Одмовити—отвѣчать, отказать.

Одразу—сразу.

Одружитись—вступить въ супружество.

Одсторонъ—въ сторонѣ, къ сторонѣ.

Одтинати—отсѣкать.

Одужати—выздоровѣть.

Одягнутись—одѣться.

Одягний—разряженный, разодѣтый.

Одцуратись—отрѣчься.

Одшукати—найти.

Озираутись—оглянуться.

Оксамитъ—бархатъ.

Олійникъ—производитель постнаго масла.

Омана—обольщеніе, обманъ.

Опалъ—запальчивость.
Опівдня—въ полдень.
Опізнитись—опоздать.
Опоживляти—придавать новыя силы, оживлять.
Опоблистити—полный, широкий.
Опоряджати—устройвать.
Освіта—просвѣщеніе.
Остигти—наскучать, опостылѣть.
Ось—вотъ.
Отгожатись—отлучаться.
Оттѣй—вовъ тамъ.
Очерѣтъ—тростникъ, камышь.
Очіпокъ—головной женскій уборъ въ родѣ шапочки, повойникъ.
Очутитись—очнуться.
(Очү) очи, въ очү—глаза, въ глазахъ (двойственное число).
Ошуканецъ—обманщикъ.
Ошукатись (Клим.)—обмануться; быть обманутымъ.
Палити—жечь, стрелять.
Палкій—пылкій, вспыльчивый.
Палубчастий візъ—крытый возъ.
Панна—барышня.
Паніматка—мать (почтительно), госпожа; попадья.
Папірня—писчебумажная фабрика.
Паробокъ—парень.
Пасіка—пчельникъ.
Патириця—монашескій посохъ.
Пáхоші—благоуханіе, аромать.
Пáша—пастыбище; водножыный и змыній кормъ скота.
Пашнѣ—зерновой хлѣбъ; въ Западной Украинѣ, также и хлѣбъ, стоящій на поляхъ.
Пéвезъ—надѣмень, увѣреть.
Пéвно—вѣрно, навѣрно.
Некѣльній—адскій.
Пéкло—адъ.
Пéрво—прежде.
Переглѣзувати—переглядывать, осматривать.
Перегóдомъ—спустя нѣсколько времени.
Перейматись—недоставать, нехватать, прерываться.
Пéреймомъ—съ перерывами.
Переказати—передать на словахъ.
Перелічити—сосчитать, исчислить.
Перелякатись—испугаться, перепугаться.
Перемагати—ослаивать, превозмогать.
Перéскокомъ—сначками, перебѣгая отъ одного предмета къ другому.

Перетривати—перенести, вынести, вытерпѣть.
Перехонити—прервать, перебить рѣчь, подхватить.
Перечүти—прослышать, слышать.
Пéрше—прежде.
Пикатій—широколицый, толсто-рожий.
Пиліпъ—Филипъ.
Пильно—пристаально.
Питання—вопросъ.
Питима—родимая, кормилица.
Пиха—гордость, чванство.
Підвестись—встать, привстать, приподняться.
Підпáл—затапливаніе, поджогъ.
Піддánка—крѣпостная крестьянка.
Піддáшше—крыша надъ крыльцомъ.
Підживитись—подкрѣпить силы.
Пійма—весенній разливъ рѣкъ.
Піклуватій—заботливый, попечительный.
Пісьмений—грамотный.
Пісьмó—грамота, грамотность, писаніе.
Пісьмó-святé—священное писаніе.
Плáхта—женскій нарядъ, шерстяной, пестрый, клѣтчатый, соотвѣтствующій юбкѣ.
Плохий—смирный.
По (дівчáть)—за (дѣвушками).
Побáчити—увидѣть.
Побідáшь (Клим.)—бѣдовикъ, бѣд-някъ.
Побідéнный—горемычный.
Побивáння—забота, печаль.
Поблагати—попросить, умолять (совершен. видъ).
Побóжно—благочестиво.
Побратись—вступити въ супружество; отправиться въ путь, въ определенное мѣсто.
Побужати—будить.
Повага—вѣсь, уваженіе.
Повáжний—почтённый; важный.
Повернүтись—воротиться.
Повиновáчений—обвиненный.
Повинно—должно.
Повідати (Клим.)—сказывать.
Новік—навѣкъ.
Пóвiстка—повѣсть, рассказъ.
Повіть—увадь.
Пóвкупі—совмѣстно, кучею.
Повóдитись—вести себя, держаться.
Погадати—подумать, позаботиться.
Погáнський (Клим.)—языческій; маговный.
Пóгань—мерзость, дрянь.

Поглузувати — носмѣяться, поглу-
миться; надѣваться. (соверш. видъ).

Погодитись — согласиться, усло-
виться, сойтись.

Погоржати (Клим.) — пренебрегать.

Погубити — растерять.

Подивовати — подивиться.

Подивити — удивиться (неодобритель-
тельно).

Подія — поступокъ; продѣлка; порча
(о кола.)

Подоба, подобний — красота, кра-
сивый; хорошій.

Подобно (Клим.) — кажется; какъ-
видно.

Подяка — благодарность.

Подякувати — поблагодарить.

Пожадѣтись — пожелаться.

Пожалувати — пожалѣть кого; по-
жаловаться на кого.

Пожартувати — пошутить.

Пожитѣний (Клим.) — выгодный.

Пожитоки — польза.

По-завтрѣму — послѣ-завтра, на
третьей день.

Позавчора — третьего-дня.

Позачинувати — позатьорять.

Позгадувати — припоминать (о мн.).

Позирати — поглядывать.

Позичити — занять, одолжиться.

Покартати — поборанить.

Покласти — положить; рѣшить.

Покхати — полюбить.

Покрѣщати — похорошѣть.

Покуса — искушение.

Покута — зпятимія; покаяніе.

Покутне вікно — окно близъ обра-
знаго угла.

Полѣгодити — подчинить; исправить.

Полиця, — напѣлокъ, принадлежность
плуга; полка въ хатѣ.

Пологи — низменный степныя мѣста.

Полохатись — пугаться, полошиться.

Полумисокъ — неглубокая миска;
блюдо.

Поміркувати — поразсудить, похло-
потать.

Помірно — умѣренно.

Помовкнути — умолкнуть (о мно-
гихъ).

Поместитись — постлаться.

Помста (Кл.) — мщеніе.

Поневірѣтись — нести на себѣ все-
общее презрѣніе.

Поночи — въ потьмахъ, безъ свѣта.

Понурій — угрюмый, мрачный.

Поняти — взять.

Попереду — впереди, напередъ, спер-
ва.

Попильнувати — постоять за что,
поберечь что хорошенько.

Поцитати — спросить.

Попіклуватись — похлопотать, по-
болѣть.

Попилъ — непель.

Попилъ — рядомъ, плечо съ плечо-
мъ.

Пополошитись — струхнуть, рас-
теряться.

Поражати (Клим.) — совѣтовать. •

Порáда — совѣтъ, утѣшеніе.

Порáдниця — совѣтчица.

Порáза — рана.

Пóратись — убирать, готовить, стря-
пать.

Порікувати — роптать.

Пóрохъ — ныль.

Порошинка — пылинка.

Посваритись — посориться; погро-
зить.

Посцѣти — уснуть (о многихъ).

Поспитати — спросить.

Поспóльство (Клим.) — простой на-
родъ.

Пóстать — видъ, фигура.

Постерегáтись (Клим.) — беречься,
думать о будущемъ.

Постерегáти — запримѣтить, во-вре-
мя догадаться.

Постолі — кожаныя лапти.

Пóсторонъ — поодаль.

Посумовати — потосковать.

Пóтайно — тайно.

На-потáлу (потáла) — добыча, ис-
требленіе.

Потамъ, — (опечатка) тамъ.

Потанути — растаять.

Потилиця — затылокъ.

Потичка (Кл.) — стычка, сраженіе.

Поторóча — разбитная; встрѣпанная.

Потрáва — кушанье.

Потрáвка — соусъ.

Потрívати — погодить, повременить.

По-троху — понемногу.

Потурати — поблажать, мнрволить;
спускать кому.

Пó части — отчасти.

Почѣти — услышать.

Похіпавий — прыткий; охочій.

Похитати — покачать.

Поховати — похоронить; припря-
тать.

Похóдити — ииѣть сходство; проше-
ходить.

Пошивки — наволочки.

Пощкандибати — шокывыять, за-
костылять (о старческой походкѣ).

Пощастило — посчастливилось.

Правити — требовать; отправлять
(богослуженіе); толковать свое.

Правдѣти — оправдываться, сбы-
ваться.

Пра́жній—напрасный, пустой.
Приго́да—несчастье; печальное со-
бытіе.

Прига́дати—припомнить.
Пригори́тись—приласкаться, при-
жаться, прильнуть.

Придивля́тись—присматриваться.
Придо́ба—удобство.

При́зба, при́спа—завалинка.
При́ладний—подлипаю.

При́хати—прихотничать.
Припа́дати—приходиться (къ чему).

При́няйтись—пріостановиться.
При́плющувати очи — жмурить

глаза.
Приру́чити—поручить.

Присе́рбитись—поддѣлаться, под-
лизаться.

Присилува́ти—принудить.
Присі́каться—привязаться, лѣзть

кому въ глаза.
Прити́чина—препятствие, задержка.

Приту́литься—приклониться, при-
ласкаться, прижаться.

Прихильний—преданный.
При́зра—подозрѣніе.

Про́бу! — междометіе, выражающее
опасность, неудержимость и т. п.

Прова́дити—вести.
Прозо́рий—прозрачный.

Проки́нутись—пробудиться.
Промант́ачитись—промотаться.

Проме́йстий—лучезарный.
Промі́нь—лучь.

Промови́ти—сказать, заговорить.
Просві́тастий—прозрачный.

Просто́—прямо.
Прохати́—просить.

Проча́не—богомольцы; путешествен-
ники.

Проці́ндити — промотать, спус-
тить.

Прочу́ти—прова́дать, прослышать.
Прудкий—быстрый, прыткий.

Псува́ти—портить.
Птахъ—большая птица.

Пта́ство—птицы.
Пу́ща—лѣсная чаща.

Ра́да—совѣтъ; вѣче; помощь.
Ра́дити—совѣтовать.

Ради́ти—радоваться.
Разо́къ—борода; слѣдъ, черта.

Разъ—у—разъ, разъ по́ разъ—без-
престанно, то и дѣло.

Ра́но—рано; утро.
Ра́нокъ—утро.

Ра́та (Кл.)—репта.
Ра́ти—совѣтовать.

Репетова́ти—ирчать.
Рече́нец (Клям.)—срокъ.

Роба́чокъ—червячокъ
Розва́жити—размечь, развеселить,
утѣшить.

Розмо́ва—бесѣда, разговоръ.
Рибалка—рыбакъ.

Римарь, лимарь—шорникъ.
Річи, рѣчи—рѣчи; вѣщи; дѣла.

Розмови́тись—разговориться.
Розсла́вити—разнести, рассказать.

Розсте́лений—разосланный.
Ро́ки, рікъ—годы, годъ.

Роспоро́шити — раструсить; распу-
стить.

Роспитува́ти—распрашивать.
Руба́ти—рубить, сѣчь, колоть.

Руйнова́ти—разрушать.
Руїни—развалины.

Рундо́чокъ—крылечко со ступень-
ками.

Ру́та—растение (ruta graveolens).
Ручни́ця,—шниця—ружье.

Рясний—густой, обильный плодами
(о деревѣ), сильный.

Рятова́тись—спасаться.

Сае́тъ—атласъ.
Самота́—удвиженіе.

Самотний—одинокій.
Самісінький—самый (превосходная

степень при уменьшительной формѣ).
Сварка—ссора.

Світа́—мужская и женская одежда,
родъ полукафтанья.

Свідо́къ—свидѣтель.
Світанне—разсвѣтъ.

Світли́ця—свѣтѣлка, комната безъ
кухонной печи.

Світло́—свѣтъ въ избѣ, освѣщеніе.
Своеу́ка—самодурка.

Свя́то—праздникъ.
Се—это; теперь, вогу.

Сели́дба—усадьба.
Сивий—сѣдой; сивенькій—сѣдывъ-

кій.
Сити́ти медъ—варить медъ.

Сіножа́ть—сѣнокосъ.
Скара́ти—наказывать; казнить.

Ски́ба—ломоть.
Ски́пути (очима)—обозрѣть.

Скипа́тись—вскипать (гвѣжомъ).
Скло́—стекло.

Скостува́ти — попробовать, отвѣ-
дать.

Скрести́ — треснуть (о весеннемъ
льді), тронуться.

Скри́ня—сундукъ.
Скри́зь—вездѣ, повсюду.

Слабша́ти—ослабѣвать.
Сла́вити—толковать, рассказывать.

Сливѣ́—почти.

Слукніно—послушно.
 Слўшний—надлежащій, полный.
 Слўшно (Клим.) — прилично, слў-
 дуеть.
 Смільлівий—смѣлый.
 Сміття—сорь.
 Смутний—грустный, печальный.
 Смутокъ—грусть, печаль, горе.
 Смутовати } грустить, горевать.
 Смутковати }
 Свідання—завтракъ.
 Свінаръ—колесникъ, каретникъ.
 Сотниківна—дочь сотника.
 Сбїлшній—солнечный.
 Спадокъ—наслѣдство.
 Спахнути—вспыхнуть.
 Списати—срисовать.
 Списъ—копье.
 Спитати—спросить.
 Спільность—общеніе.
 Сповиточокъ—пеленки.
 Сподівання—надежда, ожиданіе.
 Споживокъ—употребленіе (въ пи-
 шу).
 Споломъ—вмѣстѣ, съ-обща.
 Спочувати—заслышать (неоконч.
 вить), раздѣлять сердцемъ, пережи-
 вать.
 Справдитись—исполниться.
 Справді — въ заправду, въ самогъ
 дѣль.
 Справувати (Кл.) — дѣлать, испол-
 нять.
 Спрáжній—серьезный, вешуточный.
 Ставати—становитись, происходить,
 совершаться.
 Ставий—статный, стройный.
 Стáроста—свать.
 Стáтокъ (Клим.) — твердое положе-
 ніе въ свѣтъ; скоть (преимущественно
 лошади).
 Стéжечка—тропинка.
 Стéжка—застѣжка.
 Стерегтись—беречься, остерегать-
 ся.
 Стидкий — безстыжій, постыдный.
 Странній—путешественникъ, стран-
 никъ.
 Стáва — приготовленное, варенное
 или жаренное, кушанье.
 Страхатись—пугаться.
 Стрибати—скакать, прыгать.
 (Стриа) Стринуги—встрѣтить.
 Стриха — навѣсь соломенной крыши.
 Стрїчка—лента, вылетенная въ вися-
 щую косу и распущенная съ косы.
 Струмочокъ—струя, ручеекъ.
 Стагá—полоса.
 Сувора—торжественный тоць, вну-
 шенія, суровая рѣчь.
 Сукии—платье (женское).

Сўмно—уныло; страшно.
 Сумовання—уныніе, тоска.
 Сумовати—тосковать, унывать.
 Сумъ—уныніе, тоска, страхъ.
 Сунци—земляника лѣсная,
 Суперѣчки—побранки, перебранки.
 Суржикъ — смѣшанный зерновой
 хлѣбъ, когда къ засѣву новаго хлѣба
 поднимется прошлогодній.
 Схаменутись—опаматоваться.
 Схилитись—наклониться.
 Схильчивий—сговорчивый.
 Схнути—сохнуть.
 Счервоніти—покраснѣть.
 Счинитись—произойти, сдѣлаться.
 Сяти—сіять.

Та-ба — поди же! по увы!
 Такъ само, такъ саме—такъ точно.
 Тѣсля — плотникъ.
 (Тижпя) Тиждень — недѣля.
 Тинѣтця — случится (безлично).
 Тинь — плетень, заборъ.
 Тинятись — слоняться.
 Тнути — рѣзать; пить; пѣть.
 Товариство — товарищество, об-
 щество.
 Товаръ — скоть; товаръ.
 Точитись — едва тянуться (о раз-
 говорѣ).
 Трѣба — нало.
 Тривáльний — прочный (Кл.).
 Тривати — ожидать, терпѣть.
 Тримати — держать.
 Тринотати — трепетать.
 Трохи — немного; трóшки — не-
 множокъ.
 Трунокъ — питье, напитокъ.
 Турбовати — беспокоить.
 Тутешній — здѣшній.
 Тхнути —дохнуть.
 Тютюпъ — табакъ (курительный).
 Тямти — разумѣть; помнить.

Убийникъ — убійца.
 Убранне — платье.
 Убратись — одѣться.
 Угледіти — увидѣть.
 У-гору — вверхъ.
 Удатний — способный, даровитый.
 У-двійзі, двійга — въ-двоемъ,
 двое.
 Уживати — имѣть въ употребленіи.
 Удливий—докучливый, песносный,
 неотвязный, мучительный.
 Укривжати (Кл.) — обижать, обма-
 нывать.
 У-купі — вмѣстѣ.
 Унятливыи — внимательный.
 Упевнати — увѣрять.

Ура́зка — оскорбленіе.
 Ура́женный — разряженный.
 (Усіма́) увесь, весь — весь; при
 полной формѣ, еще существующей у
 насъ: всей — весь. (Твор. множ. числа).
 Уста́ти — встать.
 Утішка — удовольствіе, увеселеніе;
 игрушка.
 Уто́ма — усталость, утомленіе.
 У-тропі — по слѣду, по слѣдамъ.
 У-трико́нь — тройкой.
 Учи́ти — слѣловать; закрасить
 (тѣсто).
 Ущипли́вий — колкій.

Фи́ля — волна́.

Хапа́ти — хватать, брать взятки.
 Хапкі́й — живой, быстрый; жа́д-
 ный, vorоватый.
 Хапу́га — стяжатель, грабитель,
 взяточникъ.
 Хви́ля́ти — бѣжать волнами,
 струиться.
 Хви́линочка — минутка, мгновеніе.
 Хви́ля — волна; минута.
 Хиба́ — развѣ.
 Хибкі́й — гибкій, тонкій, ловкій.
 Хилі́ти — клонить
 Химѣра — мечта; вздоръ.
 Химѣрно — фантастически, странно;
 неосновательно.
 Хи́сть — способность, дарованіе,
 умѣнье, расторопность, находчивость.
 Хита́ти — качать.
 Хліборобъ — земледѣлецъ.
 Хма́ра — туча, облако.
 Хмизъ — сухоподстой.
 Хму́рый — сумрачный.
 Хова́ти — прятать; хоронить.
 Хо́да — походна; походъ.
 Холодо́къ — тѣнь.
 Хорба́къ (Клим.) — презрительный,
 худородный.
 Хорі́ти — болѣть, быть больнымъ.
 Хрущъ — жукъ (весенній, летающій
 преимущественно около деревьейъ).
 Хті́ти (Клим. и въ Подольскомъ на-
 рѣчій) — хотѣть.
 Худоба́ — имущество, добръ; скотъ.
 Хуртовина — вьюга.
 Ху́сти — бѣлье.
 Ху́стка — платокъ.
 Ху́тко — скоро; хутѣмко, хут-
 чій — скорый.

Цу́корь, су́куръ — сахаръ.
 Цві́ченій (Клим.) — воспитанный;
 проученный, битый (несчастный слѣдъ
 езуитскаго воспитанія).

Цвяхъ — гвоздь.
Цеберъ — кадка.
Цегельникъ — кирпичникъ.
Ціка́вий — любопытный; слишкомъ:
 быстрый, нескромный.
Цінува́ти — ошѣивать.
Ціпо́къ — палка.
Ча́сомъ — иногда.
Частова́ти — угощать.
Часть — время; часть.
Чванли́вий — самодовольный, чван-
 ный.
Челядь — сельская молодежь въ школ-
 какъ для увеселеній; прислуга. Для от-
 личія, въ одной пѣснѣ челядь въ пер-
 вомъ значеніи названа білою.
 (Ченці) черне́ць — монахъ, чернецъ.
Черне́ство — монашество.
Чепурный — щеголеватый, изящ-
 ный.
Черво́ний — красный.
Череві́къ — башмакъ.
Череда́ — стадо изъ смѣшаннаго
 скота.
Чересло́ — бороздникъ (принадлеж-
 ность плуга).
Чи — ли (вопрос. частица, ставимая
 впереди).
Чи зду́жа — здорова-ли.
Чий — чей.
Чимали́й — довольно большой.
Чимало́ — не мало, довольно.
Чини́ти — дѣлать.
Чоло́ — лобъ, чело.
Чорни́ца — монахиня.
Чо́хла — широкіе концы рукаво́въ
 въ сорочкѣ.
Чу́дно — странно, смѣшно, удиви-
 тельно, чудно.
Чудо́вний — чудотворный.
Чудо́вий — чудесный, превосходный.
Чу́йний — сознательный, чуткій.
Чу́тка — слухъ.
Чу́ти — слышать; чувствовать.
Чу́чері́ти — мажваться, пропадать,
 сбиваться въ комки.

Шамкі́й — ловкій, поворотливый.
Шанува́ти — уважать; угощать.
Шанува́тись — сохранять свое до-
 стоинство, чувствовать дары Божьи,
 знать честь.
Шанова́ль — шапочникъ (производи-
 тель шерстяныхъ шапокъ).
Шатанскій (Клим.) — сатанинскій.
Шва́чка, шва́ля — портниха.
Швецъ — сапожникъ.
Швидко — скоро.
Шѣвскій — сапожническій, сапож-
 ный.

Шибениця—вистѣгна.
Шкѣпа—кляча.
Шкѣдити—вредить.
Шкуратѣний—кожаный.
Шляхъ—дорога.
Шлюбъ (Кл.)—бракъ.
Шмаровати (Клим.)—мазать; быть.
Шматокъ—кусокъ.
Шпилѣчокъ—возвышенность надъ долиной или равниной.
Шпиль—вершина.
Шукати—искать.
Шулика—коршунъ.
Шурхнути—зашелестѣть.
Щасниця—счастливецъ.
Щастить—посылать счастье, давать счастье.

Щирый—искренній, вѣрвый.
Щиро—усердно; вѣрно.
Щирость—преданность, вѣрность; искренность.
Щось—что-то; чуть-чуть, немного, вѣскольکو.

Юпчина—женская одежда въ видѣ корсета, но чаще съ рукавами.

Юрма—толпа.

Якого—сколько! какъ много!

Ясно—ясная погода.

Ясокіръ—осокоръ.

О П Е Ч А Т К И.

<i>На стран.</i>	<i>стр.</i>	<i>напечатано:</i>	<i>должно быть:</i>	
1	13	снизу	спрѣ	спѣру
9	10—11	сверху	улюбленá.	улюблена.
10	19	—	своёго дочкою.	своею дочкою.
11	1	снизу	потáнувъ снѣгъ изъ	потáну въ снѣгъ, изъ
12	17	—	плескае....	плёскае....
12	14	—	пологи	пологи
12	8	—	заказано!	завъязано!
13	6	сверху	вѣчи	вѣчи
14	13	—	дѣ	да
14	14	—	ий	ей
15	13	—	швидкѣ	швидку
15	16	—	мисливцѣвъ	мисливцѣвъ
15	18	снизу	стоючи	стоючи
15	18	—	вѣчи	вѣчи
16	14	сверху	побáчишь	побáчишь
16	14	снизу	самѣ	самѣ
17	9	сверху	бучнѣ	бѣчне
18	6	—	говѣркий?	говѣркий.
18	9—10	—	дѣсяти	дѣсять
20	4	—	не мовѣ	немовѣ
20	9	—	мовчишь	мовчишь
20	13	—	опенилася	опинилася
21	6	—	дзвонами!	дзвонами!
22	13—14	—	людя́мъ	людя́мъ
22	6	снизу	вѣжé!...	вжé! .
23	6	сверху	потамъ	тамъ
23	16	—	мѣне.	менѣ.
24	14	—	наброило	наброило
27	2	—	Сегоднѣ	Сегоднѣ
27	7	—	тодѣ	тодѣ
27	18	снизу	Катрѣ	Катрѣ
27	17.	—	Его	Его
27	17	—	улицею	улицею
28	2	сверху	годѣ	годѣ
28	19	снизу	ворѣтъми	ворѣтъми
29	17	сверху	якомѣ	якомѣ
29	19	—	господарство	господарство
29	17	снизу	прѣйме	прѣйме
33	7	сверху	просто́ро	просто́ро
36	7	—	визна́лась	визна́лась
36	24	—	Гóлубѣ	Гóлубе
36	2	снизу	гуля́нне	гуля́нне
37	14	—	слѣзьми	слѣзьми
38	7	сверху	було	були
38	16	снизу	«тамъ такі білі хмари	«такі білі хмари

39	26 —	у трійзі	у трійзі
39	28 —	шіє	шіє
40	7 —	За що	За що
40	12 —	кажү	кажү.»
40	5 сверху	обиймає	обиймає
41	1 снизу	журюся....	журюся.... И починає впять такє саме и впять. Звісно вже, якъ дівчата любоші переказують....
42	5 сверху	тоді	тоді
44	7 —	світове	світове
46	4 снизу	тяжк-	тяжко
47	8 сверху	впюмъ	вапюмъ
47	6 —	Иваненка: якъ	Иваненка... Якъ
47	21 —	а продасть	а продажъ
48	18 —	На шо	Нащю
48	21 —	у хату, увійшла	у хату увійшла
48	29 —	не слухала... усє	не слухала... Усє
50	15 —	Вже якъ мнї и зане- вістку	Вже якъ мнї її за невїстку
51	3 снизу	дүмай	дүмай
54	6 —	нешаслива!	нешаслива!
55	1 —	дослухаєтця, яка	дослухаєтця — яка;
56	5 сверху	холодновата	холодовата
56	10 снизу	Перехопила	Перехопила
57	5 —	дәрмо, булб, озива- тися	дәрмо булб озивати- ся
58	13 —	говорю	говорю
58	17 —	схаменись	схаменись
63	13 —	идє	идє
65	8 —	має	має
65	10 сверху	озиваетця	озиваетця
65	13 снизу	сивіє;	сивіє;
74	1 —	підхожу горбду	підхожу відъ горбду
80	7 —	усімъ	усіхъ
82	3 —	менє мовляла.	менє вмовляла
107	7 —	жонкі	жонкі

Въ объясненіи неудобопонятныхъ южнорусскихъ словъ, на стран. 2, строка 1 снизу, въ нѣкоторыхъ экземплярахъ, вмѣсто словъ: и желала бы напечатано негалаж бы.

БИБЛОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ.

ВЪ МАГАЗИНѢ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ КНИГЪ
КОММИССИОНЕРА ИМПЕРАТОРСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТОВЪ СВ. ВЛАДИМИРА И
ДЕРПТСКАГО,

Д. Е. КОЖАНЧИКОВА,

въ С. Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, противъ Публичной Библиотеки, въ домѣ Демидова, поступили въ продажу:

Букварь Южнорусскій, составленный Т. Г. Шевченкомъ. Спб. 1861 г. Цѣна 3 коп. за экземпляръ, съ пер. 4 коп.

Кобзарь Тараса Шевченка, съ его портретомъ. Спб. 1860 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Хата. Изд. 2-е, П. Кулиша. Спб. 1860 г. Ц. 75 коп., съ пер. 1 руб.

Малорусскій литературный сборникъ. Д. Мордовцова. Спб. 1859 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Повѣсти Григорія Квитки (Основьяненка). 2 тома. Спб. 1858 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Чорна Рада. Хроника 1663 року. Написавъ П. Кулишъ. Спб. 1857 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Повѣсти П. А. Кулиша. Новое изданіе въ 4 томахъ. Спб. 1860 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Украинскіе народные рассказы Марка Вовчка, въ переводѣ И. С. Тургенева. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1859 г. Ц. 50 коп., съ пер. 75 коп.

Богданъ Хмельницкій. Соч. Н. И. Костомарова. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Два большихъ тома. Спб. 1859 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Исторія Малороссіи. Соч. Маркевича. 5 томовъ. М. 1842 г. Ц. 8 р. 50 к., съ пер. 10 р.

Исторія Малой Россіи. Соч. Бантышъ-Каменскаго, съ портретами, картами и рисунками. 3 тома. Спб. 1842 г. Ц. 7 руб., съ пер. 9 р.

Исторія Руссовъ, или Малой Россіи. Соч. Преосвященнаго Георгія Конисскаго. М. 1846 г. Ц. 10 р., съ пер. 11 р.

Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи. Соч. А. Ригельмана, съ 30 рисунками. М. 1847 г. Ц. 3 р., съ пер. 4 р.

Лѣтопись Самовидца о войнахъ Хмельницкаго. М. 1846 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Краткое описаніе о Козацкомъ Малороссійскомъ народѣ и о военныхъ его дѣлахъ, собранные чрезъ Бунчуковаго Товарища Петра Симоновскаго 1765 г. М. 1847 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 коп.

О Козакахъ. Соч. Н. Маркевича. М. 1859 г. Ц. 25 коп., съ пер. 50 коп.

Дневныя Записки Малороссійскаго Подскарбія Генеральнаго Якова Марковича. М. 1859 г. 2 тома. Ц. 3 р. 50 коп., съ пер. 4 руб.

Архивъ Югозападной Россіи. Томъ I-й. К. 1859 г. Ц. 3 р., съ пер. 4 р.

Лѣтопись Гадячскаго Полковника Григорія Грабянки. К. 1853 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Лѣтопись событій въ Югозападной Россіи въ XVII вѣкѣ, составилъ Самуиль Величко. 3 большихъ тома. К. 1848—1853 г. Ц. 6 р. 50 к., съ пер. 8 р. 50 к.

Памятники, изданные временною Комиссіею для разбора древнихъ актовъ. 4 большихъ тома со множествомъ рисунковъ и палеографическихъ снимковъ. Кіевъ. 1846—1859 г. Ц. 12 р., съ пер. 16 руб.

12. 13. 2.

Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи. 5 томовъ. Ц. 10 р., съ пер. 13 р.

Жизнь Князя А. М. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни. 2 большихъ тома. К. 1849 г. Ц. 5 р., съ пер. 6 р. 50 к.

Историческое сочиненіе о Малороссіи и Малороссіянахъ. Соч. Г. ф. Миллера. М. 1847 г. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

Литовская церковная унія. Изслѣдованіе М. Каяловича. Спб. 1859 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Начало Уніи. Соч. Д. Зубрицкаго; перев. съ польскаго А. Майкова. М. 1848 г. Ц. 30 к., съ пер. 55 к.

Записки Преосвященнаго Георгія Конисскаго о томъ, что въ Россіи до конца XVI вѣка не было никакой Уніи съ Римскою Церковью. М. 1848 г. Ц. 25 к., съ пер. 50 к.

Чинъ Православнаго Литовскаго братства. М. 1848 г. Ц. 25 к., съ пер. 50 коп.

Справа братства церковнаго виленскаго предъ судомъ трибунальнымъ. М. 1848 г. Ц. 25 к., съ пер. 50 к.

Краткая Исторія о бунтахъ Хмельницкаго. Перев. съ польскаго. М. 1847 г. Ц. 30 к., съ пер. 55 к.

Повѣсть о томъ, что случилось на Украинѣ съ тою поры, какъ она Литвою завладѣна и до смерти Богдана Хмельницкаго. М. 1848 г. Ц. 25 к., съ пер. 50 к.

О бунтѣ города Пинска и объ усмирениіи онаго въ 1648 г. Перев. съ польскаго Н. Янковскаго. М. 1857 г. Ц. 20 к., съ пер. 45 к.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ. Января 5 дня, 1861 года.

Цензоръ Ст. Лебедевъ.

ОСНОВА

1861

ФЕВРАЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ:

- I. Ковзарь, VI. Москалева Криница Т. Г. Шенченко.
 II. Закоханій чортъ, Олексій Стороженка.
 III. Стихи: Погане поле, II. Кузьменка
 На добра-нічъ, Іеремія Галин.
 Пісня, Л. Ш. Глѣбова.
 1) Не бідай мене, 2) Ластівка, 3) Нічъ-у-нічъ, Ст.
 Руданського.
 1) Вовкъ та кітъ, 2) Вовкъ та мшениа, Л. Ш. Глѣбова.
 IV. Другой человекъ, II. А. Кулиша,
 V. Письма о Богданѣ Хмельницкомъ, М. А. Максимовича.
 VI. Ответъ на выходки газеты «Szasa» и журнала «Revue
 Contemporaine», II. Ш. Костомарова.
 VII. Нѣсколько замѣчаній по поводу последней выставки въ
 Спб. Академіи Художествъ, Л. М. Жемчужникова.
 VIII. Характеръ и задача Украинской критики, II. А. Кулиша.
 IX. Иванъ Петровичъ Котляревскій.
 X. Воспоминаніе о Соленикѣ, II. Д. Мпано.
 XI. Замѣтка къ статьѣ: «Воспоминаніе о Н. А. Маркевичѣ»,
 (съ портретомъ), Л. М. Жемчужникова.
 XII. Съ дороги, А. Мечуй-вѣтеръ.
 XIII. Бесѣды о Естествознаніи на Югѣ, II. Ш. Волокитина I.
 XIV. О руководствѣ къ нчеловодству, каго.
 XV. Отчетъ о молотильной машинѣ, М. А. Бѣлухи-Жолановскаго.
 XVI. Листі съ хутора, Хуторянина.
 XVII. Знайденій на дорозі листъ, II. Шебачного.
 XVIII. Съ праваго берега Днѣпра, Максима Черного.
 XIX. О крѣпостномъ населеніи въ Россіи, М. Момиса.
 XX. О лекціяхъ Костомарова, II. Шазюки.
 XXI. Рѣчь Костомарова, А. М.
 XXII. Ответъ Русскому Вѣстнику.
 XXIII. Литературныя извѣстія. — Увѣдомленія.
 XXIV. Переписка.
 XXV. Объясненіе южнорусскихъ словъ.
 XXVI. Библиографическія извѣстія.

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

• Добра гочю братья и Русьскій Земли. •
Владимиръ Мономахъ.

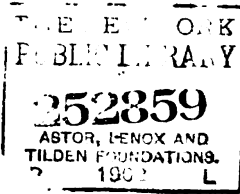
1861

ФЕВРАЛЬ



ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША.



ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ законное число экземпляровъ. С. Петербургъ, марта 7-го дня, 1861 года.

Ценсоръ *Ст. Лебедев.*

26 февраля, утромъ, въ 5½ ч., скончался Тарасъ Григорьевичъ *Шевченко*, послѣ непродолжительной, но тяжелой болѣзни.

Минулися мої слѣзи,
Не рвѣтця, не плаче
Поточене старѣ сѣрце
И очи не бачать....

Кто зналъ его какъ поэта и человѣка, пойметъ всю великость нашей утраты. Украина отвѣтитъ стономъ на страшную вѣсть о смерти *нашого бѣтька*: такъ всѣ привыкли называть *Тараса*. Она потеряла въ немъ свое, самое горячее сердце, свою славу, свою печаль и отраду, свою *болѣзнь и здоровье*. Теперь Украина дѣйствительно *вдова — сиротина, сирота — небога*, какъ онъ называлъ ее въ своихъ вѣчно-юныхъ, полныхъ безграничной любви и тоски, истинно-народныхъ созданіяхъ.

Тарасъ Григорьевичъ умеръ не дождавшись нѣсколькихъ дней до обнародованія Манифеста 19 февраля, который принесъ давно-ожидаемое облегченіе его роднымъ и десятку миллионъ соотечественниковъ: это была самая горькая насмѣшка судьбы надъ *Шевченко*... но оттого еще какъ будто чище и возвышеннѣе становится его любовь къ народу, стоявшая ему обильныхъ слѣзъ.

Загинула ёго головонька
Бѣзъ рѣду-родини,
Бѣзъ вірної дружини...

но гробъ его окружала огромная семья людей, сочувствующихъ истинному достоинству, безъ различія вѣрованій и народностей. Могила *Шевченка*, гдѣ бы она ни была, будетъ вѣки священна: теперь она посѣщается знакомыми и незнакомыми ему при жизни, и вся укрыта свѣжими вѣнками.

Слава ёго не вмрѣ, не поляже!

«Основа» употребить всевозможныя старанія записать на своихъ страницахъ все, что можетъ увѣковѣчить память поэта.

Вслѣдъ за 2-ой книжкой «Основы» подписчики получаютъ «Воспоминаніе о Шевченкѣ и его погребеніи», при которомъ— столь памятнымъ для всѣхъ образомъ — высказалось глубокое сочувствіе къ усопшему.

Въ нашихъ рукахъ теперь находится драгоценное собраніе неизданныхъ его стихотвореній, лично намъ переданныхъ по-этомъ при первой вѣсти объ осуществленіи южнорусскаго вѣстника, и подлинный дневникъ Шевченка, съ 1857 по 1858 г., сообщенный намъ близкимъ его другомъ. Радуемся вмѣстѣ съ нашими читателями, что не все сокрылось для насъ въ этой безвременной могилѣ.

Усердно просимъ многочисленныхъ друзей и почитателей Тараса Григорьевича и вообще всѣхъ, кому дорога память объ немъ, сообщать намъ его стихотворенія, письма и вообще біографическія свѣдѣнія о поэтѣ, а также и о родныхъ его. Редакція съ благоговѣніемъ сохранитъ подлинныя письма и другія бумаги Шевченка и, по требованію, будетъ въ цѣлости возвращать подлинники тѣмъ, кто ихъ доставитъ. Всякая замѣтка, всякій случай, касающійся такого человѣка какъ Шевченко, имѣетъ великую важность. Многое позабудется и исчезнетъ навсегда, если не будетъ записано тотчасъ, когда вѣсть о смерти поэта—художника вызоветъ разнообразныя воспоминанія въ каждомъ, кто что—нибудь объ немъ знаетъ. На насъ, Украинцахъ, лежитъ непремѣнный долгъ соорудитъ надъ свѣжей могилой народнаго пѣвца памятникъ, достойный его и народа: къ такому чистому и справедливому дѣлу каждый, навѣрно, приложитъ дѣятельное участіе.

КОБЗАРЬ.

VI.

МОСКАЛЕВА КРИНИЦЯ.

ПОЭМА.

Я. Г. КУХАРЕНКОВІ.

(на пам'ять 7 мая 1857 року.)

Не на Україні, а далéко —
Ажъ за Ура́ломъ, за Э́лекомъ,
Старій недóбитокъ — *варна́къ* (¹)
Мині роска́зувавъ отта́къ
Про сю Кри́ницю Моска́леву;
А я, суму́ючи, списа́въ,
Та рíому ни́щечкомъ до́давъ, —
Та невели́чку и дешéву
(Звичайно, кра́дене!) зобга́въ
Тобі́ поэму на помíни,
Мій дру́же щíрий, мій еди́нпй!

I.

Після *великої зими*,
За Катерини за Царі́ці,
Моска́ль ту ви́копавъ кри́ницю,
А я́къ вінъ ви́копавъ — то ми
Оце́ й роска́жемо въ пригóді,

(¹) Клейменый каторжникъ.

А ви записуйте: не шкодить
 Такую річ и записать —
 Бо се не казка, а билиця,
 Абó бувальщина, сказа́ть.
 Отта́къ пишіть: бу́ла крини́ця...
 Ні, не крини́ця, а село́ —
 Пишіть — да́вно ко́лись бу́ло
 Мі́ж садáми, при до́ліні,
 Та́кі у насъ, на Укра́їні,
 Бу́ло те Бо́жеє село́.

Въ селі то́му вдова́ жила́,
 А у вдови́ дочка́ росла́
 И синъ малоліто́къ.

До́бре ма́ти діто́къ
 Бага́тому: хваліть Бо́га
 Въ роско́шахъ; а вбо́гій
 Вдови́ не до то́го:
 (Бо зали́й за шку́ру са́ла —
 Тро́хи не пропа́ла) —
 Ду́мала и́ти въ черни́ці,
 Абó уто́пітись,

Та́къ жа́ль мале́нькихъ діто́къ ста́ло
 (Звичайне, ма́ти! — що́ ї каза́ть!)
 Та, мо́же, жда́вся-та́кі ї зять,
 Бо вже Катру́ся підроста́ла, —
 (Катру́сею вдовівна зва́лась), —
 Чи ві́къ же їй проді́вувать,
 Зно́сити бривоньки ні за́ що?
 Хиба́ за те́, що сирота́?
 А красота́-то, красота́!..
 Мій Бо́же мій! А тру́дище,
 А чепурне́, та роботя́ще,
 Та тіхе... бачъ, и сирота́,
 А всімъ бу́ла на-вдивові́жу;
 Бува́ло, ви́гляне изъ хі́жі,
 Якъ та́я квіточка́ зъ росі́,
 Якъ те́є со́нечко́ зъ-за хма́ри:
 Весь похолóну, не живій

Стою, бувало...

Аві кáра,
 Ні мýки, кайдáни,
 Ніже літá, сýну,
 Тіі сýли не втомíли...
 Оттáкъ и загíну, —
 Такъ и згíну, — бо дивíся:
 Смёрті сподівáюсь,
 А ридáю, мовъ дитíна,
 Тільки-що згадáю
 Катерíну... Слúхай, сýну,
 Мій дрúже едíний!
 Слúхай дóбре, та записуй, —
 Та на Украíні,
 Якъ Бóгъ тебé допровáдить,
 То розкажí, сýну,
 Що ти бáчивъ дйáвола
 Своíми очíма!..

II.

Такъ, бáчишъ, дівонька оттá
 Рослá собі; и роботящíй
 (Бо всюди сýроти — ледáщо)
 У наймахъ вíрiсь сиротá,
 Ненáче бáтькова дитíна.
 Отóжъ, той сáмий сиротá
 У наймахъ, сякъ собі, то тáкъ,
 Придбáвъ сiрóма грошеня́тъ,
 Оде́жу справивъ, жупанíну,
 Та не відсiль и не відтiль
 Купiвъ садóчокъ и хатíну,
 Подякувавъ за хлiбъ, за сiль
 И за наўку дóбримъ лю́дямъ,
 Та до вдовiвни навпросте́ць
 Шелéсть за рушникáми!..
 Не торгува́лись зъ старостáми,
 Якъ те бува́ зъ багатирáми,

Не торгувавсь и панотѣць
 (На дѣво лю́дямъ та на чѣдо!) —
 За трѣ копі звінчавъ у бѣдень,
 Безъ пѣхи, такъ, якъ доведось...
 Оттуть-то, голубе мій сѣзий,
 Оттуть-то й лихо почалось.

III

Ужѣ, либонь, після Покрѣва
 Вертався зъ Дѣну я, та знѣву —
 (Бо я вже двічі посилавъ
 До дівчини за рушниками) —
 Послатъ и въ грѣйте міркувавъ, —
 Та съ чумака́ми, та зъ вола́ми,
 Якъ разъ въ неділю на весілля
 До удовівни причвалавъ.
 Пропало; все добро пропало,
 Ані щітінки не зосталось!..
 Пропавъ и я, — та не въ шинку́,
 А на *кобилі*... На віку́
 Всі лю́де ба́чять ли́хо, сѣну;
 Але тако́го, мій е́диний,
 Тако́го лю́того — ніхто́,
 Ніхто́ и зда́лка не ба́чивъ,
 Якъ я, лука́вий! А тимъ ча́сомъ
 Просо́хли о́чи у вдові́:
 Нена́че въ Бо́га за двері́ма,
 У зя́тя та въ сѣна
 Старá собі спочива́е,
 А на Катері́ну,
 На дитя́ своѣ сѣ́нне,
 Ті́льки погляда́е.
 А я въ шинку́ съ пьяні́цями
 Ду́шу пропива́ю, —
 Та й пропѣ́въ! Запро́давъ ду́шу, —
 И ду́шу и ті́ло:
 Ті́ло ка́тові, а ду́шу...—

О, Бóже мій мїлий!
Хотїлося бъ жить на свїті,
Та-ба! трѣба вчїтись —
Ще змáлечку трѣба вчїтись —
Якъ на свїті жїти,
А то битимуть, та й дўже!..
Не знáю, мій друже,
Чи сатанá ли́хо коївъ,
Чи я занедўжавъ,
Чи тó менé злáя дóля
Привелá до тóго!..
Такі й дóсї ще не знáю —
Не знáю нїчóго...
Знáю тїльки, що тверезнїй,
(Бо вжé анї вїна,
Нї медї, нї оковїта
Не пилїся, сїну)!..
Оттакé-то сподїялось!
Вмеръ бáтько и мáти,
Чужї люде похováли,
А я, мовъ проклятий,
Мовъ Іўда одрїнутий
И людьми и Бóгомъ,
Тиняюся, хováюся —
И дїйшлó до тóго,
Що я вь ночї підкрáвшися,
Максїмову хáту
(Бо ёго Максїмомъ звáли —
Вдовинóго зятя)
Запалївъ! Згорїла хáта...
А душá проклята
Не згорїла... моя душá,
Мій друже, мій брáте,
Не згорїла, а зостáлась —
Тлїе, й дóсї тлїе...
И колї вонá зотлїе,
Колї одпочїне, —
Святїй знáе...

IV.

Съ переляку

Вмёрла Катеріна;
 А Максѣмъ на пожаріще
 Та на попіліще
 Подивівся... нема́ раді!..
 Тільки вітеръ свіще
 У димарі та въ ко́мині...
 Що́ тутъ въ світі дія́ть,
 И що́ тепе́рь ёму́ почати?
 Подума́вши, перехрѣстѣвъ
 Та й зновъ пішовъ у наймиті́
 Голо́дні зли́дні годува́ти;
 Вдова́ зоста́лась не сама́,
 А зъ си́номъ па́рубкомъ; жени́ти
 Ёго́ збира́лась въ осе́ні,
 Ажъ гу́лькь!.. одъ ма́тушки-ца́риці,
 Таки́ изъ са́мої сто́лиці,
 Прийшо́въ ука́зь — лоби́ голіть;
 Се въ пе́рший разъ та́кий ука́зь
 Прийшо́въ зъ Моско́вщини до насъ,
 Бо на Украі́ні въ насъ бува́ло
 У коза́ки охочі́ йшли,
 А въ пі́кинэри вербува́ли —
 Та тежъ охочѣхъ... На селі́
 Зібра́лася грома́да ра́дити —
 Кого́ голіть у моска́лі.
 Пора́дили грома́дою —
 И вдовичѣ́нка-леда́щїцю
 Заби́ли въ скре́пїцю,
 Та й пове́злі́ до прїѣ́му!
 Онъ-яке́ твора́тця
 На сі́мъ світі́, — яка́ пра́вда
 У люде́й, мій си́ну!..

V.

»Ні вже», каже, »добрі люде,
 Не такь воно́ б́уде,
 Отт́акъ хиб́а!« Максимъ каже:
 »Які зъ мене люде
 У наймит́ахъ! Ид́у служ́ить;
 Нех́ай», каже, »вдов́инъ синъ
 Та не ста́не підъ арш́инъ,
 А я ста́ну «

Изъ приёму

Верну́вся до-до́му,
 До ма́тери вдов́иченко;
 А Максимъ съ приёму
 Пішо́въ собі у Москалі,
 Помолі́вшись Бо́гу.
 Мині полéгшало, — а съ чо́го,
 Съ чо́го полéгшало мині?
 Съ то́го, що́ во́рога не ста́ло...
 Яко́го жъ во́рога, мій Бо́же!
 Мо́я пекéльная ду́ша
 Кого́ бо́ялася? Макси́ма!
 Ні, не Макси́ма, а когос́ь,
 Когос́ь бо́ялася прокля́та:
 Луциперові служ́ила
 Та ёго́ й страши́лась!...

VI.

Черезъ годъ, ото́, й вели́ка
 Зи́ма наступі́ла;
 До зеле́ної неді́лі
 Въ байра́кахъ білі́ли
 Сніги́ білі, — тоді́ жъ ото́
 И Оча́ковъ бра́ли
 Москалі; а Запо́ро́жже

Перше зруйнували.
 Розбрилося товариство...
 (А що то за люде
 Були тіі Запорозці —
 Не було й не буде
 Такихъ людей!..)

Підъ Очаковъ

Погнали й Максима:
 Тамъ-то ёго скалічено,
 Та на Україну
 Повернено зъ одставкою, —
 Бачишъ, праву ногу,
 Чи то ліву, підстрелено...
 Мини не до того
 Було тоді: знобу люта
 Гадина впилася
 Въ саме серце; кругомъ ёго
 Трічі обвилася,
 Якъ той *иродъ*... Що тутъ робить?
 Не дамъ собі ради;
 А Максимові кривому
 Нічого не вадить:
 Шкандибае на мйлиці
 И гадки не мае;
 А въ неділеньку святую
 Мундірь надівае,
 И медаль и хрестъ причепить,
 И заплетє косу
 Та ще й борошномъ посіпле...
 (Я не знаю й досі,
 На що вонó Москалі ті
 Коси заплітали,
 Мовъ дівчата, та святее
 Борошно псували?...
 На йграшку, я думаю—
 Такъ-собі, абй-го!)
 Отó жъ було, мовъ генераль,
 Максимъ сановіто

Приберётця у неділю
 Та й пошкандиває
 У храмъ Божий; на криласі
 Стане та й співає
 Зъ дякомъ-таки, ато вóзьме
 Та ще й прочитає
 Апóстола середъ цѣркви
 (Вівчився читати
 У москаляхъ). Непѣвний бувъ
 Максѣмъ отой, брата, —
 Та трудящий, роботящий,
 Та тихий до того,
 Та ласкавий... було тобі
 Нижѣ анікого
 Не зачѣпить ни́же діломъ,
 Нижѣ якѣмъ слóвомъ.
 »И таланъ и безталанне
 Всѣс, ка́же, »відъ Бóга
 Вседержителя свято́го,
 А бѣльшъ нѣ відъ ко́го...«
 Преблагий бувъ мужъ на світі
 Максѣмъ отой, сѣну;
 А я! а я!.. не вѣмовлю,
 Моя ти дитино!..
 Я — вбѣвъ ёго!.. Пострѣвай-лишь,
 Трѣхи одпочѣну,
 Та тоді вже...

VII

Такъ ти ка́жешъ,
 Що бачивъ Криніцю
 Москалеву, що ще й до́сі
 Беру́ть зъ неї во́ду?
 И хрѣсть, ка́жешъ, коло́ шляху
 И до́сі Господніи
 Стоїть собі на роздо́ллі;

А не розказали
 Тобі люде тамъ нічого?...
 Вже повимірали
 Тії люде, мої свідки,
 Праведнії люде;
 А я й досі караюся
 И каратись буду
 Й на тімъ світі...

Ось послухай,

Доводить до чо́го
 Сатана́ той ду́шу на́шу; —
 Якъ не схаменѣтця
 Та до Бо́га не вернетця —
 То такъ и ввипѣтця
 Пазура́ми въ са́ме се́рце...
 Ось слухай же, сину,
 Про Макси́ма праведного:
 Було не спочине
 Ніколи вінъ, а въ неділю,
 Або́ въ яке свято,
 Берѣ святий псалти́рь въ ру́ки
 Та й іде́ читати
 У садочокъ: (у садочку
 Тамъ, у холодочку —
 Катерину поховали...)
 Отожъ, у садочку,
 За упоко́й душі її
 Псалти́рь прочита́е,
 Потімъ собі тихесенько —
 Тихо заспівáе
 »Со святими́, та й запла́че,
 А потімъ помья́не
 »О здра́внїк те́щу зъ си́номъ, —
 И весѣлий ста́не:
 »Все́ одъ Бо́га, — ска́же собі:
 »Тре́ба вікъ дожи́ти!«
 Оттакій-то му́жъ праведний
 Бувъ вінъ на сімъ світі;

А у б́удень, — то вінъ тобі
Не посідить въ х́аті —
Все нішпорить по надвірью!
»Треба роботати,«
Було скаже по-москóвські:
»Ато, ле́жа въ х́аті,
Ще опухнешь.« Та взявъ якóсь
З́аступъ и лопату,
Та й пішовъ собі у поле
Крини́цю копати.
»Нехай«, ка́же, »коли́сь лю́де
Б́удуть во́ду п́ити,
Та за мою́ грішну д́ушу
Го́спода моли́ти.«
Вийшовъ въ поле, геть одъ шля́ху
У ба́лку спусті́вся,
Та й ви́копавъ при до́ліні
Гли́бокку крини́цю.
(Не самъ оди́нь: толо́кою
Їму́ помага́ти
Й до́бри лю́де приході́ли
Крини́цю копати).
И ви́ложивъ ця́мриною
И, надъ шля́хомъ въ по́лі,
Височéнний хрéстъ поста́вивъ:
Зо всéго роздо́ля
Широ́кого було́ видно;
Се, ба́чишь, для то́го,
Щобъ зна́ть було́, що крини́ця
Есть коло́ дорóги,
Щобъ заході́ли зъ крини́ці
Лю́де во́ду п́ити,
Та за то́го, що ви́копавъ,
Бо́гу помоли́тись.

VIII.

А теперъ ужé, — онъ бачишъ,
 Доходить до чо́го! —
 Що я стратитъ наміряюсь
 Макси́ма свято́го...
 Оттакé-то!.. А за віщо?
 За те, за що Ка́їнь
 Убивъ брата праведного.

— — — —
 Чи то було у неділю,
 Чи въ якée свято,
 Слухай, сїну, якъ навчае
 Сатана прокля́тий:
 »Ходімъ«, кажу, »Уласовичъ,
 На твою крини́цю
 Подивітись.« — »Добре«, каже —
 »Ходімо напітись
 Воді зъ неї погóжої.«
 Та й пішли оббе,
 И відерце и віжечкі
 Понесли зъ собою.
 Отъ, приходімъ до крини́ці;
 Я першъ подивився —
 Чи глібоко. »Власовичу«, —
 Кажу, — »потрудіся
 Воді достать: я не вмю.«
 Вінъ и нахилівся,
 Опускаючи відерце;
 А я... я за но́ги
 Вхопівъ єго, та й укинувъ
 Макси́ма свято́го
 У крини́цю....

Отакé-то
 Сотворівъ я, сїну!..
 Такого ще не творилось
 Въ насъ на Україні!

Та й ніколи не створитця
 На всімъ світі, брате!..
 Всюди люде, а я *одінь* —
 Дияволь проклятий!...

ІХ.

Черезъ тиждень вже витягли
 Максима зъ криниці
 Та у бальці й поховали;
 Чималу каплицю
 Поставили громадою,
 А ёго криницю
Москалевою назвали...

А я... пішовъ у гайдамаки
 Та на Сибірі й опинивсь,
 (Бо тутъ Сибіръ була колись)...
 И пропадаю, мовъ собака,
 Мовъ той Іуда... Помолісь
 За мене Богу, мій ти сїну,
 На тій преславній Україні,
 На тій веселій стороні...
 Чи не полѣгшає міні?..

Т. ШЕВЧЕНКО.

1857.
 Новопетровское
 укрьшення.

ЗАКОХАНІЙ ЧОРТЪ.

I.

Тільки й бачивъ я рідний край поки рісь, а тамъ, якъ оддали у слўжбу, такъ и пішовъ, не по своїй волі, мотатьця по світу, якъ те перекотипіоме, що вітеръ носить по стєнахъ: кóтисся, кóтисся, поки не зупинить тебе дóля, або не притóпче ліхо.

Хочъ и лучалося мині, дє-коли, навідуватьця у рідну Україну, такъ чи дóвго жъ то спочинешъ підъ тєплимъ її крилómъ?... И зновъ, на край світа, мандрюешъ до чóрта зъ рогами! За тєжъ, літь у шість, а мóже й більше, якъ изъ Кúрської губєрнії уїдешъ у Хáрьківську, то такъ тобі стáне легєнько, мовъ на крилахъ тебе підняло... Та зъ сєго бóку Хáрькова ще не тáкъ; зъ Лїпець нáша Україна тепєрєчки якóсь Москóвщиною дївитця: нáмїсть шинківъ — проклáта кабáщина, постоялі дворї, на москóвський ладъ; скрізь по дорóзі тїгнутця москóвські одноківні телеги, одна до другої попричєплювані, якъ фїги на лічку; кудї не глянь, усє пилипони зъ рїжими бородами, у лáптяхъ, ажъ занудить на нихъ дивлячись. Такъ, бáчите, зъ сєгó бóку, кажú, ще не тáкъ, а отъ якъ перєхóписся черезъ річку Хáрьківъ, то хто бъ не сказáвъ, що сє Бóжа сторона!..

Тутъ зáразъ починаєтця отгóй великий боръ, що висóкі сóсни ажъ хмáру підїрають. Оцє жъ вамъ и Осно́ва, де бáтько нашъ Квітка збивъ собі, зъ своїхъ повїстєй, такий місний чóвєнь, що до-віку-вїчнєго бóде плáвати по плюгáвій річці Лєті. Отгúть же и вóльна; скудї жъ-то Хáрьківські мїщанє и чєрнь, удáривши ліхомъ объ зємлю, схóдятця одвести дúшу и зада-

вїть гóре свогó бездóлля. Отгúть, побáчили бѣ вї, у неділю и по празникáхъ, скїльки збирáетця нарóду! Верстóвъ на п'ять, а мóже й бїльшъ, уподóвжъ дорóги, гуля́ мїщáнство: дівчáта у стрїчкáхъ, у стѣнжкáхъ, молодїці у парчѣвихъ очїпкáхъ, у кармазїнахъ, у глазетї, а козáцтво у бриляхъ, у чуйкáхъ фабрїчного сукнá, шовковїми пояса́ми попідперезованї, а скїльки ще тогó лакейства у ф́ракахъ та у сертукáхъ, мовъ та Нїмóта. Инші збїлись бїля музїки, сáдють гоцака́, вибивáють тропакá, аж лїхо смїетця; дрúгї посїдали кúпками, снідають, кругляють горїлку, теревенї гнуть, сїва́ють, регóчутця, аж луна́ округї йде. Їдешъ бу́ло, дївнїся, дївнїся та й не втерпїшъ: вїлїзешъ зъ тарантáсу и пїдїйдешъ до якогó-небу́дь товариства: «хлїбъ та сїль, люде́ добрі!» скажешъ. — Спасїбі, — одкажуть, и прóсять: — сїдайте, не погрѣбайте хлїбомъ Бóжимъ! — Заразъ и частúють, и на калиновїй тарїлочцї пїднóсять сáло, кїльце ковбасї. Сїдешъ, бу́ло, до гúрту, вїпьешъ корячóкъ горїлки, ззїсї шматóкъ сáла, побалáкаешъ, — свогó додасї весѣлого слóва. Бóже мїлий, якъ же то вони́ дякують!.. Стáнешъ прощáтьця, то тáкъ и загомоня́ть; одїнь кричїть: «пошли́ вамъ, Гóсподи, усякого щáстя за те, що прóстихъ людѣй не цура́етесь!» дрúгий: «нехай́ вамъ Бóгъ, на тїмъ свїті, за насъ оддя́кує!» Бува́є й такé, що яка-небу́дь молодїця, червóна якъ ма́ківка, схóпиця, обїймe, та й поцїлу́етця на прощáнне. «Сe», ка́же, «щобъ не скóро забúли на́шу хлїбъ-сїль!» Смїхú такогó нарóбить вра́жа молодїця, такъ усї и покóтютця, ухопївшись за животї. Щó-то за втїшнї та швидкї, тї хáрьківські молодїці, — нехай́ їмъ легѣнько ивнѣтця!

Проїхавши кїльки верстѣ́ бóромъ, стáнешъ пїдїймáтьця на гóру. Тутъ вже тѣмна соснїна почїна́ мїшáтьця зъ дúбомъ, лїпою, клинїною, бѣрестомъ, усé ста́є густїйше, густїйше; дѣрево переплелóсь вїтами якъ те волóсся; орїшникъ, глодь, шепшїна позростáлись, сто́ять якъ добра́ огорóжа. Чимъ дальшъ їдешъ, тїмъ краще́ врóда: пїшли и долинки зъ прогáленами якъ рúта зелѣними, и ярї сѣ провáллемъ, що якъ глянешъ, то у головї закрутїтця. Мїй Бóже мїлий! щó за лїс! Якїхъ нема́ тутъ дерѣвъ! И висóкихъ, величѣзнихъ, и старїхъ, скóрченихъ, похнóпихъ, що вже вїку свогó доживáють. Инше злáмане бúрею и опáлене грóмомъ, стоїть собї край дорóги якъ чернѣць; тамъ трухлявїй пень схилївся якъ той старецъ зъ тóрбою. Кудї ни глянь — усé тебе́ чарúє, при-

вітає, усє тобі всміхаєтця. Здаєтця, сама рідна ма́ти на́ша Україна вийшла́ тобі на-зустрічъ: то спогляне на тебе гарячимъ сонцемъ, то приту́литця пахучимъ холо́дкомъ изъ тёмного лісу, то промовить піснею, то озове́тця соловейкомъ, жайворонкомъ; то неначе граєтця зъ тобою: затурчіть у вухо горлицею, залоскоче тихесенькимъ вітерцемъ. Такъ тобі вєсело, такъ легенько, мовъ у раю!.. Душа́ мліє, серце трепечетця, токотить, б́уцимъ що до тебе промовляє; не розберешъ що воно́ роска́зує, а слухаешъ—не наслухаєся, якъ не наслухаєтця ма́ти своєї дитини, бо та мо́ва соло́дча для неї одъ медо́вої річи найрозумнішої лю́дини.

II.

Од́їхавши одъ Ха́рькова версто́въ двáдцять, лісь почина́ ридіти. Зъ висо́кої гори́ ужє відко́ село́ Мерєфу, зъ церкв́ами, дзвони́цями, сад́ами и лєва́дами, — геть-геть роски́нулось по доли́ні. За село́мъ блищ́ать течі́и, зато́ки й озєра́ Мжи́. Потекла́ вона́ у лїво́ промі́жъ ку́щівъ верболóзу и вільхи; а напро́тї гла́дко стєлетця зъ моги́лами ширóкий стєпъ. Сивіє старє́нький якъ мо́ре, мріє, мріє, по́ки не зійдетця зъ нє́бомъ, а нє́бо зъ землею. Гуля́йте óчи, гуля́йте д́уми, якъ ко́лись гуля́ло по сє́му стєпу́ во́льне коза́цтво!

Про́їхавши Мерєфу и перебра́вшись черезъ плєса́ Мжи, вїдєшъ на торго́вий шляхъ, що йде́ у Кримъ. Прото́пта́ла сей шляхъ ще татарва́, якъ ко́лись ходїла на на́ше безго́ловья́ підъ Москв́у, палїти горо́да́ и забїра́ти у невóлю хрещє́ний-лю́дь. Скї́льки óкомъ нї кївешъ, скрі́зь по доро́зі, якъ гадю́ка, суну́тця ху́ри: на-зустрічъ вєзۇть шлє́нку, ко́жі, сїль, рїбу; скри́плять татарськї́ гáрби, запря́женї буйво́лами и вербл́юдами. Изъ Ха́рькова вєзۇть уся́кий кра́мъ, машїни, паровикї́, їдуть купці́ у Кримъ, у Бердя́нськъ, їдуть панї́ и тудї́ й відті́ль, женۇть табунї́, гуртї́, отáри, идє́ наро́дь на заробі́тки, у стєпї́ и къ мо́рю. Літо́мъ вєсело́ и глянуть на сей шля́хъ, а побáчили бъ ви весно́ю, абó у восєні́, що тутъ дієтця... кри́й Бóже, якє́ ли́хо! Замо́рдована скоти́на по са́ме че́рево гру́зне у ба́гні; наро́дь бичу́єтця, то́питця по ба́лкахъ, по перє́тїчкахъ. Бода́й и не зга́дувать!.. Отту́ть би простя́гтї залї́зну ко́лею! Потекла́ бъ по нї́й зо́лата́ рїчка́ живу́щої и сцїлю́щої водо́ї.

Дуже ще бідуюсь, ідучи по сьому шляху на обивательскіхъ. Розкажѣ вамъ, якого разъ набрався я лиха, сдѣвши на *открытій листъ*. Изъ Мерѣфи на почтарьскіхъ, ще загода, добігъ я до Таравівки. Прямо у волоснє правленіє ввійшовъ — такъ гарно, по середині стілъ, зеленимъ сукномъ засланний, якъ у суді, и патрєтъ висить. Дивлюсь — нема нікого; тільки якийсь каліка, скорчившись, сидить біля скрині — се бъ то стережє громадські грóші.

»Е коні?« питаю.

— Нема, — схопившись одвѣтивъ каліка.

»А писарь — дѣ?«

— На семі.

»Коли бъ позвѣтъ?«

— Заразъ збігаю.

Пошкандибавъ сердешний; черезъ яку тамъ годину идє писарь повѣгомъ. Ще молодій, шапка на бакірѣ, у китайчатій черкєсці и випойковихъ чобóтяхъ.

— А чого вамъ треба? — спитавъ вінъ, доходячи до мене.

— »Кóней, голубчику.«

— А подорожня, чи-бáкъ одкритій листъ ё?

Подавъ ёму одкритій листъ; вінъ подививсь, заразъ и прогони вщитавъ, — такий митєць! и ще накинувъ кілька верстовъ залийшнихъ. Видно, що бувъ уже за Харьковомъ, и головою мотá, якъ москаль, щобъ пátли ёму не лзли у вичі, и випинаєтця, и палець засóвує за гаплікъ.

— А нý-лишенъ, — гукнувъ писарь на каліку, сховавши у кишеню грóші: — бігай за десятникомъ, — та швидче!

Зновъ пошкандибавъ каліка; нескóро ведє того десятника.

— Трóйку коней, — грізно крикнувъ писарь на десятника: — та швидче!

Стоить десятникъ, тільки потїлицю чуха.

— Чого стоїшь? позакладáло? — гукнувъ писарь на ёго, та ажъ почервонивъ зó зла.

— Не позакладáло, — одкаже десятникъ, — тільки що коні паcтця у стєнѣ!

— Такъ щó, що въ стєнѣ? пиймайте та й ведіть.

— Ще треба знайти, куді вони позабігáли, ті бисови коні, та тогдї вже — ловіть...

— Такъ виді та й шукай; а тўтечки, опрічъ лїпаса, нічого не знайдешъ.

Зникъ десятникъ, якъ на той світъ провалївся. Ужé я й село обїйшовъ, и у тарантасі дóбре вїспався, а коней нема та й нема. Надъ вечіръ вже пригнали двоухъ шкапокъ зъ лошятами.

— А трейтя?—питаю.

»Ще не пїймалис, озвãвсь десятникъ; »тамъ такé прудкé звїря— бодай вовó здóхло, — що нїякъ ёго не наздоженешъ.«

Ажъ ось ведуть и того прудкого — и ломáкою підганяють, — бачите — втомїлось, сердéшне, утікáючи. Стáли запрягáть, — пораяютця, якъ мóкре горить; розгледїлись — и того нема и дрúгого, и зновъ погна́ли калїку за вїжками, за черезсїдельникомъ. Да такъ ажъ до за́хїдъ-сонця додёржали. Рўшили — лéдві коні везуть; не схамевѣлись, якъ и нїчъ. Погóничъ повертае то у той бїкъ, то въ дрúгий, — загубївъ, гáспедївъ сянъ, дорóгу, — лае и коней, и хто їде, и нїчъ, и степъ.

— Кудї тебе нечїста мáти нóсить? — питаю погóнича: дорóга пряма, якъ стрїлка, а ть крутїсся, якъ мўха увъ окрóпї?

»Коли жъ нічого не бáчу«, ка́же погóничъ, и вїжки кїнувъ: »у мéне кўряча слїпотá.«

Щó тутъ робїть? Увёсь степъ покарбóваний дорóгами; не втрапишъ своёї, то ка́зна-кудї ще заїдешъ, — дўмаю собї: хочъ би доїхать до трахті́ра, що недалéчко одъ Таранївкї. Нічого робити: — самъ сївъ за машталїра, и потихёнку, підтюпцемъ, благополўчно доплелїсь до того трахті́ра.

III.

Хазяйка сёго заїздного двóру, велика цокотўха, булá дóбре минї по знакў: ще змáлку її знавъ. Давно не бáчились, а тїльки ввїйшовъ у хáту, зáразъ пізна́ла.

— Чи живї, чи здоровї? спитавъ я, протираючи óчи и розгледўючись.

»Слáва Бóгу«, одвїтила хазяйка, »стáриємось по-трóшку. Ось подивїтця на мою Олéсю: мáтиръ перерослá (Хазяйка глянула на чорнявеньку дївчину)! А се слїпéнький дїдъ (Хазяйка показáла на столїтвёго дїдугáна, що сидївъ на покутї, схилївши бїдолáш-

ну свою голову на груди). »Колись співавъ по ярмаркахъ, а тепереньки тільки луна ходить по світу одъ ёго пісень: увесь голосъ віспівавъ и бандуру потрощивъ.«

Гарна дівчина Олеса, така повна, миловіда, — а я дивився на діда. Зрѣду такого діда не бачивъ: біле волосся, густе якъ лісь, прикривало ёму високе чоло; брови насунулись на сами очи, а широка борода ажъ до пояса доходила. Оттакъ узявъ би пѣнзель, та й списавъ вамъ Сатурна.

— Відкіль старій? — спитавъ я діда, сідючи біля ёго.

»Хто ёго знає, обізвалася хазяйка: дувесь свій вікъ вѣштаєця по світу... Живъ колись за Берёкою, такъ давно жъ; теперечки вже забувъ и свій хутіръ и свою хату.«

— Ні, не забуду, — обізвася дідъ, — не забуду!..

»Куди жъ теперъ идешъ?« попитавъ я діда.

— У Павлоградъ.

»Що жъ тамъ будешъ робити? співати, чи що?»

— Та ні, кажу вамъ, — перехопила хазяйка: — вінъ теперъ не співа, вінъ тільки розказує.

»Що жъ вінъ розказує?»

— Що зъ нимъ діялось на світі, якъ козакі бились зъ ляхами, съ татарами, про відѣмъ, про чортівъ!.. Вінъ увесь світъ виходивъ: бувъ у Черноморіі, у Глухові, за Київомъ бувъ.... А чи не наставить вамъ самовару?»

»Наставъ, паніматочко.«

— Отъ и добре! старенького напѣте гарячимъ, то вінъ вамъ за те що-небудь розкаже.

»Чи довго вже волочисся по світу?« спитавъ я дідугана, якъ ми зостались вічъ-на-вічъ.

— Довго, дуже довго, — одказавъ старій, вѣжко зітхнувши, я ще оженивъсь у Очаківську зиму. Ми тоді жили на запорозькихъ зѣмляхъ вѣльними козаками. Якъ же зруйнували Кошъ, то нашъ посѣлокъ зъ зѣмлями достався якѣмусь пану. Не схотівъ я зоставатьця панськимъ, запрігъ коня, узявъ жінку зъ дітьми — дівчину по восьмому годку и хлопчика-годовичка, та й помандрували у Черноморію. Одъ Тора довелось простувати степомъ якъ моремъ, — ні хуторця, ні зѣмлячки. Той рікъ була засуха, и якого ліха ми не одвідали: кинь безъ пашви и подпою здохъ, ми потяглись пішки; що було зъ нами запасу — поїли, тільки й

живились коріннямъ. Не пройшли й десяти день, якъ поховали дочку й сїна, а тамъ, зъ нудьги та голоду, занедужала й жінка; я нісъ її на своїхъ рукахъ, поки не оддала душі Бóгу. По Чорноморїї я вештався тридцять п'ять лїтъ; бївся зъ Черкесомъ, плававъ по Чорному морю, а тамъ потягло мене зновъ у рїдну сторону: забажавъ ще побачити батьківську хату и поклонїтьця батьківській и мятчинїй могїлі. Прийшовъ—и не пізнавъ нашого хутора: де була наша хата, тамъ росплóжено панський садъ; а де було кладовище, тамъ стоявъ шинóкъ. Вийшовъ я на вигонъ, глянувъ на слóбоду в округї, згадавъ молодий вїкъ, батька, мятіръ, жінку, дїтїй, — заплакавъ та й пішовъ собі свїтъ-за-очима. Отъ ужé тридцять лїтъ, якъ тутъ вештаюся, а трї-тридцять, якъ живу, — а, бреше вона, батьківської хати не забувъ. Було, якъ заспїваю, то минї здавалося, що я сижу біля своєї хати и менé слухають батько, мати, жінка й дїти!...

Не багáто словъ увъ оповїданнї дїда, а скїльки жъ то лиха!.. И не хотївъ вінъ розжáлобить, а глїбоко уразївъ сєрце, вáжко засмутивъ дýшу. Дóвгу нїзку лиха нанвзала єму злáя дóля!...

Хазáйка не дала минї зъ старимъ дóбре й розговорїтьця, принесла чашкї и зновъ заторохтила: то про Троїцький ярмарокъ, то якї панночкї повихóдили зáмїжъ, якї ще позоставáлись, налїчїла зъ десятокъ помєрлихъ и приспáлась до дїда — чóмъ вінъ не розкáзує.

— Якъ же минї розкáзувати, — сєрдїто обїзвáвся дїдъ, — коли не даєтє й рóта роззáвить; скрегóчете, мовъ сорóка на вербї!...

»Мовчáтиму, ей-же Бóгу мовчáтиму,« перебила хазáйка, »тїльки розкажїть, бóдьте лáскаві, про закóханого чóрта.«

— Дóбре, дóбре, розкажў, — чóмъ не розказáть?

Дїдъ зъ великимъ смáкомъ пивъ чай, заїдаючи харьківськими бўбликами, а тамъ, якъ вїхиливъ ще двї чáшки зъ рóмомъ, то ажъ помолóдшавъ.

— Оттепєръ, кáже, — якóсь сїли добóувъ; здаєтця, якъ-бї бандўра, то бъ и заспївавъ!...

IV.

Старий пїднявъ гóлову, и ще твердїмъ гóлосомъ тáкъ почáвъ:
»Дїдъ мїй бувъ Запорóжець. Дé єму на вїку не довелóсь бу-

вѣти, чого́ не бачити! Удався вінъ висóкий, здоровий, та ще вдатокъ бувъ и великий характерникъ: знався зъ відьмами, зъ чортами, нічого на світі не боявся: правдивий бувъ Запорóжець! Ужé не молодімъ прийшовъ вінъ на Берéку, одруживсь и збудувавъ собі хату. Живъ вінъ трóхи не сто годъ, и до смёрти добре чувъ, бачивъ, а йнкили сѣде на коня́ и óхляпъ поїде у Харьківъ. Отто́ жъ підъ старість, у довгий зимній вéчоръ, якъ стáne оповідати, щó зъ нимъ діялось, то и смієся, й плачешъ, а часомъ и чуприна полізе до горі́. Ось якъ вінъ розказувавъ про того́ закоханого чорта: разъ у схватці съ татарами убіли підъ дідомъ коня́. Жаль ёму́ того́ коня́, якъ рідного брата: одно́ — надéжний бувъ, а друге — тако́го не знайти и на Запорóжжі. Отъ дідъ и пішовъ у слóбоди пошукать лицарського коня́. Тоді не такъ, якъ теперъ: скрізь бу́ла пустиня, и дїду довелось простувать по степáхъ навмані́, нитáючи дорóги то у сонця, то у звїздъ. Черезъ кїльки днівъ дідъ трóхи притомивсь, вже и тóрба зъ запáсомъ стулілась: остáнній сухáрь доївъ. Зблизившись икъ Донцю́, дé починаютьця пўци́, дідъ зайшовъ у такú гупциню́, що не проде́тця:—морське́ дéрево такъ и хвїська, а тутъ и нічъ насунулась. Сівъ вінъ собі підъ кущёмъ, підождати, по́ки зйде місяць, та й задрімавъ. Ажъ чўе скрізь сонъ, ненáче хто ёго́ тягне; прокинувся — дивитця: пóвний місяць ужé височенько, и вітру нема́, а дёрéвья такъ и гнўтця, усé вь одну́ стóрону, и ёго́ самого́, ненáче якá невидóма сїла, туди́ жъ тягне. Ставъ приглядуватьця, ажъ недалéчко стоїть висóкий козакъ у кармазиновімъ жупáні, вь чóрнихъ оксамітовихъ штáняхъ и жóвтихъ чобóтьяхъ... такий зъ нёго чуприндїрь, що крáщого не знайти и у Кóші! Стоїть прóти місяця и рука́ми розма́хуе, ненáче ко́го до себе мáнить; и якъ махне́ рукою́, то ажъ дёрéво до ёго нахиляетця и мого́ дїда немовъ хто у потїлицю штовхá. Щó воно за́ бїсь, подумавъ дідъ: чи не характерникъ?.. Хотївъ вже́ бувъ до ёго обїзвáтьця, коли чўе, щось гéпнуло за дёрéвьями, да такъ йскрами крўгомъ и обсеїфáло. Дивитця, изъ-за кущївъ вийшла височенька дівчина, ще молодá, дóбре ўбрана, да та́ка гáрна, що кра́пцї и у снї не побáчишъ. Несміло підійшла вона́ до козакá, згорнувши на грўдяхъ рўчки.

— Чого́ ти менé звавъ?« спитáла дівчина́ такимъ голоскóмъ, що у мого́ дїда ажъ сёрце тёхнуло.

— »Питаєшъ — чого?« промовивъ козакъ: »Хибá не знаєшъ, якъ я тебе кохаю?... безъ тебе мині и пékло не мiле!..«

— »Отъ зачiмъ!« каже дiвчина: »Я давно вже се знаю.«

— »Та нiс, одказавъ козакъ, »не затiмъ... якъ тебе побачу, то й самъ не знаю, щó говорю... Слухай, Одáрко... скажи мині, чи хочешъ бiти моєю?... хочъ бi ти у тисячну дóлю такъ менé кохала, якъ я тебе!..«

— »Не треба мині твого кохання, — не просi й мого!« одризала дiвчина, одвернувшись: »сцуръ тобі, пекъ тобі!«

— Ого! подумавъ дiдъ, — яка пиха! зневажае залицання такого козакá!

— »Слúхай, Одáрко«, зновъ почавъ козакъ: »буди моєю, — усé для тебе зроблю, усé, чого тiльки не забажа твоá душá!«

— »Не зробишъ того, чого моя душá бажае...« одвiтила дiвчина, вáжко зiтхнувши.

— »Зроблю, ей-же-ей зроблю«, каже козакъ, »заприсягаюся тобі пékломъ, Сатаною и Фарнагiємъ, — щобъ мині не згубити нi годноi Християнскоi душi, щобъ мині провалiтьця у полóнку пiсля Ордáни.... бiтъ-щó!«

— Якъ винъ, гáспедiвъ синъ, кумéдно бóжитця, — подумавъ дiдъ.

— »Не вiришъ?« пита козакъ.

— »Не вiрю«, одвiтила дiвчина.

— »Не знаю, якъ вже мині й запрягáтись, моя голубко!« каже козакъ, — та пригорнувъ до себе дiвчину и цмокнувъ ii у щóку....

Якъ цмокнувъ, такъ по усiй пiщi луна й пiшла: захитáлись дiрiвья, гiлля до гiллi прихилилось, затiркали гóрлицi, и мого дiда нахилило до землi, — якось гiби засвербили, а тутъ, де не взялась жаба, — плiгъ! и не схаменувъ, якъ чолóмкнувъ бiсову тварiоку. И щó бъ ви думали? такъ ёму зробилось вiсело на душi, мовъ гáрну дiвчину у яснé око поцiлувавъ!

»Охъ«, застогнала дiвчина, ухопившись за щóку: »якъ же ти менé опiкь!.. такъ одъ тебе пékломъ и несé. Коли хочешъ,« каже, »изо мiною розмовляти, то хибá у водi; а тутъ ти менé спáлишъ своїмъ пекельнимъ коханнямъ!«

»Добре«, каже козакъ: »нумо женихáтись у водi.«

Дивитця дiдъ: бiля iхъ и сáжалка; чи вона була, та винъ ii

не бачивъ, чи вона, справді, уродилась, якъ кажуть, по щучому велінню. — Що се за вража мати! — подумавъ дідъ: — чи вони люде, чи може чорті?..

Сумно йому стало, ажъ оселедець* біля вуха заворушивсь. Далі дівитця, стали роздягаться; дівчина, буючимъ не своїми руками, зняла кофту, плахту; далі, не соромлячись, и сорочку. Якъ глянувъ на неї дідъ, то ажъ жижкі въ його затрусїлись; давнó вже минуло, а було якъ заходиться розказувать, то ажъ цмока, ажъ очи йому рогомъ лизуть, — така гарна! Місяць якъ срібломъ понявъ біле її тіло; уся якъ віточена, а довга коса, чорна, якъ гадюка, такъ и обвиваєтця кругъ тонкого стану, и ажъ до повнихъ литокъ достає. Повернулася зъ плечей — ще краща; тільки роздвївся дідъ, ажъ хвостикъ! такъ собі, невеличкий, та матері його бісъ — хвостикъ! виходить, що дівчина — відьма. Глянувъ на козака, ажъ и въ того — хвість! такий довгий, якъ у хорта, и такъ імъ виграє, якъ кіть передъ мишою. — Эге, такъ-отъ воно що! Тутъ ужé догадався дідъ, що чортяка та закохався у відьму. Думає собі: хай же вамъ бісъ! хотівъ бувъ тїкати, такъ не здвигнєтця, якъ до землі прирісє; хотівъ перехристїтися, такъ руки не підїме. Досадно діду, та нічого робїти; принїкъ до землі и дівитця — що дальшъ буде. Увійшовъ чортъ зъ відьмою по поясъ у сажалку и зновъ стали розмовляти:

»Скажи жъ мині, моя голубко, чо́го бажá тво́я душа?« питає чортъ.

»Не скажу«, одрізала відьма: »не скажу, но́ки не запрягнєсся пекельнимъ словомъ — зробїти...«

»Чи довго жъ будешъ моєю, якъ обіцаю?«

»Десять годъ«, каже відьма.

»Добре, усє зроблю!« (Чортъ протягнувъ руку.) »Отъ тобі рука и моє пекельне слово!«

»Хто жъ насъ розіб'є?« спитала відьма: »треба, щобъ була християньска душа, та ще й чїста.«

»Е кому розіб'їти, каже чортъ, мотнувши головою у той бікъ, де лежавъ дідъ: »тамъ«, каже, »підъ кущами сховався Запорожець.«

»Хибá жъ у запорізіцівъ чїста душа?« пита відьма: »вони жъ самі п'яніці та розбїшаки...«

»Эге, розказуй«, каже чортъ: »нема́ найчистїшої душі, якъ у

тихъ гаспедовихъ синівъ; вони живуть по писанню: не водюцца зъ жінками, быютьця зъ бусурманомъ и боронять віру православну... Эй, Кирило!« гукнувъ чортъ: »ході лишень сюди, та розбий нась.«

Дідъ ні ччиркъ, лежить собі, и духъ притаивъ.

»Та ну жъ бо йди, зновъ крикнувъ чортъ: »ти жъ не разъ похвалявся, що не боїся чорта, а теперечки й злякався?..«

Досадно діду; бачите — пристидивъ диявольський синъ. Нічого робити, треба йти, щобъ, справді, ще не подумавъ, що злякався.

»Чого жъ тутъ лякаться?« (обізв'явся дідъ сердито, а самъ ажъ труситця).

»Такъ чому жъ не йдешъ?«

»Люльки шукую, загубивъ у траві та й не знайдю.«

»Та не бреші, — люлька у кишени.«

— Диявольський синъ! — подумавъ дідъ:— вінъ усé знає; одъ ёго ніякъ не одбрешеса.

»Розбивай!« каже чортъ, якъ дідъ підійшовъ жкъ сажалці.

»Якъ же я васъ розібью?« каже дідъ. »Отъ, стану я чортъ-батька-зна для кого кармазини каляти! Виходьте на сухе!«

»Хибá тобі повилáзило?« каже чортъ: »глянь, — де дівчина стоить — замерзло; сміло йди, — здрержить.«

»Що за бісь!? справді замерзло... чого жъ воно замерзло?« пита дідъ.

»Того,« каже чортъ, »вщо вона, — бодай її! такъ тепло менé любити, що ажъ вода біля неї мерзне.«

»А чого жъ се, чорте, пита дідъ, »біля тебе пара йде зъ води и бұлбашки схоплюютьця?«

»Эго!« каже чортъ: »се такъ я її щиро кохаю, що ажъ вода біля мене кипить.«

— Оттакóго бъ кохання нашимъ дівчатамъ! — подумавъ дідъ; та спустився на сажалку, зайшовъ по - за відмою и тільки розбивъ руки, а зъ рукъ щось плюєъ у воду, — задрігало ніжками та й пурнуло.

»Що воно такé?« спитавъ дідъ: »жаба, чи що?«

»Ніс, каже чортъ: »довго за руки держались, такъ чортеня вродилось.«

— Не бісові чорті! — подумавъ дідъ: — які вони плодючі! тільки за руки взялись — уже й чортеня привели.

»Ну, теперъ кажїа, питає чортъ відьму: »чого душá твоя бажає?«

»Спасєння!« промóвила відьма.

Якъ сє почúвъ чóртъ, то ажъ нóсомъ закрутíвъ, — náче че-
меріці понюхавъ.

»Не мóжна сєгòа, застогнавъ вінъ, »и не просї! нїякъ не
мóжна!..

— Чомú? — пита дідъ.

»Томú, що вона вже разъ одступíлась одъ Гóспода, то у дрúге
її Богъ до сєбе не прийме.«

— Брехнїа, — каже дідъ: »якъ покáетця, то и въ трєте
прійме!..

»Та нú вже, мовчїа, грíмнувъ на єго чортъ, »колі не знає-
ешъ Писáння!«

»Ні, знаюа, каже дідъ, »я й самъ письмєнный, — не разъ и
Апóстола у цєркві читáвъ!« Дідъ бувъ такий завзятий, що якъ
пíде на спóръ, то хочъ чогó й не знає, то скáже — знаю; а ча-
сомъ й своє вíгадає, и такъ до ладú приткнє, що зібьє зъ пан-
телїку й знаючого. »Отъ, приміромъ сказáтис, каже, я й чоло-
вїкъ, а минї жаль небóги: здаєтця, чогó бъ не зробíвъ для її спа-
сєвнн; атó жъ самъ Богъ милосєрдний, якъ-би Вінъ не помíлу-
вавъ грíшної, коли вона кáстця?«

»Такъ коли жъ вона ужє одхристїлась...« пробубонíвъ чортъ.

»Не велика бідáа, перебíвъ дідъ, »шпíъ и въ дрúге перекрє-
ствть, и дувє на тєбе, и плюне!«

Чóртъ на сє и одвіту не давъ; стоїть собі, повісивши нїсь,
та чúха потїлицю.

»Ти жъ самъ знаєшъа, обíзвáлась до чóрта відьма, »що не по
своїй волі зробíлась я відьмою: менє мáти приневóлила.«

»На щò слúхала мáтїръа, каже чортъ, »ти мáла свїй рóзумъ
и свою вóлю!..

»И сє брехнїа смíло перебíвъ дідъ, — бо якъ пíде на прав-
ду, то вінъ и чóрта не злякаєтця. »Нуждою та стрáхомъа, каже,
»мóжна до усєго прцєвóлнн чоловікаа.

»Подúмáйте самї — чогó прóситеа, заголосíвъ чóртъ (трохї
не плаче, бідолáшний!) якъ же минї помагáти спасєнню душї, ко-
лі на тє я Чортъ, щобъ губїти христїянськї дúшї?.. Та менєа
каже, »за сю пакість на шматкї розірвуть!..«

»Зá що?« каже дідъ, »не великий грїхъ спасти однú дúшу, а

тамъ покáєся, та дéсятъ загубишь, то тебе ще й по голóвці поглядють.»

»Эгé! хибá протí шерсти!« прогарчáвъ чортъ.

»А якъ-би я тебе кохала!« обiзвáлась вiдьма, — и такъ глянула на чóрта кáрими очýма, що ажъ лiдъ затрiщáвъ и покóловсь, трóхи дiдъ не шубóвстнувъ у сáжалку, та якóсь вiскочивъ на бéрегъ.

Задумався чортъ, довго стоявъ понурившись, довго мiркувавъ, та вже нечiста мáти такъ ёго пiдкурила тимъ коханнемъ, що нiчого й не вигдавъ.

»Що бiде, то бiде«, сказáвъ чортъ, обернувшись до вiдьми: »нехай бiде по твоєму!«

Вийшли изъ сáжалки; вiдьма повеселiшала, а чортъ засмутивъсь, ажъ хвiстъ обвисивъ. Дiдъ помiгъ вiдьми одягтись, своїми рука́ми обтеръ бiле ii тiло, в примiтивъ, що вона до ёго якóсь теплiнька стáла. Накидáючи на неi сорóчку, винъ шепну́въ ii на вiхо, щобъ ёго слухала. У дiда чу́ле бу́ло сiрце: ёму жалъ стáло вiдьму.

»Ну, чóрте«, питае дiдъ, »яку теперъ дасi порáду? Щó сотворимъ, да спасемся?« додáвъ зъ писання.

»Отъ-щос, одвiтивъ чортъ, зкривившись, не далéко вiдсiлi спасáетця пустiельникъ: велику сiлу винъ мае у Гóспода, усiйкий грiхъ одмóлить, хочъ якóго грiшника на пýть iстинний наведé. Такъ óтъ же: якъ поживемо́ десять годъ изъ Одáркою, я й одведу ii до тóго пустiельника, то винъ и спасé грiшну дiшу...«

»Э, нi, чóрте«, перебивъ дiдъ: »за дiсятъ лiтъ багáто водi утечé; пóки сóнце зiйде — росá бiчи вiсть. До десяти годъ абó вiдьма дiба дасть, абó пустiельника Гóсподъ до сéбе прийме. Нi, такъ не годiтця! почáвши такé дóбре дiло, трéба зáразъ итi до пустiельника за благословiниемъ.«

»Та нý, не втручáйся не въ своé дiло!« загомонiвъ чортъ, — ажъ затупотiвъ ногáми зъ досáдн.

»Якъ — не мóе!« скричáвъ дiдъ: »я жъ васъ розбiвавъ?.. А якъ збрешешъ?.. Дé вона тодi будé шукáть тóго пустiельника?«

»Чортi нiколи ще не брехáли!« кáже чортъ.

»Чортáмъ ще й дiрень вiри не нiвъ!« одрiзавъ дiдъ.

»Нехай бiде такъ.« обiзвáлась вiдьма, якъ дiдько Кирило »кáжуть; трéба хочъ подивiтьця, дé спасáетця той пустiельникъ.«

Довго змага́лись, трохи́ не пола́ялись, — такъ діда жъ и най-ста́рший чортъ не переми́гъ бв. Нічого робіть: чортъ почу́хавъ поті́лицю, и згоді́всь. Мо́же у ёго бу́ла яка́ пота́йна думка, да мій ді́дъ и собі́ вже ви́гадавъ, що́ почати... Побачи́мо, хто ко́го оду́рить!

»Ну, тепе́рички, мо́я відмечко́с, ка́же чортъ, злеті́ собі́ до до́му, а за́втра ми зъ Кири́ломъ при́йдемо до те́бе, и не га́ячись, пі́демо до пу́стельника.«

Відма́ сіла на мі́тлу, кивну́ла голово́ю до ді́да, ви́соко зви́лася у го́ру и, порівня́вшись зъ зі́рочка́ми, полети́ла у свою́ ха́ту. Чортъ не спуска́въ зъ не́ї очей ажъ-по́ки не зникла, а тамъ такъ ва́жко зі́тхну́въ, що ажъ лі́сте зашелесті́ло; по доли́ні мовъ що́ покоті́лось; сві́снула сова́; далёко, у боло́ті, загу́въ буга́й. И въ ді́да се́рце за́цпимі́ло, и вінъ зди́хну́въ, неначе́ отъ-о́тъ по-проща́вся зъ ті́єю дівчи́ною, що́ вже давно́ поки́нувъ, якъ по-ма́вдрува́въ у Сі́чъ.

V.

Ді́дъ съ чо́ртомъ, умо́вляючись, пі́шли по́плічъ, якъ то-ва́риші. Ді́дъ изъ сво́го рі́зка́ натру́сить чо́рту каба́ки, а чортъ ё́му натру́шує сво́єї, — та́кий послу́жливий! ско́ро ді́дъ набь́е лю́льку, а чо́ртъ за́разъ и вогню́ ви́креше. Ді́дъ згада́въ горі́лку, — чо́ртъ за́разъ и часту́є, а на за́куску тя́гне изъ сунки́ жарену́ качку́ и пше́ншнвий пух́лий буха́нець. Випи́вши и поно́ївши, ді́да взя́ла охота́ подра́тува́ть чо́рта: хоті́въ бувъ пере́христі́ть ёго́, та поду́мавъ: цуръ ё́му! хочъ вінъ и чортъ, а все́-та́кі това́ришъ: не че́сно това́риша оби́жати. Де́лі, якъ гля́нувъ на' чо́рта, то ажъ жа́ль ёго́ ста́ло: иде́, зві́сивши го́лову, немо́въ на ши́беницю́ ёго́ ве́дуть.

»Роска́жи ми́ні, чо́рте́с, пита́ ді́дъ, «які́мъ се по́битомъ ти зако́хався́ у відьму́? Аджé жъ коха́нне доста́лось не чо́рта́мъ на до́лю, а намъ́ грі́шнимъ?»

— Э, бра́тіку, ка́же чортъ, — и у на́съ ё се́рце, таке́ жъ якъ и въ ва́сь, и зъ тімъ же прокля́тимъ коха́ннемъ! Якъ же бъ ми ва́сь и споку́шали, коли́ бъ не зна́ли, що́ за се́рце у люде́й... А ма́ючи се́рце, якъ ёго́ устере́жесся?... Слу́хай, Кири́ло, — ка́же

чортъ, знявши шапку и уклонившись: — поможи́ мині у моімъ ділі, а я тобі у великій пригоді стану.

»Добре,« каже дідъ: »чомъ доброму чортові не допомогти?«

А у самого все на думці, якъби вірятувать дівчину: якось вона и лідові припала до душі.

— Чогó хочешъ, тогó й просі, — каже чортъ.

»Та мині нічого й не треба,« каже дідъ: »тільки хіба достати доброго коня.«

— Я тобі кинь!« каже чортъ; »самъ перекинусь у коня, и п'ять годъ буду тебе возитъ, а п'ять поживу зъ Одаркою. Я у п'ять літ вобгаю п'ятьсотъ — на те ми чорті!«

»Гледі жъ — не зреші,« каже дідъ.

»Не бійсь,« каже чортъ: »отъ тобі рука и бісове пекельне слово! та намъ не велено — не то обманювать, — и зачіпати Запорозцівъ, бо вони бьютця за віру православному. Та не велика й користь,« каже, »коли якогó й завербуєшъ: уб'ють ёгó на війні, отъ вінъ ужé й не нашъ. Відки візьметця Петро зъ ключемъ и одб'ивъ: такъ и товчé нашого брата, не розглядаючи — дé око, а дé морда; а ще якъ вихопитьця Микóла, то швидче втікай, бо вернесся у пекло безъ хвоста: одірве!«

»А багáто вь васъ у пеклі запорозцівъ?« пита дідъ.

»Ні однісінького: які були, то й тихъ повиганяли.«

»Зá що жъ ви їхъ повиганяли?« пита дідъ. »Для нашого брата вамъ жалко и кутка у пеклі?«

»Колі жъ такий гармидеръ рóблять,« каже чортъ, »що усіхъ чортівъ изъ пекла порозганяли. Хіба не чувъ про того Марка, що товкся по пеклу?«

»Щó жъ вони тамъ рóблять?« спитавъ дідъ.

»Понапиваютьця гарячої смоли,« розказує чортъ, »якъ тіі горілки, позалазять у печи, та й почнуть шпурлять відтіля головешками. Разъ трохі пекла не спалили!... Абó ляже на скóвороду, та й звелить підпалувагъ себе. Печешъ ёгó, печешъ, ажъ шкүра на тобі тріскаєцца, а вінъ тебе лає, кепкує зъ тебе, та кричить на усé пекло, що змерзъ. Бідá зъ ними!... Дé вже донекті їхъ вогнемъ: ужé якъ їхъ шкварили Ляхи, та й ті нічого не доказали. И у пеклі тогó не вигадешъ, що вони зъ ними коїли: Наливайка пеклі у мідному бикү; уся Варшава збіглася послухать, якъ заревé бикъ, та нічого й не почули: изтаївъ сер-

дешний на вугіллі, а голосу не давъ. Що ти зъ ними вдієшь? коли живого не дошкүлишь, а то жъ мёрлого!»

»Такъ и треба,« каже дідъ: »на те ми Січовики, щобъ усє витерпїть: тимъ и не страшно нічого.«

»Тривайте,« одповістївъ чортъ: »скоро й на васъ спаде велика халєпа: не допечемо васъ огнемъ, такъ проберемъ морозомъ.«

»Дє жъ ви того морозу добудете у пєклї?« пита дідъ.

»Эгє, у насъ нема, такъ у васъ єс, каже чортъ, »ми вамъ такого чоловіка вїгадаємъ, що гірший ще бїде одъ самісінького чорта!... Вінъ вамъ наженє холоду, — побачите!... Та нехай вони скáзютця, — минї тепєръ, якъ кажутъ, не до соля.... Що-то робиць моя Одарочка?«

»Скажи минї, чорте,« поспитавъ дідъ, »чи вона у своїхъ тілесáхъ, чи, мѳже, перекинулась у такү гáрну дівчину, якъ ти у козака?«

»Нї,« каже чортъ, »вона такою уродилась, нехай хочъ царїцею перекинетця, то кращою не бїде! Однѳ тїлькї у неї не гáрне: лáтво її збїти зъ грїшного путї.«

»Якъби не кáтержний, анафемський хвѳстикъ!« пробубонївъ дідъ, та й задумався.

Оттакъ розмовляючи, йдуть собі лісомъ, а тутъ изъ-за кущівъ, то вїткне мѳрду лісовикъ, зъ зеленою, якъ трава, бородою, то вїскочить вовкулáка, підперезаний червонимъ поясомъ, то стрибáють зъ гилы на гилью упирї у нїмєцькихъ галáнцяхъ, и всї жъ-то визєнько и привїтво їмъ клáняютця. Дєлї якъ пішли по-надъ Лимáномъ, то й перелїчити не мѳжна, що чортеняť повискáкувало изъ болѳта.

»Здрáстуйте, дядечку!« озивáютця до чорта, а дїда такъ жахаютця: бáчуть, що Запорѳжець.

»Не бїйтесь, дїтки,« вмовляє чортъ; »се, щобъ ви знáли, мїй свать Кирилѳ.«

— Дїдъ роскáзувавъ, що бїсенята, пѳки ще молодї, то зеленї, якъ осїтнякъ, — нема въ їхъ нї рїжкївъ, нї кїгтївъ. Та й втїшнї жъ, роскáзувавъ: бїгають, крутáтця, плигáють якъ жáби, граютця, якъ кошенята, пурнє у воду, а нїжкї висуне зъ болѳта та й дригá. Дїдъ хотївъ-бувъ їхъ подратувáть, показáвъ їмъ дүлю, такъ вони у водїнъ гѳлосъ такъ и запискотїли:

»Спасїбї вамъ, дядечку Кирилѳ, за вáшу лáску!«

А чортъ и каже:

»Ти їх и цўкеромъ не годуй, тїльки покажи їмъ дўлю.«

Стало світати, якъ дїдъ изъ чортомъ вийшли изъ лісу. Не пройшли й півъ верствї, якъ побачили у долині велику слободу.

»Отсе жъ,« каже чортъ, »я слобода, де живє Одарка; отто жъ, дивись, и її хата вь вишневімъ садочку. Иди жъ теперечки до неї, переднюєшь, а у вєчерї, якъ сонечко єде, то й я до васъ прийдў. Я бь и заразъ, каже, єзъ тобою пішовъ, такъ у день не безпєшно нашому брату ходїть у слободу: часомъ наскбчишь на ярчука⁽¹⁾, та й півні кукуракають, щобъ вони виждали.«

Попрощавшись зъ чортомъ, дїдъ зпустився зъ горї икь плєсу. Доставъ изъ сўнки брїтву, виголивсь, надївъ чїсту сорочку, помолївся Ббгу та й пішовъ до вїдми. Дорогою зїрвавъ по кўцїнку горїцїву, золототїсячнику и дрбку, згорнўвъ до-кўпи, закрутївъ и заткнўвъ собі за лївий чобїть⁽²⁾. Сє бь-то для того, щобъ чортъ не знавъ, обь чїмъ дїдъ буде розмовляти зъ вїдьмою.

VI.

Одарка стрїла дїда на порбзї зъ хлїбомъ зъ сїллю, и поклонїлась єму трбхи не до землі.

— Спасїбі вамъ, дядечку,—каже:—одъ мене бїдної сиротї и Богъ и лїуде одступїлись, а ви не цураєтесь менє грїшної. Чи не помбже вамъ Господь вїрятувать грїшну дўшу!

»Небїйсь, Одарко, одказавъ дїдъ: »вїрятуємо! не дамб чортїцї насміятись!«

Дїдъ, кажў вамъ, мавъ люблїве сєрце: часомъ, щобъ заспокоїти бездбльного, то и завїряє и збрєше.... Простбра хата у вїдми, а якбсь пўсткою оддає; и вїкна чималї, а сўмно. Одарка такъ и пригортаєтця до дїда, такъ єму у вїчї й дївїтця, то усмїхнєтця, и радїє-бь-то, и зновъ засмугїтця. Якъ сонечко у восєнї: вїгляє изъ-за хмари и заразъ сховаєтця.

— Дядечку,—каже вїдьма стїха дїдовї,—не кажїть мїнї нїчбго, щб у васъ на дўмцї, атб бїсївъ Трутїкъ (такъ звали закбханого чбрта) усєго довїдаєтця.

(1) *Ярчукъ* — собакъ зъ вбвчимъ зўбомъ, и такў має натўру, щб й одъ чбрта устерєжє и вїдьму задавїть, и, хочъ якў марў, чуттемъ почўє.

(2) Повїрьє.

»Не бійсь, мой кралецько,« каже дідъ, ударивши по лівому чоботу: »я ёму, іродовому сїну, уха заткнѣвъ. И мї дѣ-що знаємо!... Не почѣе ѣ не побачить, хочъ би я ось-що зъ тобою зробивъ«. Се кажучи, перехристївъ відьму.

Якъ перехристївъ, такъ и вдарило її обѣ зѣмлю: посївила, запїнилась, такъ и звелѣ її у клубокъ. Дїдъ злякався и не радъ вже, що перехристївъ; скорїшъ їй шїдъ нїсь сунѣвъ дѣлю, такъ вона одкрила очї и лѣдві опам'ятувалась.

— Охъ мнї лїшечко,—простогнала відьма:—якъ же ви мене вразїли, якъ ножемъ у сѣрце!... Не христїть мене,—благає:—атѣ вѣчїстїй мене задавить, и до спасѣнїя не допустить.«

»Нї, не бѣду, не бѣду«, каже дїдъ: »нехай вже тебе пустельникъ хрїстїть Божою рукою!«

Вїдьма поставила дїду свїданне п пляшку тернївки, а сама стала поратьця біля пѣчі. Дїдъ їсть и запїнає, а самъ очїй не зводїть зъ Одарки: яка бъ то, дѣмає, була зъ неї молодїця, хазяйка, колї бъ не катержний, анафемський хвостикъ, бодай вїнъ їй одсѣхъ!

— Роскажї мнї, Одарко,—спїтавъ дїдъ:—якъ се мати перекїнула тебе у відьму?

»Бодай не згадувать«, почала Одарка, зїтхнѣвши: »отъ якъ се сталося. Я була ще по восьмому году, якъ мїй батько поїхавъ на вїйну. У два роки вернѣвся козакъ Хвѣдїрь, зъ недоброю вїстю, що могѣ батька десь за Днїпромъ вбїто. Матїрь дѣже убивалась за батькомъ,—та скѣро и заспокоїлась: Хвѣдїрь живѣ у нашїй хатї и полюбївся матерї. По слободї ходїла вже чѣтка, що мати їде за ёго замїжъ, ажъ Хвѣдїрь полаївся зъ матерью и взявъ за сѣбе дочку нашого сусїди. И не росказать мнї, що тодї счївилось зъ матерью: бїгала по слободї якъ несамовїта, а тамъ и зникла. Усї дѣмали, що вона наложила на сѣбе рѣки, ажъ черезъ два тїжнї, у ночї, чѣю—щось загуло на горїщї, застѣвало у кѣминї, и по хатї повїяло хѣлодомъ. Я схопїлась та до пѣчі,—дѣмаю—чи не горїмо; дивлюсь—хтось роздува огонь,—загорївся вїхоть—ажъ мати! Така роспѣтана, розхрїстана, а очї такъ и палають, ажъ страшно на неї глянути. Я зрадила та ѣ кїнулась до неї, а вона якъ крїкне не своїмъ гѣлосомъ: »не підступай!« Я такъ и замѣрла, дѣ стояла. »Озьмї«, каже, »образї, та повнїсь у комѣру,—и хрѣстикъ, що вѣ тебе на шїї, тамъ зо-

ста́всь. Позніма́ла я образи́ и повні́сила у комо́ру, — д́умаю, чи не хо́че ма́ти ха́ту ма́зати; а якъ верну́лась зъ комо́ри, ма́ти обняла́ мене́ и гірко запла́кала, такъ и вмйла́ мою́ го́лову слі́зми, якъ окро́помъ. За кі́льки міся́цівъ пі́сля се́го, занеду́жала Хвѣ́дорова жінка, ча́хла, ча́хла та и вме́рла, — а Хвѣ́дірь зъ нудьгі́ и жалю́ до́вго блука́въ по лі́сахъ, по́ки десь підъ д́убомъ не знайшли́ ме́ртвого. У слободі́ ста́ли лю́де роска́зувати, що́ моя́ ма́ти відьма, и що́ вона́ зъ світу́ звела́ Хвѣ́дора съ жінкою; дівча́та мене́ цура́лись. Я не віри́ла лю́дямъ, хочъ ча́сомъ и сама́ ба́чила, шо́ щось чу́дне дія́лось у на́шій ха́ті. Увесь́ тйждень ма́ти — якъ ма́ти, а въ суббо́ту жъ и блі́зько до се́бе не підпу́скає, а на́ нічъ зами́кала мене́ на ключо́ч у комо́ру. Отъ и хоті́лось ми́ні довіда́тьця, чо́му се ма́ти такъ ро́бить, и що́ тамъ трі́щить и клеко́тиць у ха́ті. Разъ у суббо́ту, тоді́ ми́ні пішо́въ сі́мнадця́тий рікъ, ма́ти мене́ замкн́ула, а я підня́ла мості́цу та й вй́зшла зъ-підъ комо́ри. Ба́чу, у ха́ті пала́є о́гонь; гляну́ла у вікно́, ажъ стоі́ть ма́ти бі́ля пе́чи, у одні́й сорочі́ці, зъ роспу́щеною косо́ю, и яке́сь зі́лля кладе́ у макі́тру. Де́лі поста́вила макі́тру на долі́вку, сі́ла на помелó́ и тй́льки нахили́лась на макі́тру, а зві́дти якъ пахне́ по́ломья, — та́къ і́ї й потя́гло́ чере́з ко́мінъ у бо́вдуръ; я якъ кри́кну: »ма́мо, що́ ти ро́бишь?« а вона́, якъ пті́ця зъ підбі́тими́ крило́мъ, такъ и вда́рилась на зе́млю, та мене́ за ко́су. »А, неслу́хня́на дити́но!« закри́чала ма́ти не свої́мъ го́лосомъ, »підгле́жувати? не бу́дешъ же мене́ корі́ть: я зъ те́бе таку́ жъ зроблю́ відьму, якъ и сама́!« Перегн́ула мене́ чере́з помелó́ и помча́ла. Опам'я́тувала́сь вже́ я ажъ на Лисі́й горі́, бі́ля Кі́сва. Не ми́ні вамъ ка́зати, що́ тамъ дія́лось: ви́ й са́ми, мо́же, не разъ́ тамъ бува́ли, такъ зна́єте....»

— Якъ не зна́ть, — ка́же дідъ: — кі́льки разъ́ само́му дово́дилось тамъ бува́ти!

Дідъ́ яко́сь сороми́вся сказа́ть, що́ чо́го-небу́дь не зна́, або́ не ба́чивъ, такъ и збреше́: а ё́му збреха́ть, та ще́ передъ відьмо́ю, якъ разъ́ плюну́ть.

— Що́ тоді́, — ка́же відьма, — зо́ мно́ю дія́лось — не роскажу́; я лежа́ла ни́ць, запла́чвши о́чі, и говори́ла які́сь слова́ за ма́тйрю, одъ́ когось одрека́лась; — наза́дъ я вже́ полети́ла на свої́й метлі́. Отсе́й са́мий Тру́тикъ и метлу́́ ми́ні спра́вивъ. Верну́вшись, хоті́ла помолі́тись Бо́гу, — и ско́ро перехристи́лась, — а мене́ такъ

и вдарило обь зѣмлю. Съ тієї годіни тяжкої оттакъ якъ бачите: плачу — не одплачусь, думую — и нічого не вігадаю....

»Дѣ жъ твої мати, бодай їй?« спитавъ дідъ.

— Чорті замордували... Якъ мати удовольнила своє серце, згубивши Хвѣдора и єго жінку, — тоді тільки побачила, що згубила свою и мою дѣшу; думала вже, якъ-би-то вірятуватись, — а чорті та відьми ї довідались. Разъ полетіла вона на Лісу гору, та ї не вернула; и мині те жъ було бѣ, та Трутикъ менѣ оборонивъ. Що буде дальшъ... а тепереньки такъ гірко на душі, такъ нудно на світі!... — Відьма облилась слізьми.

»Не плачъ, мої горличко, вмовляє дідъ, »не плачъ; спасемо твою дѣшу... Якъ такі, щобъ запорожецъ у-купи зъ чортомъ, чого не доказали?«

— Коли жъ менѣ Трутикъ не допустити до пустельника! — каже відьма.

»Такъ я підус, каже дідъ, »а тамъ вже не єго воля: буде, якъ пустельникъ звелить. Трутикъ обіщавъ мині п'ять літъ за коня служити, а тимъ часомъ дасть Богъ—ти спасеся, и якъ вернетця чортъ, то хибя облизня пиймае... А тамъ, мої кралечко!..« Дідъ не договоривъ, тільки вусомъ моргнувъ, и такъ глянувъ на Одарку, що вона ї очі спустила и почервоніла, якъ калина.

Відьма добре нагодувала діда, учасувала запіканкою и тернівкою и послала єму у коморі спочити. Не спавши цілісіньку нічъ, дідъ заснувъ, якъ убитий.

VII.

Дідъ заспався ажъ до вѣчора, и якъ ввійшовъ у хату, то вже заставъ тамъ Трутика. Такъ гаспедивъ синъ и вѣтця біля Одарки, и вихиласомъ и викрутасомъ, якъ мокре рядно до неї прилипа, ажъ досадно стало дідові. Поздоровкавшись, дідъ сівъ на лаві, та ї пита чорта:

— А чи далѣко до пустельника?

»Ні, каже чортъ, »близенько; за Изюмомъ, у Святіхъ Горахъ (1).«

(1) Святими Горами того зовутця, бо ще за давніхъ часівъ Християнства тамъ спасались у печерахъ пустельники. Ще не давно пані Патѣмкина

— Якъ близьенько! крикнувъ дідъ: та ми й п'ятихъ с'утокъ не станемъ!

»Эге, по вашому, по-запорозькн, каже чортъ, »може й такъ, а по нашому — такъ ні. Якъ вийдемо раненько, до східъ сонця, то надъ вечір'ь и тамъ будемо.«

— Слухай, чорте,—каже дідъ, розс'єрдившись:—не чіпай за-порожцівъ. Я тобі скаж'у: якъ-би мій кінъ бувъ живий, то будь я не Кирилъ К'єлепъ, коли у водінъ день не ставъ би! ось що!»

»Та не бреш'и», каже чортъ: »и у два не доїхавъ би; а ось якъ я тебе повез'у, то й въ обідъ встїгнемо!»

— А Од'арка жъ—якъ? спитавъ дідъ.

»Вона перекинетця хортицею», каже чортъ, »такъ ми ще до-рогого и понолюємо за зайцями.«

До півночі гн'ули терев'єні, а тамъ спочили тр'ощки та й р'ушили. Якъ сонце виглянуло изъ-за горі, наші були вже дал'єко одъ слободї. Дідъ їхавъ навз'аводи на ворон'ому арабському оге-ру, а біля стрем'єнъ бігла біленька хортиця, така жъ хороша, якъ гарна була Од'арка. Стриб'а собі, недот'оркуючись вїжками до землі, якъ на крилахъ, в'єтця якъ л'астівка. Порв'єтця зайчикъ—такъ з'аразъ и дожен'є єго,—не рв'є, а тїльки под'єржить за вушко та й п'устить. А кінъ, матерї єго б'єсъ, якъ намал'єваний! шерсть на єму блищить, якъ броня, шия якъ у л'єбеда, п'єз очей їскри сї-плотця, а изъ н'оздрівъ полом'є п'аше. Дідъ наб'є люльку и вог-ню не кр'єше,—приложить тїльки коню до м'орди, такъ вона и за-палитця. А збр'уя жъ яка, и у х'ана крїмського такої нема: ус'я з'олотомъ залїта и обсажена самоцвітами. Дідъ не натїшитця ко-н'ємъ, г'ладить єго, цмокає, и на Од'арку не г'ляне. Сказано, запо-розька нат'ура; не д'аромъ спивають: »промін'явъ жїнку на тю-т'юнъ та люльку«, а д'є б'ъ то не промін'ять на д'оброго коня! Ищ'є сонечко височ'єнько стояло, якъ вони добїгли до Святїхъ Гір'ь. Дідъ напоївъ коня и самъ нап'ївсь, привязавъ чорта за п'овідъ до д'єрева, та й каже:

— Подождїть мен'є, — я на часїнку збїгаю до пуст'ельника.

»Идї, та не барїсь«, каже чортъ, »бо тр'єба якъ свїту вер-н'утьця у слободу, а тамъ весїлле одбудемо та й у Сїчъ....«

обновила одну ц'єркву, висїчену у скелї. и манастїр'ь. Нехай їй за се Богъ милос'єрдний воздасть, щ'о вона д'обримъ людямъ баж'а. Для др'угої не баг'а-то б'ъ вийшло зъ с'єго жаданн'я корїстї, а для л'єбї б'уде надто.

— Якé весілле? — пита́ дідь.

»А зь Одáркою жь!« ка́же чо́ртъ.

— А щобѣ ти не дїждавъ!.. подумавъ дідь, та й пита́:

»Дѣ тутъ дорога до пустельника?«

— Иди́ сією́ сте́жкою, ка́же чо́ртъ, отсе́ жь вінъ и протопта́въ її, ходячи сюди́ по во́ду.

Пішовъ дідь усé лісомъ, на висо́ку го́ру, и ви́брався на уступъ; зь одного́ бо́ку кру́ча, ажъ глянуть стра́шно, зь дру́гого скéля стіною́ підняла́сь ажъ до хма́ри. Дивитця́ дідь: у скéлі— двéри, а надъ дверима́ о́бразъ; ввійшовъ — це́рковця, такъ собі неволі́чка, вісічена́ у скéлі. Тільки перехристівся́ та вдáривъ поклонъ, ажъ пзъ кéліи виходить́ пустельникъ, старéнький, зго́рбленийъ, а борода́ біла якъ мо́локо, ажъ до колінь. Дідь підступивъ́ підъ благосло́вєніє, а пустельникъ поблагословивъ́ та й ка́же:

— Чого́ се, чоловіче, Бо́гъ зь на́ми, такъ одъ́ тебе́ чо́ртомъ душіть?

»Якъ-же-бъ-то не душіло́, ка́же дідь, »коли́ цілісінький день іхавъ на чо́рти, та ще й зь відьмою!«

Дідь усé опові́стивъ, якъ бу́ло, и чо́го при́хавъ.

— Якъ ви, святи́й о́тче, — ка́же, — пора́ди не дастé, то вже не знаю́, де ё́го у га́спеда й шука́ть то́го спасéнія!

»Во́ля Бо́жа,« ка́же пустельникъ: »мо́же й тутъ зна́йде спа́сєніє, коли́ щі́ре бу́де пока́йніє. Якъ ба́чу, вона́ хочъ и відьма, та менше́ ли́ха робила́ лю́дямъ, якъ ті, що святи́шъ удаю́ть. Вона́, ка́же, »и на пу́ті грі́шному шука́ла спа́сєнія, а дру́гі такъ и зь і́стинного пу́ті збива́ютця.«

— Такъ, пан-о́тчевьку, такъ, — пере́бивъ дідь: — отсе́ са́ме й чо́ртъ ка́завъ!

»Чо́ртъ,« ка́же пустельникъ, »су́ливъ їй усі́ прéлести ми́ра сё́го; дру́га́ бь и не відьма на сі́ омáни піддала́сь, а вона́ не-преклоні́лась.«

— Не преклоні́лась, пан-о́тче, не преклоні́лась, — ка́же дідь: отта́къ и чо́ртові одрі́зала; ажъ во́сомъ закрути́въ дияво́льський синъ!

»Ну, тепе́рь помóлимось Го́споду,« ка́же пустельникъ, »то Вінъ ми́лосéрдний напу́тить насъ, що́ тре́ба робі́ти.«

Пустельникъ упавъ́ на колі́на, дідь собі́, и ста́ли моли́тись. Та й те́пло жь моли́лись: те́мна це́рковця такъ и осві́тілась, на́че хто сві́тло засві́тивъ. У ді́да изъ оче́й ажъ дві́ слéзи викотили́сь,

якъ дві срібні кулі, ажъ брязнули, ударившись объ кам'яний помість. Помолившись, устали; отъ пустельникъ и каже:

— Ходім же, я покажю тобі печеру: одведешъ туди небогу, тамъ вона и буде спасатьця.

»Будьте ласкаві, нан-отчес, каже дідъ, «заступитьця за бідну сироту... коли бъ ви побачили, що за молодé, та гарне, та нещасливе!.. такъ же, катержний, анафемський хвостикъ!... та щé отъ-що...» почавъ дідъ, та й язикъ прильнэ къ гортані.

— Що тамъ ще? спитавъ пустельникъ.

»Болячка на сэрці нарядилась, каже дідъ, вáжко зітхнувши: «закохався я у сю диявольську відьму, бодай їй... нехай буде здорова, — отъ-що!

— Буду благати Господа, — каже пустельникъ, — щобъ Вінъ милосердний пославъ їй покайнію; а ти ідь собі зъ Богомъ у Січъ. Побудь ще тамъ п'ять лігъ на лицарській стражі, та й вертайсь до мене. Якъ дастъ Богъ, що вона спасетьця, то я васъ и звінчаю.

»Що жъ міні теперъ робить зъ чортомъ?» пита дідъ.

— А що зъ нимъ робить, — каже пустельникъ: коли годящий зъ ёго кінъ, ідь на ёму у Січъ.

»Дé вамъ не годящий!« каже дідъ: «такого коня и за сто талірівъ не знайти: и хóда добра, и на-взаводи не взявъ ёго катъ, и підтюцемъ; а на поворóтахъ тільки нахились, а вінъ вже й повертае. Такъ боюсь же, щобъ не втікъ, дияволівъ синъ.»

— Не бійсь, — каже пустельникъ: я тобі дамъ на ёго кріпость.»

Пустельникъ пішовъ у свою келию, вивісь кипарисний хрестикъ и надівъ ёго на шію дідові

»Теперъ«, каже пустельникъ, «вінь у тебе, якъ наймитъ, якъ крєпáкъ: що звелішъ, те й буде робить.»

Пустельникъ провівъ діда до печери и поблагословівъ ёго на прощанне.

Вернувся дідъ до чóрта, та якось ёму и глянуть на ёго совісно, хочъ у рябка очей позичать. Та вже жъ не потурать и чóрту, щобъ губити християнську душу. Не що дня бриднїя, не все коту мáсниця! Тільки доторкнувся дідъ до чóрта, зáразъ и почувъ сердешний свою неволю, такъ и затрусївсь и застогнавъ бідолáшний.

— Що ти, Кирило, зо мною зроби́вь! — озвãвся чортъ.

»Те, що й ти зъ другіми робивъ«, каже дідъ (а самóму жаль

чорта: добра була душа у покійника). «Ловитьс, каже, зовкть, та якъ и вівка піймають!»

Не довго дідъ базикавъ изъ чортомъ, та нічого було гараздъ и казати. Узявъ відьму за руку, и повівъ у печеру. Дорогою розказавъ їй, на чому вони погодились зъ пустельникомъ, обнявъ Одарку, кріпко притуливъ до сёрця, ажъ зомліла небога, а тамъ сівъ на чорта и поленувъ, якъ на крилахъ, у Січъ.

VIII.

Уранці дідъ вже бувъ у Кіші. Кому не скаже, що вінъ учора ввечері виіхавъ изъ Святихъ Гіръ, ніхто віри не їмє; та якъ и повірять, щобъ увъ одну нічъ перебігти тридцять миль! Чого вже не вироблявъ дідъ на тїмъ коню! якъби почули, що вінъ розказувавъ, то бъ сказали, що бреше: за цілісїнькій тїждень не переслїхали бъ. Разъ, дідъ заспоривъ и вь закладъ пішовъ, що поїде у Бахчисарай и самому крїмському хану у вічі плюне. И що бъ ви думали? поїхавъ та й плюнувъ, та ще й добре вилаявъ; дідъ знатно лаявъ — у якогось москаля вчивсь: «ти», каже, «хану, покійного чорта племінникъ, бусурманський, кателїцький, анафемський, гаспедївъ синъ, триста тобі чортівъ у живить.» А було, якъ наскочать Січовики на татарську орду, то дідъ такъ и врїжетця у саму гущиню, а коні якъ почують чорта, та вростїть; а дідъ и почне кришїть татаръ, якъ локшину, такъ голони и ваятця, якъ груші у восенї. Чотїрі роки дідъ бувъ курїннимъ отаманомъ, а тамъ, якъприйшла порá, отъ вінъ и ставъ прощатись. Не хотїли були пускати Січовики, ажъ дідъ їмъ и каже:

— Зостався бъ, товариші, такъ обїцався відьмі оженїтись: треба, бачите, додержать козацького слова.»

«Що за зухъ нашъ Кирїло», смїютця Запоріжці: «вінъ не побоїтця и чорта позвãть у дружкї.»

— Егє, — каже дідъ: — я не побоюсь и на чорту поїхать.

Та сівъ на чорта та й чкурнувъ у Святї Гіри; у вобїдню дóбу и тамъ опивївсь. Дївїтця, ажъ того гайвороннїя така сила, наче зъ цілого свїта позлітãлись гємонські тварї, таї вкрили и гори и лїсь. Скоро побачивъ їхъ чортъ, такъ и затрусївсь

и голову повісивъ и хвістъ опустивъ, почувъ своє ліхо. Доїхавши до тієї межі, що дальшъ на чорту їхати не можна, дідъ злізъ та й каже:

— Прощай, чорте, не помивай ліхомъ; спасібі тобі за вірну службу!

Тільки дідъ договоривъ се слово, такъ кінъ и перекїнувся на птаха. Якъ же закрїає гёмонське гайвороння та здійметця, наче хмара! ажъ сонце закрїло! Налетїли на чорта, дідъ и не схаменувъсь, не вспивъ руки піднятъ — перехристїтьця, роззявить рота, щобъ Богослова заспівать, якъ вони вже й пошарпали Трутика на шматочки. Дє те въ біса и м'ясо ділось: тільки пір'я полетїло за вітромъ. Жалко діду чорта, такъ жалко! такъ теперъ вже не до єго; друга думка у діда—що то зъ Одаркою діетця: чи помилювавъ її Господь? Тільки переступивъ дідъ черезъ ривчакъ, а изъ-за кущівъ назустрічъ Одарка. У квіткахъ, у стєнжкахъ, якъ до вінця. Такъ и кїнулась на шію дідові.

»Спасїтелю мій! заголосїла Одарка: »Господь милосєрдний помилювавъ менє грїшну... Тебє жъ тільки й ждала, мій голубе, якъ билина росїці зъ неба!«

Ще краща стала; така біла, та повновїда, очи сяють, якъ зорї середъ тємної ночі, зуби блищать, якъ білі голуб'ята на сонці підъ яснимъ небомъ. Такъ и тїлитця до діда и цілує єго и милує, и христїтьця и єго христїть. Дідъ стоїть, якъ укпаний, себе не тїмвть и очамъ своїмъ віри не ймє; дєлі упавъ на колїна, простїгъ до горі рўки, та крізь слєзи й промовивъ:

— Божє мїлїй, який же ти до насъ мїлостивий!...

»Ходїмъ же швідче до пустельника«, каже Одарка: »вїнъ тебє жде зъ сáмого ранку.«

Дідъ, взявшись зъ Одаркою за рўки, пішли до пустельника. Ввійшли у цєрковку; дївлятьця—вже и налoй стоїть по середїні, и два вінця лежять на налoю,—не зъ фoльги, якъ тепєречки повелoсь, а изъ свїжихъ квітoгъ.

— Здорoвъ бувъ, Кирїло,—сказавъ пустельникъ, зўздрївши діда: якъ тебє Бoгъ мїлувавъ на Запорoжжі?

»Слáва Бoгу, пан-oтченьку«, каже дідъ, »мoлтвáми вáшими, — та спасїбі й покїйному чoрту: дoбре служївъ, дїяволївъ синъ.

Дідъ одслужївъ три молoбні: архистратїгу Мїхáїлу, Єгoрю

побідовосцю и Миколаю чудотворцю, а тамъ пустельникъ поставивъ молодіхъ передъ налої, та й обкрутивъ.

— Теперъ,—каже,—нехай вамъ Господь помагає; будьте щасливі и довголітні, та не забувайте, що Богъ милосердний не на те, щобъ грішили, а на те, щобъ каялись у гріхахъ!

»Такъ, пан-отченьку, такъ», каже дідъ. »Отъ чорті такъ не далі покаяться Трутику; розірвали бідолашного на шматкі: тільки пір'я полетіло за вітромъ!«

Якъ стали прощатись, Одарка трічи вклонилась пустельникові до землі, якъ рідному батьку. И дідъ хотівъ бувъ поклонитись, такъ шія ніякъ не гнѣтця. У тихъ Січовниківъ вьязи якъ у вовка; вони одному тільки Бóгу й кланяються до землі. Отъ дідъ ухопивъ себе обома руками за оселедець, та на силу нагнувъ свою голову.

IX.

Подякувавши добре пустельнику, дідъ зъ молодію жінкою пішовъ якъ Березі. Грошей у ёго було до чорта; повнісінький чересъ туго набитий дукатами, такъ-щó схотівъ, те й зробивъ. Вибравъ вінъ собі гарне місце надъ річкою, де теперечки панський садъ, и поставивъ важну хату на дві половини. Накупивъ собі волівъ, овець, коней и заживъ собі зъ Одаркою. Одарка дуже була щаслива за дідомъ,—діждала сина оженить, діждала и вніка, и вмерла зъ доброю славою.

Отъ вамъ и кінець. Вибачайте, коли не до смаку; розказувавъ, щó чувъ одъ діда: коли вінъ брехавъ, то й я брешу.

— А щó сталося, — спитала хазяйка, продираючи очи; бо поки старий розказувавъ, вона то спала, то прокінетця и зновъ слуха, — щó сталося зъ тимъ хвостикомъ?

»Э... поминайте якъ звали той хвостикъ: одчитали зъ корінемъ. Дідъ якъ вже ни доглядався, такъ и місця того не знайшовъ, де рісь.«

— То-то жъ!... Ато якось чудно, матері ёго на-лихо, жінка та зъ хвостикомъ?—Хазяйка глянула на мене, мовъ би хотіла довідатись, чи вонó не чудно й мині.

Подякувавши дідові за ёго гарне оповіданне, ми полягали спя-

ти, а на другий день уранці, за чаємъ, зновъ зібрались, ще побалакали трóшки и роззихались на віки вічні.

Щобъ не розвіялось по світу те, якъ то ка́жуть, фантастичне опові́данне дідугана, я списавъ ёго для моїхъ земляківъ. Наша чудова українська вро́да, нагрітая гарячимъ полуденнимъ сонцемъ, навива́ на думи насінне поезі́ї й чарь. Якъ пшениця зріе на міві и склада́ється у ко́ши и скирти́, такъ и вово́, те насінне, запавши у се́рце и думку, зріе словеснимъ ко́лосомъ, и склада́ється у народні опові́дання и легенди.

О л е к с а С т о р о ж е н к о .

ПОГАНЕ ПОЛЕ.

ЛЕГЕНДА (¹).

(Поселядєтця Івану Васіллєвичу Барану.)

I.

Тіхо изъ-за хмари місяць випливає,
Байраки, долини, степи оглядає.
На степу долина; въ широкій долині
И сѹмно и страшно, якъ у домовині....
Ажъ-ось заквиляли вовки-сіроманци,
Крикнувъ чорний воронъ грѣйчи у байраці,
Прошуміла хвіля-віхоръ по долині,
И знову все тихо, наче въ домовині....
Світить изъ-за хмари місяць білолиций,
Ходить по долині страшна молодіця,
На рукахъ кістлявихъ дві дитини вѣсить,
То сѹмно співає, то тяжко голосить:

»Широкая долинонько—
Погане поле!
Ніхто тебе, черезъ мене,
Ні сіє, ні оре.
Широкая долинонько!
Ти бѣ зазеленіла,
Якъби не ми, та не наша
Проклята могила!
Проклялі насъ добрі люде,

(¹) »Поганимъ Подемъ« и теперъ зовѣтця одиѣ урочище на границі Ніжинського и Козелецького повіту (черніг. губ). Тамъ и записана отся давня стародавня легенда.

Що я полюбїла,
 Що васъ на свѣтъ, синї мої,
 Грїхómъ породїла...
 Широкая долинонько,
 Поганее поле!
 Синї мої, квіти мої,
 Гірká на́ша до́ля!«...-

Хóдить по доли́ні, рве, шука́є квіто́къ,
 Плетé два вівóчки для чорня́вихъ діто́къ.
 На те́мну доли́ну, на степъ погляда́є,
 То тя́жко голо́сить, то сýмно співа́є.
 Ажъ-ось, закви́ли вовки́-сіромáнці,
 Кри́кнувъ чо́рний во́ронъ гре́йчі у байра́ці,
 Прoшуміла хві́ля-віхóръ по доли́ні —
 И зно́ву все тїхо, на́че въ домовині...-

II.

»Ти поживъ на свѣті, зна́єшь Україну...
 Розкажи, дідусю, про т́ю доли́ну,
 Де ніхтó не сіє, де ніхтó не оре,
 Що звѣтця міжъ на́ми »Поганее поле?«
 Одному, бува́є, лүчитця инкóли
 Ніччу проїзджа́ти Поганее поле —
 Насторóшать ўши тороплéні ко́ні
 И сýмно и стра́шно, ажъ се́рце холо́не...
 Видно тамъ, дідусю, що-не́будь негóже?«
 — »Бода́й не каза́ти, лю́бий мій небо́же!..
 Давня-давнина́ то: якъ чо́рні хма́ри,
 Ко́лись по Вкраїні ходили Тата́ри —
 Слізъ гіркихъ да кро́ви була́ то годїна,
 Її не забóде до́вго Україна!...
 Одъ кра́ю до кра́ю Тата́рва́ ходїла,
 Пи́ла кровъ людськóю, да се́ла пали́ла,
 А після́ її осі́лись; поста́ли шатра́ми
 Да въ чужій госпóді її зажи́ли панáми;

И на тій долині, въ берегахъ зеленихъ,
Хмарию стояли шатри нехрещенихъ.

У селі въ ту пору, на лиху годіну,
Живъ козакъ багатий, мавъ одну дитіну.
Краще Васютівни козакі не знали, —
Якъ зіронька въ небі! — Марусею звали.
Знали батько-мати Татарву погану,
Берегли, якъ око, дитіну кохану,
Да, видно, судилось молодій людині
Сорому добавити нашої Україні...
Вона Татарюгу крадькома кохала,
Да чорнявихъ хлопцівъ двохъ собі й придбала...

Зъ кривавого хмелю Татари дрімали,
А въ прадідівъ нашихъ крила виростали;
И віросли крила: піднялись орлята,
Збудили по-свійські гірвого ката—
»Бері, кату, плату за кровъ, за пожарі!»
Довго не забудуть росплати й Татари!...
Минулась недоля, пройшла Божя кара,
Якъ чорная галічъ — згнули Татари.
Зновъ зазеленили степі та долини,
Благодать та радість зновъ на Україні.

Отъ разъ, у неділю, зібралася рада,
Про грішну Марусю мізкує громада:
За соромъ України, за батькові слези
Присуджає рада росправу небозі.
Страшно присудила: щоби батько да мати
На степу широкімъ въ зеленій долині,
Де бенкетували каті України,
Збудували доні глибокую хату;
»А буде готове, кажуть, новосілля —
»Ми прийдемо грати Марусі весілля.»

Три вічки, сердешні, тяжко працювали —
Глибокую хату доні будували,

Глибóкую хату, сирúю могíлу...
 Настáла четвѣрта, осíння, тумáнна. —
 Жде гостѣй на бѣнкеть мáти безталáнна:
 »Надíнь«, кáже, »дóню, сорóчечку бíлу,
 Та вберíся гáрно, гóді сумувáти....
 Бúдутъ сю нíчь гóсті до нáшої хáти.«
 На двóрі вже північъ — нíчого не чúти,
 Ажъ ось идúть гóсті въ хáту до Вáскóти;—
 Зíбрáлися мóвчки, безъ мóви посíли,
 Хазíинъ и гóсті нáче пошíмили....
 Отъ, вихóдить бáтько, ставъ посерéдъ хáти:
 »Невмíла, Марúсю, чѣсти шанувáти,
 »Не хотíла слúхать нí бáтька, нí мáтíрь,
 »Молись же въ-остáнне въ моíй хáтí Бóгу,
 »Берí своїхъ дíтокъ, — рúшимо въ дорóгу«....

Чѣсного грóмада сúду не змíнила;
 Привелí Марúсю до новóй осéлі
 И спáти на вíки зъ дíтьми положíли
 Въ глибóку могíлу на сирíй постéді...
 Де тáя могíла — и слíду немає,
 Люде вже й забúли бъ давнó про Марúсю,
 Да грíшную дúшу землá не прíймає;
 Такъ вона, небóже.... — »Що такé, дídусю?«
 — Нí, сѣгó не збáю, — не мóжу — не сíлуй...
 Гóсподи помíлуй, Гóсподи помíлуй!...

П. Кузьменко.

НА ДОБРА - НÍЧЬ.

На добрá-нíчь усíмъ на нíчь —
 Годí вже блукáти;
 Одинокíй, безталáнный,
 Ляжу спочивáти.

Холóдная постíлонька
 У тѣмнíй дíбрóві:

Буду ждати, сподіватись
Любії обнови.

Усе небо блакитнее
Покрила темнота
Безпросвітня, нерозумна
Давня дрімота.

Що жъ за гомінъ чудний ходить
Одъ краю до краю?
Чи вінъ що намъ нагадує,
Чи що провіщає?

Не намъ, Бóже, розгадати
Небесні глаголи;
Суди, Бóже, нашу долю
По Твої вóлі.

И холодно, и бóязно,
Туга серце гнітить;
Всюди тёмно и не видно,
Тільки зірка світить.

Світї, зóре, на всю зéмлю,
Поки сонце зійде,
Пóки Бóжий день на зéмлю
Красотóрний прійде, —

День великий, день воскресний,
День Бóжої слави:
Въ прахъ розсіплютця будóви,
Старосвітські справи.

Задрижіть планéта грішна,
Сколихнётця мóре:
Заридáє змій старинний,
Гóре ёму, гóре!

Горе тобі, розвінчаний
 Правдою тиране!
 За державу тобі плата —
 Озеро огняне!

За злочинства—въ пеклі муки,
 На землі—прокляття!
 Горе тобі, Вавилоне,
 Душегубний граде!

Свинуть жемчугъ, заголосять
 Пішні блудниці;
 Розкріютця, розчинюця
 Скритні темниці.

Вийдуть мученики бліді —
 Катовані тіні!
 Дастца судъ імъ невмолимий,
 Що тебе постигне!

Горе, горе лукавому,
 Що въ гасло неволі
 Обертає хрестъ всечесний —
 Гасло правди й волі!

Горе, горе багатому,
 Що въ гордоці панській
 Дурницею нарікає
 Голосъ правди братський!

Горе, горе безумному,
 Що братівъ змуцає:
 У нечесті, у роспусі
 Свободи szukaє.

Горе вченимъ, що одъ простихъ
 Світло заховали,

Для користи, для мамони
Правду уживали, —

Всімъ продажнимъ філософамъ .
Одъ дѹху святини
Розвіютця їхъ хитроци,
Якъ пилъ по пустині!

День великий, день воскресний,
День судá й любви!
Передъ нимъ туманъ предіде,
Слізъ туманъ и крови...

А въ тумані сонце світить,
Туманъ розганяє:
Сонце правди незахідне
На весь світъ засяє!

День великий, день воскресний,
День Божої сили!..
Розкриютьця великіи
Народні могили,

Прокінутця всі народи,
Завіть вічній приймуть,
Ворогівъ тисячолітніхъ
Ворогі обіймуть;

Узрятъ те, на щó гляділи
И досі не зріли,
Узрятъ те, що земля й небо
Імъ давно відкрили!

Тільки тамъ, де Духъ Господень,
Тамъ и правда й воля.
Де любовъ Господня й віра, —
Тамъ и щастія й доля!...

Світí жъ, зóре, на всю зéмлю,
 Пóки день той прíйде;
 А ви, брáття, готу́йтеся,
 Бо не́ждано зíйде;

Готу́йтеся, очища́йтесь
 Одъ плямъ и порóку:
 Готу́йтеся — скóро блáсне
 Звiздá одъ Востóку!

І ЕРЕМІЯ ГАЛКА.

ПІСНЯ.

Летíть гóлубъ по-надъ пóлемъ,
 Спочíнку не мае,
 И до́лини, и дiбрóви,
 И лугí минáе

Нí въ садóчку вишнéвому,
 Нí въ лiсі густóму,
 Не живéтця, не сидiтця
 Ёму́ молодóму.

Сидiть козáкъ край дорóги,
 Коня́ попасáе,
 До гóлуба, до сiзого
 Тiхо промовлáе:

Ой кудí ти, сизокрiлий,
 Кудí поспiшáешъ,
 Що й до́лини и дiбрóви,
 И лугí минáешъ?

Хiбá й тобі, мiй гóлубе,
 Не жáлко нiкóго?
 Хiбá нiхтó не кохáе
 Й тебé молодóго?...

Ой спустіся, сизокрілий,
 Оддйшъ изо мвою—
 Полетимó въ йнше по́ле
 Ра́зомъ изъ тобо́ю;

За гора́ми, за яра́ми,
 На йншому по́лі,
 Пошука́емо зъ тобо́ю
 Щасли́вої до́лі;

Ми знайдемо, мій го́лубе,
 Зелéні дїбро́ви,
 И до́лини квітча́стї;
 И чо́рнні брóви.

Ми знайдемо въ те́мнімъ лу́зі
 Черво́ну калїну,
 И сїзую голубо́ньку,
 И га́рну дївча́нну;

Сизокріла голубо́нька
 Тебе́ приго́лубить,
 А гарная дївча́нонька
 Козака́ полюбить.

Л. Г л ь б о в ь

I.

Не кїдай мене́,
 Моя́ ча́рочко,
 Не жени́ мене́
 Ти, шинька́рочко!
 Не жени́ мене́,
 Дай уйїтися,
 Въ тебе́ брїдкую
 Улюбїтися!

Не безъ жїнки я,
 Не безъ ха́ти я, —

Все у мене є,
 Відьмо клятая!
 Хліба до-сита
 Маю вь засіку,
 Маю волики,
 Маю й пасіку.
 Моя хаточка —
 Півна чашечка;
 Моя жіночка —
 Мовь та пташечка,
 Та тяжкі мої
 Болі більні,
 Бо не маю я
 Волі вільної!..

Запражю волі —
 Потомъ міюся;
 Роспражю волі —
 На бікъ хілюся;
 Повалюсь на бікъ —
 Не здрімаюся:
 Зновъ на півницю
 Підіймаюся.
 Відроблю чуже: —
 »Жінко-дүшечко!
 Приголубь мене,
 Щебетүшечко.«
 А вона у плачъ
 Розголоситця, —
 На своє женé,
 Бо й те проситця...
 Робишь — силъ нема —
 Спина кривитця,
 А вона на те
 Та й не дивитця;
 Робишь — силъ нема —
 Похиляєся,

А вона у плачъ: —
 »Запиваєся!«

О, я пью теперъ,
 Жінко любая!
 Не кїдай менé,
 Чárко грубая!
 Не кїдай менé,
 Мой чáрочко:
 Не жени менé
 Ти, шинькарочко!
 Не жени менé —
 Дай упїтися,
 Въ тебе брїдкую
 Улюбїтися!

II.

ЛАСТІВКА.

(Польского поэта *Лекартовича.*)

Йде дівчина-сиротїна,
 Тяжéнько здихаé,
 А ластівка по-надъ нею
 Кругáми літаé;
 И літаé и щебéче,
 По-надъ нею вéтця,
 Мáло-мáло крилечкáми
 У коси не бéтця.
 »Чогó вéсся, чогó бéсся?
 Покїнь менé, птáшко,
 Покїнь менé, мой птáшко,
 Бо й такъ мені вáжко!«
 — Не покїну, не покїну,
 А буду літáти:

Бúду тобі за брátика
 Твогó щебетáти;
 Бо твiй брátикъ що-дéнь Бóжий
 Плáче у темнiцi: —
 Навiдайся, мiла птáшко,
 До мо'i сестрицi:
 Чи ще вонá свогó брáта
 Добрóмъ споминáе?
 Чи ще вонá по брáшовi
 Слéзи проливáе!

III.

НІЧЪ-У-НІЧЪ.

(*Сербського поета Бранка Радичевича.*)

Комú мiле сiне мóре,
 Комú мiлий мiсяць, зóри;
 Менi мiла моá рiчка,
 Менi мiла тéмна нiчка.

Я що-ночи йдú до рiчки,
 Берú чóвeнь невеличквий,
 Мбодь вéсла пiдiймаю,
 На той бéригъ поспiшаю.

Водá пiнить, чóвeнь плiне,
 Допливáе серéдини,
 Страшнi фiлi, страшнi крúчи...
 Допоможi, Всемогúчий!

Водá пiнять, чóвeнь крác —
 Черезъ хвiлi пробiгáе;
 Щé разъ рúки пiдiймаю,
 До бéрига допливáю;

И на бéригъ жiво скáчу,

И здалека дівча бачу,
И потіху йду на гору
До милої мої двору.

Близько двору коло плоту
Поглядаю на ворота:
У воротяхъ, якъ калина,
Моя любая дівчина.

Сонце! живо жъ опускайся!
Живо, нічко, підіймайся!
Живо, мила, йди до хати!
Годі мені виглядати!

Подоланинъ Ст. Руданський.

БАЙКИ

I.

ВОВКЪ ТА КІТЬ.

Въ село изъ лісу Вовкъ забігъ...
Не думайте, що въ гості, братця!
Ні, въ гості Вовкъ не забіжить;
А вінъ прибігъ, щобъ де-небудь сховаться:
Прокліятий людъ зъ собаками настігъ...
И радъ би Вовкъ въ які ворота вскочить,
Та лишенько йому: куди не погледішь —
Усюди Вовчика недоленька морочить, —
Хочъ сядь та й плачь!
Ворота, якъ на-тє-жъ, кругомъ усі заперті,
А дуже Вовкові не хочетця умєрти,
(Бо щє вінъ не нажився, бачь!)
А гірше — одъ людєй, одъ вїдимой смєрти...
Коли глядять —
На загороді Кіть сидить,
На сонечку мурлікає, дримає.

Підскочивъ Вовкъ и до Котá мовляе:

— Котусю-братіку! скажіть мині скоріше,
Хто изъ хазяїнівъ отгуть усіхъ добріший?

Я хочу попрохать, щобъ хто мене зховавъ

На сей недобрий часъ..я бъ у пригоді ставъ...

Чи чуюшъ гомінъ той? за мною то женутця!..

Котусю—бáтечку! куди мині поткнутьця?—

»Просі мерщій Степáна:

Вінъ добрий чоловікъ«, Кітъ Вóвкові сказавъ.

— Такъ я у ёго вкравъ барáна. —

»Ну, такъ навідайсь до Демьяна.«

— Э, и Демьяна я боюсь:

Якъ тільки навернусь,

Вінъ и згадае поросятко. —

»Біжі жъ, ажъ-генъ, живё Трохімъ!«

— Трохімъ? боюсь зітїся зъ нимъ:

Зъ весні ще злий вінъ за ягнятко! —

»Погáно жъ!. Ну... а чи не прийме Климъ?«

— Охъ, братіку! теля я въ ёго звівъ!.. —

»Такъ ти, бачу, и сямъ тутъ дóбре надовівъ«

Кітъ Вóвкові сказавъ:

»Чогó жъ ти, братіку, сюди и забігавъ?

Ні, наші козаки ще зъ рóзуму не спáли,

Щобъ Вóвка одъ бідї зховали;

И такъ-таки ти самъ себё винї:

Щó, братіку, посїявъ, тó й пожий!«

II.

ВОВКЪ ТА МИШЕНЯ.

На полі Вовкъ овечку взявъ,

Потягъ, сердешную, въ дїброву, —

Не на розмóву —

А щобъ иззісти: вінъ бажавъ

Мясця свіжёнького давнёнько,

Отъ, взявъ овечку, обідравъ,
Якъ знавъ.

Та й заходівся хорошенько
Мнясцє підъ дубомъ умивать,
Ажъ на зубахъ кістки хрущять.
Івъ Вовчикъ, івъ, ажъ утомівся,
Гарáзденько удовольнівся,
А все-таки всєго не ззівъ.

»Нехай вже,« каже, »другимъ разомъ.«
Мнясцє травницею прикривъ,
А самъ спочинуть лігъ тимъ часомъ...

Ненáче панъ який лежить...

А Мишенятко підъ вербою
Почуло, що мнясцє пахтить,
Та й крадетця по-міжъ травюю
(Якє малє, а вже й хитрить!...)
Отъ, поманєсеньку підкралось,
Взяло мнясця, та у дупло й зховалось.
Угледівъ Вовкъ — дарма що спавъ —
И на весь гай гукать почавъ:
»Ой, лєлечко! рятуйте! допоможіте!
Ловіте злодія, держіте!
Добро мое покравъ!..«

Я въ одному селі по ярмарку гулявъ,
Та й бачивъ діво:
Який-сь тамъ становий хвинтивъ спісиво
Біля чумацькихъ хуръ...
Чогó вінъ тамъ никавъ — усі на вусь мотали...
Отъ, якось, я въ ёго тарані в'язку вкрани,
А вінъ гукáє: »прóбі! калавуръ!«

Л. Г л ъ б о в ъ

ДРУГОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

ИЗЪ ВОСПОМНЕНІЙ БЫЛОГО.

(Посвящается Николаю Ивановичу Костомарову.)

I.

1819-й годъ былъ хорошій, урожайный годъ въ нашемъ уѣздѣ, и помню я, какъ одинъ богатый козакъ въ селѣ Бѣртищѣ, по прозванію Очкуръ, вышедъ за ворота своего веселаго зеленого двора, останавливалъ низкими поклонами добрыхъ людей, ѣхавшихъ съ копами, и просилъ ихъ выпить за здоровье своего новорожденного. Улица буквально была загромождена возами съ чудеснѣйшимъ жѣтомъ, какое только можно вообразить, такъ что и самые суровые, работающіе хозяева, запусившіе себѣ бороду до тѣхъ поръ, пока не обѣются противъ зимы.... (у насъ въ Бѣртищѣ козаки перестаютъ брить бороду послѣ косовицы, и выросшая у нихъ на подбородкѣ густая щетина находится въ тѣсной связи съ осенними всходами, послѣ которыхъ они опять начинаютъ бриться и, на досугѣ, охотно идутъ въ кумовья и старосты), такъ и тѣ нехотя должны были останавливать своихъ воловъ у двора ошачливленнаго небесами козака Очкура и выпить изъ его рукъ чарку горѣлки. Впрочемъ это для пахаря такая благодать, что и самое нахмуренное чело прояснялось, и, не смотря на горячую коповозную пору, вокругъ хозяина зашумѣла веселая бесѣда, точно на святкахъ.

Находя, что стоять за воротами съ чаркою и сумеею въ рукахъ цѣлый день нельзя, козакъ Очкуръ зазвалъ къ себѣ гостей

на дворъ и, усѣвшись съ ними въ кружокъ на споришѣ (1), пировалъ какъ нельзя веселѣе. У него родился сынъ, который, по всей вѣроятности, долженъ былъ называться Семеномъ, такъ какъ на тотъ день, въ святцахъ, назначено чествовать *преподобнаго Симеона юродиваго*....

Но не козакъ Очкуръ и его новорожденное чадо составляютъ предметъ моей повѣсти. Изъ сосѣдней хаты, сквозь веселый говоръ гостей козака Очкура, вырывались и неслись по воздуху такіе вопли, отъ которыхъ да сохранить Господь всякій сколько-нибудь чуткій слухъ! Тамъ рыдала мать надъ сыномъ, рыдала тѣми раздирающими сердце воплями, которые могъ спокойно слышать только тогдашній исправникъ нашъ, называвшійся комиссаромъ. Счастливый отецъ новорожденного, козакъ Очкуръ, уронилъ не одну крупную слезу, слушая вопли несчастной матери, такъ какъ его сердце, обрадованное рожденіемъ сына, сдѣлалось чувствительнѣе обыкновеннаго. Прочіе козаки, запрудившіе своими возами улицу, хоть и не плакали, но выразительно покачивали не только черными, кудрявыми головами, но даже и сѣдыми, уже охладѣвшими ко всякой радости и горю.

Дѣло въ томъ, что молодой козакъ Поликарпъ Зарубай, сынъ козачки вдовы Зарубаихи, не спустилъ комиссарскому сыну за обиду своей невѣсты, къ которой тотъ присталъ съ какими-то неучтивыми любезностями. Больно или нѣтъ поколотилъ онъ его благородіе—не извѣстно, но во всякомъ случаѣ прикоснулся своими пахарскими руками къ благородному юношѣ, прапорщику, пріѣхавшему въ отпускъ изъ какого-то мушкетерскаго полка—обрадовать отца свѣжими эполетами. Каждый чадолюбивый отецъ по себѣ можетъ судить, пріятно ли было комиссару, видѣть на прекрасномъ, исполненномъ дворянскаго достоинства, лицѣ благороднаго юноши простой синякъ, на манеръ тѣхъ, какіе не рѣдко украшаютъ посѣтителей городскихъ питейныхъ домовъ (въ селахъ у насъ добрые люди пьянствуютъ мирно). А такъ какъ власть комиссара была въ Буртвицѣ неограниченная, то ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что десятскіе заковали Поликарпа Зарубая въ рекрутскіе кандалы, въ то самое время, когда онъ, воро-

(1) Низенькая и кудрявая травка *споришъ* растетъ только тамъ, гдѣ ее безпрестанно топчутъ.

тась съ поля съ полнымъ возомъ жита, усѣлся было съ своею матерью обѣдать.

Для бѣльшого огорченія вдовы Зарубанхи, у нея съ сыномъ какъ нарочно зашелъ самый пріятный разговоръ о томъ, кого просить въ сваты, когда упѣраются и обѣются въ полѣ, чтобы сватать, съ другого конца Бѣртища, Катрю Дубівну, извѣстную во всемъ селѣ красавицу. Только что разговорила съ бѣдная вдова о томъ, что, хотя козакъ Дубъ и не богатъ, но хорошія у него дѣти и повелъ онъ ихъ *чѣстнимъ звичаємъ, по-старосвітськи*, какъ тутъ на порогъ незваные гости, десятскіе! Они не сочли за нужное скрыть отъ матери комиссарскую угрозу, что онъ ея Поликарпа отдастъ въ солдаты безъ очереди, за буйство; а это значило, что уже никакія просьбы, ни моленія не спасутъ Поликарпа. Тогдашній комиссаръ могъ служить образцомъ нынѣшнему исправнику относительно непреклонности воли. У него даже и взглядъ былъ такой, что, на кого онъ устремлялъ его, у того въ ту же минуту переставали литься слезы. Сказанное имъ было все равно, что написанное, а написанное его перомъ не вырублывалось и топоромъ. Поэтому вдова Зарубанха могла рыдать сколько ей угодно въ своей хатѣ надъ сыномъ, обхвативъ его голову, — это столько же могло помочь ему, какъ и тогда, когда бы онъ лежалъ передъ нею мертвый. Коротко сказать, что рекрутскій наборъ въ томъ году случился въ нашей губерніи какъ нельзя больше кстати: молодой, рослый, чернобровый Поликарпъ Зарубай возвеселилъ души пріемщиковъ своимъ образцовымъ сложеніемъ, и власть комиссара, грозная всегда для села Бѣртища, сдѣлалась послѣ этого еще грознѣе. Одна осиротѣлая мать, зная, что терять ей больше нечего, билась объ землю и проклинала, какъ она неприлично выражалась о комиссарѣ, *ненасытного пузанá* и весь родъ его, и дѣтей его, и внуковъ его!

Грустно подумать, что такое событіе, какъ отдача молодого козака въ солдаты, было слѣдствіемъ явленія очень обыкновеннаго, именно—любезничанья празднаго прапорщика съ сельской красавицей, а между тѣмъ—сколько пролито было слезъ!... и не одной матерью, но и тою, которая во всемъ селѣ Бѣртицѣ не знала лучшаго паробка, какъ Поликарпъ Зарубай! Конечно, Катря Дубівна могла быть утѣшена десяткомъ другихъ паробковъ, которые, при первомъ удобномъ случаѣ, доказали ей своими ухажи-

ваньями и даже драками между собою, что она — первая красавица на селѣ; но осиротѣвшую мать некому было утѣшать въ молчаливой хатѣ; ни на комъ не остановились ея глаза съ любовью, этимъ единственнымъ врачевствомъ растерзаннаго сердца; никто, никто не могъ замѣнить ей не только слова, но даже и взгляда ея милого сына.... Пропалъ козакъ! Меньше однимъ бойкимъ, молодцоватымъ паробкомъ въ Буртищѣ! Меньше однимъ звонкимъ голосомъ въ пѣсняхъ! Меньше однимъ завиднымъ женихомъ на селѣ!... Что жъ дѣлать? Такъ, видно, Богъ далъ, чтобъ комиссаръ заставлялъ всю громаду плясать подъ свою дудку. Видно, за отцовскіе и дѣдовскіе грѣхи караетъ Господь козаковъ такимъ нацускомъ.

II.

Прошло лѣтъ шесть или семь. Катря Дубівна давнымъ-давно вышла замужъ. О ея прежнемъ женихѣ вспоминали рѣже и рѣже; наконецъ и совсѣмъ перестали вспоминать. Одна только мать ждала вѣстей о немъ съ каждымъ днемъ и часомъ; но вѣстей никакихъ не было. Видно, услали его съ солдатами на край свѣта; видно, убили его на войнѣ, а пожалуй умеръ козакъ съ тоски по родицѣ.

Осенью 1826 года, въ одно изъ тихихъ, солнечныхъ воскресеній, когда казаки наши сидѣли съ своими семьями за воротами и здоровались съ проходящими мимо сосѣдами, въ село Буртище въѣхала нечестивая жидовская бричка, свидѣтельствующая, что сидищій въ ней путешественникъ — человекъ разсчетливый и веторопливый. Она была наполнена всякимъ добромъ, которое, судя по выглянувшей изъ нея офицерской фуражкѣ, было добро офицерское. Козакамъ нашимъ не было никакого дѣла ни до безобразной жидовской будки, ни до путешествующаго въ ней офицера. Покуривая люлькѣ, они смотрѣли какъ нельзя равнодушнѣе на косматаго жида, отъ роду не пробовавшаго, что за вкусъ въ колбасѣ и поросенкѣ, и на его четверню тощихъ клячъ, которыми, какъ это всякому извѣстно, нечистая сила помогаетъ пробѣгать въ сутки отъ 70 до 90 верстъ. Но бричка, выбравши хату, у которой сидѣло побольше народу, остановилась, и офицеръ,

молодой красивый человекъ, съ черными, лоснящимися усами, сказалъ:

— Здравствуйте, добрые люди!

»Здорові будьте и ви, добродію!« отвѣчали козаки.

— Съ недѣлю!

»И васъ также!«

Это поздравленіе съ воскреснымъ днемъ, обычное у простонародья, расположило козаковъ въ пользу странствующаго рыцаря.

— А гдѣ тутъ живетъ у васъ вдова Зарубаиха? спросилъ офицеръ.

»А на що вамъ, добродію, вдову Зарубаіху?« спросили козаки.

— Видно, ваше село горѣло и перестроилось, сказалъ, вмѣсто отвѣта, путешественникъ: — я не узнаю знакомыхъ хатъ.

»Булó всёго, добродію«, отвѣчали козаки.

Но уже нѣкоторые изъ нихъ подступили ближе къ жидавской бричкѣ и всматривались въ странствующаго рыцаря.

— Да се жъ Зарубаенко! се жъ Полікарпъ вдовиченко! вскричало вдругъ нѣсколько голосовъ, и въ одну минуту народъ окружилъ бричку.

Село Буртище взволновалось невѣроятною новостью.

»Дá, люди добрые!« говорилъ офицеръ, »я тотъ самый Полікарпъ Зарубасенко, котораго вы громадою отдали за буйство въ солдаты. Жива ли еще моя матушка?«

— Слава Бóгу, підскакуе! сказали радостно козаки. — А що ми васъ отдали громадою въ москалі, такъ то винá не наша, добродію. Скачі, враже, якъ панъ каже!

»Я на васъ и не сержусь«, отвѣчалъ офицеръ: »вы мнѣ добро, а не зло сдѣлали.«

— А хибá ви, добродію, справді великимъ паномъ зробились? спрашивали козаки.

Но офицеръ нетерпѣливо желалъ видѣть свою мать, и козаки, окруживъ бричку, десяткомъ рукъ указывали косматому жидау и офицеру убогую хату вдовы Зарубаихи.

III.

Хата вдовы Зарубаихи спаслась какимъ-то чудомъ отъ пожара, истребившаго значительную часть Буртища. Отецъ Потапій,

тогдашній нашъ священникъ, предшественникъ отца Петра, стоя у себя на скирдѣ хлѣба, видѣлъ, какъ надъ этой хатой вилась бѣлая туча голубей, ярко рисуясь на бурыхъ и синеватыхъ клубкахъ дыма, валившаго изъ сосѣднихъ хатъ богатаго козака Очкурá. »Но, по здравомъ размышленіи (говорилъ онъ), я нахожу, что то были не голуби, поелику бѣлизна ихъ превосходила сіянье снѣга въ солнечный день морозный, — то была бѣлая риза ангела-хранителя, котораго нашимъ грѣшнымъ очесамъ не возможно видѣть въ его истинномъ образѣ, то есть въ такомъ, какъ онъ изображенъ на сѣверныхъ вратахъ иконостаса, съ огненнымъ мечемъ въ десницѣ и въ желтыхъ сапогахъ, попирающихъ діавола.«

Какъ бы то ни было, только спасеніе вдовиной хаты признано было всѣми сосѣдами за чудо, и самъ отецъ Потапій сознавался, что, еслибъ эта убогая хата не стояла между пылающимъ козакомъ Очкуромъ и его собственной левадою, то не молотить бы ему въ ту осень хлѣбныхъ скирдъ: »мнози бо грѣси одержать мою утробу«, прибавляя со вздохомъ отецъ Потапій, къ истинному удивленію козаковъ, которые никакъ не могли допустить мысли, чтобъ нельзя было отмолиться *попу* отъ всѣхъ, рѣшительно отъ всѣхъ грѣховъ!

Итакъ хата вдовы Зарубанхи, и семь лѣтъ тому назадъ уже старая, теперь, въ сравненіи съ новыми сосѣдними постройками, казалась еще старѣе. Еслибъ покойный ея мужъ, козакъ Зарубай, не былъ лучшій на селѣ кровельщикъ, то давно бы уже прогнила на ней солома, и осенніе дожди протекали бы сквозь крышу и потолокъ на голову несчастной, безпомощной, одинокой Зарубанхи. Но крыша была — точно кованная, и показывала свою древность только зеленымъ мохомъ, который раскинулся по ней красивыми, почти сплошными пластами, гуще къ краямъ и рѣже къ высокому дымарю. Всѣ-таки она надвинулась довольно угрюмо надъ бѣлыми стѣнами хаты и сѣней и надъ сѣрыми бревнами, изъ которыхъ сложена еще покойнымъ Зарубаемъ комора, въ одной связи съ стѣнами.

Комора была славная у Зарубанхи, съ деревяннымъ поломъ и стѣлею. Покойный мужъ ея съ тѣмъ и строилъ эту комору, что когда, Богъ дастъ, дождетъ онъ женить своего Поликарпа, тогда стóитъ только прорубить въ ней окна, и »противная хата« для него готова.

А всё-таки видно, что мужскія руки не побракуются на дворѣ у Зарубаихи: все кругомъ обветшало, обвалилось и уже употребляется на топливо. Но, подобно тому, какъ солнце вдругъ прорѣжетъ осеннія тучи и ярче лѣтняго озаритъ мокрыя травы и трепещущія, ярко-желтыя и красныя листья на грушахъ, — такъ вѣсть о возвращеніи сына все озарила и измѣнила не только на печальномъ лицѣ старушки, но какъ-будто даже и на ея заросшемъ бурьянами дворѣ. Иными глазами взглянули теперь козаки и на убогую вдову, и на ея убогое и обветшалое двѣрище.

Сосѣднія дѣти давно уже набѣжали съ улицы въ ея хату и радостнымъ крикомъ возвѣстили ей, что воротился ея Поликарпъ. За этимъ милымъ, драгоценнымъ для нея словомъ, она не слышала другого слова, двадцать разъ повтореннаго дѣтьми: *офицеръ! офицеръ! офицеръ!* Она не повязала даже головы платкомъ, и въ домашнемъ очіпкѣ выбѣжала за ворота.

Гдѣ же онъ? Неужели это ея Поликарпъ идетъ къ ней скорыми шагами, впереди дивющагося народа?... И уже, сквозь его новую, чужую для нея внѣшность, она различаетъ его родныя для нея черты. Онъ оставилъ ее съ застывшими у ней на глазахъ слезами, застывшими именно потому, что взглядъ комиссара произвелъ на нее обычное свое дѣйствіе. Онъ воротился къ ней — и слезы ея теперь другія: ихъ озаряетъ радость, материнская радость, какъ яркое солнце осеннюю, еще живую и прекрасную природу.

Но какъ, однакожь, много отняли у ней эти семь лѣтъ! какими страшными чертами обозначились они на ея лицѣ! Въ первую минуту свиданія время и горе показываютъ намъ все, что они вмѣстѣ сдѣлали на миломъ для насъ образѣ; но когда, въ задушевной бесѣдѣ, близкій намъ человекъ выкажетъ передъ нами всю внутреннюю красоту свою, незримую для людей далекихъ, тогда на его внѣшнемъ образѣ изглаживаются признаки физическаго разрушенія, и кажется намъ, что дорогое намъ существо никогда не разрушится.

То самое случилось и съ Поликарпомъ Зарубаемъ. Когда радостная мать ввела его въ хату и, расцѣловавши въ десятый разъ, отерла свои слезы, — ему показалось, что это только вчера онъ съ нею обѣдалъ и бесѣдовалъ о Катрѣ Дубівнѣ.

Сколько можетъ вынести человекъ! Еслибъ мы сами были не

люди, мы бы съ трудомъ повѣрили, что тотъ, кого сердечная боль заставляетъ биться объ землю, какъ былась эта несчастная вдова, что тотъ можетъ еще быть когда-нибудь радостенъ и бодръ тѣломъ и душою.

Да, можетъ быть, въ жизни своей никогда еще не чувствовала такого счастья вдова Зарубаиха, какъ въ этотъ день, — даже и въ весеннюю пору своей жизни, когда она была вся цвѣтъ и красота, а ея мужъ, давно уже похороненный отцемъ Потапиемъ, тогда еще женихъ, вернулся съ Дону, ведя за собой помахиваніемъ батога чудесную паровіцу (¹), и она встрѣтила его, по какому-то предчувствію, за селомъ, и онъ, щадя ея дѣвическую честь передъ чумаками, не сказалъ ей ни слова, но поднявъ правой рукой высокій, запыленный бриль и такъ ей поклонился, такъ поклонился... ну, этого никакими словами не скажешь! И тогда она не была ни такъ счастлива, ни такъ молода сердцемъ, ни такъ добра ко всему міру, какъ теперь. Еслибъ комиссаръ явился теперь къ ней въ гости, — она бы и его встрѣтила, какъ родича. Но комиссаръ, яко человекъ великого коліна, по выраженію козаковъ, — никогда не удостоивалъ подобной чести простую хату, и если когда случалось ему по дѣламъ сидѣть *кинѣць стола* у головы, то самъ голова докладывалъ ему о дѣлахъ, стоя у порога.

Зато пришли къ ней, въ качествѣ гостей, многіе сосѣди, чуждавшіеся прежде убогой и унылой хаты; пришелъ и самъ богачъ Очкуръ, держа передъ собой накрытаго полами балованнаго сына Семенка, родившагося на преподобнаго Симеона юродиваго, въ томъ самый день, какъ Поликарпа Зарубая заковали въ рекрутскіе кандалы. Козакъ Очкуръ отеръ одну, а можетъ быть и другую слезу по этому случаю, тронувшему его родительское сердце, но, въ отсутствіе Поликарпа, не одинъ разъ далъ бѣдной вдовѣ почувствовать сосѣдство богатаго двора. Какъ-бы угадывая, что вдова Зарубаиха теперь не попрекветъ его ничѣмъ, онъ пришелъ къ ней, какъ ни въ чемъ не бывалъ, и, вынувъ изъ-за пазухи завернутую въ бѣлую хустку паляницу, положилъ на столѣ. Это значило, что онъ не случайно зашелъ къ ней въ хату, но какъ равный къ равному, въ качествѣ гостя. Явилось у вдовы на столѣ

(¹) *Паровіца* — возъ, запряженный парю воловъ.

и еще нѣсколько почетныхъ паляницъ, и вдова, усадивъ своего милаго — и притомъ чиновнаго — сына конецъ стола, протерла чистою тряпкою свою и безъ того чистую лавку для пришедшихъ на ея радость сосѣдей.

Сынъ, помня обычай предковъ, досталъ было уже изъ кармана кошелекъ, чтобъ послать за горілкою, но мать остановила его.

— Я, слава Богу, не лежала лёжнемъ, но гуляла по шинка́хъ. Про мою нѣжду и для шанобн дѣланныхъ людей, найдется въ мене въ гаманці копейка.

И уже быстроногая сосѣдняя дѣвочка летѣла во весь духъ къ шинкарю Остапу, мудрѣйшему изъ смертныхъ во всея Бѣлорусіи, умѣвшему разчесть, сколько въ году часовъ, а въ сотнѣ рублей и копеекъ, на что не хватало премудрости и у волостнаго писаря.

IV.

Между тѣмъ жидъ, обладатель уродливой будки и четверни невообразимо тощихъ клячь, гонимыхъ нечистою силою, навьючился офицерскимъ добромъ и тащилъ его въ хату. То были ситцевыя подушки, березовыя чубуки, огромный кисетъ съ кисточками по угламъ и съ вышитой на немъ собакою, пестрый архаикъ и еще множество другихъ мелочей, которыя трудно было рассмотреть съ перваго взгляда. Да никто въ это добро и не всматривался, потому что всѣхъ поразила, какъ молнія, одна мысль: неужели вскрещенный жидъ войдетъ въ хату къ своей косматой шапкѣ, какъ-будто... Духъ святый съ нами! Неужели мало того, что офицерская собака пробралась между ногъ почтенной компаніи и улеглась подъ лавкою у самыхъ каблукъ его благородія?... Всѣ оцѣпенѣли отъ этой мысли; но, какъ дѣло ближе всего касалось вдовы Зарубахи, то она первая и опомнилась отъ изумленія и страха.

— Тю, къ нечистій матері, не при хаті споминяючи! вскрикнула она. — Гляньте, люде добрі, нечистий жидюга прѣтця въ хату!

Тутъ, кто сидѣлъ поближе къ порогу, бросились защищать

святыню хаты, и въ самую пору отгѣснили жида съ ситцевыми подушками и чубуками. Офицерское добро перетаскано было въ хату дюжими паробками, которые, изъ почтенія къ своимъ отцамъ и матерямъ, оставались до сихъ поръ въ сѣняхъ и смотрѣли оттуда въ дверь на офицера.

Жидъ очень оскорбился грубымъ приѣмомъ въ козачей хатѣ и сказалъ, что онъ бывалъ и въ панскихъ домахъ, на второмъ »и дазе на третьемъ этажѣ.»

— То панскіи домá, а се християнская чѣсная хата! отвѣчали ему кротко паробки. — Ми бѣ и собакп не впустили, да тѣлько, що офицѣрська собака.

Жидъ еще больше оскорбился кроткимъ отвѣтомъ паробковъ и прибѣгнулъ къ своему натуральному мщенію: онъ громко и немедленно требовалъ отъ офицера денегъ, стоя въ сѣняхъ въ своей косматой рыжей шапкѣ и держа въ рукѣ коротенькую плеть на длинномъ кнутовищѣ.

Паробки бдительно охраняли хатній порогъ, и офицеръ передалъ деньги жиду черезъ десятокъ рукъ.

Тотъ сосчиталъ ихъ, увидѣлъ, что есть и прибавка, и, не сказавъ ни добраго, ни худого, молча отправился къ своимъ лошадямъ, въ сопровожденіи паробковъ, которые объяснили тутъ же хлопчикамъ и дѣвчѣткамъ, что жидъ своихъ коней никогда не кормить, а только поить, и что нечистая сила гонитъ ихъ по 70 и по 90 верстѣ въ сутки.

Вслѣдствіе этого объясненія, хлопчики и дѣвчѣтка, обступивъ жида и его бричку съ лошадьми, спрашивали въ десятокъ голосовъ:

— Жиди! а нá що ви Христа замучили?

Другой десятокъ голосовъ кричалъ:

— Жиде! жиде! свиняче ўхо! чи не хочешъ поросятинни?

Третій десятокъ голосовъ еще звонче кричалъ:

— Жиде! жиде! а давнó твого батька хапунъ ухопивъ?

Бѣдный потомокъ воиновъ, разрушавшихъ одними трубными звуками городскія стѣны, готовъ былъ, казалось, разорваться отъ досады на свое безсиліе, и его плеть на длинномъ кнутовищѣ такъ и висѣла у него въ рукахъ, точно змѣя, готовая ужалить. Но рослые паробки, въ новыхъ свиткахъ и огромныхъ сапогахъ, стояли съ такимъ величавымъ спокойствіемъ въ арріергардѣ дѣтскаго опол-

ченія, что его измельчавшая душа опускалась въ немъ, замѣтно для него самого, ниже груди и «даже зивота!» Все, что могъ онъ сдѣлать, такъ это плюнуть, вскочить на козла и погнать своихъ тощихъ клячъ такъ быстро, что дѣти остались въ несомнѣнномъ убѣжденіи на счетъ нечистой силы.

Этимъ, однакожъ, онъ не отдѣлался. Гикалъ и выюкалъ онъ на свою четверню изо всѣхъ силъ; четверня неслась въ пыли, какъ сумасшедшая; опорожненная будка звякала и стучала безбожно. Жидъ не могъ слышать вокругъ себя ничего, кромѣ грохота собственной колесницы; но онъ видѣлъ, какъ хлопчики и даже взрослые паробки, у другихъ хатъ, махали ему концами своихъ полъ, свернутыми на подобіе свиного уха; онъ видѣлъ, какъ дѣвчѣтка, впереди его, чертили на пескѣ кресты; онъ видѣлъ, какъ степенные молодцы, идучи отъ колодезя съ полными ведрами, нарочно останавливались, чтобъ не перейти ему дороги, а тѣ, у которыхъ было падѣто на конецъ коромысла два пустыхъ ведра, то и дѣло шмыгали передъ нимъ пеперегъ дороги (1). Еслибъ у него не висѣло сбоку брнички желѣзное дырявое ведро, то можно сказать навѣрное, что ему никто на селѣ не далъ бы ведра напоить лошадей. Жидъ и откупщикъ, жидъ и обманщикъ, жидъ и врагъ всякаго добраго человѣка — въ Буртищѣ значило одно и то же. О жидяхъ, еще со временъ польскаго ига, ходитъ у насъ въ народѣ множество возмутительныхъ воспоминаній. Невѣжество и суевѣріе облекли, большею частію, эти воспоминанія въ чудовищныя или фантастическія сцены; но въ основаніи вымысловъ лежитъ всё-таки память, что жида, въ рукахъ пановъ и іезуитовъ, были самымъ ужаснымъ орудіемъ поработенья и грабежа слабыхъ и беззащитныхъ, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. При помощи этого безжалостнаго къ народу орудія, Ляхи или, что одно и то же, паны въ Украинѣ поселили къ себѣ въ народѣ такую страшную ненависть, что въ XVII вѣкѣ умирающій ребенокъ говорилъ: *Мáмо, закрій мені очи, щобъ мені на того поганого Ляхá не дивитись!* А растравленные польскими панами на народѣ жида и послѣ гибели своихъ высоко-

(1) Кому встрѣтятся полныя ведра на дорогѣ, того ожидаетъ успѣхъ въ предпріятіи. Желая счастья отправляющемуся въ путь, нарочно переходятъ дорогу съ полными ведрами. Встрѣча съ порожними ведрами предвѣщаетъ неудачу.

родныхъ патроновъ не переставали изъ рода въ родъ упражняться на Украинѣ въ искусствѣ обмана, коварства и предательства. Что же тутъ мудренаго, если потомки Небабъ и Морозенковъ гнушаются прикосновеніемъ къ жидамъ, а малыя дѣти преслѣдуютъ его насмѣшками и ругательствами? Устами ихъ говоритъ исторія, которая одна осталась Украинцу въ наслѣдство отъ его предковъ....

V.

Въ то самое время, когда мстительныя насмѣшки и ругательства провожали, отъ хаты вдовы Зарубанхи до самой цѣрины (1) въ поле, косматую фигуру такъ называемаго фурмана (название, присвоенное лучшему классу еврейской общины, ямщикамъ), въ сѣняхъ, а потомъ и въ хатѣ вдовы Зирубанхи, появилась другая косматая фигура, и въ добавокъ еще неопрятная, если неопрятностью слѣдуетъ назвать то, что на ней былъ засаленный нанковый балахонъ, препоясанный широкимъ, шитымъ разноцвѣтными гарусами поясомъ, уже давно полинялымъ и многожды закапанымъ во время питія и яденія. Но паробки, стоявшіе въ сѣняхъ, разступились передъ этой фигурой, снабженной большимъ крючковатымъ носомъ и парюю глазъ, которыя какъ будто притаялись по обѣимъ сторонамъ его въ узкихъ щелочкахъ, что придавало всему его лицу видъ хаты, которой хозяинъ закрылъ оконницы отъ мухъ и улегся послѣ обѣда спать. Эта послѣдняя особенность, довольно обыкновенная въ нашемъ уѣздѣ между вышнимъ, совершенно обезпеченнымъ сословіемъ, не поражала нисколько общества, собравшагося у вдовы Зарубанхи. Что касается собственно до офицера, то онъ почтительно поднялся съ своего мѣста и, перемѣстивъ чубукъ изъ одной руки въ другую, просилъ молчаливымъ движеніемъ руки и наклономъ всего корпуса такъ называемаго благословенія у нанковаго балахона. Но нанковый балахонъ, поднимая обѣ растопыренныя руки свои къ собственнымъ плечамъ съ видомъ отрицанія, а главу склонивъ немного на сторону, произнесъ трогательнымъ голосомъ:

(1) Цѣрина — ворота на концѣ села.

— Не благословляю!

Эти жесты и это неожиданное слово привели офицера въ такое изумленіе, что онъ долго бы еще не опустился на лавку, еслябъ сосѣдніе козаки не сказали, сложась по слову:

»Эгѣ, Поликарпъ Ивановичъ! нашого отця Потѣпа посадили на лідъ, чи якъ би то вамъ сказати?... трѣшки осунули... а попросту изъ попівъ да въ дякі.«

— Истинно! сказала эта странная персона, которую козаки снисходительно называли отцемъ Потапиемъ. Врагъ рода человѣческаго прсрамилъ мою старость. Состою теперь заштатнымъ дьячкомъ при церкви Вознесенія Господня. Если позволите облобызать себя, почту за честь.

Офицеръ позволилъ облобызать себя и, потомъ опустился на лавку, совѣстился за бывшаго отца Потѣпа, котораго козаки единственно по привычкѣ продолжали звать отцемъ Потапомъ. Но бывший отецъ Потѣпій, у котораго глаза обозначались токмо узкими щелочками, по-видимому не зпалъ, что значитъ совѣститься. Онъ занялъ мѣсто по другую сторону стола, на лавкѣ, и спокойно гладилъ свою рыжую бороду.

Между тѣмъ богатый на все село козакъ Очкуръ, сидя на другой лавкѣ, рядомъ съ офицеромъ, и держа передъ собой между ногъ балованнаго сына, продолжалъ:

»Эгѣ, ѳтче Потѣпе! ми вамъ казали, що вимагання ваше не доведѣ васъ до добра. А лүчче бъ було живитьця зъ міру чѣсно.«

— Суетно слово твое, Миронъ Петровичъ! отвѣчалъ засаленный и очевидно опустившійся бывший отецъ Потѣпій. — Не мое вымоганье меня низвергло, а вымоганье свыше. Сказалъ бы я тебѣ и больше, *да ніч у хати*⁽¹⁾. Но вмѣяй уши слышати да слышитъ. Распустили вы суетную славу о моемъ богатствѣ и тѣмъ самымъ повергли меня въ бездну золь. А у меня всего богатства — бочка горілки въ коморѣ. Вашего жъ брата, не кого другаго угощаль по своему благодүшію, а вы — возвеличили на мя запинаніе! Погибаю отъ щедроты руки своей, не отъ чего инаго, Поликарпъ Ивановичъ! обратился онъ къ офицеру.

»Ні, ѳтче Потѣпе!« сказалъ другой козакъ, »ви намъ не до-

(1) Этими словами выражаютъ у насъ невозможность высказаться, по причинѣ опасности со стороны властей, или воззѣжаніе другихъ неприяностей.

рікайте чаркою горілки. Чарку горілки знайшли бѣ ми и въ себѣ въ господі, а коли що, то й до Остапа не далеко. Та бочка горілки стала вамъ за дѣсять. Хибá мало ми вамъ переробили дѣла толокóу? И двірѣ вамъ своїмъ коштомъ обстроили, и леваду, такъ якъ томú комисáру, обгородили.»

— Обгородили! перебилъ бывший отецъ Потапій съ неудовольствіемъ. — Лучше бѣ она пустыремъ стояла!

»Отсѣ тобі попівська дѣка!« сказалъ одинъ сосѣдъ другому.

— Чомъ же се такъ? спросилъ козакъ Очкуръ.

Бывшій отецъ Потапій повурися: ему не хотѣлось отвѣчать; но онъ отвѣчалъ, однакожъ:

»Пошла мнѣ въ прокъ ваша огорожа! теперь продаю леваду.«

— Продаетѣ! що жѣ ви за неі хочете?

Этотъ вопросъ предложилъ козакъ Очкуръ, не пропускаяшій случая прикупить земли.

»Сто и пятьдесятъ.«

— Дóрого, óтче Потáпе! А рівно дамъ.

»Рівно! такъ ровнять дóбре!«

— Ну, дѣсять на сто накíну.

Этотъ разговоръ, для насъ довольно скучный, заинтересовалъ офицера такъ, что онъ началъ дымить Жуковымъ больше обыкновеннаго.

»Нѣтъ, накíдай больше, коли хочешь.«

— Пятна́дцать, óтче Потáпе!

»Три́дцать-пять.«

— Сімна́дцать, óтче Потáпе!

»Три́дцать-три.«

— Вісімна́дцать съ копо́ю!

»Три́дцать-три безъ копы.«

Видно было человѣку опытному, что продавецъ и покупатель осторожно приближаются къ цѣнѣ, которую одинъ готовъ взять, а другой — дать, и всѣ сколько-нибудь проницательные люди угадывали, что эта цѣна — 125 цѣлковыхъ.

— Два́дцать! сказалъ козакъ Очкуръ, погладивъ сына по головѣ своею мускулистою, работающею рукою.

»Три́дцать-два.«

— Два́дцать съ копо́ю!

»Три́дцать-одинъ.«

— Ні бо, отче Потáпе! ви збавляйте по-людськи.

»Ну, тридцать«, сказавъ бывшій отецъ Потапій. »Еще ли тебѣ не по-людски, Миронъ Петровичъ?«

— Беріть двадцять и одинъ!

»Не возьму и двадцати-девяти съ копою.«

— Эй, беріть, отче Потáпе! говорилъ козакъ Очкурь такимъ тономъ, какъ-будто левада убѣжитъ куда-нибудь изъ села.

»Тридцать.... Тридцать дней въ мѣсяцъ и за тридцать сребренниковъ....«

Но тутъ бывшій отецъ Потапій кашлянулъ и сказалъ только:

— Цѣна законная!

»Двадцать-одинъ и копа!«

Бывшій отецъ Потапій кивнулъ отрицательно головою.

Офицеръ жестоко потянулъ Жукова.

— Ну, двадцать-два, да й гóді!

»Хибá що гóді!« отвѣчалъ равнодушно бывшій отецъ Потапій.

— Щó жъ ви робитимете съ тими, якъ ви кажете, сребренниками?

»Миронъ Петровичъ!« сказавъ строго бывшій отецъ Потапій, вообразивъ, что ему намекають на Искаріота.

Но козакъ Очкурь далеко не былъ такъ грубъ, чтобы швырнуть камнемъ въ человѣка беззащитнаго. Ему только хотѣлось удержать за собой славу хорошаго хозяина, который знаетъ цѣну вещамъ и не заплатитъ ни копейки лишняго. Упорство обладателя завидной для него левады, остановившееся на тридцати, пугало его, какъ естественная грань пугаетъ завоевателя. Еслибъ ему сбить бывшаго попа только съ этой грани хоть на одну копу, тогда ужъ естественно цѣна левады спустится мало-по малу до 25 рублей сверхъ сотни. Но офицерская трубка уже хрипитъ, и этотъ хрипъ смущаетъ догадливаго Очкура.

»Двадцать-два съ копою!« вскричалъ онъ съ ожесточеніемъ.

»Ну, уступáйте жъ, отче Потáпе, хоть копу! Ну, копу, копу!«

— Дивны дѣла твои, Миронъ Петровичъ! Ну, чтó для тебя значитъ копа? сказавъ бывшій отецъ Потапій, радуясь съ своей стороны, что на 125 рубляхъ дѣлю рѣшится. Онъ поступалъ въ этомъ случаѣ подобно кокетливой поселянкѣ, которой сердце давно уже принадлежитъ искателю, но, изъ удовольствія помучить не-

терпѣливаго счастливца, она отворачивается и принимаетъ равнодушный видъ.

»Такъ уступаёте копу, отче Потопе?

— Ну, пожалуй, копу уступаю.

»А я прибавлю копу. Двадцать-три!«

— Ну, прибавка! Стыдился бь ты, Миронъ Петровичъ, попусту время терять. Скажу тебѣ прямо: 28 да и шабашъ! Въ февралѣ 28 дней, а меньше того — ни въ единомъ мѣсяцѣ.

»Дождайтесь же февраля, отче Потопе! а теперъ я вамъ даю двадцать-три съ копою.«

— Уже ты всёми надоѣлъ своимъ копами, Миронъ Петровичъ!

»Ну, ровно двадцать-четыри, послѣднее слово!«

— Двадцать-семь, послѣднее слово.

При этомъ офицерская трубка страшно захрипѣла, и уже не Жуковъ, а какой-нибудь Мусаговъ 4-го сорта вылеталъ изъ резинового чубука.

Три рубля, всего три рубля раздѣляли сражающихся, и офицеръ того только и ждалъ, что они хлопнуть по рукамъ. Но всё прочіе слушатели, кромѣ бланованнаго хлопчика, были увѣрены, что хлопнуть по рукамъ можно было только на 125 рубляхъ, въ чемъ не сомнѣвались взаимно и торгующіеся. Вдругъ офицеръ, выпустивъ изо рта самый нестерпимый табачный смрадъ, сказалъ:

»Я даю!«

Всѣ прикипѣли къ своимъ мѣстамъ отъ взумленія, кромѣ великаго знатока въ людяхъ и въ вещахъ, козака Очкура, который потому именно и торговался такъ рѣшительно, что съ разу почувалъ близость соперника. Не воротись изъ службы Поликарпъ Зарубаенко въ офицерскомъ образѣ, онъ бы спокойно выслушалъ желаніе бывшаго отца Потопія продать леваду и повелъ бы дѣло такъ искусно, что попова левада досталась бы ему во 120 рубляхъ, никакъ не болѣе.

— Я даю 127 за леваду! произнесъ безтрепетно герой дня, къ неопisanному восторгу старушки матери, и тутъ же вынулъ изъ бокового кармана задатокъ.

»А я даю 128!« вскричалъ козакъ Очкуръ, доставая изъ шароваръ кожаный гаманъ.

— А я 129! сказалъ офицеръ.

»А я 130!«

— А я 131!

Тутъ ужъ козакъ Очкуръ, при всемъ своемъ богатствѣ, долженъ былъ уступить, чтобъ спасти хозяйственную свою славу, а торжествующій бывший отецъ Потапій принялъ задатокъ.

VI.

Въ самую пору явилась на столъ горілка. Счастливая хозяйка, наливъ первую чарку, возвысила голосъ такъ торжественно, что даже паробки и дівчата, смотрѣвшіе изъ сѣней на офицера, перестали между собой пихаться, перекидываться шутками и умѣренно, такъ сказать шепотомъ, хохотать.

У насъ, въ Буртищѣ, выпить въ компаніи чарку горілки во все не значитъ влить въ ротъ, проглотить и крикнуть, какъ дѣлаютъ солдаты или извоцники, которые имѣютъ обыкновеніе еще сморщить лицо и плюнуть. У насъ это значитъ — произнести нѣсколько такихъ словъ, которыя другимъ было бы и пріятно и поучительно слушать. Вдова Зарубанха вспомнула за чаркою всю свою одинокую жизнь, отозвалась съ благодарностью о тѣхъ, кто ее не забывалъ (хотя этихъ немногихъ людей, большею частью такихъ же, какъ и она, бѣдняжекъ, и не было въ числѣ ея гостей), о своихъ же притѣснителяхъ, не называя ихъ по имени, сказала пословицу: *Ворога хлібомъ да сіллю карай!* что заставило нѣкоторыхъ потупиться въ землю; наконецъ возблагодарила Бога за свою радость, глядя на свои убогіе и во многихъ мѣстахъ облупившіеся образа; и тогда, вспомнивъ еще покойнаго мужа и своихъ родителей и пославъ имъ на тотъ свѣтъ самое пріятное для нихъ желаніе, выпила чарку въ нѣсколько приемовъ, при чемъ съ похвалою отозвалась о шинкарѣ Остапѣ, что у него добрая горілка и что Остапъ никогда плохой горілки продавать не станетъ.

Послѣ этого, чарка перешла къ герою дня, и со стороны было бы странно наблюдать, что герой дня ограничился сухимъ пожеланіемъ здоровья матери и всей компаніи, а потомъ проглотилъ водку съ такимъ видомъ, съ какимъ лежавшая у его ногъ собака глотала мухъ. Но никто изъ присутствовавшихъ этому не дивился, такъ какъ въ немъ каждый видѣлъ уже человѣка бла-

городнаго, а не своего брата козака, слѣдовательно и обычаи, и всѣ пріемы у него должны быть по возможности не похожи на простонародные. Онъ даже не скривился и не плюнулъ, какъ дѣлаютъ солдаты и извошники. Онъ выпилъ водки не хуже комиссара, который рѣшительно не выражалъ на своемъ спокойномъ и грозномъ лицѣ, горько или нѣтъ у него во рту.

Паробки, глядя изъ сѣней на Зарубаенка, замѣтили между собою:

— Мабуть, у великихъ баталіяхъ бувавъ!

Что касается до бывшего отца Потапія, то онъ, по своему званію, осѣнилъ чарку крестнымъ знаменіемъ, чтобы въ горилкѣ не притаился какъ-нибудь діаволь, и тогда уже спокойно выпилъ ее, какъ воду. Только глаза его выглянули немного больше прежняго изъ своихъ скважинокъ, сверкнули веселою искрою и снова спрятались, предоставляя остальнымъ частямъ лица имѣть какое угодно выраженіе, или не имѣть его вовсе.

Наблюдательные паробки замѣтили въ полъ-голоса:

— Бѣде твой левада въ кншѣні у Остаіана, ѳтче Потѣпе!

Козакъ Очкуръ оказался за чаркою очень разумнымъ и краснорѣчивымъ человѣкомъ, не меньше вдовы Зарубаихи. Въ его словахъ не было и слѣда досады, что попова левада досталась не ему. Онъ добывалъ свои деньги мозольнымъ трудомъ и зналъ имъ цѣну. Притомъ же слава великаго хозяина была для него слишкомъ дорога.

Чарка пошла въ круговую, и молодицы доказали своими приговариваньями, что онѣ уступаютъ мужьямъ своимъ въ философіи, но далеко превосходятъ ихъ въ поэзіи.

Молодежь, стоя въ сѣняхъ безъ всякой претензіи на участіе въ гостепріимствѣ, поучались у своихъ отцовъ и матерей нравоучительнымъ и приличнымъ случаю выраженіямъ.

Незнакомый коротко съ нравами и обычаями села Буртища, можетъ найти невѣроятнымъ, что до сихъ поръ ни мать и никто другой не спросилъ у нашего героя, какъ это ему Богъ далъ выдти въ люди, и надолго ли онъ пріѣхалъ къ матери въ гости? Но такового я прошу положиться на вѣрность моего разказа о томъ, чему иначе и быть не возможно. Мать предложила сыну, что у ней было съѣдомаго, и только когда онъ удовлетворялъ голодъ, она нашла удобнымъ и приличнымъ приступить къ нему

съ разспросами. Тогда говоръ смѣнился въ хатѣ тишиною, хотя никто не требовалъ молчанія, и даже стоявшей въ сѣняхъ молодежи слышно было, что говорить офицеръ.

VII.

— Взяли меня изъ рекрутской партіи въ дивизию, началъ Полкарпъ Зарубаенко, называвшій себя теперь уже Зарубаевымъ. — Ну, взяли въ дивизию.... То есть не одного меня, а стало быть много насъ новобранцевъ, стало быть рекрутовъ этакихъ необученныхъ. Вотъ, взяли меня въ дивизию....

»А що жъ то за дивізія така́я?« спросила мать.

— Ты бо, Параскевія... якъ тебѣ по отчеству... не перебивай! остановилъ ее бывший отецъ Потапій.

»Ні, вже ви мені не перебивайте!« отвѣчала она съ нѣкоторой досадою. — Я хочю роспитать свою дитину, якъ вонó тамъ страждало. А пань-отця́ мого вамъ би можна, здаётся, знать, якъ ёго звали.»

Очевидно, въ душѣ бѣдной вдовы заговорило негодованіе на власть, которую имѣлъ надъ нею до сихъ поръ каждый, кто по-сильнѣе.

— Нельзя мнѣ помнитъ каждого, Параскевія, кого мнѣ удалось похоронить во времена моего благоденствія, отвѣчалъ со вздохомъ бывший отецъ Потапій.

»Помнить каждого!« повторила его слова Зарубанка. »Да хибá жъ каждый ратовавъ васъ одъ смѣрти?«

— А твой же, Параскевія... якъ тебе... твой отецъ развѣ отъ смерти меня спасъ?

»А вже жъ спасъ!«

— Не помню! вонистину не помню!

»Тó-то й есть, óтче Потапе!« сказала съ упрекомъ вдова.

Бывшій отецъ Потапій обратился къ слушателямъ съ распротертыми руками, въ знакъ удивленія и вопроса.

Тѣ переглянулись между собой и засмѣялись, такъ какъ извѣстно было каждому, что бывший отецъ Потапій, еще во времена своего благоденствія, возвращаясь ночью отъ головы, хотѣлъ обойти уличную лужу и для этого повернулъ на дворъ къ

козаку Зарубаю, а оттуда вознамѣрился перелѣзть черезъ новый плетень въ собственную леваду. Но, такъ какъ голова угостилъ его доброй варенухою, то и случилось, что колья плетня попали въ голенища отца Потапія, а его глава и весь корпусъ повисли въ бурьянъ, на ту сторону онаго плетня. Отецъ Параски Зарубаихи, проживавшій на ту пору у дочери въ качествѣ бондаря, всталъ раньше всѣхъ, какъ это водится у старыхъ людей, и, вышедъ на дворъ, увидѣлъ сквозь мглу разсвѣта пару сапоговъ на плетнѣ. Онъ столько же удивился этой находкѣ, сколько и обрадовался, потому что швецъ Оврамъ, взявши у него голенища, чтобы сдѣлать къ нимъ пришвы, заложилъ ихъ шинкарю Остапу, и не извѣстно, когда былъ въ состояніи выкупить. Старикъ успѣшилъ снять съ плетня чоботы, но въ чоботахъ оказались ноги, а вмѣстѣ съ ногами открытъ былъ и ихъ хозяинъ, уже безъ памяти и на волосокъ отъ смерти.

Вотъ на какое обстоятельство намекнула вдова Зарубаиха, и ея слушатели такъ искренно смѣялись, покачивая одинъ передъ другимъ головою, что бывшему отцу Потапію, по закону природы, слѣдовало бы хоть немножко смутиться; но бывший отецъ Потапій не подлежалъ сему закону еще со временъ своей юности, когда сопровождалъ бывало свою матушку по всѣмъ хатамъ на селѣ для взиманія извѣстной части всего, что только подлежало дѣленію.

Офицеръ тоже вспомнилъ, какъ его дѣдъ спасъ отъ смерти бывшего отца Потапія, и тоже не могъ не засмѣяться вмѣстѣ съ другими. А въ сѣняхъ, между молодежью, слышенъ былъ даже сдержанный хохотъ. Но лицо бывшего отца Потапія, съ своими щелочками вмѣсто глазъ, похоже было на затворенную кругомъ хату, которой хозяинъ спитъ или неизвѣстно что дѣлаетъ.

Видя это какъ нельзя яснѣе, офицеръ пересталъ за него софѣститься и продолжалъ:

— Дивизія, матушка, это — такое начальство, или... какъ бы вамъ сказать... ну, словомъ — дивизія! Тамъ и генералъ особый, дивизионный, и все такое... Но это само по себѣ, а вотъ главное. Изъ дивизіи погнали насъ далѣе. То есть ранжиръ этакой сдѣлали, какой ростъ, какое что, и погнали. Ну, погнали... (тутъ офицеръ высѣкъ огня и закурилъ трубку). Вотъ, какъ погнали насъ далѣе, — гонятъ насъ въ самую стало быть въ столицу.

Тамъ этакой Санктъ-Петербургъ есть, стало быть большущій городъ. Сказаво — бурхъ!

»Охъ лишечко!« говорила старушка, сидя противъ него у стола на ослѣвѣ и подперши рукою щеку.

— Это ничего, Параскевія... якъ тебе по отчеству, сказалъ бывшій отецъ Потаній. — Въ столицѣ дѣло жить: тамъ, я слыхалъ, дьячекъ получаетъ за похороны больше здѣшняго іерея.

»Вашому брату, ѳтче Потане, всюди дѣло!« сказала вдова. »А мой дитина, мабуть, приняла тамъ холоду и голоду.«

— Нѣтъ, матушка, ничего, сказалъ офицеръ. — Холоду правда, что натерпѣлся, а сытъ былъ завсегда. Только дорогою, какъ туда еще насъ гнали, партіонный офицеръ маленько насъ... то есть такъ приморилъ... стало быть выгоду свою соблюдалъ.

»Это уже такъ слѣдуетъ, замѣтилъ бывшій отецъ Потаній.

— Дѣло, ужъ на то офицеръ, матушка, подтвердилъ Поликарпъ Зарубаенко

»Милосѣрдный Бѣже!« воскликнула старушка. »Такъ и ты, мій синочку, моривъ чужихъ дѣтей голодомъ!«

— Нѣтъ, матушка, что голодъ? храбро отвѣчалъ сынъ. — Голодомъ у насъ не морили. Но такъ... хозяйственнымъ способомъ... ну, словомъ — свою выгоду... На то ужъ начальство. Это ужъ всему свѣту извѣстно. Но объ этомъ что толковать? Дѣло служебное, — не то, что сосѣдъ съ сосѣдомъ въ деревнѣ. Здѣсь особая статья, а тамъ особая. Вотъ, матушка, и пригнали насъ такъ въ столицу. Ну, пригнали, — въ гвардію меня вписали, въ такіе Преображенцы стало быть....

»А что жъ то такѣ за гвардія, синочку?« спросила мать.

— Гвардія, матушка, это... какъ бы вамъ сказать... это такіе отборные солдаты, рослые и все такое... ну, словомъ гвардія! Вотъ, какъ вписали меня въ гвардію, сталъ я служить. Учитъ меня стали и все такое прочее. Вотъ я и служу годъ и два, и три....

»И важкѣ жъ та служба, синочку?«

— Сперва фухтелями, матушка, докучали, а потомъ видать — обтерпѣлся, и полно колотить.

»Такъ тебѣ ѣ бѣто тамъ, синочку? Хибѣ жъ ты по шинкамъ зъ гора блукавъ, чи щѣ?«

— Нѣтъ, матушка, въ ротъ не бралъ, — не за что. Начальство лишній паекъ и все такое прочее для своихъ надобностей удерживаетъ. Сказано — начальство. Жить надо прилично: съ нихъ тоже взыскиваютъ. Чтобы и карета была, и всякая этакая фанаберія... ну, понимаете.

»А за что жъ тебѣ бѣто?«

— Собственно за-для-ради службы, матушка.

»Хиба жъ ти ихъ не слѣхавъ? Ти жъ у мене бувъ такой слухни́й да звича́йний зъ-мáлечку!«

— Какъ не слушалъ, матушка? Хе-хе-хе, матушка!

И офицеръ слегка засмѣялся, покачавъ головой по-украински.

Бывшій отецъ Потапій тоже ослабилъ свои уста и, поглаживая брану свою, произнесъ:

»Тамъ за непослушаніе, Параскевія... якъ бо тебе по отчеству?«

— Да Омѣлькомъ же могó панъ-отця звали! вскричала, оглянувшись на него, вдова.

»Ну дóбре, Параскевія Емельяновна... теперь я буду звать. За непослушаніе и строптивость и у насъ въ бурсѣ сокрушали юношей до изнеможенія. Я самъ бывалъ наказуемъ такъ сказать жестоко уже передъ выпускомъ изъ богословія, хотя строптивость моя заключалась токмо въ невоздержаніи.«

— Такъ за что жъ тебѣ, синочку, мучили недолюдки? продолжала допросъ вдова.

»Нѣтъ, матушка, говорилъ офицеръ, »меня никто не мучилъ, а только къ службѣ приучали. Обтерпѣлся — и баста колотить! Это ужъ такъ заведено. На то и служба, матушка. Хуже всего, что бранятся бывало жестоко. Къ брани никакъ нельзя было привыкнуть. Всѣ мать да мать! Это, матушка, точно было больно. А шкура вѣдь своя, не покупная.«

— Бóже мій! Гóсподи мій! говорила вдова. — Одорвуть одъ матері бідну дитїну, да ще й....

Она не могла договорить и залилась слезами.

— Полно, матушка, плакать! сказалъ офицеръ. — За ваши молитвы Богъ меня не оставилъ.

»Истинно!« сказалъ бывшій отецъ Потапій. »Всякое воскресенье я получалъ отъ вашей матушки на часточку исправно. А нынешнему попу хоть и не давайте, Параскевія... якъ бо васъ... да, Емельяновна.«

И, понизивъ голосъ, продолжалъ:

»Въ карты играетъ. Не услышитъ Господь его молитвы.«

— Мало чего ѣ вы не робѣли, отче Потапѣ, отвѣчала вдова, — а Бога одъ насъ не закрили!

Между тѣмъ офицеръ продолжалъ:

— Такъ вотъ я, матушка, этакъ и служу. Колотить меня перестали, сдѣлали унтеръ-офицеромъ. Стало быть начальство полюбило, что молодець изъ себя. Тутъ ужъ я самъ началъ кой-кого школить....

»И людей бить?« воскликнула мать.

— Не людей, матушка, а солдатъ.

»Зá що?«

— Какъ за чтó, матушка? Это у васъ въ деревнѣ не за что колотить; а тамъ, понимаете? тамъ — держи ухо востро!... Безъ этого и службы никакой не будетъ.

»Именно!« сказалъ бывшій отецъ Потапій.

— Знаете, выправка и все такое... ну, какъ водится на службѣ. Безъ этого уже нельзя. И солдаты не будутъ бояться.

»Именно!« подтвердилъ бывшій отецъ Потапій.

— Да на́ що жъ имъ тебѣ бояться, сѣночку? абѣ слѣхали!

»Тó слушаться, матушка... о томъ ужъ и толковать нечего; а бояться — особъ статья. Безъ страху — чтó за служба? Бывало унтеръ-офицеръ гикнетъ — все у тебя въ душѣ замретъ: вотъ она команда-то!«

— Именно! сказалъ съ сочувствіемъ бывшій отецъ Потапій.

»Такъ и начальство, матушка, учило насъ. Затѣмъ и въ унтера произведенъ, что изъ себя видный и голосъ хорошъ. Бывало, крикну на одномъ концѣ развода, а на другомъ слышно. Вотъ онъ командиръ-то! Изъ этакихъ и въ генералы выходили.«

— Уже нічого сказáть, Поликарпъ Ивановичъ, вмѣшался въ разговоръ козакъ Очкуръ, яко почетнѣйшій изъ гостей, послѣ бывшаго отца Потапія. — Було йдетѣ зъ вечорниць, то по всѣмú селú чутно́ вáшу пісню.

Прочіе дивовались безмолвно, или выражали свои чувства въ полъ-голоса краткими восклицаніями, въ родѣ слѣдующихъ: »Эгѣ, такъ-то Богъ даѣ!« — »Що-то мáтеринна молѣтва!« — »Такá вже вбля Божа!« и тому подобнымъ.

— Ну, матушка, продолжалъ офицеръ, — служу я этакъ. Ну,

служу,—грамотѣ меня начали обучать товарищи, чтобы пунктики тамъ и все этакое разучивать....

»Отъ, якъ-бѣ тебѣ, сѣнку, навчили написати писъмѣ до мате-ри, отто булѣ бѣ дѣбре!«

— Чтѣ же? и писъмѣ можно бы было написать. Унтера и за-охащивали, что, можетъ, что-нибудь пришлетъ старуха....

»А вже жѣ прислала бѣ! Послѣдки бѣ збула да прислала!«

— Вотъ этого-то мнѣ и не хотѣлось, матушка! Подумаю бы-вало, подумаю: меня государъ прокормитъ и одѣнетъ, а ей кто безъ меня поможетъ? Ну, это дѣло — сторона. Вотъ обучился я пакеты и все этакое распознавать, какъ слѣдуетъ въ унтеръ-офи-церскомъ званіи. Я былъ понятливъ съ малолѣтства — вы зна-ете. Бывало, услышу однимъ ухомъ пѣсню — ужъ она и моя.

»А теперъ за слѣжбою, мабуть, и пісні поперезабубавъ, сѣнку?«

— Нѣтъ, матушка; какъ перезабуть? Весь этотъ вздоръ на-вѣки врѣзался въ память. Но, понимаете, въ благородномъ званіи... тутъ другія пѣсни пошли. Да и въ солдацкомъ тожѣ хохлачнину всю вонъ изъ насъ выколачивали. Дружка за дружкой смотримъ бы-вало, чтобъ все этакъ хватски и говорить, значить, и дѣлать.

»Погані, сѣнку, москѣвскі пісні!« сказала старушка, увѣща-тельнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, матушка, для военнаго человѣка онѣ способнѣе хох-лацкихъ. Этакъ гаркнуть цѣлой ротой и въ тактъ, въ ногу.... оно хорошо!

»Именно«, подтвердилъ бывшій отецъ Поташій. »На то Марсь!«

Но этого послѣдняго восклицанія не понялъ никто, чѣмъ быв-шій отецъ Поташій остался доволенъ и затаялъ объясненіе про себя.

— Вотъ, матушка, обучился я грамотѣ, — служу. Начальство меня любить, и сталъ я у начальства на примѣтѣ за то именно, что лишняго слова никто отъ меня не слыхалъ. Служба и баста! Это у насъ образцовые унтера. Такихъ и на самые важные ка-раулы назначаютъ. То есть, стой, какъ вкопанный, и все тутъ! Смотри — и будто не видишь, слушай — и будто не слышишь, чтобъ у тебя потомъ, кромѣ службы, никакихъ разговоровъ не было, — понимаете?

»Гѣсподи! який страхъ!« сказала старушка. »Ні до кѣго ѣ не озовісь?«

— Нѣтъ, матушка, въ казармахъ отозваться къ кому угодно можно, но вотъ про ружье или тамъ про этакой новый темпъ, что ли, а о прочемъ — не солдатское дѣло разсуждать. За это насъ и начальники отличали. Вотъ, матушка, такъ я и служу, изо дня въ день. Ну, служу, и привыкъ стало быть совсѣмъ, точно въ мундирѣ и родился.

»Это все равно, какъ у насъ бывало въ семинаріи, сказалъ бывшій отецъ Потапій. »Дана тебѣ грамматика или риторика — сколько хочешь читай, а другихъ книгъ не знай, какъ онѣ и называются. Одинъ изъ нашихъ риторовъ нашелъ на улицѣ книгу: *Товарищъ разумный и замысловатый*, — такъ, значитъ, книга называлась, — и сталъ читать въ бурсѣ, а отцу ректору тотчасъ и донесли. Ну, я думаю, въ той книгѣ не было столько листковъ, сколько отецъ ректоръ отсыпалъ ему крупнаго гороху.... Хе-хе-хе!»

И бывшій отецъ Потапій очевидно гордился тѣмъ, что въ этой компаніи только ихъ двое, онъ да офицеръ, прошли черезъ суровую школу жизни.

— Нехай вамъ и рѣба й озеро! сказала въ полъ-голоса одна молодлица другой. — За такі страхи я не взяла бъ ні царства, ні панства!

»Вотъ, матушка, продолжалъ офицеръ, »проходить моя служба такъ сказать безпечально. Начальство меня любитъ, и ужъ браннаго слова я отъ него не слышу давно. Пуще всего я всегда берегся, чтобъ не услышать браннаго слова. Ну, коротко сказать, все идетъ ладно. Вдругъ сдѣлалось этакое.... какъ бы вамъ сказать.... смущеніе. То есть и разсказать то вамъ это мудрено, матушка. Все такъ перемѣшалось какъ-то.... Пальба этая и все. этакое.... ну понимаете? смущеніе!

— Що жъ воно такѣ, сінку? спросила мать.

»А намъ-то что за дѣло, матушка? Про то начальству знать. Наше дѣло — стой, ни съ мѣста! Пали! ну и пали! вотъ наше дѣло!»

— Да чо́го жъ се трево́га бу́ла?

»Ну, стало быть, была какая-то тревога. Намъ про то не разсуждать. Только, послѣ всей этой церемоніи, какъ воротились въ казармы, объявляютъ намъ приказъ: такой-то въ прапорщики въ армію, Зарубаевъ — въ прапорщики въ армію.... Трехъ насъ, стало быть, первыхъ унтеровъ выпустили въ армію, съ производствомъ ста цѣлковыхъ пейсін на всю стало быть жизнь....«

— Слава жь тобі, Господи! сказала старушка перекрестясь.

»Погодите матушка, еще не все! По двѣсти цѣлковыхъ единовременно награды! Казенныя подорожныя намъ въ руки, прогоны казенныя — валяй!«

При этихъ словахъ, бывший отецъ Иотаній, не желая остаться равнодушнымъ къ счастью своего сосѣда, заглушилъ тихія молитвы вдовы гласомъ велимъ. Воздѣвъ руки къ почернѣвшимъ и облупившимся образамъ, онъ воскликнулъ:

— Слава тебѣ, Боже! слава тебѣ, Боже! слава тебѣ, Боже!

И потомъ, опустивъ руки, сказалъ еще въ добавокъ:

— Аллилуйя! аллилуйя! аллилуйя! слава тебѣ, Боже!

Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ, при этихъ восклицаніяхъ сочли за нужное перекреститься такъ же, какъ и въ церкви. А офицеръ продолжалъ:

— Вотъ пріѣзжаю я, матушка, въ полкъ, то есть въ тотъ, куда меня назначено. Пріѣзжаю въ полкъ, а тутъ ужъ, понимаете, тоже тревога.

»А тутъ же вже чогу?«

— Этого, матушка, вамъ не понять, а мнѣ не рассказать. Довольно того, что тревога, и нѣкоторыхъ изъ офицеровъ помчали.... Ну, куда ихъ помчали — это не наше дѣло звать. Только я прибылъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывалъ.... Страхи тамъ или ужасы какіе гдѣ творились — мнѣ до того дѣла нѣтъ; начальство входитъ во все это не приказывало. Являюсь къ полковнику. Ну, полковникъ, разумѣется, какъ начальникъ... ну, словомъ — полковой командиръ. Понимаете? »Честь имѣю, и прочая... вашему высокоблагородію, и прочая...«—»Ступайте«, говорить, »въ вашу роту«. Пошелъ я въ роту, стало быть къ ротному, примѣрно сказать, командиру. Ну, пошелъ въ роту, — у ротнаго офицеры сидятъ, въ карты значить играютъ. Только ротный смотритъ на меня зызомъ, слова сквозь зубы цѣдитъ, а тѣ и вовсе не смотрятъ на новаго, такъ сказать, сослуживца, — играютъ. »Что за оказія?« думаю себѣ. »Теперь я такой же благородный человекъ, какъ и они!« А я, понимаете, еще въ Петербургъ всю форму себѣ.... Мундиръ на мнѣ, эполеты на мнѣ, все чисто. Что же имъ противъ меня этакъ?... Ну, Богъ съ ними! Дворяне, такъ и дворяне, а я тоже у моего государя благородный челаэкъ. Спрашиваетъ меня ротный сквозь зубы, за что я, значить, про-

изведенъ? — »Я«, говорю, »не могу этого знать. Должно́ быть, какъ-нибудь отличился.« Больше ни слова мнѣ... то есть, просто сказать — садиться не просить. Я этакъ постоялъ-постоялъ. »Прикажете«, говорю, »отходить на квартиру?« — »Ступайте!« говорятъ. Ну, это мнѣ не совсѣмъ пріятно. Какъ бы то ни было, произведенъ за отличіе.... Расположился я на квартирѣ. Не у кого мнѣ даже разспросить, что и какъ. Съ деньщикомъ разговаривать не приходится. То сдѣлай, то подай, — вотъ и всѣ разговоры. »Слушаю, ваше благородіе!« и баста!

»Всёконечно!« сказалъ бывший отецъ Потапій.

— Отó, ма́буть, завѣдно дворянскимъ синкамъ! сказала мать съ негодованіемъ и торжествомъ.

»Вотъ, матушка, и служу я въ офицерскомъ уже такъ сказать званіи. На ученье выйду, съ ученья на квартиру, — вотъ и вся моя бѣда. Ко мнѣ никто, и я ни къ кому. Живу, стало быть, молчкомъ дѣло. Скучновато мнѣ. То бывало къ своему брату унтеръ-офицеру отзовешься, спросишь тамъ, какъ фланговая служба, какъ что.... ружьемъ этакъ прикинешь другъ передъ другомъ.... асъ! два!... ну, мало ли чего не переговоришь бывало по своему дѣлу, по службѣ значить. Теперь ужъ мнѣ подружески съ унтерами толковать не резонъ: бояться не стануть. На ученьи я показалъ, что значить гвардейская выправка.... Ротный моймъ взводомъ доволенъ, а больше ни гугу, и офицеры толкъ отъ меня сторонятся. Ну, Богъ съ вами! Денежки я свои зашилъ въ мундиръ про черный день, — въ карты отъ меня не поживитесь. Но скука, понимаете, смертная! Завелъ себя съ горя сулею водки.... Выпьешь, трубку закуришь — и легче!«

— Истинно! сказалъ бывший отецъ Потапій. — Вино веселитъ сердце человѣка.

»Но только думаю«, продолжалъ офицеръ: »Что же мнѣ этакъ жизнь коротать? Велика важность, что они родовые дворяне! Мнѣ тоже надобно жить на свѣтѣ, и послѣднимъ межъ людьми я тоже остаться не хочу. Я, не бывши еще и офицеромъ, не слустилъ дворяничку за свою обиду... Плевать я на васъ! Пенсія у меня есть. Что мнѣ играть всю жизнь въ молчанку? Въ отставку! поѣду къ матушкѣ!«

— А чому жъ ты, сѣнну, письма не прислѣвъ, щобъ я порадовалась твоему счастью?

»Что, матушка, письмо? Я самъ собирався къ вамъ въ гости, осмотрѣвшись въ полку: это лучше письма! То есть хотѣлось такъ по-военному — безъ разговоровъ: явился на лицо, да и все тутъ!... Ну, полно же, матушка, плакать! Богъ, что ни дѣлаетъ съ нами, все къ лучшему. Что бы я былъ, оставшись все эти года при васъ? простой козакъ! А теперь, какъ бы то ни было, благороднай челаэкъ.«

И Поликарпъ Зарубаенко гордо подбоченился.

VIII.

Опять поднялся говоръ. Все, кромѣ бывшаго отца Потапѣя, одобрили образъ мыслей и рѣшимость Поликарпа Зарубая; о службѣ же отозвались единодушно такъ: *Нехай їй цурь!* Бывшій отецъ Потапѣй радовался, что Богъ послалъ ему покушника левады, который заплатилъ дороже самого козака Очкура, но радость не помѣшала ему высказать откровенно свое сожалѣніе, что Зарубаенко не продолжалъ службы.

— Начавши офицерство съ такихъ лѣтъ, говорилъ онъ, — какъхъ чиновъ не можно было бы дослужиться? Въ сорокъ лѣтъ — майоръ вѣрнѣйшій.... ваше высоблагородіе!

И бывшій отецъ Потапѣй даже заплямкалъ при этомъ словѣ, какъ-будто оно произвело у него во рту невыразимую сладость.

— Тутъ и жениться было бы кстати. Это — наилучшая пора для законнаго брака!

»А у насъ, отче Потапес, возразила вдова, такъ кажутъ: »Не кайся, рано встѣвши и за-молоду оженившись: рано встанешъ — багато діла зробишь, а за-молоду оженився — дітей до умѣ доведешъ.«

— То въ простомъ званіи, Параскевія:... якъ бо тебе.... да. Емельяновца.... то въ простомъ званіи, а въ благородномъ, по чину и невѣста. За майора не усумнился бы отдать дочку наибогатѣйшій помѣщикъ.

»Да що намъ про те думать, отче Потапе! И козакі — не послідні люде. Женись, сѣнку, да візьмі плугъ волівъ за жінкою; то будемо до віку смачний кусокъ хліба їсти. Теперъ тебѣ ні въ волюсть, ні въ підводи не потягнуть: теперъ ти самъ собі панъ!«

— Оно конечно, возразилъ бывший отецъ Потапій, — оно конечно, Параскевія Емельяновна: за Поликарпа Ивановича отдасть дочку наибогатѣйшій козакъ въ Буртищѣ, и плугъ воловъ, и папки часть вссохотно удѣлитъ; но Поликарпъ Ивановичъ теперь не такой человекъ, чтобы ему пріобрѣтать родню въ кобенякахъ и наміткахъ....

»А хибá жъ ёго мáти не въ намітці?« возразила вдова.

— То другое дѣло, Параскевія Емельяновна. Про то сказано въ писаніи: »Чти отца твоего и мать твою....« О!.... Не сказано: »мать твою, аще дворянка есть«, а просто: »мать твою«, кто бы она ни была. Перемѣнить рожденія своего не возможно, возвеличить же родъ свой можно и должно. И царь Давидъ родился пастухомъ, но уже не въ пастушескомъ званіи искалъ себѣ жены, — нѣтъ! и паки реку: нѣтъ! Поликарпу Ивановичу свыше указанъ путь жизни, и не долѣетъ ему пренебрегти симъ указаніемъ.

»Такъ щó жъ отсеé ёму, до комисара посилать старості, чи щó?«

— Нѣтъ, Параскевія Емельяновна! Комиссаръ — панъ деревняго и великаго колѣна: его предокъ служилъ господаремъ у гетмана Данила Апостола, — это я отъ него самаго слышалъ во времена моего благоденствія. Скажу тебѣ истину не за глаза, а въ глаза: что и другія дворянскія фамиліи предложатъ Поликарпу Ивановичу тарелку орѣховъ съ вилкою.... У благородныхъ это означаетъ то самое, что въ козацкомъ званіи — гарбузь (¹).

»А щóбъ же вопіи не дождáли!« воскликнула съ досадою вдова.

— То есть, видишь ли, Параскевія Емельяновна: сватайся Поликарпъ Ивановичъ на сторонѣ, вдали отъ родныхъ мѣстъ, тогда — другое дѣло. Но здѣсь всякій знаетъ, что онъ, хоть и офицеръ, а все-таки козацкій сынъ!

»Такъ хибá жъ се порóкъ?« говорила запальчиво вдова: »хибá ёго бáтько бѣвъ злóдій, а мáти — потаскѹха, чи щó?«

— Нѣтъ, Параскевія Емельяновна! ты все простымъ разумомъ соображаешь. Тебѣ сдается, что когда человекъ неповиненъ ду-

(¹) Въ знакъ отказа, сватовъ потчеваютъ тывою, или кладутъ на столъ, а не то — въ повозку, въ сани, тыву (гарбузь). Но такой способъ отказа считается величайшимъ оскорбленіемъ. Гарбузь употребляется больше въ поговоркѣ (*підсунули гарбуза, дали гарбуза*), чѣмъ въ дѣйствительности.

шею и чисть сердцемъ, то уже онъ достоинъ и родства и свойства съ людьми благородными.

»Атѣ жъ якъ по-вашому?«

— Не по-моему, Параскевія Емельяновна. Чтѣ я? я—меньше, нежели ничто. Уничиженья п смирихся до збѣла, рыкахъ отъ воздыхавія сердца моего.

При сихъ словахъ, бывшій отецъ Потапій очевидно старался сообщить своему лицу печальное выраженіе, и съ этой цѣлью поинкъ даже главою; но лицо его давно уже отвергло какое бы то ни было выраженіе.

— Истинно такъ! продолжалъ онъ. — Теперь уже я не собственнымъ разумомъ обязанъ судить о дѣлахъ міра сего, а разумомъ старшихъ и достойнѣйшихъ меня.

Между тѣмъ какъ онъ ораторствовалъ и придавалъ такимъ образомъ собравшемуся у вдовы обществу достоинство бесѣды избранной, офицеръ, къ великому удовольствію гостей, потчевалъ ихъ изъ собственныхъ рукъ и послалъ къ Остапу за другой мѣрой горѣлки, уже отъ себя.

— Старшіе и достойнѣйшіе меня недостойнаго и униженнаго, продолжалъ бывшій отецъ Потапій, — яко-то дворяне и іерей, зрятъ не на лица человѣческія, но на ихъ общественныя права и преимущества....

»Такъ по-вашому, ѳтче Потапе, панѣкъ-злѣдіяка стѣітъ бѣльшъ прѣстого, да чѣснаго козака?«

— Не по-моему, все-таки не по-моему. Параскевія Емельяновна. Азъ есмь червь, а не человѣкъ.... А чтѣ касается до панка-злѣдіяки, какъ ты изрекла дерзновенно, то злѣдіякою никто не смѣетъ называть никого, не уличеннаго закономъ, а тѣмъ паче—благороднаго человѣка. На то и законъ поставленъ. Ты себѣ думай, какъ хочешь, сидячи въ своей хатѣ, а благородный человѣкъ на всякомъ мѣстѣ старше и почетнѣе простолюдина. Посему-то и вознепцуетъ всякая дворянскаго званія дѣвица.... то есть не захочетъ назвать своєю свекрухою тебе, Параскевія Емельяновна, яко простую козачку....

»Такъ матѣри жъ її трѣсця!« сказала вдова, вскочивъ съ ослона в, въ знакъ досады, *ажъ обѣ поли рукама вдарилась*. »Я и сама не хѣчу такой невістки! Сивочку мій!« обратилась она къ своему Полкарпу, обнявъ и поцѣловавъ его голову: »не бла-

гословляю тебе жениться на пѣшній пѣнночці, щобъ не зневажила твоѣи матери, а свѣтай, сѣнку, хорошу козачку въ насъ на селі!»

При этихъ словахъ, стоящія въ свѣяхъ дѣвчѣта спрятались за спины паробковъ, и нѣкоторыя изъ нихъ, еще не успѣвшія полюбить на всю жизнь черноброваго козака въ высокой похлистой шапкѣ, подумали въ душѣ: »А хорошій же то, який прехорошій той Поликарпъ Зарубѣенко! Съ такимъ и мѣжъ люде не сѣромъ!« Не безъ того, что и благородство мелькнуло въ умѣ молодыхъ козачекъ: »Нѣхто тебе не посміе зневажить и налѣять; ні пана, ні москаля не боятимесся: благородна!«

Поликарпъ Зарубай всею душою радовался, что послѣ заточенія на долгое одиночество въ полкъ, очутился посреди людей, съ которыми ничто не мѣшало ему говорить по-человѣчески. Притомъ онъ сохранилъ, въ простой душѣ своей, любовь и почтеніе къ матери. Онъ поцѣловалъ ее въ руку, что всѣхъ зрителей, кромѣ бывшаго отца Потанія, тронуло, а она расцѣловала его въ прекрасные черные усы, въ глаза, въ брови и въ обѣ щеки, цвѣтущія могучей красотой молодости.

— Дражайшая матушка! сказалъ онъ: — безъ вашего родительскаго благословенія, я ничего не посмѣю сдѣлать; но посмотрите на меня: я теперь уже не тотъ Поликарпъ, который съ вами и въ домѣ и въ полѣ такъ сказать работалъ, стало быть и жалъ своими руками и все такое прочее. Теперь я совсѣмъ другой, можно сказать, чловѣкъ сдѣлался!

И онъ, отступя шага два назадъ, выровнялся, ударилъ себя рукой по бедру, въ знакъ довольства своей молодецкой фигурой, и потомъ самъ обозрѣлъ, сколько было возможно, свой корпусъ.

Въ самомъ дѣлѣ онъ былъ другой чловѣкъ въ глазахъ матери и всѣхъ ея сосѣдей. Высокій и статный отъ природы, онъ еще казался выше и статнѣе въ офицерскомъ вицмундирѣ и туго натянутыхъ штанахъ. Черныя брови его, отъ привычки повелѣвать и смотрѣть весело и бойко въ глаза начальству, приняли такое выраженіе, какъ бываетъ у генераловъ на лубочныхъ картинкахъ. Усы, прежде опущенные по-козацки къ-низу, точно, двѣ косы, теперь приняли форму двухъ крутыхъ серповъ, концами къверху. Даже носъ какъ-будто выросъ у него на службѣ больше прежняго и приобрѣлъ привычку водить воздряма, по-

добно ярому коню. Словомъ, Поликарпъ Зарубай былъ теперь »совсѣмъ другой, можно сказать, человекъ.« Это всѣ видѣли и чувствовали, и дѣвчата, захлившіяся было за паробковъ, смотрѣли на него уже изчужа.

— И рѣчь моя теперь совсѣмъ другая, продолжалъ офицеръ, — и обычай другой, и все другое, матушка! Не правда ль?

»Истинно!« сказалъ съ сочувствіемъ бывшій отецъ Потапій.

— Жениться мнѣ на какой ни на есть этакой хохлушкѣ — какъ-то не таво.... Ужъ меня теперь ни простой пѣсней, ни простымъ танцемъ не таво.... Я хоть и не плясалъ самъ этакихъ мазурокъ и всего прочаго, но видалъ, какъ гвардейскіе унтера пляшутъ. На свадьбѣ, стало быть, у товарища случилось быть. Купеческую дочку взялъ.

»Синочку мій!« сказала мать, »не танцами да піснями проживе чоловікъ на свѣті, не москóвськими *ушами* да *кабишами* вподобаетца Бóгу и людѣмъ, а добримъ рóзумомъ да звичаємъ....«

— Чтó жъ, матушка? возразилъ облагороженный сынъ: — теперь всякая этакая простая дѣвица покажется глупа передо мной. Ужъ она благородной рѣчи со мной не поведеть....

»Истинно!« поддержалъ офицера бывшій отецъ Потапій.

— А въ насъ, синку, такъ ось якъ спивають у пісні:

—Чи ту, мамо, свѣтати,
Що гáрно говорити?
—Свѣтай, синку, и людѣй питай,
Чи дѣлечко робити!
—Чи ту, мамо, свѣтати,
Що головка глáдка?
—Свѣтай, синку, и людѣй питай,
Чи мѣтена хáтка!

»Это намъ не законъ, матушка! Офицерская жена не для того живеть, чтобъ работать и самой хату подметать! Хе-хе-хе! не видали вы свѣту, матушка, — по-деревенски судите. У благороднаго человекъ совсѣмъ другія правила, — не тѣ, что у простыхъ людей.«

— Истинно! сказалъ бывшій отецъ Потапій.

Прочіе дивились безмолвно, какого ума и бойкости набрался въ москаляхъ Зарубаенко. Но козакъ Очкуръ и еще человекъ дватри сѣдоусыхъ его ровесниковъ, переглянувшись между собой, выразительно качали другъ другу головой.

— Такъ когѣ жь тобѣ, сынку, свѣтать? спросила озадаченная мать. — Самъ же отецъ Потапъ каже, що... тѣфу на ихъ усѣ зле й лихѣ!

Бѣдная старушка не могла перенести мысли, чтобъ ея Полкарпу подсунули тарелку орѣховъ съ вилкою: это ей казалось обиднѣе самого гарбуза.

— Паадумаемъ, паасмотримъ! сказалъ сынъ, покручивая молодецкій усъ. — А между тѣмъ потчевайте, матушка гостей. Я велѣлъ взять полъ-ведра водки: пускай наши сосѣди вспоминають этотъ день!

IX.

Между тѣмъ двухъ-трехъ словъ было достаточно со стороны счастливой вдовы, чтобы сосѣдки помогли ей угостить сына и всю честную компанію вечерю. Уже за хатою куры возвѣщали предсмертнымъ крикомъ неожиданную радость своей убогой хозяйки, а проворнѣйшая изъ дѣвчатъ принесла коромысло воды. Уже сухая лоза изъ обваливагося плетня пылала въ печи, а въ сѣняхъ подвижныя, какъ живое серебро, молодницы лѣпили вареники. Для вдовы Зарубаихи наступилъ Великъ-День, — это всѣ чувствовали и отъ души помогали ей торжествовать свой праздникъ.

Много тутъ было сказано прекрасныхъ рѣчей и пропѣто даже нѣсколько приуроченныхъ къ случаю куплетовъ, которыми наши козаки и козачки, въ дружеской бесѣдѣ, подтверждаютъ свои рѣчи, какъ неопровержимыми, переданными изъ рода въ родъ доказательствами. Но нашъ герой и первенствующій между собесѣдниками бывший отецъ Потапъ внимали небрежнымъ ухомъ простонародному гомону, яко люди иного, высшаго круга.

Полкарпъ Зарубай чувствовалъ непонятное для него самого удовольствіе — быть въ этой говорливой компаніи, слышать уже для него странный ея языкъ и смотрѣть на эти оживленные естественными чувствами лица. Съ того времени, какъ онъ произведенъ въ офицеры, онъ еще не радовался такъ человѣчески, какъ въ этомъ обществѣ. Правда, онъ обнялъ отъ всего сердца своихъ счаст-

ливыхъ товарищей, унтеръ-офицеровъ, отличившихся вмѣстѣ съ нимъ стояньемъ на какомъ-то опасномъ посту; но съ прочими, менѣе счастливыми унтерами, которые тоже стояли стѣной и готовы были на все, не могъ онъ обняться дружески, потому что они вытянулись передъ нимъ въ струнку и зажали ему ротъ благородіемъ. Здѣсь, въ хатѣ его матери, тоже читли отъ всего сердца его офицерское достоинство, но самихъ себя признавали также людьми, достойными всякаго уваженія. Одинъ только бывший отецъ Потапій безпрестанно повторялъ: »Уничженъ и смирихся до зѣла!.. Азъ есмь червь, а не человѣкъ», и тому подобное.

Непонятнымъ иному покажется, какъ это козаки, не смотря на его паденіе съ высоты іерейскаго сана, не смотря на известное всему селу пристрастіе его къ лишней чаркѣ и вѣчное самоуничженіе, совѣстились называть его иначе, какъ отцемъ Потапиемъ. Это происходило отъ того, что въ ихъ глазахъ онъ и прежде, во времена своего благоденствія, былъ тотъ же человѣкъ, что теперь въ своемъ упадкѣ. На его пристрастіе къ горячимъ напиткамъ они теперь смотрѣли даже снисходительнѣе прежняго, такъ какъ его печаль требовала, по ихъ убѣжденію, *отѹхи*; между тѣмъ имя его, независимо отъ его личности, было для нихъ драгоцѣнно, потому что слилось у нихъ съ воспоминаньями обо всѣхъ великихъ праздникахъ христіанскихъ, о великомъ днѣ вѣнчанья, о крещеніи дѣтей и также о смерти дѣтей, отцовъ, матерей и родныхъ. Какъ отецъ Потапій вымогалъ лишнее даваніе по всѣмъ подобнымъ случаямъ, объ этомъ они забыли, но памятью сердца помнили его молитвы, разрѣшающія, освящающія и напутствующія въ пную жизнь. Поэтому дикимъ показалось бы всему сельскому обществу, когдабы гдѣ-нибудь въ компаніи низвергнутому отцу Потапію не дано было перваго мѣста за столомъ и первой чарки въ руки. Добрые люди чувствовали даже состраданіе къ нему, зная, что онъ уже не можетъ вымогать отъ прихожанъ разныхъ даваній, на которое вымоганье они въ свое время сѣтовали, и если козакъ Очкуръ упрекнулъ его прошлымъ, то это вовсе не отъ злобы, а отъ участія къ нынѣшнему его положенію, котораго онъ не умѣлъ иначе выразить, какъ въ видѣ упрека.

Такимъ образомъ за вечерю у вдовы Зарубанхи бывший отецъ Потапій сидѣлъ на томъ же самомъ мѣстѣ, что и во времена

своего благоденствія, и радовалась хозяйка, что было кому благословить у ней каждое подаваемое яство, такъ какъ рука бывшаго отца Потапія всё еще считалась наиболѣе способною къ устрашенію врага человѣческаго рода изъ всѣхъ рукъ, взявшихся тутъ за ложки. На свѣтѣ много есть умныхъ и ученыхъ людей, которые не шутя утверждаютъ изустно и печатно, будто бы дьяволъ невидимо втирается во всякое веселое и шумное собраніе, хотя бы оно устроилось и по случаю радости матери • возвращеніи сына. Основываясь на ихъ словахъ, мы думаемъ, что дьяволъ, отогнанный бывшимъ отцемъ Потапіемъ отъ яства и питія, притапсая глѣ-нибудь подъ столомъ, а пожалуй и въ болѣе безопасномъ мѣстѣ — въ сердцѣ своего гонителя. Иначе — для насъ было бы непонятно, почему бывший отецъ Потапій одинъ поддерживалъ офицера, которому и мать, и всѣ сосѣди единодушно совѣтовали зажить на селѣ просто, а не по-пански.

— Чіна вѣшого ніхтѣ у васъ но одніме, говорили козакъ, — и пѣнсія вѣша остѣнется при васъ, Поликарпъ Ивановичъ. Хотя ви надѣйте на сѣбе диряву свѣтку, — все ми бѣдемо знать, що ви — офицеръ и що вамъ царь, за вѣшу слѣжбу, одпускае изъ казни сто цѣлковихъ. Отъ, передъ вѣми отецъ Потапъ. Самі батчиче, що вінъ загубивъ рѣсу, — ми и безъ рѣси поважѣемъ ёго и почитѣемъ, бо знаѣмъ, що вінъ вінчавъ насъ, а нѣшихъ дѣтѣй христѣвъ, а помершихъ нѣшихъ — царство имъ небесне — поминѣвъ. Щѣ жъ намъ до того, якъ тамъ ёго хтось десь визнаваживъ? Передъ нѣми вінъ ні въ чѣму не провиненъ. Честь и шанѣба ёму одъ насъ до-віку бѣде. А вамъ и того бѣльшъ. Вашъ покойний панъ-отець — нехѣй надъ имъ перѣмъ земля — бувъ чоловікъ-друзяка; и панѣматка вѣша — нехѣй бѣде здорова — не замутила въ насъ у селѣ й водою. Якъ же намъ вѣшого офицерства не поважѣтъ, Поликарпъ Ивановичъ? Ми люде прѣсті, а такъ міркѣемо, що вамъ за панѣми не вгнѣтьца: панѣ живѣтъ изъ крестянь, абѣ зъ слѣжби, такъ воно вже такъ вихѣдѣтъ.... да що ѣ казѣти? Цуръ ёму такому зарѣбитку! А ви, якъ справите собѣ плугъ волѣвъ, да батѣковськимъ рѣбомъ, — святе дѣло, навѣки святе дѣло! Хибѣ вамъ учѣться, якъ за плѣгомъ ходѣтъ? Ви й парѣбокѣмъ хазяїнъ булі на всю гѣбу. А въ святѣ недѣлю, чи въ яке нѣше свято, надѣвѣйте своѣ кавалѣрію и шаблюку и все такѣ, идѣтъ до цѣркви Бѣжої; нехѣй васъ люде знаѣють, що ви усякі страхи

бачили и всякі мѹки приймали. Вже не дѹрно все тѣе вамъ пожаловано: и самі кажете, що й паличка коштували, — нехай воно їмъ снится!

Такъ разсуждали козаки, складываясь по слову и поддерживая своимъ умомъ одинъ другого. Офицеръ, куликнувши на радости не хуже бывшаго отца Потапія, клонилъ, въ отвѣтъ имъ, голову съ такимъ видомъ, какъ-будто сознавалъ всю справедливость добрыхъ совѣтовъ. Но бывший отецъ Потапій многожды простиралъ десницу и шунцу къ неграмотнымъ ораторамъ, требуя молчанія. Звичайность, которую каждый соблюдалъ въ компаніи строго, заставляла ихъ уступать право свободнаго голоса тому, кто, по словамъ старосвѣтской думы,

Святѣ Письмо берѣ въ рѹки, читаетъ,
Насъ, прѣстѣхъ людей, на все добре наставляетъ,—

и бывший отецъ Потапій поучалъ бывшихъ своихъ прихожанъ въ такомъ родѣ:

— Да не хвалится премудрый мудростію своею!... Видите: премудрый, и тому не дозволено превозноситься своимъ разумомъ; вамъ же, людямъ простымъ, тѣмъ паче подобаетъ смирять разумокъ свой. Въ дѣлахъ пахарскихъ вамъ допускается наставлять и вразумлять одинъ другаго; но здѣсь рѣчь идетъ о предметахъ, для неграмотнаго человѣка невразумительныхъ. За отличіе.... понимаете ли? за отличіе!

При этомъ словѣ бывший отецъ Потапій положилъ перстъ свой одесную своего носа, тщетно усиливаясь придать своему лицу глубокомысленное выраженіе.

— За отличіе, продолжалъ онъ, — начальство наградило Поликариа Ивановича чиномъ, или все равно — благороднымъ званіемъ. Для чего жъ оно его наградило? для того ли, чтобы сей чинъ за плугомъ влачить, или же для того, чтобы въ благородной компаніи прославлять великодушіе начальства и храбрость російскаго воинства?... Какъ вамъ кажется? ради перваго, или ради послѣдняго?

Козаки молчали и только мысленно двинились, какъ это онъ такъ умно говоритъ, что даже не поймешь ничего!

— Вижу, вижу, братіе, продолжалъ бывший отецъ Потапій, — что рѣчь моя для васъ — темна вода во облацѣхъ. Я приведу примѣръ, для васъ удобоповятнѣйшій. Простаго воина или сол-

дата, по выслугѣ двадцати-пяти лѣтъ ⁽¹⁾, отпускають во свояси тща, немощна и сира, ибо какіе сродственники не вымрутъ въ теченіе столь долгаго времени, и какое здравіе не сокрушится отъ многолѣтняго служенія отечеству? Но и тому прописываютъ въ отставкѣ, сирѣчь въ аттестатѣ: бороду брить, волосы стричь, мундиръ носить, по міру не ходить. Изъ сего вы видите, сколь заботливо попечительное начальство о сохраненіи достоинства и послѣдняго изъ своихъ служащихъ. Что же сказать объ офицерѣ, который бы, вмѣнивъ ни во что свои заслуги, поглумился бы надъ ними всенародно, на нивѣ? Что скажете на сіе, братіе?

»Да воно-то наче бъ то й такъ, отче Потапес, отвѣчали козаки, «да, бачите, по нашому простому розуму, чоловіку найперше всего треба хлібъ исти.»

— Не о хлібѣ однимъ живъ будетъ человекъ, прерывалъ бывший отецъ Потапій.

»Да що вже й казати, отче Потапсе! те вже ви лучше знаєте; да тільки що трѣдно хозяйствечко зобратъ Поликарпу Ивановичу, коли своїхъ рукъ не приложитъ. Наймить.... що жъ наймить? Безъ хазяіна наймить ні що, а при хазяіні, то й наймить — чоловікъ. Ато ёму грѣши заплати, а вінъ тобі худѣти не доглядить; вінъ тобі не збѣре й не носіє по-людьски; вінъ тобі спашу нарѣбитъ. Да що й казати! Безъ хазяіна чужі руки — кочерга; безъ хазяіна и товаръ плаче. Се вже такъ зъ віку да й до віку, отче Потапсе.»

— Да для чего же Поликарпу Ивановичу ваше пахарское хозяйство? спрашивалъ бывший отецъ Потапій.

»А якъ же чоловіку прожитъ безъ хліба святого?»

— У него пенсія на то есть, да изъ отцевскаго поля упадетъ ему третья копа.

»И вже, якъ такъ! Хибá жъ то великі грѣши, якъ изъ копійки жить? Инше діло — пуститъ ихъ у хазяіство: тамъ усяка гривня стане тобі рублякою. А трейтя копа.... се пустиня. Ищѣ жъ и за вмологъ отдай десяту мірку.»

(1) Читатель, вѣроятно, поминтъ, что дѣйствіе происходитъ 35 лѣтъ назадъ.

— На его надобности будетъ и превзойдетъ, говорилъ бывший отецъ Потапій.

»А дітки жъ пйдуть!« возражали козаки. »Мѡже жъ, и дѡчкамъ грѣба справить придане и синивъ наділіть пѡлемъ и худѡбою!«

— Уповай на Бѡга, и онъ препитаеть тя и чада твоя, импровизировалъ бывший отецъ Потапій.

»А въ насъ кáжутъ: »Робіи, небѡже, то й Богъ помѡжетъ, стояли на своемъ козаки.

— Суетно слово ваше, братіе! Писаніе гласитъ: »воззрите на птицы небесныя....« Вамъ путь одинъ въ сей жизни, Поликарпу Ивановичу другой. Ему всѣ дороги открыты. Онъ можетъ взять какую ни есть на себя должность, сообразную съ благороднымъ званіемъ: прикащикъ или лучше сказать управитель — вотъ его хлѣбъ! другими повелѣвать, а не собственныя руки мозолить!

»И вже, якъ чужими слѣзáми....« начали было козаки. Но офицеръ рѣшительно принялъ сторону бывшего отца Потапія.

— Смирно! ни гу-гу! вскричалъ онъ такъ, что всѣ изумились.

Въ нашихъ простыхъ компаніяхъ, съ гостемъ, посаженнымъ за столъ, обращаются какъ нельзя больше почтительно, и тотъ осрамилъ бы себя на-вѣки, кто грубымъ словомъ заградилъ бы уста собесѣдникамъ. Но, какъ Поликарпъ Зарубай принадлежалъ къ тому сословію, которое, въ глазахъ простолюдиновъ, дѣлаетъ тысячи вещей, по ихъ мнѣнію, *незвичáйнихъ*; то гости вдовы Зарубанхи изумились безъ огорченія и не подвергли офицера никакому осужденію. Всѣ замолчали и слушали, что онъ будетъ говорить.

— Дѣло мое офицерское, началъ онъ, — благородное, стало быть, дѣло. Ужъ меня довольно учили въ гвардіи; слава Богу, не дуракомъ изъ науки вышелъ: аттестованъ начальствомъ и все такое прочее.... ну, сами знаете. А что касается до рода жизни, то вотъ моя позиція: утромъ — стаканъ чаю, — я вѣдь и самоваръ съ собой привезъ, матушка, — трубка табаку.... вотъ офицерское занятіе! Тамъ этакъ въ праходку. Ну, аабѣдать и все такое.... Словомъ, на благородной ногѣ. А чтобы не было скучно, жениться надобно. Вотъ о чемъ прежде всего слѣдуетъ подумать, матушка.

»Не добро человѣку жити единому«, поддержалъ офицера бывший отецъ Потапій.

— Кого жъ тобі, сїночку, свѣтати? сказала мать, у которой отъ противоположныхъ толковъ перевернулось все въ головѣ, и она радовалась своему счастью подѣ влияніемъ какой-то одури.

»Невѣсту, матушка, найдемъ: какъ не найти невѣсты? а первое вотъ что: надобно устроить намъ помѣщенье благородное.«

Тутъ пошли толки о коморѣ, срубленной на славу предусмотрительнымъ отцомъ Полицарпа Зарубаенка. Рѣшено было прорубить въ ней окна, поставить печь и сдѣлать перегородку. Бывшій отецъ Потапій предложилъ офицеру излишнюю мебель, ненужную ему при нынѣшнемъ его униженіи. Сосѣди-козаки вызвались устроить ему свѣтлицу и комнату гуртомъ, въ одну недѣлю, а платы потребовали только чарку горілки да доброе слово. Какъ бы сознавъ теперь, сколько бѣдная вдова потеряла отъ ихъ забвенія и мелкихъ притѣсненій въ отсутствіе сына, они соединились въ единодушную громаду, на услугу молодому хозяину. Вечеръ прошелъ въ веселыхъ и грустныхъ воспоминавіяхъ, въ веселыхъ и печальныхъ пѣсняхъ, какъ водится у насъ въ Буртищѣ на всѣхъ семейныхъ торжествахъ, — отъ свадьбы, на которой цвѣтущую красоту невѣсты отпѣваютъ хватаящими за сердце пѣснями, до похоронъ, въ которыхъ нерѣдко поражаютъ слухъ свадебныя наименованья гостей: *дружки, боѣре, свѣхи, старосты* (1). Наконецъ гости разошлись.

— Що, якъ-бї намъ такі гроши, брате? говорили козаки одинъ другому.

»А що жъ? и ми, и діти наші пожили бѣ въ достѣткахъ.«

— Эгѣ, а Зарубаенко, мабуть, нічого пўтнѣго зъ ними не вдіе?

»А вже жъ не вдіе!«

— Изведѣ ёго отѣць Потапъ!

»Изведѣ, брате, такъ якъ и самъ извїся!«

Такъ ясно представлялась нашимъ козакамъ будущность счастливаго сына вдовы, хоть они и не умѣли опровергнуть риторическихъ доводовъ бывшего отца Потапія.

(1) Однажды, во время моихъ странствованій по селамъ, войдя въ хату, я увидѣлъ на столѣ пятилѣтнюю покойницу, въ цвѣтахъ; надъ ней рыдала мать, безпрестанно уподобляя смерть выходу замужъ, а на лавкѣ сидѣло съ десятокъ сосѣдскихъ дѣвочекъ, отъ пяти до двухъ лѣтъ, и всѣ въ цвѣтахъ и лентахъ: это были *світїлки* и *дружки* покойницы.

X.

Въ короткое время все преобразилось вокругъ бѣдной вдовы Зарубанки. Часть стѣн обращена въ комнату посредствомъ поперечной стѣны. Почернѣлыя брусья прежней коморы засіяли свѣжей обмазкою, сперва глиной, а потомъ и мѣломъ, и на этихъ бѣлосвѣжныхъ стѣнахъ издали виднѣлись новешенькія окна, точно молодые прозрачныя глаза на свѣжемъ лицѣ. Сама Зарубанка обвела эти окна особенно, красноватою глиною, и отъ этой каймы вышло что-то веселое и зазывающее въ хату. Такъ и чудилось каждому, что въ этой хатѣ сидитъ здоровая, румяная молодлица, окруженная здоровыми, румяными дѣтьми.

Но, покамѣстъ, по ней расказывалъ только отставной офицеръ, въ пестромъ архалукѣ, съ трубкою въ зубахъ, и поглядывалъ то въ два окна, обращенныя на зеленый дворъ, то въ третье, прорубленное на бывшую попову леваду. По левадѣ, въ полузавядшихъ бурьянахъ, бродила вдовина корова съ своимъ теленкомъ-назимкомъ и видимо дивилась, отчего это бывший отецъ Потапій не перескакиваетъ черезъ перелазъ съ огромной хворостинной и не гонитъ ее отсюда ударами и проклятіями, какъ бывало прежде.

Офицеръ отъ времени до времени проходитъ и за перегородку, гдѣ стоитъ его офицерская койка у стѣны, покрытой ковромъ. На дорѣ виситъ его полусабля и киверъ съ черною шишкою. Тутъ же, на прицѣпленной къ потолку вѣшалкѣ, вы могли бы видѣть вязаный изъ разноцвѣтной шерсти шарфъ, который онъ обматываетъ вокругъ шеи, когда надѣваетъ теплую шинель; а возлѣ шарфа виднѣются красныя обшлага мундира, вишневый мундиръ и еще одного мундира, который онъ сохранилъ на память своей службы въ гвардіи. Тутъ же можно было еще видѣть разныхъ сортовъ брюки, стеганныя и просто суконныя нагрудники, твердые галстуки, заставляющіе держать голову, какъ держать коренная лошадь въ русской упряжи; но всего не перечесать. Всему этому добру знала счетъ одна офицерская мать, пересматривавшая каждую вещь по нѣскольку разъ съ своими гостями.

Изъ офицерской спальни выходило окно на такъ называемый задворокъ, гдѣ вдова откармливала уже, къ свадьбѣ сына, ненасытнаго кабана и завела столько куръ и утокъ, какъ-будто на этой свадьбѣ будетъ у ней въ гостяхъ все село Буртище. Между тѣмъ козаки видѣли, что Поликарпъ Зарубаенко, называвшій себя Зарубаевымъ, держитъ себя такъ горделиво, какъ природное благородіе или высокоблагородіе. За услугу онъ ихъ отблагодарилъ, правда, щедрымъ угощеніемъ у себя; но тутъ-же, на просьбы ихъ — пожаловать къ нимъ откушать хлѣба-соли, отвѣчалъ, какъ прилично человѣку благородному, что это для него не способно и что компанію надобно ему избирать по своему званію. Козаки глубоко оскорбились этими словами, но смиренно отвѣчали:

— Се вже ви лѣчче знаєте, Поликарпъ Івановичъ. И у насъ кажутъ: *Братієся кінь съ конѣмъ и віль зъ волѣмъ...*

Врожденная деликатность не позволила имъ договорить пословицу, которая оканчивалась такъ: *а свиня обь тинь, колі ні съ киль!* Только съ этой поры сосѣди къ офицеру — ни ногой. Сосѣдки заходили по праздничнымъ днямъ къ его матери, такъ какъ она осталась той же простой и доброй женщиной, и весело бывало въ старой хатѣ. До офицера, на его половину, долетали импровизированные куплеты, которыми сосѣдки примазывали кстати свою рѣчь; но онъ внималъ этой хохляччинѣ небрежнымъ слухомъ, какъ человѣкъ, которому не безъизвѣстны и *Выду ль я на рпченьку, и Среди долины ровныя*, не говоря уже о тѣхъ молодецкихъ пѣсняхъ, которыя, по приказу начальства, въ приличныхъ случаяхъ, весело распѣваютъ, храбрые російскіе воины. «Что жъ? простая женщина моя матушка!» думалъ онъ: «ей позволительно!» и, по врожденной добротѣ души, потакалъ ей старымъ привычкамъ и обычаямъ. Иногда, впрочемъ, онъ съ удовольствіемъ вслушивался въ пѣсни необразованныхъ поселянъ, какъ называлъ онъ обитателей родного села, по то были удалыя пѣсни парбовъ, позаимствованныя ими отъ квартирующихъ у нихъ солдатъ. Рана не заживаетъ безъ нагноенія: такъ и изувѣченная народность украинская необходимо должна была проявить свою болѣзнь въ безобразныхъ вырождахъ на всѣхъ ступеняхъ общества. Молодцоватые ларобки, въ страшной величины чоботахъ и огромныхъ бриляхъ или кучмахъ, проходя мимо двора отстав-

ного офицера Зарубаева, не разъ порадовали его душу пѣснями въ родѣ слѣдующей:

Па горныци на крутой
Хадыгъ майоръ маладой...
Деньщика къ сабѣ призвагъ,
Кулакомъ у зубы дагъ, —

и такъ далѣе, и такъ далѣе. Не добиваясь отъ пѣсни смысла, паробки радовались, что такъ чисто выговариваютъ московскія слова и въ совершенствѣ подражаютъ солдатамъ.

»Эхъ, brave ребята!« думалъ отставной офицеръ. »Какіе изъ нихъ знатные рекруты вышли бы! Вотъ кабы мнѣ васъ отдали на недѣлку, — я бы вамъ задалъ гвардейскую выправку!«

Къ комиссару, который жилъ въ томъ же селѣ Буртищѣ, офицеръ нашъ не явился, такъ какъ офицеры въ полку слишкомъ рѣзко обнаружили передъ нимъ дворянскую гордость. По крайней мѣрѣ онъ былъ увѣренъ, что то была дворянская гордость, и не другое чувство. Комиссаръ былъ панъ »великаго колѣна«, а Зарубаевъ предчувствовалъ, что его примутъ надменно, — тѣмъ болѣе, что каждому извѣстно, кто былъ его отецъ и кто его мать. На счетъ сближенія съ дворянскими домами, въ которыхъ есть барышни, бывший отецъ Потапій рѣшительно обезнадежилъ выслужившагося козака; онъ и эти знакомства откладывалъ со дня на день. »Еслибы по крайней мѣрѣ не моя матушка!« думалъ, куря трубку, офицеръ.... »Но ей тоже надобно жить на свѣтѣ«, подсказывало ему его доброе отъ природы сердце: »она, бѣдняжка, много натерпѣлась горя!«

Вообще, взглядъ на свою обстановку въ родномъ селѣ много повредилъ офицеру въ его собственномъ мнѣніи. Онъ пересталъ поминутно выпрямляться во весь чудесный ростъ свой, рѣже прежняго говорилъ, что онъ теперь совсѣмъ другой человекъ сталъ, и, словомъ, чувствовалъ, что какой-нибудь козакъ Очкуръ не такъ низко стоитъ въ сравненія съ нимъ, какъ ему съ перваго взгляда показалось. У козака Очкура дворъ шире его двора и обстроены такъ, что залюбоваться. У козака Очкура воламъ, коровамъ и лошадямъ счету нѣтъ. Козакъ Очкуръ вложилъ на зиму въ омшаникъ 200 ульевъ. Самъ бывший отецъ Потапій говорилъ, что комиссаръ, тому назадъ пять лѣтъ, предлагалъ ему, черезъ своего письмоводителя, слѣлатъ его панкомъ, за 500 цѣлковыхъ,

только бы онъ выучился подписать свое имя; но козакъ Очкурь засмѣялся на это предложеніе и подарилъ писмоводителю домо-рослаго стригунá, чтобъ только онъ ему съ этимъ не докучалъ. Ясно стало Зарубаеву, что *благородными* могли бы сдѣлаться многіе изъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ совѣстился водить хлѣбъ-соль, но не хотѣли именно потому, что благородство не позволить имъ собственными руками пахать и сѣять, а вмѣстѣ съ тѣмъ разстроить ихъ хозяйство. И при всемъ томъ не могъ онъ рѣшиться вести себя съ сосѣдями, какъ велъ себя покойной отецъ его, а тѣмъ менѣе — заняться по-прежнему сельскимъ хозяйствомъ, надѣть простые чоботы и свитку и идти за плугомъ; какой-то гвоздь въ мозгу мѣшалъ ему подумать объ этомъ такъ просто и ясно, какъ думала его мать и ея пріятели. •

Между тѣмъ нынѣшняя жизнь его вовсе не была для него пріятнѣе той, какую велъ онъ до рокового для него 1819 года. У него въ душѣ сохранились воспоминанія о чудесныхъ прохладныхъ утрахъ и веселыхъ дняхъ, проведенныхъ имъ въ полѣ съ плугомъ, косой и серпомъ, — о восхитительныхъ обѣдахъ подъ пѣсни жаворонковъ, гдѣ-нибудь на межѣ или подъ деревомъ, обѣдахъ, которые приносила ему туда любящая мать и приправляла своими ласковыми, полными живого интереса рѣчами. Теперь какой-то непонятный для него самый долгъ повелѣвалъ ему сидѣть утромъ взаперти надъ стаканомъ чаю, котораго не раздѣляла и не хотѣла раздѣлять съ нимъ старушка-мать. Она, бывало, не боится утренней мглы на вспаханномъ подъ осень полѣ, ни холодной росы, садящейся каплями на одежду, на брови и рѣсницы; но табачная мгла, которую теперь устронвалъ у себя въ комнатѣ сынъ, не разъ прогоняла ее отъ него, какъ ни мужественно сносила она рѣзь въ глазахъ и перхоту. Бесѣды ихъ не были уже такія оживленныя и гармоническія, какъ прежде: офицеръ многое опровергалъ въ ея простыхъ сужденіяхъ, многое пускалъ мимо ушей: «простая, дескать, женщина моя матушка, — ей позволительно кое-чего не понимать», — и вообще они, при всей любви съ одной стороны и внушаемаго природой снисходительнаго уваженія съ другой, никакъ не походили на такую единокорную чету, какую составляли прежде. Нѣжно любимый сынъ возвращенъ матери, но возвращенъ глуховѣмымъ. Послушный вдохновенно сердца инструментъ бывалъ въ чужихъ рукахъ и воротился къ свое-

му владѣльцу съ оборванными струнами. Цѣпляетъ на него другія струны праздный отецъ Потапій, стронуть его на свой строй и наигрываетъ на немъ, что ему по душѣ.

Въ самомъ дѣлѣ бывший отецъ Потапій мало-по-малу сдѣлался неразлучнымъ собесѣдникомъ отставного офицера. Зарубавъ проводилъ значительную часть своего времени съ этимъ велемудрымъ пріятелемъ, то у себя въ новой хатѣ, то у него въ домѣ, на половину обращенномъ въ кладовую, по случаю продажи козакамъ лишнихъ надворныхъ построекъ. У бывшего попа была бывшая попадья, довольно раскормленная и веселая особа, не уступавшая мужу въ пристрастіи къ вину, веселящему сердце. Эта достойная чета озаботилась успѣшнѣе родной матери судьбою отставного офицера и рѣшила, что ему надобно жиниться на такой-то поповнѣ, въ такомъ-то селѣ. Усердные совѣты подкрѣплялись чаркою, переходившею изъ рукъ въ руки, и отставной офицеръ возвращался къ матери иногда въ такомъ видѣ, что она должна была раздѣть его и уложить въ постель. Пьянымъ языкомъ объявлялъ ей нѣжно любимый сынъ, что невѣста его хоть и поповна, но ходитъ въ шляпкѣ и будетъ настоящею благородною женщиною. Хватала вдову за сердце нѣмая грусть; она чуяла бѣду, но отвратить ее не имѣла силъ. Сынъ ея былъ уже не ребенокъ, чтобъ его повернуть круто на дорогу простой, работающей жизни. Слова: *офицеръ, благородной человекъ*, оглушали и ее, бѣдную. Въ самомъ дѣлѣ ея сынъ теперь совсѣмъ другой человекъ сталъ, какъ онъ твердилъ ей при всякой ея робкой попыткѣ вразумить его. Это была страшная истина въ устахъ безумнаго, и потому поражала ее, какъ истина. Разлучить сына съ бывшимъ отцемъ Потапиемъ — не смѣла бѣдная Зарубанха и подумать. Изъ устъ сего послѣдняго слышались даже и въ пьяномъ видѣ рѣчи разумныя, или казавшіяся ей разумными, а къ его главному пороку привыкла она въ теченіе всей своей жизни. Все, что она въ силахъ была сдѣлать, это — носить бывшему отцу Потапію горячіе книши и покорнѣе просить его потчевать сына *безъ примысу*. На это бывший отецъ Потапій отвѣчалъ ей:

— Любезная моя Параскевія... якъ бо тебе... гемъ... да, Емельяновна! въ честномъ домѣ не порокъ выпить молодому человеку. Мой домъ — не шинокъ. По дружбѣ и по приличію, годится имѣть съ сосѣдями чарочное общеніе. Твой сынъ, Пара-

скевія... гемъ, гемъ... Емельяновна, благоправный юноша и хри-столюбивый воинъ. Служилъ онъ отечеству довольно и всяческихъ ужасающихъ зрѣлицъ посмотрѣлся и натерпѣлся; нынѣ же да возвеселится и возрадуется въ благожелательной отставкѣ!... Выпей, любезнѣйшая сосѣдка (при этомъ рюмка, бывшая настольною вещью хозяина, всовывалась въ руку сосѣдки).... Увы мнѣ! не могу назвать уже тебя любезнѣйшею дочерью; но уповаю, что мои молитвы и поминовенія о твоёмъ покойномъ сожителѣ услышаны.

При этихъ словахъ сердце вдовы дѣлалось мягче воску: она любила своего покойнаго мужа, и молитвы за упокой души его до сихъ поръ не перестали для нея быть самою вѣжною сердечною связью между нимъ и ею. Выпивая предложенную ей чарку, она повторяла слова бывшего отца Потапія, но только въ болѣе краснорѣчивыхъ оборотахъ и съ примѣсю наивной сельской поэзіи.

— Истинно! истинно! подтверждалъ бывшій отецъ Потапій.

А между тѣмъ его благовѣрная заходила ко вдовѣ съ другой стороны:

— Мы за твоего Поликарпа Ивановича возьмемъ невѣсту у короля изъ-подъ полы! говорила она. — Твой сынъ красавецъ, хоть куда. Поискать такого и между дворянскими дѣтьми! Да куда имъ ровняться, мѣршавымъ!

Вдова была побѣждена такимъ образомъ на двухъ слабыхъ пунктахъ своихъ и возвращалась домой въ пріятномъ чадѣ.

»Може, вонó й справді́ буде гáрно!« думала она; а чтобы несомнѣнно дожить до счастья, которое для нея было выше всего на свѣтѣ, она, на утренней и вечерней молитвѣ, прибавляла всякій разъ по нѣскольку земныхъ поклоновъ. Въ церкви также увеличились ея подачи на часточку, панихиды и молебны, къ совершенному удовольствію отца Петра, преемника бывшего отца Потапія. Бывшій отецъ Потапій налегалъ больше прежняго на богопротивную игру въ карты, но вдова Зарубанха смиренно отвѣчала, что Богъ не по грѣхамъ нашимъ внимаеть нашимъ молитвамъ, но по своему милосердію, и такимъ образомъ поражала бывшего попа его же собственнымъ оружіемъ.

Между тѣмъ дѣло о невѣстѣ у короля изъ-подъ полы подвигалось впередъ побочными путями, такъ какъ сія невѣста была родная племянница бывшей попадьи. Сестра ея была въ замужествѣ за іереемъ, какъ и сама она; но какъ ихъ роду суждено уже

было свыше несчастіе, по выраженію ея мужа, то она овдовѣла, и приходъ, на которомъ основывалось ея благоденствіе, достался другому іерею и его попадѣ и его чадамъ, рѣдко малочисленнымъ. У вдовы попадѣ, между многими другими дѣтьми, была круглолицая, румяная дщерь; и сія-то дщерь поведена была съ дѣтства такъ благородно, что носила шляпку и другія приличныя высшему сословію наряды. Но, не взирая на всѣ таковыя украшенія и даже на лѣпоту ея природнаго зрака, семинаристы, называвшіеся богословами, не предлагали ей, въ своихъ бесѣдахъ, ничего серьезнаго, а вопрошали развѣ: чѣмъ она умывается, что у ней такія цвѣтуція ланиты? что, конечно, было не неприятно для круглолицей дѣвы, но колыми паче было бы приятно, еслибы какой-нибудь приморенный на реторикѣ и латыни, но бодрый духомъ богословъ спросилъ: нравится ли ей такой-то (Крестовоздвиженскій, или Рождество-Богородицкій, или тамъ какой-нибудь Анно-Зачатіевскій) приходъ, несомнѣнно передаваемый ему престарѣлымъ отцемъ его?... Подобные вопросы предлагались дѣвамъ вовсе не круглолицымъ, но съ хорошимъ приданымъ, и дѣлались дѣвы сѣи, въ шляпкахъ и безъ шляпокъ, почтенными матушками для цѣлыхъ селъ; она же пребывала тща и одинокъ, точно сіяющій, но хладный мѣсяцъ на небесной лазури. Охотно согласилась бы она сочетаться узами законнаго брака съ семинаристомъ-философомъ, будущимъ діакономъ, но семинаристы-философы ужасались пышныхъ ея нарядовъ, для поддержанія которыхъ діаконскаго дохода было бы слишкомъ недостаточно. Что касается до семинаристовъ-риторовъ, будущихъ дьячковъ, то у нея былъ живой примѣръ передъ глазами, какъ одинъ изъ таковыхъ, плѣнивъ щеголиху, діаконскую дщерь, въ послушаніе волѣ своей, то есть сотворивши ее дьячихою, заставилъ всенародно обмазывать хату глиною, а къ сему поруганію присовокупилъ вѣщшее, въ видѣ синяка подъ глазомъ. Такимъ образомъ цвѣтущая самою выразительною красотою дѣва, будучи непричастна дворянству, которое у насъ не женится на поповнахъ, и потерявъ надежду на возжелѣнное бракосочетаніе съ однимъ изъ богослововъ, находилась можно сказать въ критическихъ обстоятельствахъ, какъ въ это время къ ней подѣхали съ офицеромъ. Сдѣматься потомственною дворянкою — не шутка, и чувствительная красавица полюбила Зарубаева заочно, точно принцесса. Съ своей стороны и

Зарубаевъ, внимая краснорѣчивымъ рассказамъ бывшаго попа и бывшей попадьи, прельстился круглолицею дѣвою до зѣла.

— Очи ея, говорилъ бывший отецъ Потапій, — яко двѣ звѣзды въ полунощи.

»Брови ея«, говорила бывшая *матушка*, »какъ двѣ высокія радуги.«

— Носъ ея, продолжалъ сей, — яко чистѣйшее гусиное перо.

»Губы ея«, поддерживала сія, »точно пивонія.«

Словомъ, самая холодная натура могла бы воспламениться страстью къ законному браку, а натура нашего Зарубаева вовсе не принадлежала къ холоднымъ. Онъ, безъ всякаго отлагательства, рѣшился ѣхать съ бывшимъ отцемъ Потапиемъ въ село Хропакі, отстоящее отъ села Буртица на небольшое количество стадій, какъ выразился офицерскій наперсникъ. У сего послѣдняго имѣлся собственный конь съ колесницею. Въ ясное осеннее воскресенье, когда на дорогѣ, засохшей послѣ дождей и слегка прохваченной морозомъ, не поднимется отъ колесъ ни пылинки, бывший отецъ Потапій; сидя рядомъ съ христолюбивымъ воиномъ, правилъ возжами съ нѣкоторымъ трепетомъ въ рукахъ, такъ какъ было еще рано и опохмѣлиться не позволяла ему совѣсть до обѣдни.

А между тѣмъ сердце оставшейся матери трепетало гораздо сильнѣе за судьбу сына, и трепетало совершенно безъ пользы. Его судьба уже совершилась. Она совершилась съ самого того времени, когда его взяли изъ-за ея убогаго обѣда, и уже никакіе отцы Потапін не могли ее сдѣлать ужаснѣе, и никакіе отцы Петры — спасти ее. Совершилась судьба удалого козака, который не спустил комиссарскому сыну за оскорбленіе своей невѣсты! Теперь онъ »совсѣмъ другой человекъ сталъ!« Теперь для него не существовали болѣе никакія Катри Дубивны, хоть бы онѣ въ тысячу разъ были прекраснѣе и благороднѣе въ своихъ цвѣткахъ и лентахъ, чѣмъ какая-нибудь носительница шляпки въ селѣ Хропакахъ. Теперь высшимъ проявленіемъ удали было бы для него — задать гвардейскую выправку сыновьямъ любящихъ матерей и женихамъ изнывающихъ по нимъ красавицъ. Теперь онъ въ трезвомъ видѣ хуже пьянаго, а въ пьяномъ — развѣ немного безмысленнѣе трезваго....

XI.

Я бы охотно провелъ моего читателя въ село Хропаки и показалъ ему, какъ жила вдова попадья и въ какихъ правилахъ воспитывала возлюбленную дочь свою; я бы, какъ говорится у насъ, *залюбки* вошелъ во всѣ подробности сватовства и бракосочетанья офицерскаго; я бы нашелъ много предметовъ, вызывающихъ на размышленье, въ устройствѣ новаго офицерскаго быта, подъ руководствомъ молодой жены; но 1826 годъ былъ несчастнымъ годомъ моей жизни: меня посадили въ бричку домашней работы и увезли Богъ знаетъ куда, отдали Богъ знаетъ въ какія руки и заставили учиться Богъ знаетъ чему, единственно для того, *чтобъ я не баловался дома*. У насъ, въ мелкопомѣстномъ быту, пребываніе хотя бы и единственнаго дитяти дома, на глазахъ родителей, считается почему-то баловствомъ. Варваризмъ семейной и общественной жизни своей сознають наши мелкопомѣстные папы и панки сами, и чтобы свалить съ себя отвѣтственность за будущность дѣтей своихъ, швыряютъ ихъ, зажмура глаза, въ руки варваровъ иного покроя, которые или убиваютъ ихъ на первыхъ же порахъ, или же, въ случаѣ особенно крѣпкой натуры, выпускаютъ ихъ изъ своей фабрики живыми, но только болѣе или менѣе изуродованными. Такимъ образомъ простонародная жизнь села Буртища надолго исчезла у меня изъ виду. Много лѣтъ съ ряду мой умъ былъ занятъ своего рода пунктиками, и наконецъ, когда было признано, что больше я ни къ чему неспособенъ, то есть достаточно приготовленъ для жизни, мнѣ возвратили свободу и отпустили на всѣ четыре стороны.

Естественно, прежде всего бросился я на родину. Я ѣхалъ день и ночь, сокращая сутки и часы моего изгнанія; я летѣлъ въ родной мой хуторъ съ нетерпѣньемъ влюбленнаго человѣка, послѣдшающаго къ любящей его женщинѣ. Наконецъ я достигъ поворота съ почтовой дороги на проселочную. Вотъ и село Буртище передо мною. Отсюда всего двѣ-три версты до родного хутора. Но надобно же было случиться, что весенняя вода разнесла греблю, которою сообщался мой хуторъ съ Буртищемъ! А тутъ надвинулась темная дождливая ночь. Проѣхать въ темнотѣ

не было никакой возможности. Съ стѣсненнымъ сердцемъ я рѣшился ночевать и остановился у первой хаты, въ которой ярче другихъ свѣтился огонекъ. На вопросъ: чья хата? кто-то, проходя мимо, отвѣчалъ, что это хата офицерики.

— Впустять сюда переночевать?

»Впустять: у нихъ почуютъ судовые; у нихъ и самоваръ есть.«
Прекрасно! Заѣзжаю. Меня встрѣчаетъ пригожая, краснощечная женщина и охотно предлагаетъ въ мое распоряженіе свѣтлицу, самоваръ и ужинъ. Мысли мои заняты роднымъ хуторомъ. Въ ожиданіи самовара и ужина, я расхаживаю по свѣтлицѣ и не обращаю вниманія на тяжелое храпѣнье кого-то спящаго за перегородкою. Хозяйка хлопочетъ на кухнѣ, вѣроятно, готова мнѣ ужинъ. Я слышу крикъ и хлопанье крыльями исполошеннхъ на сѣдалѣ куръ. Одно изъ этихъ простодушныхъ существъ, очевидно, должно пожертвовать для меня жизнью; но я остаюсь равнодушнѣмъ и безчувственѣмъ, какъ всякій проголодавшійся путешественникъ. Тутъ отворилась изъ сѣней дверь, и дряхлая старушонка, въ жалкомъ рубищѣ, вкряхтя, появилась, съ чайнымъ приборомъ. Рѣдко случалось мнѣ видѣть такіа изможденныа лица. Отвѣчая на ея смиренный поклонъ, я съ участіемъ всматривался въ ея полумертвыа черты, на которыхъ давно уже застыло живое выраженіе горестей житейскихъ и смѣнилось какимъ-то тупымъ, неяснымъ страданіемъ. Когда она принесла мнѣ шипящій самоваръ, я спросилъ:

— Ти, бабúсю, въ ихъ наймичка?

»Ні, рідна матис, отвѣчала она.

— Хто жъ вони такіи?

»Зарубаеви. Синъ мій — офицёръ Зарубаенко, а се (она качнула сѣдой головой по направленію къ кухнѣ), се моя невістка.«
Я понялъ все. Разспрашивать больше мнѣ было не о чемъ.

П. Кулишъ.

Малыновка на Хопрѣ.

Октябрь 1859.

ПИСЬМА.

О БОГДАНѢ ХМЕЛЬНИЦКОМЪ

къ Н. И. Костомарову.

ПИСЬМО 1-е

О событіи на Кодакъ.

Мои письма къ М. П. Погодину о Богданѣ Хмельницкомъ, напечатанныя въ *Украинцѣ* 1859 года, вызвали ваше »Объясненіе«, напечатанное въ С.Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1859 г. № 122, и поставили насъ въ непосредственное сношеніе другъ съ другомъ. Я очень радъ этому возобновленію, хотя и на письмѣ, нашихъ ученыхъ бесѣдъ объ Украинѣ, и увѣренъ, что наша переписка или переключка о ней во всеуслышаніе — будетъ не безъ пользы для *исторической истины*, изъ которой мы и бьемся.

О разногласіи нашемъ относительно нѣкоторыхъ сподвижниковъ Богдана мы достаточно, кажется, объяснились уже въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ. За мною теперь — обѣщанный разборъ характеристики Богдана и отвѣтная рѣчь на ваше о немъ »Объясненіе«, ибо я считаю себя обязаннымъ отвѣчать на каждое ваше мнѣ возраженіе. Начинаю мой разборъ характеристики Богдана — съ происшествія на Кодакъ, въ которомъ его характеръ означился чертою рѣзкою и выразительною. Въ вашей книгѣ это происшествіе передано такъ:

»Въ самомъ дѣлѣ, покойный Конецпольскій имѣлъ случай замѣтить *свободомысліе* Хмельницкаго. Построивъ крѣпость Кодакъ близъ Днѣпровскихъ пороговъ, для укрощенія козацкихъ походовъ на чайкахъ, онъ стоялъ разъ на валу только-что оконченнаго укрѣпленія, и гордо спро-

силъ окружавшихъ козаковъ: »каковъ кажется вамъ Кодакъ?« Хмельницкій, поглядывая искоса, отвѣчалъ ему по-латыни: »что человѣческими руками строится, то человѣческими руками и разрушается.« Черезъ нѣсколько времени новый козацкій гетманъ Сулима разорилъ Польскую крѣпость. Вспоминая слова Хмельницкаго, паны подозрѣвали и его въ участіи (I. 58). «

Смѣлая выходка Богдана не могла не заподозрить его сильно въ глазахъ Конецпольскаго; но это происшествіе случилось уже на четвертый годъ послѣ того, какъ гетманъ Сулима разорилъ Кодацкую крѣпость и за то четвертованъ въ Варшавѣ; а потому подозрѣніе пановъ о соучастіи Хмельницкаго съ Сулимою было неосновательное и напрасное.

Тутъ вы сами вдалились въ ошибку, сказавши, что Сулима разорилъ Кодацкую крѣпость *черезъ нѣсколько времени* послѣ того, какъ Хмельницкій сказалъ свое смѣлое слово о ней грозному Конецпольскому. Нѣтъ, Сулима разорилъ первоначальную Кодацкую крѣпость тотчасъ по ея построеніи, при которомъ Конецпольскаго и не было. Ссылаюсь въ этомъ на самого строителя ея, Боплана; въ »Описаніи Украины«, онъ говоритъ: »На Кодакъ, въ *іюль* 1635 года, былъ заложенъ мною замокъ, но послѣ моего отъѣзда, въ *августъ* мѣсяцъ, нѣкто *Солманъ*, предводитель мятежныхъ козаковъ, возвращаясь съ моря и видя, что замокъ преграждалъ ему путь, напалъ на оный врасплохъ и изрубилъ двухсотный гарнизонъ, состоявшій подъ начальствомъ полковника Маріона, родомъ Француза...« За тѣмъ, Бопланъ рассказываетъ о послѣдующей войнѣ съ козаками, продолжавшейся до октября 1638 года, и возвращается къ Кодацкой крѣпости: »По заключеніи мира, великій и великодушный Конецпольскій съ 4,000 воиновъ, лично отправился на Кодакъ и оставался тамъ до того времени, пока крѣпость не была приведена въ оборонительное положеніе, т. е. около мѣсяца.« Дѣло ясное, что это было въ 1639 году, что слова Хмельницкаго были сказаны о возобновленной крѣпости; а оправдались они уже въ 1648 году, когда Хмельницкій, ставши гетманомъ, послалъ Нѣжинскихъ козаковъ на взятіе той крѣпости. Такъ разумѣлъ и Коховскій, которому мы обязаны за сохраненіе этого замѣчательнаго анекдота о Хмельницкомъ: »*Manu facta (inquit) manu destrui! Nec verbis defuit eventus, primum namque succrescentis Chmelnicii potentiae facinus incubuit, Kodaco evertendo.* (I. 21)« Этимъ кончаетъ Польскій историкъ свое мастерское изображеніе Хмельницкаго.

Я надѣюсь, что вы согласитесь со мною, какъ въ томъ, что слова Хмельницкаго о Кодацкой крѣпости сказаны были 1639 года, такъ и въ

томъ, что возбужденное ими подозрѣніе пановъ о соучастіи съ Судимою было неосновательно. Такъ и многое приписано Хмельницкому *заднимъ числомъ* — послѣ того уже, какъ онъ поднялъ Украину и Запорожье на Поляковъ.

Нашъ украинскій лѣтописецъ Грабянка, сочиняя около 1710 года свою »Исторію о дѣйствіяхъ презѣльной брани« и заимствуя въ нее многое изъ Коховскаго, событіе Кодацкое передалъ такъ: »Въ то время (въ року 1639) прилучися гетману каронному Конецпольскому въ Кодаку саму быти, и козакомъ ему предстоящимъ (между ими же бѣ и Богданъ Хмельницкій), тѣмъ ругаяся вкупѣ и хваляся о крѣпости Кодака града, рече: угодень ли вамъ, козаки, Кодакъ? Отвѣща Хмельницкій языкомъ латинскимъ: что есть рукою сотворенно, что бы было не разоренно? Чего ради гетманъ удивися, вкупѣ зло мысляше о Хмельницкомъ, вспомянувъ убо, яко во всѣхъ бранехъ козацкихъ противъ Ляховъ и Хмельницкій бѣше, обаче многія умроша, а онъ живъ оста (стр. 31).«

Откуда взялось это воспоминаніе Конецпольскаго? Очевидно, изъ того же Коховскаго, который говоритъ отъ себя, что Хмельницкій былъ участникомъ въ козацкихъ возстаніяхъ Тараса и Острияницы съ Гунею, но избѣжалъ заслуженной кары. Нашъ лѣтописецъ заблагодарасудилъ это воспоминаніе Польскаго историка переложить въ голову самого Конецпольскаго, и, вмѣсто участія Богдана въ двухъ козацкихъ возстаніяхъ, поставилъ его — (что называется: *за однимъ заходомъ*) — участникомъ во *всѣхъ* козацкихъ войнахъ противъ Поляковъ. Вотъ съ какимъ нарращеніемъ и представленіемъ о Хмельницкомъ явилось въ нашемъ лѣтописаньи сказаніе о событіи Кодацкомъ. Справедливо ли это представленіе нашего лѣтописца и можетъ ли оно быть принято за дѣйствительность историческую, о томъ рѣчь впереди; а здѣсь я хотѣлъ вывести только то: когда и какъ произошло у насъ историческое мнѣніе объ участіи Хмельницкаго во *всѣхъ* возстаніяхъ козацкихъ на Поляковъ. Это *Грабянка* передѣлалъ на свой ладъ сказаніе Польскаго историка. А что у него тутъ передѣлка изъ Коховскаго, видно и на слѣдующей за тѣмъ краткой характеристикѣ Богдана: »Бысть бо Хмельницкій мужъ хитръ въ воинствѣ и разуменъ зѣло, вѣдый мысли людскія на козаковъ и ихъ суетную клятву, рассмотрый ихъ военные ограды, и вся сія въ сердцѣ злѣ держаше, лице же свѣтлостію покрываше, аки бы онъ на Ляхи никоего зла не мыслилъ, въ сердцу же его золь совѣтъ бѣше.« — Тутъ живопись двухъ разнородныхъ стилей или пошбровъ: въ первой половинѣ — своя собственная, украинская; во второй — взятая изъ картины Коховскаго,

отрывкомъ изъ которой и вы завершили свою характеристику Богдана. У васъ сказано: »Лицо его, сіяющее и кроткое, (говорить польскій историкъ Коховскій) скрывало духъ безпокойный, склонный къ волненію, и было подобно свѣтлому льду, подернувшему гнилою, болотную воду.« Не могу не замѣтить, что отъ малой перемѣны въ словахъ подлинника, вышло не совсѣмъ вѣрное сравненіе *духа безпокойнаго, склоннаго къ волненію* — съ гнилою болотною водою, которая представляетъ собою покой и застой. Отчетливая живопись Коховскаго едвали допустили бы эту несоответственность; у него сказано такъ: »Aderat huic militaris presso sermone facundia, animus obtegens sui, renidens vultus, quo græcipue, ut nitida glacie foetentes aquæ, recessus pectoris teguntur.« А для сравненія духа безпокойнаго, склоннаго къ волненію, въ козацкомъ вождѣ, все-го скорѣе и ближе подошли бы склонныя къ волненію воды *своевольнаго Днѣпра*, какъ о немъ говорится въ народной пѣснѣ:

Жалкується лиманъ морю,
Що Днѣпръ робить свою волю:
Свої гирла прѣчищає,
Лиманѡви закидає.

Какъ бы хотѣлъ я въ эту минуту взглянуть на свѣтлое лицо Богдана, на томъ старинномъ портретѣ его, на который глядѣли, вѣроятно, и онъ самъ, и его изобразитель Коховскій! Я разумѣю портретъ, гравированный Гданскимъ Нѣмчиномъ Вильгельмомъ... (фамиліи не припомію)... 1650 года, когда Хмельницкій былъ на верху своей славы.

P. S. — Въ моемъ извѣстіи о Грабянкиной лѣтописи, напечатанномъ въ Москвитинѣ 1855 года, я различалъ двѣ ея редакціи: одну (славянскую), изданную въ Кіевѣ 1854 года, другую, напечатанную въ Россійскомъ Magazinѣ В. Туманскаго, 1793 года. Въ обзорѣни источниковъ вашей книги »Богданъ Хмельницкій« не упомянуты оба печатныя изданія, а показана (подъ № 17-мъ) *рукописная* »Исторія о дѣйствіяхъ презѣльной брани«. Судя по этому заглавію и по многимъ свѣдѣніямъ, изъ нея приведеннымъ, это лѣтопись Грабянкина. Но у васъ иногда приводятся изъ нея очень любопытныя свѣдѣнія, какихъ нѣтъ ни въ двухъ печатныхъ изданіяхъ, ни въ другихъ извѣстныхъ мнѣ ея спискахъ. И такъ ваша рукопись составляетъ особую, третью редакцію этой лѣтописи, полнѣйшую и доселѣ неизвѣстную? Весьма любопытно было бы ваше подробное о ней извѣстіе.

Въ вышепомянутой статьѣ моей, я высказалъ свое мнѣніе, что истори-

ческое *введеніе*, находящееся при «Лѣтописи Самовидца», извлечено все изъ Грабянкиной лѣтописи, вѣроятно, тѣмъ же лицомъ, которымъ написано продолженіе Лѣтописи Самовидца до 1734 года. Необходимымъ считаю объ этомъ сказать напередъ; ибо все, что говорится въ томъ введеніи, я не признаю за свидѣтельство заднѣпровскаго козака XVII-го вѣка, а отношу къ Гадацкому полковому старшинѣ, Григорію Грабянкѣ и къ позднѣйшему сократителю его сказанія для Лѣтописи Самовидца. Такимъ образомъ извѣстіе о Кодацкомъ событіи я полагаю заимствованнымъ изъ Коховскаго сперва Грабянкою, а изъ него уже взятымъ во введеніе къ Лѣтописи Самовидца. — Подробнѣе изложу мое мнѣніе при отвѣтѣ на ваше *объясненіе*.

30 ноября 1860.

ПИСЬМО 2-е

О воспитаніи Богдана Хмельницкаго.

Обращаюсь къ началу характеристики Богдана, составленной вами на 1646 годъ, къ пріѣзду на Украину канцлера Оссолинскаго. Вы говорите: «Самъ коронный гетманъ Конецпольскій, врагъ козацкаго сословія, уважалъ его дарованія, хотя смотрѣлъ на него съ подозрѣніемъ. Ни милости короля, ни ласки пановъ, не передѣляли его въ Поляка, что случилось съ другими южно-руссами. Отъ езуитовъ, воспитавшихъ его, получилъ онъ только ту скрытность, съ какою умѣлъ хранить до времени задуманное, наружно улыбаться и показывать видъ веселости и пріязни, когда въ душѣ кипѣла ненависть, — двоедушіе, съ какимъ слѣдовалъ по двумъ противнымъ направленіямъ, потакалъ двумъ партіямъ разомъ, дѣлалъ два дѣла въ одно и тоже время, и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлалъ третье, ни для кого непроницаемое... (I, 46.)»

Здѣсь Хмельницкій написанъ вами въ два свѣта, по двоякому о немъ представленію — своему собственному, и заемному. Въ первомъ свѣтѣ — онъ щирый украинецъ, самобытный и крѣпкій въ своенародности, не смотря ни на какіе соблазны и обаянія міра; въ другомъ свѣтѣ — онъ питомецъ езуитовъ, пріемникъ ихъ двоедушія и скрытности. Посмотримъ же на характеръ Хмельницкаго съ той и другой стороны.

Вѣками рождаются такіе люди, какъ былъ Богданъ у народа Украинскаго, — представитель его въ исторіи; потому и природа южно-русска-

го человека должна была явиться въ немъ своеобразно и полносильно. Не такимъ щирымъ Украинцемъ и не на то родился онъ на свѣтъ, чтобы ему *ополчиться* отъ какихъ бы ни было милостей и ласокъ въ свѣтъ, чтобы ему измѣниться въ коренныхъ свойствахъ души отъ вліянія хитроумныхъ езуитовъ.

Многіе Южно-руссѣ, изъ поколѣнія современнаго Хмельницкому, перерожаясь въ Поляковъ, вслѣдствіе релігіозныхъ и политическихъ убѣжденій и увлеченій, происходившихъ отъ воспитанія ихъ польскими езуитами, отъ брачныхъ связей съ Польшками, и т. п. Но это случилось преимущественно съ людьми изъ высшаго сословія, по большей части слабодушными, и — всего менѣе съ Украинцами. Въ сословіи козацкомъ, и особенно въ печальное дѣсятилѣтіе, бывшее передъ гетманствомъ Хмельницкаго, многіе изъ его украинскихъ сослуживцевъ совѣзмъ передавались на сторону польскихъ пановъ и становились ихъ угодниками и потаковниками — изъ своекорыстныхъ видовъ. Изъ числа такихъ, выше всѣхъ поднялись тогда, въ генеральные асаулы — Иванъ Барабашъ Черкасскій, Украинецъ *татарскаго* происхожденія, да Ильяшъ Караймовичъ Переясловскій, прозывавшійся у козаковъ *Армянчикомъ*. Богданъ Хмельницкій, щирый Украинецъ, оставался преданнымъ *своенародности*, за что не любили его польскіе паны и полковники и комисарь, поставленные на Украинѣ, вмѣсто козацкихъ полковниковъ и гетмана, послѣ войны Острианицынской (1638 г.).

Посмотримъ, однакоже, — какія особенныя *милости* и *ласки* были заслуженному Чигиринскому сотнику, чтобы имъ давать такой большой вѣсъ въ его характеристикѣ? Изъ вашей книги видна только одна королевская милость Хмельницкому: сабля за храбрость, данная въ войну подъ Смоленскомъ (1634 г.). Правда, самъ Богданъ, въ письмахъ къ Потоцкому и Шембергу (писанныхъ въ декабрѣ 1647 года), говоритъ, что ему, за его службы Польской Коронѣ и всей Речи-Посполитой, король подарилъ ему участокъ земли въ Чигиринскомъ повѣтѣ и утвердилъ своею привилегіей; объ этомъ говорится и у нѣкоторыхъ Поляковъ, напримѣръ, въ «Исторіи о бунтахъ Хмельницкаго»; но Коховскій смотрѣлъ на это глазами Чаплинскаго и его покровителей, и Богданово владѣніе тою землею признавалъ незаконнымъ. Что касается до панскихъ ласокъ Богдану, то прежде 1646 года не видно ихъ ни откуда, кромѣ той развѣ, что Конечпольскій, уважавшій его дарованія, на воспретилъ ему населять вольноприхожими людьми отцовскую свободу его Суботовъ, на что Богданъ имѣлъ, кажется, законное право, какъ сынъ под-

старосты и сотника Чигиринскаго, и самъ сотникъ Чигиринскій, бывший и войсковымъ, или генеральнымъ, писаремъ. А съ 1646 года, послѣ прїѣзда на Украину канцлера Оссолинскаго, полились на заслуженнаго Богдана такія панскія ласки, отъ какихъ и Поляки бѣжали на Запорожье и становились козаками.

Великою школою козацкой жизни была тогда Запорожская Сѣчь, изъ которой выходили и такіе крѣпкодушные, побѣдоносные мужи, какъ гетманъ Сагайдачный, и такія бѣдовыя головы, какъ гетманъ Павлюкъ, что стоялъ уже разъ у Варшавской плахи, вмѣстѣ съ Сулимою, но отпущенный тогда, по просьбѣ Турецкаго посла, не унялся, опять пошелъ на огонь, и погибъ въ мукахъ на той же площади Варшавской. Богданъ Хмельницкій долго былъ со славою въ той Запорожской школѣ, и, продолжая около 18-лѣтъ военную и депутатскую службу въ Реестровомъ козачествѣ, между Поляковъ и Украинцевъ, выработалъ изъ себя великаго дѣятеля и подвижника народнаго. Не Ярославскіе Patres Societatis Jesu, а суровый, долгій опытъ жизни между различныхъ огней научилъ нашего многодаровитаго Украинца тому искусству война-политика, съ какими онъ, ставши гетманомъ, разыгралъ свою великую роль на театрѣ Польско-Русскаго міра, — какъ онъ отчасти и самъ говорилъ, въ Бѣлоцерковскомъ Универсалѣ, что примѣрами прежнихъ гетмановъ научился онъ «осторожности и лучшаго воинскаго управленія».

Коховскій, какъ художникъ классическій, не могъ иногда не полюбоваться героемъ козацчины, забывая въ себѣ на минуту *рыцаря Польскаго*. Когда Хмельницкій, послѣ двухъ первыхъ, блестящихъ побѣдъ надъ Поляками, расположился таборомъ подъ Бѣлоу-Церковью и позвалъ къ себѣ украинскій народъ своимъ универсаломъ, Коховскій говоритъ: »Chmelnicus tum, post Corsunenses Cannas — *Annibal*«. Но то было торжественное явленіе исторической жизни; тамъ Хмельницкій во весь ростъ — и онъ ясенъ тогда для историка-художника Польскаго; а козацкая душа Богдана была для него именно, какъ говорятъ Русская пословица: чужая душа — потѣмки. Коховскій, какъ Eques Polonus, ненавидѣлъ Хмельницкаго, глядя на него, какъ на величайшаго мятежника Польской Республики и называя его *жестокою матерубійцею*; и не мудрено, если *внутренній челоуѣкъ* Богдана представлялся ему темнымъ призракомъ езуитскаго устройства; а навести протраву езуитства на личность Богдана — значило напередъ уже помутить ея героическій блескъ и для своего собственнаго на нее взгляда.

Если не ошибаюсь, мы одному Коховскому обязаны за извѣстіе, что

молодой Хмельницкій учился сперва въ *Кіевской школѣ*, а потомъ отданъ былъ въ *Ярославъ къ отцамъ Езуитамъ*. Это извѣстіе, повторенное у насъ Грабянкою и другими, для насъ очень важно, при совершенной бѣдности нашихъ свѣдѣній о молодости Богдана; мы даже не знаемъ его лѣтъ, чтобы опредѣлить себѣ, когда онъ учился въ Кіевѣ, когда отданъ въ Ярославъ и долго ли тамъ пробылъ. Но для меня весьма сомнительнымъ кажется, чтобы Михайло Хмельницкій отдалъ своего сына въ Ярославъ — отцамъ Езуитамъ, при тогдашней ненависти къ нимъ у всего народа южно-русскаго. Если и пришлось ему отдавать своего Богдана послѣ Кіева въ Ярославъ, то скорѣе отдать было въ ту Латино-Польскую школу, которая тогда процвѣтала тамъ, независимо отъ Коллегіума езуитскаго; а Польскій историкъ, писавшій о Богданѣ Хмельницкомъ черезъ четверть вѣка послѣ его кончины, весьма могъ вмѣсто одного Ярославскаго училища назвать другое, болѣе извѣстное въ его время ⁽¹⁾. Если бы я зналъ, что молодой Богданъ отданъ былъ изъ Кіева въ Ярославъ около 1600 года, тогда бы я поставилъ на видъ еще одного *Ярославскаго просвѣтителю*, Православно-русскаго: это Лаврентій Зизаній-Тустановскій, бывшій проповѣдникомъ при церкви Ярославской и учителемъ при сыновьяхъ князя Александра Константиновича Острожскаго, а по его смерти (+ 1603 г.), прогнанный оттуда по проискамъ езуитовъ. Впрочемъ, и въ тѣ поры дѣти Русскихъ людей попадали въ езуитскія школы; это могло случиться и съ Богданомъ Хмельницкимъ; а потому, хотя и подъ сомнѣніемъ, я допускаю свидѣтельство Коховскаго, что Хмельницкій учился въ Ярославѣ — *у отцовъ Езуитовъ* (если бы даже онъ отданъ былъ туда изъ Кіева и не къ нимъ, а къ другимъ просвѣтителямъ). Но я не могу сослаться съ вами называть Ярославскихъ езуитовъ — *воспитателями* Богдана: въ немъ не было того именно, чѣмъ отличались тогдашніе питомцы этихъ хитроумныхъ просвѣтителей. Они отбивали у Русскихъ юношей любовь къ своенародности и къ неразлучному съ нею православію, переводили ихъ на католичество; а Богданъ Хмельницкій былъ непреклоннымъ поборникомъ своенародности и православія. Питомцы езуитовъ являлись приверженцами и почитателями своихъ учителей и ихъ коллегіумовъ; а Хмельницкій былъ страшнымъ гонителемъ и ненавистникомъ езуитовъ и ихъ

(1) Подобныхъ замѣнъ одного мѣста, года, лица — другими, можно привести множество изъ разныхъ писателей. У Коховскаго напримѣръ, кончина Богдана положена въ *июль* вмѣсто августа, ставится небывалый полкъ *Остерскій* вмѣсто Прилуцкаго, и прочая.

коллегіумовъ. Поэтому, влияние Коллегіума Ярославскаго на Богдана, послѣ Киевской школы (разумѣется, Братской), я ограничилъ бы только умственнымъ образованіемъ, дальнѣйшимъ усовершеніемъ его въ *наукахъ вызволенныхъ*, которыми Южная Русь такъ охотно въ томъ вѣкѣ занималась во всѣхъ доступныхъ ей училищахъ латино-западныхъ.

Вы говорите, что Хмельницкій получилъ отъ езуитовъ только *скрѣтность* и *двоедушіе*. Это не мало, когда эти два свойства полагаются въ основу его характера и даются ему, какъ отличительныя черты его общественной дѣятельности, до 1647 года. Но я не могу признать такого воспріятія отъ езуитовъ крѣпкою и самобытною душою Украинца-Богдана. Если бы въ немъ и была, напримѣръ, *скрѣтность* и въ большой степени, я призналъ бы ее за природное и доморощенное свойство его, и не отнесъ бы ее къ езуитамъ, потому что и безъ ихъ влияние — *скрѣтность* была присущею большинству Украинскаго народа, происходящую въ немъ изъ той *сосредоточенности* въ себѣ, которая принадлежала къ кореннымъ свойствамъ украинскаго духа и характера. Впрочемъ, Богданъ Хмельницкій не скрывалъ же своего *свободомыслія* передъ Конецпольскимъ на Кодакѣ — и въ какую минуту? Когда грозный коронный гетманъ воображалъ, что успѣлъ уже *зануздать* тою крѣпостью своевольное козачество, *осёдланное* на Масловомъ-Ставу, послѣ войны Острияницкой (1). Хмельницкій не скрывалъ своей преданности и любви къ *свонародности* передъ польскими властями, поставленными тогда надъ козачествомъ. Да и прежде того, отъ самой коронаціи Владислава, онъ былъ открытымъ, извѣстнымъ для всѣхъ народнымъ предстателемъ и ходатаемъ о правахъ и вольностяхъ Малороссіи, поправныхъ водворившимися и возобладавшими въ ней Поляками. Знали хорошо его съ этой стороны и король и канцлеръ, если на него преимущественно возлагали въ 1646 году свое предпріятіе; если, въ слѣдующемъ году, король говорилъ ему: »извѣстно мнѣ твое *чистое сердце* (I. 66.).« Во всемъ этомъ не видно еще особенной *скрѣтности* въ Богданѣ.

Но посмотримъ, какъ основанный на езуитскомъ двоедушіи и скрѣт-

(1) У Коховскаго, при анекдотѣ о Кодакѣ, сказано: »*ratus Dux, quod res erat, eum licentiosorum obicem ac fraenum, obliquo Cosacos intueri oculo....*«

Современникъ Хмельницкаго Ерличъ такъ выражался въ своей лѣтописи: »*Na którą to wojnę pohamowanych już osiedlonych dobrze chłopów, ze swywoli zartzymanych dobrym munsztukiem Hetmanów koronnych* (I. 52).«

ности психическій образъ Богдана отражается и оправдывается въ его исторической дѣятельности.

2 декабря.

ПИСЬМО 3-е

Объ участіи Хмельницкаго въ козацкихъ возстаніяхъ на Поляковъ.

У васъ, въ характеристикѣ, сказано: »Не проходило мятежа, чтобы Хмельницкій въ немъ не участвовалъ: былъ онъ сподвижникомъ Тараса, Павлюка, Острияницы, возбуждалъ совѣтомъ и ободрительною рѣчью собратій противъ Поляковъ, но не стоялъ на челѣ возстанія, другимъ уступалъ первенство, и когда зачинщики расплачивались за смѣлость на плахѣ или колесѣ, на Хмельницкаго никто не могъ доказать. Услуги, оказанныя королю и видимая преданность Речи-Посполитой отклоняли отъ него всякое подозрѣніе.«

Какъ-же отклоняли всякое подозрѣніе, когда самъ Конецпольскій »смотрѣлъ на него съ подозрѣніемъ?« Вотъ это и составляетъ для меня фактъ первостепенной важности, что Хмельницкій, въ подозрительныхъ глазахъ такихъ немилостивыхъ современниковъ, какъ Конецпольскій и его товарищъ Потоцкій, не былъ признанъ участникомъ въ козацкихъ возстаніяхъ, бывшихъ въ тридцатые годы того вѣка. Ни подъ видимою преданностью Речи-Посполитой, ни подъ услугами королю, не укрывъ бы онъ своего постоянного участія во всѣхъ козацкихъ мятежахъ, если бы оно было. Впрочемъ, особенныхъ услугъ самому королю Хмельницкій, кажется, не оказалъ никакихъ; но онъ искренно былъ преданъ Владиславу и много надѣялся на него для Украины, какъ и вообще козаки любили этого короля и на него всегда полагались. Поляковъ не любилъ Хмельницкій; но какъ рыцарь »Войска его королевской милости Запорожскаго« и какъ гражданинъ Речи-Посполитой, онъ оказывалъ ей заслуги очевидныя и несомнѣнныя и могъ съ полнымъ правомъ говорить Потоцкому (въ вышепомянутомъ письмѣ отъ 29 декабря 1647 года): »не выпишю тутъ праць и трудовъ моихъ для общего добра Короны Польской и цѣлой Речи-Посполитой... самъ о нихъ добре вѣдаешъ, возможность ваша.«

Я представилъ вамъ, въ первомъ письмѣ, мой выводъ о томъ, какъ у насъ — однимъ почеркомъ пера лѣтописца Грабянки — Хмельниц-

каѣ стать участникомъ » во *воинъ* бранехъ козацкихъ противъ Ляховъ. « Почему же бы и не стать?... Но Хмельницкому тогда не дожить бы до своей *презрѣльной брани* съ Ляхами. Онъ не принадлежалъ къ такъ-называвшейся *войсковой черни*, къ толпѣ козацкой, послѣ всякаго возстанія приводимой къ присягѣ и прощаемой. Онъ былъ такимъ виднымъ лицомъ въ козачествѣ, что его примѣтили бы — не то на челѣ или на крылѣ, но и въ хвостѣ всякаго возстанія. Онъ былъ сотникомъ и обыкновенно Чигиринскимъ, слѣдовательно, былъ на глазахъ у старостокъ и дозорцевъ Чигиринскаго старосты Конецпольскаго. И не могло же дѣло кончатся всякій разъ только тѣмъ, что » на Хмельницкаго никто не могъ доказать. « Нашлись бы на доказательство и между козаками такіе люди, какъ чигиринскій товарищъ Богдана, полковой асаулъ Романъ Пешта, который тотчасъ донесъ на него молодому Конецпольскому въ 1647 году, какъ только онъ замыслилъ о возстаніи. Вѣдь были же, въ угоду старому Конецпольскому, реестровые козаки для обманнаго взятія гетмана Сулимы изъ самой Сѣчи Запорожской. Вѣдь сами же Чигиринцы, по взятіи Павлюка подъ Боровицею, явились туда съ своимъ полковникомъ Дорошемъ, и выдали Потоцкому Павлюкова полковника Сачка; сами же Иркѣвцы выдали тогда кievскаго сотника Кизима, который потомъ, рядомъ съ своимъ сыномъ, торчалъ на колѣ передъ Кіевскимъ Замкомъ (на горѣ Киселѣвкѣ). А сколько буйныхъ головъ тогда въ Переясловѣ и Нѣжинѣ переказали Потоцкій... И ужъ вѣрно онъ не допустилъ бы Богдана подъ Боровицею къ званію *войсковаго писаря*, если бъ былъ онъ сподвижникомъ Павлюка, какъ не допустилъ тогда Каврскаго, избраннаго козаками въ гетманы, а назначилъ имъ въ старшіе Ильяша Переяславскаго. Гдѣ вы нашли современное указаніе, или хотя сказаніе XVII-го вѣка, что Богданъ былъ *сподвижникомъ Павлюка*?

У Коховскаго сказано, что Хмельницкій участвовалъ въ возстаніяхъ Тараса и Острияницы съ Гунею, но избѣжалъ *заслуженной кары*. Трудно повѣрить, чтобы Хмельницкій въ ту пору избѣжалъ кары за два возстанія. Допустимъ, что онъ, на прощанье зъ Запорожскимъ товариществомъ, могъ поучаствовать въ знаменитой *суботѣ*, заданной Конецпольскому гетманомъ Тарасомъ подъ Переясловомъ, весной 1630 года (1), и что это произошло ему безнаказанно. Но еслибы потомъ, будучи уже въ

(1) Въ вашей книгѣ возстаніе гетмана Тараса положено въ 1628 году (I. 29); но я нахожу, что этотъ годъ у Грабянки поставленъ ошибочно, и признаю вѣрнымъ 1630 годъ, какъ въ лѣтописи Львовской.

Реестровомъ Козачествѣ, Хмельницкій замѣшался въ возстаніе Павлюка ли, Острияницы ли, ему бы не укрыться отъ очей Конецпольскаго и не избѣжать бы заслуженной кары. Его смѣлое слово Конецпольскому на Кодакѣ врядъ ли могло пройти безнаказанно, еслибъ онъ былъ участникомъ и въ одной суботѣ Тарасовой. Вѣроятноже, что участіе въ возстаніяхъ Тараса и Острияницы приписано Хмельницкому уже впоследствии, заднимъ числомъ, также какъ и подозрѣніе пановъ объ участіи его съ Сулимою. Тутъ нельзя еще положиться на одно слово Кожовскаго, конечно, не имъ выдуманное, но пристрастно имъ повторенное. Иное дѣло, когда онъ говоритъ, что *нашелъ* онъ въ *коментаріяхъ* Кумейской войны, что послѣ нея Хмельницкій былъ однимъ изъ семи депутатовъ козацкихъ къ королю. Къ этому прибавляетъ онъ, что Хмельницкій, при томъ случаѣ, высмотрѣлъ внутреннее состояніе Польской республики » *ac velut viscera inspexisse, in quae post, atrox Matricidâ; saeviret.* « Польскому историку, какъ видно, неизвѣстно было, что Хмельницкому уже прежде былъ гораздо удобнѣйшій случай высмотрѣть внутренность Республики, когда онъ былъ однимъ изъ козацкихъ депутатовъ при избраніи въ короли и при коронаціи Владислава; да и послѣ, въ 1647 году, когда онъ былъ въ Варшавѣ во время Майскаго сейма, на которомъ довершилось неистовое возстаніе пановъ противъ короля и канцлера, происшедшее на сеймѣ прошлагоднемъ.

У васъ какъ-будто ограничено участіе Богдана во всѣхъ козацкихъ мятежахъ — тѣмъ, что онъ » возбуждалъ совѣтомъ и ободрительнымъ словомъ собратій противъ Поляковъ. « Но Поляки и сами тогда достаточно возбуждали противъ себя Украинцевъ своими непрестанно-возроставшими обидами, насиліями и неправдами, съ чѣмъ вмѣстѣ разгаралась все болѣе неугасимая ненависть къ нимъ и месть въ сердцахъ козацкихъ, особенно на Запорожьѣ. Раздуть пылающій костѣрь — дѣло напрасное; но толкать своихъ собратій въ огонь, самому отъ нихъ отбѣгая, но укрываться во мракѣ, когда передовые смѣльчаки гибли на плахѣ, на колесѣ, на кольяхъ — это дѣло безчестное, несовмѣстное съ славною памятью Богдана. Когда повезли въ Варшаву Павлюка и Томиленка, сподвижникъ ихъ Сахно самъ поѣхалъ за ними добровольно, чтобы раздѣлить тамъ одну съ ними участь. Если Хмельницкій (какъ говоритъ Величко), ходячи съ козаками Запорожскими по землѣ и моремъ, не закрывалъ своего предъ непріателемъ ока, за что у Войска Запорожскаго въ особливой былъ чести и повагѣ, — то ужъ, конечно, не отсталъ бы онъ отъ нихъ и теперѣ, если бѣ былъ товарищемъ и совѣтникомъ ихъ воз-

станій, не захотѣлъ бы терять своей чести и славы козацкой, своего добраго имени въ отчизнѣ.

»За жизнь, за бѣдный даръ — не измѣнюсь душой!«

Послѣ того у васъ сказано: »Онъ при случаѣ дѣйствовалъ даже противъ своихъ соотечественниковъ.« При какомъ же это случаѣ? Можетъ быть у васъ есть ввиду какіе-нибудь особенные случаи изъ жизни Богдана до 1646 года; но они мнѣ неизвѣстны. Я полагаю только, что нельзя придавать ему, какъ темную черту его характера, того, что для него и для другихъ могло быть только лихою долею козацкою, только печальною необходимостью тогдашняго положенія, устроеннаго Конецпольскимъ, который, забравъ въ свои руки Реестровое Козачество, раздружилъ его съ Товариществомъ Запорожскимъ, и противопоставилъ ихъ другъ другу. Само собою разумѣется, что если бы Хмельницкій былъ сподвижникомъ Тараса, Павлюка, Острияницы и Гуни, тогда онъ дѣйствовалъ бы противъ тѣхъ соотечественниковъ своихъ, реестровыхъ козаковъ, которые находились въ тѣхъ битвахъ подъ командою Конецпольскаго и Потоцкаго; а если бы онъ находился въ этихъ рядахъ, тогда бы онъ дѣйствовалъ противъ соотечественниковъ, находившихся подъ знаменами гетмановъ козацкихъ. Избѣжать этой Сциллы-Харибды онъ могъ только *неучастіемъ* въ тѣхъ междоусобныхъ польско-козацкихъ битвахъ, которыя на ту пору, при тогдашнемъ раздѣленіи козачества, безуспѣшно истощали украинскую силу и только поощряли одолавающихъ Поляковъ къ еще большому уничтоженію народа Малороссійскаго. Возможность къ неучастію въ тѣхъ битвахъ была, для Хмельницкаго, по многимъ другимъ его службамъ — походной, сторожевой, депутатской; но какъ было на самомъ дѣлѣ, о томъ ничего нельзя сказать утвердительно, по недостатку *современныхъ* указаній на боевое участіе Хмельницкаго въ тѣхъ войнахъ польско-козацкихъ. Безъ современныхъ, опредѣлительныхъ свидѣтельствъ объ участіи Хмельницкаго во всѣхъ козацкихъ востаніяхъ — Тараса, Павлюка, Острияницы и Гуни, я смотрю на сказаніе объ этомъ — только какъ на *мнѣніе* историковъ, и, по всѣмъ вышесказаннымъ соображеніямъ, не могу признать его справедливымъ. Если въ глазахъ такихъ современниковъ, какъ Конецпольскій и Потоцкій, не признанъ былъ Хмельницкій сподвижникомъ козацкихъ гетмановъ, поднимавшихъ оружіе на Поляковъ, то не намъ, потомкамъ, взводить на него эту преждевременную вину противъ Республики Польской.

У васъ на слѣдующей (47-й) страницѣ сказано, что когда Оссолни-

скій, въ 1646 году, привезъ козакамъ, вмѣстѣ съ королевскою грамотою, ихъ знамя и гетманскую булаву, и преимущественно на Хмельницкаго возлагалъ королевское предпріятіе, тогда онъ — »самъ отказался, до времени, отъ начальства и предоставилъ его Барабану: онъ не хотѣлъ волновать умы слишкомъ рано!» Какой же мудрѣный выходитъ Богданъ: не рано ему было волновать умы тихимъ омутомъ, лѣтъ за десять, за пятнадцать, подъ тяжелою булавою Конецпольскаго, рискуя потерять и свою голову на плахѣ и свое доброе имя въ козачествѣ; а *слишкомъ рано* показалось ему волновать умы теперь, когда давались ему въ руки и гетманская булава и козацкое знамя отъ самого короля, когда, какъ нарочно, не стало на свѣтѣ и могучаго томителя Козаччины, стараго Конецпольскаго, вскорѣ послѣ женитьбы его на молодой женѣ (1646 г., 26 апрѣля). Будь у Хмельницкаго »духъ бурный, склонный къ волненію« — не упустилъ бы онъ такого благопріятнаго къ тому случая. Прежде онъ *уступалъ первенство* смѣлымъ запорожскимъ вождямъ, выходившимъ на Поляковъ, какъ на вѣрную смерть, для спасенія Украины и православной вѣры; теперь — онъ *предоставляетъ начальство* Барабану, своекорыстному угоднику польскихъ пановъ и *небдуну отчизны Малороссійской*. . . . Полно, такъ ли было на самомъ дѣлѣ! Читаю ваши послѣднія слова въ характеристикѣ: »И бурную юношескую пылкость, и хладнокровную поступь рассудительнаго старца, и суровость и мягкосердіе онъ умѣлъ употреблять когда нужно было, и, изъ всѣхъ его движеній, никто бы не узналъ, что на душѣ у него.«

Можетъ быть онъ и былъ таковъ, еще до гетманства своего, искушенный опытомъ многотрудной жизни среди стихій разнонародныхъ, и его козацкая душа осталось задачею неразгаданною. Къ сожалѣнію, нѣтъ у насъ въ виду ни его писемъ до 1646 года, ни его прежнихъ бесѣдъ съ козаками, записанныхъ современными Украинцами, чтобы можно было по нимъ сколько нибудь дознаться: что было на душѣ у него, когда собиравался козацкія ополченія на Поляковъ, подъ знаменами Тараса, Павлока, Острияницы? Объ этомъ можно сказать развѣ словами народно-украинской думы:

Только Богъ святій знает,
Що Хмельницкій думаетъ-гадает!

4 декабря.

ПИСЬМО 4-е

Въ конецъ характеристики Богдана.

При нынѣшней разработкѣ архивныхъ рудниковъ и историческихъ розыскѣхъ Южно-русской земли, могутъ еще найтись неизвѣстныя до-сегдѣ современныя извѣстія о Богданѣ Хмельницкомъ, озарить неожидан-нымъ свѣтомъ всю его до-гетманскую жизнь, и измѣнить во многомъ на-ши о немъ представленія и соображенія. Но изъ того, что *положительно* извѣстно о ней теперь, для меня яснымъ кажется вотъ-что: служба около 18-ти лѣтъ въ Реестровомъ Козачествѣ, Хмельницкій былъ у него въ постоянномъ довѣрїи и почитался разумнымъ совѣтникомъ народ-нымъ; — въ продолженіе этого времени онъ не утратилъ и въ Запорож-скомъ Товариствѣ своей чести и славы козацкой, заслуженной въ преж-ніе годы; обѣ раздруженныя половины Козачества соединились въ преж-нее согласіе — однимъ Богданомъ, и стали подъ его знамя единодушно, за цѣлость своей отчины Малороссійской; всего этого достигнуть онъ могъ только прямою доблестью и жизнію честною, а не лукавымъ двое-душіемъ.

Звѣзда Хмельницкаго взошла на Черномъ морѣ, въ то время, какъ на Хотинскомъ полѣ западала звѣзда стараго Сагайдачнаго. Жизнь это-го достопамятнаго гетмана, который, служа со славою Польской Коро-нѣ и всей Речи-Посполитой, сдѣлалъ для блага Украины все, что толь-ко могъ онъ сдѣлать тогда, не поднимая оружія на Поляковъ, — она служила примѣромъ для Богдана Хмельницкаго; его путемъ прохо-дилъ онъ поприще своей *до-гетманской* жизни, мужественно и долго-терпѣливо, какъ храбрый воинъ и честный гражданинъ Республики Поль-ской, какъ добрый и надежный сынъ своей *Козацкой-матери*, Укра-ины. Но ему суждено было пройти еще своимъ путемъ — поприще *гет-манской* жизни, и безпримѣрно совершить то дѣло, на которое безус-пѣшно порывались другіе Украинцы въ продолженіе полулѣтка.

»Встала обида въ силахъ Дажбожа внука.» И когда нашъ за-служенный Чигиринскій сотникъ, смертельно оскорбленный и поруганный отъ польскихъ пановъ, потерявшій все свое долготерпѣніе, и поощренный самимъ Польскимъ королемъ, на »защиту Украины отъ Поляковъ мушкетомъ и саблею» — бѣжалъ на Запорожье и, укрѣпляясь на Днѣпровскомъ острову, велъ переговоры съ Потоцкимъ, — тогда современники-Поляки

заговорили такъ: »вотъ что надѣлала жадность полковниковъ и тираническое съ козаками обхожденіе!« — или: »комиссія должна судить полковниковъ и самого комисара, которые наварили этого пива!« а они еще и не предвидѣли, какъ это пиво выпьется. А Потоцкій—*розумъ-жм-ноцькій*, ускользнувшему отъ его рукъ Хмельницкому, предлагалъ выйти мирно изъ Запорожья, *увѣряя его своимъ словомъ*, что не спадетъ и волосъ съ головы его.... Повѣрилъ бы его слову Богданъ послѣ того, какъ и Тарасъ и Павлюкъ попали на Варшавскую плаху, положась на такое же увѣрительное слово, и съ козаками продолжалось тѣже, что въ 1252 году случилось съ княземъ Даниломъ Романовичемъ, по выраженію древней лѣтописи Волынской: »Ляхове же обѣщашася, но не исполница«.

Мой разборъ характеристики Богдана конченъ; смотрите и рѣшайте: что въ немъ есть справедливаго, и что ошибочнаго; отъ послѣдняго — я отступлюсь охотно.... А между тѣмъ перехожу къ вашему »объясненію«, чтобы сказать на него мое отвѣтное слово о до-гетманской жизни Богдана.

М. МАКСИМОВИЧЪ.

5 декабря 1860.
Михайлова-Гора.

(Продолженіе впереди.)

ОТВѢТЪ

НА ВЫХОДКИ ГАЗЕТЫ (КРАКОВСКОЙ) »CZAS« И ЖУРНАЛА »REVUE CONTEMPORAINE«.

Посўнься, Ляхо,—най Русинь сїде.

Галицкая пословица.

*»На-вїщо ви, Ляхї, принесли намє
сї цїцькї?... Майте ви собї свої Поль-
щу, а намь Украина нехдїй зостаїтця.«*

Словá, сказаннїя польскому послу, Киселю,
на радѣ у Богдана Хмельницкаго.

Едва только мы успѣли написать (въ последнемъ № «Современника» прошлаго года) опроверженіе на статью г. Падалицы, какъ случайно попавшіеся намъ въ руки — 256 № 1860 г. газеты »Czas (Время)« и 210 № (31 декабря) »Revue Contemporaine« — вызываютъ насъ вновь на полемику противъ анти-историческихъ польскихъ взглядовъ на Русь.

Въ 256 № Czas'a извѣщается о выходѣ въ свѣтъ книги *La Russie Rouge*, гдѣ, какъ выражается означенная газета, высказаны домогательства на присоединеніе Червоной Руси къ Россїи на томъ основанїи, что это земля Русская и Славянская. Мы не знаемъ »*La Russie Rouge*«, да намъ до нея и дѣла нѣтъ; тѣ же, кто знакомъ съ этой книгой, сколько намъ извѣстно, отзываются о ней вовсе неодобрительно. Но газета Czas касается вопроса, по поводу котораго мы считаемъ умѣстнымъ сдѣлать замѣчанїе. Она объясняетъ намъ, что »Русскїе не знаютъ, что такое *Русь*; что Русь не есть Россїя, а Польша, и что Россїя — страна не Славянская, а Русскїе сами не знаютъ, что она такое.« Выписываемъ слово-въ-слово эти выраженїя подлинника, потому что въ точности пересказаннаго нами въ переводѣ могутъ усомниться, по крайней негнѣности приведенной фразы: »*autor zapomina, że Ruś nie jest Rosyą, — że jest Polska, i że Rosyą nie jest Słowiańska, — nie wiedzą czém są i czém jest Ruś.*« Такого рода мнѣнїя совѣстно опровергать, но нельзя оставаться безмолвнымъ, когда они высказываются — умышленно, или

по невѣжеству — устами многихъ польскихъ патриотовъ вслухъ всей Европы.

Можно согласиться, что *Русь* была *Польшей*, если принимать послѣднее имя въ государственномъ смыслѣ и опираться на то, что Русь принадлежала нѣкогда Польшѣ, — также точно какъ и Польшу можно, на томъ же основаніи, назвать Россіей. Но кромѣ государственной связи есть связь внутренняя, народная: она только и можетъ служить ручательствомъ прочности государственныхъ сложений. Русь Червоная, въ народномъ смыслѣ, есть *Русь*, слѣдовательно — и Россія. Название: Русь — не мѣстное, а общее для всей суммы Земель Восточныхъ Славянъ, въ глубокой древности сознавшихъ свое взаимное сродство и образовавшихъ удѣльную федерацію. Сначала имя Руси давалось Землѣ Полянъ (Землѣ Кіевской), гдѣ зародилось зерно этой связи, а потомъ оно перешло на всѣ Земли, вошедшія въ эту связь. Русь Червоная была Земля Русская, — точно такая же, какъ и Рязань и Великій Новгородъ и Псковъ и Тверь и Полоцкъ, — всѣ онѣ были связаны одинаково сознаниемъ единства, вѣрою, книжнымъ языкомъ, сходными основами общественнаго устройства и институціею одинаго правительственнаго рода. Печальныя внѣшнія событія не дали этому складу Русскихъ Земель развиваться въ строгой гармоніи федеративнаго начала. Внѣшніе признаки ихъ связи порвались; внутренне — остались до-сихъ-поръ неизмѣнны.

Недавно получены были у насъ изъ Червоной Руси стихи, написанные по-польски, подъ названіемъ: »*Niema Rusi. Odpowiedź na plakaty Polaków w Uniwersytecie we Lwowie 1860.*« (Нѣтъ Руси. Отвѣтъ на памфлеты Поляковъ, выставляемые въ Львовскомъ университетѣ.)

Вотъ точный переводъ этого стихотворенія (¹):

»Удивительно, зачѣмъ ты такъ пламенно желаешь обратить къ Польшѣ неподатливую Русь! Зачѣмъ прилагать объ этой Руси такое стараніе, зачѣмъ и себя и ее тревожить памфлетами? Вѣдь *Руси нѣтъ* въ ея

(¹) Приводимъ его и въ подлинникѣ:

NIEMA RUSI!

Odpowiedź na plakaty Polaków w Uniwersytecie we Lwowie 1860 г.

Dziwi mię, dla czego pragniesz tak gorąco
Do Polski nawrócić Ruś protestującą;
Po co tyle starań dla tej Rusi łożyc,
Po co plakatami siebie i ją trwożyć?

древней столицѣ... развѣ только какихъ-нибудь триста Русиновъ въ университетѣ!

»Нѣтъ, нѣтъ Руси!... а между тѣмъ совѣсть пугается при одномъ о ней напоминаніи! вѣрно, Ляхъ, какіе-то непріятныя сновидѣнія, темныя призраки беспокоятъ, по тѣлымъ ночамъ, твое *толерантное* воображеніе. Не тревожься, братъ, — Руси нѣтъ: твой великій Казимиръ заключилъ ее въ гробъ, привалилъ камнемъ и самъ сѣлъ на ея могилѣ; себѣ взялъ ея жизнь, тебѣ завѣщалъ ея гробницу!

»Говорятъ, послѣ оныхъ временъ Казимира, *навъ* ⁽¹⁾ Руси долго скиталась по лѣсамъ и тѣлые вѣка стонала въ безлюдныхъ пустыняхъ, а потомъ снова ожила на мгновение — въ Козакахъ...

»Говорятъ, что въ Варшавѣ поблѣднѣли сенаторы, когда этихъ русскихъ ушырей привели въ оковахъ; но — написали *Любельскую Унію*, и доколотили ея лежавшее въ гробѣ крѣпкое тѣло Руси; а послѣ того ужъ было нетрудно, въ глазахъ сейма — сжечь ушыря-Павлюка ⁽²⁾ въ мѣдномъ волѣ.

Wszakże »Rusi niéma« w dawnej jej stolicy, —
Chyba tych Rutenów trzysta na wszechnicy!

»Niéma Rusi, niéma!« a przecież sumienie
Lęka się na samo o niej przypomnienie!
Snać widzenia miewasz jakieś nieprzyjemne,
Snać spotykasz we śnie jakieś mary ciemne,
Co po całych nocach niepokoją, straszą
Twoję wyobraźnię tolerancją, laszą.

Nie trwóż się, mój bracie, — wszakże Rusi niéma:
Wielki twój Kazimierz w grobie Ruś tę trzyma,
Głazem ją przywalił, przysiadł na jej grobie,
Sobie wziął jej życie, — grób zapisał tobie!...

Mówią, że po owych Kazimierza czasach
Długo upior Rusi tułał się po lasach,
Całe wieki stękał po odludnych szlakach,
Aż tam znowu odżył na chwilę — w Kozakach....

(1) Слово — *upior* — бродящій (живой) мертвецъ, — мы переводимъ древне-славянскимъ словомъ: *навъ*, (существовавшимъ и въ южно-русскомъ языкѣ). Оно значило именно мертвеца, выходящаго изъ могилы (см. у Иоанна, Экзарха Болгарскаго).

(2) По народной пѣснѣ — не Павлюка, а Наливайка. Фактъ, не подтверждаемый историческими доказательствами.

«Говорять, что вслѣдъ за тѣмъ, гдѣ-то на берегахъ Днѣпра, русскіе упыри снова стали строими; подобно нездоровому вѣтру понеслись полки ихъ, съ крестомъ схвачены въ рукахъ, на бой подъ Зборовъ; были виданы толпы ихъ и подъ Збаражемъ... но — изгладимъ изъ памяти такія событія.

«Говорять, что послѣ того эти привидѣнія исчезли, но съ ними отпала отъ Польши и часть ея тѣла. Съ тѣхъ поръ стали пугаться тѣми Руси и имени ея не вспоминали на сеймахъ, а только по временамъ, какъ бы мимоходомъ, что-то говорили съ народомъ — о Гайдамакахъ....

«Эти времена миновались! И не для чего бы ихъ вспоминать.... еслѣбъ не черезъ Русь-то и Польшу разорвали. За оскорбленіе Руси, отъ смерти Богдана все растревляется рана Польши; — — — —

«А теперь, говорятъ, въ поздніе вечера навъ Польши сходятся съ навью Руси: первая — въ кунтушѣ и съ саблей при боку, другая — въ стѣр-мягѣ, и со слезами на глазахъ. Первая и по смерти сохраняетъ гордый видъ, — равенство и братство гласитъ предъ Европой, а потихоньку говорить Русину: «Назадъ, хамъ! будь Полякомъ: не то — я дамъ тебѣ почув-

Mówią, że w Warszawie senatory zbledli,
Gdy ruskich upiorów w łańcuchach przywiedli;
Ależ napisano uniję Lubelską,
Nią dobito w grobie twarde Rusi cielskó,
Więc pod okiem sejmu już wcale nie sztuka
Spiec w miedzianym wole upiora-Pawłuka....
Mówią, że potemu gdzieś na Dniepru brzegach,
Znow ruskie upiory stanęły w szeregach;
Z krzyżem szyszmy w rękę — powietrzem niezdrawęm
Niosły się ich pułki na bój pod Zborowem;
Widziano ich tłumy nawet pod Zbarazem, —
Ale takie dzieje z pamięci wymażem.
Mówią, że już potem zczczyły te widziadła,
Lecz z niemi od Polski część ciała odpadła!
Od tych lat już Rusi lękano się cienia,
I nie wspomiano w sejmie jój imienia,
A tylko czasami, jakby mimochodem,
Coś o Hajdamakach mówiono z narodem....
Minęły te czasy, — wspomnąć by nie warto,
Gdyby nie przez Rus-to i Polskę rozdarto!
Wszak za krzywdy Rusi — od śmierci Bohdana

ствовать свою руку!« а Русскій упырь, этотъ вѣковой слуга, прикидывается Ляхомъ и голову склоняетъ, но мысленно — какъ обыкновенно рабъ въ испугѣ — шепчетъ самъ себѣ: *brate, ne wir Lachu!*

»Такъ-то, любезный товарищъ! вотъ тебѣ маленькое изображеніе этихъ двухъ мертвецовъ, что тебѣ спать не дали. Братъ, посмотри на это изображеніе, — оно не для шутки написано; взгляди добросовѣстно въ страницы польской исторіи и, можетъ быть, ты наконецъ поймешь что памфлеты не воскресятъ уже той Польши, которая нѣкогда, на развалинахъ Руси, воздвиглась изъ ничтожества и возрасла и оперилась отъ русскихъ костей и русской крови....

»Нѣтъ уже той Руси... только въ сельскихъ хатахъ бродятъ живые мертвецы въ изорванныхъ одеждахъ. Оставь же ихъ въ селахъ, среди нужды и голода, и никогда не дозволяй имъ входить въ старый городъ, гдѣ нѣкогда властвовалъ князь Левъ, говорившій *по-русски* со своимъ народомъ. Опасно вводить нахальныхъ бродягъ въ катакомбы Руси и допускать ихъ къ славнымъ памятникамъ: можетъ статься, что посреди катакомбы

Jątrzy się i jątrzy ciężka Polski rana....

— — — — —
 Owoż dzisiaj prawią, że późnym wieczorem
 Upior Polski z Rusi schodzi się upiorem:
 Ów pierwszy w kontuszu i z szablą u boku,
 Ów drugi w siermiędze i ze łzami w oku.
 Pierwszy — choć za grobem — dumnie czeło nosi,
 Równość i braterstwo przed Europą głosi,
 Ale Rusinowi mówi: »Wara, chamie!
 Bądź Polakiem, — albo dam poczuć me ramię!«
 • A zaś ruski upior — służalec wiekowy —
 Staje niby Lachem, i nachyla głowy;
 Ale zcicha — zwykle jak sługa w przestraczu —
 Szepece w duchu k' sobie: »Brate, ne wir Lachu!«

Tak, dobry kolego! Masz obrazek mały,
 Zdjęty z tych upiorów, co ci spać nie dały.
 Bracie, pojrzyj w obraz, kreślony nie w żarty,
 I wglądnij sumiennie w polskich dziejów karty,
 A może nakoniec poznasz, że plakaty
 Już nie wskrzeszą Polski onej, co przed laty
 Na ruinach Rusi dzwigiła się z nicości,
 I wyrosła w pierze z ruskiej krwi i kości....

раздается русскій голось, какъ звукъ той трубы, которая воскрешаетъ умершихъ, будитъ ихъ къ жизни и обращаетъ трупы въ живыхъ Русскихъ людей.

»Но теперь — нѣтъ Руси! И даже имя ея страны не осталось между чужими названіями; польскіе мудрецы пишутъ, что Львовъ, Подоль, Во-лынъ, Украина — что все это — Польша!

»И такъ, нѣтъ Руси; нѣтъ ея въ головѣ польскихъ журналистовъ, и въ ополяченномъ Львовѣ... нѣтъ и Русскаго языка, ибо даже его буквы графъ Голуховскій замѣняетъ польскими.

»Нѣтъ Руси, нѣтъ! Вычеркните ее изъ книгъ.... хоть и есть Русскихъ хлоповъ миллионъ съ пятнадцать... Нѣтъ Руси, нѣтъ! хоть есть и долженъ быть вѣчный протестъ Руси противъ Польской власти!«

Dziś tej Rusi niéma, — tylko w wiejskich chatach
 Włóczą się upiory jej w podartych szatach;
 Zostaw ich na siołach, pośród nędzy, głodu,
 Nie dopuść, by weszły kiedy i do grodu —
 Do starego grodu, w którym niegdyś władał
 Książę Lew, co z ludem swym *po rusku* gadał....
 Niebezpiecznie wwozić włóczągów natrętnych
 W katakomby Rusi do pamiątek świętnych;
 Bowiem stać się może, że śród katakomby
 Ozwie się głos ruski, jak dźwięk onej trąby
 Co umarłych wskrzesza, i do życia budzi,
 I przemieni trupów w żywych ruskich ludzi...!

Lecz dziś Rusi niéma! i nawet jej Ziemi
 Imię nie zostało pomiędzy obcemi;
 Polskie mędry piszą: »Lwów, Ziemia Podolska,
 Wołyń, Ukraina — że to wszystko — Polska!!..

A więc niéma Rusi, bo jej niema w głowie
 Dziennikarzów polskich, ni w spolszczonym Lwowie!
 Niéma ruskiej mowy, — bo nawet jej zgłoski
 Zamienia polskimi hrabia Gołuchowski!..

Niéma Rusi, niéma! — z książek ją wymażcie, —
 Choć jest ruskich chłopów milionów piętnaście!
 Niéma Rusi, niéma! — choć jest i być musi
 Przeciw rządowi Polski wieczny protest Rusi!...

Повторяемъ, намъ нѣтъ дѣла до политическихъ стремленій; но это стихотвореніе, присланное къ намъ съ просьбою—*«напечатать его, — за что будутъ благодарны 3 милліона Русиновъ»*, довольно ясно показываетъ, что этнографическое и историческое сознаніе единства Червоно-русской Земли съ остальной Русью не исчезло и до настоящаго времени, не смотря на все иноплеменные усилія.

Авторъ говоритъ, что *они* (кто это? Великоруссы?) сами не знаютъ, что такое Русь и что они такое; утверждаетъ даже, что Россія — не славянская страна; но не приводитъ никакихъ доказательствъ. Мы однако догадываемся, по прежнимъ теоріямъ, что это значить. Не разъ думали унизить Великоруссовъ, провозвѣщая, что они — не Славяне, а Финны. Еслибъ это была и правда, то развѣ есть въ этомъ что-либо унижительное? Нелѣпо и нечеловѣчно отзываться съ презрѣніемъ о какомъ бы то ни было племени. Для Великоруссовъ не составляло бы ни малѣйшаго стыда быть Финнами, Татарами, хоть Калмыками, еслибъ они дѣйствительно ими были, и вопросъ можетъ разсматриваться безъ всякой примѣси донкихотовской національной гордости.

Великоруссы — не Финны, а Славяне, потому что не знаютъ Финскихъ нарѣчій, а говорятъ Славянскимъ. Правда, крови финской много вошло въ великорусскую, но она ассимилировалась славянскою. Подмѣсь финскаго племени не осталась безъ нѣкотораго вліянія на матеріальный и интеллектуальный строй великорусскаго народа, но господство осталось за Славянскою стихіей. Мы не можемъ назвать Славянами Меклембургцевъ на томъ лишь основаніи, что ихъ предки нѣкогда были Славяне, — хотя славянское происхожденіе Меклембургцевъ видно и въ ихъ перерожденномъ видѣ: тѣмъ не менѣе какъ ни разсуждай, а все-таки они останутся нѣмцами. Такъ же точно мы не считаемъ русскими тѣхъ семей, которыя давно уже ополячились. Забытое происхожденіе ничего не значить, и можетъ составить сущность только археологическихъ разсужденій.

Притомъ же, финскаго элемента вошло въ великорусскую народность не столько, чтобъ даже фізіологически можно было назвать Великоруссовъ болѣе Финнами, чѣмъ Славянами, — вошло несравненно менѣе, чѣмъ славянскаго элемента въ нѣмецкомъ племени нынѣшней прибалтійской Нѣмеччины. Уже въ IX вѣкѣ широкій бассейнъ Оки былъ заселенъ Славянскимъ племенемъ Вятичей, которые, по своимъ преданіямъ, вели происхожденіе отъ Ляховъ. Вятичи, безъ сомнѣнія, и составляютъ зерно Великорусской народности. На сѣверѣ, въ незапамятное время, поселилась

вѣтвь южнорусскаго племени, — часть Русиновъ, какъ показываетъ ея нарѣчіе, — вѣтвь, образовавшая Землю Новгородскую. Восточная Россія, страна Суздальско-Ростовская и Бѣлозерская, также въ глубокой древности, приняла въ себя Славянскій элементъ; даже во время призванія Прусско-варяжскихъ князей подъ именемъ Веси и Мери, по вѣтвѣ вѣроятіямъ, надобно разумѣть Славянъ, поселившихся въ этомъ краю и усвоившихъ ему древнія этнографическія и географическія названія: самыя имена — Ростовъ и Бѣло-Озеро достаточно свидѣтельствуютъ объ этомъ. Вскорѣ затѣмъ мы уже видимъ въ этой странѣ одну Славянскую народность, такъ-что финскія племена, давшія, въ доисторическое время, названія мѣстностямъ, сохранившимъ ихъ и до сихъ поръ, — уступая наплыву славянскаго племени, отодвигались далѣе къ востоку и юго-востоку. Съ одной стороны, племя Вятчей, слѣдуя въ своемъ расселеніи отъ запада къ востоку, занимало эти страны, съ другой — туда двигались, съ сѣвера, Новгородскіе переселенцы. Только послѣднимъ и объясняется фактъ, почему около Бѣлаго-Озера нарѣчіе — Новгородское, тогда какъ самая страна не составляла Новгородскихъ владѣній. Этимъ объясняется также извѣстіе, сохраненное въ житіи святаго Всеволода-Гавриила, — отчего даже въ XII вѣкѣ прорывался у Новгородцевъ взглядъ на Ростовскую землю, какъ на свою принадлежность. Наконецъ Славянскій элементъ въ этихъ краяхъ водворялся, подвигаясь съ юга, особенно въ концѣ XII и началѣ XIII вѣка, когда бури, волновавшія южный край, заставляли народъ и южную его цивилизацію искать убѣжища въ болѣе спокойной странѣ. Такимъ образомъ составила Великорусская народность, народность самая поздняя, но ясно показывающая въ себѣ перевѣсъ славянскихъ началъ. Финскія племена ассимилировались только отчасти; гораздо въ большихъ массахъ они подвигались далѣе и убѣгали отъ поглощающей славянской стихіи. Подобные факты совершались и на нашихъ глазахъ: Мордва подвинулась, въ началѣ XVIII вѣка, въ Саратовскую губернію изъ Пензенской, гдѣ тѣснило ее распространившееся русское народонаселеніе. Печальная правда, а дѣтъ ее негдѣ: Восточно-тюрко-финскія племена въ Россіи очень часто, подобно аборигенамъ Америки, столько же вымирали и нечезали, сколько ассимилировались, но и тамъ, гдѣ ихъ столкновеніе со славянскою стихіей повлекло за собою болѣе мирное слятіе, они слишкомъ мало внесли изъ старой жизни въ новую, такъ мало, что въ краяхъ Пензенскомъ, Тамбовскомъ, Нижегородскомъ, гдѣ произошло наибольшее ассимилированіе — въ языкѣ, нравахъ, обычаяхъ мало такого, что бы напоминало древнее иноплеменное происхожденіе,

въ сравненіи съ признаками Славянской народности. По всѣмъ этимъ даннымъ, мы не можемъ назвать Великоруссовъ, даже съ физиологической стороны, не-Славянами; а о духовной сторонѣ и говорить нечего. Мы знаемъ важныя народныя особенности отъ другихъ Славянъ въ характерѣ, склонностяхъ, понятіяхъ и образѣ жизни Великоруссовъ, но эти особенности возникли и образовались болѣе отъ географическихъ и историческихъ причинъ, а вовсе не отъ вліянія уральскаго племени. Всего лучше на это могутъ указать особенности, отличающія Великоруссовъ отъ другихъ Славянъ: онѣ состоятъ вовсе не въ тѣхъ чертахъ, какія мы находимъ въ тюрко-финскомъ племени. Предпримчивость, склонность къ практической дѣятельности, скудость фантазіи, удобоподвижность—вовсе не качества Мордвы, Черемисовъ, Чувашей и вообще тюрко-финскихъ и всѣхъ финскихъ племенъ. Съ этимъ согласится всякій, кто только видѣлъ и наблюдалъ ихъ.

Рецензентъ *Czas'a* говоритъ: »исторія лучше означила, что нужно для народонаселенія между Одеромъ, Двиною и Днѣпромъ. Народонаселеніе это, соединенное равенствомъ правъ, не нарушающихъ никакой сущности (?), и свободою, которая есть душа ушляхетненія (*uszlachetnienia*), могло бы создать прекрасное и ядрѣное (*jędrne*) тѣло, которое бы отодвинуло Россію къ XVI вѣку.«

Если бы здѣсь не ссылались на исторію, то, отнеся всю эту тираду къ категоріи политическихъ мечтаній, мы бы ея и не коснулись. Но авторъ говоритъ: »исторія такъ означила«. А чѣмъ же она означила (спросимъ у г. автора)? Тѣмъ ли, что эти страны принадлежали нѣкогда Польшѣ, или соединены были съ Польшею? Но противъ этого достаточно указать на то, что страны на правой сторонѣ Двины и Днѣпра послѣ того соединены съ Россіею: вѣдь это тоже *исторія*. Слѣдовательно, когда одна часть исторіи говоритъ такъ, а другая, позднѣйшая, иначе: то можно ли что-нибудь строить на такомъ противорѣчьи? Авторъ вправѣ былъ бы сказать: »исторія такъ означила« только въ томъ случаѣ, еслибъ исторія указывала на какое либо внутреннее народное сродство, на взаимную симпатію народовъ и на очевидныя потребности края, отъ удовлетворенія которыхъ зависитъ его счастье. Но исторія намъ показываетъ, что польскій элементъ въ этомъ краѣ высказался въ качествѣ господствующаго, порабощающаго, первенствующаго между туземными народностями, которыя были осуждены прозябать въ тѣсной сферѣ сельскаго рабства. А какъ выразилась симпатія русскаго народа къ Польшѣ, всего лучше объясняется кровавою исторіей XVII вѣка, когда этотъ порабощенный и за-

битый русский элемент показалъ признаки самобытной жизни. Что касается, наконецъ, до благосостоянія края, то доведенное до ситоподобія положеніе простаго народа, заключеннаго панами, котляками и жидами, въ такомъ видѣ существовавшаго подъ цивилизующей опекой польской, не доказываетъ, чтобъ исторія съ этой стороны что-нибудь сказала рецензенту въ пользу его »прекраснаго ядрёнаго тѣла.« — Последняя фраза Czas'a непонятна: неужели рецензентъ желаетъ поставить Россію въ то политическое и нравственное положеніе, въ какомъ она находилась въ XVI-мъ вѣкѣ? Мы желаемъ просвѣщенія и благополучія и Калмыкамъ и Бурятамъ и Юкагирамъ: отраднo было бы, еслибъ и они вступили въ жизнь общей цивилизаціи, согласно потребностямъ XIX, а не XVI вѣка. Желать движенія назадъ какому бы то ни было народу можетъ только узкій, слѣпой, хотя бы и національный, эгоизмъ, чуждый истинному просвѣщенію, и тѣмъ болѣе неспособный устроить счастье другихъ народовъ.

Обратимся къ *Revue Contemporaine*. Г. Paul de Saint-Vincent написалъ статью »La Poésie Oukrainienne.« Довольно намъ случалось читать нелѣпыхъ и фальшивыхъ взглядовъ на нашу народность и на нашу исторію, но это сочиненіе, можно сказать — chef-d'œuvre въ подобномъ родѣ. Неизвѣстно, вычиталъ ли г. Saint-Vincent всю дичь, которую написалъ, или самъ составилъ ее, повѣривъ чьимъ-нибудь словамъ, — но съ незнаніемъ исторіи здѣсь сочеталось самымъ нахальнымъ образомъ умышенное извращеніе правды для надувательства европейской публики. Вотъ примѣры: г. Saint-Vincent, безъ зазрѣнія совѣсти, утверждаетъ, что обитатели Украины и другихъ южно-русскихъ мѣстностей — одной вѣтви съ Поляками, разумѣя не то единство племеннаго происхожденія, въ которомъ никогда мы и не сомнѣвались, а совершенное, полное тождество народности, такъ-что кто не знаетъ нашихъ взаимныхъ этнографическихъ отношеній, тотъ можетъ подумать, что жители Варшавы и Кіева также между собой тождественны, какъ жители Москвы и Серпухова. »Нашествіе Варяговъ, а потомъ нашествіе Татаръ (объясняетъ Mr. Saint-Vincent) разорвало ихъ между собою, но въ XIV вѣкѣ совершилось соединеніе — безъ борьбы, безъ потрясеній, безъ войнъ. Между тѣмъ, еще въ концѣ XII вѣка, одна вѣтвь княжескаго варяжскаго рода, властвовавшая надъ Русью до присоединенія ея къ Польшѣ, основала на востокѣ монархію, извѣстную подъ именемъ Московія. Московитяне — народъ племени Уральскаго (1), а не Славянскаго, а потому не

(1) Dans un pamphlet russe récemment publié sous le titre de *la Russie Rouge*, par un étrange oubli de toute science historique, on s'efforce de

имѣютъ ничего общаго съ Русскими и совершенно отличны отъ послѣдняго и по происхожденію, и по нравамъ, и по обычаямъ, и по преданіямъ, и наконецъ — по религіи, вопреки тѣмъ, которые хотятъ ложно доказывать религиозное ихъ единство. Русскій народъ, въ Украинѣ и Южной Руси вообще, всегда стремился къ униі съ католическою вѣрою и признавалъ первенство папы; напротивъ, Московитяне, какъ народъ азіатскій, упорно отвергалъ всякое примиреніе съ Римомъ. Московскіе государи насильственно и несправедливо присвоили своему народу названіе Русскаго и навязали ему это названіе произвольно. Это сдѣлала (по г. Saint-Vincent'у) императрица Екатерина II. Она понудила ученыхъ принять свои выдумки на счетъ происхожденія Московитянъ; такимъ образомъ, Московитяне начали называться Русскими, и съ тѣхъ поръ, въ угодность правительству, стали отвергать свое прежнее имя и замѣнили его чужимъ.»

Авторъ очень много сожалеетъ о потерѣ «такого славнаго древняго народнаго названія, которое равнымъ образомъ представляло и почтенную старину и содержало въ себѣ зародышъ прогресса и развитія въ будущемъ⁽¹⁾», и какъ будто хочетъ убѣдить — перестать называться русскими, и называться Московитянами. Читая статью *Revue Contemporaine*, можно подумать, что Великоруссы — народъ уральскаго племени, — даже говорятъ языкомъ не славянскаго корня...

Нельзя допустить, чтобы подобныя негѣпости могли произойти отъ невѣжества, потому что изъ всѣхъ мѣстъ, приводимыхъ здѣсь, видно, что

confondre dans une même origine Slave les Russo — Moscovites avec les Polonais. Les uns sont de race Ouralienne, les autres — de race Arienne. Il y a juste la même différence entre les Russo-Moscovites et les Polonais qu'entre les Arabes et les Français (R. C. 31 décembre 1860)!!

(1) Quant au grand peuple moscovite, que gouvernait la célèbre souveraine, il ne paraît pas avoir fait obstacle à ce changement de nom et répudier volontiers le sien pour plaire à la czarine. Cathérine.... contraignit même quelques savants opiniâtres à adopter ses idées sur l'origine des Moscovites. Dès lors on commença à repousser, et on repoussé encore aujourd'hui, le nom de Moscovite dans un pays où ce nom exprime seul une grande nationalité, représente un passé respectable et constitue pour l'avenir un germe de progrès et de développement. On répudie un nom générique s'appliquant à une population homogène de 30 à 40 millions d'âmes, un nom illustré par ses luttes gigantesques contre les Tartares, par des héros, tels que Dimitr Wasilewitch (?) dans la guerre de l'indépendance, par des Minines, des Pozarskis, et enfin de nos jours, en 1812, par des traits d'héroïsme et d'abnégation que le font l'égal des plus fameux; on le répudie pour le remplacer par le mot *Russe*... (Ibid).

авторъ знакомъ со славянскою рѣчью. Мы выше высказали наше мнѣніе объ *уралманъ* великоруссовъ. Выдумка — считать ихъ народомъ не славянскаго корня — возникла въ заграничной польской литературѣ лишь въ недавнее время; въ старину въ Польшѣ, не сомнѣвались въ единоплеменности Московитянъ съ Поляками и происхожденіи тѣхъ и другихъ отъ одного славянскаго корня. По крайней мѣрѣ, польскій писатель Коховскій, подъ 1658 годомъ, говоря объ универсалѣ короля Яна Казимира на собраніе сейма, гдѣ предстояло разсуждать о соединеніи Польши съ Московією, выражается: *in quibus (Comitiis) cum eodem principe ac vicina Moschorum natione ex uno eodemque sanguine et originis Slavonici fonte nobiscum de procedente religione, idiomate, moribus, vix in paucis difformibus, in confusionem invidorum universo Slavonico nomini vicinorum perpetua pax, conjunctio ac firmum unionis foedus coalesceret instituereturque* (Ann. Pol. 11, 293). Изъ этихъ словъ не заключить ли, что понятія объ этнографіи и древностяхъ славянскихъ народовъ, были гораздо правильнѣе въ XVII вѣкѣ, чѣмъ теперь? При всѣхъ распряхъ и войнахъ не доходили до такихъ дикостей, до какихъ доходятъ въ наше время!

Странно было бы здѣсь доказывать, что южно-русскій народъ — не Поляки; что присоединеніе Червонной Руси и Волыни къ Польшѣ совершилось съ кровопролитіями; что народъ южно-русскій всегда исповѣдывалъ одну вѣру съ велико-русскимъ и вовсе не стремился добровольно къ уни, а отбивался отъ нея упорно и отчаянно; что, наконецъ, названіе Русскихъ не навязано Великороссіянамъ Екатериною II, а издревле было для нихъ народнымъ отечественнымъ прозваніемъ; что названіе Московіи, правильнѣе — Московщины, могло употребляться только по отношенію къ другимъ этнографическимъ отдѣламъ русскаго міра, а національнымъ названіемъ никогда не было; что иностранцы, называвшіе Южную Русь — Руссіей, а сѣверную — Московіей, намъ не указъ, ибо еще въ XII вѣкѣ митрополиты наши титуловались митрополитами *вселя Русіи*, разумѣя подъ этимъ весь кругъ Русскихъ Земель, связанныхъ единствомъ княжескаго рода и церковнаго управленія.

Доказывать всего этого не станемъ, какъ равно и опровергать голословныхъ нелѣпостей (¹); но скажемъ польскимъ *такъ-называемымъ*

(¹) Кромѣ вышеприведенныхъ, укажемъ еще на повторяемыя авторомъ басни: что «нѣкій Лехъ, по имени Симеонъ, въ X вѣкѣ (!), положилъ начало польскимъ козакамъ, т. е. Запорожцамъ;» что «Запорожцы набирались между Поляками съ береговъ Вислы, или — что выходитъ на-одно — между Русинами съ Днѣпра и Днѣстра», и т. п. (Тамъ же, стр. 619).

патріотамъ вотъ-что: неужели вы думаете, что извращеніемъ правды можно выиграть въ какомъ бы то ни было вопросѣ? У насъ, которыхъ вы считаете тождественными съ собою, есть пословица (на своемъ, а не на вашемъ, языкѣ): *брежнѣю свѣтъ пройдеши, та назадъ не вѣрнеся!* Если бы вы и нашли по себѣ въ Европѣ читателей, которые повѣрятъ вамъ на слово, то все-таки это оболъщенье не будетъ продолжительно. Испытавъ, что вы способны, для своихъ цѣлей, провозвѣщать умышленную неправду, Европа не станетъ вамъ вѣрить уже ни въ чемъ и вы разыграете роль пастуха въ баснѣ, который ради шутки скликалъ народъ на волковъ, когда въ самомъ дѣлѣ волковъ не было, а впоследствии никого не могъ призвать себѣ на помощь, когда волки дѣйствительно напали на стадо. И что вы думаете выиграть, утверждая, что великорусскій народъ уральскаго происхожденія? Этимъ не выкинете его изъ Славянской семьи, откуда бы ни происходили его предки. Будутъ ли Великоруссы — ославянившіеся Уральцы, или сѣсь племенъ, или — что всего вѣрнѣе — Славянское племя съ примѣсью чуждаго и тюркскаго, они все-таки останутся тѣмъ, чѣмъ они теперь, т. е. Славянами, потому что говорятъ нарѣчіемъ славянскаго корня и никакъ не могутъ быть тѣмъ, чѣмъ, по вашимъ предположеніямъ, были въ незапамятныя времена. Или, быть можетъ, вы хотите унизить этимъ Великороссіянъ? Но однимъ такимъ побужденіемъ вы показываете крайнюю собственную односторонность и неспособность — выступить изъ тѣсной національной исключительности въ кругъ болѣе широкихъ, возвышенныхъ, общечеловѣческихъ понятій. Какъ отдѣльнаго челоуѣка нельзя унижить происхожденіемъ, такъ и цѣлаго народа. — Вопросъ о томъ, какую связь имѣетъ великорусская народность съ уральскимъ племенемъ и какія стихіи вошли въ нее изъ послѣдняго, долженъ разсматриваться совершенно отдѣльно отъ всякихъ вашихъ предразсудочныхъ воззрѣній, ибо онъ не имѣетъ къ нимъ отношенія.... Доказывать, что Великороссіяне должны называть себя не Русскими, а Московитянами, на томъ основаніи, что вамъ такъ хочется, все равно, что требовать, чтобъ Итальянцы называли себя Влохами, потому что на польскомъ языкѣ они такъ называются, или если бы Франгузы начали домогаться, чтобъ Нѣмцы себя называли Аллеманами. Мы просимъ васъ — представьте намъ доказательства, что великороссійскій народъ не называлъ себя Русскими, а Московитянами, и что Екатерина II принудила его принять новое имя. Любопытно было бы выслушать такіа доказательства. Но, къ сожалѣнію, мы напередъ увѣрены, что у васъ не найдется такого смѣльчака: подобныя поло-

женія легко писать изъ собственной фантазій, а фактически доказать нечѣмъ. —

Провозгласивъ тождество польскаго и южнорускаго народа, будетъ уже послѣдовательно — дать Богдану Залѣсскому значеніе Украинскаго поэта и увѣрять, что его читаетъ и любитъ народъ русскій. На самомъ дѣлѣ — не то. Богданъ Залѣскій есть поэтъ Поляковъ, живущихъ въ Украинѣ, читается польскимъ населеніемъ, состоящимъ почти исключительно изъ дворянства, и отнюдь не можетъ возбуждать сочувствія въ томъ, кто сохраняетъ въ душѣ своей стихіи южнорусской народности, взлелѣянной историческими воспоминаніями и тѣсной связью съ существующимъ поколѣніемъ народа. Его польскій патриотизмъ, который насильственно привязывается къ Украинѣ, далекъ отъ того, чтобъ возбудить симпатію южнорусса; напротивъ, онъ дѣлается для него несносенъ именно тѣмъ, что обличаетъ намѣреніе провести затаенную мысль, — внушая увѣренность въ томъ, что бѣлое — черно, а черное — бѣло! Мы не отрицаемъ поэтическаго таланта Богдана Залѣскаго, хотя вообще нельзя не признать, что онъ больше щеголяетъ блестящею фразеологіей и яркостью красокъ, чѣмъ глубиною мысли, теплою чувства и внутреннимъ изяществомъ склада своихъ образовъ, но ужь никакъ не можемъ видѣть въ немъ сколько-нибудь украинскаго народнаго поэта. Онъ любитъ украинскую природу, живописуетъ ее подробно, но рѣдко удастся ему стать на точку созерцанія, присущаго Южноруссу; онъ любитъ народныя пѣсни, подражаетъ имъ, нерѣдко цѣликомъ переводитъ ихъ, но не продолжаетъ ихъ бытія своимъ творчествомъ, что можно сказать о Шевченкѣ, у котораго рѣдко (только въ слабѣйшихъ произведеніяхъ) можно найти повтореніе взятаго изъ запаса народной поэзіи, или что-нибудь написанное, какъ говорится, въ народномъ тонѣ; но у котораго лучшія стихотворенія таковы, что народъ, развивая свое творчество въ поэтическихъ созданіяхъ далѣе, могъ бы творить только такъ, какъ Шевченко.

У Залѣскаго нѣтъ ничего подобнаго. Весьма немногіе изъ южноруссовъ знаютъ его, и не только не считаютъ его народнымъ поэтомъ, но даже такимъ, который бы возбуждалъ къ себѣ сочувствіе любовью къ украинской народности. Его знаютъ только тѣ, кто знакомъ съ польскою литературою, и знаютъ какъ польскаго поэта, чуждаго намъ, и болѣе чуждаго, чѣмъ, напримѣръ, Мицкевичъ. Послѣдній, — великій творецъ и художникъ, — касаясь бѣлорусской народности, близкой и родственной съ южнорусскою, въ нѣкоторыхъ своихъ стихотвореніяхъ несравненно спо-

событіе Загѣскаго напомнить южнорусскому сердцу его жизнь и возбудить въ немъ сочувствіе. Да и вообще польская народность имѣетъ съ южнорусскою большое сходство; польская поэзія можетъ отозваться родственно душѣ Южнорусса, но ужь никакъ не съ тѣхъ сторонъ, съ какихъ заходятъ Поляки. Страніе представить въ свѣтломъ видѣ такія историческія воспоминанія, какъ напримѣръ Унія, которыя Южноруссамъ ненавистны отъ предковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ прельщать ихъ идеаломъ отдѣльнаго, въ соединеніи съ Поляками, государства, — такіе приемы поведутъ единственно къ тому, что древняя несчастная непріязнь наша къ Полякамъ будетъ находить себѣ пищу, — чего мы отнюдь не хотимъ и не хотѣли. Для насъ ничего не можетъ быть желаннѣе изгнанія изъ сердца старинныхъ печальныхъ воспоминаній, утвержденія братской любви и духовнаго согласія съ Поляками; но пусть же они возлюбятъ и уразумѣютъ историческую истину: только истина содѣлаетъ ихъ свободными, — свободными отъ всякихъ искусственныхъ передѣлокъ и поддѣлокъ историческихъ событій: отъ оправданія Уніи, отъ восхваленія былаго господства своихъ началъ надъ нашимъ народомъ и отъ ребяческихъ замашекъ забрасывать международную вражду, въ надеждѣ разложить наше Русское отечество... Не разложилось оно политически въ междоусобицахъ земель и князей, не разложилось оно духовно подъ татарскимъ, литовскимъ и польскимъ владычествомъ, — не разложится оно и отъ выстрѣловъ ультрамонтанскихъ газетъ и журналовъ, задаваемыхъ намъ изъ-за такихъ плохихъ *зулай-городинъ*. Исторія, очевидно, ведетъ къ сближенію, къ сознательному сродству и соединенію всѣхъ славянскихъ племенъ, а никакъ не къ разложенію. Кто противъ Исторіи, противъ того — Исторія. Противъ такого рожна трудно прати.

Н. Костомаровъ.

14 января, 1864 г.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ

ПО ПОВОДУ ПОСЛѢДНЕЙ ВЫСТАВКИ

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ.

Нельзя не порадоваться, что художники *начали* обращаться къ *народной* жизни, которая болѣе знакома и болѣе близка, какъ имъ самимъ, такъ и публикѣ. Душевно радуемся этому пробужденію: тутъ пахнетъ весной, обновленіемъ! Молодая жизнь, могучая, полная силы, мало-помалу вытѣсняетъ бесплодное устарѣлое начало. — Или жизнь нашего художества только отголосокъ западнаго? Перевороты, совершившіеся въ художествѣ, быть можетъ, отозвались у насъ только эхомъ, дошли до насъ едва волнующимися кругами?

Такъ долго бывъ разъединено съ жизнію, оторвано отъ нея, художество начинаетъ сознать свое болѣзненное состояніе и современныя требованія; оно прислушивается къ біенію общественнаго сердца, сочувствуетъ жизни, начинаетъ сплавляться въ одно тѣло съ обществомъ. Плоды такого направленія должны быть самые благодѣтельные. Сливаясь съ жизнію народа, художество получить отъ него силу; слово художества станетъ живымъ для cadaго. Таланты, въ свою очередь, будутъ вдохновлять и поддерживать народную жизнь, напоминая народу высокія и прекрасныя явленія его духа. Были у насъ и прежде произведенія, взятая изъ жизни, но ихъ было такъ мало, и они появлялись такъ рѣдко, что, вслѣдъ за появленіемъ, забывались совершенно, подавляемые страшною массою Плутоновъ, Кентавровъ и прочими, нелѣпыми, колоссальными, произведеніями. — Какъ же не радоваться, что живой интересъ вытѣсняетъ мертвечину, что искусство дѣлается выраженіемъ жизни? Какъ не радоваться, что и Академія, наконецъ, даетъ

право существовать подобнымъ произведеніямъ, и уже не клеймить ихъ презрѣніемъ, — хотя все еще не рѣшается сравнять въ правахъ съ живописью «исторической»? Что за названіе! что за преимущество этимъ мертвымъ произведеніямъ, этому ошибочному направленію? Будто изображеніе близкой намъ, дѣйствительной жизни не требуетъ рисунка тоньше и серьезнѣе? Будто презрѣнная, обыденная жизнь не составляетъ всего, не есть *исторія*, и будто исторія не была и не есть обыденная жизнь? Будто можно быть художникомъ исторіи народа, не зная его быта, его нравовъ, не изучивъ его пѣсенъ, понятій, желаній, словомъ — его обыденной жизни? Эта обыденная жизнь есть слѣдствіе прошедшаго, — она источникъ и сила будущаго.

Эта жизнь въ художествѣ, начавшаяся такъ скромно, такъ убого, съ Венецианова, со Штернберга, излилась желчью у Федотова — и затихла. Но въ этой тишинѣ она не остановилась. Отъ даннаго толчка начинается направленіе и оно растетъ годъ отъ году; камень, бывшій въ пренебреженіи, поставляется «во главу угла».

Послѣдняя выставка представила намъ 33 сюжета изъ народной велико-русской жизни и 4 — изъ жизни южно-русской. Кромѣ того, помѣщено много рисунковъ изъ народной жизни въ повременныхъ изданіяхъ. Правда, не все они хороши, почти все слабы и неинтересны; но это — *начало*, и мы радуемся тому, что искусство начинаетъ сочувствовать жизни; что, въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ, оно даже проникаетъ въ эту жизнь и служитъ ей съ любовью, съ пониманьемъ ея святости.

Почему, однако, и искусство начинаетъ обращаться къ народу южно-русскому? Толчекъ ли это литературный, безотчетное ли влеченье, сознательная ли потребность духа?...

Общество желаетъ, требуетъ искусства *народнаго*; академія хотя и съ болью въ сердцѣ, но разстается съ циклопами, вызываетъ молодежь на сюжеты изъ народной жизни; и вотъ художники, почти неприготовленные къ этому, пишутъ, съ одинаковымъ равнодушіемъ, *народъ*, какъ писали Вулкана, Цирцею, портреты и иконы. Горе въ томъ, что молодежь еще движетъ не собственное сознанье, не любовь или влеченье, а чинъ, званіе, медаль, деньги! — Слѣдствіе этого то, что публика, подходя къ картинамъ съ біеніемъ сердца, отходить отъ нея равнодушная, или (еще хуже) выносить каррикатурное впечатлѣніе о жизни народа; болѣе-жъ робкіе заглушаютъ свое пробудившееся негодованіе несчастнымъ сознаніемъ своей мнимой ошибки, отказываясь отъ собственнаго впечатлѣнія, и покоряясь приговору Академіи,

какъ высшей инстанціи. Хотѣлось бы ихъ ободрить, убѣдить ихъ — не заглушать движеніи своей души, но развивать его, сберегать впечатлѣнія, столь часто нѣжныя и вѣрныя, плодъ простой, наивной жизни. Чистосердечный взглядъ, личное непосредственное чувство, для насъ дороже и выше приговора академическаго, извѣстнаго намъ уже заранѣе, — какъ итогъ извѣстнаго образа мыслей.

Требованія академій образовались — 300 лѣтъ тому назадъ и съ тѣхъ поръ не развивались, не сдѣлали шагу впередъ, и потому, конечно, не согласуются съ современными требованіями. Приговоръ «академій» однообразенъ, и не только не есть приговоръ непогрѣшимый, но, напротивъ, часто служитъ *похвалою*. Ссылаемся на здравый смыслъ, на исторію *всѣхъ* академій и на біографіи знаменитыхъ художниковъ. Всѣ «академисты» составляютъ одну формулу, — личности ихъ сгладились и не имѣютъ никакого разумнаго значенія въ исторіи искусства.

Академіи, отчужденныя отъ движенія жизни, могутъ помогать развитію искусства развѣ отрицательно. Замкнутость мертвитъ ихъ; правда ихъ годны только для бездарности.

Итакъ, пусть каждый разбираетъ самъ, и высказываетъ свои требованія; только тогда мы будемъ ближе и ближе къ правдѣ.

Недавнія измѣненія прежняго порядка, въ *нашей* академіи, возбуждаютъ въ насъ — не опасенія за дальнѣйшее движеніе искусства въ Россіи, какъ утверждаютъ нѣкоторые, а напротивъ — вѣру въ его развитіе. Академія сближается съ современными вопросами въ искусствѣ, съ потребностью жизни, заявляетъ готовность идти впередъ.

Произведенія искусства заключаютъ въ себѣ свою словесность: художники давно разрѣшаютъ вопросъ за вопросомъ въ самыхъ разнообразныхъ произведеніяхъ; они живутъ кипучею жизнью міра; а академіи отстали отъ жизни со дня своего рожденія. Начало сознанья въ бесполезности прежняго направленія, въ потребности обновленія, едва-ли не принадлежитъ *нашей* Академіи, ибо она уже бросаетъ свой педантическій взглядъ; ея желѣзная, скованная исторіей запада, форма — треснула; она отказывается — самоувѣренно отливать молодежь въ приготовленную форму; она не хочетъ болѣе посягать на уничтоженіе личностей, и ежели предоставитъ вполнѣ свободное развитіе художникамъ, служа для нихъ только опорой и помощью, то совершитъ подвигъ, окажетъ дѣйствительную заслугу.

Разрывъ теперешней академіи съ прежнимъ направленіемъ есть ея перерожденіе, — лишь бы она, сдѣлавъ шагъ впередъ, не остановилась и вновь не стала вѣрять въ свою непогрѣшимость и въ свое совершенство,

какъ вѣрила до послѣдняго времени. Слѣдствіе прежняго застоя и самоуверенности мы видимъ въ грустномъ результатѣ, въ полношъ къ ней равнодушій и даже насмѣшкахъ надъ нею. Безполезность и вредъ подобаго существованія очевидны. Что произвела Академія, кромѣ несчастнаго однообразія? Гдѣ тѣ люди, о которыхъ она говорила нерѣдко съ такими рукоплесканіями, — на которыхъ возлагала столько надеждъ? Имена ихъ забыты; они гибли, уносимые потокомъ жизни. Ихъ программы, какъ могильныя доски, говорятъ только о быломъ существованіи. Обновленная Академія, безъ сомнѣнія, не успокоится на томъ, что измѣнила уставъ. Этого недостаточно! Создавайте вновь, имѣя въ виду одну цѣль — развитіе искусства, и ничего другаго. Не стѣсняйте себя никакими узкими рамами, никакими ложно-повытыми патриотическими чувствами....

Нѣкоторые спрашиваютъ, не помѣшаетъ ли *жизненное* направленіе искусства совершенству *рисунка*, знанію анатоміи? Не поглотитъ ли развитіе духа — формы? — Нѣтъ. Чѣмъ могуче духъ, тѣмъ совершеннѣйшей онъ требуетъ формы. Потребность развитой и осмысленной формы заставитъ художника усилить занятія; онъ непремѣнно станетъ писать и рисовать съ натуры, а это дастъ ему знаніе, слѣдовательно и *умѣнье* — ясно, скоро и вѣрно высказывать свою мысль. Пусть только этюды будутъ для него не цѣлью занятій, а средствомъ къ выраженію мысли и чувства. Это азбука для художественнаго творчества. Чѣмъ болѣе художникъ будетъ работать изъ жизни, тѣмъ болѣе онъ пойметъ необходимость этого ученія, тѣмъ сильнѣе и разумнѣе станетъ изучать природу, и уже не слѣпо, не только вѣря на-слово, но чувствуя полную необходимость этого знанія; онъ будетъ вести черту, класть краску, изучать свѣтъ, сочинять, давая себѣ полный, сознательный отчетъ. Тогда онъ убѣдится, что въ искусствѣ важно не *что*, а *какъ*: въ этомъ и сила художественнаго произведенія. Конечно, соединеніе того и другаго лучше, но это уже вѣнецъ искусства. Возьмите мысль какую угодно, — но если вы не сумѣете ее выразить, не найдете соотвѣтственныхъ ей словъ — никто васъ слушать не станетъ. Мало ли у кого въ сердцѣ есть и рассказъ, и мотивъ, и картина? Но воплотить ихъ можетъ только художникъ. Художникъ не только чувствуетъ, но и *передаетъ* чувствуемое, не только видитъ, но и *открываетъ* другимъ свой міръ, и открываетъ увлекательно.

Образованіе, разумъ и дарованіе художника ставятъ его произведеніе на ту, или другую ступень. Не то хорошо, что нравится большинству (хотя это и не порицанье); не то хорошо, на что «академія» наложила свой патентъ; — но то, что зародившись чисто, наввно, пройди

сквозь судъ всѣхъ слоевъ общества, черезъ взгляды самыя разнородныя, и разобранное съ любовью и знаніемъ дѣла, выйдетъ съ побѣдою. Только такимъ путемъ предметъ получаетъ возможно-вѣрную оцѣнку.

Мы прислушивались къ разнымъ толкамъ, къ разнымъ критическимъ разборамъ о выставкѣ, и наконецъ высказываемъ свое собственное мнѣніе, наше окончательное убѣжденіе. Подробный разборъ художественной выставки сдѣлалъ бы статью нашу слишкомъ обширною для южно-русскаго вѣстника, а потому ограничимся только тѣми произведеніями, которыя коснулись жизни Украинской.

Картину *г. Гагена* — *„Ярмарка въ Малороссіи“* мы цѣнимъ за то, что въ ней *наружный видъ* народа переданъ вѣрно; но картина крайне слаба живописью и рисункомъ.

Желательно, чтобы художники опредѣляли предметъ своей картины, заимствованной изъ жизни, не только *названіемъ* предмета, но и обозначеніемъ, со всею подробностью, *мѣста дѣйствія*: губерніи, уѣзда, мѣстечка, села или хутора. Это принесетъ пользу намъ и потомству, а самого художника заставитъ внимательнѣе изучать и работать, и не дозволитъ ему безразлично мѣшать разные отбѣнки въ мѣстной жизни, фізіономіи и характерѣ людей и природы. Отъ этого характерная сторона картины будетъ сильнѣе. Подобное требованіе не стѣснитъ художника, но покажетъ степень его изученія. — Одежда, манера, утварь, все сложилось историческимъ путемъ, все это есть необходимое проявленіе жизни. Кто понимаетъ край, народъ, тотъ дорожитъ каждой чертой его, составляющей характеристическую его особенность. Изображая мѣстную сцену, художникъ изображаетъ намъ мѣстный *портретъ*, а достоинство портрета состоитъ въ психологическомъ пониманьи изображаемаго лица, въ нераздѣльности наружнаго вида съ внутреннимъ содержаніемъ.

Г. Пржецлавскій изобразилъ намъ *„Лирника, играющаго въ хатѣ“*. Сцена эта вся *составная*. Кажется, что художникъ никогда не былъ на Украинѣ, потому что въ картинѣ его — отсутствіе правды и наблюденія. Предметъ его картины или вычитанъ, или выслушанъ. Картина только тогда хороша, когда она плодъ дѣльнаго изученія, любви, полнаго душевнаго восторга, а не намекъ на *что-то*, самому намекающему неизвѣстное и непонятное. Эту картину, какъ и всѣ ей подобныя произведенія, мы считаемъ *вредною*, — потому что она портитъ вкусъ публики и даетъ ей ложное понятіе о предметѣ, — и лишенною значенія, потому что въ ней нѣтъ сознанья художника.

Г. Трутовскій написалъ »Свадьбу«. Это кажется лучшее его произведеніе. Карриатура, къ которой, по замѣчанію многихъ, такъ склоненъ г. Трутовскій, здѣсь чище, — сюжетъ сглаживаетъ ее.

Мы любимъ народъ и высоко цѣнимъ его за все, что онъ вытерпѣлъ и что сохранилъ въ себѣ и въ жизни; поэтому легкая карриатура на народъ намъ кажется неумѣстною. Не имѣя права требовать отъ художника то или другое, и давая значеніе всякому убѣжденію, лишь-бы оно было искренно и основано на дѣйствительномъ наблюденіи, — мы не можемъ любить, а тѣмъ болѣе уважать поверхностный взглядъ, легкомысленный отзывъ. Намъ бы хотѣлось видѣть и карриатуру, но карриатуру осмѣивающую желчно, горячо, или же наивно и добродушно, — *осмѣивающую*, а не унижающую, уродующую. Полюбивъ народъ, поймите, что въ немъ достойно насмѣшки, и тогда смѣйтесь искренно, и душой и рукой. Такая насмѣшка — не шутка, и даетъ художнику почетное мѣсто въ развитіи народной жизни. *Смѣхъ* отъ всего сердца — художественъ; *смѣхъ легкомысленный* — непріятенъ. Смѣйтесь не тогда, когда вы едва вспомнили, едва поняли сцену, а когда она вырываетъ смѣхъ; тогда, конечно, и сцена вами сознана глубоко. Жизнь человѣка такъ много-страдална, что въ минуты его упадка легкій смѣхъ оскорбителенъ. Произведенія г. Трутовскаго мы считаемъ слишкомъ бѣдными по внутреннему содержанію. Кто наблюдалъ жизнь народа глубоко, кто свое сердце положилъ въ его жизнь, тотъ дѣтски и слегка надъ нимъ смѣяться не будетъ, какъ въ картинѣ г. Трутовскаго — »Салазки«. —

Бываетъ смѣхъ, которому нельзя не сочувствовать; — онъ происходитъ отъ чрезмѣрной любви къ народу, отъ негодованья къ упадку, и тогда онъ раздражается сарказмами; это смѣхъ съ горя, съ болью въ сердцѣ. Такъ иногда народъ самъ смѣется надъ собой и тогда смѣхъ раздражаетъ душу, тогда смѣхъ обращается въ драму, а не похожъ на забавныя китайскія тѣни, смѣшныя только по уродливости — и то лишь для дѣтей. — Не надо много дарованія, не надо много изученія, чтобъ дѣлать »около того«, и едва затрогивать. Сотни людей могутъ сдѣлать »около того«, но только одинъ изъ нихъ сдѣлаетъ *то*. Заслуга дарованія пріобрѣтается изученіемъ, глубокимъ, безпредѣльнымъ изученіемъ; все легкое и »около того« забывается. Такая участь постигнетъ и работы г. Трутовскаго. Его »салазки«, »чумаки«, »лірники«, »бандуристы«, все эти картины и рисунки, которыхъ онъ надѣлалъ пудами, все останется скоро позади и забудется. Карандашъ его боекъ, но эта бойкость, эти штрихи и пятна — безъ содержанія, а часто и безъ основанія. Это непріятная болтовня, фразы,

которыя отжили свой вѣкъ и уже вѣтняются художнику въ порокъ. Будьте скупы на черту, но пусть она трогаетъ за живое. Цѣнятся не количество труда, не скорость работы и не намекъ на поэзію, какъ у г. Трутовскаго въ *»Ночномъ свиданьи чумака«*, — а самое дѣло, самая поэзія, полная и безграничная. Въ этомъ рисункѣ — церковь — мало видна, малозначаща, мало-интересна; *хлопчикъ* — не малороссъ. Въ *ночномъ свиданьи* — мало разговора; это — воспоминанье, едва коснувшееся души, и уже исчезнувшее. *Голова чумака* хороша, но все таки не доведена до конца; *волы* — не интересны, лишены характера, — роль ихъ не прочувствована; *обозъ* — безъ малѣйшей поэзіи и искусства, а все *виѣтъ* — легкій, талантливый, вѣтренный рисунокъ. Гдѣ-жъ эти могучія чумацкія *вѣлки*, гдѣ эти безпредѣльныя, какъ стѣнь, пѣсни?... Все утеряно! А что это за мальчикъ въ крапивѣ? что за баклага, ярмо, пуга? — Все затронуто, но занимательность всею утеряна... Пожалуй, вы скажете, что это виѣтка, — пусть такъ; но развѣ это даетъ право играть талантомъ, шутить съ обществомъ, виѣсто серьезной бесѣды, и безъ уваженья обращаться съ народомъ? Вспомните виѣтки *Прюдона* (Pрудhon), за которыя его такъ уважаютъ и которыми теперь, послѣ многихъ лѣтъ его смерти, такъ дорожатъ, что собираютъ ихъ въ музеи. Вспомните всегда добросовѣстный трудъ *А. Ашина*, хотя бы то была виѣтка, вѣнчикъ на жертвеца, или ярлыкъ на штофъ. Крайность заставляла того и другаго приниматься за подобныя работы, но нищета не загла ихъ любви къ искусству и уваженья къ себѣ. Что заставило г. Трутовскаго сдѣлать эту виѣтку? Кто? Не самъ ли онъ ее выбралъ? Когда идея коснется души, нечего торопиться высказывать ее, но прежде всего должно полюбить ее, прослѣдить до основанія, и тогда, одушевленная нашей собственной жизнью, осмысленная разумнымъ разборомъ, она явится передъ нами здоровая и прекрасная...

Въ *»Художественномъ Листкѣ«*, есть еще два рисунка г. Трутовскаго: *»лирникъ«* и *»бандуристъ«*. Эти рисунки сдѣланы единственно для того, чтобъ показать различіе между лирой и бандурой. Художникъ сдѣлалъ бы лучше, нарисовать только лиру, безъ никого, и бандуру одну, безъ никого. Тутъ фигуры приклеены. Такъ ученики этюдныхъ классовъ, написавъ съ натуры женщину, придѣлываютъ ей змія, и выходятъ Клеопатра; придѣлываютъ къ лежащему натурщику мечъ — выходятъ умирающій гладиаторъ; набросаютъ стрѣль — и вотъ св. Севастьянъ; надѣнутъ терновый вѣнокъ на натурщика, растопырятъ ему руки, — и готово распятіе! Такъ и у г. Трутовскаго, котораго мы обвиняемъ еще разъ:

въ легкомъ обращеніи съ художествомъ, въ неуваженіи къ нему, къ сюжету, къ тѣмъ лицамъ, которыхъ онъ берется изображать, наконецъ — къ самому себѣ. Указываемъ, для примѣра, на покойнаго *И. А. Федотова*. Онъ дѣлалъ рисунки только чертой, безъ тѣней; не увлекался штрихами и сочными пятнами, а старался въ чертѣ добиться психологическаго смысла. Онъ дѣлалъ фигуру 10 и 20 разъ, и его черта становилась все болѣе и болѣе умна, болѣе сознательна. Такъ онъ продолжалъ до полного, отчетливаго обладанія избранной имъ личностью, ворочая ее съ любовью во всѣ стороны, мѣнялъ ея движенія и выраженія, и постоянно сохранялъ тотъ же характеръ. Стихи его были продолженіемъ того-же рисунка. Вотъ-гдѣ сила и достоинство Федотова! Своими тремя-четырьмя картинами онъ основалъ школу, положилъ новый камень въ зданіи русскаго художества, и сдѣлалъ все это не владѣя карандашомъ красокъ. Краски его неприятны, но несмотря на это, сила черты его и глубоко поватый смыслъ предмета влекли къ нему толпы зрителей. Сила—въ любви, въ изученіи, въ сознательной работѣ, а не въ легкихъ наброскахъ, хотя-бъ это были вазы. Произведенія Мариа Вовчка, Шевченка, славы не объемомъ, а глубиной. Это — жизнь, страданія народа, вылившіяся изъ устъ; тамъ, что ни стихъ, что ни слово, то любовь, плодъ изученія и глубокаго искренняго сочувствія. Вы дѣлаете рисунки и картины изъ народной жизни, — начните-же съ живой любви къ народу, да не словами, а вѣсьте, что въ васъ живетъ; плачьте, смѣйтесь, смѣйтесь надъ его судьбой, какъ Федотовъ смѣялся надъ своею; но чтобы такъ живо любить народъ, — надо его изучать, узнавать; — тогда только произведенія ваши будутъ вѣрны и прекрасны.

Я не скажу, какъ нѣкоторые, что у г. Трутовскаго есть склонность видѣть все каррикатурно. Вѣрнѣе, что у него работаетъ — одна рука; самъ же онъ еще не понялъ себя, еще не рылся въ себѣ и не прислушивался къ внутреннему своему голосу. Вотъ то грустное заключеніе, къ которому мы невольно приходимъ, всматриваясь въ его произведенія.

Я спрашиваю себя — правъ ли я, разразившись надъ художникомъ такую сжорбью?.. Но говоря о его работахъ, я вспомнилъ все имъ рисованное прежде, и считаю себя по совѣсти правымъ.

Перейдемъ къ картинамъ *И. И. Соколова*. Въ нихъ мы видимъ добросовѣстный трудъ, поэзію и изученіе. Къ сожалѣнію, мы многого изъ прежнихъ работъ г. Соколова не видали, и потому ограничимся сужденіемъ только о тѣхъ, которыя намъ известны.

Въ картинахъ И. И. Соколова, одежда всегда вѣрна; типы часто правдивы не только наружно, но и внутренно. Видно, что художникъ съ любовью вникалъ въ жизнь народа, желая овладѣть ею. Прежнія его рисунки и картины бывали довольно безхарактерны, — хотя всегда въ нихъ явно было желаніе вникнуть въ характеръ; — нынѣшнія же его произведенія имѣютъ не только отпечатокъ правды, но и глубокой смыслъ и чувство. Прежде жизнь народа въ представленіяхъ художника бродила безотчетно; онъ какъ-будто не могъ свести концовъ, добиться ея смысла, понималъ ее не глубоко. Но вотъ она складывается въ цѣлое и определенное, — и является уже созданіемъ художественнымъ.

Лучшимъ произведеніемъ г. Соколова на нынѣшней выставкѣ были *Проводы рекрутовъ*. Душевно радуемся этому произведенію, которое ставитъ художника на значительное мѣсто. Мысль родилась у художника съ чувствомъ. Самое явленіе такъ сильно потрясло его душу, что грусть и скорбь перешли на полотно, сохранивъ свою силу на столько, что проникаютъ и въ наше сердце.

Разберемъ это прекрасное и отрадное произведеніе, полное чувства и достоинства, идя шагъ за шагомъ вмѣстѣ съ художникомъ, и отдавая себѣ полный отчетъ въ ощущеніяхъ. Начавъ съ похвалы, сойдемъ и на недостатки.

Въ этой картинѣ все — отъ *пѣчи*, рогожи, кожуха и шапокъ, до положеній, лошадокъ и хать, — все проникнуто впечатлѣніемъ художника, любовью и мѣстной вѣрностью. Вотъ причина, отчего картина нравится каждому. Но вполне ли удовлетворяетъ насъ эта картина? Какъ этнографическая вѣрность — да; какъ чувство и смыслъ — да; но какъ разрѣшеніе задачи, какъ живопись — нѣтъ. Мы находимъ, что художникъ увлекся *каждой* фигурой, *каждою* личностью *отдѣльно*, и тѣмъ ослабилъ силу общаго впечатлѣнія. Эту же самую мысль, съ тѣмъ же самымъ пейзажемъ, съ тѣми же личностями, можно было высказать еще сильнѣе, добиться впечатлѣнія болѣе полного. — Что касается красокъ, то онѣ насъ вовсе не чаруютъ и не заставляютъ углубляться въ предметъ. Матерь слабо передана, снѣгъ не интересенъ: — они едва напоминаютъ природу, — въ нихъ нѣтъ поэзіи.

Въ картинѣ могло бы быть больше единства, сосредоточенности; въ ней нѣтъ фокуса, она разорвана, и оттого часть впечатлѣнія потеряна. Въ чемъ же состоитъ ея разорванность? Сани ѣдутъ отъ зрителя въ глубь картины, а женскія фигуры идутъ вдоль рамы. Эти двѣ линіи разрываютъ вниманіе, разъединяютъ его, а не сводятъ его въ

одинъ центръ. Еслибы женскія фигуры шли отъ зрителя туда же, въ глубину, за саванми, и менѣе рисовались передъ глазами, — картина выиграла бы очень много. Видно, что художнику жаль было скрыть то, что онъ прослѣдилъ съ такою любовью, — и тутъ-то заговорилъ уже не самый предметъ, а я, т. е. личность художника. Нѣкоторые объясняютъ себѣ это разъединеніе линій холмомъ, поворотомъ; но художникъ — хозяинъ картины, и можетъ сочинить какъ ему угодно: — уничтожить холмъ, когда онъ лишній, и поставить — если онъ нуженъ. *Бабусь-мать*, въ этой картинѣ, нравится намъ чрезвычайно. Она подмѣчена тонко, вѣрно, съ большимъ чувствомъ. Художникъ увлекся ея значеніемъ и выразилъ его прекрасно, но этимъ опять отвлекъ вниманіе отъ центра дѣйствія. Словомъ, выраженіе этой старушки спорить съ выраженіемъ одного изъ рекрутъ. Сотскій, удаляющійся въ *тонахъ* ногами, близокъ кафтаномъ, и тѣмъ мѣшаетъ глазу. Притомъ и онъ идетъ — какъ и двѣ женщины — въ профиль. *Полюничъ* лѣпится тонами къ рекруту. Лошади удалены недостаточно, тогда-какъ мятель должна бы еще болѣе смягчить и удалить ихъ.

Что касается до выраженій, то лучшее у *пáробка*, подпершаго рукою голову; оно глубоко, трогательно, вѣрно и поэтично. Но... мнѣ кажется — оно могло бы быть еще сильнѣе и ужаснѣе. Другой, глядящій на *молодицу*, и сама молодица насъ не удовлетворяютъ. Задуманы оба хорошо, но оба выполнены нѣсколько *гримасно*, и это — отъ слабости рисунка и грубости красокъ. Выраженіе молодицы намъ кажется слабѣйшимъ мѣстомъ въ картинѣ.

Попробуемъ теперь устранить женскія фигуры; пусть ихъ провозжанье кончилось. Начинающаяся мятель заноситъ путниковъ; они смотрятъ вдаль, оторванные отъ всего роднаго. Вожатый идетъ за саванми, пожалуй... И вотъ — новая картина, еще безотраднѣе, еще суровѣе. Тутъ негдѣ отдохнуть: ни плачущей матери, ни молодиці!...

Попробуемъ посадить въ сани и мать и молодицу съ ребенкомъ. Неужели онѣ будутъ все идти, идти въ даль и даль, — пока могутъ?! Или онѣ отстанутъ, проводя еще не много?.. Едва ли! — Будетъ ли молодица также заливаться слезами уже въ степи, на морозѣ, въ мятель, въ снѣгу и сугробахъ? Не замретъ ли ея отчаянье, не окоченѣетъ ли лицо и не отупѣетъ ли чувство?.. И, навѣрное, она не оставитъ ребенка открытымъ. Она голосить, плачетъ, убивается, держитъ дитя на одной рукѣ, а все другою закрываетъ, — сердце ея чувствуетъ!.. не сядетъ ли

она къ милomu?... И вотъ опять новая картина!... Пошли между ними разговоры, тоже съ плачемъ, тоже съ рыданіемъ...

Всѣ эти раздумья показываютъ занимательность, жизненность и достоинство картины; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это сомнѣнье и желанье еще чего-то доказываютъ — сомнѣнье самого автора, не совершенно ясное сознанье его. Неудовлетворенное желанье доказываетъ, что художникъ самъ не дошелъ до конца, до предѣла своей мысли; что въ немъ самомъ было колебаніе; съ колебаньемъ онъ писалъ, — колебанье передалось и намъ. Предположеніе и догадки суть слѣдствіе неувѣренности самого художника, разорванности чувства, — тогда какъ картина есть *одимъ* моментъ, полный и цѣльный.

За всѣми этими недостатками, повторимъ опять, картина полна достоинствъ. Своею *добротою*, любовью и грустью она влечетъ къ себѣ. Намъ остается одно: пожелать художнику, чтобъ онъ шелъ впередъ, разрабатывалъ себя, какъ началъ — не увлекаясь ни похвалами публики, ни похвалами академіи. Пусть *сознанная* цѣль будетъ для него всего дороже; пусть похвалы не усыпляютъ его, а года придадутъ ему только опытности; пусть самъ онъ бичуетъ себя, отдавая себя на немилосердную критику, уходя изъ кружка своихъ поклонниковъ, которые покроютъ его какъ тиною. Смотрите на все съ полнымъ разборомъ и смиреніемъ учащагся, а не съ нахальствомъ профессора, *тыкающаю мльомъ въ картину, или чертлицаю ногтемъ по рисунку.*

Неминуемо время, когда мы, усталые въ борьбѣ, дѣлаемся менѣе воспримчивы, болѣе упорны, и день ото дня — деревянѣемъ. Время это приходитъ тѣмъ ранѣе, чѣмъ человекъ самодовольнѣе, чѣмъ не осмотрительнѣе идетъ, и чѣмъ болѣе поддается похвалѣ. Не засыпайте, шевелите и тревожьте себя; живите, боритесь, ѣздите за границу, не заставляйте себѣ горизонта русской ширмой; ищите оцѣнки не только тутъ, въ этой горсти, гдѣ такъ легко стать идоломъ, — но добивайтесь разбора и суда надъ собой вездѣ, во всемъ просторномъ и разнородномъ художественномъ мірѣ. Сближайтесь съ художниками иностранными: они разовьютъ ваши собственные убѣжденья и приведутъ васъ — къ постоянно новому результату; изучайте ихъ произведенія, какъ можно болѣе. Сближайтесь еще болѣе съ народомъ, и вы убѣдитесь въ той истинѣ, что *ничего еще не знаете*; но въ этомъ-то грустномъ убѣжденіи и будетъ вѣрное ручательство силы вашего художественнаго ума и развитія. Тогда вы снова начнете трудиться, все-болѣе и болѣе углубляясь въ это море мысли и истинной поэзіи.

Безъ изученія, не только Пржецлавскій не произведетъ ничего, но и К. Брюлловъ надломится, неудовлетворивъ самого себя. Внимательное изученіе предмета, умъ и добросовѣстность привели К. Брюллова къ смертному приговору надъ самимъ-собою, къ сознанью своей слабости, безхарактерности фигуръ въ его картинѣ «Осада Пскова», и недостатка въ нихъ народнаго типа. Хотя Брюлловъ увлекался иногда идеей этой картины, хотя схватилъ въ ней сущность дѣла, — общій духъ религіознаго увлеченія того времени, — но далѣе не пошелъ, и картина осталась не конченною ⁽¹⁾. Картины изъ жизни Римлянъ и Грековъ, — сюжеты изъ исторіи Ассирій, изъ міеологіи и библіи, — выполнять гораздо легче. Множество матеріаловъ разработано, а жизнь эта такъ далека отъ насъ, что провѣрить ее невозможно. Чтó ни напиши — все сойдетъ съ рукъ, все будетъ «около того».

Всѣ другія произведенія И. И. Соколова далеко отстали отъ разобраннаго выше. Мы помнимъ его праздникъ *Ивана-Купала* ⁽²⁾, который показался намъ сценой лишней интереса, но какимъ-то сводомъ всѣхъ впечатлѣвій, испытанныхъ во время первой поѣздки художника по краю. *Гаданіе вѣнками* задумано поэтично, двѣ изъ женскихъ фигуръ очень милы и интересны, но эта Малороссія пахнетъ Италіей. Лежащая въ лодкѣ фигура намъ кажется невозможною. Небо очень глухо, безъ эяира и повзів, безъ глубины, и ежели бы бѣлое пятно, вмѣсто луны, уничтожить, — картина много бы выиграла. *Пасічникъ* ⁽³⁾, а еще болѣе *Мать, умывающая ребенка* ⁽⁴⁾, лишены національнаго характера. *Хата съ дворикомъ* ⁽⁵⁾ была бы прелестна, если бы живопись имѣла болѣе таинственности и не была бы такъ красна, и если бы воздухъ не былъ такъ безвоздушенъ и непривлекателенъ.

Вотъ все, чтó мы знаемъ изъ работъ И. И. Соколова, касающагося южнорусской жизни.

Русское искусство начинаетъ теперь свое болѣе быстрое развитіе. Потеря Брюллова приноситъ уже большую пользу. Нѣтъ болѣе диктатора, нѣтъ могучаго предводителя, который давилъ своею силою и способ-

⁽¹⁾ Эта картина Брюллова, жизнь и конецъ Иванова и Гоголя, представляютъ борьбу двухъ началъ, весьма любопытную въ психическомъ отношеніи. Твореніе Гоголя сожжено, картина Иванова и Брюллова не кончены, — а какая разница въ личностяхъ!

⁽²⁾ У К. Т. Солдатенкова. ⁽³⁾ У Ф. И. Приишника.

⁽⁴⁾ На постоянной выставкѣ.

⁽⁵⁾ Въ Обществѣ Поощренія Художниковъ.

ностью неопытную, недоразвившуюся, робкую молодежь и осмѣивалъ ее своимъ острымъ словомъ. — Старая школа рушится; молодежь идетъ на новую дорогу, и это движеніе есть успѣхъ. Отсутствіе диктатуры и колебленный авторитетъ старой академіи ручаются за разнообразіе взглядовъ, за сформированіе самобытностей. Теперь художники ѣздятъ не только въ Италію, гдѣ остаются десятками лѣтъ, но живутъ и въ Мюнхенѣ, и въ Дюссельдорфѣ, и въ Берлинѣ, и въ Парижѣ. Ихъ отсталыя условныя понятія терпятъ насмѣшки; строгія критики переворачиваютъ ихъ систему и приводятъ не только къ новымъ, но часто и къ совершенно-противнымъ убѣжденіямъ. Уже они перестаютъ бранить съ размаха все иноземное искусство; уже подобныя выраженія, какъ «*нѣмецчина*», «*французятина*», не повторяются безсмысленно устами художниковъ, ищущихъ истины. Подобныя выраженія уже не смѣшны, а пошлы и жалки, роняя не націю, а тѣхъ, кто ихъ произносятъ.

Всякое убѣжденіе и всякое направленіе особой личности — не только націи — достойно изученія... а едва зарождающееся русское художество уже бранить результаты вѣковыхъ усилій, — вѣковое развитіе Запада?! Многимъ, вѣроятно, случалось слышать у насъ самыя *строія* сужденія объ иноземныхъ художникахъ, на томъ основаніи, что «у насъ есть все *лучшее*», что «все *лучшее* привозится къ намъ». Но по какому же праву тотъ, кто не видѣлъ ничего другаго, можетъ назвать *это* лучшимъ? Основываясь на мнѣніи своихъ *старшихъ* братій? Но имѣютъ ли эти старшіе свое мнѣніе, приобрѣтенное *изученіемъ*? Нѣтъ, мнѣнія ихъ также основаны на словахъ другихъ старшихъ, на журналахъ, фельетонахъ, словомъ — на молвѣ и успѣхѣ. Но кто же не знаетъ, что успѣхъ и молва очень часто бывають дѣломъ коммерческимъ? что за 200 франковъ любое имя прогремитъ разомъ въ девяти журналахъ Европы? И какую цѣну можетъ имѣть молва передъ собственнымъ убѣжденіемъ? Не ужели и въ этомъ случаѣ надо сказать по привычкѣ: «слушаю-съ»? А такншъ-то именно образомъ создались у насъ многія репутаціи и даже — *убѣжденія*. Но какія же могутъ быть убѣжденья тамъ, гдѣ нѣтъ критики и нѣтъ терпимости къ возраженіямъ? Мы только словами спрашиваемъ чужое мнѣніе, но на дѣлѣ желаемъ лишь похвалы себѣ. Мы способны слушать не критику, а докладъ; намъ пріятенъ фиміамъ, и за нимъ мы не видимъ свѣта. — Три вѣка тому назадъ создались академическія понятія; съ того времени образованіе ушло далеко и несется на парахъ еще далѣе, и чѣмъ далѣе уйдетъ образованіе, тѣмъ многостороннѣе будутъ требованія художества. Какъ же люди, не слѣдящіе за ходомъ

развитія науки и человѣка, могутъ однимъ повтореніемъ прошлаго удовлетворить жизни! Когда Европа идетъ впередъ едва ли не съ каждымъ ударомъ маятника, когда время сбрасываетъ съ пьедестала временныхъ кумировъ, мы еще кланяемся имъ; мы одни остаемся старообрядами. Что было лучше вчера, то можетъ быть не лучшимъ сегодня. Сравнимъ понятія вѣковъ: какъ мѣнялись они одно за другимъ, какъ сходили со сцены божество за божествомъ, увлеченье за увлеченьемъ, мода за модой; какъ удалялись одинъ за другимъ законодатели искусства, оставляя за собою сказанное слово, сказанную рѣчь, а понятія складывались все шире, все просторнѣй и разнообразнѣй! Каждая изъ личностей служила однимъ колесомъ въ общей машинѣ. Одна за другой поднимались волны, одна за другой разбивались о несокрушимое время, и умолкали въ безднѣ этого моря; но ничто не тревожило и не разбудило этихъ людей: бури въ искусствѣ чужды имъ, стоятъ они далеко на покойной сушѣ и жизнь съ борьбой имъ не доступна! Художественный міръ ихъ ограничивается самымъ малымъ числомъ артистовъ. Такъ, мы до сихъ поръ не бракуемъ *Давида*, рисуемъ съ женоподобнаго *Кановы*, удивляемся мелкому *Мену*, вѣримъ въ возможность нелицемернаго существованія *пуризма*, смотримъ сквозь тускляя очки на *Каульбаха* и оттого не понимаемъ его; требуемъ отъ другихъ того, чему насъ учили, и не хотимъ брать то, что намъ даютъ; считаемъ *Гораса Верне* живописцемъ, благоговѣемъ передъ *Деларошемъ*, и т. д. Еще два-три художника, и вотъ весь нашъ міръ, всѣ наши свѣдѣнія. Мы сами себя отгораживаемъ китайскою стѣной, и чужой міръ для насъ потѣмка, а совершенство и самостоятельность невозможны. Какъ оскорбятса, напр.; многіе, если сказать, что вѣнецъ нашего художественнаго міра—Деларошъ, нравится намъ потому только, что онъ ближе къ нашимъ понятіямъ, а наконецъ и потому, что большинство изъ насъ его не знаетъ. По личному нашему убѣжденію, Деларошъ есть продолженіе академизма; онъ нѣсколько видѣлъ недостатки академіи, желалъ оторваться отъ нея и — не могъ; силы его были слабы; — природа не дала ему творчества. Вспомнимъ, напр., *Иоанну Грей*, съ ея чистенькими, заостренными и врозь разставленными пальчиками, съ чистенькой разостланной соломой и опущенными у всѣхъ глазами; вспомнимъ его *Лорда Страдфорта*, гдѣ такъ манерно вытянуты и такъ эффектно придуманы благословляющія изъ-за рѣшетки руки; вспомнимъ театральныхъ *Жирондистовъ*, *Снятіе со креста*, *Кромвеля*, *Моленіе о чашѣ*, *Карла*, *Марію Антоанету* и проч. и проч. изъ его произведеній... Гдѣ въ нихъ правда, простота, сила,

наивность, поэтическое увлечение? Далеко ль онъ отошелъ отъ академизма и сцены? Все у него взвѣшено по-аптекарьски. Деларошъ былъ актеръ и чрезвычайно хорошо понималъ условія сцены; онъ былъ окруженъ кланкерями, за которыми вслѣдъ и мы хлопали. Мы лично всегда будемъ изучать Делароша, уважаемъ и будемъ уважать его всегда за упорное домогательство добиться истины; онъ будетъ намъ служить примѣромъ глубокаго анализа и труда; но любить его мы не можемъ, — и плакать, когда хочется смѣяться, не можемъ. Честолюбіе разжигало его къ труду, онъ напрягалъ, натагивалъ всѣ свои силы, но не зналъ вдохновенія (¹).

У насъ искусство едва прививается къ жизни; едва начинается связь и дружба между народомъ и художниками, едва завязывается узелъ; а тамъ, на Западѣ, они почти слились уже въ одно тѣло; тамъ искусство перекипѣло, перебродило, пережило всѣ доселѣ извѣстныя направленія, всѣ школы и взгляды и дошло до сознательнаго существованія, до постояннаго, каждодневнаго новаго интереса и новаго движенія впередъ. Тамъ все затрогнуто и все разрабатывается; — у насъ искусство бредетъ, едва сознавая себя, едва вѣря въ необходимость своего существованія, и живетъ подавнѣемъ и милостыней.... А между тѣмъ, отупѣвши въ своей замкнутости, оно дошло до того, что провозглашаетъ себя *первенцемъ*, солнцемъ этого міра, закономъ, въ силу котораго все должно двигаться и передъ приговоромъ котораго все должно преклоняться!...

Искусство идетъ съ исторіей народнаго развитія и образованія. Кичится своимъ знаніемъ одно невѣдѣніе. Гдѣ народъ безграмотенъ, гдѣ еще такъ свѣжъ въ памяти споръ о пользѣ грамоты, — тамъ искусство стоять въ уровень съ Европой не можетъ. Оно не можетъ быть развито, когда еще не развитъ народъ. Таланты отдѣльно появляться могутъ, но они гибнутъ на этой почвѣ, и существованіе ихъ возможно только до извѣстнаго градуса, далѣе котораго они не поднимаются; ледяная атмосфера ихъ замораживаетъ, свинцовый небосклонъ ихъ душитъ.

Академисты наши обыкновенно восхваляютъ русское искусство за рисунокъ. Но вѣдь дѣло въ томъ, что называть *рисункомъ*? Если рисунокъ есть знаніе *пропорцій*, какъ учатъ академисты, и притомъ пропорцій *условныхъ*, которыя принимались академіями за аксіому, — то въ чемъ-же тутъ достоинство? И Египтяне также, съ помощью циркуля, высѣкали статуи и сфинксовъ; — это арифметика, которой можетъ

(¹) Лучшими произведеніями его мы считаемъ: академическій фрескъ, эскизъ котораго еще лучше фреска, и эскизы изъ послѣднихъ дней жизни Христа.

выучиться всякій; это правила для орнаментщика, для неуча, чтобы удержать его отъ большаго безобразія, — костыли для безногаго! Знаніе этихъ условныхъ правилъ не даетъ права называться рисовальщикомъ, и подобныя понятія доказываютъ совершенное непониманье рисунка. *Рисунокъ* — это тонкое поэтическое чувство и смыслъ черты; это чувство формы, жизнь въ чертѣ, — чому, конечно, ни одна въ свѣтѣ академія не выучитъ! Кто лишень этого чувства, тому госпитали не помогутъ! Какимъ невѣждой назоветъ того академія, кто скажетъ, что уважаетъ *Рембранта* за *рисунокъ*; что Рембрандтъ рисовалъ *прекрасно*, — что надо *учиться* сочиненію у него, да у *Бетювена*.... Какая параллель открывается между этимъ взглядомъ и академическимъ? Чтò общаго?!

Сочиненія академическія тоже подведены подъ циркуль, доведены до архитектуры, до геометріи и математической выкладки. Апоееосъ этихъ сочиненій мы видимъ въ бездарныхъ и холодныхъ произведеніяхъ всѣхъ академистовъ; курсъ этого ученія отпечатывается почти во всѣхъ ихъ произведеніяхъ. Академическими условіями художникъ скованъ и не знаетъ свободнаго полета. Мы съ горестью видимъ тому доказательство въ талантахъ первой величины. Глядя на натуру, и съ натуры рисуя фигуры и группы, которыя такъ прелестно составились и имѣютъ въ себѣ столько смысла, — невольно приходишь къ полному опроверженію всѣхъ академическихъ условій. *Академистъ* — это какое-то искусственное произрастеніе, изуродованное и обезжизненное, въ сравненіи съ дѣйствительною жизнію.

Живопись академій подведена подъ тѣ же, легко удовлетворяющіяся правила, и молодому художнику, проходящему академическіе классы, приходится терпѣть такія ампутаціи, что изъ него остается едва замѣтный призракъ человѣка. Прощай молодость, прощай живые порывы ума и сердца! Юноша пересоздается въ упрямаго старика, закоснѣлаго въ понятіяхъ, нетерпящаго возраженій, восхваляющаго мѣсто, гдѣ выслужился, превозносящаго только себя и свой департаментъ, котораго членомъ онъ уже сдѣлался! Гдѣ ему уразумѣть западный міръ и ему сочувствовать! Тамъ его не признають, — тамъ такая неурядица, отсутствіе дисциплины, ломка; тамъ тысячи художниковъ идутъ каждый своей дорогой, каждый съ своимъ собственнымъ взглядомъ!... Потому-то западный міръ и представляется ему неразумною толпою; — и дѣйствительно, трудно сойтись полюсамъ... Академисты называютъ европейскихъ художниковъ шарлатанами....

К. Брюлловъ превознесъ Калама, — и всѣ сняли шапки, всѣ поклонились Каламу и чуть не молятся на него; ѣдутъ къ нему учиться и не признаютъ никого выше Калама. Все, что не Каламъ, то худо; и Боже избави сказать, что *Каламъ сухъ!* — За то Е. Делакроа, Густ. Дорре — даже не художники, — въ нихъ нѣтъ ничего, что мы привыкли уважать; они не выполняютъ никакихъ академическихъ требованій, для которыхъ мы пожертвовали всѣмъ, и до которыхъ дошли искалѣченные! Для насъ Тройонъ, Барри, Добиньи, Эберъ не имѣютъ никакой цѣны, — они не кончаютъ! Что же называется *окончаніемъ?*.. Сознаемся лучше, что мы просто неспособны понимать ихъ; — они *живутъ* жизнью, а мы *существуемъ* рутинно!

Несостоятельность наша въ критикѣ видна постоянно. Намъ нужны авторитеты, за которыми мы готовы говорить что угодно, не разсуждая; но самими намъ, и до сихъ поръ еще *«какъ можно смѣть свое сужденіе имѣть?!»*

Явился К. Брюлловъ, и все предъ нимъ преклонилось; всѣ, казалось, *судили*, — потому что повторяли сужденія Брюллова. Умеръ К. Брюлловъ, — умерла и голова. Явился Ивановъ, и общество смутилось, не зная — что сказать. Взглядъ Иванова на искусство совсѣмъ противоположенъ *нашему*, — хвалить ли, бранить ли его?... Все это происходитъ отъ незрѣлости, отъ малочисленности, отъ невѣрности во взглядѣ! Дайте картину Иванова въ Европу, — десятки тысячъ огладятъ ее, и огладятъ съ толкомъ, сознательно, самобытно, и скажутъ свое слово, не потому, что другіе такъ сказали, не ради повторенія эхомъ приговора другихъ, — а потому, что у cadaго есть свой идеалъ въ головѣ; и вотъ — картинѣ отведено въ сферѣ искусства, принадлежащее ей мѣсто, и молодежь ясно поняла современный взглядъ. У насъ же критика въ рукахъ Академіи.

Академіи, давая циркульный рисунокъ, циркульную композицію, *циркулярныя* краски, не дали въ міръ художества ни рисунка, ни сочиненія, ни красокъ.

Выводъ и доказательство всего сказаннаго — на *нашей выставкѣ*. За неразвитостью рисунка, за отсутствіемъ внутренняго содержанія, за грубостью красокъ, и наконецъ — вслѣдствіе условныхъ правилъ, господствующихъ въ нашемъ художествѣ, выставка скучна, утомительна; душа страдаетъ, едва отдыхая минутами; боль въ глазахъ до сверденія! Этихъ желтыхъ и красныхъ красокъ, какъ ножомъ обрѣзанныхъ безвоздушныхъ контуръ — забыть нѣтъ силъ!...

Какъ неуловимъ тонкій художественный рисунокъ, такъ неуловима и живопись. Цѣльность красокъ не есть художественная живопись; присутствіе ихъ въ картинѣ показываетъ такое же непониманіе живописи, какъ признаніе математическихкихъ вычисленій размѣровъ тѣла за рисунокъ. Живопись есть отсутствіе красокъ. Гдѣ видны краски, тамъ не художественная живопись; такъ росписанная картина не многимъ лучше китайскаго раскрашиванья, а часто и хуже, потому что лишена его наивности. Картина можетъ быть написана вѣрно, даже очень вѣрно, можетъ напоминать собою натуру, — но это еще не будетъ художественность. Что же такое живопись?... Объяснить это трудно, не указавъ на двѣ различнаго достоинства картины; и кто, при такомъ сравненіи, не пойметъ разрѣшенія вопроса, тому объяснить это почти невозможно. Тамъ только живопись, гдѣ художникъ употребляетъ краску, какъ средство высказать прелесть тоновъ; гдѣ онъ чаруетъ васъ и овладѣваетъ вами, такъ-что вы вполне находитесь подъ вліяніемъ гармоніи его красокъ. Тогда только художникъ постигъ живопись, когда вы заняты его работой, всматриваетесь и не налюбуетесь, и не понимаете, какъ все это сдѣлано; когда онъ своими тонами не бьетъ васъ по глазамъ, не стучитъ отрывисто и глухо какъ полѣномъ, а издаетъ звукъ музыкально, восхищаетъ васъ и услаждаетъ; когда вы видите въ краскахъ переливы тоновъ, то тихіе и пріятные, то сильные и могучіе; когда вы сто разъ видѣли картину и вновь жадете ея впечатлѣнія, еще разъ хотите податься ея обаянію, еще разъ хотите вдыхать въ себя услажденіе ею, снова пытаетесь понять умѣнье и силу художника, но увы — не можете! То не живопись, когда вы, подойдя къ картинѣ, наклоните голову на одинъ бокъ, наклоните на другой, и скажете: «посмотри-ка, вѣдь это мокро, вода!» и пойдете далѣе; а то живопись, когда вы смотрите и не насмотритесь, и чѣмъ болѣе вглядываетесь въ краски, чѣмъ глубже хотите въ нихъ проникнуть, тѣмъ безпредѣльнѣе чувствуете ихъ силу и отраду глядѣть; и цѣлый міръ, полный очарованія, представляется вамъ.... Въ какомъ нибудь камнѣ художникъ открываемъ вамъ цѣлую жизнь, для васъ до того невѣдомую.... Что вамъ натура! тамъ этого нѣтъ! И откуда взялъ онъ эту прелесть? какимъ духомъ увидѣлъ то, чего вы никогда не видали?!... Что васъ влечетъ къ такой картинѣ? Сюжетъ? Его нѣтъ.

Живопись — важнѣйшій отдѣлъ картины. Кто силенъ чертой, — тотъ можетъ выразить свою мысль рисункомъ, картономъ; кто силенъ свѣтомъ — пиши однотонныя картины; но оба эти художника еще не будутъ

живописцами. Взявъ въ руки краски, должно изливаться ими свое чувство къ цвѣту, какъ чертой передаютъ чувство формы; надо добиваться красками до волшебнаго впечатлѣнія и передать поэзію, прелесть цвѣтовъ, — а не удовлетворяться *раскраскою*, или приблизительно-вѣрными тонами. Намъ нужна не вѣрность, — да никто до нея и не дойдетъ: всякій видитъ по своему. Намъ нравятся Рафаэль и Микель-Анджело развѣ потому, что они изображали *вѣрно*? Они видѣли натуру совершенно различно; — это въ нихъ и нравится, это-то въ нихъ мы и изучаемъ. Дагерротипъ представляетъ предметъ гораздо *вѣрнѣе*, нежели величайшій художникъ, но мы не ставимъ его выше художника. Мы цѣнимъ *взглядъ* художника, какъ плодъ его изученія, какъ впечатлѣніе, которое онъ чувствуетъ, глядя на натуру. Зачѣмъ же академія преслѣдуетъ развитіе личнаго направленія и подводитъ всѣхъ подъ форму?...

Пройдя по заламъ Академіи Художествъ, невольно удивляешься несоотвѣтственности этого зданія своему назначенію — содѣйствовать развитію искусства. Оно живо напоминаетъ то отдаленное время, когда думали о фасадахъ и не думали о внутреннемъ устройствѣ, т. е. думали о формахъ, о внѣшности, а не о содержаніи. Во всемъ зданіи темно; во всей академіи, а слѣдовательно, и во всей русской имперіи — *нѣтъ мастерскихъ!* ⁽¹⁾ Для занятій гравера, архитектора, — свѣта достаточно; но возможно ли заниматься тамъ живописцу, у котораго вся работа, все развитіе основаны на свѣтѣ? Какой усиліяхъ можетъ сдѣлать живопись съ этими щелями, вмѣсто оконъ? Для чего, напримеръ, Академія развела садъ? не полезно ли было улучшить залы и сдѣлать мастерскія? Въ Академіи каждый аршинъ принадлежитъ мысли, каждый аршинъ долженъ приносить пользу художественному развитію. Если въ лучшихъ климатахъ дѣлаютъ для художественныхъ работъ большія окна, то здѣсь, въ пасмурномъ и сѣромъ Петербургѣ, гдѣ дни безъ свѣта цѣлыми мѣсяцами, — надо дѣлать окна вдвое, втрое болѣе. Отъ этого обезображивающаго свѣта все теряетъ свою силу, и хорошее уравнивается съ дурнымъ. На выставкѣ мы Ахенбаха не узнали. Чтобы сколько нибудь оцѣнить вещь, надо забѣгать со всѣхъ сторонъ, вглядываться, измучиться, и все-таки уйдете, вынося смутное заключеніе. Какое безцеремонное обращеніе съ работой, какое равнодушіе! Публика предъявляетъ свои требованія относительно художниковъ: почему же ху-

(1) Виноваты, они есть: *три въ Академіи*, три частныхъ, въ Петербургѣ и одна — подъ Черниговомъ; но что значить это число для такой огромной Имперіи?

доянники, въ свою очередь, не имѣютъ права ожидать отъ академіи спосособовъ къ своему развитію?

Жалкая жизнь художника здѣсь! Жизнь другихъ людей обставляется удобствами, доходящими часто до роскоши, до утомительнаго избытка, а жизнь художника — совсѣмъ другая! Не говорю о вѣчныхъ нуждахъ, о вѣчной борьбѣ съ собою; не говорю о голодающей и забнувшей семьѣ — все это художникъ переноситъ героически, но его заѣдаетъ квартира. Отсутствие свѣта его уничтожаетъ. Художникъ лишень свѣта, безъ котораго нѣтъ ему развитія, — на которомъ основано все существованіе живописи, — но этихъ требованій никто и слушать не хочетъ.... Кончается тѣмъ, что художникъ, смятый судьбой, мало по малу теряетъ потребность развитія, мирится съ своимъ положеніемъ, подавляетъ день ото дня свои порывы, и превращаетъ искусство въ ремесло, для добыванія насущнаго хлѣба. Да! когда жизнь другихъ убирается въ комфортъ и роскошь, художникъ, какъ нищій, лишень самыхъ необходимыхъ условій жизни и тупѣетъ отъ безчеловѣчнаго помѣщенья.

Прибавимъ еще, что болѣе половины выставки надо было бы выкинуть: тогда удовольствія и простора было бы болѣе, усталости менѣе, и наконецъ, было бы мѣсто устроить сидѣнья. Какая цѣль — выставять безобразіе? Выставка есть художественная бесѣда, а часто и урокъ публикѣ: зачѣмъ же засорять и безъ того жалкую выставку? Принимать всего нельзя; это вредитъ хорошимъ произведеніямъ.

Во время послѣдней французской республики задано было на конкурсѣ — изобразить республику. Участвовать могли всѣ, и къ выставкѣ набрались тысячи проектовъ. Бездарная масса своими дюжинными произведеніями поглотила, утопила въ себѣ даровитое меньшинство. Всѣ ходили смотрѣть лишь на каррикатурныя произведенія, чтобы посмѣяться; они-то и заняли все вниманіе публики. Что жъ за цѣль угощать пошлыми вывѣсками и усиленными попытками бездарности произвести *что-то?!*

Хотѣлось бы поговорить еще о первыхъ впечатлѣніяхъ русскихъ художниковъ за границей и о житѣи ихъ тамъ; но статья наша и такъ вышла длинна, а потому поспѣшимъ кончить желаніемъ, чтобы развитіе народной живописи усилилось, но не изъ моды, а изъ дѣйствительной потребности, чтобы русскіе художники имѣли въ себѣ менѣе увѣренности и самохвальства, и чтобы дожить намъ до того, когда не мы сами, а и Европа признаетъ въ насъ новый, высказывающійся элементъ, новый залогъ для

дальнѣйшаго развитія человѣчества, и найдетъ въ насъ новую силу для общечеловѣческой жизни.

Но прежде чѣмъ окончу статью, я позволю себѣ спросить академію: гдѣ картоны, сдѣланные для Исакиевскаго собора?? Носятся слухи, будто картонъ А. Т. Маркова *»Встрѣча Іосифа съ Іакобомъ«* — изрѣзанъ неизвѣстно кѣмъ. Мы видѣли долгое время картонъ этотъ на одной изъ глухихъ академическихъ лѣстницъ. Еще разсказываютъ, будто колоссальные картоны К. Брюлова пропали какъ булавки? Мы не вѣрили, чтобъ Академія Художествъ, разсадникъ и распространитель искусства, допустила это, и надѣемся, что вслѣдъ за нашими строками недоразумѣнныя публики успокоится тѣмъ, что картоны явятся, изящно оправленные подъ зеркальныя стекла, въ залахъ академіи. Можетъ ли быть наконецъ, чтобы картоны Э. А. Бруни терлись, мялись и валялись въ сверткахъ? Все это, вѣроятно, клевета недоброжелателей Академіи, точно такъ же какъ и то, будто *»Осада Пскова«* валялась въ сверткѣ не одинъ годъ, и что ее не съѣли мыши — только благодаря каменнымъ поламъ академіи.

Л Е В Ъ Ж Е М Ч У Ж Н И К О В Ъ .

ХАРАКТЕРЪ И ЗАДАЧА УКРАИНСКОЙ КРИТИКИ.

Несовершенство труда извинительно; но нѣтъ оправданій для лѣности и равнодушія къ благороднымъ, важнымъ интересамъ и вопросамъ, — равнодушія, происходящаго или отъ невѣжества, или отъ корыстнаго разсчета, или отъ того и другаго вмѣстѣ.

Бѣлинскій.

Въ наше время постановкою повѣстей въ журналы занято очень много грамотнаго народа, но на повѣсть, равно какъ и на другія произведенія беллетристики, большинство читателей смотритъ какъ-то слегка. Автору охотно прощаютъ у насъ не только поверхностное знаніе того міра явленій, изъ котораго взята повѣсть, но иногда — и недостатокъ здраваго смысла. Тѣ же самые читатели строго осудятъ подобные недостатки въ историкѣ, естествоиспытателѣ, философѣ. Мнѣ кажется, что это съ ихъ стороны несправедливо и легкомысленно. Вѣдь и повѣствователь, и историкъ, и естествоиспытатель, и философъ взялись изобразить, каждый по-своему, жизнь въ ея истинѣ, а не обманчивый видъ жизни. Какое же право имѣютъ читатели строго порицать ихъ, въ случаѣ недостатка у нихъ фактической точности или вѣрныхъ соображеній, и въ то же время снисходить къ тѣмъ же самымъ недостаткамъ живописцевъ семейной и общественной жизни въ повѣсти, романѣ, поэмѣ и прочая? Вѣдь, осуждая ученаго, не изза чего другого мы хлопочемъ, какъ изза того, чтобы предохранить общество отъ обмана. Почему же мы равнодушны къ обману, въ который вводятъ общество плохіе писатели, на счетъ изображаемыхъ ими явленій жизни? Слѣдствія фальшивыхъ понятій по предметамъ исторіи, естествознанія, философіи никакъ не вреднѣе для успѣховъ общественнаго развитія, какъ и слѣдствія извращеннаго взгляда на окружающую насъ повседневность, на отношенія людей между собою, на общій характеръ народа, и прочая, и прочая. И если тамъ, въ порицаніяхъ нашихъ, мы управляемся сознаніемъ долга честныхъ людей, гражданъ своего отечества, членовъ своего общества, то и здѣсь тѣ же самыя по-

бужденія должны внушить намъ строго-разборчивую критику. Вникнемъ, какая цѣль у каждаго общественнаго дѣятеля, къ какому бы разряду работающихъ умовъ ни принадлежалъ онъ. Сдѣлать что-то еще не сдѣланное, то есть также, въ чемъ чувствуется потребность со стороны общества. Вотъ прямая и законная цѣль каждаго работающаго ума. Какъ же поступаетъ общество съ тѣми, кто возьмется сдѣлать еще не сдѣланное, да и кончить ничѣмъ? Оно ихъ осмѣиваетъ. А съ тѣми, кто не только ничего не прибавитъ къ общественному достоянію, да еще напутаетъ, перепортитъ матеріалы и затруднитъ работу истиннымъ общественнымъ дѣятелямъ? Оно ихъ строго обвиняетъ. Скажите же: не достойны ли осмѣяныя и упрековъ тѣ писатели, которые своими затѣями говорятъ: »Господа, вамъ не все еще извѣстно, положимъ, объ украинской жизни; мы вамъ покажемъ, посредствомъ повѣсти, украинскую жизнь съ новой стороны«, — и не только этого не исполняютъ, напротивъ, затемняютъ и то, что въ ней было ясно, какъ день? Тутъ обвинять надобно не ту критику, которая вооружена всею строгостью истины, а ту, которая смотритъ сквозь пальцы на подобныя продѣлки, выдаетъ людей бесполезныхъ за приносящихъ пользу и самихъ ихъ держитъ въ убивающемъ духъ самообольщеніи.

Но, можетъ быть, скажутъ мнѣ, что для критики не по силамъ трудъ — гоняться за всякою фальшью въ искусствѣ и разоблачать недобросовѣстность литературной работы относительно прилежнаго изученія изображаемой жизни разоблачать поддѣльность вдохновенія и фальшивую художественность образовъ. На это я отвѣчу, что и въ области научной умственной дѣятельности многое множество нечестностей оставляетъ критика безъ вниманія, и только на тѣхъ обрушивается всею грозю своего суда, кто выдвинулся впередъ и обратилъ на себя вниманіе значительной массы людей, жаждущихъ знанія. Такъ она должна поступать и въ области художественныхъ изображеній жизни. Пусть себѣ несутъ вздоръ люди, которыхъ никто или почти никто не слушаетъ. Можетъ быть, они и сами, поумнѣвъ съ теченіемъ времени, познаютъ тщету празднаго суесловія и, позабывъ свои высокія претензіи, смиренно и добросовѣстно примутся за обыкновенный, но необходимый трудъ, который не подвинется безъ дружныхъ усилій множества имъ подобныхъ. Такихъ достаточно вразумляетъ уже одно равнодушіе къ нимъ читающаго общества. Но эти господа, которые пренебрегаютъ трудомъ каменьщика, чтобы быть архитекторами эфемерныхъ зданій, — которые увѣрили толпу, что они что-то дѣлаютъ, тогда какъ они не прибавляютъ къ

массѣ сдѣланнаго другими ровно ничего, — этихъ критика должна преслѣдовать со всей неумолимостію истины.

Но здѣсь предстоить вопросъ: слѣдуетъ ли критикѣ употреблять всю свою разборчивость въ литературѣ юной, только что начинающейся, или же она должна ограничиваться указаніемъ на хорошее, предоставляя публикѣ самой замѣчать и порицать дурное?

Мнѣ кажется, что намъ надобно обратить вниманіе на особенность положенія нашей украинской литературы, вмѣсто того, чтобы прилагать къ ней правило потворства со стороны критики. Литература наша началась недавно — правда, но у нея передъ глазами литература столѣтняя, тѣсно съ нею связанная, и не далеко еще то время, когда въ этой столѣтней литературѣ, за пару удачныхъ стиховъ, производили въ поэты людей, глубоко прозаическихъ. Что же изъ того вышло? Прибавилось только русской критикѣ хлопотъ — развѣнчивать несправедливо увѣнчанныхъ, но русское слово, русская мысль ничего не выиграли; напротивъ, они запутались въ такія сѣти, которыя и въ наше время прорываютъ немногіе. Независимо отъ этого примѣра, рожденіе нашей литературы (разумѣется, не въ лицѣ Котляревскаго и его послѣдователей) совпадаетъ съ временемъ, когда общество отъ каждаго творенія ума человѣческаго начало настоятельно требовать несомнѣнно полезнаго положенія его къ общему дѣлу жизни и когда многіе задумались надъ вопросомъ: какую именно пользу должны принести обществу высоко развитое слово и высоко облагоустроенная мысль? Мы знаемъ, кто поощрялъ, кто покровительствовалъ и кто сдѣлалъ своимъ орудіемъ великорусскую литературу во времена ея неразумной юности. Литература украинская родилась посреди иныхъ нянекъ; ее хранили, во времена сомнительности ея бытія, иные люди; она послужила и должна служить инымъ цѣлямъ. Она — созданіе не небольшого кружка, устроившаго себѣ изыщную жизнь посреди толпы, для которой осталось только подчиняться его вкусу, его понятіямъ и самой его жизни: она — голосъ подобной толпы, но которая не признаётъ своими образцами просвѣщенныхъ людей, враждующихъ внѣ ея жизненныхъ потребностей, а напротивъ, увлекаетъ въ свою здоровую среду самыхъ развитыхъ дѣятелей просвѣщенія, со всею ихъ ученостью, со всѣмъ блескомъ ихъ артистической образованности. Всѣ эти люди, при всѣхъ личныхъ преимуществахъ передъ единицами своего простонародья, чувствуютъ и сознаютъ умомъ, что сила народнаго духа не въ ихъ ученыхъ и эстетическихъ кружкахъ, а именно въ этой массѣ, изъ которой каждая отдѣльно взятая личность почти безразлично

незначительна, но въ общности со множествомъ другихъ, себѣ подобныхъ, хранить законы литературнаго вкуса и народнаго смысла для самыхъ развитыхъ и самостоятельныхъ представителей нашей народности. Такъ какъ наши украинскіе поэты никогда не выходили изъ большого круга въ маленькій, никогда не творили для немногихъ и всегда, во время творчества, воображали вокругъ себя такъ сказать вѣче народное (отъ чего происходятъ и временная ограниченность сферныхъ творчества, и самобытная сила его); то произведенія ихъ должно почитать не игрушками удаленнаго отъ житейскихъ тревоженій кружка, а созданіями духа народнаго. Народъ же ничего не созидаетъ безъ практическаго, жизненнаго смысла. Народъ, въ произведеніяхъ поэзіи, сознательно и инстинктивно ищетъ удовлетворенія своихъ насущныхъ моральныхъ потребностей. Народъ можетъ построить, съ большими издержками, храмъ, дорогу, мостъ и общественное гульбище, но никогда не затѣетъ курьезной бесѣдки, стоящей милліона. Такъ и въ жизни чисто духовной никогда его великая и строгая мысль не займется игрушкой, ни къ чему не нужною массою и удовлетворяющею причудливому вкусу только немногихъ, а тѣмъ болѣе — игрушкой, передразнивающею дѣло серьёзное, или подражающею неприжънимой у него чужеземцинѣ. Такимъ образомъ каждое созданіе литературы нашей, какъ литературы, по преимуществу и почти исключительно народной, должно служить прежде всего на пользу нашего моральнаго существованія, отъ котораго находится въ совершенной зависимости существованіе матеріальное. Въ противномъ случаѣ, это будетъ сочиненіе самозванно-украинское и, какъ таковоё, неизбежно подвергнется молчаливому осужденію громады, которая останется къ нему равнодушна, и громкому осужденію критики, стоящей на сторожѣ чистаго вкуса народнаго и здороваго народнаго смысла. Послѣ этого вопросъ: «слѣдуетъ ли критикѣ употреблять всю свою разборчивость въ литературѣ юной?» разрѣшается самъ собою. Если на беллетристику смотрѣть, какъ на услажденіе праздныхъ досуговъ человѣка, гоняющагося только за пріятными ощущеніями; то конечно взыскательная критика многихъ смутитъ и остановитъ въ ихъ ревностномъ служеніи чужой забавѣ. Но когда писатель выступаетъ передъ свѣжее, развивающееся общество людей настойчиво добивающихся отъ писателя духовной пищи, удовлетворяющей народному вкусу, тутъ критику не кстати дремать въ покойныхъ креслахъ и съ просонковъ покрикивать: *браво, браво!* Онъ обязанъ воображать себя трибуномъ народнымъ: онъ долженъ постоянно содержать въ душѣ своей моральныя нужды своего народа и руководствоваться его поняті-

ями о самомъ себѣ, выработавшимися его жизнью и выражающимися въ его быту, въ его обычаяхъ, въ его изустной словесности. Какой же снисходительности можетъ ожидать отъ подобной критики псевдо-поэтъ, извращающій въ своихъ произведеніяхъ быть народный и противорѣчащій обычаямъ народнымъ, расторгающій связь, которая существуетъ и должна существовать между печатнымъ нашимъ словомъ и словомъ народнымъ изустнымъ? Снисходительность въ этомъ случаѣ будетъ лукавствомъ передъ своею грамадою, у которой критикъ служить докладчикомъ. Какъ фальшивый историкъ, такъ и фальшивый жрецъ беллетристики должны быть изблечены во имя общей пользы, во имя успѣховъ самопознанія, во имя стремленія къ лучшей будущности народа. Иначе — всё будутъ у насъ игрушки да игрушки, и никогда не выйдетъ наше общество изъ того легкомысленнаго дѣтскаго возраста, въ какомъ оно было во времена Котляревскаго. Задачею нашей украинской литературы должно быть строгое соотвѣтствіе ея созданій духу народному и его серьезному, жизненному, а не какому-то псевдо-народному, прихотливому, взгляду на вещи. Задачею нашей украинской критики должна быть строгая повѣрка литературныхъ созданій эстетическимъ чувствомъ и воспитаннымъ въ изученіи своей народности умомъ. Лишь только мы уклонимся отъ этой задачи, лишь только пренебрежемъ въ своей критикѣ общія основанія эстетики, приложенной къ новѣйшему народоизученію, — мы сдѣлаемся обманщиками собственного народа и самозванцами его дѣятелями; литература наша возсядетъ опять на подражательномъ парнасѣ, какъ во времена псевдо-украинскихъ виршъ кievскихъ академистовъ (только ужъ въ новой, парижской или петербургской одеждѣ), и народъ нашъ по-прежнему начнетъ искать отъ насъ убожища въ своей безграмотности, которая спасла его отъ духовныхъ академій и семинарій.

Прибавлю еще нѣсколько словъ къ общимъ моимъ замѣчаніямъ. Такъ какъ я упомянулъ о серьезныхъ требованіяхъ нашего народнаго духа, то читатель, невникнувшій хорошенько въ мои слова, можетъ сказать мнѣ, что я этимъ самымъ исключаю изъ украинской литературы легкую идиллію, алегію, шутку, и что я представляю себѣ народъ нашъ суровымъ мудрецомъ, который ищетъ въ жизни одной положительно определенной пользы. Отвѣчаю заблаговременно, что *серьезное* въ созданіяхъ фантазіи не одно только то, что разумѣется подъ этимъ словомъ въ философскомъ трактатѣ, или въ обычномъ ходѣ житейскихъ дѣлъ. Лишь только мы признали за своимъ народомъ имя поэта, то должны предполагать въ немъ полное разнообразіе способности принимать впечатлѣнія отъ внѣш-

няго міра и претворять ихъ въ собственную моральную сущность. Тотъ же народъ, который задумается глубоко надъ стихами:

Обідрана, сиротою
По-надъ Дніпробъ плаче, —

тотъ же самый народъ увлечется и противоположными, по душевному строю, стихами, какъ увлекается дѣтскими играми, или надеждами на счастье, соединяющимся въ нашей душѣ съ любовью. Было бы странно вообразать его сознающимъ, въ подобномъ увлеченьи, такую мысль: »это мнѣ полезно, это ведетъ меня къ тому-то и охраняетъ отъ того-то.« Не его дѣло, какъ развивающейся инстинктивно массы, работать въ мірѣ отвлеченныхъ идей: это дѣло его литературныхъ органовъ. Они-то, не переставая идти въ рядахъ своего народа, должны объяснять наиболѣе развитой его части внутренней процессъ эстетическихъ впечатлѣній и вліянье ихъ на здоровье и возрастаніе духа народнаго, — для того, чтобы предохранить всѣхъ и каждаго отъ нарушенія своей народности въ литературѣ. Строгое соблюденіе ея во всѣхъ безъ различія беллетрическихъ произведеніяхъ полезно потому, что народъ, котораго достояніемъ должны дѣлаться эти произведенія, сознаётъ, посредствомъ нихъ, свое украинское я, и слѣдовательно крѣпнетъ въ своей народности, и слѣдовательно дѣлается въ своей массѣ солидарнѣе, и слѣдовательно могущественнѣе противустоитъ всякому разлагающему вліянію другой народности. Вотъ оно, благотворное, жизненное дѣйствіе легкихъ произведеній лирики и комизма, въ которыхъ можетъ не быть и намекъ на моральную идею, и въ этомъ отношеніи Шевченко, въ своей элегіи: *На що мнѣ чорні брови*, такой же великій дѣятель, какъ и въ своей поэмѣ: *Катерина*. И тамъ, и здѣсь онъ заставляетъ сердце Украинца сознавать себя украинскимъ, а не какимъ либо сердцемъ, а между тѣмъ заслуги его, какъ автора, различны въ обѣихъ пьесахъ.

Вотъ нѣсколько мыслей, возникшихъ у меня въ умѣ по прочтеніи кой-чего писаннаго по-украински и кой-чего, выдаваемого за украинскую критику. Считаю не бесполезнымъ заявить ихъ въ общихъ выраженіяхъ, для тѣхъ изъ нашихъ земляковъ, которые изображаютъ жизнь украинскую художественнымъ способомъ, и для тѣхъ, которые берутся созерцать ее въ литературѣ способомъ философскимъ. Отъ души буду радъ, если мои напоминанія предохранятъ на будущее время нашихъ литературныхъ дѣятелей отъ погрѣшностей, которыя уже ими сдѣланы, но которыя бросаются въ глаза не каждому.

1 февраля 1861. С. Петербургъ.

П. Кулшъ.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ КОТЛЯРЕВСКІЙ.

I.

Въ прочтенной уже и оцѣненной по достоинству статьѣ П. А. Кулиша о Котляревскомъ (1-я книжка «Основы»), читателя не могли не замѣтить отсутствія жизнеописательныхъ подробностей. Хотя цѣлью автора было представить обзоръ литературной дѣятельности писателя, касаясь его жизни на-столько, на-сколько это необходимо для уразумѣнія содержанія и направленія поэтическихъ его произведеній; но жизнь Котляревскаго такъ полна и знаменательна, что зная ее поверхностно, нельзя вѣрно объяснить многія проявленія его общественной дѣятельности, и легко впасть въ заблужденіе при оцѣнкѣ его личности, какъ чело-вѣка и гражданина. Благодаря свѣдѣніямъ, собраннымъ и намъ сообщеннымъ А. В. Терещенкомъ, мы имѣемъ возможность — дополнить статью П. А. Кулиша многими данными изъ жизни Котляревскаго, яснѣе обрисовывающими эту истинно-почтенную личность прошлаго времени.

Предки Ивана Петровича Котляревскаго были природные малороссы. Отецъ его служилъ въ Полтавскомъ городскомъ магистратѣ канцеляристомъ; дѣдъ его былъ діакономъ успенской соборной церкви въ Полтавѣ (1). Въ бумагахъ Ивана Петровича сохранилось свидѣтельство уѣзднаго предводителя дворянства, 1793 года, о томъ, что онъ состоитъ въ числѣ дворянъ Полтавскаго уѣзда.

На высокой горѣ, за успенскимъ соборомъ, вблизи бывшихъ крѣпостныхъ окоповъ, стоитъ дубовый деревянный домикъ, уже (въ 1858 г.) полуразвалившійся. На сволокѣ этого домика вырѣзаны церковными буквами слова: «Создася домъ сей во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа,

(1) Сѣв. Пчел., 1839 г. № 146.

1705 року 30 августа«. Съ этой горы открываются живописные виды: на-право — сады, разбросанные по извилистой крутизнѣ, на-лѣво — луга и роши, между которыми тихо течетъ рѣчка Ворскла, воспѣтая самимъ Котляревскимъ и народомъ:

Течѣ рѣчка невеличка —
Ворскломъ називають;
Про ту рѣчку невеличку
Старці и діти знають.

Берега Ворсклы усажены бѣлыми хатами; за рѣчкою зеленѣютъ дубовые лѣса; вдали разсыпаны пески, а на горизонтѣ синѣетъ густой боръ. Въ этомъ домикѣ жилъ отецъ Котляревскаго, и родился, 29 августа 1769 года, извѣстный украинскій поэтъ.

Родители Котляревскаго были весьма недостаточнаго состоянія. Нерѣдко приходилось ему довольствоваться однимъ кускомъ хлѣба и ходить босикомъ; но живой и веселый нравъ помогали ему переносить домашнюю нужду. Съ дѣтскихъ лѣтъ проявилась въ немъ охота къ чтенію и усидчивость въ занятіяхъ. Его отдали ⁽¹⁾ учиться въ Полтавскую семинарію, гдѣ онъ окончилъ ученіе съ успѣхомъ. Еще на семинарской скамьѣ, онъ писалъ стихи и, за искусство подбирать рифмы, прозванъ былъ *рифмачемъ*. По выходѣ Котляревскаго изъ семинаріи, ему предлагали вступить въ духовное званіе ⁽²⁾, но онъ избралъ поприще свѣтское. Сначала Котляревскій находился, въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ домахъ, при дѣтяхъ учителямъ, и какъ страстный любитель роднаго языка, народныхъ обычаевъ и преданій, собиралъ этнографическія свѣдѣнія и писалъ Украинскія стихи. Нерѣдко онъ приходилъ переодѣтымъ на народныя гулянья, игры и вечерницы, и здѣсь-то изучалъ народную жизнь, которую потомъ такъ искусно представилъ, съ комической стороны, въ *Энеидѣ*.

Хорошія познанія въ польскомъ, латинскомъ и французскомъ языкахъ, умѣнье владѣть перомъ и свѣтлый умъ, казалось, могли бы скоро доставить ему успѣхъ въ службѣ, но, безъ покровителей, онъ попалъ лишь въ штатъ бывшей Новороссійской канцеляріи, въ іюлѣ 1779 г. ⁽³⁾.

⁽¹⁾ Когда именно — неизвѣстно.

⁽²⁾ Въ Малороссіи весьма часто поступали въ духовное званіе и дворяне, нерѣдко владѣвшіе и большими имѣніями. И теперь есть лица изъ благаго духовенства, которыя владѣютъ населенными имѣніями, на помѣщичьемъ правѣ.

⁽³⁾ Въ надгробной надписи сказано, что онъ родился въ 1769 г. августа 29; значитъ вступилъ на службу 10 лѣтъ! Или онъ только былъ въ нее записанъ, по обычаю того времени, или же ошибочно показанъ въ послужномъ спискѣ годъ вступленія его на службу? А. В. Т.

Здѣсь, черезъ годъ, его произвели въ подканцеляристы (1780 г.), потомъ въ канцеляристы (1782 г.), и наконецъ въ губернскіе регистраторы (1783 г.). Въ 1796 году, онъ оставилъ гражданскую службу и поступилъ кадетомъ въ сѣверскій карабинерный полкъ (бывшій впоследствии конно-егерскимъ); въ томъ же году произведенъ въ аудиторы; 1798 г. переименованъ въ прапорщики, въ февралѣ — въ поручики и въ 1806 г. — въ штабсъ-капитаны.

Изъ бумагъ Котляревскаго видно, что онъ былъ адъютантомъ генералъ-отъ-кавалеріи барона Мейендорфа, который командовалъ 2-мъ корпусомъ, дѣйствовавшимъ противу Турокъ. Въ 1806 г., онъ былъ избранъ, какъ отличный и рѣшительный офицеръ, для склоненія Буджацкихъ Татаръ къ содѣйствию видамъ правительства. Во время переговоровъ, жизнь его подвергалась опасности, то отъ неприятельскихъ выстрѣловъ, то отъ покушенія нѣкоторыхъ татаръ зарѣзать его. Онъ успѣлъ однако успокоить взволновавшуюся орду, уговорилъ ее быть преданною Россіи и привелъ въ свой станъ аманатовъ. За это дѣло онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3 ст., при присланномъ ему рескриптѣ Императора Александра I-го (1).

По вступленіи войскъ въ предѣлы Бессарабіи и Молдавіи (24 ноября 1806 г.), Котляревскій находился при взятіи крѣпости Бендеръ. Въ 1807 г. онъ былъ переведенъ въ Псковскій драгунскій полкъ и отличился въ сраженіяхъ съ Турками, особенно при крѣпости Измаилѣ; но походы разстроили его здоровье и онъ вышелъ въ 1808 г., въ отставку съ чиномъ капитана и съ мундиромъ. Причиною выхода его изъ военной службы могло быть также назначеніе барона Мейендорфа въ Финляндію, хотя Мейендорфъ преимущественно рекомендовалъ его Михельсону (заступившему мѣсто Мейендорфа и дѣйствовавшему съ большимъ успѣхомъ противу Турокъ).

Мейендорфъ любилъ Котляревскаго; онъ отличалъ его особенною своею довѣренностію за умъ и предприимчивость и поручилъ ему вести журналъ военныхъ дѣйствій; извѣстенъ лишь отрывокъ этого журнала, съ 15 ноября по 16 декабря 1806 года.

Коли козакъ въ полі, тоді вінъ на волі, говаривалъ Котляревскій (2); но сдѣлавшись вольнымъ, онъ призадумался — и было отчего: ему нечѣмъ было жить. Онъ отправился искать себѣ мѣста въ Петербур-

(1) Буджацкіе Татары кочевали тогда на правомъ берегу р. Днѣстра, по сѣверо-западной сторонѣ Чернаго моря до устья р. Дуная. А. В. Т.

(2) Эти слова его помѣщены и въ Наталкѣ-Полтавкѣ (рукоп).

гѣ. Здѣсь онъ долго толкался по переднимъ *у сильныхъ міра*, просилъ, но просилъ напрасно. Хотя Энеида была издана еще въ 1798 г., но не много помогла поэту: на него смотрѣли какъ на всякаго бѣдняка безъ помощи и протекціи. Не разъ приходилось ему сидѣть голоднымъ, спать въ сырой, холодной комнатѣ. Къ горю для его любознательности, онъ часто былъ лишенъ отрады — *читать*; когда наступали утомительно-длиныя осеннія ночи, онъ даже не имѣлъ возможности постоянно держать у себя свѣчи: зажечь, бывало, часа на два, а потомъ потушить, и всю ночь провести въ разсужденіяхъ о слѣпомъ и непостоянномъ счастьи, которое онъ сравнивалъ съ женщиной: *оце жінóцька нашóра — щáстá!* Быть можетъ, въ эту пору жизни, онъ написалъ стихи про *Долю*:

Безъ рóзуму люде въ свѣті живóуть гáрно,
А зъ рóзумомъ та въ недóлі вікъ проходить мáрно.
Ой дóле людськáя, чомъ ти не правд́ивá?
Що до íншихъ дóже грéчна (¹), а до насъ спісáва (²).

Бѣдный, онъ не разъ страдалъ отъ нужды и холода. Одѣтый въ фризую шинель, служившую ему также и постелью и одѣяломъ, онъ дрожалъ подъ нею отъ стужи; но надежда на лучшее будущее и крѣпкое сложеніе поддерживали его. Котляревскій былъ средняго роста, плечистъ и силенъ; волоса имѣлъ черные, глаза тоже черные, исполненные огня и ума; лицо бѣлое, продолговатое, изрытое оспою, доброе и очень пріятное; на губахъ его часто бродила насмѣшливая улыбка (³).

Не видя конца своимъ похождениямъ по барскимъ пріемнымъ, Котляревскій сильно затосковалъ по родинѣ, подобно многимъ нашимъ землякамъ, искавшимъ неуловимаго счастья въ Петербургѣ.

Послѣ продолжительныхъ исканій, Котляревскому наконецъ удалось, въ іюнѣ 1810 г., получить должность надзирателя Полтавскаго дома воспитанія дѣтей бѣдныхъ дворянъ. Этимъ онъ былъ обязанъ одному изъ незначительныхъ лицъ, принявшему въ немъ искреннее участіе (⁴).

(¹) Вѣжлива, угодлива.

(²) Изъ Наталки-Полтавки.

(³) В. Пассекъ (см. Москвитинъ 1841 г. ч. 2, № 3, с. 567). видѣлъ Котляревскаго въ 1837 г., за годъ до его смерти; въ это время онъ былъ художавъ и сѣдъ.

(⁴) Въ Сѣверной Пчелѣ 1839 г. и Ж. М-ва Нар. Просв. того же года ч. XXIV, отд. IV, стр. 167, сказано, что малороссійскій генералъ-губернаторъ кн. Я. Н. Лобановъ-Ростовскій пригласилъ его въ гражданскую службу и далъ ему мѣсто надзирателя. Но онъ не зналъ лично Котляревскаго, за котораго просили князя; впоследствии же, узнавъ его способности, цѣнилъ ихъ. А. В. Т.

Мѣсто, само по себѣ не важное, ни по росписи должностей, ни по содержанию (около 300 р. асс. въ годъ), было ему по сердцу. Онъ хотѣлъ жить и умереть на родинѣ, и съ восторгомъ полетѣлъ въ Полтаву, гдѣ съ жаромъ принялся за улучшение подвѣдомственнаго ему Дома, въ которомъ воспитывалось отъ 200 — 250 дѣтей.

Во время службы онъ не переставалъ трудиться надъ своими драматическими сочиненіями, и тогда же вновь передѣлывалъ Энеиду.

Предъ наступающею войною съ Наполеономъ, Котляревскому поручено было, въ 1812 г. малороссійскимъ генераль-губернаторомъ кн. Лобановымъ-Ростовскимъ, составить 5-й конный козацкій полкъ. Котляревскій исполнилъ это въ полмѣсяца: формирование полка началось 15 августа, а 2 сентября полкъ выступилъ уже въ походъ.

Котляревскій весьма заботился объ улучшеніи дома дѣтей бѣдныхъ дворянъ. И послѣ Бецкаго, устроенные имъ корпуса служили образцомъ для подобнаго рода заведеній. Военная служба считалась въ то время почетнѣйшею; къ ней преимущественно готовились дѣти дворянъ.

По потребностямъ времени, въ нововведеніяхъ Котляревскаго преобладали также военные порядки: дѣти были одѣты по формѣ; въ число предметовъ преподаванія, кромѣ курса уѣзднаго училища и гимназіи, вошли также военные упражненія, ситуація, черченіе и танцованье.— Онъ усердно заботился объ увеличеніи способовъ содержанія, и о расширеніи самого заведенія (1); при немъ устроена была больница. Письмо генераль-губернатора Лобанова-Ростовскаго къ Котляревскому изъ С. Петербурга 24 апрѣля 1815 г., доказываетъ заботливость его о Домѣ. Приводимъ это письмо вполнѣ, такъ-какъ оно характеризуетъ и время и отношенія князя Лобанова-Ростовскаго къ нашему писателю:

«Милостивый государь мой, Иванъ Петровичъ! Похваляя печность (*попеченіе*) вашу о порученномъ вамъ дѣлѣ, не имѣю еще я удобства похвалиться, чтобъ успѣхи мои о положеніи дома воспитанія бѣдныхъ были значительны; но ручаться могу, что безъ должнаго вниманія не могутъ они остаться. Коликожъ достигать то трудно, усмотрѣть вамъ можно будетъ изъ бумаги, сей день по матеріи благороднаго заведенія мною препровождаемой. Медленность возвращенія государя императора паче всего сію вещь, какъ и прочія, обременяетъ; но нѣтъ резону от-

(1) Домъ для воспитанія дѣтей бѣдныхъ дворянъ былъ учрежденъ, кажется, вскорѣ по открытіи гимназіи (въ 1808 г.); потомъ, въ 1823 г., былъ обращенъ въ училище чистописцевъ, а въ 1851 г. въ училище дѣтей канцелярскихъ служителей на 50 человекъ, для воспитанія дѣтей бѣдныхъ канцелярскихъ чиновниковъ. А. В. Т.

«чаяваться, чтобъ доброе пощеченіе мое не исправило нужду и не послужило бы и къ удовлетворенію лицъ, подобно вамъ званіе свое отъправляющихъ. Такое удостовѣреніе пріймите, пожалуйста, вкупѣ съ повтореніемъ усерднѣйшаго почтенія, съ коимъ быть не престану. Вашъ вѣрнѣйшій слуга, князь Яковъ Лобановъ-Ростовскій.» (1)

По истеченіи семи лѣтъ, считая со вступленія его въ должность надзирателя, онъ былъ награжденъ (5 октября 1817 г.) за улучшение дома воспитанія бѣдныхъ дворянъ: чиномъ майора, брилліантовымъ перстнемъ и, по смерти, пенсіономъ въ 500 р. асс.

Князь Лобановъ-Ростовскій, любившій изящныя искусства, содѣйствовалъ къ образованію въ Полтавѣ театра любителей, и Котляревскій часто являлся на немъ въ роляхъ, бывшихъ тогда въ славу комедій и оперъ. — Онъ отлично игралъ въ «Сбитенщикъ» и «Кутеритъ, или безъ обѣду домой не ѣду.»

Котляревскій долго таилъ у себя свои собственныя драматическія сочиненія, какъ бы не довѣряя самому себѣ; но превосходное исполненіе имъ ролей и молва вызвали въ немъ рѣшимость — передать ихъ на сцену. Этому въ-особенности содѣйствовалъ бывший малороссійскій военный-губернаторъ, князь Н. Г. Реининъ. Наталка-Полтавка явилась первая, въ 1819 г. Она была принята съ громкимъ одобреніемъ, а имя сочинителя повторялось съ любовью не только во всей Малороссіи, но и во многихъ мѣстахъ Великороссіи и въ обѣихъ столицахъ. — Черезъ нѣсколько времени, на Полтавскомъ же театрѣ показался «Москаль-Чарівникъ», также принятый съ общою похвалою. — Этотъ «Чарівникъ» замѣчательнъ еще какъ пьеса, въ которой съ полнымъ блескомъ про-являлся талантъ народнаго артиста, М. С. Щепкина. Многіе въ Полтавѣ помнятъ, какъ Щепкинъ, на бѣдномъ театрѣ, приводилъ «всѣхъ въ восхищеніе. Раскрытіемъ своихъ дарованій въ выполненіи ролей изъ народной жизни онъ обязанъ Котляревскому, который видѣлъ въ немъ первокласнаго артиста; предвидѣніе его оправдалось.

Разрабатывая южно-русскій языкъ, Котляревскій трудился также надъ собраніемъ народныхъ пѣсенъ и имѣлъ большой запасъ ихъ. Куда это дѣвалось? — неизвѣстно.

Онъ также былъ членомъ харьковскаго общества словесности, въ 1822 г. избранъ членомъ С. Петербургскаго общества любителей русской словесности и помѣщалъ отрывки изъ 5 и 6 частей Энеиды (тог-

(1) Подлинное письмо хранится у А. В. Терещенка.

да еще неизвѣстныхъ), въ журналахъ: *Соревнователь*, *Утренней Звѣздѣ*, Петрова, и *Украинскомъ Вѣстникѣ*.

Онъ велъ большую переписку со многими лицами: съ Свиннымъ, Бантышемъ-Каменскимъ ⁽¹⁾, кн. Шаховскимъ и нѣкоторыми членами российской академіи, съ князьями Лобановымъ-Ростовскимъ и Рѣпнинымъ, которые очень его уважали и любили. Другомъ его былъ Павелъ Стеблинъ-Каменскій, служившій непремѣннымъ членомъ Приказа общественного призрѣнія въ Полтавѣ. Самъ Котляревскій, 25 августа 1827 г., былъ назначенъ попечителемъ Полтавскаго богороднаго заведенія.

Изъ сохранившейся росписки архимандрита полтавскаго крестовоздвиженскаго монастыря Гавріила, о принятіи имъ отъ Котлярскаго, 13 марта 1830 года, 717 экземпляровъ Св. писанія, бывшихъ въ полтавскомъ отдѣленіи російскаго библейскаго общества, видно, что Котляревскій былъ книгохранителемъ этого отдѣленія, помѣшавшагося въ соборной успенской церкви.

Подъ старость, Ив. П. сталъ хворать и сдѣлался раздражителемъ. Онъ, какъ вообще люди стараго времени, былъ требователемъ; а подъ конецъ своей службы, говорятъ, считалъ за обязанность — наказать пойманнаго имъ воспитанника, котораго товарищи поставили сторожить прїѣздъ надзирателя. Усилившееся разстройство здоровья принудило его, наконецъ, просить объ увольненіи отъ службы. Въ прошеніи его, поданномъ 16 Іюля 1834 г., онъ писалъ, что «чувствуетъ во всемъ своемъ составѣ, особливо въ ногахъ, слабость, изнуреніе силъ, ошѣтніе правой ноги и руки, и просить вовеce уволить его отъ должности попечителя и надзирателя, наградивъ за службу, болѣе 35 лѣтъ продолжавшуюся, пенсіономъ.» Это прошеніе писано уже дрожащею рукою. Котляревскій былъ уволенъ 31 января 1835 г., и по положенію комитета министровъ, ему назначено, независимо отъ пенсіи, еще по 600 р. въ годъ. Этимъ онъ былъ обязанъ ходатайству кн. Н. Г. Рѣпина.

Котлярскій оставилъ по себѣ память благотворительнаго и чистаго чловѣка. Онъ помѣщалъ бѣдныхъ сиротъ въ подвѣдомственный ему домъ; несчастныхъ по чему-либо поддерживалъ пособиями или ходатайствомъ за нихъ, и вообще былъ полезенъ своимъ вліяніемъ. До сихъ поръ многіе хвалятся его благодѣтельнымъ участіемъ.

Съ увольненіемъ Котляревскаго, никто не видалъ его въ обществѣ: по слабости здоровья онъ не могъ уже ходить и рѣдко кого при-

(1) Бантышъ-Каменскій для своей исторіи Малороссіи пользовался отъ Котляревскаго многими объясненіями, о чемъ говорить самъ. А. В. Т.

нималъ у себя. Всѣ знакомые лишились въ немъ своего лучшаго, веселаго собесѣдника. Онъ былъ простъ въ обращеніи, но подъ своею простотою хранилъ возвышенное сердце, доступное всѣмъ благороднымъ чувствамъ. Въ своихъ мнѣніяхъ о людяхъ онъ не былъ скоръ, но зато сужденія его отличались основательностью. Иванъ Петровичъ былъ душею дружеской бесѣды: рассказывалъ забавно и остро, разоблачалъ дѣйствія людей шутками, иногда язвительными, прибаутками и пословицами. Онъ обладалъ народнымъ юморомъ въ высокой степени. Никто не былъ въ состояніи возражать на его колкія замѣчанія и, въ то же время, никто не смѣлъ быть недоволенъ его намеками, которые каждый слушатель относилъ къ другому, тогда какъ это падало на него самого. У себя Иванъ Петровичъ былъ гостеприименъ, — жилъ весьма скромно и обходился просто, въ особенности съ народомъ. Крестьянинъ, или козакъ, встрѣтивъ его на улицѣ, снималъ низенько шапку и кланялся, говоря: *здорѣвъ будь, пане Иване Петровичу!* Встрѣчается ли съ нимъ, бывало, женщина, и та отдаетъ ему поклонъ: *здоровенькі булуй, добродію-кѹме!* Даже дѣти знали его подъ именемъ *кѹма*, но общаго, потому что онъ не отказывалъ никому изъ горожанъ, кто ни приглашалъ его въ воспріимники. Онъ любилъ бывать въ семьѣ простолюдина, гдѣ давалъ своимъ разговорамъ просторъ, на родномъ языкѣ, направляя бесѣду прибаутками и поговорками.

Посѣщавшихъ его принималъ радушно и угощалъ какъ истый хлѣбосоль-Украинецъ. Ученые и путешественники, заѣзжавшіе въ Полтаву, считали какъ бы за обязанность навѣстить его, и всѣ бывали очарованы его умною и живою бесѣдою. Самая болѣзнь не измѣнила его пріятности и остроумія (1).

Съ примѣрнымъ терпѣніемъ переносилъ онъ страданія тягостной своей болѣзни, и угасъ на 70 г. жизни (2). Женатъ онъ не былъ и, еще до кончины, отпустилъ на волю своихъ людей, состоявшихъ изъ двухъ семействъ, а движимое и недвижимое имущество раздалъ роднымъ и пріятелямъ (3).

(1) В. Пассекъ, посѣтившій его въ 1837 году, пишетъ: «онъ принялъ меня очень пріятливо и, не смотря на болѣзнь, которая замѣтно беспокоила его, шутилъ и разсиранивалъ о моихъ поѣздкахъ». Москвитинъ 1841 г., ч. 2.

(2) Онъ умеръ въ 1838 году, октября 29. Такъ сказано въ надгробной надѣ надъ нимъ надписи. Г. Гаганинъ пишетъ ошибочно, будто онъ родился въ 1768 году, а умеръ въ 1830 г. (Журн. Мин. народн. просв., ч. XXXII.)

(3) Домъ его достался вдовѣ унтеръ-офицершѣ Веклевичевой, записан-

На погребеніе Котляревскаго собрался почти весь городъ. Нѣкоторые изъ его почитателей приняли похорошныя расходы на свой счетъ. Толпы всѣхъ сословій провожали брѣнные останки Котляревскаго до самой могилы, не взирая на дождливо-ненастную погоду, и этимъ свидѣтельствовали искреннюю къ нему признательность какъ къ писателю и человѣку. Онъ погребенъ на общемъ городскомъ кладбищѣ, расположенномъ по Кобелякской дорогѣ. Могила его находится рядомъ съ могилою другаго славнаго соотечественника нашего, переводчика Иліады, Н. И. Гнѣдича; надъ обоими ими почти одинаковыя могильныя памятники: пирамиды изъ кирпича. Они начинаютъ разрушаться и стоятъ уныло у самой проѣзжей дороги (1).

Изъ оставшихся послѣ К-го рукописей извѣстны слѣдующія:

- 1) Журналъ военныхъ дѣйствій 2 корпуса 1806 г., въ трехъ тетрадахъ.
- 2) Размышленія о расположеніи, съ какимъ должно приступать къ

ной ей самимъ Котляревскимъ, а потомъ былъ продавъ г-жѣ Панченко. Веклевичева была экономкою у Котляревскаго.

(1) На родину перенесено лишь сердце Гнѣдича, а тѣло погребено въ Петербургѣ на кладбищѣ Невской Лавры, называемомъ Карамзинскимъ, по мѣсту погребенія Карамзина. Здѣсь намятникъ Гнѣдича состоитъ изъ стѣной гранитной пирамиды, съ надписью—на одной сторонѣ: «Николай Ивановичъ Гнѣдичъ, род. 1784 г. февраля 2, сконч. 1833 г. февраля 3;» а на другой: «Гнѣдичу, обогатившему русскую словесность переводомъ Омира.» Подъ этою надписью вставленъ, изъ бѣлаго мрамора, рельефный бюстъ переводчика и вырѣзанъ стихъ изъ Иліады, живо напоминающій о Гнѣдичѣ:

Рѣчи изъ устъ его вѣщихъ сладчайшія мѣда ялися.

Подъ этими строками написано: «Отъ друзей и почитателей.» На верху памятника бронзовый крестъ съ надписью: «Христе, спаси его.» А. В. Т.

Н. И. Гнѣдичъ завіщала свою классическую бібліотеку Полтавской гимназіи. Гнѣдичъ, также какъ и Котляревскій, горячо любилъ и родину и родной языкъ. Къ-сожалѣнію, онъ отсталъ отъ украинскаго языка въ Петербургѣ, а то, вѣроятно, попытался бы перевести Иліаду по-украински, — разумѣется, дополняя недостающія слова церковно-славянскими и вновь составленными, подобно тому, что мы видимъ и въ существующемъ его переводѣ. Героическія поэмы и главныя повѣствованія древнихъ (Иліада, Одиссея, Геродотъ и т. п.) безъ сомнѣнія, могли бы быть переданы гораздо ближе къ классической простотѣ подлинниковъ на южно-русскомъ языкѣ, нежели передаютъ ихъ тѣ переводы, которые мы читаемъ теперь на великорусскомъ. Это мнѣніе не покажется страшнымъ, кто приметъ въ соображеніе народную исторію, характеръ народа, его мировоззрѣніе, нравы, преданія, всю обстановку жизни и самый ходъ южнорусской словесности, которая вышла прямо изъ народа, постоянно отъ него пачается и къ нему обращается.

чтенію и размышленію о Св. Евангеліи Луки. Это переводъ изъ *Évangile medité distribué pour tous les jours de l'année, suivant la concorde des quatre évangélistes, augmenté d'une notice, par le P. Duquesne, XIII tomes, Lyon, 1816.* Изъ замѣтокъ переводчика на края листовъ видно, что онъ началъ эту работу въ октябрѣ 1823 г. и кончилъ 17 іюня 1838 г., почти за четыре съ половиною мѣсяца до своей кончины. Эти размышленія состоятъ изъ 359 разсужденій.

3) Разныя письма, бумаги и акты именныя ⁽¹⁾; многое писано его рукою.

4) Замѣтка ⁽²⁾ о нѣкоторыхъ народныхъ обычаяхъ, отрывки изъ

⁽¹⁾ Все это хранилось у Александры Егоровны Стеблинъ-Каменской, вдовы друга Котляревскаго. По предложенію А. В. Терещенка, г-жа Ст.-К. согласилась передать эти бумаги въ Императорскую публичную бібліотеку, что и сдѣлано 25 октября 1858 г.

⁽²⁾ Вотъ-что заключается въ замѣткѣ Котляревскаго:

1) Въ Полтавѣ и въ смежныхъ городахъ, слова: *конь, воля, ножь, коть, подоль, мость* и проч., произносятся простолудины: *кинъ, выль, нижь, китъ, подиль, мистъ* и проч.; но въ сихъ же словахъ, въ другихъ падежахъ единственнаго и множественнаго чиселъ, сохраняють *о: воля, коня, моста, на подоль* и проч. Въ Черниговской же губерніи произносятся: *кунь, вуль, нузь*, и проч.

2) Пѣсню: *оъ біда чайці, чайці небозі*, неизвѣстно кто именно сочинилъ, но многіе полагають, что сочинилъ ее послѣдній Запорожскій кошевый Калышъ (П. И. Калышъ или Калышевскій). «Предположеніе, какъ извѣстно, невѣрно».

3) *Світѣлки*, въ Полтавской губерніи, держали въ рукахъ саблю, съ привязанной къ ней лентою, но, кажется безъ цвѣтовъ. Сабля сія означала званіе дѣвушки, ее державшей (свѣтки), при вѣчаніи въ церквѣ, а дома эта сабля стояла въ главномъ углу хаты (на покутьѣ), чрезъ весь первый день свадьбы. Теперь весьма рѣдко гдѣ сіе употребляется.

4) Молодая смотритъ въ *дивень* (?), въ день свадьбы во время обѣда, ибо молодые за обѣдомъ ничего не ѣдятъ, и ложки ихъ лежатъ связаны красной лентой. Это также выходитъ изъ употребленія.

5) Въ Полтавской губерніи, за другія не знаю, молодой говоритъ *мокидай батьковы*, и проч., предъ самымъ отвозомъ невѣсги въ свой домъ, въ первый день свадьбы передъ вечеромъ. При сей поговоркѣ молодой, сидя верхомъ на лошади, объѣзжаетъ кругомъ три раза возъ, на которомъ сидитъ молодая и помахиваетъ надъ ея головою плетью (малахѣемъ). Въ нынѣшнее время едва ли это употребляется.

6) Въ Полтавской губерніи, братъ молодой не расплетаетъ косу, а ставши въ углу у дверей съ *кілемъ* (родъ бузавы), изъ соломы сдѣланнымъ, грозитъ убить молодого зато, что сей беретъ къ себѣ сестру его, и показываетъ видъ мстителя, пока молодой не умоливить его нѣсколькими *магами* (грошами), или пятаками. Это дѣйствіе называется: братъ продаетъ сестру. Сіе бываетъ предъ сборами къ отъѣзду въ домъ молодого».

Энеиды, (Наталка) Полтавка, и Триумфъ И. А. Крылова; всё писаны рукою Котляревскаго.

Энеида Котляревскаго была принята съ восторгомъ не только въ Малороссіи, но и въ Россіи: она долго читалась и перечитывалась, читалась и простолюдинами — малороссами, узнававшими въ герояхъ себя и смѣявшимися надъ собою.

Въ первый разъ Энеида была напечатана въ 1798 г. (1) (на 29 году жизни Котляревскаго, когда онъ былъ прапорщикомъ). Дошедшихъ до нашего времени изданій было *четыре*, подъ слѣдующими заглавіями:

Первое: Энеида, на малороссійскій языкъ перелицованная И. Котляревскимъ. Напечатана въ *трехъ* частяхъ иждивеніемъ М. Парпуры, въ С. Петербургѣ, 1798 г., in 8° (безъ означенія типографіи). Экземпляръ этого изданія былъ подаренъ Россійской Академіи извѣстнымъ медикомъ, Каменецкимъ, за собственной его надписью: »Императорской россійской академіи отъ издателя г. надворнаго совѣтника и инспектора С. Петербургскаго физиката, Іосифа Кириловича Каменецкаго.«

Второе: подъ тѣмъ же самымъ заглавіемъ; напечатано въ *трехъ* частяхъ иждивеніемъ того же М. Парпуры, въ С. Пб. въ типографіи Ив. Глазунова, въ 1808 г. in 8°. Экземпляры этого, какъ и перваго, изданія хранятся въ библиотекѣ императорской академіи наукъ и составляютъ библиографическую рѣдкость.

Третье: (заглавіе тоже самое) заключаетъ въ себѣ уже четыре части, посвящено помѣщику Полтавской губерніи Семену Михайловичу Кочубею, иждивеніемъ коего напечатано въ С. Петербургѣ, въ медицинской типографіи 1809 г. in 8° (2).

Четвертое—уже носитъ другое заглавіе, именно: *Виргиліева Энеида*, на малороссійскій языкъ переложенная И. Котляревскимъ. Напечатана въ Харьковѣ въ университетской типографіи, 1842 г. in 8°, въ *шести* частяхъ.

Первыя два изданія печатаны безъ всякой перемѣны и вышли въ свѣтъ безъ вѣдома и согласія сочинителя, съ ошибками и упущеніями, которыя Котляревскій исправилъ при изданіи 1809 г. При четвертомъ изданіи встрѣчаемъ, въ заглавіи, прибавленіе—*Виргиліева*,—совершенно невѣр-

(1) Въ журналѣ Мин. Народ. Просв. 1849 г. ч. 64, показано невѣрно, что первое изданіе вышло въ 1796 г.

(2) Въ статьѣ Галашина (журналъ Мин. Народн. Просв., 1841, ч. 32, отд. VI, стр. 44.) сказано, что Энеида, посвященная С. М. Кочубею, напечатана въ 1804 г. Откуда взято это свѣдѣніе? А. В. Т.

ное. Самъ авторъ назвалъ ее *Энеида перелицованная*, обнаруживая этимъ, что передѣлалъ ее *по-своему*, слѣдовательно его Энеида перестала быть *Виргилиевой*. Дѣйствительно, герои *Виргилиевой* энеиды *гримированы по-украински*.

Котляревскій, приготовивъ къ печатанію пятую и шестую части своей Энеиды, не успѣлъ самъ издать ихъ, и въ 1838 г. передалъ право печатанія г-ну Волохинову.

При сличеніи отрывка 6-й части Энеиды, въ 4-хъ тетрадкахъ, писанныхъ самимъ сочинителемъ, — съ изданіемъ 1842 г., вездѣ встрѣчается измѣненіе въ правописаніи противу подлинника. Въ рукописи, гдѣ повсюду *и* и *ь*, въ печатномъ *ы* и *и*, на примѣръ: листикъ—лыстыкъ; гнѣвомъ — гывомъ (!), жинки — жинкы, и т. п.

Шестая часть, по печатному, состоитъ изъ 171 куплета, а по рукописи изъ 118; недостаетъ 53. Первая тетрадь переписана съ прилѣжаніемъ и имѣетъ незначительныя поправки; послѣднія три писаны почти на-скоро, блѣдными чернилами и съ большими поправками. Всѣ они въ четверть листа; бумага грубая и желтоватая. Начало содержанія первой тетради согласно съ печатнымъ; потомъ шестая часть перерывается недостающими куплетами, вѣроятно, потерянными по смерти автора. Въ подлинныхъ тетрадяхъ встрѣчаются любопытныя передѣлки сочинителя.

Число изданій Энеиды показываетъ, что Котляревскій отвѣчалъ на какую-то потребность общества въ теченіи 40 слишкомъ лѣтъ, т. е. съ 1798 по 1842 годъ. Теперь почти нѣтъ въ продажѣ и послѣдняго изданія.

Нѣкоторыя мѣста изъ Энеиды повторяются наизусть многими Украинцами; есть любители, знающіе ее всю на-память. Многія выраженія приводятся вмѣсто поговорокъ или изрѣченій ⁽¹⁾.

(1) Укажемъ на тѣ, которыя намъ удавалось слышать:

Вінъ, взявши торбу, тігу давъ
(Говорять о мнѣмъ храбрѣ.)

Чи рѣбу зъ Дону везетѣ?
Чи, мѣже, вѣходці — бурлаки?
Куді, прочане, ви йдетѣ?

Между-тѣмъ, критика, въ настоящее время, произноситъ надъ самимъ Котляревскимъ и надъ его Энеидою строгій приговоръ. Кто-же ошибся? кто больше правъ: общество-ли, относящееся къ личности поэта и его произведенію съ уваженіемъ и любовью, или—критика, подвергнувшая и личность и произведеніе Котляревскаго безусловному осужденію?... На это мы постараемся дать свой отвѣтъ въ слѣдующей статьѣ.

Хибá рíжна ти захотíвъ?

Чи се и тá пустíвъсь въ ледáщо?

Комú не жáль своíхъ зубíвъ?

Чимъ бiльшъ журíтися — все гiрше!

Бувáе щáстá скрíзь погáнцямъ.

Пилí, игрáли, женихáлись,—
Нíхтó безъ дiла не сидíвъ.

Гай, гáй-же, слíхомъ послíхати!

Смирéнно булí натúри,
Складáли рúки на живíтъ;
Умíльно Бóгу все моли́лись,
И вслухъ не лáляли людéй:
На чóткахъ миръ пересуждáли.

Хватáвъсь за дéргу и тулíвся,
Мовъ одъ котá въ комбрí мишь.

Надúвъсь, мовъ на огнi лопúхъ.

Такъ, вiчнои пáм'ятi, бувáло
У насъ Гетьмáнщинi колiсь!

Жiнкi! колiбъ ви бiльше глi,
А меншъ пащикувáть умiли,
Булiбъ въ раю ви и за сé.

Чи дúже спiтця,
Якъ дблi прóти насъ врiтця?

Злiсть, кáжуть, сатани сестрiця.

(Будеть продолженiе.)

ВОСПОМІНАНІЄ

О

СОЛЕНИКЪ,

ЗНАМЕНИТЪЙШЕМЪ УКРАИНСКОМЪ АКТЕРЪ.

Въ началѣ октября прошлаго 1860 года я былъ въ Харьковѣ. Прекрасный осенній день побудилъ меня прогуляться за городомъ... Мы ѣхали по новому московскому шоссе. Вираво видѣлось кладбище и миѣ сказали, что тамъ погребенъ извѣстный украинскій актеръ *Соленикъ*, и что одинъ изъ почитателей его таланта соорудилъ ему надгробный крестъ и начерталъ на немъ украинскіе стихи. Я любопытствовала взглянуть, и мы своротили къ кладбищу. Вошедши въ ограду, я скоро отыскала три креста вмѣстѣ, почти одинъ возлѣ другаго, надъ могилами Соленика, актера Дранше и актриссы Микульской. На крестѣ, что надъ могилой Соленика, я прочелъ съ одной стороны надпись: «Во имя тріипостаснаго Бога, Отца, Сына и Святаго Духа, здѣсь погребено тѣло раба Божія Карпа Трофимовича Соленика, знаменитѣйшаго малороссійскаго актера, которому этотъ крестъ поставилъ Запорожскій козакъ А. И. Стратоновичъ»; а на другой сторонѣ слѣдующіе стихи:

Дивіся зъ неба, Солениче,
Якъ криво серце чоловіче:
Якъ ти колись на світі живівъ,
Та щиро публиці служивъ,
Такъ публика тобі живому
Квітки кидала, якъ солóму;
А вмеръ, артисте - небораче,
То й байдужé! — ніхто не баче,
Що прахъ лежить твій безъ хрестá...
Порá, бачь, гулькнула не та:
Теперъ вже стала Україна
Холодна, бущімъ домовина....

Такое рѣдкое и исключительное выраженіе вниманія и сочувствія къ художнику, отъ лица, чужого ему, но близкаго по одной любви къ иску-

ву, не можетъ не тронуть всякаго, кому доступно истинное пониманіе искусства и его представителей. И я оживилъ въ своемъ воспоминаніи наслажденіе, которое доставляла игра Соленика: пусть эти строки будутъ в моиѣ поклономъ его памяти, въ виду его могилы.

Въ надгробной надписи Соленикъ справедливо названъ *знаменитѣйшимъ малороссійскимъ актеромъ*: подобнаго артиста не было еще въ нашемъ краѣ. Если при жизни его мы восхищались безотчетно его талантомъ, то теперь, по смерти его, припоминая тогдашнія наши впечатлѣнія, мы убѣждаемся, что это былъ талантъ истинно художественный, вполне самобытный. Не обвиняясь можно сказать, что это былъ нашъ мѣстный Мартыновъ, котораго недавнюю утрату живо чувствуютъ столичная сцена и столичное общество: Соленикъ почти одновременно съ Мартыновымъ, но независимо отъ него, попалъ на ту же стезю сценическаго искусства, по которой шелъ Мартыновъ. Въ обоихъ актеръ являлся не какою либо искусственною моделью оригинальныхъ личностей, но подлиннымъ человѣкомъ, въ его естественномъ видѣ. Въ этомъ и заключается существенная разница новаго искусства отъ стараго: послѣднее представляло и людей хуже или лучше, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ, первое же представляетъ ихъ такими, каковы они въ дѣйствительности... И у Соленика, какъ у Мартынова, каждая выполняемая роль не была только олицетвореніемъ типа мужика, лакея, купца, иѣмца или чиновника; но каждый типъ представлялъ зрителямъ то лицо, которое избрано авторомъ пьесы для изображенія того или другаго типа. Не только достигнуть подобнаго исполненія ролей, но даже постигнуть необходимость и возможность такого исполненія, есть уже доказательство необыкновенной артистической природы, недовольствующейся рутинною манерой, усвоемю на практикѣ даже и талантливыми актерами. Какъ истинный художникъ, Соленикъ, подобно Мартынову, не прибѣгалъ къ фарсу, чтобы разсмѣшить зрителей: въ каждомъ изъ нихъ былъ обильный запасъ природной веселости, заражавшей зрителя невольно. Но если тогда, когда предъ нами на сценѣ были эти артисты, мы легко поддавались обаянію веселости, которое производила игра ихъ: то теперь, вынякая въ свойство ея и внутреннюю характеристику самихъ артистовъ, мы удостоверяемся, что это было величайшимъ торжествомъ искусства. Смѣхъ заразителенъ, — это правда; но если серьезный видъ артиста возбуждаетъ въ васъ истерическій смѣхъ, — нельзя въ такомъ артистѣ не признавать натуру необыкновенную, гениальную!... Высшая точка артистическаго совершенства достигается тогда, когда природа и искусство становятся чѣмъ-то нераздѣльнымъ, когда искусство явля-

еть безъискусственную природу, а въ природѣ не замѣчается и тѣни искусства.... Такковы были Мартыновъ и Соленикъ! Вотъ почему оба они бывали на сценѣ какъ у себя дома, и никогда не терялись отъ какихъ бы то ни было сценическихъ случайностей. Нельзя однакожъ не видѣть и различія между ними: Соленика отчасти справедливо упрекали въ однообразіи, тогда какъ разнообразіе было отличительнымъ качествомъ Мартынова. Причина тому заключается не столько въ способностяхъ самихъ артистовъ, сколько въ сценическомъ ихъ образованіи и опытности, да и десятокъ лѣтъ въ наше время, протекшихъ отъ смерти Соленика до смерти Мартынова, стоить вѣсколькихъ десятковъ лѣтъ прежняго времени. Впрочемъ, оба артиста похищены такъ сказать на полу-пути служенія ихъ сценическому искусству: для обоихъ впереди лежалъ еще длинный путь усовершенствованія, а такіе люди не останавливаются, пока не остановитъ ихъ предѣлъ, егоже человекъ не преидеть.... Не многіе счастливыцы достигаютъ удѣла—развить свои способности и совершить свое назначеніе вполне, подобно великому нашему артисту-ветерану.

Чтобъ напомнить о Соленикѣ знавшимъ его и незнавшимъ, представимъ краткій очеркъ жизни его, какъ человекъ и артиста. Провинціальный актеръ едва ли не одно изъ тѣхъ существъ, къ которымъ всего болѣе идетъ нѣмецкая пословица: aus den Augen, aus den Sinn.—Соленику выпало на долю исключеніе въ этомъ случаѣ, можетъ статься, потому, что и онъ былъ такимъ исключеніемъ между провинціальными актерами, какихъ немного... нѣтъ, какихъ весьма мало!... Его помнятъ до сихъ поръ вездѣ, гдѣ только его видѣли. Тотчасъ по смерти его напечатанъ былъ некрологъ съ нѣкоторыми подробностями о его жизни и сценической дѣятельности и съ краткой характеристикой его художнической личности. Это статья: «К. Т. Соленикъ, замѣчательнѣйшій провинціальный актеръ,» г. Рымова, напечатанная въ Пантеонѣ 1852 г. № 2-й. Извлекаемъ изъ этой статьи слѣдующія бѣографическія свѣдѣнія:

»Карлъ Трофимовичъ Соленикъ, или правильнѣе, *Соленикъ*, родился въ маѣ 1811 года, въ городѣ Леплѣ, Могилевской губерніи. Отецъ его служилъ въ той губерніи уѣзднымъ землебрѣмъ. Проведя почти всю жизнь свою въ Малороссіи, К. Т. справедливѣе могъ считать своею рѣдиной этотъ край, чѣмъ какой-либо другой. Не знаемъ ничего о его дѣтствѣ. Извѣстно только, что около 18-ти лѣтняго возраста онъ поступилъ въ Виленскій Университетъ, по математическому факультету. Курса здѣсь онъ не окончилъ — почему? — намъ не извѣстно. Слышала мы, что еще сидя на ученической скамьѣ, онъ обнаруживалъ

страсть къ театру. Быть можетъ это-то и заставило его бросить учебныя занятія. Неизвѣстно также, какими судьбами, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, попалъ онъ въ труппу Штейна, бывшаго содержателя Харьковскаго театра. Поступилъ онъ въ нее сначала суфлеромъ, но былъ ииъ, вѣроятно, не долго. У насъ есть Харьковская театральная афиша 1832 года; въ ней, кажется, въ первый разъ попадаетъ имя Соленика; онъ игралъ тогда роль слуги *Провора*, въ комедіи «Неслыханное диво, или Честный Секретарь», суфлера Шенталова, въ пьесѣ «Странное представленіе, или сюрпризъ публикѣ.» Потомъ, спустя года два, когда бывшій въ труппѣ Штейна актеръ Млотковскій завелъ свой театръ въ Курскѣ, — Соленикъ поступилъ къ нему, и здѣсь-то собственно началъ свое артистическое поприще, въ небольшихъ, третьестепенныхъ роляхъ. Умная, живая игра молодого актера скоро понравилась публикѣ и онъ быстро пошелъ впередъ.

Въ 1841 году онъ женился на актриссѣ Харьковскаго театра, дѣвицѣ Протасовой. Оригинально было сватовство его. Однажды вечеромъ, идя мимо ея квартиры, увидѣлъ, что она сидитъ подъ окномъ. Онъ остановился у окна и, безъ дальнихъ объясненій, сказалъ ей: «женимса?» — «Женимса!» отвѣчала она, и въ тотъ же вечеръ они обручились. Отъ этого брака было у нихъ двое дѣтей, но они жили не долго.

Жизнь провинціального актера, обыкновенно — кочевая жизнь. Несогласія съ антрепренеромъ, выгодныя приглашенія (переманки) въ труппу другого города и тому подобныя причины заставляютъ его скитаться изъ края въ край; тоже было и съ Соленикомъ, хотя не въ такой степени, какъ это водится за другими. Онъ игрывалъ въ Кіевѣ, Кишиневѣ, Воронежѣ, Одессѣ и, преимущественно, въ Харьковѣ. Харьковъ любилъ онъ особенно. Въ 1851 году понавѣдался онъ въ Одессу; но скоро опять воротился къ намъ, въ Харьковъ, какъ будто предчувствуя свою смерть, какъ будто спѣша умереть въ томъ городѣ, гдѣ его такъ любили. Одесса ему не нравилась и онъ съ нетерпѣніемъ спѣшилъ въ Харьковъ.

Въ 1837 г. былъ онъ въ Вознесенскѣ, во время пребыванія тамъ Высочайшей фамиліи, и игралъ (въ труппѣ Ерохина) виѣтъ съ Щепкинымъ. Вниманіе публики къ нашему артисту было также велико, какъ и къ московскому. Оба они въ равной степени собирали обильную дань рукоплесканій и вызововъ. Одно значительное лицо, замѣтивъ блестящее дарованіе Соленика, предлагало ему свое покровительство, приглашая его на Петербургскую сцену. «Нѣтъ, ваше сіятельство», отвѣчалъ Соленикъ: «я — Малороссъ, люблю Малороссію, и ниѣ жаль разстаться

съ нею. « Не то же ли было причиною и скорого возвращенія его къ намъ изъ Одессы?

»И радостно принялъ Харьковъ своего давнишняго любимца! »Нашъ Соленикъ опять у насъ! « вотъ-что говорили тогда всѣ, если рѣчь заходила о театрѣ. Зная его опытность въ дѣлѣ сценическаго искусства, наша театральная дирекція поручила ему обязанность режиссера.

»Но въ послѣдней половинѣ августа 1851 году имя Соленика вдругъ исчезло съ афишъ: онъ заболѣлъ. »Что съ нимъ? каковъ онъ?« спрашивали всѣ, сходясь въ театрѣ. »Хуже и хуже!« было отвѣтомъ на это. Потомъ мы услышали— умираеть! а 7 октября, въ половинѣ 9-го часа утра, когда намъ случайно довелось быть въ театрѣ, насъ поразили слова театральнаго сторожа, вбѣжавшаго въ сѣни: »уже одѣли и положили на столъ!« — »Кого?« спросили мы. »Соленика!... « Главною причиною его смерти была чахотка.

»Онъ умеръ спокойно, исповѣдавшись и причастившись въ полной памяти. Только часа за два до смерти онъ неразъ впадалъ въ бредъ на нѣсколько минутъ. Жалобъ на преждевременную смерть отъ него не было слышно (онъ умеръ 41 года отъ-роду). Но по нѣкоторымъ предсмертнымъ словамъ его можно догадываться, что онъ не безъ грусти покидалъ свѣтъ. Хотя для него потеря жизни была »не утрата«, но совершенную непривязанностию къ землѣ кто можетъ похвалиться, особенно, когда смерть заглядеть въ глаза? Такъ, когда осторожно предложили ему исполнить долгъ христіанскій, — онъ согласился на это охотно, но узнавъ, что уже хотять послать за священникомъ, тревожно спросилъ: »развѣ сегодня?« Подобное безпокойство проявлялось и въ послѣдніе часы его жизни. »Ну, что вы скажете? Не нужно ли чего вамъ?« спросила его въ одну изъ этихъ минутъ хозяйка дома, гдѣ онъ квартировалъ. »Я скажу вамъ, что больному нуженъ покой!« возразилъ умирающій съ недовольнымъ видомъ.

»8-го октября, въ 4 часа послѣ обѣда, тѣло его вынесли въ Крестовоздвиженскую церковь, а въ слѣдующій за тѣмъ день, часу въ первомъ по полудни, выслушавъ обѣдню, проводили мы его на новое кладбище. Много шло народу за гробомъ, качавшимся на дрогахъ, подъ чернымъ балдахиномъ. Многіе плакали; за гробомъ пѣли пѣвчіе и стонала погребальная музыка; на гробовой крышѣ, малиноваго цвѣта, лежала эмблема заслугъ покойнаго—на ней зеленѣлъ вѣнокъ, сплетенный изъ лавра и мирта — украшеніе гроба, до сихъ поръ у насъ еще невиданное! Нако-

нець, могильный склепъ, выложенный бѣлымъ камнемъ, навѣки скрыль отъ насъ Соленика....

»Его положили подлѣ могилы артера Дранше, очень любимаго когда-то публикою, но скороненнаго очень скромно.

»И завидною показалась намъ участь такого артиста, какимъ былъ Соленикъ! Посмотрите: жилъ на чужбинѣ, умеръ одинокъ, близкихъ родныхъ — ни души ⁽¹⁾, а при погребеніи тѣснятся вокругъ его гроба цѣлыя толпы, спѣшать дать ему последнее цѣлованіе, льются слезы, слышатся вздохи и грустныя слова прощанія, и всѣ расстаются съ этимъ чужимъ человѣкомъ, какъ не всегда расстается и братъ съ братомъ, роднымъ по крови!«

»Соленикъ былъ замѣчательнъ и какъ человѣкъ. Прямой, благородный по натурѣ, гордый, самолюбивый, какъ сознающій свое достоинство, онъ былъ добръ и мягкосердеченъ. Онъ готовъ былъ отдать послѣдній червонецъ нуждающемуся ближнему. Его честность знаютъ всѣ, кто имѣлъ съ нимъ какое-нибудь дѣло.

»Вотъ очеркъ его наружности: онъ былъ очень не высокаго росту, худощавъ, но сложенъ стройно. Лицо... какъ бы вамъ описать его? Оно могло, пожалуй, показаться некрасивымъ на взглядъ того, кто полагаетъ красоту лица въ античной правильности очертаній, въ свѣжести, молочномъ цвѣтѣ кожи; но на наши глаза—оно было красиво. Цвѣтъ его былъ смуглый; на лбу и на щекахъ проходило нѣсколько складокъ, что дѣлало его старѣе, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, потому-что Соленикъ жилъ хотя не много, но много пережилъ. Открытый, почти плоскій, съ небольшою впадиною по срединѣ, четырех-угольный лобъ, показывалъ счастливое развитіе мыслящей способности. Глаза блистали умомъ и живостію. Губы были выпуклы и очерчены рѣзко, отчасти какъ у Арабовъ; нижняя выдавалась нѣсколько отвисло впередъ, какъ бы свидѣтельствуя о гордости и энергіи артиста. Всѣ прочія части лица и вообще головы были на своемъ мѣстѣ (что случается такъ рѣдко) и въ совершенной гармоніи между собою. Довольно длинныя, мягкіе темнаго цвѣта волосы зачесывались на затылокъ. Физиономія Соленика, въ сценѣ, была по большей части серьезна и задумчива. Одѣвался онъ часто щеголевато и всегда со вкусомъ. Когда онъ говорилъ, гдѣ бы то ни было: на сценѣ, въ гостяхъ, дома — рассказъ его лился быстрымъ, живымъ потокомъ, жесты были одушевлены и выразительны, голосъ, до-

(1) Жена его на этотъ разъ была въ Тулѣ и не знала о болѣзни мужа.

вольно немзыкальный самъ по себѣ, дѣлался пріятнымъ отъ ума и чувства, которыми былъ полонъ.

»Кажется, мы и теперь видимъ его — не говоря о сценѣ, какъ онъ въ своемъ гороховомъ пальто и круглой черной шляпѣ, мѣрно, съ серьезнымъ, задумчивымъ лицомъ, выступаетъ, опираясь на свою оригинальную трость... къ подобнымъ тростямъ была у него страсть; въ одномъ изъ угловъ его квартиры стояла довольно большая коллекція самыхъ странныхъ, чуть ли не историческихъ, тростей, съ разнообразными, дяковинными набалдашниками.«

Остается опредѣлить амплу Соленика... Онъ былъ *комическій актеръ* въ обширнѣйшемъ значеніи этого слова. Но какихъ ролей не достается играть провинціальному актеру? И Соленикъ игралъ всякаго рода роли. (Да въѣдъ и Мартыновъ дебютировалъ въ «Филаткѣ и Миршкѣ!») Перечислять ихъ было бы излишне. Смѣло можно утверждать, что ни въ одной изъ нихъ онъ не былъ ниже своей роли, во многихъ же возвышалъ значеніе ролей. Назовемъ только роли Соленика изъ пьесъ, составляющихъ постоянное украшеніе нашей сцены, то есть Грибоѣдова и Гоголя; въ «Горѣ отъ Ума» игралъ онъ *Фамусова* и *Ренетилова*, въ «Ревизорѣ» — *Хлестакова* и *Бобчинскаго*, въ «Женитьбѣ» — *Кочкарева*. Кто видѣлъ его въ этихъ роляхъ, тотъ помнитъ исполненіе ихъ этимъ артистомъ; кто же не видалъ, тому никакія объясненія не дадутъ понятія... (1) Но истинно неподражаемымъ, несравненнымъ, незабвеннымъ былъ и пребудетъ Соленикъ какъ *актеръ украинскій*, въ украинскихъ пьесахъ Котляревскаго и Квитки; кто изъ насъ, жителей Украины, могъ равнодушно видѣть Соленика въ роляхъ — *Макогоненка* («Наташка Пол-

(1) Гоголь зналъ нашего артиста только по слухамъ, но каковы были слухи о немъ, показываютъ слѣдующія строки изъ письма Гоголя къ одному своему знакомому (Н. Д. Бѣлозерскому), писаннаго изъ Петербурга 1836 г., за три мѣсяца до перваго представленія «Ревизора»:«

»Собираюсь ставить на здѣшній театр комедію. Пожелайте, дабы была удовлетворительнѣе сыграна, что, какъ вы сами знаете, нѣсколько трудно при нашихъ актерахъ. Да кстати: есть въ одной кочующей труппѣ Штейна, подъ дирекцію Млотковскаго, одинъ актеръ, по имени Соленикъ. Не имѣете ли вы какихъ нибудь о немъ извѣстій? — и если вамъ случится встрѣтить его гдѣ нибудь, нельзя ли какъ нибудь уговорить его сюда. Скажите, что мы всё будемъ стараться о немъ. Данилевскій видѣлъ его въ Лубнахъ и былъ въ восхищеніи. *Рѣшительно комическій талантъ*. Если же вамъ не удастся видѣть его, то можетъ быть вы получите какое нибудь извѣстіе о мѣстѣ пребыванія его и — куда адресовать къ нему....«

(Сочиненія и письма Н. В. Гоголя. Изданіе П. А. Кулиша (1855. Т. V, стр. 252).

тавка»), *Чупруна* («Москаль Чарівник»), *Стецька* («Сватання на Ганчарівці»), *Шельменка* (въ обохъ пьесахъ этого названія)? Надо замѣтить здѣсь, — и конечно согласается всѣ, видѣвшіе въ этихъ роляхъ не одного, а нѣсколькихъ малороссійскихъ актеровъ, — что каждый изъ нихъ исполнял эти роли *по-своему*: въ игрѣ каждого изъ нихъ болѣе или менѣе выражались *отдѣльныя* черты національнаго характера; но въ игрѣ Соленика *всѣ* эти черты соединились, какъ въ фокусѣ, и образовали полный законченный типъ истиннаго Украинца.... Рѣзко отличался онъ отъ другихъ тѣмъ, что личность Украинца, по его игрѣ, выходила не простою, вялою и наивною до глупости, а полною внутренней жизни и смысла, хотя иногда и скрывающею свой умъ подъ маской простоты. Такое воззрѣніе доказываетъ наблюдательность и вѣрное чутье Соленика. Въ этомъ отношеніи онъ точно первый украинскій актеръ... дай Богъ, чтобъ и не послѣдній!... (1)

Въ заключеніе, весьма кстати здѣсь слово о народномъ украинскомъ театрѣ. — Если у насъ въ Южной Руси и прежде, когда писать литературно на народномъ языкѣ было лишь попыткой весьма не многихъ любителей родной рѣчи, а наследованія мѣстной старины составляли исключительную принадлежность знатоковъ-специалистовъ, и болѣею частію скрывались подъ спудомъ, — украинскія пьесы возбуждали всегда искреннее сочувствіе и образованной публики и простолюдиновъ, даже не интересующихся сценическими представленіями; то теперь, когда южнорусская словесность оживаетъ, когда начинаютъ заботиться о томъ, чтобъ дать простому народу въ Южной Руси понятное для него чтеніе, когда возникаетъ періодическое изданіе, какъ всесторонній органъ южнорусской жизни, — «Украинскій» театръ былъ бы какъ нельзя болѣе кстати. Подъ названіемъ Украинскаго театра мы разумѣемъ какъ пьесы на украинскомъ языкѣ и изъ украинскаго быта, такъ и исполненіе ихъ артистами, взлелѣянными на мѣстной почвѣ, знакомыми съ языкомъ и нравами народа и, можетъ быть, даже вышедшими изъ среды этого народа, какъ, напримѣръ, знаменитый артистъ, котораго называть нѣтъ надобности, потому что его всѣ знаютъ. — Такой театръ былъ бы самымъ лучшимъ подспорьемъ литературѣ южнорусской и самой благотворной школой для народа. Разумѣется, и успѣхъ и польза этой идеи условливаются разумнымъ и искреннимъ ея осуществленіемъ;

(1) Изъ современныхъ актеровъ къ этому идеалу малороссійскаго актера ближе всѣхъ артистъ Харьковскаго театра г. Дрейскихъ.

если же сюда замѣшается афера и спекуляція, — дѣло испортится въ началѣ и можетъ надолго остановиться, между тѣмъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что дѣло пойдетъ хорошо, если за него возьмутся люди умѣлые и благомыслящіе; съ возникшей же потребностію народнаго театра, явятся къ удовлетворенію ея и народные драматическіе писатели. Духъ народный, однажды возбужденный, развивается быстро. Въ духъ нашего народа есть еще много нетронутыхъ струнъ: умѣйте только дотронуться до нихъ кстатѣ и удачно, и онѣ издадутъ созвучія можетъ быть и не предчувствуемыя....

Н. М и з к о.

Ноябрь, 1860.
Село Карабиновка.

ЗАМѢТКА

КЪ СТАТЬѢ: »ВОСПОМИНАНИЕ О Н. А. МАРКЕВИЧѢ.«

(Съ портретою.)

Съ большимъ удовольствіемъ прочелъ я, въ 1-мъ № Основы, »Воспоминаніе о Н. А. Маркевичѣ«. Всякій честный дѣятель, подобный Николаю Андреевичу, достоинъ уваженія при жизни и воспоминанія по смерти. Это признательность къ его трудамъ.

Въ »Воспоминаніи« недостаетъ свѣдѣнія о томъ, что Н. А. занимался народной музыкой. Предоставляя другимъ сдѣлать болѣе вѣрный разборъ и болѣе точную оцѣнку трудамъ его въ этомъ отношеніи, ограничусь только нѣкоторыми замѣчаніями. Еще въ 30-хъ годахъ Н. А. издалъ голоса 25-ти пѣсень, и нотныя доски для этого изданія, вѣроятно, еще и теперь хранятся въ его семействѣ. Я видѣлъ ихъ въ 1856 году цѣлыми. Замѣчая желаніе общества знакомиться съ народностью, и самъ чувствуя прелесть народныхъ пѣсень, Н. А. приготовилъ также къ изданію сборникъ пѣсень въ нотахъ, состоящій изъ 150 пѣсень, одной думы »Савва Чалый«, »Вертепа« съ аккомпаниментомъ изъ 8-ми нумеровъ, 5-ти свадебныхъ пѣсень и 14 коровайныхъ. Оцѣнить этотъ трудъ по-справедливости — мы не можемъ; мы слишкомъ близки къ Н. А. и слишкомъ сильно ощущаемъ на себѣ давленіе современнаго требованія этнографической дагеротипной вѣрности въ передачѣ всего народнаго. Всѣ требуютъ изображенія народа, какъ въ камер-обскурѣ. Всѣ мы, любители пѣсень, собиратели сказаній и обрядовъ, возмутимся, увидавъ, напрямѣръ, пьесу изъ народной жизни, передающую жизнь не точь-въ-точь такъ, какъ мы ее себѣ представляли; мы будемъ досадовать, услышавъ вариаци на пѣсню, или оперу съ народнымъ сюжетомъ, но наполненную пѣснями и хорами, не слышанными нами въ народѣ. Отъ такой оперы многіе придутъ въ недоумѣніе, многіе начнутъ шикать, а

нѣкоторые придуть въ восторгъ. Кромѣ вѣрности въ передачѣ пѣсни по нотамъ и полунотамъ, для насъ нужна еще передача той, весьма тонкой, почти неуловимой, жизни въ пѣсни, которая и составляетъ другую часть ея: это — чувство народное той пѣсни, ея смыслъ, ощущение ея зарожденья, ея аромать, — какъ запахъ цвѣтка. Можно спѣть прелестно, передавая всѣ отбѣнки чувства и смысла, но при этомъ упустить ноту, двѣ и болѣе, измѣнить противу обыкновеннаго пѣнья, дѣлая все это бессознательно, но подъ увлеченьемъ той силы, и того чувства, которыя заключаются въ передаваемой пѣснѣ; можно также спѣть пѣсню вѣрно, дагерротипно-вѣрно, но и дагерротипно-безжизненно. Спрашивается—какая изъ этихъ двухъ пѣсень лучше спѣта? Мы не даемъ предпочтенья ни той, ни другой:—та и другая для насъ одинаково полезны, одинаково цѣнны. Н. А. понималъ духъ украинской музыки, и бывши самъ музыкантомъ и поэтомъ въ жизни, т. е. увлекающимся, онъ могъ иногда, пожалуй, внести въ пѣсню складъ иноземный, одежду иноземную, но многія пѣсни сохранены имъ чрезвычайно вѣрно; это мы говоримъ, ссылаясь на современное и намъ еще пѣнье и на авторитетъ старыхъ людей. Многому мы вѣримъ по духу пѣсни, а многое и выкидываемъ, по мѣрѣ силъ нашего пониманья, но всегда отдадимъ благодарность Н. А. за трудъ, и будемъ любоваться этой личностью, какъ личностью самобытною, чистою и поэтическою. Упомянутый нами *Сборникъ* Н. А., къ сожалѣнью, еще не изданъ. Онъ ходилъ по рукамъ, и вотъ уже четыре года лежитъ въ забытьи—у меня. Мнѣ кажется, что это матеріалъ—для народнаго музыканта — богатый.

И такъ, смотря на этого человѣка, при его жизни, съ уваженьемъ — за его самобытную личность, о которую разбивались мелкость общественнаго взгляда и инквизиціонныя требованія условій; уважая его за постоянный его трудъ, за ознакомленіе многихъ и многихъ съ народною жизнью, за его нѣсколько чистосердечныхъ слезъ о судьбѣ народа; за то, что онъ служилъ для многихъ какъ бы притягательною силой къ народу, — мы воздаемъ ему благодарность и по его смерти. Какой бы ни состоялся, со-временемъ, приговоръ надъ трудами Н. А., но каждый, какъ и мы теперь, *будетъ обязанъ* напомнить обществу о Н. А., какъ о человѣкѣ трудолюбивомъ, любившемъ народъ, къ которому онъ принадлежалъ, понимавшемъ народность и сочувствовавшемъ всему, всему прекрасному.

Еще слѣдуетъ прибавить къ воспоминанію о его дѣятельности—»оци-

саміе г. Чернигова», и то, что онъ на 60-мъ году жизни и страдая уже предсмертною болѣзнію—изучалъ италіянскій языкъ.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ Н. А. въ Венеціи. И тамъ онъ былъ вѣренъ себѣ. Проходя черезъ площадь св. Марка, я увидѣлъ его въ бараньей шапкѣ, въ шубѣ и съ вѣчной его *люлькой* въ зубахъ, которая бывала съ нимъ неразлучно и въ дорогѣ, — когда онъ чуть не взлетѣлъ на воздухъ вмѣстѣ съ кибиткой, въ которой везъ порохъ, и велѣлъ обливать себя водой среди зимы, — и въ карманѣ фрака на балѣ. Въ послѣднюю нашу встрѣчу онъ уже былъ очень слабъ, и стоялъ прислонившись къ одной изъ арокъ, любуясь на красивые разиѣры площади, на соборъ св. Марка, на начинающійся карнавалъ, — вспоминалъ исторію Венеціи и глядѣлъ съ добродушіемъ и грустью на веселившихся съ тоски Италіянцевъ, которыхъ онъ любилъ и свободѣ которыхъ горячо сочувствовалъ.

Л. Жемчужниковъ.

СЪ ДОРОГИ.

Желаніе ваше я исполняю, — пишу свои дорожныя впечатлѣнія, не забываясь, будутъ ли они для васъ любопытны.

Не доѣзжая до Нѣжина верстъ двадцати, мы остановились возлѣ *шѳрши* (1), чтобы дать конямъ *одсонѳсь*, какъ выражался нашъ кучеръ. Я со спутницей вошла въ хату. Рѣдко можно встрѣтить такую неприютную, безотрадную, мрачную хату. Окна въ ней были большіе, но загрязненные и заклеенные бумагой; свѣтъ съ трудомъ проникалъ въ это еврейское обиталище. Въ хатѣ два стола, два дивана, а пріюта нѣтъ; все неопратно, грязно, положить ничего не хочется, и что ступишь, то и споткнешься: земля выбита подъ ногами, — видно, что давно уже полъ не смазывался глиной. На одномъ столѣ — *чугуні* навареной *тарані* и нѣсколько бутылокъ—безъ-сомнѣнія, разведенной—водки; а возлѣ другого стола стоитъ жидъ съ подозрительнымъ выраженіемъ лица, смотритъ изъ-подлобья, маленькаго роста, съ потонувшей между широкихъ плечъ головой, — шея у него почти нѣтъ. Рядомъ съ нимъ стояла женщина — наша землячка, лѣтъ около сорока, очень пріятной наружности, съ *кошикомъ*, наполненнымъ двумя *лѣчками* молока и теплыми еще *палаянцями*. Послѣ перваго привѣтствія, мы спросили, гдѣ намъ можно отдохнуть, — такъ-какъ и на другой половинѣ стѣней была еще хата. Пока жидъ надумался отвѣтить, землячка наша бойко и рѣшительно сказала: »Сюді, сюді пожалуйста одпочѳть.«

Мы обрадовались землячкѣ и стали торговать у ней палаянці.

»Дѳбре, возмѳтъ за пять шагѳвъ, — ось якѳ мьякѳ и лѣгка, якѳ пухъ«, — говорила она, постукивая кулакомъ подъ низъ палаянці.

(1) Такъ называется одинъ заѣзжіи дворъ.

Въ это время жидовка выскочила опростетью изъ сосѣдней хати.

— »Не смієсь ти імъ продавать, ти до мене принесла, — такъ мені и продавай. Я сама куплю, а вони тоді у мене кúпляютъ.«

— Я своѣ дóбре усюди смію продавать, да ти мені стільки й не заплáтишь; — ну, давай по вісімъ шагівъ за молоко и по шість за паляниці.

»Сцо ти, зъ глúзду, зсúнулась? вони зъ у тебе впорáсні.«

— А, щобъ тобі такъ лéгко жить, якъ вони вчорáшні.

»Бері по пять сагівъ, бильсь ніхтó-зъ не дасть.«

— Да мені пані бильшь дадúть.

»Пані не-знáть-якихъ паляниць істи не бúдуть. Я поцáла торговáть, мені и продавай, а дрúтому въ мой корцмі не смій. Ми скільки за корцмú плáтимо!«

— Давай по вісімъ; такъ мені и пані дають за молоко.

»Ні, бері по сімъ; я-зъ даю дóбре, — цогó-зъ тобі сце? якъ-би сё-годъясні! (бросая): да вазкі, якъ кáмень!«

— Оцé-то, кáжуть: говоріла покійниця до сáмої смёрти, да все чор'зна щó. Чогó бъ се я тобі по сімъ дала? щó ти мені? Колибъ оцé сйна зáвтра не виряжáть, да на чвёртку не трéба, а бъ до тебе вікъ не заглянула, кáтаржний рідъ.

»Ну, оддаєсь по сімъ съ половиною?«

— Ну, бері! (А къ намъ обрацається и говоритъ:.) Ви ій ужé по шажкú перекайнете — вона вамъ и оддасть: а паляничку однú-таки у мене візьмете: вона всіхъ не берé.

— »Дай же намъ, еврейко, и глечикъ молока... щó тобі за ёго?

»Якъ не дастé пятнадцяти копійкъ сребромъ, дакъ и не 'ддамъ.

Землячка наша перекрестилась отъ ужаса. — »У погáному видú— нема стидú... А, проклятий рідъ, щобъ ти відрочивсь! У-двоє хочешъ! ишь дзога якá! Щобъ ви не дїждали по світу ходїть, людей грабовáть. Жидъ брехлїю живе; все зъ насъ тьяне. Се, кáжуть, насъ Мати Бóжа проклялá, а іхъ благословила. Уродїла она Христá, да й послалá за жінкáми; усі за робóтою, ніколи йти: хто прядé, хто за верстáтью, усі за діломъ. Вона й проклялá: щобъ ви до віку, кáже, робили — не наробїлися, — все рівно, якъ кїнь, щобъ івъ — не наївся, щобъ імъ и вгáву не булó! А послалá до жидівъ, — вони такъ и поприбїгáли... Ми рóбимо, ми жнемó, ми въ коломазі, — а вони, не робивши, вихорóшуютця; старé дрїпло — и тé шубу яку напірїть, да й нáми повертáе.

Жидовка близько подступаєть: »хібá-зь ни не рóбно, хібá зь ни не рóбно?»

— У! чмарóю тákъ и лизе!

Молчаніе... Намъ привесли изъ экипажа жаркое, масле; ны начали всть.

— Хлѣбъ-силъ їжъ, а правду рїжъ, сказала землячка.

Между тѣмъ, жидовка заплатила ей деньги.

— Оцѣ жъ мені порá вже йти до-дóму.

»Да посѣдь«, говорю я: »щѣ трóшки погомонїшь изъ на́ми.

Она сѣла подлѣ насъ.

— Кудї жъ оцѣ васъ Богъ несѣ?

»У Ніженъ. А ти дѣ живѣшь?»

— А тутъ, недалѣчко.

»Якъ-бї намъ тебе знайтї, ми бъ до тебе въ гóсті завітáли.«

— Тїльки пошйтáйте Гáльку—и малá дитїна покаже: переїдте мїсто́къ да садóкъ, а тамъ великі новї ворóта:—отó й я. Оцѣ й мені зáвтра трѣба бóде на базáръ.

»Прїїзджáй, да колї бъ рáно до-дóму, щóбъ ми тебе застáли.«

— Я ще два рáзи звернўсь, по́ки ви прїїдете. Да щó! хочъ менѣ й не бóде, дакъ мой невістка...

»Нї, ми тебе хóчемо бáчить у госпóді.«

— Мой невістка хороша, — вона васъ за гостѣй пошавўе. Я її удовóю брáла; тáмъ дїточкї! якъ благороднихъ дѣржить. Оцѣ чи дасї щó, чи попрóсить чогó, то зáразъ и цїлўе... Ви — кудї? въ гóсті?

»Въ гóсті.«

— Ну, изъ гостѣй не скоро вїрветесь: *їсть* — *невїльникъ*. Я по-оддавáла своїхъ дóчокъ въ однó село. Не лóбо въ однó село оддавáть: тó бъ тудї въ гóсті пїшовъ, а то бъ тудї; атó въ однóму селї, та ще живўть однá протї дрўгої. Прїїдешъ, зáразъ и збїжáтца въ одївъ двїрь; ужѣ трѣйтю тудї не оддáмъ. — Порá мені до-дóму... Прїїздїть же зáвтра.

»Не йди ще, будь лáскова, — погомонї ще годїну. Тákъ у мене зўби болять! ти якъ гомонїшь, то, мовъ, замовляешъ.«

— Ви бъ у Прохорї поїхали: тамъ дїдъ замовляе; атó такъ усїó стїну й вїкрутитъ, да й зновъ бóде зачинáтьца. У морó старóго тákъ болїя, щó й Бóже! не схотїв пїйтї; а я скїлько паляницъ, скїлько усáч-ни переносїла: тепѣръ у мене й не болять.

Жидъ во все время нашей бесѣды стоялъ возлѣ печки и всматри-

вался въ меня такъ подозрительно и пристально, что взглядъ его раздражалъ мою зубную боль, и я пересѣла на другое мѣсто.

»Галько, посидь же щѣ коло мене, да роскажи мѣнѣ що-небудь, щобъ не такъ зѣби допикали. У тебе ще есть дѣтки?«

— Есть же, одна на порѣ, а друга у школы ходить... Порѣ, прощайте! Заїздить же. Хай Богъ вамъ спорить у дорѣзі.

На обратномъ пути мы спросили на селѣ Гальку и намъ указали ея домъ, прибавивъ: »нові великі ворѣта.« Въѣхали ми на дворъ, обыкновенный и — грязный по случаю дурной погоды. Къ намъ выбѣжала дочка, пятнадцати лѣтъ: вничего нѣтъ похожега на мать.

»А мати дома?«

— Дома.

Мы и не сомнѣвались въ этомъ: слова Гальки оправдались, мы думали быть къ ней въ понедѣльникъ, а прїѣхали во вторникъ. Вошли мы въ хату. Тутъ-то начались привѣтствія Гальки и ея невѣстки. Хата у нихъ большая; въ углу, у дверей висѣла люлька съ двухлѣтнимъ ребенкомъ; между большимъ столомъ и лавкою, на полу, сидѣло какое-то странное растрепанное существо и пряло; лавки липовыя широкія, почти въ три четверти ширины; за свѣлокомъ множество чернобривцевъ. Невѣстка — женщина очень хорошая и тихая.

— Ми думали, що ви вже до насъ, харпаківъ, и не заїдете, — сказала невѣстка.

»А я васъ вчѣра ждала«, подхватила Галька: »и на базаръ не поїхала; я ще такихъ панів и не бачила; тутъ одинъ проїздивъ, дакъ и въ хату не зайшовъ, поки й коней випасъ, — усѣ сидів на призьбі.«

— Сїдте жъ, — сказала Галька, обратясь къ намъ. — Евдѣхо (невѣстка)! покрій настільничкомъ стілъ. Галю, унесі дровецъ... А я думала, що ви уже й не будете... бідна жъ мой головонько!. Я вчѣра вамъ кѣрицю зажарила, другу залила.

»Да нетрѣба, свасїбі тобі; ми прїѣхали, щобъ погѣторить, щобъ послухать твої ласкавої рѣчи, а не съ тимъ, щобъ що поїсти: тѣ ще влїешъ.«

— А то жъ кажутъ: не красна хата углами, а красна пирогами.

»А добра рїчъ всѣго краще.«

— Воно такі й правда. Иноді недѣбре слово пада важче каміня.

»Унасъ усѣ есть, — чи не можна людямъ страви приставить: ми купили мѣса и картоплі у Ніжені, да спїзнілись — дакъ и не варили.«

— Да на що?! ми кѣрицю зарїжемо.

»Ні, ні, ми зъ свогѣ.«

— Такъ и нехай же ва́ша річъ на-пéреді.

Съ этимъ ушла. Невѣстка и дочка начали чистить, переми́вать, варить. Внесли бублики и разныя разности: дѣти были въ восторгѣ и за все давали чомомъ и низко кланялись, стуча лбомъ объ столъ, потому что обое стояли на лавкѣ возлѣ стола. Вошла Галька.

»Дай же, будь ласкова, нашими коньями сина.«

— Ідять ужé.

»А чоловіку колибъ погритьця дэ?«

— Да вінъ у затишку, якъ у раі; тамъ и наші молотять... Оцé жъ досадно: Олénка не побачить васъ. А то вчора трóшки и въ школу спізнїлась — дожидалася васъ... А, сучий хлопéць! покотївъ бубликъ — кїтъ ухóпять!« погрозила она внуку, и подала ему бубликъ; тотъ поцѣловаль ее въ обѣ щеки: описать нельзя торжествующаго взгляда, каки́мъ Галька въ это время подарила меня.

Столъ накрытъ; въ печі топлятъ; Галька подала намъ сметану, масла и заливную курицу; черезъ нѣсколько минутъ были готовы и вареныя яйцы. Послѣ всего, Галька поднесла намъ *касїння*.

»Спасїбі тобі, Галько, що ти насъ за гостей маєшь.«

— Господеві дякуйте. Вибачайте на сей часъ: не ждали, — да сёгодня усé й поїли, що вчора для васъ наготовили.

Съ нами были привезенные изъ Кіева крестяки, образки: мы роздали всѣмъ имъ.

— Се ви, видно, недавно були въ Кїеві? и я, було, хожу що-гóду. Упéрше якъ увїйшла... що за гóродъ Нїжень, такъ мое поштеніе, а ввійшла въ Козелець — такъ и въ бокú; а якъ у Кїевъ, такъ и поготовь!.. Усїюди виходили. — Оцé ви собі самї и їздите? а дїтки есть? А батюшка, матушка?

Я отвѣтила на всѣ вопросы.

— Оцé жъ тогó ви усé й їздите, що у васъ дїто́къ нема́; а у ко́го есть дїтки, то тогó й не замáнишь и до мáтері часто їздити. »Часъ вамъ добрий«, думае: »живїть собі, а я буду собі зъ дїточками.«

— Дїтки мої, птáшки,
Ви жъ мені не вáжкі,
Ви въ зелéному садú
Щебéчете до ладú.

А у ко́го нема́ дїтéй, той такъ изъ домівки й рвётця.

И Галька зашѣла:

— Чогó мені журітися,
 Чи у мене маліі діти?
 Ой вййду я да за ворітечка
 Свого мйлого гледіти.
 Ажт мій мйлий, голубонько сйзипи,
 Да й на воронім коні іде, —
 На воронóму да конйченьку
 У голубóму да жупаві.
 »Чолóмъ, чолóмъ, моя мйла,
 А чолóмъ, моя паві!«
 — На щó мені да чолóмъ дабешъ?
 Счаслівая тобі доріженька,
 Куді думаешъ-гадаешъ!
 Якъ думаешъ у доріженьку —
 Да поможі тобі, Бóже;
 Якъ думаешъ та до йншої,
 То покараі тебе, Бóже! —

»А ну ще сю заспівай, будь ласкова, — яка жь гърна пісня!«
 Вдругъ Галька измѣнила голосъ, вираженіе лица и запѣла:

— Бувъ собі журавель да журавочка,
 Наносіли сінця пóвні йсельця...
 Усі дóвга да хорóша — нумъ изновъ зъ кінця...

И начала прихлопывать въ ладоши, и снова запѣла ту же самую пѣсню: Бувъ собі журавель да журавочка...

— Оцѣ, якъ у васъ, що й не пють; покúшали, — не пьѣте и не гомонитѣ... А у насъ, оцѣ, якъ-би чвѣрточку, до й пісѣнь би досі спі-вáli, и гóминъ такий би пидняли бъ.

»Ми не пьемó, а за чвѣрточкою послáтъ трѣба, бо кúчеръ нашъ из-жерът.«

— Чи не я жь оцѣ приговорилась?

»Ні, ми бъ и безъ того послáли.«

— Біжі, дóчко.

Водка принесена; я начала потчивать.

— А ви жь не кúшаєте?

»Ні.«

— Цáрство жь небесне, вичний покой вашóму батюсьци и вашій мáтусьци, а вамъ посилаі Богъ дóбрее здорóвье. — Галька глотнула изъ рюмки и запѣла:

— И сѣгóдні сóнечко,
 И зáвтра опьáтъ бóде.
 Ой, якъ умрѣ моя мáтінка,
 Якъ умрѣ моя рідная —

И до віку не буде!
 Мої матінко,
 Мій дорогій крестіаю!
 Ді тебе виховати
 Зь зімі да на літечко?...

»Допивай, Галько.«

— Да боюсь, щоб не впитьця.

Еще разь глотнула и возвращаеть миѣ рюмку.

»Ну бо, допивай, ато буде чоловіча ворка гнатьця.«

— Шу, бұдьмо жь здорові.« Галька донила и еще выплеснула въ потолокъ, — приговаривая: оттакъ наші вибрикуйте!

— Ой випила, вихлила —
 Самá себе похвалила,
 Бо я доброго рѣду,
 Пью горілочку, якъ воду...

— Оце то, кажутъ: *принеси, Бѣже, здалѣка родіну, то ми и въ бұдень зробимо неділю.*

Другую рюмку я предложила невѣсткѣ, потомъ дочкѣ, а потомъ поднесла странному существу, прывшему въ-тихомолку. — »Да ні, я чужá, я не хѣчу,« сказала эта женщина: — »я чужá, я чужá«, и закрылась рукой.

»Дакъ що жь, що ти не семьяинь, а все такі ти не чужá: ти мої землячка. Випий!«

— Ні, я чужá, — отвѣчала она, и не выпила.

Миѣ объяснили, что она никогда не пьетъ, что она сиротою осталась маленькою; все достояніе ея — огородъ. Галька и взяла ее къ себѣ. Это бұдноє существо не хочеть одѣваться: хорошее платье снимаеть съ себя и ходить въ рубищахъ. Иногда она разсердится на своихъ и кричить: я васъ усіхъ на Сібіръ позасилаю: стрійте мині хату на моєму огороді.

»Галько, садь же коло насъ да поговоримо, ато намъ часъ до двора. Галька запѣла:

А вже вѣчоръ вѣчоріе,
 Да порá мені до-дѣмоньку:
 Ой е въ мене воркунъ дѣма,
 Пробье мені та голѣвоньку.
 »Ой, воркуне да воркуночку,
 Не бий мене да въ голѣвочку!
 Мене жь мати згодувала,
 Въ голѣвоньку да не вбивала;

Менé мати да годовáла
 Да ще й жаловала...«
 Довелoсь хазáйину
 Мнóю рúки да потерáти.
 »Ой потирай, да потирачу,
 Коли тобі та довелoсь,
 А я бúду коритися,
 Коли мені гóре нялoсь!...

«Гáлько, розкажи мені, якъ ти замижъ вшла, — чи молодóю, чи люблячись бра́лвсь, — якъ тобі зъ-за́молоду гуля́лося, чи е чимъ згáдовать дiвoвáнничко?

Глаза у Гáльки заблестѣли очень весело, и она начала:

— Якъ я гуля́ла на вечорни́цахъ, дакъ нехай и Богъ милуе! и кiнця не бóде, якъ усе розка́зовать. Якъ не прийдешъ бу́ло на вечорни́ці — ніколи (а у насъ такé бу́ло житлó, що ані въ рúки, убо́жество) — то шó бу́ло хло́щци рóблять?!... У-ночі ворóта зъ пятникiв издiйму́ть да й занесу́ть. Вста́не мати, да й не знае, на вiщо воно́ такъ изрóблено; а я й притаю́сь. Абó, оцé, си́зніюсь ити на вечорни́ці, абó відти́ль, то у-ночі ужé ворóта и влiплять грязю́кою. Хло́щци любля́ть, щóбъ бу́ло шито й крiто, щó бъ не зна́ли, коли йдешъ, коли верта́еся! Я бу́ло росéржусь чогó, да й не шiду, абó й мати такi не пу́ститъ, бо шiдешъ, часъ собi згáешъ и нічóго не зрóбишъ; дакъ щó разъ, прокля́ти, зрóбили? Я щось три днi не ходила, — узали да въ-ночі викoнали со́ху коло коло́дезя, да й переверну́ли звiдъ на úлицю. Вста́ла я вранці по во́ду, до коло́дезя — и тягтi вичимъ; тутъ и дiвчáта сусiдські и молодiці позбiгáлись зъ коромислами: сохá перевернута и вкопана зновъ, якъ и бу́ла. »Оцé, вiрно«, ка́жуть молодiці, »ти, Гáлько, не вгоди́ла чимъ хло́щцямъ.«

— Не дов́ге моé дiвoвáнничко бу́ло!... Я́ молодéнькою прихорóшенька бу́ла! шiсна́дцять лiгъ менi бу́ло, якъ до мéне присвáтавсь немолодiй ужé удове́ць, да ще трóхи и ногá однá крóчча; я не хотiла йти, а мати ка́же: »а йди, дóню: вiнъ хорóший чоловікъ, и сь пёрвою жiнкою такъ хóроше живъ, и багáтий — хазáйкою бóдешъ, — вiнъ тебé жалуватиме, якъ дитiну. — Я́ й згоди́лась. — Отъ менi й нічóго, пóки дóма сидiла, а якъ вiнчáтьця прийшлóсь, — менi такъ стiдно мiжъ лю́де йти зъ старiмъ та зъ кривiмъ. Ста́ли на вiнець, менi такъ стiдно, щó я́ свiту Бóжого не бáчу. — Повiнчáвъ шiшъ да й ка́же: »цiлуйтесь!« — А чоловікъ мiй поклонiвсь та й ка́же: »нехай́ ужé, бáтюшка, до зáвтрéго«; дакъ бáтюшка ростопiривъ рúки: »ну, якъ хочте«, ка́же. Зъ сiмъ и зъ цёркви вiйшла.

— А спасібу Богу, пожила зь старіишъ, хочъ и не нагулялась: не оглédилась, якъ и бабою зробилась... Старошей матэриннихъ доглédила и рúки ий зложила, — тутъ у нашіей хаті и прэстáвилась, царство ий небéсне! Благодарéние Господу, тепёръ не варикаючи живú, — усéго у мéné двóволь, атó, мо́же, прийшло́сь би уголькáми на тимъ світі росплáчуватьця, що попрогúлювала бь на вечорни́цахъ... Було́, що понашικάешъ паляницъ, намішованиківъ!... А побра́лись — щó було́ я попону́жýся, пóкв не пішли діти! Було́, чоловікъ картае мéné, картае, а у мéné такъ и прётця сёрце до дівчáтъ (я-такі співúча змóлоду булá)! Худóба за плечíма, ледáщо передъ очíма, — такій вінъ мені тоді здався нечу́ма́зний! — а тепёръ вінъ мені якъ орéль!

Въ это время брякнула дверь и вошла дэвочка, похожая на молоденького гуся, — въ бёлой юпкѣ и съ краснымъ намороженнымъ носомъ с такими же руками.

— Ось и на́ша школя́рка! — вскрикнула Галька.

Изъ сосѣдней хаты выглянуло не безъ удовольствія четыре головы — старшая дочь и невѣстка, державшая обонхъ дѣтей на рукахъ.

— Здра́стуй, Олѣнко! Отъ пани тѣі, що ти хотіла бáчить, — сказала Галька. — Давáй панáмъ чолóмъ! Ну, щó жь ти сёгóдни учáла, розкажи мені.

»Азъ, бúки, видн...«

— Гáрно, гáрно! люба! — Вона́ оцѣ и прáсти не хóче, — усѣ́ учтвця, — обратилась къ намъ Галька.

Я обѣщала ученицѣ передать при случаѣ книжку съ картинками; и вотъ — начались благодарности. Между тѣмъ, пора было вхать, мы стали собираться въ дорогу.

»Скíлько жь то́бі слíдуе, Гáлько, за сiно и за угощѣние?

— Нічóго.

»Ні, не мóжна тáкъ, — трéба сказáть.«

— Нічóго мiнi, нічóго, — а сянъ, якъ знáе — за сiно.

Передъ этимъ за нѣсколько минутъ и сынъ пришель. Спрашиваю у него, — чтó за сiно? — Нічóго.

»Тя жь ё́го косiвъ, пóравъ.«

— Такъ-щó? хiбá багáто зiли кóні?

»Ну, дóбре жь: за сiно я самá знáю, щó заплатiть, бо у жи́да платив; а щó то́бі за клóпiть?

— Нічóго!... Ну, слúхайте жь: оцѣ бь я стáла замъ прода́вать: щó жь ви тамъ искúшали? я подалá пьáтеро яѣць, двóе скúшали — шагъ за

вами... ха-ха-ха-ха!... сметани кришечку... ха-ха-ха! холодцю... отъ и три шагѣ....

При этомъ поднялся въ хатѣ всеобщій хохоть; сдѣлалось смѣшно и намъ, — но мы смѣялись отъ удовольствія, видя передъ собой такія честныя натуры, радуясь, что никакая жидовá своимъ дурнымъ приѣмомъ не можетъ заразить ихъ жадностью. Мы, однакожъ, настаивали.

— Ну, коли жъ ужé вамъ хочеться, такъ дайте на чвѣрточку, що я, якъ піду її купувать, то що бъ васъ хибá згада́ла.

Началось прощанье.

— Прощайте! дай, Бóже, знáтьця. Якъ придете вдруге, то й овесъ б́уде, — не то — сiно.

Галька вынесла паляницю, поцѣловала и подала намъ на дорогу.

— Прощайте, пострічай же, Господи!

А. Нечуй-вiтеръ.

Октябрь 1860 г.

БЕСѢДЫ

О ЕСТЕСТВОЗНАНІИ НА РУССКОМЪ ЮГѢ.

I.

Я попалъ съ сѣвера въ южнорусскій край, когда только-что началъ заниматься наукою естествознанія. Живо помню первыя впечатлѣнія, произведенныя на меня южною природою: на каждомъ шагѣ я встрѣчалъ предметы, поражавшіе меня своею красотою, возбуждавшіе во мнѣ нетерпѣливое любопытство своею особенностью: новыя растенія, новыя животныя и новыя явленія міра физическаго, — всё это было мнѣ незнакомо, недоступно моему пониманію. Въ первый разъ въ жизни я здѣсь увидѣлъ, что хлѣбъ сѣяли, не удобряя земли! Долго старался я допытаться у себя отвѣта на эту загадку — и не могъ; обратился за объясненіемъ къ народу, но узналъ не много: »зачѣмъ и унавоживать, когда и безъ того земля, что уголь!» — Я догадался, что этимъ опредѣляется *чернозѣмъ*; но почему для него не нужны удобрения, — чего не достаетъ почвъ глинистой или песчапой для развитія растенія, — отчего другія полевыя растенія растутъ на той же почвѣ, на которой не можетъ расти хлѣбъ? Все это было для меня темно, загадочно. Я былъ въ состояніи чловѣка, который не обладалъ способностью различать цвѣта, по которому уже помогли освободиться отъ этого недостатка зрѣнія. Въ изумленіи остановился бы онъ передъ новымъ, до-тѣхъ-поръ невѣдомымъ ему, міромъ колеровъ! Сначала они ослѣпили бы его: всё показалось бы ему однимъ пестрымъ узоромъ; только спустя нѣсколько времени, когда его глазъ научился уже различать краски, прозрѣвшій увидалъ бы и деревья, и цвѣты, и животныхъ, однимъ словомъ — природу во всей красѣ единства и разнообразія: въ подобномъ же состояніи былъ и я.... мнѣ открывала глаза наука.

Отчего-же обитатели Южной-Руси выносятъ равнодушно это мучительное состояніе духа — невѣдніе?... Человѣкъ легко свыкается съ окружающими его предметами: что онъ видитъ съ первой минуты своей жизни, то для него не диво! У обитателя Юга, съ перваго дня его существованія, передъ глазами чудная природа, но онъ привыкъ къ ней, — и уже равнодушно смотритъ на то растеніе, которое заботливо лелѣютъ въ садахъ и теплицахъ на сѣверѣ. — Для того, чтобъ южный житель понялъ всю прелесть своей родины, ему слѣдовало бы прокатиться на Сѣверъ, взглянуть на бѣдныя поля Великороссіи, на луга, покрытые сухою осокою да бѣдными злаками, на болота, заросшія тростникомъ да желтою зеленью болотныхъ растеній; только послѣ такого путешествія онъ сознаетъ свое богатство; и у него подобнымъ-же образомъ пробудятся новые вопросы, и онъ захочетъ ближе познакомиться съ природою своего края.

Не смотря на то, что южный край можно назвать сердцемъ Русскаго міра, что это не ново-созданная Амурская колонія, — мы едва его знаемъ, по какому-то странному равнодушію ко всему близкому, отечественному. — На Амуръ снаряжаютъ ученые экспедиціи, посылаютъ ученыхъ натуралистовъ въ Италію, въ Испанію, даже въ Алжиръ! у насъ же подъ руками неразработанныя богатства, — а мы все стремимся туда, гдѣ тысячи головъ, головъ умныхъ, дѣятельныхъ, искусныхъ, трудятся на томъ самомъ поприщѣ, на которое и насъ тянетъ... И какъ мало приносятъ пользы эти далѣкія путешествія! чуть не всё дѣло ограничивается нѣсколькими, давно извѣстными предметами, да двумя-тремя письмами, присланными изъ-заграницы въ какойнибудь журналъ... и какъ, большею частью, однообразны эти письма! Напротивъ, замѣните эти экспедиціи дѣльными путешествіями на Русскій югъ, и, навѣрное, они скоро принесли бы существенную пользу; матеріаловъ тамъ хватило бы не на одинъ десятокъ жизней; мы наконецъ познакомились бы съ человѣкомъ и природою Юга, съ чудными ихъ богатствами... — а подобныя изслѣдованія, безъ сомнѣнія, открыли бы невѣдомыя стороны жизни, — дали бы бытіе новымъ отраслямъ народнаго богатства....

Что же можно сдѣлать теперь, для распространенія естествознанія на Югѣ? Не могутъ ли содѣйствовать изученію края и не-специалисты? Въ какое положеніе должно стать при этомъ южно-русское общество? Вотъ вопросы, которымъ мы намѣрены посвятить настоящую статью — статью далеко не ученую, написанную не для специалистовъ, а просто — для любителей: поэтому мы войдемъ въ подробности, кото-

рия, для людей близко знакомых съ наукою, были бы лишними. Наша цѣль — чисто-практическая: показать важность естествовѣдѣнія и способности для занятій естественными науками на югѣ.

Что нужно для изученія природы? Между многими, даже образованными людьми распространено ложное понятіе, что, при изученіи естественныхъ наукъ, необходимы цѣнные кабинеты, недоступные средствамъ большинства частныхъ лицъ, — мнѣніе ложное — на югѣ болѣе, чѣмъ гдѣ либо. Изучайте природу по ней самой, составляйте сами травники и коллекціи другихъ естественныхъ предметовъ; посвятите этому занятію часы досуга, минуты прогулокъ, — вы и безъ кабинетовъ узнаете многое.

Какъ же изучать природу, какъ учиться естествознанію — безъ учителя? гдѣ найти учителя — не сухаго педанта, не теоретика, а живого любителя природы? Какъ приступить къ такому важному дѣлу безъ помощи? Да очень просто: возьмите любой популярный нѣмецкій или французскій курсъ естественной исторіи ⁽¹⁾ и читайте его среди лѣсовъ и полей. А между тѣмъ, мы, думая не разъ вести съ вами бесѣду о природѣ юга, начнемъ съ легкой подготовки къ естествовѣдѣнію.

Прежде всего вамъ надо познакомиться съ основными началами науки; узнать части растений, минераловъ и животныхъ. Чтобы сдѣлать къ этому приступъ, сорвемъ наудачу цвѣтокъ, подыдемъ камешокъ, поймемъ наскокое или другое животное, и поглядимъ на него внимательно.

Кстати, мы въ Кіевѣ... Поглядите вонъ тамъ, возлѣ рѣки, на скатѣ живописной горы, раскинулся такой красивой кустъ *красной розы*. Дивнѣе поить корни безчисленнаго множества кустовъ этого растенія. Сорвемъ благовонный *цвѣтокъ* этой »шипшины«, изъ котораго позже образуется красный *плодь*. Какъ бы мы пристально ни стали осматривать цвѣтокъ, — мы не найдемъ въ немъ сходства съ самимъ плодомъ, съ этою ярко-красною круглою ягодою, наполненною сухими зернышками.

Подъ низомъ цвѣтка находится нѣсколько зеленоватыхъ листиковъ, но это не плодь розы, а ея покровъ, одежда цвѣтка, теплая шубка, охраняющая молодой цвѣтъ отъ суровыхъ непогодъ и вѣтровъ. Этотъ цвѣтъ, подъ защитою своего покрова, былъ не цвѣткомъ, а *почкою*; упалъ на

(1) Для желающихъ укажемъ: »Leçons élémentaires de Botanique, par Em. Le Maout;« »Trois règnes de la nature«, его же; изъ нѣмецкихъ: »Aus dem Reiche der Naturwissenschaft, v. Bernstein, которыя, какъ мы слышали, скоро поваятъ въ русскомъ переводѣ.

неё теплый живительный лучь солнца—и вотъ внутри почки закипѣла жизнь, малютка пробудился и выправилъ изъ-подъ зеленой пелены розовые листики—*лепестки* цвѣтка; зеленая оболочка опала и отогнулась назадъ, она не нужна больше: цвѣтокъ достаточно выросъ и окрѣпъ для того, чтобъ существовать уже независимо отъ *чашечки* (зеленой оболочки); это дитя тепла и свѣта (безъ котораго онъ умираетъ) развивается—распускается....

Изъ него-то, изъ этого цвѣтка, *завяжется* плодъ, быть можетъ скажете вамъ любой поселянинъ, вовсе незнакомый съ наукою; изъ этого блестящаго цвѣтка образуется ягода. Дá, это правда; но то ли понимаемъ подъ словомъ *цвѣтокъ* мы въ общегитіи, что понимаетъ подъ нимъ наука? Нѣтъ. Пройдетъ два-три дня и цвѣтки, то, что мы называемъ цвѣтками, розовые лепестки (*вѣнчикъ* у ботаниковъ) завянутъ, опадутъ; они были не болѣе какъ украшеніемъ, — брачнымъ нарядомъ цвѣтка.... (Посмотрите, какъ онъ роскошенъ у *сараны* ⁽¹⁾, покрывающей поля юга!) Такъ изъ чего же образуется плодъ? Лепестки опали, но осталась *чашечка*, къ краямъ которой прикрѣпленъ цѣлый рядъ желтоватыхъ *усиковъ*, волосковъ, съ маленькими желтыми головками на оконечностяхъ, а по серединѣ находится небольшой, какъ бы желтозеленоватый, кружокъ. Вотъ въ этихъ-то частяхъ сосредоточивается семейная жизнь растений: *волоски* — это орудія образованія *плодотворной пыли*, а желто-зеленоватый кружокъ — это хранилище оплодотворенныхъ сѣмянъ — зачатокъ растений.

Эти волоски извѣстны въ наукѣ подъ именемъ *пылевыхъ органовъ* (*тычинокъ*). потому что въ головкахъ ихъ, представляющихъ пустые мѣшечки, заключается плодоносная пыль; мѣшечки называются *пыльниками*. Пылевой органъ цвѣтка—это мужчина, мужъ; а органъ, заключающій зачатки сѣмянъ — *пестикъ*—женщина. Позже, на пути знакомства съ флорою юга, мы узнаемъ ближе устройство цвѣтковъ, растений и вообще жизнь тѣлъ природы, а пока ограничимся этими краткими замѣчаньями.

Въ предметахъ, для нагляднаго изученія, недостатка у насъ не будетъ: растенія всевозможныхъ родовъ и семействъ вы встрѣтите на югѣ. Хотите изучать тайнобрачныя водорасли, приготовить изъ ихъ золы іодъ, ступайте на берега Чернаго моря: тамъ ихъ довольно! Хотите познакомиться съ дѣвственною природою степей—поѣзжайте въ Украину.—Ко-

(1) Сарана—*Lilium tenuifolium*. L.

гда вы уже подюбите естествознаніе, соберите вокругъ себя дѣтей и взрослыхъ, желающихъ познакомиться ближе съ окружающею ихъ природою, — ступайте по берегу Днѣпра, Дона, или южнымъ берегамъ Чернаго моря, куда вамъ ближе. Попадется вамъ растеніе, камень или насѣкомое, подымите ихъ, покажите вашимъ слушателямъ и расскажите все, что только знаете о немъ; менѣ всего обращайтесь на имя и болѣе — на жизнь и свойства предмета; вернувшись послѣ подобной прогулки домой, прочтите подробное описаніе найденныхъ вами предметовъ, приведите ихъ въ систему и раздайте, если можно, по экземпляру каждому изъ нихъ вашимъ слушателямъ.

Подобныя прогулки скоро найдутъ послѣдователей и естествознаніе войдетъ въ жизнь, сдѣлается потребностью, займетъ женщинъ, которыми оно такъ близко. Для полнаго успѣха, нужно также приобрѣсть запасъ общихъ свѣдѣній по другимъ естественнымъ наукамъ, неразрывно связаннымъ между собою; ботаника, какъ наука, не существовала бы безъ химіи: иначе процессъ прозябанія, питанія растений остался бы для насъ вѣчно неразгаданною тайною; безъ геологіи трудно объяснить причину физиогномики флоры той или другой мѣстности; безъ зоологіи мы не постигнемъ, отчего зависятъ болѣзни растений, производимыя уколами насѣкомыхъ. При недостаткѣ общихъ свѣдѣній, многія явленія природы часто кажутся намъ странны и непонятны. Мы, напримѣръ, видимъ, какъ всѣ заботы, всѣ усилія человѣка низвергаются маленькимъ насѣкомымъ, и пока наука не уразумѣетъ природы, человѣкъ безсиленъ въ борьбѣ съ нимъ. Расскажу одинъ любопытный случай: въ Полтавской губерніи близъ Прилукъ, въ мѣстечкѣ Сокиринцахъ, принадлежащемъ Г. П. Галагану, въ саду росло нѣсколько дубовъ, особенно дорогихъ владѣльцу. Въ одно лѣто онъ увидѣлъ, что эти великаны — память его отца, дѣда, а можетъ быть и прадѣда, стояли голые, безъ листьевъ; изумленный, въ раздумьи, наклонился онъ, чтобъ поднять нѣсколько сухихъ листовъ, и что же замѣтилъ? Листья свернулись въ трубочку: — это была работа дубоваго *листоверта*. Напрасны были всѣ усилія хозяина: листовертъ остается до сихъ поръ непобѣдимымъ и безпрепятственно продолжаетъ свою работу! Напрасно обращался хозяинъ къ лѣсоводамъ, напрасно рылся въ ученыхъ сочиненіяхъ — никто не далъ ему положительнаго отвѣта, не указалъ вѣрнаго средства прогнать докучливое насѣкомое и предохранить милые дубы отъ смерти. Кто не знаетъ, какія страшныя опустошенія производитъ на Югѣ саран-

ча — этотъ бичъ земледѣльцевъ, — а все покоряется ей! Полное уничтоженіе этого зла для насъ еще невозможно; но когда, при знакомствѣ съ естествознаніемъ, начнутъ наблюдать не одно явленіе, и не съ минуты его зловреднаго дѣйствія, а, вооруженные наукою, вникнуть глубже въ его причины, найдутъ его начало, зарождење зла: тогда-только, быть-можетъ, истребленіе саранчи и листоверта превратится въ дѣло обычное, какъ истребленіе другихъ вредныхъ насѣкомыхъ.

Природа юга такъ мало извѣстна, что мы не знаемъ, что у насъ есть, что еще можетъ быть и чего нѣтъ! Легко можетъ статься, что имѣя на югѣ въ обиліи тотъ или другой предметъ промышленности или торговли, мы получаемъ его изъ-за границы и не подозреваемъ, что онъ пропадаетъ у насъ даромъ. Давно-ли возникло у насъ винодѣліе въ Крыму, и поглядите, какъ значительно уже расширилась эта вѣтвь промышленности! »Но что за вина въ Крыму!«, возразятъ намъ многіе. — Такъ возьмите же въ расчетъ ихъ дешевизну, — отвѣтимъ мы, и подумайте, не виновато ли само общество въ медленномъ улучшеніи винодѣлія? Дайте большинству бутылку превосходнаго крымскаго вина и бутылку плохаго рейнвейна и, на-вѣрное, будетъ предпочтено послѣднее! Страхъ ко всему заграничному безъ разбора уменьшилась, но не искоренилась. При распространеніи естествовѣдѣнія, на ряду съ научными изслѣдованіями, откроются и новыя источники народнаго богатства. Въ этомъ отношеніи особенно-важное значеніе должна пріобрѣсти акклиматизація растений и животныхъ на Югѣ; тамъ, подъ благословеннымъ украинскимъ небомъ и въ роскошномъ Крыму, она можетъ имѣть гораздо болѣе успѣха, чѣмъ на Сѣверѣ. У насъ есть уже сортъ своего табаку; кто знаетъ — со временемъ не надѣлать ли насъ югъ и хлопчатниномъ, или инымъ подобнымъ ему растеніемъ? Особенно большую пользу изученіе юга принесло бы красивому искусству и садоводству. — Дѣльное наблюденіе могло бы ясно указать на выгоду многихъ учреждений, — чего до сихъ поръ не сознали еще наши землевладѣльцы, по недостатку знаній изъ прикладныхъ естественныхъ наукъ (технологіи и другихъ.) Примѣръ недалеко: у насъ на югѣ пасутся несмѣтныя стада овецъ; иностранцы скупаютъ нашу шерсть, чешутъ, прядутъ и продаютъ намъ ее въ видѣ пряжи; понятно, что плата за провозъ сырой шерсти разлагается ими на пряжу. Устройте фабрику на Днѣпрѣ или другой судоходной рѣкѣ, чешите свою шерсть, продавайте велико-русскимъ и польскимъ фабрикантамъ: — вотъ вамъ и новая отрасль про-

мышленности — шерсточесаніе, почти еще неизвѣстная въ Россіи (1), съ развитіемъ которой югъ сдѣлается центромъ новой торговой дѣятельности и освободится отъ необходимости быть въ этомъ отношеніи данникомъ чужеземцевъ.

Изученіе естественнѣйшихъ представляетъ, на югѣ, — даже при гимназическомъ курсѣ, — гораздо болѣе удобствъ, чѣмъ въ иномъ мѣстѣ потому что экскурсіи въ началѣ и концѣ курсовъ, могутъ быть учреждены очень легко; флора, естественно, должна занять первое мѣсто (2).

Введеніе естественныхъ наукъ въ составъ предметовъ домашняго и общественнаго образованія, дастъ новое направленіе молодымъ умамъ, обогатитъ ихъ познаніями, которыя привяжутъ ихъ къ родной землѣ тѣмъ, что и на родинѣ есть много любопытнаго и достойнаго дѣла, что не зачѣмъ искать его по чужимъ странамъ. Мало-по-малу, мы, безъ особеннаго труда, прибавимъ два-три камня къ новооснованному зданію; по немногу изъ этихъ камней сложится цѣлая твердыня, и тогда мы съ гордостью скажемъ: «Мы знаемъ нашу родину, ея богатства, средства и силы; теперь мы можемъ смѣло познакомиться и съ другими странами.»

Переходимъ ко второму вопросу, необходимо возникающему изъ сдѣланныхъ нами замѣчаній, а именно: какимъ образомъ не-спеціалисты могутъ содѣйствовать изученію Русскаго юга?

Естественныя богатства юга болѣе всего заключаются въ роскошной растительности, извѣстной намъ еще очень мало. Ученыя экспедиціи и командировки рѣдки, да и хватить ли силъ одного человѣка, одной экспедиціи, для основательнаго изученія всей страны? Для составленія одной флоры юга, — необходимы долгіе труды многихъ людей; поэтому, еслибъ одинъ любитель естествознанія занялся собираніемъ данныхъ въ одномъ округѣ, а другой — въ другомъ, то трудъ пошелъ бы быстро и разносторонно. Матеріалы были бы собраны исподоволь; оставалось бы одно: привести ихъ въ систему, въ порядокъ, что и было бы уже дѣломъ спеціалистовъ.

Данныя у южнаго жителя подъ рѣками, вездѣ, на каждомъ шагѣ.

(1) Сколько намъ извѣстно, единственная образцовая шерсточесальная фабрика, устроенная по лучшей системѣ «Нобля», (привилегія на чесалку которой, для Россіи, приобрѣтена г. Флинтомъ), находится въ С. Петербургѣ, на Обводномъ каналѣ, подлѣ газоваго завода. Она принадлежит графу Ламздорфу, г. Тюрпеню и еще двумъ компаніонамъ.

(2) Нельзя при этомъ не пожалѣть, что до сихъ поръ нѣтъ ключа къ опредѣленію Южной Флоры, подобнаго ключу г. Шнейдера для флоры Петербургской.

Укажемъ главнѣйшія: а) народныя названія и легенды о происхожденіи разныхъ растеній, животныхъ и минераловъ, б) народно-медицинское употребленіе ихъ, в) составленіе рисунковъ и коллекцій естественныхъ предметовъ, и наконецъ д) наблюденія надъ различными мѣстными явленіями.

Южнорусскія народныя названія растеній отличаются своеобразностію; но вообще народъ не различаетъ видовъ, исключая очень рѣдкихъ случаевъ. Впрочемъ, два разные вида одного рода, въ различныхъ мѣстностяхъ, часто носятъ и различное названіе; и наоборотъ: нерѣдко одно названіе принадлежитъ двумъ видамъ различныхъ родовъ. Только тогда, когда будутъ собраны данныя со всего юга, когда откроется возможность сличить названія, принадлежащія однимъ и тѣмъ же растеніямъ на всемъ протяженіи Украины, только тогда получится возможность составить отчетливую южнорусскую номенклатуру.

Въ глазахъ многихъ это дѣло почти не имѣетъ значенія; но чтобъ увидѣть всю неосновательность подобнаго мнѣнія, стоитъ припомнить, что, по причинѣ незнанія народныхъ названій, мы поставлены въ тяжелую необходимость объясняться латинскими іероглифическими словами. Представимъ себѣ, что какое нибудь растеніе получило приложеніе къ жизни, — что человѣкъ неученый прочтетъ вашу замѣтку о пользѣ какого-нибудь растенія изъ видовъ *Melampyrum*: прочтетъ этотъ іероглифъ и, по неволѣ, оставитъ безъ вниманія; а напишите просто «*Иванъ-да-Марья*», — и ваше знаніе свойствъ его, сдѣлавшись общимъ достояніемъ, принесетъ прямую пользу. Вотъ какое значеніе имѣютъ народныя названія, неговоря уже о томъ, что безъ нихъ намъ часто вовсе непонятенъ смыслъ народныхъ сказаній, повѣрій и пѣсенъ, не говоря о важности ихъ для филологів.

Во время путешествій и прогулокъ, каждый, при случаѣ, можетъ безъ труда записать народное названіе растенія и, для бѣльшей вѣрности, приложить и самое растеніе; кромѣ того, необходимо, при подобныхъ замѣткахъ, упоминать названіе мѣстности и лицá, отъ котораго слышано то или другое. Подобныя замѣтки, въ общемъ составѣ, принесутъ огромную пользу наукѣ, когда трудъ многихъ будетъ сведенъ къ одной общей цѣли — изслѣдованію южно-русской природы.

Не менѣе важное значеніе для науки и жизни имѣетъ и народная медицина, которую, наконецъ, начинаетъ цѣнить и медицина ученая. Этого рода изслѣдованія представляютъ гораздо болѣе трудности: знахари вообще неохотно сообщаютъ о таинственной цѣлебности травъ, передавая

свои знанія изъ рода въ родъ, отъ отца къ сыну—какъ семейное достояніе; сверхъ того, приемы знахарей и знахарокъ соединены съ множествомъ предразсудковъ, такъ-что довольно трудно отдѣлить сущность отъ формы, цѣль которой — отвлечь вниманіе больного и окружающихъ его, и тѣмъ сохранить неприкосновенно свою тайну. Такимъ образомъ, при собраніи народно-медицинскихъ свѣдѣній, необходимы: большая наблюдательность, осмотрительность и болѣе-близкое знакомство съ народомъ и наукою.

По вѣрованію народа, травы имѣютъ особенную силу, если ихъ собирать—цѣлебныя—въ день Симона-Зилота; волшебныя (*Чарь-Зилла*)—въ день и въ ночь на Ивана Купала; и противудѣйствующія вреду, причиняемому злою личиною (вѣдьмами, анахурами, чортомъ) — въ день *літнѣю Миколы* (9 мая). Вѣдьмы и колдуны варятъ волшебные напитки на Лысой горѣ близъ Кіева; только для нихъ да для тѣхъ, кто обладаетъ ихъ таинственнымъ знаніемъ, понятенъ говоръ травъ и цвѣтовъ, возвѣщающихъ имъ свои чудесныя свойства. Особенная сила приписывается народомъ: *Руть* (*Ruta graveolens*), *Шавліи* (*Salvia officinalis*, *S. pratensis*, *S. leonaroides*), *Терличь-травъ* (*Gentiana Amarella L.*), *Любистку* или *Любистъ* (*Levisticum officinale Koch.*), *Сонь-травъ* (*Anemone pulsatilla*), *Блекоть* (*Hyosciamus niger L.*), *Курячей-слѣпоты* (*Anagallis arvensis*), *Подорожнику* (*порізнику, пораннику* — *Plantago lanceolata L.*), *Жирію*, и многимъ другимъ. По народному вѣрованію, *Сонь-трава* наводитъ сонъ и притомъ сонъ вѣщій; листья *Любистку* рвутъ дѣвушки въ канунъ Ивана Купала (23 іюня), какъ зазвонять къ вечернѣ, и вплетаютъ ихъ въ вѣнки. Въ этихъ вѣнкахъ онѣ ходятъ вечеръ, скачутъ черезъ купальный огонь, а на ночь кладутъ ихъ подъ-головы. Когда запоютъ первые пѣтухи, дѣвушки собираютъ оставшіяся листья съ того самаго куста любистку, съ котораго рвали его для вѣнка и также кладутъ эти листья подъ-головы, чтобъ утромъ судить по нимъ о вѣрности или невѣрности милаго. Народу извѣстна и цѣлебная сила любистка. — Если собрать, въ первый день *молодикá*, при заходженіи солнца, бѣлаго соку *курячей слѣпоты* и, при заходженіи же солнца, дать его кому-либо выпить, то выпившій потеряетъ способность видѣть послѣ заходженія солнца, и можетъ освободиться отъ этого недостатка не иначе, какъ если вспомнить объ этомъ ровно чрезъ мѣсяць и въ тотъ самый день, когда слѣпота съ нимъ случилась, или—если его неожиданно столкнуть въ яму. Приводимъ эти повѣрья съ цѣлюю—показать, какъ много нужно вниманія и догадки, чтобы вѣрно узнать

и тѣлково воспользоваться народнымъ естествознаніемъ. Не слѣдуетъ думать, что въ фантастическихъ представленіяхъ народа не скрывается ничего положительнаго, важнаго для науки: напротивъ. Но на югѢ больше, чѣмъ гдѣ-нибудь, народъ любитъ облекать поэтическою формою свои наблюдения и преданія; самыя названія у него живописны и живо говорятъ воображенію. (Напримѣръ, траву, обладающую силой укрощать бурю, народъ называетъ *Нечуй-вітерь!* не правда-ли, какое поэтическое названіе)? Объяснить ихъ, разоблачить поэтическую форму и обратиться до сущности — вотъ та задача, которую должно имѣть въ виду.

Относительно рисунковъ, мы должны замѣтить, что, въ этомъ случаѣ, нѣрѣдко надо жертвовать правилами живописи для точности и ясности: сохранить весь блескъ, всѣ переливы колеровъ растеній и насѣкомыхъ нѣтъ возможности; о нихъ можно дать только приближительное понятіе. Другое дѣло — форма цвѣтка, признаки рода и вида; они должны быть представлены съ мелочною подробностію, даже въ увеличенномъ видѣ. Этотъ трудъ доступенъ весьма немногимъ, — художнику онъ покажется тяжелымъ. По замѣчанію историка Мишле — это трудъ по преимуществу женскій; въ своемъ сочиненіи »L'Insecte« (насѣкомое) онъ приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ, и, между прочимъ, называетъ Сибиллу-де-Меріанъ, оставившую по себѣ память рисунками гвіанскихъ насѣкомыхъ.

Дѣйствительно, женщина на этомъ поприщѣ можетъ быть полезнѣе, чѣмъ за канвою и англійскимъ шитьемъ. Стоитъ только приняться за дѣло, и чудная природа юга разовѣетъ и поддержитъ это намѣреніе, предлагая обильный запасъ матеріаловъ, увлекаая красотою и разнообразіемъ формъ.

Не менѣе могли бы быть полезны женщины и въ составленіи разныхъ коллекцій, будутъ ли это коллекціи насѣкомыхъ, или травники; это одинъ изъ главныхъ источниковъ для изученія края, — особенно, если травникъ, или иная коллекція, будетъ сопровождаться замѣтками о народныхъ названіяхъ и техническихъ свойствахъ предмета; кромѣ того, при каждомъ растеніи должно быть означено мѣстонахожденіе, родъ почвы и время цвѣтенія. Къ этимъ и подобнымъ свѣдѣніямъ легко присоединить наблюдения надъ явленіями природы, по-чему-либо замѣчательными.

Въ составъ подобныхъ собраній пошало бы, безъ сомнѣнія, много предметовъ незнакомыхъ любителю, — легко можетъ быть, что нѣкоторые были бы опредѣлены имъ ошибочно; но это не бѣда. Исправить, соеди-

нить все въ одно цѣлое, въ одинъ общій трудъ, должно быть дѣломъ ученыхъ. Этого, по нашему мнѣнiю, можно было бы достигнуть образованiемъ южнаго общества испытателей природы. Тогда всякій, кто способенъ представить свой какой-нибудь трудъ, какое-нибудь наблюдение, зналъ бы мѣсто и людей, которые оцѣнить, сохранять и осмыслять отдѣльный фактъ сопоставленiемъ его съ другими многообразными фактами, сообщенными изъ разныхъ мѣстностей. Такимъ образомъ данныя, собранныя сотнями лицъ, не пропали бы безплодно, а сдѣлались достоянiемъ ученыхъ, на долю которыхъ пришлось бы другая часть труда — повѣрка ихъ и разработка.

Желаемъ одного, — чтобъ наши замѣтки, наши мысли въ слухъ, наши отзывы на югѣ. Быть можетъ, онѣ покажутся многимъ мечтою, — тѣмъ не менѣе это мечта не неисполнимая.

Н. Волокитинъ I.

РУКОВОДСТВО

КЪ ТЕОРЕТИЧЕСКОМУ И ПРАКТИЧЕСКОМУ ПЧЕЛОВОДСТВУ

(составленное В. Краузе, исправляющимъ должность профессора при Горигорѣцкомъ Земледѣльскомъ Институтѣ. Москва. 1860 г.)

Какъ въ нашемъ отечествѣ, такъ и во всѣхъ другихъ странахъ, пчеловодство очень долгое время было занятіемъ однихъ только простолюдиновъ — *пасѣчниковъ*, которые, руководясь опытами своихъ предковъ и своимъ природнымъ умомъ, покойно шли пробитой уже тропинкой, иногда придумывая и сами какое либо улучшение, но — большею частію — оставаясь на одной степени знаній. Наконецъ, подобно другимъ предметамъ сельскаго хозяйства, пчеловодство обратило на себя вниманіе людей ученыхъ, которые, имѣя болѣе развитой умъ, больше познаній природы, и вооруженные всѣми пособіями другихъ наукъ, стали заниматься имъ дѣятельно, посвящая иногда всю свою жизнь этому полезному и пріятному занятію. Помогая другъ другу въ этомъ дѣлѣ, они убѣдились, что простолюдины-пасѣчники ведутъ пчеловодство очень неудовлетворительно и невѣжественно, и что знанія ихъ остановились на одной ступени, между тѣмъ, какъ оно можетъ быть подвинуто впередъ гораздо дальше. Дружныя усилія этихъ образованныхъ пчеловодовъ, а особенно тѣхъ, которые, не довольствуясь одними кабинетными умствованіями, практически и долгое время занимались этимъ предметомъ, дѣйствительно поставили пчеловодство на очень высокую степень совершенства.

Вырвавъ его, такъ сказать, изъ рукъ простыхъ пасѣчниковъ и поведя по другой стезѣ, ученые пчеловоды обогатили пчеловодство многими новыми открытіями, создали цѣлую науку пчеловодства, вовсе

неизвестную пастышкамъ. Но какъ разные мнѣнія, разные наблюденія, разные правила, способы и совѣты этихъ пчеловодовъ породили много разныхъ системъ и способовъ обращенія съ пчелами, противоположныхъ между собою, и до того запутали и затемнили эту науку, что сдѣлали изъ нея неисходный лабиринтъ противорѣчій, сомнѣній и неизвестности, гдѣ незнающему трудно отыскать истинный путь: поэтому всѣ желающіе заняться пчеловодствомъ давно уже чувствуютъ крайнюю потребность въ такомъ *руководствѣ*, которое бы, — изобразивъ недостаточность простаго пчеловодства, изобразивъ естественное состояніе и образъ жизни пчелъ, и критически перебравъ всѣ системы и способы, употребляемые и предлагаемые къ употребленію учеными пчеловодами для полученія отъ пчелъ наибольшей прибыли, — указало бы на самый вѣрный изъ нихъ, указало бы такъ просто и ясно, что желающій заняться этимъ предметомъ могъ бы хорошо уразумѣть всѣ его непреложныя правила и смѣло уже идти по указанному пути къ избранной цѣли, не блуждая между разными методами, не сбиваясь отъ противоположности разныхъ мнѣній и не сомнѣваясь въ вѣрности каждаго наставленія. Да! уже давно чувствуется всеми необходимость руководства въ пчеловодствѣ, — и на ученыхъ пчеловодахъ, взявшихъ это занятіе въ свои руки и, къ сожалѣнію, бывшихъ уже причиною столькихъ жертвъ заблужденія въ пчеловодствѣ, давно уже лежитъ непремѣнная обязанность исполнять это важное и полезное дѣло, т. е. составить *руководство къ пчеловодству*. Къ этому они, правду сказать, постоянно и стремятся... Но достигли ли сколько-нибудь своей цѣли?

Обо всѣхъ, извѣстныхъ мнѣ, иностранныхъ сочиненіяхъ о пчеловодствѣ, какъ прежнихъ, такъ и новѣйшихъ, можно сказать, что онѣ заключаютъ въ себѣ только *свѣдѣнія* о пчеловодствѣ (разумѣется, иногда очень полезныя и необходимыя), или же развиваютъ одну какую-либо систему пчеловодства; но ни одно изъ нихъ, часто не смотря на свое заглавіе, не можетъ сдѣлаться настоящимъ руководствомъ къ пчеловодству, особенно у насъ. Изъ русскихъ опытовъ, рукописное сочиненіе покойнаго Прокоповича и его уроки ученикамъ своимъ, можно сказать, были первымъ руководствомъ въ этомъ предметѣ и положили прочное и вѣрное основаніе науки пчеловодства; но это сочиненіе не было напечатано. Послѣ него, ученикъ его и послѣдователь, Ковтопскій купецъ Поножаревъ, издалъ *руководство къ практическому пчеловодству*, гдѣ самымъ удовлетворительнымъ образомъ изложилъ практическую сторону пчеловодства: это руководство, въ настоящее время,

есть наилучшее изъ всѣхъ, какъ нашихъ, такъ и иностранныхъ объ этомъ предметѣ. Но этому сочиненію недостаетъ теоріи: въ немъ изложены одни факты, безъ сомнѣнія—вѣрные, но факты эти, во-первыхъ, не освѣщены идеями, которыя бы ясно показали ихъ непреложную разумность; а во-вторыхъ—они изложены безъ логической послѣдовательности, такъ, что сочиненіе г. Пономарева, хотя и можетъ быть превосходнымъ руководствомъ къ пчеловодству, но только для человѣка, уже довольно свѣдущаго въ этомъ предметѣ, уже предварительно къ тому приготовленнаго.

Но вотъ недавно вышло разбираемое мною сочиненіе профессора Краузе: *Руководство къ теорическому и практическому пчеловодству*, — заглавіе, означающее, что сочиненіе это обнимаетъ предметъ со всѣхъ сторонъ и должно занять мѣсто наставника. Посмотримъ, насколько это сочиненіе соответствуетъ своему заглавію и, вообще, современнымъ требованіямъ этой науки.

Г. Краузе раздѣлилъ свое сочиненіе на двѣ части: *теорическую*, заключающую въ себѣ естественную исторію пчелъ, вещества и матеріалы, собираемые пчелами, произведенія пчелъ и внутреннее устройство ихъ жилищъ, и *практическую*, въ которой собственно уже излагаются способы обращенія съ пчелами, ихъ разведеніе и полученіе отъ нихъ дохода. Такое раздѣленіе, гдѣ къ теоріи не примѣнена практика, и гдѣ изъ практики исключена теорія, по мнѣнію моему, ошибочно—не только въ наукѣ пчеловодства, но и вообще во всякой наукѣ. Мнѣ кажется, что теорія должна всегда проникать и въ самую практику, съ начала до конца, и не подчиняться ей, а въ ней господствовать: она должна повсюду развить свои основныя положенія, и развить ихъ логически, выводя одну идею изъ другой, и уже около идей группировать факты, принимая вѣрные и отвергая ложные, — критически разобрать и оцѣнить всѣ практическіе способы, придумываемые для доведенія какого-либо искусства до желанной цѣли, указавъ каждому дѣйствию, каждому правилу, разумную причину, — однимъ словомъ, теорія должна *осмыслить* каждое практическое дѣйствіе, каждое правило, наставленіе, и проч. Такъ должно быть, по нашему мнѣнію, изложено вообще всякое руководство, слѣдовательно и руководство къ разведенію пчелъ. Но если въ сочиненіи подобнаго рода изложено, хотя и подробно, всё тѣ, что дѣлаютъ съ пчелами для полученія отъ нихъ дохода, но изложено безъ всякой послѣдовательности, — если въ немъ только сказано, что одни дѣлаютъ это такъ, а другіе иначе, иные объ этомъ думаютъ такъ, а другіе—вотъ-какъ;

но основательно не доказано, почему именно должно дѣлать одно и избѣгать другого, не представлено основныхъ идей пчеловодства, его неизблемыхъ правилъ, критически не разобраны разныя его методы и не указаны лучшія изъ нихъ, т. е. не показана разумность каждаго дѣйствія, сообразность его съ основною идеей — съ цѣлью дѣйствія, однимъ словомъ, если изъ практическихъ наставленій исключены теоретическія основанія: — такое сочиненіе, хотя бы и заключало въ себѣ дѣйствительно-полезныя и вѣрныя наставленія, не можетъ, однакожъ, быть руководствомъ для незнающаго, потому что незнающій не пойметъ ни вѣрности правилъ, ни ихъ пользы, не составитъ себѣ ни какой ясной о чемъ-либо идеи, т. е. просто не научится дѣлу, и, слѣдовательно, будетъ блуждать во тьмѣ сомнѣній, нерѣшительности, и на каждомъ шагу дѣлать разорительныя для себя ошибки. Таково и разбираемое сочиненіе.

Г. Краузе, составивъ себѣ понятіе, будто подъ именемъ теоретическаго пчеловодства слѣдуетъ разумѣть только описаніе естественнаго состоянія пчелъ, исключилъ изъ практическаго отдѣла своего сочиненія всякую теорію: онъ не изложилъ систематически основныхъ правилъ пчеловодства, не подвергъ критическому разбору обыкновеннаго, простаго, и искусственнаго пчеловодства, не разобралъ различныхъ господствующихъ въ немъ системъ, и не факты группировалъ около идей, а къ фактамъ коегдѣ присоединялъ идеи, которыя не будучи одна съ другою связаны никакою общею, главною идеей сочиненія, часто одна другой противурѣчатъ. Въ изложеніи частей предмета онъ, разумѣется, придерживался кое-какого порядка, неизвѣстно однакожъ на чемъ основаннаго, но порядокъ, хотя бы онъ и былъ хорошъ, самъ по себѣ не есть теорія, а безъ теоріи не можетъ быть и хорошаго порядка.

Чтобы мнѣніе мое не показалось голословнымъ, войду въ нѣкоторыя частности. Въ пчеловодствѣ есть много различныхъ системъ, одна другой противоположныхъ, много разныхъ способовъ обращенія съ пчелами, одинъ отъ другого отличныхъ, различныхъ ульевъ для жилища пчелъ, болѣе или менѣе сообразныхъ съ принятою системой, и проч. Каждый согласится, что составляющему руководство къ пчеловодству нельзя же оставаться ко всему этому равнодушнымъ и быть одинаковаго мнѣнія о каждой системѣ. Мнѣ кажется, напротивъ, что надобно прежде всего составить себѣ убѣжденіе въ превосходствѣ одной какой-либо системы и руководить къ тому другихъ, а безъ такого убѣжденія не можетъ быть и руководства. Нельзя же говорить только: одинъ дѣлаетъ это *такъ*, а другой — *вотъ-какъ*. Въ такомъ случаѣ, слушающій или уча-

щійся, безъ сомнѣнія, спросить: да какъ же лучше? и не хорошо, назвавшись его учителемъ, отвѣчать: ужъ это не мое дѣло, это вы сами, испытавши, узнаете. — Въ такомъ случаѣ, ужъ если не знаешь, что лучше и что хуже, — не слѣдуетъ и дѣлаться учителемъ, а поэтому-то каждый руководитель, тамъ гдѣ есть нѣсколько противоположныхъ мнѣній, прежде всего долженъ имѣть собственное свое, какое-либо, убѣжденіе. Посмотримъ, имѣетъ ли такое убѣжденіе въ чемъ-либо составитель разбираемой книги.

Изъ разныхъ предметовъ пчеловодства, возьмемъ, напримѣръ, сохраненіе пчелъ во время зимы. По этому обстоятельству составилось два убѣжденія. Одни утверждаютъ, что гораздо лучше сохранять пчелы зимою на открытомъ воздухѣ, другіе же, напротивъ, утверждаютъ, что лучше сберегать ихъ въ особыхъ помѣщеніяхъ — въ омшаникахъ; и не думайте, что эти убѣжденія основываются преимущественно на условіяхъ климата, — нѣтъ, совсѣмъ на другихъ причинахъ. За первое убѣжденіе крѣпко стоятъ всѣ иностранные пчеловоды; за второе, съ Прокоповичемъ во главѣ, вся Украина. Казалось бы, эти убѣжденія не важны; но вѣдь отъ того или другого убѣжденія зависитъ въ сильной степени и самая метода пчеловодства, а въ особенности одинъ изъ важнѣйшихъ его предметовъ — выборъ улья для своей пасики, такъ-что тѣ, которые признаютъ лучшимъ держать пчелы на открытомъ воздухѣ, должны употреблять известнаго рода ульи, между тѣмъ, какъ тѣ, кто захочетъ прятать пчелы на зиму въ омшаники, должны ввести у себя уже совсѣмъ другого рода ульи. Какого жъ убѣжденія въ этомъ случаѣ г. Краузе? — Этого онъ и самъ нигдѣ не говоритъ, этого нигдѣ не видно изъ его сочиненія. Въ одномъ мѣстѣ, напримѣръ (стр. 309), говоря о зимовкѣ пчелъ въ *омшаникахъ*, онъ пишетъ: «сдѣланныя, въ 1849 (на 160 дней) и въ 1852 (на 178 дней) годахъ, опыты, въ пасикѣ Горьгорѣцкаго Института, оказались довольно удовлетворительны. Пчелы, за исключеніемъ одного семейства, которое погибло, оказались совершенно здоровыми и заносъ, хотя мѣстами былъ покрытъ легкою плѣсенью, былъ въ надлежащемъ порядкѣ, а также замѣтно было начало выведенія молодаго расплода, хотя холодъ въ генварѣ 1852 г. доходилъ до 28°R., при сильномъ холодномъ вѣтрѣ, и продолжался нѣсколько дней. Выбранные для этого опыта сильныя семейства употребили среднимъ числомъ въ первомъ году (въ теченіи 160 дней) каждый около 10 фунт., во второмъ году (въ теченіи 178 дней) только 11 фунт. меду на зимнее продовольствіе; между тѣмъ какъ въ *ульяхъ*, *сохраняе-*

»мыхъ въ паськѣ на открытомъ воздухѣ, и въ подвалѣ, пчелы съ-
 »ли вдвое, нѣкоторыя даже втрое, больше меду.« — Казалось бы, что
 послѣ такихъ опытовъ не трудно было убѣдиться въ превосходствѣ сохра-
 ненія пчелъ зимою въ омшаникахъ (о чемъ пишетъ (стр. 301) и самъ
 Краузе, советуя для сего устроить омшаникъ по системѣ Прокоповича),
 а составивъ себѣ такое убѣжденіе, принявъ его за одну изъ основныхъ
 идей теоріи пчеловодства, слѣдовало уже, описывая разные роды ульевъ,
 давать преимущество тѣмъ изъ нихъ, которые болѣе сообразны съ такою
 зимовкою пчелъ. Но г. Краузе, напротивъ, въ сочиненіи своемъ толь-
 ко упоминаетъ объ омшаничныхъ ульяхъ, и очень подробно опи-
 сываетъ теплые и многосемейные ульи Дайрзона и другихъ нѣмец-
 кихъ пчеловодовъ (назначенные, собственно, для зимованія въ нихъ
 пчелъ на открытомъ воздухѣ), — отдаетъ имъ преимущество предъ всѣ-
 ми другими, иностранными даже, ульями, не говоря уже о русскихъ, и
 такимъ образомъ неожиданно обнаруживаетъ, что онъ придерживается то-
 го убѣжденія, что гораздо выгоднѣе сохранять пчелъ зимою на откры-
 томъ воздухѣ! — Что жъ это значить?.. То, что г. Краузе не имѣетъ
 въ этомъ предметѣ никакого собственного убѣжденія.

Для доказательства такого отсутствія убѣжденій у г. Краузе, я
 взялъ только одинъ предметъ пчеловодства, но тоже самое видно и от-
 носительно всѣхъ другихъ; можно даже сказать, что г. Краузе хотя и
 знаетъ, что въ пчеловодствѣ есть разныя мнѣнія, убѣжденія, системы
 и что, вслѣдствіе разногласія между ними, ведутся споры и ставятъ
 изучающаго пчеловодство въ большое затрудненіе, но не сознаетъ, что
 рѣшеніе этихъ споровъ не должно быть чуждо ни одному ученому пчело-
 воду, а въ особенности — составляющему руководство для другихъ.
 Мнѣ кажется, что, относительно многихъ предметовъ пчеловодства, от-
 того до сихъ поръ и существуютъ разныя убѣжденія, что никто еще не
 постарался основательно разобрать ихъ; но если бъ кто-нибудь изъ об-
 разованныхъ практическихъ пчеловодовъ взялся за это важное дѣло и
 далъ бы этимъ различнымъ убѣжденіямъ, такъ сказать, очную ставку,
 то истина тотчасъ бы обнаружилась и разность убѣжденій исчезла. По-
 слѣ этого спрашивается: можетъ ли сочиненіе, съ такимъ важнымъ
 недостаткомъ, быть руководствомъ для челоуѣка, не имѣющаго ни-
 какого понятія о пчеловодствѣ, но желающаго его изучить и имъ за-
 няться? — По моему вышеназложенному взгляду на этотъ предметъ,
 я думаю, что сочиненіе г. Краузе такимъ руководствомъ быть не можетъ,
 и что по недостатку убѣжденій, слѣдовательно — и по отсутствію вся-

кого единства, всякой теоріи въ сочиненіи, оно не только не въ состояніи указать, желающему изучить, прямого и лучшаго пути въ этомъ занятіи; но, напротивъ, собьетъ его съ толку, запутаетъ и — пожалуй — заставитъ, послѣ разорительныхъ неудачъ, вовсе бросить занятіе пчеловодствомъ.

Для большаго доказательства, что у г. Краузе нѣтъ теоріи, нѣтъ путеводной идеи въ изложеніи какого-либо предмета пчеловодства, возьму еще одинъ отдѣлъ изъ его сочиненія. Г. Краузе хотѣлъ изложить въ послѣдовательномъ порядкѣ всѣ тѣ занятія, какія предстоятъ пчеловоду круглый годъ въ его пасикѣ, — мысль прекрасная и столь необходимая въ наукѣ пчеловодства, какъ безъ сомнѣнія г. Краузе и не подозреваетъ. Какъ же онъ изложилъ эти занятія, какую положилъ въ основаніе идею, которая бы ясно показывала необходимость каждаго занятія и его своевременность? Для этого г. Краузе, думая только о порядкѣ, а не объ теоріи, принялъ раздѣленіе года на двѣнадцать мѣсяцевъ, и руководясь нѣмецкими сочиненіями Бейера и Кюенера, составилъ *календарь* занятіямъ пчеловода, гдѣ указалъ — что слѣдуетъ ему дѣлать въ своей паскѣ каждый мѣсяцъ!! Но вѣдь мѣсяцы не бываютъ одинаковы во всѣхъ мѣстностяхъ, и пчелы дѣйствуютъ не по календарю. Въ одномъ мѣстѣ они еще лежатъ въ омшаникѣ, а въ другомъ уже летаютъ по воздуху; въ иномъ мѣстѣ онѣ уже роятся, а въ другомъ еще о томъ и не думаютъ, что бываетъ часто въ одномъ и томъ же климатѣ и даже не на далекомъ пространствѣ. Напримѣръ, въ Конотопскомъ уѣздѣ (Черниг. губ.) пасики, находящіяся въ лѣсной мѣстности, начинаютъ роиться съ половины мая и оканчиваютъ роеніе къ июлю, а въ степной, не далѣе двадцати верстъ отъ первой, въ июлѣ еще только начинается роеніе. Какимъ же образомъ можно слѣдовать занятіямъ, помѣсячно указываемымъ г. Краузе, когда состояніе пасики не дозволяетъ иногда того занятія, которое предписывается дѣлать въ томъ мѣсяцѣ? Поэтому, для теоретическаго изложенія занятій въ пасикѣ, слѣдовало бы принять въ основаніе не мѣсяцы года, а что-нибудь болѣе основательное, что именно указывало бы на потребность такого, а не другого, занятія, и притомъ вообще во всякой мѣстности; для чего, по мнѣнію моему, было бы самое лучшее избрать основаніемъ внутреннее состояніе пасики и, сообразно ему, указывать уже и на занятія въ ней пчеловода. Лѣтнее состояніе пасики имѣетъ слѣдующіе пять періодовъ: 1-й отъ выставки пчелъ изъ омшаника до видимаго появленія червы въ ульяхъ; 2-й отъ появленія червы до роенія;

3-й роеніе пчелъ; 4-й изобильное собираніе пчелами меда, — такъ называемый *взятокъ*, и 5-й полученіе отъ пасики прибыли и пригото- вленіе пасики къ зимованію. Въ каждый изъ этихъ періодовъ пчелиное се- мейство находится въ совершенно иномъ состояніи, отличномъ отъ другаго періода; въ каждый періодъ пчеловодъ имѣетъ особое стремленіе, иную цѣль и слѣдовательно, каждый періодъ требуетъ особыхъ, свойствен- ныхъ только ему, занятій. А поэтому и изложеніе занятій въ пасикѣ не этимъ періодамъ внутренняго ея состоянія было бы, во-первыхъ, са- мымъ натуральнымъ и логическимъ, а во-вторыхъ, такое изложеніе, основанное на природѣ вещей и необходимости, какъ на основной и вѣр- ной идеѣ, вѣрзалось бы скоро, ясно и неизгладимо въ умѣ изучающаго пчеловодство, потому что онъ вдругъ понялъ бы смыслъ и значеніе всякаго занятія, и войдя въ свою пасѣку, взглянувъ на ея внутреннее со- стояніе, онъ тотчасъ бы зналъ, что ему слѣдуетъ въ ней дѣлать, не справляясь уже какой именно мѣсяцъ на дворѣ: июнь ли или июль?

Вотъ мой общій взглядъ на сочиненіе о пчеловодствѣ профессора Краузе. Разбирать въ подробности каждую главу было бы большою ра- ботой — это значило бы написать цѣлое сочиненіе о пчеловодствѣ. Ска- жу только, что кромѣ общаго недостатка теоретическаго изложенія фак- товъ, и самые факты не всегда вѣрны. Много помѣщено такихъ правилъ и наставленій, которыя или отвергнуты уже пчеловодами, или же, по своей ничтожности, не были и принимаемы ими; много невѣрныхъ на- блюденій, ошибочныхъ сужденій, а если и встрѣчаются вѣрныя и по- лезныя замѣчанія и свѣдѣнія, то все они такъ перемѣшаны съ без- полезными и ложными, что только люди свѣдущіе и опытные могутъ за- мѣтить и отличить ихъ; часто самое вѣрное наблюденіе оставляется г. Краузе безъ всякаго примѣненія, а на ложномъ — основываются на- вѣла и наставленія, что, безъ сомнѣнія, поведетъ изучающаго пчеловодство по этому руководству къ самымъ жалкимъ результатамъ, если не къ со- вершенному уничтоженію его пасики. Но что всего досаднѣе, такъ это — пристрастіе г. Краузе къ иностранному пчеловодству и предпочтеніе его нашему. И не удивительно! Слѣдя за всеми иностранными сочи- неніями о пчеловодствѣ, даже за самыми маловажными газетными статьями, г. Краузе не только не знаетъ многихъ нашихъ о семъ предметѣ газетныхъ статей, но даже цѣлаго, самаго лучшаго и до сихъ поръ единственнаго у насъ сочиненія о *практическомъ* пчело- водствѣ — купца Повомарева, чего уже, по мнѣнію моему, ни- какъ нельзя извинить *русскому* профессору пчеловодства. А при та-

комъ недостаточномъ знаніи литературы нашего пчеловодства, не говоря уже — о самомъ пчеловодствѣ, г. Краузе составилъ все сочиненіе свое большею частію по иностраннымъ сочиненіямъ и, очень естественно, увлекся иностраннымъ пчеловодствомъ и находить въ немъ все достойнымъ нашего подражанія. Такъ, напримѣръ (стр. 246), г. Краузе говорить, что способъ дѣланія искусственныхъ роевъ въ особенности усовершенствовалъ Дзирзонъ и на немъ основалъ особую систему пчеловодства, которая въ послѣдніе годы почти повсемѣстно распространилась: между тѣмъ какъ Пономаревъ уже давно превосходнымъ образомъ изложилъ этотъ предметъ въ своемъ сочиненіи и, можно сказать, первый далъ всѣмъ пчеловедамъ правильное понятіе объ искусственныхъ рояхъ. Только изрѣдка упоминая о нѣкоторыхъ изъ нашихъ, признанныхъ уже превосходными, ульяхъ, г. Краузе находить улей Дзирзона совершеннѣйшимъ. Не говоря уже о томъ, что улей этотъ вовсе не годится для употребленія въ тѣхъ пасикахъ, гдѣ пчелы зимуютъ въ омшаникѣ, онъ, по моему мнѣнію, гораздо хуже другихъ и для тѣхъ пасикъ, гдѣ пчелы оставляются зимой на открытомъ воздухѣ. Не стану разбирать подробно его недостатковъ, но уже одно расположеніе въ немъ сотовъ, (не ребромъ къ открытой сторонѣ улья, а плашмя, такъ что они не вынимаются вверхъ улья, а въ бокъ, въ эту открытую его сторону, отъ чего при разсматриваніи гнѣзда видѣнъ одинъ только сотъ, а ежели нужно посмотрѣть далѣе, то нужно обрѣзывать и вынимать каждый сотъ особо), — это одно устройство сотовъ уже такая нелѣпость, отъ которой наши пасичники пришли бы въ ужасъ!..

Повторяя, что обнаруженіе всей ошибочности наставленій и невѣрности фактовъ, находящихся въ сочиненіи г. Краузе, повело бы слишкомъ далеко, заключу мой обзоръ замѣчаніемъ, что профессоръ Краузе изучалъ пчеловодство только по книгамъ, и то большею частію иностраннымъ, а практикою занимался очень мало; поэтому, не имѣя въ пчеловодствѣ яснаго и основательнаго знанія, составилъ объ немъ самое сбивчивое и запутанное сочиненіе, которое, повторяю, заключаетъ въ себѣ однакожъ очень много вѣрныхъ и полезныхъ свѣдѣній. Въ немъ изложена, подробнѣе, нежели гдѣ либо, исторія пчеловодства, гдѣ онъ знакомитъ насъ съ открытіями и трудами многихъ иностранныхъ пчеловодовъ, которые безъ того могли бы остаться намъ и неизвѣстными. По всему этому, книга г. Краузе, просто какъ сочиненіе о пчеловодствѣ, есть очень полезная книга, въ особенности для его литературы, за которую можно поблагодарить трудолюбиваго профессора, при бѣдности у насъ

сколько-нибудь дѣльныхъ сочиненій объ этомъ предметѣ; но, какъ *руководство* къ пчеловодству, да еще *теоретическое* и *практическое* — оно никуда не годится, и въ этомъ отношеніи не только не полезно, а даже вредно. Оно не только не можетъ научить дѣльному, правильному пчеловодству, не только не можетъ указать истиннаго пути въ этомъ трудномъ и запутанномъ разными системами знаніи, но, напротивъ, заведетъ неопытнаго въ такую нѣмецкую даль, гдѣ онъ непременно погибнетъ, то есть, броситъ пчеловодство съ проклятіемъ, если только случайно кто-либо изъ земляковъ не выведетъ его въ родную сторону....

..... к і й.

О Т Ч Е Т Ъ

О МОЛОТЪБЪ МОЛОТИЛЬНОЮ МАШИНОЮ, СЪ ЛОКО- МОБИЛЕМЪ, ЗАВОДА РАНСОМА И СИМСА.

Въ-виду предстоящаго измѣненія въ условіяхъ обязательнаго труда, замѣтно распространяется у насъ введеніе земледѣльческихъ машинъ. Въ короткое время появились, въ Полтавской губерніи, разныя машины, выписанныя изъ Англіи, Франціи и Бельгіи. Наиболѣе обращаютъ на себя вниманіе молотильни съ локобилемъ.

Въ нынѣшнемъ году я нанялъ такую машину у помѣщицы Полтавскаго уѣзда, Е. И. Абаза, для управляемаго мною имѣнія, въ селѣ Рыбцахъ того же уѣзда. Полагая, что сообщеніе добросовѣстныхъ и правдивыхъ свѣдѣній о результатахъ въ дѣлѣ, для насъ еще новомъ, можетъ принести пользу, представляю самый подробный отчетъ о дѣйствіи у меня паровой молотильни. Изъ этихъ свѣдѣній и цифръ и сравненія ихъ съ результатами, полученными другими владѣльцами или нанимателями машинъ, каждый хозяинъ легко можетъ, по своему взгляду и расчету, опредѣлять степень выгоды молотбы паровою молотильнею.

1) Порядокъ молотбы.

Намѣреваясь нанять машину, я заблаговременно приказалъ сложить наибольшую часть хлѣба на самихъ поляхъ, въ скирдахъ, поставленныхъ плотно одна возлѣ другой и въ одинъ рядъ, дабы съ большею удобностью и успѣшностью передвигать машину. Такимъ образомъ хлѣбъ былъ сложенъ въ пяти мѣстахъ.

Машина начала дѣйствовать 31-го августа, кончила 24 сентября. За исключеніемъ воскресныхъ, праздничныхъ и ненастныхъ дней, а также времени, потребнаго для перевозки машины съ одного мѣста на другое, она была въ дѣйствіи всего 18 дней.

Въ 1-мъ, 2 и 3 мѣстѣ, въ близкомъ одно отъ другаго разстояніи,
въ теченіи 12 дней, сбито:

ржи	»	»	616 копъ
озимой пшеницы	»	»	698 —
яровой пшеницы	»	»	270 —
голаго ячменя	»	»	36 —

1,620:

въ день по 135 копъ.

Въ 4-мъ мѣстѣ, въ 2 дня,

яровой пшеницы	»	»	180 копъ.
ржи	»	»	85 —

265:

въ день по $132\frac{1}{2}$ копы (1).

Въ 5-мъ мѣстѣ, въ 4 дня,

яровой пшеницы	»	»	131 копъ
ячменя	»	»	359 —
овса	»	»	311 —

801:

въ день по $200\frac{1}{4}$ к.

Итого, въ общей сложности 18 дней — 2,686 к.

въ день по $149\frac{13}{60}$ к. (2)

2) Процессъ молотбы и колличество работныхъ.

При машинѣ находился постоянно машинистъ и два работника г-жи Абаза: одинъ работникъ имѣлъ исключительную обязанностью управлять топкою и наблюдать за чистотою машины, другой занимался безпрерывно подливкою масла въ разныя части машины, при ея дѣйствіи.

(1) Въ эти два дня машина дѣйствовала слабѣе, вслѣдствіе обнаружившейся порчи, которая потребовала потѣмъ цѣлаго дня для исправленія.

(2) Не могу представить отчетливаго свѣдѣнія о томъ, сколько именно и какого хлѣба вымолачивала машина; ибо хотя скирды были сложены счетомъ копенъ, но большею частію выходило такъ, что въ одинъ день кончалась одна скирда и начиналась другая; считать же снопы при подачѣ на машину, невозможно, по быстротѣ работы. Но и изъ представленныхъ цифръ обнаруживается ясно, что вымолачивается въ день болѣе ячменя и овса, чѣмъ прочаго хлѣба.

Ежедневно, не менѣе 26 мужчинъ и 8 женщинъ, были распределены слѣдующимъ образомъ :

	мущ.	женщ.
на скирдѣ, для подачи сноповъ	4	»
на платформѣ, для бросанія сноповъ подъ молотильный барабанъ	4	»
для переноски мѣшковъ съ вымолоченнымъ зерномъ	2	»
для приборки <i>половы</i> (мякны) и <i>сбоины</i>	2	»
для отвоза зерна въ опредѣленные къ тому помѣщенія водовозъ	2	»
для уборки соломы	11	7
кухарка.	»	1
	26	8

Но число рабочихъ, по мѣрѣ возможности, иногда прибавлялось для большей успѣшности въ уборкѣ соломы, такъ-что въ общей сложности было въ работѣ мужчинъ 500, женщинъ 158, — что составляетъ въ день мужчинъ $27\frac{7}{9}$, женщинъ $8\frac{7}{9}$.

3) Издержки.

Здѣсь я долженъ предпослать одно замѣчаніе: по моему, слѣдуетъ раздѣлить эти издержки на необходимыя и такія, которыя составляютъ послѣдствія молотбы и необходимость которыхъ зависятъ отъ личнаго усмотрѣнія каждаго хозяина.

Машина Рансома и Сисса, бывшая у меня въ дѣйствиі, имѣетъ 6 силъ; она только провѣваетъ хлѣбъ, но не сортируетъ и не очищаетъ. Провѣвка хлѣба гораздо удовлетворительнѣе вѣянья лопатами, ибо въ зернѣ не остается не только кусочковъ земли, какъ это бываетъ при вѣяньи въ клунахъ и на гумнахъ, но и ни малѣйшей пыли. Но по причинѣ быстроты и силы дѣйствія машины, попадаютъ въ вывѣянное зерно кусочки соломы, колоски (сбоины), такъ-что, для окончательнаго приведенія зерна въ должный видъ, необходимо пропустить его на ручную сортировку, которая весьма легко—двумя рабочими—очищаетъ въ день отъ 45 до 50 четвертей въ такомъ видѣ, какого только можетъ требовать самый внимательный хозяинъ.

Такимъ образомъ, издержки, которыя я называю необходимыми, были слѣдующія:

а) на процессъ молотбы:

Подводъ съ рабочими для перевозки машины отъ г-жи Абаза (по 3 пары воловъ подъ паровикъ и машину и 1 для инструментовъ, наковальни и проч.) на два дни: 14; по 50 к.	7 р. — к.
Работниковъ наемныхъ по 25 к. до 1-го сентября и по 20 съ 1-го сентября: 200	43 » 15 »
Артельщику при наемныхъ солдатахъ	3 » 5 »
Барщины: при молотбѣ мужчинъ по той же цѣнѣ, какъ и наемные: 300	61 » 45 »
Женщинъ по 12 к.: 158.	18 » 96 »
Дроворубовъ по 20 к.: 20	4 » — »
Подводъ для возки воды и перевозки зерна съ поля по 50 к.: 79	39 » 50 »
Подводъ для перевозки машинъ съ одного поля на другое по 50 к.: 7	3 » 50 »
Дровъ 10 кубич. сажень по 12 руб.	120 » — »
Масла подсолнечнаго 2 п. 36 ф.	18 » 32 »
Оливы 1 п. 39 ф.	20 » 70 ¹ / ₂ »
Свѣчнаго сала 28 ф.	3 » 33 »
Провизіи работникамъ ⁽¹⁾ и машинисту на	77 » 74 »
<hr/>	
Итого 420 р. 70 ¹ / ₂ к.	
Приходится на копну.	

б) для очистки зерна:

Барщины: мужчинъ — 54	10 » 80 »
женщинъ — 10	1 » 20 »
<hr/>	
На сумму.	
Приходится на копну.	
Сверхъ того, заплачено за наемъ машины по 10 к. отъ копны; такимъ образомъ, общая стоимость обмолота копны, съ провѣвкой и очисткой зерна, составляетъ.	

⁽¹⁾ Такъ-какъ работа производилась въ полѣ, вдалекѣ отъ жилья, то я нашелъ необходимымъ продовольствовать и барщинныхъ работниковъ, и сверхъ того, во вниманіе къ непривычной работѣ, требующей особой быстроты и проворства, всѣмъ мужчинамъ я давалъ за обѣдомъ и ужиномъ по рюмкѣ водки.

Издержки послѣ обмола машинаю заключаются въ провѣвкѣ по-
ловы и переборкѣ сѣицъ, такъ-какъ въ томъ и другомъ остается
довольно зерна. Это происходитъ 1) оттого, что сильное дѣйствіе
вѣялки отбрасываетъ легкія зерна, какъ это бываетъ и при обыкно-
венной вѣялкѣ лопатой на вѣтрѣ; 2) при бросаніи сноповъ со скирды
на машину высыпается весьма много зерна, особенно когда хлѣбъ бы-
ваетъ такъ сухъ, какъ онъ былъ въ нынѣшнемъ году. Все выпадающее
отъ этихъ двухъ причинъ зерно по необходимости должно быть заметаемо
вмѣстѣ съ половиною.

На провѣйку половы, переборку сѣицъ и очистку зерна употреблено:

Наемныхъ мушницъ 49; по 20 к.	9 р. 80 к.
Продовольствіе наемныхъ	2 » 70 »
Барщины: мушницъ 145; по 20 к.	29 » — »
женщинъ 25; по 12 к.	3 » — »
Подводъ для перевозки съ поля полученнаго зерна: 9.	4 » 50 »

Итого 49 р. — к.

Приходится на копну. 1 » 1¹¹/₃ »

Всего, съ предыдущимъ расходомъ, обошлась обмо-
лотка копны, съ полною очисткою въ. — 27²⁵/₃₆ »

4) Степень удовлетворительности обмола.

Я нашель, что молотильня Рансома и Слимса вымолачиваетъ совер-
шенно удовлетворительно; причеиъ я вполне убѣдился въ томъ, что
удовлетворительность обмола зависитъ, во первыхъ, отъ чистоты хлѣба,
а во-вторыхъ—отъ правильной подачи сноповъ на барабанъ. Чѣмъ хлѣбъ
чище, т. е. чѣмъ менѣе въ немъ сорныхъ травъ (пахистая солома) и
чѣмъ правильнѣе колосьями внизъ подаются снопы подъ барабанъ—
тѣмъ менѣе зерна въ половѣ и тѣмъ менѣе отбивается невымолоченныхъ
колосевъ. Изъ этого я заключаю, что ошибаются тѣ, которые пола-
гаютъ, что для выигрыша времени можно молотить хлѣбъ по мѣ-
рѣ его уборки, безъ связыванія въ снопы. Если, съ одной стороны,
дѣйствительно выиграется время, нужное для вязанія сноповъ и пере-
возки ихъ къ скирдѣ, то съ другой, потеряется гораздо болѣе времени,
какъ при самой молотбѣ, отъ меньшаго количества (1) смолоченнаго въ
день хлѣба, такъ и при уборкѣ послѣ молотбы.

(1) Меньшее количество произойдетъ неминуемо оттого, что никогда
работникъ не захватитъ сразу такое количество стеблей, какое состав-
ляетъ связанный мѣрный снопы, мгновенно развязанный и дѣйкомъ подан-
ный подъ барабанъ.

Степень удовлетворительности молотбы можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

Сортъ хлѣба.	Число сбитыхъ копень	Слѣдовало получить по пробѣ	Получено		Итого	Получено сверхъ того очистки на сортировкѣ
			Съ машинны	Послѣ провѣйки половы		
		четв.	четв.	четв.	четв.	четв.
Ржи	701	370	335 ¹ / ₂	33	368 ¹ / ₂	—
Пшеницы озимой красной. . .	219	109 ¹ / ₂	94	15	109	1
Пшеницы озимой гирки . . .	479	262	225	13 ¹ / ₂	238 ¹ / ₂	10
Пшеницы яровой красной. . .	131	52 ¹ / ₂	52 ¹ / ₄	7 ¹ / ₂	59 ⁷ / ₈	—
Пшеницы яровой красной другого сорту	450	161	162 ⁷ / ₈	19 ¹ / ₂	182 ⁵ / ₈	12 ⁶ / ₈
Ячменя	359	179 ¹ / ₂	140 ¹ / ₂	54 ¹ / ₂	195	—
Ячменя голого.	36	20 ¹ / ₂	12	8	20	—
Овса	311	185 ³ / ₄	154	18	172	— ⁽¹⁾

Цѣны четвертой графы могутъ объяснить сказанное мною выше объ издержкахъ, предоставляемыхъ личному усмотрѣнiю cadaго хозяина; т. е. слѣдуетъ или не слѣдуетъ тратить время и издержки на вѣянье половы. Мнѣ кажется, что сравненiе цѣнности полученнаго изъ провѣяной половы зерна съ стоимостью этой работы, говорить въ пользу оной. Можно, конечно, согласиться съ тѣмъ, во-первыхъ, что когда хлѣбъ остается долгое время немолоченымъ, то утрачивается немало зерна отъ за-

(¹) 1) Очистка могла быть приведена въ настоящую извѣстность въ нѣкоторыхъ сортахъ пшеницы, въ которой былъ куколь, и съ которымъ отошла и часть мелкаго зерна; въ прочихъ же сортахъ хлѣба, очистка состояла изъ мелкихъ колосьевъ и нѣкоторыхъ сорныхъ сѣмянъ; приводить въ извѣстность этотъ соръ не стоило труда. — 2) Разница полученнаго количества зерна, въ сравненiи съ пробами, можетъ быть отнесена къ неточности самихъ пробъ; — совершенно допускаю это, но вмѣстѣ съ тѣмъ спрашиваю: много ли у насъ хозяйствъ, гдѣ количество зерна, полученнаго по обмолотѣ, соответствуетъ вполне расчету по пробамъ? — 3) Голый ячмень, по мнѣнiю моему, недоступенъ для молотбы паровою машиною. Онъ чрезвычайно твердъ для молотбы; быстрота и сила барабана отбиваетъ колосья, весьма крохля, и они выбрасываются вмѣстѣ съ половию (мякиною); пропорцiя зерна, вывѣяннаго изъ половы, показываетъ справедливость этого замѣчанiя. — 4) Всѣ издержки молотбы составляютъ, на четверть полученнаго хлѣба, 56¹/₂ коп.

мокшихъ верхнихъ сноповъ скирды, и столь у насъ частаго мышеѣду, а во-вторыхъ, чрезъ оставленіе зерна въ половѣ увеличивается достоинство сей послѣдней, какъ корма весьма у насъ употребительнаго для рогатаго скота, свиней и лошадей. Но я думаю, что все же выгоднѣе получать, за незначительныя издержки, отдѣльно зерно и отдѣльно полову, и потомъ если угодно, давать зерно въ кормъ съ расчетомъ, а не какъ пошло, съ половиною. При томъ изъ представленной таблицы видно, что ячменя, который чаще всего употребляется въ кормъ рогатому скоту и свиньямъ, остается слишкомъ много въ половѣ; это происходитъ отъ прохкости его колосевъ, легко отбиваемыхъ барабаномъ.

Изъ всѣхъ этихъ свѣдѣній и цифръ, всякій хозяинъ, который ихъ прочтетъ, можетъ сдѣлать свой расчетъ о выгоды или невыгодности молотбы паровою молотильнею и сравнить, на основаніи существующихъ въ извѣстной мѣстности цѣнъ рабочимъ, съ молотбою ручною, или съ конноприводными молотильными. Я считаю только въ этомъ случаѣ необходимымъ добавитъ, для правильности расчетовъ каждаго, слѣдующій выводъ: Если въ расчетахъ моихъ съ мелочною подробностію показаны всѣ издержки на молотбу, то справедливость требуетъ оцѣнить и тѣ сбереженія, которыя доставляетъ молотба паровою машиною. Сбереженія эти заключаются: во 1-хъ, въ значительномъ уменьшеніи подволя для перевозки хлѣба въ гумна, какъ бы они были отъ полей близки; во 2-хъ, въ избѣжаніи издержекъ на сушку зерна, ибо, бывъ мелочено въ сухое время, оно можетъ сохраняться продолжительное время безъ сушки; въ 3-хъ, въ сохраненіи всего того количества зерна, которое теряется въ скирдахъ отъ непогоды, спѣжныхъ наметовъ и мышеѣду.

И такъ, предоставляя каждому дѣлать свое заключеніе о выгоды или невыгодности молотбы паровыми машинами, я, съ своей точки зрѣнія и по своимъ убѣжденіямъ, признаю за такую молотбою несравнимыя ни съ какимъ другимъ способомъ выгоды. — Выгоды эти я не ограничиваю вышеприведенными тремя пунктами; въ моихъ понятіяхъ онѣ заключаются наиболѣе въ своевременномъ и въ наилучшемъ приготовленіи продуктовъ, въ возможности дѣлать заблаговременно вѣтряныя, не на однихъ пробахъ основанные расчеты и бюджеты на цѣлый годъ, въ приготовленіи, за-время, въ сухомъ, свѣжемъ видѣ разныхъ сортовъ соломы, что такъ важно для правильнаго корма рогатаго скота и овецъ, и наконецъ — что всего важнѣе: въ сбереженіи времени. Мы не привыкли еще, при существующихъ нашихъ хозяйскихъ порядкахъ, давать настоящую цѣну драгоцѣннѣйшему изъ капиталовъ: времени, ка-

питалу, котораго никакими другими замѣнить не возможно. А между тѣмъ представленныя мною цифры, не показываютъ ли убѣдительнѣйшимъ образомъ, какое сбереженіе времени доставляетъ молотба паровою машиною. Сколько дней пришлось бы молотить и вѣять смолоченный и вывѣянный мною хлѣбъ въ 18 дней, если бы количествомъ рабочихъ, употребленныхъ при первой молотильнѣ, нужно было обмолотить хлѣбъ цѣпами или даже на обыкновенныхъ молотильняхъ; или—какое потребовалось бы огромное количество рабочихъ, чтобы тѣмъ или другимъ способомъ обмолотить и прибрать 2686 копенъ въ 18 дней!

Заклѣчу мой отчетъ выраженіемъ другихъ желаній:

Первое, чтобы хозяева, испытавшіе, въ гораздо большемъ нежели я размѣрѣ, молотбу паровыми машинами, сообщили также свои отчеты. Весьма интересно и поучительно было бы имѣть возможность сдѣлать сравненія и заимствовать тѣ приспособленія, которыя, при болѣе продолжительномъ употребленіи машинъ, могли быть указаны опытомъ, для уменьшенія издержекъ и ускоренія самой работы. Конечно, употреблялись разные сорта топлива: каменный уголь, павозный кирпичъ, стебли подсолнечниковъ; весьма любопытно было бы имѣть сравненіе количества разныхъ сортовъ топлива, необходимаго для дѣйствія машины въ данное время. Не менѣе интересно и сравненіе дѣйствія разныхъ машинъ, ибо въ Полтавской губерніи есть и машины Клейтона, и машины Французскія и Бельгійскія.

Второе, чтобы явились предприимчивые люди съ капиталомъ, которые бы завели у себя нѣсколько машинъ для найма желающимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что на спросъ не было бы недостатка, и я полагаю, что такое предпріятіе доставило бы немалыя выгоды владѣтелю машинъ. — По объ этомъ второмъ моемъ желаніи я намѣренъ поговорить подробнѣе въ отдѣльной статьѣ; теперь же только прибавлю, что г-жа Абаза, имѣя двѣ машины, не можетъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ, безпрестанно къ ней поступающимъ; что въ числѣ нанимателей было, въ нынѣшнемъ году, нѣсколько козаковъ, имѣющихъ разнаго рода хлѣба отъ 100 до 200 копенъ и что за наемъ машины охотно платили по 15 коп. отъ копны.

М. Б ѣ л у х а - К о х а н о в с к і й,
помѣщикъ Полтавской губ.

1 декабря 1860.

Полтава.

ЛИСТІІ СЪ ХУТОРА

ЛИСТЪ II.

Послávъ я, добродію, до васъ пѣрвий свій листъ, та й сха-
менўвся: щó жъ, якъ ви за городі устўпитеся, щó й безъ нихъ
на світі не мóжна, — щó тоді я вамъ одвітуватиму? Справді, якъ-
бї городі не захистїли сілъ и хуторівъ, то якъ би хуторі й сѣла
стояли? Спасїбі імъ за се, щó вони селянамъ и хуторянамъ за-
хистъ давали, якъ ищѣ всюди булó пўсто й дїко. Шкóда тїль-
ко, щó дўже дóрого зъ насъ за сю послўгу брали; бо, одби-
ваючи одъ насъ ворогівъ нашихъ, не съ кóго, якъ изъ насъ
же, вони ору́жний людъ набїрали, не съ кóго, якъ изъ насъ же,
ѣго харчували, не на кóго, якъ на насъ же, постóемъ ѣго на-
пускали.

Розберїть лишъ, добродію, почáтокъ городівъ у давню дав-
нину нїмѣцьку й славянську. Щó воно такѣ булó? Хто вь нихъ
засївъ и якѣ лїхо ми одъ нихъ терпїли! Лўчче бъ воно й не
снїлось намъ — такѣ вь насъ кóилось, отъ хоть бї й за Варя-
гівъ. Не дѣсять, не двáдцять рóківъ городі насъ руйнували и,
мовъ те полóхане стадо, съ куткá вь кутóкъ по Вкраїні гавяли.
Тїлько щó ми, селяне та хуторяне, нїчóго не записували, тимъ
воно й пїшло все те вь непáмъять, якóго ми лїха, якóї нарўги
одъ городянъ дознавали; а вони-то, бачъ, кудї якъ пїшно на
папѣрі слѣбїзували, щó ось бо сякій та такий князь изъ дружи-
ною и вóї своїми на чужї зѣмлі хождáше, городі й сѣла воювáше,
ось бо мўри коштóвні созидáше, лїпотóю облекáше и хвалў Бóго-

ві воздава́ше. Ато́ ще уста́вами своїми за́чнуть на папе́рі велича́тися та су́дними гра́мотами та номокано́нами, що безъ нихъ не зуміли бь ні розміжува́тися, ні розсуді́тися, ні зійти́ся, ні розійти́ся, та що! и зовсімъ би дурнями безъ городя́нь зоста́лися. У городя́хъ и купецтво, у городя́хъ и ремесство, у городя́хъ и нау́ка собі зъ да́вніхъ давень сідало ма́ють. А яка́ всі́му тому́ ціна́ наложена, те вже неха́й оди́нь Госпо́дь раху́е.

Якъ вамъ, добродію, зда́ється: чи одна́ково въ ма́чухи, якъ и въ ма́тери? Оце́ жъ насъ, селя́нь та хуторя́нь, ви́кохавъ назва́ний ба́тько — го́родъ, въ тяжкій нево́лі, та ще й дяки одъ насъ вимага́е: мовля́в, безъ ме́не ді́книмъ би звіря́кою селя́но скита́лись; ато́ ба́чте, якъ га́рню Бо́гу їхъ моли́тися понау́чувавъ, и який гарний поря́докъ су́дний повво́дивъ, и яку́ любу освіту наро́дню скрізь роспро́стеръ!... О, бо́дай тебе́, старій ка́верзнику! Все вже ти собі зага́рбавъ; не дума́й же и въ ми́сляхъ собі того́ не поклада́й, що во ві́ки ві́чні ми въ те́бе підъ опе́кою зоста́втимемось. Ти, старига́не, сво́є діло зроби́въ до конця́, и самъ почина́ешъ свого́ анахроні́зму догляда́тися, тільки, що го́лосно призна́тися передъ істо́риєю соромі́ся. Онь уже́ въ Брю́сселі, въ Ба́зелі, въ Москві та й по дру́гихъ старо́світськихъ тверді́няхъ, де були́ вали́ п'рові́ оборонні́, тамъ сади́ понаса́жувани́. Де со́тні й тисячі люде́й па́дали, тамъ весе́ла тепе́рь дітво́ра бігае. Хиба́ жъ се не озна́ка, що старій ді́л-го́родъ свій ві́къ звікува́въ? Нічо́го більшъ є́му робі́ти.

А що прогрэ́сомъ, городя́не, велича́ється, то ми тому́ прогрэсу́ ціну́ зна́ємо. Тисячу ро́ківъ ви въ насъ торгі́ завво́дите, а на чо́му вони́ верта́ються? Куди́ якъ дале́ко людо́ська ви своїми торго́ми двігну́ли!... Тисячу ро́ківъ суді́ ви въ насъ на Украі́ні су́дите, а въ ко́го більше пра́вди: чи въ пе́рвого Варя́га, що на полю́ддя зъ го́рода вийшовъ, чи въ послі́днього ва́шого спра́вника, що на слі́дствіе вї́хавъ?... Тисячу ро́ківъ пропові́дуєте ви у своїхъ му́рахъ коштовнихъ любо́вь и миръ, — чи більше жъ у васъ любо́ви й мі́ру, аві́жъ бу́ло у нихъ прости́хъ Славі́анъ, що сла́вили въ га́яхъ и на житя́хъ нево́відомого і́мъ ласка́вого и ще́драго Бо́га?...

Ми не гово́римо, що до́бримъ лю́дямъ грі́хъ вели́кою грома́дою збіра́тися, на вели́кі ярмаркі́ з'їзжа́тися, вели́кі буди́нки будова́ти и вся́ку меха́ніку гурто́м виду́мувати, форте́ці по узграні́ччяхъ стро́ити, фло́ти споружа́ти, акаде́мії завво́дити, кни́ги, папе́ри

у добрихъ схованкахъ про дѣльші рѣди ховати. Ми тилько прѣтивъ тихъ городивъ листі пишемо, котѣри, якъ отъ и въ насъ на Україні, не знати по-якому постали, та й до добра нічого не подовѣдили, а тилько людямъ рѣзумъ звязали и по своїй уподѣбі жити заборонили. Гѣлосно ми на свою брѣтню хуторянъ покликѣємо: «Эй, хуторяне, панѣве брѣття! люде свѣжі, незатуманені, и одъ праведного Бѣга не одвѣдені! не кидайтеся ви на ту омѣну городянську, котѣра вже тисѣчу рѣківъ кѣзи въ зѣлоті вамъ показуе. Побудьте ще хочъ изъ сѣтику рѣківъ такимъ людомъ, якимъ сохранивъ васъ Господь до сѣго дня святого. Подождіте кращого ладу, небожѣта. Мѣже, ви й самі городі собі побудѣте и нові звичаї въ нихъ позавѣдите, тильки не такі, якъ тепѣрь скрѣзь по городѣхъ, мовъ та зивѣвать степѣва, коренітѣця. А сї вже городі нехай собі стоять и, безъ вѣшого грѣха, своѣ дѣло рѣблять, и до своѣго концѣ дохѣдять.» Отъ наша заповѣдъ и вся наша наука.

Багато людеі письменнихъ зъ неї кешкуватите, и прогрѣсомъ, и тимъ, и симъ намъ дорѣкатите, та дарма. Мѣже, ви, землякі мої любі, того й не почѣте, бо тїі прогрѣсисти понашому не втнуть: вони собі якѣсь неподѣбну мѣву въ городѣхъ повисѣжували, та й лѣмлють шідъ неї людський рѣзумъ зъ малѣго малѣства. Коли жъ дочѣтєсь, що сї добродіі обскурантїзмомъ лѣютѣця, що нїби-то, по моїй науці, въ обскурантїзмі чоловікові спасіння, то й тутъ ви имъ вѣри не дѣймайте. *Одну* кнїжку я вамъ порѣявъ, — правда, що одну; такъ у тїй же кнїзці весь дрѣвній мнръ умѣстївся. Нехай вони се розберѣтъ по субѣтамъ, та й на те ввѣжѣть, що та кнїжка далѣ вѣкамъ грядѣщимъ великий завѣтъ святої вѣлі, котѣрого ще нї одна городянська громада не вѣповнила.

Вѣповнимо жъ хочъ ми ѣго, селяне та хуторяне! Тамъ и нагорода показана томѣ, хто зрозуміе істину, — найкраща, найбільша нагорода на землі: бѣльшой нїхѣ не пожадае и не вѣдуе. Такъ який же се обскурантїзмъ, коли я рѣжу вамъ науку, за котѣру великий Учитель пролівъ свою кровъ непорѣчну, та й намъ заповѣдавъ жизнь свою за слово істини оддавати? Зрозумійте тилько, що такѣ істина. Городі вамъ її не вѣявлять, бо вже до двѣхъ тисѣчъ рѣківъ берѣтѣця, якъ вони її затуманюють. Величѣютѣця своїми архитѣктѣрами, та живѣписями, та театрамъ, та музѣками и поэзією, а того й не збагнѣтъ, що все те іскуство ве-

лике служить найбільш людській гордіні та розкоші, и що вже не народъ править художниками, а блискуча купа людей легкодушнихъ, которі знають тільки восторги ніги нікчемнїї и не розуміють восторгівъ великої праці, кривавого поту за людське блага. Не завидуємо ми ні городянськимъ дивамъ великимъ, ні городянському комфорту; бо що намъ по тому всему, коли въ городяхъ тільки сота доля Божого люду живе въ достаткахъ и всіми тими дивами користується, а тисячі голівъ людськихъ, якъ риба объ лідъ побиваються, и розумъ їхъ, якъ та дитина въ чужої матері, чучверіе, и протівъ простого, свіжого розуму сільского чи хуторянського не встогіть. Ми ще й такъ скажемо, що нехай би ваши художества великі й не процвітали; нехай би не було ні Парєенону, ні Петрової церкви; нехай би вся земля селомъ стояла, то щожъ за біда така? абї людамъ не важно було на світі жити. Не про що й дбати годилось би, — такъ намъ здається. А про науку правди всемирнїї, которою городї пишнїтця, ми скажемо, що вона й безъ городівъ би обїйшлася. Хибá жъ не радї городянськихъ вашихъ порядківъ замовкли въ вашихъ Римяхъ и Византіяхъ Сократи й Платони? Коли вони ваши діти, такъ на що жъ ви своїхъ дітей дүшите? А великого Учителя всемирнєго за що замучено? Ви люде письменні й друківані, то нічого вамъ шїрого речї про те розводити. Ви добре знаєте, якимъ нікчемнимъ мотлохомъ закидали ваши прапращури святү науку істини, котору великі дүхомъ люде передавали одинъ другому, и якъ ви одлучили око людське одъ того світу, которий ишовъ въ исторїи всемирнїї попередъ народівъ, ховаючись одъ недолюдівъ—то въ мїен, то въ прїтчи, то въ веселї игрища, то въ понурї ночнїї тайни, то въ віковичні пергаменти, — такъ одучїли, що якъ одкидаешъ той мотлохъ и покажешъ праведне слово такъ, якъ вонó вийшло съ праведнихъ усть, самї ви дивуетесь, якъ-то вонó въ такү далєку старовинү такъ ясно та сміливо змїшлено, такъ далєко засягнуто! Эгé, то-то бо!... Чомъ же ви не згодитесь на мою дүмку, що безъ городівъ и їхъ порядківъ тїи великі дпвá, которими ви величаєтесь, явилл бъ у собі ще бїльшу силу дүху людського? Ну, та дарма; оставайтесь собі при своїй городянськїй филосóфїи, а намъ дозвольте новү селянську филосóфїю проповідати, взявши її прямісінько съ тої книжки, котору сотнями рóківъ

великі городи затуманюють, та й досі не затуманили. Робіть ви своє діло, панове, а ми своє робитимемъ; а тамъ уже колись, у вікахъ грядущихъ, люде побачять, кому зъ насъ за науку й працю дякувати.

Отсе жъ ми вклоняємось вамъ низенько за все те добро, которого ми одъ васъ дознали; забіраємо до себе въ прости хати великі мислі, которі ви въ своїхъ мѹрахъ зъ давніхъ віківъ переховали. Чи въ високихъ співахъ ті мислі спасенні, праведно людські, до насъ одъ людей дрєвніхъ подходили, чи прозою малєвничю намъ їхъ переказано; чи въ философській наготі їхъ мїрови явлено, — ми все те собі до-кѹни зобґали и въ хатахъ своїхъ, на науку молодшимъ, переховуємо. А вѹшу нихѹ та роскїшъ та непокїйну мѹду покидаємо въ городѹхъ и на-віки того добра зрїкаємось. Пѹки васъ бѹде поганѹти ся тройчата хѹлена, не ждїте насъ до гурту. И архитектурні дивѹ собі будѹйте, и малювѹннямъ обставлѹйтеся, и операми втїшѹйтеся, и просвїщѹйтеся городѹнською квітчѹстою поезнею, и науки новї до старїхъ видѹмуйте, и грѹші зъ всєго свїту у свої скѹрби горшїте, и въ лѹсоцахъ купѹйтеся, — нїчого того вамъ не борѹнимо, абї ви намъ не боронїли свою науку помїжъ себе шїрити и до погїбелї свїй свїжий людъ не допускѹти. Якъ же настане такє врємя, що сѹ хатъ, а не сѹ палѹтъ, зѹчнуть великі сѹддї художества, науки та й самѹи правди мїрської вихѹдити, — оттодї ми до гуртовѹи роботи кинемось и; мѹже, въ одїнъ вїкъ бїльше дїла великою громадю вробимо, анїжъ ви въ дєсять вїківъ малюю уробїли.

Вонѹ-то не якѹ бїдѹ и вѹшу словєсность перечїтувати, и до васъ у городї навидуватись, тїлько не трєба вамъ пѹвної вїри давѹти, а свогѹ хуторського смакѹ й рѹзуму трєба придєржуватись. У насъ по хуторѹхъ багѹто є людей, которї бувѹли всюди по свїтахъ, и про Шекспїра, такъ якъ про рїдного дѹдька, зъ вами розмовлѹтнмуть, а про-тє беззакѹнної рѹскоши й пихї въ хуторї свої не пускѹють и людей неписьмєннихъ до неї не вѹблять. Тимъ-то й я оцє, взѹвшись до писѹння листївъ на всю Україну, раю землякѹмъ своїмъ кохѹнимъ одъ тїї хѹлєци остерегѹтись. Колї до вподѹби кому чужозємня кнїжка, читѹй її и знай, якъ що на свїтї дїєтця. Колї чоловікъ чужозємний въ хѹтї трѹпитця, розмовлѹй зъ нимъ и про всѹчнну роспїтѹй. Колї й самѹму лѹ-

читця заїхати въ далѣкі сторони, — обомá ушіма слухай и очі-
ма дивісь, щó вонó й якъ тамъ дієтця; а ледащійці мóди въ ху-
торі не привóзь, вóлю свою шануй и въ городянську нуждú че-
резъ рóскішъ не вскакуй. Хочъ же бъ и всі ви поробілись пись-
мѣнними и, якъ тамъ кáжуть, просвіщѣними; хочъ би книжки
німѣцькі такъ якъ спражні Німці почитували, а про-тѣ своєі мó-
ви рідної и свогó рідного звичаю вірнимъ сѣрцемъ держіте-
ся. Тоді зъ васъ б́удуть люде якъ слідъ, — тоді зъ васъ б́уде
громада шанóвна, и вже на такú громаду ніхтó своєі лáпи не
налóжить.

Х у т о р я н і н ь .

ЗНАЙДЕНИЙ НА ДОРОЗІ ЛИСТЬ.

Изъ 1. Острога. 1847, Лютого 28.

Якъ проїдешъ за Кїївъ верстовъ сто, и почнешъ якъ Волинї зближати́ся, зраза́ъ постережешъ, що пішла́ передъ тобою́ одмінна одъ нашої́ сторонá. Поглянь по города́хъ, по містечкахъ, — усюди́ вдáрить тебе́ слідъ Русько-Польської́ старосвіщини, и ознаки́ новóго порядкува́ння. Горби́ одъ давніхъ таборівъ и городо́вїхъ валівъ, руїни́ панськихъ за́мківъ, зпустошáли костѣли, занехáяні и обколупáні непогóдою будїнки-камяни́ці, — по всьму́ томú розумно́ подорóжнєму, що тутъ ко́лись горожа́нність при́нялась бу́ла міжъ людо́мъ твѣрдо, та ма́буть сто́яла не на всїхъ чотирѣхъ, що не вдѣржалась....

Підїзда́чи до Радоми́сля, вся́ке, въ ко́го есть о́чі, щобъ ба́чити, спита́етця: »Що́ то чорні́ величѣнне міжъ будїнками? Чи то зоста́нокъ яко́ї твѣрдїні, чи руїна́ яко́го будїнка безъ крїши?« Ні, то не зоста́нокъ, а тї́лько почáтокъ кателїцько́ї катѣдри. Иншому́ зда́лось би, що въ сі́мъ краю́ не́да́вно жи́ли великолю́де: все, що тї́лько вони́ будувáли, — будувáли шї́роко й величѣ́нно; ажъ зра́зу повїя́въ смѣртний віте́ръ, и люде́й тихъ не ста́ло; зоста́лись тї́лько до-півъ зрóблені ді́ла їхъ рукъ. То й не руїна; руїно́ю зовемо́ те, що ма́ло ко́лись свї́й повний кшталтъ, а се серде́шне будова́нне не дійшло́ й до сво́го зрóсту; и хочъ рундучни́ стовпї́ стирча́ють спрáвді такъ, якъ на руїна́хъ и пожара́цяхъ, тї́лько жъ ко́жному́ бѣ́ въ ві́чи, що вони́ новї́, не вѣ́тхї; не розсипáютьця вони́ мовчки́ посере́дъ кучугу́ръ пра́ху й тлі́-

ну, а, піднімаючись рівно вгору, ти бь сказавъ — вопиють: »Дайте жъ намъ такъ жити, якъ обіцяли!«

Ми однакъ не були въ Радоміслі, а тільки проіхали побузь. Другий гóродъ за Радоміслемъ, на нашій дорóзі, Житóмíр. Мáло въ ёму типовóго Волíньського, бо нове порядкуваннÿ виявилось усюди такъ гóлосно (беру сée словцє для óка и рóзуму, а не для ўха), що зь-підъ ёго та мизérна, трóхи не мёртва, старосвiщина тиль-тиль пробивáетця.

Черезъ Новогрáдъ-Волíньський переїзджали ми нічною доббю, то й не вдалось намъ подивитись на висóкнi крúчi, на руíну, трóхи не до зостáнку вже розiбрану, старосвiцької твердiни, и на малéвниi берегi Слúчи, тi слáвноi Слúчи, що казали колись козакi: »Знай, Ляше, по Случъ наше!« Лiтомъ берегi ii, на лiву рúку одъ мiста, зкрашенi зелéними дiбрóвами. Не навтiшаесÿя, дiвлячись, якъ тi дiбрóви синiють, синiють и ховаютьця дáли зо-всiмъ у тумáни.

Товáришка моá въ дорóзі, якъ душá схiлна до малáрства и поезiи, кохáетця въ руiнахъ: такъ у Кóрци жъ надивiлась на нихъ довлi. Тамъ на горi, якъ самъ ти, пáне-брáте, знáешъ, надъ глибóкимъ, кругоiдúчимъ яромъ стоiть у руiнахъ колись-то пiшний зáмокъ князiвъ Чорторiйськихъ. Перéдня бáшта висóка, окнáста, безвérха, геть переходить у вишинú усю замкоу кúпу, и рáзомъ сь кóменами, щó стирчáть по-надъ руiною, додає iй тiпу повúро-торжéственого. Княжáта Чорторiйськi йшли одъ колiна дрéвнiхъ Рúськихъ князiвъ; та якъ та пáнська несiтость збiла iхъ зъ глúзду, що пристáли до Ляхiвъ якъ у вiри, такъ и въ погáрдi чóрно-го лúду, то й вони не втекли одъ козацькихъ рукъ рáзомъ изъ iншими пáнами. Хмельницького козакi достáли мечёмъ сей зáмокъ та й пустiли по ёму пожаръ, що лédвi нагi стiни зостáлися. Ми ходили по двóру и по руiнахъ, мiзкúючи собi, ягъ-то колись отъ у сiй пúстци булó пóвно весéлого лúду, и одъ ширóкихъ ворiтъ пiдъ бáштою ажъ до оцiхъ малéванихъ покóивъ, що дiвлятьця розлúпанними височéнними вiкнами зъ горi на садi, на корéцькнi будóви и розлóгi полá, пóвно булó крiкку, гóмину и смiху! а тепérъ усé мовчiть, нáче тутъ зрóду й не жили лúде, нáче ся руiна такъ руiною булá й змурóвана. Нiмá, нерухóма смерть такъ воцарiлася на сiхъ погрiзенихъ кругómъ стiнахъ, у сiхъ завáленихъ тiномъ и камiнюками покóяхъ, що двiуесÿя,

якъ ище змігъ порости тутъ оцѣй дѣквий нечумазний бузь. Да й бузь, чорний, кострубатий, здався тутъ тілько на сідало смерті. Сівши на єго кривихъ гилякахъ, якъ та сова-пустинниця, понура смерть нимімъ язикомъ своїмъ розказує, якъ марне гине панське владання....

За Корцемъ стоить намъ по дорозі городъ Острогъ, ище багатший руїнами одъ Корця. Ми єго задріли ранкомъ крізь прозорний туманъ. Сѣнце обдавало єго красноватимъ світомъ: увесь вінъ громадився передъ нами спершу мовъ одна гора; на горі якъ стовбі—мріли тяжкі старосвіцькі до-півъ розвалені башти. Оддалекі вінъ издавався городомъ велеліпнимъ. Однакъ омана ця почала розсѣватись, якъ стали ми до єго наближатися, и далі, далі, ось и зовсімъ вінъ передъ нами змизернівъ. Найбільшъ попсувала єго погана жидова своїми недобудованими, не охайливими, бридкими хатинами. Сумємо ми, та й не знаємъ, що це все було буцімъ тільки на тѣ, щобъ наготовити намъ ище кращу мінуту. Зразу, зъ-за мизернихъ, безтіннихъ хоромінъ, зъ-за кривихъ дірвяхъ воріть, зъ-за убогої громади, що зібралась уранці на торгъ зъ возами та зъ мішками, виступивъ намъ назустрічъ старосвіцький Езуїцький костѣль, високій, по фасаду малеваний, пійшний, хочъ йзпустошалий. Крізь туманъ вінъ здався намъ несказанно велеліпнимъ, ажъ очі бравъ въ себе своєю вѣтхою красою. А ще на передньому плані стоять камяні, старі, підгризені знізу, стовпий одъ колишніхъ-то воріть; дакъ увесь фасадъ церквний зъ-за тихъ, чи то сказать—надъ тині до-півъ-зруйнованими нечумазними стовбами, пішовъ у гору корнізъ за корнізомъ, пиллястра за пиллястрою, стрілка за стрілкою—лѣгко да гінко, мовъ зъ землі тополѣва дїброва. Тутъ мині добре почулося, скільки-то въ Бѣга красі и въ руїнуванню, хочъ и перше, де не побачу було душливисті вікна, темні, глибокі двѣрі, а по стінахъ щіливи, якъ брїжі по старому вїду, то й здасться міні, що та руїна щось наче промовля до мене, наче шѣпче мині беззубими устами якусь давню, чуденную пѣвисть....

Одъ костѣла и одъ здоровеннихъ мурованихъ Езуїцькихъ школъ, тожъ зпустошалихъ, дорѣга йде на гору поузь старосвіцькую башту, що стоить собі на одшибі поміжъ сякимъ-такимъ будуваннямъ, якъ вѣтхий днїами дїдъ, що ровѣсники єго давно въ землі вже, а вінъ зоставъ, и ні єму ні до кого, ні їншимъ до єго немає жѣдного

діла. Недовго бавлячись на станції, зразу пішли ми оглядати церкву князя Острозького, саму мизерну, або саму багатшу (помалярськи) руїну, яку я коли на своєму віку бачивъ. Літа, дощі та вітри на вдивовіжжю вмють кришити муровання. Чоловікъ зроду не потрапивъ би такъ розкришити. Всякий це знає, хто пробувавъ робити по садахъ фалшиві руїни. Дивився я й не надивився на високі, насічені зъ дїкого каменю, стрічати вікна зъ розетами вгорі, — а цєгла внизу й по боклахъ вже обсіпаєтця, щілини вже камяну роботу підвідають, на двєрі, унизу вильготою розїдені, розширені, — на церковні башти, інде одколоти навпіл, інде зовсімъ цілі, тільки зверху надкришені, — на узьки, високі шматки мўру, ніби на те зоставлені, щобъ знавъ, хто дивитця, які були тамъ вікна, а одъ вікна зостанетця тобі хибá корнізъ избóку. Усі башти, що зостались одъ замку князя Острозького, муровані штибомъ Венєцькимъ и гáрни надивовіжжю. Одну перероблено на зємський судъ, да й та виглядає ще я́кось поважно и малєвно, — а найбільшъ, якъ споглянешъ на неї знизу, зъ-підъ горі. Щó то старосвіщина! А дє жъ, спитався бъ мóже хто, дє жъ міжъ сими мўрами друкáрия, у котóрий надрукóвана була пєрша на Русі кни́га: Острозька Би́блия? дє будинки само́го князя Костянти́на Острозького? Шкода́ питати! Остро́жани німі, якъ и ці мўри: нічо́го в нихъ не допитаєцца, нічо́го не тямлять, уся́ке гўторить и побиваєтця тільки про власне сєгодєнне дїло. Пáвда, для ко́го тамъ були бъ дорогі ціі руїни? Пані́ руські и самі вичу́та Острозького князя переверну́лись на Поляківъ, прóстому лю́ду не до то́го, а тїі, що тепєречки зову́тця стародавнїмъ на́шимъ прїзвищемъ, — не то-щобъ свя́то держати пáмять Острозько́ї старосвіщини, та ра́ді бъ изъ Кїївської Лáври ви́кинуть мраморя́ну домовї́ну Костянти́на Острозького: бо вже й такъ зама́зали на стїнахъ дрєвнїхъ гетманївъ, титарївъ лáврськихъ, и гробнїцю Острозького князя закрїли одъ то́го лю́ду, котóрому вінъ такъ жада́въ просвітїти незря́чї о́чі.

Походївши по горі, подивївшись на руїни, на далєкні лугї, що стєлютця внизу зъ га́ями, со́лами и блискучими рїчка́ми, спусти́лись ми до то́го костє́ла и до тихъ Езуїцькихъ шко́ль, що бачили вїжджа́ючи. Тутъ хочъ руйновáння зверху й крáсне для маля́рського о́ка, а вь середїні зпустошáлость спрашнá й протївна; бо то не часъ, а лю́де починїли. Зразу, якъ увїйдєшь у костєльнї двєри, удáрить уся́кого похóдний по́грибъ, чи склепъ,

по якіхъ звичайне кателіки кладуть мертвихъ. Не те вдарить тебе, що вже давно немає въ ёму ні дверей, ни камяннихъ східцівъ, а те, що калюжная вода пропущена зъ міста у костельниі двері, а зъ дверей у склепъ. Нехай же теперъ хто хоче собі помізкує, що робитця тамъ у томъ склепі, де стоять тріни кателіцького панства и попівства! Ти, мій шановний пане-брате, бувъ тамъ у сорокъ-четвёртому року, проїздячи черезъ Острогъ; ти писавъ тоді до мене, якъ повиворочували мертвцівъ изъ домовинъ, іншихъ порозривали на двое и на трое, а котрі новіші домовини, позабирали на топливо у ті житла, що тутъ же споряжені у колишніхъ школьнихъ муряхъ.... Теперъ тамъ сталося зъ мертвими кателіками ще гірша наруга. Глумились вони колісь надъ нашою вірою, *возмнівши тимъ службу приносити Богу*; поглумилась же теперъ и надъ їхъ смертними зостанками и надъ їхъ зрушенимъ костеломъ не-смысленна чернь.... У костелі пусто, — тільки видно, де були престоблі (звичайне, якъ у кателіківъ, усє по стінахъ, по стінахъ). Надъ престоблами зосталося тамъ-сямъ и малювання и білогліняне изваяние святіхъ кателіцькихъ, тільки всі до одного пооббівані и поглумлені... Утіха дікого люду! — Залюми пооббівувались, тільки зó два, чи зó три якось дєржатця, боючись усяку минúту, щобъ не впáсти. Надъ престоблами — якъ де високо, то збереглись ищє підписи на сїніхъ и червоніхъ щиткахъ. Фарба на їхъ зовсімъ ищє нова! Не знаю, чомъ менє вдарили такъ гірко тїі підписи, той єдиний забúтокъ давнєї костельної помпи. Мнї здалось, що крізь сї сїні и червоні віконця (щитки зъ підписами зъ першого погляду здаютьця віконцями по стінахъ) хтось неспертний и запєклий и невблагомий дивитця пїлно, вєсело и смієтця гірко, якъ ворогъ, що якъ-то сї костельниі и школьні мурн становїлись такимъ великимъ коштомъ, зъ такою помпою, властю и вірою, що стоятьмуть вїшне, а теперъ такъ мизєрне, такъ жалїбно, такъ мовчки розвãлюютьця, — не промовлять, не пробóвкуть за себе и слóва, тліють забєвнє и руйнўютьця. И щобъ ти знавъ, яка поселилася тутъ *мєрзость запус̀тинил на місци свѣтї*, треба ще добãвити, що на нічь сюді жидї заганяють товаръ свїй; скотїна тўлитця, якъ видно, поузь стїни, де позоставãлись нїжші залюми, и хто бь-то не вознегодувãвъ розумний и богобоязний, бãчучи, якъ поруганї пїдножия престоблівъ, тї самї пїдножия, де кладєно неутомлєнні поклони и пãлено молитвенї кадїла!

Зъ костѣла йдуть переходи, переходи скрізь по всѣму мурованню, що-то колись була школа и чернечі кѣли. Пішли ми по тихъ переходахъ. Сумно, дико всюди: сказано, пуста! Инколи чути якийсь далѣкий гласъ, мовъ хто когo кличе, абo вѣтеръ заносить здалеку костельниі кателіцькні псалми. Інший подумавъ би, що той жалібний гласъ чути изъ костельного склепу, подумавъ би, може, що отті нещасливі мертвці кателіцькні, захліпуючись калюжною водою, вопіють изъ домовинъ: чи не прийде хоча хто-небудь на защиту святині церковної и святині гробові тогосвітнєі. Тільки жъ недовго бъ вінъ бувъ у такій богобоязній омані. Идемo, ажъ глянємъ: у праву руку пішовъ довгий, потягнутий димомъ, перехoдъ. Димъ виходивъ изъ москальської пекарні, що тутъ десь була збоку. А крізь димъ, на кінці перехoду, показуютця одиі за одиімъ, муштруючись, москалі! Тамъ на кінці есть велика світлиця, що колись була езуіцькою трапезою, а теперъ здалась на муштру москалямъ. Оддалекі вони, крізь димъ, ворочались изъ своїми записованими оружинами, и їх-то муштерський галасъ здавався намъ крізь окнасті до-півъ поруїновані перехoди жалібнимъ гласомъ изъ того світу. Скоро натрапили ми на нихъ, зразу одпала намъ охота швендять по німoму царству мертвихъ....

Прощай до Варшави! Щo побачу, абo почую — напишу про всячину.

П. Н е о б а ч н и й . .

СЪ ПРАВАГО БЕРЕГА ДНѢПРА.

Передавая вѣсти съ праваго берега Днѣпра, я надѣюсь принести этимъ пользу изучающимъ общественное и этнографическое положеніе Южнаго края.

Польское вліяніе на народъ *правобѣчної України*, — и особенная участь, постигшая Украинну лѣвой стороны Днѣпра, разъединили, тамъ и здѣсь, сословія, и отдѣлили *образованныхъ* отъ *простыхъ*. Народъ праваго берега лишенъ былъ всякаго общенія съ общечеловѣческой духовною жизнью посредствомъ образованныхъ своихъ представителей, говорившихъ и писавшихъ на польскомъ языкѣ, и не имѣлъ возможности самъ вполне высказаться. Только въ наше время нашлись люди, которые братски обратились къ народу, изучили его языкъ и заговорили для него понятно, но всѣ они, почти всѣ, родились на лѣвомъ берегу Днѣпра, а на правомъ до-сихъ-поръ еще никто не подалъ имъ дѣятельной помощи на избранномъ ими пути. Правда, нѣкоторые изъ право-бережныхъ уроженцевъ-писателей поняли силу мѣстныхъ народныхъ стихій, но ихъ поэтическія произведенія скорѣе были передѣланной на польскій ладъ сказкой или пѣсней, чѣмъ самобытнымъ, животворнымъ словомъ. Такъ *Богданъ Зальскій* любитъ Украину, какъ областью красивыхъ дѣвчатъ, русалокъ и молодцоватыхъ, нѣжно преданныхъ Польшѣ, *козаковъ*, умѣвшихъ переплывать Днѣпровскіе пороги и пугать Цареградъ; *Михаилу Чайковскому*, хотя и удавалось, въ повѣстяхъ, изображать живыми красками ту или другую черту *козацтва*, но онъ видѣлъ въ немъ только поэтическую его сторону. Тѣ изъ нихъ, которые занимались Украиной съ научной стороны, высказывались въ томъ же смыслѣ. Всѣ они писали по-польски. *Тимко Падура*, въ своихъ »Украин-

какъ», будто бы писанныхъ на южно-русскомъ языкѣ, представилъ пародію и языка и народа, о которомъ заговорилъ; тоже можно сказать и о *Спиридонѣ Осташевскомъ*, авторѣ *Пів-ноби казѣкъ*, переложенныхъ въ украинскіе стихи. Нельзя еще не вспомнить извѣстныхъ *балаюловъ* или *бараюловъ* (*bares-geld*), которые также пародировали украинскую народность въ своей повседневной жизни, съ своими лакеями-*козачками*, съ своими бандуристами, поющими циническія пѣсни, — съ рюмкой и нагайкой въ рукахъ, съ четвернями лошадей, отличающихся красотою или странною мастью, съ гульней на Бердичевскихъ ярмаркахъ. и всякими *паничѣвськими* выдумками, которымъ они старались какъ-будто придать мѣстный характеръ.

Общество смотрѣло на всѣ поименованныя явленія, какъ на эксцентрическія выходки. Теперь обстоятельства перемѣнились. Образованное общество праваго берега раздѣлилось на двѣ половины, которыя повсюду ведутъ между собою горячую полемику. Младшее поколѣніе, чувствуя и сознавая все больше и больше необходимость гуманнаго единенія со всею народною массою, начало всматриваться въ прошедшую и настоящую жизнь народа, и находя въ немъ жизненную, самобытную силу, проникается все сильнѣйшимъ къ нему сочувствіемъ и перестаетъ считать себя чуждымъ народу, земля котораго ихъ вскормила, пѣсня котораго пробудила въ нихъ первыя сердечныя думы, съ которыми, наконецъ, они должны сойтись въ послѣдующей общественной жизни. Это молодое поколѣніе поставило себѣ задачею — содѣйствовать всѣми честными способами нравственному и вещественному развитію народа, и съ каждымъ днемъ замѣчается больше и больше проявленій такого благороднаго сознанія.

За тѣ большая часть стараго поколѣнія, привыкнувъ смотрѣть на все съ своей рутинной точки зрѣнія, испугалась этихъ простыхъ, естественныхъ мыслей, какъ новости. Защиту народа и новыхъ убѣжденій рутинисты признаютъ сущимъ оскорбленіемъ авторитета стараго поколѣнія, — возстаніемъ дѣтей противъ отцовъ; въ любви къ народу они увидѣли что-то страшное, чувства человѣколюбія и справедливости начали оскорблять названіемъ вредоносной пропаганды, думая своими криками испугать всѣхъ....

Но молодое поколѣніе все-таки высказывается, не опасаясь этихъ лицемѣрныхъ и бессознательныхъ криковъ. Оно, прежде всего, желаетъ труда на пользу общую, безъ различія народностей, сословій, состояній; оно желаетъ мира, братской любви и счастья; а закоренѣлые рутинисты толкуютъ свое и думаютъ крикомъ превозмочь требованія ис-

тины и времени. Ограниченность взгляда и не совѣсть чистая совѣсть — вотъ причины подобныхъ восклицаній. Мы спокойно смотримъ на всѣ ухищренія рутинистовъ; вполне убѣждены, что «правда выяснится», и пристыженные противники — раньше или позже — уступятъ предъ священными ея правами. Можно быть увѣрену, что не опасныя, но мнѣнію помѣщиковъ, современные идеи, а единственно ихніе (если будутъ дурны) поступки могутъ повлечь взаимныя неудовольствія между сословіями. Въ нашемъ краю они имѣютъ о себѣ самое хорошее мнѣніе.

Къ числу причинъ, растрavляющихъ и такъ незавидную матеріальную долю нашего простаго народа, слѣдуетъ отнести огромные проценты, которые они должны платить при всякомъ займѣ. Этотъ заемъ дѣлается обыкновенно или у Еврея, или у помѣщика. Еврей, безъ зазрѣнія совѣсти, беретъ *минимумъ* 10% ежемѣсячно; но эти проценты часто возрастаютъ до гораздо большихъ. — Помѣщикъ — требуетъ отработка. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ представляется много рода невыгода. У насъ трудъ чернорабочихъ цѣнится очень дешево, да притомъ отработокъ требуется въ лѣтнее время, именно тогда, когда земледѣльческій трудъ получаетъ наибольшую важность, но никакъ не соразмѣрную награду. — Есть, впрочемъ, отрадныя факты въ этомъ отношеніи. Къ числу ихъ относится банкъ для крестьянъ въ селѣ Олешинѣ Подольской губерніи, Проскуровскаго уѣзда. Тамошній приходской священникъ г. Морачевичъ вложилъ въ него своихъ собственныхъ 100 р. ср. съ тѣмъ, что онѣ будутъ возвращены тогда, когда другіе 100 р. ср. наростутъ изъ процентовъ, которые обращаются въ собственность банка. Банкъ состоитъ въ завѣдываніи шести выборныхъ. Всякій крестьянинъ имѣетъ право получать деньги въ заемъ изъ банка; въ случаѣ неисправности онъ отвѣчаетъ своимъ хозяйствомъ, если онъ хозяинъ, а за бобыля ручаются двое хозяевъ. По прежнему правилу, весь капиталъ слѣдовало возвращать съ процентомъ (1%) въ мѣсяць; теперь это правило замѣнено другимъ, болѣе практичнымъ: капиталъ вмѣстѣ съ процентомъ уплачивается такъ, что за одинъ руб. ср. вносится еженедѣльно 2 коп. ср. (при чемъ уплачивается и часть капитала), слѣдовательно, по прошествіи 52 недѣль, заемщикъ вноситъ 104 к. ср. капитала и процента, — что равнялось бы только 4%, если бы вносимыя въ разное время деньги, посредствомъ оборота, не доставляли еще новой прибыли банку. Это нововведеніе полезно не для одного банка, но и для заемщика, такъ какъ крестьянину трудно было всякій разъ имѣть на-готовѣ потребную для уплаты сумму, и онъ часто принужденъ былъ дѣлать съ этою цѣлью новыя займы у Евреевъ, за значительные проценты. Банкъ этотъ устроенъ

съ Свѣтлаго праздника 1860 г. Вносы дѣлаются до сихъ поръ съ примѣрною аккуратностію. Здѣсь нужно замѣтить, что жители Олешина занимаются разнаго рода промысломъ по близости къ мѣстечку.

На подобныхъ же основаніяхъ существуетъ другой банкъ въ с. Цыбулевѣ, Ольгопольскаго уѣзда Подольской губерніи. Вкладчикомъ этого банка былъ г. Карлъ Бржезовскій, тамошній помѣщикъ. Онъ вложилъ 300 р. ср. Способъ уплаты въ банкъ займовъ тотъ же, что и въ Олешинѣ. Банкъ существуетъ около трехъ лѣтъ.

Подобные отрадныя факты доказываютъ, что у насъ есть люди (какъ бы они рѣдко ни встрѣчались), дѣйствительно интересующіеся участіемъ крестьянскаго населенія, — и что это населеніе способно уважать *грамадское* добро.

Но говоря о разныхъ отдѣльныхъ экономическихъ явленіяхъ въ Южномъ краѣ, я думаю—неизлишнее будетъ представить здѣсь и нѣкоторыя общія экономическія понятія нашего простаго народа: на нихъ, кажется, до сихъ поръ не было обращено должнаго вниманія. Онѣ не безъ значенія для будущности, потому что лежатъ въ глубинѣ народнаго сознанія. Человѣкъ въ развитіи своемъ начинается обыкновенно съ фактовъ и представлений ограниченныхъ, и далѣе постепенно развиваетъ ихъ. Какъ ни тѣсенъ кругъ его первоначальныхъ понятій, но они имѣютъ чрезвычайную важность, какъ точки отпавленія для дальнѣйшаго развитія.

Исходная точка общественной жизни нашего крестьянина — семья. Оставимъ въ сторонѣ нравственно-физиологическій элементъ ея, и посмотримъ на семью съ экономической стороны. Какъ силенъ экономическій элементъ въ семейной жизни народа—не трудно убѣдиться послѣ двухъ—трехъ разговоровъ съ крестьяниномъ о его повседневнои жизни. Опредѣляя достоинство каждаго изъ членовъ семьи, говоря о намѣреніи кого либо изъ нихъ вступить въ бракъ, радуясь дѣтьми — онъ всегда чуть ли не на первомъ планѣ ставитъ хозяйственное ихъ значеніе. Итакъ, семья въ этомъ смыслѣ, есть самая тѣсная ассоціація нѣсколькихъ лицъ различнаго пола; экономическій принципъ ея слѣдующій: »отъ всякаго члена—трудъ соразимѣрный его способностямъ,—всякому соотвѣтственно его потребностямъ, принимая въ соображеніе общее достояніе и общія потребности.« Обыкновенно, во всякой хатѣ, за образами, лежитъ калитка, въ которую приносятъ всякій членъ этого общества свой заработанный грошъ. Всѣ полевые и прочіе продукты составляютъ подобнымъ же образомъ общее достояніе. Утаеніе заработка предъ прочими членами семьи

считается самымъ лучшимъ дѣломъ: этотъ принципъ глубоко укорененъ въ общенародномъ сознаниіи.

Что касается до *надѣла каждою сообразно съ его потребностями, и по соображенію общаго достоянія и общихъ потребностей*, — то этотъ принципъ также глубоко укорененъ въ общественномъ сознаниіи. Часто вся маленькая ассоціація жертвуетъ многими повседневными потребностями въ пользу одного своего члена — и это дѣлается безъ всякаго неудовольствія со стороны остальныхъ: сильное чувство общественной солидарности устраняетъ все прочія чувства, могущія зародиться въ подобномъ случаѣ. Подобные случаи бывають, напримѣръ: при отдачѣ кого нибудь *въ науку*. — Семья лишается хозяйственной помощи одного изъ членовъ, но сознавая пользу этой науки, — она охотно дѣлаетъ и другія пожертванія въ пользу этого члена. Подобные факты довольно рѣдки, но при теперешнемъ всеобщемъ стремленіи къ просвѣщенію, они часто будутъ повторяться. Менѣе рѣзкіе факты подобнаго значенія представляются ежедневно въ отношеніи къ малолѣтнимъ, нездоровымъ, нуждающимся въ большемъ пожертвованіи, вслѣдствіе какой нибудь временной причины. — Крестьянинъ не можетъ понять, какъ можно иначе устроить эти отношенія. Для него, напр., никакъ не понятна опредѣленная плата, назначаемая часто людьми высшаго сословія ихъ дѣтямъ: онъ считаетъ это чѣмъ-то постыднымъ и непонятнымъ. Я имѣлъ случай въ этомъ убѣдиться неоднократно. Предложеніе, чтобъ всякій хранилъ свой заработокъ отдѣльно (предполагая даже всѣхъ членовъ семейства уже взрослыми) — кажется крестьянину самымъ гибельнымъ принципомъ въ экономическомъ отношеніи. Его сужденіе въ этомъ случаѣ имѣетъ компетентность практическаго взгляда. Принципъ экономическаго значенія семьи считается у нашихъ крестьянъ самымъ полезнымъ отношеніемъ къ благосостоянію: причину богатства известной группы людей они обыкновенно объясняютъ словами: *«не діво: то народъ семьянистый»*. Одинъ крестьянинъ, на мой вопросъ, какое средство считаетъ онъ самымъ вѣрнымъ для улучшенія общаго благосостоянія, отвѣчалъ: *«коли-бъ наша семья и зъ то'ю и зъ то'ю (указывая на нѣсколько хатъ) жила наче одна семья, щобъ у-гурті робити, до кѹпи всі грѣші и весь заробітокъ складати, за одинъ стіл' сидати: — то тоді бѣ пѣвне, що розжились бѣ»*.

Вотъ общественный идеалъ, по понятіямъ нашего крестьянина (1)!

(1) Онъ высказывается во многихъ народныхъ пословицахъ, напр. *«якъ жить у кѹпи, то не болѣть у пѹпі,» «гуртъ и въ Бога краде,» «громада — великий чоловікъ.»*

онъ имѣеть въ себѣ, безъ сомнѣнія, много положительнаго, чего многіе не хотятъ понять, приписывая простому народу только отрицательное воззрѣніе. Конечно, въ народныхъ понятіяхъ есть и послѣднее; — въ экономическомъ отношеніи оно высказывается въ нѣкоторомъ особенномъ взглядѣ нашихъ крестьянъ на собственность.

По ихъ понятіямъ, лѣсъ, овощи, рыбы, птицы и всякій лѣсной звѣрь — составляютъ общее достояніе. Онъ разсуждаетъ, что *никто не зарабатываетъ на эти вещи* и что онѣ даны природой для всѣхъ безъ исключенья. Преодоленіе трудностей для присвоенія себѣ доли изъ этого общаго достоянія — считается своего рода молодечествомъ, но никакъ не постыднымъ дѣломъ. Разказы о подвигахъ подобнаго рода дѣлаются неразъ публично.

Иногда допускается воровство и другихъ вещей: хлѣбъ можно, по народнымъ понятіямъ, красть, но никакъ не больше, какъ сколько необходимо нужно, потому что хлѣбъ горько зарабатывается и только принципъ: *»не дать души пропасти — трѣба акрасти»* — оправдываетъ виновнаго въ подобныхъ случаяхъ (1).

Отдача найденныхъ вещей потерявшему ихъ считается честнымъ дѣломъ, но и требованіе выкупа, т. е. извѣстной части стоимости найденной вещи — не считается постыднымъ. Выкупъ этотъ обыкновенно состоитъ въ извѣстномъ количествѣ водки, которую виѣсть и потерявшій и нашедшій пропиваютъ, взаимно благодаря другъ-друга за оказанную услугу.

Наконецъ, еще одна характеристическая черта въ этомъ отношеніи — это всеобщая симпатія къ личности Кармелюка вездѣ, гдѣ о немъ сохранилось преданіе, — при чемъ девизомъ его ставятъ слова, заимствованныя изъ пѣсни, ему приписываемой:

»Зъ багáтого хопу вѣзмý —
Уббóму даю:
Роздѣлявши такъ ті грбші,
Грїхá я не маю.«

Представляя всѣ эти факты, я старался только указать на нихъ; самъ же не рѣшаюсь дѣлать по нимъ никакихъ заключеній.

МАКСИМЪ ЧОРНЫЙ.

(1) Вопросъ о народномъ взглядѣ на собственность требуетъ внимательнаго изслѣдованія. Виѣсть съ отрицаніемъ, у нашего же народа существуетъ пословица: *»Хто чужѣ берѣ, тогб Богъ побѣѣ«,* — *»на чужій трудъ — лбснїй не будь«,* и другія. — *Ред.*

КРѢПОСТНОЕ НАСЕЛЕНІЕ ВЪ РОССІИ

ПО 10-Й НАРОДНОЙ ПЕРЕПИСИ.

Статистическое изслѣдованіе *А. Троицкаго*. Изданіе Статистическаго Отдѣла Центрального Статистическаго Комитета. Спб. 1861.

Заглавіе книги г. Троицкаго достаточно объясняетъ ея занимательность въ настоящее время. Мы остановимся съ болѣющимъ вниманіемъ преимущественно на тѣхъ данныхъ, которыя относятся до южнорусскаго края.

Изслѣдованіе г. Троицкаго состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: первый содержитъ въ себѣ *краткое обзорніе существа и разныхъ видовъ крѣпостнаго состоянія въ Россіи*; второй—*числовыя вѣдомости и общую таблицу разныхъ разрядовъ крѣпостнаго населенія*, къ которымъ приложена *статистическая карта* съ нагляднымъ обозначеніемъ процента крѣпостнаго населенія по 10-й народной переписи; въ третьемъ соединены и разсмотрѣны главнѣйшіе *выводы, извлеченные изъ числовыхъ вѣдомостей*, и представлены *соображенія* о взаимномъ отношеніи разрядовъ крѣпостныхъ людей и о числовомъ отношеніи крѣпостныхъ къ владѣльцамъ, и проч.

Первое прикрѣпленіе къ *земль* г. Троицкій относитъ къ временамъ Татарскаго владычества, когда, для обезпеченія исправнаго взноса податей, учреждена была народная перепись (въ 1257 г.), и городскимъ жителямъ и сельскимъ обывателямъ, поселеннымъ на казенныхъ земляхъ, указано было не переходить, безъ разрѣшенія, съ этихъ земель на другія; послѣднее, окончательное и безусловное, закрѣпленіе *лицу*

совершилось въ царствованіе Екатерины II, когда дворянамъ было предоставлено право собственности не только на землю, но и на крестьянъ.

Въ настоящее время, согласно перечисленнымъ въ ведомостяхъ казенныхъ палатъ о народонаселеніи южно-русскаго края, сельскіе обыватели крѣпостнаго или несвободнаго состоянія раздѣляются на слѣдующіе три главные раздѣла: помѣщичьихъ, — принадлежащихъ разнымъ вѣдомствамъ, и приписанныхъ къ частнымъ заводамъ и фабрикамъ.

Помѣщичьи крестьяне могутъ быть раздѣлены на состоящихъ на крѣпостномъ правѣ: 1) общемъ и 2) условномъ. Первые состоятъ изъ *крестьянъ*, собственно такъ-называемыхъ, и *дворовыхъ людей*, приписанныхъ къ населеннымъ имѣніямъ, къ домамъ, при денежномъ обезпеченіи, или даже безъ такого обезпеченія, — и имѣются во всѣхъ мѣстностяхъ, населенныхъ Украинскимъ народомъ, кромѣ земли Черноморскаго войска, гдѣ по указу 1850 г. сентября 18, крѣпостные, съ 16 июня 1858 г., обращены въ казаковъ. — Вторые въ губерніяхъ юго-западныхъ, состоятъ, по отношенію къ своимъ помѣщикамъ, тоже на общемъ крѣпостномъ правѣ (условія касаются собственно помѣщика, по отношенію къ правительству), съ тѣми только ограниченіями, которыя вообще введены по инвентарнымъ правиламъ въ западныхъ губерніяхъ. Они раздѣляются на *владѣльческіе ординаціи*, *поіезуитскіе*, *ленные* и подлежащіе обращенію въ казну. — *Владѣльческіе ординаціи* крестьяне поселены въ Подольской и Волынской губерніяхъ, въ имѣніяхъ бывшаго огромнаго маіората *Острожской ординаціи*, учрежденнаго въ началѣ XVII вѣка княземъ Янушемъ Острожскимъ и, въ послѣдствіи времени, раздробившагося и перешедшаго во владѣніе многихъ лицъ. Бѣлая часть особыхъ условій, съ которыми сопряжено было, по волѣ основателя, владѣніе этимъ маіоратомъ, упразднилась; по условію, по которому Острожская ординація должна была выставять 600 вооруженныхъ воиновъ, для огражденія тогдашнихъ границъ государства противъ враговъ христіанства, и донинѣ сохранилось, только въ измѣненномъ видѣ: съ имѣній, входящихъ въ составъ ординаціи, взимается извѣстный денежный сборъ. — *Поіезуитскіе*, находящіеся въ губерніяхъ Киевской, Подольской и Волынской, поселены въ имѣніяхъ, нѣкогда принадлежавшихъ іезуитскому ордену и, по уничтоженіи ордена, проданныхъ Польскимъ правительствомъ древнимъ Польскимъ дворянамъ, по особой оцѣнкѣ, сумма которой оставлена вѣчно на имѣніяхъ. — *Ленные* крестьяне, состоящіе, какъ и поіезуитскіе, въ губерніяхъ Киевской, Подольской и Волынской, водворены въ имѣніяхъ, розданныхъ нѣкогда польскими коро-

лики разнымъ лицамъ, за военскія заслуги, до пресѣченія мужской, а нѣкоторыя и женской, линіи. Такія имѣнія не раздробляются по наследству, не закладываются и не продаются изъ одной фамиліи въ другую. Къ крестьянамъ, состоящимъ на условномъ правѣ, должны быть отнесены и *обязанные* крестьяне. Они находятся въ Кіевской и Подольской губ.

Учрежденія и сословія, владѣющія крѣпостными людьми на помѣщичьемъ правѣ, суть слѣдующія: 1) *Благодѣлительныя* и *воспитательныя* учрежденія (въ томъ числѣ и Харьковскій университетъ владѣтъ 191 душою мужескаго пола); 2) *Города юго-западнаго края* (въ томъ числѣ Камененецъ-Подольскъ владѣтъ городскимъ селеніемъ *Кормилчѣ*): ихъ крестьянами управляютъ думы, магистраты и ратуши; 3) *Церкви и монастыри* бывшаго Базилианскаго ордена греко-уніатскаго исповѣданія, въ юго-западномъ краѣ. Сюда слѣдуетъ отнести и крестьянъ, приписанныхъ къ *раскольниковому Куриневскому монастырю* (въ Ольгопольскомъ уѣздѣ Подольской губ.) и къ Мусульманской Рѣжевской мечети (въ Трокскомъ уѣздѣ Виленской губ.): первые управляются инокомъ монастыря, а послѣдніе муллою мечети, на помѣщичьемъ правѣ; 4) Вѣдомство коменданта С. Петербургской крѣпости; 5) казенные горные промыслы, заводы и фабрики, военное, морское и придворное вѣдомства, банкъ и такъ далѣе, владѣющіе многочисленными разрядами крестьянъ, существующихъ подъ общимъ названіемъ *приписныхъ*. Крестьянъ, приписанныхъ къ частнымъ заводамъ и фабрикамъ, въ мѣстахъ, заселенныхъ Украинскимъ народомъ, нѣтъ.

Второй и третій отдѣлы труда г. Тройницкаго содержатъ въ себѣ, какъ сказано выше, числовыя вѣдомости и основанные на нихъ выводы.

Постараемся извлечь отсюда нѣкоторыя соображенія. Изъ 23,069,631 крѣпостныхъ обоюго пола, находящихся въ Россійской Имперіи, надолу 7-ми губерній южнорусскаго края приходится 5,061,263 душъ (Полтавской — 681,672 душъ обоюго пола, Черниговской — 553,622 душъ, Кіевской — 1,124,062, Подольской — 1,041,051, Волынской — 864,161, Харьковской — 471,165 и Екатеринославской — 328,530), или 2,470,628 душъ мужескаго пола и 2,590,635 женскаго; слѣдовательно, на 100 мужчинъ — $104\frac{85}{100}$ женщинъ. Общее число жителей въ этихъ губерніяхъ — мужчинъ: 5,543,961, женщинъ 5,593,395, или на 100 мужчинъ — $100\frac{89}{100}$ женщинъ. Слѣдовательно, перевѣсъ женскаго крѣпостнаго населенія надъ мужскимъ $3\frac{96}{100}$ процентами выше, нежели въ населеніи общемъ, т. е., оказывается тоже почти, что и вообще замѣчается въ крѣпостномъ населеніи Россіи, съ тою только разницею,

что въ остальныхъ ея губерніяхъ—вообще больше женщинъ, чѣмъ мужчинъ, какъ въ крѣпостномъ, такъ и въ не крѣпостномъ сословіяхъ. Помѣщичьихъ крестьянъ, въ этихъ губерніяхъ — 5,059,993 обо-его пола душъ, а остальные 1,270 душъ принадлежать разнымъ вѣдомствамъ.

Г. Тройницкій, указавъ числовыя отношенія крѣпостныхъ по поламъ и по разрядамъ,—разсматриваетъ уменьшеніе крѣпостнаго населенія въ ближайшее къ намъ время и приходитъ къ такому заключенію, что крѣпостной составъ Имперіи *остался почти неподвижнымъ и даже уменьшился въ теченіе 22 лѣтъ* (со времени производства 8-й, до окончанія 10-й ревизіи), между тѣмъ какъ въ тотъ же періодъ времени общее населеніе Имперіи *увеличилось на девять миллионъ душъ*; застой и даже уменьшеніе крѣпостныхъ замѣчается по преимуществу въ *мужскомъ полѣ*. Такое замѣчательное явленіе авторъ изслѣдованія приписываетъ, главнымъ образомъ, отбыванію рекрутской повинности натурою и вообще перечисленію крѣпостныхъ въ другія сословія; но перечисленіе, по мнѣнію г. Тройницкаго, не единственная причина этой убыли. «Нѣтъ сомнѣнія», говоритъ онъ, «что и условія естественнаго приращенія въ той части народонаселенія, т. е. заключеніе браковъ (въ крѣпостномъ состояніи несвободныхъ), рождаемость и смертность, находятся въ положеніи менѣе выгодномъ и менѣе правильномъ, нежели въ другихъ сословіяхъ государства; нельзя не предположить, что весь экономическій бытъ крѣпостнаго сословія находится въ ненормальномъ положеніи. Одни приведенные здѣсь статистическіе выводы, не говоря о другихъ побудительныхъ причинахъ, доказываютъ, слѣдовательно, что предпринятое нынѣ преобразованіе, имѣющее въ виду улучшеніе быта этого сословія, и *необходимо и своевременно.*»

Число дворовыхъ людей въ упомянутыхъ 7-ми губерніяхъ—296,040 душъ, — мужчинъ 146,211, женщинъ 154, 829 (въ Харьковской 44,202 мужч., 47,045 женщ.; Полтавской—40,787 мужч., 45,064 женщ.; Екатеринославской—28,498 мужч., 27,797 женщ.; Черниговской—25,689 мужч., 27,933 женщ.; Кіевской—3,560 мужч., 3,743 женщ.; Подольской—3,280 мужч., 3,026 женщ. и Волынской—195 мужч., 221 женщ.); число же помѣщичьихъ крестьянъ, *на общемъ крѣпостномъ правѣ состоящихъ*,—4,483,148 душъ (2,188,123 м., 2,295,025 ж.); слѣдовательно, дворовые люди составляютъ около 15-й доли поселенныхъ крестьянъ. Такимъ образомъ, мѣстности, заселенныя украинскимъ народомъ, въ этомъ отношеніи, находятся въ болѣе выгод-

ныхъ условіяхъ, тѣмъ вообще по Имперіи; вообще по Имперіи дворовые люди составляютъ около 14-й доли поселенныхъ крестьянъ. Впрочемъ, по нѣкоторымъ изъ семи губерній замѣчается значительное, въ последнее время, увеличеніе дворовыхъ въ сравненіи съ поселенными крестьянами. Въ губерніи Харьковской, по 10-й ревизіи, показано дворовыхъ муж. пола болѣе противъ ревизіи 9-й—на 30,814 душъ, въ Полтавской—на 28,044 д., Екатеринославской—на 20,736 д., Черниговской—на 19,549 д. Подольской—на 355 д., (въ Волынской и Кіевской менѣе противъ 9-й ревизіи, въ первой — на 111 д. и во второй — на 556 д.)

Но обратимся къ самому изслѣдованію: «самое значительное перечисленіе крестьянъ въ дворовые», говоритъ авторъ, «произошло въ Харьковской губерніи; за тѣмъ слѣдуютъ, въ этомъ отношеніи, губерніи: Полтавская, Курская, Херсонская, Екатеринославская, Черниговская, Костромская, Воронежская, Тамбовская, Орловская и Минская. Трудно объяснить себѣ поводъ къ этому перечисленію въ показанныхъ здѣсь губерніяхъ, которыя всѣ принадлежатъ къ числу земледѣльческихъ и въ которыхъ общаго можно указать развѣ только то, что въ бѣльшей части изъ нихъ Малороссійское племя или преобладаетъ, или, въ значительной степени, смѣшано съ Великороссійскимъ. Но этотъ племенной признакъ едва ли могъ имѣть вліяніе на указываемое явленіе; вѣроятнѣе предположить, что, какъ въ показанныхъ здѣсь губерніяхъ, такъ и въ другихъ, гдѣ это перечисленіе произошло въ меньшихъ размѣрахъ, поводомъ къ тому были распространившіеся, при производствѣ послѣдней переписи, слухи, что при предстоящемъ преобразованіи положенія крѣпостнаго сословія, дворовые люди будутъ выкуплены Правительствомъ или, по крайней мѣрѣ, изъяты изъ поземельнаго надѣла; естественно, что въ губерніяхъ, куда проникнули подобные слухи, и наиболѣе въ тѣхъ, гдѣ много мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ и гдѣ земля имѣетъ особенную цѣну по черноземной почвѣ, помѣщики пожелали воспользоваться возможностью ограничить напередъ размѣры надѣла своихъ крестьянъ землею въ пользованіе». Вѣроятно, ближайшія наблюденія надъ дѣйствительностію подтвердятъ выводъ автора.

Любопытенъ также выводъ г. Тройницкаго о числѣ *безпомѣстныхъ дворянъ и принадлежащихъ имъ крестьянъ*. Число тѣхъ и другихъ уменьшилось (въ теченіе 22-хъ лѣтъ, прошедшихъ отъ 8-й до 10-й переписи) почти въ пять разъ. Этотъ разрядъ владѣльцевъ не могъ увеличиться со времени 8-й ревизіи, вслѣдствіе запрещенія, съ 1841 г., безпомѣстнымъ дворянамъ приобрѣтатъ крестьянъ, а такъ какъ они, съ то-

го же времени, не могли и продавать своих крестьянъ, безъ земли, то и слѣдуетъ предположить, что значительная часть изъ числа 50, 000 душъ принадлежавшихъ имъ крестьянъ, составляющаго разность между двумя ревизіями, были отпущены владѣльцами на волю. « Выводъ этотъ любопытенъ для насъ сколько потому, что, несмотря на столь значительное уменьшеніе безпомѣстныхъ владѣльцевъ и ихъ крѣпостныхъ, самыя крупныя цифры, по крайней мѣрѣ владѣльцевъ, остаются за Южнорусскимъ краемъ (въ Полтавской губерніи—269, въ Харьковской — 248, Черниговской — 207, между тѣмъ какъ ни одна губернія въ цѣлой имперіи не достигаетъ и до 200).

Г. Тройничій раздѣляетъ губерніи, по крѣпостному проценту, на 4 группы: 1-я, въ которой число крѣпостныхъ людей составляетъ болѣе 50% или болѣе половины губернскаго населенія; 2-я, въ которой это число простирается, понижаясь отъ 50 до 25% т. е. отъ половины до четвертой части всего населенія; 3-я, съ крѣпостнымъ населеніемъ отъ 25 до 10%, или отъ четвертой до десятой части, и наконецъ — 4-я, съ числомъ крѣпостныхъ менѣе 10% т. е. менѣе десятой части губернскаго населенія.

Семь южно-русскихъ губерній принадлежатъ, къ сожалѣнію, къ двумъ первымъ группамъ; — Подольская, Кіевская и Волынская особенно богаты крѣпостными: въ первой — $59^{54}/_{100}$, во второй — $57^{66}/_{100}$ и въ третьей — $56^{54}/_{100}$ процента. Губерніи Черниговская, Полтавская, Екатеринославская и Харьковская имѣютъ крѣпостныхъ, первая — $37^{61}/_{100}$, вторая — $37^{47}/_{100}$, третья — $31^{51}/_{100}$ и четвертая — $29^{77}/_{100}$ процента. Въ Подольской и Кіевской губерніяхъ крѣпостное населеніе выше *милліона*, въ Волынской — *около милліона* душъ обоего пола. « Сельское населеніе этихъ трехъ губерній, принадлежащихъ къ хлѣбороднѣйшимъ въ Россіи, обращено въ крѣпостное еще подъ Польскимъ владычествомъ, когда богатые и сильныя Польскіе магнаты, подчинивъ своей власти значительную часть тамошнихъ многочисленныхъ сельскихъ обывателей, устроили обширныя и богатыя помѣстья, въ видѣ ленныхъ владѣній, такъ что въ этомъ краѣ крестьянское право установилось болѣе въ формѣ завоевательнаго подчиненія сельскихъ обывателей, нежели укрѣпленія ихъ къ землѣ.»

Въ губерніяхъ Полтавской и Черниговской сельское населеніе освободилось отъ пановъ во время войнъ Богдана Хмельницкаго съ Поляками; но Екатерина II, въ 1783 г., ввела здѣсь крѣпостное состояніе, которому впрочемъ не могло подпасть такое число крестьянъ, какъ въ

югозападныхъ губерніяхъ потому, что многіе изъ нихъ принадлежали къ сословію козацкому. Въ Харьковской и Екатеринославской губерніяхъ крестьянское сословіе долго было подвижнымъ: въ первой, принадлежавшей къ великорусской Украинѣ, — вслѣдствіе пограничныхъ волненій и татарскихъ набѣговъ, а въ Екатеринославской — вслѣдствіе новаго поселенія и расселенія крестьянъ: поэтому и крѣпостное состояніе учредилось здѣсь позже и не могло обнять большаго числа крестьянъ.

Вообще изслѣдованіе г. Тройницкаго наводитъ на многія, весьма любопытныя соображенія, и представляетъ драгоцѣнныя свѣдѣнія для самопознанія. Спѣшимъ принести автору нашу признательность за трудъ, требовавшій большаго вниманія и любви къ дѣлу.

М. Н о м и с ъ .

О ПУБЛИЧНЫХЪ ЧТЕНИЯХЪ

ПРОФЕССОРА КОСТОМАРОВА

ИЗЪ ИСТОРИИ УКРАИНЫ, ПО СМЕРТИ БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКАГО.

Исторія Украины въ былое время состояла большею частию изъ похвальныхъ словъ нашимъ гетманамъ и героямъ козацкой старины. Вдругъ, среди славословій, ни для кого неожиданно, раздался голосъ поэта:

— —
Я ридію, якъ згадію
Діла незабути
Прѣдківъ нашихъ...тяжкі діла!
Якь-би їхъ забути,
Я бь оддавъ би всеяого
Віку половину...
Оттакá-то наша слава,
Слава України!
— —

Поразили эти слова и самихъ дѣятелей родного бытописанія. Мы призадумались послѣ нихъ глубоко надъ нашимъ прошедшимъ, и съ того времени, замѣтно для всѣхъ, начался переворотъ въ понятіяхъ объ украинской старинѣ. Само собою разумѣется, что умы, представлявшіе собою родную націю въ высшихъ ея особенностяхъ, были ужъ подготовлены къ этому перевороту; поэтъ возгласилъ только свое благовѣствованіе передъ началомъ великаго національнаго подвига — отреченья отъ наслѣдственныхъ заблужденій. Но тутъ наступила извѣстная эпоха и надолго остановила выраженіе украинской мысли. Только въ недавнее время она воскресла въ чистотѣ своихъ стремленій, и съ этого собственно времени дѣятельность нашихъ писателей получила полную свою законность. Почетнѣйшее мѣсто между ними принадлежитъ нашему историку, Н. И. Костомарову. Неумолимымъ изученіемъ источниковъ онъ придаде

исторіи Украины все достоинство истины въ глазахъ всѣхъ вообще просвѣщенныхъ русскихъ людей и заставилъ умолкнуть — съ одной стороны славословія героямъ украинской старины, съ другой — отрицаніе въ насъ элементовъ, составляющихъ гражданское общество. Въ особенности сдѣлалъ онъ глубокое впечатлѣніе на публику своими пятью чтеніями о временахъ Выговскаго, въ пользу студентовъ С. Петербургскаго университета.

Отличительное достоинство этихъ чтеній состоитъ въ новости фактовъ, представленныхъ историкомъ, и въ искусствѣ, съ какимъ онъ характеризовалъ дѣйствующія лица поступками и словами ихъ. До сихъ поръ никто не пользовался съ такимъ умѣньемъ Московскимъ Архивомъ Иностранныхъ Дѣлъ, который послужилъ основаніемъ его чтеніямъ. Добавивъ къ полученнымъ отсюда даннымъ извлеченія изъ источниковъ печатныхъ, г. Костомаровъ поразилъ полнотою изложенія *Вывоцины* даже и тѣхъ изъ своихъ слушателей, которые были специально знакомы съ предметомъ. Описаннымъ имъ козацкія рады, переговоры гетмана съ царскими посланцами и Варшавскій сеймъ, на которомъ Поляки и наши паны думали окончательно рѣшить судьбу Украины, похожи на главы историческаго романа, созданнаго воображеніемъ; но ни одного слова не прибавилъ отъ себя историкъ въ шумныя рѣчи тогдашнихъ представителей Украины, Москвы и Польши, ни одной черты — въ картины представленныхъ имъ нравовъ. Онъ даже скрылъ отъ публики свое сочувствіе къ тѣмъ или другимъ историческимъ явленіямъ. Онъ предоставилъ каждому изъ своихъ слушателей выводить изъ слышаннаго собственныя умозаключенія, сообразно съ личнымъ воззрѣніемъ на жизнь прошедшую и настоящую. Вслушиваясь въ чтенія почтеннаго нашего историка, мы только въ слѣдующихъ его словахъ замѣтили непосредственное отношеніе его къ дѣятельности духа человѣческаго, выражающейся въ исторіи (слова достойныя того, чтобъ утвердить ихъ въ памяти на вѣки): »Въ XVII вѣкѣ еще не понимали, что для поколѣній будущихъ нѣтъ и быть не можетъ никакихъ условій.«

Такъ какъ обстоятельный отчетъ о публичныхъ чтеніяхъ профессора Костомарова представленъ уже однимъ изъ сотрудниковъ *Основы* въ 6 № *Вѣка*, то мы не станемъ здѣсь о нихъ распространяться, — тѣмъ болѣе, что въ *Основѣ* появятся въ непродолжительномъ времени и самыя чтенія.

П. К а з ю к а.

РѢЧЬ ПРОФЕССОРА Н. И. КОСТОМАРОВА О ЗАСЛУГАХЪ К. С. АКСАКОВА ДЛЯ РУССКОЙ ИСТОРИИ,

произнесенная въ залѣ С. Петербургскаго Университета, 16 февраля 1861.

Спѣшимъ занести въ свою лѣтопись краткое извѣстіе объ этой замѣчательной рѣчи. Независимо отъ разнообразнаго содержанія, она имѣетъ значеніе общественнаго дѣла: это было благородное и безпристрастное заявленіе признательности за труды человѣку, необычайно-чистому и искреннему, и въ тоже время даровитому, независимому и неутомимому въ преслѣдованіи своихъ идей, которыя хотя, въ частностяхъ, нерѣдко были не вѣрны, отзывались иногда пристрастіемъ и исключительно-стью, но въ основанія были животворны, благородны и весьма полезны для уразумѣнія Русскаго народа и его исторіи. Рѣчь г. Костомарова была единственною общественною наградой, какой только могъ пожелать К. С. Аксаковъ: другихъ онъ не получалъ ни при жизни, ни по смерти.

Рано оставившая свѣтъ, поэтическая личность извѣстнаго Славянофила, — пламеннаго народнаго друга и слуги, — представляется явленіемъ отраднымъ и увлекательнымъ посреди поколѣнія, не отличающагося твердостью своихъ убѣжденій. К. С. Аксаковъ не могъ не внушить искренняго сочувствія дѣятелю, не принадлежащему къ Славянофильской Московской школѣ, но также посвятившему свою жизнь на служеніе Русскому народу: живой поборникъ Славянскаго единенія и самопознанія, но безъ идеализированія прошлаго и безъ пристрастія къ племени, Н. И. Костомаровъ понялъ и оцѣнилъ по достоинству и безъ предубѣжденія дѣйствительныя заслуги покойнаго.

Н. И. Костомаровъ началъ свою рѣчь выраженіемъ скорби о понесенной русскою литературою новой утратѣ, которая напомнила ему другія драгоцѣнныя могилы. »Право на народную память«, сказалъ онъ, »К.

С. Аксаковъ заслужилъ проведеніемъ спорнаго, до-того, народнаго воззрѣнія въ наукѣ Русской исторіи, посредствомъ извѣстныхъ критическихъ статей его, исполненныхъ свѣтлыхъ взглядовъ и свѣжихъ мыслей. «—За тѣмъ, г. Костомаровъ послѣдовательно и ясно изложилъ энергическіе протесты покойнаго противъ поклонниковъ Петровской реформы, — противъ теоріи родового быта въ старинной русской жизни, — противъ страннаго смѣшенія, въ Русской исторіи, государственнаго начала съ народнымъ. Отдѣливъ на стору сторону противниковъ К. С. Аксакова принадлежація имъ доли истины, — объяснивъ значеніе идеи Славянофиловъ о народности до-, казавъ существующее и до настоящаго времени раздвоеніе въ Русскомъ обществѣ, — дополнивъ положенія К. С. Аксакова нагляднымъ развитіемъ ихъ передъ слушателями и указаніемъ на новыя приобрѣтенія, добытыя наукою, главнымъ образомъ, на недостававшее, для полноты и ясности воззрѣній К. С. Аксакова, федеративное начало въ отношеніяхъ Русскихъ Земель, — профессоръ утверждаетъ за нимъ слѣдующія положительныя заслуги:

1) Опроверженіе идеи о патриархально-деспотическихъ элементахъ родового быта въ древне-русской жизни;

2) Уясненіе до очевидности общинно-вѣчеваго въ ней начала;

3) Глубоко-психологическое разъясненіе Іоанна Грознаго, какъ личности, артистическія свойства которой были несостоятельны для полезной общественной дѣятельности, и

4) Уясненіе двойственности началъ — государственнаго и народнаго, въ нашей исторіи.

Крайности и невѣрности въ изслѣдованіяхъ К. С. Аксакова и школы, г. Костомаровъ приписываетъ ихъ идеализму, которому онъ противопоставляетъ дѣйствительную историческую истину, свободную отъ увлеченій настоящаго, чуждую боязни за будущее и безпристрастную къ прошедшему, признавая только такую истину единственною цѣлью, достойною историка. Живое содержаніе рѣчи г. Костомарова сильно тронуло слушателей; торжественное вниманіе болѣе тысячи человекъ, во все продолженіе двухъ-часоваго чтенія, воодушевляло профессора; восторженные рукоплесканія проводили его по окончаніи чтенія.

Не многіе честные русскіе дѣятели удостоивались такого воздаянія по смерти, каковымъ былъ почтенъ К. С. Аксаковъ,

А. М.

ОТВѢТЪ

СОВРЕМЕННОЙ ЛѢТОПИСИ РУССКАГО ВѢСТНИКА.

Въ 4 № «Современной Лѣтописи» мы прочли слѣдующую замѣтку: «Языкъ, употребляемый южно-русскими писателями въ Галиціи, гораздо ближе къ нашему литературному языку, чѣмъ то малороссійское нарѣчіе, какимъ пишутъ наши украинскіе литераторы. Каждый изъ насъ совершенно легко можетъ читать все, что пишется на южно-русскомъ нарѣчій, равно, какъ и Русскіе люди въ Галиціи совершенно свободно и съ особенною охотою читаютъ русскія книги. Писатели Червоной Руси стараются болѣе о томъ, чтобы сблизить свое нарѣчіе съ литературнымъ, не слѣдуя примѣру нашихъ Украинскихъ литераторовъ, которые передразниваютъ всѣ оттѣнки и тоны народнаго говора.»

Оставляя въ сторонѣ *передразниванье* (по всей вѣроятности — опечатку), такъ какъ дѣло идетъ объ украинскіихъ литераторахъ, которые до сихъ поръ извѣстны были не рабскимъ подражаніемъ чему бы то ни было, — не повтореніемъ, не передразниваньемъ, — а добросовѣстнымъ изученіемъ и вѣрнымъ воссозданіемъ народной жизни (да уваженіемъ къ личности народа, человека—литератора и не-литератора), мы обращаемся прямо къ существенному вопросу объ оттѣнкахъ и тонахъ народнаго говора. Чей же говоръ важнѣе народнаго? къ какому говору больше стоить прислушиваться? Оттѣнки и тоны нашего народнаго говора разнообразны, какъ жизни и природа, логичны какъ народный, несдавленный, умъ, и музыкальны, какъ украинская пѣсня. Прислушиваться къ нимъ — не порокъ, а долгъ и толкъ. Не совѣтовалъ ли самъ Пушкинъ — величайшій художникъ слова — прислушиваться къ народному говору, учиться языку у просвирней и на рынкѣ? » Современная Лѣтопись », должно быть, не ясно — не вполне — высказалась: по ея мнѣнію, дурно то, что укра-

нскіе писатели прислушиваются къ *своему* (вѣроятно, это слово пропущено въ «Современной Лѣтописи?») народному говору, а не слѣдуютъ, въ этомъ отношеніи, примѣру Галичанъ, которые приурочиваютъ свой письменный языкъ къ литературному великорусскому.

Возстановивъ, кажется, безошибочно, основной смыслъ приведеннаго мѣста, спѣшимъ заявить, что мы иначе объ этомъ думаемъ.

Легкость, съ какою Галицкіе образованные Русины читаютъ великорусскія книги, объясняется не какимъ-либо особымъ литературнымъ направлениемъ Галицкихъ писателей, а сродствомъ южно-русской рѣчи съ великорусской, и навыкомъ. Въ Великорусской литературѣ столько хорошаго, что было бы странно не интересоваться ею — Славянамъ, особенно русскимъ. Подавленному двойнымъ гнѣтомъ—онѣмечиванья и ополячивагья—русскому сердцу Галичанина особенно трудно защититься отъ вѣющаго на него—отраднымъ родствомъ и лучшимъ будущимъ—духа нравственной литературной Россіи. Для борьбы съ насильственными притязаніями, галицкій Русинъ — воспитанникъ польскихъ или нѣмецкихъ школъ — схватился за первое, уже готовое, оружіе, не имѣя времени ни изучать наличное богатство своего народнаго языка, ни разрабатывать его литературно. Но это явленіе — не законъ; тѣмъ болѣе не законъ для украинскихъ писателей, настоящихъ и будущихъ. Одинъ языкъ не можетъ замѣнить другаго, какъ бы, по-видимому, онъ ни былъ близокъ. Въ языкахъ, образующихся органически, нѣтъ ни случайныхъ соотвѣтствій, ни напрасныхъ различій: всякая произвольная замѣна одного другимъ, въ видахъ единообразія и удобства, уродуетъ языкъ и лишаетъ его органической самобытности, логической гармоніи частей и даже удобопонятности. Въ этомъ отношеніи украинскій литературный языкъ, выросшій непосредственно изъ языка живаго, народнаго, слѣдовательно — болѣе самостоятельный, нежели Галицко-русскій, — въ то же время и болѣе доступенъ пониманію соплеменниковъ. Кто изъ Славянъ внимательно вчитался въ нѣсколько страницъ украинской книги, для того легко и приятно дальнѣйшее ея чтеніе, а этого нельзя сказать о книгахъ Галицко-русскихъ. Но если бы и дѣйствительно великорусскому читателю доступнѣе былъ червоно-русскій текстъ, чѣмъ украинскій: развѣ Русскій народъ въ Галиціи, не смотря на 4-хъ вѣковое вліяніе чуждыхъ стихій, сохранившій народный языкъ Южной Руси, сохранившій пѣсни, повѣрья, преданья и пословицы, общія съ украинскими, — не имѣетъ права на то, чтобъ для него писали понятнымъ литературнымъ языкомъ? Развѣ *наши* удобства, а не облегченіе путей образованія *народу*, должны быть главною

цѣлю людей, сознавшихъ пользу и современную потребность разработки роднаго слова? Искусственное направленіе литературнаго языка, съ несвойственными ему стихіями, несомнѣнно отдалило бы благотворное сближеніе образованной части общества съ народомъ и замедлило бы распространеніе просвѣщенія.

Нѣтъ! ни съ какой стороны не приходится «украинскимъ литераторамъ» брать примѣръ съ галицкихъ. Постоянная мечта русскихъ Галичанъ — союзъ съ остальною Русью — для Украинцевъ не существуетъ. Пока мы достигали соединенія, проверяли его послѣдствія, сживались и т. д., наши литературные интересы тянулись въ одну сторону; теперь же, когда соединеніе совершилось, — и для насъ настало время правильнаго литературнаго развитія. Крайняя централизація въ языкѣ была бы губительною помѣхою общему благосостоянію и образованію; единообразіе производить у насъ уродство или юродство....

Искусственность и безжизненность галицко-русской литературы суть естественныя послѣдствія неестественнаго ея положенія и отдаленія ея отъ языка народнаго.

«Современная Лѣтопись Русскаго Вѣстника», при разрѣшеніи возбужденнаго новыми явленіями вопроса, предпочла однообразную форму жизненной сущности и не дала себѣ труда взглянуть на дѣло внимательно, глубже, — исторически. Что художественнаго оставили по себѣ и къ чему прочному привели ломка иковка южно-русской рѣчи въ чуждыя формы Польскаго силлабизма? Ничего, кромѣ жалкихъ вырвеш, лишешныхъ поэзіи, которыхъ человекъ со вкусомъ просто не въ силахъ читать, а народъ, къ счастью, совсѣмъ не знаетъ и никогда не узнаетъ. По какому же соображенію, на основаніи какихъ данныхъ вы ожидаете лучшихъ послѣдствій отъ того, еслибы украинскіе литераторы стали подражать Галицкимъ и намѣренно пренебрегли природными отличіями южно-русскаго языка, со всѣмъ разнообразіемъ его формъ, со всѣми отѣнками его тона и говора?

Будучи убѣждены, что всякое стѣсненіе, а тѣмъ болѣе — систематическое, расчитанное, хотя бы съ наилучшею цѣлю, вредитъ полнѣйшему раскрытію жизненныхъ силъ человека и народа, мы смотрѣли бы не только спокойно, но съ удовольствіемъ, еслибы каждое нарѣчіе проявило себя литературно, лишь бы только проявленія эти были достойны. Но вопреки столь положительно-выраженному мнѣнію автора «Современной Лѣтописи», — въ нашей литературѣ, напротивъ, рѣшительно преобладаетъ переяславско-чигиринское нарѣчіе, — шевченков-

ское, — хотя нельзя не допустить, что, со временемъ, могутъ явиться талантливые писатели, которые захотятъ писать на своемъ мѣстномъ нарѣчїи и заставятъ читать себя.

Всѣ новосоздающіяся литературы представляли, при своемъ началѣ, сочиненія на разныхъ нарѣчїяхъ; съ теченіемъ времени, одно изъ нихъ достигало полнѣйшаго развитія, какъ со стороны формы, такъ и содержанія, и мало-по-малу дѣлалось господствующимъ. Вездѣ отъ разнообразія приходили къ единству: за что же авторъ Лѣтописи, (оказавшійся болѣе предвѣщателемъ будущаго, чѣмъ знатокомъ настоящаго положенія нашего письменнаго языка) такъ рѣзко упрекаетъ украинскихъ литераторовъ?

Быть можетъ, ему не нравится и самое существованіе — скромное существованіе — украинской литературы? Это дѣло другое... На этотъ разъ мы противъ вкуса спорить не будемъ....

Какъ бы ни было, но украинская литература утвердила уже свое существованіе; южно-русскій языкъ и изустная южно-русская словесность, изъ которой развилась, не взирая на самыя неблагопрїятныя обстоятельства, словесность письменная, — съ незапамятныхъ временъ ведутъ свое начало; письменная словесность, по своему содержанію, представляетъ вѣрные задатки дальнѣйшаго развитія, составляетъ несомнѣнный и законный фактъ нашей общественной жизни. Жизненность украинской литературы лучше всего доказывается простотой и естественностью ея возникновенія: люди, живѣ другихъ почувствовавшіе потребность народнаго самопознанія, изучили свой народъ, и убѣдясь, что *»лучче свої лѣтани, аніжъ чужі хѣтани«* — стали писать по-украински. Намъ, съ авторомъ *»Современной Лѣтописи«*, теперь остается просто принять это отрадное явленіе пробудившагося самосознанія и искренно, съ уваженіемъ къ народу и его дѣятелямъ, поддерживать чистое дѣло во имя просвѣщенія, любви и правды, не мудрствуя лукаво, не увлекаясь заносчивыми мечтами — но и не стѣсняя себя никакими преждевременными системами. *»Не вважай на врожай: ей жито — хлѣбъ буде.«*

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ (1)

Я получилъ 1 номеръ *Основы*. Прочитавъ свою статью о Женской Гимназіи, я былъ пораженъ и изумленъ безцеремонными приемами, съ какими подверглась она многочисленнымъ, произвольнымъ измѣненіямъ; одни фразы сокращены, другія совершенно передѣланы, въ нѣкоторыхъ извращенъ смыслъ; цѣлые періоды выпущены или замѣнены другими, даже отдѣльныя слова поверглись перемѣнѣ, точь въ точь какъ учитель поправляетъ заданное имъ сочиненіе ученика.

Редакція *Основы* имѣла безусловное право, принять или не принять статью, но принявъ ее, не думаю, чтобы, не нарушая приличія, она могла, безъ моего согласія, исправлять мой слогъ, какъ бы онъ ни былъ дуренъ, и какъ бы, наоборотъ, ни было краснорѣчиво перо непроститнаго учителя. Въ этомъ случаѣ говорить не авторское самолюбіе, но чувство собственнаго достоинства, оскорбленное предположеніемъ во мнѣ редакціей «Основы» снисходительной готовности пользоваться чужимъ умомъ.

Въ слѣдствіе этого, я послалъ мою статью «о Женской Гимназіи» въ другой журналъ, и *во многіе* протестъ противъ неумѣстныхъ учительскихъ приемовъ редакціи *Основы*, о чемъ и имѣю честь васъ, милостивый государь, увѣдомить.

Полтавскій житель.

— 14 февраля 1861.

Полтава.

(1) Помѣщая на страницахъ «Основы» письмо Полтавскаго жителя къ редактору и отвѣтъ на это письмо, мы руководимся желаніемъ — сдѣлать совершенно ясными отношенія редакціи къ сотрудникамъ и, вслучаѣ взаимныхъ недоразумѣній, доставлять возможность — высказаться обѣимъ сторонамъ предъ лицомъ общественнаго суда, на справедливость котораго каждый долженъ полагаться больше, чѣмъ на личное свое безпристрастіе въ собственномъ дѣлѣ. — *Ред.*

ОТВѢТЪ Г. ПОЛТАВСКОМУ ЖИТЕЛЮ.

Въ первомъ объявленіи объ изданіи «Основы» я просилъ лицъ, желающихъ помѣщать свои статьи въ южно-русскомъ вѣстникѣ, сообщать мнѣ ясно свои условія, — общая, со стороны редакціи, — «точное выполненіе взаимно-предложенныхъ и принятыхъ условій.» Условія эти могли касаться времени, платы и, наконецъ, ограниченія или неограниченія права редакціи — дѣлать въ статьѣ какія-либо измѣненія, часто необходимыя и незабѣжныя, для того, чтобъ статья могла быть напечатана.

Въ любезномъ письмѣ вашемъ, при которомъ доставлена была статья о *Полтавской Женской Гимназіи*, Вы не обязывали меня никакими условіями, хотя вспомнили о вознагражденіи, отъ котораго также отказались. Изъ этого я понялъ (да и кто, на моемъ мѣстѣ, могъ бы понять иначе?) что вы предоставляете мнѣ полное право воспользоваться Вашимъ трудомъ для журнала такъ, какъ я признаю за лучшее, — разумѣется — не извращая вашихъ мыслей и фактовъ, Вами сообщенныхъ. Я видѣлъ, что статья Ваша написана (въ особенности — переписана) нѣскольکو въ лучшемъ, по моему мнѣнію, видѣ, сокративъ нѣкоторыя фразы, растягивавшія Ваше любопытное повѣствованіе. Признаюсь, я думалъ, что Вы, Милостивый Государь, поймете мое вниманіе къ вашему труду, совершенно иначе, чѣмъ вы поняли; я думалъ, что и въ вашихъ глазахъ исключенныя мною частности не могутъ имѣть значенія, — я такъ думалъ и — совѣтъ моя была спокойна.

Но увы! Ваше письмо, отъ 14 февраля, дало мнѣ почувствовать всю мою неопытность, и незнаніе человѣческаго сердца. Я не сумѣлъ поставить себя на ваше мѣсто и посмотреть на вашу статью (вполнѣ мною оцененную) съ вашей точки зрѣнія, и жестоко за это наказанъ: вы чрезвычайно мной недовольны, — до того недовольны, что не ограничиваетесь

однимъ строгимъ письмомъ ко мнѣ, но грозите даже послать протесты во многіе журналы и такимъ образомъ вызываете меня на печатный отвѣтъ.

Если бъ я могъ предугадать, что увеличу вашъ трудъ на нѣсколько строкъ вышеприведеннаго письма, то изъ-за этого одного не рѣшился бы прикоснуться ни къ единому слову въ вашей статьѣ. Судите же какъ я долженъ сожалѣть обо всемъ этомъ!

Не могу, впрочемъ, не порадоваться, что для меня настанетъ открытый судъ: статья Ваша напечатается, по Вашимъ словамъ, въ другомъ журналѣ; тогда легко будетъ кому угодно сравнить подлинникъ съ тѣмъ, что помѣщено въ «Основѣ» и произнести свое мнѣніе: въ какой степени справедлива ваша претензія; слѣдовало ли редакціи, по принятому обычаю, вынудить изъ-вашей статьи то именно, что вышущемо, и дѣйствительно ли я позволялъ себѣ извратить смыслъ *какоморазъ* *самимъ* *фразъ*.

Повторяя искреннее мое сожалѣніе о случившейся несправедливости, душевно благодарю васъ, М. Г., за краткое ваше сотрудничество, которое (могу васъ увѣрить) я не перестаю цѣнить и до настоящей минуты.

Редакторъ В. Бьлозерскій.

М. А. Б—ль-К—му, со Полтавы. Статья ваша о *машинной мелотыль* была уже набрана въ то время, когда получено ваше письмо. Редакція сожалѣетъ, что поставлена въ невозможность исполнить ваше желаніе.

Отвѣты редакціи на другія, полученныя ею, письма, будутъ помѣщены въ слѣдующей книжкѣ «Основы», гдѣ также напечатаются и тѣ статьи и *вѣсти*, которыя, не смотря на все желаніе редакціи, не могли войти въ настоящую книжку.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

I.

Печатается общедоступная исторія Украины на украинскомъ языкѣ, П. А. Кулиша. Она будетъ выходить выпусками, — каждый выпускъ съ самостоятельнымъ заглавіемъ. Въ непродолжительномъ времени появится первый выпускъ, подъ заглавіемъ *Хмельничина*, содержащій въ себѣ (въ видѣ введенія) краткую повѣсть о началѣ Руси, о развитіи въ Украинѣ гражданственности и козачества, а потомъ болѣе подробную повѣсть о десятилѣтней войнѣ Хмельницкаго и о внутреннемъ состояніи Украины въ этотъ періодъ. Потомъ выйдетъ *Винищина*, потомъ — *Бруховещина*, и т. д.

II.

Прочитавъ въ 9 № *Кіевскаго Телеграфа* письмо г. Шейковского о приготовляемомъ имъ для печати Южнорусскомъ Словарѣ, содержащемъ въ себѣ 35,000 словъ, я приостановился съ печатаніемъ Словаря, о которомъ было объявлено въ 1-й книжкѣ *Осмовы*. Можетъ быть, Словарь г. Шейковского сдѣлаетъ мой трудъ излишнимъ; если же этого не случится, то, безъ сомнѣнія, онъ будетъ важнымъ для меня вспоможеніемъ при окончательной обработкѣ моего Словаря. Во всякомъ случаѣ, отъ души радуюсь предпріятію г. Шейковского и дружески приветствую его на новомъ для насъ обоихъ поприщѣ.

П. Кулишъ.

ИЗВѢЩЕНІЯ.

I.

Вышелъ и продается первый выпускъ «Портретовъ Украинскихъ Писателей», литографированныхъ въ Парижѣ известнымъ художникомъ Мульеровомъ, въ большомъ форматѣ. Въ этомъ первомъ выпускѣ три портрета: Н. И. Костомарова, П. А. Кулиша, Т. Г. Шевченка. Цѣна за выпускъ — 2 р. 25 коп., съ пересылкой 3 рубля; каждый портретъ отдѣльно — 75 коп., съ пересылкою 1 р. 25 к. Иногородные адресуются къ издателю: Данилу Семеновичу Каменецкому, въ С. Петербургѣ на Обуховскомъ проспектѣ, въ домѣ Котоминыхъ.

II.

Въ редакціи получено десять рублей изъ Уфы, въ пользу Полтавской Женской Гимназіи. По желанію жертвователя, объ имени его умалчивается. Деньги, вмѣстѣ съ симъ, отсылаются по назначенію. — Снова приглашаемъ къ благородному пожертвованію (см. 1-ю книжку «Основы»).

ПОПРАВКИ.

Въ 1-й и 2-й книжкахъ «Основы» слѣдуетъ исправить два мѣста: на стр. 135, строка 3-я снизу, въ 1-й книжкѣ: вмѣсто *Польской*, должно быть — *Пековской* и на стр. 132, строка 14-я сверху, во 2-й книжкѣ, пропущенъ переводъ латинской выписки изъ польскаго историка Коховскаго: *«На этомъ сеймѣ да образуется и утвердится вѣчный миръ, связь и крѣпкій союзъ единства съ государемъ и Московскимъ народомъ, происходящимъ съ нами изъ единого источника крови Славянской, по религіи, языку и по нравамъ мало отличающимся отъ насъ, на посяганіе завистникамъ общеславянскаго имени.»*

ОБЪЯСНЕНИЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВО 2-Й КНИЖКѢ «ОСНОВЫ».

Письмо къ редактору (*).

Въ приложенномъ вами, къ 1-й книжкѢ «Основы», *Объясненіи неудобопонятныхъ южнорусскихъ словъ*, нѣкоторыя слова объяснены невѣрно.

Въ *Объясненіи* вашего сотрудника, напримѣръ, читаемъ: «Потороча — разбитная; встрепанная», тогда какъ это, во-первыхъ, не прилагательное, а существительное имя, во-вторыхъ — *потороча* значитъ привидѣніе, пугало. Великороссіянинъ, руководясь напечатаннымъ у васъ переводомъ слова *потороча*, не пойметъ смысла слѣдующихъ стиховъ народной пѣсни:

(*) Отвѣтъ.

Хотя мы не можемъ безусловно согласиться со всѣми замѣчаниями автора, но, признавая вполне заслуженный авторитетъ П. А. Кулиша въ знаніи южнорусскаго языка, считаемъ своимъ прямымъ долгомъ — выразить ему искреннюю благодарность за указаніе необходимыхъ во всякомъ словарѣ недосмотровъ.

Программа Основы не обѣщала прилагать «Объясненія неудобопонятныхъ словъ»; мысль объ этомъ явилась при самомъ выходѣ 1-й книжки, и поспѣшность работы, естественно влекла за собой ошибки и неполноту; но эти недостатки — надѣмся — мало-по-малу исчезнутъ. При 1000 слишкомъ словахъ, объясненныхъ въ 1-й книжкѢ, замѣчено такъ немного ошибокъ, что нельзя не поблагодарить составителя «Объясненія» за этотъ полезный трудъ, облегчающій весьма многимъ чтеніе статей на южнорусскомъ языкѢ. Слѣдуетъ помнить, что объясненіе значенія словъ ограничено тѣмъ объемомъ, въ какомъ они употреблены въ сочиненіяхъ, помѣщаемыхъ въ «Основы»; поэтому нѣкоторыя изъ 13 замѣчаній П. А. Кулиша должны относиться къ авторамъ, а не къ «Объясненію».

Снілась мені, мо́я ма́ти,
Поторо́ча у—ночі.
Въ поторо́чи чо́рні о́чи
И мушкѣтъ на плечі (¹).

Слово замути́тьця переведено синонимомъ «взволноваться». Какъ же великороссіянинъ пойметъ слѣдующее мѣсто въ народной пѣснѣ:

Чи се та́я вдова́ живѣ,
Що на рижку́ хата?
Хоро́шую дочку́ ма́е,
Сама́ не багата́.
Ходить коза́къ по у́лиці,
Ничимъ замути́тьця.
Ой однини́, стара́ ма́ти,
Дай води́ напи́тьця.

Очевидно для каждаго, что замути́тьця значитъ—найти предлогъ, чтобы остановиться за—чѣмъ—нибудь, чтобы поговорить, чтобы остаться, и т. п. (²)

Вклепа́тись переведено, въ *Объясненіи*, не совсѣмъ объяснительнымъ способомъ, а именно: «наладить на одно, броситься на что—нибудь». Прошу читателя понять послѣ этого слѣдующій народный рассказъ:

«Разъ ходивъ изъ ба́тькомъ у Січъ изъ горілкою мій рідний дядько. Отъ и пита́ютця (Запорозці): «Що се, Дмитре, съ тобою?» — «Та се, ка́же, мій шу́ринь, мо́еі жінки братъ.» — «Якъ ёго зову́ть?» — «Хомá.» — «Не вклепа́лись же, ка́же, й ви, що ёму́ таке́ имі́ дали: вінъ на Хому́ й похóдивъ, дияво́лівъ синь!»

(¹) Значеніе слова поторо́ча не объясняется одною приведенною нами пѣсней. Сколько намъ ни удавалось слышать объясненій, ни одно не опредѣляло значенія этого слова съ точностію, хотя, правда, всѣ опредѣленія болѣе или менѣе близки къ вашему; напр. чудело, чудище, идіотъ, идіотка. Составителю «Объясненія» случилось слышать—если онъ не ошибся—слово поторо́ча въ видѣ прилагательнаго, и потому онъ перевелъ его — разбитная; растрѣпанная (встрѣпанная—напечатано по ошибкѣ). Онъ продолжаетъ думать, что поторо́ча есть женскій родъ отъ слова: поторо́чнй.

(²) Это слово вошло въ «Объясненіе» изъ «Трёхъ До́ль», гдѣ оно находится въ слѣдующемъ выраженіи: «Ини́и вш́укують то́го ко́зання́ та́къ, аби замути́тьця». Переводъ, слѣдовательно, вѣренъ—какъ этому мѣсту, такъ и первоначальному значенію слова.

Въ Академическомъ Словарѣ находится вполне удовлетворительное истолкованіе слова, именно вотъ какое. »1) Ошибкою принимать неизвѣстное лице за извѣстное. *Вклепаться въ чужаго чловѣка.* 2) Признать чужую вещь за свою. *Незнакомецъ вклепался въ мою шляпу.* « (3)

Габá, по мнѣнію составителя Объясненія, значитъ »парча.« Еслибъ мы этому повѣрили, то не поняли бы стиховъ Шевченка:

А наймичці на очінокъ
Парчі золотіі
И червону добру хустку
Зъ білою габюю (*).

Непонятны также будутъ и стихи извѣстной народной думы:

Ой изъ гóрода изъ Трапезóнта виступáла галéра,
Трёмá цвѣтами процвѣтана—малёвана:
Ой пёрвымъ цвѣтомъ процвѣтана —
Злotosiнiми кiндякáми побивána,
А другимъ цвѣтомъ процвѣтана —
Гармáтами арештовána,
Трётимъ цвѣтомъ процвѣтана —
Турецькою білою габюю покровéна.

И далѣе:

Тогдi: злotosiнi кiндякi—на козакi,
Златоглáви—на отамáни,
Турецькою білою габú — на козакi на бiляки...

(*) Вы признаете недостаточнымъ объясненіе этого слова (*наладить на одно, наброситься на что*) и представляете, вмѣсто того, изъ словаря Русской Академіи другое значеніе такого же великорусскаго слова (*вклепаться*). Словарь Академіи весьма полезенъ для соображеній, но его объясненія ни какъ не могутъ служить замѣной для сходныхъ словъ нашего языка. Доказательство на лицо: какъ приложить вашъ переводъ южнорусской *вклепáтись* — къ слѣдующему мѣсту виршей Клементія — о богомазахъ:

... Жáдныи на икóнахъ iхъ нéмашь оздóби

И малiрской тежъ якои—кóлвекъ подóби...

Але отнюдъ вклепáтись въ тоє рукодiлля

И великое тежъ за нихъ на свiтi бездiлля.

Здѣсь слово — *вклепáтись* — значитъ *втянуться, ухватиться, ввязаться*, что вовсе не такъ далеко отъ объясненія: *наладить на одно*.

(*) *Кобзарь*, стр. 121.

Въ Академическомъ Словарѣ слово габá объяснено согласно со стихами Шевченка и народными думами, а именно: «Габá то же что абá. Въ Русскихъ областяхъ, сопредѣльныхъ Турціи: 1) толстое бѣлое сукно; 2) родъ плаща или епанчи, сшитой изъ абы.» (4)

Дідугáнъ у составителя Объясненія значитъ «глубокій старикъ,» тогда какъ въ устахъ народа это слово означаетъ—здоровенный старикъ и употребляется для выраженія нѣкотораго неуваженія, все равно какъ и старигáнъ. (5)

Костырь у него переведено «тежарь», тогда какъ это значитъ игрокъ въ кости. Объясненіе этого слова онъ могъ бы найти на 230 стр. *Основы*, гдѣ Климентій описываетъ въ стихахъ судьбу костырей. Тамъ же, на стр. 225, онъ описываетъ занятія токаря, какъ будто въ доказательство, что ни въ какомъ случаѣ токарь костыремъ не называется. Въ *Южнорусскихъ Летописяхъ*, изданныхъ Н. М. Бѣлозерскимъ, на стр. 152, проповѣдникъ XVII вѣка, упрекая козаковъ въ развратѣ и вычисляя распутныхъ людей, говоритъ: «окрутные пьяницы, костырове, картинцы... и всякіе беззаконницы.» По объясненію Академическаго Словаря, костырь тоже—игрокъ въ кости, зерщикъ. (6)

Крини́ца переведено у составителя Объясненія «колодезь безъ сру́ба», тогда какъ это значитъ природный водоемъ съ родникомъ.

(4) Габá — толстое бѣлое сукно. Такое значеніе придаетъ этому слову и М. А. Максимовичъ, но отнюдь не Шевченко, въ приведенныхъ вами стихахъ; по крайней-мѣрѣ мѣѣ совершенно не ясно, какъ можно соединить съ червоню хусткою толстое бѣлое сукно. — У М. Вовчка, фраза, въ которой встрѣчается слово — габá, — одинакова съ Шевченковою: «хустка съ золотыми квітами, съ золотою габюю.» Это показываетъ, что, по словарямъ, габá — мѣѣтъ одно значеніе, а въ живомъ народномъ языкѣ—изъ котораго, вѣроятно, позаимствовано оно нашими поэтами — другое. Что именно вѣрнѣе—это можно узнать только изъ сравненія нѣсколькихъ примѣровъ употребленія слова въ народѣ.

— (5) Едва ли дідугáнъ употребляется въ неуважительномъ смыслѣ.—Это слово дѣйствительно означаетъ и здороваго, сильнаго старика, но не исключаетъ понятія о *глубокой* старости, такъ, въ известной шуточнóй пѣснѣ, говорится:

А ти, старій дідуга(нъ),
Изогнувся якъ дуга.

(6) Переводъ слова Костырь, напечатанный въ «Объясненіи», есть совершенно случайная, незамѣченная, опішка: слово Костырь—удобопонятно и общезвѣстно.

Уничтожьте въ колодезѣ срубъ — народъ не будетъ называть его кривцею. Оправьте кривицу въ срубъ — народъ не станетъ называть ее колодеземъ. (7)

Шурхнутъ у него »зашелестѣть.« По этому, выраженіе шурхнѣвъ підъ лідъ слѣдуетъ переводить »зашелестѣль подъ ледъ;» шурхнѣвъ у снѣгъ — »зашелестѣль въ снѣгъ.« Въ Нарѣднихъ Оповіданняхъ Марка Вовчка (стр. 72) выраженіе: такъ и шурхнѣвъ у яму, по Объясненію вашего сотрудника, слѣдуетъ переводить: »такъ и зашелестѣль въ яму.« (8)

Навѣдати у него значить »навѣстить.« Мы такого слова не знаемъ. Великорусскому *навѣстити* соотвѣтствуетъ у насъ одвѣдати.

Вона въ мене не обідала,
Тільки менé та одвідала.

А навѣдати (съ удареніемъ на і, а не на а) значить у насъ не навѣстить, а открыть, узнать:

Навідала кубéлечко
Де ўтка несéтця:
Перечула черезъ люде —
Ледáщо сміётця. (9)

Побстать у него »видъ, фигура;« но это переводъ польскаго сло-

II (**)

(7) Криница. Дѣйствительно, криници бываютъ и со срубомъ, и безъ сруба, но сдѣланный вами переводъ криници также не точенъ. (Сравни: *жоскалея* Кривница). *Природный водоемъ съ родникомъ* соотвѣтствуетъ *нашлякъ* вамъ: криничина и криничовина.

(8) Шурхнутъ — въ «Объясненіи» зашелестѣть. Обиняя составителя, вы сами не переводите этого слова, — вѣроятно потому, что переводить бы коподражательныя слова — вообще весьма трудно. Но если бы вы перевели слово шурхнутъ, то едва ли бы не совпало съ составителемъ «Объясненія». Итакъ, онъ остается при своемъ.

(9) Навѣдати — навѣстить.

«Та я хочу ще Чайчиху навѣдати». (Три Доли, стр. 48). Мы такого слова не знаемъ», говорите вы. Да развѣ можетъ быть человекъ, знающій всѣ слова? Другое значеніе слова — навѣдати, — указанное вами въ письмѣ, есть собственное его значеніе, которому соотвѣтствуетъ синонимъ — *назвѣать*. Это ничуть не мѣшаетъ слову — навѣдати — имѣть еще и другое значеніе (на-вѣстить). Сомнѣваться въ этомъ такъ же трудно, какъ въ томъ, что *дѣдъ* комъ можетъ называться и москаль, вовсе не состоявши въ родствѣ съ своимъ небожемъ.

ва *postac*. Въ украинскомъ языкѣ *постать* означаетъ полосу на нивѣ, занятую жнецами. Если мы подъ словомъ *постать* будемъ разумѣть видъ, фигуру, то для насъ непонятны будутъ слѣдующіе стихи народной пѣсни:

Пійдемъ, мамо, въ поле
Зелѣного жита жати,
Да займемъ широкую *постать* —
Ні съ кимъ розмовляти.

Такъ же и эти:

Жа́ла жито *підъ постаттю* —
Коло́сь похилився...

И эти:

Ой два снѣи оре,
Чоти́ри молотять,
А двана́дцять до́чокъ
За *постать* заходять. (10)

Постолі́ у составителя «Обьясненія» «кожанья(е) лапти.» Отчего жъ и не изъ *лыкъ* также? По Обьясненію, авторъ народной думы сдѣлалъ ошибку въ слѣдующемъ стихѣ:

А ще, правда, на козаківі постолі́ вязові. (11)

(10) *Постать*—по «Обьясненію»—видъ, фигура. Вы говорите, «въ Украинскомъ языкѣ *постать* означаетъ полосу на нивѣ, занятую жнецами». Это значеніе записано и въ примѣчаніи къ одной изъ пѣсень, вошедшихъ въ сборникъ Метлинскаго. Но оно имѣетъ еще и другое значеніе, въ какомъ и употреблено въ «Трѣхъ Доляхъ». Что, напр., значитъ: «*підъ постаттю*?»

(11) Прямое значеніе *постоловъ* есть именно кожаные лапти. Лапти изъ *лыкъ* называются *личаками*. Одно легко можетъ употребляться вмѣсто другого; но это нисколько не мѣшаетъ показывать различіе *постоловъ* отъ *личаковъ* въ Словарѣ—когда и народъ ихъ ясно отличаетъ, напримѣръ—въ слѣдующей шуточной пѣснѣ:

У містечку Берестечку дѣсять куръ,
А дѣсята чубатая, ше й каплу́нь.
А пості́ль личака́ да й попережа́е:
Ой коли ти пості́ль, то изъ-за́ду пості́й,
Ой коли ти лича́къ, то попереду́—го́пъ-цакъ!

Въ приведенномъ вами примѣрѣ мы видимъ только подтвержденіе различія: «А ще, правда, на козаківі постолі́ вязові»: «По Обьясненію, говорите вы, «авторъ народной думы сдѣлалъ ошибку въ этомъ стихѣ». Миѣ кажется ошибаетесь вы, а не «Обьясненіе». Этотъ стихъ, какъ и другіе, рядомъ съ

Сповиточекъ у него «пеленки.» Суда по этому, онъ могъ бы сказать нянькѣ—Украинкѣ: віпери сповиточекъ. У насъ это слово употребляется только въ косвенномъ падежѣ и означаетъ не вещь, а состояніе, періодъ дѣтства: дитина въ сповитку, или въ сповиточку. А вотъ и въ пѣснѣ это слово:

Де ти, сінку, ходишь,
Що ти, сінку, робишь?
Жалкуютьца молодіці,
Що ти шкоду робишь.
— И буду ходити, и буду робити:
Було мене, мой мати,
Въ сімъ годъ оженити.
— Ой коли бъ я знала
Таку одвіточку,
То бъ я тебе оженила
Ище въ сповиточку.

«Пелёнки» же у насъ — пелюшки, а не сповиточекъ; а то, чѣмъ сповиваютъ, у насъ—сповивачъ. ⁽¹²⁾

Точійсь составитель Объясненія переводитъ словами: «едва тамуться.» Поэтому, фразу: Кулі ти, опіяко, точисся? великороссіянинъ долженъ переводитъ словами: «куда ты, пьяница, едва тянешься?» Въ рассказѣ Квітки о солдатскомъ портретѣ мудроно, съ этимъ Объясненіемъ, понять слѣдующее мѣсто: «вінь и поставивъ той патрётъ на самому ярмарку и поцидиравъ... щобъ який пъяний, якъ поточитця, абó свиня, звичайно ходячи по базарю, якъ прійде чухатися до ёго, то щобъ не звалили.» Озадачить оно читателя также и въ этомъ мѣстѣ Повістѣй Квітки: «Тимóха, якъ ні пъяний бувъ, а росчухавъ, що вінъ передъ великимъ лицёмъ, ставъ бодритися, виправлятися, мовъ и свражній салдаты, та якъ

имиъ стоящіе въ думѣ, пародируютъ бѣдный, жалкій, нарядъ козакъ, и постолами названы здѣсь—иронически—личакі.

⁽¹²⁾ Сповиточекъ — переведено въ «Объясненіи» пеленки, — по вашему мнѣнію—неправильно. И въ этомъ случаѣ, вы едва-ли правы. Сповитокъ—дѣйствительно—пеленки; въ отличіе отъ пелюшкы, сповитокъ значить пеленки въ сповивкѣ, т. е. когда ими повито дитя.—Вы утверждаете, что въ-сповитку употребляется лишь въ переносномъ значеніи,—

вѣтягнетця, голову захляють, голова ёму закрутитця, то вінъ такъ и точитця.» (Т. II, стр. 257). ⁽¹³⁾

Чу́чверіти у него «изжива́ться, пропадать, сбиваться въ комки.» Поэтому фразу: дитина въ нерідно́й ма́тері чу́чверіе, слѣдуетъ переводить: «ребенокъ у чужой матери изживается», или: «ребенокъ у чужой матери пропадаетъ», или же, наконецъ: «ребенокъ у чужой матери сбивается въ комки.» Между тѣмъ прямой синонимъ нашему слову чу́чверіти—великорусское корявѣть, когда это слово относится къ человѣку. ⁽¹⁴⁾

Шаповаль у него «шапочникъ (производитель шерстяныхъ шапокъ).» На 222 стр. *Основы* находится полное опредѣленіе шаповала и того, что онъ производитъ. Главное занятіе шаповала состоитъ въ перебиваньѣ шерсти посредствомъ сотрясенья тетивы; по этому и переводить это слово слѣдуетъ синонимомъ шерстобой. Шаповалы до сихъ поръ еще въ Украинѣ, какъ во времена Климентія, ремесленники страпствующие. Когда шаповаль приходитъ къ сельскому хозяину, то вовсе не для того, чтобы сваять ему шапку, одѣяло, или полсть, а именно для того, чтобы перебить снятую съ овецъ шерсть, которая, безъ его обработки, не годна ни къ какому употребленію. Войлочные же шапки и проч. онъ дѣлаетъ у себя дома, въ досужее время. Шапки, выдѣлываемыя шаповалами, составляютъ такую незначительную часть ихъ ремесла, что Климентій, исчисливъ все, что они выдѣлываютъ, о шапкахъ даже и не упоминаетъ; напротивъ, на битѣѣ шерсти основываетъ главный заработокъ шаповала.

смыслъ періода дѣтства. Но развѣ въ этомъ переносномъ значеніи не говорится, и по великорусски, о пеленкахъ? И спивотокъ и пелѣнки могутъ имѣть переносное значеніе — не періода дѣтства вообще, — а младенчества — перваго, вѣжнаго періода дѣтства.

⁽¹³⁾ Точити сь. «Въ Объясненіи, слово точити сь переведено—«двигаются» и вы находите это невѣрнымъ. Дѣйствительно, въ приведенномъ вами отрывкѣ изъ Основьяпенка, — точити сь слѣдовало бы перевести—идти не твердо, пошатываясь; но въ «Трѣхъ Доляхъ» точити сь говорится а времени; какъ же лучше перевести по вашему?

⁽¹⁴⁾ Чу́чверіти—«У составителя, — (говорите вы)» изживаться, пропадать, сбиваться въ комки. «У него и у всѣхъ,—смотря по тому, къ какому предмету относится. Конечно, нельзя сказать, что у дурной матери ребенокъ сбивается въ комки; но пропадаетъ, и изживается — можно. Говоря это, я нисколько не возражаю противъ вашего перевода ^{эти стирные дѣла} словомъ и ^{они-де и отъ стирки} корявѣть, какъ болѣе короткаго и близкаго къ слову чу́чверіти.

А пришѣдъ до людѣй стáнеть робѣти питать.
Якъ знайдеть дѣбрую робѣту въ дѣбромъ мѣстѣ,
Ажъ зáразъ зарѣбить золотѣхъ сто або двѣстѣ.

Есть даже пѣсенка, показывающая, въ чемъ собственно сѣбствуетъ ремесло шаповала. Она начинается стихомъ:

Бру(и)нь, бру(и)нь, шаповáль! (15)

Объясненіе вашего пензвѣстнаго сотрудника занимаетъ всего 12 страницъ, и смотрите, сколько грубыхъ ошибокъ! (16)

Позвольте надѣяться, что замѣчанія мои примутся вами не иначе, какъ въ смыслѣ охраненія нашего языка отъ произвольныхъ толкованій и искаженій.

П. Кулишъ.

21-го января 1861.
С.—Петербургъ.

(15) Объясненіе слова Шаповáль — не ошибка: шерстобить есть также и производитель шерстяныхъ шапокъ, какъ и другихъ подобныхъ работъ. У Клементія, о шаповалахъ сказано:

«Шаповалъ всякне всѣмъ выгоди тверить,
Кгдижъ розные потреби людемъ завше робить;
Якъ-то: мужикамъ плететь рукавици,
И ляици виваюеть, шо носятъ молодежи,
И еще и о панчу можетъ издобити,
И кецу пайбольшихъ можетъ устронти;
А если часомъ злочетъ и зпочити трохи,
То тогда безпрестанно все вяжетъ панчохи.
А впять якъ почнетъ вовну перебивати,
То знать-то, уже хочеть зъ лукомъ мандровати»

Этотъ отрывокъ показываетъ, что шерстобитье вовсе не главное занятіе шаповала.

(16) На этихъ 12 страницахъ мелкаго шрифта, въ два столбца, больше 1000 словъ. Если изъ 15 признанныхъ вами ошибокъ исключить сомнительныя и независвѣшія отъ составителя, то грубыхъ ошибокъ окажется, напротивъ очень мало. Ред.

Абѣ-то — лишь бы, что-нибудь или как-нибудь.

Ажъ — ажно, даже.

Алѣ — но.

Ані — ни.

Арештовати — уставитьъ въ рядъ.

Багиб — болото.

Бажати — сильно желать, хотѣть.

Базикати — болтать, толковать.

Балка — большой естественный оврагъ.

Баньки — (въ переносномъ смыслѣ) глаза.

Барило — боченокъ.

Басувати — горло выступать.

Батігъ — род. — ога — кнутъ, плеть.

Батьківъ, — ова, — ове — отцовскій.

Батько — отецъ.

Бачити — видѣть.

Бачъ — вишь ты.

Башта — башня; бастионъ.

Бенкетувати — пировать.

Бѣкетъ — пиръ.

Безгладий — безтолковый, безмозглый.

Безголовья — бѣдствие, несчастіе.

Безпешно — безопасно.

Билія — былъ.

Биття — драка.

Бичуватися — припирать другія пары воловъ въ томъ случаѣ, когда одна не движеть воя.

Бидолашвий — горемыка.

Бидувати — бѣдствовать.

Билогливяний — гипсовый.

Білшъ — болѣ.

Білі — подлѣ, возлѣ.

Білакъ — бѣлой масти; одѣтый въ бѣлос.

Бісівъ, — сова, — ве — чортовъ, бѣсовскій.

Блакитний — голубой.

Блискучий — блестящій.

Блищати — блестять.

Блукати — бродить безъ цѣли, безъ сознанія.

Бо — потому-что.

Бовдуръ — (бранн. слово) болванъ; черъ дымовой трубы.

Бовты — выражается звукъ сильно падающей воды.

Брѣдъ — брѣдъ.

Брѣдъ — брѣдъ.

Брѣдъ — брѣдъ.

Брѣдъ — брѣдъ.

Брѣдъ — брѣдъ.

Бра! — (зват. падежъ сокращ.) брать.

Бридий — отвратительный.

Бридий — вадеръ, пустяки.

Брикати — лягать.

Бриль — круглая шляпа съ полями (соломенная и покровная).

Бривки — (ум.) брови.

Бривоньки — (ум.) брови.

Брунь — выражаетъ звукъ брещащей струны.

Бря! — см. бра.

Брянути — брякнуть, зазвенѣть; упасть съ шумомъ.

Бувалець — бывалый человекъ.

Бувальщина — былъ.

Будень — будній, непраздничный день.

Будова — сооруженіе, постройка.

Будувати — сооружать, строить.

Бугай — невыглаженный быкъ; птица выпь.

Бўльбашка — водяной пузырь.

Бурўлька — сосулька и т. п. Московська бурўлька — шить.

Буханецъ — родъ пшеничныхъ или гречневыхъ ковригъ, булочекъ.

Бўцинь — точно, словно.

Вабити — привлекать, манить.

Вада — вредъ.

Важкий — тяжелый.

Варѣники — родъ вареныхъ пирожковъ.

Вбиватися по кому — сильно горевать о комъ-нибудь.

Вбитися — убитися.

Вбогий — бѣдный, убогий.

Вгавъ — остановка.

Вгамоватися — утишиться, успокоиться.

Вдѣржати — удержать; выдержать.

Вдѣяти — сдѣлать, промзвѣсть.

Вдовиченко — вдовой сынъ.

Вдовина — вдова дочь.

Великолюде — исполнены.

Величѣнно — великолѣпно.

Великъ-день — свѣтлый праздникъ Воскресенія.

Величезный — (увелич. форма отъ великий) огромный, большущій.

Верболѣзъ — родъ кустистой ивы, средней между вербой и лозой.

Верзтися — греантися.

Вернутися — воротитися, возвратитися.

Верховодити — заправлять, предводительствовать.

Вештатися—шляться, ша агся.
 Вечѣря—ужинъ.
 Вечорнійці—родъ вечернихъ пося-
 дылокъ.
 Вже—уже, ужъ.
 Вдовжъ—вдоль.
 Вибрикувати—прыгать (какъ рога-
 тый скотъ).
 Вѣдрочитися—перебѣситься, какъ
 скотъ лѣтомъ, когда его кусаютъ на-
 сѣкомыя.
 Вибачити—извинить.
 Вивертати—выворачивать.
 Виглядати—выглядывать, высмат-
 ривать, ожидать чьего-либо прихода.
 Виголитися—выбриться.
 Вигравати—выигрывать, играть.
 Видко—свѣтло; видно, замѣтно, вид-
 ѣется.
 Вѣздохати—всѣмъ издохнуть.
 Вѣкохати—взлелеять, воспитать.
 Вѣкресати вогню—вырубить огня.
 Вѣкрутасомъ—вертясь.
 Вѣляти—выбрасывать.
 Вѣлунити баньки — вытаращитъ
 глаза.
 Виненъ—виновный.
 Виниця—винокурня, винный за-
 водъ.
 Випинятися—вытягиваться, тянуть-
 ся кому на-что или куда, ломаться.
 Випасти—выкормить.
 Вѣховати—позапрятать.
 Вирнути—вынырнуть.
 Виробляти—выдѣлывать.
 Вирятувати—спасати.
 Височѣнный—(увелич.) очень вы-
 сокій.
 Витягти—вынуть, извлечь.
 Вихляти—выпить (шуточн)
 Вихлясомъ—извиваясь, выгибаясь
 (въ танцахъ, походкѣ).
 Виходити—исходить.
 Вихопитися—выхватиться.
 Вищати—визнать.
 Вѣлявити—обнаружить.
 Вѣшне—вѣчно.
 Виддати—отдать; возвратить.
 Видѣрце—(уменьш.) ведро.
 Видробити—отработать.
 Видсѣль—отсюда, отселѣ.
 Видтиль, лѣ—оттуда, оттолѣ.
 Вѣжечки—(уменьш.) возжи.
 Вѣйтъ—войтъ.
 Вѣкъ—вѣкъ; вся жизнь.
 Вѣльха—ольха.
 Вѣнь, вона, воно—онъ, она, оно.
 Вѣршомѣзъ—стихоплетъ.
 Вѣта—вѣтъ.
 Вѣхоть—вѣвникъ, употребляемый при
 мытьѣ половъ.

Вѣчь-на-вѣчь—глазъ на глазъ.
 Вѣшо—си. За вѣшо.
 Вѣлѣстися—уложиться.
 Вѣрти—умереть.
 Вѣити—умѣть.
 Вѣлѣсний—свой собственный.
 Вѣбгати—выѣстить, вдвинуть.
 Вѣвкулѣка—волкъ-оборотень.
 Вѣвтѣзтитися—вознѣтся около чего,
 съ чѣмъ-нибудь.
 Вѣлѣбся—волосы.
 Вѣрка—ворчанье.
 Вѣркѣтя—ворчунъ.
 Вѣрѣжка—ворожелъ.
 Вѣпартый—упрямый, упорный.
 Вѣподѣба—вкусъ, по душъ.
 Вѣрѣда—красота.
 Вѣсюди—вездѣ, повсюду.
 Вѣтерѣбити—вѣщитъ.
 Вѣтерти—утереть; смолоть.
 Вѣтикъ—убѣждалъ, ушелъ.
 Вѣтявъ (прош. отъ вѣйти) — выпол-
 нилъ, сдѣлалъ.
 Вѣтѣшний — доставляющій удоволь-
 ствіе, забаву, развлеченіе.
 Вѣтнуть—хватить, отрѣзать; понять.
 Вѣтомити—произвестъ усталость.
 Вѣтрапити—погрѣбнуть.
 Вѣхо—ухо.
 Вѣйти,—ся—учить,—ся.
 Вѣ-двохъ—вдвоемъ.
 Вѣ-ночі—ночью.
 Вѣ-осені—осенью.
 Вѣдѣзи—мѣсто сочлененія шеи съ го-
 ловою.
 Вѣрготати—гоготать; болтать.
 Вѣрчій—хорошій.
 Вѣулий—(о рогагомъ скотѣ) безрогій.
 Вѣвкати—лаять.
 Вѣвъ!—выражается лай собаки.
 Вѣдка—дума, забота.
 Вѣйвороній (собир.)—грачи.
 Вѣакъ—крючокъ.
 Вѣаланці—узкіе штаны.
 Вѣгаласъ—сильный крикъ (многихъ го-
 лосовъ).
 Вѣгалічь—(собират.) множество га-
 локъ.
 Вѣгапанецъ—небольшой кожанный ко-
 шелекъ.
 Вѣгапѣти—гонять, быстро бѣгать.
 Вѣгапѣкъ—крючокъ для застегиванія
 платья.
 Вѣгарѣденцько—хорошенько.
 Вѣгарѣпникъ—арапникъ.
 Вѣгармѣта—пушка.
 Вѣгармѣдѣрь—безпорядокъ, суматоха.
 Вѣгарнѣнько—хорошенько.
 Вѣгарний—хорошій.
 Вѣгарчати—ворчать (о собакѣ).

Гасати—шибко бѣгать.
 Гасло—сигналь, знакъ, символъ, лозунгъ.
 Гаспедскій—дьявольскій.
 Гачокъ—крючечекъ.
 Гвалтъ—крикъ, тревога.
 Гвѣздокъ—гвоздь.
 Гѣмонскій—демонскій.
 Гень—вонъ тамъ.
 Гѣпнути—шлепнуть, ся.
 Геть—прочь! въ-отдаленіи.
 Геть-геть—далеко.
 Гѣлка, или
 Гѣлка—вѣтъ; дубинка.
 Гѣря—плѣшивая голова.
 Гѣрлявий—плѣшивый, безволосый.
 Гѣля—(собир.) вѣтви.
 Гладкій—толстый, жирный.
 Глазѣтъ—родъ материн.
 Глѣбоко—глубоко.
 Глѣбшенъко — нѣсколько глубже, поглубже.
 Глазѣтъ—толкъ, смыслъ.
 Глузувати—идѣваться.
 Глумъ—издѣвка, глумленіе, посмѣяніе.
 Глѣвнути—взглянуть.
 Гомонѣти—говорить, бесѣдовать.
 Горожанность — гражданственность.
 Година—часть, небольшой промежутокъ времени; время; погода.
 Годовичокъ—однолѣтокъ.
 Годувати—кормить, питать.
 Годящій—годный.
 Голѣти—брить.
 Голобля—огобля.
 Гонцювати—плясать гопака.
 Горичвѣтъ—(раст.) адонисъ (*Adonis vernalis*).
 Господарь—хозяинъ.
 Готуватися—готовиться.
 Гопакъ — танецъ въ присядку съ прыжками.
 Грабувати—грабить.
 Грати—играть.
 Гривняка—(увелич.) мѣдная монета въ 10 копѣекъ; 10 копѣекъ.
 Гримджола—особаго устройства сани для перевозки тяжестей.
 Грошеватъ—деньжонки.
 Грѣшки—денежки.
 Грѣші—деньги.
 Груба—родъ голландской печки.
 Грунути—вязнуть въ тинѣ и т. п.
 Гукнути—закричать.
 Гульвіса—повѣса.
 Гульквати—быстро и нечаянно поиться.
 Гулькъ!—глядь, шастъ.

Гуртовий—сдѣланный общими силами.
 Гуртомъ—общими силами; заурядъ.
 Гуртъ—большое стадо рогатаго скота.
 Густий—частый.
 Густіше—чаше.
 Гушня—чаща; гуша.
Давнина—давность, давнее происшествіе.
 Дазь-бі—Богъ-дасть; нѣтъ.
 Дальшь—далѣ.
 Дарма!—нужды нѣтъ.
 Дбати—стараться; приобрѣтать.
 Двѣчі—дважды.
 Дѣйко!—ну-ко...
 Дѣ-коли—кой-когда, иногда.
 Дѣ-який—нѣкоторый.
 Дѣрга — родъ женскаго нижняго платья изъ самой грубой материн.
 Джерелѣ—родникъ.
 Дзѣга—юла.
 Дзвиница—колокольня.
 Дзвінка—часть бубны (въ картахъ).
 Дзѣркало—зеркало.
 Дзига—юла, волчекъ.
 Димарь—дымовая труба.
 Дивонька—(ум. ласк.) дѣвушка.
 Дивчатка—дѣвочки.
 Дивчинопька—(ум. ласк.) дѣвушка.
 Дідусъ—(ум. ласк.) старичекъ, дѣдушка.
 Діжя—квашня.
 Дійшло—дошло.
 Дітворя—(собират.) дѣти.
 Діяти—дѣлать, творить.
 До-ладу—какъ слѣдуетъ.
 До-півъ—полу, въ половину.
 До-къ.
 Дѣбре—хорошо.
 Дѣбренько—хорошо!
 Доводитьця—случаться; дойти до чего.
 Доглядати—присматривать, беречь.
 Доглядъ—надзоръ, попеченіе.
 До-гурту—въ общество, въ компанію.
 Додати—прибавить.
 Допекти—допечь, сильно насолить, надѣсть.
 Допровадити — донести, донести, дотати, доставить къ извѣстному мѣсту.
 Досі—до сего времени, доселѣ.
 Досвітокъ — время передъ разсвѣтомъ, и посидѣлки, въ это время, зною.
 Дотѣпа—умѣнье; дока.
 До-снаги — до пресыщенія; до послѣдней возможности.

До-хрина—очень много (шутчи.).
Дошкулѣти — дошмать (объ уда-
рахъ).

До-шмиги — въ ладъ, дѣльно.
Дригати — ботать погами.
Дриг! — выражается быстрое движе-
ніе ногою.

Дригло — дрянъ, оборвышь.
Дрибнѣнький — мелкій.
Дружко — шаферъ (на свадьбѣ).
Друзѣка — (увел.) другъ, дружище.
Дрюкарня — типографія.
Дрючина — дубина.
Дрючокъ — дубина, шесть, большая
палка.

Дуба дати — умереть, околѣть.
Дуже — сильно, очень.
Дуля — родъ продолговатыхъ грушъ;
шпиль, кукишь.

Думка — мысль, намѣрение.
Дурнѣнький — глупенькій.
Дурница — глупость, пустяки.
Душно — жарко.
Дяка — благодарность,
Дякувати — благодарить.
Дякъ — дячекъ

Жалкувати́ся — жаловаться, сѣто-
вать.

Жаловати — жалѣть.
Жартувати — шутить (играть слова-
ми).

Жахатися — пугаться.
Живить — брюхо (у чело́вѣка) жизнь.
Животи — множ. отъ живить брю-
хо; — имущество.

Живу́ща вода — живительная, жи-
вляющая вода.

Жидюга — увелич. отъ жидъ.
Жижкѣй — мускулы ноги подъ колѣ-
нами сзяди, подколки.

Житло — жилище.
Жито — рожь.

Жінка — женщина; жена.
Жнивѣ — жатва.

Жупанина — (ум. отъ жупанъ — родъ
кафтана) кафтаншко.

Заборонити — запретить, недопу-
стить.

Забрызкати — зазвенѣть.
Забутокъ — забытый остатокъ.

Завбільшки — величиной.
Завдóвжи — длиною.

За віщо? — за что?
Завзятий — бѣдовый; упорный; го-
рачій.

Заволочыти — пройти бороною.
Загавкати — залагать.

Загарбати — забрать, захватить.
Загодя — заблаговременно.

Загубити — потерять; погубить.
Загукати — закричать; вскрикнуть.

Задрігати — заболтать погами.
Задріти — завидѣть.

Зазири́ти — посмотре́ть, взглянуть
(внутрь).

Займати — затрогивать; захватывать.
Закви́ти — завьгъ, заголосья (о
животныхъ).

Закля́кнути — околечѣть.
Зако́ханий — влюбленный.

Закриві́тися — загнуться; заворо-
титься.

Закрути́ти — завертѣть
Закрути́тися — закружиться, завер-
тѣться.

Закунати — задремать.
Зали́цяння — заискиванье у женщи-
ны любви, благосклонности.

Залі́зний — желѣзный.
Залоско́тати — зашекотать.

Замикати — заширать.
Замордува́ти — замучить.

Зане́хати — оставить безъ присмот-
ру, пренебречь.

Зану́дити — затощить; затосковать.
Запалитися — загорѣться.

Запа́ска — родъ передника.
Запискоти́ти — записывать.

Запика́нка — водка, заправленная и
настоянная въ горячемъ мѣстѣ.

Запрова́торити — забросить, запря-
тать.

Запропа́стити — погубить.
Запахати — захихнуть.

Заробі́ти — заработать; заслужить.
Засвербі́ти — (безличн.) зачесаться.

Засі́къ — закромя.
Засму́титися — затосковать.

Заспоко́ити — успокоить.
За́тишокъ — мѣсто, защищенное отъ

вѣтру и непогоды.

За́тока — заливъ.
Заторо́хтити — застучать.

Зату́потіти — затопать.
Затурча́ти — затрещать языкомъ.

Захи́дити — загнуть.
Захи́рити — захворать.

Захи́стити — защитить.
За́хистъ — защита.

Захи́титися — зашататься.
Захо́ватися — спрятаться; скрыться.

Захри́п — захрапѣлъ.
Заці́пило — отпяло языкъ.

За́чати — начать.
Зашко́дити — повредить.

Збі́гтися — сбѣжаться.
Збі́ратися — собираться.

Збрехати́ — солгать.
Збу́дувати — соорудить, построить.

Звако́вати — сдѣлать промахъ.

Звеліти—приказать.
Звичай—обычай.
Звичайне—обыкновенно; обыкновенно; прилично.
Звичайний—взглянутый.
Звичайность—взглянутость.
Звідти—оттуда.
Звідтіль—оттуда.
Звідціль—отсюда.
Звідць—оцѣпъ у колодца.
Звинчати—обвинчать.
Звір'я—звѣренокъ, звѣрекъ.
Звір'яка—увелич. отъ звѣрь—звѣрь.
Зворушитись—зашевелиться.
Згадати—вспомнить.
Згаіти—замедлить, промедлить.
Згодитись—пригодиться, согласиться.
Згоріти—сгорѣть.
Здаватись—казаться; ссылаться на кого; полагаться.
Здалека—издали; изъ дальней стороны.
Здивувати—удивиться.
Здохатись—отдохнуть, вздохнуть свободно.
Здохнути—вздохнуть.
Здрімати—уснуть немножко.
Здуріти—сойти съ ума.
Зеленцѣмъ—въ цесарѣломъ видѣ.
Ззісти—сѣсть.
Зиркъ—глядь!
Зирнути—быстро взглянуть.
Зібгати—скомкать, сѣлпать.
Зійти—сойти; взойти.
Зійтись—сойтись.
Зіновать—сильно укореняющееся гепное растеніе.
Зіронька—звѣздочка.
Зламати—сломить.
Злато лавъ—название шелковой матеріи.
Злиденно—мизерно.
Злидні—крайняя бѣдность, нищета.
Злодійка—(увел. отъ злодій) воръ.
Злякатись—испугаться.
Змерзнути—озлбнуть, замерзнуть.
Змизеріти—сдѣлаться хилымъ, ничтожнымъ.
Змуровати—выстронть каменное зданіе.
Зпависніти—выйти изъ себя, взбѣситься.
Зостанокъ—остатокъ.
Знайти—найти, отыскать.
Знаттѣ—знаніе, увѣренность.
Зникнути—быстро удалиться, исчезнуть.
Зновъ—снова.
Знущатись—ругаться, издѣваться.
Зобгати—сѣлпать, скомкать, сжать.

Зостати,—ся—остаться.
Зотліти—ислѣть; сгорѣть безъ пламени.
Зпустошальні—пустыный, заупустенный, опустошенный.
Зрадливий, зрадливи, —измѣчливый, перемѣчливый.
Зрівняти—выровнять, сравнять.
Зрікатись—отрекаться.
Зрісь—взрось.
Зрѳду—отъ рѳду, родясь.
Зрозуміти—уразумѣть.
Зруйновати—разорить до основанія.
Зудрїти—нечаянно завидѣть.
Зупинити—остановить.
Зупинитись—остановиться.
Зухъ—молодець, пройдоха, ухаць.
Зцупити—стащить.
Зъ-за—изъ-за.
Зѣсти—см. ззісти.
Зѣ-печѣвъя—нечаянно, неожиданно.
Зѣ-пантелейку збитця—съ толку сбѣтись.
Играшка—игрушка; —и—шутки.
Иззісти—сѣсть.
Излякатись—испугаться.
Измерати—озлбнуть.
Изневажити—низко поставити кого-нибудь, ни во что повернуть.
Икъ—къ.
Имения—имя.
Индійкъ—индюкъ.
Инший—иной, другой.
Івъ (отъ істи)—ѣль.
Іде—ѣдетъ.
Іі (вин. и род. отъ вона)—ее, ея.
Кабѳка—нюхательный табакъ.
Каверзникъ—клязвникъ.
Кавчати—выть, мяукать.
Каганецъ—пешка, жирникъ.
Кажу,—же—говорю,—ригъ.
Казати—говорить что нибудь, сказывать.
Кѳзка—сказка.
Кѳзпа—куди—чортъ знаетъ куда!
Калаптірь—карантинъ.
Калюжпий—болотный.
Калѳги—пачкать.
Камініюка—(увелич.) камень.
Камяниця—каменное зданіе.
Каплиця—часовня.
Каратати—оканчивать.
Карлѳчка—крючѣкъ.
Кармазівовий—изъ красного сукна.
Кармазівъ—красное сукно; мужская верхняя одежда изъ этого сукна.

Картати—ворчать, донимать брашью.
Катѣдра—кафедральная церковь, соборъ.
Катѳаваній—битый палачемъ.
Катруся—(умен.) Катерина.
Качка—утка.
Каюкъ—челнокъ.
Квѣрта—мѣра жидкостей: 10-я часть ведра; штофъ.
Квѣпитисъ—стремиться желаніемъ, повадиться.
Квѣточка—цвѣточекъ.
Квѣтчастій—цвѣтной, цвѣтистый.
Кгрѣчій—см. грѣчій.
Кепкувати—ослѣживать, какъ дурака.
Кѣгті—когти.
Кѣнути—бросить.
Кислиця—кислое яблоко.
Кишеня—карманъ.
Кілокъ—колышекъ.
Кільцѣ—колючко.
Кімната—комната за перегородкой въ хатѣ.
Кіндяки—пазаніе матеріи.
Кінець—(нарѣч.) на кончикъ, скраю.
Кістка—кость.
Кладовище—кладбище.
Клези́ти—ударить по рожѣ, провѣсть чѣмъ нибудь по извѣстному предмету.
Клекотати—клекотать.
Клікнути—позвать.
Клинина—кленовое дерево.
Клопѣть—забота, хлопоты.
Клімка—щекотла.
Кляснути—хлопнуть.
Клятіи—(бран. слово) проклятый.
Ковінька—кляука.
Колішній—когда-то бывшій.
Колѳмазь—смола для смазки колѣсъ.
Колѳшкати—разстроивать кого-нибудь, производить сумятицу, тревогу.
Компонувати—сочинять.
Кортіти—хотѣться.
Котусъ—(ум. отъ кітъ) котъ.
Коштѳовий—цѣнный, дорогой.
Крадкомѳ—воровски, изъ подташнѣ.
Край—(нарѣчіе) возлѣ.
Крамарь—торговецъ красивымъ товаромъ.
Крашъ—товаръ мелочной, красный.
Крепѣкъ—крѣпостной (человѣкъ).
Кривій—хромой.
Кришити—крошить.
Крізь—сквозь.
Кріль—кроликъ.
Кругляти—пить круговую.
Крутитися—вертѣться.

Круть—(междом. слова крутити)—вертѣть;—верть.
Круча—крутизна, отвѣсный оврагъ, берегъ.
Крюкъ—воронъ.
Кѳбза—музыкальный инструментъ.
Кѳбила—возвышеніе на эшафѳотѣ, гдѣ тѣлесно наказываютъ.
Ковѣльський—кузнечный.
Козацтво—(собираетъ) казаки.
Кѳити—въ дурномъ смыслѣ—дѣлать, производить.
Колісь—когда-то.
Коліно—поклонѣіе, происхождение.
Коло—возлѣ, у, при.
Кѳминъ—непосредственный пріемникъ дыму, по выходѣ его изъ печи, послѣ чего онъ уходитъ въ дышную трубу; труба.
Комѳра—амбаръ, кладовня, лавка.
Кѳпи—снопы, сложенные въ конны по 30 штукъ.
Корячокъ—ковшигъ.
Кострубѣи—неприглаженный.
Кѳтися—катиться.
Коханнѣчко—(умен.) любовь.
Кохати—любить.
Кошенѣ—котенокъ.
Коштувати—см. куштувати.
Кубѣлечко—гвѣздышко.
Кукурікати—говорится о крикѣ пѣтуховъ,
Күлші—мѣсто сочленія, лопатки ногъ.
Күля—пуля.
Кумѣло—курьезно, смѣшно.
Купка—бугорокъ, кучка; группа.
Куповати—покупать.
Кучигура—насыпь, куча.
Курчя—цыпленокъ.
Күрчій—курный.
Күхва—особаго рода бочка.
Күхолъ—большая кружка.
Кштальт—образъ, видъ, манеръ.
Кушїръ—мелкія водорасли.
Куштувати—пробовать, отвѣдывать.
Кущъ—кустъ, (мн. — ші) — кустарничекъ.
Курникати—мурлыкать.
Лава—лавка. доска приставленная къ стѣнѣ.
Лазня—баня.
Лазцюгъ—цѣпь.
Ласенький—лакомый.
Ласий—лакомый, вкусный; лакомка.
Ласощі—лакомства.
Ластівка—ласточка.
Лѣяти—бранить.
Лѣдачій—негодный, дурной, лѣвый.

Ледашниця—негодникъ, ища.
Ледашо—негодяй, лѣтйя и т. п.
Лилъ—лишь (рыба).
Литка—икра (ноги).
Лихо—бѣда, бѣдство, зло и т. п.
Личарський—рыцарскій.
Лишень—ка; напр. а ну лишень—
 нуко!
Лишечко—бѣда!
Лішка—нечетное число (въ игрѣ,
 гдѣ надо угадывать четъ или нечетъ).
Лідъ—ледъ; посадити на лідъ—
 (погов.) поставить въ затруднительное
 положеніе, разорить.
Ломана—дубина.
Лопатки—гороховые незрѣлые бобы,
 стручки.
Лопухъ—растение лапушникъ.
Лоща—жеребенокъ.
Лува—эхо, отголосокъ.
Лупити—драть, обдирать; бить.
Луципіръ—настаршій чортъ.
Лучити ся—саучиться.
Лущина—скорлупа.
Людина—человѣкъ въ смыслѣ еди-
 ничности, безразлично—мужскаго и
 женскаго пола.
Людечка—уменьшит. отъ
Людька—курительная трубка.
Лякъ—испугъ, страхъ; изъ ляку—со
 страху.
Ляпась—пошечина, ошлеуха.
Ляснути—хлопнуть, шелкнуть.
Лящати—хлопать.
Маглѣвать—рисовать, расписывать.
Макітра—большой горшокъ, расши-
 ренный къ верху.
Макогінъ, род.—гону—тяжелый де-
 ревянный пестъ, для растиранія зерна.
Малѣнный—живописный.
Малѣвичий—живописный.
Малѣвння—живопись.
Мандрувати—бродить, брести безъ
 цѣли.
Марне или Марно—напрасно, по-
 пусту.
Масниця—масляница.
Мати—мать.
Махати—махать; быстро бѣжать.
Мачинка—маковое зернышко.
Машталіръ—кучеръ.
Мѣквати—заблѣть (о козахъ).
Мѣрзти—замерзать; заблутъ.
Милниця—деревяшка.
Мимрити—бормозать.
Міршавий—плюгавый.
Митѣць—дока, мастеръ.
Мишенятко—мышеночекъ.
Міжй—между.

Міркувати—размышлять, рассу-
 дать.
Мій—мой.
Мірка—мѣра, посуда для сыпучихъ
 тѣлъ.
Міцний—сильный, крѣпкій.
Млинь—мельница.
Мясцѣ—(ум. отъ мнѣсо)—мясо.
Мовчки—молча.
Можє—можетъ быть.
Молодиця—молодая замужняя жен-
 щина.
Моргати—мигать бровями.
Моргнути—мигнуть.
Моргуха—мигунья.
Морський—хлѣсткій.
Москалёва ж.; ср.—ве, моска-
 лівъ—солдатовъ,—тскій, ая, ое.
Мостина—половица.
Мотлохъ—разный мелкій хламъ.
Мурмило—(бравное слово) скверная
 рожа.
Муръ—каменная стѣна.
Мусити—долженствовать.
Мушкетъ—мускетонъ (родъ ружья).
Набазграти—навалать; намазать.
На-бѣкиръ—на бекрень.
Набулівити—набухнуть (о зер-
 нахъ), пухнуть.
Навидовижу—на удивленіе.
На-взводи—во весь карьеръ.
Навидуватися—навшцать; бывать
 у кого.
Навиженний—бѣшанный, сумазброд-
 ный.
Навманя—наобумъ, необдуманно.
Навпіля—поцоламъ
Навпростѣць—пряникомъ.
Нагарбати—много загрестъ руками.
Нагорода—награда.
Надати—примаивать; приучать.
Наздогнати—догнати, настигнуть.
На-зустричь—на встрѣчу.
На-отшибі—отдѣльно отъ другихъ
 зданій, въ сторонѣ.
Найми—наемъ; служба по найму.
Наймичка—наемница—работница.
Найперше—прежде всего.
Налаяти—набранити.
Налигати—поймать и набросить на
 рогъ веревку; связать веревкою.
Наличити—насчитать.
Намірятися—замахнуться; принять
 готовность, намѣрѣніе.
Намішавникъ—булка особымъ
 образомъ испеченная.
Намовляти—наговаривать.
Напирити—натасить (объ одеждѣ)
 на себя слишкомъ много.
Напускъ—напасть.

Нарізувати — нарѣзывать (о музы-
кѣ).

Наруга — надѣвка, посмѣяніе, по-
зоръ и насміе.

Насторобішити — наострить (уши).

Настільничокъ — скатеретка.

Насунутись — надвинуться.

Натрушувати — натрясти.

Нахилитися — склонитися, нагнуть-
ся.

Нá-що? — для чего?

Налобанити — жирно намазать.

Небіжчикъ — бѣдняжка.

Небіжъ, зв. — божѣ! — племянникъ.

Небога — племянница; бѣдняжка;
въ несоб. смыслѣ — всякая младшая пе-
редъ старшимъ — небога.

Небожата — (мн.) ласкательный эпи-
тетъ высшихъ къ низшимъ, смѣшанный
съ синсхожденіемъ и отчасти съ сожа-
льніемъ.

Неборакъ — бѣдняжка.

Невеличкий — небольшой.

Невспіюча — неутонимая, неусып-
ная, бессонница.

Неділя — воскресный день; недѣля.

Недобачати — проглядывать, недо-
смотрѣть.

Недобитокъ — недобитый, незму-
ченный окончателью.

Недоложокъ — нестоящій имени че-
ловѣка.

Недоторкуватися — недотрогивать-
ся.

Незгода — несогласіе; несчастіе.

Неня — мать.

Непѣвний — необыкновенный; нена-
дѣянный.

Неподобний — странный

Нерухомий — неподвижный, неумо-
лимый.

Несамовитий — изступленный; вы-
веденный изъ себя; внѣ себя.

Неслуханий — непослушный.

Нечумазный — некрасивый, невид-
ный.

Нізка — связка.

Нікати — шататься безъ дѣла или
гдѣ не слѣдуетъ; приглядываться бродя.

Нішпорити — шарить.

Ніщечкомъ — потихоньку, тайно.

Ні-вѣть (фр. поп); ни.

Нівечити — портить, переводить,
уничтожать и уничтожать, жестоко по-
ступать.

Ніженька — ножка.

Нікчѣмний — ничтожный, ни къ че-
му негодный.

Німота — (собирает.) нѣмцы.

Ні однісінького, коі-рѣшитель-
во ни одного, ой.

Ніхто — никто.

Ніччиркъ — ни гугу.

Ніччу — ночью.

Нійкъ — никакъ.

Новісінькій — новешенькій.

Нудьга — тоска.

Нумо — станемъ.

Обидва, ж. обидві — оба, обѣ.

Обізвѣтись — откликнуться.

Обкрутити — обернуть; обвѣнчать.

Обора — загонъ для скота.

Обриднути — надоесть.

Обскубти — обдергать, оборвать.

Огирь — жеребецъ.

Одвітувати — отвѣчать, давать от-
вѣтъ.

Одбрехатися — отдѣлаться ложью.

Одвірокъ — притолка у двери.

Одвіточка — отвѣтъ.

Одайхати — перевести дыханіе, от-
дохнуть.

Оддякувати или —

Оддячити — отблагодарить.

Одирвати — оторвать.

Одмінокъ — перемиѣна, отмиѣна.

Одпочивати — отдыхать.

Одпочити — успокоиться, отдохнуть.

Одурити — обмануть.

Одцуратися — отречься, отказатьсь.

Одчинити — отворить.

Одшибъ — см. на одшибі.

Одгтіся — одѣться.

Ознака — признакъ, знанъ.

Окиастьні — имѣющій большія окна
(о зданияхъ).

Оковита — высшаго достоинства вод-
ка.

Окріпъ — кипятокъ.

Округи — вокругъ, кругомъ.

Оксамитовий — атласный саетовый
здається атласный, а оксамитовый бар-
хатный и плюсовый.

Окульбачити — осѣдлать.

Олія — постное масло.

Онъ — вонъ, вотъ-тамъ.

Опанувати — овладѣть.

Оперезати — тяжело ударить попе-
редъ верхней части корпуса.

Опнитися — очутиться.

Опікъ — ожегъ.

Опічокъ — выдающееся мѣсто у пе-
чи для каганця (см.).

Оповідання — небольшой рассказъ.

Оповідати — рассказывать.

Оповістити — рассказать.

Орданъ — крещенское освященіе во-

ды; самое мѣсто совершеніе этого обычая.

Оружійный—вооруженный.

Освіта—просвѣщеніе

Оселедецъ—сеledка; чубъ, оставленный среди выбритой головы.

Оситнійгъ—ситникъ (растение).

Осѣстися — устояться; поселиться на жительство.

Оскѡма—оскомина.

Ослінъ, род. ону — продолговатая скамейка.

Останній—остальной, послѣдній.

Отара—большое стадо овецъ.

Отѡ—вотъ то.

Оттакій, кѡ, кѡ—такой.

Оттакъ—такъ, вотъ какъ.

Оттой, отта, ая, отте—тогъ.

Оттутъ—здѣсь, теперь.

Отъ—вотъ.

Охайливый — опрятный, чисто-плотный.

Охляпъ—безъ сѣдла (верхомъ на лошади).

Оцѣ—это; вотъ; теперь.

Падлюка — (бран. слово:) увелич. отъ падло-падалъ.

Паури — когти.

Палати — пылатъ.

Палічча — (собираетъ) множество палокъ.

Палюга — увелич. палка.

Палыница — булка, хлѣбъ испеченный изъ пшеничной муки.

Панотѣць — почетный титулъ старыхъ и достойныхъ уваженія людей: священника и т. п.

Панство — (собираетъ) всѣ бары.

Панскій — господскій.

Панькати, ся — ухаживать за кѣмъ.

Панщина — барщина.

Папѣрникъ — бумажный фабрикантъ.

Панлюга — бранное слово къ женщинѣ.

Пара — парь.

Парубокъ — парень.

Парубѡцькій — юношескій; молодецкій.

Паскудити — гадить.

Паслінь — *Solanum nigum*, со съдобными черными ягодами.

Патѣка — см. потѣка.

Пѣтлн, лі — длинные волосы.

Пахтѣть — слегка пахнѣть.

Пацюкъ — крыса.

Пащикувати — болтать, сплетничать, спориться.

Пеленѡ — подолъ рубашки.

Пелька — огромная пасть, горло (въ бранномъ смыслѣ).

Перѣ (отъ прѣти) — мостъ (о бѣльѣ).

Перебѣндювати. — капризничать, прихотничать.

Перебігти — перебѣжать; пробѣжать.

Перевертень — ренегатъ, мѣнявшій своей народности.

Переднювати — пробыть, провести день.

Перекинутися — опрощнуться, перевернуться; преобразиться.

Перековерсати — перерыть, перековеркать.

Перекотило — такъ наз. вѣтвистые кустяки растений (напр. дикой спаржи), носимые вѣтромъ по полямъ.

Перелігъ, род. лѡгу — почва, лѣжавшая нѣсколько лѣтъ не паханю.

Перелякъ — испугъ.

Перепѣрти — перетащить, передвинуть; перекричать.

Переполохъ — испугъ.

Перетічка — протокъ лѣтомъ засыхающей,

Перехопитися — быстро перебѣжать, перебѣжать.

Перечути — услышать отъ...

Перистий—разношерстный, пестрый.

Пертися — тащиться.

Першій — первый; прежній.

Перщъ — прежде.

Пѣській — псовскій, происходящій отъ пса, или принадлежашій, свойственный псу.

Пѣчене — жаркое.

Піка — рожа.

Пилпѡвъ — филиповъ; великоросіянинъ.

Пилнѣнокъ — очень пристально.

Пірхнути — производить звукъ губами во свѣ; неудержать смѣха.

Писулька — записка, дѣдула.

Півбогъ — полубогъ.

Півень — пѣтухъ.

Підвечірувати — ѣсть послѣ полдника за нѣсколько времени передъ ужномъ.

Підійматися — подниматься вверхъ.

Підлѣжувати — подсматривать.

Підкрѣстися — тайно подойти, познакомиться.

Підпанокъ — полубаринъ.

Підпалювати — поджигать.

Підперезати — опоясать.

Підскáкувати — подпрыгивать (въ добромъ адорвѣ).

Підтюпцемъ — мелкой рысцой.

Підъ — подъ.

Підцькувати — притраивать, науськать.

Пізно — поздно.
 Пінявий — п'яний; зап'янявийся.
 Пірнати — см. порнати.
 Пірнути — вырнуть.
 Пір'я — перья.
 Після — послѣ.
 Піти — пойти.
 Пішки — п'шкомъ.
 Плягъ! — выражается тяжелый прыжокъ.
 Плідъ — плодъ, произведеніе.
 Пліточка — плотичка, плотва (рыба).
 Пліма — платно.
 Плішка — фляга, стеклянная большая посуда.
 Побалакати — поговорить, побесѣдовать.
 Побивана — обитая.
 Побитомъ — способомъ.
 Повігомъ — не с'ївши.
 Поважати — почитать кого.
 Повеселішати — повеселѣть.
 Пог'анецъ — мерзавецъ.
 Пог'аный — дурной.
 Пог'арда — пренебреженіе.
 Поглядѣть — взглянуть.
 Поглядѣти — поспатривать.
 Пог'оша вода — чистая, здоровая вода (съ особеннымъ міеологич. значеніемъ).
 Пог'омонити — не говорить, побесѣдовать.
 Пог'овничъ — управляющій лошадыми, возница.
 Погрѣбати — пренебречь.
 Подавно — довольно давно; очень давно.
 Подивитись — посмотреть.
 Подратувати — подразнить.
 Пожарище — мѣсто, оставшееся послѣ пожара.
 Пожадати — сильно пожелать.
 Позакладаю — заложилъ уши.
 По-знаку — въ примѣту, извѣстно прежде.
 Познімати — с'ять одно за другимъ.
 Позростатись — сростись вмѣстѣ.
 Поісти — с'ѣсть.
 Покарбувати — нарѣзать (нарѣзати).
 Покартати — выругать, выбранить.
 Поки — пока.
 Покись — рады только что скошенны.
 Покутъ — мѣсто въ переднемъ углу подъ образами.
 Полягати — перебраниться.
 Полегшати — сдѣлаться легче.
 Полінуватись — полѣниться.
 Молова — мякнца.

Полонка — небольшая прорубь, околень.
 Полоханий — пугливый.
 Помандрувати — побрести, понаестись.
 Поманесеньку — помаленьку, потихоньку.
 Помѣрний — умершій.
 Поміни — воспоминаніе, память.
 Помирковатися — поразмыслить.
 Поміскувати — подумать, поразудить.
 Помолодшати — помолодѣть.
 Попасати — кормить рабочихъ животныхъ, больш. частію подножнымъ кормомъ.
 Поплавець — поплавокъ.
 Пополювати — поохотиться (за звѣрями).
 Попідперезувати — подпомсать (о многихъ).
 Попіище — пепелище.
 Попричплювати — прицѣпить, привязать.
 Попсувати — попортить.
 Попхатись — потащиться потихоньку.
 Попхнути — толкнуть.
 Порадити — посоветовать; опредѣлить.
 Поринати, пуринати — нырять.
 Поросятко — поросенокъ.
 Поставецъ — ковшъ.
 Посісти — всѣмъ с'ѣть.
 Поскубтись — потаскать за волосы другъ друга.
 Послуга — услуга.
 По-сороміцькій — непристойно, срашно.
 Пострівай — погоди.
 Потайний — тайный.
 Потѣка — ручей (въ несобств. смыслѣ).
 Потрухъ — внутренности, потроха.
 Потушити — погасить.
 Поцупити — потащить.
 Поузь — мнимо.
 Почастоватися — попотчеваться.
 Початися — начаться.
 Початокъ — начало.
 Почервошити — покрасить, побагровѣть.
 Почінокъ — начало; мѣра пражы.
 Почіп'яти — поцѣпить.
 Почтарський — почтовый.
 Почухати — почесать.
 Пошанувати — почтять.
 Пошарпати — шворвать.
 Пошитися въ кого — преобразиться въ кого.
 Пошмагати — постегать.

Пошукати—поискать.
 Похилистий—наклонившийся, на-
 клонный (о предметах).
 Похнюпий—понурый.
 Правуватися—управляться.
 Праги—мыль бѣлье.
 Працювати—усиленно трудиться,
 дѣлать тяжелую работу.
 Праця—трудъ, работа.
 Предивѣнный—очень странный.
 При (отъ пѣрти) тащи; жни.
 Привести—привести; родить (дѣ-
 тѣныша).
 Пригортатися—прижиматься къ
 кому.
 Придбати—приобрѣсть.
 Примовляти—приговаривать.
 Приспатися—крѣпко пристать,
 придраться къ кому.
 Притаманний—истый; присущій.
 Притуляти—прижать; прикоснуть.
 Притьомъ—непрѣмлю.
 Прихляйтися—приклониться.
 Причвалати—прибрести.
 Пришелѣповатий—съ придурью.
 Пробовкнути—проговорить словце.
 Прогоничъ—жѣлзныи болтъ, съ
 помощью котораго запирается окно
 ставней.
 Продивувати—пробыть, прожить
 въ дѣвкахъ.
 Прозорний—прозрачный. Есть въ І
 томѣ прозорній—болѣе правильная и
 чистая форма.
 Проміжъ—между.
 Простоволосій—съ непокрытою
 головою (о женщинахъ).
 Простромити—проткнути, просвер-
 лить, сдѣлать остриемъ узкое отвер-
 стіе.
 Простувати—итти прямокомъ.
 Простягти—протянуть, расправить.
 Простягтися—растянуться.
 Противний—стоящій напротивъ.
 Прохворостити—посѣчь хворости-
 ной.
 Прудкий—прыткий, быстрый, про-
 ворный.
 Процвітана—разцвѣченная.
 Прямісінко—прямохвонько.
 Меліюха—бранное слово (песья кровь).
 Пузавъ—брюхачъ.
 Пустельникъ—отшельникъ, пу-
 стыжникъ.
 Пустиня—пустыня.
 Пустка—нежилая изба.
 Пустовати—о аданіяхъ—стоять пу-
 стымъ; о людяхъ—шалить, дурачиться.
 Раденький—радохонекъ.
 Рази—земледѣльч. орудіе.

Ратовати—см. рятувати.
 Рахувати—разсуждать, взвѣшивать.
 Рачки—ва карачкахъ, ползкомъ.
 Ребѣрце—ребрышко.
 Реготати, ся—хохотать.
 Ремінець—ремешекъ.
 Рибалочка—ум. рыбаць.
 Ривчакъ—канавъ.
 Рідний—родной.
 Рідъ—родъ, поколѣніе; родственники.
 Різка—розга.
 Рікъ—годъ.
 Рісь—рость (прош. отъ рості)
 Річъ—слово; дѣло, вещь.
 Робити—дѣлать; работать.
 Робомъ—способомъ, образомъ.
 Ролімець—параличъ.
 Розбишакъ—разбойникъ; буянь.
 Роздягатися—раздѣваться.
 Роздѣва—разня.
 Роздѣвити—развунуть.
 Роспаланий—съ растрепанными
 волосами.
 Роскішъ—обиліе, достатокъ; рос-
 кошь.
 Роскоши—обиліе, достатокъ.
 Роспитати—распросить.
 Росхрістаній—съ разстегнутымъ
 воротникомъ или пазухою.
 Ротий—ротикъ.
 Рубляка—увелч. рубль.
 Рудка—кравъ; горлышко.
 Румсати см. рюмсати.
 Рудучий—крялечный.
 Рүшити—двинуться, тронуться въ
 дорогу.
 Рушникъ—утиральникъ, полотенце
 съ обрядовымъ значеніемъ при свадь-
 бахъ и проч.
 Рюмсати—рюмить, плакать.
 Ряко—кличка собаки, но рябой или
 разноцвѣтной шерсти.
 Рядно—дерюга.
 Рясенько—плодовито (о расте-
 ніяхъ).
 Рятувати—спасать.
 Садочокъ—садикъ.
 Сажалка—прудь.
 Самісѣвкий—совершенно одинъ.
 Самъ—одинъ, одинокій.
 Сваритися—ссориться, грозить.
 Свербити—чесаться.
 Свиныйчий—свиной, свиный.
 Світка—верхнее платье, родъ сер-
 мая.
 Свинүти—разсвѣнуть, появиться раз-
 свѣту.
 Світати—разсвѣтать.
 Світляка—обрядовое лицо на свадь-
 бѣ, держащее въ рукѣ мѣчь и свѣчу.

Сердѣга—сердечный, бѣдлага.
 Среди—среди.
 Сивити—сѣдѣть; быть, являться слышь (о предметахъ).
 Сикагиса—бросаться, привязывать-ся.
 Сикнутиса—броситься, вакинуть-ся.
 Сидало—наосѣть.
 Сидати—сидиться.
 Силь—соль.
 Силькосъ—нужды нѣтъ!
 Сипнути—быстро дернуть.
 Сипъ!—выражается моментъ быстро дернуть.
 Сирѣма—бѣднякъ (название отъ сѣраго платья).
 Сиромѣнци—зпитеть волковъ—сѣрые.
 Скажѣний—бѣшеный.
 Сказйтмса—взбѣситься.
 Скалѣчити—изувѣчить.
 Скарѣбъ—сокровище, кладъ; мѣсто ихъ храненія.
 Скаржитиса—жаловаться.
 Скаучѣти—выжать (о собакахъ).
 Скирта—скирда, стогъ.
 Скикъ—выражается моментъ скачка.
 Склянка—стеклышко.
 Скомпоувати—сочинить, составить.
 Скопѣляти носъ, гѣбу—загнуть, поднять носъ и пр.
 Скотѣна (собрательно) — рогатый скотъ.
 Скреготѣти—скрежетать, шекотать (о птицахъ).
 Скрепиця—колотка, ножныя деревянные кандалы.
 Скликѣти—созвать.
 Скризь—вездѣ.
 Скрутити гóлову—свернуть голову.
 Скубути—дернуть, рвануть.
 Скупе рѣга—скиряжище.
 Слабкий—слабый.
 Слѣбизувати,—по складамъ, медленно выговаривать все по порядку.
 Слѣцѣ—слово.
 Слѣхати—слушать.
 Слухѣний—послушный.
 Смѣлецъ—оттопленный жиръ.
 Смачѣнько—вкусно.
 Смачный—вкусный.
 Смачно—вкусно.
 Смиивѣти—быстро дернуть.
 Смикъ!—выражается моментъ быстрого дерганья.
 Спидати—завтракать.
 Сокира—топоръ.
 Солóдчий, ча, че—слаже.
 Сòвечко—солнышко.
 Социлка—свирыль.

Сорóмитиса—конфузиться.
 Соромъ—срамъ, поношеніе.
 Сорóчекка—рубашечка.
 Сорóчка—рубашка.
 Сосимна—сосновое дерево.
 Спашъ—порча пашни на стеблѣ скотомъ.
 Спинѣтиса—остановиться.
 Спѣвати—пѣть.
 Спѣви—пѣсни.
 Спѣзнѣтиса—опоздать.
 Сподаръ—(сокр.) господарь—господинъ.
 Сподѣвати,—ся—ждать, надѣяться.
 Сподѣтиса—совершиться.
 Споглѣнути—взглянуть.
 Спокушѣти—искушать.
 Спочивѣти—покоиться; отдыхать.
 Спочѣнокъ—отдыхъ.
 Спочити—успокоиться; отдохнуть.
 Справа—дѣло, веденіе дѣла, устройство.
 Справжки—серьёзно, взаправду.
 Справити—сдѣлать, устроить.
 Справжній—дѣйствительный, серьёзный.
 Спромогтиса—собраться съ силами, со средствами, получить возможность.
 Ставóчокъ—ум. отъ ставъ—пруть.
 Стѣна—конюшня, стойло.
 Стѣредъ—вищій.
 Стариганъ—старикъ.
 Старовнѣ—древность, старинѣ.
 Стѣжка—тропинка.
 Стѣля—потолокъ.
 Стѣнжика—ленточка, которою застѣгивается спереди воротникъ мужской рубашки.
 Стирѣати—торчать.
 Стѣжокъ,—небольшой стогъ или скирда (хлѣба въ снопахъ, сѣна и пр.)
 Стратити—уничтожить, погубить, извести.
 Стовитѣ—столочь.
 Стонѣдцѣти—неопредѣленное большое число (въ бранѣ).
 Стрибъ—выражается моментъ скачка.
 Стрѣти—встрѣтитѣ.
 Стрѣха—навѣс соломенной крыши.
 Стрѣчокъ—бобъ (въ ботанич. смыслѣ); стручковый перецъ.
 Стулитиса—свернуться, сжаться.
 Сунутиса—медленно двигаться плотно по поверхности.
 Суплика—письменная просьба.
 Сутозолотий—массивно шитый или тканый золотомъ.
 Сѣчий—сукинь.
 Схлѣний—склонный.

Схованка—тайникъ; мѣсто, гдѣ прячется что нибудь.

Сховати—спрятать; погребсти.

Схоплюватися—схватываться, быстро подыматься.

Сцілющий—цѣлительный.

Счісувати—расчесывать.

Съ (передъ п, т, и др. буквами) изъ.

Та—да, и.

Таджѣжъ—да вѣдь же.

Тарани, нь—родъ рыбы.

Татарва—(собирател.) татаре.

Тварюка—(увеліч.) тварь, животное.

Тверезій—трезвый.

Те—(ср. род.) то.

Тежъ—тожь, также.

Теля—теленокъ.

Теревѣні (гнѹти и т. п.)—разный вздоръ, раздобары.

Тернівка—наливка на ягодахъ терна.

Тѣхъ!—корень глагола тѣхнути.

Течій—потокъ, ручей.

Тѣждень—недѣля.

Тиль—тиль—чуть—чуть.

Тинятися—словяться.

Тільки—только; какъ скоро.

Титарь—староста церковный.

Товарь—рогатый скотъ.

Товкти—толочь; бить.

Товктися—толочься и т. п.

Тоді—тогда.

Токотіти — токать, мѣрно и тихо стучать.

Толока—мірская помощь въ сельской работѣ.

Торба — небольшой мѣшокъ, сумъ, котомка.

Торбинка—сумка, мѣшочекъ.

Тороплѣній—ошеломленный.

Трапитця—случится.

Трѣйчі—трижды.

Трись—выражается моментъ треска, удара.

Тройчатій—тройной.

Тропакъ—родъ танца.

Трѣхи—чуть, едва.

Трѣшки—немножко, чуть.

Труна—гробъ.

Труситися—трястись, трепетать.

Трусъ—трясеніе, шумъ.

Трѣсця—лихорадка.

Трухлявий—трухлый.

Туга—тоска.

Тужъ—тужъ — вотъ, вотъ; скоро, скоро.

Тулїтися—жаться, прижиматься.

Тутечки—здѣсь.

Тхїръ—воюющій хорѣкъ.

Тю!—междом. а ту! и т. п.

Тюхтїй—тяжелый на подъемъ.

Тїмїти—понимать, смекать.

Тїмкї, въ тїмкї—въ памятку.

У, увъ—въ.

Удавать—прикидываться, представлять изъ себя.

Удовївна см. вдовївна.

Удовольнїти—удовлетворить, удовольствоваться.

Уживати—употреблять, пользоваться.

Уїдливиї—неотвязно-алой.

Уїхати—вѣхать.

Укинути—вбросить.

Укладїтися—уложиться, улечься.

Уклонїтися—поклониться.

Умивати—ѣсть.

Умкнѹти—быстро уйти.

Умова—уговоръ, условіе.

Умовлїтися—сговариваться, условливаться.

Умудруватися—умудриться.

У-перше—въ первый разъ.

Упїрь—колдунъ.

Уподоба—вкусъ, одобреніе.

У-подѡвжъ—вдоль, въ длину.

Упоратися — покочить со всѣми дѣлами.

Уразїти—тронуть больное мѣсто.

У-рапці—поутру.

Уробїти—сработалъ; обдѣлать, за-таскать.

Урѡда см. врѡда.

Усѣ—все.

Ускубути — легонько дернуть (за волосы и т. п.).

Устїти—встать.

Устергїтися—убережься.

Усїкий—всякій; каждый.

Утїкати—убѣгать, уходить.

Укнаїкї—гвоздикъ для подковъ.

Ухопїти—схватить.

Ушанованїя—почтенеіе, уваженіе.

Фѣрба—краски.

Финдюрка—потаскушка.

Халепа—напастъ.

Хапунъ—тогъ, кто хватаетъ: чортъ.

Хапъ—хватъ.

Характерникъ—колдунъ-атаманъ.

Харпакъ—въ презр. смыслѣ бѣланякъ.

Харчувати—кормить-запасами.

Хатїна — (умешшнт. отъ хата)—украинская избушка.

Хведько—Феодоръ.

Хвїськати—хлестать (бить).

Хвѹкга—мѣтель.

Хїба—развѣ,

Хїбѣта—способность,

Хіваря—Февронья.
Хижа—кафта; набушша.
Хіріти—хворати.
Хірний—хворатый, слабый.
Хідня—хожденье.
Хіпъ—хватъ!
Хлібъ—хлѣбъ; пашня; вообще пропитаніе, средства къ жизни.
Хлопець—мальчикъ.
Хлюпається—играть въ водѣ.
Хлюпъ—выражается плесканье воды.
Хлюща—нѣчто мокрое, изъ чего течетъ вода.
Хова́тися—прятаться, скрываться.
Ходіи—иди, приходи.
Ходімъ, но—пойдемъ!
Холодець—окрошка.
Хортяца—гомячая сука.
Хортъ—борзая собака.
Хочъ—хотя, хоть.
Худоба—рабочій скотъ; движимое имущество.
Хура—большой возъ, нагруженный товарами.
Ху́тіръ—поселокъ; мыза.
Хронгі—храпѣть.

Цапінний—козлиный.
Цапъ—козель.
Цяхований—оббитый гвоздями.
Це—это.
Цѣгла—кирпичъ.
Цибу́ля—лукъ (растеніе).
Цимбали—название музыкальн. инструмента.
Цілісінький—цѣлѣховскій.
Цмбкнуті—цмокауті.
Цокотуха—говорунья.
Цу́керъ—сахаръ.
Цу́нити—тащить.
Цура́тися—чуждаться, удалаться, отрекаться.
Цу-цу́!—кличутъ собакъ.
Ця́врина—верхняя часть сруба у колодез.

Ча́рочка—рюмочка.
Часомъ—порой, иногда.
Частува́ти—подчивать питьемъ.
Чвѣртка—мѣра воды, $\frac{1}{4}$ кварты или штофе.
Чвѣртъ—четверть.
Чѣрга—очередь.
Чѣрево—брюхо.
Черепа́локъ—осколокъ горшка.
Чѣреся—кожаный поясъ, въ которомъ прятались деньги.
Ченурний—опратный; хорошо одѣвающийся, изящный.
Черни́ца—монахиня.
Чи-бакъ—или то бишь.

Чинь-дужь—что есть мочи.
Чира́къ—чирей.
Читъ—четное число (въ игрѣ, гдѣ надо угадывать числа).
Чи́пати—трогать.
Чкуру́ти—ударать, уйти, побѣжать.
Чмара—въ родѣ шшишмора.
Чобіть—сапогъ.
Човенъ—челнъ.
Чого́?—что? зачѣмъ? почему.
Чолбикнуті—отдать почтеніе.
Чомъ?—почему?
Чорня́вий—бронеть, смуглый.
Чортені—чертенокъ.
Чорта́ка—увелич. чортъ.
Чоті́ри—четыре.
Чудені́ий—удивительный.
Чу́лий—чувствительный, нѣжный.
Чупринди́рь—хохлаць.
Чутно́—слышно.
Чухати—чесать (тѣло, но не волосы).
Чухра́ти—раать; бѣжать; колотить, бить.

Ша́бляка—увелич. сабли.
Шагъ—грошъ.
Шажо́къ—грошикъ.
Шаноба́—почтеніе.
Шановни́ий—достопочтенный.
Шанува́тися—вести себя хорошо; беречься всего худого.
Шатро́—шатерь, палатка.
Швидчо́кко—скоренько.
Швидки́ий—проворный.
Швидчи́ий—скорѣй.
Швѣдяти—бродить, слоняться.
Шелестъ—выражаетъ моментъ шумящаго звука; шашь.
Шѣвський—сапожничій; кожевничій.
Шепета́ти—громко шептать.
Шепши́на—шиповникъ (Rosa canina).
Ші́бка—оконное стекло.
Шинкаре́нко—сынъ цѣловаальника.
Шши́ркнути—произвестъ шорохъ.
Ші́я—шея.
Ші́сть—шесть.
Шкандіба́ти—хромать.
Шкана́—шкафъ.
Шка́пка—кляча.
Шкварі́ти—жарить что нибудь такое, что производитъ на огнѣ шумъ.
Шкварча́ти—издавать шумъ и трескъ на огнѣ.
Шкля́нка—см. склянка.
Шко́да—сущ. вредъ, убытокъ; нарѣч. напрасно; даромъ; жалъ.
Школя́рка—школьница.
Школя́рство—школьничество; (собир.) школьники.

Шкүра—кожа.
Шлёнка—овцы особой породы; шерсть этой породы.
Шмать—большой кусокъ.
Шморгну́ти—лернуть; ударить.
Шпарга́лля—собирает. всякія непечасанныя бумаги
Шпа́рко—быстро, проворно.
Шпичка—спица, острее.
Шпура́йти—бросать на далекомъ разстояніи.
Штибъ—(въ архитект.) орденъ.
Штовха́ти—толкать.
Шубов́стнути—упасть съ шумомъ въ воду.
Шубов́сь!—выражается сильное надеіе въ воду.
Шумува́ти—пѣниться.
Шу́пти—понимать кое-что.
Ще—еще.

Щілина—щель.
Щі́тина—щетина, свиная шерсть.
Що—что.
Що-гóду—ежегодно.
Щобъ—чтобы.
Щубов́сь см. шубов́сь—
Юштіти—(глаголь средній) выступать, въ большомъ количествѣ, появляться (о крови, жидкостяхъ).
Якійсь—какой-то.
Якось—какъ-то.
Якъ—какъ.
Ялбзѣтисѣ—пачкаться.
Ярепудовий—бранное шуточное слово.
Яръ—большой лѣсной оврагъ, долина.

Не лишнимъ считаемъ указать, для незнакомыхъ близко съ южно-русскимъ языкомъ, на отличіе въ произношеніи нѣкоторыхъ южнорусскихъ звуковъ:

и произносится нѣсколько мягче, нежели **ы**.

і **я** **ю** произносятся мягче, нежели у великоруссовъ.

э произносится какъ **ь**.

е произносится какъ **э**; въ началѣ словъ, и послѣ гласныхъ, произносится какъ **ь**.

ОБЪ ИЗДАНИИ

РУССКАГО ПЕРЕВОДА

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

МАКОЛЕЯ.

До настоящаго времени вышелъ 1-й томъ *Полнаго Собранія*, который содержитъ въ себѣ «*Критическіе и историческіе опыты*» (1825 — 1831 г.), *портретъ автора* и подробную статью профессора *Вызискаго* о жизни и сочиненіяхъ лорда Маколея.

Цѣна этому тому 2 р. с.; цѣна остальныхъ томовъ изданія будетъ по 1 р. 50 коп. за каждый.

Изданіе «*Опытовъ*» (Essays) и «*Исторіи Англіи*» будетъ идти параллельно и до апрѣля 1861 г. выйдетъ *три тома*.

Каждый томъ изданія будетъ продаваться отдѣльно; для желающихъ же подписаться на 3 тома цѣна:

Въ Петербургѣ и Москвѣ 4 р. 40 к.

Съ пересылкою во всѣ города Импе-

ріи 5 » —

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С. ПЕТЕРБУРГѢ: у книгопродавца Як. Ал. Исакова, въ гостинномъ дворѣ, № 24.

Въ МОСКВѢ: въ книжномъ магазинѣ Н. М. Щепкина и К^о.

Отъ г.г. иногородныхъ: *исключительно* въ конторѣ типографіи Николая Тиблена и К^о, на Васильевскомъ Ост., въ 8 линіи, № 25.

ВЫШЛО ВЪ СВѢТЪ

изданіе Статистическаго Отдѣла Центрального Статистическаго Комитета,
отпечатанное въ типографіи К. Вульфа, подъ заглавіемъ:

КРѢПОСТНОЕ НАСЕЛЕНІЕ ВЪ РОССІИ,

по 10-й народной переписи,

статистическое изслѣдованіе А. Троицкаго.

въ большую осьмушку VIII и 92 стран., съ таблицами и хромо-
литографированною статистическою картою.

Цена: въ С.-Петербургѣ—**1 р. с.**; съ пересылкою въ другіе
города —**1 р. 25 к. с.**

Продается, въ С.-Петербургѣ, у комиссіонера Министерства Внут-
реннихъ дѣлъ, книгопродавца С. П. Лоскутова, и у всѣхъ книго-
продавцевъ.

Г-да иногородные, желающіе приобрести это изданіе благоволятъ
адресовать требованія свои въ книжные магазины С. П. Лоскутова,
въ С.-Петербургѣ и Москвѣ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ: въ конторѣ «Основы» при книжномъ магазинѣ Дм. Еф. Кожанчикова, на Невскомъ проспектѣ, противъ Публичной Библіотеки; также: у М. Ос. Вольфа, Як. Ал. Псакова, Ал. Ив. Давыдова, П. И. Крашенинникова, Н. Г. Овсянникова;

ВЪ МОСКВѢ: у И. В. Базунова;

ВЪ КІЕВѢ: у В. Г. Борщевского;

ВЪ ПОЛТАВѢ: у Э. Л. Изопольскаго и Эм. Гр. Чижана;

ВЪ ТАГАНРОГѢ: у К. Д. Данилова;

ВЪ ОДЕССѢ: у Ал. С. Великанова,

и у другихъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать: *Редактору «Основы», Василию Михайловичу Блюзерскому, въ С. Петербургъ, у Круглаго Рынка, въ домъ Принца Ольденбургскаго.*

Цѣна за **12** книжекъ, каждая отъ 12 до 15 печатныхъ листовъ,
8 р. 50 к. безъ пересылки, **10 р.** съ пересылкою и доставкою на
домъ въ Петербургъ.

ОСНОВА

1861

МАРТЪ

СОДЕРЖАНИЕ:

- I. ВЫСОЧАЙШИЙ МАНИФЕСТЪ 19 ФЕВРАЛЯ.
- II. ВОСПОМНАНІЕ О ШЕВЧЕНКѢ; ЕГО СМЕРТЬ И ПОГРЕБЕНІЕ,
Л. М. Жемчужникова.
- III. КОВЗАРЬ, VII — XII, Т. Г. Шевченка.
- IV. НЕ ДО ПАРИ, Марка Вончка.
- V. ДЗВОНАРЬ, Д. Л. Мордовцова.
- VI. СПИТСЬКИЙ ЖАЛЬ, А. Вечуй-вѣтеръ.
- VII. СПІВЕЦЬ МИТУСА, Іеремія Галин.
- VIII. СТАРОСВѢТСКОЕ ДВОРИЩЕ, И. А. Кулиша.
- IX. ОТРЫВКИ ИЗЪ АВТОБІОГРАФІИ ВАСИЛІЯ ПЕТРОВИЧА БЬЮ-
КОПИТЕНКА, М. Т. Момиса.
- X. ОЗЕРЪ УКРАИНСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ, III. АРТЕМОВСКІЙ-
ГУЛАКЪ, И. А. Кулиша.
- XI. ЧЕРТЫ НАРОДНОЙ ЮЖНОРУССКОЙ ИСТОРИИ, И. И. Костомарова.
- XII. ЛИСІЦЯ ТА ОСЕЛЪ, Л. И. Глѣбова.
- XIII. ОБЪЯСНЕНІЕ ПО ПОВОДУ ДРЕВНИХЪ ЮГОЗАПАДНЫХЪ АКТОВЪ,
И. И. Кюссевича.
- XIV. ПОСТАНОВЛЕНІЯ ПРОВИНЦІАЛЬНЫХЪ ДВОРЯНСКИХЪ СЕЙМОВЪ
ВЪ ЮГОЗАПАДНОЙ РУСИ, И. Д. Шваишиса.
- XV. ХМЕЛЬНИЦНА, И. А. Кулиша.
- XVI. МУЗЫКА ЮЖНОРУССКИХЪ ПѢСЕНЪ, А. И. Стрѣла.
- XVII. ЛИСТІ СЪ ХУТОРА, Хуторянина.
- XVIII. ДВѢ РУССКІЯ НАРОДНОСТИ, И. И. Костомарова.
- XIX. ГАЛИЦКО-РУССКАЯ ГАЗЕТА «СЛОВО».
- XX. БІБЛІОГРАФІЯ ВОПРОСА ОБЪ УЛУЧШЕНІИ БЫТА ПОМѢЩИЧЬИХЪ
КРЕСТЬЯНЪ ВЪ ЮЖНОРУССКОМЪ КРАѢ, И. И. Момиса.
- XXI. ОБЪ ОТКРЫТІИ СТУДЕНТСКОЙ БІБЛІОТЕКИ ВЪ ХАРЬКОВѢ,
М. Смирнова.
- XXII. ОБЪЯСНЕНІЕ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ.
- XXIII. БІБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІА.

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

•Добра хочу братья и Русьскій Земли. •
Владимиръ Жюномакъ.

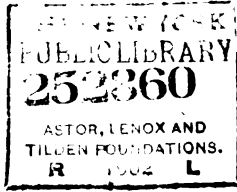
1861

МАРТЪ



ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУДИНА.



ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, апрѣля 2-го дня, 1861 года.

Ценсоръ *Ст. Лебедевъ.*

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ
МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ
ВСЕРОССИЙСКІЙ,
ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,
и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всеѣмъ Нашимъ вѣрноподаннымъ.

Божіимъ Провидѣніемъ и священнымъ закономъ престолонаслѣдія бывъ призваны на прародительскій Всероссійскій Престоль, въ соотвѣтствіе сему призванію Мы положили въ сердцѣ Своемъ объѣтъ обнимать Нашею Царскою любовію и попеченіемъ всеѣхъ нашихъ вѣрноподанныхъ всякаго званія и состоянія, отъ благородно владѣющаго мечемъ на защиту отечества до скромно работающаго ремесленнымъ орудіемъ, отъ проходящаго высшую службу государственную до проводящаго на полѣ борозду сохою или плугомъ.

Вникая въ положеніе званій и состояній въ составѣ Государства, Мы усмотрѣли, что государственное законодательство, дѣятельно благоустроая высшія и среднія сословія, опредѣляя ихъ обязанности, права и преимущества, не достигло равномѣрной дѣятельности въ отношеніи къ людямъ крѣпостнымъ, такъ названнымъ потому, что они, частію старыми законами, частію обычаемъ, потомственно укрѣплены подъ властію помѣщиковъ, на которыхъ съ тѣмъ вмѣстѣ лежитъ обязанность устроить ихъ благосостояніе. Права помѣщиковъ были донынѣ обширны и не опредѣлены съ точностію законамъ, мѣсто котора-

го заступали преданіе, обычай и добрая воля помѣщика. Въ лучшихъ случаяхъ изъ сего происходили добрыя патриархальныя отношенія искренней правдивой попечительности и благотворительности помѣщика и добродушнаго повиновенія крестьянъ. Но при уменьшеніи простоты нравовъ, при умноженіи разнообразія отношеній, при уменьшеніи непосредственныхъ отеческихъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, при впаденіи иногда помѣщичьихъ правъ въ руки людей, ищущихъ только собственной выгоды, добрыя отношенія ослабѣвали, и открывался путь произволу, отяготительному для крестьянъ, и неблагоприятному для ихъ благосостоянія, чему въ крестьянахъ отвѣчала неподвижность къ улучшениямъ въ собственномъ бытѣ.

Усматривали сіе и приснопамятные Предшественники Наши и принимали мѣры къ измѣненію на лучшее положеніе крестьянъ; но это были мѣры, частію нерѣшительныя, предложенныя добровольному, свободолюбивому дѣйствованію помѣщиковъ, частію рѣшительныя только для нѣкоторыхъ мѣстностей, по требованію особенныхъ обстоятельствъ, или въ видѣ опыта. Такъ Императоръ Александръ I-й издалъ постановленіе о свободныхъ хлѣбопашцахъ, и въ Бозѣ почившій Родитель Нашъ Николай I-й постановленіе о обязанныхъ крестьянахъ. Въ губерніяхъ западныхъ инвентарными правилами опредѣлены надѣленіе крестьянъ землею и ихъ повинности. Но постановленія о свободныхъ хлѣбопашцахъ и обязанныхъ крестьянахъ приведены въ дѣйствіе въ весьма малыхъ размѣрахъ.

Такимъ образомъ Мы убѣдились, что дѣло измѣненія положенія крѣпостныхъ людей на лучшее, есть для насъ завѣщаніе Предшественниковъ нашихъ и жребій, чрезъ теченіе событій, поданный Намъ рукою Провидѣнія.

Мы начали сіе дѣло актомъ нашего довѣрія къ Россійскому Дворянству, къ извѣданной великими опытами преданности его Престолу и готовности его къ пожертвованіямъ на пользу Отечества. Самому Дворянству предоставили Мы, по собственному вызову его, составить предположенія о новомъ устройствѣ быта крестьянъ, при чемъ Дворянамъ предлежало ограничить свои права на крестьянъ и подъять трудности преобразования, не безъ уменьшенія своихъ выгодъ. И довѣріе наше оправдалось. Въ губернскихъ комитетахъ, въ лицѣ членовъ ихъ, облеченныхъ довѣріемъ всего Дворянскаго общества каждой губерніи, Дворянство добровольно отказалось отъ права на личность крѣпостныхъ людей. Въ сихъ комитетахъ, по собраніи по-

11

требныхъ свѣдѣній, составлены предположенія о новомъ устройствѣ быта находящихся въ крѣпостномъ состояшя людей, и о ихъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ.

Сии предположенія, оказавшіяся, какъ и можно было ожидать по свойству дѣла, разнообразными, слнчены, соглашены, сведены въ правильный составъ, исправлены и дополнены въ Главномъ по сему дѣлу Комитетѣ; и составленныя такимъ образомъ новыя положенія о помѣщичьихъ крестьянахъ и дворовыхъ людяхъ рассмотрѣны въ Государственномъ Совѣтѣ.

Призвавъ Бога въ помощь, Мы рѣшились дать сему дѣлу исполнительное движеніе.

Въ силу означенныхъ новыхъ положеній, крѣпостные люди получать въ свое время полныя права свободныхъ сельскихъ обывателей.

Помѣщики, сохраняя право собственности на всѣ принадлежашія имъ земли, предоставляютъ крестьянамъ, за установленныя повинности, въ постоянное пользованіе усадебную ихъ осадебность, и сверхъ того, для обезпеченія быта ихъ и исполненія обязанностей ихъ предъ Правительствомъ, опредѣленное въ положеніяхъ количество полевой земли и другихъ угодій.

Пользуясь симъ поземельнымъ надѣломъ, крестьяне за сіе обязаны исполнять въ пользу помѣщиковъ опредѣленныя въ положеніяхъ повинности. Въ семъ состояніи, которое есть переходное, крестьяне именуется временно-обязанными.

Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ дается право выкупать усадебную ихъ осадебность, а съ согласія помѣщиковъ они могутъ приобрѣтатъ въ собственность полевую землю и другія угодья, отведенныя имъ въ постоянное пользованіе. Съ таковымъ приобрѣтеніемъ въ собственность опредѣленнаго количества земли, крестьяне освободятся отъ обязанностей къ помѣщикамъ по выкупленной землѣ и вступятъ въ рѣшительное состояніе свободныхъ крестьянъ-собственниковъ.

Особымъ положеніемъ о дворовыхъ людяхъ опредѣляется для нихъ переходное состояніе, приспособленное къ ихъ занятіямъ и потребностямъ; по истеченіи двухлѣтняго срока отъ дня изданія сего положенія, они получаютъ полное освобожденіе и срочныя льготы.

На сихъ главныхъ началахъ составленными положеніями опредѣляется будущее устройство крестьянъ и дворовыхъ людей, устанавливается порядокъ общественнаго крестьянскаго управленія, и указываются подробно даруемыя крестьянамъ и дворовымъ людямъ права и

111

возлагаемыя на нихъ обязанности въ отношеніи къ Правительству и къ помѣщикамъ.

Хотя же сіи положенія, общія, мѣстныя, и особыя дополнительныя правила для нѣкоторыхъ особыхъ мѣстностей, для имѣній мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ и для крестьянъ, работающихъ на помѣщичьихъ фабрикахъ и заводахъ, по возможности приспособлены къ мѣстнымъ хозяйственнымъ потребностямъ и обычаямъ: впрочемъ, дабы сохранить обычный порядокъ тамъ, гдѣ онъ представляетъ обшдныя выгоды, Мы предоставляемъ помѣщикамъ дѣлать съ крестьянами добровольныя соглашенія, и заключать условія о размѣрѣ поземельнаго надѣла крестьянъ и о слѣдующихъ за оныи повинностяхъ, съ соблюденіемъ правилъ, постановленныхъ для огражденія ненарушимости таковыхъ договоровъ.

Какъ новое устройство, по неизбѣжной многосложности требуемыхъ онымъ перемѣнъ, не можетъ быть произведено вдругъ, а потребуется для сего время, примѣрно не менѣе двухъ лѣтъ; то въ теченіи сего времени, въ отвращеніе замѣшательства, и для соблюденія общественной и частной пользы, существующей донныѣ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ порядокъ долженъ быть сохраненъ дотола, когда, по совершеніи надлежащихъ приготовленій, открытъ будетъ новый порядокъ.

Для правильного достиженія сего, Мы признали за благо повелѣть:

1) Открыть въ каждой губерніи Губернское по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіе, которому ввѣряется высшее завѣдываніе дѣлами крестьянскихъ обществъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ.

2) Для разсмотрѣнія на мѣстахъ недоразумѣній и споровъ, могущихъ возникнуть при исполненіи новыхъ положеній, назначить въ уѣздахъ Мирowychъ Посредниковъ, и образовать изъ нихъ Уѣздныя Мировыя Съѣзды.

3) За тѣмъ образовать въ помѣщичьихъ имѣніяхъ мирскія управленія, для чего, оставляя сельскія общества въ нынѣшнемъ ихъ составѣ, открыть въ значительныхъ селеніяхъ волостныя управленія, а мелкія сельскія общества соединить подъ одно волостное управленіе.

4) Составить, повѣрить и утвердить по каждому сельскому обществу или имѣнію уставную грамоту, въ которой будетъ исчислено, на основаніи мѣстнаго положенія, количество земли, предоставляемой крестьянамъ въ постоянное пользованіе, и размѣръ повинностей, причитающихся съ нихъ въ пользу помѣщика, какъ за землю, такъ и за другія отъ него выгоды.

5) Сія уставныя грамоты приводить въ исполненіе по мѣрѣ ут-
режденія ихъ для каждаго имѣнія а окончательно по всѣмъ имѣніямъ
пвести въ дѣйствіе въ теченіе двухъ лѣтъ, со дня изданія настоящаго
Манифеста.

6) До истеченія сего срока, крестьянамъ и дворовымъ людямъ
вребывать въ прежнемъ повиновеніи помѣщикамъ, и безпрекословно
исполнять прежнія ихъ обязанности.

7) Помѣщикамъ сохранить наблюденіе за порядкомъ въ ихъ имѣ-
ніяхъ, съ правомъ суда и расправы, впредь до образованія волостей
и открытія волостныхъ судовъ.

Обращая вниманіе на неизбѣжныя трудности предприемлемаго пре-
образования, Мы перѣе всего возлагаемъ упованіе на всеблагое Про-
видѣніе Божіе, покровительствующее Россіи.

За симъ полагаемся на доблестную о благѣ общемъ ревность Бла-
городнаго Дворянскаго сословія, которому не можемъ не изъявить отъ
Насъ и отъ всего Отечества заслуженной признательности за безко-
рыстное дѣйствованіе къ осуществленію Ншихъ предначертаній. Рос-
сія не забудеть, что оно добровольно, побуждаясь только уваженіемъ
къ достоинству челоуѣка и христіанскою любовію къ ближнимъ, от-
казалось отъ упрядняемаго нынѣ крѣпостнаго права и положило осно-
ваніе новой хозяйственной будущности крестьянъ. Ожидаемъ несомнѣн-
но, что оно также благородно употребитъ дальѣйшее тщаніе къ при-
веденію въ исполненіе новыхъ положеній въ добромъ порядкѣ, въ ду-
хѣ мира и доброжелательства; и что каждый владѣлецъ довершитъ
въ предѣлахъ своего имѣнія великій гражданскій подвигъ всего сосло-
вія, устроивъ бытъ водворенныхъ на его землѣ крестьянъ и его дво-
ровыхъ людей на выгодныхъ для обѣихъ сторонъ условіяхъ и тѣмъ
дастъ сельскому населенію добрый примѣръ и поощреніе къ точному
и добросовѣтному исполненію государственныхъ постановленій.

Имѣющіеся въ виду примѣры щедрой попечительности владѣльцевъ
о благѣ крестьянъ, и признательности крестьянъ къ благотѣльной
попечительности владѣльцевъ, утверждаютъ Нашу надежду, что вза-
имными добровольными соглашеніями разрѣшится большая часть за-
трудненій, неизбѣжныхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ примѣненія общихъ
правилъ къ разнообразнымъ обстоятельствамъ отдѣльныхъ имѣній, и
что симъ способомъ облегчится переходъ отъ стараго порядка къ но-
вому и на будущее время упрочится взаимное довѣріе, доброе согла-
сіе и единодушное стремленіе къ общей пользѣ.

Для удобнѣйшаго же приведенія въ дѣйствіе тѣхъ соглашеній между владѣльцами и крестьянами, по которымъ сіи будутъ приобретать въ собственность, вмѣстѣ съ усадьбами, и полевья угодья, отъ Правительства будутъ оказаны пособія, на основаніи особыхъ правилъ, выдачею ссудъ и переводомъ лежащихъ на нихъ долговъ.

Полагася и на здравый смыслъ Нашего народа.

Когда мысль Правительства о упраздненіи крѣпостнаго права распространилась между не приготовленными къ ней крестьянами: возникли было частныя недоразумѣнія. Нѣкоторые думали о свободѣ и забывали объ обязанностяхъ. Но общій здравый смыслъ не поколебался въ томъ убѣжденіи, что и по естественному разсужденію, свободно пользующійся благами общества взаимно долженъ служить благу общества исполненіемъ нѣкоторыхъ обязанностей, и по закону христіанскому, *всякая душа должна повиноваться властямъ предержащимъ* (Рим. XIII. 1), *воздавать всѣмъ должное*, и въ особенности кому должно, *урокъ, дань, страхъ, честь* (7); что законно приобретенныя помѣщиками права не могутъ быть взяты отъ нихъ безъ приличнаго вознагражденія или добровольной уступки; что было бы противно всякой справедливости пользоваться отъ помѣщиковъ землею и не нести за сіе соотвѣтственной повинности.

И теперь съ надеждою ожидаемъ, что крѣпостные люди, при открывающейся для нихъ новой будущности, поймутъ и съ благодарностію примутъ важное пожертваніе, сдѣланное Благороднымъ Дворянствомъ для улучшенія ихъ быта.

Они вразумятся, что получая для себя болѣе твердое основаніе собственности, и большую свободу располагать своимъ хозяйствомъ, они становятся обязанными, предъ обществомъ и предъ самими собою, благотворность новаго закона дополнить вѣрнымъ, благонамѣреннымъ и прилежнымъ употребленіемъ въ дѣло дарованныхъ имъ правъ. Самый благотворный законъ не можетъ людей сдѣлать благополучными, если они не потрудились сами устроить свое благополучіе подъ покровительствомъ закона. Довольство приобретается и увеличивается не иначе, какъ неослабимымъ трудомъ, благоразумнымъ употребленіемъ силъ и средствъ, строгою бережливостію, и вообще честною въ страхъ Божию жизнію.

Исполнители приготовительныхъ дѣйствій къ новому устройству крестьянскаго быта и самаго введенія въ сіе устройство употребятъ бдительное попеченіе, чтобы сіе совершалось правильнымъ, спокой-

пымъ движеніемъ: съ наблюденіемъ удобности время, дабы вниманіе земледѣльцевъ не было отвлечено отъ ихъ необходимыхъ земледѣльческихъ занятій. Пусть она тщательно воздѣлываютъ землю и собираютъ плоды ея, чтобы потомъ изъ хорошо наполненной житницы взять сѣмена для посѣва на землѣ постояннаго пользованія или на землѣ приобретенной въ собственность.

Осыни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго.

Данъ въ Санктпетербургѣ, въ девятнадцатый день Февраля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ шестьдесятъ первое, Царствованія же Нашего въ седьмое.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«АЛЕКСАНДРЪ»

Начинаемъ, въ *Основѣ*, отдѣлъ правительственныхъ распоряженій и постановленій важнѣйшимъ правительственнымъ актомъ,—которому нѣтъ равнаго по благотворнымъ послѣдствіямъ,—къ которому, въ теченіи вѣковъ, всѣ прочіе акты служили болѣе или менѣе удачнымъ приготовленіемъ.

Манифестъ 19 Февраля налагаетъ побѣдную руку на стѣсенія, связывавшія свободный трудъ 23.000.000. До 5-го Марта, когда всепародно объявлена отмена крѣпостнаго права *навсегда*, самое появленіе на свѣтъ цѣлыхъ поколѣній крѣпостнаго народа было какъ-будто преступленіемъ: со дня своего рожденія, они уже лишены были—если не всѣхъ, то—по крайней мѣрѣ—нѣкоторыхъ гражданскихъ правъ! Манифестъ 19 Февраля уничтожаетъ эти стѣсенія навсегда, и сколько бы ни оставалось еще сдѣлать для окончательнаго освобожденія

крестьянъ, но самое начало такого великаго преобразованія есть уже всемірная заслуга: она ставитъ тѣхъ, кто думалъ народную думу, кто содѣйствовалъ разрѣшенію крестьянскаго дѣла—и ставитъ выше всѣхъ Государя — въ ряду истинныхъ благодѣтелей человѣчества.

Освобожденіе крестьянъ никому не можетъ быть такъ близко какъ намъ, Украинцамъ. Мы, цѣлый вѣкъ боровшіеся противъ насильственнаго завладѣнія одного сословія другимъ во время соединенія съ Польшею,—мы, испытавшіе еще недавно несчастье—видѣть возвратъ этого искусственно—созданнаго, при Екатеринѣ II, сословнаго преобладанія въ нашемъ народѣ,—мы, безъ сомнѣнія, полнѣе, глубже и сильнѣе всѣхъ должны были почувствовать важность минуты, когда надъ огромной массой закрѣпощеннаго народа пронеслись и отозвались, въ самомъ сердцѣ, вѣчно—драгоценныя намъ слова: свобода и справедливость.

Крѣпостное право надвигалось къ намъ въ XVI и XVII вѣкѣ,—съ запада, а во второй половинѣ XVIII вѣка—съ сѣвера, но съ первыхъ зачатковъ у насъ крѣпостнаго права, во второмъ періодѣ просвѣщеннѣйшіе люди Украины всегда отрицали право душевладѣнія, и, насколько было возможно, писали и говорили противъ панскаго прозвона и стѣсненія личной свободы крестьянъ.

Въ 1767 году, бывшая, подъ предѣдательствомъ графа Румянцева, Малороссійская Коллегія, въ «наставленіи» своемъ выборному въ Комиссію о сочиненіи проекта Новаго Уложенія, Димитрію Наталіину, изъяснила, что «простой народъ доведенъ до крайняго нерадѣнія мнимымъ въ свободѣ своевольствомъ, ибо многіе бродятъ съ мѣста на мѣсто»; что все сіе можно исправить однимъ тѣмъ, когда, *при чинимой ревизіи*, гдѣ описываются дома и принадлежащія къ онымъ угодья, единожды навсегда утвердить всякой домъ и грунтъ, напримѣръ, подъ № или знакомъ—*такимъ*—дворянству, подъ *другимъ*—служивымъ, подъ *третьимъ*—мѣщанамъ, подъ *четвертымъ*—пахотнымъ поселянамъ, « съ тѣмъ, чтобы съ каждымъ такимъ дворомъ соединялась постоянная обязанность нести извѣстную службу и отбывать положенную въ окладъ повинность. При этомъ, для приведенія государственныхъ доходовъ въ порядокъ, Коллегія признала удобнѣйшимъ—«доходы расположить, до генеральнаго размежеванія земель, съ *душъ*». «Сими и другими средствами, всякъ дань и службы, ни-

гдѣ не избѣжить, безъ платежа нигдѣ ничего не получить.... Всякой пашенной тогда не можетъ получить свободы, доколѣ, на свое мѣсто, не доставитъ такова же данника, или работника; а не имѣющіе собственныхъ пашенныхъ земель и служащіе по договорамъ могутъ всегда пользоваться своею свободою.» За уходъ безъ отпуска предпологалось подвергать строгимъ взысканіямъ.

Это мнѣніе, сочиненное Коллегіею въ подражаніе существовавшему въ Великороссіи порядку, было встрѣчено сильнымъ возраженіемъ со стороны другаго выборнаго депутата, Григорія Политики. Хотя, по своимъ убѣжденіямъ, Политика былъ аристократъ стараго времени и отсюда не признавалъ за крестьянами права на владѣніе землею; тѣмъ не менѣе онъ писалъ Коллегіи такъ: *»Чтобъ, до генеральнаго размежеванія земель, доходы собирать съ души, на сіе я никакимъ образомъ согласиться не могу; ибо сіе не только правамъ, привилегіямъ и многими вѣками утвержденныхъ обыкновениямъ Малыя Россіи противно, но слѣдуетъ крайнему разоренію и опустошенію, а вообще государству—къ невозвратному вреду. Опыты сего очевидны уже и чувствительны; ибо когда, въ 1764 году, бывшій Гетманъ, графъ Кирило Григоріевичъ Разумовскій, велѣлъ учинить перепись по душамъ, не налагая никакого сбора, то невѣроятно, въ какой страхъ и уныніе пришелъ отъ того Малороссійскій народъ, и чрезвычайно началъ бѣжать въ Польшу и въ Татарскую Землю, и селиться на тамошнихъ земляхъ. Когда же, 1765 году, та перепись и отъ графа Петра Александровича (Румянцева) возобновлена, съ прибавленіемъ того, чтобъ не только переписать души, дворы и хаты, но обмѣрять земли, лѣса и всякія угодія, описать скотъ, въ прудахъ рыбу и прочее: то народъ въ большой еще пришелъ страхъ и умножалъ побѣги; ибо изъ того простой Малороссійскій народъ заключилъ что имъ больше ничего отъ того не слѣдуетъ, какъ только записаннымъ быть въ крепости, по примѣру Велико-россійскихъ крестьянъ, а для Малороссійскаго народа и одно сіе воображеніе ужасно и неспосно....*

»Легко можно на земли и на дома наложить новыя подати; легко можно разставить нумеры, но опасно только то, чтобъ одни нумеры не остались, а людей—не будетъ. Представляемые же отъ Коллегіи средства, чтобъ уходящихъ сыскивать всеми мѣрами, наказывать, посылать на поселеніе и на каторгу, сколь насильственные суть, столь и бесполезны; ибо сіе народа, близъ границъ живущаго, не

удержить. Поймають одного, а десять уйдетъ. Лучше, по всеин-
лостивѣйшему Ея Императорскаго Величества намѣренію, оградить
государство благоденствіемъ, а не стражею, то народъ и безъ того
въ предѣлахъ своихъ останется.»

Возраженіе Григорія Политики, вѣроятно, было принято во вни-
маніе, но не надолго: чрезъ 15 лѣтъ, 3 мая 1783 года (П. С.
Зак., № 15724), именнымъ указомъ Императрицы Екатерины II
Сенату было повелѣно: » для извѣстнаго вѣрнаго полученія казенныхъ
доходовъ въ намѣстничествахъ Малороссійскомъ, Кіевскомъ, Черня-
говскомъ и Новгородъ—Сѣверскомъ, и въ отвращеніе всякихъ побѣ-
говъ, къ отягощенію помѣщиковъ и остающихся обитателей, каждому
изъ поселянъ *остаться на своемъ мѣстѣ и званіи, идѣ онъ,
по нынѣшней ревизіи, записанъ*, кромѣ отлучившихся до состоя-
нія сего указа; въ случаѣ же побѣговъ послѣ сего указа, посту-
пать *по общимъ государственнымъ установленіямъ*.« Тѣ же пра-
вила были распространены и на уѣзды Слободско—Украинской губер-
нии, составлявшіе, въ то время, часть Харьковскаго, Курскаго и Во-
ронѣжскаго намѣстничества, а равно и на Малоросіянъ, поселянъ
въ губерніяхъ великороссійскихъ ⁽¹⁾.

Вспомнивъ сказанное Политикою, можно—нѣтъ, едва ли намъ мож-
но!—вообразить себѣ, что почувствовалъ Украинскій народъ, неожн-
данно попавшій въ неволю, отъ которой такъ долго откупался своею
кровію. Чтобъ судить, какъ тяжко отозвалось закрѣпощеніе крестъ-
янъ (даже вѣроятно—въ немногихъ, образованнѣйшихъ) нашихъ помѣщи-
кахъ, приведемъ нѣкоторыя строфы изъ *Оды на Рабство*, сочинен-
ной по этому случаю, въ томъ же 1783 году, авторомъ »Ябеды,«
В. В. Капнистомъ. Тѣ стихи, которые, пробиваясь сквозь ложно-
классическія выраженія *оды*, намекаютъ на событіе, повергшее на-
родъ въ страшное уныніе, *обозначены кривисимвъ*.

Пріемлю лиру мной забвенну,
Отру лежашу пшль на ней;
Простерши руку отягченну
Желѣзныхъ бременемъ цѣпей,
Для пѣсней жалобныхъ настрою;

(1) Правила, постановленныя въ указѣ 3 мая 1783 года, были распростра-
нены на *Полуденный Край*, (въ который входила и вся Новороссія), только
при Императорѣ Павлѣ, 16 декабря 1796 г. (П. С. Зак., № 63.868.

1
X
1

И соглася съ моею тоскою,
Увылым, томным, звукомъ пролью
Отъ струнъ, рѣкой омытыхъ слезной:
Отчизна моя любезной
Поработишь востану!

Куда ни обращу зѣницу,
Омытую потокомъ слезъ,
Вездѣ, какъ скорбную вдовицу,
Я зрю мою отчизну днесь;
Исчезли сельскія утѣхи,
Ирива рѣзвость, пляски, смѣхи;
Веселья тѣсныя гласъ утихъ
Златая нива сиротьютъ;
Поля, мѣса, мѣра пустьютъ;
Какъ туча, скорбь легла на нихъ.

Вездѣ, гдѣ кущи, села, грады,
Хранилъ отъ бѣды свободы щитъ,
Тамъ тверды зиждетъ власть ограды,
И вольность узами тѣснить.
Гдѣ было счастье народно
Со всѣхъ сторонъ текло свободно, —
Тамъ рабство изъ отгонитъ прочь...
Увы! судьба уродно было,
Одно чтобъ слово превратило
Нашъ ясный день во мрачную ночь.

Ты зришь, Царица! се лякуеть
Стенящій въ узахъ твой народъ;
Съ восторгомъ днесь онъ торжествуетъ
Твой громкій на престолъ восходъ.
Яремъ свой носить терпѣливо
И молить небо, да щастливо
Ты царствуешь, народъ любя...
И ты-ль его умножишь муки,
Обременитъ цѣпями руки,
Благословящая тебя?

Но нѣтъ: — души твоей доброты
Подвластные боготворятъ;
Твой кроткій судъ, твои щедроты,
Врага, преступника щадятъ;
Возможно-ль, чтобъ сама ты нынѣ
Повергла въ жертву злой судьбинѣ
Тебя любящихъ чадъ твоихъ?

И мысли чужда ты суровыхъ:—
 Такъ что-же?—*благъ не скрываетъ новыхъ*
Подъ мнимымъ иномъ бѣдствой сихъ?

Дашъ зрѣть намъ то златое время,
 Когда спасительной рукой
Веригъ постыдно сложиши бремя
Съ отчизны моей драгой.
 Тогда—о лестно упованье,
Прервется въ тѣхъ краяхъ стenanье,
Гдѣ въ первый разъ узрѣлъ я свѣтъ;
Тамъ, влѣсто воплей и стenanій,
Раздастся шумъ рукоплесканій
 И съ щастьемъ вольность процвететъ...

Желанію Кашиста суждено было исполниться только чрезъ 80 лѣтъ. Да будетъ же благословенъ день, въ который...» снято съ отчизны постыдное бремя; да упрочится взаимное довѣріе, доброе согласіе и единодушное стремленіе къ общей пользѣ; «да процвѣтетъ счастье и свобода!»

Замѣчательно, что Кашисть пораженный закрѣпощеніемъ нашего народа въ 1783 году, называетъ *отчизну—скорбною вдовицей*. Подъ впечатліемъ тѣхъ же явленій крѣпостнаго быта, нашъ Шевченко (вовсе не знавшій Оды Кашиста), также представлялъ Украину въ поэтическомъ образѣ печальной вдовы, освобожденіе которой отъ крѣпостнаго права, составляло внутреннюю задачу всей жизни поэта. Однажды возвращаясь послѣ отставки, изъ военной службы, въ Европейскую Россію, онъ встрѣтился, на волжскомъ пароходѣ, съ однимъ отпущеннымъ на волю музыкантомъ, —и, даже въ звукахъ его скрипки, бѣдному поэту послышались «стоны крѣпостной души и — казалось ему — сливались въ одинъ потерянный, мрачный, глубокий стонъ милліоновъ крѣпостныхъ душъ.—Скоро ли долетятъ эти пронзительные воли до тебя, Боже!» — (писалъ Шевченко, по этому поводу, въ своемъ дневникѣ.)

ВОСПОМИНАНИЕ О ШЕВЧЕНКѢ; ЕГО СМЕРТЬ И ПОГРЕБЕНІЕ.

Охъ, и радъ-же-бъ я, дитя моё,
До тебе встати, тобі порядокъ дати. —
До сирѣ могила двѣри залегла,
Оконечка заклепила.

Свадебная свиротская пѣсня.

Не стало Шевченка! Смерть разлучила насъ навсегда съ великимъ поэтомъ...

Тарасъ Шевченко родился посреди степей Днѣпровскихъ, и тамъ, съ молокомъ матери, всосалъ любовь къ родинѣ, ея преданья, ея поэтическія пѣсни. Грустная пѣснь носилась въ убогой хатѣ; качалась убогая *колмска*; мать прерывала пѣнье... и горячія, сердечныя слезы капали на его лицо; мать брала его на руки, повитого въ лохмотья, и плелась съ нимъ на панщину въ зной и ненастье.

Подростая немного, онъ уже слушалъ козацкія пѣсни и рассказы стараго дѣда, — современника, а быть можетъ, и сподвижника Гайдамакъ, — который выводилъ передъ его глаза кровавыя сцены, полныя ужаса и отваги. Все закаливало эту душу. Жизнь его, отъ рожденья, была наполнена то горемъ, то драмой, то поэзіей. Всѣ житейскія бѣдствія были для него не слухомъ, а дѣйствительностью; нищета и жалкая доля преслѣдовали по пятамъ и его, и все, что было ему близко. Поэтическая и дѣйствительная жизнь народа нераздѣльно отпечатлѣвались на его душѣ.

Слѣзная судьба рано взяла его въ жесткія руки, и не давала его сердцу отдыха. Оторванный нѣкогда отъ родины и семейства, брошенный далеко отъ друзей, онъ долго изнывалъ одинокій, въ пустынѣ, въ глуши, но никогда не жаловался на свою судьбу, никогда не говорилъ о своихъ страданіяхъ.

»Невсипуще горе« не измѣнило его; онъ остался чистъ сердцемъ, — онъ былъ вполнѣ человекъ, — во всемъ значеніи этого слова. Поэтъ, гражданинъ, живописецъ, граверъ, пѣвецъ, — онъ вездѣ шелъ честно и разумно.

Эти дарованія совмѣстились въ немъ сколько на отраду и отдыхъ въ тяжелой жизни, столько и на еще горчайшее сознанье своего безотраднaго существованія. У другаго въ жизни можно сосчитать дни горя, у него — счастливые дни.

Для Шевченка настали свѣтлыя минуты, когда, послѣ 10-ти лѣтней разлуки, онъ свидѣлся съ друзьями, съ родной, съ родными.

Нѣжная, теплая душа его была благодарна каждому, кто любилъ его. Благодарность за участие не покидали его никогда. Обвиняемый нѣкоторыми въ неблагодарности, онъ горько былъ этимъ оскорбленъ. Однажды онъ писалъ такъ: «Пригрезилось, будто я освобожденъ отъ крѣпостнаго состоянія и воспитанъ на чужой счетъ. Откуда эта нелѣпая басня — не знаю. Знаю только, что она не дешево мнѣ обошлась.» —

За мою заочную любовь къ нему, Шевченко встрѣтилъ меня, при первомъ знакомствѣ, братскими объятіями, не отходилъ отъ меня, ласкалъ дѣтей, приходилъ ко мнѣ ночью и безъ церемоніи будилъ, желая насмотрѣться. «Какъ я радъ, что вижу васъ и ваше семейство,» говаривалъ онъ. Дѣти мои, которыхъ онъ прежде никогда не видалъ, трогали его до слезъ, называя по имени съ перваго свиданья: они знали его по портрету. Не время сближаетъ человека, а сочувствіе. Мы съ первыхъ словъ были одна семья. Пользуясь такою открытою любовью, я позволилъ себѣ высказать Тарасу Григорьевичу все мое опасеніе за дальнѣйшую судьбу его и развернуть предъ нимъ его будущіе, еще мрачнѣйшіе, дни. Слѣзы навернулись на глазахъ его, онъ утеръ и всхлипнулъ:» Правда... *О, крий Боже! крий Боже!*...»

Здоровье поэта — художника видимо разрушалось. Грусть и душевная тоска, недовольство собою, недовольство жизнью, одолевали его. Онъ рѣдко смотрѣлъ въ глаза... На горизонтъ его надвигалась мрачная туча и уже понесло холодомъ смертельной болѣзни на его

облиту слезами жизнь. Онъ все еще порывался видаться съ друзьями, все мечталъ поселиться на родинѣ... и чувствовалъ себя все хуже.

Утромъ, 26 февраля, въ половинѣ 6-го, не стало Шевченка...

Приведемъ простой, теплый и вполне достовѣрный разсказъ А. М. Лазаревского о послѣднемъ днѣ жизни поэта:

«Тарасъ Григорьевичъ началъ чувствовать себя нехорошо съ осени прошлаго года. 23-го ноября, встрѣтившись у М. М. Л. съ докторомъ Э. Я. Бари, онъ жаловался особенно на боль въ груди. Докторъ, выслушавъ грудь, совѣтовалъ Тарасу Григорьевичу побережечься. Съ тѣхъ поръ здоровье его плошало со дня на день. Январь и февраль просидѣлъ онъ почти безвыходно въ комнатѣ, изрѣдка только посѣщая короткихъ знакомыхъ. Въ это время онъ продолжалъ заниматься гравированіемъ, писалъ копію съ своего портрета, бывшаго на выставкѣ, и началъ портретъ одной дамы; послѣдній сеансъ былъ въ концѣ января; онъ весело и спокойно работалъ съ 12 до 4 часовъ.

«Въ субботу, 25-го февраля, въ день именинъ покойника, нервный посѣтилъ больнаго М. М. Л. и засталъ его въ ужасныхъ мукахъ. По словамъ Тараса Григорьевича, съ ночи у него началась сильнѣйшая боль въ груди, не позволявшая ему лечь. Онъ сидѣлъ на кровати и напряженно дышалъ. *Напиши брату Варѣоломею*, сказалъ онъ Л., *що мені дуже недобре*. Вслѣдъ за тѣмъ пріѣхалъ г. Бари. Выслушавъ грудь, докторъ объявилъ, что водяная бросилась въ легкія.

«Муки страдальца были неописанныя; каждое слово стоило ему страшныхъ усилій. Мушка, положенная на грудь, нѣсколько облегчила страданія, и ему прочли поздравительную депешу изъ Харькова, отъ П. Трунова; *спасибі!* только и могъ сказать покойникъ. Потомъ попросилъ открыть форточку, выпилъ стаканъ воды съ лимономъ и легъ. Казалось, онъ задремалъ; присутствовавшіе сошли въ его мастерскую (*).

Около трехъ часовъ, Тараса Григорьевича посѣтили еще нѣсколько пріятелей. Онъ сидѣлъ на кровати, каждыя 5, 10 минутъ спрашивалъ, когда будетъ докторъ, и выражалъ желаніе принять ошію, чтобъ забыться сномъ. Отвѣчали, что докторъ будетъ въ три часа, но чрезъ нѣсколько минутъ онъ опять началъ тосковать, спрашивая:—

(*) Т. Гр. умеръ въ домѣ академіи художествъ, въ своей мастерской. Постель его стояла на антресолѣ.

скоро ли прїѣдетъ докторъ. Сравнительно, ему было въ это время лучше. Когда остался у него одинъ В. М. Л., Тарасъ Григорьевичъ началъ говорить, какъ бы хотѣлось ему побывать на родинѣ, и что весной поѣдетъ онъ въ Украину... Ободря больного, В. М. Л. приглашалъ его сдѣлать поѣздку вмѣстѣ съ нимъ въ южныя губерніи. Тарасъ Гр. слушалъ съ удовольствіемъ, охотно соглашался, замѣчая, что родной воздухъ возстановитъ его здоровье: *«Отъ якъ бы до-дѣму, тамъ бы я може одужавъ»*. Нѣсколько разъ повторялъ онъ, какъ не хочется ему умирать. Въ это время г. Бари опять посѣтилъ больного, нашелъ его въ удовлетворительномъ положеніи и совѣтовалъ продолжать прописанныя средства. Больного оставили видимо успокоеннымъ.

«Въ 6 часовъ прїѣхалъ одинъ изъ друзей покойнаго съ докторомъ П. А. Круневичемъ. Больной былъ опять въ трудномъ положеніи. Онъ съ усміемъ отвѣчалъ на вопросы доктора и, казалось, сознавалъ уже безнадежность своего положенія.

«Къ 9 часамъ прїѣхали снова гг. Бари и Круневичъ. Они еще разъ выслушали грудь больного: вода продолжала наполнять легкія. Для облегченія страданій, поставили другую мушку. Вслѣдъ за симъ, больной получалъ вторую поздравительную депешу, изъ Полтавы: «Батьку! Полтавці, поздравляютъ любого кобзаря съ именинами и просятъ: утні, батьку, орле сизий! Полтавская громада». Выслушавъ ее, больной сказалъ: *спасибі, що не забувають*. Депеша, видимо, обрадовала его. Затѣмъ доктора сошли внизъ. Оставшимся при немъ друзьямъ Т. Гр. сказалъ: *чи не засну я, — возьмить огонь!* Но минутъ черезъ пять онъ отозвался: *што тамъ?* и когда на зовъ его явился, то онъ просилъ воротить г. Бари и сказалъ ему: *у меня опять начинается пароксизмъ: какъ бы остановить его!* Положили на руки горчишники.

«Въ половинѣ 11-го, Тараса Григорьевича посѣтилъ М. М. Л. съ другимъ прїателемъ; они нашли больного сидящимъ на кровати безъ огня; ему было очень тяжело. На замѣчаніе М. М. Л., что, можетъ быть, они его стѣсняютъ, Т. Гр. отвѣчалъ: *и справди такъ; мнѣ хочеться говорить, а говорить трудно*. Его оставили одного.

«Почти всю ночь провелъ онъ сидя на кровати, упершись въ нее руками: боль въ груди не позволяла ему лечь. Онъ то зажигалъ, то тушилъ свѣчу, но къ людямъ, бывшимъ внизу, не отзывался.

«Въ 5 часовъ, онъ попросилъ оставленнаго при немъ М. М. Л. слугу сдѣлать чай и выпилъ стаканъ со сливками. *Убери же ты теперь здѣсь*, сказалъ Т. Гр. слугѣ, *а я сойду внизъ*.

»Сошелъ Т. Гр. въ мастескую, охнулъ, упалъ, и—въ половинѣ 6-го—нашего дорогаго, роднаго поэта не стало!...»

Изъ бѣдной комнатки покойнаго распространялась страшная вѣсть по Академіи,—разливалась далѣе, далѣе, и пошла, по городу, отыскивая друзей и братій, каждому нанося рану въ сердце.

28-го февраля, утромъ, была похоронная обѣдня. Тяжело, невыносимо—мучительно было прощанье, но, не смотря на то, какое-то отрадное чувство и свѣжесть вѣяли на душу. Храмъ былъ полонъ. Всѣ соединились братски въ одну печаль, въ одно воздыханіе. Благоговѣніе къ покойному и ненарушимая тишина были кругомъ. Тутъ не было лицемерія: непритворная любовь и уваженіе къ Шевченку крѣпко сдружили насъ.

Невозвратимая утрата снѣдала тоской, давила грудь свинцомъ. Печальные и сраженные горемъ приближались мы, одинъ за другимъ, ко гробу, чтобъ надъ свѣжичъ еще тѣломъ усопшаго высказать его заслугу. Каждый и плакалъ и радовался, слушая публичную оцѣнку поэта-человѣка. Каждое сказанное слово былъ готовъ каждый изъ насъ повторить громко,—оно намъ всѣмъ принадлежало.

Мы помѣстимъ эти надгробныя слова безъ измѣненія и въ томъ порядкѣ, какъ они произносились. Пусть они напоминаютъ тотъ грустный день, въ который такъ единодушно, такъ благородно, выразились и любовь и уваженіе къ покойному Тарасу Григорьевичу.

СЛОВА НАДЪ ГРОБОМЪ ШЕВЧЕНКА.

I,

П. А. КУЛИША.

Немає зъ насъ ні одного достойного проректі рідне українське слово надъ домовиною Шевченка: уся сила и вся краса нашої мови тильки ёму одному відкрилася. А все жъ ми черезъ ёго маємо велике й дороге намъ право—оглашати ріднимъ українськимъ словомъ сю далёку зёмлю.

Такий поэтъ, якъ Шевченко, не однимъ Українцямъ рідний. Дѣбъ вінъ не вмеръ на великому Славянському мiрові, чи въ Сербіі, чи въ Болгаріі, чи въ Чехахъ, — всюди вінъ бувъ би міжъ своїми.

Боявся еси, Тарасе, що впрешъ на чужині, між чужими людьми. Отъ-же, ні! Посередъ рідної великої семі спочивъ ти одпочинкомъ вічнимъ. Ні въ кого зъ Українцівъ не було такої семі, якъ у тебе; нікого такъ якъ тебе на той світъ не провожали. Були въ насъ на Україні великі воїни, були великі правителі, а ти ставъ вище всіхъ їхъ, и семья рідна въ тебе найбільша. Ти бо, Тарасе, вчивъ насъ не людей изъ сѣго світу згоняти, не городи й села опановувати: ти вчивъ насъ правди святої животворящої. Отъ за сю—то науку зібралися до тебе усіхъ язиківъ люде, якъ діти до рідного батька; черезъ сю твою науку ставъ ти всімъ імъ рідний, и провожають тебе на той світъ съ плачѣмъ и жалѣмъ великимъ. Дякуємо Богу святому, що живемо не въ такий вікъ, що за слово правди людей на хрестѣхъ распинали, або на кострѣхъ палили. Не въ катакомбахъ, не въ вертепахъ зібралися ми славити великого чоловіка за ёго науку праведну: зібрались ми середъ білого дня, середъ столиці великої, и всею громадою складаємо ёму нашу щирю дяку за ёго животворне слово!

Радуйся жъ, Тарасе, що спочивъ ти не на чужині, бо немає для тебе чужини на всій Славянщині—и не чужі люде тебе ховають, бо всяка добра и розумна душа—тобі рідна. Бажавъ еси, Тарасе, щобъ тебе поховали надъ Дніпромъ—славѣтомъ: ти жъ бо ёго любивъ и малювавъ и голосно прославивъ. Маємо въ Бозі надію, що й се твоє бажання виконаємо. Будешъ лежати, Тарасе, на рідній Україні, на узбережжі славного Дніпра, ти жъ бо ёго имя зъ своимъ имьямъ на віки зъєднóчивъ... Ще жъ ти намъ зоставивъ одинъ завітъ, Тарасе. Ти говоривъ своїй непорóчній мѣзі:

Ми не лукавили зъ тобою,
Ми прóсти йшли,—у насъ нема
Зерна неправди за собою...

Великий и святій завітъ! Будь же, Тарасе, пѣвень, що ми ёго соблюдемо и ніколи не звернемо зъ дорóги, що ти вамъ проложивъ еси. Коли жъ не стане въ насъ снаги твоїмъ слідомъ простувати, коли не можна буде намъ, такъ якъ ти, безтрепетно святую правду глаголати; то лѣчче ми мовчати, — и нехай одні твої великі рѣчи говорять людямъ во віки и віки чисту, немішану правду!

II.

В. М. БЪЛОЗЕРСКАГО. (*)

Обізваюсь до тебе, батьку іще разъ нашою рідною матеряною мовою, що нею ти проспівавъ, на всю Україну, свої думи про-

(*) Рѣчь эта была произнесена не вполне.

рочи, що нею розважавъ некучу тугу свого чистого серця и ливъ у наші души огонь святий. Підіймемъ до тебе свою тиху немощну річъ; рідна та щира, самимъ серцемъ проказана, дійде вона до тебе: ти и мертвий її почувешъ.

Чи жъ справді замовкъ ти на віки? . . . Замовкъ — и сумно стало округи насъ; здалось намъ, що найкраща, найголосніша струна нашого серця разомъ порвалася у грудяхъ, — що не стало поради вірної—батька у дітей, нема крилâ широкого прикритъ и зогріть сиротъ. . . Такъ намъ здавалось, — а теперъ ми вже пеймемо тому віри: бо не замовкне во віки твій голосъ міжъ нашимъ народомъ: мовъ луна неперестанна, отдаватиметця вінъ и намъ и насчадкамъ нашимъ, поки не замре у синівъ України щирее серце, поки намъ миле ріднее слово и громадське добро. . . За твоімъ лѣтомъ и ми полетіли — и вже не сгорнемо криль: підіймемось разъ и вдруге; будемо детити якъ той голубъ Ноївъ, поки не знайдемо свого пристанища.

Хтѣ жъ ти такий, що такъ орудувавъ нами за життя свого, и правишь душою нашою и зъ сії труни тісної? На що ти живъ у світі? чомъ не затерла тебе гіркая доля, якъ передъ тобою и за тобою позатирала вона чимало братівъ нашихъ убогихъ и безталаннихъ? . . . Теперъ, зрозуміли и свої и чужі, на що здався твій вікъ недовгий. Душа душу чує; почувла душа наша, за кого ти туживъ, за кого журився и побивався якъ осужений, за кого серце твоє любяче не знало упокою ніколи, и лило гарячи братні слѣзи. Въ тихъ теплихъ слѣзахъ твоїхъ були людські слѣзи: угадавъ ти въ когѣ болить и цѣ болить — и все розказавъ світу. Ти весь у твоїхъ пісняхъ прозорихъ, и мощнихъ, якъ філія на морі; весь изъ твоімъ серцемъ високимъ, кипучимъ и ніжнимъ, изъ твоєю вічнєю тугою за долею людською. Твої пісні—високе слово правди и любови — не для самого тільки твого народу.

Бачъ, скільки зібралось доброго люду коло тебе. Різнихъ батьківъ и різнихъ язиківъ, а всі якъ брати тобі рідні, бо ти всімъ жадавъ добра и правди, а для себе дождавъ — тільки тісної могили. Убога чужа хатина, старенька одежина — отъ усе, що скористувавъ ти своїмъ життямъ гіркимъ. «Тільки ёго й доли, що рано заснувъ» . . .

«Ми не лукавили зъ тобою,» мовлявъ ти до своєї долі: «ми просто йшли: у насъ нема зерна неправди за собою». Отсежъ и твоя слава вічна и скарбъ найдорогший: сѣго вже ніщо и ніхто не одбере відъ тебе. Оце жъ и твій завітъ, для насъ, для твоїхъ синівъ-Українцівъ. Якъ доживемо ми до того, що й объ насъ люде скажуть: «у васъ нема зерна неправди за собою», — оттогді настане тобі праведна наша дяка, и зъ чистихъ ділъ нашихъ спорядится тобі віковичний пам'ятникъ. — А поки-що—одихай, батьку, по твоімъ життю тяжкимъ, а насъ, молодшихъ, благослови на неустанну роботу для добра України и всѣго світу! —

III.

Н. И. КОСТОМАРОВА.

Смертный одръ усопшаго поэта не окружали ни родные, ни жена ни дѣти. Одинока была его смерть, напоминавшая украинскую пѣсню:

Ой, загинула козацькая головонька
 Безъ роду—родни,
 Безъ вірної дружини.

Но гробъ его теперь окруженъ не чужими. Поэтъ не остался чуждымъ и для Великорусскаго племени, которое воспитало его, отъ-няло и пріютило въ послѣдніе дни его, послѣ долгихъ житейскихъ страданій. На его закатъ блеснула прощальною улыбкою любовь,— не женская любовь, часто измѣнчивая и лукавая, а безкорыстная, святая любовь душъ, способныхъ понимать изящное.

Такова сила поэзіи! Въ какой бы исключительной формѣ ни проявлялась она, какъ бы тѣсно ни соединялась она съ народностью и мѣстностью, — ея общечеловѣческій смыслъ не можетъ укрыться и скрывается общими достоинствами.

Шевченко не былъ только поэтомъ для Украины: онъ — поэтъ сельскаго народа, воспитавшій въ себѣ поэтическое вдохновеніе его существомъ, и передававшій его образованному міру въ прекрасныхъ безъискусственныхъ образахъ, добытыхъ имъ изъ сокровищницы своей богатой природы.

Простимся съ дорогимъ поэтомъ словами украинской думы:

Слава твоя не вире, не поляже!
 Буде слава слава
 Поміжъ козаками,
 Поміжъ друзями,
 Поміжъ рицарями,
 Поміжъ добрими молодцями!
 Утверди, Боже, люду Руського,
 Народу Християнського,
 Зъ черню Дніпровую, Низовую,
 На многні літа,
 До конца віка!

IV.

В. Ю. ХОРОШЕВСКАГО. (*)

Niech też Polskie słowo, krótkie ale serdeczne, zabrmi przy twojój trumnie, zacny Rusiński wieszczu! Tyś kochał swój kraj ojczysty, swój Dniepr siny, swój lud siermiężny, tyś tego ludu był dzielnym śpiewakiem; na żgę jego tyś zawsze żgą odpowiadał — cześć tobie! Tyś pono nie lubił Polaków, ale tę niechęć ku nim sprawiły w tobie dawne ich błędy, z których na lud twój, przez ciebie gorąco umiłowany, wielkie spłynęły cierpienia; więc tój niechęci przyczyna w tém leży:

«Żeś kochał wielu, żeś kochał wiele.»

Niechże przy twojój trumnie wszelkie umilkną wyrzuty, niech tylko serdeczne brzmi słowo: cześć tobie! Za błędy ojców nie odpowiadają synowie; nie poruszajmy więc tutaj starych waśni dawno upłyniętych przeszłości; powiedzmy raczej przy tych zwłokach braterskie „kochajmy się!“

Oby śmierć twoja, zacny Tarasie, i ten uroczysty a smutny obrzęd twojego pogrzebu, nowego życia były początkiem! Oby na twój trumnie kilka przynajmniej nienawiści ustało, i oby ten mały początek zradzał w przyszłości coraz więcej wzajemnego zrozumienia się, braterstwa i dawnych krzywд zapomnienia, jak małe ziarnko do ziemi wrzucone obfity plon zradza. Byłby to najpiękniejszy wieniec na cześć twoją i najwspanialszy tobie pomnik, Tarasie!

Пусть также и Польское слово, короткое, но сердечное раздастся у твоего гроба, достойный поэт Русинский! Ты любил свой край родной, свой Днѣпръ синий, свой народъ сермяжный; ты былъ мощнымъ пѣвцомъ этого народа; на слезы его ты всегда отвѣчалъ слезами. Честь же тебѣ, достойный Тарасъ, честь тебѣ! Ты не любилъ Поляковъ, но нелюбье твое къ нимъ произошло въ тебѣ въ слѣдствие ихъ давнихъ заблуждений, которыя низвели неисправна на народъ пламенно тобою любимый, большія страданія. ... Нелюбья твоего причины въ томъ,

«Что ты любилъ многихъ, что ты любилъ много!»

Но пусть у твоего гроба умолкнуть всякіе упреки, пусть здѣсь слышится одно сердечное слово: честь тебѣ!

За ошибки отцовъ не отвѣчаютъ ихъ дѣти, не станемъ же вспоминать здѣсь про старыя ссоры давно-минувшаго, а скажемъ лучше братское: «любимъ другъ друга!» О, если бы твоя смерть, почтенный Тарасъ, и этотъ торжественно-печальный обрядъ были началомъ новой жизни! О, если бы на твоей могилѣ умолило хоть нѣсколько ненавистей, если бы это начало повело въ будущемъ къ постепенному взаимному, братскому разумѣнію и къ забвенію давнихъ неправдъ, и принесло какъ зернышко, брошенное въ землю, обильный плодъ! Это былъ бы твой прекраснѣйшій вѣнецъ и величественнѣйшій памятникъ!

(*) Съ большимъ удовольствіемъ и признательностью помѣщаемъ здѣсь эту превосходную, благородную рѣчь. Она показала, что нашъ народный поэтъ вдумалъ чувства справедливости соплеменникамъ нашимъ, возвышающимся надъ предрасудками.

V.

А. С. ЧУЖБИНСКАГО.

Не въ стѣну, не на могилі—
 Надъ Дніпромъ широкимъ—
 Ти заснувъ еси, Кобзарю,
 Вічнимъ сномъ глибокимъ.

Падъ Невою, підъ снігами,
 При похмурнімъ сонці,
 Ти полігъ еси, мій друже,
 На чужій сторонці.

У головахъ не посадять
 Червону калину,
 Не привіта соловейко
 Твою домовину...

Не закує и зозуля
 Де-цебудь въ куточку,
 У цвітучімъ та пахучімъ
 Вимневімъ садочку...

Кругъ тебе чужа-чужина...
 Та не чужі люде:
 Ё кому тебе оплакать,
 Ё—и довго буде.

Покоління поколінню
 Объ тобі розкаже,
 И твоя, Кобзарю, слава
 Не вмире, не поляже!

VI.

П. Н. ТАВОЛГИ.

Плачте очі, виливайте
 До слезини, до росини;—
 Боже ти мій! Яка сила
 Пішла въ домовину...

Се той лежить, що не треба
 Було ёму злата;
 Се той, що душу й тіло 'давъ,
 Безъ плати, за брата;
 І піснею сивий голубъ
 Гувъ по Україні,
 Бився крильми объ могили—
 Святні руїни;
 То поляне по садочкахъ—
 Жалібно застогне
 Зъ дівчиною, що одъ зради,
 Якъ билина сохне;
 Зъ удівонькою потужить,
 Де дітокъ, якъ бобу,
 Кричать: »хліба!«—а тутъ нема...
 Хоть ізъ мосу въ воду!
 Комужъ діло?—безталаннимъ
 Все чужії люди;
 А вінъ усімъ братікъ рідний,
 Всіхъ приймавъ на груди,
 І бідоту і всю въ злоти
 Та гіркую долю,
 Що позичниее лихо
 Не дає покою.
 Въ пісні его—янголь плаче
 Про людську недолю,
 Кожну душу пригортає,
 Якъ матуся доню;
 Да такъ щиро, та прихильно
 Зъ безталаннимъ тужить,
 Що і кам'янее серце
 Роснопить, порушить.

Не въ хоромахъ; не въ роскóшахъ
 Смерть тебе постигла:—
 У хатині орелъ сизий
 Склавъ широкі крила;
 Дві свитіни красять стіни,
 Да і то старенькі,
 Плахоткою сестриною
 Зáp'яті гарненько,—
 Тільки всёго!...

Ой не тільки—дивись скільки
 Зібралоя люду

Різнихъ батьківъ і язиківъ...
 Зовуть тебе къ сѹду!
 Щожъ ви плачете, панове?
 Судіте! судіте!
 Про діла его громадї
 Голосно скажіте;
 Скажіте, якъ туживъ вінъ щодень
 За тими хто плаче,
 Якъ гримівъ звонами правди,
 Якъ щире, козаче,
 Серце ёго пало всюди
 Божою росою,—
 І прийшли ви еднатись зъ нимъ
 Чистою слёзою!

Слѣзи сїї дощѣмъ теплимъ
 Кануть въ Україні,
 Розіллють річеньками
 І довго тектимуть.
 Ізъ нихъ туманецъ, що-ранку,
 На легенькихъ крилахъ
 Буде летїть, нести росу
 На твою могилу.
 І ростиме та могила
 Все въ гору, да въ гору
 Широкая, та пишная—
 Буде їй простору!..
 Може злетїшь ти, нашъ любий,
 На яснихъ промінняхъ,
 На могилу, щоби глянути
 Генъ! на Україну.
 Може ўзришь: край веселий,
 Пісня по всїмъ полю
 Про Тараса—і забудешъ
 Свою гірку долю.

Гробъ не закривали. Всякій спѣшивъ сорвать на память лїсть съ лавровыхъ вѣнковъ, положенныхъ почитателями и почитательницами високаго таланта и дѣлился этою послѣднею землею памятю. Гробъ несли безъ крышки до самой могилы; траурныя дроги ѣхали порожня. Тихо, мирно шла густая толпа, наполняя всю улицу. Въ это время посыпалъ частый снѣгъ... «*Се діти послали зъ України свої слѣзи по батькові*», сказала одна Украинка.

Въ послѣдній разъ раздалась «вѣчная память»; гробъ опустили въ могилу; разошелся причетъ церковный; наступила совершенная тишина на полчаса: гробъ запаивали въ свинцовый ящикъ.

Здѣсь опять были сказаны рѣчи, которыя мы помѣщаемъ по порядку:

VII.

РІДНЕ СЛОВО О. А. ХАРТАХАЯ.

Чи мало зъ чимъ рівняли жисть чоловіка на сімъ грішнімъ світі! рівняли її зъ каюкомъ, що плава по синьому морю, рівняли її зъ банькою на воді... свята правда! схопився вітеръ, зірвалась буря, пішла горами хвиля... и баньці и каюкові—капуть. Рівняли її зъ билиною у полі, зъ високимъ деревомъ, котрому черви коріння точуть,— и багацько де—зъ—чимъ рівняли... а я вже не ставъ! — Серце щемить, душа болять, волосся на голові дибомъ стоять; сумно, страшно, якъ спитаєшь себе—«щобъ ти и чого живешъ?»

Усі люде виривають на світъ Божій, якъ и жодний, та не всімъ, якъ дѣ-кому, доля придалась. Доля, мовъ п'яний чоловікъ, що по ярмарку зъ пляшкою ходє; частує всякого, хто на вічі пошавсь: иншого до-верху налле, другому тільки чарку піднесе, а третєго и овсі обмене,—якъ лихоманка, не розбира на кого наскіпатья: чоловікъ чи панъ—ій все однаково. Вона не зазира нікому ні въ голову, ні въ душу, ні въ сердце. Инший до пяти ліківъ не тямє, — душа якъ вівця надъ сіномъ,—зъ старцівъ сорочку лупе, жуківъ безвиннихъ ногами топче,—а вона до єго льне и коржі зъ саломъ въ зуби тичє. Одинъ, для своєї користи, радъ усю громаду у старці пустиць: вона єго шанує. А инший, (бодай не казать!) самъ про себе и думати не дума, не порива очей ні на срібло, ні на золото; єго користь—правда свята, єго щастя—діло добре: того й не добача, або ще и напуститця на єго, неначє ій правда єго у поперець лягла: мучє єго, вьяне, зъ нігъ валяє, ганя єго по світу, якъ ловець биярка по-полю, не зна дє єму смерть подіять; заженє єго у такі края, куди воронъ и кістки не занісь-би. Заженє—бо силу має. Доля орудує чоловікомъ, якъ швець шиломъ: куди ввіткне, туди й лизь; якъ добрий козакъ конемъ:—куди п'аня туди їди. Правди у неї на шага не зберетця:

«Тому вона запродує
Відъ краю до краю,
А другому оставляє
Те, дє заховать!»

Подякуємъ Богові, що вінъ не давъ намъ знати, що насъ жде за горами! бо якъ-би чоловікъ знавъ, дѣ ёго кості положуть, — не захотівъ би довго жити!

Сумно и страшно вимовить: «Тарасъ Григоровичъ умеръ!» а ще страшніше сказати: »На чужій чужині!« Україно, мати наша! дѣ твоя утіха, дѣ вітає и що теперъ робе?.. Зомлили ніженьки, що по світу носили, зложились рученьки, що тобі служили, закрились карі очі, що на тебе, любуючи й сумуючи, гляділи, минулися думи и пісні! Переставъ твій Тарасъ слѣзи лити, стомився, заснути зхотівъ. Матінко наша, Україно, степи наші, могили, Дніпръ широкий, небо наше синє! хто вамъ пісню заспіваетъ и про васъ загадаєтця! хто васъ такъ широко любитиме и за васъ душу полоджить! Тарасъ Григоровичъ—у труні, сваряжений на той світ! Затихъ и замовкъ нашъ соловейко на вікі! Україно, Україно! дѣ твій синъ вірний? Мова Українська! дѣ твій батько, що тебе такъ шанувавъ, що черезъ ёго и тебе ще більше поважати стали. Надумався, наплакався, та й годі сказавъ: тісно ёму було на сімъ світі вінъ ёго й покинувъ....

Довго тебе, тату, на Україну вижидали; якъ дощину жаєваго ждали,—теперъ перестануть! Якъ сонечко ясне, що зъ-за чорнихъ хмаръ визирає, показувавсь ти на рідній землі, та не довго въ ій вітавъ усе тебе доля на чужину закличала—и очі на чужині закрила, въ чужій землі, въ чужій труні тіло поховала. Спижъ, тату, поки правда зъ кривдою силу мірять буде, поки правда запанує на світі!..

VIII.

Н. С. КУРОЧКИНА.

Еще одна могила раскрылась передъ нами! Еще одна чистая, честная, свѣтлая личность оставила насъ; еще одинъ человекъ, принадлежавшій къ высокой семьѣ избранниковъ, высказавшихъ за народъ самыя свѣтлыя его вѣрованія, угадавший самыя завѣтныя его желанія и передавший все это неумирающимъ словомъ, — окончилъ горькую жизнь свою, исполненную борьбы за убѣжденія и всякаго рода страданій.... Вся его жизнь была рядомъ испытаній; едва подъ конецъ ему улыбнулось счастье: онъ видѣлъ начало того общественнаго дѣла, къ которому стремился всей душой.... Не дожидъ онъ до осуществленія тѣхъ началъ, распространенію которыхъ способствовалъ своими пѣснями.... Но не будемте горевать объ этомъ... не о многихъ можно сказать какъ объ немъ: онъ сдѣлалъ въ жизни свое дѣло!

Счастье въ жизни было не для него,—его ждетъ другое, посмертное счастье—слава....

IX. (*)

ЦЕРМИТЯНИНА ЮЖАКОВА.

Спи, страдалецъ, несчастный другъ бѣднаго народа! Не видалъ ты ясныхъ дней въ своей жизни, потому что туманомъ покрыта была Украина!—Но ты уснулъ на зарѣ свѣтлаго яснаго дня, въ виду земли обѣтованной.

Пѣсня старой твоей родины воскресла въ тебѣ и не умретъ!—Твоей Кобзарь будетъ гулять по ней за тебя и, какъ правнукъ твой дѣда, расскажетъ *про дазню долю України!*

X.

П. П. ЧУБИНСКАГО.

Еще одна потеря въ Славянскомъ мірѣ; еще одна могила на Славянскомъ кладбищѣ.

Угасъ великій поэтъ, угасъ человекъ, у котораго *не было зерна неправды за собою*. Но не потеряется это свѣтило посреди тѣней... Сравняется его могила—но его грустное существованіе, его слова слѣзи не погибнуть и далекіе потомки скажутъ о немъ: *недаромъ вінъ на свѣтъ родився, свою Україну любивъ!*

Приводимъ еще нѣсколько симпатическихъ стиховъ неизвѣстнаго *Псковича*:

XI.

Еще прекрасная скатилася звѣзда,
Еще могучая одна угасла сила!...
Нашъ милый братъ, ты ль насъ покинулъ навсегда?..
Украина своего поэта схоронила...

(*) Эта, и слѣдующія рѣчи, не были произнесены.

Исхить же ты изъ сѣверныхъ болотъ
 Священный прахъ поэта,— и въ землѣ родной,
 Въ виду степей своихъ привольныхъ и цвѣтущихъ,
 На берегу Днѣпра широкаго, сокрой...
 То было пламенной мечтой поэта
 И не нарушишь ты высокаго завѣта,

Разстались съ могилой только въ 5 часовъ вечера.

Тишина, скромность, общая грусть при погребеніи,—поднимали въ душѣ воспоминанья родныхъ украинскихъ похоронъ. Волненье чувствъ едва сдерживалось; украинки готовы были разразиться роднымъ плачемъ. Тянуло разстаться съ покойникомъ по-своему, хотѣлось оплакивать съ причитаньемъ, *голосить*. Казалось, духъ Шевченка утѣшился бы этими поэтическими рыданьями своихъ землячекъ. Этотъ порывъ въ украинкахъ былъ бы естественъ; незнакомыя лица замыкали имъ уста. Здѣсь, намъ кажется, мѣсто этому плачу. Пусть онъ выскажется, пусть огласитъ могилу—и дойдетъ на родину.

ГОЛОСІННЯ УКРАЇНОКЪ.

I.

»Чого ти такъ задумався—загадався, нашъ батьку рідний! яка важка дума обняла твою голівоньку? Кому ти урочаєшъ вдову—Україну и дітокъ своїхъ? Хто їхъ догляне, хто привітає, якъ ти, нашъ голубе?! Хто замовить намъ такє тепле и щирє слово, якъ твої святá душá намъ оповідала!...

Бóже!... Розівьютца садóчки—а тебе, мій голубе, и не бóде! Зашебече соловейко, закує зозуля— а тебе, нашъ жалібнику, и не почуємъ....

Зь якої жь сторони тебе, наше сонце, вiтати? істи и пити не бóдемо—тебе, сирітській нашъ батеньку, бóдемо виглядати....

Хто жь промовить до насъ душею, хто тихимъ своїмъ словомъ зжене тугу зь нашого сёрца?... Ти у насъ бувъ старший одъ усіхъ, а якъ заговоришь, то, мовъ, найменший братъ. Річъ твої тиха, а коріла собі всю Україну!...

Не треба тобі ні ріднихъ, ні хрещенихъ дітокъ, щобъ однокутувать тобі містечко на тімъ світі: ти самъ собі спокутувавъ страждучи по темнихъ братахъ своїхъ!... Не оглянулись ми, якъ ти уже й рушивъ на Божу дорóгу... мовъ зоря вечірняя покотилася—замай-не ла—геть, и—згасла!

ни свiтá жупана на тебе, якъ сiдъ, не вложили, шапки зъ квіткою,

якъ поводитця, не спорядили! боляръ, світилокъ не скликали, всёго поїзда твого краснаго великого не зїбрали. *Весїлля ти не мавъ и счастья не знавъ.*

Чи зналижъ ми, що ти на годиночку у насъ? »Оттѣкъ и тѣкъ, « кажешъ, »дїтки, робїть...« а самъ уже и у Божого порога...

Якъ згадаю тебе, мїй старший боярине, що ти й на моему весїлї спївавъ—промѣвлявъ и мене рїдному слову вчивъ, то тѣкъ и замїе мое серце!... Нікѣли вже не буде ему спочинку, хиба на годиночку, якъ паде на ёго живущая—цїлющая роса—твоя пісня, и радїсно и бѣлезно змїшаютьца мої вїрнї слѣзи зъ твоїми чистими святими слѣзами. Сповнивъ ти наше серце якимъсь огнемъ неугасимимъ,—бажаецця любити и любити...

Скїльки дївочїхъ очей умиетця по тобї слѣзою!... Поллютьца вони по всїй Україні, якъ почують, що ти, орле нашъ, покинувъ гнїздо свое, дїтокъ своїхъ, навїки. Скїльки сирїтѣ—покритокъ закуе зозуленьками по батьковї, заступнику, оборонцю своєму!

Накажи—жъ и моєй матерї,—сонечку моєму, що зайшло одъ мене,—и батьку моєму рїдному: нехай виглядають и мене за тобою... Доки вже менї тутъ пробуватись, даремне землю вѣжити, хлїбъ чужий заїдати да близькихъ серцю слїзьми провожати!

Який же ти у мене дорогий бувъ да хороший? а що я тобї угодного вдїяла! такѣ вже моє безтаданнїя...

Якъ згадаю, що твою головоньку весною калина не затїнять, сонечко наше тепленьке не пригрїє, соловейко не защебече надъ тобою, горлички, зозульки весною не прилетять, здаїлї дївчата весїлнѣ не заспївають, запашими зїллями, мьятою, васильками, барвїнкомъ, могили не вкрїють своїми дївочькими чистими слѣзами и не зрѣють... то ажъ серденько мое мрѣ, въ душї холоне!...

Скїльки ти навъ одради давъ, а ми тобї...! Коли-бъ була знала, що ти несподїванно такъ насъ покинешъ, ябъ стояла пїдъ твоїмъ порогомъ на—вколїшкахъ, квилїла-бъ, молила-бъ, слѣзами-бъ его обмїла, щобъ ти, мїй незабутий, сподобивъ мене почутъ ище разъ твое тихе, благословѣнне, слово!...

II

Мїй братїку, мїй голубоньку!.. мїй братїку, мїй лебѣдоньку!.. Мїй братїку, мїй соколе!.. мїй братїку, мої утїхо!..

Кому ти насъ уручѣешъ? И чо́го ти на насъ росе́рдився?.. Чи ми тобї що-такѣ зрѣбили, чи ми тобї що заподїяли, що насъ ти покидаешъ?.. Простї менѣ, мїй братїку, простї менѣ, мїї голубоньку!.. Тїльки въ насъ було утїхи, тїльки въ насъ було одради, що ти, нашъ голубъ сївий!.. Мїй братїку, мїй голубоньку... мїй братїку, мїй соколоньку!.. Куди ти одъ насъ відїтаешъ?.. То вже наші стѣжеч-

ки, наші доріженьки заростуть, де ми тебе виглядали, де ми тебе визирали!.. Мій братіку, мій голубе сивий!.. Хто насъ буде научати, хто насъ буде пораджати!.. Да вже для насъ въ світі правди не буде лучче відь тебе!.. Мій братіку, мій голубоньку!.. Нікого жъ намъ теперъ буде виглядати! Нікого намъ теперъ буде вижидати... Та ми було підемо, та ми було дивимось... а якъ побачимо, що мріє, до ми думасмъ—се ти! Наше серце, наша душа у тобі!

Та й усташь, мій братіку! та й устань, мій голубоньку! да й подивіся, якъ у тебе багацько гостей понаходило!.. Твої дружки, твої світільки прийшли до тебе... мій братіку, мій голубе!.. Якé жъ у тебе весільля смутнé та невесéле! Які твої світільки и дружки смутні та невесéли!.. Устань же, порадь же їхъ!.. Встань порадь же насъ, якъ імъ коники сідлати?... Да вже-жъ імъ коники не сідлати, та вже рушники не давати!

Мій братіку, мій голубоньку!.. відкляй тебе виглядати! відкляй тебе визра́ти! Чи зъ пісківъ, чи зъ долинь, чи зъ широкихъ країнъ?..

Коли намъ сподіватись тебе? Чп къ Різдвú, чи къ Великдню, чи къ Святій-Неділоньці?... Къ Різдвú снігомъ занесé, якъ Великдню водою залле, къ Святій-Неділонці травою заростé!.. Чи къ Миколи?! — да й піколп, мійбратіку, мій голубоньку, мій соколе сивий!..

Якъ будуть пташки щебетати, я буду свого братіка виглядати. Якъ буде зозуля ковати, я буду свого братіка дожидати... Уже-жъ зозуля кує—ранкуе, да и ніхто зозулі не чуе!.. Мій братіку, мій голубе! мій братіку, мій соколе ясний!..

Мій братіку, мій голубе!.. Да кланяйся мойй мати́ці, да кланяйся мойй голубоньці низькимъ поклономъ та вірнимъ слобомъ... щобъ насъ не забувала!

Моя маті́нко, мой голубоньку! мой маті́нко, мой порадоньку! мой маті́нко, мой зозуленьку!.. И па-що ви викликаете ёго до себе!.. и чому ви памъ ёго не оставляете на потиху!?. Моя маті́нко, мой голубоньку!.. Да и стрічайте ёго да и познавайте ёго!—свого сина сокола! Вінъ несé до васъ висточку одъ насъ, біднихъ сиріточокъ!..

Приймайте ёго, пригортайте до себе!..

Прощай, мій братіку! прощай, мій сокілоньку!..

Могила Шевченка находится на Смоленскомъ кладбищѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ иногда сживалъ и задумывался покойникъ. Онъ даже рисовалъ это мѣсто.

Прощай, мой дорогой! какъ теперь вижу тебя—съ опущенною внизъ головою, руки въ карманы, глаза всегда грустные....

Выпущенный на волю, Шевченко ѣхалъ на пароходъ и три ночи

не смыкалъ глазъ. Оставивъ въ Астрахани свой наемный чулацъ, Шевченко отдыхалъ въ дорогѣ; онъ былъ успокоенъ дружескимъ человѣческимъ приѣмомъ пароходной публики, отъ котораго давно отвыкъ. Въ своемъ дневникѣ онъ писалъ: «Всѣ такъ дружески-просты, такъ внимательны, что я отъ избытка восторга не знаю что съ собою дѣлать и, разумеется, только бѣгаю взадъ и впередъ по палубѣ, какъ школьникъ, вырвавшійся изъ школы. Теперь только я сознаю отвратительное вліяніе десяти лѣтъ, — и такой быстрый и неожиданный контрастъ мнѣ не дастъ еще войти въ себя. Простое человѣческое обращеніе со мною, теперь мнѣ кажется чѣмъ-то сверхъестественнымъ, невѣроятнымъ». Душа его была сильно встревожена: знакомые мотивы, малѣйшее чувство, — потрясали его до глубины души. Три ночи на пароходѣ вольноотпущенный буфетчикъ игралъ на дурной скрипкѣ и Шевченко заслушивался его скорбныхъ, вопіющихъ звуковъ, и писалъ: «Три ночи этотъ вольноотпущенный чудотворецъ безвозмездно возноситъ мою душу къ творцу вѣчной красоты плавительными звуками своей скрипки. Изъ этого инструмента онъ извлекаетъ волшебные звуки, въ особенности въ мажуркахъ Шопена. Я не наслушаюсь этихъ общеславянскихъ, сердечно, глубоко-унылыхъ пѣсень. Благодарю тебя, крѣпостнаго Паганини! Благодарю тебя мой случайный, мой благородный!...»

Ему даже не удалось дожидаться того радостнаго дня, когда миліоны народа вздохнули свободнѣе....

Что прибавить ко всему сказанному? Малороссы, Великороссіяне, Поляки, мужчины, женщины, оплакали Шевченка. Оцѣнка частью сдѣлана, но вполнѣ оцѣнится поэтъ-художникъ не теперь. Полный разборъ его жизни требуетъ годоваго труда.

Онъ былъ живая пѣснь... живая скорбь и плачь. Онъ босыми ногами прошелъ по колючему терну; весь гнетъ вѣка палъ на его голову; покоя не было этому *вдовинóму сыну*. Но иногда онъ возносился духомъ, пробуждалъ и зарождалъ, поддерживалъ и укрѣплялъ въ каждомъ — то пѣснію, то словомъ, то собственной жизнію — правду, и безграничную любовь къ *сіромъ*.

Вышедъ изъ простаго народа, онъ не отворачивался отъ нищеты и сермяги — нѣтъ, напротивъ! — онъ и насъ обернулъ лицомъ къ народу, и заставилъ полюбить его и сочувствовать его скорби. Онъ шелъ *по-пéреду*, указывая и чистоту слова, и чистоту мысли, и чистоту жизни.

Какъ художникъ (въ прямомъ смыслѣ) онъ заслужилъ себѣ имя доброе и честное. И на этой дорогѣ онъ былъ одинъ изъ первыхъ обратившихся къ родному. Я напому его давній художественный трудъ: »Живописная Украина,« — потому множество другихъ рисунковъ, и особенно: »Блуднаго сына«. Въ народномъ искусствѣ ни у кого не высказалось столько сознанья, столько силы, какъ у него. Тогда, какъ другіе ловили прелесть, съ спокойнымъ духомъ писали мирный уголокъ, свадьбу, ярмарку и проч.,—его духъ волновался, страдалъ, и выливался горькими слезами, когорыя потомъ обратились въ безпокойное негодованье, залитое желчью.

— Нѣкоторые, знающіе Шевченка—какъ поэта—слегка, упрекаютъ его въ однообразіи. Упрекъ этотъ несправедливъ. Его поэзія была отголоскомъ жизни, однообразнымъ на столько, на сколько однообразна жизнь народа. Онъ слишкомъ глубоко чувствовалъ, слишкомъ былъ близокъ бездольной *голотѣ*. Крѣпостное горе всегда стояло передъ его глазами. Душа его нашла себѣ одно созвучіе, одно подобіе—народъ.... Слова его замирали на устахъ,—вырывались одни рыданія.

Я не бачу счастливаго—
 Все плаче, все гине...
 И радъ би я схвататися,
 Аледѣ—не знаю.
 Скризь неправда—де не гляну...
 Серце вяне, засихає,
 Замерзають слѣзи.....
 И втомивсь я, одинокий,
 На самій дорозі.
 Оттакѣ-то! не здивуйте,
 Що вóрономъ кричу:
 Хмѣра сонце заступила—
 Я світа не бачу

Жизнь Шевченка, вся виѣстьъ взятая, есть пѣснь. Это—печальное, выско-художественное произведеніе. Вырванный изъ народа, онъ представляетъ собою самый поэтический его образчикъ.

Добрый до наввности, теплый и любящій, онъ былъ твердъ, слепъ духомъ,—какъ идеаль его народа. Самыя предсмертныя муки не вырвали у него ни единого слова изъ груди. И тогда, когда онъ подавлялъ въ самомъ себѣ мучительныя боли сжимающія зубы и выры-

вая зубами усы, въ немъ достало власти надъ собою, чтобъ съ улыбкой выговорить »спасибі«,—тѣмъ, которые объ немъ вспомнили вдали, на родинѣ.

Дружеское участіе оживило умирающаго. — Онъ отдалъ жизнь свою народу всецѣло и до смерти стоялъ у него на стражѣ, стремясь избавить его грамотой отъ нелѣпаго невѣжества и защищая отъ грозящаго ему насильственного просвѣщенья; трудовую свою копѣйку онъ отдавалъ на народъ. Съ какой радостью онъ встрѣтилъ первую Граматку Кулиша.—»Этотъ первый свободный лучъ свѣта, могущій проникнуть въ сдвленную крѣпостную голову«!... Онъ былъ сила, сплавающая насъ съ народомъ. Онъ пробудилъ насъ къ новой жизни.

Замолкли его уста.... Смерть холодомъ легла на разумное широкое чело поэта. Несчастіе тѣшилось надъ нимъ. Развитіе его послужило ему только для горшаго уразумѣнія печальнаго своего существованія.

...Разрушительной силой смерти онъ отнять отъ насъ. Кто слѣдуетъ его чудную пѣснь...

Засыпана твоя могила.

...Въ кругъ тебя все могилаы и двѣ дѣтскія могилаы подлѣ... бѣдныя, безъ вѣнковъ, безъ крестовъ...

Мы дорожили каждымъ словомъ поэта при жизни; теперь — это святой долгъ каждаго. Пусть каждый припомнитъ что-нибудь, — все теперь дорого. Пусть каждый послужитъ листкомъ для его вѣнка. Теперь время собирать его многозначущее жизнеописаніе. Отъ него мы не услышимъ ничего. Онъ съ собою унесъ многое на что недоставало у него силы разсказать. Онъ старался забыть свою жизнь, онъ скрывалъ ее—отъ друзей и отъ враговъ.

...Заховаю змію люту
Коло своего сердца,
Щобъ вороги не бачили,
Якъ лихо сміетца...

... Нема ворогівъ у могили... Нѣтъ и не должно ихъ быть. Непотъ-кого скрывать печальныхъ дней Шевченка. Не въ смѣхъ они послужать, а составлять славу и честь челоуѣка.

Л. Жемчужниковъ.

5 Марта 1861 г.

КОБЗАРЬ.

VII.

Минають дні, минають ночі;
Минає літо; шелестить
Пожовкле лістя.... гаснуть очі;
Заснули думи, серце спить;
И все заснуло, — и не знаю,
Чи я живу, чи доживаю,
Чи такъ по світу волочусь,
Бо вже й не плачу й не сміюсь....

Доле, де ти? доле, де ти?
Нема ніякої!
Коли доброї жаль, Боже,
То дай злої, злої!

Не дай спати ходячому,
Серцемъ замірати,
И гнилою колодою
По світу валятись;
А дай жити — серцемъ жити
И Тебѣ хвалити,
И Твій світъ нерукотворний
И людѣй любити...

Страшно впасти у кайдани,
Уміратъ въ неволі;
А ще гірше — спати, спати,

И спати на волі,
 И заснути на вікъ-віки,
 И сліду не кінуть
 Ніякого!.. однаково —
 Чи живъ, чи загинувъ....

Дале, де ти? дале, де ти?
 Немá віякої!
 Коли доброї жалъ, Бóже,
 То дай злої, злої!...

VIII.

Не женися на багатій, бо вижене зъ хати;
 Не женися на ўбогій, бо не будешъ спати.
 Оженися на вольній волі, на козацькій долі;
 Яка буде, така й буде, — чи гола, то й гола; —
 Та ніхто не розважає, ніхто не питає:
 Чого болить? и де болить? — самъ про тее знаєшъ.
 »У двохъ«, кажуть, »и плакати — мовъ лєгше инначе...«
 Брешуть люде, — лєгше плакати, якъ ніхто не бачить!...

IX.

Не завидуй багатому: багатий не має
 Ні приязни, ні любови, — вінъ все те наймає;
 Не завидуй могутчому, бо той заставляє;
 Не завидуй и славному: славний добре знає,
 Що не єго люде люблять, а ту тяжку славу,
 Що вінъ кровью та слезами вилле на забаву;
 И молоді якъ зійдутця, то любо, та тихо,
 Якъ у раю, — а дивися: ворущитця лихо...
 Не завидуй же нікому, — дивись кругомъ себе:
 Немá раю на всімъ світі, — хибá-що на небі!...

X.

Ой крїкнули сірі гуси
 Въ яру на ставу;
 Стала на все село слава
 Про тую вдову.
 Не такъ слава, не такъ слава,
 Якъ той поговірѣ,
 Що заіадівъ козакъ зъ Січи
 До вдови на двірѣ;
 Вечеряли у світлиці,
 Медъ, вино пили,
 И въ кімнаті на кроваті
 Спочіти лягли...

Не минула слава та —
 Не марно пішла:
 Удовиця у м'ясниці
 Сина привела...
 Вігодувала малого,
 До школи 'ддала,
 А изъ школи ёго взявши,
 Коня купила;
 А коня ёму купивши,
 Сідельце сама
 Самімъ шовкомъ вишивала,
 Злото́мъ окула;
 Одягла ёго въ червоний
 Въ жупанъ дорогій,
 Посадила на коника:
 »Глянте, ворогі!
 Подивітесь!« — Та й повела
 Коня вдовжъ села,
 Та й привела до обозу —
 Въ військо оддала...
 А сама на прощу въ Київъ
 Въ черниці пішла...

XI.

Чого мині тяжко? чого мині вудно?
 Чого серце плаче, ридає, кричить —
 Мовь дитя голодне?.. Серце моє трудне!
 Чого ти бажаєш? що в тебе болить?
 Чи пити, чи їсти, чи спатоньки хочеш?
 Засні, моє серце, навіки засні,
 Невкріте, голодне... а людь нависній
 Нехай скаженіє... закрій, серце, очі!...

XII.

Вітеръ вь гаї нагинає
 Лбзу и тополю,
 Ламá дуба, кóтитъ по́лемъ
 Перекоті-по́ле...
 Такъ и до́ля: тогó ламá,
 Тогó нагинає, —
 Менé кóтитъ — и дé спі́ннить
 И самá не зна́є!...
 У яко́му кра́і менé захова́ють,
 Дé я прихлю́ся — на віки засну́?..
 Коли нема́ до́лі, нема́ талану́,
 То нікого й кинуть... ніхтó не згадає —
 Не ска́же хоть на-смíхъ: нехáй спочива́є, —
 Тільки ёгó й до́лі, що ráно засну́въ...

Т. ШЕВЧЕНКО.

НЕ ДО ПАРИ.

I.

Якъ не живій, а лихо не мине. Такъ уже намъ Бógъ давъ, така вже доля наша....

Була въ мене небога; при мині вона й зросла, бо сиротою зосталася змáлечку. Я й бáтька и мáтiр'ь її поховала и оплакала; я й її рóзуму навчала, и добра її глédила. У неї була и хáта слáвна, и селiдьба, и скринi такi на колéсахъ, що було перехiлися та й два рукою не достáнешъ.

Живé вона въ мене веселéнька собi, а хорóша!.. така чорнобрiва та ясноока, та уста рум'яни, та станóчокъ струн'кий! А що весéла була, жартовлiва!

И хазáйка зъ неї дóбра, роботáща. Якъ дiйшла вона лiть своiхъ, то я безъ клопоту хлiбъ iла: вона й зрóбить усé, и доглédить усéго, и обмiркúе все, и хáту минi звеселiть.

II.

Живемó ми оттакéньки приятéнько собi та лiбо. Коли—рáзомъ я помiчати стала, що Парáся щось самá собi дúмае та дúмае. Гóлосно словцá не скáже, вéсело не засмiётця, не глiяне. И змарнiла трóхи.

Минi вона не признаётця, а я не питаю. Ходiла вона и на úлицю, и на вечорнiцi. Идé було й скáже: »Тiточко-голúбочко! я пiду до дiвчáтъ«, абó тамъ кудi; а тепérъ ужé випурхне зъ хáти, не питаючи мене.

III.

Одно́го вѣчора верну́лась вона́ така́ тѣха, а весѣла; хоче́ ніби щось мені́ сказа́ти, и не ка́же.

— Що́, Парасю́-голубо́нько? що́ тобі до́брого тра́пилось?

А вона́ все ва́руєтця ми́ні сказа́ти, тілько́ гляне́ та счервоніе́. А я все наполега́ю: скажи́, та скажи́!

Вона́ вста́ла и гово́рить тоді́: »Я, тіточко́ ми́ла...я вже ху́тко за́міжъ піду́«.

— Бо́же тобі помо́жи! Неха́й Ма́ти Бо́жа ща́стя-гала́нъ да́«!

Пита́ю, за ко́го вона́ ду́має....

»За Се́мена Пали́«.

— Охъ, дити́но моя́! чи то жъ до-па́ри? — кажу́.

»До па́ри, до лю́бої вподо́би!« одка́же ми́ні го́рдо.

IV.

А Се́ме́нь Пали́й то́й та бувъ на все село́ чудни́й та дивни́й. Багати́ръ бувъ, а живъ якъ убо́гі лю́де живу́ть. Вінъ бу́ло не при́дбає, а вте́ряє, ярмарку́ючи. Чи вінъ прода́є, чи вінъ купу́є, то все не на корі́сть собі́, уся́ке ё́го ошука́є, аби́ хто схоти́въ. Не те, щобъ вінъ бувъ та́къ-собі́: розу́мна въ ё́го голова́ бу́ла, и сло́вомъ вінъ бу́ло впо́їть тебе́, якъ ме́домъ; а про те дивни́й, які́йся дивни́й зъ ё́го чоло́вікъ бувъ. Таки́хъ люде́й я й не ба́чила. Бу́ло іно́ді на ё́го ніби щось на́йде: лежа́тиме цілі́сіньки́й день у горо́ді, на́че недужни́й, або́ нічь проблукáє по степу́, по полю́. Хто ё́го зна́є, що́ ё́му!

V.

Отъ я й виклада́ю все те́е небо́зі. А вона́... Звісно́ вже, що́ дівчи́на не вважа́є ні на віщо́, полю́бивши. Лю́бить, то вже лю́бить. Хочъ и зна́є, що́ бу́де недо́ля, та не бо́їтця, — про сво́ю до́лю байду́же!

Ра́дила я й просі́ла. Вона́ пла́кала, слуха́ючи; а до Пали́ Се́мена ду́ша її́ — якъ той мете́льник до́ огня́: не оджа́єніть, не зу-

пійнишъ. Що мнѣ робіти? Не звѣжилась розлучати, поблагословила.

VI.

Та й сама радувалась, дивлючись на життя їх мѣле та любе. Прийдѣ було до нихъ у гостину — сидять укѣпці. Що жъ то за щасливі! що жъ то за хоробі! якъ я до ёго придивілась, прилюбілась, мой матінко, — то вінъ мнѣ за дитину рідну ставъ. Такий у ёго поглядъ бувъ, така мова, така краса, що рідне тобі, та й годі!

Приблизить було Парася до мене на хвилиночку.... Господи, яка весела, яка щаслива!

— А що, Парасю?

»Та добре мнѣ, тіточко-сѣрдечко, добре мнѣ! любять вінъ мене дуже. И кроку відъ себе не відпускає; все просьте співа-ти. »Сідай коло мене, співай мнѣ, пташко, співай!« Отъ я й співаю, а вінъ слухає та дивитця мнѣ въ вічі... Що то за очи Господь ёму давъ!»

— А хазяйствечко — якъ? — питаю.

»Та й хазяйствечко нічого теперъ. Добре, все добре. Я вже такъ порядкую, такъ гошу ёму!... А вінъ, тіточко, вінъ усє не дає діла робити, — ей-же-Богу!.. Пораюсь тамъ коло пѣчи, або-що, а вінъ: »Чого се такъ довго, Парасю?«—»Та я для тебе, голубе, щобъ ти смашнійше зивъ.«—»Байдужє, каже, »мнѣ про те, сѣрденько! Ось иди сядь коло мене, та обійми, та будемо говорити, якъ у світі жити, якъ люде живуть у світі«. И якъ почне вінъ, тіточко, розмовляти, то я й позабуваю все, що тамъ розпочала робити и що до чо́го. Схаменусь, то ажъ сѣромъ, яка зъ мене господіяна.... Тепереньки я вже розумніша стала, пораюсь, мій, шійю.... А вінъ, дивлюсь, и осмутніє, и похмурний такий стане, и не їсть, не вьє нічого. А я прошу, а я прошу: »Та хочъ покоштуй, та хочъ губою приторкнись! воно добре, не-аби-якє.« — »Де жъ не добре, коли ти своїхъ ручокъ доложила, та ще й думокъ!« ніби сміючись изъ мене, говорить. А я ёго цілувати, — тоді вінъ изновъ веселій.»

VII.

Я було ралію, слухаючи того її щебетання. Не було й гадки, щоб усе те щастя у велике лихо повернулось. Хоч Парася вже не вчашає до мене, як перше, та я все думаю: »Се того, що вона там собі у щасті та вь роскоші.« Сказано: *Добре дяжджові — то и Бѳга забудь!*

Отъ, якось я зібралась та й пішла до нихъ у неділю. Хата зачїнена. Я тоді вь садокъ, и бачу — сидять вони вкупці, тільки чогось обѳйко невесѳлі; сидять собі мѳвчки.

А садокъ у нихъ по горі зеленїв ажъ до самїсїнької водї. Попідъ садкомъ річка шїроко вь берегахъ идѳ. По тїмъ бѳці жита половїють; чѳтко — млинъ мѳле, и чѳешъ и бачишъ — шумлять и хїлятця вѳрби на грѳблї, и на все благїй вїтерѳць тїгне....

Вони підъ грѳшою сидять. Вінъ дївїтця кудїсь далѳко, а вона на ѳго. Підхожу — обѳе жажнѳлись.

»Бѳже помѳжї! Здорѳвї булї!«

»Прѳсїймо!«

Вїтають, говорять; а все мнї здаѳтця — щѳсь не такъ вѳно, якъ перше було. Посїдїла я вь нихъ, та й до дѳму берѳса.

— Прѳвдї жъ менѳ, Парасю, — говорю їй.

Вѳна й пішла менѳ провѳдити.

— Парасю, — кажѳ: — чѳго се ви такї сѳгѳднї? Щѳ вамъ такѳ?

А вѳна: »Нїчѳго, тїточко, ѳй-же-Бѳгу нїчѳго!«

И не сказала. Такъ ми й попрѳщалися.

Идѳ я собі та все думаю: »Чѳго вѳна така неспокоїна стала? Щѳ тамъ у нихъ кѳїтця? А мѳже,« думаю, »посварїлися трѳхи? То й помїратця, мої голубьята.«

VIII.

И жду я її, жду; а її нема. Хоч коли на робѳтї й побачу, то на хвїлїночку.

— Чѳмѳ не прїйдешъ, не одвїдаешъ?

»Прїйдѳ, прїйдѳ, тїточко!«

А сама все не идѳ, и вбачаю — марнѳе та й марнѳе Парася мої.

Идú я зновъ до неї. А зима вже морóзами крiпкими укрiпила. Прихожу — вона въ печi роспалiла, а сама сидiть на долiвцi — и голову схилiла, и руки опустила. Чи жива, чи не жива?...

»Охъ, побiла мою Парасю лиха́я година!« думаю.

— Парасю! — кажу.

Тодi вона звелась и стала, блiда́я и пону́ра.

— Скажи́ мнi, дптi моe, скажи́ свою пригоду!

Вона мовчи́ть та на по́ломья дiвитця. А я прощу́, я прощу́ и плачу. Вона все тiльки на те по́ломья дiвитця. И до́вго я просiла, а вона дивiлась; а далi, обертаючи до мене голову: »Чоловiкъ не любить!« промовила.

— Якъ не любить, Парасю? Богъ неъ тобою!

»Не любить!« вiмовила, та такъ зъ души я́кось вiмовила, що одразу я вiри поняла.

»Перше люби́въ, тепeръ не любить.

— Що́ жъ, ви́нъ тебе́ обижае? — питаю... Мо́же, бье?

»Нi, не бье, не обижае,—тiльки не любить: не гляне, не пожа́луе, не всмихне́тця..

— Що́ се вамъ ста́лося? — говорю.

»И сама не знаю́, ка́же. »Я годи́ла ёму́, я люби́ла ёго́,—та до́ля моя́ така́я!«

— Мо́же, за що́ угни́вався на тебе́?

»За що́? Хиба́ я не слухаю? Ото́ було́ у-ли́ти, якъ сиди́мо въ садку́, ви́нъ мнi показуе: »Диви́сь, яка́ вода́ чи́ста! якъ у оче́р-та́хъ гуде́ — слухай!...« То я спeршу було́ не дивлю́сь, не слухаю — не хóчу. »Лу́чче я тебе́ поцiлю́ю!« було́ кажу́ ёму́: »що́ мнi тамъ диви́тись!...« Ба́чу, що́ ви́нъ здвига́е брови, то я вже по́ти́мъ и прислуха́лась, и придивля́лась, на́че бъ то зро́ду то-го́ не ба́чила, — ёму́ на вго́ду. Зновъ, уме́ръ ту́тъ отто́й Лисе́нко, да вдова́ продава́ла худóбу, — я просiла ёго́: »Купи́! дешевó кúпишь у неї«. А ви́нъ мнi: »Сирiтськимъ добро́мъ забagáтити хочeшь, Парасю!« А я ёму́ дово́жу, що́ все одно́ — кúплять лю́де. »Та не ми!...« Ба́чу, що́ ёму́ слухати те́е чо́гось гiрко, я и змóвчала собі... Нi, тiточко, я ёго́ слухала, та се вже мнi такé ща́стя!«

IX.

А тутъ саме вінъ увійшовъ у хату. Знявъ шапку, привітався, а самъ гордий та похмурий.

»Змерзъ!« каже.

Якъ схопитця Парася!... Дмухає на огонь, и кожухъ ёго струпує, и вьётця, якъ горлиця, коло ёго.

А вінъ—такий хорощий, я й не бачила ёго, здається, такимъ,— простягъ, гріє руки надъ поломьямъ червонимъ. А якъ Парася навёрнетця на ёго очи горді та смутні, одвертає одъ неї очі....

Хотіла я щось порадити, сказати, та не сказала нічого, — пішла собі додому.

И скільки вже я разъ хотіла до нихъ піти, та якъ згадаю— не піду. Якъ згадаю, що стоївъ вінъ гордий та спокійний такий, матінко!... Ні, не піду! вже не поможє!

Марко Вовчокъ.

ДЗВОНАРЬ

Оце я теперъ дзвонарь старій и вбогій; а колись не такимъ ходивъ. Та що згадувати? гадкою не зарадися. Та й жити не скільки: на мою домовину давно вже десь віросло дерево, та й переросло; а на ваші домовини, може, ще й рости не починало. Що було моє, те пройшло и біллямъ поросло: а коли часомъ згадаєтця, то й не розпізнаєшъ, чи то самъ живъ и бачивъ, чи малому мати въ казці казала... Такъ ні, — не казка.

А була наша мати дяконка, дуже бідна, и своїми руками заробляла хлібъ на насъ на трѣхъ — на мене, на естру Галю, та на Дюку. Знали ми тільки панотцюву могилу, а самого не знали. Було йдемо у неділю до церкви, то мати й показує намъ на якусь могилку, и каже було: »Ото підъ білимъ хрестомъ вашъ батько лежить,« — то ми й знали.

»А який, мамо, вінъ бувъ?« було питаємо.

— Вінъ бувъ добрий чоловікъ, и люде єго поважали, — було скаже.

»А въ чімъ єго поховали, мамо?

— На що вамъ се знати, діти? Поховали єго у чорній рязі и кадило положили; а я єму волосья розчесала до самихъ пачъ.

Було мати журитця, що нічого намъ не зоставивъ пан-отця у спадку.

А зосталась після єго хата та нові ворота — не вєпівъ и двора тиномъ обнести. И господарство не-яке було: нічого не придбано; то всего у людей позичали. А я тими часами підростаю: треба було писма вчити — а на які достажки? Салдатъ Пєвѣхай-

днкъ, що хлопцівъ вчивъ, грішми не бравъ, — та яка ёго й письменність була? Граматики усікі по верхахъ читавъ та часловець, а назъ псалтиря вмівъ одъ *Блаженъ мужъ* та до *Вскрю шаташася*. Та бувъ добрий чоловікъ — и за те дякувати Господа.

Ото було й посадовить насъ коло стола на ослоні, а іншихъ на лаві. Поберемо указки въ руки — а указки робивъ самъ, такі мерёжені та довгі, и за кожну бравъ по гърцю пшона, або по кърці, — ото й дивитця, чи такъ указки держимó. Коли який не такъ бзьме, то було й гукнё:

»Иване! такъ бабі костуръ дёржуть...«

Або до другого:

»Роззяво! такъ паничі видёлкою курчя́ть за обідомъ штрикають... Озьмі звичайненько, та проказуй свій стихъ.«

А самъ сяде на порозі, або на дзиглику та чоботи шне. А біля ёго пўжка римінна.

»А ну, дяконёвко, прокажі-лишёнъ свій стихъ.«

Се, бачъ, на мене.

То було поблагословісся хрестомъ святимъ и проказуешъ, ажъ поки не дойдешъ до гаспидського *хверть-ирці-кру, херь-ирці-кру*, — такъ тобі пўга и вродитця передъ очіма, и язикъ одеревеніе, — тільки указка трўситця.

А любивъ менé Позихайликъ — царство ёму небёсне, — любивъ якъ рідного, а все було лясне пўжкою по-за плічми, а въ иншого було й колóдкою шпурнё.

»Оттакі! Чого довбешъ, вражий сїну, мовъ чума́къ галўшки? Я тебó...«

Скільки не довбавсь, а такъ на *словотїтлі* й зачипівся. Тільки було матері ліхо: усé плаче та молитця.

Та й самъ Позихайликъ не дўже неволивъ насъ. Повчимось було трóхи, то вінъ и ведé насъ до себе на горóдъ — молодій бутъ поливати, — и поливаемо: а потімъ у лїсъ до Старосéлища — риби ловїти, або зъ вóлокомъ.

Самъ було віріже намъ ўдлища довгі та гнучкі, изъ брусліни; насўче кожному білої волосні, щобъ риба въ воді ўдочку не бачила та не жахалась: нарóбе гърнихъ поплавцівъ, та не зъ окучї, а зъ якогось дёрева, и посадовить насъ — когó міжъ око́ю, де лннї лóвлятця, ко́му міжъ латáття звелїть закидáти, де окувї на сѣнци грають; инший краснопірокъ потагáе; той себе-

лівъ та пліточокъ; — а самъ сидіть міжъ очеретами, ўдлище зъ доброго дубка, поплавець ажъ на середъ озера, — сидіть та погюкує:

»Пётрику! не ворущись: у тебе лускирь клює, — тягні!..«

И витягне лускиря.

»А! чортівъ Гриць! якого окуня впустивъ... будешъ теперъ у мене до самісінького Маковія *Пожилуй мя, Боже*, вчить!«

А самъ ажъ очеретъ ламає! Тільки не довго сёрдивсь...

Оце якъ наловимо чимало, та въ казанокъ, — така добра юшка, що Господи! хто провинова́тисся, тому хлібъ зъ водою, а намъ и юшка й риба.

»Іште, гаспидські діти, на здоровья, та кістками не подавітця. А ти, Грицьку, знай!..«

— Та тожъ ви могó окуня істé, дядьку.

»Тó-то — твого!..«

Та білшъ ужé й не гніваецця: такий добрий бувъ!

Якось разъ сидимó ми надъ озеромъ, та на полавці поглядаємо. А день бувъ тихий та тёплий: хочъ би тобі листъ на дереві залепета́въ, и птиця не щибече — тихо. Тільки й чути, якъ риба проти сонця викинетця, плесне́ на сонці, та ящірки сухимъ листямъ шелестять поміжъ травою, абó чміль загуде́, и стійхне.

Коли слухаємо, щось по лісу гукáє, да такъ далеко, що й гóлосъ ледві́ доносить, а далі все ближче та ближче. »А, дядьку, гу!.. а, дядьку, гу!« тільки й чути.

Инші зъ насъ хотіли відгукнутись на гóлосъ, такъ Позіхайликъ не звелівъ.

»Цітьте! каже, »гаспидські!.. Катъ ёго зна, що вонó такé е... Може щó недóбре, то глядіть, колибъ не нагукáли.«

Коли вийшло зъ лісу на поляну. Дівимось — ажъ то нангъ підтитарий.

»Помага́йбі!« каже, »Степáновичу!«

— Спасібі, — каже. — Та не гомоні, дядьку: усю́ рибу цокóлшкавъ.

»Чи не зъ ва́ми тутъ дяконча?«

— Зъ ва́ми... А, бісівъ окунь!..

Менé мовъ уколóло.

»А на́ що вамъ ёго?«

— Благочинний — каже — наїхавъ, во дяконѣвка, бачъ, тѣе, вѣлемо привести. Вони самі знають — на що.

»Оттакі! се, бачъ, и мені треба въ слободу йти.«

— То й йдїть, коли тѣе...

Отó й пішли.

Я йду, мовъ опечений, а малé сѣрце такъ и стукотїть, — Мати Бóжа, якъ бóязко,

»Се бѣ то тебѣ, хлопче, у бóрсу, — нїсарь казавъ, — коли не тѣе.«

Вонó жѣ такъ и було. Благочинний сказавъ панімáтці, що бóде за мѣне ходáтайствувати.

И походáтайствувавъ.

Рóкївъ у два, либóнь, у три, якъ у самого благочинного пiдрослї дїти, що вже треба було й їхъ пїсьмá вчїти, — и повезлї насъ у гóродъ. Прощаючись, мáти дóже плакала та наkáзувала, щобъ дóбрый бувъ та слухьяний, Бóгу бѣ молився рáно й вѣчїрь, и мáтїрь не забувавъ. И сѣстри плакали. Заплакавъ и я трóхи.

Приїхали у гóродъ на четвѣртий день. Благочинний водївъ своїхъ дїтѣй по началству, а я дóма сидївъ. Дáлї й менѣ повелї до рѣктора.

»Якъ тебѣ зовуть?« питає.

— Василькóмъ, — кажú.

»Васїлій... въ пáмьять отця нашого Васїлія Великого, Грiгoрия Богослóва... такъ?

Я мовчú, бо тодї ще не знавъ, що не Васїлія Великого, а Васїлія Амасїйского.

»А прозивáють?«

Я мовчú.

»Який неговiркий?«, каже, »мовчлївий — taciturnus... Такъ будешъ же ти — Тацитóрновъ.«

И ставъ я Василькóмъ Тацитóрновимъ — ажъ и дóсї. Тільки дóвго не втямкú менї було се прїзвище: опѣ було кликнúть у шкóлї: Петрь Лякримѣтовъ, Васїлій Тацитóрновъ, — то я мовъ и не чúю, бо усѣ забувавъ собї на лихо, що я Тацитóрновъ. Такѣ чуднѣ слóво, бодáй ёго!

И почали менѣ вчїти, та не такъ, якъ Позїхáйликъ вчивъ: не прóзьбою, нї грóзьбою, а червóною лозóю та гнучкóю вербóю. И бїли жѣ Тацитóрнова, Мати Бóжа, якъ бїли! Та малóму усѣ не на лихо: молодѣ тїло — швїдко гóлосъ; дїтячі слѣзи — швїд-

ко висохали; тільки на серці у дитини недобре накипало. Недобре насіння — не добромъ и зійшло. Та не одного мене бито...

А я тіши часами підостаю, та такъ же хутко! Уже сімнадцятий рікъ, и я не дитина, и въ мене думки та гадки: одна думка на добре; друга на погано. Та нечистий нагадавъ намъ у бурсі граждєвськихъ книжокъ читати, про мирські діла та про гріхи людські. А на такі книжки запрётъ бувъ одъ ректора: »Лучче», каже, »гріхъ содомський, ніжъ се диявольське наваждєнне: гріхъ по плоти — плоть сквернить, а писанне сатанино душу погубляєть.«

Воно жъ и мене на-віки згубило.

Якось разъ сидимó ми собі бурсаки та читаємо сі гріховні псалми (я вже й не згадаю, яка то книжка була), сидимó та читаємо, інші сміютьця, другі мовчять та слухають, — мене нечистий и науєтивъ.

»Господи! якъ би яє, кажú, »вмивъ такі вірші складати, а бъ и въ протопіи не пішовъ...«

— И такъ не підешъ, — озвався хтось тихенько за мною.

Зиркъ, — ажъ отєць ректоръ стоить середъ камери, коса росієтена, довга — ажъ ніжче плічъ, — а самъ білий, якъ єрєйда. Такъ усі й помертвили.

»Сатано, сатано... сатано!«

Я вставъ на ноги, а ноги не дєржуть... усє заходило передъ очима, и мовъ тємно въ камері стало...

»Сатано, сатано, сатано!..«

Тільки я й бачивъ бурсу и вона мене бачила.

Мене вигнали... Господи, якъ-то вже плакавъ я передъ ректоромъ, щобъ не губивъ мене, матіръ мою не вбивавъ, — не помилювавъ. Вигнали, якъ собаку.

Відшовъ я зъ бурси — куди йти? дє дітисъ? А вже більшъ ни до кого, якъ до матері. И пішовъ. А було се у Петрівку, саме тоді, якъ люде траву косять. Літо придалось добре, тємле — вєсело йти. И мені було вєсело, бо малому ліхо — шів-ліха, а надъ те ще й додому йшовъ; а дома я не бувъ сь того часу, якъ мене у бурсу одвезли. Довго озиравъ я на гєродъ, ажъ поки не покривъ горюю: сь того часу я й не бачивъ гєрода, та більшъ вже и нічого не бачивъ, окрімъ своєї слободі та дзвінці... Отó жъ я и дзвонаромъ ставъ.

Чи скільки я тамъ шовъ — не згадаю, а на нестий, чи на

сѣмий день, зъ-за горѣ, и наша цѣрква виглянула. Тутъ я заніагавъ, та й самъ не знаю, якими слізьми. Господи!— йду нїмо Старосѣлицца, де съ Позіхайликомъ колїсь рїбу ловїли, — нема Позіхайлика міжъ очеретїами, не стрїпїть зъ-за кущївъ єго ўдлицце довге, чорноклїннове, и хлопщївъ немає. А рїба, якъ и тоді, виграє на сѣнці, и зозула кує надъ озеромъ... Сѣрце въ грудяхъ колѣтитця, якъ не вїскоче.

Отутъ я окуна пїймавъ... И огнище бїцїмъ тїлько вчѣра залїте: десь недївно рїбу варїли... и муравїицїа цїле, кудї ми було червьякївъ кїдали та кричїали:

Муравї, муравї!
 Опъ Татїри йдуть,
 Вїшихъ дїтїи хорїжуть,
 И вїши подушкї заберуть!...

А отъ и озеро, такє жъ тїхе, якъ тоді, колї ще я малїнь бувъ...
 Пройшовъ и Старосѣлицца.

Отѣ у насъ хїта топитця, и димъ вїдно; а то верба зеленїе у горѣді въ Позіхайлика, надъ кринїцею... Мѣже вони молодїи быть полївають...

Колї дивлюсь, идуть менї на-зўстрічъ изъ слободї двї дївчїнкї, височєнкї та гїрнї, якъ квїточкї, — порївнїались зо мнѣю та й приглядїаютьця, бїцїмъ пїзнають менє. Ставъ, и очїмъ не йму вїри...

»Гїлю! Дѣко! ви менє не пїзнали?»

— Васїлечку! братїку!..

Да такъ и повїсли въ мене на шїї. Се жъ мої сѣстрї!

»Васїлечку! відкїля ти?»

— Зъ бїрси, — кажў.

»Хїбї жъ ти вже вївчївсь, братїку?» питїаютьця.

— Нї, Дѣко, — кажў, — не вївчївсь. А мїти дѣма?

»Дѣма«, вїжуть. »А ми оцѣ вїшли по возѣльцї, та тепѣрь вже не вїдемо.«

— Яка ти, Гїлю, велїка стїла, висѣна! и ти, Дѣко....

»И ти, Васю, велїкїи ставъ«, кажуть.

Приходїмо додѣму. Мїти стоїть середъ двѣра, закрїлась рукѣю відъ сѣнцї и приглядїаєтця.

»Се ти, Васїлю?» каже.

— Я, мїмо.

Перехрестїлась, а на самїї лицї нема. Я до нїї, а у самѣго рўки и нѣги трўсятця.

»Здорóвъ, сiнку«, ка́же, »якъ тебé Богъ приви́сть?«
Я запла́кавъ.

Чи не прогнiвiвъ чимъ Бóга, дiтятко?« мiти питае: »чогó пла́чешъ?«

Я мовчу́ та пла́чу. Жа́ль менi ii ста́ло и за се́бе сти́дно.

»Гóди, Васи́лю: хиба́ якé ли́хо спiтка́лося? кажи́, сiну.

— Менé, кажú, ма́мо, ви́гнали зъ бiрси.

А самъ пла́чу, пла́чу...

»Ви́гнали!... А за що?

— Я, ма́мо, кни́жки чита́въ.

»Кни́жки чита́въ? Такъ хиба́ за се виганя́ють?«

— Виганя́ють, кажú.

»А явъ непра́вда тво́я?«

— Дале́би, ма́мо, пра́вда.

»Такъ цуръ iй, га́спидськiй бiрси, прости́ Го́споди! Отъ, на-ви́жéни! за що дитiну ви́гнали.«

Увечерi прийшо́въ Позiха́йликъ. Поздорóвкались. Мовъ ба́тька рiдного я ёго́ побачи́въ.

»А попомъ́ скóро бiдешъ?« питае.

— Нi, — ка́жу, — нiколи не бiду.

»Овва́!—А ну́жъ, ну, роска́зуй, якъ васъ тамъ вчiли, хто вамъ указа́ки роби́въ...«

— Тамъ, дядечку, — кажú — безъ указа́окъ вчя́ть.

»Оттакóи! безъ указа́окъ! такъ цуръ же iй, ва́шiй бурсi, отъ-що!«

А сестра́ Га́ля й ка́же:

»Тамъ, дядечку, и чита́ть не веля́ть. Васи́ля за те й ви́гнали, що ви́нъ кни́жки чита́въ.«

— Э! шкода́, ка́же. Оце́, я ба́чу, и у васъ у бiрси такé жъ дiтво, якъ у насъ у полку́: и охви́цери ни́чогó не чита́ють... Таки́ жъ и попи́ зъ васъ бiдуть!

Съ то́го ча́су я вже ни́гдé не бувъ: такъ у слободi й zostáвся. Приста́вили менé, спаси́би iмъ, до цёркви дзвонаре́мъ — и отъ со́рокъ-сiмъ ли́тъ дзвоню́. Дзвони́въ и по ма́тері, якъ уме́рла, дзвони́въ, якъ и Позiха́йликъ вмеръ, и по се́страхъ дзвони́въ.

А хто по моiй грiшнiй ду́шi задзвони́ть?...

Д. Мордовцевъ.

СИРИТСЬКИЙ ЖАЛЬ.

Охъ и жалю мій, ти мій жалю,
Охъ и жалю мій не помажу!
Упустила долю, упустила щастя,
Да уже й не піймаю.

Пішла у насъ поголоска, що дівчаты у *комнати* будуть на-
біраць. По другихъ хатахъ матіркі трусятця, плачуть; а по ме-
ні й нікому, а сама я й байдуже; сироті не вадить: усюди горе.

Я сама собі — дакъ и не знаю: чогó жахатыця, чогó й ні.
Ажъ и годіна та впала; їздить прикащикъ той *сухóперний* по се-
лѹ (такъ ми ёго все звали, бо вінъ у білому сухóперному сиртуці
ходивъ), да й зганяє насъ у двіръ. Девять дівчаты насъ набра-
ли. Привезлі, покіннули въ хаті. Ждуть вони, ждуть ті дівча-
та — не клічуть до комнаты: хочъ би швидчъ клікали, то не
такъ би въ голову шибало. Деякі стоять такі бадёрісті, бувалиі
уже при господахъ да попрошпечувались, дакъ їх и попрого-
нили, а другі такі понѹрі стоять, якъ вілъ протн ярма. — Дакъ
шо жъ, хочъ и менé візьмуть, — каже Люба: — и підѹ: треба й
панамъ послужить! ницё й тебе бѹ, Галю, або тебе, Пріско,
треба взять у комнаты. — Спасібу, кажуть. — А та — якъ дер-
качъ, та бувалая Люба: — Спасібу, — каже, — за рѹбу, а за раки —
нема й дяки... Авжежъ васъ би двохъ треба брать; изъ вашого
рѹду ще ніхтѹ не бувъ при паныхъ. — Інші сміютця, що не по
іхъ бѹде, другі лаютця, а котрі й плачуть. Люба сичитця: — цить,
не плачъ, кѹпить мама калачъ, мѹдомъ помаже, тобі покаже —
сама ззість. Обізваьась Вѹдя: казавъ цїгань: дми, не дмі — не
къ Рїздѹ йде — къ Великодню; попались ми, якъ раки въ їтеръ —
не виплутаємся. — Люба перебіла: Мовчї, глухя, — менше грї-
хя! — Чогó ви! не журїтця, дівчата, — ударте лїхомъ обѹ землю,
якъ я, — и пустилась *трояна*, приспівуючв:

Танцюй, коваліхо,
 Б'уде тобі ліхо,
 Танцюй—не журись, —
 Матері твій б'ісь.

А Секлѣта якъ вихопитця собі: — Нехай, — каже — тїи плачуть,
 що замїжъ идуть, — да проти неї, да въ б'іки:

Сухе літо було,
 Конопель не було.
 На сорб'чку не нап'їла —
 Верегіа не було!
 Верегіа була —
 Полам'алися;
 На сорб'чку не нап'їла —
 Лінов'алася.....

Да зновъ, — и д'уху не переведе:

На що мені музики —
 Въ мене свої язїки:
 Я заграю, поскачу
 И нікому не плачу. —

Видя крузь з'уби: — Курз'у-верз'у, Борісіхо, дай кути на грѣчку...
 Показ'илися, чи щ'о? — правда, що въ одного ліхо скаче, а въ дру-
 гого плаче. — А Секлѣта зновъ почала преставлять, якъ от'о вона уж'е
 б'уде у п'анських будинок'ахъ ходить, изр'оду тамъ не б'увши, да й пі-
 шла—дрібъ-дрібъ дрібноенько ходить по х'аті, да в'ипростаецця та за-
 п'утаецця да й упаде; и якъ у її въ рукахъ б'уде гребінець тряст'ись,
 якъ б'уде чесать б'ариню. Тутъ инші дівч'ата ще більшъ ст'али журить-
 ця, ще більшъ с'імъ жалю завдала. А зъ с'єго да й до сміху д'ійшло,
 якъ в'иступила уже був'ала Люба преставлять справдешне діло,
 якъ пані ряд'очкомъ сид'ять, и от'о вже, щобъ побачить новобранку,
 в'еді потрібують, б'уцимъ-то нить схот'илось усімъ разомъ, якъ во-
 на подала—одній—та до губъ донесла, да й поставила стаканъ; и
 зновъ и др'уга пані: *ви мн'ь, д'ьвочка, дай, пожай лустак*, и тр'ей-
 тя, и усі такъ перебр'али: «а у мене, — каже, — такъ и мут'їт-
 ця въ голові: кому на плаття наст'упишъ — поволочешъ за собою, ко-
 му д'уже н'изько, аб'о в'исоко *подносъ* підіймешъ, а вони — чи п'ють,
 чи ні, — а черезъ стаканецъ, — каже, — дивлятця, и ч'юю, —
 каже, — якъ в'епчутця: *»хорошенька д'ьвужка, да ище не нат'єр-
 та...* »Б'оже м'їй! — д'умаю: — що жъ то значить: *не нат'єр-
 та?* ище зо мною б'удуть щ'ось робить! да якъ загр'усятця у м'є-

не рúки, якъ покóтитця стака́нъ зъ водо́ю, якъ ќнусь я, — ка́же, — въ го́лосъ, да зъ ха́ти, а пані́ такъ и покоті́лись одъ смі́ху; а въ дру́гій ха́ті стара́ дівка ба́ринина менé перестрі́ла да за ўхо, да такъ до́бре намъя́шкура́ла.« Такъ ми реготі́лися зъ її́ рóсказні́в!

— Оце́ жъ! — ка́же Лю́ба, — якъ до́вго не клі́чуть! нумъ спа́ть ляга́ть, абó-що. — А послі́ й поча́ла співа́ть:

Два півники, два півники
 Горóхъ молоті́ли;
 Дві кúрочки, дві кúрочки
 До мли́на носі́ли;
 Козе́ль меле, козе́ль меле,
 Коза́ насипа́е,
 А мане́ньке козиня́тко
 Ковші́ одбіра́е;
 Степа́нчико́къ підъ лі́пкою
 У дúдочку гра́е,
 А лисі́ця на полі́ці
 Очи́цями лупъ, лупъ,
 Изі́йшовши на стóличко́къ,
 Ніже́нька́ми тупъ, тупъ.
 А сорóки білобóкі
 Пішли́ танцюва́ти,
 А ворóби, старі́ жо́ни,
 Пішли́ догаві́ти;
 А жураве́ль, підті́кавшись,
 Пішовъ́ перейма́ти.

Да підобра́вши по́ли й пішла́ по ха́ті вихиля́тця, а за не́ю й дру́га ка́верзниця́ — Секле́та. Де й слéзи поді́лись — усі́ въ смі́ху! ажъ вінъ, той сухóперний, сусу́ль у ха́ту, — ми такъ и замлі́ли. »Иді́ть, — ка́же, — до го́рниць.« Ми одна́ на'дну: иді́ ти, иді́ ти. Не зва́жemoсь нія́къ иті́. Сухóперний насъ межі́ плéчі, вёрша розі́гнала́сь — якъ спотикне́тця, и дру́га за не́ю сторчъ. Ми въ смі́хъ, а сухóперний и собі́. По́ки дойшла́ до го́рниць, де той и смі́хъ поді́вся... на́че руко́ю зняло́. Дúмка за дúмкою кúпитця; ка́завъ би сво́ю дúмку — такъ и мо́ви нема́. Стоі́мо у дівóчий, — не йде́ на́ша ба́риня. Чýемо га́ласъ та́кий! Пані́ бала́кають, чашка́ми бряжча́ть, охъ, лі́щечко! да яко́го жъ і́хъ ба́гато! Дівча́та на́жуть, «що́, якъ туди́ поклі́чуть? — Стулі́лися ми одна́ до'дніе́і́ бли́зче. Не йде́ ніхто́. Дівча́та ко́мнатні́ смію́тця надъ на́ми, — у́же позабува́ли, якъ са́мі ко́лись трусі́лися, — а у насъ се́рце якъ

птицею не вилине. Думаємо: десь вони не матеріні діти, десь вони безбатьченки — у бур'яні віросли, — уже й мені дошкүлило, и мені сирітської обідранної своєї волі, да й то чогось стало жаль. А вони стоять такі веселі, у *платтях* уже. Аж чүємо, — бариня одкликається: — Палагєя! — Тутъ платтявиці почали штовхаться: »тебе кличуть. — Да ні, тебе«. Бариня въ-друге дүжченко: — Палагєя! — Палагєя такъ и покотїлась у *комнати*, якъ тє перекотї-пөле, и вітромъ не доженешъ. Відтіл несє попередъ себе *подносъ* изъ чашками, зъ стаканами. Гөсподи, — дүмаю, — якъ вона ёго й не впүстити! я бъ такъ и бєхнула объ помїсть, — якъ у її рүки не трүсатця? Скөро вслїдъ вийшла и пани. За нею й панъ; постоявъ трөшки и пішовъ, а пани, поздоровкавшись, зразъ одібрала міжъ нами тихъ, що уже були колїсь въ *комнатах* и одділила у-бікъ. »Васъ не треба,« каже; »ви уже були у *комнатах*.« Насъ сімъ зосталось. Пани й питає у крайней: »ти підешъ до мене въ услүги?« — У мене рїдъ великий, жаль кїдати. — Пани до другої: »а ти підешъ?« — Матерї жаль. До трейтї: »А ти?« — Мати старá, нездүжає: нікому постїль послать. — »А ти (усє підъ рядъ питають)?« — Мати старá: нікому за дробинюю бүде гледїть (а її мати, бáчте, птїшниця). Пани усміхнүлась. «А ти?» у мене питають. Я мовчү, — стою, кажуть, блїдá такá, якъ хүстка. Мені, дүмаю, нікого покидать, нікому постїлоньки слать. А пани кивнүла головою: »А ти? — до другої (усє чергюю йдуть). У мене бáтько й мати нездүжають. — Дівчата тїі, що одділені — Фөдөра й Люба — такъ и заговорили: »Нездүжають! Оцє люде! ніхтö не хöче послужїть господámъ: ажé жъ ми служили, — дакъ хто жъ служитиме!?« Пани й каже: »дакъ звáете — щö? поміркүйте ви самї міжъ собою, дівчата, и рїшїть, когö братъ изъ васъ: я тогö й вїзмү.« — И вийшла. Тутъ и почали дівчата на васъ: »чому тобі, абö тобі, не йтї! Да щцє якъ до їх бариня: якъ *їмъ* завгöдно, якъ *їх* милость (щобъ васъ звїрь иззївъ!); ще — *самі* зъ себе *вибїраїтє*.« Такъ и сїчутця до васъ, якъ чмарá та. А ми стоимö мовчки и нічимъ не порїшили. Мовчимö, якъ стївá, — ажъ одна — охъ! — а Секлєта: — дэ не вдөхъ! — Изновъ почали ми у мовчанá гратъ, жүримось. И зъ другою кінця котрасъ: охъ, охъ! Секлєта зновъ: — не любї двохъ... —

Пани довгөнько нема. А Любка: »звáете«, каже, »щö, дівчата: бүдемо гулять у *күми*, у *котá* и *хазяїки*.« — Атъ, чортъ звáє щö, —

кажемо,—вїдумала; тутъ плакати хочетца, а вона лізе.»Отъ, каже, дурні, тутъ-то й розважать себе!—Ажъ тутъ чѣмо, шамъ-шамъ плаття,—иде пані. Ми въ-ростичъ. »А що ви, дівчата, порішили діло?« питає пані. Мовчимо. — »Ужé жъ когось треба братъ. Я бъ самá вїбрала, та не хочу васъ обижать. Ви знаєте лүчче 'дъ мене и достатки всякого, и душéю протн свого брата не покривите. А я и нехотя зроблю не гарáздъ.«

Тутъ изновъ Люба и товаришка її, Феодора, обїзвãлись:—отїй би йти, отїй: у її мãти здўжає, — ще й се лїто на живнã ходїла.... Да ти жъ зãмїжъ пїдешъ, — такъ покїнешъ свою мãтїрь, — докладãють: — и невістка у васъ молодã; торїкъ весїлля гуляли.... А у тїєї и у тїєї бãтько зовсїмъ здўжає; а та зъ рóдомъ нóситца, якъ зъ пїсаною тóрбою: ёго усюди зъ собою не заберешъ. — Пані й каже: »Да гóдї, не перебивãйте менї. Ну, дівчата, не погнївайтесь же теперъ: я самá собї вїберу, коли самї не схотїли вїбрать. Пані сїла на стўльцї и почалã крайню роспїтувать: чи однã дочкã у мãтерї, скїльки у її братївъ, чи въ двóрї, чи дóма живўть; сестри — чи зãмужомъ, чи въ дївкãхъ, братї — чи жонãтї, чи парубкўють и чи зъ мãтїрю вкўпї живўть, — якї маётки у кого, и скїльки кому годъ, и якїмъ ремесत्वомъ орудує, и такъ усãку попвтãють и отдїлять. Пóслї, помóвчавши, подумали, да изъ серéдннн й вїбрали — менé, сироту, и ту дрўгу дївчнну, що у їх невістка молодã, торїкъ брата, и дочкã ще дрўга é зãмужомъ. Люде казãли пóслї: — дóбре панї розсудїли, — é на кого мãтїрь кїнуть; а тїй равнó прнтўлку немã: всãке її смїкало, якъ горóхъ при дорóзї. — Двохъ насъ и зостãвили. Тнмъ усїмъ панї вїняла зъ гаманцã грóшей и намъ обóмъ далã окрóме. Сь тогó часу я й зостãлась у *кóмнатахъ* до вїсїмнãдцãтого гóду.

Змãлку тїльки свого жнття й зазнãю, що все у куткў сидїла: хто булó захóче, той менé и одглўшить. Мãти вмерла, — я по сёмому гóду зостãлась, а бãтько вмеръ — ще равїй тóго. Бãтько якїй бувъ роботãщий! и день и нїчъ усé булó рóбнтъ: хто, -хто вставъ рãно, а Иванъ ужé вставъ, пїсёнъ тпївãє, а рубãногъ тїлько дж-ж-ж, дж-ж-ж, — а стружкї якъ метелї здїймаютьца, а вїнъ и дўху не переведé, — сїмъ и чахóтку собї, кажутъ, нажївѣ. Ще оцé я зазнãю — якъ я чнмсь собї рўку урїзала, дакъ бãтько лãкомъ прнмóчувавъ: теперъ що зглãну на

той шрамокъ, дакъ и ёго згадаю, — царство ёму небесне! А ма́тирть по тимъ зга́дую, що, було́, и насъ дите́й зъ собою забира́е, якъ иде́ въ двірть на робо́ту. И найми́чка у насъ була́ хоро́ша, а не повіря́ла на її. Па́ні дуже́ люби́ла мого́ ба́тька: було́ щопра́зника сво́єї па́ски присила́е розговля́тьця; отъ, разъ присла́ли, вінъ бувъ недужий, — съ по́лу підня́всь: «розговля́йтесь», ка́же, «діти», а самъ и вмеръ. Ма́ти въ холэру помёрла; я недужа лежа́ла на печі, а тутъ дві ба́бі коло ма́тері сиділи. Одна́ й ка́же: «умёрла Тетя́на!» а я якъ закричу́! а дру́га ка́же: «ні, ні, се вона́ засну́ла.» Усе́ мене́ дуріли.

Якъ умёрла ма́ти, якъ почали́ насъ грабовать — усé неробля́щий чортъ побравъ, усé підъ се́бе підгорну́въ. Тепе́рь уже́ мо́я хреще́на ма́ти мені́ роска́зувала — що́ добра́ усе́кого у насъ було́!.. Більшъ у сіхъ забравъ́ сухоперний. Пояси́въ одні́хъ було́ двана́дцять, ище́ некра́шенихъ; во́вни, одéжини скі́льки, по́лотень: сама́ ма́ти натка́ла; — скі́льки синя́токъ було́, хусто́къ, ря́денъ — все повиволі́кали, — мене́ зоста́вили безъ усéго. На́шу ха́ту оддалі́ кучеро́ві; сухоперний прислу́жився, бо зъ нимъ пи́ли й гуля́ли. Братъ мане́нький, одъ груде́й ще, вмеръ. Дру́га се́стра, чоти́рохъ годъ, у куче́ра жи́ла: вони́ зъ жінкою и її згу́били, и на́шу ха́ту перевели́... Було́ въ їхъ тро́е дите́й... Сестра́ мо́я ма́ла, а вони́ на її й накі́нули дво́хъ годъ хлопця́ гледіть. Разъ, ото́, пішли́ въ го́сті, а вона́ ёго́ й забра́ла на пічъ да въ чімсь и не догле́дила. Прийшла́ кучери́ха до-до́му підпівши, и якъ вхо́пила мо́ю сестру́ зъ пе́чи—такъ вона́ й покоті́лась на пі́ль, а зъ по́лу додо́лу: після́ се́го вона́ ско́ро и вмерла... Отъ же Госпо́дь їй, лиході́йці, се́го й не зба́чивъ: *хочъ не скі́ренъ, та влүченъ*... Разъ поприхо́дили вони́ зъ весі́лля, обо́е укї́нувши. Той лігъ спать, а вона́ ще чо́гось пішла́ у хї́жу; верну́лась, полізла на пічъ, а на печі́ у насъ було́ вікно́чко зъ квати́ркою; вона́ на ёму поста́вила кагане́ць, та й засну́ла. Кагане́ць догори́въ, гно́птикъ спавъ на вікно́, вікно́ заняло́сь, а-делі́ ви́хопився о́гонь изъ квати́рки и пішо́въ, пішо́въ чухра́ть очере́тъ круго́мъ ха́ти! Півна ха́та дї́му, —сплять вони́! Тутъ ишли́ лю́де, почали́ стүка́тьця, на-сі́лу добу́дїлись. Моска́ль убігъ въ ха́ту, съ пе́чи її ста́щивъ, дите́й поколо́шкавъ; ма́ле, що́ зъ ёю на печі́ було́, до полови́ни пузиро́мъ заня́лося; дво́хъ більше́нькихъ за ру́ки веду́ть, ажъ од-но́ хлопця́ по шосто́му го́ду й ка́же ма́тері: «пості́й, ма́мо! чо-

біто́къ оди́нь забúвсь, — и ви́пурснувь изъ рукъ; за нимъ, — шукать, — на́лапали въ диму́, чо́бито́къ у рупі, а воно́ неживе́. Ото́ во́ля Бо́жа! Се, мо́же, за мою́ сестру́ такъ. По́слі сме́рти ба́тька й ма́тері и во́ні, ка́жуть, ру́ки погріли коло́ на́шого до́бра: гама́нець знайшли́ и шісьдеся́ть карбо́ванцивъ гро́шей, ище́ зvéрху й копі́ечка лежа́ла (то вже́ імъ на подзві́нне), — та й за́тали одъ насъ. Усе́ у їхъ погоріло, усе́ — и на́ша ха́та, до гла. *Хто чу́же бере́, тою́ й Богъ по́бє...* Якъ мій ба́тько ту ха́ту бувъ оку́бивъ! — «не меніа́, — ка́же, — «бу́де, — такъ дітямъ моїмъ», — скли́нцюва́въ її, гру́зомъ набивъ́ и обста́вивъ очерéтомъ круго́мъ, щоби́ теплішъ. А садъ який хоро́ший бувъ! вінъ и невели́чкий — да зелéний, пахúчий: га́рний вишнячо́къ, дві я́блуні такі вели́кі надъ самі́ми сіньми; гру́ша, ли́ліясу́ три ку́ці вели́кихъ и ро́зи ку́щъ: солове́й усе́ було́ тамъ сви́ще, бо во́ні такъ собі́ у кінці́ са́ду стояли́; було́, тихéнько підійдешъ, а вінъ заплю́щившись да якъ сви́ще! Ма́ти насъ и одведе́, щоби́ не поло́хали. — Са́жалка була́, — ка́ліва круго́мъ понависа́ла такъ ря́сно, якъ діво́чі слéзи: то все ба́тько понаса́жувавъ. И тепе́рь зга́дую, якъ було́ гуля́ешъ... найми́чка полóтна бі́лить, а по́слі підъ ви́шнякомъ сиді́ть — поя́си плетé. Оце́ було́ я гребі́нку візьму́, привья́жу ми́чку та й собі́ пряду́, а ба́тько ка́же: «мо́я дочко́, мо́я па́нничко! я одку́плю тебе́, — на во́лю ви́пущу; пряді́ мені́ на ятері́ — бу́ду ри́бу тобі́ лови́ти.» Пі́де ра́но - ра́но, язй́ позаставля́е, духи́ по́закрива́е, вью́нівъ, карасі́въ налові́ть. А ма́ти ка́же: «мо́я дочко́, мо́я пра́шечко! пряді́ на ру́шники́, на хустки́: осну́емъ да ви́тчемо́.» Ба́тько й скрі́вню га́рну на колéсахъ зроби́въ бувъ мені́... Якъ-би́ давъ Богъ, щоби́ вінъ живъ́ бувъ, я бъ́ тепе́рь ві́чимъ не жури́лась... *На жи́то, мовля́въ, ора́ли, да й грéчки нема́е...* Якъ ставъ́ вже́ кúчеръ жи́ть у на́шій ха́ті, садъ усóхъ: — не до́глядъ! во́ні ё́го не са́дили, дакъ імъ и не жа́ль, а ба́тько, було́, вся́ку гі́лечку перещу́пае, сухé пообпи́люе, пообма́зуе... По са́ду, якъ пу́стїлась кúряча слі́потá, глу́ха кро́пива, лопúхъ; по грядка́хъ сві́рїпа, гірчи́ця, — такъ и за́глúхло все: підешъ у садъ — та́къ въ ре́пяхи́ и вберéсь, — колю́чий зроби́вся, мовъ́ їжа́къ... И лю́дина така́ бува́е, що до ё́го й не доторкнэ́сь... зъ двора́ й соба́ки на́ші позбі́гали. Ско́ро й зовсі́мъ садъ ви́рубали, ба́дїлля́ тільки́ стремі́ло. Тільки́ у ха́ті́ у їхъ такъ прехо́роше було́! Бо́жники́ ще́ такъ, якъ при́ ма́тері, бу́ли... Дві́ скрі́вні́ стоя́ло, а

одна въ коморі, мой — батьківська. Долівка, було, мажетця, лавки хоробші, чи ліпові, чи дубові, широкі... Усе силило!.. Корівъ у насъ три було, — батько та ма́ти запрацюва́ли, — полéгкость їхъ душамъ! Корóви наші були́ гáрні, — міжъ усіма́ пизна́ешъ. Якъ тепе́ръ ба́чу: ліса, руда́ й сива; молока́ по-багáто дава́ли, — до їхъ и відьми́ не ходіли. Нашъ дідъ умі́въ їхъ замовля́ть, — тільки треба́ було́ три сло́ви сказа́ть, якъ ити́ доіть; вінъ мою́ й ма́тиръ навчи́въ. Було́ иде́ доіть, да й ска́же ті три сло́ва. А пішли́ наші корóви по рука́хъ, зробіли́сь такі позахарчо́вані, и молока́ ста́ли ма́ло дава́ть, бо вже й до їхъ ста́ли ходи́ть відьми́... Що́ ви дума́ете? якъ відьма́ на ко́го да розсе́рдитця, уже́ оддя́чить. Вона́ хоть чимъ, хоть чимъ переверне́тця. У оди́її жінки сто́явъ моска́ль, — отъ вона́ зъ імъ чо́гось и посвари́лась (а вона́ була́ відьма). Лігъ вінъ спать, вона́ й оберну́лась му́хою: гуде́ да й гуде́ — не да́е ёму́ спать; отъ вінъ пийма́въ її, да у пля́шечку й зачнйи́въ. Вста́е чоловікъ ті́її жінки, лежи́ть вона́ и не ди́ше (у їхъ тільки душа́ виліта́е, а ту́лубъ їхъ зоста́єтця). Чоловікъ та́къ жу́ритця, що́ вже сві́тъ, а вона́ не ди́ше. Отъ моска́ль и ка́же: «ко́ли вона́ заприсягне́, що́ та́къ робі́ть уже́ більшъ не бу́де, то я її то́бі й випущу́.» Отъ чоловікъ зна́въ, що́ ёго́ жінка відьма́, и заприся́гся. Моска́ль то́ді випустивъ му́ху изъ пля́шечки, вона́ й загу́ла; а жінку ста́ли буди́ть, вона́ вста́ла и зарікла́сь. — А то́ одна́ відьма́, неприро́ждєнна, ходи́ть да й ходи́ть зъ то́го світу до своїхъ діте́й; у її невістка́ була́, синъ жо́натий, дітки у їхъ були́. Невістка́ якъ ляга́е спать — ограді́ть, було́, хресто́мъ ха́ту, пі́ль, дити́ну (ко́ли́ска коло́ по́лу у нога́хъ ві́ситъ); отъ свекру́ха у-ночі́ якъ при́йде, то но́ги то́пче-то́пче невістці́: такъ і́ї ну́дно, що́ дитина́ ві́ситъ у ко́ли́сці, а досту́пнтьця не мо́жна, дакъ їхъ такъ свекру́ха зануди́ла ходи́чи, що́ вони́ й ха́ту поки́нули, и по́лові сказа́ли. Одко́пали́ яму́, — відьма́ лежи́ть бо́комъ, а краса́ка зъ лиця́ якъ не при́сне: ка́жуть, якъ-би́ при́шли́ дві дочкі́ да поте́рля черво́ною суконко́ю, то бъ засмія́лась. Гово́рять, що́ відьми́ й на Лісу-го́ру зліта́ютця змовля́тьця, де́ що́ робі́ть. У насъ одна́ жінка хоті́ла навчи́тись відьмува́ть; отъ, и пішла́ до відьми, а відьма́ й ка́же: «Прихо́дь до мене́ въ глупу́ нічъ, да вже́ жъ учи́сь.» — Дóбре, ка́же. Прихо́дять та́ жінка. Відьма́ вийшла́ на крильце́ та́ якъ сві́сне! де́ та́ гáдина набра́лася: такъ сю́ди й лі́зе; а вона́ ка́же: «визьми́ й по-

дай всяку гадину...» Та вже їй одказує: — усє тобі, голубочко, оддамъ, тільки пусти зъ душею — не хочу вчѣтьця... То жъ відмі встають зъ того світу, атó й такъ мерці ходять. На русальчинъ великъ-день дїтєй и кунацьця не пускають, бо русалки залоскочуть. Насъ булó и въ кінєць саду не пускають, бо вони и въ саду гуляють — усі голі... се все діти нехрєщені; у гай хочъ не потикайся: хочъ и велике, то залоскочуть.

Оцє жъ якъ я забазикалась! Не про сє у насъ річъ булá...

Забрали отó насъ въ *кóмнати*, — мені дóбре булó. Мóже й того, що *што новóго не видавъ, то й вєтшї радъ*; зовсімъ *не такий чортъ, якъ єго малюють*: тільки разъ усєго менє панъ за ўхо стрепенувъ, що бóса по морóзу бігала. Нудьга тільки булá за отїми пьяльцями сидїть да шить: остогїдїли вони мені... Довелось мені двічі и на вечорніцяхъ, и на дóсвіткахъ побувátь, — довелось и покохátись, — да щó зъ того? Скажї — *лїхо, да й мовчї*. Такá вже дóля моя, що въ мєне не загостюетця щáсты... А любó згадátь и мені вікъ той недóвгий дівóчий...

Оцє булó якъ вісєнь, то вже дівчáта и парубкї такъ и пропїтують на селі, де якá вдовá живє да хорóшу хáту простїрну мáє, щобъ її просїть у *досвїтчанї матерї*, — да колї е у її дочкá, то ще імъ и лóчче. Инодї й дівка старá бувáє досвїтчаню мáтерью, отъ якъ котóра сиротóю зостáнетця, а хáта е; її и обпрядуть и обсвїтять, — такъ и підживє. Дівчáта, що-вїтїрка и що-четверá, то й прядуть досвїтчанїй мáтерї по три пáсми на двох-аршїйне мотовїло, — а лїтомъ помагáють їй цолóть, то однá, то дрўга, навперемїнку. Оцє, булó, що-вєчора, якъ порá йти на вечорніцї, и чўєшь, то дівчáта, то парубкї й кричáть — ззивáють, когó тамъ немá: «точóкъ, точóкъ, побрáвъ хтосъ дівочóкъ!» а дівчáта кажуть — «парубочóкъ», якъ довго звєчора не схóдятця. Оцє и схóдятця дівчáта и парубкї. Дівчáта й несуть и муку, й яйця, сáло, хлїбъ: (мáтеркї дають), — а парубкї вже горїлку тільки. Дівчáта прядуть-собї, а парубкї — хто рукавїцї плетє, хто веретєна рóбить, — хто зъ свистїлкою: (хто сь чимъ пришóвъ); розкáзують, хто щó бáчивъ, щó робївъ, щó чувъ, абó й смївáють, и якъ розжартўютця, то, якъ комў, то й мичкї цопáють. Разъ, тákъ жартувáвши, на вечорніцяхъ дівку заплакали. Жартувáли, жартувáли, а пóслї й кажуть: «умрї, Гáлю: ми по тобї голосїтвємо.» Тá зъ смїхомъ и ляглá. Вони зложїли їй рўки, — у до-

світчаної матері взяли намітку и покрили її, и стали усі дівчата докладати: »Галочко й голубонько, стрице наша! на-що жь ти насъ покинула! якъ-бі жь ми звали, що ти на останній дорозі, ми бь тебе радили, ми бь тобі годили, ми бь на тебе якъ на сонце гледали. Поглянь на насъ, ясочко наша, засвіти своїми зорами, ясними очима!..« А парубки собі: »чого жь ти, Ганночко, да такъ запишлася! устонекъ калиновихъ своїхъ да й не одкрієшь, словонька тихого да й не промовишь!« Далі дівчата вже и годі, — стали її будить — не встає; вони її зь лави волокти, — думка така, що дурить, — а у її й духу нема! Боже-свите, якъ полякалися! тоді вже справді вь голось ударились... Да то давня річъ...

Славно буває по вечорніцяхъ! Оце, у неділю, насіння, соняшнику понаносять дівчата, лузають, — горόху, сїмья нажарять. Изъ парубківъ, хто ще не давно ставъ ходить на вечорніці и на досвітки, той такъ особнякомъ дєржитця коло порогу, або за столómъ; а хто вже такъ, що й покохався, той и сїмья попросить, сїде коло тієї дівчини, що любить, — розмовляє зь нею, пісєнь вкўпі співають, — а тамъ уже й другі и треті собі паруютця. Дівчата у квіткахъ, такъ повбірані, а якъ заручена, то квітки и по всякь день не здимає; танцюють зь парубками — тільки одяски йдуть, а музичі — такъ кохъ и наскїдають грόшей! Якъ вийдешъ, було, за ворота — тільки й чўтно тра-та-та-та-та-та, — весело такъ! музика грає... зїтхнєшь, та й підешъ до *комнатъ*: неволя! не робота, а неволя... Скільки ті корки та підкївки настукають голову досвітчаної матері, що-неділі! Того тамъ, де дітей багато, не буває й вечорніць... Послі парубки натаскають солóми повну хату, світло потушать, й застаютьця сь тимъ, хто когó любить, а одніокі парубки — за шапки та й додому; чи свїть, чи зоря, вже й повставали; парубки солóму вїнесуть, а дівчата по своїхъ хатахъ на роботу, вь помічъ матїркамъ.

Да не всякого й приймуть на вечорніці... Разъ у нашому селі біда скоїлась. Одинь багатий парубокъ, ще й сиротá, та дівчину підуривъ; и вона тожъ багатого роду, у її ще три сестри було й мати. »Я, каже, на тобі оженюсь; звісно якъ беруть — сто коней дають, а візьмуть — и одного не дають; такъ и вінъ: не хоче братъ за себе дівчину (Івгою звали). Щó вона попожурїлась!... Вона зродила сїна, а вінъ — чўтка пішла — що на дру-

гому кутку залицяетця. Івга й каже: «ти станешъ зъ нею підъ вінець,—я прийду зъ дитиною, зіпхну і сама на місце стану»; а мати въ судъ стала жалітьця, такъ за безчесте у ёго одібрали пару волівъ и пару коней, — да що зъ того!... обиди тоєі не женешъ, усє памьять зостанетця. Іде Івга селомъ — її страмлять матірки; а парубкі ёго до себе не приймають: вінъ одъ вечорниць два годі одбитий бувъ. Ищє ій не вся біда сімъ скінчилась: понесла баба до хреста дитину, а піпъ питає: «чи законне? — Ні, паноче. — А піпъ строгий бувъ, — якъ за се наказувавъ! Ну, добре,» — каже да цілий пістъ вона й говіла, все у куточку стояла, поклони біла... *Не дитині жь соромъ, а батькові:* то якъ у ёго, зрадника, очі не повискакували отъ стиду й жалю!.. *Хороша чутка, кажуть, далеко чутна, а погана ще дальше.* Та дівка, до котрої вінъ присватувався, прочула про се и не пішла за ёго, й хустки одібрала. Отъ вінъ думавъ, думавъ, да й зновъ до першої.

Ти вернісь (мовлявъ), жінко, ти до любови, ти й до розмви,
Ти й правдивая, ти й любима!...

А вона ёму:

Не вернись, мужу, не вернись, друже,
Бо звучався ти зъ мене дуже...

Да ради дитини вже пішла, — люде умовили.

Мені жъ такъ, якъ и ій, долі не було, да й не буде вже. *Не було,* кажуть, *змалку, то і до'станку.* Пять літь я послужила въ кімнатахъ. Пані кудись повіялись у чужі землі; мене одпустили. Я й жила у хрещеної матері, — да скоро вийшла зъ кімнатъ, мене заразъ и змовили за хорошого чоловіка, за багатого одиця: ёму ще й годя не вийшли женітьця, а мені — вісімнадцятий пішовъ. Отъ, зробили заручини; я подавала хустки и перейшла до ёго матері жить до віньця, бо маєтки у хрещеної матері були не великі. Жила я у їхъ, усє робила и слухалась, якъ матіръ рідну; доткліва вона була, — да що, — думаю: — мені зъ імъ жить, а не зъ нею. Отъ вийшли ёму годя, поряладитця намъ и къ весіллю, а вони тоді: «ми уже знайшли собі кращу дівку... Ото — річъ!... Давай и мене гнать изъ хати. Я—до ёго: «що се ти, Микиточку! Бога бійся! чи я у тебе зъ лиця спала, чи брови зносилися, чи робить забулася? Хай», кажу,

»твої мати Бога не має в животі, ато й ти за ёю ручь тягнешь?«... Щожъ? якé дѣрево, такі й одрѣстки.... Силою води не докопавесл... »Не по Божому«, кажу, »Микіточку, ти робишъ!.. Я не послідня була и не яка-небудь;—дѣрма, що я вбога и худѣнька, якъ гичечка, а коло мене хлѣпці кўпцемъ: — знайшла бъ я собі й другого не згиршъ ёго! Я бъ имъ подякувала за-хлѣб за-силь, да ничѣго бъ не сказавши, и геть изъ хати, коли ви такі; хай вона имъ залетця. Да що жъ, коли моя лиха година!.. А мати ёго грозьбою наказувала:» глядїть же мені, дїти!...« такъ-що, було, й цілуємось, захилившись за двері... а тутъ... Такий-то невїра! Покинувъ! И повинчавсь зъ другою, а я самохїть пропала, — упустила долю, — зносила свій соромъ, якъ батьківщину. Свїтъ мені завязавъ, заївъ мій вікъ рожевий...

Батько хрещений и на очі не пустивъ, — цілий годъ я чужі дворища топтала, да вже якъ занедужала у людяхъ, батько й мати прийшли й забрали мене зъ дитиною до себе.

Такъ-то я й добиваю свого молодого підкошеного віку!.. Може й дитина ся росте мені на великі слези. Мені добрі люде не цуралися; я слави свої дівочької не скаляла, а тільки ёму, зраднику, віри поняла... Охъ, жалю мій, жалю, жалю не по малу!..

А. Нечуй-вітеръ.

Новбрь; 1860 р. .

СПІВЕЦЬ МИТЇСА.

Словутого півця Митусу, дравле за гор-
дость не восхотѣвша служити князю Данилу,
роздраного, акы связаного, приведоша...

Ипат. льтоп., стр. 180.

Гйве сіла Дажь-божого внука: Татари плюндрують,
Князи кують коромоли, не дбають обь вірі и людахъ.
Куритця Галицька волюсть, димъ до Бескидівъ простягся;
Впавъ Володѣмѣръ Волинський; Кйива вже не підняти.
Князь Ростиславъ изъ Даниломъ не мѣлюють Зѣмлю Дністрянську;
Угри и Ляхи биді додають; въ Перемѣшль набігае
Князь Костянтинъ; коромолуе зъ нимъ на Данила владѣка.
Крѣпшии за всіхъ въ Перемѣшлі співець словутнии Митуса.
Шаблі не носить співець и грудѣи щитомъ не вкривае, —
Піснями сіпле на князя, гострими нѣби стрѣлами,
Піснями людъ стурбувавъ и хить до війни підливае.
Краснихъ не хвалить дивѣць Митусина пісня шалѣна,
Мірного людамъ життя не пророчить, не гріе одваги
На супостата: усобиці й смѣти та пісня виводить.
Отъ ужѣ градъ Перемѣшль Андрій облягае повками,
Ласкаво згѣду даѣ, — не радить на згѣду Митуса.
Рано въ недѣлю ступають повки княженецькі до штѣрму:
Спѣршу гарцюють стрѣльці, а тамъ подаютьця пороки. —
Ввѣчері князь въ Перемѣшль уступае; закували владѣку,
Сілу взяли на потѣкъ непокірного люду; подрали
Тули бобрѣви у ихъ, и барсучі и вѣвчі прилбиці.
Ини біжятъ по чужинахъ; не втікъ словутнии Митуса:
Винъ, що колись не схотівъ заспівати Данилові, бранцемъ

Ставъ теперъ передъ княземъ Даниломъ словутний, а буйсть
 Давня у серці... не впавъ на коліна, лицé но поблділо.
 Грізно поглянувъ на ёго Данило и мовивъ словами:
 »Гордий співаче, слашний співаче! бунтовниче клятий!
 »Що, соловиний гóлосъ змíнявъ на гадюче сичання?
 »Богъ дарувавъ тобі силу, ти одминівъ її бісу!...
 »Чомъ, якъ Боянь стародавній, ти не співавъ намъ про славу
 »Прéдківъ великихъ? Чомъ не навчавъ насъ добру и согласці?
 »Чомъ одъ гріхівъ не впивавъ нерозумнихъ óгненимъ словомъ?
 — Княже! — одвiтивъ Митуса: ось я заспіваю вамъ пісню:
 Ріжтесь, кусайтесь, бийтесь, попіломъ Русь посипайте,
 Пийте братерною кровъ, умивайтесь слéзами народу: —
 Отъ до васъ дóбрана пісня! — иншої вамъ не почувти!
 Що васъ спиняти? щó вамъ співати? Шкода, опізнiлись!
 Помста за помсту, кáра за кáру, лiхо за лiхо!
 Кóнчились вiки; спóвнилась чáша; грiмъ розпалiвся:
 Судъ неминующий, судъ невмолiний, — написана дóля!
 Кóнчились вiки! зiлля сухеé огóнь пойдáе —
 Хай пойдáе! хай пропадае Русь изъ князями!
 Бóже прокляття чóрними хмáрами вiсить надъ нею:
 Хмáри згустiють, вiки пролiнуть, и зновъ, хочъ не скóро,
 Зибу розгóнить яснее сóнце тумáнъ вiковiчнiй;
 Въ той часъ-годину иншихъ пісeнь співцi заспівають,
 Иншимъ князямъ, та не вамъ, — иншому Рóському люду!...

І ЕРЕМІЯ ГАЛКА.

1850.

СТАРОСВѢТСКОЕ ДВО́РИЩЕ.

ДУШЕСПАСИТЕЛЬНОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ,

посвященное *Льву Михайловичу Живичужникову.*

I.

Не скоро — о, какъ еще не скоро! — наступить умное время, когда деревья, съ ихъ животворнымъ дыханіемъ, съ ихъ тѣнью и вѣчно увлекательнымъ шумомъ, сдѣлаются безусловною принадлежностью нашихъ сельскихъ и городскихъ жилищъ. Пока мѣсть, мы встрѣчаемъ больше охотниковъ повалить дерево, чѣмъ посадить его и взлелѣять. Пока мѣсть, мы встрѣчаемъ немного мелкихъ усадебъ, окутанныхъ освѣжительной зеленью. Гораздо чаще, на нашихъ глазахъ, тѣнистые, цвѣтущіе и пѣвучіе уголки старосвѣтской, малолюдной Украины, по милости новыхъ своихъ хозяевъ, превращаются въ скучную плоскость, на которой торчатъ только произведенья неотступныхъ нуждъ чловѣка — дома, амбары, погребъ, заборы. Какъ же это у мелкопомѣстныхъ, небогатыхъ земляковъ моихъ не хватаетъ на столько вкуса и любви къ живому, чтобы поддерживать вокругъ себя свѣжую зелень, или по крайней мѣрѣ падить ее?... Вотъ, на примѣръ, нашъ стряпчій. Кто не знаетъ такъ называемаго *старосвѣтскаго дворища*, которое досталось какъ-то его отцу, а потомъ и ему, на окраинѣ нашего уѣзднаго городка? Что касается до меня, такъ я изучилъ это старосвѣтское дворище во всѣхъ подробностяхъ: я изучилъ его, какъ пейзажъ гениальнаго мастера, влюбленнаго въ дикую свѣжесть нашихъ захолустьевъ.

II.

И не одними древними липами, сдѣлавшимися у насъ такою рѣдкостью, привлекало оно къ себѣ мое вниманіе. На томъ мѣ-

стѣ, гдѣ только узенькая *стѣжечка* извивалась передо мной по травѣ въ густой тѣни древесной, стояли когда-то козацкія хаты. Между этихъ липъ и старыхъ грушъ, поднявшихся высоко, точно кедры, — жили старосвѣтскіе козаки, извѣстные подъ именемъ *завзятыхъ*. Ихъ имена давно утрачены въ преданіяхъ, но память объ ихъ завязтости перешла къ намъ въ темныхъ разсказахъ о кровавой битвѣ, на этомъ самомъ старосвѣтскомъ двѣрищѣ, среди этихъ липъ, нависнувшихъ широкими шатрами, и древнихъ грушъ, выросшихъ на-подобіе кедровъ. Преданіе, очевидно, относится къ тому времени, когда козаки еще вѣрвали въ свою *саблю булатную и пицаль семиплдную*. Люди, менѣе храбрые и болѣе сметливые, вразумляли отъ времени до времени нашихъ воинственныхъ прадѣдовъ, что пора повѣсипъ на стѣну прославленное въ пѣсняхъ оружіе да взяться за умъ, чтобъ не погибнуть въ исторіи народовъ; но козаки, владѣльцы старосвѣтскаго двѣрища, послѣдніе уступили силѣ вещей. Они защищались по-козацки отъ людей, которые, переставъ быть козаками, сдѣлались для козаковъ опаснѣе Татаръ и Турокъ. *Ищѣ не вмерла козацька мати!* восклицали они словами Хмельницкаго (а она давно уже была отпѣта), и въ одинъ прекрасный день, рѣшась отразить силу силою, пали все до одного на своемъ двѣрищѣ, съ оружіемъ въ рукахъ, точно какъ-будто представлялась какая-нибудь возможность не пасть и десятью саблями отстоять дѣло, потерянное миллиономъ. Народъ не понималъ ужъ и величія этихъ послѣднихъ представителей старосвѣтской Украины, не сохранилъ даже ихъ именъ, а понятіе о мужественномъ духѣ ихъ выразилъ, съ нѣкоторой укоризною, въ словѣ: *завзятые*. Ихъ двѣрище сохранило, однакожъ, имя *старосвѣтскаго*, хотя имъ завладѣлъ, по странной прихоти судьбы, чловѣкъ новой формациі, и именно нашъ стряпчій. Впрочемъ нашъ стряпчій — личность историческая, не менѣе завязитыхъ. По современному взгляду на дѣла чловѣческія, владѣтели почвы, напоенной козацкою кровью, кто бы они ни были, дѣлаются достояніемъ украинскаго бытописанія. Личностей, подобныхъ нашему стряпчему ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ намъ оставлять безъ вниманія: ихъ мелочные характеры интересны уже по своей противоположности съ крупными, смѣлыми чертами характеровъ, соединенныхъ съ этою почвою въ нашихъ воспоминаніяхъ. Они тоже герои: посредствомъ накопленія безчисленнаго множества этихъ мелочно

суетливыхъ, мелочно злыхъ и мелочно добрыхъ созданийъ кишашщихъ одно на другомъ на мѣстахъ былой размахистой жизни, исторія вырабатываетъ новыя формы бытія, точно такъ, какъ физическая природа — посредствомъ разложенія органическихъ тѣлъ.

III.

Я долженъ начать исторію этого героя нашего времени съ того темнаго періода его жизни, когда онъ былъ еще ничего незначущимъ *судовымъ паничемъ*. Читателю, можетъ быть, извѣстенъ общій типъ нашего судебного нанича — съ папирской во рту и съ поразительнымъ отсутствіемъ здравыхъ понятій о государствѣ, обществѣ, человѣкѣ и природѣ. Страхъ потерять наследственное званіе *благороднаго* заставляетъ ихъ оставлять родовыя десятины земли на попеченіе старушки матери, или выбившагося изъ силъ отца, и подвергаться письменной работѣ въ течение Богъ знаетъ сколькихъ лѣтъ. Переписывая или дочищая машинально нумеръ за нумеромъ, въ безконечныхъ тысячахъ отношеній, предписаній, справокъ, повѣстокъ, они естественно утрачиваютъ лучшую долю природнаго ума и чувства, такъ что неграмотный козакъ-пахарь, въ сравненіи съ ними, не только философъ, но и поэтъ; зато приобрѣтаютъ почти навыкомъ искусство ловить въ мутной водѣ рыбу и, какихъ бы ни дослужились чиновъ, рѣдко возвращаются изъ пыльнаго и грязнаго городка доживать вѣкъ на лонѣ свѣжей хуторской природы. Силой привычки, они перерождаются въ людей, совсѣмъ не похожихъ на тѣхъ, какими вышли изъ-подъ соломенной хуторской крыши. Они ничего знать не хотятъ, кромѣ *входницъ* и *исходницъ*, и часто, продавъ наследственный кусокъ земли, обрамленный лѣсами, напоенный источниками, покупаютъ въ городѣ домикъ, окнами на улицу, состоящую изъ одной пыли. Проѣзжая черезъ уѣздный городокъ, вы замѣчаете лежащую на запыленномъ окнѣ канцелярскую фуражку съ кокардою и думаете: «Бѣдное чиновническое существо! за какія вины предковъ, за какія общественныя прегрѣшенія, осуждено ты всю жизнь томиться на этомъ пыльномъ припекѣ?...» Но вы попусту растрачиваете свою чувствительность. Чиновнику, добровольно промѣнявшему хутор-

ской воздухъ на эту удушливую пыль, ради чиновъ, безгрѣшныхъ доходовъ и будущей карьеры, хорошо въ городѣ. Онъ эту пыль запиваетъ пуншемъ и заѣдаетъ возбуждательными бакалеями. Да едва ли она и томить его, какъ васъ, если вы привыкли дышать воздухомъ посреди садовъ, пасикъ, посреди только что вспаханной или ужъ золотящейся нивы. Посмотрите: онъ и дѣтей своихъ пустилъ по своей дорогѣ, и дѣтямъ своимъ не желаетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ чиновниками. Пятилѣтніе Вами, шестилѣтніе Пети и Феда прикалываютъ у него къ цвѣтнымъ околышамъ своихъ дѣтскихъ фуражекъ круглую бумажку, въ подражанье отцовской кокарды, и веселятъ родительское сердце. Не имѣя понятія о томъ, что такое свѣжая лужайка, или зеленые древесные шатры, они играютъ посреди душной улицы такъ весело, какъ ящерицы на раскаленномъ камнѣ. Не безпокойтесь, ради Бога, объ этихъ юныхъ созданіяхъ: объ нихъ природа прежде васъ позаботилась. Она, изъ поколѣнія въ поколѣніе, всё болѣе и болѣе удаляетъ ихъ отъ ихъ первообраза, которымъ былъ, по всей вѣроятности, лѣтъ сто или болѣе назадъ, свѣжій, здоровый, простодушный и честный обитатель хаты, крѣпкой соломою и обвѣваемой живительнымъ степнымъ, луговымъ или лѣснымъ воздухомъ. Настоятельная надобность въ охранительномъ чинѣ вырвала этого предка будущихъ чиновниковъ изъ какой-нибудь пасмки, звучащей, въ солнечной свѣжести, посреди цвѣтистыхъ травъ и дремлющей древесной листвы. Заботливые родители, не знавшіе на себѣ, что такое чинъ, но убѣжденные въ его необходимости для сына, великодушно сослали его въ пыльный и душный городъ отъ дышащихъ жизнью береговъ степного озера. Нелѣпый призракъ бѣдности, которая лучше городского стѣсненнаго богатства, обманчивой призракъ униженія, которое выше жалкой чиновной высоты, прогналъ его изъ просторнаго, обильнаго, вольнаго хутора, незнающаго ни поклоновъ, ни принужденья. Прошло столѣтіе— и потомки не похожи уже на предка. Они ужъ меньше ростомъ; ихъ дряблыя, сухія руки образованы природою сообразно съ ихъ предназначеніемъ; самый цвѣтъ лица подходитъ у нихъ къ цвѣту городской пыли, которою они осуждены дышать, въ наказанье за нелѣпую искусственность жизни своей. Куда бы потомъ ни забросила ихъ судьба, слѣпо награждающая успѣхомъ всякое усиліе человѣка, — въ благополучные ли бюрократы, гордящіеся

другъ передъ другомъ количествомъ *входящихъ* и *исходящихъ*, или въ счастливые блюстители городского порядка, наживающіе въ одинъ годъ капиталы, — какъ бы ни расширились потомъ ихъ мышцы, но цвѣтъ лица, однотонный съ почвой, на которой выросли ихъ канцелярскіе предки, останется въ потомствѣ вѣчнымъ свидѣтельствомъ о томъ, какъ жили и понимали жизнь эти отступники простоты, существовавшіе на то, чтобы служить живымъ укоромъ дурно понятой цивилизаціи.

IV.

Впрочемъ, въ нашемъ уѣздномъ городкѣ, между начинающею братіей судебныхъ паничей, вы можете встрѣтить еще довольно часто цвѣтущій первообразъ будущихъ благополучныхъ бюрократовъ департамента и счастливыхъ блюстителей разныхъ порядковъ. Наши дворяне еще недавно были козаками (въ чемъ они совѣстятся сознаться) и вели почти всѣ безъ исключенія хуторскую здоровую жизнь. Села наши не очень давно еще сдѣлались позорищемъ насильственнаго труда съ одной стороны и пресыщенія городскими выдумками съ другой. Самые города наши до сихъ поръ сохранили еще во многихъ мѣстахъ наружный характеръ сельской жизни. Въ нихъ до сихъ поръ еще зелено, тѣнисто, свѣжо. Только главные, такъ называемыя казенныя улицы, на которыя любятъ обращать окна Жиды и чиновники, напоминаютъ обоянью столичный воздухъ и съ утра до ночи дымятся знойною пылью. Природный вкусъ Украинца еще не совсѣмъ ожидѣвшаго, требуетъ, чтобы около его хаты зеленѣли вишни, черемхи или хоть вербы. Поэтому и въ уѣздномъ нашемъ городкѣ, по мѣрѣ удаленія отъ тѣхъ улицъ, на которыя особенно распространенъ такъ называемый строжайшій порядокъ, неформенныя хаты и домики окутывались болѣе и болѣе садами, а по его окрестностямъ вы можете найти настоящія сельскія левяды и какъ-бы отдѣльные хуторки. Въ этихъ хатахъ, въ этихъ домикахъ, построенныхъ по собственному вкусу хозяина, между старыхъ садовъ, черезъ которые не проходила еще всеповергающая долу планировка, нерѣдко квартируютъ судебныя паничи, и двѣнадцати-часовое сидѣнье ихъ въ судѣ, на пыльномъ припекѣ, встрѣчаетъ здѣсь хоть ка-

кое-нибудь противодѣйствіе, во время отдыха, когда, надѣвъ пестрый халатъ и фуражку съ кокардою и усѣвшись подъ старой нависнувшей надъ заборомъ яблоней, они забываютъ на время нумера *входящихъ* и *исходящихъ*, и напѣваютъ подъ гитару какую-нибудь пошлую, но всё же не формерную, Ваньку-Таньку. Въ этихъ хатахъ и домикахъ, на старосвѣтскихъ двѣрищахъ, осѣненныхъ великанскими грушами, посреди произвольно выросшихъ кустовъ душистаго лиліюсу, судовые паничи, удалившіеся и удаленные отъ сельской природы въ городъ на неопредѣленное число лѣтъ, представляются мнѣ, въ своихъ халатахъ и кокардахъ, чѣмъ-то въ родѣ полевыхъ цвѣтковъ, сорванныхъ гдѣ-нибудь на влажной долигѣ или на опушкѣ звучащаго пѣснями лѣса и опущенныхъ стебельками въ воду. Я люблю страстно и меланхолически эти хаты и домики, поставленные не по плану и рѣзко отличающіеся другъ отъ друга своими фizioноміями. Бродя по окраинамъ нашего уѣзднаго городка и всматриваясь въ характеръ каждаго изъ этихъ вольныхъ, хоть и убогихъ, сооруженій, дружныхъ съ растительною природою, я не могу отогнать отъ себя грустной и вмѣстѣ отрадной мысли, что въ то время, когда наши большія, дышація пылью и смрадомъ улицы постепенно передѣлываютъ человѣчeskій родъ изъ цвѣтущихъ ювошей въ оливково-пыльных чиновниковъ, изъ свѣжихъ и сильныхъ людей въ худосочныя фигуры и фигурки, — физическая, а отчасти и моральная, жизнь кой-какъ удерживаетъ свою свѣжесть въ этой городской глуши, похожей на сельскую глушь. Въ одномъ изъ такихъ уголковъ судьбѣ угодно было произвестъ на свѣтъ и нашего стряпчаго.

V.

Отецъ его былъ знаменитымъ секретаремъ повѣтоваго суда въ нашемъ городкѣ и изъ.ничего составилъ было значительное состояніе, но вдругъ, по волѣ какого-то свирѣпаго ревизора, попалъ подъ судъ и лишился всѣхъ своихъ пріобрѣтеній, кромѣ старосвѣтскаго двѣрища на концѣ города да чина титулярнаго совѣтника. Съ этимъ чиномъ, онъ поступилъ на мѣсто регистратора въ земскій судъ, — самое ничтожное мѣсто, — и продолжалъ существовать на свѣтѣ подобно тѣмъ попамъ, которые, потерявъ

свой приходъ, помѣщаются въ чужой церкви на клиросѣ и отправляютъ смиренную и малоодоходную должность приходского дьячка. Это былъ для него родъ эпитиміи, на которой онъ и скончался, такъ какъ начальство, пойманное, въ его лицѣ, на злоупотребленіяхъ, приняло строгія мѣры, чтобъ не давать ему дальнѣйшаго ходу. У этого-то падшаго героя уѣздной бюрократіи родился когда-то сынъ, ему же ния было Никодимъ, по отчеству Трифоновичъ, а по фамиліи, несомнѣнно дворянской, Коло-Меду-Палець, и сей-то Никодимъ Трифоновичъ Коло-Меду-Палець былъ нынѣшній нашъ стряпчій, обладатель старосвѣтскаго двѣрища, которое, долго служивъ ему для разныхъ житейскихъ надобностей, послужило наконецъ и къ нѣкоторой извѣстности его въ печатномъ мірѣ.

Отецъ Никодима Трифоновича не оставилъ ему ничего, кромѣ двѣрища завѣятыхъ козаковъ, перешедшихъ въ память потомства безъ имени. Двѣрище одной стороною выходило на узкую, освѣненную садами улицу, а другою — къ рѣкѣ, запруженной плотиною и похожей на озеро. Въ тѣни стародавнихъ липъ и грушъ стояла здѣсь хата, уцѣлѣвшая еще со временъ *завзятыхъ*. Въ этой хатѣ скончался низвергнутый секретарь повѣтоваго суда; въ этой же хатѣ его сынъ додумывался до сокровенныхъ средствъ возвысится на степень достойнаго своего родителя и, пожалуй, превзойти его. Маль и ничтоженъ зѣло былъ Никодимъ Трифоновичъ, оставшись послѣ отца двадцатилѣтнимъ юношей; но врожденный инстинктъ руководилъ его лучше предсмертныхъ отеческихъ наставленій. Всѣ свои помышленія и всю свою душу отдалъ онъ канцелярской службѣ, въ которую съ юныхъ лѣтъ былъ уже зачисленъ. Прочія стремленья, свойственныя благородному юношѣ, какъ напримѣръ выпить и повести карточную атаку на чужой карманъ, для него или не существовали вовсе, или строжайше были подчинены рвенію къ перепискѣ и составленію бумагъ. Такъ и общій всѣмъ смертнымъ инстинктъ къ продолженію своего рода у Никодима Трифоновича выразился не въ какихъ-либо романтическихъ порывахъ и страстныхъ мечтаніяхъ, но въ спокойной готовности жениться на дѣвицѣ, которая согласится обладать его убогою хатою и раздѣлить съ нимъ темную судьбу его. Желаніе сіе высказалъ онъ, между справками и шивкою бумагъ, одному изъ своихъ товарищей, и тотъ сейчасъ же указалъ ему

такую, въ лицѣ Катерины Лупповны, сиротствующей дщери покойнаго іерея, отца Луппа, по фамиліи Кѡвбика. Сдѣланы были справки чрезъ кого слѣдуетъ, и по справкамъ оказалось, что, съ своей стороны, Катерина Лупповна, будучи поповною безприходною и слѣдовательно не разсчитывая на сердце какого-нибудь семинариста-богослова, готова была сочетаться узамъ законнаго брака съ убогимъ обладателемъ старосвѣтскаго двѣрища. Катеринѣ Лупповнѣ была очень красивая дѣвушка. Она могла бы ослѣпить своей любовью лучшаго паробка въ селѣ и сдѣлаться козачкою на-славу; но наслѣдственное званіе даржало ее вдали отъ черноусыхъ героевъ вечерницъ; она никого не любила; она знала только, что ей надо выдти замужъ, и согласилась выдти за судового панича, хотя въ немъ не было свѣжей кровинки.

При дѣлахъ земскаго суда до сихъ поръ хранится прошеніе, сочиненное Никодиму Трифоновичу товарищами, о разрѣшеніи ему жениться. На прошеніи стоитъ помѣтка тогдашняго исправника: *отказать по глупости*. Бумага дѣйствительно отличалась какимъ-то вольнодумствомъ и возмутила не одного исправника, но потомъ она же обратила его неудовольствіе въ добродушный смѣхъ и расположила его больше прежняго къ Никодиму Трифоновичу. Прошеніе слово въ слово гласило тако:

»Пріемлю смѣлость покорнѣйше просить оный судъ — выдать мнѣ свидѣтельство на вступленіе въ бракъ съ дочерью покойнаго іерея Луппа, по фамиліи Кѡвбика, Катериною Лупповною Кѡвбиковой, ибо, достигли такого времени, въ которое голосъ страстной заглушаетъ голосъ природы, назначенной мнѣ Провидѣніемъ оставить не могу и не намѣренъ, по встрѣтившимся обстоятельствомъ, ибо вознамѣрилъ ревностное желаніе жениться.»

VI.

Никодимъ Трифоновичъ торжественно перевезъ свою невѣсту изъ убогой хаты вдовы-попадъи въ убогую хату, оставшуюся на старосвѣтскомъ двѣрищѣ, благопріобрѣтенномъ его покойнымъ родителемъ. Переѣздъ былъ въ самомъ дѣлѣ торжественъ. Молодую княгиню провожали изъ ея роднаго села дружки-козачки, въ цвѣтахъ, въ лентахъ. Молодая княгиня сидѣла, посреди цвѣтушихъ

козачекъ, на скринѣ, наполненной трудами ея рукъ. Тамъ лежали свойцы полотна, тканые за́полочью и шитые рушники, мережан- ные сорочки и разные наряды. Все это были свидѣтельства ея практическаго воспитанія и залоги будущей хозяйственности. Вдо- ва-попадья устроила какой могла почетъ своей дочери. Еслибъ остался въ живыхъ отецъ Луппъ, безъ сомнѣнія, Катерина Луп- повна ѣхала бы къ своему жениху не на сосѣдскихъ волахъ, украшенныхъ развѣвающимися лентами: она ѣхала бы въ бричкѣ. На ней были бы не цвѣты съ огорода, а какал-нибудь старомод- ная шляпка. Ее провожали бы не козачки въ плахтахъ и дука- чѣхъ, а хугорскія и сельскія папючкѣ въ раздутыхъ ситцевыхъ платьяхъ. Но Никодиму Трифоновичу не видать бы ея тогда, какъ своихъ ушей: тогда бы она какъ разъ плѣнила богословское сердце и не знала бы даже о существованьи старосвѣтскаго дво- рища на окраинѣ города, съ его древними, высокими грушами, роскошнымъ лиліѣсомъ, разросшимся въ глуши, и нѣжною, вол- нистой травой, которую прорѣзывала кривою линією только тро- пинка отъ воротъ къ хатѣ.

Никодимъ Трифоновичъ, пригласивъ къ себѣ въ бояре судовыхъ павичей, немного конфузился простонародной обстановкой своей свадьбы; но играющія румянцемъ щеки невесты, черныя брови, блестящія огнемъ молодости глаза, чудесныя свѣжіе зубы и стройный, высокій ростъ ея — подѣйствовали магнетически на его завяленную въ канцелярскомъ воздухѣ натуру, и простонарод- ная обстановка свадьбы исчезла для него въ сіяньи молодой кра- соты, которая какимъ-то чудомъ отдается ему, точно во свѣ, въ полное обладаніе. Судовые павичи, напротивъ, были очень до- вольны обществомъ козачекъ. Они большею частью выросли на хуторахъ, гдѣ старосвѣтскій бытъ славянскій не уступалъ еще мѣста узенькому нѣмецкому быту, и имъ очень плохо давались мазурки и вальсы на дворянскихъ вечеринкахъ. Ознакомясь по- ближе съ кругомъ, въ которомъ очутились, они вспомнили ху- торскія вечерницы и одинъ за другимъ начали выказывать свое искусство въ народныхъ танцахъ. Глядя на ихъ оживленныя ис- крѣнней веселостью лица, вы бы не повѣрили, что это тѣ самые люди, которыхъ видѣли вы въ судѣ надъ протоколами и справ- ками. Пританвавшая глубоко въ сердцѣ чистая, козацкая кровь выступала на молодыхъ, еще не совсѣмъ увядшихъ щекахъ ихъ.

Глаза ихъ заиграли какъ у людей честныхъ, смѣлыхъ и великодушныхъ. Отпустить бы имъ только усы да надѣть еще высокія козація шапки, — козаки бъ они были, а не чернильныя півки!

Весной женился убогій Никодимъ Трифоновичъ, и всѣ старыя груши и яблони на его двѣрищѣ были облиты цвѣтомъ, а пустынный лиліясъ благоухалъ въ тишинѣ городского закоулка, навѣщаемый однимъ соловьями. Ничего не возможно было придумать лучшаго для оживленья молчаливаго, тѣнистаго двѣрища, какъ отвалить присоху отъ ветхихъ, поросшихъ мшистыми лишаями воротъ, въ которыя давно уже никто не вѣзжалъ, и впустить свадебный поѣздъ съ поющими дръжками, играющими музыкантами и танцующими боярами. Дѣти, собравшіяся толпой вокругъ поѣзда, бросились обрывать лиліясъ, наклонившіи свои вѣтви до земли, подъ тяжестью цвѣтовъ. Но, сколько ни опустошали цвѣтушую пустыню рѣзвые шалуны, — по ней разлилось только усиленное благоуханіе, а море цвѣтовъ осталось моремъ. Я бы желалъ привести сюда кого-нибудь изъ вѣчныхъ горожанъ въ то время, когда десятки топающихъ ногъ принимали свѣжую траву. Однимъ глоткомъ захватывалъ тамъ человекъ больше жизненной свѣжести, чѣмъ сколько въ состояніи доставить намъ всѣ косметическія магазины. И нужды нѣтъ, что веселый шумъ разогналъ соловьевъ изъ запустѣлаго двѣрища: ночью, когда все смолкло, молодые супруги уснули въ убогой коморѣ подъ такой хоръ слетѣвшихся снова пѣвцовъ, какого не услышишь ни въ одной оперѣ....

VII.

Но остановимся на этомъ: поэзія жизни Никодима Трифоновича не пошла далѣе. Нѣсколько свадебныхъ дней, въ которые онъ былъ освобожденъ отъ службы, то есть отъ двѣнадцати-часоваго скрипѣнья перомъ, были для него чѣмъ-то въ родѣ пьянаго сна. Все заиграло вокругъ него, все зацвѣло, зацѣло, и его канцелярскій умъ, наполненный нумерами и справками, погрузился въ какой-то сладкій обморокъ. Богъ знаетъ, почему и въ честь какого тезоименитства, устроился вокругъ него усыпанный цвѣтами парадъ, захватившій въ себя не только его товарищю, но и цѣлую толпу пѣвучаго сельскаго народу, съ дѣвчатами и моло-

дицами, съ танцующими на диво козаками и съ пѣснями, отъ которыхъ готово было помолодѣть и пропитанное чернилами сердце. Но оно не помолодѣло.

-Женясь на убогой поповнѣ, Никодимъ Трифоновичъ усугубилъ рвеніе къ службѣ, такъ что едва не почевалъ въ судѣ. Энергія украинскаго характера равно не сокрушима, какое бѣ ни приняла она направленіе. Никодимъ Трифоновичъ засѣлъ въ судѣ, какъ шашель, и пересидѣлъ всѣхъ молодыхъ дворянъ, яростно добивавшихся перваго чина и грядущей за нимъ чиновной карьеры. Пятнадцать лѣтъ непрерывнаго труда, подобнаго тому, какой идетъ въ стѣнныхъ часахъ какого-нибудь вѣчно исправнаго присутственнаго мѣста, доказали всему земскому суду, что безъ Никодима Трифоновича существовать ему не возможно. Все, что относится къ безопасному и безостановочному движенію бумагъ, было изучено имъ въ поразительной степени. И чины, и классныя мѣста медленнымъ, но вѣрнымъ порядкомъ приходили къ Никодиму Трифоновичу, и не далеко ужъ было отъ него секретарское мѣсто. Никодимъ Трифоновичъ Коло-Меду-Палець подходилъ къ этому лакому мѣсту тѣмъ вѣрнѣйшими шагами, что не тревожилъ уѣзднаго начальства строгою честностью и не возбуждалъ въ немъ зависти быстрымъ обогащеніемъ. Онъ всё еще былъ бѣднякъ, въ сравненіи съ членами земскаго суда-и даже продалъ Жидамъ — это всё знали — золотые галуны съ кунтуша, дошедшаго къ нему по наслѣдству отъ временъ козачества.

Но въ то время, когда самая крѣпкая нанка лѣтомъ и толстое сукно зимою протирались у него на локтяхъ отъ вѣчнаго сидѣнья надъ бумагами, ветхая хата его изъ пѣстки постепенно превращалась въ болѣе и болѣе уютное помѣщеніе, а въ его убогой коморѣ заводились кованныя скрини, далеко громаднѣе той, которая привезена была къ нему въ видѣ приданаго. Въ сельской поповнѣ-безприданницѣ судьба послала ему кладъ, а не жену. Воспитанная въ постоянномъ трудѣ и бѣдности, она дѣтельно занялась улучшеніемъ пѣстки, въ которую онъ перевезъ ее. Все, что могутъ сдѣлать женскія руки съ глиной и меломъ, она сдѣлала, при пособіи поденщицы, и уже черезъ нѣсколько дней, послѣ вступленія ея во владѣніе мужнинымъ жильемъ, въ немъ и самый взыскательный глазъ какой-нибудь сосѣдки-чепурѣхи не отыскалъ бы ни трещинки, въ которую могъ бы спра-

таться занесенный къ намъ москалями тараканъ, ни пятнышка, обличающаго неопрятность хозяйки. Хата Никодима Трифоновича какъ-будто выпрямилась и помолодѣла, точно хозяйка какого-нибудь пахаря, которая всю недѣлю возится съ полотьемъ и домашнимъ пораньемъ, но когда въ воскресенье надѣнетъ свѣжее бѣлье и повяжетъ очипокъ сіяющею какъ снѣгъ намиткою, — сосѣди не узнають ее, стоя въ церкви, и подслѣповатыя старушки, толкнувъ одна другую подъ руку, спрашиваютъ: *Чья се така молодá да хорóша молодiця?*

Къ бывшей поповнѣ являлись на помощь не однѣ поденщицы. Она умѣла зазвать къ себѣ и стараго плотника Ковтуна, извѣстнаго пьяницу, который славился своимъ мастерствомъ, но, получивъ отъ кого-нибудь задатокъ, откладывалъ работу до тѣхъ поръ, пока не пропивалъ его въ шинкѣ. Не предлагая ему платы, она пригласила его выпить добрую чарку крѣпительной звѣробоевки одинъ разъ и другой, и третій, и до тѣхъ поръ зазывала и угощала его чаркой горілки и ласковымъ словомъ, пока наконецъ онъ, на ея просьбу сдѣлать починки въ хатѣ, отвѣчалъ: *Не візьмú съ тебе грошей: якъ рiднiй дитинi, тобi помайструю!* И дѣйствительно всѣ починки, передѣлки и улучшения въ хатѣ, въ сѣняхъ и въ коморѣ стóили Катрусѣ (какъ прозвали ее сосѣдки) одной звѣробоевки да вкусной стравы, которую готовила она собственными руками.

Расхвалила вдова-попадья свою дочь за хозяйливость. Никодимъ Трифоновичъ радовался молча, видя, что у него въ домѣ дѣлается полнѣе и полнѣе, какъ-бы какимъ чудомъ. На дворѣ, безъ всякаго съ его стороны участія, появились какія-то загородки, и въ нихъ захрюкали обжорливыя свиньи. Куры какъ-будто слетѣлись къ нему отъ всѣхъ сосѣдей; а тамъ смотри — и одинокій гусакъ вдругъ очутился семейниномъ, и вмѣстѣ съ своей долгошей подругою водить цѣлое стадо желтыхъ гусятъ. Когда и какъ устроила Катруся надъ прудомъ огорода, мужъ этого ничего не зналъ; но ея наймычка каждый день таскала что-нибудь на базаръ изъ этого огорода, и въ карманѣ у Катруси всегда звенѣлъ запасный рубль, на который она покупала для хозяйства не то, такъ другое. Катруся, молодая, здоровая, привычная къ труду, вся превратилась въ дѣятельность, и никто изъ сосѣдей не удивлялся, увидя у нея къ зимѣ корову, которая по

утрамъ и вечерамъ подходила къ низенькому плетню передъ сѣньми, въ полной увѣренности, что ея молодая, хозяйка собственноручно угоститъ ее пойломъ.

VIII.

Трудно рѣшить, что дѣлала Катруся съ бѣльшимъ удовольствіемъ — выносила ли пойло коровѣ, или ставила на столъ миску съ борщомъ, когда ея Никодимъ Трифоновичъ приходилъ изъ суда, для того, чтобы пообѣдать, всхрапнуть за перегородкой и уйти въ судъ до ночи. Вопросъ въ томъ, любила ли она его, выходя замужъ? Едвали, потому что, по убѣжденію, переходящему изъ рода въ родъ у воспитанниковъ семинарій, чистая дѣва можетъ безъ грѣха возводить очеса на красоту мужскую токмо послѣ вѣнчанія. Съ своей стороны, и философъ-семинаристъ, перейдя въ богословію и чувствуя, что «голосъ страстной заглушаетъ голосъ природы», не предается тщетнымъ мечтаніямъ, но обращается прямо къ дѣйствительности и заблаговременно провѣдываетъ, въ какомъ царствѣ, въ какомъ государствѣ процвѣтаютъ поповны съ надлежащимъ приданымъ, и лишь только кончить курсъ, прямо падаетъ на дворъ къ имѣющемуся въ воображеніи тестю, подобно соколу, устремляющемуся на добычу. Имѣющійся въ воображеніи тесть, съ своей стороны, не входитъ въ разбирательство личныхъ свойствъ давно ожидаемаго и чаемаго въ духѣ зятя, но взираетъ на семинарскій аттестатъ его и, призвавъ предъ лице свое дочь, состоящую на очереди къ выдачѣ въ замужество, объявляетъ: »Вотъ твой женихъ, Палáза, или Феся, или Лйля! Возлюби его всѣмъ сердцемъ твоимъ.« Вслѣдъ за тѣмъ затѣвается свадьба тѣмъ же порядкомъ, что и у простыхъ смертныхъ, не столь приближенныхъ къ небу и, въ простотѣ сердца, предающихся очарованіямъ любви задолго до брака.

Зная это и видя, какъ наши поповны исправно толстѣютъ по выходѣ замужъ, мы справедливо должны заключить, что онѣ любятъ своихъ мужей тою безгрѣшною любовью, какую вообще чувствуютъ къ благамъ жизни, которыми не пренебрегаютъ ни въ какомъ случаѣ. Наша Катруся приложила свое трудолюбіе сперва къ хатѣ, двору и огороду своего мужа; когда же онъ

утвердилася на службѣ и начали къ нему присылаться на домъ разные гостинчики, — она не только не охлаждала усердія въ добротныхъ дателяхъ, но и вѣще поощряла ихъ приличными наставленіями.

Въ скоромъ времени появилась она одно, а потомъ и другое чадо женскаго пола, и воспитывала она ихъ никакъ не хуже любой козачки, нагулявшей досыта съ любимымъ паробкомъ до вступленія въ спокойныя супружескія отношенія. Весело и дѣтially показало жить на свѣтѣ, когда онѣ начали бѣгать по всему тѣнистому двѣрищу и заросшему высокими травами набережью, съ котораго тяжелыя лягушки звучно прыгали въ воду. Дѣвочки считали себя ничѣмъ не лучше сосѣднихъ дѣтей, такихъ же, какъ и онѣ, босоножекъ, которыя перелазили къ нимъ черезъ плетень и вмѣстѣ съ ними играли въ вѣрона; а когда подросли, то долго были увѣрены, что нѣтъ лучшей доли на свѣтѣ, какъ жить съ матерью въ чистой уютной хатѣ (отца онѣ почти не видали) и вмѣстѣ съ нею лѣтомъ полоть въ огородѣ грядки, осенью убирать въ погребъ всякія овощи, а зимой сидѣть за шитьемъ, за пряжею и, по ея примѣру, съ самого дѣтства заготавливать себѣ мержеяныя рушники, хустки, сорочки. Онѣ не тяготились никакой работой, и никакой работы не находили для себя слишкомъ грязною. Онѣ бывало завидовали наймычкѣ, что она можетъ цѣлый день плескаться на кладкѣ съ бѣльемъ, и когда подросли на столько, что могли помогать ей, то не мало гордились ролью домашнихъ прачекъ и, на кладкѣ, громко вторили ея *испильмъ дѣвочимъ*. И въ голову имъ не приходило, чтобъ онѣ были чѣмъ-нибудь выше своей наймычки. Она учила ихъ жизни, пересыпая свою рѣчь наставительными пословицами. Она много испытала горя, служа по людямъ, и сиротскій хлѣбъ ея всегда бывалъ приправленъ извлеченными изъ тяжкаго опыта размышленіями. Она казалась имъ умнѣе самой ихъ матери, которая далеко не знала столько пѣсенъ и поговорокъ. Еще бы пять-шесть лѣтъ смиренной жизни на простой образецъ, и славныя выросли бы невѣсты на этомъ тихомъ побережьи у окраины города, и еслибы судовой паничъ изъ разряда Никодима Трифоновича нашелъ себѣ здѣсь пару, — благодатнымъ трудомъ зацвѣлъ бы скромный домикъ его; изъ скудныхъ зеренъ, посѣянныхъ заботливой рукой неусыпной хозяйки, выросло бы у него, точно ка-

кимъ чудомъ, полное всякой всячины хозяйство, и мирная простота замѣнила бы у нихъ недостатокъ поэзіи.

IX.

Но Никодимъ Трифоновичъ Коло-Меду-Палець коснулся наконецъ сладостной власти, къ которой столь долго простиралъ руку, и лишь только перо его начало выводить крючковатую подпись: *Секретарь*, — весь земскій судъ началъ послушно творить волю его. Тутъ, не боясь ужъ возбудить въ членахъ зависть быстрымъ обогащеніемъ, онъ въ одинъ годъ купилъ тутъ же въ городѣ доходную водяную мельницу, на другой годъ — нѣсколько сотъ десятинъ земли, а на третій — крестьянъ на выводъ, и выросъ у него на полѣ, какъ на ладони, хуторъ, съ овцами, коровами и пасекою. Катруся вдругъ увидѣла, что она — пани, и перестала ходить къ сосѣдкамъ въ гости. Къ ней въ хату повалила такая нарядная толпа купчихъ и дворянокъ, что убогія мѣщанки и козачки боялись показать туда носъ, и даже сосѣднія дѣти перестали лазить черезъ *панскій* плетень. Какія-то суровыя, недовольныя своей судьбой дѣвчата, выбранныя секретаремъ для дворовой службы изъ купленныхъ на выводъ семействъ, давно ужъ вытѣснили отсюда пѣвучую и щедрую на пословицы и поговорки наймичку, и уже съ ними не бесѣдовали о людской жизни и ея случайностяхъ молодыя секретарскія дочери; на нихъ учились онѣ барствовать. Новыя знакомки растолковали имъ, что стыдно исполнять собственными руками такія-то и такія работы, и своимъ примѣромъ круто поворотили весь ихъ домашній бытъ. Меньшая сестра ихъ, захваченная приливомъ богатства еще въ младенческомъ возрастѣ, казалась имъ деликатнѣе ихъ въ своихъ привычкахъ и склонностяхъ. У ней были нѣжныя руки; она непритворно боялась ступить босой ногой на холодный полъ, и это возбуждало въ нихъ зависть. Онѣ употребляли всѣ усилія, чтобъ довести себя до благородной изнѣженности, но «мужицкое» воспитаніе отзывалось въ нихъ тѣмъ, что онѣ никогда не простуживались, ни отъ какой неосторожности не хворали. Ни умышленное сидѣнье долго съ вечера, ни долгое спанье въ пуховикахъ, ни даже приемы тайкомъ укусу большими порціями — ничто не

сгоняло съ ихъ щекъ румянца, который краснорѣчиво говорилъ о бѣганьи босикомъ по росѣ, о проклятыхъ, теперь вовсе ненужныхъ, полотнахъ, которыя онѣ сами бѣлили на солнцѣ, и наконецъ о простой, здоровой, или, что все равно, мужицкой пищѣ. Отецъ ихъ купилъ у какого-то разорившагося помѣщика готовый домъ и въ одно лѣто поставилъ его и устроилъ на своемъ старосвѣтскомъ двѣрищѣ. Все было въ домѣ, какъ у помѣщиковъ, только зеркала отражали лица сельскихъ дѣвчатъ, нарядившихся барышнями! Несчастныя страдали глубоко.

На свое прошлое, на свое веселое дѣтство и отрочество онѣ смотрѣли съ отвращеніемъ, и никогда не приходило имъ въ голову сравнить, много ли выиграли онѣ въ душевномъ спокойствіи съ перемѣной обстановки. Какъ онѣ были тогда дружны съ своей наймычкой, которая своею житейскою опытностію и честнымъ, строгимъ характеромъ внушала имъ безотчетное къ себѣ уваженіе! И какъ ихъ теперь безпрестанно раздражала крѣпостная прислуга, неловкая, неумѣлая во многомъ, что имъ понадобилось съ перемѣною быта, а главное — лукавая и неусердная! Какъ онѣ спокойно являлись прежде въ ближайшую церковь, одѣтыя и воспитанныя лучше всѣхъ обитателей простой хаты! и съ какой неувѣренностію въ себѣ, съ какими опасеніями колкихъ замѣчаній, съ какими страданіями зависти или оскорбленнаго самолюбія, ѣзжали онѣ теперь въ модную церковь, куда съѣзжались всѣ аристократы! Какая у нихъ завелась было тѣсная, простодушная дружба съ сосѣдскими дѣтьми, и какія осторожныя, недоувѣрчивыя отношенія установились у нихъ теперь съ новыми подругами, нѣкоторые изъ которыхъ одни имъ завидуютъ, а другія ихъ презираютъ!

Ни сами онѣ, ни ихъ мать не въ силахъ были бросить смѣлый взглядъ на сравнительное благоденствіе свое въ прошедшемъ и настоящемъ положеніи. Она, бѣдная, глядя на преобразенныхъ дочерей своихъ, всею душою радовалась, что видитъ ихъ барышнями. Она смиренно признала себя, въ сравненіи съ ними, простою женщиной, и едва считала себя достойною носить чепецъ, который онѣ цѣпляли на нее, выѣзжая съ нею въ гости, или принимая у себя гостей. Молчаливая роль въ новомъ кругу, гдѣ она не имѣла ходу съ своими хозяйственными знаніями, совершенно удовлетворяла ее. Она и на столько не была свободна отъ предубѣжденій, тяготящихся надъ подобными ей людьми, чтобы

хоть охнуть подъ бременемъ новаго быта, въ которомъ она играла роль служанки у собственныхъ дочерей своихъ. Прикрикнувъ на нее и послать ее десять разъ въ догонку за неповоротливыми и неусердными крѣпостными горничными—было у нихъ дѣломъ обыкновеннымъ. Свѣжая и бодрая на склонѣ лѣтъ, благодаря простотѣ привычекъ, которыхъ не оставила и съ перемѣной обстоятельствъ, она бѣгала съ утра до ночи по всему дому и погоняла безъ устали свою новую челядь, радуясь сердцемъ, что дожила до барства.

И сама ея матушка, видя свою дочку въ чепчикѣ, а внучекъ въ низкихъ лифахъ и модныхъ прическахъ, много разъ обращалась къ образамъ и благодарила боговъ, что они сподобили ее видѣть собственными глазами процвѣтанье своей отрасли. Благочестивая старушка не замѣчала, что не только ея престолярная рѣчь, но и самыя молитвы, дѣлались предметомъ шутокъ между тремя граціями, затянутыми чуть ли не съ помощью кучера въ корсеты.

Х.

Сколько это лѣтъ прошло съ того дня, какъ бояре отвалили бревно отъ ветхихъ, мшистыхъ воротъ старосвѣтскаго дворянца и впустили свадебный цвѣтущій и иющій поѣздъ? Не менѣе двадцати лѣтъ. Никодимъ Трифоновичъ изъ смиреннаго судового панича успѣлъ въ теченіе этого времени сдѣлаться всемогущимъ секретаремъ земскаго суда, а наконецъ и владыкой всѣхъ доходныхъ дѣлъ — стряпчимъ. Но, Боже! какъ же все измѣнилось на старосвѣтскомъ дворянцѣ! Старыхъ грушъ и яблонь давно ужъ нѣтъ, и изъ прекрасныхъ липъ уцѣлѣли только двѣ: остальные срублены, потому что именно на томъ мѣстѣ, гдѣ они расширяли свои благовонныя сѣни, понадобилось расположить господскій домъ, амбары и конюшни. Въ этотъ дворъ, на которомъ такъ славно танцовалось когда-то по свѣжей травѣ, теперь страшно заглянуть. Смотрите: вонъ тамъ, налѣво стояли кусты лиліясу. Отъ этихъ кустовъ уцѣлѣли только сухіе, недоломанные прутья, и мимо нихъ, вдоль амбаровъ, бѣгаетъ огромная цѣпная собака. Подъ

лай и тоскующій вой этой собаки засыпаютъ въ новомъ домѣ изнѣженныя дочки стряпчаго, не заботясь ни мало о соловьиныхъ треляхъ. Проходите, добрые люди, мимо! не заглядывайте больше въ старосвѣтское двѣрище! Оно и для меня потеряло всякую прелесть. Оно сдѣлалось для меня предметомъ душеспасительнаго размышленія, не болѣе.

П. Кулишъ.

20 августа, 1860.
Васильевка.

ОТРЫВКИ ИЗЪ АВТОБІОГРАФІИ

ВАСИЛІЯ ПЕТРОВИЧА БЪЛОКОПЫТЕПКА.

ПОСТУПЛЕНІЕ ВАСИЛІЯ ПЕТРОВИЧА ВЪ ГОРОДСКОЕ УЧИЛИЩЕ^(*).

Мелкопомѣстное украинское дворянство, купцы и зажиточные изъ другихъ сословій, собираясь выводить своихъ дѣтей въ люди, обращались въ тѣ времена обыкновенно къ средствамъ самымъ несложнымъ: обучали дѣтей грамотѣ, у себя на дому или въ мѣстныхъ школахъ, смотря по достатку, — запасались извѣстнымъ количествомъ *карбованціевъ* или мѣшковъ съ мукою, пшеномъ и тому подобнымъ, и помѣщали, и дѣтей, и карбованцы, и мѣшки, въ какомъ-нибудь повѣтовомъ или земскомъ судѣ, на службу отечеству, на радость себѣ и на зависть сосѣдямъ; или же, вмѣсто повѣтовыхъ и земскихъ судовъ, выбирали расположенные въ ближайшихъ мѣстностяхъ полки. Если при этомъ кто-нибудь нуждался въ доказательствахъ о дворянскомъ происхожденіи, родители старались запастись и таковыми: чрезъ такой камень преткновенія въ тѣ времена легче было перескочить, чѣмъ теперь, и мало-мальски зажиточный мѣщанинъ или козакъ, при опредѣленіи сына на службу, могъ выступить дворяниномъ, хоть куда!

Случалось при этомъ, и даже очень часто случалось, что мѣстомъ для службы выбираемъ былъ какой-нибудь отдаленный городъ, напримеръ Петербургъ, Кіевъ; но охотнѣе всего земляки мои ѣхали служить въ южныя наши провинціи, въ Бессарабію, Таврическую губернію, а больше всего — въ *Черноморію* и на Кавказъ. Конечно, причиною предпо-

(*) Разница въ тонѣ изложенія предлагаемыхъ теперь отрывковъ и отрывковъ, напечатанныхъ въ IV книгѣ Русской Бесѣды 1858 г., произошла, вѣроятно, отъ разности впечатлѣній, подъ влияніемъ которыхъ писаны тѣ и другіе.

чтенія въ этомъ случаѣ чужой стороны своей было: иногда »Нѣсть пророкъ во отѣчествіи своемъ«, особенно если пророку приходилось, посредствомъ *вышеупомянутыхъ* документовъ, добывать доказательства о дворянскомъ происхожденіи, а иногда — и перспектива возможности приобрѣтенія большихъ чиновъ и большихъ денегъ, возможности, часто доказываемой прибылыми изъ Петербурга, Кіева, Кавказа.

Отправление въ далекіе края совершалось довольно разнообразно. Напримѣръ, проѣзжіи офицеръ или чиновникъ, случайно попавшій къ какому-нибудь жаждущему вывести свое дитя въ люди, насказывалъ столько чудесъ о Кавказѣ или Бессарабіи, что родитель, не долго сиравляясь, въ нѣсколько часовъ снаряжалъ сына въ далекую дорогу и отдавалъ его *доброму чоловікові*, прося послѣдняго помѣтить сына, а сыну наказывая — *шануватьця* (вести себя хорошо) и слушаться *доброто чоловіка*. Добрый человекъ увозилъ сына, иногда очень надолго, иногда и навсегда.... Случалось, что сынъ оказывался слугою у добраго челоуѣка!... Совершалось отправление иногда и такъ, что родители выбирали кого-нибудь изъ среды себя и отравляли дѣтей, или же навязывали ихъ какому-нибудь, пріѣзжему погостить съ Кавказа, братцу, племяннику, доброму сосѣду. Но и такъ иногда случалось, что иной отважный юноша — котомку на плечи, одинъ да съ Богомъ, — и въ какой-нибудь Петербургъ или Тифлисъ!.. иногда и тайкомъ отъ родителей!..

Худо ли, хорошо все это, и если худо, то въ какой степени — поговоримъ объ этомъ въ другое время. Дѣло въ томъ только, что такъ водилось тогда, и что съ старшими своими сыновьями поступилъ такъ и мой отецъ: одного послалъ на Кавказъ, двухъ другихъ — въ губернской городъ. Но со мною вышло иначе — рѣшился отдать въ городское училище....

Что заставило старика отдать меня въ городское училище — положительно не знаю. Думаю, что, какъ человекъ очень умный, онъ не могъ не замѣтить, что люди, хорошо грамотные, начинаютъ быть въ ходу, и потому заключилъ, что ограмотивъ сына хорошенько, т. е. *городскимъ* способомъ, легче всего выведетъ его въ люди. Къ такому заключенію ему прійти было тѣмъ легче, что къ грамотности и, вообще, къ знанію онъ пыталъ большое уваженіе. Въ свое время, онъ неоднократно и со слезами умолялъ, чтобы научили его грамотѣ, а когда старикъ, дѣдъ мой, отказалъ, пустился на хитрости: добылъ себѣ позволеніе, во время говѣнья, провести три дня у дьячка, гдѣ учился родичъ, и сидя тамъ на *печи* и прислушиваясь къ чтенію школярей, выучилъ наизусть церков-

ную азбуку и всё складывало до *тма-мна*.... Въ послѣдствіи я разскажу подробно, какъ этотъ человѣкъ, повидимому холодный ко всему, что выходитъ за кругъ хозяйственныхъ интересовъ, слушалъ меня, уже гимназиста, о причинахъ солнечнаго затмѣнія, грома и другихъ физическихъ явленій, о жизни иныхъ народовъ, о далекихъ странахъ, о событіяхъ давно минувшихъ, — слушалъ, по видимому, разсѣянно, трунилъ надъ людьми, тратящими *гроші и часъ на чорзнащо*, трувилъ надъ разсказчикомъ, а все таки слушалъ! Если, выведенный изъ терпѣнія его насмѣшками, бывало прекращаю свои розказы, какими-нибудь окольными путями снова наводилъ разговоръ на брошенный предметъ... или же обращался къ такой методѣ: »Бачъ«, говорятъ, »чому вони вчѣтца!... А дурні батькі гроші тратять!... Який же вамъ гаспидъ цѣпъ тягавъ до сонця, що знаєте, скільки туди верстовъ? Хіба чи не воронъ просіли?« — »Ви думаете«, отвѣчаетъ гимназистъ, »якъ не ворона, то й не каркае, якъ цѣпу нема, то й мірять неможна!« и пошелъ снова.... А ему только того и надо: опять слушаетъ, опять трунить, опять выводитъ изъ терпѣнія разсказчика.... А смотришь потомъ, въ какомъ-нибудь разговорѣ, невольно прорывалось у него (по доброй волѣ онъ бывало никогда не признается, что цонялъ или убѣдился) такое разумѣніе, на примѣръ, способовъ измѣренія между небесными свѣтилами, что и иному гимназисту подобное не подъ силу. »Эхъ, якъ-би було менѣ навчили!« иногда бывало говорить онъ въ задушевной бесѣдѣ съ близкимъ ему человѣкомъ....

Какъ я живо помню всё обстоятельства поступленія въ училище! Какъ-будто всё это вчера происходило! Да что вчера: что вчера дѣлалось, я не могу представить себѣ съ такою вышуклостію и такъ отчетливо, какъ то, что дѣлалось тогда.

Надобно знать, что покойникъ отецъ, частію по свойственной всѣмъ Украинцамъ несообщительности, не любящей посвящать всякаго встречнаго и поперечнаго въ свои душевные интересы, любящей больше дѣлать, чѣмъ говорить.... частію по самостоятельности характера, и вообще рѣдко допускающей вліяніе совѣта, а можетъ быть частію и по убѣжденію, что изъ всѣхъ окружающихъ его, близкихъ и далекихъ, никто не дастъ ему совѣта умнѣе того, какой онъ самъ себѣ дастъ, не любилъ совѣтоваться съ кѣмъ бы то ни было и о чемъ бы то ни было, — даже не любилъ совѣтоваться съ моею матерью. Предположенія его, потому, большею частію оставались въ-тайнѣ и открывались только тогда, когда приходила пора приводить въ исполненіе. Разумѣется, что чѣмъ настоя-

тельнѣе была необходимость въ ихъ исполненіи, или чѣмъ болѣе представлялось возможности встрѣтить—не говорю, сопротивленіе, противо-
дѣйствіе, а неодобреніе, въ формѣ слезъ, вздоха,—тайна сохранялась тѣмъ упорнѣе.... Предположеніе высказывалось за минуту до того времени, когда слѣдовало его выполнять, являлось въ формѣ догматической и какъ свѣтъ на голову: некогда ни возражать, ни сожалѣть — исполняй, и дѣлу конецъ!

Такъ онъ рѣшился поступить и въ настоящемъ случаѣ.... Конечно, болѣе догадливые поняли бы, можетъ быть, по нѣкоторымъ примѣтамъ, его предположенія на мой счетъ; по матери и намъ всеѣмъ, привыкшимъ видѣть, что старшихъ братьевъ увозятъ изъ дома, когда имъ ужъ лѣтъ семнадцать, восемнадцать, не имѣвшимъ никакого понятія, что это за училища, намъ и въ голову ничего не приходило!... Начать съ того, что вдругъ,—какъ говорится, ни съ сего, ни съ того, — мнѣ сдѣланъ былъ новенькій *нагольный кожущокъ*, и притомъ изъ хорошихъ годовалыхъ баранковъ; сдѣланы были пара новыхъ сюртучковъ съ соответственными принадлежностями, т. е., по обыкновенію, передѣланы изъ платья старшихъ братьевъ, для нихъ уже негоднаго. Потомъ, около того же времени, онъ позволилъ мнѣ пріостановить ученіе: »Забрѣзкъ,« говорить, »занїдївся.... Нехай ужѣ«, говорить, »въ училищі бѣдешъ!« Ученіе, конечно, было пріостановлено а слова »въ училищї бѣдешъ вчїтьця« — приняты за фразу въ родѣ »въ полкъ тебя отдамъ« и т. п. Догадливому человѣку можно было также призадуматься надъ мягкостію и снисходительностію, которыя съ нѣкотораго времени проявлялись въ обращеніи его со мною и которыхъ я, согласно украинскимъ правамъ, не встрѣчалъ у отца съ того самаго времени, когда пересталъ быть *дитятю*, т. е. когда взялся за букварь. Но и это было мнѣ не въ домекъ! Послѣ ужъ я научился понимать старика: желѣзный характеръ не выдерживалъ и размягчался, когда приходилось наносить ударъ чьему-нибудь чувству, а въ особенности чувству своего дитяти....

Дѣло было въ первыхъ числахъ января, въ субботу. Отецъ былъ серьѣзень и почти цѣлый день провелъ на дворѣ: смотрѣлъ, какъ снаряжались подводы, которыя отправлялъ къ какому-то пану, верстѣ за сорокъ, за купленнымъ лѣсомъ; провожалъ ихъ, давалъ наставленіе: гдѣ и какъ накормить и напоить воловъ, гдѣ ночевать, кто долженъ сторожить подводы ночью, какихъ воловъ сторожъ долженъ веревкою привязать себѣ къ ногѣ, отъ воровъ... что долженъ дѣлать онъ, если бы, чего Боже сохрани, воръ въ самомъ дѣлѣ сталъ уводить, и веревка дерну-

ла за ногу;—гдѣ должны кормить на другой день, гдѣ оиъ, отецъ, наговорить ихъ и т. д. Распоряжаась отпращиваніемъ подводъ, отецъ велѣлъ приготовить и *кинські сани*, большія сани, и пару лучшихъ лошадей—признакъ, что поѣздка имѣетъ важное значеніе!.. самъ наблюдалъ, какъ Грицько, плотникъ и вмѣстѣ мельникъ и *олийникъ*, осматривалъ сани, не нужно ли *завертни* или оглобли переменить, *де свердломъ крутнуть*, *де сокірою стукнуть*; рассказывалъ, какъ *орчикъ* привязать, потянулъ даже за *поборси* (постромки), крѣпко ли привязаны; сани указалъ, какую упряжь взять, присутствовалъ при ея осмотрѣ Прокопомъ, сапожникомъ и вмѣстѣ кожевникомъ и скрипачемъ; присутствовалъ, какъ набивали *пихтиръ* ⁽¹⁾ сѣношъ, какъ вывели и чистили лошадей и пробовали, не захромала ли которая, хорошо ли ѣсть и шеть и т. д. Мы, дѣти, все это видѣли; видѣли также, какъ мать, по приказанію отца, готовяла *яцикъ* и *мишокъ* ⁽²⁾ и вклала туда куски *сала*, жареного гуся, ножъ, вилку, хлѣбъ, булки, пироги и т. п. — все это завернутое въ бѣлѣйшія полотенца; видѣли, какъ она отперла *скриньку*, въ

(1) Веревочный мѣшокъ, въ которомъ украинцы, особенно народъ торговый, возятъ сѣно при поѣздкахъ.

(2) *Яцикъ* и *мишокъ* при сборахъ въ путешествіе, и во время самыхъ путешествій, по преимуществу означаютъ у насъ яцикъ и мѣшокъ съ съѣстнымъ (т. е. яцикъ — съ *саломъ*, *ковбасами*, вареными яйцами, мясомъ и рыбою, зажаренными или отваренными и т. д., а мѣшокъ — съ хлѣбомъ, *палмицями*, *коржѣми* и т. д.). Потому, если, напримѣръ, украинка говорить,—конечно, если дѣло идетъ о сборахъ къ путешествію: «Ще треба яцикъ и мишокъ спорядити» — это значить: «Еще надо жарить курицу, очистить *сала*, выбрать хорошихъ сельдей, спечь булокъ и т. д. и все это уложить въ яцикъ и мѣшокъ.» Вообще, земляки мои, отправляясь въ путешествіе, близкое или далекое, съѣстнымъ для себя и кормомъ для лошадей и воловъ, даже водою, любятъ запасаться въ большомъ количествѣ, если возможно, даже на все путешествіе, а мои землячки любятъ снабжать отъѣзжающихъ самымъ лучшимъ, что у нихъ есть въ запасѣ изъ съѣстнаго. За такой обычай, какъ мнѣ приходилось не разъ слышать, иные порицаютъ моихъ соотчичей: говорятъ, что это не расчетливо, и наклонность къ обжорству показываетъ. Расчетливо ли для моего земляка держаться подобнаго обычая, или нѣтъ, — поговоримъ объ этомъ когда-нибудь въ другое время; а здѣсь только замѣчу, что обычай этотъ имѣетъ основаніе не въ нашемъ желудкѣ, а въ нашей исторіи, имѣвшей обыкновеніе постоянно ставить въ необходимость — женъ, сестеръ и матерей нашихъ дѣдовъ и прадедовъ разлучаться съ близкими ихъ сердцу... и снабжать дорогихъ отбывающихъ на дорогу всѣмъ, что было лучшаго въ вѣдомствѣ женскаго населенія былой Украины, а дѣдовъ и прадедовъ нашихъ ставившей въ необходимость часто перелетать безводныя и безлюдныя южныя степи, гдѣ не было въ то время, да и теперь еще очень мало, постоялыхъ дворовъ и трактировъ, и гдѣ, слѣдовательно, утолить голодь и жажду можно было, или вѣтромъ степнымъ, или тѣмъ, что несли на себѣ быстра, какъ степной вѣтеръ, выучная козацкая лошадь.

которой хранились иѣдныя деньги, отсчитала нѣсколько рублей на мелкіе нутевые расходы отцу и положила ихъ въ пестрядевый мѣшочекъ; видѣли, что она долго возилась съ *капшучкѣми* и домашняго издѣлія бумажниками, т. е. рукавами отъ старыхъ рубашекъ, завязанными или зашитыми наглухо съ которой-либо стороны и такимъ образомъ представлявшими нѣкоторое удобство для прятанія ассигнацій; но что ужъ она тутъ дѣлала, намъ было неизвѣстно — насъ не подпускала... Отецъ дома, можетъ увидѣть, какъ мы глядимъ, сколько у него денегъ, — а подобное, куда было ему не по сердцу! Мы, дѣти, говорю, все это видѣли, дѣлали заключенія, — значитъ, батюшка куда-то ѣдетъ и ѣдетъ на нѣсколько дней, надолго даже, можетъ быть, — видѣли и радовались, что батюшка, этотъ суровый батюшка, который за всякія шалости бранить и наказываетъ и никогда ни за что не похвалить, никогда не ласкаетъ и не *голубитъ*, ѣдетъ на нѣсколько дней изъ дому... Съ такимъ расположеніемъ духа мы и спать легли...

Если покойнику отцу предстояла дальняя дорога, или отправлялся по какому важному дѣлу, то всегда выѣзжалъ ночью, задолго до разсвѣта, и тѣмъ раньше, чѣмъ цѣль поѣздки была серьезнѣе; а въ особенно важныхъ случаяхъ, выѣздъ изъ дому у него бывалъ сейчасъ послѣ ужина. Такъ дѣлывали, говорятъ, наши дѣды и прадѣды, такъ дѣлываютъ еще и теперь земляки мои, люди стараго цорядка — таковъ стародавній обычай. Но почему обычая этого держался и отецъ — не знаю. Знаю только, что онъ держался его не потому, что онъ былъ стародавній обычай, что такъ дѣлывали дѣды и прадѣды: въ подобнаго рода дѣлахъ старикъ слѣдовалъ обычаемъ только до тѣхъ поръ, пока болѣе или менѣе сознавалъ ихъ разумность, болѣе или менѣе они нравились ему. Можетъ быть, выѣздъ ночью болѣе соответствовалъ его наклонности — больше дѣлать, чѣмъ говорить, потому что такимъ образомъ, при выѣздѣ ночью, онъ избѣгалъ, въ хуторѣ и ближайшихъ селахъ, встрѣчъ съ знакомыми, и ихъ разспросовъ, — а куда? а зачѣмъ? избѣгалъ неизбѣжныхъ въ подобныихъ случаяхъ въ украинской семьѣ слезъ и прощальныхъ сценъ, неизбѣжныхъ по тѣмъ элементамъ, изъ которыхъ она зиждется и которые выработаны историческою ея жизнію: человекъ, которому хочется спать, мало бываетъ способенъ къ сильнымъ сердечнымъ движеніямъ. Быть можетъ, отецъ мой руководствовался иногда и расчетомъ, признаваемымъ впрочемъ иными невѣрнымъ, — въ первый день ѣзды больше воспользоваться силами лошадей, чѣмъ въ слѣдующіе дни, такъ какъ въ первый день силы ихъ еще бодрѣе. Можетъ быть онъ руководствовался

и тѣмъ расчетомъ, что чрезъ выѣздъ ночью нисколько не разстроивается обыкновенное теченіе домашнихъ дѣлъ. Выпроводили, поплакали и заснули .. и на другой день все болѣе или менѣе пошло по вчерашнему; днемъ же выѣзжать изъ дому — для домашнихъ дѣлъ день пропасть! Можетъ быть, и другія еще были причины: мало ли чего не прійдетъ въ сѣдую голову, пятьдесятъ лѣтъ, во всеѣ глаза, съ толкомъ и чувствомъ, глядѣвшую на человѣка и его жизнь! и глядѣвшую не сквозь системы и ученія, а просто безъ всякой *посредствующей среды*, какъ они въ дѣйствительности заявляются!

При поѣздкахъ своихъ, отецъ держался еще другого обычая, не менѣе, повидимому, страннаго, какъ и первый. Какъ бы рано старикъ ни выѣзжалъ, и какой бы праздникъ ни случился въ день выѣзда, онъ, и все выѣзжавшіе, непременно должны были поѣсть — что, болшею частію, равнялось настоящему обѣду. Обычай этотъ можетъ показаться еще страннѣе, если прибавлю, что пока у покойника дѣти были малы, онъ строго соблюдалъ посты, и въ праздничные дни, при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ, до окончанія обѣдни, ни самъ ничего не ѣлъ, ни другимъ домашнимъ не позволялъ ничего ѣсть. Да и въ будніе дни, если не было гостей, онъ никогда не завтракалъ и не пилъ чаю (котораго, впрочемъ, и никто у насъ тогда по утрамъ не пилъ: не было обычая, чай былъ угощеніемъ, а не всеневнымъ питьемъ), — словомъ, до обѣда и *риски въ ротъ не бравъ* (1). За такими завтраками или обѣдами, кто пилъ водку — ѣлъ съ аппетитомъ; а мы, дѣти, если намъ приходилось въ нихъ участвовать, обыкновенно только дремали.

Дремалъ и я, сидя за столомъ, передъ выѣздомъ въ училище: и этотъ выѣздъ отецъ рѣшилъ сдѣлать ночью и предварительно позавтракавши.... Какъ меня разбудили, какъ умыли, одѣли, посадили за столъ и велѣли ѣсть, что въ это время вокругъ меня дѣлалось, — ничего не помню: сонный былъ, дремалъ.... Первое, что обратило мое вниманіе, что я началъ понимать и что, слѣдовательно, помню и теперь, это — необыкновенное состояніе матери. Она была блѣдна и ни минуты не сидѣла на мѣстѣ: садеть, протянетъ дрожащую руку, погладитъ меня по головѣ — и исчезла.... »Ижъ, Васюню, ижъ, дитино мой!« — снова исчезла.. Спросила, новенькихъ ли мнѣ рубашечекъ, или *приношеніихъ, макенъкиихъ*, и не дождавшись отвѣта, снова!...

(1) Т. е. росинки.

Драмата моя начала исчезать, окружающее ближе придвигаться къ моему сознанию...

За столомъ только отецъ и я, да стулъ и приборъ для матери; остальной семьи никого нѣтъ.

Отецъ серьезень, очень серьезень; ни слова не говоритъ, не отрыгаетъ глазъ отъ тарелки, ни разу не взглянулъ ни на меня, ни на мать...

Я одѣтъ попраздничному; возлѣ, на стульяхъ, простыня съ моими бѣльемъ, и другими платьемъ...

Отъ времени до времени изъ кухни выглядываютъ головы, съ какими-то любопытствомъ смотрятъ сюда, особенно на меня...

Мною тоже овладѣло какое-то любопытство, даже безинокство. Я началъ быстрѣе поворачивать голову къ матери, когда она входила: «Что случилось? что все это значить?» — «Ничого, Васюню, ничого! ижь!» тихо, — и я опускалъ голову къ тарелкѣ, боязливо поглядывая на отца...

Узелъ мой готовъ, завтракъ конченъ, сани провизжали мимо оконъ, гнѣдой жеребецъ заржалъ и затопалъ передъ крыльцомъ...

— Порá! сказалъ старикъ, подымаясь съ мѣста и по прежнему ни на кого не глядя: — Однѣ ёго!...

Мать бросилась ко мнѣ, и начала снаряжать меня: дрожащими руками надѣла на шею дорогую кашемировую шаль, *бáбинскую*, которой я сама никогда не надѣвала... нагольный кожѹшокъ, и поверхъ воротника другую *бáбинскую* шаль.... Какъ руки у нея путаются, какъ медлятъ она! Отецъ давно ужъ готовъ: *кожѹхъ*, покрытый синимъ сукномъ, изъ превосходныхъ сѣрыхъ барашковъ, въ одной рукѣ черная *смумбевая* шапка, въ другой — неразлучный спутникъ его старости, *цѣпокъ*; а она все еще медлятъ!

Но вотъ и я готовъ. — Ходимо въ свѣтлицю!

За старикомъ пошла мать, со свѣчю въ рукахъ, шатаясь, по временамъ обращая ко мнѣ взглядъ, свѣтящейся лихорадочнымъ жаромъ.... За матерью — я, съ поникшею головою, съ какою-то тяжестью въ душѣ, съ темною догадкою, что что-то недоброе ожидается!

— Сядьмо!

Сѣла.

Наступила минута молчанія, — охъ, какого молчанія! Никогда я не забуду этой минуты! Какъ-будто все кругомъ почувствовало, что тутъ идетъ тяжелая борьба, на чувства малагается невыносимое молчаніе, — и все притаило дыханіе!... Даже свѣча какъ-будто боялась свѣтить, бросала какой-то дрожащій, желтоватый, погребальный свѣтъ; даже ве-

бель, всё неодушевленные предметы, наполнявшие комнату, как-будто пританцались, прятали углы и выпуклости, жалась въ тѣни... Словно жертвецъ тутъ лежить, свѣчи нагорѣли, раздается унылое чтеніе дьячка, болѣе несносное, чѣмъ могильная тишина!...

Да, въ комъ-нибудь дѣйствительно должно было что-то тутъ умереть!...

»Порá! раздался снова голосъ отца: « молитца, говоритъ, Бóгу! и, вставши, началъ самъ креститься къ образамъ.

Мы съ матерью тоже встали и начали креститься.

»Поблагослови, старá, сына! Та накажи, щобъ бувъ добрый, розумный!..

— Нехáй тебѣ благословить Богъ и Мáти Бóжа, моя дитиночко!... якъ я тебѣ благословлю!...

Осѣнила меня нѣсколько разъ большимъ крестомъ.

— Не забувай Бóга и Мáтері Бóжої!... слухай бáтька, своїхъ вчителів!... будь добрый, розумный!... Не забувай и менé, моя дитиночко!...

»Порá, Василюку, ходи́ть! прервалъ съ другаго конца голосъ звучный и вмѣстѣ сдержанный...

— Поцілуй же менé, Василю! — начала меня цѣловать и снова крестить: — Може б? говоритъ...

Я поднималъ голову — съ мольбою глядѣть на отца, что-то мнеть въ надѣхахъ, слышенъ звонъ мѣдной монеты... Я быстро поверотилъ голову къ отцу — одинъ изъ взглядовъ, которыми онъ обыкновенно отдаетъ ей секретныя приказанія...

— Оцé тоби, Василю, дэсять шажкѣвъ — бубличкѣвъ, мóже, коли кúпишь...

Послѣднее объятіе матери...

Отець сѣлъ въ сани; въ ногахъ постлали ему большой тулунъ, посадили меня, закутали; сверху отецъ прикрылъ еще своимъ тулупомъ... Кондрать тронулъ возжами, — сани понеслись, визжа полозьями и скользя на забойнахъ, то въ ту, то въ другую сторону...

Старикъ мой, старикъ!... Крутъ ты подъ часъ бывалъ, суровъ, жестокъ; но я люблю тебя вспоминать!... люблю вспоминать даже о крутыхъ, суровыхъ и жесткихъ твоихъ поступкахъ! Вѣрно, и въ нихъ есть своя доля правды, что-то влекущее къ себѣ даже и тѣхъ, кому больше всего приходилось отъ нихъ терпѣть. А можетъ быть, не смотря на наше образованіе, мы еще на столько дѣти нашихъ отцовъ и внуки и правнуки нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, столько еще мы потоки нашей суровой старины, что намъ по сердцу и тѣ жесткія ея стороны, которыхъ

не одобряетъ наша голова, и жесткость которыхъ намъ приходилось на себя отвѣдывать!... Но особенно я люблю вспоминать о твоихъ поступкахъ, которые не были порожденіемъ болѣе или менѣе разуздавшейся страсти, а происходили изъ сердечныхъ ощущеній, управляемыхъ разсудкомъ и волею. Все тогда уступало тебѣ, мудрецъ мой, все преклонялось передъ тобою!

Да, изъ дальнѣйшаго разсказа о моей незатѣйливой жизни, вы, можетъ быть, убѣдитесь, что отецъ мой былъ далеко не изъ дюжинныхъ людей. А пока я укажу вамъ на двѣ черты его характера, т. е. разскажу о его образѣ дѣйствованія въ двухъ различныхъ житейскихъ положеніяхъ, изъ которыхъ объ одномъ я необходимо долженъ говорить теперь же, по порядку разсказа, а разсказъ о другомъ понадобится намъ послѣ, чрезъ нѣсколько страницъ.

Вы, можетъ быть, думаете, что выѣхавъ изъ дому, я остался одинокимъ, нѣкому принять участіе въ моей тоскующей душѣ? Если вы такъ думаете, — вы крѣпко ошибаетесь! Этотъ суровый старикъ, устроившій все такъ, что я и слезинки не успѣлъ выронить при разлукѣ съ матерью, мать не успѣла поворковать надъ отрываемымъ отъ нея дѣтищемъ, наглядѣться на него въ послѣдній разъ, не позволявшій и себя обнаружить признаковъ чувства и оцѣпившій чувства другихъ, — съ отъѣздомъ изъ дому, когда дитя осталось у него одного на рукахъ, превратился въ самую иѣжную мать, въ самую заботливую сестру. Словомъ, старался замѣнить для него все и всѣхъ... и, конечно, при своемъ знаніи человѣческаго сердца, при своемъ умѣ и опытности, успѣвалъ въ этомъ на столько, на сколько другому успѣть никакъ бы не удалось. Всѣ дѣтскія потребности и прихоти имъ были предусматриваемы и предупреждаемы съ величайшей заботливостію; онъ былъ болтливъ, какъ самая болтливая нянька, разсказывалъ сказки и разныя интересныя событія изъ собственной жизни, игралъ со мною, позволялъ выбираться изъ моего гнѣзда въ тулупѣ, садиться на козла и т. д. И замѣчу, онъ дѣлался такимъ ласковымъ не въ эту только поѣздку, но и послѣ, когда ему случалось отвозить меня въ городъ, и когда мною овладѣвала тоска... Помѣстивъ меня въ училище, онъ не поѣхалъ сейчасъ домой, а отправился верстъ за пять отъ города къ одному своему знакомому и прожлялъ тамъ нѣсколько дней, чтобы только ежедневно навѣщать меня.... Но объ этомъ рѣчь впереди, а теперь

Э П И З О Д Ъ.

Надобно вамъ сказать, что въ хуторѣ у насъ завелся такой обычай: общество избавляло отца отъ всякаго рода натуральныхъ повинностей, а отецъ за это кормилъ и поилъ Временныя Отдѣленія, засѣдателей, — словомъ, властей. Обычай этотъ съ теченіемъ времени сдѣлался до того известнымъ всѣмъ, что каждая власть, прибывъ въ хуторъ, отправлялась прямо къ отцу и располагалась тамъ, какъ у себя дома или у себя на квартирѣ. Если власть была заѣзжая и не знала о существующемъ обычаѣ, съ нимъ знакомили ее возницы, и *передовые* козаки, и власть всё таки попадала къ намъ. Равнымъ образомъ сдаваема была на руки отца и всякая военная власть, долженствовавшая квартировать въ хуторѣ, если только эта власть была значительнаго ранга и, слѣдовательно, была съ значительнымъ развитіемъ потребностей на удобство помѣщенія и т. д., или же, хотя и не имѣла значительнаго ранга, но была съ сильно развитою склонностію: шумѣть, оставаться ничѣмъ недовольною, — склонностію къ пинкамъ, зубочисткамъ, зуботычкамъ, подзатыльникамъ, треушнякамъ — словомъ, ко всѣмъ такимъ вещамъ, о которыхъ въ уставѣ о земскихъ повинностяхъ ничего не упоминается, но къ которымъ однако мы, всѣ власти, питаемъ большое расположеніе, и которыми, при случаѣ, присыщаемъ себя въ сласть.

Придетъ бывало отаманъ: — Бѣдьте ласкави, Петро Василѣвичъ, возьміть собі тогѣ уша (1), що у Головані!

»А хіба що?

— Та така й така річъ.

»Ну, коли такъ, сількись (2).

И *ушъ* переселялся къ намъ.

Ну, такъ однажды, около того времени, какъ меня отвезли въ училище, къ намъ попалъ подобный Ушъ.

Дѣло было наканунѣ Духова дня, вечеромъ. Комнаты и сѣни маляхъ хать, въ которыхъ мы проводили тогда лѣто, убраны были липовымъ и кленовымъ *клевчаньямъ*, пучками *гозодиківъ*, *васильківъ*; полы устланы только-что накошеною травою. Окруженные зеленью и благоуханіями травы и цвѣтовъ, мы сидѣли въ сѣняхъ за столомъ и ве-

(1) Землики мои называютъ иногда людей военнаго званія *ушами* и *кабишами*, за часто употребляемыми ими слова *ушъ*, *кабышъ*.

(2) *Сількись* — пусть себя,

село ужинали.... Покойникъ отецъ любилъ ужинать лѣтомъ, если не на открытомъ воздухѣ, то покрайней мѣрѣ въ сѣняхъ, при открытой двери на огородъ.

Вдругъ дверь, выходящая на дворъ, съ шумомъ отворилась, и въ сѣни ввалился хуторской атаманъ Грицько, — запыхавшійся, безъ шапки, съ приподнятымъ ссереда чубомъ, не говорившимъ, а просто кричавшимъ, что къ нему только что прикасалась чья-то чужая рука, и рѣшительно не съ тѣмъ, чтобы его пригладить.

— Здѣлайте Божеську милость, Петро Васіловичъ!... заговорилъ Грицько, оставляя на другое время привѣтствія: »хлѣбъ та сіль! Добрій-вечірѣ, бўйте здоровіи зъ симъ днемъ!«

»А що тамъ такѣ? отозвался отецъ, оставляя ложку и поворачиваясь къ Грицьку.

— Москалі прийшли на постой, такъ оди́нъ такий офицеръ, що вже й до Івана водівъ, и до Устенка, и до Паливоди: »Тѣсно!« кричить, та й годі, хоть ти въ вічі ёму плюй!... И колибъ що путне, сказавъ, продолжалъ Грицько изливать душу: — ато якъсь фря така, мизерне, маленьке... А лаётца жъ то, не при хлѣбі святому зга́дуючи... тьфу!... И въ вічі такъ и січетця!... Та ще й до чуба...—и Грицько махнулъ рукою и кивнулъ головою, какъ обыкновенно дѣлають земляки мои, когда чувства ихъ принимаютъ другое направленіе, не земляками моими обыкновенно выражаемое: »Да чо́ говорить! пусть ужъ Богъ ему простить!«

»Ну, сількись, веді ёго! отозвался отецъ, вставая изъ-за стола.

— Та вінъ тутъ, у васъ за ворітьми!... Я заразъ, спасібі вамъ!...

Черезъ нѣсколько минутъ влетѣлъ въ сѣни крошечный офицерикъ конныхъ егерей, киверъ на бекрень, сабля гремитъ, весь въ пыли.... Не кивнувши никому головою, онъ прямо къ отцу.

— Ты хозяйинъ? давай квартиру, да жива!...

»Заразъ, заразъ!« спокойно, но серьезно отвѣчалъ отецъ, и поворотившись къ матери: »Вели, старá (¹), одперти ті хати ...«

— Какія хаты? перебилъ офицеръ:—вѣрно сыро, гадко!... Знать ничего не хочу, мнѣ сухую, чистую давай квартиру, тутъ давай! — и покосился на растворенную дверь кухни, изъ-за которой выглядывали нѣсколько паръ любопытныхъ глазъ женскаго ея населенія.

»Колі вамъ хочетца тутъ — и тутъ можна!« сказалъ невозмутимо

(¹) Въ Украинѣ мужъ и молодую жену называетъ иногда старбою.

старикъ: »вотъ выбирайте, какую хотите! — и взявъ со стола свѣчу, началъ показывать офуцери *світлицю* и *кімнату*.

— Я эту возьму! сказалъ тотъ вошедши въ *кімнату*.

»Чѣмъ сю, то и сю! мой старá зъ дѣтьми ляже въ *світлиці*— васъ не побезпокоятъ: у меня маленькихъ дѣтей нѣтъ; а мнѣ поставятъ кровать въ сѣняхъ возлѣ кухни, — всѣмъ дóбре бóде!

Какъ невозмутимо и упорно смотрѣлъ онъ при этомъ ему въ глаза!..

Офицеръ, кажется, не совсѣмъ былъ доволенъ такими распоряженіями, сердито началъ отцѣплять саблю и кричать на денщика, чтобы скорѣе вносилъ вещи.

Отецъ поставилъ свѣчу на столъ, вышелъ въ сѣни, и мы снова принялись за ужинъ, хоть уже не такъ весело, какъ прежде: вѣрно военному элементу ужъ *на роду написано* быть вездѣ возмутителемъ тихихъ семейныхъ и гражданскихъ радостей!

Черезъ нѣсколько минутъ офицеръ снова появился въ сѣняхъ, но уже безъ кивера, сабли и другихъ военныхъ принадлежностей, съ разстегнутымъ сюртукомъ, безъ жилета и галстука.

— Нужно и лошадямъ моимъ дать мѣсто!

»И лошадямъ найдемъ мѣсто!« отвѣтилъ старикъ, и поворачивая голову къ кухнѣ, прибавилъ:— Хлопцы, покажите вотъ яхнему денщику, гдѣ ясли.

— Какъ, *ясли?* снова возвысивъ голосъ нѣсколькими тонами выше:— Мои лошади стоятъ у яслей не привыкли, ночью дождь можетъ пойти!

»А въ конюшнѣ можно ихъ поставить?«

— Конечно!

»Ну, такъ выведите, хлопцы, изъ конюшни своихъ лошадей и поставьте къ яслямъ, а въ конюшню денщика...«

— Да у меня и кучеръ есть.

»Ну, такъ пусть кучеръ! Да что нужно, расскажите, помогите! Можетъ статья, сѣна, соломы нужно, и сѣна и соломы нѣтъ!«

По зову отца, *Оксѣнтій* и *Антій* выскочили изъ кухни и, выслушавъ его приказаніе, *вибрикомъ* пустились черезъ сѣни; а офицеръ, видимо сбитый съ толку, потеръ себѣ лобъ, потеръ правою рукою лѣвую, выше локтя, и, не зная, что дальше тереть, потеръ еще одну пуговицу на сюртукѣ... какъ-будто въ разсѣянности нацѣпилъ на нее петлю противоположнаго лацкана, — такимъ образомъ, застегнутый уже, постоявъ еще нѣсколько мгновеній, пошелъ въ *кімнату*.

Мы переглянулись, едва удерживая хохотъ (отъ неоднократныхъ повтореній подобныхъ сценъ, мы, увы, даже самые малолѣтніе, повидали ихъ значеніе), а отецъ—какъ ни въ чемъ не бывало: ѣсть себѣ преспокойно, и хоть бы тѣнь улыбки или огорченія! серьезнѣе только, сдержаннѣе обыкновеннаго; а когда денщикъ, внесши въ кѣмнату послѣднія вещи, вышелъ оттуда и затворилъ за собою дверь, поднявъ голову и указавъ матери глазами, сначала на стоявшую на столѣ миску, а потомъ на дверь кѣмнаты.

— Чѣшъ, якъ тебѣ звать, бѣдь ласкавъ!...

«Иваномъ-сь, матушка!»

— Спитай, будь ласкавъ, Иване, свого пана, чи не хоче повечерять: у насъ бѣде що.

«Слушаю-сь!» и чрезъ нѣсколько минутъ возвратился съ отвѣтомъ, что де «его благородіе приказали благодарить, поужинають, только немножко позже, а сейчасъ приказали, то есь чайничокъ, то есь чай кушать.»

Снова взглядъ отца, снова предложеніе матери—самоваръ, дескать, есть. «Да ужъ ты, Иванъ, будь ласкавъ, говоритъ, не хлопчи, отдохни — послѣ дороги вѣрно усталъ; в повечерять потомъ съ кучеромъ двачата вамъ дадутъ... Орѣшко, Васько!» и т. д.

— Поркорнѣше благодаримъ-сь! вы, то есь, матушка, знаете нужду нашу!

Поужинали; насъ, дѣтей, тотчасъ уложили въ свѣтлицѣ, на *долівці, поכותолъ*, и отецъ наказалъ намъ не *пустувать* (не шалѣть), а спать, не шумѣть. Какъ офицера повли чаешъ, какъ подавали ему ужинать — мы уже не слышали...

На другой день я всталъ, по обыкновенію, рано, и умывшись и одѣвшись, тотчасъ, и тоже по обыкновенію, пустился въ огородъ, къ разнымъ хозяйственнымъ заведеніямъ: надо же посуетиться, сюда-туда пометаться, покувыркаться, разбросать избытокъ жизни и благосостоянія дѣтской души, вѣчно льющейся черезъ край, а особенно при хорошемъ состояніи здоровья, послѣ сладкаго сна, вѣжной ласки матери, при очаровательной обстановкѣ весенняго украинскаго утра; надо и щенковъ посмотреть, и съ Борбосомъ поваляться на травѣ, избѣгать *стімку*, (1) гоняясь за соловьями, заглянуть въ ловаду, много ли за ночь подросли *полуніці*.

(1) *Стімка* — роща, расположенная по отлогостямъ горы надъ рѣкой.

Отец ходилъ уже по огороду.... Какъ теперь вижу его: высокій, полный, въ бѣлой какъ снѣгъ рубахѣ, въ бѣлыхъ какъ снѣгъ штанахъ съ *очкурѣмъ* и въ сапоги, въ картузѣ, съ *цинкомъ* въ рукѣ: туда по-смотреть, туда заглянуть.... Тутъ помолчить—хорошо, значить, все; а тутъ поворочить. »Дурень Остапъ, и воритъ не причинивъ, телата по-вылазять.« Но, видимо, старикъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа: даже погладилъ меня по головѣ, когда я очутился какъ-то возлѣ. Прекрасное весеннее утро, въ праздничный день, на украинскомъ хуторѣ, хоть кого разшевелить, хоть что заставить забыть!...

Какъ вотъ денщикъ изъ конюшни: — Здравія желаю, Петръ Васильевичъ!

Какъ, скажу мимоходомъ, мы скоро узнаемъ, хорошо помнимъ ния и отчество человѣка намъ нужнаго или полезнаго!

— Здоровъ, здоровъ!

Сѣ, то; съ праздникомъ поздравили другъ друга... даже взаимно освѣдомились, какъ спалось, не кусали ли блохи, которыхъ, снова скажу мимоходомъ, у насъ въ Украинѣ чуть ли не столько, сколько въ Петербургѣ клоповъ и таракановъ. Все бы кажется хорошо; но у отца уже исчезло прежнее открытое выраженіе, сдѣлался какъ-то серьезнѣе, сосредоточеннѣе: какъ-будто ему припомнился цѣлый рядъ нашихъ *рідмихъ* пословицъ и поговорокъ: »Не вірь, бо вово звірь, хоть не вкусьте, то зляка«; »Одъ Москаля полі врижъ, та тікай« и т. д.

»Гдѣ бы, Петръ Васильевичъ, овса у васъ купить?

— Гм!... Оцѣго вже не скажѣ тобѣ, до новѣго ще далѣко, — а прошлогоднѣй выкорилевъ, распроданъ.... А если и есть у кого, поѣхали въ церковь, или собираются, не продадутъ!

»Экая бѣда! Баринъ встанетъ — отчего, молъ, то есь?...«

Молчаніе....

»Нѣтъ-ли, то есь, у васъ, Петръ Васильевичъ?»

— Чомъ нема?...

»Нельзя ли, то есь... баринъ, то есь, встанетъ....

— Возьми, Оксѣнтю, ключъ одъ шбарця, да намери инъ лантухъ (!)

Офицеръ спалъ, когда мы уѣхали въ церковь.

Когда воротились, тотчасъ явился, въ свѣтлицу, но уже не начальнымъ квартирантомъ, а гостемъ, прилично одѣтый, говорящій отцу, ма-

(!) *Лантухъ* — большой мѣшокъ, въ который можетъ помѣститься русская четверть.

тери и сестрамъ вы и, въ добавокъ, порядочно сконфуженный. Разговоръ, впрочемъ, какъ-то не клеился: между гостемъ и хозяевами было неприятное воспоминаніе, мѣшавшее сближенію. Наконецъ офицеръ всталъ итти къ себѣ.

— Вы рано, или поздно обѣдаете?

»Вы очень добры.... я, право, не заслужилъ.... Ахъ, чуть не забылъ поблагодарить васъ за овесъ. Сколько я долженъ?«

Вышла сцена, надъ которою можно и не смѣяться.

— Нічого! говорить старикъ.

»Какъ, ничего?«

— Такъ, нічого, та й годі!

Словомъ, отецъ не хотѣлъ взять за овесъ денегъ, по той простой причинѣ, что у насъ, въ Украинѣ, и теперь рѣдко съ васъ возьмутъ за то, что васъ, вашу прислугу и вашихъ лошадей напоили и накормили, да и то развѣ въ деревняхъ, лежащихъ по большимъ дорогамъ; а въ тѣ времена — вы могли извѣздить Украину, »вдовшъ и впоперекъ«, не истративъ на корма ни копѣйки. Офицеръ съ своей стороны не хотѣлъ взять даромъ овесъ: — Это, говорить, рѣшительно было бы ни на что не похуже!

— Ну, — сказалъ старикъ, — его видимо началъ смѣшить этотъ споръ... поднялъ брови и, смотря въ землю, склонилъ на бокъ голову, — признакъ, какъ и вообще у украинцевъ, юмористическаго настроенія, готоваго разразиться рядомъ шутокъ, наивныхъ и, повидному, глупыхъ вопросовъ, нелѣпыхъ предложеній и предположеній и т. п. — Ну, говорить, коли вже вамъ такъ хочѣтца, — сілкъись, давайте грóші: сѣгодні у насъ овесъ по сороківці (1) лантухъ.

Дѣло кончилось обниманіями и цѣлованіями... Скорь на дружбу, какъ и скорь на грубость и оскорбленіе.

Съ этого времени офицеръ сталъ совершенно нашимъ семьяниномъ и, впродолженіе нѣсколькихъ дней квартированья, съ нами обѣдалъ, ужиналъ, завтракалъ; приводилъ къ намъ обѣдать и ужинать своихъ товарищей и своего эскадроннаго, или какъ тамъ его; толковалъ съ отцомъ, который очень любилъ слушать рассказы людей многовидѣвшихъ, бродилъ съ нимъ по полямъ, огородамъ; всѣ заботы о его хозяйствѣ перешли на руки матери: что нужно, — перемыто, что нужно — вычищено, починено. Словомъ, его принимали, какъ принимаютъ бывшего долго въ

(1) По гривеннику.

отсутствіи семьянина, и выпроважали потомъ въ походъ, какъ выпроважаютъ семьянина.

Также скоро сошелся со всѣми и деньщикъ Иванъ, и скоро и охотно поступилъ въ число домочадцевъ. Состоя давно уже на службѣ, онъ часто проживалъ въ разныхъ мѣстностяхъ Украины и всею душею полюбилъ этотъ прекрасный край и добрыхъ и честныхъ его обитателей, какъ это, впрочемъ, и всегда случается съ простонародьемъ великороссійскимъ, пожившимъ довольно долго въ *Hoxlandii*. Избавленный матерью отъ заботъ о баринѣ, но дѣятельный по природѣ, онъ не оставался въ бездѣйствіи и, какъ дѣлываютъ добряки-холостяки его лѣтъ и состоянія, обратился къ намъ, дѣтямъ, особенно ко мнѣ и къ покойнику меньшому брату: носилъ насъ на спинѣ, показывалъ разные фокусы снуркомъ, дѣлалъ изъ дерева танцующихъ солдатъ, и т. п. Мы очень его любили, и какъ истые дѣти и внуки своихъ отцовъ и дѣдовъ, тотчасъ дали ему прозваніе: прозвали его *Тоесь*, за часто употребляемое имъ въ разговорѣ *то есть*, провозносимое имъ *то есь*. Добрякъ нисколько не обижался, а напротивъ, его очень забавляло, что *хохла* перекрестилъ его изъ Ивана въ Тоесь:—Вишь-ты, пострѣлята! то есь, я говорю *то есь*, а они, то есь, и зовутъ меня Тоесь!... говаривалъ онъ и принимался хохотать самымъ громоподобнымъ хохотомъ....

Что-то съ тобою случилось, добрый Тоесь?!.. Выслужилъ ли ты свои двадцать семь лѣтъ и воротился въ какую-нибудь Костромскую или Пермскую, долеживать указыные годы жизни на полатахъ, нанячить безсильными руками дѣтей братнихъ, сестринныхъ, можетъ быть, и своихъ? Или торчатъ у дверей какой-нибудь Казенной, или какого-нибудь Губернскаго, снимать шинель у его превосходительства — гражданскаго генерала?... Или же ждать двадцать семь лѣтъ тебѣ показалось слишкомъ долго, и ты, неся барину на пикеть трубку, задѣлъ лбомъ летѣвшую польскую пулю?... или, разсердивъ отца-командира, былъ немножко тово, и въ лазаретъ, а оттуда — *туда*, идѣ же нѣсть ни того, ни сего, ни оваго? То ли, или это съ тобою случилось? Молчишь!... Эхъ вы, тоеси! и живетъ — молчить, и умираетъ — молчить, и въ могилѣ лежитъ — молчить.... На, вотъ тебѣ, Тоесь! отъ того, то есь, хохла — помнишь? то есь, памятникъ тебѣ, слеза то есь....

Одинъ только кучеръ (забылъ, какъ его звали) не сошелся у насъ ни съ кѣмъ, и не только не сошелся, а даже сталъ всѣмъ непримиримымъ врагомъ. Причиною была отчасти его натура, вѣчно и всѣмъ недовольная и щедро разсыпавшая на всѣ стороны обидныя побранки, а

при случаѣ и кое-что подѣйствительнѣе обидныхъ побранокъ; а отчасти и то, что недавно еще прїѣхалъ изъ своей Орловской что ли, не научился еще считать хохлатыхъ и безбородыхъ тоже носящими образъ и подобіе Божіе.... Можетъ быть, тутъ имѣло значеніе и еще одно обстоятельство, о которомъ рассказывалъ Тоесь.

Во время своего путешествія изъ деревни къ барину, гдѣ-то въ Чернигѣвской губерніи, остановился онъ переночевать у какого-то зажиточнаго козака. Путешественникъ сначала велъ себя прилично; но послѣ, когда за ужиномъ поднесли ему нѣсколько чарокъ *наської* (1), бранчивая натура взяла свое, и онъ, держа въ рукахъ чарку противъ свѣта, такой спичъ сказалъ своимъ хозяевамъ: — «Нѣтъ, говорить, правды на свѣтѣ, нѣтъ, какъ хошь! Ужъ не мы ли люди, а Богъ не далъ намъ еѣтакой! а вы, и мазѣпинъ духъ....» Хозяевамъ, конечно, не понравился такой поворотъ краснорѣчія, слово по слову, пошли и «чубы проклятые» и «обливанцы», и дѣло кончилось дракою.... Естественно, что происшествіе это, при первомъ, такъ сказать, знакомствѣ съ Украинно, не могло расположить кучера въ пользу ея обитателей.

Какъ бы то впрочемъ ни было, никто не сошелся изъ нашего двора съ этимъ человѣкомъ. Сначала дѣло ограничивалось непріязненными взглядами, а потомъ пошло и далѣе. Онъ звалъ всѣхъ проклятыми нехристями, мазѣпинымъ духомъ (конечно, объ этомъ ни офицеръ, ни отецъ ничего не знали), а — мы цапомъ. «Цапъ, цапъ! козю, козю!» кричали цѣлою толпою дѣти, бросая ему въ слѣдъ клочки травы или соломы; «Цапъ!» звенѣлъ своимъ звонкимъ голосомъ Оксентій изъ сарая; «Цапъ!» ревели цѣлымъ хоромъ молотники изъ клуни; «Цапъ, цапѣкъ!» пищала красавица Ганна въ слуховое окошечко кладовой, — и все это заканчивалось всеобщимъ хохотомъ, раздававшимся изъ оконъ, изъ дверей, изъ за угловъ, справа, слѣва, а больше всего изъ конюшни, громоподобнымъ хохотомъ Тоеся.... Бѣднякъ до того иногда раздражался, дотога выходилъ изъ себя, что хваталъ колъ и пускался за кѣмъ попало, или же,

(1) Т. е. нашей (водки). Въ украинскомъ языкѣ есть и мѣстоимѣніе *нашъ*, вполне соответствующее русскому *нашъ*. *Наський* же означаетъ нашъ только въ смыслѣ *не иностранннй, нашъ, народу принадлежащій и по происхожденію, и по употребленію* и т. п. Слово это употребляется чаще всего безъ существительнаго (напримѣръ, когда Украинецъ увидитъ на чужой сторонѣ шапку украинскую, говорить: «та се наська!») и притомъ почти всегда съ интонаціею голоса, свойственною только украинскому юмору, виѣстѣ и ласкающему и хохочущему, — ласкающему нѣжно, хохочущему безобидно....

что чаще всего случалось, — такъ какъ многими опытами убѣдился онъ, что не его ногамъ угнаться за быстрыми ногами холять, — бросалъ шапку оземь и въ бѣшенствѣ топталъ ее ногами

. . . это былъ Рѣготовивъ-хуторъ! Хаты, *хліві*, *токі* ⁽¹⁾ и другія принадлежности украинскаго хутора размѣстившись по ложбинѣ, не посовѣтовавшись ни съ законами пересѣченія прямыхъ линій подь прямыми углами, въ формѣ шахматной доски, — ни съ условіями однообразія, — ни даже со вкусомъ пробѣжающихъ, или съ чѣмъ бы то ни было вкусомъ: дескать, какъ мы вамъ покажемся, если мы помѣстимся тутъ вотъ и тутъ, а вы будете тамъ, на горѣ, или тамъ у окошечка? а размѣстившись, гдѣ кому на умъ взбрело: гдѣ попріютывѣ, или гдѣ попривольтѣ, гдѣ пораздольтѣ, гдѣ посподручѣ. Оттого ложбина съ Рѣготовимъ-хуторомъ, въ зимнюю пору, казалась съ горы безмѣрной величины *ночами* съ мукою, въ которыя какой-то проказникъ метнулъ горсть гречневыхъ отрубей, а пожалуй и сажі. . . Тьфу! ни одной улицы, гдѣ, лихой тройкой, доброму молодцу можно бы изъ конца въ конецъ, не поварачивая! . . . ни одной улицы, гдѣ возвышенный чей взглядъ могъ бы прямо-прямо, по прямой линіи! . . и упереться въ пустынность и безлюдье заселковъ! . .

— А онъ, Васильку, и наші підводи! — говоритъ Кіндрать, указывая *ужалномъ* ⁽²⁾ внизъ.

»Де?»

— Та онъ же!

»А и справді! . . «

И я несказанно обрадовался, что скоро буду межъ нашими. . .

— Ище й кибітка якась стоить тамъ! добавилъ Кіндрать.

Мы спустились внизъ и поворотили къ подводамъ.

— Добридень, хлопці! сказалъ отецъ подводчикамъ: — добридень!

»Добридень и вамъ, паночѣ!« отвѣтили, кто былъ постарѣе.

— Съ празникомъ будьте здорови!

»Спасибі, будьте й ви здорови!«

— А щѣ, все благополучно?

»Да слава Богу, благополучно все.«

— Слава Богу! — повторилъ и отецъ, и, обращаясь къ Грицьку, прибавилъ: — возьми-ка его отсюда.

(1) *Токі* — гўмна.

(2) *Пужално* — кнутовище.

Грицько вытащилъ меня и поставилъ возлѣ саней. Съ непривычки къ дальнимъ поѣздкамъ, я отсидѣлъ себѣ ноги и съ трудомъ держался на нихъ. Впрочемъ, кое-какъ добрался до Оксентія, который, стоя возлѣ воловъ, давно ужъ мнѣ улыбался издали и подавалъ какіе-то сигналы.

— Онъ подвѣтца лишень туди!—говорить, когда я приковылялъ къ нему поближе, показывая рукою на кибитку, стоявшую тутъ же, возлѣ хаты, и которую мы замѣтили еще съ горы.

Я поворотилъ голову: кибитка прекрасная, и лошади прекрасныя, и кучеръ хорошо одѣтъ....

»Еслибъ намъ такую!«

— Да вы посмотрите на кучера!...

Я началъ смотрѣть и на кучера: борода длинная, смотрѣть на насъ, ухмыляется....

»Цапъ!..« вскрикнулъ я, совершенно забывъ, что недалеко и отецъ.

Дѣйствительно, это былъ цапъ! »Гора зъ горою, кажутъ, не зходитця!« Вслѣдъ за тѣмъ показался изъ избы и баринъ его....

Нѣтъ необходимости рассказывать подробности этой встрѣчи. Скажу только, что послѣ квартированья у насъ, офицеръ, какъ я узналъ изъ рассказовъ, скорѣ сильно заболѣлъ и гдѣ-то долго лежалъ въ госпиталѣ, что во время этой болѣзни онъ по какимъ-то причинамъ долженъ былъ подать въ отставку, а полкъ между тѣмъ ушелъ въ Польшу, а съ нимъ и Тоесъ, и что теперь онъ возвращается на родину.

Мы здѣсь простояли часа три (подводы впрочемъ скоро отправились далѣе), и офицеръ съ покойникомъ отцомъ много выпили тутъ и рому, привезеннаго офицеромъ, и водки, купленной гдѣ-то тутъ же въ хуторѣ, такъ много выпили, что офицеръ на сани попалъ уже не самъ, а его вынесли, а отецъ даже попросилъ у хозяина *люльки* и выкурилъ цѣлую трубку махорки.

Да, на счетъ попоекъ отецъ былъ изъ людей стараго закала! Будучи человекомъ вообще весьма трезвымъ и не любя, что называется, бражничанья, онъ, если уже былъ въ необходимости пить, напримѣръ, при встрѣчѣ съ пріятелемъ, котораго давно не видалъ, столько могъ глотать разныхъ спиртуозностей, что другіе, потерявъ всякую способность продолжать далѣе, уносимы были съ поля битвы, а онъ — какъ ни въ чемъ не бывало!... Оживленіе только становился, пробуждалось только какое-то неопределимое желаніе забыться, закрыть голову въ глао-

таких новых спиртуозностей, въ табачномъ дыму, а за отсутствіемъ всего этого — въ быстрой ѣздѣ....

Въ молодые лѣта онъ курилъ настоянно табакъ, и тогда у него велились прекрасныя трубки; но послѣ, хозяйственныя и семейныя заботы, а главное — нежеланіе, чтобы сыновья переняли (1) эту привычку, непріятную, по его словамъ, во всѣхъ отношеніяхъ, а при неосторожности, и опасную, онъ переселилъ себя, трубки и табакъ раздарилъ и совершенно пересталъ курить.... Но если случалось подгулять — *люльку!* махорка, виргинскій или какой ни попало — подавай! и курилъ старикъ и рассказывалъ про свою молодость и про разную *давминку*, до тѣхъ поръ, пока не начинала кружиться голова. Тогда люлька прочь и — въ постель!

И ѣздить быстро онъ не любилъ и *нехазяйнками* называлъ тѣхъ, кто ѣздитъ быстро: верхомъ всегда шагомъ, а въ повозкѣ или бричкѣ — маленькою рысцою. Но если подгулялъ и особенно если подгулялъ выше того градуса, съ котораго обыкновенно начиналъ курить, и если въ такую пору приходилось ѣхать — «торкай, торкай!» ворчалъ онъ возницѣ, — что уже значило: гони степняковъ, сколько выскочать легкія ихъ ноги! Замѣчу еще, что «торкай!» и «люльку!» вывалился у старика и тогда, когда онъ глубоко былъ чѣмъ огорченъ, оскорбленъ, разгнѣванъ.

Дальнѣйшее путешествіе наше, вѣроятно, не представляло для меня ничего занимательнаго, потому что, въ памяти моей осталось не болѣе двухъ-трехъ картинокъ.... Особенно одна картина сильно вѣззалась въ память.

Лошади едва передвигаютъ ноги, устали, даже гибдой жеребецъ усталъ... дѣло подѣ вечеръ, погода *смурая*; ни жиля, ни деревца, а только равнина и равнина снѣжная.... И на всемъ этомъ какой-то тусклый, какъ-будто съ жолтымъ отливомъ, колоритъ... въ какомъ представляется все, когда или скорбь тяжелая у человѣка на душѣ, или нескончаемый недугъ томить его — сидитъ у окна, и безъ цѣли и участія глядитъ въ него, перенося унылый взглядъ отъ одного предмета къ другому.... И то скучно, и оттуда не ждешь утѣшенія!...

Грустный томъ, бѣдная картина! Но отчего эта бѣдная картина могла пережить нѣсколько десятковъ лѣтъ и сохраниться въ памяти? Богъ вѣсть! Не могу припомнить ни тогдашняго состоянія своей души, и ничего предъидущаго или послѣдующаго: только въ какой-то мглистой дали снѣжное

(1) Вѣроятно, я и всѣ мои братья отъ того и вышли такіе *куртіи*.

пространство, лошади едва передвигаютъ ноги, какіе-то путники — туда, къ темному горизонту....

Знаю, мои друзья, что опять начинаю вдаваться въ подробности скучныя и для васъ неинтересныя, но снова повторяю, что сказалъ вначалѣ моихъ записокъ, въ *Родословной съ отцовской стороны* (1): »Разсказываю эти подробности не для васъ, а для себя: такъ пріятно болтать о невозвратномъ дорогомъ дѣтствѣ! Притомъ, воспоминанія дѣтства, съ лѣтами, болѣе и болѣе стираются, — прикрѣпить же ихъ перомъ и черниломъ: на старость пригодятся подмоложивать черствую ея жизнь, какъ принадоблются зимою засушенные лѣтомъ грибы» (2). Будемъ же прикрѣплять все, что ни попадется подъ перо! И на этотъ разъ прикрѣпимъ къ бумагѣ воспоминанія свои о гнѣдомъ жеребцѣ.

Я сейчасъ сказалъ: »даже гнѣдой жеребецъ усталъ«. Вы, можетъ быть, удивляетесь этому *даже*, зная, что жеребцы въ ѣздѣ утомляются скорѣе всякой другой лошади? Не удивляйтесь! въ этомъ отношеніи, о гнѣдомъ жеребцѣ нельзя судить по жеребцамъ, какихъ мы обыкновенно теперь встрѣчаемъ. Это былъ прямолинійный потомокъ тѣхъ украинскихъ скакуновъ, на которыхъ предки наши переезжали заднѣпровскія степи, пускались въ нѣзды на Крышцевъ и, обремененные добычей, уходили отъ всевозможныхъ преслѣдованій: крѣпкій, быстрый, неутомимый! Однажды, зимою, покойникъ отецъ съ Андреемъ Бѣлоусомъ, большимъ любителемъ хорошихъ лошадей, возвращались изъ гостей, Андрей Васильевичъ на своей разудалой тройкѣ, а покойникъ — на гнѣдомъ жеребцѣ. Оба были навеселѣ, и имъ пришла охота пуститься въ перегонъ. Остановились, выровнялись и помчались.... Андрей Васильевичъ по гладкой дорогѣ, а покойникъ *манівцѣмъ*, по нетронутому снѣгу.... Почти три версты ичались, и тройка Андрея Васильевича не только не могла опередить гнѣдого, но даже поровняться съ нимъ, не смотря на то, что гнѣдой, какъ я сказалъ, шелъ не по дорогѣ, а *манівцѣмъ*, что онъ былъ запряженъ съ *великіи сами* и что на этихъ саняхъ сидѣлъ человекъ, могшій, по своей массивности и тяжести, потягаться, пожалуй, и съ самимъ Тарасомъ Бульбою.... Въ дѣтствѣ я самъ неоднократно ѣздилъ на гнѣдомъ (онъ былъ необыкновенно тихъ и послушенъ), леталъ на немъ по степу — шти-

(1) Эта часть записокъ Василя Петровича не издана въ свѣтъ.

(2) Не выпущено мною это мѣсто сколько для связи съ послѣдующимъ, столько и для того, чтобы читатель изъ словъ самого Василя Петровича могъ видѣть значеніе заключающихся въ ней подробностей, относительно ихъ достовѣрности.

ца, вихорь!... Быстротою, выносливостію, крѣпостію, неутомимостію, онъ превосходилъ всѣхъ лошадей отцовскаго табуна, какіе когда-либо у него были прежде и послѣ. Одной только онъ уступалъ лошади, *Бѣлозору*, но это былъ конь! Я вамъ расскажу и о немъ.

Вы, можетъ быть, знаете, что въ Украинѣ попадались прежде, и даже теперь иногда попадаютъ, лошади, которыхъ мои земляки называютъ *бараньскі* (баранскіе). Почему онъ такъ называются—никто не могъ мнѣ объяснить: «Бараньскі, та й годі!.. батькі й діди звали бараньскими, и ми такъ звемо». Непремѣнная ихъ принадлежность: короткій некрасивый хвостъ, едва достающій до колѣнъ, короткая грива, иногда некрасивая, а иногда лоснящаяся, волнистая, небольшая длина и небольшой ростъ, способность держаться въ хорошемъ тѣлѣ, быстрота, выносливость, рысистость. Вотъ изъ этой-то баранской породы въ отцовскомъ табунѣ была одна *матка* (рыжей масти, съ прекрасною волнистою гривовою): Много у нея было дѣтей, но замѣчательнѣе всѣхъ были двое: темно-сѣрой масти меринъ, *сивозалізій*, какъ у насъ говорятъ, и другою меренъ свѣтло-сѣрой масти, именно *Бѣлзоръ*, такъ прозванный за свои бѣлые глаза. Сивозалізога почти не помню: помню только, какъ ввалилась на нашъ дворъ цѣлая толпа проходившихъ черезъ хуторъ линейныхъ козаковъ и купили его за 75 червонцевъ (цѣна по тогдашнему времени необыкновенно высокая); Бѣлзора же я помню хорошо, хоть ѣздить на немъ никогда не осмѣливался, по причинѣ безмѣрной быстроты его бѣга. Онъ такъ быстро бѣгалъ, что даже гнѣдой жеребецъ не могъ угнаться за нимъ, и не только тогда, когда Бѣлзоръ пускался во всю прыть, но и когда онъ несся рысью. Помню, однажды, въ лѣтніе сумерки, пустились мы съ Оксентіемъ въ степь, я—на гнѣдомъ жеребцѣ, а онъ—на Бѣлзорѣ.... Какъ теперь вижу эту, обаятельную для меня, картину моего дѣтства!.. вотъ-вотъ нагоню, вотъ уже гнѣдой почти достаетъ головой Оксентія; но Оксентій гикаетъ, Бѣлзоръ вытянетъ шею, закачается, и черезъ нѣсколько секундъ и слѣдъ простытъ!.. опять догоню—опять исчезнетъ быстроногіи... только далеко впереди слышится топотъ, да что-то бѣлое дрожитъ впереди, словно призракъ ночной въ сѣдомъ туманѣ....

Вернітеса, озвітеса, літа моі!..

На Бѣлзорѣ совершались иногда такіа, напримѣръ, поѣздки. Разъ покойникъ отецъ былъ у одного пана, верстъ за сорокъ пять или за пятьдесятъ (это было въ зимнюю пору, за мѣсяць или за полтора до

моего отправленія въ городскую школу). Довольный, что ему удалось заключить тамъ одну сдѣлку, и немножко подгулявшій, старикъ не захотѣлъ ночевать въ гостяхъ и — послѣ ужина — домой: »торкай!...« Къ полуночи онъ былъ уже въ хуторѣ! Подвигъ этотъ Бѣлосора покажется еще громаднѣе, если, съ одной стороны, припомнимъ, что ѣхали ночью и что, слѣдовательно, какъ обыкновенно бываетъ въ ночныхъ поѣздкахъ, главная тяжесть поѣздки выпала на долю коренного, а съ другой стороны, если прибавлю еще, что дорога, по которой ѣхали, была узенькая, вьющаяся въ лозахъ и очеретахъ, и что, слѣдовательно, скакуны, какъ тоже обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, больше мѣшали Бѣлосору, чѣмъ помогали.

Поѣздка эта, впрочемъ, была причиною гибели бѣднаго Бѣлосора. Пріѣхавъ домой поздно, подгулявшій старикъ, противъ своего обыкновенія, не наблюлъ, какъ распорядились съ измученными животными, а возница ограничился только тѣмъ, что, распрегши, прицѣпивъ ихъ къ пустымъ яслямъ и улегся спать. Жажда заставила бѣднаго Бѣлосора перервать поводъ, и прямо къ рѣкѣ, къ *ополонкѣ*.... Къ утру у Бѣлосора явился *паксудникъ*, а къ вечеру бѣдняга издохъ.... Уже на что покойникъ отецъ былъ туго на слезы, но и онъ плакалъ надъ добрымъ животнымъ, которому и цѣны никто не умѣлъ у насъ *сложити*!... Бѣлосоръ зарытъ былъ въ глубокую яму, и пока земля сверху не замерзла, по ночамъ стояла сторожа. Этими почтили память добраго животнаго, чтобы собаки или волки не могли разрыть ямы и не растащили бы по лѣсамъ и очеретамъ костей, созданныхъ природою для широкихъ степей и волныхъ раздоловъ

Утро ⁽¹⁾ было-теплое; въ воздухѣ носился легкій туманъ; лошади ступали тяжело, сани скользили невесело.... Словомъ, обстановка была изъ тѣхъ, которыя располагаютъ душу къ печальному, или къ *кислому*, настроенію, какъ выражаются Поляки.

Сидя по прежнему у ногъ отца, я болѣе и болѣе сосредоточивался въ себя, съживался, такъ-сказать, и духовно, и тѣлесно... зарывался поглубже въ тулупы и угрюмо молчалъ, хотя по природѣ былъ любопытенъ и любилъ разузнавать обо всемъ, что встрѣчалось мнѣ въ первый разъ, хотя отецъ, по видимому, расположенъ былъ болтать со мною

(1) Разсказъ о пріѣздѣ къ пану, у котораго купленъ лѣсъ, какъ проведена ночь и проч., нами пропускается, какъ непредставляющій особеннаго интереса. Здѣсь Василій Пегровичъ, впервые, изъ аханій и соболѣзнованій *паниі*, болѣе или менѣе узнаетъ, что такое городское училище....

и удовлетворять моему любопытству, и новых предметов представлялось много. Это, например, множество обгоняемых нами подводъ, ѣдущихъ въ ту же сторону, куда и мы, и нагруженныхъ дровами, очерепошъ, мѣшками съ хлѣбомъ, — чьи ошѣ, куда ѣдутъ, за чѣмъ? или, что это за подводы, запряженные, не парю воловъ, какъ дѣлается у насъ, а однимъ воломъ? (1) И какъ это смѣшно, и какое ярмо смѣшное!...

Вотъ какая-то перекладна впереди дороги, вестрая, на столбахъ! Мы остановились, какіе-то пьяные обыскиваютъ, нѣтъ ли у насъ водки.... Вотъ потянулись по обѣимъ сторонамъ дома — я ихъ не разглядѣлъ хорошенько, не до нихъ мнѣ.... Вотъ и площадь какая-то: евреи и еврей, а тамъ какія-то длинныя *комбры*, отеда говорить — лавки.... »Лавки?...« охъ, когда бѣ про училище забыть!...

Вотъ снова въ какую-то улицу, — впереди церковь, тутъ, вѣрно, гдѣ-то и училище... вѣрно, тутъ меня бросать....

Я перевелъ духъ тогда только, когда, у самой церкви, лошади поворотили круто направо, начали спускаться съ горы, и впереди открылись луга, поля, — видъ за городъ....

»Вѣрно забыть про училище!« и я сидѣлъ еще неподвижнѣе, но смѣлъ и пошевеливаться, боясь напомнить о себѣ....

На полгорѣ лошади вворотили налѣво, мѣстность становилась безлюдною — съ одной стороны врагъ, а съ другой — высокій валъ, — и только по склону послѣдняго дѣпились еще кое-гдѣ небольшіе домики....

»Се вже за городъ?« осмѣлился наконецъ я отозваться. — »Направо!« раздалось, какъ бы мнѣ въ отвѣтъ, надъ головою, и лошади, сверотивъ съ дороги, шагомъ пошли по тропинкѣ, прорѣзанной вдоль отлогости вала и заканчивающейся сквозными веретами....

Какъ мы взѣзжали на маленький дворъ, какъ остановились, вошли въ хату, — ничего не помню. Воспоминанія мои начинаются съ того времени, когда мы были уже въ хатѣ и сидѣли съ отцомъ на лавкѣ.

Возлѣ насъ, съ правой стороны, стояла и чистила рыбу очень стройная, дѣвушка, лѣтъ пятнадцати или шестнадцати, съ рябоватымъ отъ оспы, но довольно красивымъ и приятнымъ лицомъ, — Уетя, мой будущій врагъ и мучитель, а напротивъ насъ, за верстають, ткачъ Хомѣ, высокій, тощій, съ орлинымъ носомъ, съ добродушнѣйшимъ, какое только можно себѣ представить, лицомъ... съ небритою бородою и съ небольшою лысиною по самой срединѣ головы, влѣдствіе чего верхняя ея

(1) Т. е. *боскунблѣ*.

часть напоминала нѣсколько соломенных покрывки на ульяхъ: сверху гладкія закругленныя, а внизу широкія, растопыренныя, — Хома, мой будущій другъ и защитникъ отъ Усти... Устя и Хома, особенно послѣдній, очевидно, давно были знакомы съ отцомъ и разговаривали съ нимъ, какъ давно знакомые. Изъ разговоровъ ихъ я узналъ, что Устя — хозяйская дочка, — что она изъ сомовъ приготовитъ юмку, какое намѣреши отецъ, большой любитель рыбы и рыбныхъ блюдъ, очень похвалилъ, — хозяйинъ въ какомъ-то караулѣ, а хозяйка на базарѣ булки продаетъ....

Вообще, первое впечатлѣніе этой свѣтленькой хаты и встрѣченныхъ тамъ людей было какое-то распелагоющее.

Черезъ нѣсколько минутъ отецъ обратился ко мнѣ: — А ну, говорить, Васильку, пойдѣмъ!...

Мы пошли... Долго мы шли и пришли къ той церкви: шетникъ не обманулъ меня, что училище тамъ, вездѣ этой церкви.

Вошли въ какой-то дворъ.

— Здѣсь живетъ смотритель? — спросилъ отецъ какого-то человека, хлопотавшаго по двору, отставнаго солдата и, какъ я послѣ узналъ, училищнаго сторожа.

»Здѣсь!«

— Дома онъ?

»Дома!«

Черезъ нѣсколько секундъ мы очутились въ низенькой, но шресторной комнатѣ, плохо освѣщенной дневнымъ свѣтомъ, и предъ нами какой-то панъ, тощенькій, угрюмый, съ длинными руками и узенькими полосками волосъ на щекахъ... Я сей-часъ догадался, что этотъ панъ — смотритель, какъ его называлъ отецъ. Лѣвою рукою онъ придерживалъ полы своего стеганнаго ситцеваго халата, а правую чесалъ его синику... Славныя это были руки! съ ними еще не разъ придется намъ встрѣтиться.

— Что вамъ нужно? — спросилъ панъ у отца.

Старикъ объяснилъ, въ чемъ дѣло, и подалъ какія-то бумаги. Смотрѣлъ въ нихъ, смотрѣлъ, ворчалъ - ворчалъ, и заключилъ сердитымъ: »нельзя!«

Слѣдуютъ доказательства, что — можно, но рѣчь прервана новымъ »нельзя«, еще болѣе сердитымъ.

»Авось-либо!« радостно подумалъ я...

Отецъ немного подумалъ... хотѣлъ погѣзъ въ карманъ, вытащилъ кошукъ, развязалъ, вынулъ нѣсколько карбованцовъ и положилъ ихъ на столъ. »Прощу«, говорить, »покорно!«

Панъ искоса взглянулъ на столъ, потомъ, тоже искоса, но ужъ нѣсколько меланхолически, на боковое окно, и наконецъ устремилъ суровый взглядъ на меня.

— Чему ты учишься?

Я смѣялся и началъ смотрѣть на отца.

— Какъ жь, щó ти вчивъ!

»Я училъ »О добромъ сынѣ«, »Какъ Мама клала въ ротъ иголки и булавки....«

Хотѣлъ было даже рассказывать содержаніе этихъ исторій.

— Дуракъ! Ариметикѣ и Закону Божію учишься?... Ну, какъ Авраамъ хотѣлъ заклать Исаака?

»Ножемъ!« прошепталъ я едва слышнымъ голосомъ.

— Но-жеемъ!! прошепталъ и смотритель, передразнивая меня... — Дуракъ! по повелѣнію Божію, а не ножемъ! Нѣтъ, заключилъ онъ, обращаясь къ отцу: — его нельзя принять — онъ и въ первый классъ не годится.

Отецъ молча вынулъ и положилъ на столъ еще нѣсколько карбованцовъ.

— А читать ты умѣешь?

»Умѣю!«

— И церковное умѣешь?

»Умѣю!«

— Ну, прочитай! и сунулъ мнѣ подъ носъ »Чтеніе изъ Евангелистовъ«.

Я прочелъ нѣсколько строкъ.

— Хорошо! читаетъ хорошо! пожалуй въ приходское можно бы.

Снова нѣсколько карбованцовъ.

— Ну, хорошо ужъ, хорошо! Пусть ходятъ! Только вамъ надобно еще побывать у учителя: онъ *тоже добрый человекъ*.... Чего нельзя—нельзя, а что можно—можно!... Мы рады, если къ намъ *хорошіе* ученики....

А вѣдь, если сказать правду, его, этого смотрителя, любили и дѣти, и родители: первые потому, что онъ въ самомъ дѣлѣ былъ не злой человекъ, по крайней мѣрѣ сравнительно съ остальнымъ училищнымъ штатомъ, а послѣдніе, что онъ велъ дѣла свои, какъ говорится, на чистоту, не ломался, лене показывалъ, чего нужно.... А что онъ любилъ чужіе карбованцы — кто же изъ насъ не любитъ ихъ, такъ ли, или иначе?! Это ужъ у насъ въ крови, должно быть, такой перядокъ.... Вѣдь правду я го-

ворю? Моя рѣчь къ вамъ, Александръ Степановичъ и Иванъ Николаевичъ, къ вамъ А. Б. В. et cetera!

Приходимъ къ учителю. Александръ Прохоровичъ, съ трубкою въ зубахъ, сидитъ на стулѣ и, очевидно, готовится себя къ послѣобѣденному сну.

Но полно, мои друзья! на одинъ разъ слишкомъ много объ этомъ!

Когда вышли отъ Александра Прохоровича, отецъ: »Ну«, говорить, »вотъ ты, Васильку, и въ училищѣ!«

Воротились на квартиру

. Начали собираться къ обѣду. По просьбѣ отца, Хома принесъ *горілки*, съѣли за столъ.

За обѣдомъ ѣли, пили, вели бесѣду: ѣли юшку съ молодыми сомами, пили горилку и вели бесѣду о чемъ? не знаю: скорбная душа моя была въ это время далеко, далеко!...

Пообѣдали.

— Запьемъ жъ! говоритъ отецъ и, взявши въ правую руку *пльишку*, а въ лѣвую чарку, налилъ немножко водки и подалъ мнѣ: —Випий!

Я не зналъ, что дѣлать.

— Випий, випий! сѣгодня годѣтця тобі, сѣгодня твій день.

Я выпилъ.

Отецъ снова налилъ, но ужъ полную чарку, поднесъ ее ко рту и тихо заговорилъ:—Царство жъ небеснее моимъ родителямъ!.. не хотѣли вони менѣ вчить—спасибі и за те!... А я хочу, щобъ ти вчѣвся—чүешъ? хочү... Учѣся-жъ добре! добре, сину, вчѣся — чүешъ? щобъ потіхою бувъ матері на старість....

Я заплакалъ.

— Якъ вѣвчѣся добре и буду я на тѣмъ свѣті—згадай коли нѣбудь и менѣ, нелихѣмъ словомъ—не ледѣщо, мовъ, бувъ у мене бѣтько!...

Я заплакалъ еще сильнѣе.

— Не плачь, сину, не плачь!.. не плачь!...

Но я плакалъ и плакалъ... и изъ-за стола встали, и лошадей подали отцу, и простившись мы съ нимъ, и выѣхалъ онъ за дворъ, а я плакалъ....

Но когда Хома хотѣлъ затворить ворота, я съ крикомъ бросился къ нимъ: Батюшка, батюшка, не кидайте менѣ!...

Старикъ послушалъ, поворотилъ голову и погрозилъ мнѣ пальцемъ!..

М. Н о м и с ь.

С. П. 1838 г. 4 Декабря.

ОБЗОРЪ

УКРАИНСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

III.

АРТЕМОВСКІЙ - ГУЛАКЪ.

Литературная дѣятельность Котляревскаго, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, рѣзко бросающихся въ глаза критику нашего времени, имѣла важныя послѣдствія. Своею пародіей и двумя театральными пьесами онъ напомнилъ Украинцамъ, что у нихъ есть родной языкъ не для того только, чтобъ выбрать несправнаго мужика. Даже и его пѣсня *Віють вітри* имѣетъ свое историческое значеніе. Панночки временъ Котляревскаго, дѣйствиємъ чужеземнаго воспитанія, сдѣлались неспособны понимать высокія красоты нашихъ народныхъ пѣсень и стыдились пѣть ихъ въ своемъ кругу. Пѣсню, сочиненную Иваномъ Петровичемъ, вхожимъ во всѣ знатные полтавскіе кружки, было не стыдно спѣть за фортепьяно: то была не мужицкая пѣсня, да и чувства въ ней выражены такъ деликатно, какъ и въ романсахъ Капниста. Содержаніе, тонъ и складъ пѣсни Котляревскаго пришлось по силамъ и вкусу современныхъ ему кружковъ семейныхъ, точно, какъ легкой супъ — для разстроеннаго желудка; и кто знаетъ? можетъ быть, она провела за собой не одну народную пѣсню въ то общество, которое давно уже пренебрегло звонкоголосую и прямодушную степную музу. По крайней мѣрѣ то несомнѣнно, что другія сочиненія Котляревскаго дали законность появленью украинской простонародной рѣчи на бумагѣ. Мы знаемъ нѣсколько подражаній собственно *Енеидѣ*, которыя никакъ не могли добиться печати за множествомъ книжицъ, обѣщавшихъ издателямъ болѣе вѣрный

сбытъ (1). Подражанія эти начались еще при жизни Котляревскаго и, конечно, не подвинули украинской литературы ни на волосъ впередъ; но жужжанье стиховъ украинскихъ, въ такъ называемыхъ патриотическихкихъ кружкахъ, дѣлало свое дѣло: оно, точно колокольчикъ сказочнаго Вадима, манило Украинцевъ въ какую-то невѣдомую имъ область, непохожую на то, что они знали въ печатномъ мѣрѣ. Можетъ быть, были и болѣе самостоятельныя опыты въ стихахъ и прозѣ, съ проблесками таланта истиннаго и вкуса вѣрнаго, но оставались скрытыми отъ разбор-

(1) Въ дѣтствѣ я имѣлъ въ рукахъ разговоръ двухъ поселянъ о похоронахъ черниговскаго архіепископа. Слѣдующіе стихи, сохранившіеся у меня въ памяти, состоятъ въ самомъ близкомъ родствѣ съ *Енеидою* Котляревскаго:

Тамъ намалѣвано и пѣкло,
 Такѣ страшнѣ, що ажъ бѣда.
 Отгѣмъ, бра, дѣшно, тамъ и тѣпло!
 Смола течѣ такъ, якъ вода, —
 Течѣ зъ гадюки, та й палаѣ,
 А чортъ людей туді таскаѣ.
 Лишѣ годѣна за грѣхѣ!
 Було проступишь хочъ не хбѣта,
 Якъ прійде вѣйтъ до насъ воркбѣта,
 Таскаѣтъ прикаже въ млинѣ мѣхѣ,
 Абѣ у вѣнницю по дрѣва, —
 Забудешъ, й плѣчѣ що болять....

Укажу еще на стихи подъ заглавіемъ *Вакѣла Чмирѣ*, написанныя въ концѣ *Грамматики Малороссійскаго Нарѣчѣя*, Павловскаго, какъ на смѣхотворство безъ опредѣленной цѣли, въ духѣ *Енеиды*. Вотъ ихъ образчикъ:

Кричавъ, вищавъ,
 Стогнавъ, пищавъ,
 Такъ ніхто не чуѣ,
 Що сей козакъ
 У вблѣ такъ
 Злидѣнно ночуѣ.
 Въ бѣді заснувъ;
 Якъ же скрепнувъ
 Морозъ, та ще кгрѣчши,
 Такъ и нбги
 До дорбги
 Примѣрзали и плѣчѣ.
 Відъ сей хвѣчки
 Ёго рѣки
 Заклякли и губѣ:
 Лежѣтъ козакъ,
 Якъ нбвний макъ,
 Изціпивши зѣби.

чивыхъ цѣнителей, подобно обнародованному мною въ *Хатль* разсказу Иродчука, лѣтъ двадцать или тридцать ваявшемуся въ хозяйственныхъ бумагахъ помѣщичьяго семейства. Что касается до печатнаго міра, то едва черезъ двадцать лѣтъ послѣ перваго изданія *Енеиды* появился преемникъ Котляревскаго въ украинскомъ стихѣ. То былъ г. Артемовскій-Гулакъ.

Около сорока-пяти лѣтъ тому назадъ, грамотные земляки наши, Харьковцы, основали у себя періодическое изданіе, подъ заглавіемъ: *Украинскій Вѣстникъ*. Образцами для нихъ, очевидно, служили журналы петербургскіе и московскіе. Издатели были не въ силахъ создать своеобразный литературный органъ, и, рядомъ съ невинными статейками о Малой Россіи, о гетманѣ Хмельницкомъ, о Сковородѣ, помѣщали стихи и прозу во вкусѣ *Сына Отечества* и *Съвернаго Архива*, издаваемого принопамятнымъ Булгаринимъ. Возрожденіе украинской народности не было въ то время дѣломъ общаго одушевленія или глубокихъ соображеній передовыхъ умовъ. Оно совершалось болѣе инстинктивно, чѣмъ сознательно, и единственнымъ украинскимъ писателемъ стоялъ, покажѣсть, на пустой аренѣ Котляревскій. Но сила вещей взяла свое, и *Вѣстникъ*, только по имени украинскій, черезъ два года по своему основаніи, представилъ образцы дѣйствительно украинскихъ стиховъ и прозы. Неожиданно явился продолжатель дѣла, начатаго Котляревскимъ, и въ первомъ своемъ опытѣ, подъ заглавіемъ: *Панъ та Собака*, обнаружилъ, что задача украинской словесности, послѣ изданія *переліцеваної Енеиды*, сдѣлалась уже гораздо серьезнѣе. Это стихотвореніе принято было тогдашнею публикою съ восторгомъ и, не смотря на то, что авторъ подписался подъ нимъ только буквамиъй ...ъ, сдѣлало имъ его популярнымъ между Украинцами (1). Къ сожалѣнію, г. Артемовскій-Гулакъ не напечаталъ потомъ ничего равносильнаго первому своему опыту, а наконецъ и совсѣмъ пересталъ появляться въ печати. *Украинскій Вѣстникъ* прекратился въ началѣ 1821 года и сдѣлался теперь библиографическою рѣдкостью. Стихотворный разсказъ *Панъ та Собака* долго ходилъ въ рукописи, по своему обнародованіи въ этомъ журналѣ, но стихи Шевченка увлекли вкусъ немногочисленныхъ любителей украинской словесности въ другую сто-

(1) Авторъ *Пана та Собаки* только въ 1827 году напечаталъ полное свое имя подъ балладою *Теердовскій*, напечатанною въ журналѣ *Славянине* и въ отдѣльныхъ оттискахъ.

рону, и теперъ ужъ рѣдко гдѣ можно встрѣтити знаменитое произведе-
ніе третьяго украинскаго писателя. Между тѣмъ въ исторію нашей сло-
весности оно составляетъ явленіе, мимо котораго ни одинъ критикъ не
пройдесть не остановавшись, и потому, прежде чѣмъ показати его особен-
ности, мы представляемъ его цѣликомъ нашимъ читателямъ.

ПАНЪ ТА СОБАКА.

На зѣмлю злізла нічъ... нігдѣ ані шишірхне,
Хибѣ то дѣ-куди кризь сонъ що-нѣбудь пірхне.
Хочъ въ око стрель тобі — такъ тѣмно на дворі.
Уклѣвся місяць спать, нѣма ані зорі,
И лѣдві крадькомѣ якѣ малѣнька зірка
Зъ-за хмари вігляне, ненѣче мишь зъ засіка.
И нѣбо, и землі — усѣ одпочивѣ;
Все нічъ підъ чорною запаскою ховѣ.
Одинъ Рябко, одинъ якъ палець, не дримає:
Худобу панську, мовъ братъ рідний, доглядає.
Бо дармо їсти хлѣбъ Рябко нашъ не любивъ:
Івъ за пятѣхъ, алѣ тѣ івъ, що заробивъ.
Рябко на панському дворі не спить всю нічку.
Колибъ тобі на сміхъ було де відно свічку,

Аббъ въ селі де на опічку

Маячивъ каганѣць.

Всі сплять, хропуть,

А дѣ-які сопуть.

Ужѣ и панотѣць,

Прилізши изъ христинъ, до ўтрені попхався....
А нашъ Рябко, кажѣ, все спѣтки не вкладався.
Знай неборакъ гані то въ той, то въ сей кутѣкъ:
То зазирнѣ въ курникъ, то — дѣйко до свинѣкъ!
Спитѣ: чи всі такі живѣнькі поросѣтка,
Индѣки та качкѣ, курчѣтка и гусенѣтка?

То звідтіл навпростѣць

Махає до овѣць,

До клуни, до стижківъ, до стѣні, до обори;
То зновъ назадъ чимъ дужъ, — щобъ часомъ Москалі
(А їхъ тогді було до хріна на селі),
Щобъ Москалі, мовлявъ, не вбрались до комбри.
Не спить Рябко та все такъ гѣвка, скаучить,
Що сучий синъ, коли ажъ въ ўхахъ не лящить!
Все дѣума: якъ би то піддобритьца підъ пана?
Не зна жъ, що не минѣ Рябка обрадованна!

Як гавъ, такъ гавъ, нокі спінѹло на дворі;
Тоді Рябко простягсь, захрипъ въ своїй норі.
Чому жъ Рябкѹ не спать? чи знавъ вінъ, що зъ нимъ буде?
Заснувъ вінъ смачно такъ, якъ сплять всі добрі люде,
Що щіро стережѹть добра своїхъ панівъ....

Якъ ось — трусь, галасъ, крикѹ!... весь двіръ загомонівъ:
»Цу-цѹ, Рябко! на, на! сюді Рябка кликніте.«

— »Ось-ось я, батечки!... чогб ви тамъ? скажіте!«

Стрибѹ Рябко, вертѹть хвостомъ,

Непаче помеломъ,

И знай дурненький скалить зѹби

Та ліже гѹби.

»Уже жъ, бачъ«, дѹма вінъ, »не дѹрно це въ дворі
Одъ самоі тобі зорі

Всі панькаютця коло мене:

Мабѹть, самъ Панъ звелівъ віддѹть Рябкѹ печене

И щбъ zostалося варене

За те, що, бачъ, Рябко всю Божу ніч не спавъ,

Та гавкавъ на весь ротъ, злодївѹ одганявъ.«

— »Цу-цѹ, Рябко!« щоразъ сказавъ одїнъ псилюха....

Та й хапъ Рябка за ўха!

»Кладїть Рябка!« гукнѹвъ... Ажъ ось и Панъ прибїгъ.

»Лушїть Рябка!« сказавъ; »чухрѹйте!... ось батїгѹ!«

— »За щбъ?« спитавъ Рябко; а Панъ кричїть: »Чухрѹйте!«

— »Ой! єй! єй! єй!« а Панъ їмъ каже: »Не вважайте!«

— »Не бѹду, батечку!... За щбъ жъ це честь така?«

— »Не слѹхай!« панъ кричїть; »лушїть, дерїть Рябка!«

Дерѹть Рябка, мовъ цїрѹ,

На галасъ збїгласъ двїрня:

»Щбъ? якъ? за щбъ? про щбъ?« — Не знае ні одїнъ.

»Пустїть!« кричїть Рябко: »не будъ я песький снївъ,

Коли вже вдѹржу бїлшъ!...«

Рябко нашъ хочъ не бреше,

Такъ що жъ? Явтѹхъ Рябка все знай по жїжкахъ чеше.

»Пустїть, швадчїй пустїть!« Панъ на весь ротъ гукнѹвъ,

Та й зъ хѹти самъ умкнѹвъ.

»Пустїть!« гукнѹли всі: »Рябко вже вдоволився!«

— »Чимъ, люде добрі, такъ оцѹ я провинївся?

За щбъ жъ глузѹете?« сказавъ нашъ неборѹкъ;

»За щбъ знущѹаетесь ви надо мною такъ?

За щбъ, за щбъ?« сказавъ, та й попустївъ патѹки,

Патѹки гїркихъ слїзъ, узївшися за бокї.

— »За те«, сказавъ одїнъ Рябкові зъ наймитівъ;

»Щобъ не колошкавъ ти вночі своїхъ Падївъ;

За те... але щбъ тутъ?... ходїмъ, Рябко, лишъ зъ хѹти:

Не дуже, бачу, ротъ тутъ можна роззявити.
Ходімъ, Рябко, на двір'я.»

— Пішли.

— »Се не пусте«,

Сказавъ Явтухъ Рябкѣ: »оце тебе за те
По жижкахъ, бра Рябко, такъ гарно пошмагали,
Що Панъ изъ Панюку сю цілу нічъ не спали.«
— «Чи вінень я сѣму? Чи ти, Явтухъ, здурівъ?»
— »Гай, гай!« сказавъ Явтухъ. »Рябко! ти знавсінівъ;
Ти вінень, бра Рябко, що нічю розбрехався:
Ти жъ знавъ, що вчора нашъ у карти Панъ програвся!
Ти жъ знавъ,

Що хто програвъ,

Той чорта (не теперъ на снімники) здрімає, —
Той бачка рідного, розсѣрдившись, програє!
Ти жъ знавъ, кажѣ, Рябко, що Панъ не буде спати.
До чого жъ гавкавъ ти? на що жъ було гарчати?
Нехай би гавкавъ самъ, а ти бъ уклавсь тихенько,
Забравшись въ ожередъ, та й спав би тамъ гарненько.
Теперъ ти бачишь самъ, що мокримъ вінъ радимъ
Навася на тебе, и знай верзе притимомъ:
Що грощей вчора вінъ проціндривъ щось не трохи;
Що Паню черезъ те всю нічъ кусали блѣхи;
Що бѣцимъ вчора вінъ гратъ въ карти бъ не сидавъ,
Колібъ сѣгоднішню бувъ нічъ хочъ закунявъ;
Що бѣцимъ ти, Рябко, такъ гавкавъ, якъ собака,
Що бѣцимъ по тобі походить ще й лозака;
Що бачца ти єму остивъ, надосоливъ,
И бачца вінъ тебе за те и прохворостивъ.
А бачъ, Рябко, а бачъ! не гавкай, не ганяйся;
Ляжъ, хірниий, та и мовчи, и зъ Паномъ не ривайсь.
Чого брехати? нехай нашъ Панъ здоровий буде,
Вінъ самъ и безъ собакъ сю панщину одбѣде.»

Послѣдавъ нашъ Рябко поради Явтуха.

»Нехай тяжка єму година та лиха«,
Сказавъ, »щобъ за моє, якъ кажуть, жито
Та ще мене и бито!
Колі моє не въ ладъ,
То я зъ своїмъ назідъ.

Чи баба зъ вѣза, — що жъ? велика дуже вада!
Кобілі легшии визъ, сѣму кобіла и рада.«
Оттакъ сердега нашъ Рябко помірновавъ,
Та и спати на цілий день и цілу нічъ понхавъ.
Запнувъ Рябко, захрипъ, ажъ ожередъ трасѣтя;

Рябкú й не спáтця, й не верзéтця,
 Що вже Моска́лики вь комбрі й на дворі
 Скрізь нишпорять, мовь туть вони й господарі,
 Що вовкь ягнiть, а тхiрь курчiтокь убирáе....
 Ажь туть и на дворі тужь-тужь ужé свiтáе.
 »Цу-цú, Рябкó!« туть всi, повибiгáвши зь хать,
 »Цу-цú, Рябкó! на, нá!« гукнúли якь на гвалть.
 А нашь Рябкó тоби и úсомь не моргáе;
 Хочь чýе, та мовь спить и мовь не дочувáе.
 »Теперь-то«, дúма вiнь, »мiй Пань всю нiчку спавь,
 Бо не будiвь ёго Рябкó и не брехáвь;
 Теперь-то вiнь менi свою покаже дяку;
 Теперь ужé не втре менi, якь вчбра, мáку!
 Нехáй цуцúвають... менé симь не зведúть,
 Поки самi сюди обiдь не принесúть.
 Та ще й тогди, не бiйсь, поскáчуть коло мене,
 Поки возмú я вь роть хочь стрáву, хочь печéне!«
 — »Цу-цú!« сказáв ищé Рябкóви туть Явтúхь;
 »Цу-цú!« задiхавшись, мовь зь ёго перло духь.
 »Ходiмь, Рябкó!«

— »Эгé, ходiмь! Не дúже квáпсь,
 Самь принесi сюди.«

— »Иди жь хутчiй, не бáвсь!«
 — »Ба не пiдú, Явтúхь!«

— »Иди, бо кiйче Пань!«
 Сказáв, та й зашморгнувь на шиi вiнь аркáнь.
 »Чешiть Рябкá!« гукнúвь... ажь туть iхь щось зь десiтокь
 Влiпiли зь сóтеньку кнiвь Рябкú вь завдáтокь.
 »Лупiть Рябкá!« кричáть туть Пань, якь нависнiй;
 Рябкó жь нашь тiлько вже що тéплий та живiй.
 Разiвь изь шiсть Рябкá водóю одливáли,
 И стiлько жь разь ёго, одлiвши, зновь шмагáли,
 А пóтижь перестáли.

Рябкó спитáть хотiвь, алé Рябкiвь лзiкь
 Бувь вь рóти спúтаний, ненáче пúтомь зь ликь,
 И герготáвь щось, якь на сiдалi индiкь.
 »Постiй!« сказáв Явтúхь Рябкóви, »не турбúйся,
 Я правду всю скажú: »Отó, Рябкó, шанúйся,
 Добрá своихь Панiвь, якь óка, стережи,
 Зарáння спать не квáпсь, вь солóму не бiжи,
 Злодiвь обганiй та гáвкai на звiрюку.
 Не гáвкавь ти, Рябкó, — за те жь ми, бачь, вь наúку,

Изь лáски, зь мiлости Панiвь,
 Влiпiли сотенéкь изь пять тоби кнiвь.«
 — »Чортi бь убiвь твого, Явтúхь, зь Панáми батька

И дѣдину, и дѣдка

За ласку ихъ!« сказавъ Рябко тутъ на-одрізъ.
Нехайъ имъ служить большъ рябий въ болѣти бѣсъ!
»Той дурень, хто дурнімъ идѣ Панамъ служити,
А большій дурень — хто имъ дѣла угодити!
Годивъ Рябко имъ, мовъ болячці й чиряку,

А щѣ жъ за те Рябку?

Сяку мать та таку!

А до того ище спорбли батогами,

А за вислугу палюгами.

Чи гавкае Рябко, чи мѣвчки нічю спить,
Все випадѣ такі Рябка притымѣмъ побить.
Ужѣ мені, бачу, чи то туді — високо,

Чи то сюді — глибоко;

Повернесся сюді — и тута гарячѣ;

Повернесся туді — и тамъ-то болячѣ.

Хочъ би я тисто внисъ псяюсі изъ дїжею,

То бъ винъ розтѣвкѣ и ту надѣ спїною моєю.

Зъ ледачимъ все бїдѣ: хочъ вѣрть-круть, хочъ круть-верть,

Винъ найде все тобі хочъ въ черепѣчку смерть.»

Котляревщина отозвалась въ Артемовскомъ-Гулакѣ прежде всего ямбомъ, несвойственнымъ украинской народной поэзіи. Шевченко, поэтъ иной эпохи и иного полета, уклонился отъ ямба при самомъ началѣ своего литературнаго дѣла, какъ ни соблазнительно звучалъ тогда ямбъ въ прекрасныхъ стихахъ Пушкина. Во всемъ *Кобзарь*, первомъ блестящемъ своемъ опытѣ, не обратился Шевченко къ этому размѣру. Г. Артемовскій-Гулакъ раза два, въ немногочисленныхъ стихотвореніяхъ своихъ, оставлялъ ямбъ, и стихъ его отъ одного этого становился ближе къ народнымъ пѣснямъ, которыя служили для Шевченка единственнымъ образцомъ тона и вкуса.

Но, независимо отъ метра, въ складѣ рѣчи и въ манерѣ разсказа г. Артемовскаго-Гулака, отзывается также Котляревскій.

На зѣмлю злізла нічъ....

Хочъ въ око стрель тобі, такъ тѣмно на дворі;

Уклався місяць спать....

И лѣдві крадькомѣ якѣ малѣнька зірка

Зза хмари вигляне, неначѣ мишь зъ засіка.

Въ своемъ родѣ, это превосходные стихи, но они какъ-будто написаны тѣмъ же перомъ, что и слѣдующіе:

Бурхнуло зъ нѣба, мовъ изъ бѣчки,

Що промочило до сорбчки;

То драга въ-рбстичь всі далі.
Троїнци стáли всі, якъ хлюща;
Імь лóчилася невсипúща;
Не рáди и дощó булі (*Енеїда*, ч. II.).

У Котляревскаго есть даже стихи, буквально похожіе на начало *Пана та Собаки*:

Якъ тілько та сумрачна, тёмна
Ізъ нéба злізла чóрна нічь,
Годіна жь стáла дóже пéвна,
Якъ повтíкали зірки прічь. (*Енеїда*, ч. III.)

Только эти стихи слишкомъ ничтожны сравнительно съ стихами г. Артемовскаго-Гулака. Литературныя требованія очевидно были въ его время ужь не тѣ, что во времена Котляревскаго, да и таланты авторовъ были не равны. Мы думаемъ, судя по первымъ опытамъ г. Артемовскаго-Гулака, что явись онъ въ наше время, съ своимъ сильнымъ и гибкимъ стихомъ и съ тою образностью, которой исполненъ юмористическій разсказъ его о Панѣ и Собакѣ, онъ оставилъ бы въ украинской словесности прочный памятникъ своего существованія. Но тогдашнее общество не оцѣнило его по достоинству, при всемъ успѣхѣ, какимъ пользовались первыя пробы пера его между любителями украинскаго слова. Въ тогдашнемъ обществѣ было еще слишкомъ много авторитетовъ, которые давали такимъ пьесамъ, какъ *Панъ та Собака*, значеніе каприза и не позволяли имъ занять какое бы то ни было мѣсто въ храмѣ російской словесности. Молодому, начинающему писателю трудно было не поддаться общему взгляду на свое дѣло, запечатлѣнное характеромъ отдѣльной, еще не признанной народности. Что-то у него шевелилось въ душѣ противъ исключительнаго господства одной великорусской рѣчи въ грамотномъ русскомъ мірѣ; но высказалъ онъ свои понятія въ формѣ литературнаго юродства, которое пошло у насъ отъ Котляревскаго и до сихъ поръ не выводится въ украинской прозѣ; а высказавъ, онъ всё таки пересталъ писать украинскіе стихи и, вѣроятно, призналъ напечатанное юношеской затѣей, недостойной ума солиднаго. Какъ быто ни было, — теперь, когда украинская литература уже не кажется легкой затѣей праздности, намъ интересно перечитывать, какъ наши предшественники ставили вопросъ о существованіи чего-то непохожаго на великорусскую словесность. Авторъ *Пана та Собаки* присовокупилъ къ своей пьесѣ стихотворное посланіе къ Квиткѣ и объясненіе въ прозѣ къ читателямъ. Выписываемъ то и другое.

СУПЛИКА

до Грицька К и.

Хто, кажутъ, до когб — мы до тебе, Грицько,
 Зъ суплікою прийшли: я, бачъ, та мій Рябко.
 Не дай загінуть намъ, не дай зъ насъ режовати;
 А доки жъ буде насъ зле Панство зневажати!
 Пусті насъ, Батечку, до хати.

Хочъ будімъ, Грицьку, ти на Пана закрявнѣвъ;
 Та зъ пантелику ти, такъ якъ другі, не збивъсь.
 Не звикъ ти голобѣль замісь коня шмагати;
 Не все жъ підъ вісь Рябкамъ, мовлявъ ти, заглядати.
 Пусті насъ, Батечку, до хати.

Хочъ ти, Грицько, пошѣвъ зъ ріднею въ Москалі;
 Та ба, ніхто на васъ не плаче на селі!
 Ти знаєшь, що на те собака, щобъ брехати;
 Що й сто не збудять їхъ тебе, якъ ліжешъ спати.
 Пусті насъ, Батечку, до хати.

Хочъ ти не разъ, Грицько, кисліці въ пельку ихавъ:
 Та твій *Рябко* одъ їхъ оскѣмн не чувавъ:
 Бо очі бачили, що треба купувати;
 Нехай хочъ вілізуть, а треба доідати.
 Пусті насъ, Батечку, до хати.

Пусті! Чи бачъ, якъ *Песъ Рябка* почастовавъ!
 Коли бъ єму язикъ родімець одібравъ:
 Щобъ вінъ замісь *Рябка* до віку мавъ гарчати;
 А нашъ *Рябко* щобъ сівъ за єго въ карті грати!
 Пусті насъ, Батечку, до хати.

Чи бачъ, що ледві вже вінъ кўлші волочѣ;
 Що такъ зъ єго юшіть и пасока течѣ!
 Та тожъ-то такъ звелівъ всю шкўру скрізь списати,
 Що-то тобі нема и кўрці де клювати.
 Пусті насъ, Батечку, до хати.

Пусті! та и склячъ до насъ тихъ навѣспнѣхъ Панівъ,
 Що воду изъ своїхъ виварюють *Рябківъ*;
 Звели імъ струпъ *Рябківъ* довгѣнько полизати:
 Аджѣ жъ-то и надъ Псомъ повѣнно ласку мати.
 Пусті насъ, Батечку, до хати.

Супліку жъ сю мою ти, Грицьку, самъ читай;
 Ледачому и паскўдять не давай;
 Бо якъ почне Москаль по-свбѣму складати,
 Та *вотъ!* та *штїо?* та *какъ?* читавши примовляти;
 Тоді хочъ умняй изъ хати.

Люди добрі и ви, панове громадо! ужé, коли будете читатѣ оцю кáзку, то будѣте лáскові, де тільки трапíтца вамъ на дорбóзi нагнѣутьца на *Е*, вимовляйте ёго, якъ бѣцímъ-то тамъ наригбóвано *Э*: бо, бачь, у насъ воно зъ дiда зъ прáдiда завсiдi такъ вимовляетьца; хибá тільки пiслá *голосмиль* якiхъ слiвъ, отъ якъ бува́ часомъ пiслá *а, е, о* и друг. та ще й зъ почáтку вимовляетьца м'якбенько, мовъ по-москóвськiй. Я такiй й хотiвъ бувъ, щобъ замість *Е* скрiязъ надрюковáть *Э*; та пішовъ до голови по рóзумъ, помiрковáвсь трóхи и побáчивъ: що, крий Бóже, якъ булó бъ тiжко повёрху читатѣ; одъ-тóго, бачь, що нáшi бiчi ще не зóвсiмъ побратáлись зъ смiь аресудовимъ *перéвертнемъ Э*. — Воно-то менi, мовлявъ, про своiхъ и не стрáшно: ужé-то нáшого брáта, мужикá, не вчи, кáже, якъ читатѣ; такъ отъ же лiхо та бiдá зъ тимi Москальми! Вони хочъ що по-свбóму перехрiстятъ, и, а жъ важу, мiй Рябко вiп'є одъ iхъ добру повну: ужé що i знаю, то у ёго не останетьца нi однóго цiлого ребёрца!... Сказано — Москаль! винъ безъ *еотъ* и не ступить; язiкъ, мовъ вь постолахъ; якiй же ёго одминокъ вторбiае, щó винъ верзє? Оттáкъ вони й книжки дрюкують. Ужé нема ёго й на свiтi нiчóго крáщого, якъ (цáрство небесне) Енeй вь нáшiй одѣжi; агé! та бá! Москаль, бачь, побрався и коло ёго, — и ёго одагнѣвъ по-москóвськiй. Абб, нехáй вáжко нинeтца хотъ-бi й нáшому Ш... зъ ёго Козакóмъ⁽¹⁾. Э!... якъ-бi тільки Бóга не побоивсь, то — бiсiвъ синъ — колибъ не те казáвъ, що й... та бá!... лѣчче прикусiть язiкъ. Москаль не зачепi — лiхо, а зачепишь — то й дбiять. Я тільки, бачь, грiшний подумáвъ: що хто чо́гó не тiмить, то нехáй и не тiка тудi нóса; нехáй, а жъ кажу, вибачáйте, зъою головою вь димъ не лiзе.

Писáвъ би й бiльше, якъ вимовлять áзбуку по-нáшому, та, ей-Бóгу, такъ тiсно, якъ вь шинку, що й повернѣтьца отгѣтъ нiгде.

Читатель, конечно, не оставил безъ вниманiя стиховъ, которыми г. Артемовскiй-Гумакъ объясняетъ (надо сказать очень неловко и нескладно) и безъ того ясный смыслъ *Пана та Собаки*. Сцены дикаго произвола, подобныя представленной у г. Артемовскаго-Гулака, видно, дѣлали и сорокъ лѣтъ назадъ сильное впечатлѣнiе на благороднѣйшiя натуры: иначе — эта пьеса не была бы такъ популярна вь Украинѣ не только послѣ, но и до ея напечатанiя. Г. Артемовскiй-Гулакъ состоялъ вь литературномъ родствѣ съ авторомъ *перелицеванной Енеиды*, но, не смотря на то, одной ужъ темой перваго своего печатнаго произведенiя придавъ украинскому слову достоинство, котораго оно вь литературѣ еще не имѣло. Языкъ г. Артемовскаго-Гулака также далеко чище, сильнѣе и разнообразнѣе языка Котляревскаго. Даже смѣшное у него является уже не вь карикатурѣ дѣйствительно-

(1) Крайне нелѣпная опера князя Шаховскаго, *Козакъ Стихотворецъ*.
П. К.

сти, а въ самомъ положеніи вещей. Простодушное, но не цѣнимое ни во что усердіе Рябка смѣшитъ насъ, не оскорбляя нашего уваженія къ личности, заключенной въ его собачью шкуру, да и самъ авторъ ужь далекъ отъ смѣха Котляревскаго: каждая черта въ юмористической его живописи имѣетъ внутренній смыслъ, который придаетъ его смѣху достоинство благородной сатиры. При этомъ вся сфера дѣйствія определена у него съ артистическою любовью къ изображаемому предмету. Это ужь не смѣшанныя черты и краски, которыми Котляревскій изображалъ народный бытъ, не тѣ рассчитанные на одинъ смѣхъ мазки, которыми онъ набрасывалъ бойцевъ, роющихъ носомъ землю, или боговъ, выглядывающихъ изъ небесъ,

Якь жаби літомъ изъ росі.

Въ его описаніяхъ мы видимъ картины, возбуждающія нашу улыбку наввною своею вѣрностью часто печальной дѣйствительности украинскаго захолустья.

Рябко на паньскому дворі не спить всю нічку.

Колибъ тобі на сміхъ булб де вїдно свічку,

Аббъ въ селі де на опічку

Маїчивъ каганецъ.

Всі сплять, хрпуть,

А дѣ-які сопуть.

Ужб и нанотецъ,

Прилізши изъ христїнъ, до ўтрени попхася...

А нашъ Рябко, кажю, все спатки не вкладася.

Знай неборакъ ганї тб въ той, тб въ сей кутокъ:

Тб зазирне въ курникъ, тб — дѣйко до свинокъ!

Спитá: чи всі такі живенькі поросїтка,

Индїки та качкї, курчїтка й гусенїтка?

То звїдїль навпростецъ

Махае до овецъ,

До клїні, до стїжкївъ, до стáні, до оббори;

То зновъ назáдъ чимъ дужъ, щобъ часомъ Москалі

(А їхъ тоді булб до хрїва на селі),

Щобъ Москалі, мовлївъ, не вбрáлись до комбрі.

Разсказъ идетъ у г. Артемовскаго-Гулака въ строгой послѣдовательности и не заключаетъ въ себѣ ничего лишняго, что можно сказать только о весьма немногихъ изъ начинавшихъ писателей. Не всѣ стихи у него одинаково безукоризненны и удачны, но изъ всей пьесы можно бы выбросить развѣ только послѣднее двустипшіе, въ которомъ авторъ не

совсѣмъ удачно воспользовался извѣстнымъ каламбуромъ народнымъ:
круть-верть, а въ черепѣчку смерть.

Пока читатель не вошелъ еще въ самую идею повѣтствованія, авторъ умѣлъ занять его мастерскимъ описаніемъ сферы, въ которой должно совершаться дѣйствіе, что — скажемъ опять — удается немногимъ изъ начинающихъ, да и у писателей опытныхъ не рѣдко приступъ къ повѣсти обнаруживаетъ механизмъ авторства, за недостаткомъ истиннаго одушевленія своимъ предметомъ. Еще бы нѣсколько стиховъ—и вступительное описаніе повседневной жизни Рябка показалось бы растянутымъ. Но авторъ остановился во-время (признакъ таланта сильнаго) и вдругъ переходитъ отъ спокойной повѣсти къ траги-комедіи, гдѣ ужъ онъ окончательно овладѣваетъ читателемъ и до конца пьесы поддерживаетъ въ немъ живѣйшее участіе къ своему несчастному герою. Въ самомъ переходѣ этомъ показалъ авторъ мастерство, въ его время рѣдкое, избѣжавъ рѣзкости и внезапности, которая такъ часто встрѣчается въ сочиненіяхъ людей, не призванныхъ къ искусству. Онъ предувѣдомилъ своего читателя двумя стихами, заставляющими ожидать чего-то чрезвычайнаго. Отъ этого слѣдующая картина, при всей своей бурѣ, не отдѣляется отъ предыдущей, не дѣлаетъ скачка, вообще вредящаго искусству, а составляетъ только новую сцену того же міра, въ которомъ происходила и первая, спокойная сцена траги-комедіи.

Здѣсь превосходно воспользовался авторъ тѣмъ комизмомъ, который заключается не въ словахъ и оборотахъ, а вытекаетъ изъ самого положенія вещей. Читатель, по приведенному стиху, догадывается, что Рябку предстоитъ горькая чаша, и въ поднявшемся со всѣхъ сторонъ зовѣ: *цу-цѹ, Рябкѣ! на, нѣ!* слышитъ уже что-то злобѣщее; но простодушный и глухо-усердный Рябка судить о панской благодарности по себѣ. *Ось, ось я, батечки!* восклицаетъ онъ радостно. Мастерское описаніе его собачьей увѣренности въ своихъ заслугахъ еще усиливаетъ грустный комизмъ его положенія:

Стрибѣ Рябкѣ, вертѣтъ хвостомъ,
Ненѣче помеломъ,
И знай дурнѣпкий скѣлнть зѹби
Та ліже гѹби.

»Ужѣ жъ бакъ, дѹма вѣнъ, не дѹрно це въ дворѣ
Одъ сѣмоі тобі зорѣ
Всі пѣнькаютця коло мене:
Мабѹтъ самъ панъ звелѣвъ вѣдѣтъ Рябкѹ печѣне

И щб осталося варѣне,
За те, що, бачь, Рябко всю Ббжу нѣчь не спавъ.»

За этимъ слѣдуетъ самое сильное мѣсто пьесы, вѣрное действительности. Обращу вниманіе читателя на счастливую черту, проведенную въ этой сценѣ. Когда дѣло доходитъ до грустнаго паюса, Рябко, въ крикъ своимъ, прибѣгаетъ къ комизму, истинно украинскому:

Не бѣду, бѣтечку!... За щб се честь така?

Тяжелое чувство, стѣсняющее грудь читателя, облегчается смѣхомъ, и самая сцена, отталкивающая своимъ смысломъ, выходитъ отъ этого болѣе художественною.

Деруть Рябка, мовъ пѣрѣ,

продолжаетъ авторъ, очень кстати маскируя каламбуромъ чувство собственной раздражительности, которое всегда вредитъ художественности изображеній. Если мы не имѣемъ достаточныхъ основаній признать въ немъ критическое самосознаніе творчества, то должны признать природный инстинктъ, который указалъ ему нѣсколько разъ, въ продолженіе этой оригинальной пьесы, какъ распорядиться на счетъ вниманія и впечатлѣній читателя.

»Пустіты гукнули всі: Рябко вже вдовольнився!»

Не напиши онъ этого стиха, было бы долго еще непонятно, какъ смотрѣла дворня на расправу Пана; но здѣсь, сквозь рабскую иронию, слышится состраданіе и убѣжденіе, что дальше съ Рябкомъ не осталось ничего дѣлать, если только во что-нибудь цѣнить его, какъ вещь, необходимую для панскаго двора. Этотъ стихъ, между прочимъ, составляетъ искусный и необходимый переходъ отъ панской катавасіи, отъ бурнаго хора траги-комедіи къ тихому соло безсмысленной жалобы, изливающейся въ безсильныхъ слезахъ:

»Чимъ, люде добрі, такъ оце я провинився?
За щб глузуєте?» сказавъ нашъ неборакъ.
»За щб знущаетесь ви надо мною такъ?
За щб, за щб?» сказавъ, та й попустивъ патѣки,
Патѣки гіркихъ слізъ, узявшись за боки.

Въ этой жалобѣ поражаетъ насъ — хотя конечно это случайность — то обстоятельство, что Рябко жалуется не на пана, а на добрыхъ людей. Этимъ онъ какъ-будто хочетъ сказать, что они, именно они вино-

ваты въ безмысленномъ его поступкѣ съ существомъ, состоящимъ въ собачьей должности, что безъ нихъ его неистовства были бы не возможны, что онъ только знаменатель ихъ варварскаго образа мыслей и рабскаго ничтожества ихъ душъ. Едва ли былъ у автора расчетъ на то, чтобъ заронить въ умы читателей подобную мысль. Но художественный инстинктъ такое великое дѣло въ писателѣ, что иногда, мимо его вѣдома, дѣлаетъ изображаемый предметъ родникомъ разнообразныхъ идей и соображеній. Можно указать не одного писателя, который, подъ наитіемъ творчества, возбудилъ въ читателяхъ идеи, которыя никогда не посѣщали его головы въ видѣ философскихъ выводовъ изъ міросозерцанія.

Что касается до г. Артемовскаго-Гулака, то послѣдовавшія за *Паномъ та Собакою* его произведенія не обнаруживаютъ въ немъ высокаго строя мыслей, и въ чисто художественномъ отношеніи стоятъ ниже первой пробы пера. Что это значитъ? какъ это объяснить? Мы не находимъ другого отвѣта на эти вопросы, какъ только: что въ его время было еще рано писать подобныя вещи; что вокругъ него немного могло тогда найтись истинныхъ цѣнителей подобнаго произведенія, что вообще читающее общество тогдашнее взглянуло на *Пана та Собаку* не съ существенной стороны пьесы и разсмѣялось не тѣмъ смѣхомъ, какимъ, напримѣръ, сопровождалась — безконечно, впрочемъ, высшія по художественности — творенія Гоголя. Талантъ во всѣ вѣка и во всѣхъ обществахъ — одна и та же сила, по своимъ природнымъ свойствамъ; проявленіе таланта въ той или другой формѣ зависитъ отъ общественнаго развитія, а возрастаніе его — отъ степени, въ какой необходимъ онъ своей средѣ для выраженія ея внутренней жизни. Посмотрите на Харьковъ и прикосновенныя съ нимъ провинціи сорокъ лѣтъ назадъ; взвѣсьте моральное развитіе среды г. Артемовскаго-Гулака тогдашними профессорскими лекціями, книгами, выходившими въ Харьковѣ, и наконецъ самимъ журналомъ, въ которомъ помѣщенъ *Панъ та Собака*. Могло ли общество, стоявшее во главѣ просвѣщенія всей провинціи Харьковской и всей Украины вообще, оцѣнить эту пьесу по достоинству, какъ первый опытъ поэта, и поддержать его юношескія стремленія? Увы! еслибы даже это и случилось, то какіе сорокъ лѣтъ предстояли этому обществу въ его дальнѣйшемъ развитіи? Не было ли бы это странствованіе по пустынѣ Аравійской? а вождь и законодатель гдѣ? Г. Артемовскій-Гулакъ не годился для этой роли уже по одному тому, что въ окружающей его сферѣ не было побужденій, которыя заставляютъ массу ис-

каты выхода изъ положенія, мертвящаго ея силы. Само общество не нуждалось въ моральномъ вождѣ, не чаяло его и, еслибъ онъ явился, то не признало бы. Вотъ почему, какъ намъ кажется, авторъ *Пана та Собаки* не только не шагнулъ впередъ, но въ слѣдующей же своей пьесѣ отступилъ назадъ и сталъ въ уровень съ требованіями своего времени и своей литературной среды. На этомъ уровнѣ онъ ужъ и держался во все время своего авторства, о прекращеніи котораго было странно бы сожалѣть критику нашего времени. Перепечаемъ здѣсь *Солопія та Хіврю* изъ *Украинскаго Вѣстника*, составляющаго библиографическую рѣдкость. Все это ужъ давно покрыто забвеніемъ и должно показаться новымъ даже и для тѣхъ, кто читалъ *Украинскій Вѣстникъ* во время его циркуляціи. Въ этой растянутой пьесѣ г. Артемовскій-Гулакъ не похожъ на самого себя. Ничтожество идеи, вялость изложенія, разглагольствованія на мѣсто живыхъ образовъ — все это показываетъ, что юношескій благородный огонь, не получивъ поддержки со стороны общества, началъ пылать въ поэтической душѣ слабѣе прежняго. Одинъ языкъ не измѣнилъ автору *Пана та Собаки*; языкъ у него и здѣсь сохранилъ свою гибкость и разнообразіе.

СОЛОПІЙ ТА ХІВРЯ

АБО ГОРОХЪ ПРИ ДОРОЗІ.

Кáзка.

Vous voyez le grand gain, sans qu'il faille le dire,
Que de ses ports de mer le roi tous les ans tire;
Or l'avis, dont encore nul ne s'est avisé,
Est qu'il faut de la France—et c'est un coup aisé —
En fameux ports de mer mettre toutes les côtes;
Ce serait pour monter à des sommes tres hautes!

Molière, Les facheux, acte III, scene III.

Спромігся *Солопіій* весною на горбѣхъ,
Та й сівши зъ *Хіврю*, собі міркуютъ въ-двохъ:
Чи то продать ёго, чи то ёго посіять?
»А щобъ жъ тутъ мірковать? не полінуйсь проміять»,
Сказала *Хівря* тутъ; »въ мішечки позсидай,
Та й сіять на поле підъ дощъ мерщій чухраї!»
— »Вонб-то, *Хівре*, бачъ тутъ не за тымъ идётца;
Алє посіять такъ, якъ у людѣй ведётца —
Нехай ёму лихє! — горбѣхъ ласєнька річь,
И дїтворá за нимъ полїзе хочъ у пічь.

Ти жь рáешть сiяти горóхъ на перелáзi.
 Эи, *Хiоре*, перелiгъ лежить нашъ при дорбáзi:
 Эи, обскубуть горóхъ нашъ зеленцёмъ, побáчъ!...
 Въ лопáткахъ обнесуть... тогдi хочь сядь, та й плачь!«
 — »Якóбi вráжой ти мáтери сумуешть?
 Цурь дурнi! навiснiй! Чи ти жь тогó не чуешть,
 Що якъ урóдить Богъ, то дасть на долю всiхъ?
 Чи се жь не глумъ тоби, не сóромъ и не смiхъ, —
 Врaгъ мáтiрь зна чогó безглúздоху жахáтьця?
 Та-дже жь, якъ кáжуть-то, коли вовкiвъ боiтьця,
 То нiчого ходiть зь сокирою и въ лiсь.
 Идi жь, кажú, та сiй; не мiмри тамъ пiдъ нiсь!
 Абi лишъ, Гóсподи, на нiвi намъ вродiло,
 То бóде намъ и всiмъ; чи чуешть ти, *мурмiло*?
 Не будь уiдливи и вiпáртий, мовъ осá,
 Мовъ паровiстий кiнь: бо вiлаю, якъ пса.«
 — »Эи, *Хiоре*, *Солонiй* сказáвъ ий, »не сварiсь;
 Бо, дáзлiбi, горóхъ нашъ згiне! схаменiсь.
 Ну, сiлькось... я пiдú, посiю, та не тамъ,
 А де-небúдь въ куткú, що й врaгъ не нáйде самъ.«
 — »Не перебéндюй бо такъ дóвго, *Солонiю*!
 Бо я горóхъ самá де схóчу, тамъ посiю;
 Самá я й вiкошу, якъ трéба на покiсь,
 И ось тоби тогдi я дúлю дамъ пiдъ нiсь!
 Алé, мiй гóлубе, прошú тебé по лáсци:
 Послúхай часомъ тнхъ, що ходiть и въ запáсци;
 Плюнь, сёрце, на тогó, хто такъ тоби сказáвъ,
 Що буцимъ Богъ жiнкáмъ волóсса дóвге давъ
 За те, що рóзумъ iмъ укóротiвъ чимáло:
 То пóгань такъ верзлá, шкóлiрство такъ брехáло!
 А я жь-то й мужикiвъ, крутi ти не вертi,
 Не разъ вже бáчила такiхъ дурнiхъ, якъ ти!
 Оттáкъ! — питáй людéй; бо той, хто iхъ питáе,
 Мовъ старець безъ цiнкá по стéжкахъ не блукáе.
 Не разъ вже за двомá зайцiми ти ганiвъ,
 За те жь нi одногó гонiвшись не пiймáвъ;
 Не разъ ти жаловавъ ухнáникiвъ старёнькихъ,
 За те жь ти скiлько вже згубiвъ пiдкiвъ новёнькихъ!
 Оттáкъ ти и тепёръ горóхъ запропáстiшь,
 Коли бъ ти самъ прошáвъ!«

— »Чогó ти тамъ гарчiшь?«

Сказавъ нашъ *Солонiй*; та й зь сёрця дёйко зъ хáти:
 Запрiгши гúлнхъ вiнъ, ну перелiгъ орати.
 Зорáвъ, посiявъ вiнъ горóхъ, заволочiвъ;
 Ажъ тутъ и дрiбний дощъ рiлля ёгó змочiвъ.

Зійшовъ горбхъ, підрісъ, зацвівъ увесь рясненько.
 Хто йшовъ, той приглядавъ горбхові пилненько.
 Тимъ часомъ вже почавъ вбиватьця й въ лопаткі;
 Ажъ тутъ прийшла черга и на самі стручки.
 Хто йде, горбхъ скубне: гребецъ скубне у жменю;
 Іде косарь и жнець — нагарбають въ кишеню;
 Прискобчють дїгвора, и въ пелену смикне.
 Зібравъ нашъ *Солопій* горбхъ, та знай клянне,
 И на чімъ світъ стоїть по-сороміцькій лае;
 Усіхъ батьківъ съ тогб вінъ світа вивертаетъ:
 »Стонадцять би копійць зъ рогами вамъ чортівъ!
 А!... бісівъ народе! коли бъ ти околивъ!
 Коли бъ ти кобнимъ бувъ стручечкомъ подавився!
 Щобъ въ гбрлі вінъ тобі кілкомъ бувъ зупинився!
 Коли бъ щобъ тріснувъ бувъ одъ ёго твій живіть,
 Ніжъ мавъ оцє мене ти посадиць на лідь!
 Щобъ горошіночка въ твоїхъ кишкяхъ бісовськихъ
 Такъ набубнявила, якъ барабанъ москбвськихъ!
 Багачко дє-чого співавъ тутъ *Солопій*,
 Молівся за ввесь рідъ хрещеній и за свій.
 То, вгамовавшись, зновъ до свогб вертався;
 До *Хієри* сікався, за макогінъ хватався;
 То зновъ по доброму ладу вінъ їй казавъ:
 »Бачъ, *Хієре* нависна, що нашъ горбхъ пропавъ!
 Бачъ, шкяпо бісова, чогб ти наробила!
 Та ти жъ мене навикъ оцє запропастила!
 Ищє смачненьке щось хотівъ сказати вінъ їй...
 »Послухай лишъ сюди«, сказала *Хієра*, »стій!
 Ужб, якъ бачу я, тебе не перепєрти:
Хто дурнемъ уродивсь, току дуркїмъ и смєртимъ!
 Алє бъ, мовлівъ, ищє сюди й туди зъ дурнімъ:
 Ось лихо та біда зъ дурнімъ, та ще й зъ лихїмъ!
 Казала я тобі: що Богъ якъ намъ урбдить,
 То бубе намъ и всїмъ, и злбдїй не зашкбдить.
 Ажъ такъ и єсть: хочъ ти посїявъ два мішкї,
 Хочъ, тїлько хто хотівъ, той наші рвавъ стручки —
 Нехай ёму въ корїсть! а все жъ, хвалїти Бгга,
 Зібравъ ти сїмъ мішкївъ горбху зъ перелбга!
 Де пьють, то тамъ и лють: безъ шкоди не бува,
 Абї здорбвенька лишъ наша голова...
 Алє ти хочешъ, щобъ не їли кбзи сїна,
 И сїті щобъ були? ой, мўдрий дўже зъ сїна!...
 Ну, цуръ тобі та пекъ! роби ти щб хотї:
 Ора, мелї и їжъ; хочъ гблову скрути!
 Про мене, я тепєрь и не розавляю рбга....

Та вже жъ побачимо, яка твої робота!
 Та й люде жъ, сіючи хочъ трátать, а орють:
 То дурні, отъ якъ ти, несіянї ростуть.
 Эй, скаменéсья ти, та пізно, *Соломію!*
 — »Та вже жъ хочъ скаменýсья«, сказавъ вінъ, »хочъ посію,
 Та не по твбему: зроблю якъ самъ умію;
 Зроблю, щобъ и стручка ніякий бiсь не вкравъ.«

Зробивъ нашъ *Соломія*, якъ самъ здоровий знавъ:
 Вінъ на другу весну плугъ и разї забравши,
 И міжъ пшеницею и жїтомъ пооравши,
 Въ середні горóхъ увéсь засіявъ свій:
 »Теперъ-то«, дýма нашъ дурненький *Соломія*,
 »Теперъ-то мій горóхъ вже, мабуть, розцвітає!
 Нехай цвітé, нехай тимъ часомъ доспіває.
 Ось, якъ підú въ жнивá пшениці й жїта жать,
 То, часу марне щобъ мовлявъ не заковáть,
 Скошú и свій горóхъ, въ копїці поскладаю;
 То й зъ нимъ упораюсь, и разомъ живъ не згаю.«

Пішовъ въ жнивá: та-ба! ні зérна не застáв!
 Прощандривъ *Соломія* горóхъ и просвистáвъ,
 А за горóхомъ въ-гуртъ и жїто и пшеницю,
 Бо тільки зо всéго солóми взявъ сь копїцю!
 А якъ же це? — Оттáкъ: пропїюхали въ селі,
 Що *Соломія* горóхъ посіявъ на рiлi
 Міжъ жїтомъ та поміжъ пшеницею своєю, —
 Давáй ходїть въ горóхъ!... ходїли — и хiднéю
 Пшеницю й жїто все такъ змáли та стовклї,
 Що, сýчий снiвъ, колi и мiсце їхъ знайшли.
 Щó жъ *Хiерл*? рýмсає! а щó жъ чинїть небóзі?
 Якъ тільки жъ заздрила *Роззлеу* на порбi,
 Зняла торбiнки двi новiсiнькi зъ кiлка:
 »А бачъ, гадюко, бачъ! ти жаловавъ стручка;
 Теперъ же зъ дiтками безъ хлiба ми шматкá!
 Бачъ, сiну гáспидський, чортóвський *Соломію!*
 До чо́го насъ довiвъ ти, бiсiвъ скупердiго?
 Иди жъ теперъ звiдцiль, щобъ твiй и духъ не пахъ!
 Не вмiвъ свогó, — носi жъ ти хлiбъ чужий въ торбáхъ.«
 Сказала, та й торбi на ёго почiплiла,
 И міжъ старцiвъ, мовъ пса, *Соломія* прогнала!...

Послúхайте менé, ви всi, *Соломія*,
 Що знай мудруéте, и гóлови свої
 Чортъ-бáтька-зна надъ чимъ морочите до кáта:

Якъ въ борщъ, замість курчя́тъ, намъ кла́сти кошенáта;
 Якъ гру́ші на вербі и д́улі вамъ расту́ть;
 Якъ .істи *дóззбіна*, та ще й гладі́ими бу́ть;
 Якъ лóкшину варя́ть для вй́ська изъ папéру;
 Якъ квáшу намъ робя́ть зъ чорні́ла и тетéрю;
 Якъ бóрошно молóть безъ жóрнівъ язикóмъ;
 Якъ бджóли годовáть безъ-мéду часникóмъ;
 Якъ кóхви пить панáмъ сь квасóлі зъ буря́ками;
 Якъ нй́ви засивáть, безъ сйм́я, кізакáми;
 Якъ зъ кóжного зернá сймъ кварть горі́лки гнать;
 Якъ сiно намъ перóмъ кося́ть, якъ кіньми жать,
 Щобъ лóдямъ и снiпкá не дaть на заробі́токъ,
 И птáщці ні зернá погодóвати дiто́къ....
 Заплóйте лишъ оцю́, скажені́ ви, брехнiю́:
Де трéба рýки грiть, тамъ трéба и оцю́!
 Та вже зъ васъ не одiнь ора́въ пiдъ небесáми;
 А якъ на зéмаю злiзъ, — пiшовъ въ старці́ сь торбáми!...

Заключительные стихи *Солонія та Хiвiри* имѣють смыслъ двойкiй. Въ нихъ выразились: во-первыхъ, недоверчивость тогдашняго провинциальнаго общества къ новѣйшимъ способамъ жизни вообще; во-вторыхъ, осужденіе людей, которые воображаютъ, что можно едѣлать скачокъ изъ одного столѣтія въ другое и, посредствомъ механическихъ приѣмовъ, заставить варварское общество жить образованною жизнію другихъ, дослуживавшихся до лучшей участи, народовъ. Очевидно, что Г. Артемовскій-Гулакъ въ этой пьесѣ былъ органомъ только убѣжденной первой категоріи: иначе онъ бы всю пьесу повернулъ ко второму, случайному смыслу своихъ стиховъ, котораго она въ то время не могла имѣть для большинства его читателей. Мысли его наклонились — но и то неопредѣленно — въ эту сторону только потому, что онъ, пиша по-украински, необходимо долженъ былъ взглянуть на предметъ своего сочиненія глазами простолюдина. Народная муза, за одно то, что онъ не отчуждался ея языка, подсказала ему здѣсь прекрасное двуступиіе, которое не мѣшало бы принимать къ соображенію почаще и нынѣшнимъ экономистамъ:

Щобъ лóдямъ и снiпкá не дaть на заробі́токъ,
 И птáщці ні зернá — погодóвати дiто́къ.

Чтó касается до первой, главной половины смысла, какой угодно было автору придать своей пьесѣ, то общество и тутъ наложило на его талантъ свои оковы. Въ то время всѣ нововводители казались людямъ благоразумнымъ Донъ-Кихотами. Г. Артемовскій-Гулакъ, видно, не понималъ различія, какое полагаетъ греческій Платонъ между поэзією

благоразумныхъ и поэзію безумствующихъ, и очутились на сторонѣ первыхъ. Онъ былъ не въ силахъ провидѣть въ этихъ Донъ-Кихотахъ ихъ преемниковъ, которые, наследовавъ ихъ великодушіе, позаботятся о болѣе точномъ ознакомленіи съ предметомъ и пошире и посвѣтлѣе взглянуть вокругъ себя. Усилія науки войти въ самую жизнь съ каждымъ годомъ оправдываются новыми успѣхами, и теперь ужъ иное впечатлѣніе производятъ стихи, которые г. Артемовскій-Гулакъ помѣстилъ въ заключеніе своей пьесы, какъ самый громкій аккордъ:

Та вже зъ васъ не оди́нь ора́въ підъ небеса́ми,
А якъ на зѣмлю злізъ — пішовъ въ старці зъ горба́ми.

Подобно тому, какъ вслѣдъ за Бартомъ и Овервегомъ, не смотря на всѣ ихъ неудачи и страданія, отправлялись и отправляются путешественники во внутреннюю Африку, такъ и въ область сельско-хозяйственныхъ опытовъ пускаются одинъ за другимъ великодушно-предпримчивые люди, на которыхъ и теперь еще милая наша родина, изъ своихъ уѣздныхъ и губернскихъ городовъ, смотритъ тысячами глазъ, какъ на сумасбродовъ. Разница, впрочемъ, та между усиліями современныхъ намъ дѣятелей экономическаго прогресса и ихъ предшественниками, что теперь съ каждымъ годомъ видѣруется болѣе и болѣе въ мыслящей части общества убѣжденіе: что не единицы развитыя, а развитыя массы создаютъ благоденствіе края. Въ старину на массу не обращали вниманія, вырывались изъ нея впередъ и этимъ самымъ дѣлались иностранцами среди собственнаго народа. Естественно, что просвѣщенныя усилія подобныхъ единицъ были смѣшны въ глазахъ непонимающаго ихъ общества, и г. Артемовскій-Гулакъ, поэтому, не совѣтъ неправъ въ своихъ насмѣшкахъ надъ современнымъ ему ученымъ агрономомъ. Жаль только, что онъ своимъ талантомъ сослужилъ службу обличившимся рутинистамъ и такимъ образомъ унижалъ искусство и самой дидактикою, и примѣненіемъ ея къ дѣлу жизни.

За *Соломіємъ та Хізерю* слѣдуетъ объясненіе въ родѣ того, что и послѣ *Пана та Собаки*. Дико читать намъ теперь эти юродивыя разглагольствованія въ духѣ *Енеиды* Котляревскаго; но въ то время подобный тонъ удовлетворялъ земляковъ нашихъ, и они помирали со смѣху надъ фразами, перенесенными изъ кабака въ типографію. Дальше этого тона тогдашняя проза не ходила. И при всемъ томъ замѣтно въ авторѣ стремленіе выставить нелѣпость украинскаго аристократизма, стремленіе благородное, но неоправдавшееся ни на историческія понятія о своемъ на-

родѣ, ни на убѣжденія лучшей части современнаго общества, и потому безсильное и, можно сказать, преждевременное. Какъ памятникъ первыхъ попытокъ заговорить въ журналѣ на родномъ языкѣ въ прозѣ, мы приводимъ здѣсь объясненіе г. Артемовскаго-Гулака, напечатанное вмѣ въ видѣ примѣчанія къ *Соломію та Хієръ*.

ПИСУЛКА

до тѣго, котрый шо-Божого місяця Украинського Гінця по
всіхъ усюдахъ розсилає.

Євграпе!

Бажавъ еси казки: отъ-тобі *Соломію та Хієря*! Не здивуй самъ, та нехай вибачить и громада, коли казка не до-шмигни. Самъ бачивъ еси, та дѣлкимъ и не повилазило, що я захірівъ такъ, що й голові не підведѣ; та ще мѣже й доведѣтца вистоятъ добрий калантіръ у домовині! А вже, самъ здоровъ знаєшь, що лѣжачи не далеко зайдешъ; а жъ кажѣ: лѣжачи якá робѣта? Вонѣ, Євграпе, лѣжачи добре тілько панамъ: імъ скрізь спірно йде робѣта; бо хочъ и лѣжні нападѣть, то вони все такі дárмо часу не згають; крикнути: *давай*, — дають; а коли *нема*? — то бьютъ. Когѣ? Оцѣ когѣ! ужѣ жъ не собаку! А коли биття обрідне? то щѣ жъ! то кáрти мнуть. Эгѣ! та все такі мнуть, та все такі не гуляють! Та ще й пані, Євграпе, не всі такі трудіці: бо інший паномъ уродівсь, паномъ охрестівсь, паномъ и зрісь; а дáлебі и мужика клезнѣть не вміє, — оттакѣ ліхо!... Такий у насъ, бря, и підъ Хáрьковомъ недалечко: ось хочъ би й... не хѣчу! не хѣчу! ей-Бѣгу, не скажѣ! гріхъ! Я у ёго хлѣбъ-сіль ївъ; а ти хѣчешъ, щѣбъ я вівявивъ, що вінъ ні въ кáрти гратъ не тáмить, ні мужиківъ лупіть не вміє. Та й зъ насъ, Євграпе, не якá робѣта. Ищѣ жъ то, мовлявъ, тобі и сякъ и такъ; бо тобі дѣ-що йноді и черезъ дзвінку перелізе; а я такий пришелѣповатий, що й сибѣ дурніці не втну. Та я то трѣхи и въ кáртахъ шуплю, бо такі зъ пѣрвого погляду, якъ тілько побáчу, що зъ однімъ окомъ, то такі зáразъ и вгадаю, що тѣ, мабѣть, найстáрший. Я такъ, Євграпе, чáсомъ и людѣй пізнаю: якъ тілько зáздрю когѣ, що хочъ свої родіми притамáнни ще й не повилáзли, та вже, бачъ, дѣвитця въ однѣ чужѣ кожному підъ нисъ, мовъ ёго не добавáє, то я такі зáразъ, сѣчий синъ, коли не вгадаю, що тѣ мабѣть найстáрший дѣрень. Ой, щѣсь я дѣже брягнувъ! колибъ лишъ ножиці на столі не обізвались! Та вже жъ, мáтері їхъ ковінька! Чи бѣдуть битъ, то нехай бьютъ; ужѣ менѣ не такі бáли, та й ті не багáцько добрá вѣбили. Ужѣ, а жъ кажѣ, мені гáрше не бѣде; а вже й такъ пѣю добру пѣвну: отъ, лежѣ та стогнѣ, та вожѣсь изъ знахурáми, ненáче кітъ изъ оселѣдцемъ. Ищѣ разъ тобі кажѣ — що лѣжачи не якá робѣта: ось *Пáна та Собáку* и сідáчи папи-сáвъ, та ще й то дѣ-котримъ панамъ, мѣже, такъ догодівъ, якъ *Рябко* своєму. Щѣ жъ чиніть, Євграпе! Дѣрнямъ, якъ-то кáжуть, самъ Богъ не вгѣдѣть. Та вже-то вонѣ гріхъ казáть, бо могѣ *Рябка* у самѣму Петен-

бурсі, у Москві и скрізь такі глділи не протівъ шерсти и приймали, неначе когѣ и доброго; такъ отъ же, бачъ, все такі у дѣ-лякихъ підпаникѣ шпаккі на голові загорілись! Бодай вони такъ на світі були, якъ мені кортіло зъ ними грізнись: цуръ імъ, пекъ імъ, осіна імъ, маріана! То доброго, мовлявъ, полай и покартай, — а вінъ тобі ще и поклонитца, а ледачому щѣ? ти ёму образі, а вінъ тобі лубля! Нехай вони тямляца! Ледачого, мовлявъ нашъ Онопрій, не займай — и самъ себе не калій; ужѣ горбатого, Ёвграпе, хибя могла справить. Оттакъ-то, голубе! Ліхо и зъ правдою, ліхо и зъ брехнею: за правду бьютъ, за брехню віри не дають. Оттакя ловіся! що сучий сивъ, коли знаєшь, куді на світі и повернётся. Щѣ жъ робить? Мовчать? Тадже жъ мовчу, колибъ ужѣ імъ заціпило! Я жъ-то вже и кажу, Ёвграпе: що нема ёго и на світі, якъ изъ своєю ріднею — зъ мужикомъ: чи поскубтись, чи побитьца, чи и помиритьца, то все воно, такі сказано, свій братъ. Я жъ то одъ того оцѣ и на *Солопія* напався: адже жъ панівъ нема Солопіівъ? Якъ ти думаєшь, Ёвграпе? Ти письменніший відъ мене, ти багато дѣ-чого шупишь; ти вже бувавъ у бувальцахъ; ти вже, я жъ кажу, бувъ и на коні и підъ конемъ. Скажи, будь ласкавъ, Ёвграпе, чи нема сѣго имѣння міжъ панями? щѣбъ мені часомъ гріха не взятъ на душу. А то опанує мене ліха та нещаслива годіна, якъ часомъ, крий Боже, изъ-поміжъ панківъ вирветца не одінь *Солопья*! Бо вже у мене щось не дурно свербить чуприна: эй, та будуть битъ скажені! Та вже жъ, сількосъ, нехай бьютъ; ужѣ зъ насъ, Ёвграпе, небагачко олі вибьютъ. Аби лишъ, Господи, мені до смерти, а смерть мой не за горами, а тамъ я и дую імъ виставлю! Бері, Ёвграпе, казку. Щѣ буде, то буде, а буде те, щѣ Богъ намъ дастъ. Бері, кажу, *Солопія*, несі въ дрюкарню, нехай твій Микбля дрюкує: я жъ кажу, коли вѣвка лякаться, то и въ ліс не йти. Не такий чортъ страшній, якъ ёго малюють!

Слѣдующая пьеса г. Артемовскаго-Гулака замѣчательна безцвѣтностью стиха и тупостью сатиры. Она направлена на кого-то изъ тогдашнихъ авторовъ харьковскихъ и, вѣроятно, имѣла мѣстный интересъ, но, какъ почти всѣ подобныя произведенія, не производитъ на посторонняго читателя никакого впечатлѣнья, кромѣ скуки. Авторъ писалъ эту вещь въ болѣзненномъ состояніи, какъ это видно изъ примѣчанія издателя. Потому, можетъ быть, она и вышла плоше всего, что намъ извѣстно изъ его печатныхъ украинскихъ стихотвореній. Появилась она въ *Украинскомъ Вѣстникѣ* съ французскимъ эпиграфомъ собственного авторскаго сочиненія, который и мы удерживаемъ въ нашей перепечаткѣ.

ТЮХТІЙ ТА ЧВАНЬКО.

Побрежєнька.

Mes jours sont le tissu d'un contraste étonnant:
 Je ne vis qu'en pleurant, et je mourrai riant!
 L'amour, pour tant de coeurs l'objet de plus doux charmes,
 Fut pour le mien la source et des maux et des larmes!
 Pour adoucir mon sort et mes regrets cuisants,
 En poussant des soupirs j'écris des vers plaisants.
 Qu'ils sont droles, ma foi, ces destins que les autres!
 Quoi!... je pleure, et morbleu! j'en fais rire les autres!

Нашъ Віршомазъ *Тюхтій* старіхъ людѣй шанує,
Гарасько якъ звелівъ, вінъ такъ и компоує.
 Чи справжки, чи й на жаргъ щб тільки написавъ,
 То такъ на девять рікъ те въ скриню и захавъ!
 А на десятій рікъ якъ війме, прочитає:
 Побачить самъ здоровъ, що тамъ ладу бісъ має;
 То въ грубу такъ такі и впре шпаргала все!
 Отъ братъ єго *Чванько* слабкій уже на се:
 Щб начеркавъ, то такъ въ дрюкарню и несє!
 Але громада їх однако поважєє:
 Того ні сномъ не зна, другого не читає.
 Скажіть, будь ласкаві: хто зъ їх дурнішии двохъ?
 Та глузду, гріхъ казати, скупєнько у оббхъ!
 Такъ перший же хочъ тимъ за працю надолужить,
 Що въ девять рікъ хочъ разъ тепломъ собі услужить;
 Другій такий дурній, що мєрзне вінъ, дрижить,
 А кийжокъ же єго съ пять сажнівъ такъ лежить!...

ДЕ-ЩО ПРО ГАРАСЬКА.

Вонб-то, бачъ, по нашому *Гарасько*; а по-москбвській *Гораций*. О! вже вони хочъ щб, то по свбему перековерсають. Тамъ-то вже предивєнна єму мова! Отъ часомъ трапнїця такъ, що зъ годїну стоїшъ передъ нимъ, а вінъ тобі січє та рубє: щб жъ? пєсь, коли й слївцє уторпаєшъ, щб вінъ тамъ *гергбче!* Отъ тільки бїцїмъ-то й дочувєашъ: *вотъ та вотъ*; та *штїо*, та *штїо*; та *гаварю-кажу*, *гаварю-кажу!*... а щб вінъ тамъ тобі *говорить-каже*, тоб, дєлибї, й зъ попомъ не розберєшъ! Ищє бъ то щось казавъ, бо язїкъ дїже свербїть; та цуръ їмъ: у насъ, бачъ, усї старшина москбвська, чи то далєко до лїха? Я жъ кажу — цуръ їмъ: візьмєшъ, їкъ-то кажутъ, лїчкомъ, а оддасї ремїнцємъ.... Я-то тільки, знєашъ, хотївъ казати отъ про того *Гараська*, бо вінъ уже подавно казавъ: що коли вже Лудїшїр підцькує когб маглюватъ віршї, то нехїй налябзнтъ та й *попит pretel in annit*. Вінъ-то оцє казавъ, бачъ, по-литєїнськїй, — бо вінъ бувъ, собі нє лихо, *Литєїнъ*; а по-нашому, то во-

но значітця ще: що коли вже написавъ щб, то нехай куди запровтб-
рять такъ, щобъ тільки міші та пацюки про те знали.

Одже я ёго часомъ, такъ якъ и *Чванько*, не дуже-то слухаю — байдуже!
Инше діло у Літві, а інша річъ у Москві: може, вонб тамъ колись и дб-
бре булб. А у насъ тїі побганї *вїршомазїїв* стїльки наплодїлось, що, якъ
бї кожный ховавъ те на дїсать рїкъ, що за годїну набазгра, то бъ вїгде
булб чоловїковї й хати навїть за панєрами!...

Ви, дурнї, я жъ кажў, на се лишъ не вважайте;
Людїй питаїтєся, та й свїй ви рбзумъ маїте.
Не вамъ *Гарасько* сей указь скомпоновавъ:
Вїнь самъ розўмний бувъ, розўмнимъ и писавъ;
Пшїть, и крамарївъ, папєрникївъ годўйте!
У насъ холбдний край, а лїсь ставъ дорогїй;
Дурнї нї пб-чому: що стўпишь, то й дурнїй.
Пшїть, будь ласкаві, — подїкують вамъ лїуде:
За дурнями та й всїмъ розўмнимъ тєпло бїде....

На этихъ трехъ пьесахъ, столь неравныхъ по достоинству, утвер-
дилась известность г. Артемовскаго-Гулака, какъ украинскаго поэта.
Но это было не все, что написалъ онъ: ходили въ рукописи оды его,
переложенныя изъ Горация, баллада *Твердовський*, переведенная изъ
Мицкевича, и еще кое-что. *Твердовський* появился въ печати въ жур-
наль *Славянинъ* 1827 года; прочїя стихотворенїя напечатаны въ *Ут-
ренней Звїздѣ*, альманахѣ 1834. Уже по одному тому, что это пере-
воды и передѣлки съ чужого, нельзя ихъ ставить наравнѣ съ первымъ
его опытомъ, хотя языкъ въ нихъ до того хорошъ, что дѣлается груст-
но, зачѣмъ было автору останавливаться на пробѣ пера! Предостав-
ляемъ судить самому читателю:

ТВЕРДОВСЬКИЙ

Малороссійская баллада.

»Нўте, хлопци! швїдко, шпїрко!
Музїки, заграїте!
Гей, шинкарю! гей, шинкарко!
Горїлки давайте!»

Рїжуть скрипки и бандўри!
Дївчата гошцїють;
Хлопци, пїть ажъ лєтца зъ шкўри,
Коло ихъ гарцїють.

Бряжчѣть чарѣи, люлькѣ шварчѣть,
Шумѣ горѣлка;
Стукъ, гармидеръ, — свистѣть, кричѣть,
Голбсѣть сопила.

Пань Твердовський въ кінці столѣ
Съ поставці черкаѣ:
»Гульїи душѣ! гра-ла-ла-ла!»
На ввесь шинкѣ гукаѣ!

Въ бѣтька й мѣтирѣ отамана
И громаду лаѣ;
Скрутивъ жѣда, якъ Гамана,
Ще й ѣсомъ моргаѣ!

Скинувъ уланѣ, — вінѣ вздовжъ ѣго
Шаблюкою тріснувъ.
Уланѣ — тю-тю! га-га! го-го! —
Зѣйцемъ въ кутнѣ пріснувъ!

Взявъ набѣкирѣ писарѣ шанку:
Пань грѣшнѣ забрѣзжавъ;
Ажъ гулькѣ! — писарѣ вертѣ въ собаку,
И на всѣхъ загѣзжавъ.

А шевцѣви пань Твердовський
Въ такѣ знакѣ дався,
Що, мабуть, изъ часѣ московський
Барѣломъ качався.

Въ нѣсѣ втерѣбивъ двѣ бурѣльки;
Зѣ бурѣлкѣ, мовъ зѣ кѣхви,
Бьютъ пидъ стѣлю черезъ рѣльки
Джерелѣ сивѣхи.

Бьютъ джерѣла.... пань-гульвіса
Кѣхоль пидставѣ;
Ажъ зиркѣ въ кѣхоль — що у бѣса?
Вьюнѣ на днѣ играѣ!

»Духъ Святѣи, мирѣне, зѣ нами!
Вѣдупѣть лишъ бѣньки!»
Вьюнѣ утѣкѣ, а цапѣ зѣ рогами
Вѣлѣзѣть изъ шкѣльки.

Мѣкнувъ, мовъ ёго родімець
 Почавъ мордувати,
 Та й стрибъ въ комінь; ажъ гулькъ — Німець
 Стоить середъ хати!

Нісъ — карлючка, ротъ свинічий,
 Гіря вся въ щітині;
 Ніжки кўрачі, собачий
 Хвість, ріжкі цаніні!

Дригъ ногою! врутъ ріжками!
 Въ поісъ поклонівся:
 »Ну, Твердовський, часъ, изъ нами
 Щобъ ти росплатівся!

»Гулявъ есі, верховодивъ,
 Усімъ въ знакі дався;
 Дівчаты любивъ, жінокъ зводивъ,
 Надъ всіми знущався:

»Чого душа забажала,
 Мавъ всёго ти стільки!...
 Курѣн, ковбасъ, мѣса й сала,
 Бочками горілки.

»Нагрівъ и намъ ти чупрїну,
 Якъ самъ здоровъ знаєшь:
 Окульбачишь, мовъ скотїну,
 Та всюди й гасяєшь!

»Годі глузувати зъ чортами!
 Слова — не полова:
 Чи забудъ, яка міжъ нами
 Зъ тобою умова?

»Мѣса гора.... бритва.... палець....
 Паперу півъ карти....
 Гаїда въ пѣкло! кровъ не смалець,
 Зъ чортами не жарти.

»Въ пісьмі стоить (читай сміло):
На кагалъ бісовський
Зъ начинкою дўшу й тіло
Одписавъ Твердовський.

Служите́ дну́ чорной ма́юты
 (Такъ прийшабсь въ умбу),
Поки съ Рѣми не пѣвлютъ.
Аминь едну слову!

»Що тепѣрь, Твердовський, буде,
 Про те въ пѣклѣ знають:
 Сю корчмѣ хрещѣні люде
 Рѣмошь називають.»

— »Бачь, чортака! бачь, надлюка!
 Якъ умудрувавса!
 Се вже, бачь, нѣмецька штѣка»,
 Твердовський озвавса.

»Та вже жь, чи йти въ пѣкло справді,
 То я підемъ, байдуже!
 Але я ти робі по правді
 И не чванься дуже.

»Заглянь въ контрактъ твій зо мною,
 Яка тамъ умова?
 Ще три штѣки за тобою;
 Вітнешь — ні півъ-слова!

»Отъ бачь, вієнтъ надъ дверима,
 Завбільши изъ пана,
 Передъ твоїми очима
 Малѣвана шкапа!

»Нехай шпана підо мною
 Огиремъ гарцює;
 Нехай крутить голубю,
 Стриба и басує.

»Ти, тмь часомъ, піску въ шибеню:
 Гаранниъ тройчатий
 Сплеті зъ піску, якъ зъ ромбю,
 Коня воганѣти.

»Ще жь не насать коні грѣба,
 Стать на одиочінокъ:
 То вже, гляді, щобъ якъ зъ нѣба
 Вродивса будінокъ, —

»Будінокъ зъ лущилиъ горіха,
Оттамъ за байракомъ;
Изъ борідъ жидівськихъ стріха,
Цвяхована макомъ.

»Отъ в гвіздокъ на почінокъ,
Чверть локтя завздощина:
По три въ кіжку вбій зъ мацінокъ,
А менше ні трешини.»

Бісь веріогий сайснувъ, класнувъ, —
Ажъ вінъ вше басѣ;
Батігъ зъ піоку въ руді лонувъ.
Твердовський сумѣ.

Скільки въ стрембна, давай драла....
Ажъ — що за одмінокъ? —
Стріха въ хмарахъ заблещала,
И стоить будінокъ!

»Вігравъ справу! Бачъ, вслава,
Здихавсь, мовъ сламений!
Пу, теперъ скушайсь по ўха
Въ ведіці оваченій.»

— »Змилюсь, сміте, я въ сій въ рощу
Лазні не купався.
Скортчивсь, зморщивсь, — шубовата въ воду!
Та я назадъ порвала.

Захлинувся, чхиуъ и пріснувъ;
Трійчи заругінась,
Трійчи тупнувъ, трійчи сайснувъ,
Ажъ шинкъ заврусівся.

Хмара якъ нічъ налетіла,
И сонце сховалося;
Галоць, вращівъ, ворощъ обіла
На стрісі зібралося!

Крїюкають, мавчють, мекочуть
Всіми голосами:
То заміють, те шенечуть.
Бражчють лашцогами!

»Ну, Твердовський, другу сираву
 Віграли чортяки.«
 — »Не кваптесь лишь, ще на славу
 Втру я вамъ кабаки.

»Кудь програєть, нуць віграєть сираву, —
 Ще якъ доведеться.
 Віграй третю. Глянь на лаву:
 Що тобі здаєтьця?

»Цмбкнись зъ жінкою моєю.
 Вона твої буде;
 Якъ я живъ на світі зъ нею —
 Про те знають люде.

»Будь ти їй за чоловіка
 (Остатня умбоа),
 Присягайся любитъ до віка,
 Та тоді й ні слова!

»Нехай піпъ вамъ руйи зв'яже.
 Теперъ, по оїй мові,
 Люде добрі, що чортъ снаже —
 Бувають здорові!»

А чортові не-до-соли;
 Хвостикомъ киває,
 Нісь скоп'яливъ, мовъ гринджбан,
 И дверей шукає.

Стрибъ по хаті, хапъ за клімку;
 Твердовський по піці,
 Трисъ по гірі! — розбієть шклянку
 И горщикъ зъ цоліці.

»Эй, не бійсь, кажу, Твердовський!
 Гвалть, рятуйте, люде!
 Бо вілаю по-бісовській,
 Тяжко слухать буде.»

А тимъ часомъ скієть къ одвірку —
 Ну цаномъ стрибати!
 Зъ прогінача зуздрий дірку,
 Та й щморгнувъ цзъ хати....

»Ой! держіть, ловіть псаюху!
Усі загукали;
А псаюхи нема і дѣху:
Поминай, якъ звали!

»Жінко любе, годі планати,
Твердівський озвѣсе:
»Хотівъ зъ чортомъ васъ посвѣтати,
Та й чортъ залакався.

»Мабуть, всі черті — бурляки
Та ще й рбаумъ мають,
Знають, де зімуть раки —
Одъ жіноць втівають.

»Можє, въ пеклі бинше діло;
Въ насъ сѣгѣ немає:
Жінка гризє дѣху і тіло,
Мужикъ поминає.

»Нѣте жъ, хлопці, швидко, швидко!
Музики, заграйте!
Гей, шинкарьо! Гей, шинкарьо!
Горілки давайте!»

РИБАЛКА.

Малороссійская баллада.

Das Wasser rauscht, das Wasser schvöll.
Ein Fischer sass daran,
Sah nach dem Angel ruhevoll,
Kühl bis ans Herz hinan.

Goethe.

Водá шуміть!... водá гулѣ!...
На березі *Рибалка* молоденький
На полавецъ глэдѣть и приволья:
Ловітца, рибонькі, великі и маленькі!

Що рѣбка смикъ, то сѣрце тѣхъ!...
Сѣрденько щось *Рибалочці* віщє:
Чи то тугѣ, чи то переполохъ,
Чи то коханнячко?... не зна вінь, а сумѣ.

Сумѣ вінь, — ажъ ось реве!
Ажъ ось гудѣ! — и хвіля утікѣ!...

Ажъ — гулькѣ!... зъ воді дівчинонька пливѣ,
И кбсу счісуе, и бривками моргае....

Вона й морга, вона й співа:

»Гей! гей! не надь, *Рибалко* молоденький,

»На зрадний гакъ ні щўки, ні линя!...

»На щб ти нівечишь мій рідъ и пайдъ любенький?

»Колібъ ти знавъ, якъ *Рибалкамѣ*

»У морі жить изъ рибками гарненько,

»Ти бь самъ пірнувъ на дно къ линямъ

»И парубоцькее оддавъ би намъ серденько!

»Ти жь бачивъ самъ, — не скажешъ: *ні*, —

»Якъ сбнечко и місяць червоненький

»Хлюпощутця у насъ вь воді на дни

»И изъ воді на світь виходять веселеньїи!

»Ти жь бачивъ самъ, якъ вь тёмну нічъ

»Блищать у насъ зірбьки підъ водою:

»Ході жь до насъ, покінь ти ўдку прічъ:

»Зо мнбю бѣдешъ жить, якъ братъ живѣ зъ сестрою!

»Зирні сюді!... чи се жь вода?...

»Сѣ дзеркало: глянь на свою урбду!...

»Ой, я не зъ тимъ прийшла сюда,

»Щобъ намовлять зъ воді на парубка незгбду!«

Вода шуміть!... вода гудѣ....

И нїженьки по кісточкї займѣ!...

Рибалка вставъ, *Рибалка* їде,

То спїнитця, то впить все глїбшенько пїрваѣ!...

Вона жь морга, вона й співа....

Гулькѣ!... прїснули на сїнімъ морі скалки!...

Рибалка хлюпъ!... За нимъ шуббвсть вона!...

И бїльше вже нїгдѣ не бачили *Рибалки*!...

БАТЬКО ТА СИНЪ.

Басня.

»Эй, Хведьку, вчїсь! Эй, схаменїсь!«

Такъ Панотець казавъ своїй дитїні:

»Шануйсь! бо, дїлябі, колїсь

Тму, мму, здо, тло — спїшў на спїні!«

Хведько не вчїсь — и скоштувавъ

Березової кашки,

Та впить не вчїсь и пустувавъ:

Побивъ шибки и пляшки;
И щобъ не скоштувати одъ Батька різочкѣ,
Вінъ різку вперъ въ огонь, та й заховався въ кутокъ.
Ажъ батько за чубъ хіпъ! и, не знайшовши різки,
Дрючкомъ Хведька разівъ изъ шість оперезавъ!...

Тоді Хведько крізь слізки

Такъ Батькові сказавъ:

»Колі́бъ було ешатті́, що гасидська дрючда
Такъ дуже дошкулі́, то, песька я дитина,

Колі́бъ я такъ робивъ:

Я бѣ вперъ дрючкѣ въ огонь, а різку бѣ не жалівъ!

РИБКА.

Басня.

Въ ставочку Пліточка дрібненька
Зъ нечєвѣя зүдрила на ўдні червяка,
И такъ була раденька!
И дүмка-то була така,
Щобъ підвечіркувати смачнєнько.
Ну, дєйко до єго швидєнько!

То зъ-бѣку ускубіє,

То зъ-пєреду поцүпить,

То хвєстика лизнє,

То зъ-низу внять підстүпить,

То вірне, то пірнє,

То сіпнє, то смєкнє,

Вовгүзятця, лаврїятця и чрїє,

Та бачи ты ротнїя такє узєнькє, бачь,

Що нічого не вдїє!

Хочъ сядь, та й плачь!

»Ой гѣрєнько менї на свїтовьку«, мовляє,

»За щѣ менє такъ доля зневажєе?

Тимъ пєльку и живїть далє сь ковальский мїхъ,

Тимъ зүби мовъ шпичкї, а намъ, на глушъ, на смїхъ,

Ротъ шпїядєвою рєнєдє простромїла!...

Ой, правду дїдина небѣга говорїла:

Що тїльно на свїті великимъ рїбамъ жити!

А намъ жалївъ въ кулакъ трубіть!»

Такъ Пліточка въ водї на долю нарікає,

А на гачку червякъ все хвєстикомъ киває!...

Червякъ кивє, — ажъ ось, зі дна

Гулькъ Щүда! бовты!... вона

За ўдку хїць!

А ўдка сіпъ!

Зъ воді шубовствъ въ окріпъ!...
 »Ой лішечко! оцѣ жъ якъ дідина збрехала!...«
 Изъ ліку Пліточка сказала,
 И більшь не скаржилась на долю пліточокъ
 За ласенький на ўдочці шматокъ:
 Щобъ Богъ пославъ, — чи то багáто, чи то трбшки —
 Въ кушірѣ залізиши, іла мбвчки.

ДО ПАРХОМА.

I.

Aequam memento rebus in arduis
 Servare mentem: non secus in bonis, etc.

Horat. Lib. II. Od. 3.

Пархóме! въ щáсті не брикáй!
 Въ нудзі притьомъ не лизь до нѣба,
 Людѣи пита́й — свій розумъ май;
 Якъ не мудру́й, а вмѣрти трѣба!
 Чи карата́ешъ вікъ въ журбі,
 Чи то, за поставце́мъ горілки,
 Въ шинку́ нарізують тобі
 Цимбáли, кобзи и сопілка;
 Чи п'я́ний підъ тиньомъ хропѣшь,
 Чи до господи́ лізешъ рáчки
 И жінку́ мако́гономъ б'єшь,
 Чи самъ товчѣсе́я на вкудáчки;
 Орі́ и засівáй лані́,
 Косі́ ширбкі́ перелóги,
 И грóшки за баштані́
 Лу́й, — та все одкíнешъ но́ги.
 Покíнешъ все: стіжкí́ и скиртá,
 Всі́ лáсоці́: паслiнъ, цибу́лю;
 Загáрба́ йнши́й все, а ти
 Заісі́ за гірку́ пра́цю дѣлю....
 Чи со́цькимъ ба́тько твiй въ селі́,
 Чи самъ на пáнщині́ пра́цює,
 А смерть зрiвнiє́ всiхъ въ землі́:
 Ї́ти зъ нимъ скаже́на не жарту́є....
 »Чи чини́, чи лiжи́?» загу́й;
 Ты кри́кнешъ: чини́!... »Ба́ брѣше́шь, сáду!«
 Озвѣтця́ пáплюга́ съ куткá,
 Та́ й зчу́пить зъ пѣ́чі въ домовiну....

ДО ЁГО ЖЪ.

II.

Tu ne quaesieris, scire nefas, quem mihi quem tibi
Finem Di dederint, Leuconœ; nec Babylonios
Tentaris numeros, etc.

Horat. Od. 12.

Пархóме! не мудруй, ворожки не питай,
Якъ довгий вiкъ прокаратаешъ;
Що викувала вже зозула, — проживай,
А бiльше.... шкода, що й бажаетъ!
Хочь всiхъ ти упирiвъ зберi и знахурiвъ,
Хочь покумайся ти зъ видьмами:
Нiхтó не скаже намъ, такъ якъ би ти хотiвъ,
Що дóля завтра зробиць зъ нами.
Чи доведеться ще подúшне заплатиць?
Чи до снаги вже розплати́вся?
На щó, про щó тобі надъ цiмъ чупрiну грiть!
Дурний, дурний! а вь школи вчiвся....
Терий! за дóлею, куди похнiв, хли́сь,
Якъ хли́тиця одь вiтру гiлка.
Чи бóдешъ жить, чи вирешъ, Пархóме, — не журiсь;
Журiсь обь тiмъ, чи е горiлка!...
А е, такъ при на стiгi! частуй, та й самъ круглий.
Чи намъ, Пархóме, трéба скiльки?
Та вже жь — чи вкорочать свiй вiкъ, то вкорочай
Вь шинку надъ ббчюю горiлки.
Отъ, ми базикаемъ, а часъ, мовъ вiль зъ горi,
Чухра, ёго не налiгаешъ.
Отъ, скiльки бь вiплии до сiбi ми порi,
Такъ ти жь будiмъ не дочуваетъ.
Ну жь! цупъ остáнню ти гривнiку зъ кашшукá,
Покi старá перé ганчiрки;
Бо вже — якъ вёрнетця, то думка, бачъ, така,
Що помремó обiдва безъ горiлки.

Вотъ все, что намъ извѣстно, посредствомъ печати, изъ украинскихъ сочинений г. Артемовскаго-Гулака. Какое же мѣсто занимаетъ онъ въ нашей юной словесности, получившей права гражданства только въ недавнее время? Мы говорили о природныхъ задаткахъ его таланта. Если бы г. Артемовскій-Гулакъ умеръ, написавши только *Пана та Собаку*, то, по надеждамъ, какія должно возбудить подобное произведение начинающаго писателя, мы бы сказали, что лишились въ немъ великаго по-

эта. Но авторъ стихотворной трагикомедіи благополучно остается въ живыхъ, даритъ насъ еще нѣсколькими пьесами, уже слабѣйшими по изложенію и не столь значительными по содержанию, наконецъ совѣмъ умолкаетъ. Эти обстоятельства сбавляютъ много цѣны первому его произведенію и ставятъ его талантъ въ разрядъ пассивныхъ талантовъ, которые слишкомъ подчинены общему настроенію умовъ своего времени, не въ силахъ сдѣлаться органомъ благороднѣйшаго меньшинства, иногда безразлично затеряннаго въ толпѣ, и неспособны стоять одиноко посреди общества съ своими безсмертными убѣжденіями. Отдавая, однакожь, должную дань уваженія предшественникамъ нынѣшнихъ писателей, сошедшимъ съ литературной арены, мы должны признать за г. Артемовскимъ-Гулакомъ великую заслугу относительно развитія украинскаго слова послѣ Котляревскаго. Его языкъ до сихъ поръ не потерялъ цѣны своей и заслуживаетъ прилежнаго изученія. Въ наше время измѣнился вкусъ относительно выбора предметовъ рѣчи и самихъ оборотовъ; но, независимо отъ этого поворота, произведеннаго въ насъ болѣе шимъ противъ прежняго уваженіемъ къ народу, формы языка, сила выраженія, разнообразіе оттѣнковъ слова, гибкость и вмѣстѣ мужественная дебелисть рѣчи — все это придаетъ немногочисленнымъ произведеніямъ г. Артемовскаго-Гулака высокое достоинство. Мы тѣмъ болѣе дорожимъ его стихотвореніями, что въ послѣднее время исчисленныя нами литературныя достоинства начали упадать у нѣкоторыхъ изъ нашихъ писателей, подававшихъ большія надежды, и замѣняться небрежностью и слабосиліемъ, обыкновенно сопровождающими работу спѣшную и такъ сказать насильственную. Такимъ писателямъ языкъ г. Артемовскаго-Гулака можетъ быть полезнымъ упрекомъ въ неуваженіи къ дѣлу литературы. Глядя съ этой стороны на его литературную дѣятельность, мы должны приписать его продолжительное молчаніе благородному, чуждому пустого славолюбія, сознанію, что сдѣлано имъ столько, сколько, по его силамъ, возможно было сдѣлать. *Quid potui, feci; faciant meliora potentes*. Эти слова мы вкладываемъ въ мысль безмолвствующаго поэта, для котораго наступило уже потомство, съ новыми воззрѣніями на предметы творчества, съ новыми, въ его время неизвѣстными, стремленіями.

П. К у л и ш ъ.

6 января 1861.

С. Петербургъ.

ЧЕРТЫ

НАРОДНОЙ ЮЖНОРУССКОЙ ИСТОРИИ.

I.

ЮЖНОРУССКАЯ ЗЕМЛЯ. — Поляне-Русь. — Древлане (Польсье). — Волинь. — Подоль. — Червоная Русь.

Древнѣйшія извѣстія о народахъ, занимавшихъ Южнорусскую Землю, очень скудны; впрочемъ, не безъ основанія, руководствуясь какъ географическими, такъ и этнографическими чертами, слѣдуетъ отнести къ южнорусской исторіи древнія извѣстія объ Антахъ, по крайней мѣрѣ къ юго-западной отрасли этого народа. По извѣстію нашего лѣтописца, Улучи, Бужане и Тиверцы имѣли много городовъ по Бугу и Днѣстру вплоть до устья Дуная и до моря; они назывались у Грековъ Великая Скуфь. Лѣтописецъ нашъ понималъ такъ, что подъ этимъ народомъ должно разумѣть народъ, извѣстный Грекамъ; и дѣйствительно мы встрѣчаемъ у греческихъ писателей Антоуъ — народъ славянскаго происхожденія, на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ. Не возможно, чтобъ подъ именемъ Антоуъ разумѣлись только Днѣстринскіе жители; безъ всякаго сомнѣнія, этому имени придавали пространнѣйшее географическое значеніе. По толкованію ученыхъ, *антъ* есть прозваніе старонѣмецкое (*Szafazik*, 402) и значитъ *великанъ*; это наводитъ насъ на предположеніе, что слово Антъ должно быть тоже названіе, что и *Великая Скуфь* нашего лѣтописца. Невольно мы встрѣчаемъ соотношеніе съ южнорусскимъ преданіемъ о томъ, что въ Украинѣ, въ древности, жили люди исполинскаго роста — *Вѣлетмі*, т. е. великаны, ходившіе съ цѣлой сосной въ рукѣ, опираясь на нее какъ на палку. Это высокорослое племя оставило свои слѣды въ тѣхъ земляныхъ валахъ и *моглахъ* (курганахъ), которыми усыпана Южная

Руей. За свои грѣхи и за вражду между собою, они были потоплены; послѣ нихъ явились другіе великаны, — погибли тоже въ свою очередь, — и съ тѣхъ поръ родъ человѣческій началъ мельчать. Преданіе о великанахъ теперь уже сбилось съ пути и, кажется, въ немъ надобно искать два преданія: въ одномъ, народъ признаетъ великановъ, предками своими, воображаетъ, что прежде родъ человѣческій былъ рослѣе и массивнѣе, а впоследствии измельчалъ, а въ другомъ признаетъ великановъ враждебными предкамъ народа, къ которому принадлежатъ рассказчики, и даже перѣдко самихъ этихъ великановъ считаетъ болѣе фантастическими чудовищами, чѣмъ людьми. Эти великаны имѣютъ соотношеніе съ змѣями, столь значительное мѣсто занимающими въ нашихъ сказкахъ, и, какъ видно, суть тоже, что въ лѣтописныхъ преданіяхъ древніе Обры (Чешск. Обр, Польск. Olbrzym — великанъ), враги и мучители Славянскаго племени.

Слово *Вѣлетни* и преданія о древнихъ исполинахъ указываютъ на сходство, а, можетъ быть, и единство ихъ со словомъ *Вельняне*, которыми, по словамъ нашей лѣтописи, замѣнились народныя названія Бужанъ и Дулибовъ. У лѣтописца нашего говорится въ одномъ мѣстѣ »Бужане, послѣ же Вельняне«, а въ другомъ мѣстѣ, ниже перваго, »Дулѣбы сядяху по Бугу, гдѣ нынѣ Вельняне«. Или Дулибы были славянская вѣтвь, впоследствии замѣненная другою, или же одно названіе, древнее, одного и того же народа замѣнилось другимъ — Вельняне.

Слѣды названія Дулибовъ остались до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ по Горыни. Такъ на рѣкѣ Туріи есть деревня Дулибы, между Никополемъ и Гущею (въ Ровенскомъ уѣздѣ); три деревни подъ этимъ именемъ, въ восточной Галиціи, на рѣкѣ Стрипѣ и въ губерніи Подольской; сверхъ того, созвучныя названія попадаются и въ другихъ мѣстахъ Руси, даже не южной; напримѣръ — Дулебчина въ Гродненской губерніи. Это распространеніе имени Дулибовъ по пространству Русскаго міра указываетъ, что оно нѣкогда имѣло значеніе шире и не ограничивалось однимъ только краемъ на Волыни.

Слово Вельняне кажется имѣть тождество съ *Вельнянами* Массуди, которые были нѣкогда сильнымъ народомъ, имѣли своего князя Мажека. Это указываетъ какъ бы на то, что въ древности народы южнорусскіе составляли одно тѣло, въ известной степени сильное, которое приняло названіе Вельнянъ, т. е. великаго народа. *Велинний* значитъ тоже, что *великій*, тоже что *антъ*. А какъ подъ именемъ Антовъ разумѣли не какой-нибудь частный этнографическій признакъ, но большой отдѣлъ сла-

вянского племени, то, вѣроятно, и подъ Велынянами разумѣется не одинъ какой либо народъ, а союзъ южнорусскихъ народцевъ. Итакъ, названіе Антовъ и Велынянъ и преданія о *вѣлетняхъ* состоятъ между собою въ связи и указываютъ на древнее единство и взаимную связь народовъ Южной Руси.

Западная часть этого народа, уже близъ самыхъ горъ Карпатскихъ, носила названіе *Хорватовъ*. Правдоподобно производятъ это имя отъ *hrb* — *холмъ*, и въ такомъ случаѣ Хорваты будутъ тоже, что Гуцулы (или Горали) — жители Карпатскихъ горъ и ихъ подножія. Назывались ли Хорватами жители восточной Галиціи къ границамъ нынѣшней Россіи? Едва ли. По Днѣстру, какъ говорятъ, жили Улучи и Тиверцы; слѣдовательно, жители побережья этой рѣки не назывались Хорватами.

Хорваты, конечно, были близки къ Тиверцамъ и Улучамъ, ибо теперь потомки Хорватовъ, какъ потомки послѣднихъ, — Южноруссы по языку, съ незначительными мѣстными отиѣнами.

Давнее знакомство съ Греками, вѣроятно, способствовало цивилизации южнорусскаго народа и, конечно, она бы стояла на значительной степени, если бы притомъ не препятствовали ей развитію безпрестанные находы съ востока дикихъ ордъ, причинявшихъ ему разореніе. Онъ былъ народъ земледѣльческій: объ этомъ свидѣлствуютъ Греки въ описаніи Антовъ; да и изъ нашихъ лѣтоисцевъ это видно, какъ показываетъ самое преданіе о томъ, что Обры запрягали Дулибовъ въ плуги. Обрядъ, отправляемый отцомъ семейства въ сочельникъ, по своему сходству съ обрядомъ Свантовитова богослуженія въ Арконѣ, указываетъ на свою древность и, своимъ характеромъ, свидѣлствуетъ о древности земледѣлія у южно-русскихъ Славянъ.

Множество городовъ у Днѣстрианскихъ жителей, Улучей, показываетъ, съ одной стороны, небезопасность края, гдѣ жители подвергались непріятельскимъ набѣгамъ и должны были укрываться въ укрѣпленныхъ городахъ; съ другой — извѣстное развитіе осѣлости и цивилизаціи, ибо, не смотря на опасности, они, вмѣсто того, чтобы, подобно вомадамъ, уйти прочь, предпочитали лучше оставаться въ опасномъ краѣ и изыскивать средства для своего огражденія. Устройство городовъ указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ на существованіе въ странѣ администраціи, ибо гдѣ были города, тамъ, конечно, къ городамъ принадлежали округа: такъ вездѣ было у Славянъ. Сильнымъ и энергичнымъ народомъ въ тѣ времена, кажется, они не были, потому что ихъ легко покоряли чужеземцы, какъ и удалось Олегу.

Степень цивилизации частей южнорусскаго народа издревле была различна. Такъ, по извѣстиямъ нашего лѣтописца, Поляне изображаютъ цивилизованнѣе Древлянъ. Поляне знаютъ бракъ; у Древлянъ, какъ и у другихъ первобытныхъ народовъ, удерживалось *умыканье* дѣвиць. Какъ ни подозрительно могло бы казаться предпочтеніе, оказываемое, въ отношеніи нравственнаго образованія, Полянамъ предъ Древлянами лѣтописью, но дѣйствительно Поляне имѣли болѣе залога цивилизаци, чѣмъ Древляне: первые обитали близъ большой рѣки и, слѣдовательно, могли завести удобнѣе знакомство съ образованною Греціей и съ берегами Тавриды, гдѣ еще сохранялись остатки древней образованности; походъ Кія подъ Цареградъ, переселенія Кія на Дунай и обратно, — все это преданія, въ которыхъ несомнѣнно одно: давнее знакомство Полянъ съ Греціей.

Договоры Олега и Игоря достаточно показываютъ древность сношеній Полянъ-Руси съ Югомъ. Все, что говорится въ этихъ договорахъ о Руси, относится должно не только къ чужеземной Руси, пришедшей въ кievскую сторону, но и къ туземцамъ — Руси-Полянамъ, ибо въ договорѣ Олега говорится о *возобновленіи* бывшей между христианами и Русью любви. Эта бывшая любовь конечно существовала между славянскими племенами и Греками. И не только у Поляновъ, но отчасти и у другихъ Славянскихъ народовъ, которые чрезъ посредство Полянъ имѣли сношенія съ Греками. Видно, что они строили лодки и плавали по Дикпру, ходили на море не для разбоевъ, а для мирныхъ сношеній; одни ловили рыбу на Бѣлобережѣ, то есть, у устья Дуная, другіе, съ тою же цѣлю, плавали къ берегамъ Тавриды. Нѣкоторые ходили въ Царьградъ на работы и проживали на службѣ въ императорскомъ войскѣ. Очевидно, что эти извѣстія въ договорѣ относились не къ одной Прусской Руси, но и къ тѣмъ, съ которыми смѣшалась эта Русь. Въ Царьградѣ жили русскіе торговцы и, вѣроятно, торгъ, который они вели съ Греками, былъ выгоденъ для послѣднихъ, когда гости получали отъ императора мѣсячину. Договоры Олега и Игоря говорятъ много объ огражденіи какъ Русскихъ, такъ и Грековъ, въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ, отъ порабоженія личностей. Отсюда кажется достовернымъ, что самыя войны Олега и Игоря возникали вслѣдствіе споровъ между Полянами въ Кіевѣ и Византіи, — что однимъ изъ предметовъ этихъ споровъ было то, что торговцы и промышленники попадались въ рабство; ибо тотъ и другой договоръ стараются прекратить торговлю людьми и обязуютъ съ обѣихъ сторонъ отпускать и выкупать изъ плѣ-

на какъ Русскихъ, такъ и Грековъ, въ ихъ вѣдѣнныхъ дѣлахъ. Существованіе гостей у Полянъ показываетъ, съ одной стороны, значительное развитіе экономическаго быта, а съ другой — неравенство въ распредѣленіи состоянія. Уже тогда существовали *челодимки*. Неизвѣстно, въ какомъ отношеніи они были къ другимъ сословіямъ — наемные или рабы, — и на какихъ началахъ? У Русскихъ были продажные рабы въ X столѣтіи: это видно изъ Святославовыхъ словъ, что *изъ Руси идетъ шкура, воскъ и челядь*. Такимъ образомъ, въ числѣ вывозныхъ русскихъ товаровъ въ Грецію были невольники. Но въ договорахъ Олега и Игоря хотя и говорится о *быломъ челядимъ*, но въ тоже время духъ договоровъ клонится къ пресѣченію порабощенія личности, такъ что подъ *челядиномъ* можно повидимому разумѣть служителя, убѣжавшаго отъ договора съ господиномъ, ибо выраженіе *поработити* равносильно — *убить: аще обратитъ Русь кубару греческую въ ержену на коемъ мѣстѣ, да не преобидятъ ея; аще ли возметъ отъ нея кто что, ли челоуька поработити, или убьетъ, — да будетъ повиненъ закону руску и греческу*.

Отправляя въ Грецію шкуры, медъ и воскъ, Поляне получали оттуда паволоки, матеріи, бывшія тогда въ употребленіи, и одежды; предметы эти были признакомъ богатства и зажиточности. Другіе товары, приходившіе изъ Греціи, были: вино, овощи и металлы. Поляне знали употребленіе металловъ и монеты. Изъ Греціи они получали золотыя монеты, съ Дуная (изъ Угровъ) серебро. Въ договорахъ Олега и Игоря цѣнность означается *греческими златицами*. Все это показываетъ достаточную зажиточность, по крайней мѣрѣ между нѣкоторыми, и знакомство съ цивилизаціей.

Знакомство съ Греціей распространило между Полянами христіанство. Едва ли можно предположить, чтобъ только съ половины IX вѣка, то есть съ Аскольда и Дира, проникло христіанство въ Кіевъ; легенда объ апостолѣ Андрѣеѣ есть не что иное, какъ апофеозъ памяти о древнемъ христіанствѣ въ той странѣ. Не можетъ быть, чтобы христіанская вѣра не проникла туда издавна путемъ торговли и путемъ проповѣди. Съ половиною IX вѣка мы узнаемъ уже объ открытомъ крещеніи Руси, отъ многихъ византійскихъ лѣтописцевъ. Патріархъ Фотій, въ окружной своей грамотѣ, оповѣстилъ отрадное и счастливое для всей христіанской Церкви событіе — обращеніе Руссовъ. Съ тѣхъ поръ христіанская вѣра расцвѣтала въ Кіевѣ и расширялась. Въ договорѣ Игоря мы встрѣчаемъ и церкви, — церковь Илии, которая была соборная; изъ этого видно, что были

еще и не соборныя. Лѣтописецъ, назвавъ эту соборную церковь, замѣтилъ, что и многіе Варяги были крещены. Видно, христіанство было настолько распространено, что могло привлечь къ себѣ скоро пришельцевъ; еслибъ число Христіанъ было не значительно, то христіанство едва ли могло бы имѣть такое вліяніе на нихъ, будучи религіею только немногихъ. Христіанству можно было научиться въ Кіевѣ; такъ научилась ему и сдѣлалась христіанкою мать Святослава. Язычество, хладнокровно смотрѣвшее на то, что новая вѣра болѣе и болѣе приобрѣтала поля, только при Владимірѣ оказало дѣятельную оппозицію. Владиміръ поставилъ на холмѣ боговъ, собравши какихъ могъ — и славянскихъ и литовскихъ. Онъ, какъ кажется, облакалъ прежнее язычество въ болѣе опредѣлительныя формы. Подъ 983 годомъ лѣтописецъ рассказываетъ о челоувѣческой жертвѣ, устроенной Владиміромъ; кажется, этотъ поступокъ былъ не жертвоприносительнымъ, но выраженіемъ мщенія, ибо для жертвы избранъ былъ христіанинъ; точно такъ и впоследствии Литовцы вообще отличались нетерпимостію къ христіанству, всегда ссорились съ новою вѣрою и приносили въ жертву своимъ богамъ изъ Христіанъ, вапрімѣръ, плѣнниковъ нѣмецкихъ. Такъ какъ вѣра Христіанская стала уже сильно распространяться, Владиміръ принялъ сторону язычества и, тогда, конечно возникла оппозиція со стороны Христіанства. Владиміръ отличался деспотическими наклонностями. Кажется, этому способствовали, съ одной стороны, вліяніе Грековъ, которые уже приносили въ Кіевъ понятіе о царственности и величіи своихъ царей, съ другой — вліяніе Хазаръ. Не даромъ, въ рѣчи своей на память Владиміра, Іаковъ называлъ его Каганомъ. Коль скоро Хазарское слово Каганъ вошло въ Русь, то, конечно, вошло до извѣстной степени и понятія восточныя. Именно хазарскимъ нравамъ слѣдуетъ приписать и это сладострастіе Владиміра, эту толпу женъ и наложницъ. Онъ началъ преслѣдованіе на Христіанъ, и жертвоприношеніе Варяга было однимъ изъ проявленій такого преслѣдованія. Подъ 988 годомъ рассказывается у лѣтописца, что вдругъ являются въ Кіевѣ разныхъ вѣръ учителя: они всѣ хотѣли обратить въ свою вѣру князя и народъ. Чтó значить такое внезапное явленіе, отъ чего они узнали, что въ Кіевѣ можетъ быть переменна вѣры? Чтó заставило Владиміра искать вѣры, когда онъ передъ тѣмъ былъ такимъ ревностнымъ язычникомъ и притомъ, какъ кажется, утвердителемъ языческой религіи? И вдругъ этотъ князь измѣняетъ ей? Вѣроятно, оппозиція язычеству со стороны Христіанства взяла въ Кіевѣ верхъ; князь долженъ былъ уступить, и самъ князь, вѣрно, увлекаясь большин-

ствомъ, началъ сомнѣваться въ божественности своихъ болвановъ. Подобное стеченіе вѣроучителей въ одно время могло быть только тогда, когда къ этому располагали внутреннія обстоятельства страны, куда сошлись эти вѣроучители. Почти несомнѣнно, что принятіе крещенія Владиміромъ было не безъ того, что къ этому располагало его существованіе сильной партіи между Кіевлянами, исповѣдывавшей Христіанство и притомъ Христіанство православнаго закона, восточнаго. По извѣстію лѣтописца, когда онъ собралъ бояръ своихъ и городскихъ старцевъ и началъ съ ними совѣтоваться, какую ему вѣру выбирать изъ нѣсколькихъ предлагаемыхъ, тогда большинство признало, что лучше избрать греческую, и указывало на примѣръ Ольги, называемой ими мудрѣйшею всѣхъ челоуѣковъ. Конечно, коль скоро образовалось понятіе о превосходствѣ Греческой вѣры предъ другими, то это показываетъ знакомство съ нею и, слѣдовательно, большее въ сравненіи съ другими ея распространеніе. Многочисленностію православныхъ христіанъ въ Кіевѣ до крещенія Владиміра объясняется и та покорность толпы, съ которою Кіевляне стремились креститься по приказанію Кіевского князя. Вѣрно, многіе изъ некрещеныхъ уже были расположены къ Христіанству по наученію своихъ близкихъ и сами не смѣли креститься, а были очень довольны, когда князь уступилъ общему духу. Совсѣмъ иное произошло въ Новѣ-городѣ, куда Христіанство проникало не такъ удачно и не такъ давно, какъ въ Кіевѣ. Тамъ Добрыня долженъ былъ употреблять оружіе и огонь, чтобъ приводить Новгородцевъ на путь истины и спасенія.

Безъ сомнѣнія, сравнительное предъ сосѣдями превосходство цивилизаціи Кіева и Полянъ еще въ язычествѣ, содѣйствовало тому, что этотъ народецъ содѣлался послѣ крещенія центромъ, связующимъ остальные племена Славянъ. Иными являются Древяне, ихъ сосѣди. Здѣсь опять приходится тоже сказать, что сказано уже по поводу Полянъ. Описаніе Древянъ въ черныхъ краскахъ, какъ, напротивъ, противниковъ ихъ Полянъ въ свѣтлыхъ, показываетъ, что лѣтописецъ не былъ изъятъ отъ народной нелюбви къ Древянамъ, какъ не былъ изъятъ отъ привязанности къ Полянамъ. Но если мы сознаемъ, что и географическія условія и обстоятельства располагали Полянъ къ полученію и развитію въ себѣ большей образованности, то съ другой стороны Древянамъ подобныя условія препятствовали къ ея достиженію. Древяне жили въ непроходимыхъ, дремучихъ лѣсахъ, а лѣсная жизнь, извѣстно, способствуетъ къ одичанію; земля ихъ была менѣ плодородна, скуднѣе было путей сообщенія, которые бы знакомили ихъ съ образованнымъ міромъ. Изъ разсказовъ,

которые летописец помѣщаетъ по поводу прибытія пословъ Мала къ Ольгѣ, видно, что о нихъ ходили такіе же анекдоты, обличающіе ихъ глупость, какіе и теперь ходятъ о Полѣщучкахъ, потомкахъ старинныхъ Древлѣнъ. Такъ, древлѣнскіе послы некстати говорятъ: »мы не идемъ и не ѣдемъ на лошадахъ, а несите насъ въ ладьяхъ;« и когда ихъ несли въ ладьи, о нихъ говоритъ летописецъ, что они *въ перебѣлахъ въ великихъ суступлахъ гордящеся*. Ольга заманила ихъ въ западню. Цѣль разсказа такова, чтобъ показать глупость и несмышленость Древлѣнъ, что они не могли предвидѣть своей бѣды. Въ томъ вѣкѣ, когда такъ слабы были узы обществъ, сила и хитрость брали верхъ и умъ измѣрялся именно тѣмъ, чтобъ не попасть въ обманъ. Повѣсть не ставитъ въ упрекъ Ольгѣ ея вѣроломныхъ поступковъ, но выставляетъ глупымъ народъ, который легко было надуть. Древлѣне не были знакомы съ духомъ мести, и потому такъ довѣрились; это показываетъ, что у Славянъ вообще она была мало развита: иначе, если бы даже предположить, что у Полянъ существовала святость мщенія, а у Древлѣнъ ея не было, то все-таки послѣдніе не довѣрились бы своимъ врагамъ; но еще не зная пришельцевъ съ Балтійскаго поморья, они думали, что можно и съ ними поссориться, и потомъ помириться безопасно. Ольга пользуется новостью обычая, а уважительный тонъ повѣсти объ Ольгѣ показываетъ, что Славяне стали сами заимствовать этотъ обычай; впоследствии онъ какъ будто пропадаетъ, ибо даже въ дракахъ нашихъ позднѣйшихъ князей замѣчается, какъ онъ смягчался и исчезалъ; несомнѣнно, что, кромѣ христіанства, на ослабленіе его дѣйствовалъ также перевѣсъ Славянскаго элемента передъ пришлымъ. Изобіеніе Древлѣнъ на тріизнѣ, устроенной Ольгой въ честь Игоря, и самое затѣйливое мщеніе княгини посредствомъ воробьевъ и голубей—все это показываетъ, что Древлѣнъ почитали глуповатыми и простаками.

Изъ всѣхъ извѣстій, переданныхъ намъ летописцемъ, видно, что у этого народа сохранились первобытные обычаи, которые у Полянъ уже измѣнились подъ вліяніемъ нѣскольکو высшихъ понятій. У Древлѣнъ было не нравившееся летописцу умыканье дѣвицъ у воды, столь общее всѣмъ почти первобытнымъ народамъ. Имъ извѣстно было земледѣліе, ибо Ольга, склоняя Коростѣнѣнъ поддаться, выражается о другихъ Древлѣнѣнахъ, что они *дѣлаютъ нивы своя и землю свою*; они занимались скотоводствомъ и овцеводствомъ, когда употребляютъ сравненіе Игоря съ волкомъ, когда этотъ звѣрь ворвется между овецъ; какъ у лѣснаго народа, у нихъ было въ изобиліи звѣродовство и пчеловодство, ибо дава-

ли дань шкурами и медомъ. Они были, какъ кажется, раздѣлены на мелкія области, ибо говорятъ: *наши князи*. За одного изъ нихъ, можетъ быть главнаго, Мала, приглашали ятти замужъ Ольгу; — несчастное сватовство, кончившееся порабощеніемъ Древлянъ.

Живя въ лѣсныхъ деревняхъ, Древляне строили города, которые, по общему славянскому обычаю, имѣли значеніе господствующихъ мѣстностей. вмѣстѣ съ тѣмъ, города были мѣстомъ большей цивилизаціи, состоящей въ земледѣліи; города древлянскіе не были тѣмъ, чѣмъ впоследствии обозначалось это названіе, а селами: жители занимались земледѣліемъ. Въ деревняхъ занимались болѣе звѣроловствомъ. Всѣ города съ землями составляли одну союзную Землю, и существовало сознание ея единствѣ, потому что когда Ольга покоряла Древлянъ, то обходила съ сыномъ Святославомъ *всю* Древлянскую землю.

По покореніи Древлянской земли, Ольга установила въ ней ловища, мѣста для ловли и сноса звѣриныхъ шкуръ, которыя составляли дань. Древляне должны были ловить звѣрей и доставлять шкуры въ Кіевъ и Вышгородъ. Покореніе Древлянъ было не только подданствомъ, но порабощеніемъ: Ольга оставила только *прокъ ихъ* для платежа тяжелой дани, а другихъ отдала въ работу своимъ мужамъ. Соображая богатства Русской Земли, шедшія, по словамъ Святослава, въ Грецію, видно, что дань, наложенная на Древлянъ, была выгодна для Кіева по торговлѣ съ Греціею. Плоды трудовъ Древлянъ переходили въ Кіевъ въ руки князей и бояръ и отправлялись въ Византію, промѣнивались тамъ на произведенія юга и, конечно, сами Древляне не имѣли никакой выгоды; порабощенные, они должны были работать для господъ.

Покореніе Древлянъ способствовало въ формированію и усиленію высшаго класса, осѣдлости пришлыхъ Руссовъ и смѣшенію народностей. Еслибы принимать произвольно созданную нашими историками-исследователями теорію родового быта съ патріархами—родоначальниками, еслибъ родовая связь поглощала семейную, тогда надобно было бы принять издревле строгое аристократическое начало, возвышеніе нѣсколькихъ родовъ, униженіе и порабощеніе другихъ. Но зная исторію Славянскихъ народовъ и въ особенности Русскаго, замѣчая слѣды старыя въ древнихъ памятникахъ, не видно, да и предположить нельзя, чтобъ на родовыхъ основаніяхъ семьи находились подъ какой нибудь зависимостью отъ извѣстныхъ лицъ-родоначальниковъ; а поэтому невозможно было образоваться родовому рабству, то есть, такому рабству, когда прежняя власть отеческая, по мѣрѣ родственной отдаленности тѣхъ, которые

должны были находиться къ ней, такъ сказать, въ сыновнемъ отношеніи, перешла во власть господскую. Семьи дѣлались отъ ней, и каждая семья, если бы и сознавала связь съ другою, то не была зависима одна отъ другой.

Покореніе Древянъ, если не вносило въ жизнь Южнорусскихъ Славянъ рабства вновь, то усиливало его, распространяло, упрочивало тѣ начатки его, которые существовали изстари, ибо цѣлый народъ объявленъ былъ въ рабствѣ. И это возвысило высшій классъ. Отсюда-то эти бояре, сильные, подобно князьямъ имѣвшіе свои дружины въ Кіевѣ, о которыхъ осталась память даже въ пѣсняхъ (напримѣръ Иванъ Годиновичъ, Чурило Пленковичъ). По происхожденію своему, эти бояре, какъ они назывались, были во-первыхъ Руссы—пришельцы и, во-вторыхъ — Руссы-Поляне, съ массою которыхъ совершилось порабощеніе Древянскаго народа. Поляне, и прежде ставшіе уже въ уровень съ пришельцами, скоро усвоившими ихъ народность, теперь еще болѣе сливались; они пользовались равенствомъ господскихъ правъ надъ покореннымъ народомъ: и пришлецъ-Русинъ и Полянинъ-Русинъ равнымъ образомъ были господа, высшій классъ въ отношеніи Древянъ. Часть порабощеннаго народа переведена была въ землю Полянъ—русскую, другая осталась на мѣстѣ, и Руссы съ Полянами сдѣлались владѣльцами въ землѣ Древянъ. Иначе не могло быть: надобно же было держать въ покорности порабощенный народъ. Слово *становища*, которое упоминается въ лѣтописи разомъ со словомъ *ловища*, указываетъ на учрежденіе новыхъ жилыхъ мѣстъ, назначенныхъ быть административными пунктами. Они именно могли быть повѣрены только Руссамъ или Полянамъ, но никакъ не Древянамъ. О становищахъ говорится, что то были *ея* (Ольги) становища. Слѣдовательно здѣсь идетъ рѣчь о такой части покоренной земли, которая досталась собственно на долю княгини и ея семейства. Если принять во вниманіе, что въ то время другимъ отданы были въ рабство Древяне, то открывается, что въ Древянской землѣ явилось два рода господъ: одни — владѣльцы тѣхъ, которыхъ отдали въ рабство, другіе — въ качествѣ должностныхъ лицъ находившіеся на становищахъ. Ольга установила *уставы* и *уроки*, слѣдовательно опредѣленные обязанности. Последнее слово (*уроки*) указываетъ на обязательныя работы; надзирать надъ уроками и собирать дань по уставамъ должны были конечно тѣ, которые поставлены были на становищахъ. Здѣсь исторія наша невольна, по сходству обстоятельствъ, совпадаетъ съ западною, гдѣ господствовала земельная раздача. Часть страны оставляетъ Ольга для себя въ дань, другую раздаетъ мужамъ сво-

имъ, дружинѣ. Но остается неизвѣстнымъ, какая часть Древлянской земли была такимъ образомъ порабощена? Нельзя думать, чтобъ одинъ Искоростѣнь. Ибо хотя Ольга и говоритъ Искоростѣянамъ: всѣ ваши города предались мнѣ и рѣшились платить дань и обдѣлывать свои нивы и земли, а вы хотите умереть отъ голода, не повинуйся и не хотя платить дань; — но здѣсь Ольга обманываетъ Древлянъ, сообразно своему обычаю; это видно изъ того, что лѣтописецъ прежде этого замѣтилъ, что Древляне побѣжали и затворились въ своихъ городахъ, слѣдовательно не сдались, какъ увѣряла Ольга. Хотя, послѣ завоеванія Искоростѣня, вся земля Древлянская была подчинена и Ольга устала въ ней уроки, ставовища и ловища, но, вѣроятно, не всѣ подверглись такой горькой судьбѣ, какъ Искоростѣнь, ибо послѣдній долженъ былъ подвергнуться особому мщенію. Такимъ образомъ, вѣроятно, болѣе степени порабощенія подвергся Искоростѣнь, чѣмъ другіе, и конечно тѣ, которые добровольно сдавались, пользовались болѣе льготой, чѣмъ тѣ, которые оказывали упорство. Но, какъ видно, Ольга повсемѣстно въ Древлянской землѣ разставила своихъ мужей.

Такое отношеніе двухъ сосѣднихъ народовъ должно было развить въ обоихъ разные взгляды и характеры. Поляне былъ народъ побѣдительный, Древляне — покоренный; первые — господа, вторые — рабы; и, конечно, должны были изъ этого произойти разные проявленія общественнаго и домашняго быта, разное теченіе исторіи. Кіевъ дѣлался центромъ управленія народовъ не только близкихъ, но и болѣе далекихъ. Покореніе Древлянъ, показывавшее силу Русской Земли, еще болѣе должно было утвердить мысль о первенствѣ ея надъ другими народами. Но такъ какъ эти обстоятельства не способствовали утвержденію централизаціи, ни понятія о ней не развивались, то вмѣстѣ съ другими землями и Древляне скоро начали жить самобытною жизнію уже въ удѣльномъ порядкѣ; это началось тогда, когда Свитославъ далъ одному изъ сыновей своихъ, Олегу, въ удѣлъ Древлянскую или Деревскую землю. Центромъ всей Древлянской земли сталъ тогда Овручъ. Граница Древлянской земли протягивалась по сосѣдству къ Кіеву: ибо выѣхавши изъ Кіева на охоту, можно было охотиться на Древлянской землѣ. Кто знаетъ, не проявилось ли возстаніе побѣжденныхъ во враждѣ двухъ братьевъ и что побѣжденные настроили Олега убить Свѣнельдова сына? Это было въ 975, чрезъ пять лѣтъ послѣ воцаренія Олега въ Древлянской земли и черезъ 20 лѣтъ послѣ покоренія Древлянской земли. Когда Олегъ вышелъ противъ Ярополка, то у нея была полкъ, а не дружина, слѣдовательно (какъ выходитъ постоянно

по смыслу слова полкъ) были ополченные жители края собранные на битву. Здесь снова Древляне воинственною силою ополчаются на Полянъ, хотя и подъ измѣненными условіями. Но когда Олегъ былъ убитъ, Ярополкъ, перенявъ волость своего брата, не видѣлъ сопротивленія. Въ продолженіе тридцати лѣтъ разселившіеся по Древлянскій землѣ Русины успѣли пустить въ народѣ идею, что надъ ними имѣеть право княжескій родъ; а потому оппозиція, еслибъ и была, то ужъ происходила бы подъ влияніемъ этого новаго, умѣряющаго начала.

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ отношенія Полянъ къ другимъ южно-русскимъ народамъ: Дулѣбамъ, Улучамъ, Тиверцамъ, Хорватамъ. Еще въ концѣ IX вѣка, съ Улучами и Тиверцами Олегъ не могъ скоро справиться, и подъ годами 884 — 885 сказано, что Олегъ имѣлъ съ ними рать. Во время похода въ Царьградъ (904 — 907). эти народы, а равно и Хорваты, участвуютъ въ его ополченіи противъ Грековъ. Изъ этихъ извѣстій заключили, что тогда, значитъ, народы эти были уже покорены Олегомъ. Можетъ быть, до нѣкоторой степени. Но такъ какъ Олегъ взялъ ихъ въ свое войско, то едвали это было бы возможно, еслибъ покореніе ихъ сопровождалось такимъ же порабощеніемъ, какъ Древлянъ Ольгою, ибо въ тотъ вѣкъ участіе въ войнѣ было принадлежностію свободныхъ. Въ договорѣ Олега говорится, что этотъ договоръ съ Греками заключенъ отъ имени его, великаго князя, и свѣтлыхъ князей, сущихъ подъ его рукою. Вѣроятно, послѣ войны съ Улучами и Тиверцами, Олегъ какъ нибудь долженъ былъ съ нимъ помириться, и они стали отъ него въ зависимости на выгодныхъ для себя условіяхъ. Что касается до Хорватовъ, то они первый разъ были подчинены, и отняты у Поляковъ, только при Владимірѣ.

Приливъ пришлаго варяго-русскаго народонаселенія сообщилъ новый оттискъ характеру Полянъ и развилъ въ нихъ воинственный элементъ. Это поддерживалось походами противъ Грековъ. Мы не знаемъ поводовъ, руководившихъ Руссами въ этихъ набѣгахъ; но это не были просто одни разбойничьи набѣги, потому что въ договорахъ виденъ народъ торговый и Греки дорожили сношеніями съ нимъ. Скорѣе всего надобно предположить, что повѣствователь, по обычаю лѣтописцевъ, умалчиваетъ о причинахъ, не выставляеть пружинъ, руководившихъ походами Русскихъ, исключая Святославова похода; а эти причины, вѣроятно, заключались въ столкновенія съ Греками преимущественно по торговлѣ. Поляне долго, кажется, не могли показывать своей самостоятельности и должны были уступать Грекамъ; но когда явились къ нимъ воинственные мореходцы, когда

сошлись они съ Полянами, которые также были плавателями, но только мирными, тогда послѣднимъ сообщился духъ отваги и охота мести за тѣ поступки, которые они считали несправедливыми со стороны Грековъ. Походы въ Грецію способствовали къ утверженію власти князей и соединенію народовъ. То была приманка для удалыхъ того вѣка — собираться подъ знамена вѣщаго князя, идти на далекую сторону и воротиться оттуда съ добычею, привезти паволоки и золота, хвастаться предъ тѣми, кто оставался дома, передавать добычу дѣтямъ на память отцовской славы. Предводители народцевъ легче становились подчиненными Кіевскому князю, когда онъ ихъ обогащалъ. Это, соединяя народы, мало по малу подклонило ихъ подъ власть единого рода и приготавлило къ новому порядку, когда въ разныхъ частяхъ русскаго міра должны были явиться князья, хотя особые, но связанные между собой и родомъ и единствомъ страны.

По понятіямъ того времени у Русскаго народа, успѣхъ служилъ залогомъ покорности, ибо успѣхъ приписывался вліянію таинственной силы. Такъ Олега прозвали *вѣщимъ*, вѣдуномъ. А коль скоро онъ былъ вѣщій для народа, то и покорность ему утверждалась. Слава побѣдъ располагала къ дальнѣйшимъ предпріятіямъ. Сильнѣе всего развился духъ удалства и предпримчивости при Святославѣ, когда удача слѣдовала за удачей. Удаляя толпы ходили съ нимъ на степи, побѣждали Хазаръ, которымъ ихъ предки пѣкогда платили дань. Это должно было сильно возвысить народное чувство и еще болѣе прикрѣплять народы къ Кіеву и внушать къ нему уваженіе, ибо изъ Кіева исходили такіе славные подвиги. Толпы охотниковъ отправились со Святославомъ въ Переяславль, удачи далѣе и далѣе заводили духъ воинственности. Завоеваніе Болгаріи, по современнымъ понятіямъ, не было чѣмъ либо отличнимъ отъ покоренія Древянъ и Тиверцевъ, или присоединенія ихъ къ Кіеву. Болгары были самая близкая къ русскимъ Славянамъ народность; тогда еще языки ихъ и нравы не такъ различались, какъ послѣ; между ними такъ было много общаго, что Кіевляне именно шли туда не съ мыслию о завоеваніи чужаго, а руководясь побужденіемъ близости соединенія Славянскихъ народовъ, долженствующихъ войти въ закладку новой державы. Предѣлы этой державы расширялись по мѣрѣ того, какъ народный взоръ встрѣчалъ сходственное съ своею народностію. О Болгарахъ явилась также мысль, что они должны войти въ русскій міръ. Можно съ этимъ вмѣстѣ проникнуть, какимъ образомъ у Святослава и у товарищей его возникла идея поселиться въ Переяславлѣ Дунайскомъ. Конечно, съ перваго взгляда пока-

зывается здѣсь какъ бы недостатокъ осѣдлости. Нѣтъ; Поляне были осѣдлы, ибо занимались земледѣліемъ; скитались только тѣ, которые занимались торговлею, но договоръ показываетъ, что и послѣдніе, живучи въ Константинополѣ, не утрачивали связи съ родиною; ибо когда умиралъ гость въ Греческой землѣ, то имущество его слѣдовало перенести въ Русь къ милымъ сродникамъ. Изъ этого же договора видно, что русскіе торговцы только временно посѣщали Цареградъ и Грецію, и воровались всегда домой. Это не могло развить у Полянъ охоты перемѣнять навсегда мѣсто жительства. Духъ долженъ былъ измѣняться отъ стеченія молодежи изъ разныхъ славянорусскихъ народцевъ въ дружинѣ князей. Князья своими походами привлекали ихъ съ разныхъ сторонъ Славяно-русскаго міра, составляли изъ нихъ подвижное население кочующихъ молодежь, набѣдниковъ и пиратовъ, готовыхъ жить вездѣ, не жалѣя о родинѣ; отечествомъ ихъ дѣлалось море или степь; то были Запорожцы своего вѣка; вотъ этихъ-то удалыхъ и увелъ Святославъ въ Болгарію. Явились Печенѣги. Въ 968 году они осадили Кіевъ. Лѣтописецъ указываетъ, что въ то время некому было охранять города безъ Святослава. Является воевода съ другой стороны Днѣпра, слѣдовательно не Кіевскій. Оборонять Кіевъ въ Кіевѣ было некому. Такія событія должны были неизбежно внушать Руссамъ необходимость не пускаться болѣе въ далекіе походы и не лишать своей земли вооруженной силы. Повѣя героической отваги начала находить себѣ поле на родной землѣ, а не на чуждомъ югѣ и не на морѣ. Преданія о Печенѣгахъ, записанныя въ лѣтописяхъ, расцвѣчены колоритомъ героическаго эпоса, какъ это видно изъ сказки о кожевникѣ, сказки, до сихъ поръ существующей въ народныхъ преданіяхъ. Но такой духъ господствовалъ не долговѣчно. Поляне увлеклись только на время присутствіемъ между ними чужаго народа. Проявившійся при Олегѣ, Игорѣ и Святославѣ завоевательный элементъ въ характерѣ народа скоро ослабѣваетъ; ибо онъ явился временно въ слѣдствіе толчка, даннаго пришельцами. Конечно, къ обузданію этой завоевательности помогало и принятіе христіанства, но несомнѣнно и племенное вліяніе; ибо собственноодно христіанство, еслибъ и огрѣдило Византію отъ нападений Руссовъ, то обратило бы воинственность послѣднихъ въ другую сторону. Но христіанство даже не перервало сразу и вошедшей прежде въ привычку враждебности къ Грціи; ибо при Ярославѣ, уже по принятія Христіанства, сынъ великаго князя съ Вышатою сдѣлалъ морской походъ на Византію. То были уже послѣдніе отголоски прежняго угасавшаго теперь героизма. Воинственность народа уже

и прежде стала обращаться не къ завоеваніямъ, а только къ охраненію предѣловъ своей страны. Этому измѣненію содѣйствовали не перестававшіе набѣги народовъ турецкаго племени. Половцы смѣнили Печенѣговъ, отрѣзали у Руссовъ море, разсѣялись по степямъ и остановили распространеніе русскаго элемента на югъ и востокъ по степямъ. Окруженные кочующими инородцами, Русскіе уже не могли думать о завоеваніяхъ. Не мало располагали къ измѣненію воинственности Кіевлянъ и междоусобія, возникшія между ихъ князьями. Какъ народъ молодой, Славяне легко могли увлечься сообщеннымъ имъ отъ чужихъ воинственнымъ духомъ, и героизмъ завоеванія блеснулъ у нихъ на короткое время, но южнорусскій народъ уже прежде познакомился съ спокойною жизнью и получилъ склонность къ ея удобствамъ. Какъ бы ни были преувеличены рассказы о богатствахъ Кіева, о множествѣ церквей, о восьми торговыхъ площадяхъ у Дитмара, все это имѣетъ свое историческое основаніе. Что Кіевъ былъ дѣйствительно богатъ, это показываетъ то, что здѣсь было издавна важнѣйшее торговое мѣсто для сѣвера съ Византіей. Разумѣется, Олеговы и Игоревы грабежи еще болѣе обогащали его; собираемыя съ покорныхъ народовъ дани способствовали стеченію богатствъ къ Кіевлянамъ. Славянскіе народы, подвластные Кіеву, платили опредѣленную дань, которая шла князю, но князь дѣлился ею съ боярами и дружиною; такимъ образомъ, эта дань обогащала и Кіевъ. Мы знаемъ изъ нашей лѣтописи, что одинъ Новгородъ платилъ ежегодно двѣ тысячи гривенъ въ Кіевъ, а тысячу гривенъ гридямъ, содержа гарнизонъ при князѣ. Предъ концемъ жизни Владиміра, сынъ его Ярославъ вздумалъ-было не отдавать отцу этой дачи, и отецъ хотѣлъ на него итти войною, разбить его, но отъ огорченія умеръ. У Кіевлянъ, въ то время, невольно образовался нѣсколько высокомерный взглядъ на другіе русскіе народы. Такъ, во время борьбы Святополка съ Ярославомъ, когда Святополковъ воевода увидѣлъ противъ себя Новгородцевъ, назвалъ ихъ презрительно хоронниками и плотниками, и говорилъ, что заставитъ ихъ рубить имъ (Кіевлянамъ) хоромы. Но то было выраженіе не воинственнаго завоеванія, а скорѣе зазнавшася господства, привыкшаго къ хорошей жизни на счетъ другихъ.

Въ характерѣ Кіевлянъ было что-то мягкое, роскошное, сибаритское. Не даѣе какъ черезъ двадцать лѣтъ послѣ крещенія, Болеславъ, пришедши на помощь Святополку, и самъ потерялъ свою царственно побѣдительную крѣпость и войско свое развратилъ и обезсилитъ. Кіевскія женщины славилась сладострастіемъ. Богатство, роскошь и веселая жизнь привлекали всякого, кто только могъ поселиться между Кіевлянами. Черезъ пол-

вѣка послѣ приключенія съ Болеславомъ Храбрымъ точно тоже сдѣлалось съ внукомъ его Болеславомъ Смѣлымъ: тутъ Поляки забыли и своихъ женъ въ Польшѣ и свои дворы и хозяйства. Какъ извѣстія нашихъ лѣтописцевъ о пирахъ Владиміровыхъ, такъ и пѣсни стараго времени, сохранившіяся у Великоруссовъ, подтверждаютъ репутацію сибаритства, которую пріобрѣлъ себѣ Кіевъ на Западѣ. Волокитство считалось удалствомъ; волокиты хвастали своими подвигами и поставляли въ нихъ достоинство, какъ въ героическихъ наѣздахъ. Вотъ, напримѣръ, на пиру краснаго солнышка Владиміра одинъ богатырь расхвастался, и говоритъ, что онъ гулялъ молодець изъ земли въ землю, загулялъ къ королю;

Король меня молодца любилъ, жаловалъ,
Да и королева вѣтъ молодца также,
А Настасья королевична у души держить.

Отцы берегли своихъ дочерей, по выраженію пѣсень, за три-девятью замками, за три-девятью ключами, чтобъ и вѣтеръ не завѣялъ, и солнце не запекло.

О кокетствѣ женщинъ кіевскихъ упоминаетъ и Даниилъ Заточеникъ, говоря: *никогда же видѣхъ жену злообразну, приличію лю зерцалу и мажущюся румянцемъ*. Кажется, что вліяніе княжескаго двора, гридницы, поддерживало это сибаритство и развращеніе женщинъ, какъ говорится, напримѣръ, въ пѣснѣ о Маринѣ:

Водилася съ дѣтьями княженецкими.

На кіевскихъ женщинъ въ преданіяхъ, сохранныхъ въ пѣсняхъ, легла память легкомысленности, развращенія и вѣстѣ съ тѣмъ колдовства. Кіевская кокетка привораживаетъ къ себѣ любовниковъ и мѣняетъ ихъ по произволу. Такова Марина Игнатьевна въ пѣснѣ о Добрынь Никитичѣ. Она собираетъ къ себѣ и дѣвицъ и женъ, сводитъ ихъ съ молодцами и сама водится съ дѣтьми со княженецкими и со змѣемъ Горынчищемъ — олицетвореніемъ силы, враждебной Русскому элементу, чужеземной, указывающей на пребываніе въ Кіевѣ разнородныхъ племенъ. Она привораживаетъ богатырей къ себѣ:

Разжигаетъ дрова палещатымъ огнемъ; .
И сама она дровамъ приговариваетъ:
Сколь жарко дрова разгораются
Со тѣми слѣды молодецкими,
Разгаралось бы сердце молодецкое
Какъ у молада Добрынюшки Никитыча.

Вмѣстѣ съ тѣмъ она умѣетъ перевертывать людей въ звѣрей:

А я-де обернула девять молодцовъ
Сильныхъ, могучихъ богатырей гнѣдыми турами,
А и нынѣ-де отпустила десятого молодца
Добрыню Никитѣевича:
Онъ всѣмъ отамацъ — златы рога.

Другая такая же кокетка грозитъ оборотить ее въ суку:

А и хошь, и я тебя сукой оберну.

И сама чародѣйка умѣетъ принимать образы:

А и женское дѣло перелестное,
Перелестное, перенадчивое:
Обернулася Марика косаточкой.

Отсюда, конечно, укоренилось въ народѣ прозвище: кievская вѣдьма. Кокетство соединилось съ чародѣйствомъ и волшебствомъ, ибо если женщины привлекали къ себѣ мужчинъ, то это приписывалось волшебству.

Типы добрыхъ женъ рѣдки; въ примѣръ можно указать на Василису Микулишну Денисову, которая лучше рѣшилась умертвить себя, чѣмъ измѣнить мужу; но за то сама княгиня, жена князя Владиміра, изображается совсѣмъ не нравственно; и о княжескихъ женахъ осталось въ народѣ тоже воззрѣніе, какъ и вообще о женщинахъ. Жена Владиміра красна солнышка любезничаетъ со змѣемъ Тугаринымъ.

Мужской типъ волокитства, и вмѣстѣ изнѣженности, является типически въ Чурилѣ Плѣнковичѣ. Это — щеголь, кружитель женскихъ головъ, старорусскій Донъ-Жуанъ, или Ловласъ. Онъ такъ занимается собою, что когда ѣдетъ по двору своему, то передъ нимъ несутъ подсолнечники, чтобъ не заpekло солнце бѣла лица его. Владиміръ князь ни на что болѣе не могъ употребить его при своемъ дворѣ, какъ только на то, чтобъ созывать гостей на пиръ. Пиръ длится во всю ночь, а когда богатыри разъѣжаются по домамъ,

Въ тотъ день выпадало снѣгу бѣлаго,
И нашли они свѣжій слѣдъ.
Сами они дивуются:
Либо заяцъ скакалъ, либо бѣлъ горностаѣ.
А нынѣ тутъ усмѣхаются,

говорятъ:

Знать это не заяцъ скакалъ, не бѣлъ горностаѣ,
Это щель Чурило Плѣнковичъ

Къ старому Берлятъ Васильевичу,
Къ его молодой женѣ, Катеринѣ прекрасной.

Сладострастіе Владиміра-язычника, столько наложницъ, жившихъ въ его загородномъ дворцѣ—все это гармонируетъ какъ нельзя болѣе съ распущенностью нравовъ въ то время вообще. Пирь былъ душею общественной жизни. Замѣчательно, что Владиміръ когда крестился и, естественно, потому получилъ наклонность къ мягкости права, то, по неизмѣнному народному понятію, показывалъ эту мягкость, эту кротость и любовь христіанскую — въ пирахъ, которые задавалъ народу. Пирь устраивался послѣ всякаго отраднago народнаго событія, особенно послѣ побѣдъ, какъ и значитъ подобный пирь послѣ побѣды на день Преображенія Господня надъ Печенѣгами, когда построена была церковь въ Василевѣ. Освященіе было ознаменовано праздникомъ. На всякую недѣлю князь устраивалъ пирь въ гридницахъ на дворѣ. На пирахъ этихъ бди мясо скотское и дичь, рыбу и овощи, а пили вино, медъ, который мѣряли проварами (варя 300 проваръ меду). Медъ былъ національнымъ напиткомъ. На пирь созывались не только кіевляне, но и изъ другихъ городовъ. Въ гридницу допускались шировать бояре, гридни, сотскіе, десятскіе, народъ; люди простые и убогіе обѣдали на дворѣ; сверхъ того, по городу возили на колесахъ пищу (хлѣбъ, мясо, рыбу, овощи) и раздавали тѣмъ, которые не могли, по нездоровью, придти на княжескій дворъ.

Эти пирьы происходили въ то же время не только въ Кіевѣ, но и въ другихъ городахъ; поэтому, въ пригородахъ кіевскихъ, князь держалъ запасы напитковъ, такъ называемые *медуши*.

Какъ такіе пирьы были привлекательны, видно изъ того, что на далекіе вѣка прошла о нихъ память и пирующій князь сдѣлался идеаломъ русскаго довольства жизни, и Владиміръ красно солнышко сталъ синонимомъ добраго и веселаго князя вообще. Въ пѣсняхъ, онъ показывается не просвѣтителемъ Русской земли, а идеаломъ роскошнаго господина; потому онъ остается столько же языческимъ, какъ и христіанскимъ княземъ: одно, что даетъ ему нѣсколько христіанскій колоритъ, это то, что онъ угощаетъ и нищихъ и калѣкъ. По старому русскому понятію, пирь не долженъ былъ обходиться безъ угощенія нищихъ и калѣкъ. Вообще въ сказкахъ южнорусскихъ, добрый князь или король, когда учреждаетъ пирь, то непременно приглашаетъ ихъ. Даже если князь чѣмъ-нибудь затрудняется, что-нибудь хочетъ получить отъ судьбы, то пирь на весь міръ и угощеніе бѣдняковъ есть средство къ

пріобрѣтенію удачи. Памятью древняго сознанія богатства и довольства Кіева и его земли остается въ лѣтописи разсказъ о томъ молодцѣ Бѣлогородцѣ, который обманулъ Печенѣга (а Печенѣгъ также глуповатъ былъ, какъ и Древлянинъ, въ глазахъ Руссовъ кіевскихъ). Подводя его къ колодцу, гдѣ была поставлена кадъ съ киселемъ, Русскій увѣрилъ Печенѣга, что земля сама производитъ имъ кисель. Здѣсь невольно вспоминаются кисельные берега, медовыя и молочныя рѣки. Такой же смыслъ роскоши и богатства страны представляетъ разсказъ лѣтописца о томъ, какъ дружина сказала Владиміру: *зло нашимъ головамъ! намъ псть деревянными ложницами, а не сребренными!* Кіевскій князь приказалъ исковать серебрянныя ложки для дружины, и говоритъ: я серебромъ и золотомъ не найду дружины, а дружиною найду серебро и золото, какъ отецъ мой и дѣдъ доискала дружиною злата и сребра.

Это довольство привлекало въ Кіевъ и въ русскую землю съ разныхъ сторонъ жителей. Населеніе Кіева и русской земли не было однородное: тутъ были и Греки и Варяги, Шведы и Датчане и Поляки, и Печенѣги и Нѣмцы, и Жиды и Болгаре. Эта пестрота народонаселенія объясняетъ и преданіе о предложеніяхъ Владиміру принять ту или другую вѣру; если здѣсь нужно искать исторической истины, то предлагавшіе Владиміру вѣру были скорѣе жители Кіева, чѣмъ иноземные апостолы. При Владимірѣ, послѣ его крещенія, при Святополкѣ и при Ярославѣ, Кіевъ быстро развивался и процвѣталъ. При веселой жизни и распущенности нравовъ, кіевляне не имѣли ничего строгаго, подавляющаго; оттого въ Кіевъ и Русскую Землю сбѣгались, по извѣстію Титмара, разнаго рода бѣгле рабы, — тутъ они находили себѣ пріютъ и пропитаніе. Вѣроятно тутъ же себѣ находили люди рабочіе хорошіе заработки; охота строить зданія, украшать дома, призывала туда рабочихъ. Въ Кіевской Землѣ мѣсте, чѣмъ гдѣ нибудь, могъ сохраниться чистый типъ одной народности, когда люди всякаго званія и ремесла скоплялись тамъ отовсюду. Даже тѣ, которые составляли княжескую дружину, — класъ возвышавшійся надъ массою, по значенію и силѣ, — были не Кіевляне по происхожденію, а пришельцы. Это показывается въ былинахъ стараго времени Владимірова цикла. Богатыри пріѣзжаютъ служить Владиміру, — кто изъ Мурома, кто изъ Ростова, кто изъ Царягорода, или съ береговъ Дуная, изъ чуждыхъ далекихъ странъ. Все это даетъ поводъ воображать себѣ старый Кіевъ въ родѣ тѣхъ городовъ, гдѣ наплывъ разнородныхъ типовъ даетъ жителямъ вообще фізіономію смѣси. Даже и Кіевская Земля была населена такою же смѣсью. При Владимірѣ, на лѣвой сто-

ронѣ Днѣпра, население увеличилось не посредствомъ природнаго размноженія народа и не подвиженіемъ его съ правой стороны Днѣпра, а переселеніемъ изъ разныхъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ, странъ Русской системы. *И нача* — говоритъ нашъ лѣтописецъ (подъ 988 г.) — *стави ти города по Деснѣ, и по Востри, и по Трубежи, и по Суль, и по Стуль, и нача нарубати мужь лучшіе отъ Словенъ, и отъ Кривичъ, и отъ Чюди, и отъ Вятичъ, и отъ сихъ насели города*. Въ 990 г., онъ населилъ Бѣлгородъ также точно: «наруби въ не отъ инѣхъ городовъ и много людей сведе въ онъ». И здѣсь тоже заселился городъ вмѣстѣ своднымъ народонаселеніемъ изъ разныхъ странъ и городовъ. (Что значить *наруби*? Вѣроятно при сводѣ народа для населенія новыхъ мѣстъ употреблялся какой-нибудь обычай дѣлать *зарубки* или замѣтки, по жребію). Такимъ образомъ, переселеніе въ Русскую Землю совершилось изъ Бѣлоруссіи, изъ Средней Россіи, изъ Новгородской Земли и наконецъ изъ Чюди. Нельзя думать, чтобы это было первое заселеніе лѣвой стороны, ибо мы знаемъ, что тамъ жили уже народы, и притомъ лѣтописецъ влагаетъ въ уста Владиміру слова: «се малъ городъ около Кіева», т. е. мало городовъ, а не мало жителей. Жители жили въ деревняхъ и для защиты ихъ не нужно было городовъ, и поэтому онъ призвалъ или переселилъ лучшихъ людей изъ чужихъ народовъ — не земледѣльцевъ, не смердовъ, но способныхъ къ оружію. Это должно было способствовать образованію въ нѣкоторомъ смыслѣ высшаго сословія, ибо въ тотъ вѣкъ люди, посвященные военнымъ занятіямъ и оборонѣ края, должны были пользоваться уваженіемъ и преимуществами предъ простымъ народомъ; а военные — мужи города — были люди разнаго происхожденія и, слѣдовательно, составляли сами по себѣ общество, отдѣльное отъ массы народа и несвязанное съ ними этнографическимъ единствомъ и мѣстными преданіями.

При свободѣ и распушенности, при стеченіи разнохарактернаго народа изъ близкихъ и далекихъ сторонъ, не удивительно, что отъ этого древняго періода нашей исторіи сохранились черты, показывающіе тогда дурное состояніе нравственности. Въ Кіевѣ и въ Русской Землѣ происходили убійства и безчинства. Лѣтописецъ говоритъ: *умножишася разбоеве*; слово *разбоеве*, какъ видно изъ Русской Правды, нельзя принимать въ нашемъ смыслѣ этого слова; оно выражало тогда ссоры, поединки и драки. Какъ вообще въ торговомъ городѣ, гдѣ любятъ богатства, гдѣ комфортъ своего рода предпочитается всему, въ Кіевѣ челоуѣкъ дѣлался продажнымъ. Эта продажность очень высказывается и тѣмъ, что еписко-

пы и старцы сказали о казни убійць: у насъ войны часто, а когда виру брать, то будетъ на оружье и на лошадей (Рать много; оже вира, то на оружьи и на конехъ буди). У князей Святополка и Ярослава являются черты, воспитанныя на Кіевской почвѣ: и дикость язычества и развращеніе столицы. Святополкъ былъ пьяница и сибарить, гуляка и наглый злодѣй. »Лютѣ бѣ граду тому, въ немже князь юнѣ, любий пиры, вино съ гусльми и съ младыми совѣтниками«. Святополкъ любилъ пожить, повеселиться и не останавливался ни предъ какимъ злодѣянїемъ. Ему мѣшали братья. За чѣмъ съ ними дѣлиться, когда можно взять одному? Едва ли здѣсь, какъ нѣкоторые толковали, руководила имъ месть за отца Ярополка, и ни въ какомъ случаѣ не подвигало его сознательное стремленіе къ единовластію, съ видами политическими: то были порывы необузданнаго пьяницы, развращеннаго гуляки и легко было ему найти исполнителей въ массѣ разноплеменнаго и развращеннаго края; имена ихъ указываютъ на иноземное происхожденіе. Имя Еловить—какъ-будто Сербское, имя Лешко показываетъ, что отецъ его былъ Ляхъ родомъ. И съ другой стороны, у Бориса былъ отрокъ Угринь. Совершивши злодѣянїя, Святополкъ долженъ былъ обезопасить себя отъ Кіевлянъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ же они признаютъ княземъ братоубійцу? Но Кіевлянъ легко было привести къ признанію княжескаго достоинства за злодѣемъ. »Созавъ люди, нача даяти овѣмъ коръзни (одежды), а другимъ кунами, и разда множество«. Кто были эти люди — или передовые въ городѣ, бояры, или простой народъ? И то и другое возможно, а неясность поставляетъ насъ въ неумѣніе относительно этого важнаго обстоятельства. Отъ кого бы ни зависѣла судьба Кіева, а съ нимъ и цѣлой Руси, въ то время: отъ избранныхъ ли классовъ, или отъ народа, — въ томъ и другомъ случаѣ легко можно было торжествовать неправдѣ и прикрыться продажности. Дѣйствительно, Святополкъ даже могъ обдарить цѣлый Кіевъ. Все вознаградилось бы, коль скоро онъ начнетъ собирать дань съ подвластныхъ народовъ и областей. Вотъ здѣсь открывается народная мѣстная черта. Еще народъ Кіевскій не впалъ въ рабскую покорность, но могъ подпасть подъ всякую неправую власть посредствомъ приманки его матеріальными выгодами. Съ другой стороны, Ярославъ, прославленный лѣтописцемъ столько же, сколько былъ проклинаемъ Святополкъ, по нравственнымъ своимъ понятїямъ недалеко былъ выше Святополка; хитрый, жестокій, онъ вполне обрисовывается въ поступкѣ своемъ съ Новгородцами, которыхъ, за избїеніе чужеземцевъ Варяговъ,

созвавши тайно къ себѣ, перебилъ. Другой, не менѣе возмутительный, поступокъ этого князя былъ съ роднымъ братомъ Судиславомъ.

Чувственность, порывы наслаждаться жизнью, производя развращеніе нравовъ, не убивали однако въ народѣ воинственнаго элемента, не доводили его до той изнѣженности, при которой народъ дѣлается неспособнымъ ни къ общему предпріятію, ни къ общему самосохраненію. Столкновениі съ иноплемениками, какъ выше мы сказали, не давали уснуть его молодымъ силамъ. Въ пѣсняхъ великорусскихъ о Кіевскомъ періодѣ, гдѣ хотя послѣдующіе вѣка положили сильно свой колоритъ, но гдѣ, тѣмъ не менѣе, нельзя не видѣть основы глубоко древней, въ характерѣ тогдашнихъ богатырей, вмѣстѣ съ чувственностію, показывается и удалъ и богатырство. На самыхъ пирахъ отиравались разныя пробы удачества: борьба, стрѣлянье изъ лука въ цѣль:

Будетъ день въ половину дня,
 Будетъ столъ въ полустолъ,
 Богатыри прирасквастались молодецкой удалю.
 Алешенька Поповичъ, что бороться гораздъ,
 А Добрыня Никитичъ — гораздъ его,
 А Дунай сынъ Ивановичъ изъ лука стрѣлять,
 По той было мѣточкѣ стрѣлять въ золотъ перстень,
 Что во ту было ставочку муравлену.

Даже женщины показываютъ удалство. Такова жена Дуная, погибшая нечаянно отъ любившаго ея мужа, который хуже ея стрѣлялъ въ цѣль; такова жена Ставра-боярина, героиня, освободившая своего супруга отъ тюрьмы. Всѣ онѣ не Кіевлянки. Но въ Кіевѣ, вмѣстѣ съ крещеніемъ и развращеніемъ, приходили и свѣжія нравственные стихіи жизни. Разгульная, веселая жизнь Кіевлянъ смущалась безпрестанными набѣгами Печенѣговъ. Битвы съ ними носятъ на себѣ поэтической характеръ. Къ намъ перешли черезъ лѣтописи два разсказа, очень поэтическіе, о битвѣ на мѣстѣ нынѣшняго Переяслава и о хитрости въ Бѣлгородѣ. Какъ народны были эти разсказы и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ народны и значительны были тогдашнія войны съ Печенѣгами, достаточно видно изъ того, что разсказъ о богатырѣ, побѣдившемъ Печенѣговъ, до сихъ поръ живъ въ памяти народной. Въ древніе годы — разсказываетъ преданіе — явился подъ Кіевомъ змій и побѣдивъ Кіевлянъ, наложилъ на нихъ дань — по юношѣ и по дѣвицѣ. Давали горожане; пришла очередь и князю (замѣтимъ мимоходомъ, что это уравниеніе правъ князя съ простыми смертными есть, въ существующей теперь пѣснѣ, остатокъ древняго взгляда, когда дѣйствительно о князѣ, хотя бы сильномъ и самовластномъ по обстоятель-

ствамъ, не имѣли такого понятія, какъ о государѣ). Князь далъ змѣю дочь свою. Змѣй полюбилъ ее страстно. Однажды кievская княжна приласкалась къ нему и говоритъ: а що, змѣюню, чи е такой на свѣтѣ, щобъ тебѣ подужавъ? « Змѣй отвѣчалъ: » есть, не далеко отъ Кіева, Кожемяка Кирило: какъ затопить печь, такъ дымъ стелется подъ облака; а какъ выѣдетъ на Днѣпръ мочить кожи, то несетъ ихъ не по одной, а разомъ двѣнадцать штукъ; какъ онѣ напитаются водою, то такъ отяжелѣють, что я, пробуя, цѣплялся за нихъ, думалъ вытянуть, анъ нѣтъ! а онъ какъ потянулъ, такъ и меня чуть съ ними не вытащилъ. «

Былъ у княжны голубокъ, съ которымъ она пришла къ змѣю. Она написала записочку и привязала къ голубку; въ записочкѣ, она дала знать отцу: есть въ Кіевѣ человекъ Кирило Кожемяка; просите его черезъ старыхъ людей, не побьется ли онъ со змѣемъ и меня бѣдную не вызволить ли?

Когда голубокъ спустился на землю въ княжескомъ подворьѣ, — княжескіе дѣти играли по двору и, увидѣвши голубка, закричали: » татусю, татусю! голубокъ одъ сестрички прилетивъ! « Поймали голубка. Прочитавъ записку, князь созвалъ старцевъ и допросился отъ нихъ о силачѣ. Послали стариковъ къ Кирилу Кожемякѣ. Отворивъ двери его хаты, они застали его сидящаго за работою къ нимъ спиною: онъ мьялъ кожи. Старцы кашлянули, какъ обыкновенно дѣлають малороссіане, желая дать знать о своемъ присутствіи. Кожемяка вздрогнулъ, испугавшись внезапности, и разорвалъ двѣнадцать шкуръ, которыя держалъ въ рукахъ и чрезвычайно разсердился на гостей, обезпокоившихъ его и надѣлавшихъ ему убытку. Никакъ не могли упросить его. Князь послалъ къ нему молодыхъ (дружину), — и тѣ не упросили разсерженнаго богатыря. Наконецъ послали къ нему дѣтей: тѣ упросили его. Онъ явился къ князю, потребовалъ двѣнадцать бочекъ смолы и двѣнадцать возовъ конопляныхъ *повісолю*, намазалъ повіса смолою, обмотался ими, взялъ въ руки десятипудовую булаву, и пошолъ къ змѣю. Змѣй, увидя его, спрашиваетъ: — що, Кирило, чо́го приишо́въ до мене: битьца, чи миритьца? — Дѣ вже тамъ миритьца! отвѣчалъ богатырь: приишо́въ зъ тобою битьца. — Змѣй вырвалъ съ Кожемяки зубами коноплю; Кожемяка билъ булавою змѣя въ голову. И когда змѣй, разъярившись, не могъ вытерпѣть и бѣгалъ пить днѣпровскую воду, чтобъ сколько нибудь придти въ свѣжія силы, Кожемяка успѣвалъ снова обматывать коноплями мѣста, вырванныя змѣиными зубами; и снова начинался бой. Кожемяка билъ булавою въ голову змѣя, и расходился по окрестностямъ такой стукъ, какой бываетъ отъ множества работаю-

щихъ кузницъ. Въ Кіевѣ между тѣмъ звонили въ колокола, служили молебны, а народъ стоялъ на горахъ съ поднятыми къ небу руками и испрашивалъ Божіей помощи своему богатырю. Наконецъ змѣй палъ. Кирило сжегъ мертвое чудовище и пустилъ на четыре стороны свѣта его пещель, — и сдѣлалъ не хорошо: изъ этого пещля расплодилась всякая дрянь на свѣтѣ: комары, мухи, мошки. Но это послѣ испытали люди; а въ тотъ день, когда Кирило привелъ къ князю освобожденную дочь его, радость была неимовѣрная въ Кіевѣ.

Эта народная повѣсть, по своей основѣ, есть остатокъ древняго языческаго эпоса. Связь ея съ исторіей того богатыря, о которомъ говорится въ лѣтописи, не подлежитъ сомнѣнію. Черты: его гнѣвъ, его упрямство, его занятіе — все представляетъ сходство съ рассказомъ нашего лѣтописца. До сихъ поръ подъ Кіевомъ существуетъ *байракъ* съ хатами, висящими на двухъ обрывистыхъ горахъ. Это мѣсто называется *кожемяки* и народъ связываетъ это названіе съ именемъ Кирилы Кожемяки.

Одною изъ разительнѣйшихъ чертъ древняго времени было *побратимство* или *названное братство*. Это былъ союзъ двухъ, трехъ и болѣе постороннихъ, не родныхъ между собою, лицъ, обязавшихся другу другу помогать, другъ за друга сражаться, другъ друга избавлять, вызволять отъ опасностей, другъ за друга жертвовать жизнью и хранить пріязнь и братство дружбы ненарушимо. Этотъ обычай очень древень. Его слѣды встрѣчаются у Скивовъ. Г. Новосельскій, въ своемъ сочиненіи—*Lud Ukrainski*, очень кстати представилъ на видъ рассказъ изъ діалоговъ Лукіана о трехъ Скивахъ, заключившихъ между собою союзъ дружбы. Грековъ изумлялъ тогда этотъ варварскій обычай. Какое отношеніе имѣли къ намъ древніе Скивы, до этого нѣтъ дѣла при опредѣленіи значенія нашего побратимства или названнаго братства; довольно только, что оно существовало издавна на нашей почвѣ. Одинакія обстоятельства производятъ сходныя слѣдствія. » У васъ, Грековъ, — говорилъ имъ Скивъ, — нѣтъ истинной дружбы; но у насъ, гдѣ безъ войны не обойдешься, гдѣ надобно или нападать, или ждать нападенія, или оборонять свои поля, или грабить чужія, — дружба необходима; нужно имѣть друзей, которые бы на всякую бѣду отважились. « Въ такомъ сходномъ положеніи была тогда Южная Русь. Богатыри, которыхъ имена блестятъ такимъ эпическимъ сіяніемъ, не мнѣ. Владиміръ часто долженъ былъ посылать удалыхъ высматривать, нѣтъ ли Печенѣговъ, а послѣдующіе князья — Половцевъ; другіе должны были ѣздить къ князьямъ

или отъ князей, или помогать имъ отъ себя для сбора даней; и тамъ и здѣсь имъ было небезопасно: надобно было пріобрѣтать друзей. Свято чтилось это названіе братства или побратимства: измѣна брата чувствительнѣе казалась всякаго лишенія. Въ былинѣ о Василісѣ Давиловой, когда, угождая необузданному произволу сладострастнаго князя, пошелъ на ея мужа, Данила Денисьевича, названный братъ Добрыня Никитичъ, Данило заплакалъ горькими слезами:

И гдѣ это слыхано, гдѣ видано:
Братъ на брата съ боемъ идетъ?

И Данило не пережилъ такого ужаса:

Беретъ Данило свое востро копьё,
Тупымъ концемъ втыкать во сыру землю,
А на вострый конецъ самъ упалъ.

Это-то уваженіе къ святынь дружбы произвело болгарское сочиненіе и распространило свою у насъ легенду о братствѣ, гдѣ Іисусъ Христосъ устанавливаетъ братство.

Вотъ начало того братства, которое такъ сродно южнорусскому народу и составляетъ нѣкоторую характеристическую черту позднѣйшей исторіи его.

Вмѣстѣ съ богатырскимъ побратимствомъ, или названнымъ братствомъ, является подобное же въ монастыряхъ — братство духовное. Названные братства Алексѣя Поповича, Ильи Муромца, отозвались впоследствии въ Запорожской Сѣчи, а духовное братство первыхъ монастырей приготовило церковныя братства XVII в., отстоявшія религію греческую отъ насидія западнаго.

Побратимство никогда не прекращалось въ Украинѣ, какъ и въ Дунайскихъ Славянскихъ земляхъ. Главный и древнѣйшій символическій знакъ этого нравственнаго обычая есть обмѣна драгоценныхъ вещей или взаимный даръ. Теперь существуетъ этотъ обычай не только между мужчинами (или лучше — не столько между мужчинами, сколько между женщинами), но и женщинами — *посестримство*. Оно состоитъ въ обмѣнѣ крестовъ. Такой же обрядъ побратимства видѣнъ и въ разговорѣ воеводы Претича съ печенѣжскимъ княземъ въ 962 году: *рече же князь печенѣжскій къ Прѣтичу: буди ми другъ. Онъ же рече: то же створю. И подаста руку межи собою, и vzdastъ печенѣжскій князь Претичю: конь, сабля, стрѣлы; онъ же дастъ ему: броню, щитъ, мечъ.*

Во время борьбы Святополка съ Ярославомъ, Кіевъ первый разъ попадается въ руки чужеземцевъ. Болеславу такъ понравилось въ Кіевѣ, какъ вѣкогда Святославу въ Переяславцѣ. Народъ южнорусскій былъ въ такомъ же отношеніи къ Польскому, какъ Болгарскій къ Русскому. Какъ Русскіе, при Святославѣ, могли принять Болгарію за продолженіе Руси, такъ и Болеславъ—Русь за продолженіе Польши. Русскіе не противились, когда Болеславъ поставилъ на покорѣнъ, по городамъ, свои дружины, а самъ засѣлъ въ Кіевѣ. Но потомъ, когда чужеземное соседство имъ надоѣло, приняты были средства не рыцарскія, именно такія, какія были вполне согласны съ характеромъ населенія. Святополкъ, князь Кіева, руководилъ народомъ. Поляковъ избивали тайно. Поляки бѣжали, Ярославъ сдѣлался княземъ Кіевскимъ и правилъ, окруженный чуждою сляою. Роль однихъ чужеземцевъ, Поляковъ, смѣнилась ролью другихъ—Варяговъ-Шведовъ. Это было время, когда Скандинавы, просвѣтившись христіанствомъ, начали показывать энергическую дѣятельность въ новой сферѣ; охота странствовать по-свѣту для разбоевъ зашѣнилась нѣсколько болѣе законнымъ способомъ — стали наниматься въ военную службу греческихъ императоровъ. Явились собственно такъ называемые Варенги или Варяги; они во множествѣ проходили черезъ Русь по Днѣпру. Кіевъ былъ ихъ временнымъ пристанищемъ. Тогда князья нашли удобнымъ приглашать ихъ, и вотъ они также, какъ и въ Греціи, у насъ являются съ тѣмъ же значеніемъ наемнаго сословія. Связь съ Норманами уже была очень значительна при Владимірѣ, какъ показываетъ сага Олафа Тригвасона. Князь Ярославъ, еще живучи въ Новгородѣ, женился на Ингегердѣ, дочери короля Свевона. По поводу этого брака, много Нормановъ приходило къ намъ. По связямъ съ Швеціей, Ярославъ воспитывалъ у себя Олафова, сына Магнуса и отдалъ дочь свою за Гаральда Гардраде, Норвежскаго короля. Около княгини были одноземцы. По брачному договору съ Ингегердой, Ладога была уступлена Ярлю Рагвальду. Съ помощію Варяговъ удержался князь на столѣ Кіевскомъ. Но какъ видно, Варяги вскорѣ надоѣли ему, и Ярославъ, видя, что уже устлся крѣпко, выпроводилъ ихъ въ Грецію. Тѣмъ кончилось кратковременное норманское вліаніе, продолжавшееся лѣтъ около 70-ти.

Намъ неизвѣстны подробности управленія Кіева и другихъ городовъ Южнорусскаго края, на столько, чтобы судить отношеніе его къ народному быту. Мы, однако, видимъ изъ нѣкоторыхъ мѣстъ, что народъ раздѣлялся на сотни и десятки, были сотскіе и десятскіе, вѣроятно, выборные; по городамъ вмѣсто князя были княжескіе посадники (нашѣстни-

ки) и старцы—старѣйшины изъ туземныхъ жителей. Близкіе князю лица носили общее названіе *дружины*; это было вмѣстѣ и военное сословіе и стража княжеская и совѣтники его. Владиміръ, по извѣстію лѣтописца, совѣтовался съ дружиною «о строи землянѣмъ, и о ротахъ и уставѣ земскѣмъ». Слово бояре употребляется въ другихъ мѣстахъ въ смыслѣ первенствующихъ лицъ, не принадлежавшихъ къ составу дружины. Бояре, какъ кажется, были старѣйшины Земли, или народа. Коль скоро былъ народъ, была и земля, съ землею соединялось понятіе бояра. Такъ различаются бояре по городамъ, бывшимъ центрами земли или ея отдѣловъ, наприм. бояре вышгородскіе, бояре бѣлгородскіе: это были лица, которыхъ значеніе соединялось съ мѣстностію, по какой они назывались. Что бояре отличались отъ мужей княжескихъ, это указываетъ въ житіи св. Владиміра, гдѣ говорится, что св. князь ставилъ трапезу *собѣ и бояромъ своимъ и всѣмъ мужемъ своимъ*. Часть дружины, окружавшей князя, составляла то, что называлось *гриди* (лит. greitis—прислѣпшники, служители). Въ важныхъ дѣлахъ князь не начиналъ самъ собою ничего, а совѣтовался съ боярами, и дружиною, и старцами людскими. Подъ послѣдними разумѣлись выборные народомъ должностные лица. Какъ ихъ выбирали и какой объемъ былъ ихъ власти и обязанности, теперь напрасно хотѣли бы мы разяснить. Со времени побѣды надъ Хазарами съ одной стороны, а потомъ съ знакомствомъ съ Греціею, на князѣ, предводителѣ дружины, отчасти ложится отпечатокъ восточнаго вліянія. Замѣчательно, что, въ словѣ Иларіона, Владиміръ называется Хаганомъ. Это указываетъ на вліяніе восточно-хазарскаго элемента, который могъ бы, совокупно съ византійскимъ, водворить, подтвердить и укрѣпить единовластіе и значеніе царственности княжескаго достоинства, если бы развитіе удѣльности не помѣшало этому тотчасъ же. Невозможно опредѣлить, что брало перевѣсъ — восточный элементъ или свобода; и то и другое было въ зародышѣ, какъ и удѣльность и единовластіе. Возвышеніе челоуѣка за услуги могло быть по волѣ князя. Такъ богатыря, который побѣдилъ Печенѣжскаго исполна на мѣстѣ, на которомъ построенъ былъ Переяславль, Владиміръ сотворилъ великимъ мужемъ. Слѣдовательно, существовало понятіе о нареченіи на высшее достоинство, о пожалованіи. Даже существовали виѣшнія украшенія, означающія отличія. Такъ на Георгіи Угринѣ, отрокѣ Бориса, была гривна золотая, повѣшенная княземъ ему на шею, въ знакъ особаго расположенія.

Недостаточность источниковъ не даетъ намъ права представить, до

какой степени власть князя поглощала личную дѣятельность народа и общественную. Не было институцій ни подпиравших княжескую власть, ни указывающих ей предѣлы. Несомѣнно то, что, съ одной стороны, князь не утверждалъ еще въ себѣ понятія о царственности и о недоступности своей особы для прочихъ смертныхъ, съ другой—и народъ не развилъ въ себѣ идеи свободы въ отношеніи съ властію. Князь Владиміръ совѣтовался съ боярами и старцами людскими, призывалъ также къ себѣ сотскихъ и десятскихъ народа. Ни въ это время, ни послѣ, не видимъ мы ничего, что бы ставило князя на неприступную высоту величія. Владиміръ пиравалъ со своими богатырями, какъ съ равными, или по крайней мѣрѣ не такъ, какъ съ рабами. Но бояре и дружина не имѣли, кажется, ничего строго родового, ибо послѣ смерти Владиміра, по извѣстію лѣтописца, плакали по немъ два рода людей: *бояре и убоиѣи*. Раздѣляя такимъ образомъ народъ, лѣтописецъ хотѣлъ выразить словомъ бояре—люди съ достаткомъ, въ противоположность бѣднякамъ—убогимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ томъ же мѣстѣ, поясняется слово бояре выраженіемъ: *плакали бояре, яко заступника ихъ земли, а убоиѣи, яко заступника и кормителя*. И такъ бояре были владѣтели земли, ибо земля представляется ихъ достояніемъ; охраняя землю, князь охранялъ бояръ. Въ Русской Правдѣ также имя бояринъ употребляетъ въ смыслѣ владѣтеля земли. Естественно, что тѣ, которые владѣли землями, имѣли и голосъ и составляли вмѣстѣ съ княземъ власть; дружина же состояла изъ тѣхъ, которые охраняли князя и города, подвергавшіеся непрерывнымъ опустошеніямъ.

Вообще, однако, древній духъ южно-русскаго народа представляетъ уравнительное начало общественныхъ условій, какъ это показываютъ древнія сказки, на которыхъ лежитъ отпечатокъ глубочайшей старины. Хотя въ нихъ являются князья, короли и королевичи; за то сказка всегда хочетъ представить своего богатыря изъ незначительнаго происхожденія, или если даже сына королевскаго, то даетъ ему значеніе по чему нибудь унижительное предъ другими, дабы послѣ выставить на показъ ту мысль, что вотъ тотъ, который сначала былъ меньшимъ всѣхъ по людскому понятію, стоить уваженія; на кого меньше возлагали надежды, тотъ вышелъ и дѣльнѣе и полезнѣе всѣхъ. Много есть сказокъ, гдѣ играетъ роль мужицкій сынъ и притомъ сынъ мужика бѣднаго, а въ одной, въ фантастической, сынъ собаки (сучичъ) беретъ верхъ надъ сыномъ королевскимъ и спасаетъ его отъ всякихъ бѣдъ.

Въ то время, когда въ Кіевѣ образовывалось такое, повидимому, разлагавшее общество, явилась нравственная оппозиція этому разращенію

въ монастырѣ Печерскомъ. Съ самого появленія христіанства, новый духовный элементъ долженъ былъ ратовать противъ языческаго образа мыслей и всего теченія жизни подъ языческими привычками. Въсто эгоистической преданности своимъ чувственнымъ пожеланіямъ, являются примѣры любви къ ближнему, помощи страждущему. Духовенство является съ оружіемъ одного слова, становится на челѣ народа, живущаго матеріальною силою. Уваженіе новокрещеннаго Владиміра къ епископамъ указываетъ на первую готовность подчинять языческую гордыню и необузданность христіанскому смиренію. Князь построилъ десятичную церковь, — со всѣхъ его доходовъ назначена 10 часть на эту церковь; изъ житія св. Владиміра, писаннаго близкимъ къ нему по времени лицомъ, видно, что это назначалось для содержанія *духовенства и помощи сиротамъ и вдовамъ* (Христ. Чт. 1849, II. 307).

Вмѣсто уваженія къ силѣ и презрѣнія къ слабости (это столь естественно въ первобытныя времена цивилизаціи) является противное тому — уваженіе къ ничетѣ, и даже обоготвореніе страданія. Вѣра христіанская указываетъ другую цѣль жизни, открываетъ надежду на загробныя блага; вся здѣшняя жизнь не имѣетъ цѣны сама для себя. Страданія, терпѣніе за правду, ведутъ къ достиженію царствія Божія. Кто страдаетъ, тотъ получаетъ награду за свое страданіе по смерти. Отъ этой идеи возникла другая: не только не должно убѣгать отъ страданія — слѣдуетъ искать его. Это идея, новая для Русскихъ, вошедши къ намъ съ Православіемъ, какъ вообще всякое новое направленіе, приобрѣла себѣ тотчасъ же горячихъ послѣдователей. Образовался такой взглядъ на новую вѣру, что сущность ея состоитъ въ постѣ, удрученіяхъ плоти и самопроизвольномъ страданіи. Увлеченные этимъ убѣжденіемъ искали страданія. Сямонъ, епископъ Владимірскій, питомецъ Печерскаго монастыря, въ своемъ посланіи выразился: *вопрошаю же тя: чмъ хочещи спастися? аще и постникъ еси или трезвитель о всемъ и ничмъ и безъ сна пребывавъ, а досажденіа не терпя, не оузриши спасенія*. Подъ влияніемъ этого, внесеннаго къ намъ извнѣ, убѣжденія о необходимости страданія и терпѣнія для угожденія Богу, образовалось у насъ скоро послѣ принятія христіанства аскетическое направленіе: монастырское затворничество, изнуреніе себя голодомъ, бессонницею и трудами, и безпрестаннымъ обращеніемъ мысли и чувства къ духовному міру. Направленіе это, конечно, разнесли у насъ Греки, монахи и паломники, которые тотчасъ же послѣ крещенія Руси странствовали по городамъ и селамъ Русской Земли. Это видно изъ житія Θεодосіева. Настроенный уже

въ чудесному, въ которому имѣлъ наклонность по своей натурѣ, Θεοδοсій встрѣтился со старцами и любезныя цѣлова ихъ и вопросы ихъ: *откуда суть и како зрѣдуть? Оньже же рекшимъ, яко отъ святыхъ мѣстъ есма.* Вотъ, видно, вскорѣ послѣ принятія христіанства, у насъ странствовали восточные паломники между народомъ и они-то, своими разказами, своимъ ученіемъ, своими образами блаженства будущей жизни, бросили сѣмя аскетическаго направленія въ Россію. вмѣстѣ съ тѣмъ, начали распространяться книги, переведенныя съ греческаго, житія святыхъ, гдѣ аскетическая жизнь выставлялась, какъ образецъ.

Говоря въ обширномъ смыслѣ, православное ученіе о страданіи и терпѣніи за правду и вѣру можетъ быть очень разнообразно и способно избрать тотъ, другой и третій исходъ, смотря по настроенію и характеру народнаго быта. Идея терпѣнія можетъ различно проявляться. У насъ, по видимому, сначала это аскетическое направленіе стало проявляться въ паломничествѣ или странничествѣ, ибо Антоній, первый изъ подвигоположниковъ, отправился на Аѳонскую гору; Θεοδοсій также устремился было къ святымъ мѣстамъ, но скоро это направленіе измѣнилось и обратилось къ отечеству. Центромъ подвижничества сдѣлался Кіевъ. Страннымъ можетъ показаться нѣкоторымъ то обстоятельство, что люди, искавшие уединенія, избрали мѣсто близъ многолюднаго и, какъ мы уже показали, сластолюбиваго города, а не гдѣ-нибудь вдалекѣ отъ центровъ гражданственности и торговли. Но вмѣстѣ съ желаніемъ спастись въ уединеніи самому, аскетами руководило еще желаніе и другихъ увлечь къ такому же добровольному терпѣнію, а Кіевъ былъ изъ всѣхъ городовъ болѣе христіанскій въ то время, слѣдовательно, какого бы рода ни была христіанская проповѣдь, нигдѣ столько не могла имѣть усѣха и найти себѣ послѣдователей. Примѣръ Θεодосія, отъ котораго осталось нѣсколько проповѣдей, показываетъ, что эти аскеты были не только труженики, но и проповѣдники, учителя, пропагаторы монастырскаго житія.

Вмѣстѣ съ религіозными преданіями Востока, зашли къ намъ повѣсти о богоугодившихъ Оивандскихъ отцахъ, которые жили не въ домахъ, а въ пещерахъ, и сами себѣ ихъ искаивали. Въ древности, какъ извѣстно, кромѣ аскетическаго настроенія, къ этому побуждали и гоненія на христіанство и необходимость прятаться отъ преслѣдователей и враговъ. Это нравилось у насъ и сохранялось даже до позднѣйшихъ временъ. Многіе, желая угодить Богу, копали пещеры. Первый, начавшій копать пещеру, былъ Иларіонъ, священникъ бывшій въ Берестовѣ, котораго

Ярославъ послѣ сдѣлалъ кievскимъ митрополитомъ. Богоугождение въ копаніи пещеръ заключалось въ томъ, что человекъ тожилъ себя произвольнымъ трудомъ, съ мыслию — приносить себя самого въ жертву. Явился Антоній. Житіе, внесенное и въ лѣтопись, не говоритъ о томъ, какъ вошла къ нему идея итти въ Аоонскую гору и кто былъ его наставникомъ. Вѣроятно, любечскій юноша, будущій начальникъ монашескаго житія въ Россіи, получилъ первыя сѣмена этого аскетизма отъ какихъ нибудь грековъ, какъ и Θεодосій, о которомъ говорится, что онъ встрѣтилъ старцевъ изъ Святой Земли и пожелалъ съ ними итти на Востокъ. Неизвѣстность, какимъ образомъ вошла Антонію мысль итти въ святую гору и съ кѣмъ онъ дошелъ туда — для насъ большая потеря. Несомнѣнно то, однако, что полное развитіе аскетизма въ немъ совершилось уже на Святой Горѣ, ибо и житіе его (въ нашей лѣтописи) говоритъ, что онъ, обходявъ аоонскіе монастыри, получилъ желаніе принять иноческій образъ; тогда монахи греческіе отправили его въ Русь и сдѣлали изъ него проповѣдника аскетическаго благочестія. Ему предсказали, что отъ него *черныцы мнози быти имуть*. Антоній, слѣдовательно, возвращался въ отечество съ сознаниемъ призванія своего и съ убѣжденіемъ, что ему суждено основать въ Россіи монашеское житіе; онъ явился въ Кіевъ, а не куда-нибудь, въ Кіевъ, потому что тамъ уже были и монастыри, заведенные тотчасъ же прозелитами послѣ крещенія. Но, какъ видно, эти монастыри были не таковы, какъ святогорскіе, и житіе въ нихъ не было то, какого образъ составилъ въ созерцательной головѣ Антонія. Антоній поселился въ пещерѣ, ископанной Иларіономъ; получивши митрополичій санъ, послѣдній оставилъ ее; Антоній полюбилъ это мѣсто и началъ тамъ жить, изнуряя себя воздержаніемъ, вкушая только хлѣбъ и воду, и то чрезъ день. Скоро, однако, слава его разнеслась по Кіеву: христіане, зная изъ поученій своихъ священниковъ, что древніе святые проживали въ пещерахъ и тѣмъ угождали Богу, приходили къ Антонію, приносили ему все потребное и удивлялись его подвигамъ. Такъ, это была первая школа, не только словомъ, но и дѣломъ и примѣромъ распространившая и утвердившая въ народѣ то неизмѣнное до сихъ поръ понятіе, что сущность христіанскаго спасенія достигается самопроизвольными трудами, изнуреніемъ и всевозможнѣйшимъ терпѣніемъ и страданіями. Антоній не былъ однимъ изъ такихъ лицъ, которые способны энергическою практическою дѣятельностію основать, укрѣпить и поддержать создаваемое зданіе. Это была натура, какъ видно, кроткая, мягкая. Біографъ его необинуясь говоритъ, что онъ былъ

простъ умомъ. Когда къ нему сошлось нѣсколько братіи, то онъ устроилъ имъ церковь, назначилъ игумена, а самъ удалился въ пещеру, гдѣ пробылъ сорокъ лѣтъ. Лѣтописное житіе говоритъ, что онъ не выходилъ оттуда никогда; въ житіи св. Феодосія говорится, что онъ вышелъ къ его матери.

Напротивъ, другой святой мужъ, Феодосій, послѣдовавшій за Антошіемъ, былъ совсѣмъ другого характера. Это былъ человекъ столько же суроваго аскетизма, сколько и практической дѣятельности. Это былъ человекъ, для котораго недостаточно было думать о собственномъ спасеніи, онъ чувствовалъ въ себѣ силы дѣйствовать на ближнихъ, это былъ человекъ, желавшій спасти и другихъ — мужъ, дающій инициативу, руководящій духомъ времени. Въ терпѣніи онъ не уступалъ Антонию. По ночамъ, говоритъ жизнеописатель его, святой Феодосій выходилъ надъ пещеру, обнажалъ свое тѣло до пояса и въ такомъ положеніи прятъ волну, отдавая тѣло свое на съѣденіе комарамъ и мошкамъ, и въ тоже время пѣлъ псалтырь; но этотъ человекъ не довольствовался самозаключеніемъ въ пещерѣ. Онъ создалъ монастырь, устроилъ общину воздержанія и самопронзвольнаго терпѣнія и иезаванія. Въ немъ является качество законоположника, зодчаго; потому онъ прежде всего выписалъ изъ Греціи студійскій уставъ, пославъ въ Константинополь одного изъ благочестивыхъ братій. Когда принесли этотъ уставъ, устроитель приказывалъ читать его передъ братіей, ввелъ строгій порядокъ, наблюдавшійся во всѣхъ видахъ повседневной жизни. Прежде чѣмъ построенъ былъ монастырь, братія жила подъ землею въ тѣсныхъ пещерахъ, по подобію Фивандскихъ отцевъ, и сильно скорбѣла — говоритъ ихъ жизнеописатель — отъ тѣсноты мѣста. Понятно, что для русской природы, любящей просторъ, показывающей эту склонность повсемѣстно, не могло быть ничего хуже тѣсноты. Братья ѣли хлѣбъ и воду, *въ субботу же и въ недѣлю сочива вкушашу; многажды и въ тѣ два дни, не обрѣтающуся сочиву, зерія сваривше, и то ядяху едино.* Трудъ постоянный считался необходимостью, отшельникъ долженъ былъ питаться непремѣнно отъ своихъ трудовъ: *еще же руками своими дѣлашу — ово ли копытыя плетуще и колбуки и иналъ ручная дѣла строюще и тако, носяще въ градъ, продаваху и тѣмъ житю купляху и се раздѣляху, да каждо въ пощи свою часть измѣльше, на оустроеніе хлѣбомъ; таже потомъ начатокъ пльню утреннему створяху, и тако пакы дѣлаху ручное свое дѣло; другоюци же въ оградѣ копаху зеленнаго ради растенія —*

дондеже бываше утреннему славословію, и того часа въкупъ съшедшея въ церкви, пенія часовъ творящу, и тако святую мѣтурнію свершивше и тако вкусивше мало шльба, и пакы дѣло свое кождо импьяше, и тако по вся дни трудящеса. Когда наконецъ состроенъ былъ Печерскій монастырь и Θεодосій былъ его начальникомъ, онъ старался умножить монаховъ, принималъ всякаго, но держалъ ихъ въ подчиненіи и постоянно наблюдалъ, чтобы братія не облегчала себя подвиговъ спасенія. Уже тогда братія жила въ кельяхъ; каждую ночь Θεодосій обходилъ кельи и смотрѣлъ, кто что дѣлаетъ; не входя въ кельи, онъ не рѣдко подслушивалъ у дверей, и если слышалъ, что въ кельѣ разговариваютъ монахи между собою, то ударялъ палкою въ дверь и уходилъ, а на другой день призывалъ и дѣлалъ обличенія. По его правилу, монахи должны были избѣгать разговоръ другъ съ другомъ по вечерни, но отслушавъ вечерню и павечерницу, каждый долженъ былъ отходить въ свою келію, и тамъ молиться. Ни у кого не должно быть ничего собственнаго, иначе св. Θεодосій бросалъ все въ огонь, что ни находилъ въ кельи монаха. Строгое послушаніе предписывалось безъ изыятія всѣмъ и для всякаго случая. Къ какому бы благому дѣлу ни приступалъ монахъ, онъ долженъ былъ испросить разрѣшенія и благословенія игумена, а безъ того — и хорошее дѣло считалось нехорошимъ. Θεодосій, предписывая строгость для другихъ, не только не дѣлалъ для себя изыятій, но налагалъ на себя еще болѣе томительныя тяжести, чѣмъ на подчиненныхъ. Онъ самъ нерѣдко носилъ воду, рубилъ дрова, топилъ печь, ходилъ въ самой дурной, разодранной одеждѣ. Θεодосій любилъ дѣлать поученія и говорилъ ихъ монахамъ.

Трудясь для монастыря, онъ не оставлялъ своими поученіями и міра, не внолнѣ, какъ Антоній, былъ чуждъ мірскихъ дѣлъ. Къ нему часто приходилъ князь Изяславъ Ярославичъ и бояры съ нимъ совѣтовались о жизни; онъ давалъ душеспасительные совѣты, исповѣдывалъ во грѣхахъ, разрѣшалъ и налагалъ епитимьи. Замѣчательно, что въ поученіи его князю о постѣ, онъ гораздо снисходительнѣе къ свѣтскимъ въ отношеніи поста, чѣмъ можно было ожидать отъ такого строгаго аскета. Но за то — главное — онъ требуетъ подчиненія духовенству, власти духовной. Вотъ чѣмъ отлчается духъ его посланія. Не смотря на то, что постъ для него высшее проявленіе христіанства, онъ даже и поститься не позволяетъ, если іерей не прикажетъ. Не думай и будь покоренъ власти духовной — вотъ сущность его аскетическаго ученія; послушаніе безъ размышленія есть долгъ. Вратарь у це-

черскаго монастыря не пустил даже князя Изяслава, когда не приказал никого пускать игумень. Житиеописатель Феодосія рассказываетъ, что въ дѣтствѣ надъ нимъ господствовала мать; онъ убѣждалъ отъ нея въ монастырь и можетъ быть, что эта суровость родительской власти оставила вліяніе на тотъ строгій порядокъ, какой ввелъ онъ въ монастырь, и какой посредствомъ переходилъ и въ міръ, съ благочестивыми понятіями. Напримѣръ, вмѣнено въ вину келарю то, что въ противность Феодосію игумену, онъ предложилъ пожертвованные хлѣбы братіи за трапезою не въ тотъ день, когда приказалъ игумень, а на другой. Этого мало: самые хлѣбы уже черезъ то сочтены оскверненными, и св. мужъ приказалъ ихъ пометать въ огонь, *яко вражью часть*.

Вмѣстѣ съ этимъ духомъ безусловной покорности, Феодосій предостерегалъ братію отъ общенія съ иноувѣрцами вообще. Житиеописатель Феодосія говоритъ, что нерѣдко онъ выходилъ тайно изъ кельи и монастыря къ Жидамъ и ругалъ ихъ въ глаза отметниками и беззаконіицами, желая, чтобъ они его убили, и дабы такимъ образомъ сподобиться пострадать за христіанскую вѣру.

Въ пищѣ проповѣдывалось имѣть воздержаніе и неприкѣтливость, крайнюю умѣренность. Но святые поставляли въ томъ подвигъ, чтобъ ѣсть дурное и невкусное. Такимъ образомъ одинъ изъ нихъ, Прехоръ, прозываемый Лебедникомъ, во время голода осудилъ себя ѣсть хлѣбъ изъ лободы; онъ былъ горекъ и противенъ, но Богъ превращалъ его въ сладость.

Церковь заботилась объ аскетическомъ совершенствѣ чловѣка, смотря по силамъ, — начиная отъ суроваго воздержанія печерокихъ затворниковъ, до легкаго соблюденія постовъ мірянами. Лишать себя того, что нравится, — вотъ въ этомъ состояла заслуга, на этомъ основывается такое уваженіе къ посту, которое привилось въ Русскомъ народѣ тотчасъ съ знакомства съ Христіанствомъ. И первые религіозные споры наши были о постѣ, ибо еще Изяславъ Ярославичъ спрашивалъ Феодосія о томъ, можно ли ѣсть мясо въ Господскіе праздники. Феодосій не только разрѣшилъ ему, но считалъ противузаконнымъ постъ въ большіе праздники. Такъ снисходительно смотрѣлъ онъ на мірянъ, когда такого суроваго воздержанія требовалъ отъ монаховъ.

Вмѣстѣ съ воздержаніемъ соединялось уваженіе къ труду; иногда трудъ этотъ предпринимался безъ опредѣленной цѣли, или лучше сказать, цѣль его была въ самомъ себѣ; трудиться было спасительно, ибо это Богу угодно, хотя бы не имѣлось въ виду никакой пользы. Такъ, трудились мужи святые по кельямъ; но большею частію трудъ, по понятіямъ, разви-

вавшимися въ Печерскомъ монастырѣ, былъ соединенъ съ униженіемъ и смиреніемъ. Такъ, напримѣръ, игумень Θεодосій носилъ братіи дрова въ избу и это ставилось ему въ заслугу потому, что онъ былъ начальное лицо, и потому уже собственно, по его сану, не должно было бы трудиться. Ставили въ большую заслугу то, что князь Никола Святоша служилъ въ монастырской поварнѣ, потомъ былъ вратаремъ; именно это ставили ему въ заслугу потому, что онъ былъ князь. Примѣръ уваженія къ дѣтству представляетъ повѣсть о Моисеѣ Угритѣ, сложенная очевидно такими, которые, живя въ монастырѣ, не знали міра и воображали его себѣ такимъ, какимъ онъ могъ казаться только тѣмъ, кто разошелся съ его тревоженіями. Моисей былъ взятъ Болеславомъ въ плѣнъ (братъ его былъ слугою Бориса и съ нимъ вмѣстѣ былъ убитъ). Какая-то знатная Полька хотѣла сочетаться съ нимъ, онъ упорствовалъ; она жаловалась королю и король хотѣлъ его заставить, но святой мужъ вмѣсто того сдѣлался евнухомъ.

Печерскій монастырь сообщалъ нашему религіозному убѣжденію неприязнь ко всему веселому, ко всему, что можетъ сообщить прелесть земной жизни. Вмѣстѣ съ пирами преслѣдовалось всякое смѣхотворство, всякое даже невинное увеселеніе. Θεодосій, заставши князя Святослава пирующими съ боярами и гусярами, со слезами представлялъ ему, что такого не будетъ на томъ свѣтѣ.

На слезы и грусть смотрѣли, какъ на нѣчто священное. Одинъ изъ святыхъ, Θεофилъ (въ житіи Марка Печерника) заплакалъ глаза; ожидая много лѣтъ часа кончины, предсказанной ему Маркомъ, онъ мучился безпрестаннымъ ожиданіемъ смерти, — и когда умиралъ, то ангелъ показалъ ему сосудъ съ благовоннымъ мвромъ, въ которое превратились его слезы; однако было столь мало, что превратившихся въ мвро было мѣнѣе случайно упавшихъ на землю и оставшихся на платкѣ, отъ тѣхъ, которыя святой, плача, имѣлъ терпѣніе собирать въ сосудъ, который подставлялъ всегда, какъ собирався плакать. Объ одномъ изъ затворниковъ говорится: *оттолъ разумьша вси, яко угоди Господеви: никогда же бо изыйде и видѣ солнице, и 12 лѣтъ и плача не преста день и ноць; ядше бо мало хлѣба и воды, но скуду пише и то черезъ день.*

Страданія, болѣзни принимались также за благополучіе. Пимень многострадальный терпѣлъ ужасныя болѣзни и сознавалъ, что если бы онъ захотѣлъ, то Богъ бы его помиловалъ, но онъ самъ не хочетъ, и лежа въ сирадной болѣзни, другихъ исцѣлялъ: «здѣ убо скорби и туга

и недугъ вналѣ, а тамъ радость и веселіе, идѣже нѣсть болѣзни, ни печали, ни воздыханія, но жизнь вѣчная; того бо ради, брате, сія терплю; Богъ же, иже тебе мною исцѣливый отъ недуга твоего, той можетъ и мене въставить отъ одра сего и немощь мою исцѣлити, но не хочу; претерпѣвый же до конца, той спасенъ будетъ», и такъ далѣе.

Сколько можно заключить, самое правило: дѣлать добро ближнимъ и не дѣлать имъ зла, связывалось съ тѣмъ понятіемъ, что въ сердцахъ лежатъ побужденія дѣлать зло, а добро дѣлать трудно. Вообще — трудъ и лишенія — вотъ-что ставилось на первомъ планѣ въ дѣлѣ спасенія. Сдѣлать доброе дѣло важно было не для того, кто получаетъ, а для того, кто дѣлаетъ и даетъ; ибо давать и дѣлать добро, по понятію тогдашнему—было непріятно, и потому спасительно. Поэтому Русское нравственное вѣроученіе и не старалось о томъ, чтобы всѣмъ было хорошо здѣсь, чтобы въ обществѣ каждый могъ наслаждаться жизнью: это было не въ его цѣли, ибо непріятности, страданія ведутъ въ царствіе небесное, и слѣдовательно все благодѣяніе, какое могла оказать Церковь, относиться могло только къ лицамъ въ отдѣльности, а не къ цѣлому обществу.

Богатство считалось уже само по себѣ корнемъ зла. Желающій спастись лучше ничего не могъ сдѣлать, какъ раздать нищимъ свое состояніе и итти въ монастырь въ произвольную нищету. Св. Феодоръ, по указанію бѣса отыскавшій сокровище въ землѣ, зарылъ его въ землю снова и молилъ Бога забыть о томъ и вѣстѣ, гдѣ онъ погребъ его. При раздачѣ имущества нищимъ, цѣлью не было обогатить своихъ ближнихъ, а только цѣль—достичь самому царствія Божія. Замѣчательно, что сватому, пожалѣвшему о растратѣ вишня, другой сватой предложилъ, что онъ возвратитъ ему все, но съ тѣмъ, что милостыня отъ Бога ему вишня.

Эта философія, отвергающая земное стяжаніе, облеклась въ сказаніе объ Іоаннѣ и Сергіѣ въ Патерикѣ. Іоаннъ и Сергіѣ заключили между собою *духовное братство* (древнее побратимство, оскѣненное теперь церковнымъ освященіемъ) и Іоаннъ оставилъ сыну своему Захару наслѣдство, которое поручилъ названному брату; названный братъ счелъ лучше самому чужимъ достояніемъ воспользоваться и не отдалъ Захару, когда онъ требовалъ отцовскаго достоянія, не отдалъ даже и тогда, когда Захаръ просилъ не болѣе половины, даже трети. Тогда Захаръ призвалъ его къ клятвѣ предъ иконою Богородицы въ Печерскомъ монастырѣ. Обманщикъ не могъ приблизиться къ иконѣ и принужденъ былъ сознаться въ своей винѣ. Лучшаго конца повѣсть не представляетъ намъ, кромѣ

того, что Захаръ все золото и серебро свое пожертвовалъ на монастырь, и онъ и его обиратель — постриглись въ монастырь.

Нищета считалась первою принадлежностію монашескаго быта. Однако усердіе дателей не было отвергаемо, и вскорѣ монастырь сталъ богатъ. Жертвовать на монастырь было такое же доброе дѣло, какъ и дарить нищимъ и кормить ихъ. Печерскій монастырь надвѣляли богатыми по тому времени вкладами звонкаго металла, разныхъ драгоценныхъ вещей, записывали въ его вѣчное владѣніе недвижимыя имѣнія, села. *И приношазу ему (князья и бояре) отъ мѣлкихъ своихъ на утѣшеніе братіи и на устроеніе монастыря, друзи же сала одающе на церковную потребу.*

Монастыри создались двумя способами, или 1) стрѣляли ихъ князья и знатные богатые люди по думѣ, или по данному обѣту, во время испрошенія какой нибудь особенной Божіей помощи; 2) основывались они и такъ, какъ основывался Печерскій: собирались добровольные любители аскетическаго житія.

Основаніе церкви печерской приписуютъ Варягу Шимону — вѣроятно Шведа родомъ; это былъ сынъ Аѳрикана, брата Якуна-Слѣпото, того самого, который помогалъ Ярославу въ сраженіи противъ Мстислава Владимировича на Лиственской битвѣ и отбѣжалъ золотой луды. По смерти Аѳрикана, братья его выгнали изъ отечества Шимона, какъ это обыкновенно случалось въ Скандинавскомъ мѣрѣ. Онъ убѣжалъ къ Ярославу въ Гардерикъ. Якунь Слѣпой послѣ службы Ярославу возвратился на родину и тамъ участвовалъ въ несправедливостяхъ къ племяннику. Впоследствии рассказывалъ о себѣ Шимонъ слѣдующее: «Былъ у моего отца Аѳрикана крестъ съ изображеніемъ Христа вѣнцомъ (известію), очень великъ, въ десять локтей, *люже Латмы и муть.* На этомъ изображеніи былъ золотой поясъ въ 8 гривень золота и золотой вѣнецъ на главѣ. Когда Шимону приходилось убѣгать изъ родины, онъ захватилъ съ собою этотъ поясъ и вѣнецъ. *Тогда ему слыхъ бысть: никакоеже сею не возложи на главу свою, неси сія на уготованное мѣсто, иде строится церковь матери моея и отдай въ руки преподобнаго Феодосія, нусть повѣситъ надъ жертвенникомъ.* Послѣ этого видѣнія, когда онъ плылъ по морю въ Гардарикъ, едѣлась буря; Шимонъ испугался и подумалъ, что это наказываетъ его Богъ за то, что онъ взялъ украшенія отъ Христова образа; началъ онъ въ этомъ каяться, и тогда увидѣлъ на воздухѣ изображеніе церкви и услышалъ голосъ, объясняющій, что это за церковь: «это церковь,

которая хочет создаться отъ преподобныхъ во имя Божіей Матери; въ ней и ты будешь положенъ; размѣръ поясомъ 20 лактей въ вышину, 30 въ длину и 30 въ ширину.» Не смотря на то, когда прѣѣхалъ Шимонъ въ Кіевъ, то долго, какъ видно, не думалъ строить церкви: впоследствии объяснялъ онъ, что не зналъ и мѣста, на которомъ указано отъ Бога быть этой церкви. Шимонъ прибылъ въ Кіевъ еще при Ярославі и служилъ у сына его Всеволода; когда же, по смерти князя Ярослава, появились впервые Половцы, Шимонъ отъправился противъ нихъ съ Русскими оиолченіемъ и обратился вмѣстѣ съ князьями Изяславомъ, Святославомъ и Всеволодомъ къ преподобному Антонію. Боговдохновенный старецъ предрекъ имъ всѣмъ несчастье. Шимонъ въ простотѣ сердца палъ къ ногамъ преподобнаго и молилъ сохранить его отъ вражескаго меча. Преподобный отвѣчалъ ему: «о чадо! многіе надуть отъ острія меча и убѣгутъ отъ соноstattъ, будутъ поцарапаны и узвляеммы, будутъ тонуть въ водѣ; ты же останешься спасенъ, ибо тебѣ суждено лежать въ нечерской церкви, которая создается твоимъ попеченіемъ.» Несчастно для русскихъ было поражение на Альтѣ; Шимонъ былъ раненъ и лежалъ на полѣ посреди труновъ и умирающихъ, и вдругъ въ воздухѣ увидѣлъ то же изображеніе церкви, которое нѣкогда представилось ему надъ Балтійскими волнами. Тогда онъ вспомнилъ, что съ нимъ прежде было, началъ молиться о спасеніи. Онъ потомъ выздоровѣлъ. Тогда пришелъ онъ къ Антонію, отдалъ ему поясъ для размѣренія церкви и вѣнецъ, который слѣдовало повѣсить надъ трансеею. Потомъ онъ явился къ Θεодосію и просилъ благословить себя не только въ жизни, но и по смерти. Θεодосій отвѣчалъ, что самъ еще не знаетъ, будетъ ли угоденъ Богу своими молитвами по смерти, но Шимонъ представлялъ, что ему былъ отъ образа гласъ, которой свидѣтельствовалъ о святости Θεодосія и о томъ, что ему суждено основать церковь, поэтому Шимонъ просилъ молиться о себѣ и о своемъ сынѣ Георгіи. Θεодосій изъявилъ желаніе молиться за него и за его семейство наравнѣ, какъ и за всѣхъ Христіанъ. Шимонъ этимъ былъ не доволенъ; онъ требовалъ, чтобы Θεодосій далъ ему свое благословеніе на письмѣ. Θεодосій согласился и далъ ему молитву. По этому примѣру на Руси начали владать въ руки мертвымъ при погребеніи рукописаніе. Шимонъ, готовясь строить храмъ, хотѣлъ прежде всего взять для себя еще выгоднѣшнія условія: онъ потребовалъ отъ святаго мужа отпущенія грѣховъ своихъ родителей. Θεодосій, воздвигнувъ руки, сказалъ: да благословитъ тя Господь отъ Сіона и до послѣднихъ рода твоего! Шимонъ принялъ

православную вѣру и нареченъ Симономъ. О родѣ Симона Печерскій Патерикъ приевокуялетъ, что сынъ его Георгій былъ отправленъ съ Мономахомъ, съ сыномъ его Юрьемъ въ Суздальскую землю и потомъ былъ тамъ поставленъ управлять всею Суздальскою землею.

Повѣсть эта многозначительна въ исторіи жизни Русской. Это былъ у насъ первообразъ множества подобныхъ событій, когда, вслѣдствіе укренившася вѣрованія о спасеніи души посредствомъ постройки монастырей, богатые люди благодѣтельствовали монастырямъ, давали имъ села, доходы, и такимъ образомъ способствовали развитію монастырской жизни.

Вслѣдъ за повѣстью о Симонѣ, образовались тогда же старинныя сказанія о пришествіи церковныхъ мастеровъ изъ Греціи и объ основаніи Печерской церкви. Придавая еще болѣе въ глазахъ народа святости печерской обители, повѣсть приводитъ изъ Греціи мастеровыхъ людей, которые получаютъ отъ пресвятыя Богородицы указаніе итти въ Русь и строить церкви. Ангелы являлись въ видѣ *блгообразныхъ скопцовъ* звать ихъ къ Богородицѣ во Влахернѣ. Образъ ангеловъ въ видѣ скопцовъ перѣдкость въ византійской легендарной литературѣ. Аскетизмъ и самоистязаніе достигаютъ до умерщвленія плоти и способствуютъ дѣвственному житію. То же сказаніе говоритъ, что икона, которая впоследствии сдѣлалась въ Печерскомъ монастырѣ мѣтною, была принесена прибывшими греческими мастерами, она была имъ вручена самою Богородицею и есть прозвѣденіе не земного, а небеснаго, сверхъестественнаго искусства. Вотъ начало благоговѣйнаго почитанія явленныхъ иконъ, столь распространеннаго впоследствии въ религиозной сферѣ русской жизни. Эта вѣра въ явленные иконы съ востока принесена была къ намъ прежде всего въ Печерскій монастырь, на Кіевскую почву, точно какъ и многія другія священныя вѣрованія.

Отыскивали мѣсто для будущей церкви, и ея заложеніе сопровождалось чудесами, подобными восточнымъ чудесамъ ветхаго завѣта и сходнымъ съ ними позднѣйшимъ церковнымъ преданіямъ Востока. Подобно Гедену и Или, святой Θεодосій, желая узнать, какое именно мѣсто пріятно Богу для возвиженія церкви, молился, чтобъ вездѣ была роса, а на томъ мѣстѣ, гдѣ слѣдуетъ быть церкви, не было росы; а на другую ночь просилъ обратно, чтобъ именно тамъ была роса, когда повсюду не было росы. Все совершалось по его желанію. На томъ мѣстѣ, гдѣ высшее знаменіе указало быть церкви, росли кустарники; они были истреблены огнемъ, низведеннымъ съ неба силою молитвы св. Θεодосія. Когда нужно было копать ровъ для закладки храма, эту работу пред-

принялъ первый князь Святославъ, и богатые люди жертвовали вклады на созданіе святыни съ тѣмъ, чтобъ по смерти быть погребенными на этомъ благословенномъ мѣстѣ.

Уже повѣсти о Варягѣ Симонѣ и о греческихъ мастерахъ придаютъ особое значеніе погребенію въ Печерской церкви. Въ словѣ, составляющемъ часть Патерика и называющемся: *Слово, еже когда основана бысть церковь Печерская*, говорится: *блаженъ и треблаженъ сподобившися положенъ быти; блаженъ и треблаженъ сподобившися въ той написанъ быти, яко оставленіе прѣиметь грѣховъ*. Преп. Θεодосій говоритъ: *всѣхъ положенный адъ, помилованъ будетъ*. Вотъ какое важное значеніе получила тогда Печерская церковь и Печерская обитель! Не удивительно, что эта обитель скоро процвѣла. До построенія церкви Θεодосій говоритъ пришедшему къ нему Варягу Симону: *а всѣмъ, чадо, оубожество наше, иже и когда многажды и хлѣба те обрѣтастся въ днескую нищу*. Но скоро послѣ того, когда Θεодосій, по откровенію Божию, готовился отойти отъ міра сего и собиралъ братію, то уже многая братія жила въ разныхъ селахъ монастырскихъ. Князья и княгини давали и записывали въ монастыри богатые вклады, имѣнія. Такъ князь Ярополкъ Изяславичъ далъ въ монастырь Неблоскую волость, Деревскую и Лутую и около Кіева; зять его Глѣбъ Всеславичъ — 60 гривенъ золота и 50 гривенъ золота, а по его смерти назначилъ 600 гривенъ серебра и 50 гривенъ золота и по смерти села съ челядью (Ип. сѣлѣт. 82). Монастырь Печерскій одѣвался даже хранилищемъ чужихъ сокровищъ. Въ тотъ вѣкъ достояніе не было еяшиномъ обезпечено отъ прѣзвела, и потому многіе отдавали туда на сохраненіе и серебро и золото, и этотъ обычай распространенъ на всѣ монастыри.

Преподобный Θεодосій оградилъ свое твореніе отъ притѣненій въ будущія времена со стороны князей и духовныхъ сановниковъ. Преданіе, записанное въ Патерикѣ, сообщаетъ, что предъ смертію онъ видѣлъ князя Святослава и молилъ его, чтобъ церковь Печерская была освобождена отъ власти и князей и владыкъ; ибо не люди, а сама Богородица ее создала. Такъ на долго обитель пребывала независимымъ обществомъ. Мудрый Θεодосій установилъ самъ твердую нравственную связь между всѣми принадлежащими къ обители. Онъ предвидѣлъ, что обитель сдѣлается расадникомъ игуменовъ и владыкъ въ Россіи. Конечно, уже и прежде, вѣроятно, она начала имѣть свое важное значеніе; поэтому онъ сказалъ, что если кто изъ братіи будетъ призванъ на какое нибудь начальническое мѣсто въ Россіи, то выходить изъ обители можетъ только

съ позволенія старшихъ и всегда долженъ искать успокоиться въ Печерской обители; только за такихъ общается съ. Θεодосіемъ молиться предъ Богомъ. Понятно, какъ послѣ такого завѣщанія, впоследствии Печерскіе иноки, гдѣ бы они ни были, не теряли связи съ монастыремъ, какъ показываетъ письмо Симона, епископа Владимірскаго. Нанутѣваемый мысленнымъ благословеніемъ великаго основателя обители, такой питомецъ Печерской обители, будетъ ли онъ въ Ростовѣ, во Владимірѣ, въ Новгородѣ, въ Полоцкѣ — всегда обращался къ Кіеву, къ завѣтной обители, сердцемъ, какъ къ обѣтованной землѣ спасенія, и хранилъ тѣ преданія, тѣ вѣрованія и правила, которыя получилъ въ этомъ монастырѣ, и сообщалъ ихъ повсюду, куда простиралось его вліяніе.

Печерскій монастырь указалъ Русской религіозности и то направленіе, которое въ дѣлахъ общественныхъ обращало дѣйствіе христіанскаго правоученія со всѣми наставленіями единственно къ совершившемуся факту, а не касалось самаго общественного порядка. Преподобные святые Печерскіе развили это начало. Антоній былъ благорасположенъ и къ Изяславу и ко Всеволоду, и за послѣдняго былъ перыиъ изгнанъ. Θεодосіемъ жила въ согласіи и осыпалъ благословеніями Изяслава, а петомъ изгнанаго его брата Святослава. Онъ неже укорялъ его за изгнаніе Изяслава, за похищеніе стола киевскаго, чѣмъ за то, что засталъ Святослава въ пирунѣ съ гуслярами, и восхвалялъ его, когда князь удалялъ всеолыя споны отъ преподобнаго мужа, коль скоро преподобный приходилъ ко князю. Однажды пришла къ Θεодосію убогая вдовица жаловаться на судью, который ее обобралъ и рѣшилъ неправое ей дѣло. Θεодосіемъ упросилъ судью возвратитъ ей неправильно взятое. Но Θεодосіемъ не считалъ своимъ дѣломъ стараться, чтобъ такихъ судей не было. Онъ заступался — говорить его житіе — за угѣшенныхъ передъ княземъ и судьями, и это ставится въ заслугу его милосердію, но съ точнаго зрѣнія Θεодосіемъ не было потребности измѣненія того порядка, отъ котораго зависѣли угѣшенія, облегчаемыя его заступничествомъ. Точно такое направленіе получило и послѣ него вліяніе церковныхъ мужей на общественную жизнь. Благочестіе съ радостію оказывало пособіе страждущимъ, гонимымъ, но мало вопіяло противъ тѣхъ, которые были виновниками несчастій, поражающихъ тѣхъ, кто искалъ угѣшенія въ религіи; оно не заглядывало внутрь земныхъ побужденій. Покорность настоящему, отсутствіе мысли объ общественномъ движеніи — было основою нравственнаго понятія, выработаннаго на религіозной почвѣ. Пусть каждый только о себѣ заботится, о своемъ спа-

себя помыслить — это было правило нравственно; такимъ образомъ даже слово Христова о неосужденіи брата своего приѣнялось болѣе къ собственному самоуничтоженію, чѣмъ къ сохраненію чести другого. Зачѣмъ тебѣ разсуждать и умствовать; помни, что ты хуже всѣхъ человѣкъ, долженъ Христа ради смиряться! всѣмъ слѣдуетъ угождать, всѣхъ хвалить, всѣмъ покорствоваться; только тогда и можно спастись. Самостоятельнымъ слѣдуетъ быть только тогда, когда дѣло идетъ о постѣ и о соблюденіи первоначальныхъ правилъ и обрядовъ: тутъ должно отвращаться отъ житейскихъ удовольствій, слѣдуетъ быть упорнымъ и не склоняться ни передъ какою властію. Но во всемъ прочемъ не слѣдуетъ быть строптивымъ.

До какой степени простиралась важность покорности начальству и считалась первѣйшею добродѣтелію, видно изъ того, что въ одной изъ повѣстей умершій, воскреснувъ, не могъ сказать братіямъ въ монастырѣ большой истины, какую могъ вынести изъ будущей жизни, какъ только то, что слѣдуетъ быть покорнымъ игумену. Замѣчательно, что даже самый суровый аскетизмъ и плотскія стяжанія не помогутъ, если монахъ не будетъ отличаться безмолвнымъ послушаніемъ.

Война со всѣми ея ужасами мало смущала благочестіе. Развитое на вѣчь Печерскаго монастыря, оно заботилось о томъ, чтобъ давленіе войны протекло мимо его и не лишило обителѣ законнаго ея достоинствъ. Вотъ, напримеръ, Георгій, Симоновъ сынъ, бывшій въ Суждалѣ, сознается, что когда онъ съ Юріемъ Долгорукимъ и при помощи Половцевъ воевалъ противъ Изяслава Мстиславича, то началъ онъ съ Половцами на какой-то городъ, но это было село монастырское, которое неказалось градомъ, чтобъ не даться Половцамъ на разграбленіе; ибо враги, видя его твердыню, не рѣшились отваживаться на приступъ. Такимъ образомъ, по понятіямъ времени, не считалось предосудительнымъ воевать, брать села и города и разорять ихъ, но слѣдовало шадить монастырскія имущества.

Главные признаки аскетическаго настроенія: покорность, воздержаніе и предписаннымъ правиломъ страхъ мысли, страхъ земныхъ удовольствій и внутренняя борьба со злымъ духовнымъ существомъ. Послѣ принятія христіанства, въ Печерскомъ монастырѣ настала война съ бѣсами. Бѣсъ — ирраціональное, злое существо... Какъ скоро святой мужъ обречетъ себя на сугубое воздержаніе, запретъ въ тѣсной кельѣ или пещерѣ, начнетъ день и ночь изнурять плоть свою поклонами, языкомъ безмолвіемъ, а умъ бѣганьемъ грѣховныхъ помысловъ, — тотчасъ являются къ нему эти искусители, отвлекаютъ его отъ богомыслия и слятся сдѣлать съ нимъ какую нибудь пакость. Святой мужъ долженъ не поддаваться и муже-

ственно борются съ ними. Сначала дѣйствуютъ духи невидимо, а потомъ являются и тѣлесному зрѣнію. Они принимаютъ образъ похожій на обезьяну, въ шерсти, съ когтями, съ хвостомъ, да въ добавокъ, чего нѣтъ у обезьяны, съ рогами и съ крыльями; но иногда явятся воплѣ въ человѣческомъ видѣ, только чаще всего въ видѣ челоуѣка неправославнаго. Однажды святой, одаренный прозорливостію, увидѣлъ бѣса въ образѣ Луха; онъ сыпалъ цвѣтами на братію во время заутрени: на кого цвѣтокъ упадетъ и прилипнетъ, тотъ братъ разслабѣвалъ, уходилъ изъ церкви и ложился спать; но были такіе строгіе подвижники, что цвѣтки не прилипали къ нимъ. Здѣсь цвѣтокъ — символъ грѣшнаго удовольствія. Когда братъ уходитъ изъ монастыря, тутъ-то было бѣсамъ раздолье. Одинъ святой видѣлъ однажды бѣса, хлѣбнаго верхоуъ на свинѣ; лукавый духъ величался и поемѣивался надъ монахомъ, который успѣлъ ускользнуть послѣ заутрени за монастырскую ограду. Обыкновенно бѣсы старались развлечь, склонить къ чему нибудь подвижника и шѣптать ему, когда онъ погружался въ безмолвіе и творилъ надъ собою истязанія, и чѣмъ сильнѣе старался угодникъ преодолѣть лукаваго, тѣмъ больше лукавый старался его искусить. Примѣръ искушенія въ исторіи затворника Исакія, котораго бѣсы довели до того, что заставили его проплясать, а потомъ привели въ совершенное истощеніе, такъ что нужны были годы, чтобъ святой могъ понравиться. Торопецкій мученецъ по происхожденію, по прозвищу Чернь, онъ вступилъ въ монастырь, раздалъ все свое имѣніе на монастырь и нищамъ, и принять былъ; потомъ облеченъ во власяницу и повелъ себя кунити себя козлами и одрати его мѣхомъ и взелече на власяницу и осие около его; затворися въ пещерь въ единой улицы въ кельици малъ, яко четири лакоть суци, и ту моляше Бога со слезами; слыды же блше просфира едина и то чрезъ день. Послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ, бѣсы явились ему въ образѣ ангеловъ и Исакія, по простотѣ, поклонился имъ; тогда одинъ изъ бѣсовъ сказалъ: *возьмите сопльи и бубны и гусли, и ударайте, атъ Исакіи намъ спляшетъ. И удариша въ сопльи и въ бубны и въ гусли и начаша имъ шрати и утомиша его и оставиша ѿ оле жива суца, и отыдоша, поругавшеса ему.* Іоанна многострадалнаго бѣсы мучили похотью, и святой мужъ истязалъ себя сначала тѣснымъ заключеніемъ, голодомъ и молчаніемъ, носилъ на тѣлѣ желѣзныя вериги, а потомъ на время поста зарывалъ себя въ землю, оставляя наружи только руки и голову. Бѣсы пугали его то огнемъ съ-низу, то ему

представлялось, будто онъ гореть, то являлся эфѣй и грозилъ его поглотить. Иоаннъ выстоялъ всякія искушенія. Святой особенно подвергался искушенію въ затворничествѣ и долженъ былъ помнить, что предъ появленіемъ къ нему непретѣнно слѣдуетъ заставить приходящаго прочесть молитву Иисусову, и если бы кто не захотѣлъ этого сдѣлать, то дѣлая улыбку, что онъ бѣсъ. (Не дѣждь ему бесѣдовать съ тобою и прежде, даже молитву сотворить, тогда ровнужьши, яко бѣсъ есть). Одному подвижнику бѣсъ явился въ образѣ его друга и сподвижника, помогъ ему отыскать золото и велъ было его къ тому, что онъ собралъ-онъ убѣжать изъ монастыря. Но къ счастью обманъ открылся скоро и святой этотъ (Феодоръ) лучше разсчитался съ бѣсомъ, чѣмъ Исавѣй. Когда нужно было изгнать отъ себя лукавыя помысленія, приходившія въ праздности, подвижникъ осудилъ себя на тяжелыя работы, — сначала молотъ муку на ручной мельницѣ съ ручнымъ жерновомъ; другой разъ, когда сгорѣла нечерская церковь — таскать лѣсъ съ берега Двѣпра на гору. Бѣсъ вздумалъ было искушить его, и когда святой отдыхалъ однажды отъ своей мукомольной работы, бѣсъ сталъ молотъ, но святой своимъ заклинательнымъ молитвами принудилъ его въ снѣгахъ дѣлать трудиться и продолжать работать на жерновѣ, а самъ въ это время молчалъ. Потомъ, когда святой таскалъ на гору лѣсъ, тогда сбѣгалось уже много бѣсовъ, товарищей проказника, творившаго пакости надъ святыми; они бросали съ горы намошенное дерево. Тогда святой словомъ своимъ молитвъ принудилъ бѣсовъ все дерево, сколько его ни было изготовлено надъ горою, перетаскать на гору въ одну ночь. Бѣсы рѣшились отомстить за такое униженіе, которое было тѣмъ для нихъ чувствительнѣе, что они не могли забыть, какъ люди ихъ нѣкогда чествовали подъ именемъ идоловъ. Сначала научили они извѣстниковъ, которые подражались въ монастырь возить лѣсъ, требовать платы за перевозку тѣхъ дерева, котораго они не возили и которое вмѣсто ихъ возили бѣсы. Когда дѣло дошло до суда, то судья, выслушавши престоисердечныя оправданія святого, сказалъ ему, что бѣсы помогутъ ему и заплатятъ, какъ помогали свезти. Неизвѣстно, какія послѣдствія выѣла эта тяжба; но бѣсъ явился во образѣ Василія къ одному изъ княжескихъ совѣтниковъ, боярину Свѣтополку и сына его Метислава, жадному и злому, какъ князя его, и доносилъ, что Феодоръ отыскалъ сокровище въ Варяжской пещерѣ и не являетъ князьямъ. За это потребовали Феодора и стали мучить, когда онъ отговаривался, говорилъ что забылъ, гдѣ зарылъ снова кладъ. Потомъ послали за Василіемъ, не выходявшимъ уже 15 лѣтъ изъ пещеры: Василій,

разумѣется не зная, что происходило подъ его именемъ, привелъ въ недеумѣніе и досаду князя Мстислава своими неясными отвѣтами, и тетя думая, что онъ запирается, тогда какъ самъ же прежде ему доносилъ, застрѣлилъ его стрѣлою. Василий, умирая, предрекъ Мстиславу литую смерть, и она сбылась въ битвѣ съ Давыдомъ Игоревичемъ.

При умственной покорности — знаніе не считалось достоинствомъ. Въ повѣстьяхъ печерскаго монастыря знаніе и земная мудрость является даромъ бжесовъ. Такъ о преподобномъ Никитѣ рассказываютъ, что къ нему явился бжесъ и научилъ его понимать одни только книги Ветхаго завета, такъ что онъ могъ пророчествовать. По составившемуся въсегда юному понятію о знаніи, вмѣстѣ съ нимъ соединялось вѣрованіе въ пророчество; знать, быть мудрымъ, значило вмѣстѣ — дѣлать чудеса, говорить то, чего другой не скажетъ, однимъ словомъ — дѣлать то, чего другой никто не можетъ сдѣлать и для чего нельзя придумать обыкновенныхъ способонъ. Но когда святые отцы, сошедшесъ около Никиты, прогнали бжесовъ, Никита сталъ прежнимъ невѣждою и сподобился въслѣдствіи изводить дождь съ неба на произрастенія земныя. О Лаврентіѣ затворникѣ рассказывается, что когда онъ пошелъ въ затворъ и получилъ благодать дѣлать бжеснующихся и къ нему приводили больныхъ, бжесы научили его по гречески, изощрили его способности; но когда другой святой молитвами исцѣлялъ его отъ бжесскаго искушенія, Лаврентій забылъ всѣ свои знанія.

Печерскій монастырь не благоволилъ къ иновѣрцамъ. Такъ въ житіи св. Агапита, безмезднаго врача, рассказывается, что когда къ нему пришелъ врачъ Арменинъ, то не смотря на свое смиреніе, какъ скоро онъ узналъ, что это Арменинъ, то воскликнулъ: *почто смѣлъ еси внити и осквернити келію мою и держати за грлшную мою руку? Изыди отъ мене, неварне и нечестиве!* Въ отвѣтъ св. Θεодосія Изяславу Ярославичу на вопросы о Варяжской вѣрѣ, святой мужъ порицалъ варяжскую вѣру; тамъ не только обвиняютъ послѣдователей западнаго христіанства въ яденіи пошекъ и псовъ и удавленныя, но говорятъ и о крайнихъ непристойностяхъ при брачномъ обрядѣ. Въ поученіи и отвѣтѣ совѣтуется не давать католикамъ ѣсть и пить изъ сосуда своего, и если придется дать по крайней нуждѣ, то непременно вымыть сосудъ; приказывается не только не принимать чужевѣрнаго къ себѣ, но проклинать всякое чужевѣрье.

Такъ какъ раздаяніе богатствъ нищимъ не имѣло въ себѣ цѣль, а само по себѣ составляло цѣль, такъ точно и трудъ предпринимался и

считался полезнымъ не по плодамъ его, а самъ по себѣ, въ своемъ процессѣ.

Видно, что въ южной Руси оставались языческіе обычаи; долго еще смотрѣли Русскіе на жизнь сквозь языческое покрывало и въ-самые христіанскіе обычаи и обряды вносили языческое содержаніе. Вотъ, напримѣръ, Феодосій воспрещалъ, что въ его время многіе ставили на кутью яйца, приставляли къ кутьѣ воду, ставили обѣды по умершимъ, и носили въ церковь съѣстное, однимъ словомъ — отправляли трезны, ибо у язычниковъ погребеніе сопровождалось пьянствомъ. Святый соболѣзнуя вопіялъ противъ соблазнительнаго цѣлованія мужчинъ съ женщинами на пирахъ. Отъ этого христіанство противодействовало языческой чувственности строгою стороною своей духовной чистоты, а аскетическое ученіе дѣлалось одною нравственною философіею для всего христіанства вообще.

Самая мірская жизнь не виѣла, съ церковной точки зрѣнія, другого идеала, кромя аскетизма. Это было тѣмъ естественнѣе, что вотъ, напримѣръ, въ словѣ отца къ сыну (последній очевидно не готовился въ монастырь, но намѣревался жить въ мірѣ семейно), отецъ, представляя ему примѣръ добродѣтели подвижниковъ, *мже мало свѣта сего причащасяся*, говоритъ: *изволи себѣ тѣхъ житье и тѣхъ правый путь приими, тѣхъ нравы и ты, чадо мое, възмици со всею силою и со всею крѣпостью*. Въ томъ же словѣ отецъ заповѣдаетъ сыну давать десятую часть отъ своего имѣнія Господу (то есть, въ монастыри и духовенству). Такимъ образомъ видно, что понятіе о десятинѣ переходило изъ княжескаго быта въ частный, домашній

Понятно, что при направленіи заботиться каждому лишь о собственномъ спасеніи, не удержалось вполне согласіе, миръ и братство въ Почерскомъ монастырѣ, и уже въ раннія времена встрѣчаются слѣды взаимной зависти и вражды и обмановъ между братіею. Такъ въ житіи Алимпія Иконописца разсказывается, что монахи брали деньги съ одного богатаго господина, заказывали Алимпію икону, но въ самомъ дѣлѣ не давали объ этомъ знать Алимпію, а боярину говорили, что Алимпій просить второе.

Не смотря на аскетическое исключительное направленіе, въ церквяхъ читались однако поученія переведенныя съ греческаго, гдѣ аскетизмъ представляется недостаточнымъ безъ добрыхъ чувствъ, любви: *аще ли кто отъ хлѣба ся удержитъ, а илюбо имать, и таковыи подобенъ есть звѣрю; тѣ бо не пость хлѣбъ; аще же отъ*

иштя и отъ рыбы кто оудержится и на цоль земль лезаетъ, а злобу ишья и неправду дья, не хвалится оубо: пуци естъ и скота.

Добродѣтель были: постъ, грусть; смѣхъ и веселіе — грѣхъ. Одинъ подвижникъ, по имени Памва, далъ обѣтъ никогда не смѣяться. Бѣсыупотребляли всевозможнѣйшія удочки, чтобы разсмѣшить святого, — долго все было напрасно; наконецъ, когда бѣсы привязали маленькое перышко къ огромному бревну и потащили его мимо подвижника съ крикомъ: алай, алай! Памва улыбулся, и бѣсы восмелскали и запрыгали отъ радости, восклицая: Авва Памва засмѣяся! Авва Памва засмѣяся, засмѣяся! — Я засмѣялся немощи вашей — сказалъ имъ святой, — что вы и то только съ трудомъ можете это бревно сдвинуть. Въ одной древней нравоучительной бесѣдѣ говорится: »смѣхъ не съзидаеть, не хранитъ, »но погубляетъ и съзиданія раздроушаетъ, смѣхъ Духа Святаго нечашитъ, не пользуетъ и тѣло растлмваетъ; смѣхъ добродѣтели прогонитъ, не имать бо памяти смертныя, ни поученіе моукамъ. Отъиши, »Господи, отъ мене смѣхъ и дароуи плачь и рыданіе, егоже присно »ищени отъ мене (Имп. Публ. Библ. Погод. Сб. № 1297, стр. 91).

Съ женщиною не слѣдовало даже говорить, женщина было существо, располагающее къ согрѣшенію: »Не достойтъ мнѣхоу ясти съ женою или цити или что промышлати с женами или инакъ како разоумъ имѣти съ »ними; прелюбодѣйство есть, велико прелюбодѣйство женское соужит- »ство: еда камень еси? человекъ еси, общемоу естествоу подлежаи в на- »деиіи, огнь имаша въ лонѣхъ — не изгорѣши ли? како имать слово: положи »свѣщу на сѣно, тогда възможеша рещи, яко не горитъ сѣно? аще не »отмещешися, яко горитъ сѣно, и мнѣ глаголи, но не вѣдущему тайныхъ.

Убѣгая отъ женскихъ очей, слѣдуетъ избѣгать и помышленій о женщинахъ. »Всякъ бо възрѣвый на жену съгрѣшаетъ. »Надобно имѣть постоянно блѣдное лицо и дурныя одежды: *блѣды и щоубы видѣи и ры- »зы хоуды подобаетъ имѣти* (Пог. Сб. 1288, стр. 226).

Монашеское самоистязаніе, уединеніе отъ всего, что составляетъ матеріальную прелесть на землѣ, открывало идею торжества духовнаго начала надъ грубою силою. Въместо богатыря съ оружіемъ, страствующаго по чужеземнымъ странамъ, ищущаго онасностей, побѣждающаго ихъ, получающаго въ награду богатства, и т. п. являются богатыри духа, страствующие въ таинственной области видѣній, вступающіе въ борьбу съ духами; они побѣждаютъ ихъ, отваживаются на всякія лишенія добровольно, и за все терпѣніе получали награду высшую, награду на

небѣ. Такъ какъ богатырь не сидитъ на мѣстѣ, богатырь ищетъ приключеній, то и въ сферѣ духовнаго подвижничества явились странствующие богатыри — паломники, скитавшіеся по святымъ мѣстамъ и съ сѣвера отъправлявшіеся въ Палестину. Они-то назывались въ древнихъ пѣсняхъ *каликами переходжими*. Походженія въ Іерусалимъ, видно, были значительно въ ходу на Руси вскорѣ по водвореніи Христіанской вѣры, когда такъ часто встрѣчается въ пѣсняхъ, носящихъ печать стараго происхожденія, имя каликъ. Въ походженіи Данила Паломника говорится, что въ его время были *мнози доходившіе до Іерусалима*. Это было до такой степени обычно, что иные старались ходить, видно, какъ можно скорѣе (*тищася вборзѣ*) и навлекали за то нареканія отъ истинно благочестивыхъ; Данилъ замѣчаетъ, что *се то путь вборзѣ нельзя ходити*, и укоряетъ ихъ въ томъ, что они, *много добра невидѣше*, возвращались; но путешествіе было предметомъ общественныхъ разговоровъ, и бывший въ Іерусалимѣ пользовался уваженіемъ; онъ могъ быть вездѣ принятъ съ честью и потому они, по словамъ Данила, *вознесшеся умомъ, ако нѣчто добра сотворивше, поублаютъ мзду труда своего*.

Идея торжества ума надъ матеріальною силою, въ народной умственной жизни проложила себѣ не одну религіозную тропинку. Заявленіемъ ея потребности могутъ служить и такіа сказанія, гдѣ или дурачокъ или ребенокъ, признаваемый слабымъ и глухимъ, торжествуетъ надъ сильными. Такова замѣчательная повѣсть о купцѣ Кіевскомъ, Дмитріѣ и его сынѣ, Борзомыслѣ Дмитріевичѣ, семилѣтнемъ мудрецѣ, — хотя сохранившаяся въ позднѣйшихъ спискахъ, но показывающая несомнѣнные слѣды своего существованія въ древнюю Кіевскую эпоху нашей образованности. Дѣйствіе происходитъ на югѣ; купецъ богатый съ кораблями выѣзжаетъ изъ Кіева, странствуетъ по отдаленнымъ чужестраннымъ землямъ. Проілававши тридцать дней по морю, купецъ присталъ къ берегу и увидѣлъ приморскій городъ, близъ котораго стояло въ гавани безчисленное множество кораблей. »Удивися Дмитрій Кіевскій купецъ и рече: что еси корабли безчисленно много стояща? мнѣ зѣло земля блага есть и купцы въ немъ »и много торгуютъ здѣ. Сиде съ корабля купецъ Дмитрій и поиде подъ »градъ, и ерѣтоша его гражане и вопрошаху его: отъ коя страны и коя земля? Онъ же сказася имъ: азъ есмь отъ Рускія земли и вѣрую въ »Отца и Сына и святаго Духа. И рекоша ему гражане: брате купецъ! единья есть вѣры съ нами Русская земля, — только за наше согрѣшеніе по»сладъ намъ Богъ царя законопреступника и отступника отъ Бога, ел-

»линскія вѣры, и тѣснить ны, хотя привести къ своей вѣрѣ; мы же, не
 »могуще терпѣти бѣдъ тѣхъ, неволею пожрохомъ идоломъ, видѣхомъ себе
 »въ великихъ нуждахъ: всегда боярами мучаще насъ, овогда силою приво-
 »жаше насъ ко своимъ идоломъ, овогда заповѣданіемъ намъ, не веляше хлѣ-
 »бовъ на торгъ печи и голодомъ морить насъ для своей вѣры; се видиши,
 »купче, въ пристанищи семъ 300 кораблей стояще, купцы же со всѣхъ
 »странъ прихождаху къ сему граду, и приходяще къ царю зъ дары, хо-
 »тяще торговати въ его царству; царь же дары отъ нихъ пріемлетъ и
 »повелѣваетъ имъ 3 загадки отгадывати свои, а все то приводяще къ
 »своей вѣрѣ; они же, не могуще отгадати загадки, царь же глаголаше
 »къ нимъ: уже все загадокъ моихъ не отгадаете и вы пребывайте въ
 »моей вѣрѣ, пожрите идоламъ; купцы же не хотяще того сотворити и
 »того ради въ темницу посажены бывше, терпяще всякую нужду и гладъ
 »и тяготу и скорбь имени ради Христова; и заповѣдуетъ царь, не вел-
 »литъ хлѣба печи 3 годы, дабы они голодомъ померли.»

Услышавъ объ этомъ, купецъ Дмитрій хотѣлъ было тотчасъ отплыть,
 и повернулъ на свой корабль; но когда пришелъ къ нему, то увидѣлъ,
 что тамъ уже стояла стража. Нечего было дѣлать, надобно было являть-
 ся къ царю. Царя звали Несмѣянъ Гордѣевичъ. Донесли царю, что при-
 шелъ купчишко изъ Русской земли, принесъ дары и проситъ позволенія
 торговать въ его царствѣ. Царь ласково пригласилъ Дмитрія обѣдать; а
 послѣ обѣда спросилъ: *купче! которыя ты вѣры?* Купецъ отвѣчалъ,
 что вѣруетъ во имя Отца и Сына и святаго Духа.—А я чаялъ, сказалъ
 царь, что у насъ вѣра общая; ты же сказываешься не нашей, а Русской
 вѣры. Я же хотѣлъ было тебѣ позволить торговать и отпустить въ твою
 землю; но теперь отгадай, купче, три загадки, »что азъ тебѣ загадаю;
 »аще ли отгадаешь, и азъ тебѣ велю торговати въ своемъ царствѣ вся-
 »кимъ товаромъ, и зъ дары и съ проводниками отпущу ты въ свою зем-
 »лю; аще ли не отгадаешь ни единыя загадки и въ вѣрѣ моей не пребу-
 »деши, вѣдомо жъ буди тебѣ, купче, велю ты смерти предати, а товары
 »твоя взяти будутъ въ мою царскую казну.»

Купецъ испросилъ у царя срока на три дни, и пришедши на свой ко-
 рабль, плакалъ, видя себѣ неминуемую смерть. Семилѣтній сынъ его
 игралъ на кораблѣ и ѣздилъ верхомъ на палочкѣ, »на древцѣ сѣдяще,
 »рукою за древцы конецъ держаше, а другою рукою плеткою побиваше,
 »и ѣздяше, аки на конѣ скакаше.» Увидя плачь отца, ребенокъ сталъ его
 спрашивать; отецъ сначала не сталъ было и рассказывать ему, но ког-
 да сынъ умно ему обѣщалъ помочь въ напасти, отецъ рассказалъ. Сынъ

сказалъ, что онъ за него отгадаетъ: »а ты, отче, не скорби и не тужи, »яждь, пей, веселися и молися Богу, вся печали возлагай на Бога«. Сынъ продолжалъ играть на кораблѣ. На четвертой день позвали ихъ къ царю. Мальчикъ объявилъ, что онъ отгадаетъ загадку за отца и потребовалъ пить. Царь налилъ золотую чашу съ медомъ и подалъ ее дитяти; отрокъ далъ отцу, и когда отецъ хотѣлъ возвратить чашу, отрокъ сказалъ: *отче! не отдавай чаши, закрой въ нѣдра своя!* Царь далъ другую, и съ тою сдѣлось тоже: также царь требовалъ возврата чаши; отрокъ сказалъ: *данное царево вснять не возвращается.* Загадка царева была такова: »много ли того, или мало, отъ востока до запада?« Дитя на это отвѣчало: »отъ востока и до запада день и ночь, весь кругъ »небесный единымъ днемъ и единою ночью едино солнце пройдетъ отъ »сѣвера до юга; то твоей загадкѣ мой отвѣтъ«. Царь удивился, далъ третью чашу купцу и купецъ спряталъ ее въ пазуху. Другая загадка отсрочена на другой день.

На другой день собрались »ипаты и тираны, и стратилаты и воеводы, и князи и бояри и вси людие, малии и велиции, и вси граждане на »предивное чудо отрока, якоже всѣмъ гражданамъ не вмѣстится въ »царевѣ дворѣ. Царь спросилъ: что десятая часть изъ моря днемъ убываетъ, а ночью прибываетъ? — Отвѣтъ былъ: то есть, царю, что десятая часть воды солнце выѣдаетъ; ночью же прибываетъ, занеже солнцу »зашедшу и не сушашу. То тебѣ, государь, моя отгадка.»

Удивился царь и потребовалъ третьей отгадки; отрокъ попросилъ сроку на три дни, но съ тѣмъ, чтобы созваны были всѣ граждане отъ мала до велика: пусть при этомъ имъ объявится, что *имъ добро будетъ во вѣки.* Это сдѣлано. Люди собрались по приказу царя. Отрокъ потребовалъ, чтобы царь сошелъ съ своего престола, далъ ему одѣяніе царское и жезлъ, и что онъ тогда отгадаетъ загадку. Царь отдалъ ему свои регалии и въ томъ числѣ мечъ. Тогда отрокъ, зная, что въ толпѣ есть христіане, нелюбашіе невѣрнаго царя, закричалъ: хотите ли вѣровать въ святую Троицу? — Всѣ отвѣчали утвердительно. Отрокъ срубилъ мечемъ голову царю, сказавши: *вотъ тебѣ моя третья отгадка!*

На слѣдующій за тѣмъ вопросъ отрока: кого они хотятъ поставить себѣ царемъ? — всѣ единодушно вручили ему власть, какъ своему набабителю. Послали за патриархомъ, который былъ въ заключеніи. Онъ былъ встрѣченъ торжественно и отслужилъ литургію. »Постави патриархъ надъ главою отрока рогъ златъ съ масломъ надъ нимъ и благослови его патриархъ на царство; людие же вси кликнуша отъ мала до

»велика единогласно: много лѣтъ тебѣ, государю нашему, Барзому
 »Дмитріевичу на царство! И возрадовашася ему вси людіе великою радо-
 »стію; царь же сотвори въ тотъ день шировище великое.» Потомъ ока-
 залось, что у оставшейся прежней царицы была дочь осьми лѣтъ; Бор-
 зомысль сочетался съ нею бракомъ, окрестивши ее напередъ и обѣчав-
 шись чрезъ сорокъ дней послѣ ея крещенія (сороковицей). — На сказкѣ
 этой легло то понятіе о страдательномъ состояніи женщины, которое от-
 ражается въ русской, особенно великорусской, поэзіи. Когда Борзомысль
 призываетъ царицу и узнаетъ, что у ней есть дочь, то не спрашиваетъ ея,
 желаетъ ли она отдать за него дочь, не спрашиваетъ и невѣсты, а про-
 сто приказываетъ ее крестить и потомъ беретъ въ жену, и только по
 просьбѣ матери, даетъ ей сроку на семь дней. Семилѣтній царь приказалъ
 привести всѣхъ заключенныхъ купцовъ, »и удивися царь, на нихъ
 смотря; бысть лице ихъ аки земля, а власы ихъ отросли до пояса, и рѣ-
 »зы ихъ изодрашася, лежаша отъ гаду и тѣсноты, а голоса ихъ аки пчели-
 »ные«. Царь »учреди имъ праздникъ«, и возвративши имъ имѣнія, отпу-
 стилъ каждаго въ свою землю. Но волѣ царя, отецъ поѣхалъ домой,
 привезъ свою жену, мать царя. Они жили вѣстѣ и царь Борзомысль
 похоронилъ стараго родителя своего, Дмитрія, купца киевскаго.

Ткань этой повѣсти показываетъ древнее ея происхожденіе. Побѣда
 посредствомъ загадокъ есть видоизмѣненіе той первообразной канвы, по
 которой составились равнообразныя редакціи сказанія о вѣщей мудрой
 дѣвицѣ, происходящей изъ простого званія и, посредствомъ отгадыванія
 мудреныхъ загадокъ, выходящей замужъ за знатнаго мужа, — сказаніе,
 которое, въ южнорусской народной словесности, выразилось повѣстью
про дівку семилітку. Замѣчательно, что сынъ Дмитрія также семи
 лѣтъ отъ роду. Ничтожное дѣтя оказывается не только сильнѣе взрос-
 слыхъ и славныхъ, но измѣняетъ судьбу цѣлаго края своею смыслено-
 стію. Народъ какъ будто себя тутъ выражаетъ: онъ ничтоженъ и югъ,
 но въ немъ такія силы, которыя могутъ побѣдить могущество силы и
 обмана. Онъ сознаетъ, что умственная сила выше всякой ручной; нужно
 только ума, — и все преодолѣть, все побѣдить можно. Умъ этотъ выра-
 жается, какъ и должно быть у молодого народа, вступающаго въ жизнь, не
 теорією, не логичною послѣдовательностію понятій и процессомъ размы-
 шленій, а быстротою, смѣтливостію, находчивостію во-время. Отгадки
 мудреной загадки — форма, во которой высказывается умъ. Нельзя при
 этомъ не обратить вниманія на различное значеніе двухъ загадокъ, пред-
 ложенныхъ царемъ; одна изъ нихъ основывается на мудренномъ выра-

женіи того, что само въ себѣ просто. Очевидно, здѣсь какъ бы насмѣшка надъ затѣйливостію выраженія, которое только для простака—мудрость, а сама по себѣ—вещь обыкновенная, и умная голова отгадываетъ ее безъ всякаго затрудненія. Другая загадка—предметъ знанія. Мальчикъ не только отгадываетъ то, что кроется подъ таинственностію, но показываетъ свое знаніе естественнаго феномена; такимъ образомъ народъ сознаетъ, что знаніе природы есть также мудрость и достоинство мудраго человѣка. Отрокъ обманулъ царя; понятіе народное таково, что обмануть злого не составляетъ ничего нравственно-неодобрительнаго, напротивъ служить также доказательствомъ ума и способностей. Онъ убилъ царя, но убилъ справедливо, спросивъ прежде народъ, и потому потребовалъ, чтобы всѣ сошлись отъ мала до велика; онъ поступилъ именно потому справедливо, что воля всего народа считается мѣриломъ справедливости. Народъ былъ склоненъ къ христіанству и даже исповѣдывалъ христіанство; власть имѣла другое убѣжденіе и насилывала къ нему народъ. Здѣсь народный смыслъ высказываетъ сознаніе, что народная воля можетъ проявиться только тогда, когда ей придется дать отвѣтъ на вопросъ, и тотъ есть истинный мудрецъ, кто найдетъ возможность задать ей вопросъ. Власть несправедливаго царя потому и держалась, что народъ не имѣлъ случая выразить свою волю отвѣтомъ. Воплощенная юная мудрость даетъ перевѣсъ народной волѣ: новый царь избирается по волѣ народа. Дѣтскій образъ мудрости, посрамившій тѣхъ, которые являлись въ ея обычномъ земномъ видѣ, въ видѣ стариковъ и сильныхъ властію, показываетъ въ народномъ понятіи сознаніе, что юное поколѣніе, не смотря на то, что играетъ верхомъ на палочкѣ, носить въ себѣ зародыши того, къ чему уже неспособны взрослые...

Н. Костомаровъ.

ЛИСИЦЯ Й ОСЕЛЪ.

»Відкіль бредешъ ти, голово лиха?»

Лисиця такъ мовля Ослові.

— Дивівся, якъ тамъ Левъ здиха,

Ажъ генъ, у тій діброві! —

Піді, паньматко, подивісь, —

Ті жъ зналася изъ нимъ колісь...

И! що тепера зъ нимъ зробилось!

Дё въ біса й сіла таа ділась!..

Атò, булò, якъ гуконò, —

Не втїмишь зъ-ляку, дё бъ сховався!

Такé булò те пугало страшнè!

Мабуть, ёгò весь світь боївся...

Теперъ лежить, неначе пень,

И нічъ, и день...

Ніхтò ёгò вже не боїцца,

Усякъ беспішно їде дивїтьця;

Хто схоче — дòбра скубонè

За вражий чубъ ёгò зубами,

А хтò — підъ бòки стусонè

Чи дрòкомъ, чи рогами.с —

»А ти, вістїмо, не посмівъ?!«

Ёму підсмїює лисиця.

— Оцè-такї! чогò жъ дивїтьця?

И я ёгò разъ захмилївъ.

Нехай и нашихъ знає!с

А й въ людїхъ такїчки буває...

Чи тò вже світь теперъ такїй!..

Покї ти чимъ комú страшнїй,

Усякъ тебè и поважєє,

А тїлько якъ-небудь спїткнїсь, —

Дивїсь —

Хтò й почитавъ, то лає...

А. ГЛЪБОВЪ

ПО ПОВОДУ АКТОВЪ ОТНОСЯЩИХСЯ ДО ЮГО- ЗАПАДНОЙ РУСИ.

Международныя отношенія составляютъ одинъ изъ главнѣйшихъ вопросовъ, особенно привлекающихъ, въ настоящее время, вниманіе Европы. У насъ тоже есть вопросъ, который настоятельно требуетъ уясненія: это—давнее политическое и народное отношеніе Польши и Руси со времени соединенія ихъ въ одну Рѣчь Посполитую. Истина, открытая и доказанная, равно убѣдительная для всякаго, кто, принадлежа къ особой націи, способенъ ради правды, отказаться отъ предвзятой теоріи относительно чужой національности, — только такая истина можетъ прекратить бесплодные литературно-историческіе споры, устранить заочные планы и обратить на прямой путь безпристрастнаго изученія и уваженія всѣхъ народностей.

Кіевская Коммиссія, обладающая громаднымъ запасомъ актовъ, относящихся до Юго-западной Руси, издавна оказываетъ великую услугу внутренней и вѣдшей исторіи этого края.—Новымъ своимъ изданіемъ (II томъ *»Архива Юго-западной Россіи«*) она блистательно содѣйствуетъ къ несомнѣнному разрѣшенію упомянутаго вопроса, издавна затмѣваемаго, преимущественно за границею, то невѣдніемъ, то преднамѣреннымъ извращеніемъ фактовъ.

Благодаря благосклонному согласію авторовъ, мы, съ сознаниемъ всей важности вопроса о давнихъ отношеніяхъ Польши и Руси, переносимъ на страницы *»Основы«* двѣ превосходныя статьи Предсѣдателя Коммиссіи, М. В. Юзefовича, и дѣятельнѣйшаго Члена ея, Н. Д. Иванишева, недавно помѣщенныя въ *»Архивъ«*, который къ сожалѣнію, такъ мало еще оцѣненъ и распространенъ въ нашей публикѣ. Вопросъ, разъясняемый Н. Д. Иванишевымъ и М. В. Юзefовичемъ до очевидности, не разъ возбуждался и у насъ, и въ польской литературѣ, и за границею, но, обыкновенно, споръ оканчивался тѣмъ, что противники, не прійдя къ окончательному рѣшенію, расходились въ разныя стороны, обвиняя другъ друга въ пристрастіи, въ ненависти, въ непониманіи исторіи, а нѣкоторые даже заподозрѣ-

вали честныхъ дѣателей науки въ разсчитанномъ служеніи постороннимъ исторической истинѣ цѣлямъ. Теперь все ясно: «домашній, давній споръ» былъ не болѣе какъ *qui pro quo*, которыхъ такъ много въ исторіи, особенно Славянской; теперь уже несомнѣнно то, что не подчиненіе одного народа другому, даже не подчиненіе части—цѣлому, а федеративное, равноправное отношеніе частей составляло сущность и цѣль того политическаго порядка, который желали создать, упрочить и расширить лучшіе дѣатели своего времени, порядка, основаннаго на вѣчномъ мирѣ и крѣпкомъ союзѣ, къ которому, какъ надѣялись даже во 2-й половинѣ XVII в., пристанеть и Московскій государь съ народомъ (1). Польская шляхта, по признанію всѣхъ безпристрастно-мыслящихъ историковъ и публицистовъ польскихъ, не умѣла, или не хотѣла, понять этой благородной задачи, хотя разумное рѣшеніе ея давалось само собою, потому что лежало въ природѣ вещей, въ племенномъ и географическомъ единствѣ Славянскаго міра. Сословный эгоизмъ извратилъ естественный ходъ Польско-Русской, а слѣдовательно—и Всеславянской исторіи и послужилъ источникомъ кровавыхъ бѣдствій, переполнившихъ насильственно—связанную жизнь племенныхъ братій, со времени Люблинскаго сейма. Шляхта, подчинившись холодной и безчувственной теоріи іезуитовъ, первая разорвала звенья, которыя соединяли между собою сосѣдніе славянскіе народы—и только грядущему времени, только справедливому разуму и покаянію этихъ народовъ, быть можетъ, удастся обновить естественныя начала, ихъ одушевлявшія, но, силою несправедливыхъ дѣлъ, сословныхъ и религіозныхъ преслѣдованій, глубоко потрясенныя.

Въ справедливыхъ отношеніяхъ къ простому народу лежитъ начало новой эры. Событія покажутъ, въ какой степени исторія послужила урокомъ для тѣхъ, кто наследовалъ пороки и добродѣтели предковъ; до сихъ же поръ историческая литература и политическія теоріи польскія—къ нашему глубокому сожалѣнію—знушаютъ намъ мало вѣрѣ въ безпристрастіе потомковъ.

Припишемъ такое странное, въ наше время, явленіе недостатку вѣрныхъ историческихъ свѣдѣній о Югозападной Руси, и пожелаемъ, чтобы прилагаемые трактаты, написанные съ возвышеннымъ безпристрастіемъ и умѣренностью историческаго убѣжденія, послужили въ пользу и намъ, и польскимъ историкамъ и публицистамъ.

(1) См. статью г. Костомарова, во 2-й книжкѣ «Основы».

1.

ОБЪЯСНЕНИЕ ОТЪ ПРЕДСѢДАТЕЛЯ КІЕВСКОЙ КОММИССІИ

ДЛЯ

РАЗБОРА ДРЕВНИХЪ АКТОВЪ.

Съ нѣкотораго времени, въ заграничныхъ Польскихъ журналахъ начали появляться статьи, съ явною цѣлю увѣрить общее мнѣніе Европы, что Западно-русскій край, по Днѣпръ, есть край Польскій, и что имя *Русиль* вовсе не означаетъ Русскаго человека, а есть провинціальное названіе Поляка, какъ Мазуръ, Краковякъ, Велико-поляпинъ. Эта послѣдняя теорія была, какъ извѣстно, изобрѣтена первоначально въ Галиціи. Оттуда она перенесена сюда, какъ опора для стремленій неумѣреннаго Польскаго патриотизма, чувствующаго здѣсь, какъ и тамъ, слабость почвы, для утвержденія своихъ притязаній.

Посягнувъ, такимъ образомъ, на историческую и этнографическую правду, этотъ патриотизмъ нашель себя въ необходимости посягнуть и на достовѣрность историческихъ памятниковъ, издаваемыхъ «Кіевскою Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ» и свидѣтельствующихъ о совершенно другомъ значеніи здѣшняго края, слѣдовательно—разрушающихъ въ самомъ корнѣ приведенную выше теорію. Въ слѣдствіе того, неумѣренные Польскіе патриоты рѣшились не только бросить тѣнь сомнѣнія на добросовѣстность дѣйствій Коммиссіи, но формально обвинять ее въ искаженіи и даже подлогѣ издаваемыхъ ею актовъ.

Такого рода обвиненія, конечно, не обязываютъ къ отвѣту, и Коммиссія могла бы не отвѣчать на нихъ, если-бы дѣло касалось только ея личности; но здѣсь требуетъ отвѣта интересъ науки, потому-что всякій научный актъ долженъ быть строго оправданъ, для утвержденія за нимъ несомнѣнной достовѣрности. Вотъ почему я считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ, въ опроверженіе взведенной на Коммиссію клеветы.

Такъ-какъ всѣ человѣческія дѣйствія имѣютъ свою причину въ побужденіяхъ вещественнаго или нравственнаго интереса, то рассмотримъ отношеніе Коммиссіи къ этому источнику побужденій.

Всѣ участвующіе въ ученыхъ занятіяхъ и трудахъ Коммиссіи, съ самого ея учрежденія, не пользуются никакими служебными правами и не получаютъ никакого содержанія отъ Правительства. Во все время ея существованія, ни одинъ изъ ея членовъ не получалъ отъ Правительства никакой награды. Одному мнѣ, и то лично, во вниманіе къ моей прежней долговременной службѣ по Министерству Народнаго Просвѣщенія, дарованы служебныя права, но тоже безъ жалованья. Слѣдовательно, никакія побужденія вещественнаго интереса не могутъ управлять дѣйствіями Коммиссіи.

Что касается до интереса нравственнаго, то онъ могъ бы проявиться въ Коммиссіи развѣ въ стремленіяхъ ложнаго патріотизма. Но для патріотическихъ увлеченій вообще нужны сильные поводы, а тѣмъ болѣе для такихъ увлеченій, которыя, заглушая голосъ совѣсти и чести, могутъ доводить до такого рода дѣйствій, какъ подлогъ памятниковъ давно-минувшаго времени или искаженіе живой, несомнѣнной истины. Всякій, конечно, согласится, что у насъ, Русскихъ, нѣтъ такихъ поводовъ въ отношеніи къ Польшѣ. Тяжба между нами кончена, и у насъ нѣтъ ни одного нравственнаго интереса, который побуждалъ бы насъ къ такого рода дѣйствіямъ, а есть у насъ, напротивъ, нравственный интересъ, строго внушающій намъ совѣстные побужденія: это интересъ нашего народнаго достоинства, требующаго отъ насъ, въ отношеніи къ Польшѣ, безукоризненной честности. И этотъ интересъ мы соблюдаемъ свято. Я ссылаюсь на всю нашу современную литературу, отражающую общее мнѣніе Россіи: найдется ли у насъ хоть одинъ журналъ, хотя одна печатная по русски строка, гдѣ бы выражалось неблагоклонное чувство къ Польской народности, и гдѣ бы не выражалось, когда говорится о ней, полное къ ней уваженіе и сочувствіе? Мы не только не враждуемъ

съ Польскою народностію, но первые теперь отъ души радуемся и благодаримъ Правительство за введеніе въ здѣшнія учебныя заведенія Польскаго языка, который не только необходимъ для *своихъ*, но можетъ быть полезенъ и для *нашихъ*, по близкому намъ родству и богатству его литературы. И такъ, и съ этой стороны не существуетъ побужденій, которыя могли бы хоть сколько нибудь поддерживать дѣлаемое противъ Коммиссіи обвиненіе.

Нѣтъ вообще никакого основанія связывать съ назначеніемъ нашей Коммиссіи какую-нибудь политическую цѣль.—Точно такая же Коммиссія открыта и въ Вильнѣ, гдѣ ея составъ, съ самаго начала и до сего времени, былъ и есть весь почти Польскій. Уже это одно обстоятельство достаточно свидѣтельствуетъ объ отсутствіи всякой политической мысли въ основаніи этихъ археографическихъ учрежденій. Задача наша—не политическіе извороты и сплетни, которые не оправдываются никакою потребностію Россіи, а историческія изысканія въ письменныхъ памятникахъ здѣшней старины, особенно въ громадномъ хранилищѣ Кіевского Центральнаго Архива (*), заключающаго въ себѣ драгоценныя источники для исторіи древней внутренней жизни Русскаго народа. Эти источники тѣмъ для насъ драгоценнѣе, что нигдѣ не существовало у насъ, кромѣ Западной Руси, благодаря господствовавшимъ въ ней Литовско-русскимъ юридическимъ обычаямъ, счастливаго для исторической науки учрежденія—такъ называемыхъ актовыхъ книгъ, куда вписывалась, такъ-сказать, вся юридическая жизнь народа, во всѣхъ ея проявленіяхъ. Поэтому, только въ архивахъ Западной Руси могутъ находить данныя для своего окончательнаго разрѣшенія многіе, самые основные, коренные вопросы древне-русской жизни, какъ напримѣръ, вопросъ о древней нашей сельской автономіи. Эти-то данныя и составляютъ главный интересъ, ищущійся въ виду у Коммиссіи, ту задачу, которую она преимущественно преслѣдуетъ въ своихъ изысканіяхъ, не оставляя, разумѣется, безъ вниманія и всего того, что служитъ къ объясненію исторіи собственно Западно-русскаго края. По бывшему отношенію этого края къ Польшѣ, открытія наши не могутъ не соприкасаться съ нею. Чѣмъ-же мы виноваты, если историческіе памятники не представляютъ здѣшняго прошедшаго въ такомъ свѣтѣ, въ какомъ же—

(*) См. о содержаніи этого Архива въ предисловіи къ 1-му тому Архива Югозападной Россіи.

яло бы его видѣть Польское патріотическое чувство? Но вѣрно ли это чувство отъывается въ груди Польскихъ патріотовъ? Вотъ вопросъ. У какого народа не осталось въ исторіи слѣда пороковъ, злоупотребленій, преступленій? Къ чему же гнѣваться на историческую правду? Исторія, какъ наука народнаго самопознанія, должна быть вѣрнымъ и ясно отражающимъ зеркаломъ. Желать фальшиваго зеркала, скрывающаго недостатки, можно развѣ смѣшному тщеславію отжившей наружную красоту и неизмѣняющей внутренняго содержанія женщины. Насъ, Русскихъ, всего менѣе, кажется, можно уврекнуть въ самолюбіемъ пристрастіи къ себѣ: мы сами о себѣ издаемъ, какъ драгоценныя свидѣтельства, такія сказанія, какъ сочиненіе Флетчера о Русскомъ государствѣ, и не сердясь смотримся въ зеркало Гоголя. — При такомъ направленіи духа, несправедливо предполагать въ насъ склонность выгораживать себя на счетъ другихъ,

Обращая наши слова къ неумѣреннымъ Польскимъ патріотамъ, мы вовсе не думаемъ, однакожъ, смѣшивать съ ними всѣхъ Поляковъ: напротивъ, Комиссія пріятно засвидѣтельствовала, что Польскіе истинные ученые постоянно сочувствовали и содѣйствовали трудамъ ея. Однимъ изъ первыхъ участниковъ въ ея дѣятельности былъ извѣстный Польскій патріотъ и ученый, *Свидзинскій*, который, до самой смерти своей, не переставалъ быть ея усерднымъ сотрудникомъ и постоянно доставлялъ ей значительные матеріалы изъ своего богатаго собранія рукописей (*). Почти наканунѣ своей кончины, (когда я посетилъ его), послѣднія слова, мнѣ имъ сказанныя, выражали жалобу на медленное печатаніе IV тома памятниконъ, въ которомъ польскій текстъ издавался подъ его редакціей. И въ настоящее время, Комиссія пользуется сочувствіемъ вѣсколькихъ лицъ изъ Поляковъ, которымъ горячая любовь къ своей народности не мѣшаетъ любить безкорыстно науку. Эти факты я приглашаю опровергнуть открыто, если они невѣрны.

Но для полнаго утвержденія достовѣрности какъ бывшихъ, такъ и будущихъ изданій Комиссіи, я приглашаю всѣхъ и каждаго изъ желающихъ повѣрить вошедшіе, въ эти изданія, памятники съ ихъ подлинниками, обращаться ко мнѣ, и формально обязуюсь доставлять

(*) Въ четырехъ томахъ изданныхъ Комиссіею памятниконъ, большая часть актовъ, относящихся къ Исторіи Малороссіи, поступили въ Комиссію изъ этого источника.

каждому всё нужныя къ тому средства, если подлинники находятся въ Киевскомъ Центральномъ Архивѣ; если же они заимствованы изъ другихъ источниковъ, то, для желающихъ повѣрки, во всѣхъ изданіяхъ Коммиссіи, у всѣхъ актовъ имѣются указанія, откуда именно они почерпнуты. Этому правила Коммиссія постоянно держалась, въ общемъ интересѣ науки.

Смѣю удостовѣрить всѣхъ, кому было бы угодно обратиться ко мнѣ для указанной цѣли, что Коммиссія не только не приметъ требуемой отъ нея повѣрки за выраженіе недовѣрія къ ней, а напротивъ, съ полною благодарностью оцѣнитъ такой трудъ, какъ содѣйствіе ея искреннему желанію довести вопросъ о несомнѣнности издаваемыхъ ею памятниковъ до окончательнаго, безвозвратнаго разрѣшенія.

Имѣя въ виду одну историческую истину, Коммиссія, сверхъ того, всегда будетъ готова внести въ свои изданія всякій древній актъ, еще необнародованный, на который ей укажутъ, или который ей доставятъ, и который свидѣтельствовалъ бы въ пользу Польскаго здѣсь начала.

Что касается до теоріи превращенія здѣшняго края въ Польшу, то мы постараемся отвѣчать на нее не придуманными на этотъ счетъ теоріями же, а положительными документами и изслѣдованіями на нихъ построенными, къ чему и приступаемъ въ настоящемъ (II) томѣ. Пусть рѣшитъ между нами судъ безпристрастной исторической критики, которую мы желаемъ видѣть совершенно свободною и гласною съ обѣихъ сторонъ.

Независимо отъ того, да позволено будетъ намъ, одноплеменникамъ здѣшней Русской народности, предложить на рѣшеніе самихъ Поляковъ, любящихъ и уважающихъ правду, слѣдующіе вопросы:

Въ Киевской, Подольской и Волынской губерніяхъ, общее народонаселеніе составляетъ 5,253,549 душъ. По вѣроисповѣданію и народности, они находятся въ слѣдующемъ численномъ отношеніи: Православныхъ, говорящихъ Русскимъ нарѣчіемъ, 4,128,193 души; Евреевъ 611,370 душъ; Римско-католиковъ 485,056 душъ; Русскихъ Старообрядцевъ и Раскольниковъ 18,827 душъ; Лютеранъ 9,291; Армянъ 290; Магометанъ 271 и Караимовъ 251 душа (*).

Чтобы съ точностью опредѣлить цифру здѣшней Польской народ-

(*) Эти свѣдѣнія почерпнуты изъ мѣстныхъ официальныхъ источниковъ.

ности, слѣдовало бы изъ числа Римско-католиковъ отдѣлить ту массу простого народа, которая хотя исповѣдуетъ латинскую вѣру, но говорить Южно-русскимъ нарѣчіемъ и, потому, принадлежитъ по крови и языку, къ Русской народности. Но, не имѣя вѣрныхъ статистическихъ данныхъ для опредѣленія отношенія здѣшнихъ Русскихъ Римско-католиковъ къ тѣмъ изъ нихъ, которые вполне усвоили Польскую народность, мы принимаемъ въ пользу этой послѣдней весь итогъ исповѣдующихъ здѣсь латинскую вѣру. Этотъ итогъ составляетъ около $\frac{1}{11}$ доли общаго народонаселенія.

Спрашиваемъ: справедливо-ли, законно-ли и даже, рѣшаемся сказать, благоразумно-ли *одинацатой* долѣ населенія притязать на господство своей народности?

Неужели въ нашемъ XIX вѣкѣ еще можно серьезно думать, не только утверждать, а тѣмъ менѣе стремиться къ осуществленію мысли, что шляхетскія преимущества дадутъ право на такое господство?

Неужели аксіома, что есть народы безъ шляхты, но нѣтъ и не было шляхты безъ народа, и что народъ здѣсь Русскій, можетъ быть серьезными людьми отрицаема?

Предлагаемъ эти вопросы безъ вражды и страсти, а потому искренно желаемъ, чтобы тѣ, къ кому мы обращаемся, признавъ законъ исторической необходимости и общественной правды, подали намъ въ отвѣтъ руку, къ которой мы такъ охотно протягиваемъ свою, во имя взаимнаго уваженія къ обоюднымъ правамъ, во имя права каждаго человѣка на свою народность, во имя кровнаго родства и дружбы въ совмѣстной жизни, какую опредѣлила для насъ Исторія.

Предсѣдатель Коммиссіи М. Юзефовичъ.

II.

СОДЕРЖАНІЕ ПОСТАНОВЛЕНІЙ

ДВОРЯНСКИХЪ ПРОВИНЦІАЛЬНЫХЪ СЕЙМОВЪ ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ.

Во II-мъ т. *Архива* заключаются акты, со времени присоединенія Юго-западной Руси къ Польшѣ на Люблинскомъ сеймѣ, въ 1596 году, по 1654 годъ, въ которомъ Украина, въ слѣдствіе народнаго возстанія, возбужденнаго Богданомъ Хмельницкимъ, отдѣлилась отъ Польши и присоединилась къ Восточной Руси. ¹⁾

Большая часть этихъ актовъ включаетъ въ себѣ постановленія дворянскихъ провинціальныхъ сеймовъ Югозападной Руси; къ нимъ прибавлены историческіе матеріалы, пополняющіе и поясняющіе сеймовыя постановленія. Провинціальные сеймы установлены были въ Югозападной Русіи жалованною грамотою короля Сигизмунда Августа, въ 1565 году. За нѣсколько недѣль предъ генеральнымъ сеймомъ, король приглашалъ дворянъ собираться въ главныхъ городахъ каждаго воеводства, для совѣщаній о нуждахъ Рѣчи Посполитой. По окончаніи совѣщаній, дворяне, постановивъ рѣшеніе, избирали изъ среды своей пословъ и, вручивъ имъ инструкціи, отправляли на генеральный сеймъ ²⁾.

¹⁾ Помѣщенные, въ настоящемъ изданіи, историческіе матеріалы извлечены нами изъ хранящихся въ Киевскомъ Центральномъ Архивѣ актовыхъ книгъ Луцкихъ, Владимірскихъ и Киевскихъ; къ этимъ матеріаламъ присоединено нѣсколько актовъ, извлеченныхъ нами изъ книгъ Трибунала Люблинскаго и Метрики Коронной, хранящихся въ Варшавѣ, въ Главномъ Архивѣ Царства Польскаго. Окончательною редакціею Польскаго текста завѣдывалъ Библіотекаръ Университета св. Владимира, начальникъ Киевскаго Центрального Архива, *Красовскій*, принявъ за правило печатать текстъ рукописей съ дипломатическою точностію.

²⁾ Акты, относящіеся до исторіи Западной Россіи, т. III, стр. 138.

Въ этихъ сеймовыхъ постановленіяхъ находимъ предположенія западнорусскаго дворянства по части законодательной, судебной и исполнительной, мѣры къ охраненію Русской народности, изображеніе того состоянія, въ какомъ находилась Югозападная Русь, наконецъ просьбы о награжденіи лицъ, оказавшихъ важныя услуги государству. При изложеніи содержанія издаваемыхъ нами актовъ, мы заставимъ говорить западнорусское дворянство, воздерживаясь отъ собственныхъ нашихъ воззрѣній. Пусть сами дворяне скажутъ намъ, къ какому народу они причисляли себя, какъ они смотрѣли на устройство и состояніе Рѣчи Посполитой, и чего они желали для общественнаго благосостоянія. Но прежде нежели мы приступимъ къ изложенію содержанія актовъ, считаемъ нужнымъ изложить тѣ основанія, на которыхъ Литва и Югозападная Русь соединилась съ Польшею въ одну Рѣчь Посполитую.

Въ 1386 году, Великое Княжество Литовское, заключавшее въ своемъ составѣ Югозападную Русь, соединилось съ Польшею, подъ властію одного государя, великаго князя Литовскаго, Ягеллы. Это соединеніе имѣло чисто-федеративный характеръ. Цѣль союза состояла въ томъ, чтобы соединенными силами отражать внѣшнихъ непріятелей и содѣйствовать политическому могуществу обоихъ государствъ ¹⁾. На основаніи такого федеративнаго союза, каждое изъ соединенныхъ государствъ должно было сохранять главныя условія политической независимости, именно, отдѣльную территорію и особые органы законодательной, судебной и административной власти.

Территорія Литвы и Югозападной Руси строго отдѣлялась отъ территоріи Польскаго королевства; объ этомъ заботилось Литовско-Русское дворянство и неоднократно подавало свои просьбы королю. Дворяне жаловались, что паны-Поляки, переходя границы, отдѣляющія Польшу отъ великаго княжества Литовскаго, наносятъ пограничнымъ владѣльцамъ нестерпимыя обиды, производятъ разбои, убиваютъ людей и отнимаютъ земли. Для предотвращенія кровопролитія, Литовско-русское дворянство просило короля, чтобы границы между

¹⁾ «Contra insultus quorundam hominum assistere, regem et coronam, regnum et regnicolas Poloniæ et eorum necessitates perpetuo adjuvare, quod et ipsi (i. e. regnicolæ Poloniæ) nobis pari modo tenebuntur facere vice versa.» Privilegium prælatorum Lithvanix 1401. Vol. Legg. T. I. p. 60. «Pro defensione fortiori, subsistentia dominiorum eorundem firmiori, unionem et connexionem ad effectum deducere conabantur.» Ibid. p. 288.

Польшою и великимъ княжествомъ Литовскимъ приведены были въ несомнѣнную извѣстность. Объ этомъ оно подавало просьбы на Впленскомъ сеймѣ, въ 1547, 1551 и 1554 годахъ. Такія же просьбы особливо подавало дворянство Волинское въ 1551 и 1554 годахъ, жалуясь на разбои, убійства и грабежи, претерпѣваемые пограничными владѣльцами отъ пановъ-Поляковъ. Въ слѣдствіе этихъ просьбъ, король отправлялъ посланцовъ, какъ со стороны Литвы и Югозападной Руси, такъ и со стороны Польши, чтобы постановить между этими государствами точныя и вѣчныя границы ¹⁾. Польша, отдѣленная отъ Литвы и Югозападной Руси вѣчными границами, была для Литовско-Русскаго народа страню чужеземною ²⁾; Поляки считались людьми заграничными, чужеземцами (*liudi zahranicznuje, cziuzozemscy*) ³⁾.

Поляки, наравнѣ съ другими чужеземцами, не могли занимать, въ Литвѣ и Югозападной Руси, никакихъ государственныхъ должностей и не имѣли права владѣть поземельною собственностію.

Желая устранить всякое участіе Поляковъ во внутреннемъ управленіи Литвы и Югозападной Руси, Литовско-русское дворянство неоднократно обращалось съ просьбами къ королю о томъ, чтобы Поляки, какъ чужеземцы, не были допускаемы ни къ какимъ государственнымъ должностямъ, въ предѣлахъ Литвы и Югозападной Руси ⁴⁾. Такія просьбы подавало Литовскорусское дворянство королю въ 1544

¹⁾ Zbiór praw Litewskich. Poznań, 1841, стр. 428, 469, 474, 490 и 501. Также Акты, относящіеся къ исторіи западной Россіи, изданные Археогрaфическою Коммисією Т. III, стр. 10, 42, 46.

²⁾ Это подтверждается слѣдующею статьею Статута Литовскаго 1529 года: «Też ustawijem, ktoruju by dewku otec abo matka dali *do cziuzoie zemli* z wielikoho kniazstwa Litowskoho, *do Polski*, abo do Mazowsz, abo do ktoroie kolwe zemli» etc. Разд. IV, арт. IX.

³⁾ Въ отвѣтахъ короля на просьбы Литовскорусскаго дворянства, на Брестскомъ сеймѣ, въ 1544 году, сказано: «Zatym szto jeste prosili, aby *Poliakom cziuzozemcom* wradow i ynych dostojnostej u wielikom kniakstwe nedawano» и проч. Zbiór praw Litewskich стр. 405.

⁴⁾ Литовскорусское дворянство основывало свою просьбу на слѣдующей статьѣ Статута Литовскаго 1529 года: «Też szlubujem i obecujem, iż w zemlach naszich toho wielikoho kniazstwa, zeml, i horodow, i mest, i ktorych kolwe deditw, i derżania, i też ktorych kolwe wradow naszich, abo czestej i dostoinosti, obczomu, ale tolko prirożonym a tubylcom tych zeml naszich wielikoho kniazstwa, ne budem dawati, i potomki nasi ne budut dawati w derżanie i w pożiwanie. Разд. III, арт. 3. Также Zbiór praw Litewskich, стр. 45.

году, на Брестскомъ сеймѣ, и въ 1547 году, на сеймѣ Виленскомъ. Польскіе чиновники, сопровождавшіе короля во время поѣздки его въ Литву и Югозападную Русь, должны были останавливаться на границѣ, а если въѣзжали съ королемъ въ предѣлы Великаго Княжества Литовскаго, то считались чужеземными гостями и не имѣли права вмѣшиваться въ общественныя дѣла. При королѣ оставались только придворныя чины, необходимыя для его личныхъ услугъ (¹).

Чужеземцы не имѣли права приобрѣтать поземельную собственность въ Литвѣ и Югозападной Руси (²); это ограниченіе распространялось и на Поляковъ. На Виленскомъ сеймѣ, въ 1554 году, дворянство Волинское жаловалось королю, что нѣкоторые паны-Поляки, женившись на дворянкахъ въ Землѣ Волинской и живя въ имѣніяхъ своихъ женъ, обижаютъ мѣстныхъ дворянъ, дѣлалъ имъ великія непріятности. Желая не только лишить Поляковъ права приобрѣтать поземельную собственность на Волини, но и устранить ихъ отъ владѣнія и пользованія имѣніями, дворянство Волинское просило короля, чтобы дозволено было ближайшимъ родственникамъ выкупать имѣнія дворянокъ, вышедшихъ замужъ за Поляковъ. Король приказалъ руководствоваться, въ этомъ случаѣ, законами о чужеземцахъ, постановленными для всего Великаго Княжества Литовскаго (³). Право приобрѣтать поземельную собственность въ Литвѣ и Югозападной Руси предоставлено было Полякамъ только въ 1564 году, на Варшавскомъ сеймѣ (⁴).

Изъ приведенныхъ нами узаконеній слѣдуетъ, что Литва вмѣстѣ съ Югозападною Русью, заключивъ федеративный союзъ съ Польшею, сохраняла свою политическую независимость, имѣла свою отдѣльную территорію и особую внутреннюю администрацію, считая Польшу чужеземною страню, а ея жителей—чужеземцами. Западнорусскіе

(¹) Zbiór praw Lit., стр. 433. -Także szto jeste mowili jeho krolewskiej miłosci, iż buł tot obyczaj zawždy iz starodawna, za szczastnoho panowania prodkow jeho miłosti, iż khdykolwek ich krolewskaia miłost s koruny polskoje ježdzcali do wielikoho kniaźstwa litowskoho, tohdy na hranicy wsi wradniki dwornyje korunnyje ostawali; a jestli kotoryj do kniaźstwa litowskoho jechał, tohdy bywał jakobi hostem, a żadnoje mocy i władnosti w sprawowaniu wrađu swojeho ne meł, ani sia w to wstupował.- Также стр. 405. Акты Западной Россіи. Т. III, стр. 13.

(²) Zbiór praw Lit., стр. 481. Акты Западной Россіи, т. III, стр. 53.

(³) Zbiór praw Litew., стр. 805. Акты Западной Россіи, т. IV, стр. 66.

(⁴) Voll. Legg. T. 1, p. 649, art: 23.

дворяне, строго отличая Русь отъ Польши, называли себя народомъ Русскимъ, безъ различія вѣроисповѣданій (1). Этимъ же именемъ и Польское правительство называло какъ дворянъ, такъ и весь народъ, населявшій Югозападную Русь. Поэтому грамоты, данныя Польскимъ правительствомъ для охраненія православной религіи, какъ въ Литвѣ, такъ и въ Югозападной Руси, назывались дипломами Русскому народу (2).

Характеръ федеративнаго союза Литвы съ Польшею былъ измѣненъ въ 1569 году, на Люблинскомъ сеймѣ. Въ этомъ году, Югозападная Русь, заключающая въ себѣ Волынское и Брацлавское воеводства, а также княжество Кіевское, отдѣлены были отъ Литвы и включены въ составъ Польскаго королевства, въ формѣ провинцій, какъ части къ своему цѣлому, какъ членъ къ своему тѣлу и главѣ (3).

Такое соединеніе должно было имѣть послѣдствія, гибельныя для обоихъ народовъ. Двѣ, почти равновѣсныя, но, по своимъ основнымъ началамъ, совершенно противоположныя народности, отличающіяся образомъ правленія, языкомъ и религіею, должны были находиться въ непрерывномъ столкновеніи и парализировать развитіе государства. Съ этихъ поръ, ни Польша, ни Югозападная Русь не знали покоя. Между-тѣмъ-какъ другія государства, подъ защитою централизирующей монархической власти, осаживались на своихъ территорияхъ, обособляли свою народность и укрѣплялись въ силахъ, для того, чтобы перейти къ новымъ, болѣе совершеннымъ, формамъ государственной жизни, Польша и Югозападная Русь истощали свои свѣжія силы во внутренней борьбѣ противоположныхъ народностей и въ расприхъ аристократіи, неспособной къ самоуправленію.

Литовскорусское дворянство предвидѣло эти невыгодныя послѣдствія, и поэтому старалось противудѣйствовать политическимъ видамъ Польскаго правительства. Еще въ 1526 году, дворяне просили короля Сигизмунда I, чтобы онъ короновалъ своего сына на Великое Княжество Литовское, для того только, чтобы, возведя это государство на степень королевства, сдѣлать окончательное слияніе его съ Польшею невозможнымъ. »Когда Великое Княжество Литовское,« писа-

(1) N. XVII, стр. 203.

(2) N. XX, стр. 223, и XXXII, стр. 370.

(3) Jako własny a prawdziwy członek ku własnemu ciału a głowie. Voll. Legg. T. II, pag. 753, art. 2.

ли дворяне королю, «будетъ имѣть свою корону, то тогда нельзя будетъ присоединить его къ Коронѣ Польской, потому, что одна корона въ составъ другой короны войти не можетъ. Тогда панамъ Полянамъ нельзя будетъ желать, чтобы это государство было унижено и присоединено къ нимъ, но будетъ равное братство и пріязнь заодно, противъ каждаго непріятели (1)».

Присоединеніе Югозападной Руси къ Польшѣ, постановленное на Люблинскомъ сеймѣ, было задумано королемъ Сигизмундомъ Августомъ и поддержано незначительною партією западнорусскихъ магнатовъ, желавшихъ сравниться въ правахъ и почестяхъ съ Польскими аристократами. Хотя король, въ своихъ грамотахъ, утверждалъ, что соединеніе совершилось по искреннему желанію и добровольному согласію всѣхъ сословій Земли Волынской и Княжества Киевскаго (2); однакожъ это увѣреніе опровергается позднѣйшими королевскими распоряженіями. По окончаніи Люблинскаго сейма, король принужденъ былъ прибѣгнуть къ угрозѣ, для того, чтобы принудить западнорусскихъ дворянъ дать согласіе на присоединеніе къ Польшѣ и подтвердить это согласіе присягою. Съ этою цѣлю, разосланъ былъ королевскій универсалъ, которымъ предписана была форма присяги, съ прибавленіемъ слѣдующихъ словъ: «А кто бы совершить эту присягу воспротивился, у того, какъ у сопротивляющагося власти нашей и государственнымъ законамъ, имѣніе конфисковать будемъ». Королевскими старостамъ повелѣно было доставить королю присяжные списки съ поименованіемъ лицъ, присягавшихъ, и не явившихся къ присягѣ, для того, чтобы король могъ подвергнуть непослушныхъ законному наказанію (3). Впрочемъ, изъ присяжныхъ листовъ, подписанныхъ обывателями повѣтовъ Луцкаго и Владимірскаго, видно, что, не смотря на королевскую угрозу, весьма многія лица, и притомъ представители знатнѣйшихъ дворянскихъ фамилій, не явились къ присягѣ. Изъ духовныхъ лицъ православнаго исповѣданія находимъ въ присяжномъ листѣ только подпись Іоны, архимандрита Жидичинскаго, да подпись извѣстнаго своимъ буйствомъ епископа Луцкаго, Іоны Красенскаго (4). Изъ лицъ другихъ христіанскихъ вѣроисповѣда-

(1) Ак. Зап. Рос. Т. II, стр. 175.

(2) «Z woli uprzejmego y za dobrowolnym pozwoleniem wszystkich stanów». Voll. Legg. II, 754.

(3) N. I, стр. 1 во II-мъ томѣ *Архива*.

(4) Архивъ югозападной Россіи, томъ I. стр. 29, 162, 191.

ній присягаль и подписался одинъ только Армянскій попъ Вар-
тнянъ (1).

Изъ сеймовыхъ постановленій, нами издаваемыхъ, можно видѣть
всѣ невыгоды, которымъ подверглась Югозападная Русь, по присо-
единеніи ея къ Польшѣ. Въ этихъ постановленіяхъ, мы находимъ
безпрерывныя жалобы Западнорусскаго дворянства на своеволие ма-
гнатовъ, захватывавшихъ въ свои руки власть законодательную, на
несправедливую раздачу староствъ и высшихъ государственныхъ долж-
ностей, на противузаконныя дѣйствія власти судебной и исполнитель-
ной, на грабежи и неистовства жолнеровъ и на преслѣдованія право-
славной религіи.

Законодательная власть, по основнымъ законамъ, принадлежала
генеральному сейму, состоявшему изъ короля, сенаторовъ и земскихъ
пословъ, которые избираемы были дворянствомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ
какъ усиливалась власть аристократіи, уменьшалось значеніе осталь-
ныхъ представителей законодательной власти: короля и посольской
избы. Такимъ образомъ нарушено было равновѣсіе политическихъ
силъ, необходимое для правильнаго государственнаго устройства. Дво-
рянство Волинское, въ 1645 году, поручило посламъ своимъ обра-
тить вниманіе генеральнаго Варшавскаго сейма на этотъ недоста-
токъ въ государственномъ устройствѣ. «Зеница нашихъ вольностей,»
говорили дворяне, «есть посольская изба; но въ настоящее время,
осталась одна только тѣнь этого установленія. Въ дѣйствительности,
шляхетское сословіе исключено изъ сейма; бесполезно гибнуть бла-
городнѣйшія желанія республики, инструкціи, даваемые дворянствомъ
посламъ на Варшавскій сеймъ, и проекты законовъ, предлагаемыхъ
въ посольской избѣ». Въ этомъ отношеніи, нестройство Польской
республики, по мнѣнію дворянъ Волинскихъ, было такъ велико, что
законы Польскіе служили посмѣшищемъ для иностранныхъ народовъ,
(*posmiewiskiem u postronnych narodów*) (2).

Эти недостатки государственнаго устройства особенно обнаружи-
вались во время междуцарствія. По смерти короля, представителемъ
верховой власти являлся примасъ королевства, архіепископъ Гітз-

(1) N. I, стр. 4. См. также Жизнь князя Курбонаго въ Литвѣ и на Во-
лыни, т. I, стр. 19. Изъ лицъ, показанныхъ не явившимися къ присягѣ, нуж-
но исключить нѣкоторыхъ дворянъ, бывшихъ на Люблинскомъ сеймѣ и тамъ
присягавшихъ.

(2) N. XXV, стр. 292 и 293.

ненскій; но власть примааса, большею частію старика, удрученнаго лѣтами, была только тѣнью монархической власти, и притомъ слабое и отдаленное. Государство, во время междуцарствія, распалось на нѣсколько аристократическихъ республикъ, слабо связанныхъ между собою. Всѣ королевскія судебныя мѣста прекращали свои дѣйствія; верховная власть государя, въ отношеніи къ суду и мѣрамъ внутренней безопасности, переходила къ дворянамъ. Дворянство каждаго воеводства избирало изъ среды своей депутатовъ, для управленія краемъ, устанавливало порядокъ судопроизводства и опредѣляло наказанія за нарушеніе законовъ. Депутаты рѣшали дѣла окончательно. Для строгаго исполненія приговоровъ, дворяне обязывались, на неслухнаго депутатскому суду, возстать, всѣмъ вѣстѣмъ и каждый особо, идти войной, какъ противъ врага отечества, опустошить его нѣдѣи и лишить его жизни и чести (1). Не смотря на эти строгія мѣры, междуцарствіе было для народа временемъ опасностей, раздоровъ и внутреннихъ безпорядковъ, производимыхъ буйными, мятежными людьми (2). Сосѣдніе народы, пользуясь внутренними безпорядками и слабостію исполнительной власти, принимали угрожающее положеніе. Польскіе аристократы придумывали, для своей пользы, постановленія, ограничивавшія монархическую власть и доводяшія ее до совершеннаго безшлія. Вновь избранный король, согласившись на эти постановленія и подтвердивъ ихъ присягою, часто принималъ на себя неисполнимыя обязанности и дѣлался клятвopеступникомъ. Тогда возникалъ народный ропотъ, подданные считали себя въ правѣ не повиноваться государю, составлялись мятежные союзы и конфедераціи, разрушавшія частное и государственное благосостояніе. По смерти короля Сигизмунда III, дворянство Волынское отправило пословъ своихъ на генеральный сеймъ, съ горькими упреками покойному государю и его сенаторамъ: «Святой памяти король,» говорили дворяне, «обѣщаль намъ, подъ присягою, построить на свой счетъ пять замковъ, для защиты края отъ татарскихъ набѣговъ, и не исполнилъ своего обѣщанія; отъ этого наши Украинскія воеводства подвергаются великимъ бѣдствіямъ. Король обязался не только не уменьшать, но, напротивъ, расширять предѣлы королевства; между тѣмъ, княжество Прусское отдалъ князю Бранденбургскому, на ленномъ правѣ, къ ве-

(1) N. II, стр. 30.

(2) N. II, стр. 19.

якому вреду государства. Король обязался построить флотъ; отъ неисполненія этого обязательства, княжество Прусское было завоевано непріателемъ. Земля Лифляндская, завоеванная неопѣвненною кровію народа Польскаго и Литовскаго, утрачена и завоевана непріателемъ, къ великому вреду государства. Король обѣщаль присоединить къ коронѣ Польской Эстонию, но не исполниль этого обѣщанія. Всѣ военные снаряды, какъ-то: пушки, пули, порохъ и другіе, король обязанъ былъ доставлять на свой счетъ, на каждую войну; между тѣмъ, всѣ эти снаряды принуждена была поставлять Рѣчь Посполитая, на счетъ тяжкихъ податей и сборовъ. Сеймы были назначаемы трехнедѣльные, двухнедѣльные и чрезвычайные; на этихъ сеймахъ были вымышляемы новые поборы, которыми было обременено дворянство. Государственный доходъ, назначенный на содержаніе кванцяннаго войска, для защиты Украины, тратился на другіе предметы. Упомянутыя Татарамъ, назначенныя Рѣчью Посполитою, отдаваемы не были. Дурная монета причинила великій вредъ государству; объ этомъ разсуждаемо было на многихъ сеймахъ, но безъ всякаго успѣха (1)».

Предметомъ жалобъ со стороны дворянства была также несправильная раздача староствъ, переходившихъ въ руки немногихъ аристократовъ, отъ чего ихъ могущество безмѣрно увеличивалось. Нѣкоторые изъ нихъ, захвативъ въ свои руки болѣе 10 староствъ, продавали ихъ, уступали своимъ приверженцамъ, между тѣмъ какъ люди, оказавшіе важныя услуги государству, лишены были всякой надежды получить награду (2).

(1) № XVI, стр. 191.

(2) № XXVI, стр. 323. Фамилія Казановскихъ имѣла 15 староствъ, Зборовскихъ—12, Мышковскихъ—16. Яну Замойскому принадлежало 10 староствъ, Вишневецкому—10, Станиславу Потоцкому—10, Лукашу Опалинскому—15, и т. д. *Starczyński*, *Obraz wieku panowania Zygmunta III. Poznań, 1843. T. I. str. 262.* Управление старостъ было весьма тяжело для народа. Въ 1638 году, Владиславъ IV требовалъ на судъ наслѣдниковъ Адама Калиновскаго, старосты Брацлавскаго, по жалобѣ жителей города Брацлава. Въ этой жалобѣ сказано, что Калиновскій, отнявъ самовольно права, Брацлаву предоставленныя, принуждалъ жителей къ ежедневнымъ холопскимъ работамъ, обременялъ ихъ произвольными податями и сборами, и довелъ до такой крайности, что они принуждены были уходить изъ города, бросивъ свои дома и свое хозяйство. Въ слѣдствіе такого управления, изъ двухъ тысячъ жилыхъ домовъ осталось въ Брацлавѣ только 100 съ небольшимъ. См. Книги Главнаго Трибунала Люблинскаго Воеводства Брацлавскаго, въ Главномъ Варшавскомъ Архивѣ, 1638 года, № 18, справа 311.

Устройство Главнаго Трибунала Люблинскаго, какъ высшей судебной инстанціи, западнорусское дворянство полагало основать на началѣ самоуправленія, утверждая, что народъ только тогда можетъ назваться свободнымъ, когда онъ самъ себя даетъ законы и самъ себя судить (1). Поэтому, Трибуналъ Люблинскій состоялъ изъ лицъ, опредѣляемыхъ на одинъ годъ, по выбору дворянства. Но начало самоуправленія, при тогдашнемъ состояніи общества, имѣло невыгодныя послѣдствія. Дворяне жаловались, что трибуналъ, не имѣя законодательной власти, отмѣняетъ своими приговорами законы, несправедливо лишаетъ дворянъ шляхетскаго достоинства и подвергаетъ ихъ безчестію и изгнанію изъ отечества (2). Вотъ какъ изображало дворянство Волынское недостатки Трибунала Люблинскаго, высшей судебной инстанціи: «Трибуналъ запутываетъ дѣла, производя судъ не по предписаніямъ закона, но по произволу; назначаетъ наказанія по собственному усмотрѣнію, а не по мѣрѣ преступленій; полагаетъ приговоры не на основаніи судебного изслѣдованія, но по ненависти къ лицамъ или къ ихъ религіи, постановляя по однимъ и тѣмъ же дѣламъ различныя рѣшенія. Наконецъ Трибуналъ, подавляетъ всякое благородное и свободное мнѣніе. Народъ, который позволяетъ отнимать у себя по произволу жизнь и имущество и подавлять совѣсть, не есть вольный, но рабскій народъ. Избираемые нами короли, государи наши, предоставляютъ намъ право отказываться отъ повиновенія, если бы они, въ своемъ управленіи, вздумали нарушать вольности и права наши, а чтобы судьи, избираемые нами на одинъ годъ, могли угнетать насъ,—не дай того Боже!» (3).

При крайней слабости исполнительной власти, приговоры трибунала часто оставались безъ всякаго исполненія. Люди сильные, совершавшіе уголовныя преступленія, пренебрегали трибуналомъ и не являлись, по его требованію, на судъ. Трибуналъ приговаривалъ ихъ къ баниціи, то есть лишалъ ихъ чести и осуждалъ на изгнаніе изъ отечества; но осужденные, если принадлежали къ могущественной аристократіи, или вовсе не обращали вниманія на судебные приговоры, или получали изъ королевской канцеляріи охранительныя грамоты и, такимъ образомъ, избѣгали наказанія. Государство наполни-

(1) № XXV, стран. 303.

(2) № XXVI, стран. 321 и 322.

(3) № XXV, стран. 293 и 294.

лось людьми, лишенными чести и осужденными на изгнаніе изъ отечества. Эти лица не только не боялись правосудія, но безнаказанно совершали новыя преступленія, нападав вооруженною рукою на мелкихъ дворянъ и отнимая у нихъ имѣнія (¹). Недовольные судопроизводствомъ въ трибуналѣ Люблинскомъ, дворяне Волынскіе изъявляли желаніе освободиться отъ власти этой высшей судебной инстанціи и учредить для себя особый трибуналъ въ Луцкѣ (²).

Неустройство судебной власти и слабость власти исполнительной подвергали западнорусскихъ дворянъ обидамъ отъ ксендзовъ, козаковъ и особенно жолнеровъ. Жалуясь на ксендзовъ, дворянство Волынское говорило: «Ихъ милости ксендзы сильно обременяють дворянское сословіе такими десятинами, на которыя нѣтъ никакихъ законныхъ и несомнѣнныхъ записей. Ксендзъ доказываетъ свое право или какимъ нибудь реестрикомъ, или аттестаціею другаго ксендза, но безъ всякаго законнаго основанія; а судъ, въ обиду дворянскому сословію, требуетъ только, чтобы ксендзъ истецъ подтвердилъ свой искъ присягою (³)».

На козачество смотрѣли дворяне какъ на причину внутреннихъ смятеній и главный поводъ къ войнамъ Польши съ Султаномъ Турецкимъ. Такъ какъ первые удары непріятеля падали на южнорусскія воеводства, составлявшія охранительную стѣну рѣчи посполитой, то по этому западнорусское дворянство изыскивало средства, чтобы удерживать козаковъ въ повиновеніи. Въ 1618 году, дворянство воеводства Кіевскаго поручало посламъ своимъ просить на Варшавскомъ сеймѣ, чтобы козачество какъ разбойничья шайка (*lotrowstwo kozackie*), или совершенно было уничтожено, или по крайней мѣрѣ приведено въ прежній порядокъ, чтобы оно не сорило Польши съ Султаномъ Турецкимъ (⁴). Объ этомъ же ходатайствовало на сеймѣ дворянство Волынское въ 1622 году, говоря, что для спокойствія цѣлаго государства и для прочнаго мира съ Султаномъ Турецкимъ, необходимо принять мѣры къ удержанію козаковъ въ порядкѣ и повиновеніи (⁵). По усмиреніи козацкаго возстанія, бывшаго въ 1637 году, дворяне Волынскіе просили на Варшавскомъ сеймѣ, чтобы на

(¹) № XXVI, стран. 330 и 331.

(²) № XXV, стран. 295.

(³) № XIII, стран. 141.

(⁴) № XII, стран. 118.

(⁵) № XIII, стран. 136.

будущее время начальникомъ запорожскаго войска былъ назначаетъ Польскій шляхтичъ, чтобы украинскіе старосты постоянно находились въ укрѣпленныхъ замкахъ, для предупрежденія козацкихъ бунтовъ, и чтобы крѣпость Кодакъ снабжена была сильнымъ военнымъ отрядомъ, для препятствованія козакамъ выходить на море и чрезъ то нарушать мирные трактаты Польши съ Султаномъ Турецкимъ (1).

Великимъ бѣдствіемъ для края было войско, вознаграждавшее себя грабежами за неисправное полученіе жалованья. Опустошеніе, имъ производимое, ни чѣмъ не было хуже непріятельскаго. Жолнери предавались распутному своеволію, раззоряя крестьянъ и помѣщиковъ постоями и котрибуціями. Выведенные изъ терпѣнія дворяне Волынскіе поручили, въ 1645 году, посламъ своимъ спросить на главномъ Варшавскомъ сеймѣ: «Долго-ли отчизна наша, къ удивленію всѣхъ народовъ, будетъ имѣть въ неустройствѣ войска свои, и долго-ли мы этими войсками сами себя воевать будемъ (2)? Бѣдствія, причиняемыя жолнерами, еще болѣе увеличивались частыми набѣгами Татаръ, истреблявшихъ города и селенія и уводившихъ въ плѣнъ огромное количество народа. Всѣ эти бѣдствія преимущественно обрушивались на пограничныя воеводства югозападной Россіи, служившія оборонительною стѣною для всей рѣчи посполитой. Въ 1522 году, дворянство Волынское поручило посламъ своимъ представить Варшавскому сейму жалкое состояніе края. Дворяне говорили:

«За грѣхи наши, мы покараны отъ Господа Бога различными казнями и бѣдствіями. Мы доведены до нищеты то частыми контрибуціями, то непрерывными войнами, то переходами войскъ чрезъ наши края, то толпами своевольныхъ людей, ежегодно появляющихся. Мы раззорены нынѣшнею конфедераціею, измѣненіемъ монеты и ея недостаткомъ, дороговизною и неурожаемъ. Нѣсколько лѣтъ съ ряду, мы подвергались нападеніямъ невѣрныхъ, производившихъ опустошенія огнемъ и мечемъ, такъ что намъ осталось только смотрѣть съ горестію на пепелища имѣній, какъ своихъ собственныхъ, такъ и братій нашихъ. Мы истощились, платя за выкупъ изъ плѣна сыновей, женъ и дѣтей, братьевъ и родственниковъ своихъ. Мы до того стѣснены въ своихъ дворянскихъ имѣніяхъ, что и крестьяне наши

(1) № XXI, стран. 230, № XXII, стр. 277.

(2) № XXV, стр. 399 и 300.

едва дышуть отъ крайней бѣдности и нужды, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ умирають съ голоду (¹)».

Вотъ плоды, которыми наслаждалась югозападная Россія, по присоединеніи ея къ Польшѣ на Люблинскомъ сеймѣ!

Вступая въ союзъ съ Польшею, западнорусское дворянство старалось оградить свою народность отъ чужеземнаго вліянія и сохранить ее неприкосновенною. Главныя основы западнорусской народности были: Русскій языкъ и православная вѣра (²). Однимъ изъ главныхъ условій присоединенія Югозападной Руси къ Польшѣ было сохраненіе Русскаго языка во всѣхъ официальныхъ актахъ, какъ въ судахъ городскихъ и земскихъ, такъ и въ королевской канцеляріи. Въ грамотѣ о присоединеніи земли Волынской къ Польшѣ постановлено: «Акты по всѣмъ судебнымъ дѣламъ, въ судахъ нашихъ городскихъ и земскихъ, какъ то: позвы, записи въ книги и другіе акты, и всѣ дѣла, также декреты наши, выдаваемые изъ канцеляріи нашей коронной, и листы, посылаемые по всѣмъ дѣламъ, какъ нашимъ королевскимъ, такъ и земскимъ короннымъ, должны быть писаны не инымъ письмомъ, какъ только Русскимъ, *на вѣчныя времена*» (³). Это же самое постановленіе повторено и въ актѣ о присоединеніи къ Польшѣ княжества Кіевского (⁴).

Вскорѣ по присоединеніи югозападной Руси къ Польшѣ, учреждены были два высшія государственныя установленія: метрика Русская и главный трибуналъ Люблинскій. Метрика Русская учреждена была при королевской канцеляріи, для вписыванія административныхъ и судебныхъ актовъ короля и генеральнаго Варшавскаго сейма, для воеводствъ: Кіевского, Волынскаго, Брацлавскаго и, въ послѣдствіи, Черниговскаго. Всѣ дѣла вписывались въ книги этой

(¹) № XII, стран. 138.

(²) Третьимъ элементомъ западнорусской народности было древнее Русское право, но изслѣдованіе этого предмета будетъ напечатано въ одномъ изъ дальнѣйшихъ изданій Комиссія.

(³) Voll. Legg. T. II. pag. 757. «To też za proźbą wszech wołyńskiej ziemie przrzeczonych stanow, zostawuiemy: iż we wszelakich sprawach ich sądowych, iako pozwy, wpisowanie do ksiąg, acta, y wszelakie potrzeby, tak u sądow naszych grodzkich y ziemskich, iako y z kancelaryi naszej koronnej dekreta nasze y we wszystkich potrzebach naszych krolewskich y ziemskich koronnych do nich listy, nie jakim innym, jedno Rus'kim pismem pisane y odprawowane bydź mają czasy wiecznemi».

(⁴) Voll. Legg. II, p. 764.

метрики на Русскомъ языкѣ. Въ 1632 году, на Варшавскомъ съѣздѣ, постановлено было, по требованію западнорусскаго дворянства, чтобы всѣ акты, касающіеся воеводствъ Кіевскаго, Волынскаго и Брацлавскаго, были писаны въ королевскихъ канцеляріяхъ и выдаваемы изъ нихъ на Русскомъ языкѣ, и что акты, написанныя на другомъ языкѣ, не должны имѣть никакой силы. Для этой цѣли положено имѣть при канцеляріи коронной особаго чиновника изъ западнорусскихъ дворянъ, который обязанъ былъ завѣдывать всѣмъ, что касалось Русскаго письма (1).

На провинціальномъ сеймѣ 1638 года, дворянство Волынское поручило посламъ своимъ, отправленнымъ на Варшавскій сеймъ, ходатайствовать о томъ, чтобы при метрикахъ Русской состоялъ особый чиновникъ, избираемый дворянствомъ Кіевскаго, Волынскаго, Брацлавскаго и Черниговскаго воеводствъ. Онъ обязанъ былъ завѣдывать метрикой, писать на Русскомъ языкѣ и отправлять по принадлежности акты, касавшіеся четырехъ означенныхъ выше воеводствъ (2).

Въ главномъ трибуналѣ Люблинскомъ, составлявшемъ высшую судебную инстанцію, ведены были особыя актовыя книги для воеводствъ Волынскаго, Брацлавскаго, Кіевскаго и Черниговскаго. Всѣ дѣла постановлено было записывать въ эти книги Русскимъ языкомъ; на этомъ же языкѣ писались и выдавались тяжущимся судебныя рѣшенія (3).

(1) Статьи, постановленныя на Варшавской конвокаціи въ 1632 году, вписаны въ акты городскіе Варшавскіе (Obligationum) № 8., подъ заглавіемъ: Oblata punctorum exorbitantiarum. Статья 27 заключаетъ въ себѣ слѣдующее: «Pisanie Ruskich praw. Jako dawne prawo mieć chciało y iako dotąd w zwyczaju było, wszystkie przywilegie, listy, mandaty y insze wszystkie sprawy Kijowskiego, Wołyńskiego, y Braclawskiego woiewodstw Ruskim ięzykiem w Cancellariach J. K. M. pisane y wydawane być mają sub nullitate wszystkiey sprawy, którą by kto inakszym characterem z cancellariei wyniosł; g woli czemu ma być zawždy precy cancellarij coronney pisarz urodzenia szlachezkiego, osiadly y przysięgly, krory by tego Ruskiego pisania we wszystkim doglądał. Akta obligationum grodu Warszawskiego 1631—1632, pag. 2449, въ Главномъ Архивѣ Царства Польскаго.

(2) № XXI, стр. 238. Акты Метрики Русской хранятся въ С. Петербургѣ, при третьемъ департаментѣ Правительствующаго Сената.

(3) Трибуналъ для воеводствъ Волынскаго и Брацлавскаго учрежденъ былъ въ 1589 г.—Въ уставѣ трибунала сказано: Pisarze Ziemszy onych woiewodstw mają xięgi osobne mieć, a wszystkie sprawy do tych xiąg pismem Ruskim zapisywać. Dekreta y sprawy wszelakie, także pismem Ruskim wydawać. Voll. Legg. T. II pag. 1237. Воеводство Кіевское подчинено было трибуналу Люблинскому въ 1590 году, на томъ же самомъ основаніи, какъ и воеводства Волынское и Брацлавское. Voll. Legg. T. II. p. 1340.

Въ статутѣ Литовскомъ постановлено, что все листы, вышеси и позовы, въ судахъ градскихъ и земскихъ, должны быть писаны Русскимъ языкомъ (1).

Западнорусское дворянство не только старалось о томъ, чтобы языкъ Русскій употребляемъ былъ въ дѣлахъ судебныхъ и административныхъ, но заботилось и объ его чистотѣ. Конституціею Варшавскаго сейма предложено было воеводствамъ Волынскому и Брацлавскому заняться направлениемъ законовъ, дѣйствовавшихъ въ Югозападной Руси, при этомъ было постановлено, чтобы законы писаны были Русскимъ языкомъ и письмомъ, безъ примѣся словъ латинскихъ (2).

Слѣдующіе случаи доказываютъ, съ какою заботливостію западнорусское дворянство старалось о томъ, чтобы означенныя выше постановленія объ употребленіи исключительно одного только Русскаго языка, въ судебныхъ и административныхъ дѣлахъ, были исполняемы во всей ихъ силѣ. Въ 1576 году, король Стефанъ Баторій потребовалъ къ себѣ нѣкоторыхъ Брацлавскихъ дворянъ позовными листами, писанными польскимъ языкомъ. Дворянство Брацлавское не позволило своей братіи исполнить королевское приказаніе, замѣтивъ королю, что листы, присылаемые къ нимъ изъ королевской канцеляріи, должны быть писаны на Русскомъ языкѣ: «Найяснѣйшій милостивый король» — писало дворянство Брацлавское: нарушаются наши вольности и права тѣмъ, что изъ канцеляріи вашей королевской милости посылаются къ намъ листы, писанные Польскимъ письмомъ. Поэтому мы просимъ вашу королевскую милость покорными просьбами, на будущее время сохранять въ цѣлости привилегіи и свободы наши, приказавъ, чтобы къ намъ, изъ канцеляріи вашей королевской милости, присылаемы были листы на Русскомъ языкѣ (3).

Въ 1605 году, Кіевскій гродскій судъ судилъ дѣло о бѣгломъ крестьянинѣ. Ответчикъ былъ оправданъ потому только, что уполномочіе, данное истцомъ адвокату, было написано попольски. Въ судебномъ приговорѣ сказано: «Судъ гродскій Кіевскій, видя, что уполно-

(1) Ст. Лит. 1566 года. «А писарь земскій маєт поруску литерами и словы Рускими вси листы и позовы писати, а не инымъ языкомъ и словы». Разд. IV. арт. I. Тоже повторено и въ статутѣ 1588 года въ разд. IV. арт. 1.

(2) Voll. Legg. T. II. pag. 1340 «Statuta, według ich prawa, Ruskim ęsikiem u piśmie maia bydź pisane, nie mieszaiąc słow Łacinskiich»

(3) Акты Западной Россіи. Т. III. стр. 187.

мочіе, предъявленное адвокатомъ со стороны истца, написано попольски, а наши законы, по которымъ судится земля Кіевская, повелѣвають, чтобы всѣ дѣла не инымъ были писаны письмомъ, какъ только русскимъ, признавъ уполномочіе незаконнымъ и отвѣтчика отъ позова вольнымъ учинилъ.» Истецъ подавалъ апелляцію въ Люблинскій трибуналъ, но не явился на судъ; поэтому трибуналъ утвердилъ рѣшеніе, постановленное Кіевскимъ городскимъ судомъ ⁽¹⁾.

Языкъ Русскій былъ употребляемъ въ Литвѣ и югозападной Руси не въ однихъ судебныхъ и административныхъ дѣлахъ: онъ былъ во всеобщемъ употребленіи между частными лицами, духовенство писало на немъ свои проповѣди и другія сочиненія, этому языку обучалось юношество въ училищахъ, на немъ писались завѣщанія. Самые знатные и образованные изъ западнорусскихъ патріотовъ завѣщевали дѣтямъ своимъ учиться Русской грамотѣ, не забывать своего Русскаго письма и Русской рѣчи, не оставлять добрыхъ Русскихъ обычаевъ, пребывая вѣрными своей православной вѣрѣ, до самой смерти ⁽²⁾.

Изложивъ свѣдѣнія объ употребленіи Русскаго языка въ Литвѣ и Югозападной Руси, извлеченныя нами изъ официальныхъ актовъ, не лишнимъ считаемъ прибавить мнѣніе объ этомъ предметѣ одного изъ ученыхъ и безпристрастныхъ Польскихъ писателей, Сярчинскаго. «Въ древнія времена, Литва, во всѣхъ письменныхъ памятникахъ, не употребляла другаго языка, какъ только Русскій. На этомъ языкѣ писаны были лѣтописи, уставы и жалованныя грамоты князей, письма княжескаго двора, поученія духовенства. Западная Русь, вышедшая изъ состоянія дикости гораздо прежде Литвы, передала ея обитателямъ свои обычаи, вѣру, законы и языкъ. Множество Руси, спасая жизнь и имущество отъ дикихъ Татаръ, уходилъ въ Литву и тамъ поселялся. Стрыйковскій, который имѣлъ объ этомъ предметѣ вѣрныя свѣдѣнія, и которому нельзя было не вѣрить, утверждаетъ, что еще въ продолженіи XVI вѣка, Литва, въ церквахъ, судахъ и школахъ, не знала другаго языка, кромѣ Русскаго. Сопиковъ утверждаетъ, что Русь, въ Польшѣ и Литвѣ, до самаго конца XVII вѣка, всѣ свои духовныя книги писала на Русскомъ языкѣ. Этотъ языкъ Сопиковъ на-

⁽¹⁾ Книга главнаго трибунала Люблинскаго, воеводства Кіевскаго 1607 г. № 6, справа 120, въ Главномъ Архивѣ Царства Польскаго.

⁽²⁾ См. завѣщаніе Василя Загоровскаго, костеляна Брацлавскаго, въ Арх. Югозападной Руси. Т. I, стр. 67.

зывается Бѣлорусскимъ. Соглашаясь съ мнѣніемъ Сопикова, Линде называется языкъ, на которомъ написанъ былъ Статутъ Литовскій, также Бѣлорусскимъ. Но для чего употреблять это особое названіе? Я нисколько не отвергаю, что языкъ Русскій, которымъ говорила и писала Польская и Литовская Русь, былъ отличенъ отъ Великорусскаго и Церковнославянскаго; но недостаточно ли называть этотъ языкъ просто Русскимъ? Неболшія отличія въ говорѣ, встрѣчающіяся у Русскихъ въ Червоной, Бѣлой, Черной, Малой и Великой Руси, не уничтожаютъ характера языка; этотъ языкъ, какъ говоритъ Шлёцеръ, вездѣ Русскій. Языкъ Польскій, которымъ говорятъ въ Великой Польшѣ, въ Малой Польшѣ, въ Мазовіи и Пруссіи, имѣетъ отличія; не смотря на то, на письмѣ не дѣлается отличія между языками великопольскимъ, малопольскимъ, мазовецкимъ и т. д.» (1).

Мы видѣли, какъ дорожило западнорусское дворянство своимъ роднымъ языкомъ, и какія усилія оно употребляло для его сохраненія, но еще съ большею ревностію оно заботилось о сохраненіи своей народной православной религіи. Православную религію западнорусское дворянство старалось поддерживать и охранять отъ вліянія иностранныхъ исповѣданій учрежденіемъ церковныхъ братствъ, монастырей и учебныхъ заведеній. Удѣлвшія, до настоящаго времени, церкви и монастыри, разсѣянные на всемъ пространствѣ Югозападной Руси, гробницы князей и

(1) См. *Obraz wieku panowania Zygmunta III przez. X. Franciszka Siarczyńskiego. Poznań. 1843. Т. I, стр. 198.* Вопросъ о Западнорусскомъ языкѣ и его отношеніи къ Великорусскому мы предоставляемъ филологамъ. Замѣтимъ только, что въ оффиціальныхъ актахъ до XVI вѣка, Западнорусскій языкъ почти во всемъ сходенъ съ современнымъ ему языкомъ Восточной Руси. Съ XVI вѣка, Западнорусскій языкъ начинаетъ заимствовать изъ Польскаго языка слова и грамматическія формы; не смотря на то, онъ всегда сохранялъ болѣе сходствъ съ Великорусскимъ, нежели съ Польскимъ языкомъ. До конца XVI столѣтія, законъ объ исключительномъ употребленіи Русскаго языка въ оффиціальныхъ актахъ соблюдался во всей строгости. Къ концу этого столѣтія начинаютъ встрѣчаться въ актовыхъ книгахъ правительственныхныя распоряженія и частныя записи на Польскомъ и Латинскомъ языкахъ. Необходимость входить въ частыя сношенія съ Польшею, а также недостатокъ народнаго образованія, заставлявшій дворянъ отдавать дѣтей въ іезуитскія школы, имѣли слѣдствіемъ быстрое распространеніе Польскаго языка въ Западнорусскомъ дворянствѣ, такъ что во второй половинѣ XVII вѣка, этотъ языкъ получаетъ рѣшительный перевѣсъ надъ Русскимъ. Но вліяніе означенныхъ выше причинъ ограничивалось преимущественно дворянскимъ сословіемъ; напротивъ того, простой народъ, составлявшій главную массу населенія, всегда сохранялъ свой родной Русскій языкъ неприкосновеннымъ.

дворянъ съ Русскими надгробными надписями, наполненные княжескими и дворянскими фамиліями древніе юмималыные синодики, хранящіеся въ православныхъ церквахъ и монастыряхъ, свидѣтельствуяють, что западнорусское дворянство, причисляя себя къ Русскому народу, пребывало до гроба вѣрнымъ своей православной религіи. Иногда дворяне заключали между собою договоръ, обязываясь защищать и поддерживать учрежденныя ими религіозныя установленія соединенными силами. Такъ въ 1601 году, сорокъ четыре представителя важнѣйшихъ дворянскихъ фамилій на Волыни заключили между собою обязательство о защитѣ церковнаго Люблинскаго братства, назначивъ ему на содержаніе земли. Подъ этимъ обязательствомъ находимъ подписи: князя Константина Острожскаго, князя Сангушка Коширскаго, князя Яхима Корецкаго, князя Юрія Друцкаго-Горекаго, Василя Семашка, Лаврина Древинскаго, князя Курцевича-Булыги, князя Юрія Чарторыйскаго, Фридриха Тишкевича, князя Григорія Четвертинскаго, князя Друцкаго - Любецкаго, Мартина Бутовича и многихъ другихъ (1).

Предметомъ особенной заботливости для западнорусскаго дворянства была Кіевопечерская Лавра. Дворяне поручали посламъ своимъ ходатайствовать на Варшавскомъ сеймѣ, чтобы Кіевопечерская Лавра, домъ Божій, какъ они ее называли, была защищаема отъ притѣсненій и пользовалась древними правами своими, такъ какъ лица знатныхъ фамилій посѣщаютъ въ этомъ монастырѣ гробы своихъ предковъ, а простой народъ стекается для поклоненія святымъ угодникамъ (2). Съ древнихъ временъ, дворянство исходатайствовало себѣ право избирать архимандрита Кіевопечерской Лавры. Тотчасъ по смерти архимандрита, соборное духовенство оповѣщало князей и дворянъ православной вѣры, прося ихъ прибыть въ Кіевъ для выбора архимандрита изъ лицъ дворянскаго сословія, знающихъ догматы православной религіи и изучившихъ богословскія науки. Избирательный листъ, съ подписями избирателей, посылался королю на утвержденіе (3).

Король Сигизмундъ III и окружавшіе его іезуиты весьма хорошо понимали всю важность Кіевопечерской Лавры, имѣвшей религіозное вліяніе не только на Западную, но и на Восточную Россію. Поэтому

(1) N. IV, стр. 35.

(2) № XII, стр. 123.

(3) Образецъ такого избирательнаго листа напечатанъ подъ № XXVII, стр. 336.

му, какъ только нѣкоторые изъ православныхъ іерарховъ изъявили согласіе на унію, тотчасъ явилась мысль предоставить этотъ монастырь въ распоряженіе столицы апостольской. Іезуиты понимали, что, захвативъ въ свои руки эту всероссийскую святыню, они сдѣлали бы изъ нея средоточіе обширной католической пропаганды, которая могла бы распространять свое вліяніе на весь народъ Русскій. Въ этихъ видахъ, Сигизмундъ III, еще до принятія уніи на Брестскомъ соборѣ, испросилъ у папы Климента VIII особую буллу, которою Киевопечерская Лавра, со всѣми ея имѣніями и доходами, предоставлена была во власть митрополитовъ кievскихъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы они пребывали въ соединеніи съ Римскимъ костеломъ (1). Такое распоряженіе возбудило сильный ропотъ и негодованіе въ Югозападной Руси. Дворянство отправило пословъ на Варшавскій сеймъ и требовало, чтобы папская булла была отмѣнена, такъ какъ право назначать архимандрита Киевопечерской Лавры не принадлежитъ ни королю, ни папѣ, а только православнымъ дворянскимъ фамиліямъ. Негодованіе народа и дворянъ было такъ сильно, что угрожало опасностію государству и заставило короля просить папу объ отмѣнѣ буллы и о возвращеніи Киевопечерской Лавры въ прежнее положеніе. Папа, для успокоенія государства (*pro regni tranquillitate*), согласился на просьбу короля, и двумя бреве, данными на имя короля и папскаго нушція, разрѣшилъ освободить Киевопечерскую Лавру отъ власти уніатскихъ митрополитовъ и возвратить дворянству право избирать архимандрита (2). Такимъ энергическимъ усиліемъ западнорусскаго дворянства, Киевопечерская Лавра сохранена была въ своей первобытной святости и спасена отъ разрушенія, которому подверглась большая часть православныхъ церквей и монастырей, поступившихъ во власть уніатскаго духовенства.

Удерживая за собою право избирать митрополита, нѣкоторыхъ епископовъ и архимандритовъ важнѣйшихъ монастырей, западнорусское дворянство считало обязанностію заботиться о приготовленіи изъ среды своей лицъ, способныхъ для поступленія въ духовное званіе. Для этой цѣли, дворянство Волынское, въ 1607 и 1608 годахъ, ходатайство—

(1) Эта булла папы Климента VIII, 1595 марта 4, вписана въ книгу градскую Житомирскую 1760 г., листъ 1009 на оборотѣ.

(2) N. V, стр. 40. N. VI, стр. 44.

вало на Варшавскомъ сеймѣ, чтобы митрополиту, епископамъ и архимандриту Киевопечерской Лавры вмѣнено было въ обязанность учредить, на счетъ монастырскихъ и епископскихъ доходовъ, семинаріи, въ которыхъ бы постоянно воспитывались дворянскія дѣти, для приготовления къ духовному званію ⁽¹⁾. Но наиболѣе выразилась непоколебимая приверженность западнорусскаго дворянства къ православной вѣрѣ въ борьбѣ противъ уніи.

По мнѣнію западнорусскихъ іерарховъ, для измѣненія религіозныхъ догматовъ, не достаточно было постановленіе одного только духовенства, но необходимо было согласіе свѣтскихъ лицъ, какъ дворянскаго сословія, такъ и нопсоятаго народа, чтобы не было насилія людямъ въ ихъ вѣрѣ и совѣсти ⁽²⁾. Это начало, отличавшее западнорусскую православную церковь отъ католической, давало возможность дворянству участвовать, вмѣстѣ съ духовенствомъ, въ совѣщаніяхъ соборовъ и въ постановленіи соборныхъ опредѣленій. По этому, когда созванъ былъ въ 1596 году, Брестскій соборъ, для совѣщанія объ уніи, то на этомъ соборѣ явилось многочисленное собраніе дворянъ и свѣтскихъ сановниковъ, изъ Литвы и Югозападной Руси. Всѣ эти лица, вмѣстѣ съ православнымъ духовенствомъ, участвовали въ соборныхъ совѣщаніяхъ, претествовали противъ уніи, требовали низложенія іерарховъ, отступившихъ отъ православія, и съ своимъ протестомъ отправили пословъ къ королю ⁽³⁾. Но когда дворяне увидѣли, что постановленія собора были отвергнуты Польскимъ правительствомъ, что малочисленная православная іерархія оказалась безсильною для защиты своей вѣры, что имѣнія, пожертвованныя ихъ предками на содержаніе церквей, монастырей, братствъ и училищъ, были отобраны въ пользу уніатовъ: тогда они рѣшились принять народную Русскую вѣру подъ свою непосредственную защиту и сдѣлали ее предметомъ совѣщаній на своихъ провинціальныхъ сеймахъ.

Не вдаваясь въ богословскія прѣнія, дворяне защищали свою религію на основаніи законовъ, обезпечивавшихъ свободу вѣроисповѣданія. Они говорили, что православная религія издавна имѣла права своя, подтвержденныя многими королями Польскими и великими князьями Литовскими, что эти права никогда не были нарушаемы до вре-

⁽¹⁾ N. VIII, стр. 75. N. X, стр. 92.

⁽²⁾ Архивъ Югозападной Руси Т. I, ст. LII.

⁽³⁾ Тамъ же, стр. 509.

мени короля Сигизмунда III, и что религія православная начала подвергаться преслѣдованію только съ тѣхъ поръ, когда митрополитъ и нѣкоторые изъ епископовъ, измѣнивъ своей вѣрѣ, признали надъ собою власть Римскаго папы (¹). Защищая начало вѣротерпимости, православное дворянство заботилось не только о правахъ своей церкви, но требовало, чтобы всѣ христіанскія вѣроисповѣданія могли спокойно отправлять свое богослуженіе, на основаніи давнихъ правъ и привилегій, утвержденныхъ присягами короля Сигизмунда III, и его предшественниковъ (²).

Со времени Брестскаго собора, на которомъ принята была унія въ 1596 году, не проходило ни одного почти сейма, на которомъ бы не раздавался голосъ западнорусскаго дворянства въ защиту православной вѣры.

Въ 1606 году, король Сигизмундъ III находился въ затруднительномъ положеніи. Недовольная его управленіемъ шляхта, составивъ многочисленное войско, подняла мятежъ, упрекая короля въ замыслѣ, на присвоеніе неограниченной власти, въ нарушеніи государственныхъ законовъ, въ недостатокѣ правосудія и въ разстройствѣ финансовъ. Государству угрожала междоусобная война. Этимъ случаемъ рѣшилось воспользоваться западнорусское дворянство для того, чтобы возстановить древнія права религіи православной, нарушенныя введеніемъ уніи. Дворяне Волынскіе, соединившись съ дворянами воеводства Кіевскаго, на съѣздѣ подъ Сендомиромъ, постановили просить короля, чтобы унія была уничтожена, чтобы митрополитъ и епископы, принявшіе унію, были лишены должностей и всѣхъ іерархическихъ правъ, имъ предоставленныхъ, чтобы, на будущее время, всѣ іерархическія должности и церковныя имѣнія были раздаваемы только лицамъ православнаго исповѣданія и притомъ по свободному выбору дворянства (³).

Угрожаемый мятежными конфедератами король, желая привлечь на свою сторону западнорусское дворянство, обѣщалъ, что, на будущее время, православный Русскій народъ не будетъ подвергаться преслѣдованію за свою вѣру, что ему будетъ предоставлена свобода богослуженія по древнимъ обрядамъ, что лица православнаго исповѣданія будутъ имѣть право отправлять городскую службу и заниматься реме-

(¹) N. VIII, стр. 69.

(²) N. XII, стр. 120.

(³) N. VIII, стр. 69.

слами. Все тяжбы возникшія изъ религіозныхъ споровъ были признаны недействительными, и духовныя лица, присужденныя къ наказаніямъ по дѣламъ вѣры, объявлены свободными. Но митрополитъ и епископы, согласившіеся на унію, не были лишены духовнаго сана, сохранили свои іерархическія должности и продолжали владѣть церковными имѣніями (1).

Видя упорство короля и желая прекратить гибельные для государства раздоры, дворяне Волынскіе, на провинціальномъ сеймѣ 1607 года, согласились сдѣлать уступку въ пользу уніатскаго духовенства. Они объявили, что уніатскіе епископы могутъ сохранять свой духовный санъ и пользоваться іерархическими почестями, но должны отказаться отъ всякой власти надъ православнымъ духовенствомъ. Имъ должна быть назначена на содержаніе третья часть церковныхъ имѣній, въ которыхъ они могли бы жить и исполнять церковныя обряды до самой смерти, а по смерти ихъ, церковныя имѣнія должны возвратиться къ православнымъ епископамъ. Вместе съ тѣмъ дворяне просили, чтобы съ этого времени, король назначалъ имъ только православныхъ епископовъ, которые бы состояли подъ властію патріарха Константинопольскаго, и чтобы это правило утверждено было особою сеймовою конституціею (2).

Въ слѣдствіе этой просьбы, въ конституцію Варшавскаго сейма 1607 года, внесена была особая статья о православной вѣрѣ. Король обѣщалъ не иначе раздавать іерархическія должности и церковныя имѣнія, какъ только на основаніи записей и жалованныхъ королевскихъ грамотъ, и притомъ лицамъ дворянскаго сословія народа Русскаго, исповѣдующимъ истинную православную религію. Король обязался не нарушать правъ народа Русскаго въ отношеніи къ религіи и не запрещать ему свободнаго отпращиванія церковныхъ обрядовъ, по древнимъ обычаямъ. Сверхъ того постановлено, что церковныя православныя братства, должны сохранять свои права и привилегіи (3).

Этимъ постановленіемъ не удовлетвовалось западнорусское дворянство. На провинціальномъ сеймѣ 1608 года поставлено было просить короля, чтобы епископіи раздаваемы были только лицамъ, посвященнымъ въ епископскій санъ восточными патріархами. Если бы та-

(1) N. VII, стр. 55.

(2) N. VIII, стр. 72 и 73.

(3) Voll. Legg. II, p. 1608.

кой епископъ, принявъ унию, подчинился власти Римскаго костела, то онъ долженъ оставить епископію, и на его мѣсто долженъ быть поставленъ другой епископъ, неовѣдующій истинную православную вѣру и признающій надъ собою власть восточныхъ патріарховъ. Эта просьба предложена была послами западнорусскаго дворянства, на Варшавскомъ сеймѣ въ 1609 году ⁽¹⁾; но король отложилъ дѣло до слѣдующаго сейма, приказавъ, чтобы между православнымъ и униатскимъ духовенствомъ не было никакихъ раздоровъ, чтобы тѣ и другіе оставались спокойно на своихъ мѣстахъ, угрожая за нарушеніе мира штрафомъ въ десять тысячъ копъ грошей ⁽²⁾.

Всѣ обѣщанія короля и постановленія Варшавскаго сейма оставались мертвою буквою. Западнорусское дворянство продолжало жаловаться на преслѣдованія, которымъ подвергался народъ Русскій въ отправленіи церковныхъ обрядовъ, на поруганіе православныхъ церквей, на принужденіе священниковъ къ принятію униі. Почти на каждый Варшавскій сеймъ дворяне посылали просьбы о защитѣ православной вѣры, ссылаясь на конституцію и привилегіи, подтвержденныя королевскими присягами, и на грамоту о присоединеніи Югозападной Руси къ Польшѣ ⁽³⁾; но всѣ ихъ просьбы и жалобы оставались безъ всякихъ послѣдствій. Король и Варшавскій сеймъ или вовсе не обращали вниманія на просьбы дворянъ, или откладывали рѣшеніе дѣла до слѣдующихъ сеймовъ, или провозглашали свободу православной вѣры, но не принимали никакихъ мѣръ къ ея защитѣ ⁽⁴⁾. Такъ продолжалось до смерти короля Сигизмунда III.

Смерть Сигизмунда III, основывавшаго свою внутреннюю и внѣшнюю политику на фанатизмъ и религіозной нетерпимости, оживила надежды западнорусскаго народа. Дворянство считало долгомъ воспользоваться этимъ случаемъ и начало новую борьбу за свои права и свою народность. Въ 1632 году, іюня 3, болѣе двухъ-сотъ дворянъ Волынскихъ явилось на провинціальный сеймъ въ Луцкѣ, и главнымъ предметомъ ихъ совѣщаній была православная вѣра. Дворяне обвиняли покойнаго короля въ томъ, что народъ Русскій, съ 1596 года, безуспѣшно жа-

⁽¹⁾ N. X, стр. 90 и 91.

⁽²⁾ Voll. Legg. II, pag. 1666.

⁽³⁾ N. XI, стр. 105. N. XII, стр. 119 и 120. N. XIII, стр. 134. N. XIV, стр. 153 и 154.

⁽⁴⁾ Voll. Legg. II, p. 326, 379, 450, 547, 669.

ловался о нарушеніи правъ, подтвержденныхъ конфедераціями и грамотами королей Польскихъ и великихъ князей Литовскихъ. На основаніи этихъ постановленій, король обязанъ былъ раздавать іерархическія должности туземному православному дворянству; между тѣмъ, митрополія Кіевская, епископіи и архимандріи раздаваемы были лицамъ постороннимъ и притомъ униатамъ. Православное дворянство не было допускаемо къ государственнымъ должностямъ, мѣщане, несогласившіеся принять унию, были отставляемы отъ городскихъ должностей, лишены были права вступать въ цехи и заниматься ремеслами. Православныя церкви насильственно отдаваемы были униатамъ, запрещалось строить новыя православныя церкви, и невинные люди, за свою вѣру, томилась въ темницахъ. Избранные дворянствомъ послы должны были изложить эти жалобы на генеральномъ Варшавскомъ сѣздѣ, предшествовавшемъ избранію новаго короля, и требовать, чтобы свобода вѣры, для всѣхъ и вездѣ, была постановлена и обезпечена ясными законами, и чтобы вновь избираемый король подтвердилъ это постановленіе присягою. Посламъ вмѣнено было въ обязанность не приступать ни къ какимъ сеймовымъ совѣщаніямъ, пока православная вѣра не будетъ совершенно успокоена, и пока не будутъ возстановлены ея древнія права и привилегіи (¹).

Такъ какъ просьбы и жалобы пословъ, отправленныхъ дворянствомъ на генеральный Варшавскій сѣздъ, не имѣли успѣха, то дворяне Волынскіе снова собирались на провинціальный сеймъ. Здѣсь они, торжественно объявляя себя народомъ Русскимъ, постановили отправиться, лично и всѣмъ вмѣстѣ, на Варшавскій сеймъ назначенный для избранія новаго короля, стоять крѣпко за свои права и особенно стараться о свободѣ вѣры и о возстановленіи правъ, предоставленныхъ православною религіею. Дворяне дали обѣтъ не приступать къ избранію новаго короля до тѣхъ поръ, пока ихъ требованія не будутъ исполнены (²).

Дворяне Волынскіе сдержали свое обѣщаніе. На избирательный Варшавскій сеймъ, бывший въ сентябрѣ 1632 года, явилось сто-сорокъ дворянъ Волынскихъ, къ нимъ присоединилось двадцать-пять дворянъ воеводства Кіевского и двадцать воеводства Брацлавскаго. Фамиліи этихъ дворянъ, явившихся на Варшавскій сеймъ для защиты

(¹) N. XVI, стр. 188.

(²) N. XVII, стр. 202, 203.

правъ западнорусскаго народа, мы считали долгомъ напечатать въ настоящемъ изданіи, чтобы сохранить ихъ для исторіи (1).

Усилія западнорусскаго дворянства на избирательномъ Варшавскомъ сеймѣ обращены были преимущественно на защиту двухъ главныхъ основъ Русской народности: Русскаго языка и православной религіи.

Мы уже видѣли, что на генеральномъ Варшавскомъ съѣздѣ 1632 года, іюня 22, постановлено было, по требованію западнорусскаго дворянства, чтобы всѣ акты, касавшіеся воеводства Кіевскаго, Волынскаго и Брацлавскаго, писаны были въ королевскихъ канцеляріяхъ и выдаваемы были на Русскомъ языкѣ, и чтобы акты, писанные на другомъ языкѣ, не имѣли никакой силы.

Для возстановленія правъ религіи православной, дворяне, не смотря на фанатическое сопротивленіе католическаго и униатскаго духовенства, исходатайствовали постановленіе, которымъ данъ былъ рѣшительный перевѣсъ православной церкви надъ униатскою. Этимъ постановленіемъ предоставлено было Русскому православному народу свободное отправленіе богослуженія и всѣхъ церковныхъ обрядовъ, право строить новыя церкви и обновлять старыя, учреждать церковныя братства, богадѣльни, семинаріи, школы и типографіи; мѣщане православнаго исповѣданія допущены были къ городскимъ должностямъ, во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ Рѣчи Посполитой. Власть высшаго униатскаго духовенства была весьма ограничена и заключена въ тѣсныя предѣлы. Униатскому митрополиту оставлена была власть надъ одними только униатами, и назначенъ для жительства Выдубитскій монастырь; всѣ прочія имѣнія митрополіи Кіевской постановлено было передать православному митрополиту, который долженъ былъ избираться западнорусскимъ дворянствомъ и получать посвященіе отъ патриарха Константинопольскаго. Дворянству предоставлено было также право избирать православныхъ епископовъ на епархіи: Львовскую, Луцкую, Премисльскую и Мстиславскую, а также архимандритовъ Кіевопечерской Лавры и Уневскаго монастыря. Кіевопечерская Лавра со всѣми ея принадлежностями, Михайловскій и всѣ прочіе монастыри и церкви, какъ находившіяся въ Кіевѣ, такъ и приписанныя къ этому городу, возвращены были православнымъ. Для прекращенія споровъ, постановлено избрать комиссаровъ, которые должны были распредѣлять мо-

(1) N. XIX, стр. 215.

настыри и церкви, во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, между православными и униатами, сообразно съ количествомъ народонаселенія. Каждому предоставлено было право переходить изъ униі въ православіе и на оборотъ. Затѣмъ, какъ униаты такъ и православные обязаны были прекратить всякіе раздоры и жить между собою въ покоѣ, любви и согласіи ⁽¹⁾. Эти примирительныя статьи подтверждены были особою грамотою короля Владислава IV, которая названа дипломомъ, даннымъ Русскому народу ⁽²⁾.

Но примирительныя статьи короля Владислава IV и дипломъ, данный Русскому народу, не успокоили религіозныхъ раздоровъ и не прекратили преслѣдованій, которымъ подвергалась православная вѣра. Народъ Польскій, какъ и всѣ другіе Славянскіе народы, никогда не обнаруживалъ, въ своемъ національномъ характерѣ, религіозной нетерпимости. Разсмотрѣвъ нѣсколько сотъ актовыхъ книгъ Волинскихъ, Кіевскихъ и Брацлавскихъ, также акты Трибунала Люблинскаго и Метрики Коронной, мы не нашли ни одного случая, который бы доказывалъ фанатическую ненависть Польскаго народа къ другимъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ. Мы даже видимъ изъ актовъ, что католики, жившіе въ Югозападной Руси, не дѣлая строгаго различія между католическою и православною религіею, приглашали священниковъ крестить дѣтей и принимали отъ нихъ святое причастіе; православные священники совершали надъ католиками обряды вѣчания и погребенія ⁽³⁾. Большинство Польскаго дворянства на сеймахъ подавало голосъ въ пользу вѣротерпимости и охотно соглашалось на всѣ мѣры, которыя предлагаемы были для примиренія враждовавшихъ религіозныхъ партій, что особенно замѣтно было во время междуцарствій, когда дворяне получили право дѣйствовать по внушенію собственной своей совѣсти ⁽⁴⁾. Но въ государственномъ составѣ древней Польши существовала чуждая народнымъ интересамъ, иноземная власть, старавшаяся наложить оковы на разумъ и совѣсть Польскаго и западнорусскаго народа; эта власть заключалась въ Римской пропагандѣ. Религіозный фанатизмъ, занесенный въ Польшу Римскою пропагандою, поселялъ раздоръ между единоплеменными народами; онъ какъ погреб-

⁽¹⁾ N. XVIII, стр. 208.

⁽²⁾ N. XX, стр. 223.

⁽³⁾ Архивъ Югозападной Руси. Ч. I, т. I, стр. XXXVIII.

⁽⁴⁾ Krzyżanowsky, Dawna Polska, 1857, I. LXLI.

бальный факель, бросалъ свой зловѣщій свѣтъ на всю исторію Рѣчи Посполитой и вель это государство къ политической смерти. Какъ только король и сеймъ, для предотвращенія междуусобной религіозной войны, постановили означенныя выше примирительныя статьи и подтвердили ихъ дипломомъ, даннымъ Русскому народу, тотчасъ раздались протесты высшаго католическаго и униатскаго духовенства. Примась королевства и, въ слѣдъ за нимъ, клерикальная партія объявили, что всѣ постановленія короля и сейма, въ пользу православной религіи, не могутъ имѣть никакой законной силы, пока не будутъ утверждены столицею апостольскою. Въ слѣдъ за тѣмъ отправлено было, со стороны католическаго и униатскаго духовенства, посольство къ папѣ Урбану VIII, съ жалобами на распоряженія Польскаго правительства, нарушившаго права Римскаго костела, въ пользу еретиковъ и отступниковъ. Напрасно Владиславъ IV старался убѣдить столицу апостольскую, что возстановленіе религіозныхъ правъ Русскаго народа основано на непреложной справедливости, что неминуемо возникаетъ междуусобная война, и что самая унія подвергнется опасности, если папа не утвердитъ статей, постановленныхъ сеймомъ, для примиренія религіозныхъ раздоровъ. Урбанъ VIII передалъ дѣло на разсмотрѣніе конгрегаціи, учрежденной для распространенія католичества. Конгрегація отвергла всѣ сеймовыя постановленія въ пользу православной религіи и дипломъ, данный Русскому народу, объявивъ ихъ противными божескимъ и человѣческимъ законамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно было папскому нунцію Гонорату издать, отъ имени столицы апостольской, манифестъ противъ всякихъ правъ, какія бы ни были предоставлены православной религіи ⁽¹⁾.

Такое рѣшеніе столицы апостольской было причиною новыхъ религіозныхъ смуть и несчастій для западнорусскаго народа. Дворянство принуждено было попрежнему посылать на Варшавскій сеймъ горькія жалобы. Оно жаловалось, что права, предоставленныя православному Русскому народу, при возшествіи на престолъ Владислава IV, не только не приводятся въ исполненіе, но подвергаются явному нарушенію, что церковь православная претерпѣваетъ жестокія обиды, особенно отъ униатовъ, что униатскій епископъ Хелмскій Меодій Терлецкій, за-

(1) *Ostrowskiego*, Dzieje y prawa kościoła Polskiego. Warszawa 1793. T. III, str. 484. *Lukassewicza*, Dzieje kościołow wyznania Helweckiego w Litwie. T. I, str. 201.

владѣвъ православными церквами, позамыкалъ ихъ и позапечатывалъ, что онъ мучитъ православныхъ священниковъ въ тюрьмѣ, что люди умираютъ безъ исповѣди и св. причастія, а дѣти безъ крещенія, и что умершіе погребаются въ полѣ, безъ церковныхъ обрядовъ (1). На провинціальномъ сеймѣ 1645 года, дворянство Волынское поручило своимъ посламъ говорить на Варшавскомъ сеймѣ: «Религія православная, издревле принятая нашими предками, признанная основными законами государства, подтвержденная привилегіями, условиями, постановленными при избраніи королей, и священной присягою нынѣшняго короля, пана нашего милостиваго, такимъ подвергается насиліямъ въ христіанскомъ католическомъ государствѣ, въ вольной и свободной республикѣ, какихъ не претерпѣваютъ и христіане, Греки, въ неволгѣ у невѣрныхъ. Церкви, монастыри и соборы у насъ отобраны, запрещено свободное отправленіе церковныхъ обрядовъ, бѣдные христіане умираютъ безъ св. причастія и не смѣютъ публично погребать умершихъ. Въ Люблинѣ, въ Сокалѣ, Бѣльскѣ и другихъ городахъ, православные христіане принуждены тайно погребать умершихъ въ подвалахъ и домахъ своихъ. Можетъ ли быть еще большее рабство?» Дворяне обязали пословъ своихъ върою, честію и совѣстію не соглашаться ни на какое сеймовое постановление, пока народъ Русскій [ни будетъ избавленъ отъ такого тяжкаго угнѣтенія (2)]. Такія жалобы безуспѣшно продолжались до 1648 года, когда Западнорусскій народъ, выведенный изъ терпѣнія, возсталъ поголовно, подъ предводительствомъ Богдана Хмельницкаго. Вопросы, которыхъ не могло рѣшить дворянство посредствомъ сеймовыхъ совѣщаній и постановленій, принужденъ былъ рѣшить народъ, съ оружіемъ въ рукахъ. Въ слѣдствіе побѣдъ, одержанныхъ надъ войсками Рѣчи Посполитой, народъ Русскій, по заключеніи Зборовскаго трактата, получилъ въ 1650 году, отъ короля Яна Казимира, новый дипломъ, подтверждавшій для православной религіи всѣ тѣ права, которыхъ добивалось Западнорусское дворянство, со времени принятія уніи на Брестскомъ соборѣ (3).

Народное возстаніе, возбужденное Богданомъ Хмельницкимъ, поставило западнорусскихъ дворянъ въ самое затруднительное положеніе. Въ

(1) № XXI, стр. 234. № XXII, стр. 254. № XXIII, стр. 270.

(2) № XXV, стр. 287. Эта же жалоба повторена и на сеймикѣ 1646 года, № XXVI, стр. 319.

(3) № XXXII, стр. 370.

инструкціяхъ посланъ, отправленнымъ на Варшавскій сеймъ, дворяне воеводствъ Кіевскаго, Черниговскаго и Волынскаго изображаютъ свое состояніе мрачными красками. Они жалуются, что, потерявъ свое здоровье и имущество для спасенія отечества, принуждены скитаться по чужимъ дворамъ; что они съ своими имѣніями отданы на жертву распутному своеволю жолнеровъ и волонтеровъ, служащихъ Рѣчи Посполитой; что возвратившись въ свои имѣнія, опустошенныя огнемъ и мечемъ, они нашли однѣ только развалины и трупы непогребенныхъ братій своихъ. Отъ Буга и до Днѣстра осталась одна степь, дикія поля и опустошенные города и селенія, а все спасенное отъ непріятели истребляется войсками Рѣчи Посполитой. Напрасно они умоляли короля и республику о помощи и состраданіи, припоминая условія о взаимной защитѣ, постановленныя на Люблинскомъ сеймѣ, когда Югозападная Русь присоединилась къ Польшѣ. «Пусть вспомнить», говорили дворяне, «отчизна, мать наша, какъ мы заслоняли ее своею грудью, какъ защищали военною стражею, хоругвями и полками; какъ мы удѣляли хлѣбъ многимъ изъ братій нашихъ, а теперь скитаемся съ своими семействами и не можемъ выпросить ни куска хлѣба, ни бѣднаго пристанища. Убогіе братья наши, прокармливаясь милостынею, ожидаютъ и не могутъ дожидаться утѣшенія. Ни оружіе, ни мирныя переговоры не возвращаютъ намъ нашей собственности, и напрасно надѣемся мы на помощь и состраданіе, какъ повелѣваетъ Богъ и его святая правда». Крестьяне терпѣли еще большія бѣдствія. Ихъ вопли, по выраженію дворянъ, проникали въ небеса, отъ переходовъ войска, которое уже высосало изъ нихъ и самую кровь. Селенія были опустошены огнемъ, рабочій скотъ истребленъ, крестьяне отстали отъ земледѣлія, и число ихъ до того уменьшилось, что помѣщики принуждены были сами обрабатывать земли, на свой счетъ и собственными трудами своими (1).

Напрасно западнорусскіе дворяне, въ постигшемъ ихъ несчастіи, ожидали помощи отъ Польскаго правительства. Поляки смотрѣли на Русскихъ подозрительно, предполагая въ нихъ сочувствіе къ народному возстанію и готовность къ измѣнѣ (2). Поэтому, многіе западнорусскіе

(1) № XXXIV, стр. 394.

(2) Эта недовѣрчивость доказыается перепискою военныхъ и гражданскихъ Польскихъ сановниковъ, напечатанною въ I томѣ Памятниковъ, изданныхъ Кіевскою Коммиссіею. Такъ въ письмѣ отъ пана Чернаго къ канцле-

дворяне, для сохраненія своей жизни и имущества, принуждены были или пристать къ Козакамъ, или сдѣлаться Поляками, отрекшись отъ своей народности и принявъ католическую вѣру; потому что католическая вѣра служила тогда знаменемъ Польской національности. Вместе съ тѣмъ какъ народная война принимала болѣе широкіе размѣры и угрожала большими бѣдствіями; содержаніе сеймовыхъ дворянскихъ постановленій совершенно измѣняется. Въ этихъ постановленіяхъ, дворяне уже не разсуждаютъ ни о Русской народности, ни о православной религіи; напротивъ того, они являются ревностными защитниками католической вѣры.

По заключеніи Зборовскаго трактата, дворяне воеводствъ Кіевскаго, Черниговскаго и Волынскаго, на провинціальныхъ сеймахъ, бывшихъ въ 1651 году, поручили посламъ своимъ жаловаться на неистовства Козаковъ надъ ксенздами и костелами и ходатайствовать о томъ, чтобы костелы, разрушенные и опустошенные Козаками, были восстановлены и возвращены прежнимъ владѣльцамъ ⁽¹⁾, чтобы приняты были мѣры для защиты костеловъ и ксендзовъ отъ козацкаго своеволія ⁽²⁾, чтобы комиссары, назначенные для заключенія Бѣлоцерковскаго трактата съ Козаками, старались обезпечить неприкосновенность костеловъ и свободу католической вѣры ⁽³⁾. Дворяне Волынскіе просили, правда, и о возвращеніи церквей, отнятыхъ у православнаго духовенства, но уже не изъ усердія къ древней народной религіи, а только для того, чтобы предотвратить новые бунты и возстанія въ народѣ ⁽⁴⁾.

Такая внезапная перемѣна въ духѣ сеймовыхъ постановленій заставляетъ предполагать, что колонизированіе западнорусскаго дворянства, подготовленное іезуитскимъ воспитаніемъ, начало быстро усиливаться;

ру коронному сказано: «У Вишневецкаго находится 8000 войска, но онъ ему не довѣряетъ, потому что оно — Русь» Отд. II, стр. 26. Въ письмѣ свидѣла Львовскаго: «Мы опасаемся тайныхъ замысловъ отъ людей православной вѣры. Несомнѣнно, что лица православной религіи съ радостію ожидаютъ непріятеля». Отд. 2, стр. 57. Подчасшій коронный писалъ къ коронному канцлеру: «Трудно найти шпіона между Русскими, потому что всѣ они измѣнники» Отд. 2, стр. 438. Даже воевода Кисѣль, которому поручаемы были переговоры съ Козаками, возбуждалъ къ себѣ недовѣріе. Поляки называли его таинственнымъ (*tajemny Kissiel*) и подозрѣвали, что онъ обманываетъ Рѣчь Посполитую. Отд. 2, стр. 266 и 291.

⁽¹⁾ № XXXV, стр. 419.

⁽²⁾ № XXXVI, стр. 429.

⁽³⁾ № XXXIV, стр. 397.

⁽⁴⁾ № XXXIV, стр. 398.

при чемъ дворяне, переходившіе въ католическую вѣру, уже начали считать себя Поляками и такое заблужденіе, укоренившееся въ общественномъ мнѣніи, продолжается до настоящаго времени, такъ что потомки древнихъ Русскихъ дворянъ и даже владѣтельныхъ князей Русскихъ считаются Поляками, если только исповѣдываютъ католическую вѣру. Эти природные Русскіе дворяне, отрeksiеся отъ своей народности и скрывшіе свое отступничество подъ чужеземнымъ названіемъ, разорвали внутреннюю, моральную связь съ Западнорусскимъ народомъ и, съ тѣхъ поръ, перестали быть истинными его представителями.

Изъ вышензложеннаго изслѣдованія можно вывести слѣдующія заключенія:

Литва и Югозападная Русь соединены были первоначально съ Польшею федеративнымъ союзомъ. Каждое изъ соединенныхъ государствъ, состоя подъ властію одного государя, сохраняло отдѣльную территорію и имѣло особые органы законодательной, судебной и административной власти.

Въ этомъ федеративномъ союзѣ, Польша въ отношеніи къ Литвѣ и Югозападной Руси, считалась страню чужеземною, Поляки—людьми заграничными, чужеземцами. Поляки, наравнѣ съ другими иностранцами, не могли занимать, въ Литвѣ и Югозападной Руси, государственныхъ должностей и не имѣли права владѣть поземельною собственностію.

Западнорусскіе дворяне, строго отличая Русь отъ Польши, называли себя народомъ Русскимъ, безъ различія вѣроисповѣданій. Этимъ же именемъ Польское правительство называло какъ дворянъ, такъ и весь народъ, населявшій Югозападную Русь.

Федеративный союзъ Литвы и Югозападной Руси съ Польшею былъ измѣненъ въ 1569 году, постановленіемъ Люблинскаго сейма. Этимъ постановленіемъ, Югозападная Русь присоединена была къ Польшѣ въ видѣ провинціи; но это присоединеніе не можетъ быть названо добровольнымъ, такъ какъ оно вынуждено было угрозою конфискаціи дворянскихъ имѣній.

Присоединеніе Югозападной Руси къ Польшѣ имѣло гибельныя послѣдствія для обоихъ государствъ: двѣ почти равносильныя, но совершенно противоположныя, народности должны были постоянно приходиться въ столкновеніе и вести гибельную борьбу, которая препятствовала правильному развитію государства.

Главныя основы Западнорусской народности были: Русскій языкъ и православная религія. Западнорусское дворянство дорожило своимъ роднымъ Русскимъ языкомъ и старалось о томъ, чтобы употребленіе этого языка въ официальныхъ актахъ было утверждено законами; за права религіи православной, дворянство вело продолжительную и упорную борьбу съ римскокатолическою пропагандой.

Причины, содѣйствовавшія колонизированію западнорусскаго дворянства, не коснулись цѣлой народной массы. Народъ, населяющій Юго-западную Русь, рѣзко отдѣлявшійся отъ дворянскаго сословія частнымъ и общественнымъ бытомъ, всегда былъ и остается въ настоящее время народомъ Русскимъ, свято сохраняя главныя основы своей народности: Русскій языкъ и Православную вѣру.

Н. ИВАНШЕВЪ.

ХМЕЛЬНИЦЬКА.

(Частина) (1).

XLV.

Ще не зійшовъ снігъ и трава тільки де-не-де зеленіла, а вже Україна кров'ю скрізь поливалася. Люде своїхъ державцівъ и королівськихъ старістьъ зъ України вируговували; жовніре за панівъ стояли; козаки, що зъ своїхъ осадъ посходили, знову верталися и вкупі зъ селянами жовнірівъ побивали. Хмельницький тимъ часомъ до Молдаванъ сїна женити ходивъ и на Батозі, надъ Бѳгомъ-рікою, зъ Ляхами спіткався. Не пощастїло Ляхамъ, побїли козаки коронне військо и самого гетьмана їхъ убїли, и за Берестечко й за Трилиси добре надъ ними помстїлися. По всїй Україні розмїлась слава про щасливу потребу на Батозі; народъ по тїй поголодцї вїрїсь угору; жовніре потрївѳжились, почали зъ України тїкати, а козаки охочі й реєстрѳві їхъ переймати, доганяти, шарпати, на переправахъ топїти. Знову народня вѳля одъ Стáродуба та ажъ по Камянець-Подільский рїзаниною себе огласїла. Затрусїлися Ляхи въ Варшаві, якъ почули, що на Батозі козаки шляхту вигубили, а зъ України жовніре и державці повтїкали. Знову за посполїте рушення булї вхопїлися, та вже не стало єдности мїжъ панами; мусили хїтрою ласкою Хмельницько-

(1) Предлагаемая статья заимствована изъ печатающейся общедоступной исторїи Украины П. А. Кулиша, по выходѣ которой появится, съ теченїемъ времени, другой, болѣе важный и несравненно обширѳйшїй трудъ того же автора, — именно Исторїя Украины, на украинскомъ языкѣ, обработанная строго-научнымъ образомъ.

го вгнобити, а тимъ часомъ до війни налагодитись. Наступивъ 1653 рікъ. Випустили пані въ Брацлávщину Чарнѣцького, тако́го жъ безсердѣчного ризунá, якъ и князь Вишневецький Ерѣма. Хочъ не багáто въ ёго бу́ло війська, та багáто завзя́ття. Де пройшо́въ Чарнѣцький по Брацлávщині — дѣломъ взяли́сь городі́ и сѣла. Зупинивъ ёго́ Богунъ полковникъ, побивъ ёго́ підъ Монастирищемъ. А тимъ часомъ Ляхі́ въ Литовському́ Брѣсті́ сеймъ сеймува́ли и нові́ потуги собі́ готóвили. Самъ король́ вѣзавсь вѣсти́ Лядське́ військо на Хмельницького. А Хмельницькому́ бідá вели́ка склáлась: сина́ ёго́ Тимоша́, на повороті́ зъ Молдавщини, Ляхі́ въ́ городі́ Сочаві́ засту́кали и зъ гармата́ на валу́ вби́ли. Зъ гиркі́мъ се́рцемъ двину́въ Богданъ́ Хмельницький́ свої́ потуги́ на короля́ и спітка́въ Ляхівъ́ підъ Жванцемъ́, надъ Дністромъ́, недалѣ́ко одъ́ Камянця-Подільського́. Вели́ке бу́ло въ́ короля́ військо, напа́сти на ёго́ бу́ла не сѣла; мусивъ́ Хмельницький́ иншимъ́ робомъ́ во́енне ді́ло зроби́ти. Не даю́чи короле́ві́ поля́, вѣвъ́ ёго́ військо́ порозницею́ шарпавъ́, запáси одбивáвъ, живности́ въ́ Польский́ та́боръ не пуска́въ; а тимъ́ часомъ́ Орду́ съ́ Криму́ на Ляхівъ́ клі́кавъ. По́ки жъ́ пришлі́́ Татаре́, а вже́ королівці́ почали́ голодомъ́ голодува́ти, по до́мівкахъ́ розбига́тися, а тутъ́ хвороба́ въ́ табу́ръ одъ́ осінне́го хо́лоду та одъ́ не́погоди́ вки́нулась. Ба́чять Ляхі́, що́ зъ́ одного́ бо́ку Хмельницький́ на́пірає́, а зъ́ дру́гого Орда́́ вже́ веремі́я́ крúти́ть, почали́ ха́на́ благáти, вели́кі́ дари́ ёму́́ поступа́ти, и який́́ хо́че я́сиръ́ по́ Руськихъ́ зе́мляхъ́́ дозво́лили ёму́́́ зася́гувати. Пропáла́ Хмельницького́́ справа́: король́ съ́ ха́номъ́ побратáлись. Двину́въ́ вѣвъ́́ свої́́ потуги́́ наповоротнѣ́ въ́ Україну́. А Татаре́ одъ́́ Дністра́́ до́ Любли́на́ грасува́ли, сѣла́́ пали́ли, люде́й у́ нево́лю бра́ли, а́ йдучи́ Україною́, те́ жъ́ са́ме́ и по́ Україні́́ чини́ли. Страше́нний́ слі́дъ́ по́ Татарахъ́́ до́вго́ въ́ тихъ́́ сторонахъ́́ зоста́вся.

XLVI.

Ще́, ско́ро побивъ́́ Хмельницький́́ Ляхівъ́́ підъ́́ Корсунемъ́́, до ёго́́ гонці́́ тайно́́ зъ́́ Москви́́ приздѣ́ли и́ тимъ́́ ёго́́ докору́ли, що́́ невѣрнихъ́́ Татаре́́ до во́енної́́ компáні́́ заклика́въ, а не́ Христия́нъ́́ правосла́внихъ́́, котóрі́́ не розли́ли́́ бъ́́ стілько́́ крові́́, якъ́́ Татаре́́. Москва́́ по́́ Дніпро́́ зе́млею́́ володи́ти́́ бажáла, и́ за́ те́́ обі́щáла́́ Ляхівъ́́ за́́

Віслу прогнати. Ще жь тоді не було въ Хмельницького й думки одь рѣчи посполитої одриватись и до Москвѣвського царства прилучатися. Після Збаразької потреби, царські послі вже явно въ Переяславъ завітала и одні рѣчя прилюдне говоріли, а инші насамоті съ Хмельницькимъ радували. Ще жь и тоді Хмельницький добре памятавъ, що підь сонцемъ дрўгої рѣчи посполитої немає и нігдѣ такої волі козакі шаблею не здобудуть. А тепѣрь ужѣ Ляхі зь Ордою поєднались; сила козацька підупала, та й людѣй на Україні помѣншало. Край бувъ перше багатий, а тепѣрь спустошений; здобичь воєнну крамарі чужоземці въ козаківъ повиманювали, грѣши козакі вже на меді та горілкѣ попереводили, а що найбільшъ — гетьмана чернь не такъ-то поважала и про дрўгого гетьмана потаємне радилась. Треба ёму було вже хочъ Москвѣвскою ласкою себѣ забезпечити. И оцѣ вже вінъ свої посланці у Москвѣ послілае. А царь изъ боярамъ и зь виборнимъ одь усякого стану людми велику раду на Москві радивъ, чи приймати бь то, чи ні, підданство одь Хмельницького. Передь усімъ ніби-то світомъ Москвѣ тимъ великимъ зѣмськимъ соборомъ оправдїлася, що не за що, якъ за віру, вона вступаєтця и не козаківъ, а церкви святі, за которі бь то козакі воюють, підь своєю обороною берѣ. Отъ и шле царь Олексій Михайловичъ свої послі въ Переяславъ одь козаківъ присягу приймати. Вся старшина козацька въ Переяславъ позъїздїлася, за себѣ и за всю Україну присягнула и міщанъ Переяславськихъ до присяги змусила. Не присягнувъ тїлько Сірко, отаманъ кошовий Запорозький, та Богунъ, полковникъ Винницький, зь своїми козаками. Не присягли ще въ Київі митрополитъ Сильвѣстеръ Косовъ и архимандритъ Печѣрський Іосипъ Тризна съ попами и ченцями. Сі не хотїли Москвѣвському патріарси підклонїтися: самі собою звїкли правуватися. Ото жь прочитали Переяславські пункти въ Переяславі, и бояре за царя присягли: що бѣде царь ціло всю Україну по обїдва бѣки Днїпра держати; що не бѣдуть ёго урядники въ козацькі судї втручатися; де два бѣде козакі, тамъ вони трѣтєго судитимуть; реєстръ козацький бѣде шість-десять тисячъ; гетьмані и всі урядники вільними голосами обіратимутця, и всякий станъ: дворяне, духовні, міщане, козакі и поспільство по своїхъ давніхъ правахъ и звичаяхъ житимуть. Козакі братимуть плату за службу зь Українського скарбу; зь того жь

скарбу втіме дань на царські потребізни, тільки що не царські збірщики її збіртимуть. Козакі цареві посілокъ підъ военний часъ даватимуть, а царь їхъ одъ Ляхівъ и одъ іншихъ ворогівъ боронитиме. Такъ розпочався 1654 рікъ.

XLVII.

Того жъ року Московський царь своє військо посилає місто Смоленське зпідъ Лядської дѣржави віволити, а Хмельницький одъ себе посилає на підмогу цареві вісімъ полківъ и надъ ними Ніженському полковникові Васюті наказне гетьманство дає. Віволити Смоленське, побрали міста Вітепске, Полоцьке, Дубровицю, Оршу, Шкловъ, Могилевъ, Біховъ и іншихъ багато. Вся Біла Русь и Литва цареві підклонилася: такъ йому козаки допомагали. А поки Москалі самі воювали, то въ сихъ сторонахъ Ляхи та Литва надъ Москвою гору брали и далеко вже въ царство були врізались. Друге військо царське вкупі съ Хмельницькимъ на Україні стояло, а Богунъ на Подолі Потюцького летучимъ боекъ дражнивъ и на Україну заманювавъ. Якъ же вгнався Потюцький за Богуномъ ажъ до Уманя, пристігъ Хмельницький съ царськимъ бояриномъ Шереметомъ Богуніві на одсічъ, спіткалися зъ гетьманомъ Потюцькимъ на Дрижи-полі, міжъ Ставищами и Охматовимъ. Діялося діло зімою. А Ляхамъ уже Орда помагала и великого духу додавала. Міцно Ляхи на нашихъ налягали; добре й наши оборонялися; кругомъ трупомъ обозъ окідали и съ того мерзлого трупу валъ кругъ себе зложили и зъ-за того валу одбивалися. Круто вже нашимъ вельми приходилось; ажъ тутъ Богунъ изъ Уманя вискочивъ и на Ляхівъ зненачька вдаривъ. Ляхи вжахнулися, Татарва въ-ростичь кинулась, а наши до Білої Церкви, до головнихъ потугъ своїхъ, вернулися. Тимъ часомъ Побужанъ Чарнецький и Лявцоронський тяжко воювали. Жадень бо городъ, жадне село не хотіло імъ підклонитися; всі до загину білися, самі своє добро палили и слухати про підданство Ляхамъ не хотіли. И по Дністрію скрізь різанина, скрізь пожежа, скрізь лементъ несказанный діявся. Містечко Бюша, остатній притулокъ козакамъ и поспільству, завзято одъ Ляхівъ одбивалася. Багато втерляли Ляхи війська підъ Бюшею, вже й самого Чарнецького въ

но́гу пострéлено, вже й ёго жолніре вóнтпипи починають, великого крові рóзливу жалкуютъ. Тоді Потóцький, Лявцкорóнський и Чарнецький, скўпивши навкругі всі свої потўги, рáзомъ зъ усіхъ бóківъ на скéлі, на мўри, на паркани полізли и сїлу сїлою почали перемогати. Бачять Бушáne погібель, кинулсь хати и осéлі свої запáлювати и самі себе почали губіти, щобъ на потáлу ворогáмъ не достáтись. Жінки самі порохі підпáлювали и въ пороховому імпеті, що та перїна, гїнули; а кўпа жінóцтва въ камяну печéру заліза, и пóтп звідти на Ляхівъ зъ самопáлівъ грюкала, пóкн Ляхі рівчáкъ зъ горі направили и героїнь тихъ Бушáнськихъ перетопїли. Пóпеломъ Бўша взялася, и тїлько кривáва и слава остáлась. Нічимъ бу́ло й жолнірамъ за свої труді и рáни поживітись. И такъ скрізь люта вїйна бушувáла. Ласкáвнимъ Лядськимъ универсáламъ люде віри не дїймáли, на Ляхівъ áдомъ дїхали, зъ жінкáми и дїтьми на кривáвихъ пожарїщахъ бьочїсь гїнули.

XLVIII.

Тутъ же Ляхи въ Україні надъ селянами й мїщанами лютуютъ, а на нихъ одъ півночи лихá година піднімаеця. Вже давнó Хмельницький Швéда на тихъ гóрднихъ панівъ захо́чувавъ, подаючи звістки про їхъ упадо́къ. Ось же теперъ ужé Швéди дóбру годину влўчили и въ Пóльщу черезъ мóре Балтику порїнули. Зомліла Пóльща, городі скрізь королéві Швéдському піддавались. Вже й Варшáва ёму підклонїлася, вже й Крáківъ піддався; вже й король Янъ Казимїръ у Нїмецїну втікъ; вже Швéдський король королéмъ Пóльськимъ обїзв́ався. Великі Пóльскі дўки, ті гóрді Вишневецькі, Конецьпóльскі, Радзівїли — не казавъ би панство лукáве — почали Швéдському королéві присягати, абї свої дёржави при собі зостáвити. А Москóвський царь ужé и Мїнське й Кóвно позайма́въ, и въ столéчне мїсто Лнтóвське Вїльню ввійшовъ, и великимъ Лнтóвськимъ княземъ себе звелївъ величати. Хмельницький же зъ бояриномъ Бутурлиномъ пішли тямъ часомъ Червóну Русь підъ Москóвського царя нахилати. Червóна Русь ще въ чотирна́дцятóму віку Пóльському королéві підклонїлася; навнї Ляхі гўсто въ їй займанщини позаймáли, ста-

рства въ королѣ повипрóшували, до вподоби собі притакувалися, и надъ тубольцями гóру взяли. Тепѣрь козаки зъ Москалями панські маєтки скрізь пліндрували, зъ гóрода Львова óкупъ великий взяли, а Люблинъ зрабували и полови́ну ёго надпустóшили, Жидівські úлиці палу́чи, Жидівське добро́ жакуючи. Тільки жъ незгода міжъ гетьманомъ и Бутурлиномъ стала; почали вони свої потуги розрізняти, а Ордá, помагаючи Ляхамъ, знепацька налітала й шарпала. Москалямъ и геть-то вона въ знаки черезъ ту незгóду вдалася. Ще якъ прийшли послі зъ Москóвськимъ полкомъ присягу одъ козаківъ приймати, вже й тогді козаківъ и мичанъ значнихъ Москалі въ сёрце дѣчимъ уразили. Того́ бояре не збагну́ли, що сей людъ звичаївъ Москóвськихъ не знає и цареві по-своєму служити хочє. Отъ же съ того́ часу й пішла малá йскра таємне міжъ козацтвомъ тліти, а всяка знева́га, всяка зачінка одъ Москалівъ її роздувала и нові біді лю́дямъ готóвила. Уже й Богданъ Хмельницький почавъ пóтай царя про Україну промишляти, зъ Ляхами, съ Татарамы, съ Турецькимъ султаномъ листуватися, а царь, того́ дознаючись, посилавъ бояръ свое́ царське пересёрдя ёму вичитувати. А тимъ часомъ Пóльща сяк-такъ противъ Швѣда поправилася, бо Шведъ, бóвши Лютерскої віри, кинувся католицькі святині жакувати, та й панівъ надто вже тóго новими уставами закрудзєвувавъ. Не звикли пані Ляхи́ королєві попуску попускати, підняли шляхту на нóвого короля́ свого́, почали Швѣда ризати и зъ Пóльщи вируговувати. Чарноцький найбільшъ підпіравъ Пóльску сі́лу. Король Янъ Казиміръ до Москóвського царя́ послі шле, Швѣда воювати вку́пи закликає, и царство свое́ ёму після́ се́бе въ снадо́къ посту́пає. Тяжкі думки гóлову Хмельницького обгортають, щобъ Україну Ляхамъ на примірьі не óддано, въ задатокъ спільнєго коліє́ царства Пóльско-Москóвського. И козацтво почало скрізь трівóжитись, и въ поспієство пішла та жъ поголоска. Тутъ-то кинувъ Хмельницький собі підмо́ги шукати, и почавъ съ пограничними панствами трактувати, щобъ до остáтку Пóльщу рúшити. Незабаромъ стали зновъ козаки зъ Вєнграми й Швѣдами по Пóльщі грасувати, Пóльщу до-щєнту руйнувати, палити, рабувати. Почавъ тоді́ король Янъ Казиміръ жалобними листами́ Хмельницького блага́ти, послі́ до ёго поси́лати, договóри писати, гравіцію Українську спільними комисарами значіти, щобъ ужє́ до-

віку Ляхи Україну за свою землю не вважали и въ неї зъ своїмъ правомъ Польскимъ не втручались.

XLIX.

Стала грядиця міжъ Польщею и Україною 1657 року такая. Одъ устья Дністра по Дністру вгору до Покуття; одъ Покуття до річки Горині, а, пройшовши Гориню и Припетью до Дніпра, грядиця йшла вгору до старого Біхова; одъ Старого Біхова, перехопившись черезъ Дніпро, йшла грядиця річкою Сбжею до її верхів'я, або до Рославля города, а одъ Рославля спускалась вона, старою грядицею Московського царства, до самого Чорного моря, по той бікъ Лиману, а Чорнимъ моремъ — одъ Дніпра до Дністра. Тимъ часомъ Шведи вийшли съ Польщи своє царство одъ Датчанъ обороняти, а князя Рокочого зъ Венграми віругувавъ съ Польщи Чарнецький, а Татаре, перестрівши ёго, и зовсімъ звоювали. Хмельницький своїхъ козаківъ задалегідь одозвавъ на Україну. Вже жъ отсе десятый годъ Хмельницький воює; вже й свагі въ ёго не стає воювати, хитримъ розумомъ на всі сторони роскидати, по походахъ труді великі, жару, холоду, голоду и всяку нуджу приймати. Упало здоров'я, почавъ на силахъ знемогати и до землі хилитися. Занедужавъ, занепавъ Хмельницький въ своєму городі Чигрині, усіхъ полковниківъ, сотниківъ и козаківъ до себе иззиває. На велику раду козацьку підъ руки ёго виводять. Вінъ козаківъ доземнимъ поклономъ втає; вінъ імъ за честь и шанобу дякує; булаву, бунчукъ и всі військові клейноди отдає, просить за ёго животá другого собі гетьмана настановити. Рає вінъ імъ вибрати, або Антона Ждановича Київського, або Павла Тетерю Переяславського, або Мартіна Пушкаря Полтавського, а надъ усіхъ Івана Вигівського, писаря свого генерального прекладає, що вінъ усю політику міжнародню знає и змігъ би найкраще надъ козаками рейментарювати. Заплакали козаки, вислухавши гетьманське слово; не схотіли ні Ждановича, ні Тетеря, ні Пушкаря, ні Вигівського, а бажали сина Хмельницького, молодого хлопця Юрася гетьманомъ настановити. Зрадивъ старій батько, а все жъ козакамъ одмовляє, що вінъ у мене, каже, розумомъ слабенький, та й тіломъ недугує. А ко-

закі: »Ми будемо коло ёго старіхъ людѣй держати, будуть вони ёго на все добре навчати.« Згодивсь Богданъ Хмельницький на козацьку волю, и, хочъ не любо було старшині козацькій малому хлопцеві підъ рейментъ підклонитися, та мусили громадську волю вволити и старого батька засмутити передъ смертю не важились. Помёръ же Богданъ Хмельницький въ городі Чигирині, на Паліі, 27-го іюля, а поховано ёго въ селі Суботові. Оставсь Юрась гетьманувати, а надъ Юрасёмъ дорадцями старій батько zostавивъ обозного генерального Носача, Тетерю Переяславського, Пушкаря Полтавського, генерального осаула Ковалевського и суддію генерального Григорія Лисницького.

L.

Годітця намъ теперъ назадъ озирнутися и навкруги споглянути, якою заставъ Хмельницький Україну и якою покинувъ, бо вже не вернулись прѣдсі літа панування Польского, якъ усє ще було вповні, незруйноване, непожаковане, що пані державці и дозорці королівськихъ добръ на Україні понадбували и впорядкували. Зновъ же й те, що Хмельницький після себе покинувъ, не вдержалось у своєму порядку, бо після ёго великої руйни, котору вінъ папамъ Ляхамъ заподіявъ, почали козаки самі себе руйнувати, одінь бєрегъ Дніпра на другій піднімаючись, одінь полкъ зъ другимъ воюючи, одні козаки царєві Московському радіючи, а другі королєві Польскому слўжачи, або й Турецькому султанові підклоняючись.—Найстарійше въ насъ на Україні право було народне. Якъ побіли та порозганяли Татарє князівъ варягъ, зъ їхъ хижими дружинами, якъ повтікали по чужіхъ сторонахъ, та пущахъ, та нєтрахъ непрохіднихъ багаті державці, позабіравши зъ собою всю рухомість, якъ осталися на Україні тільки убєгі люде, которимъ нічимъ гараздъ було втікати и нічого по гаяхъ и нєтрахъ крїти; то, плátючи Орді данину, мусили вони самі міжъ собою про поле, про риболовство, про бортяні ухажіаі, або пасікі, про спашъ, чи яку шкоду правуватися. Отó жъ сходились вони кўпами, на віче, чи на раду, и середъ кўпи, середъ громади поголосний судъ живімъ слобомъ судїли. Хто й вертався съ панівъ державцівъ на свої дєржави піс-

ля Татарського бстраху, то знаходивъ уже й райцівъ и речниківъ готовихъ, которі порядокъ усёму селу давали и передъ Татарськимъ баскакомъ чи збірщикомъ за все село становилися. Вернувшись же, мусивъ панъ ласки въ тихъ мужівъ громадськихъ запобігати, бо вже село зъ селомъ черезъ нихъ сходилось и въ обиду себе лихимъ людемъ не попускало. Ото жъ кўпи й громади съ тихъ давніхъ давенъ на Україні повелися, а, може, ще й одъ первихъ до-варязькихъ часівъ одригнулися. Вже й Литви почала Україна голдувати, вже Литовські княжата, унўки и щадки Годимінови, великі займища собі на Україні позаймали и меншимъ панамъ, то въ спадокъ, то за службу подавали, а кўпи й громади сільські своє право при собі здержували, лихихъ державцівъ спільнею сілою гамували, лякали, або й на судъ у своє судне колесо позивали. *Громада* — великий чоловікъ, съ того-то часу се прислів'я пішло. Отъ же такі помалу-малу почали панове державці зновъ у свої рўки судъ громадський брати. Спершу вони передъ попомъ, при мўжахъ громадськихъ, людські справи розбирали, а далі вже й самі народъ сільський судили. Найшлись такі, що людемъ и збиратись кўпами чи громадами не дозволяли, зъ своїми надвірними слўгами селянъ розганяли и въ хурдигу речниківъ громадськихъ сажали. Якъ же побратались изъ Польськими державцями, которі здавна вмели собі одъ короля княже право вїмогти, то й собі королівський привилей набули, щобъ своїхъ слугъ и підданихъ, не то пенєю, вязеннямъ, чи кивімъ боємъ, та й самою смертю карати.

II.

Такъ вонó тоді велось, що вся земля здавна княжою, а потімъ королівською звалася, то, поставлявши король надъ нею одъ себе намісниківъ и дозорцівъ, дававъ имъ своє владичне право — комў треба, й голову одтяти. Хто жъ бувъ державецъ зъ діда-прадіда, то той, зъ ласки свого пана, князя, чи короля, изъ роду въ рідъ зємлю державъ, а державши не мусивъ нижчимъ одъ перемінного коронного намісника бўти; тимъ-то и княжого права панове державці въ короля допевнялися. Якъ почали жъ городї зпідъ руїни Татарської вставати, почали й городами або коронні

дозорці, або доживотні и потімні державці орудувати. Въ городяхъ же людѣ багатшій почавъ осідати и правомъ миськимъ щитітися. А те миське право було те жъ право громадське, що купами люде збіралися, тільки що вже тутъ люде тісніше одинъ поузъ одного осідали, безпечнійше за валомъ и палисадомъ одъ находу ворогівъ сиділи, більше користи торгомъ, чи ремесствомъ добували, то вкупі й боронитись одъ лихого чоловіка більше здолали. Отъ и вийшло право миське, чи городове, се бъ то звичай життя міщанського, которихъ старі голови держалися та й молодшимъ передавали, а послі вже въ королі уставні грамоти впрошувати, щобъ король обіщавсь, якъ то писано, «старини не рұшити, а новини не вводити». Въ тихъ ужé грамотахъ все прописувалось, який одбутокъ миський чоловікъ, чи міщанинъ, повиненъ місту одбувати, яку подать у скарбовню миську складати, яку данину одъ усякого дїму платити, які поплатки зъ землі, зъ двора, съ крамниці давати и якъ поміжъ собою громадськимъ судомъ правуватися. Торгуючи зъ Німцькими людми и городами, наши городи и собі одъ Німцівъ способъ переймали, якъ одъ панської кривди и утїску оборонитися. Которі були багатші городи, ті собі въ королівъ Німецьке городове право, складаючи гостинець, впрошували. Магдебурськимъ се право звано. Въ такі городи ніякий панъ, ні староста и ніякий урядникъ коронний не втручався, бо король такі городи привилеемъ своїмъ взволявъ одъ усіхъ панськихъ судівъ, одъ усіхъ воеводськихъ и старостянськихъ мочей. Въ такихъ городяхъ жовніре постоемъ не стояли; на воїну міщане съ такихъ городівъ не ходили, опрічъ хибá король своєю головою потягне, підводъ у війско не давали, мита й промита не платили, свій скарбъ особний мали и съ того скарбу для городської оборони війско своє держали. Судъ бувъ у городяхъ Магдебурськихъ верхній бурмістерський у магистраті (тамъ бурмістеръ засідавъ зъ райцями) и нижчий війтовський у ратуши (тутъ вїть сидівъ зъ лавниками), и що райці зъ бурмістромъ поставляли, те лавники зъ війтомъ виконували. Въ давній Україні на Магдебурському праві були городи: Брацлавъ, Вінниця, Черкаси, Васильківъ, Овручъ, Київъ, Переяславъ, Остеръ, Ніжень, Чернігівъ, Погаръ, Мглинъ, Козелець, Новгородъ-Сіверський и Стародубъ. Которі жъ городи и не добули собі Магдебурського права и мусили свого державця або старости слухати, то й ті, на-

взірть значнихъ городівъ, у своїхъ громадахъ порядкувалися, свого віята обірали и лавниківъ изміждо себе оглашали. Та й по селахъ той же самій звичай тоді всюди повіся, тільки що сільскій віять противъ городського мѣншу повагу мавъ. Все ремѣство, всякий торгъ тоді спільнимъ товариствомъ люде одбували, щобъ одинъ одному супротивъ безправья помагати, одному за одного заступатися и товариша въ обіду не пускати. Браталися міжъ собою шевці, кравці, ковалі, кушнірі, и всяке ремѣство свій цехъ особний мала, свій особний короговъ у церкві ставило, свого особного райцю або лавника у спільню раду посиляло, а всі братства, чи цехи, вкупі противъ суднієй кривди стояли, одъ жовнірства оборонялись, до воеводъ, до королівъ супліки посиляли, а якъ коли, то й боємъ себе одъ напасти обороняли. Якъ же не стало й міжъ духовними людьми порядку ставати, тоді почали церковні братства по городахъ и селахъ заводитись, щобъ віра давня въ народі, черезъ недбалость попівську, не забувалася та щобъ миряне, не знавши доброї церковної науки, у Латинство черезъ унію не переходили, та й щобъ уніти съ католиками силомиць людєй простихъ до пани Римського не нахилили. У церковні братства всякого стану люде и прости й пани вписувались, вступного по шість грóшей на братські потреби платили и подачку одъ часу до часу въ братську скарбівню клали. Коли братъ брата словомъ зневаживъ, чи діломъ обидивъ, вони судомъ братськимъ, а не якимъ иншимъ судилися, виноватий пеню чи винув плативъ, на дзвіниці сидивъ и прилюдне брата перепрошувавъ, панську, чи яку бь ні було, своєю гордіню смиряючи. Хто живъ не по закону Божому, чи мирянинъ, чи шпъ и єпископъ, чи простиий чоловікъ, чи панъ, того середъ братського собору словами картали и одъ братства одлучали. Такъ въ речі посполитій Польській народъ Український самъ себе скілько змігъ оборонявъ, на правоті державъ и про старосвітську віру громадськимъ розумомъ піклувався.

ЛП.

Сей-то звичай — добримъ зъ добрими, правимъ съ правими брататися и вкупі противъ ворогівъ стояти одригнувъ и за По-

рогами, якъ назбіралась туди купа людей чимала изъ усякіхъ збігівъ, которі воеводської, старостянської, жовнірської, або панської-державської нахаби не стерпівши, въ дикі степі безлюдні зъ городівъ и зъ сілъ посходили. Вони міжъ собою Низове братство устави́ли и кошового отамана замість вітца, а курієне отамання за бурмістрівъ и райцівъ собі мали; вони тисячами, якъ одна сім'я, пробували и, мовлявъ, ради душі спасіння, на невірнихъ ходили, частину здобичи похіднеї на церкві подавали, другу на похоронъ одкладавали, а остатокъ зъ добримъ людмъ пропивали й проїдали. Вони *братчиками, товариствомъ* себе величали. Вони спершу въ городі тільки торгомъ ходили, рибу зъ Нїзу Дніпра возили, а після почали й самі по городахъ осідати и міщанськимъ робомъ жити, військовихъ звчавъ и волі не покидаючи. Вони жъ то міщанъ добре й протпвъ панської чи жовнірської кривди підпирали и бучи зъ людомъ ору́жнимъ заводили, що й воеводи й старости и жовніре проходячі й консистуючі на їхъ озиралися и їхъ найбільшъ опасувались. Тимъ-то й панове урядники й дозорці коронні козаківъ, що тихъ, мовлявъ, ужівъ, зненавиділи и більшъ, ніжъ на поспільство, на нихъ налягали: не вважаючи на їхъ службу військову, до панщини їхъ потягали, по замкахъ їхъ до всякої послуги держали, зъ листами по городахъ ганяли, до коней старостянськихъ приставляли, дворі змітати, груби топіти змушали и всякі імъ наруги й кривди чинили. Якъ же не стали козаківъ коронні гетьманове ще й на море за здобичю воєнною пускати, тоді почали козакі й міщанъ та й поспільство до спілвєї війни на панівъ підохочувати. Міщане до козаччини, мабуть, добре торгували, бо знаємо, що імъ права Магдебурські королі за великі гроши давали, а войтами до нихъ самі воеводи впрошувались, и великі пані, живучі въ городахъ, міські одбутки за свої дворі одбували. Тимъ-то й зважливо було городянамъ роскішнимъ Жидівські оренди терпіти, що ні горілки, ні меду, ні пїва не вільно було въ своєму дому держати; тимъ-то тяжко було и одъ жовнірства зневагу й здірство за стації, або одъ панства всякі кривди й нахаби переносити. Тимъ вони й брались охочо козакамъ харчами, припасомъ и рұчими паробками помагати. Якъ жє піднялися братства церковні своєю прєдсю віру одъ унії наукою церковною, книжками друківаними та школами братськими боро-

ніти, тоді козаків міщане коштомъ своїмъ, яко воїнство Христове, споружали и, вкूपі съ попáми, на войнѹ за віру благословляли. — Що́ до поспільства сільского, то вонó бѣ то (каже нашъ літописець) жилó—хочѣ, пѣвно, не у вся́кого пáна — лобѣ́то въ збóжахъ, въ бѣдлахъ, въ пасіка́хъ, тілько що великі вимисли почали панóве старóсти, держáвські намісники и Жиди́ орандари вимишля́ти. Самі бо дѹки держáвці не жили на Укра́ні, тілько уря́дъ держали и про кривди посполітихъ людѣй ма́ло зна́ли, хоть же й довідувались, такъ гостінцями одъ своїхъ дозорцівъ и Жидівъ засліплювались, не розуміючи, що їх же, мовлявъ, са́ломъ по їх же шкурі й ма́жуть, обідрáвши їх піддáнихъ, та імъ же дару́ють. Коли́бъ самъ панъ узя́въ съ піддáного, то не такъ би бу́ло піддáному й жа́лко, ато́, мовлявъ, ледáча Жи́дова́ богатітця, по два, по три цуги́ ко́ней справля́е, вимишля́ючи вели́кві чинши, поволо́вщини, дѹди, осі́пи, мірочки сухі, пла́ту зъ жо́рнівъ, та ще убо́гого селяни́на й слова́ми зневажа́ючи и панáмъ на ёго наговóрюючи. Оть се́го-то селя́не не стѣрпіли, по́часту въ козакі́ на Низъ одъ Жи́дівської й паньско́ї наха́би уті́кали, а опі́сля до козаківъ и цілими се́лами вже прихили́лися.

LIII.

Вонó-то пра́вда, що въ рѣчи посполітій По́льській часáми тяжко городáмъ и се́ламъ, міщáнамъ и селя́намъ, попáмъ и миря́намъ жити приходило́сь; вонó пра́вда, що пані́ ніяко́го впли́ну собі не зна́ли и що-хотя́ зъ убо́гимъ лю́домъ чини́ли; пра́вда, що вбо́гому зъ багáтимъ шко́да бу́ло судо́мъ правува́тися; що вели́кі панóве и на се́ймахъ, ма́ючи за собо́ю поплі́чниківъ, чо́го хотіли докáзували, а бува́ли такі́ міжъ панáми розби́шаки, що, черезъ їхъ на́їзди та розбѣ́и, шляхи́ бурья́нами зароста́ли: а все жѣ́ бо такі́, поглянувши на життя́ лю́дське огу́ломъ, трѣ́ба забу́ту пра́вду вива́вити, що «по́ки, якъ-то співа́ють, бу́ли на Укра́ні пані́ въ ладівни́цяхъ, то въ мужиківъ проги́ лежа́ли на полі́цяхъ; якъ же почали́ шведя́ти по Укра́ні козакі́ съ порохо́вими рога́ми, зала́гли скрі́зь стени́ й поля́ облога́ми». Торги́ по городáхъ бу́ли въ давни́шихъ ча́сахъ безпѣ́чви, и черезъ Ки́їв що-

року переходили великі каравани кіньми, волами и верблюдами, везучи въ Московське царство, въ Швецію й Данию всяке добро зъ Малої Азії, Персії, Индії, Арабіи, Сїрії. Бувало такъ, що шовкъ у Кїіві йшовъ урівень зъ лёномъ, а перецъ—дешёвше одъ соли. Якъ же піднялась козацька руїна, городї одїнь за одїмъ до гла горїли и пустїли, а крамарство по їншихъ зємляхъ розбігалося. »Ой я, каже, свїй крамъ у коробку склавъ, козакамъ пятами накивавъ.« Се-то, глузуючи зъ Жидовї, виспївували такъ за Хмельницького кобзарі, а вопо ї правда була, що їтки и крамні коморї въ козацьку руїну скрізь попіломъ лежали, або пустїзною стояли. Ще за Наливайка зложено пісню: »Ой въ городі Могилєві та сталося пїсто, якъ повїяли козачевьки зъ самопалївъ густо.« Спустївъ же такъ одъ козацькихъ самопалївъ и Кїївъ, и Брацлавъ, и всі Магдебурьскї й не-Магдебурьскї городї по Вкраїні. Погорїли не то що крамниці зъ шовками и Турецькими габамі, та й школи, которї братства церковні своїмъ коштомъ споружали; погорїли друкарні, въ которихъ вільно було що хотї друкувати и не то лукаву увїю, та й самого пана Римського зъ єго прелатами якъ хотї перепїрати; поросходїлись по чужїхъ зємляхъ, повмірали въ походахъ, бояхъ, пожарахъ и гнилихъ хоробахъ військовихъ учєні люде, которї сь чужїхъ сторїнь до насъ науки вольні пересажували, та й самї хронїки козацькї, въ которихъ крїваві подвиги, мовлявъ, за віру Христїянську позаписуванї, и те все въ людськїй кровї потонуло и засїпано десь поцеломъ на пожарїщахъ; и та химерна оповїд про козацьке лицарство необачне не вся дойшла до нашихъ рукъ за самїми жь козаками. Якї булі судї и трибунали, все козацька руїна, мовъ лютїй вихоръ, позносила; якї булі права и судовї звичаї, все підъ ту страшєнну заверуху позабувалося. Не багато людєй письменнихъ на Вкраїні зосталося. Полковники та сотникї вмїли тїлько крїваву шаблю въ рукахъ держати, и шаблюю права по городахъ и селахъ писати, шаблюю зємлі помїжъ себе ділити и одїнь одїному межю гостримъ залїзомъ значїти. Справді бо, якъ повтікали всі державцї зъ України, опрїчъ тихъ, которї підъ козацьке право воєнне підклонїлися, почалї тоді полковники та сотникї покрївавлену и зьорану копїтами зємлю помїжъ себе паювати. Тó булі воїводства, а въ воїводствахъ повіти, а въ повітахъ королївскї старобства, чи маєтности,

пóручъ зъ маётками дѣржавцівъ, панівъ Українськихъ, атó вже осягли й позаймали козаки всі зѣмли по Вкраїні підъ полки, а въ полкахъ підъ сотні, а въ сотняхъ підъ свої хуторі, дворі, пастóвники чи левáди, а котóra земля козакамъ не згодїлася и до цѣрки чи до монастиря не тигну́ла, съ тихъ зѣмель подáтки до скарбу царськóго брали и, вкúпи зъ городськими пóплатками, воевóдамъ на царські потребізни отдавали. Не знесли козаки безправья рѣчи посполїтої; за правó, за волю свою на Ляхівъ піднялися. Побáчимо жъ нзъ *Вишівщини*, зъ *Бруховѣччини*, зъ *Поповичівщини* и *Мазепинщини*, якъ вони тимъ правомъ и тою закривáвленою волею своєю користувалпсь.

П. Кулішъ.

30 декабря, 1860.

С. Петербургъ.

МУЗЫКА

ЮЖНО-РУССКИХЪ ПѢСЕНЬ.

Пѣсни для Малороссіи — все: и поэзія, и исторія, и отцовская могила. Кто не проникнулъ въ нихъ глубоко, тотъ ничего не знаетъ о прошедшемъ бытѣ этой цѣптущей части Россіи.

Гоголь (о малороссійскихъ пѣняхъ).

Важность народной поэзіи и народной музыки для изученія жизни даннаго народа — извѣстная истина, которую врядъ ли кто станетъ оспаривать. Ее проповѣдывали и ученые изслѣдователи, и поэты. Приведемъ, кромѣ выставленныхъ въ эпиграфѣ, еще краснорѣчивыя и высоко-правдивыя слова Гоголя: »Народныя пѣсни — это народная исторія, живая, яркая, исполненная красокъ истины, обнажающая всю жизнь народа. Если его жизнь была дѣятельна, разнообразна, своевольна, исполнена всего поэтическаго, и онъ, при всей многосторонности ея, не получилъ высшей цивилизаціи, то весь пылъ, все сильное, юное бытіе его выливается въ народныхъ пѣняхъ. Историкъ не долженъ искать въ нихъ показанія дня и числа битвы или точнаго объясненія мѣста, вѣрной реляціи; въ этомъ отношеніи не многія пѣсни помогутъ ему. Но когда онъ захочетъ узнать вѣрный бытъ, стихіи характера, всѣ изгибы и оттѣнки чувствъ, волненій, страданій, веселій изображаемаго народа; когда захочетъ выпытать духъ минувшаго вѣка, общій характеръ всего цѣлаго и порознь каждаго частнаго, тогда онъ будетъ удовлетворенъ вполне: исторія народа разоблачится предъ нимъ въ ясномъ величіи. — Это, разумеется, относится прямо къ *словамъ*, къ *тексту* украинскихъ народныхъ пѣсень — богатѣйшему этнографическому матеріалу; но въ народныхъ созданіяхъ слова и музыка къ нимъ неразрывны; самые звуки пѣсень, безъ

сомнѣнія, столько же, если не болѣе, характеристичны, столько же, если не болѣе еще, важны, для уразумѣнія духа Украинцевъ. Гоголь не мѣлѣе восторженно отзывается и о музыкѣ малорусскихъ пѣсень: »въ нихъ музыка«, говоритъ онъ, »слилась съ жизнью: звуки ея такъ живы, что — кажется—не звучать, а говорить, говорить словами, выговариваютъ рѣчи, и каждое слово этой яркой рѣчи проходить душу.... Ничто не можетъ быть *сильнѣе* народной музыки, если только народъ имѣлъ поэтическое расположение, разнообразіе и дѣятельность жизни,— если натиски насильій и непреодолимыхъ, вѣчныхъ препятствій не давали ему ни на минуту уснуть и вынуждали изъ него жалобы, и если эти жалобы не могли иначе и нигдѣ выразиться, какъ только въ его пѣсняхъ....«

Подтверженіемъ этого поэтическаго отзыва изъ устъ не-музыканта, долженъ служить обстоятельный музыкально-критическій этюдъ надъ музыкою южно-русскихъ пѣсень; такого труда до сихъ поръ еще сдѣлано не было, и вотъ въ чемъ будетъ наша задача.

Обсужденіе текста пѣсень со стороны ихъ языка, ихъ внутренней поэзіи, словесной — дѣло литературное. Обсужденіе музыкальнаго склада южно-русскихъ пѣсень, вниканіе въ ихъ общій характеръ и во всѣ подробности, съ точки зрѣнія музыкальной, требуетъ особаго спеціальнаго знакомства съ самими пѣснями и значительную степень обще-музыкальной развитости. При этомъ, разумѣется, дѣло требуетъ, чтобы техническіе разборы народной украинской музыки были, сколько возможно, ближе приравнены къ понятіямъ не-спеціалистовъ по музыкальной техникѣ и наложены на столько не решительно и не безтолково, чтобы могли занять свое мѣсто въ журналѣ литературномъ, во второй половинѣ девятнадцатаго вѣка.

Мы, слава Богу, довольно далеко ушли отъ того времени, когда знаменитый профессоръ контрапункта, »Padre Martini« (бывшій наставникомъ и Моцарта), высказалъ австрійскому императору Іосифу II-му, что музыкальная критика — дѣло совсѣмъ *несбыточное*, потому что музыканты не умѣютъ быть литераторами, а литераторы, въ свою очередь, ничего не смыслятъ въ музыкѣ.

Въ наше время соединеніе дѣятельности литературной и технически-музыкальной не только-что перестало быть чѣмъ-то несбыточнымъ, но даже не принадлежитъ уже къ особенно-рѣдкимъ явленіямъ (достаточно вспомнить: Берліоза, Галеви, Фетиса, Маркса, Гауптмана, Шумана, Вагнера, Листа, Бюлова и т. д.)

Тѣмъ не менѣе, избранная нами задача представляетъ много весьма важныхъ затрудненій, по самой сущности дѣла.

Пѣсни народныя, какъ музыкальныя организмы, отнюдь не сочиненія отдѣльных музыкально-творческихъ талантовъ, а произведеніе дѣлаго народа, и всѣмъ складомъ своимъ весьма далеки отъ музыки искусственной, сочиненной, вслѣдствіе сознательнаго подражанія образцамъ, вслѣдствіе школы, науки, рутины и рефлексіи. Это цвѣтки данной почвы, явившіеся на свѣтъ будто сами собою, выросшіе въ полномъ блескѣ, безъ малѣйшей мысли объ авторствѣ, сочинительствѣ, и, слѣдовательно мало похожіе на парниковые, тепличныя продукты ученой композиторской дѣятельности. Оттого въ нихъ ярче всего выступаетъ — наивность творчества и та (по мѣткому выраженію Гоголя, въ Мертвыхъ Душахъ), *высокая мудрость простоты*, — главная прелесть и главная тайна всякаго художественнаго созданія.

Какъ лилія, въ своемъ пышномъ, цѣломудренномъ убранствѣ, затмѣваетъ блескъ парчей и драгоценныхъ камней, такъ народная музыка, именно своимъ дѣтскимъ простодушіемъ, въ тысячи разъ богаче и сильнѣе, нежели всѣ ухищренія школьной премудрости, проповѣдываемыя педагогами въ консерваторіяхъ и музыкальныхъ академіяхъ.

Намъ возразятъ: «какъ! учености музыкальной будто вовсе неужно? неужели какая бы то ни было въ свѣтъ народная пѣсня можетъ соперничать — напримѣръ — съ симфоніей Бетховена?»

Нѣтъ, конечно, если брать симфонію въ ея всецѣлости; но симфоніи столь гениальныя, какъ бетховенскія, отнюдь не продукты *учености* музыкальной (какъ, напримѣръ, симфоніи и ораторіи композиторовъ не-гениальныхъ), а самостоятельныя организмы, развившіеся въ великолѣпной сложности изъ немногихъ, самыхъ простыхъ, музыкальныхъ мыслей, какъ изъ зерна. Чтоже касается до самыхъ зѣренъ этихъ, до мотивовъ музыкальныхъ, служащихъ зародышами, эмбрионами развитыхъ музыкальныхъ организмовъ, то въ каждомъ народѣ, богатомъ своими пѣснями, навѣрное найдутся мотивы, которые способны посоперничать съ мотивами хотя бы и бетховенскими. Въ самой высшей изъ своихъ симфоній, въ *девятой*, Бетховенъ свою тему (пѣснь на слова Шиллеровой оды «къ радости», *An die Freude*), тему, пронизывающую всю симфонію насквозь, служащую основою, краеугольнымъ камнемъ для всего колоссальнаго зданія, приблизилъ, какъ нельзя больше, и вполне сознательно, къ дѣтски-простодушному характеру напѣвовъ народныхъ.

Родственность мотивовъ великихъ композиторовъ съ мотивами пѣсенъ

мъ народа можно подкрѣпить и еще тысячами примѣровъ изъ Гайдна, Моцарта, Шопена, Глинки и другихъ. О внутреннемъ музыкальномъ богатствѣ мотивовъ въ народныхъ пѣсняхъ очень мѣтко выразился Л. М. Жемчужниковъ (Записки о Южной Руси, г. Кулиша, томъ II. стр. 7.).

«Народная пѣсня, въ своихъ словахъ и музыкѣ, взятыхъ вмѣстѣ, полна чувства, мысли и, притомъ, необыкновенной простоты. Нѣтъ въ ней лишняго слова, нѣтъ лишней ноты. Это самородки, изъ которыхъ всегда можетъ черпать самый высокій талантъ.»

Съ этой стороны, великую правду и глубину заключаютъ въ себѣ и слова автора «Жизни за Царя»: «создаетъ музыку народъ, а мы, художники, только ее арранжируемъ.»

Между тѣмъ, такъ какъ музыкальная ученость и непосредственное музыкальное творчество всегда и вездѣ шли не рука объ руку, а развивались независимо другъ отъ друга, — народъ музицируетъ по своему, ученые — по своему; народъ знать не хочетъ ученой музыки, а ученые музыканты знать не хотятъ народной (этому свидѣтельствомъ — вся исторія музыки), и такъ какъ соединеніе, сляніе истиннаго дара творчества и глубокой науки встрѣчается только въ немногихъ избранныхъ, то и для вѣрнаго аналитическаго обсужденія музыки — не сочиненной, а создавшейся въ народѣ — нужны условія, не совсѣмъ часто встрѣчаемыя.

Отвлекаться отъ привычныхъ намъ, вососанныхъ съ музыкальнымъ воспитаніемъ, школьныхъ понятій, (не всегда вѣрныхъ основнымъ законамъ музыкальнаго творчества, и, до сихъ поръ еще, недовольно ясно сознаваемыхъ теоретиками); отвлекаться отъ того, что встрѣчаемъ на каждомъ шагѣ въ рутинномъ примѣненіи, отвлекаться для того, чтобы умѣть доходить до корней музыкальнаго склада и любоваться каждымъ свободнымъ изгибомъ музыкальной природы, неспорченной рутинною, — дѣло несовсѣмъ легкое. Превосходно, именно объ этой сторонѣ музыкальнаго изученія, выражается гениальный знатокъ музыки, извѣстный нѣмецкій юристъ, Тибо (Ant. Fr. Just. Thibaut. *Ueber Reinheit der Tonkunst* III. *Ueber Volksgesange*) (1), «о народномъ пѣвнѣ»).

(1) Книга юриста Тибо «о чистотѣ музыки» — при появленіи своемъ въ 1825 г. — была гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Ясность и здравость взглядовъ ея просвѣщеннаго автора на музыку старинныхъ итальянскихъ мастеровъ XVI столѣтія, совершенно заброшенныхъ въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка, казались, въ эпоху блистанія Россіи, какимъ-то бредомъ любителя музыкальной археологій, диковинокъ музыкальной старины. Знатоки музыки ex professo, т. е. сухіе, рутинные педанты, и практическіе музыканты, т. е. ремесленники музыкальнаго цеха, страшно вооружились про-

»Цивилизованный человек, для дальнейшего своего образования и научения, непременно чувствует потребность беседовать съ людьми, значительно-развитыми по своей специальной части. Но онъ никакъ не долженъ утрачивать драгоценной способности плѣняться красотой безискусственно-наивною, невинною. Культура далеко не всегда согласуется съ развитіемъ естественныхъ данныхъ и очень во многомъ, иногда, образованный человекъ долженъ поступить — ребенку. О дѣтяхъ въ Евангеліи сказано: «ихъ есть царствіе небесное».

»Высшее въ человѣческомъ характерѣ—искренность, откровенность, правдивость. Но житейскія отношенія и цивилизація обыкновенно затемняютъ это качество; дѣлаютъ человека скрытнымъ, недоверчивымъ, лицемернымъ, лживымъ; между тѣмъ, дитя стоитъ предъ нами такимъ, какъ оно отъ природы, со всѣми своими достоинствами и недостатками. Оттого, кто не знаетъ дѣтской души, тотъ не знаетъ и человѣческой души вообще. Въ счастливо-организованномъ ребенкѣ истинно-активно присутствуетъ мудрость, до которой мыслящій человекъ доходить долгимъ и тяжкимъ опытомъ.

»Эти общія истины вполне применимы и къ музыкѣ. Высшее въ музыкальномъ дѣлѣ, что дается ученіемъ — написать правильно музыкальную пьесу, удовлетворяющую требованіямъ искусства. Но какъ часто наше искусство удаляется отъ природы; какъ часто — процессомъ искусства — слагаются продукты, гдѣ истинное вдохновеніе, т. е. природа, душа человѣческая — совершенно отсутствуетъ, продукты, которые, въ счастливѣйшихъ случаяхъ, способны возбудить въ некоторомъ удивленіе, уваженіе, но сонпатіи не возбуждаютъ никогда, ни въ комъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что половина существующей въ свѣтѣ музыки — *вовсе не музыка*; это — родъ какой-то математики, безъ внутреннего, жизненнаго начала; подмостки для пустѣйшаго виртуозничанья пальцами или горломъ: — безмѣрно далеки отъ этого вреднаго для музыки направленія, чисты, непорочны, просты, какъ душа младенца, всѣ пѣсни вышедшія изъ нѣдръ народа, или восприняты народомъ извнѣ, но получившія въ немъ самостоятельную жизнь.

твѣмъ взглядомъ Тибо, какъ не профессионалиста по музыкѣ, а только «дилетанта». Между тѣмъ, Тибо былъ совершенно правъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Книга его пережила уже четыре изданія; и только теперь мысли ея автора оценены вполне, вошли въ плоть и кровь современной намъ музыкальной критики. А имена профессионалистовъ — съ высоты величія спорившихъ съ Тибо — совершенно забыты.

Такія пѣсни всегда отражаютъ въ себѣ здоровое, сильное чувство человека, еще неиспорченнаго культурою, — и какъ родившіяся въ эпоху свѣжести, юности народа, неразрывно-связанныя съ великими народными событіями, — способны и въ людяхъ, уже далекихъ отъ первобытной простоты, возбуждать ощущенія сладостныя и отрадыя, какъ въспоминаваніе дѣтства, — способны дѣйствовать на душу неотразимо.»

Украинскія пѣсни могутъ служить превосходнымъ, живымъ подтвержденіемъ вышеприведенныхъ словъ Тибб; но при такомъ богатствѣ матеріаловъ, какое представляетъ южнорусская народная музыка, полный критическій этюдъ надъ нею дѣло — безъ сомнѣнія — вѣковое. Оно потребовало бы анализа и сличенія *осльх* пѣсень и ихъ вариантовъ, живущихъ въ народѣ украинскомъ. Цѣлой жизни одного человека никакъ недостаточно на подобный подвигъ. Можно однако же положить этому нѣкоторое начало, къ чему и будутъ направлены наши усилія.

«Не мудрствуя лукаво», стараясь какъ можно ближе держаться практической стороны дѣла, мы намѣрены, даже и предварительныя работы надъ изучаемымъ народнымъ матеріаломъ, представить на судъ публики.

Критическіе и техническіе общіе выводы и заключеніе касательно музыки южнорусскихъ пѣсень, въ ея цѣломъ, могутъ быть выведены только изъ ближайшаго знакомства на дѣлѣ съ самими пѣснями, изъ проверки ихъ мотивовъ съ ихъ текстомъ, и изъ сличенія пѣсень между собою.

Здѣсь будутъ предлагаемы читателямъ пѣсни, записанныя изъ устъ народа, сколько можно вѣрнѣе и въ текстѣ и въ музыкѣ, и притомъ почти исключительно такія пѣсни, которыя до сихъ поръ еще не были помѣщены ни въ одномъ изъ печатныхъ сборниковъ малорусскихъ мелодій.

Къ мелодіи каждой пѣсни (съ ея словами, скандированными согласно музыкѣ, во всѣхъ куплетахъ, а не въ однихъ только тѣхъ строчкахъ, которыя подписаны подъ нотами напѣва) будетъ прибавлена гармонія, въ формѣ аккомпанимента на фортеціано, какъ инструмента наиболѣе доступнаго читающей публикѣ.

Подобная аранжировка или гармоническая обстановка данной народной мелодіи, по нашему мнѣнію, необходима, какъ живой музыкальный *комментарій* на характеръ самого напѣва. Гармоническая обработка всегда присуща и народу, который любитъ пѣть свои пѣсни не въ одинъ голосъ, а въ нѣсколько голосовъ, разомъ, съ ходами ихъ до-

вольно-самостоятельными, контрапунктическими, по счастливому музыкальному инстинкту.

Даже въ тѣхъ пѣсняхъ, гдѣ народъ поетъ не хорошо, а единичными голосами, видоизмѣненія самой мелодіи, ея варианты, всегда чрезвычайно-разнообразные, своими оттѣнками дополняютъ мелодическое значеніе пѣсни и, выставляя вышукло то одинъ, то другой интервалъ, въ самомъ напѣвѣ, поясняютъ самымъ дѣломъ его гармоническій складъ.

Во всемъ этомъ, на практикѣ и въ критическомъ анализѣ пѣсень, встрѣчается для технической музыкальной ихъ обработки затрудненіе немаловажное.

Если вѣрное записываніе народной мелодіи знаками общеупотребительной нотной грамоты (для самого народа — чуждой) само по себѣ дѣло не совсѣмъ легкое, хотя бы и для опытнаго музыканта, такъ какъ представляетъ иногда и въ оттѣнкахъ интерваловъ (четверти тона, — какъ увидимъ впоследствии) и, особенно, въ размѣрѣ, въ ритмѣ, нѣкоторыя несообразности съ формами западной музыки, итальяно-нѣмецкой, на которой мы выросли, — то «гармонизація» пѣсень народныхъ — дѣло еще болѣе тонкаго и щекотливаго свойства. И чѣмъ глубже музыкантъ выкажетъ въ свою задачу въ этомъ случаѣ, чѣмъ вѣрнѣе чувствуетъ и сознаётъ *идеалъ* своей работы, тѣмъ достиженіе этого идеала становится для него самого затруднительнѣе.

Каждая мелодія, какъ послѣдованіе музыкальных звуковъ, подъ условіями обще-извѣстными и вполнѣ *естественными*, для мелодическаго звуко-сочетанія вообще, — *очень легко* допускаетъ себя аккомпаниментомъ рядъ аккордовъ. Оттого всякій, сколько-нибудь знающій свое дѣло музыкантъ, особенно изъ нѣмцевъ, не призадумается нимало подставить аккомпаниментъ къ любой украинской пѣснѣ.

Только на повѣрку послѣ выйдетъ, что изъ сотни случаевъ (конечно — и девяносто девяти) нѣмецкій фасонъ аккомпанимента къ пѣснѣ, приходится для нея столько же кстати, какъ нѣмецкаго или французскаго покрова фракъ и бѣлый жилетъ будутъ къ лицу плотной, здоровой фигурѣ величаваго чумака, или какъ парижскій криволиный будетъ кстати на пышномъ безкорсетномъ станѣ какой-нибудь сельской красавицы, Одарки или Ганнуса.

Обыкновенный музыкусъ, привыкшій, съ высоты своей цеховой учености, смотрѣть на простонародныя пѣсни съ тупѣйшимъ презрѣніемъ, не посоветится — записывая нотами данную народную мелодію — «попереправить», т. е. исказить въ ней все, что, по его дюжиннымъ помя-

тіямъ, покажется ему угловатымъ, шереховатымъ, не подходящимъ подѣ правила (!) музыкальной теоріи (которыхъ, въ сущности, и *нѣтъ* совсѣмъ на свѣтѣ), — не призадумается замѣнить одинъ неудобный, для пошлыхъ аккордовъ, интервалъ другимъ, болѣе «правильнымъ», т. е. обыкновеннымъ, — не призадумается втиснуть въ одинъ тактъ мотивъ, непремѣнно требующій двухъ тактовъ, или, на-оборотъ, растянуть въ два такта, то, что въ пѣснѣ звучитъ въ одномъ (или и вовсе безъ такта); не призадумается и вообще навязать пѣснѣ ритмическое движеніе, *непохожее* на ея оригинальную сущность, но болѣе сближенное съ ритмами, которые звучатъ во внутреннемъ слухѣ рутиннаго музыканта, навѣянные тою музыкою, среди которой онъ плаваетъ во вседневномъ своемъ обиходѣ, какъ рыба въ садкѣ.

Между тѣмъ, въ этихъ кажущихся шереховатостяхъ, угловатостяхъ, неправильностяхъ (!) мелодическихъ, гармоническихъ и ритмическихъ, всегда заключается главная особенность пѣсни, ея характеръ, колоритъ, неразрывно-слитый съ ея поэтической задачей, съ внутреннею органическою идеею, вызвавшею эту пѣсню на свѣтъ Божій.

Иногда такого рода оттѣнки тонки, деликатны какъ блестящая пыль на крылышкахъ мотылка. А сколько нашлось между музыкусами вандаловъ, которые своею грубою рукою, то и дѣло, что соскабливаютъ эту драгоценную пыль, какъ что-то ничтожное и лишнее.

Ясно, что и въ гармонической обработкѣ малорусскихъ пѣсенъ, подѣ рукою подобнаго рода мастеровыхъ музыкальнаго цеха, являлась или безцвѣтная пошлость, или вычурность, затѣйливость, въ прямомъ разнорѣчій съ характеромъ пѣсни, являлась вообще та «деревянность» бездарности, на которую и Гоголь не забылъ пожаловаться въ своей статьѣ объ украинскихъ пѣсняхъ (1).

Пѣсни эти, какъ всѣ нарольныя, весьма просты въ своемъ складѣ. Мелодія ихъ, своимъ естественнымъ ходомъ, вызываетъ гармонію, столько же простую. Но угадать такую простоту *вполнѣ*, —нигдѣ, ни на одинъ волосокъ не отступить отъ той внутренней, подразумеваемой гармоніи, которая зародилась вмѣстѣ съ мелодическимъ напѣвомъ и служитъ ему основой, — остаться простымъ, безъ бѣдности и однообразія, умѣть придать аккомпанименту требуемую духомъ и смысломъ пѣсни жизнь

(1) «Даже и музыка малороссійскихъ пѣсенъ не появлялась никогда вполнѣ. Бездарный композиторъ безжалостно разрывалъ ее и клендъ въ свое *безчувственное деревенное* созданіе.»

звукѣ, не впадая притомъ нигда въ вычурность, не уводя аккомпанимента въ область музыкальныхъ сочетаній—красивыхъ, занимательныхъ, только—для украинскаго мотива—чуждыхъ, — все это вмѣстѣ составляетъ задачу глубоко-художественную, которую врядъ ли кто можетъ иначе разрѣшить, какъ только отчасти, приблизительно.

Трудность этого дѣла увеличивается и тѣмъ еще, что тотъ, кто почувствуетъ въ себѣ призваніе для музыкальной разработки украинскихъ пѣсень, можетъ весьма скоро увлечься въ сторону, именно вслѣдствіе своихъ же музыкальныхъ силъ, которыя будутъ искать себѣ большаго простора, нежели сколько требуетъ пѣсня. Кромѣ способности и знанія, такая художественная задача требуетъ еще и значительной степени самоотверженія, смиренія мысля. Это все условія, слишкомъ не часто встрѣчаемыя.

При отсутствіи возможности долго изучать хоровое пѣніе пѣсень на мѣстѣ, въ самой Украинѣ, пособіемъ для соблюденія жѣстнаго колорита при обработкѣ пѣсень можетъ служить безпрерывная *проverka* гармонизаціи пѣсень (сдѣланной предварительно, въ видѣ опыта) внутреннимъ инстинктивнымъ чутьемъ природныхъ Украинцевъ, посвятившихъ себя изученію пѣсень своего народа.

А. СѢРОВЪ.

(Продолженіе будетъ).

ЛИСТІ СЪ ХУТОРА

ЛИСТЪ III.

ЧОГО СТОІТЬ ШЕВЧЕНКО, ЯКО ПОЕТЪ НАРОДНІЙ.

Чуємо й ми по хуторахъ, що вмеръ Тарасъ Шевчѣнко. Тяжкѣ горе, що немає вже на свѣті великого поэта, и свята передъ Богомъ усяка слѣзѣнна, що пала на ёго домовѣну: слѣзми своїми зложили ми цѣну подвижникові рідного слова, котóre одно становить нашу народню силу, нашу народню славу, — одно дає намъ право на дѣльницю міжъ иншими народами. Поки міжъ нами живъ Шевчѣнко, отдавали ми ёму шанобу, яко високому поетові, и очи одвертали одъ усякої хѣби ёго и упадку на тяжкій, одинокій доробѣ; якѣ жъ велике було ёго дѣло, що вінъ зробивъ для насъ Українцѣвъ и що були бъ ми безъ Шевчѣнка, — се вже тепѣрь тѣлько уповні намъ одкрѣлося.

Занедбали здѣвна вже письмѣнні городяне нашъ сѣльскій неписьмѣнный людъ зъ ёго недрукѣваною мѣвою; до чужихъ людѣй рѣзумомъ пригорнулися, до тихъ людѣй, що середъ великої громади тѣмного люду невеликою кѣпою держятця и самѣ тѣлько одинъ одного, мовъ у кагалѣ, розуміють, и байдужѣ імъ, що покинули далѣко позадъ сѣбе нечислѣнні тѣсячи неписьмѣннихъ. Слѣдомъ за ними й наші письмѣнники поплѣнтались и вкупѣ зъ ними узялись до роботи — книжкѣй академѣчнѣмъ якѣмсь складомъ писати, и вже своєю славою величались, що одну книжню акаде-

мічню мову одъ моря до моря, мовъ який невідъ, на людські дүши закинули. Великимъ симъ писателямъ и строителямъ речі книжнєї було байдуже, що весь нашъ прбстий людъ, скрізь той невідъ, здавався недорікою, байдуже й на те, що не було сєму людові йшого ходу въ письменство, тільки мусивъ рідного прбстого и виразного свогó слова зрєктися. Одаючи тоді въ школі дїтєй, наші хуторяне все одно, що въ москалі оддавали, бо черезъ те письменство хмєрне мєншало въ насъ людєй, котбрі по-нашому розмовляли и по-нашому на Бжний миръ дивилися, и по-нашому міжъ сєлянами оберталися.

Тутъ же намъ городяне здоровий рбзумъ и чїстий смакъ своїми книжками каламүтять, а тутъ — сусіль! увійшовъ до нашої прбстої хати чоловічокъ, по-нашому прибораний, нашихъ нїби й звичаївъ, нашої й мови, та й почавъ яксь вірші про якогось Енея слєбезувати. То-то бъ, здаєтця, треба намъ зрадити! по-нашому чоловікъ вірше! Та ба! бодай такъ и не віршувати! Заразъ дб-которі постерегли, що вонó за проїва. »Придивітєсь лишєнєк, кажутъ, »до сєго чоловічка зблизька: се городянський панóкъ по-нашому приборався. Гляньте: у єго й панська хода и вся удача панська, а мовою своєю вінъ тільки насъ передражняє и на смїхъ підіймає. Се вінъ глузує зъ нашихъ звичаївъ, зъ нашої батьківщини, зъ нашої прбстоти, що ми, бачъ, панськихъ присмаківъ не знаємо, та панськихъ фүхівъ не заводимо, та панськихъ рїчєй солóдкихъ нураємость. Гляньте: въ єго Енеї про рідну матіръ передъ громадою такі рєчи говорить, що хоч втїкай нє хати; слухайте, якъ вінъ нашими звичаїми ганьбує, якъ вінъ українське слово перековєрзує. Се намъ панї такє дєркало подарували, що якъ погляне въ єго прбстий чоловікъ, то й самъ сєбє не пізнаєк.

Оттакїй далї томү віршованню судъ наші розумні люде, и одвернулає усяка ясна душа одъ перекуєвдженого не знать по-якому Енея. Ажъ тутъ Маруєя Квітчина до насъ у хату завітала. Сєрдєнько коханє! якє жъ ти любе намъ та поважне після того цїгана троїнського здалоєя! Се наша душа на Бжному лонї по-нашому заговорила. Се пєрва була книжка, котóra тимъ же духомъ, що й слово Учїтеля благого, дїхала. Тимъ самїмъ поглядомъ Квітка на насъ, прбстихъ людєй, подивився, що й тої великий чоловіколюбець. Здивувалиє ми, якъ ясно заснявъ нашъ

народній образъ, дарма що на ёму пахърський пить густимъ вилонъ припавъ. Глибоко глянули ми съ Квіткою въ дѹшу свого прѹстого люду и самі загадалися, звідкиля въ ёго та глибиня неказанча....

Загадалися, ажъ тутъ Шевченко гѹлосно на всю Україну озвався, мовъ усі спѣви народні и всі людські слѣзи разомъ заговорили. Піднявъ вінъ зъ домовинъ нѣмѹ нашу памѣть, визвавъ на судъ нашу мовчязнѹ старосвѣщину и поставивъ передъ нею Українця, який вінъ есть тепѣрь, якимъ вінъ черезъ свою исторію стався. Хто жъ би тутъ не домислився, абѹ душѣю не почувъ, що, викупавшись у своїй крові, перебувши нечисленні руїни и пожѣжи, мѹсили наші прѣдки багато у свою дѹшу одъ давнихъ часѣвъ зачерпнути! Намалювавши самъ себѣ у своїхъ дѹмахъ, намалювавши старѹго Перебѣндю, бѣтька й мѣтирь Катерини, та й самѹ Катерину зъ її щиримъ коханнямъ и великими мѹками, Шевченко заразъ явивъ висѹкий историчний спѹсобъ словесної живописи; бо й ёго власний образъ духовний и вся та сѣмтя ріднихъ ёмѹ душъ — всі вони були историчні чада нашої старосвѣщими. Узявъ вінъ гѹлосъ и складъ своѣй рѣчи висѹкої одъ тихъ пісѣнь и думъ, що вже тѣльки ми, хуторяне, слѹхали и сѣрцемъ розуміли; душѹ поѣзії нашої народнѣй не-письменної сталася душѣю ёго мѹзи. Широко вінъ обнявъ Україну зъ її могїлами кривавими, зъ її страшною славою, и спѣвану народню рѣчь обернувъ на живописъ того, що було и що есть на Україні. Ёго устами весь нашъ народъ заспѣвавъ про свою долю: тимъ ёго слово голосною луною розляглося усюди, де лилася наша кровъ, де лежать наші кѹсті, — усяке сѣрце одъ ёго спѣву стрепенулося.

Квѣтка первий зрозумѣвъ поѣзію нашихъ народнихъ звичаївъ, яко семѣй благої, праведно людської. Шевченко намъ явивъ поѣзію нашої жїзні народнѣй. Квѣтка здивувавъ насъ усіхъ, показавши великѹ героїчну дѹшу въ тихому, смѣрному образі пахърському, въ сѣльскому житті прѹстому. Шевченко давъ намъ збагнути її глибиню таємничу: визвавъ вінъ передъ наші очі забѹту давнинѹ українську, и побачили ми, що ся душѹ смиренна не днями, не годѣми, а цѣлими вѣками, въ бѣдахъ и нацѣстяхъ пробувала, та й не зникѣмнѣла, не зниклася, нечестивий воли слугѹю не вчинїлася, а глибоко самѹ въ себѣ входила и, понѹро середъ лукавихъ людѣй стоючи, своѣй порі, своѣй долі мѹвччи ви-

глядала. Отъ же, якъ осіяла Квітку, зъ ёго простодушними творами, огнённая поезія Шевченкова, тоді розумно стало намъ, що Нау́мъ Дротъ — той же Кішка Самійло народній, бо відержавъ вінъ пробу не мэншу одъ Самійлової, живучи́ дома на чужині, и, вікъ за вікомъ бідуючи, не погну́вся, не знізвився ду́хомъ твердимъ и високимъ.

Шевченко — нашъ поетъ и первий историкъ. Шевченко перше всіхъ запитавъ наші німі могили, що вони́ такé, и одному́ тільки ёму дали вони́ ясну, якъ Бо́же слово, одповідь. Шевченко перше всіхъ додумався, чимъ наша старосвіщина славна и за що прокляну́ть її грядущі роди. Такъ, якъ ёму самому́ пісня народня дала тонъ до високої речі, такъ и вінъ давъ намъ усімъ праведний тонъ, якъ намъ своé слово стрóити. Високо надъ нами піднявъ Шевченко поетичне світло своé — и стало відно по всій Україні, куди́ зъ насъ ко́женъ мусить простувати. При сёму́ світлі всякому́ стало розумно, який справді́ славетний та величний у своїй простоті той сільскій миръ, съ которого Квітка ви́бравъ свою́ Мару́сю зъ її семъею поетичнёю. При сёму́ світлі всяке побачило, що наші звича́и народні — та жъ сама́ истóрия народнёго ду́ху нашого, що й народня пісня, що й народня дума, тільки не всякому, а височому, поетичнёму по́гляду одкрива́ється їхъ краса́ и повага. Всяке розумне зрозуміло, що намъ у своїй словесности́ ні-за-кимъ слідомъ ити́, якъ тільки за своїмъ гéніємъ народнімъ, котóрий мовчять у нашихъ панських та чернечих літописяхъ, нішкомъ живé въ звичаяхъ и гóлосно говорять тільки въ народній думі та пісні.

Бувъ на світі Коніський — и своёю *Исторією Рўссовъ*, мовъ яко́ю завесою малёваною, закривъ одъ насъ старосвіщину, ажъ по́ки Шевченко не розідравъ, не роспанáхавъ ти́ завіси. Прийшовъ слідомъ за нимъ Котлярéвський — и своёю *Енеїдою* зробивъ зъ нашої просто́ї жи́зні зъ її звичаями розумними мовби якийся смітникъ за панськимъ за́двіркомъ. Одверну́лись одъ того́ смітника обідва наші поети и появи́ли іншихъ Українцівъ зъ Українками въ *Мару́сі*, въ *Сердешній Оксани*, въ *Козирь-Дівці*, въ *Катерині*, *Наймици* и въ іншихъ праведнихъ утворахъ поетичнихъ.

Квітка первий до́вівъ Українцівъ до слізъ мо́вою українською, и тимъ намъ показавъ, що ми ще не звели́сь ні на́ що: есть

бо въ насъ щó розказати по-сво́йму, естѣ надѣ чимъ заплакати. И великого, ма́буть, сто́ить наро́дъ нашъ прѣстий у сво́ихъ домо-тка́нихъ свѣти́нахъ, коли, ввійшовши въ ёго́ сѣмью, найро́зумнѣй-ший, найучѣнѣйшій зъ насъ ма́е собі ту сѣмью за сво́ю рідну, — самі́й мо́гущий и просла́влений зъ насъ, самі́й висѣкшій и чі́стий дѣхомъ не одцура́всь би Мару́сю рідною сестро́ю зва́ти, и її ма́тирѣ — рідною ма́тирѣю, и її ба́тька — ріднимъ ба́тькомъ. От-такимъ-то лю́домъ убѣгимъ и смире́ннимъ Квітка нашъ передѣ усі́мъ світомъ похва́лився: чи е мовъ такі́й дру́гий на всѣ́мъ сві-ті́ вели́кому?

Ску́пились ми коло Квітки, скі́лько насъ бу́ло тоді́ одні́ віри, одного́ ро́зуму. Ма́ло бу́ло насъ, бо їншихъ неві́рна горо́дянська нау́ка звівечила, а тихъ ну́жда до землі прихли́ла; а все жъ почу́ли ми глі́боко въ се́рці, що ми — ми, и спра́вивъ се вели́ке ді́ло Квітка. Шевче́нко застáвъ насъ у́жé гото́вими слѣ́хами ёго́ дѣми смутні́, и до невели́чкої гро́мади на́шої почáвъ землякѣвъ зо всѣ́го світу склика́ти.

Озвáлись до кобзаря́ зъ ріднимъ витáннямъ на Кавка́зі, на Си́бирі, за Бенде́рами, за Слѣ́чю й за Дуна́ємъ. Щó тілько жи-вѣ бу́ло зъ украї́нського ро́ду по всѣ́мъ світові́, все стрепену́лося, напорѣшило ўши и въ се́рце прийня́ло благові́ствування сво́бі наро́дності. Шевче́нко ставъ мовъ би висѣкимъ коро́вѣмъ середѣ роспорѣшеного на тї́сячахъ миль на́шого лю́ду, и съ того́ часу всі́ въ насъ поді́лились на живі́хъ и на ме́ртвихъ, та й до́вго ще ді́ятимутця. Сло́во ёго́ животворя́ще ста́лось ядро́мъ но́вої сї́ли, про кото́ру не дѣмали й не гада́ли за Котляре́вскаго най-ро́зумнѣйші́ зъ на́шихъ землякѣвъ, а та но́ва сї́ла — наро́дність. Вона́ насъ ро́дичами помі́ж собо́ю поробі́ла, у бра́тню сѣмью зъєдна́чила и на́ше украї́нське су́ть на віки ві́чні утве́рдила. Шевче́нко чі́стимъ по́двигомъ словѣ́снимъ докінча́въ ді́ло, за ко́торе гетьмані́ на́ши нечї́стимъ се́рцемъ бра́лися. Шевче́нко, воз-двї́гши изъ упа́дку голо́снѣ мѣву украї́нську, назнамена́въ ширѣ́кі грянї́ці на́шому дѣху наро́днѣму. Тепе́рѣ у́жé не мече́мъ на́ше наро́дне пра́во на вра́жихъ тве́рдїняхъ зарѣ́бане, не швар-га́лами и печáтьми супро́тивъ лука́вства лю́дського стве́ржене́: у тї́сячахъ ві́рнихъ ду́шъ украї́нськихъ воно́ на само́му дні́ захо́ване и тї́сячолї́тніми спо́мвнками запечáтане.

Сло́во, не щó їнше, якъ рідне сло́во, верну́ло намъ пова́гу

міжъ народами и нову підвалину підъ нашу жизнь историчню підкинуло. Взявъ бо Шевченко свою чудотворню річъ не зъ гордівъ великихъ, не зъ академіи самопрославленихъ, не зміжъ товариства блискучого и всевлáднёго: все те минувъ вінъ, занедавъ и покинувъ, тільки хуторська й сільська мова ёму до ёго великого діла здалася; тільки по сёлахъ, по прѣстихъ хатахъ шукавъ вінъ для своїхъ поэмъ людѣй дѣхомъ великихъ, сѣрцемъ чистихъ, поважнихъ, високихъ. Черезъ сихъ-то людѣй, черезъ їхъ дѣши поэтичні, праведні, вся тайная въ старосвітщині нашій ёму відкрилася; сі-то люде, забуті исторією панською, надалі ёму сили дрѣвні могили розкривати и по скривавленій землі, якъ по пергаментяхъ, правду святѣу вчитувати. Ихъ самостайнимъ дѣхомъ вірієть вінъ до тихъ творівъ високихъ, що безъ друкарні по всёму світу ширятця, що на всіхъ щирихъ сѣрцяхъ українськихъ огнєними словами надрукovanі. Вони дали ёму крила піднятісь надъ землею якимся образомъ не-сѣгосвітнімъ, величнимъ и зъ вишшині всі людські дѣши оглядіти и оплакати. Вони—наша исторія живая, наши голосні литопісі—поставили передъ ёго очима й Прометєя, въ которого криваве сѣрце щогодини вмірає и щогодини оживає. Ихъ нескіпченно живі дѣши навчили ёго говорити и до мѣртвихъ, и до ненарождєнихъ.

Провівши нашу исторію черезъ прѣстий, здоровий розумъ народній, вінъ давъ їй новий образъ, — не той, що въ Коніського; а провівши нашъ народъ по ёго исторіі, не тамъ вінъ нашъ ёго явивъ, що въ Котлярєвського. Очиєтивъ вінъ исторію одъ усякої омани правдивимъ и високимъ дѣхомъ народнімъ, и споминками старосвітськими передъ розумними людьмі вповаживъ. Съ того часу нову жизнь почала Україна, и хто брався до роботи громадської не сліпуючи, той добре знавъ, зъ якого боку захопитись и куди простувати. Широкиимъ ходомъ пішло наше народне діло — не казавъ би то во імя всіхъ земляківъ, во імя всіхъ вірнихъ душъ українськихъ. Підъ корогвомъ Шевченковимъ ми ніби вернулись до домівки святої съ чужої чужоземщини, и рідна словєсность стала для насъ службою Господу правди. Після ёго величєї, святої рєчи, Котлярєвщина зневагою святині нашої здалася, и благєнкі вірши нашихъ пустѣцѣтківъ тільки той лепетавъ, мовъ дитина, кому не страшно дрібний свій гомінъ піднімати середъ народнєї молитви. Замѣкла була наша

словесність на якийсь часъ, прислухаючись до поважного благовістнування поезії Тарасової, и благодатна була тіша, середъ которої поетъ дававъ намъ нові закони слова українського. Не мале творивъ вінъ діло тимъ благовістнуваннямъ: вінъ називавъ забутихъ у рідну сѣмью, міжъ ті люде, котрихъ ми праведно людми величаємо. Слово було пробою забутимъ, чи достойні вони такого товариства, чи воскреснуть изъ свого сну, котримъ вони мусили спати десятки и сотні роківъ. Слово було їхъ правомъ віковичнимъ на володіння тимъ, чого, мовлявъ, ніхто не додбає и не розруйнує. Словомъ скріплявся новий союзъ братерський, нова сімья українська....

Ото жъ Шевченкове діло! ото місто Тарасове въ нашій народності. Поставивши собі за найвисчий взіръ творчества велику душу народню, назнаменавъ вінъ нашимъ письменнимъ людемъ дорогу просту, ні въ кого не питану. Теперъ уже тільки той у насъ буде робітникъ не нікчемний, хто йтиме впередъ великої народнєї громади, знаючи її вужду духовну, маючи її смакъ чистий, дивлячись її поглядомъ праведнимъ. Тимъ-то не хто, якъ хуторяне та селяне, знають и чують душею, чого стоявъ Шевченко. Вінъ їхъ вивівъ, наче Израїля, изъ кнїжнєї неволї, въ котору були городяне взяли всякий розумъ письменний; вінъ скинувъ зъ нихъ ганьбу всесвітню, що вони люде — ні до чого; вінъ возвеличивъ їхъ образъ духовний и виставивъ єго на взіръ передъ цивилізованимъ міромъ: дивітесь, зємлі и панствá просвщєнні: тисячу роківъ сей людъ убогий себе памятає, и тисячу роківъ, у своїй темноті и недостаткахъ, тільки мужу громадському вінъ корився; хто зъ єго вгору вибивався и панською пихою одъ людей одрізнявся, вінъ єму не кланявся; вінъ єго, мовъ порчену кровъ, извергавъ изъ себе; вінъ тільки громаду величавъ «великимъ чоловікомъ». Се возвістивъ я людемъ симъ простимъ и вбогимъ слово велике, праведне, во віки и віки непохїбне, и вони єго зрозуміли, гарячими слїзми своїми єго скропили-освятили, и слово моє станеться въ нихъ силою несорбїмою. Не збавить єму сили ніяка сила земна, и, поки світу сонця, поти воно не забудеться. Пийдуть колись въ непамять славні діла и триумфи великихъ городянъ, що зъ високої високости на васъ, мої сиротята, позирють, а вашъ образъ духовний черезъ моє слово ніколи не забудеться. Сотворивъ я вамъ словомъ своїмъ

вічну ю пам'ять, а самихъ васъ учинивъ собі самому вічною пам'яттю міждо живими.

Такъ промовляє сумній душі нашої душа Тарасова. Ёго смерть якъсь нову, свіжую сілу надала ёго поезіі, и въ насъ по хуторахъ и сёлахъ почали її заново читати. Усяке слово ёго тенеръ якимся новимъ світомъ сияє, и дивомъ намъ здаётца, що такий поетъ недавнечко ще живъ міжъ нами. Невелика книжка зъ ёго писання вийде, а про ту книжку можна въ-десятеро більшу написати. Нехай же сю працю візьмуть на себе люде дотепніші, а зъ насъ буде й того, що ми, якъ думами, якъ серцемъ чули, такъ про Тараса попросту й написали. Слава тобі, Тарасе, поки на Україні хочъ однѣ дівчѣ рідну пісню співатиме, поки хочъ однѣ мати по-своёму дитину голубитиме, поки хочъ оди́нь ба́тько не чужимъ словомъ про давні моги́ли си́ну говорітиме!

Хуторянинъ.

ДВѢ РУССКІЯ НАРОДНОСТИ.

(Письмо къ редактору.)

Явленіе *Основы* возбуждаетъ вопросъ, который, какъ кажется, долженъ быть однимъ изъ важнѣйшихъ, какіе подлежатъ разрѣшенію при современныхъ условіяхъ. Ваша *Основа* поднимаетъ знамя *русской* народности, но отличной отъ той русской, какой многими исключительно присвоено это названіе. О ея существованіи не можетъ быть сомнѣнія, коль скоро она сама о себѣ заявляетъ. Итакъ тѣ, которые говорили: русская народность, и понимали подъ нею что-то единственное, самосущее, ошибались; они должны были говорить: русскія народности. Оказывается, что русская народность не едина; ихъ двѣ, а кто знаетъ, можетъ быть ихъ откроется и болѣе, и тѣмъ не менѣе онѣ — русскія.

Мы какъ будто возвращаемся вспять: вышлываютъ наружу погребенные элементы давно-прошедшихъ временъ, когда слово *Русь* имѣло обширное и тѣсное значеніе, когда Русскій міръ составлялъ цѣль самобытныхъ, но внутренно связанныхъ частей; внутренняя жизнь разрываетъ внѣшнюю кору; тождество оказывается призрачнымъ. Кромѣ господствующей во внѣшнемъ мірѣ русской народности, является теперь другая, съ притязаніями на равныя гражданскія права въ области слова и мысли.

Въ чемъ же ихъ отличіе и въ чемъ ихъ сходство? Что даетъ поводы признавать не одну Русскую народность, и что побуждаетъ считать ихъ равно русскими?

Внѣшнія отличія найти не трудно. Стоитъ поставить изображенія Великороссіянина и Южнорусса рядомъ въ ихъ костюмѣ, съ ихъ поступью, съ ихъ наружнымъ видомъ; потомъ описать образъ домашней жизни того и другого, ихъ домашнія обычаи, обряды, приемы хозяйства, нако-

нецъ изложить сущность ихъ нарѣчія. Но все это будетъ выраженіемъ того, что скрывается въ глубинѣ души; послѣднее служить источникомъ являемаго внѣшнимъ міромъ. Вотъ эту-то духовную сущность надобно намъ разъяснить и опредѣлить, ибо только она можетъ показать, чего слѣдуетъ намъ надѣяться отъ литературнаго развитія той русской народности, которая теперь вступаетъ въ права свои.

Безъ всякаго сомнѣнія, географическое положеніе было первымъ поводомъ различія народностей вообще. Чѣмъ народъ стоитъ на болѣе дѣтской степени цивилизаціи, тѣмъ болѣе и скорѣе географическія условія способствуютъ сообщенію ему своеобразнаго типа. Не имѣя твердыхъ началъ, народы легко измѣняются, переходятъ съ одного мѣста на другое, ибо запасъ воспитанія, полученнаго на прежнихъ жилищахъ, слишкомъ скуденъ, и развиваясь на новосельѣ, они принимаютъ и усваиваютъ легко новыя условія, какія сообщаются имъ характеромъ мѣстности и степеніемъ обстоятельствъ. Борьба можетъ быть тѣмъ незначительнѣе, чѣмъ менѣе въ народѣ того, на что можно опереться. Но тѣ, которые на прежней родинѣ успѣли получить что нибудь такое, что удовлетворяло ихъ, сознавалось полезнымъ или священнымъ, тѣ, и перемѣняя отечество, переносятъ въ него старыя зачатки и они для нихъ становятся точками опоры, когда условія новаго отечества начнутъ побуждать ихъ къ самоизмѣненію. Понятно, что Англичанинъ, переселившійся близко къ тропикамъ, долго будетъ сохранять свою цивилизацію, свои привычки и понятія, пріобрѣтенныя воспитаніемъ на своемъ сѣверномъ островѣ. Напротивъ, если бы перевести толпу американскихъ Индійцевъ въ Россію, то, при сообщеніи съ Русскими, они бы усвоили образъ господствующей туземной народности; если же бы оставить ихъ изолированными отъ сближенія съ сѣвальною образованностію, они, въ ближайшихъ поколѣніяхъ, измѣнились бы сообразно климату, почвѣ и мѣстности, и образовали бы сами изъ себя совершенно иную народность, въ которой только слабыми чертами отзывалось бы то, что напоминало ихъ прежнюю отдаленную родину. Въ глубокой древности, во времена юности народовъ, переходы ихъ изъ края въ край порождали своеобразные типы и образовали народности.

Но народы не измѣнялись и ихъ народности не формировались отъ однихъ переходовъ и вообще отъ географическихъ условій. Выѣстъ съ тѣмъ дѣйствовали жизненные историческія обстоятельства. Переходя съ мѣста на мѣсто, они не оставались изолированными, но находились въ сношеніяхъ или въ столкновеніяхъ съ другими народами; отъ взаимнаго

тревнѣ завистю ихъ развитіе и образованіе жизненныхъ формъ. Другіе подвергалнсь измѣненіямъ, не перемѣняя жительства, отъ наплыва или вліянія сосѣдей и пришельцевъ; наконецъ, такіе или иные повороты ихъ общественнаго быта отпечатлѣвались на народномъ существѣ и клали, на будущія времена, особыя примѣты, не сходныя съ прежними, и такимъ образомъ мало по малу народъ въ теченіи временъ измѣнялся и становился уже не тотъ, чѣмъ былъ нѣкогда. Все это составляетъ то, что можно однимъ словомъ назвать историческими обстоятельствами. Здѣсь большая или меньшая степень развитости цивилизаціи способствуетъ скорѣйшему или медленному дѣйствию вліянія пзмѣняющихъ началъ. Все здѣсь происходитъ по тому же закону, какъ и тогда, когда измѣненія производятся географическими условіями. Народъ образованный крѣпче стоитъ за свое прежнее, упорнѣе хранитъ свои обычаи и память предковъ. Завоеванная Римомъ Греція покоряетъ потомъ Римъ своею образованностію, тогда какъ завоеванная тѣмъ же Римомъ Галлія теряетъ свой языкъ и народность, уступая болѣе образованнымъ и сильнымъ завоевателямъ. Встрѣча съ народомъ слабѣйшимъ укрѣпляетъ народность сильнѣйшаго, какъ встрѣча съ сильнѣйшимъ ослабляетъ.

Образованіе народности можетъ совершаться въ разныя эпохи чело-вѣческаго развитія, — только это образованіе идетъ легче въ дѣтствѣ, чѣмъ въ зрѣломъ возрастѣ духовной жизни чело-вѣчества. Измѣненіе народности можетъ возникнуть отъ противоположныхъ причинъ: отъ потребности дальнѣйшей цивилизаціи и отъ оскудѣнія прежней и паденія ея, отъ свѣжей, живой молодости народа и отъ дряхлой старости его. Съ другой стороны, почти такое же упорство народности можетъ истекать и отъ развитія цивилизаціи, когда народъ выработалъ въ своей жизни много такого, что ведетъ его къ дальнѣйшему духовному труду въ той же сферѣ; когда у него въ запасѣ много интересовъ для созиданія изъ нихъ новыхъ явленій образованности, и отъ недостатка внѣшнихъ побужденій къ дальнѣйшей обработкѣ запасенныхъ матеріаловъ образованности; когда народъ довольствуется установленнымъ строемъ и не подвигается далѣе. Последнее мы видимъ на тѣхъ народахъ, которые приходятъ въ столкновеніе съ такими, у которыхъ силы болѣе, чѣмъ обыкновенно: верхніе слои у этихъ народовъ усваиваютъ себѣ народность чужую, народность господствующую надъ ними, а масса остается съ прежнему народностію, потому что подавленное состояніе ея не дозволяетъ ни собраться побужденіями къ развитію тѣхъ началъ, какія у ней остались отъ прежняго времени, ни усвоивать чуждую народность вслѣдъ за верхними слоями.

Литература есть душа народной жизни, — есть самосознание народности. Безъ литературы послѣдняя — только страдательное явленіе, и потому чѣмъ богаче, чѣмъ удовлетворительнѣе у народа литература, тѣмъ прочнѣе его народность, тѣмъ болѣе ручательствъ, что оны упорнѣе охранить себя противъ враждебныхъ обстоятельствъ исторической жизни, тѣмъ самая сущность народности является осазательнѣе, яснѣе.

Въ чемъ же состоитъ эта сущность вообще? Выше мы сказали, что явленія внѣшней жизни, составляющія сумму отличій одной народности отъ другой, суть только наружные признаки, посредствомъ которыхъ выражаетъ себя то, что скрывается на днѣ души народной. Духовный составъ, степень чувства, его приемы или складъ ума, направленіе воли, взглядъ на жизнь духовную и общественную, все, что образуетъ нравъ и характеръ народа, — это сокровенныя внутреннія причины, его особенности, сообщающія дыханіе жизни и цѣлостность его тѣлу. Все, что входитъ въ кругъ этого духовнаго народнаго состава, не высказывается по одиначкѣ, отдѣльно одно отъ другаго, но вмѣстѣ, нераздѣльно, взаимно поддерживая одно другое, взаимно дополняя себя, и потому все вполнѣ составляетъ единый стройный образъ народности.

Приложимъ эти общія черты къ нашему вопросу о различіи нашихъ русскихъ народностей.

Начало этого отличія теряется въ глубокой древности, какъ и вообще распаденіе Славянскаго племени на отдѣльные народы. Съ тѣхъ поръ, какъ о Славянахъ явились извѣстія у греческихъ писателей, они уже были раздѣлены и стали извѣстны то подъ большими отдѣлами, то въ разнообразіи малыхъ вѣтвей, изъ которыхъ многія не знаешь куда приютить. Такъ, по Прокопію, Славянское племя представляется раздѣленнымъ на двѣ большія вѣтви: Антовъ и Славовъ; по Юрнанду — на три: Славовъ, Антовъ и Венедовъ. Безъ сомнѣнія, каждая изъ большихъ вѣтвей дробилась на меньшія. Извѣстія Прокопія и Маврикія о томъ, что Славяне вели между собою безпрестанныя войны и жили разсѣянными группами, указываетъ на существованіе дробленія народныхъ отдѣловъ; ибо гдѣ вражда между группами народа, тамъ неизбѣжно черезъ то самое образуются этнографическія особенности и отличія. У Константина Порфиророднаго исчисляются уже разныя мелкія вѣтви Славянъ. У нашего первоначальнаго лѣтописца отдѣлъ собственно Русскихъ Славянъ изображается раздробленнымъ на нѣсколько вѣтвей, каждая съ отличіями отъ другой, со своими обычаями и нравами. Безъ сомнѣнія, между одними изъ нихъ болѣе взаимнаго сродства, чѣмъ между другими, и такимъ образомъ вѣ-

сколько этнографическихъ вѣтвей начали, въ болѣе обобщенномъ образѣ своихъ признаковъ, представлять одну народность, также какъ и всѣ вмѣстѣ русско-славянскія народности одну общую, Русскую, въ отношеніи другихъ славянскихъ племенъ на югѣ. Но есть ли въ древности слѣды существованія южно-русской народности, было ли внѣшнее соединеніе славянскихъ народовъ югозападнаго пространства нынѣшней Россіи въ такомъ видѣ, чтобъ они представляли одну этнографическую группу? Прямо объ этомъ въ лѣтописи не говорится; въ этомъ отношеніи счастливѣе Бѣлорусская народность, которая, подъ древнимъ именемъ Кривичей, обозначается ясно на томъ пространствѣ, которое она занимала впоследствии и занимаетъ въ настоящее время со своимъ раздѣломъ на двѣ половины: западную и восточную. На югѣ, въ древности, упоминаются только народы, и нѣтъ для нихъ общаго сознательно-одинакаго для всѣхъ названія. Но чего не договариваетъ лѣтописецъ въ своемъ этнографическомъ очеркѣ, то дополняется самой исторіей и аналогіей древняго этнографическаго развѣтвленія съ существующимъ въ настоящее время. Самое наглядное доказательство глубокой древности южнорусской народности, какъ одного изъ типовъ Славянскаго міра, слагающаго въ себѣ подраздѣлительные признаки частныхъ, — это поразительное сходство южнаго нарѣчія съ новгородскимъ, котораго нельзя не замѣтить и теперь, по совершеніи многихъ переворотовъ, способствовавшихъ къ тому, чтобы стереть и измѣнить его. Нельзя этого объяснить ни случайностью, ни присутствіемъ многихъ разсѣянныхъ чертъ южнорусскаго нарѣчія въ великорусскихъ областныхъ нарѣчіяхъ; если одинъ признакъ встрѣчается въ томъ или въ другомъ мѣстѣ и не можетъ служить самъ по себѣ доказательствомъ древняго сродства однихъ предпочтительно предъ другими, то собраніе множества признаковъ, составляющихъ характеръ южнаго нарѣчія, въ новгородскомъ, несомнѣнно указываетъ, что между древними Ильменскими Славянами и Южноруссами было гораздо большее сродство, чѣмъ между Южноруссами и другими славянскими племенами русскаго материка. Въ древности это сродство было нагляднѣе и ошутительнѣе. Оно прорывается и въ Новгородскихъ лѣтописяхъ и въ древнихъ письменныхъ памятникахъ. Это сродство не могло возникнуть иначе, какъ только въ глубокой древности, ибо эти отдаленные, перехваченные другими народностями, края, не имѣли такого живого народнаго сообщенія между собою, при которомъ бы могли перейти съ одного на другое сходные этнографическіе признаки. Только въ незапамятныхъ доисторическихъ временахъ скрывается его на-

чало и источникъ. Оно указываетъ, что часть южнорусскаго племени, оторванная силою неизвѣстныхъ намъ теперь обстоятельствъ, удалась на сѣверъ и тамъ водворилась со своимъ нарѣчьемъ и съ зачатками своей общественной жизни, выработанными еще на прежней родинѣ. Это сходство южнаго нарѣчя съ сѣвернымъ, по моему разумѣнію, представляетъ самое несомнѣнное доказательство древности и нарѣчя и народности Южной Руси. Разумѣется, было бы неосновательно воображать, что образъ, въ какомъ южнорусская народность съ ея признаками была въ древности, тотъ самый, въ какомъ мы ее встрѣчаемъ въ послѣдующія времена. Историческія обстоятельства не давали народу стоять на одномъ мѣстѣ и сохранять неизмѣнно одно положеніе, одну постать. Если мы, относясь къ древности, говоримъ о южнорусской народности, то разумѣемъ ее въ томъ видѣ, который былъ первообразомъ настоящаго, заключалъ въ себѣ главныя черты, составляющія неизмѣнные признаки, сущность, народнаго типа, общаго для всѣхъ временъ, способнаго упорно выстоять и отстоять себя противъ всѣхъ напоровъ враждебно-разрушительныхъ причинъ, а не тѣ измѣненія, которыя этотъ типъ то усвоивалъ въ теченіи времени и перерабатывалъ подъ вліяніемъ главныхъ своихъ началъ, то принималъ случайно и терялъ, какъ временно наплывшее и несвойственное его природѣ.

Обращаясь къ Русской исторіи, можно прослѣдить, какъ не досказанное лѣтописцемъ въ его этнографическомъ очеркѣ о Южной Руси, само собой высказало себя въ цѣли обстоятельствъ, образовавшихъ историческую судьбу южно-русскаго народа. Если первоначальный этнографъ, исчисляя своихъ Полянъ, Древлянъ, Улучей, Волынянъ, Хорватовъ, не далъ имъ всѣмъ одного названія, отдѣльнаго отъ другихъ Славянъ русскаго материка, то имъ его дала вскорѣ исторія. Это названіе—Русь, названіе первоначально Порусско-варяжской горсти, поселившейся среди одной изъ вѣтвей южно-русскаго народа и поглощенной ею вскорѣ. Уже въ XI вѣкѣ названіе это распространилось на Волынь и на нынѣшнюю Галицію, тогда какъ не переходило еще ни на Сѣверовостокъ, ни къ Кривичамъ, ни къ Новгородцамъ. Уже ослѣпленный Василько, исповѣдаясь въ своихъ намѣреніяхъ присланному къ нему Василю, говоритъ о планѣ мстить Ляхамъ за землю *русскую* и разрушить не Кіевъ, по ту страну, которая впоследствии усвоила себѣ названіе Червоной Руси. Въ XII вѣкѣ, въ Землѣ Ростовско-Суздальской, подъ Русью разумѣли вообще югозападъ нынѣшней Россіи въ собирательномъ смыслѣ. Это названіе, отличное отъ другихъ Славянскихъ частей, сдѣлалось этнографическимъ

названіемъ южно-русскаго народа; мелкія подраздѣленія, которыя исчислялъ Лѣтописецъ въ своемъ введеніи, исчезли или отошли на третій планъ, въ тѣнь; онѣ были, какъ видно, не очень значительны, когда образовалось между ними соединеніе и выплыли наружу одни общіе, единые для нихъ признаки. Название Руси за нынѣшнимъ южно-русскимъ народомъ перешло и къ иностранцамъ, и всѣ стали называть Русью не всю федерацію Славянскихъ племенъ материка нынѣшней Россіи, сложившуюся съ прибытія Варяговъ-Руси подъ верховнымъ первенствомъ Кіева и не исчезающую, въ духовномъ сознаніи, даже и при самыхъ враждебныхъ обстоятельствахъ, поколебавшихъ ея внѣшнюю связь, а собственно югозападъ Россіи, населенный тѣмъ отдѣломъ Славянскаго племени, за которымъ теперь усвоивается названіе Южно-русскаго или Малороссійскаго. Это названіе такъ перешло съ послѣдующихъ временъ. Когда толчекъ, данный вторичнымъ впливомъ Литовскаго племени въ судьбу Славянскихъ народовъ всей западной части русскаго материка, соединилъ ихъ въ одно политическое тѣло и сообщилъ имъ новое соединительное прозвище—Литва, это прозвище стало достояніемъ бѣлорусскаго края и бѣлорусской народности, а южно-русская осталась съ своимъ древнимъ привычнымъ названіемъ Руси.

Въ XV вѣкѣ различались на материкѣ нынѣшней Россіи четыре отдѣла восточно-славянскаго міра: Новгородъ, Московія, Литва и Русь; въ XVI и XVII, когда Новгородъ былъ стертъ, — Московія, Литва и Русь. На востокъ имя Руси принималось какъ принадлежность къ одной общей славянской семьѣ, развѣтвленной и раздробленной на части, на югозападѣ это было имя вѣтви этой семьи. Суздалецъ, Москвичь, Смоленникъ — были русскіе по тѣмъ признакамъ, которые служили органами ихъ соединительности вмѣстѣ: по происхожденію, по вѣрѣ, по княжескому языку и соединенной съ нимъ образованности; Кіевляникъ, Воляникъ, Червонорусъ — были Русскіе по своей мѣстности, по особенностямъ своего народнаго, общественнаго и домашняго, быта, по правамъ и обычаямъ; каждый былъ русскимъ въ тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ восточный Славянинъ былъ не русскій, но тверитянинъ, суздалецъ, москвичь. Такъ какъ слитіе земель было дѣло общее, то древнее названіе, употребительное въ старину для обозначенія всей федераціи, сдѣлалось народнымъ и для Восточной Руси, коль скоро общія начала поглотили развитіе частныхъ: съ именемъ Руси для нихъ издревле соединялось общее, сравнивающее, соединительное. Когда изъ разныхъ земель составилось Московское государство, это государство легко назвалось Русскимъ, и народъ, его составлявшій, усвоилъ знакомое

прежде ему названіе и отъ признаковъ общихъ перенесъ его на болѣе мѣстные и частные признаки. Имя Русскаго сдѣлалось и для сѣвера и для востока тѣмъ же, чѣмъ съ давнихъ лѣтъ оставалось какъ исключительное достояніе югозападнаго народа. Тогда послѣдній остался какъ бы безъ названія; его мѣстное частное имя, употреблявшееся другимъ народомъ только какъ общее, сдѣлалось для послѣдняго тѣмъ, чѣмъ прежде было для перваго. У южнорусскаго народа какъ будто было похищено его прозвище. Роль должна была переимѣниться въ обратномъ видѣ. Такъ какъ въ старину Сѣверовосточная Русь называлась Русью только въ общемъ значеніи, въ своемъ же частномъ имѣла собственныя наименованія, такъ теперь южнорусскій народъ могъ назваться русскимъ въ общемъ смыслѣ, но въ частномъ, своенародномъ, долженъ былъ найти себѣ другое названіе. На западѣ, въ Червонной Руси, гдѣ онъ сталъ въ сопротивленіе съ чуждыми народностями, естественно было удержать ему древнее названіе въ частномъ значеніи, и такъ Галицкій Червонорусъ остался Русскимъ, Русиномъ, ибо имѣлъ столкновеніе съ Поляками, Нѣмцами, Уграми; въ его частной народности ярче всего высказывались черты, составлявшія признаки общей русской народности, являлась принадлежность его къ общему русскому міру, черты такія, какъ вѣра, книжный богослужебный языкъ и исторія, напоминавшая ему о древней связи съ общерусскимъ міромъ. Все это предохраняло его отъ усилій чуженародныхъ элементовъ, грозившихъ и грозящихъ стереть его. Но тамъ, гдѣ та же народность столкнулась съ сѣверно и восточно-русскою, тамъ названіе Русскаго, по отношенію къ частности, не имѣло смысла, ибо Южноруссу не предстояло охранять тѣхъ общихъ признаковъ своего бытія, которые не разнили, а соединяли его съ народомъ, усвоившимъ имя русское. Тутъ названіе Русскаго необходимо должно быть замѣнено такимъ, которое бы означало признаки различія отъ Восточной Руси, а не сходства съ нею. Этыхъ народныхъ названій являлось много, и, правду сказать, ни одного не было вполне удовлетворительнаго, можетъ быть потому, что сознаніе своенародности не вполне выработалось. Въ XVII вѣкѣ являлись названія: *Украина*, *Малороссія*, *Гетманщина*, — названія эти невольно сдѣлались теперь архаизмами, ибо ни то, ни другое, ни третье не обнимало сферы всего народа, а означало только мѣстныя и временныя явленія его исторіи. Выдуманное въ послѣднее время названіе *Южноруссовъ* остается пока книжнымъ, если не навсегда останется такимъ, потому-что, даже по своему сложному виду, какъ-то неусвоенно для обыденной народной рѣчи, не слишкомъ любящей сложныя назва-

нія, на которыхъ всегда почти лежитъ отпечатокъ задуманности и, отчасти, ученой вычурности. Мимоходомъ замѣчу, что изъ всѣхъ названій, какія были выдумываемы для нашего народа, чтобъ отличить его отъ великорусскаго, болѣе всѣхъ какъ-то приняло полное значеніе названіе *Хохла*, не по своей этимологіи, а по привычкѣ, съ какою усвоили его Великоруссы. По крайней мѣрѣ, сказавши *Хохолъ*, Великоруссъ разумеетъ подъ этимъ словомъ дѣйствительно народный типъ. Хохолъ для Великорусса есть человѣкъ говорящій известнымъ нарѣчіемъ, имѣющій известные приемы домашней жизни и нравовъ, своеобразную народную физиономию. Странно было бы думать о возможности принятія этого насмѣшливаго прозвища за серьёзное названіе народа, — все равно, какъ еслибы Англичанинъ прозвище *Джона-Буля* сдѣлалъ серьёзнымъ именемъ своего племени. Но изъ всѣхъ существовавшихъ прозвищъ и названій, это едва ли не болѣе другихъ усвоенное въ смыслѣ народной особенности. Не только Великоруссы называютъ Южноруссовъ *Хохлами*, но и сами послѣдніе не рѣдко употребляютъ это названіе, не подозревая уже въ немъ ничего насмѣшливаго; впрочемъ, это только въ восточномъ краѣ пространства, заселеннаго Южноруссами. Неусвоиваемость его всѣмъ южнорусскимъ народомъ, не менѣе его насмѣшливаго происхожденія, не дозволяетъ искать въ немъ приличнаго названія для народа.

Но я отклонился нѣсколько отъ своей цѣли. Дѣло въ томъ, что названіе Руси укрѣпилось издревле за южнорусскимъ народомъ. Названіе не возникаетъ безъ факта. Нельзя навязать народу ни съ того, ни съ сего какое-нибудь имя. Это могло приходить въ голову только такимъ мудрецамъ, противъ которыхъ мы недавно писали⁽¹⁾ и которые намъ сообщили прекуръёзную новость, какъ Екатерина II, высочайшимъ повелѣніемъ, даровала Московскому народу имя Русскаго и запретила ему употреблять древнее свое имя—Московитяне. Вмѣстѣ съ названіемъ развивалась и самобытная исторія жизни южнорусскаго народа. Известно, въ какое непріятное положеніе поставляютъ насъ старые наши лѣтописцы, коль-скоро мы захотимъ изслѣдовать судьбу старой народной жизни: насъ угощаютъ досыта княжескими междуусобіями, извѣстіями о построеніи церквей, со щепетильною точностію сообщаютъ о дняхъ, даже о часахъ кончины князей и епископовъ, но какъ постучишься къ нимъ въ двери сокровищницы народной жизни—тутъ они нѣмы и глухи; и заброшены давно въ море забвенія ключи отъ этихъ заветныхъ дверей. Слабыя, неясныя

(1) См. февральскую книжку «Основы».

тѣни остались отъ далекаго прошедшаго. Но и этихъ тѣней пока достаточно, чтобъ видѣть, какъ рано Южная Русь пошла инымъ, своеобразнымъ путемъ возрастать отлично отъ Сѣвера. Однѣ и тѣ же общія начала на Югѣ устанавливались, утверждались, видоизмѣнялись инымъ образомъ, чѣмъ на сѣверѣ. До половины XII вѣка сѣверъ, а еще болѣе — сѣверовостокъ, намъ мало извѣстны. Лѣтописныя сказанія тѣхъ временъ вращаются только на Югѣ; новгородскія лѣтописи представляютъ какъ-будто какое-то оглавленіе утраченнаго лѣтописнаго повѣствованія; такъ коротки и отрывочны мѣстныя извѣстія, въ нихъ сохранившіяся, и признаюсъ какъ-то странно слышать проповѣдыаемыя нѣкоторыми почтенными исследователями и усвоенныя учителями въ школахъ глубокомысленныя наблюденія надъ развитіемъ новгородскихъ общественныхъ началъ соразмѣрно переворотамъ и движеніямъ удѣльнаго русскаго міра, — когда на самомъ дѣлѣ тутъ можно судить только о развитіи новгородскихъ лѣтописей, а никакъ не новгородской жизни. Но о судьбѣ Сѣверо-Восточнаго Русскаго міра этой Суздальско-Ростовско-Муромско-Рязанской страны въ раннія времена нашей исторіи не осталось даже и такого оглавленія, и это тѣмъ досаднѣе, когда знаешь, что именно тогда-то въ этомъ краѣ и образовалось зерно великорусской народности, и тогда-то пустила она первые ростки того, что впоследствии сдѣлалось рычагомъ соединенія и всего русскаго міра и залогомъ грядущаго обновленія всего славянскаго... Ея таинственное происхожденіе и дѣтство облечено непроницаемымъ туманомъ. При невозможности разсѣять его густые слои, остается или поддаться искушенію и пуститься въ безконечныя догадки и предположенія, либо, какъ нѣкогда дѣлали, успокоиться на утѣшающей всякое умственное волненіе мысли, что такъ угодно было верховному промыслу, и что причины — почему великорусская народность стала такою именно, какою явилась впоследствии, зависѣли отъ неисповѣдимой воли. И тотъ и другой способъ мышленія не удовлетворяетъ нашей потребности. Догадки и предположенія не сдѣлаются сами собою истинами, если не подтвердятся или очевидными фактами, или несомнѣнной логической связью явленій. Мы не сомнѣваемся въ промыслѣ, но вѣримъ при этомъ, что все, что ни случается въ мірѣ, управляется тѣмъ же промысломъ — какъ извѣстное, такъ и неизвѣстное, а опираясь въ сужденіяхъ только на промыслъ, не останется ничего для самого сужденія. Дѣло исторіи — исследовать причины частныхъ явленій, а не причину причинъ, недоступную человѣческому уму. Единственно что мы знаемъ о Сѣверо-востокѣ — это то, что тамъ было Славянское народонаселеніе посреди Финновъ и съ значи-

тельными перевѣсомъ надъ послѣдними, — что край этотъ имѣлъ тѣ же общіе зачатки, какіе были и въ другихъ земляхъ русскаго міра, но не знаемъ ни подробностей, ни способа примѣненія общихъ началъ къ частнымъ условіямъ. На югѣ между тѣмъ, весь народъ южноруссій, въ началѣ XI вѣка, ощутительно обозначается единствомъ; не смотря на княжескія перегородки, онъ безпрестанно напоминаетъ о своемъ единствѣ событіями своей исторіи; онъ усваиваетъ одно имя Руси; у него однѣ общія побужденія, одни главные обстоятельства вращаютъ его; его части стремятся другъ къ другу, — тогда какъ земли другихъ вѣтвей общерусскаго Славянскаго племени, напримѣръ, Кривичи, обособляются своеобразными частями въ федеративной связи. Новгородъ, обособленный съ своею землею на сѣверѣ, постоянно стремится къ югу; онъ ближе къ Кіеву, чѣмъ къ Полоцку или Смоленску. И это, конечно, происходитъ отъ ближайшей этнографической его связи съ Югомъ.

Съ половины XII вѣка обозначается въ исторіи характеръ Восточной Руси Ростовско-Суздальско-Муромско-Рязанской земли. Явленія ея саамобытной жизни, по древней нашей лѣтописи, начинаются съ тѣхъ поръ, какъ Андрей Юрьевичъ, въ 1157 году, былъ избранъ особымъ княземъ всей Земли Ростовско-Суздальской. Тогда-то явно выказывается своеобразный духъ, господствующій въ общественномъ строѣ этого края и складъ понятій объ общественной жизни, управлявшій событіями, — отличіе этихъ понятій отъ тѣхъ, которые давали смыслъ явленіямъ въ Южной Руси и въ Новгородѣ. Эпоха эта чрезвычайно важна и представляетъ драгоценный предметъ для изслѣдователя нашего прошедшаго; тутъ открывается нарисованная, хотя не ясно, на подобіе изображеній въ нашихъ старыхъ рукописяхъ, картина дѣтства великорусскаго народа. Тутъ можно видѣть первые ростки тѣхъ свойствъ, которыя составляли впоследствии источникъ его силы, доблестей и слабостей. Словно вы читаете дѣтство великаго человѣка и ловите, въ его ребяческихъ движеніяхъ, начатки будущихъ подвиговъ.

Что отягчаетъ народъ великорусскій въ его дѣтствѣ отъ народа Южной Руси и другихъ земель русскихъ — это стремленіе дать прочность и формальность единству своей земли. Андрей избираютъ единымъ по всей землѣ, на всѣ города. У него нѣсколько братьевъ и два племянника; ихъ изгоняютъ, дозволяютъ оставаться только двумъ: одному, который по болѣзни не можетъ быть никакимъ дѣятельнымъ членомъ земли, и другому, который не показываетъ никакихъ властолюбивыхъ склонностей. Изгнаніе братьевъ не дѣло единого Андрея, но дѣло цѣлой Земли. Лѣтопи-

сецъ края говорить, что тѣ же, которые поставили Андрея, тѣ же изгнали меньшихъ братьевъ. Это единство, къ которому явно стремились понятія, не могло однако сразу утвердиться и обратиться въ постоянный и привычный порядокъ; впоследствии земля снова нѣмала разомъ нѣсколькихъ князей, но за то одинъ изъ нихъ былъ великій князь верховный всей земли. Въѣсть съ тѣмъ тогда уже является стремленіе подчинить своей землѣ другія Русскія земли. Такъ Муромская и Рязанская земли уже были подчинены съ своими князьями князю Ростовско-Суздальскому. Это не были личныя желанія однихъ князей, — напротивъ: князья, принадлежа къ роду, котораго значеніе связано было съ единствомъ всей Русской федераціи, сами замѣщавали въ Восточно-Русской мѣстности это мѣстное стремленіе. Изъ нѣсколькихъ чертъ, сохранныхъ лѣтописцемъ, при всей скупости послѣдняго на заявленіе народныхъ побужденій, видно, что князья въ дѣлахъ, обличавшихъ, по видимому, ихъ личное властолюбіе, дѣйствовали по внутреннюю народную волю, и то, что приписывалось ихъ самовластію, надобно будетъ приписать самовластными наклонностямъ тѣхъ, которые окружали князей. Когда Всеволодъ захотѣлъ отпустить пойманныхъ князей: своего племянника и Глѣба Рязанскаго, Владиміры не допустили до этого и приговорили ослѣпить ихъ. Когда тотъ же Всеволодъ идетъ на Новгородъ и осаждастъ Торжокъ, онъ расположенъ къ миру и не хочетъ разорять волости, но дружина его требуетъ этого: оскорбленіе князю она считаетъ оскорбленіемъ себя. *Мы не цѣловать ихъ пришли*, говорятъ Владиміры иронически. Такимъ образомъ стремленіе подчинить Новгородъ и вражда съ Новгородомъ истекала не изъ княжескихъ, а изъ народныхъ побужденій, и оттого-то Новгородцы, отбивъ Суздальцевъ отъ стѣнъ своего города, скоро сходились съ Суздальскими князьями и, напротивъ, неистово мстили Суздальцамъ, продавая cadaго Судальца по двѣ ногиаты. Оттого съ такимъ ожесточеніемъ, съ такою надменностію ополчалась Суздальская земля противъ Новгородцевъ, вошедшихъ туда побѣдителями подъ знаменемъ Мстислава Удалого. Нѣсколько разъ можно замѣтить, какъ во время нападений князей Восточно-Русской Земли на Новгородъ прорывалась народная гордость этой земли, успѣвшая уже образовать предрасудокъ о превосходствѣ своего народа предъ Новгородцами и о правѣ своего первенства надъ ними. Элементы образованности, воспитанные на Киевской почвѣ подъ православными понятіями, перешли въ Восточную Землю и тамъ приняли много рода ростъ и явились въ иномъ образѣ. Въѣсто Киева южнаго, явился на востокѣ другой Киевъ—Влади-

міръ; по всему видно, — существовала мысль создать его другимъ Кіевомъ, перенести старый Кіевъ на новое мѣсто. Тамъ явилась патрональная церковь святой Богородицы Златоверхой и Золотыя Ворота, явились названія кievскихъ урочищъ: Печерскій городъ, рѣка Лыбедь. Но нельзя было стараго Кіева оторвать отъ днѣпровскихъ горъ; тѣ же отропки подъ сѣверо-восточнымъ небомъ, на чуждой почвѣ, выросли иначе, инымъ деревомъ, — другіе плоды принесли.

Старыя Славянскія понятія объ общественномъ строѣ признавали за источникъ общей народной правды волю народа, приговоръ вѣча, изъ кого-бы-то ни состоялъ этотъ народъ, какъ бы ни собиралось это вѣче, смотря по условіямъ; эти условія то расширяли, то суживали кругъ участвующихъ въ дѣлахъ, то давали вѣчу значеніе всенароднаго собранія, то ограничивали его толпою случайныхъ счастливцевъ въ игрѣ на общественномъ полѣ. При этомъ давно уже возникла и укоренилась въ понятіяхъ идея князя — правителя, третейскаго судьи, установителя порядка, охранителя отъ внѣшнихъ и внутреннихъ безпокойствъ; между вѣчевымъ и княжескимъ началомъ само собою должно было возникнуть противорѣчіе, но это противорѣчіе улегалось и примирялось признаніемъ народной воли вѣча подъ правомъ князя.... Князь былъ необходимъ, но князь избирался и могъ быть изгнанъ, если не удовлетворялъ тѣмъ потребностямъ народа, для которыхъ былъ нуженъ, или же злоупотреблялъ свою власть и значеніе. Принципъ этотъ въ XI, XII и XIII вѣкахъ выработывается вездѣ: и въ Кіевѣ, и въ Новгородѣ, и въ Полоцкѣ, и въ Ростовѣ и въ Галичѣ. Его явленіе сообразовалось съ различными историческими внутренними обстоятельствами и разными условіями, въ какія поставлены были судьбою русскія земли. Этотъ принципъ принималъ то болѣе единовластительнаго, то болѣе народо-правнаго духа; въ однихъ земляхъ князья выбирались постоянно изъ одной линии и такимъ образомъ водвореніе ихъ приближалось къ наследственному праву, и если не совершенно образовалось послѣднее, то потому только, что не успѣло заглушиться выборное право, которое, по своему существу, умѣряло непреложность обычая; въ другихъ, — въ Новгородѣ, — при выборѣ князя народная воля не соблюдала вовсе никакихъ обычаевъ преемничества, кромѣ насущныхъ текущихъ условій края.

Въ Кіевѣ напрасно было бы искать какого нибудь опредѣленнаго права и порядка въ преемничествѣ князей. Существовала, правда, въ ихъ условіяхъ, неясная идея старѣйшинства, но народное право избранія

стояло выше ея. Изяславъ Ярославичъ былъ изгнанъ Кіевлянами. Кіевляне избрали Полоцкаго князя, случайно сидѣвшаго въ Кіевской тюрьмѣ и ужъ ни по какому праву не ожидавшему такой чести. Изяславъ только съ помощію чужеземцевъ утвердился снова въ Кіевѣ. То былъ родъ чужеземнаго завоеванія и недаромъ, послѣ того, Поляки начали смотрѣть на Южную Русь, какъ на свою лѣну. Черезъ нѣсколько времени, едва только Кіевскій князь избавилъ и себя и Кіевлянъ, отъ пособниковъ, какъ былъ снова изгнанъ. Князь Черниговскій вступилъ на Княженіе Кіевское. Изяславъ опять долженъ былъ бѣжать. Хотя, по этому поводу, въ лѣтописи и не говорится объ участіи Кіевлянъ но само собою разумѣется, что оно было: съ одной стороны, не могли Кіевляне любить князя, который приводилъ на нихъ чужеземцевъ и отдавалъ на казнь тѣхъ, кого подозрѣвалъ въ нерасположеніи и верховодствѣ надъ народомъ въ минуту своего изгнанія, съ другой — и Святославъ не могъ бы водвориться въ Кіевѣ и свободно имъ править четыре года, если бы встрѣтилъ оппозицію въ народѣ. Въ дальнѣйшей исторіи нѣсколько разъ у лѣтописца упоминается прямо, что князья водворялись по избранію и также прогонялись; что вѣче считало за собою право судить ихъ, прогонять и казнить установленныя ими второстепенныя власти, а иногда и ихъ самихъ. Мономахъ былъ избранъ и, въ то же время, достигъ народный судъ приближенныхъ прежняго князя. Всеволодъ, желая передать княженіе брату Игорю, не могъ этого сдѣлать иначе, какъ испросивъ согласіе вѣча; тоже вѣче низвергло Игоря и призвало Изяслава Мстиславича, и потомъ убило Игоря. Изяславъ Давидовичъ, Ростиславъ Мстиславичъ, Мстиславъ Изяславичъ, Романъ Ростиславичъ, Святославъ Всеволодовичъ, Романъ Мстиславичъ — обо всѣхъ этихъ князьяхъ есть черты, показывающія, что они были избраны волею Кіевлянъ. Мало по малу значеніе народа, руководящаго дѣлами, осталось за воинственною толпою дружинъ, шаекъ, составлявшихся изъ разныхъ удальцовъ; они-то возводили и низвергали князей, князья были какъ бы орудіемъ ихъ, и — какъ всегда бываетъ въ воинской державѣ — могли держаться только силою воли, умънемъ, а не значеніямъ, какое занимали въ своемъ родѣ.

Инородцы тюркскаго племени — Черные Клобуки, Торки, Берендѣи, играли здѣсь дѣятельную роль наравнѣ съ туземцами, такъ что масса, управлявшая дѣлами края, представляла цѣструю смѣсь племенъ. Тамовъ былъ образъ быта Кіевской земли. Козачество уже возникло въ XII—XIII вѣкѣ. Въ Червоной Руси князья тоже избирались и

прогонялись. Князь до того былъ зависимъ отъ вѣча, что даже семейная его жизнь состояла подъ контролемъ Галичанъ. Въ Галицкой землѣ народная сила и значеніе сосредоточились въ рукахъ *боляръ*, — лицъ, которые силою обстоятельствъ выступали изъ массы и овладѣвали дѣлами края. Здѣсь уже прорывались начала того панства, которое, подъ Польскимъ владычествомъ, охватило страну и, противопоставивъ себя массѣ народа, вызвало наконецъ ее въ лицѣ Козаковъ. Читая исторію Южной Руси XII и XIII вѣка, можно видѣть юношескій возрастъ того общественнаго строя, который является въ возмужаломъ видѣ черезъ нѣсколько столѣтій. Развитие личнаго произвола, свобода, неопредѣлительность формъ — были отличительными чертами южно-русскаго общества въ древніе періоды, и такъ оно явилось въ послѣдствіи. Съ этимъ вмѣстѣ соединялось непостоянство, недостатокъ ясной цѣли, порывчатость движенія, стремленіе къ созданію и какое-то разложеніе недосозданнаго, все, что неминуемо вытекало изъ перевѣса личности надъ общинностью. Южная Русь отнюдь не теряла чувства своего народнаго единства, но не думала его поддерживать: напротивъ, самъ народъ, по видимому, шелъ къ разложенію и все таки не могъ разложиться. Въ Южной Руси не видно ни малѣйшаго стремленія къ подчиненію чужихъ, къ ассимилированію инородцевъ, поселившихся между ея коренными жителями; въ ней происходили споры и драки бояре за оскорбленную честь или за временную добычу, а не съ цѣлю утвердить прочное вѣковое господство. Только на короткое время, когда пришельцы Варяги дали толчекъ Полянамъ, послѣдніе дѣлаются какъ бы завоевателями народовъ: является идея присоединенія земель, потребность центра, къ которому бы эти земли тянули; но и тогда не видно ни малѣйшихъ попытокъ плотно прикрѣпить эти земли. Кіевъ никакъ не годился быть столицей централизованнаго государства; онъ не искалъ этого, онъ даже не могъ удержать первенства надъ федерацией, потому что не сумѣлъ организовать ее. Въ натурѣ южно-русской не было ничего насилующаго, нивелирующаго, не было политики, не было холодной расчитанности, твердости на пути къ предназначенной цѣли. Тоже самое является на отдаленномъ сѣверѣ, въ Новгородѣ; суровое небо мало измѣнило тамъ главныя основы южнаго характера, и только неблагодарность природы развила болѣе промышленнаго духа, но не образовала характера расчета и купеческой политики. Торговая дѣятельность соединялась тамъ съ тою же удалью, съ тою же неопредѣленностью цѣли и нетвердостью способовъ къ ея достиженію, какъ и воинственное удалство южныхъ шаекъ. Новгородъ былъ всегда родной братъ

юга. Политики у него не было; онъ не думалъ утвердить за собою своихъ обширныхъ владѣній и сплотить разнородныя племена, которыя ихъ населяли, и ввести прочную связь и подчиненность частей, установить соотношеніе слоевъ народа; строй его правленія былъ всегда подъ вліяніемъ неожиданныхъ побужденій личной свободы. Обстоятельства давали ему чрезмѣрно важное торговое значеніе, но онъ не изыскивалъ средствъ обращать въ свою пользу эти условія и упрочить выгоды торговли для автономіи своего политическаго тѣла; оттого онъ, въ торговомъ отношеніи, попалъ совершенно въ распоряженіе иностранцевъ. Въ Новгородѣ, какъ и на Югѣ, было много порывчатаго удалства, широкой отваги, поэтическаго увлеченія, но мало политической предприимчивости, еще менѣе выдержки. Часто горячо готовился онъ стоять за свои права, за свою свободу, но не умѣлъ соединить побужденій, стремившихся, повидимому, къ одной цѣли, но тотчасъ же расходившихся въ приложеніи; потому-то онъ всегда уступалъ политикѣ, оплачивался продуктами своей торговой дѣятельности и своихъ владѣній отъ покушеній Московскихъ князей даже и тогда, когда, казалось, могъ бы съ ними сладить; онъ не предпринималъ прочныхъ мѣръ къ поддержкѣ своего быта, которыми дорожилъ, не шелъ впередъ, но и не стоялъ болотной водой, а вращался, кружился на одномъ мѣстѣ. Предъ глазами у него была цѣль, но неопредѣленная, и не сыскалъ онъ прямого пути къ ней. Онъ сознавалъ единство свое съ Русскою Землею, но не могъ сдѣлаться орудіемъ ея общаго единства; онъ хотѣлъ, въ тоже время, удержать въ этомъ единствѣ свою отдѣльность и не удержалъ ея. Новгородъ, — какъ и Южная Русь, — держался за федеративный строй даже тогда, когда противная буря уже сломила его недостроенное зданіе.

Точно такъ и Южная Русь сохраняла, въ теченіе вѣковъ, древнія понятія; перешли онѣ въ кровь и плоть послѣдней, безсознательно для самаго народа; и Южная Русь, облекшись въ форму Козачества, — форму, зародившуюся собственно въ древности, — искала той же федераціи въ соединеніи съ Московією, гдѣ уже давно не стало началъ этой древней федераціи.

Выше я замѣтилъ мимоходомъ, что Козачество началось въ XII—XIII вѣкѣ. Къ сожалѣнію, исторія Южной, Кіевской, Руси, какъ-будто проваливается послѣ Татаръ. Народная жизнь XIV и XV вѣковъ намъ мало извѣстна; но элементы, составлявшіе начало того, что явилось въ XVI вѣкѣ ощутительно, въ формѣ Козачества, не угасали, а развивались. Литовское владычество обновило одряхлѣвшій, разложившійся порядокъ,

такъ точно, какъ вѣкогда прибытіе Литовской Руси на берега Днѣпра обновило и поддержало упавшія силы, разложившіяся подъ напорами чуждыхъ народовъ. Но жизнь пошла по прежнему. Князьки не Рюрикова, но уже новаго, Гедиминава дома, обрусѣвъ скоро, какъ и прежніе, стали, какъ эти прежніе, играть своею судьбою. До какой степени было здѣсь участіе народа, за скудостью источниковъ нельзя опредѣлительно сказать; несомнѣнно, что въ сущности было продолженіе прежняго: тѣ же дружины, тѣ же воинственные толпы помогали князьямъ, возводили ихъ, вооружали однихъ противъ другихъ. Соединеніе съ Польшею собрало живучіе элементы Руси и дало имъ другое направленіе: изъ неосѣдлыхъ правителей, предводителей шаекъ, оно сдѣлало поземельныхъ владѣтелей; является направленіе замѣнить правомъ личныя побужденія, оставляя въ сущности прежнюю ея свободу — соединить съ гражданскими понятіями и умѣрить необузданность личности. Народъ, до того времени вращавшійся въ омутѣ всеобщаго произвола, то поработенный сильными, то, въ свою очередь, сбрасывающій этихъ сильныхъ для того, чтобъ возвести другихъ, теперь подчиняется и поработается правильно, то есть, съ признаніемъ до нѣкоторой степени законности, справедливости такого поработенія. Но тутъ старорусскіе элементы, развитые, до извѣстной степени, еще въ XII вѣкѣ и долго крившіеся въ народѣ, выступаютъ блестящимъ метеоромъ въ формѣ Козачества. Но это козачество, какъ возрожденіе стараго, носитъ въ себѣ уже зародышъ разрушенія. Оно обращается къ тѣмъ идеямъ, которыя уже не находили пищи въ современномъ ходѣ историческихъ судебъ. Козачество XVI и XVII и удѣльность въ XII и XIII вѣкѣ гораздо болѣе сходны между собою, чѣмъ сколько можно предположить: если черты сходства внѣшняго слабы въ сравненіи съ чертами внѣшняго несходства, за то существенно внутреннее сходство. Козачество тоже разнороднаго типа, какъ древнія кievскія дружины; также въ немъ есть примѣсь тюркскаго элемента, также въ немъ господствуетъ личный произволъ, тоже стремленіе къ извѣстной цѣли, само себя парализующее и уничтожающее, та же неопредѣлительность, то же непостоянство, то же возведеніе и низложеніе предводителей, тѣ же драки во имя ихъ. Можетъ быть важнымъ покажется то, что въ древности обращалось вниманіе на родъ предводителей, ихъ происхожденіе служило правомъ, а въ козачествѣ, напротивъ, предводители избирались изъ равныхъ. Но скоро уже козачество доходило до прежняго удѣльнаго порядка и конечно бы дошло, еслибы случайныя обстоятельства, чисто мимо всякихъ предпологавшихся законовъ поворачивающія ходъ жизненнаго теченія, не помѣ-

шли этому. Когда Хмельницкій успѣлъ заслужить славу и честь у козацкой братіи, она возводила въ предводителя его сына, вовсе неспособнаго по личнымъ качествамъ. Выборы гетмановъ долго вращались около лицъ, соединенныхъ родствомъ съ Хмельницкимъ, и только прекращеніе его рода было поводомъ, что родовое княжеское начало древней удѣльности не воскресло снова.

На востокѣ, напротивъ, личная свобода сѣуживалась и, наконецъ, уничтожилась. Вѣчевое начало нѣкогда и тамъ существовало и проявлялось. Избраніе князей также было господствующимъ способомъ установленія власти, но тамъ понятіе объ общественномъ порядкѣ дало себѣ прочный залогъ твердости, а на помощь подоспѣли православныя идеи. Въ этомъ дѣлѣ какъ нельзя болѣе высказывается различіе племенъ. Православіе было у насъ едино и пришло къ намъ чрезъ однихъ лицъ, изъ одного источника; классъ духовный составлялъ одну корпорацію, независимую отъ мѣстныхъ особенностей политическаго порядка: церковь уравнивала различія; и если что, то — именно истекавшее изъ церковной стѣры должно было приниматься одинаково во всемъ русскомъ мірѣ. Не то, однако, вышло на дѣлѣ. Православіе внесло къ намъ идею монархизма, освященіе власти свыше, окружило понятія о ней лучами верховнаго міроуправленія; православіе указало, что въ нашемъ земномъ жизненномъ теченіи есть Промыслъ, руководящій нашими поступками, указывающій намъ будущность за гробомъ; породило мысль, что событія совершаются около насъ то съ благословенія Божія, то навлекаютъ на насъ гнѣвъ Божій; православіе заставляло обращаться къ Богу при началѣ предпріятія и приписывать успѣхъ Божію изволенію. Такимъ образомъ не только въ непонятныхъ, необыкновенныхъ событіяхъ, но и въ обычныхъ, совершающихся въ кругѣ общественной дѣятельности, можно было видѣть чудо. Все это внесено было повсюду, повсюду принялось до извѣстной степени, примѣнилось къ историческому ходу, но нигдѣ не побѣдило до такой степени противоположныхъ старыхъ понятій, нигдѣ не выразилось съ такою приложимостью къ практической жизни, какъ въ Восточной Руси. При своей всеобщности, православіе давало однако нѣсколько простора и мѣстнымъ интересамъ: оно допускало мѣстную святиню, которая не переставала быть всеобщою, но оказывала свое покровительство особенно одной мѣстности. Такъ, во всѣхъ земляхъ русскихъ возникли патрональные храмы, въ Кіевѣ—Десятинная Богородица и Софія, въ Новгородѣ и Полоцкѣ—святая Софія, въ Черниговѣ и Твери—святый Спасъ, и такъ далѣе; вездѣ вѣрили въ благословеніе на весь край, исходящее изъ такого главнаго храма. Андрей во Вла-

димирѣ построилъ церковь святой Богородицы златоверхую, помѣстивъ тамъ чудотворную икону, похищенную имъ изъ Вышгорода. Нигдѣ до такой степени святыня патрональнаго храма не являлась съ плодотворнымъ чудодѣйствующимъ значеніемъ, какъ тамъ. Въ лѣтописи Суздальской земли, каждая побѣда, каждый успѣхъ, чуть не каждое сколько нибудь замѣчательное событіе, случавшееся въ краѣ, называется чудомъ этой Богородицы (сотвори чудо святая Богородица Владимірская).

Идея высшаго управленія событіями доходитъ до освященія успѣха самого по себѣ. Предпріятіе удается, слѣдовательно — оно благословляется Богомъ, слѣдовательно оно хорошо. Возникаетъ споръ между старыми городами Ростовско-Суздальской земли и новымъ — Владиміромъ. Владиміръ успѣлъ въ спорѣ; онъ беретъ перевѣсъ: это — чудо пресвятой Богородицы. Замѣчательно мѣсто въ лѣтописи, когда послѣ признанія, что Ростовцы и Суздальцы, какъ старѣйшіе, дѣйствительно поступали по праву (*хотѣли свою правду поставити*), послѣ того какъ дѣло этихъ городовъ подводится подъ обычай всѣхъ земель русскихъ, лѣтописецъ говоритъ, что противясь Владиміру, они не хотѣли правды Божіей (*не хотѣху створити правды божіа*) и противились Богородицѣ. Тѣ города хотѣли поставить своихъ избранныхъ землею князей, а Владиміръ поставилъ противъ нихъ Михайла, и лѣтописецъ говоритъ, что *сею же Михайла избра святая Богородица*. Такимъ образомъ Владиміръ требуетъ себѣ первенства въ Землѣ, на томъ основаніи, что въ немъ находилась святыня, которая творила чудеса и руководила успѣхомъ. Володимірцы, — разсуждаетъ тотъ же лѣтописецъ, — прославлены Богомъ по всей Землѣ, за ихъ правду Богъ имъ помогаетъ; при этомъ лѣтописецъ объясняетъ, почему Володимірцы такъ счастливы: *егоже бо человекъ проситъ у Бога всѣмъ сердцемъ, то Богъ его не лишитъ*. Такимъ образомъ, вмѣсто права общественнаго, вмѣсто обычая, освященнаго временемъ, является право предпріятія съ молитвою и божіа соизволенія на успѣхъ предпріятія. Съ виду покажется, что здѣсь крайній мистицизмъ и отклоненіе отъ практической дѣятельности, но это только кажется: въ самой сущности здѣсь полнѣйшая практичность, здѣсь открывается путь къ устраненію всякаго страха предъ тѣмъ, что колеблетъ волю, здѣсь полный просторъ воли; здѣсь и надежда на свою силу, здѣсь умѣнье пользоваться обстоятельствами. Владиміръ, въ противность старымъ обычаямъ, древнему порядку земли, дѣлается верховнымъ городомъ, потому что Богородица покровительствуетъ ему, а ея покровительство видно изъ того, что онъ успѣваетъ. Онъ пользуется об-

стоятельствами; тогда какъ его противники держатся боярствомъ, избраннымъ высшимъ классомъ, Владиміръ поднимаетъ знамя массы, народа, слабыхъ противъ сильныхъ; князья, избранные имъ, являются защитниками правосудія въ пользу слабыхъ. О Всеволодѣ Юрьевичѣ летописецъ говоритъ: «судя судъ истиненъ и нелицемѣренъ, не обвиняя лице сильныхъ своихъ бояръ, обидящихъ меньшихъ и работающихъ сироты и насилье творящихъ». вмѣстѣ съ тѣмъ, право избранія, вѣчевое начало принимаетъ самый широкій размѣръ и тѣмъ подрываетъ и уничтожаетъ само себя. Князя Всеволода Юрьевича избираютъ Владимірцы на вѣчѣ предъ своими Золотыми воротами не одного, но и дѣтей его. Такимъ образомъ вѣчевое право считаетъ возможнымъ простирать свои приговоры не только на живыхъ, но и на потомство, устанавливать твердый, прочный порядокъ на долгое время, если не навсегда, до перваго ума, который возможетъ найти иной поворотъ по новому пути и повести къ своей новой дѣли, возводя по прежнему въ апотеозъ успѣхъ предпріятія, освящая его благословеніемъ божіимъ.

Наконецъ самое возвышеніе новаго города Владиміра здѣсь имѣетъ свой особенный смыслъ и отпечатлѣвается характеромъ великороссійскимъ. Извѣстно, какъ ученые придавали у насъ значенія новымъ городамъ именно потому, что они новые. По нашему мнѣнію, новостъ городовъ, сама по себѣ, еще ничего не значить. Возвышеніе новыхъ городовъ не могло родить новыхъ понятій, выработать новаго порядка болѣе того, сколько бы все это могло произойти и въ старыхъ. Новые города населялись изъ старыхъ, слѣдовательно новопоселенцы невольно приносили съ собой тѣ понятія, тѣ воззрѣнія, какія образовались у нихъ въ прежнемъ мѣстѣ жительства. Это въ особенности должно было произойти въ Россіи, гдѣ новые города не теряли связи со старыми. Если новый городъ хочетъ быть независимымъ, освободиться отъ власти стараго города, то все таки онъ по одному этому будетъ искать сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ старый, не болѣе. Для того, чтобы новый городъ зародился и воспиталъ въ себѣ новый порядокъ, нужно, чтобъ или переселенцы изъ стараго, положившіе основаніе новому, вышли изъ прежняго вслѣдствіе какихъ нибудь такихъ движеній, которыя были противны массѣ стараго города, или чтобъ они на новосельѣ отрѣзаны были отъ прікосновенія со старымъ порядкомъ и поставлены въ условія, способствующія развитію новаго. Переселенцы, какъ бы далеко они ни отбились отъ прежнихъ жилищъ, удерживаютъ старыя бытъ и старыя коренныя понятія сколько возможно, на сколько не стираютъ ихъ новыя условія; из-

мѣняють ихъ только влѣдствіе необходимости, при совершенной несо-
вмѣстимости ихъ съ новосельемъ, и притомъ измѣняютъ не скоро: всегда
съ усиліями что нибудь оставить изъ стараго. Малороссіяне двигались въ
своей колонизаціи на востокъ, дошли уже за Волгу и все таки они въ
сущности тѣже Малороссіяне, что въ Кіевской губерніи, и если получи-
ли что-нибудь особенное въ словѣ и понятіяхъ и въ своей физиогноміи,
то это произошло отъ условій, съ которыми судьба судила имъ сжиться
на новомъ мѣстѣ, а не потому единственно, что они переселенцы. Тоже
надобно сказать о Сибирскихъ Русскихъ переселенцахъ: они все Рус-
скіе, и отличія ихъ зависятъ отъ тѣхъ неизбежныхъ причинъ, которыя
понуждаютъ ихъ нѣсколько измѣниться, примѣняя условія климата,
почвы, произведеній и сосѣдства въ свою пользу. Новые города въ дре-
вней Россіи, возникая на разстояніи какихъ нибудь десятковъ верстъ
отъ старыхъ, какъ Владиміръ отъ Суздаля и Ростова, не могли, по-
видимому, имѣть даже важныхъ географическихъ условій для разви-
тія въ себѣ чего-нибудь совершенно новаго. Даже и тогда, когда новый
городъ отстоялъ отъ стараго на сотни верстъ, главные однакожъ при на-
ки географіи условливали ихъ сходство.

Въ XII вѣкѣ Владиміръ въ исторической жизни является зерномъ Ве-
ликороссіи и вмѣстѣ съ тѣмъ Русскаго единоподержавнаго государства; —
тѣ начала, которыя развили въ послѣдствіи цѣлость русскаго міра,
составили въ зародышѣ отличительные черты этого города, его силу и
прочность. Сплоченіе частей, стремленіе къ присоединенію другихъ зе-
мель, предпринятое подъ знаменемъ религіи, успѣхъ, освящаемый идеею
божія соизволенія, опора на массу, покорную силѣ, когда послѣдняя про-
тягиваетъ къ ней руку, чтобъ ее охранять, пока нуждается въ ней, а
впослѣдствіи отдача народнаго права въ руки своихъ избранниковъ — все
это представляется въ образѣ молодого побѣга, который выросъ огром-
нымъ деревомъ подъ вліяніемъ послѣдующихъ событій, давшихъ сообраз-
ный способъ его возрастанію. Татарское завоеваніе помогло ему. Безъ не-
го, при вліяніи старыхъ началъ личной свободы, господствовавшихъ
въ другихъ земляхъ, свойства восточной русской природы произвели бы
иныя явленія, но завоеватели дали новую цѣль соединенія раздѣлен-
нымъ землямъ Руси.

Монголы не насилывали народнаго самоуправленія систематически и
сознательно. Политическая ихъ образованность не достигла стремленія
къ сплоченію массъ и централизаціи покоренныхъ частей. Побѣда зна-
меновалась для нихъ двумя способами: всеобщимъ разореніемъ и собира-

ниемъ дани. И то и другое потерпѣла Россія. Но для собиранія дани необходимо было одно довѣренное лицо на всю Русь, одинъ приказчикъ хана: это единое лицо, этотъ приказчикъ приготовленъ былъ русскою исторіею заранѣе въ особѣ великаго князя, главы князей, и, слѣдовательно, управленія землями. И вотъ, глава федерации сталъ довѣреннымъ лицомъ новаго господина. Право старѣйшинства и происхожденія и право избранія, равнымъ образомъ — должны были подчиниться другому праву — волѣ государя всѣхъ земель, государя законнаго, ибо завоеваніе есть фактическій законъ выше всякихъ правъ, не подлежащій разсужденію. Но ничего не было естественнѣе, какъ возникнуть этому ханскому приказчику въ той землѣ, гдѣ существовали готовые сѣмена, которые оставалось только поливать, чтобъ они созрѣли.

Знамя успѣха подъ покровительствомъ благословенія Божія поднято въ Москвѣ, на другомъ новосельѣ, также точно, тѣмъ же порядкомъ, какъ оно прежде было поднято во Владимірѣ. Пригородъ опять перевысилъ старый городъ и опять помогаетъ здѣсь церковь, какъ помогала она во Владимірѣ. Надъ Москвою почіетъ благословеніе церкви: туда переѣзжаетъ митрополитъ Петръ; святой мужъ своими руками приготовляетъ себѣ тамъ могилу, долженствующую стать историческою святынею мѣстности; строится другой храмъ Богородицы, и вмѣсто права, освященнаго старинною, вмѣсто народнаго сознанія, парализованнаго теперь произволомъ завоеванія, беретъ верхъ и торжествуетъ идея Божія созволенія къ успѣху. Здѣсь не мѣсто разрѣшать вопросъ важный: какія именно условія способствовали возвышенію Москвы предъ Владиміромъ; этотъ вопросъ относится уже специально къ исторіи Великороссіи, а у насъ идетъ дѣло единственно только о противоположности общихъ началъ въ народностяхъ. Замѣтимъ, однако, что Москва, точно какъ древній Римъ, имѣла сбродное населеніе и долго поддерживалась новыми приливами жителей съ разныхъ концовъ Русскаго міра. Въ особенности это можно замѣтить о высшемъ слоѣ народа, — боярахъ и въ то время многочисленныхъ дружинахъ. Они получали отъ великихъ князей земли въ Московскою Землѣ, слѣдовательно та же смѣсь населенія касалась не только города, но и земли, которая тянула къ нему непосредственно. При такой смѣси, различныя старыя начала, принесенныя переселенцами изъ прежнихъ мѣстъ жительства, сталкиваясь между собою на новосельѣ, естественно должны были произвести что-то новое, своеобразное, не похожее въ особенности ни на что, изъ чего оно составилось. Новгородецъ, Суздалецъ, Полочанинъ, Кіевлянинъ, Волынецъ, приходили въ Москву,

каждый со своими понятіями, съ преданіями своей мѣстной родины, общали ихъ другъ другу; но онѣ уже переставали быть тѣмъ, чѣмъ были и у перваго, и у втораго, и у третьаго, а стали тѣмъ, чѣмъ не были онѣ у cadaго изъ нихъ въ отдѣльности. — Такое смѣшанное населеніе всегда скорѣе показываетъ склонность къ разширенію своей территоріи, къ прибрѣтательности на чужой счетъ, къ поглощенію сосѣдей, къ хитрой политикѣ, къ завоеванію, и, положивъ зародышъ у себя въ тѣсной сферѣ, даетъ ему возрасти въ болѣе широкой, — той сферѣ дѣятельности, которая возникнетъ впоследствии отъ разширенія предѣловъ. Такъ Римъ, бывши сначала сброднымъ мѣстомъ бѣглецовъ изъ всѣхъ краевъ разнородной Италіи, воспиталъ въ себѣ самобытное, хотя составленное изъ многаго, но не похожее въ сущности на то или другое изъ этого многаго, политическое тѣло съ характеромъ стремленія — расширяться болѣе и болѣе, покорять чужое, поглощать у себя разнородное, поработать то силою оружія, то силою коварства. Римъ сталъ насильственно главою Италіи и впоследствии всю Италію сдѣлалъ Римомъ. Москва, относительно Россіи, имѣетъ много аналогіи съ Римомъ, по отношенію послѣдняго къ Италіи. Разительнымъ сходствомъ представляется вѣрнѣйшее средство, употребляемое одинаково и Римомъ и Москвою для соединенія первымъ — Италіи, второю — Россіи въ единое тѣло: это переселеніе жителей городовъ и даже цѣлыхъ волостей и размѣщеніе на покоренныхъ земляхъ военнаго сословія, долженствующаго служить орудіемъ ассимилированія мѣстныхъ народностей и сплоченія частей во едино. Такую политику показала рѣзко Москва при Иванѣ III и Василіѣ, его сынѣ, когда изъ Новагорода и его волости, изъ Пскова, изъ Вятки, изъ Рязани выводились жители и разводились по разнымъ другимъ Русскимъ, землямъ, а изъ другихъ переводимы были служилые люди и получали земли, оставшіяся послѣ тѣхъ, которые подверглись экспроприаціи. Москва возникла изъ смѣшенія Руско-славянскихъ народностей, и въ эпоху своего возрастанія поддерживала свое дѣло такимъ же народосмѣщеніемъ. Вѣроятно, подобной смѣси населенія одолженъ былъ нѣкогда Владиміръ и своимъ появленіемъ и особеннымъ направленіемъ, хотя, по скудости источниковъ, о Владимірѣ мы ограничиваемся однимъ предположеніемъ того, что о Москвѣ можно сказать съ большимъ правомъ исторической достовѣрности. Ихъ направленіе было сходно. Москва ли взяла верхъ, или другой городъ — все равно, это совершилось по одному и тому же принципу. Какъ нѣкогда Владиміръ стремился подчинить Муромскую и Рязанскую земли и первенствовать надъ дру-

гими землями Руси, такъ теперь Москва, по тому же пути, подчиняетъ себя земли и княжества, и не только подчиняетъ, но уже и поглощаетъ ихъ. Владиміру невозможно было достигнуть до того, до чего достигла Москва; тогда еще живучи были вѣчевыя и федеративныя начала; теперь, подъ вліяніемъ завоеванія и развитія въ народномъ духѣ уничтожающихъ ихъ противоположныхъ началъ, — первые задушены страхомъ вознесенной власти, вторые ослабѣли вслѣдъ за первыми. Князья все болѣе и болѣе переставали зависть отъ избранія и не стали, вслѣдствіе этого, переходить съ мѣста на мѣсто; утверждались на однихъ мѣстахъ, начали смотрѣть на себя какъ на владѣтелей, а не какъ на правителей, стали прикрѣпляться, такъ-сказать, къ землѣ и тѣмъ самымъ содѣйствовать прикрѣпленію народа къ землѣ. Москва, поработая ихъ и подчиняя себя, тѣмъ самымъ возражала идею общаго отечества, только уже въ другой формѣ, не въ прежней федеративной, а въ единодержавной. Такъ составила монархію Московская; такъ изъ нея образовалось государственное русское тѣло. Ея гражданственная стихія есть общинность, поглощеніе личности, такъ какъ въ южно-русскомъ элементѣ, какъ на югѣ, такъ и въ Новгородѣ, развитіе личности врывалось въ общинное начало и не давало ему сформироваться.

Съ церковью случилось въ велико-русскомъ мірѣ обратное тому, что было въ южно-русскомъ. Въ южно-русскомъ, хотя она имѣла нравственное могущество, но не довела своей силы до того, чтобъ бездоказательно освящать успѣхъ факта; на востокъ она необходимо, въ лицѣ своихъ представителей — духовныхъ сановниковъ, должна была сдѣлаться органомъ верховнаго конечнаго суда; ибо для того, чтобъ дѣло приняло характеръ Божія соизволенія, необходимо было признаніе его такимъ отъ тѣхъ, кто обладалъ правомъ рѣшать это. Поэтому церковныя власти на востокъ стояли несравненно выше надъ массою и имѣли гораздо болѣе возможности дѣйствовать самовластно. Уже въ XII вѣкѣ, именно во время дѣтства Великороссіи, встрѣчаемъ тамъ епископа Θεодора, который, добывая прознанія независимости своей епархіи, дѣлалъ разныя варварства и насилія. (Много бо пострадала челоувѣци отъ него въ державни его, и сель изнебывши и оружья и конь; друзи же и работъ добыша, заточенья же и грабленья не токмо простцемъ, но и мнихомъ, игуменомъ и ерѣемъ; безжалостивъ сый мучитель, другимъ челоувѣкомъ головы порѣзываетъ и бороды, инымъ же очи выжигая и языкъ урѣзая, а инья распина на стѣнѣ и мучи немилостивнѣ, хотя исхитити отъ всѣхъ имѣнье; имѣнья бо бѣ несутьъ яки адъ). Къ сожалѣнію, для насъ остается неиз-

вѣстнымъ, какими средствами и при какихъ условіяхъ достигъ епископъ возможности такъ поступать; но безъ сомнѣнія, онъ опирался здѣсь на свѣтскую власть Андрея Боголюбскаго, которой для освященія своихъ предпріятій нуждался въ особомъ независимомъ верховнымъ сановникѣ церковномъ Владимірской земли, отдѣльно отъ Кіевской митрополіи, и сильно домогался, чтобъ Патріархъ учредилъ независимаго епископа. Свѣтская власть опиралась на духовную, духовная — на свѣтскую. Въ то время невозможно было юнымъ началамъ, еще не окрѣпшимъ, часто не уступать старымъ, не потерявшимъ еще своей живучести; и потому Θεодоръ расплатился въ Кіевѣ за свою гордыню, какъ выдавшій его головою князь, чрезъ нѣсколько лѣтъ, тоже расплатился въ Боголюбовѣ. Ростовъ былъ, въ глазахъ Андрея и Θεодора, что-то другое, отличное отъ Владиміра, ибо Андрей дѣлаетъ епископа независимымъ отъ Ростова. Патріархъ на это не согласился, но посвятилъ Θεодора во епископы Ростову, предоставя ему жить во Владимірѣ. Вѣроятно злодѣянія, которыя допускалъ себѣ Θεодоръ, были вызваны оппозиціею, встрѣченною имъ въ Ростовѣ противъ своихъ намѣреній возвыситься во Владимірѣ и въ церковномъ отношеніи, какъ онъ возвысился надъ Ростовомъ въ мірскомъ. Но видно, исполняя сначала волю Андрея, Θεодоръ видно уже слишкомъ хотѣлъ показать, какъ важна власть епископа для самаго князя. Андрей предалъ его на гибель. Свѣтская власть князя, освящаемая духовною, не допускаетъ однако послѣдней подчинить себя, и коль скоро послѣдняя вступаетъ въ борьбу, даетъ ей ударъ. Такъ совершалось и впослѣдствіи въ теченіи всей исторіи Великороссіи. Духовенство поддерживало князей въ ихъ стремленіи къ единовластію; князья также ласкали духовенство и содѣйствовали ему сильно; но при каждомъ случаѣ, когда духовная власть переставала итти рука объ руку съ единодержавною свѣтскою, послѣдняя сейчасъ давала почувствовать духовной власти, что свѣтская необходима. Это взаимное противовѣсіе вело такъ успѣшно къ дѣлу. Власть свѣтская, подчинившись духовной, допустивши теократическій принципъ, не могла бы итти прямымъ путемъ, не могла бы пріобрѣтать освященія своимъ предпріятіямъ; тогда родились бы сами собою права, которыя бы ее связывали. Но коль скоро духовная пользовалась могуществомъ, которое однако всегда могла отъ ней отнять свѣтская, тогда, для поддержанія себя, духовная должна, была итти рядомъ со свѣтскою и вести ее къ той цѣли, какую избираетъ послѣдняя. Поэтому, въ исторіи Великороссіи мы видимъ неоднократные примѣры, какъ первопрестольники церкви потворствовали свѣтскимъ монархамъ и

освящали ихъ дѣла, даже совершенно противныя уставамъ церкви. Такъ митрополитъ Даніилъ одобрилъ разводъ Василія съ Соломоніею и заключеніе бѣдной великой княгини; а Іоанну IV разрѣшило духовенство четвертый бракъ, которымъ церковь издавна гнушалась. Съ другой стороны видимъ примѣры, какъ оппозиція духовной власти противъ государей была неудачна. Митрополитъ Филиппъ заплатилъ жизнь за обличеніе душегубствъ и кощунствъ того же Іоанна Грознаго; а царь Алексѣй Михайловичъ не затруднился пожертвовать любимцемъ Никономъ, когда тотъ поднятъ слишкомъ независимо голову, защищая самобытность и достоинство правителя церкви. За то при обоюдномъ согласіи властей, когда какъ свѣтская не требовала отъ духовной признанія явно противнаго церкви, такъ духовная не думала стать выше свѣтской, церковь фактически обладала всею жизнью — и политическою и общественною, и власть была могущественна потому, что принимала посвященіе отъ церкви. Такъ-то философія Великорусская, сознавъ необходимость общетвеннаго единства и практическаго пожертвованія личностью, какъ условіемъ всякаго общаго дѣла, довѣрила волю народа волѣ своихъ избранныхъ, предоставила освященіе успѣха высшему выраженію мудрости, и такъ дошла она въ свое время до формулы: Богъ да царь во всемъ! знаменующей крайнее торжество господства общности надъ личностью.

Въ тотъ отдаленный отъ насъ періодъ, который мы назвали дѣтствомъ Великороссіи, въ религіозности великорусской является свойство, составляющее ея отличительную черту, и впоследствии — въ противорѣчій съ тѣмъ складомъ, какой религіозность приобрѣла въ южнорусской стихіи. Это обращеніе къ обрядамъ, къ формуламъ, сосредоточенность во внѣшности. Такимъ образомъ, на сѣверовостокѣ поднимается толкъ о томъ, можно ли ѣсть въ праздники мясо и молочное. Это — толкъ, принадлежащій къ разряду множества расколовъ, существующихъ и въ наше время и опирающихся только на внѣшности.

На югѣ, въ древности, мы встрѣчаемъ два не вполне извѣстныхъ намъ уклоненія отъ православія, но не въ томъ духѣ, именно — Адриана и Дмитрія: они касались существенныхъ уставовъ церкви и мнѣнія ихъ относились къ кругу ересей, то есть такихъ несправедливыхъ мнѣній, которыя, во всякомъ случаѣ, возникали отъ умственной работы надъ духовными вопросами; въ этомъ отношеніи, южнорусское племя и впоследствии не отличалось спорами о внѣшности, которыми такъ богатъ сѣверъ. Извѣстно, что въ теченіи самыхъ вѣковъ, какъ и теперь, у Малороссіянъ расколовъ и споровъ объ обрядахъ не было. На сѣверѣ, въ

Новгородъ и Псковъ, состязательство о вѣдѣности хотя коснулось умственнаго движенія въ духовныхъ вопросахъ въ известномъ толкѣ о *сузубомъ аллилуіа* и въ Новгородскомъ спорѣ о томъ, какъ слѣдуетъ произносить: *господи помилуй*, или: *о господи помилуй*, — но едва ли такіе толки въ древности дѣйствительно занимали умы на сѣверѣ, — ибо обстоятельства спора объ аллилуіяхъ, известныя изъ житія Евфросина, еще подвержены сомнѣнію, такъ что многіе считаютъ это сечиненіе, дошедшее до насъ не въ современныхъ спискахъ, составленнымъ, или по крайней мѣрѣ передѣланнымъ раскольниками, старавшимися придать всевозможнѣйшую важность этому вопросу, который, какъ известно, былъ одинъ изъ главныхъ, возбуждавшихъ старообрядство къ отпадению отъ господствующаго тѣла русской церкви. Притомъ же въ самой повѣсти о Евфросинѣ изображается, что Псковъ держался *тресубой*, а не *сузубой аллилуіа*!

Распространеніе и знаменательнѣе было другое еретическое умственное броженіе на сѣверѣ, проявившееся первый разъ въ Стригольникахъ, въ продолженіи вѣка тлѣвшее въ умахъ и потомъ разразившееся смѣсю различныхъ толковъ, сгруппированныхъ Іосифомъ Волоцкимъ, въ его «Провсвѣтителѣ» около жидовствующей ереси. Это броженіе, чисто Новгородскаго пошиба, перешло потомъ во всю Русь и долго подымалось въ различныхъ формахъ оппозиціею противъ авторитета мѣстной. Мы не скажемъ однако, чтобъ такое реформаціонное направленіе имѣло большой успѣхъ въ Новгородскомъ и Псковскомъ мѣрѣ; оно только показываетъ, что племя южнорусское, въ своихъ уклоненіяхъ отъ церкви, слѣдовало иному пути, чѣмъ великорусское. Въ южной Руси, послѣ мимоходныхъ явленій въ XI и XII вѣкѣ, не встрѣчается попытокъ къ оппозиціи противъ авторитета церковной науки, и только въ XVI вѣкѣ стало было кружить арианство, когда Симонъ Будный раепустилъ свой катихизисъ на южнорусскомъ языкѣ и, по свидѣтельству униатовъ, нѣкоторые священники, по невѣжеству, не только не опровергали его, но, не подозрѣвая въ немъ ереси, еще и похваливали. Въ массѣ народа это явленіе не имѣло успѣха.

Единственное уклоненіе отъ православія, увлекавшее до известной степени народъ, была унія съ римско-католическою церковью, но известно, что она вводима была интригами и насиліемъ, при благопріятствующей помощи привлеченнаго къ католичеству дворянства; но въ народѣ нашла противъ себя упорную и кровавую оппозицію. Бѣлорусское племя, вообще болѣе кроткой и податливой природы, сильнѣе подчинилось гнетущимъ обстоятельствамъ и болѣе показало склонность, если не принять

унію добровольно, то по крайней мѣрѣ допустить ее, когда нельзя было не допустить ее иначе, какъ энергическимъ противодѣйствіемъ. Но въ южной Руси было не то. Тамъ народъ, чувствуя насиліе совѣсти, поднялся огромнымъ пластомъ на защиту своей старины и свободы убѣжденія, и въ послѣднее время, даже принявъ унію, гораздо охотнѣе отъ нея отсталъ, чѣмъ Бѣлоруссы. Такъ южнорусское племя, не давая духовенству права безусловнаго освященія факта, въ самой сущности пребыло вѣрнѣе самой церкви, чѣмъ великорусское, обнимая болѣе ее духъ, чѣмъ форму. Въ настоящее время расколъ изъ-за формы, обрядности, буквы, не мыслимъ въ южнорусскомъ народѣ; съ этимъ всякъ согласится, кто сколько нибудь знаетъ этотъ народъ и присмотрѣлся къ его жизни и прислушался къ его кореннымъ понятіямъ.

Мы видѣли, какъ еще въ своемъ дѣтствѣ великорусская стихія, централизируясь во Владимірѣ, а потомъ въ эпоху юности — въ Москвѣ, показывала направленіе къ присоединенію, къ подчиненію и къ поглощенію самобытности частей. Въ религіозно-умственной сферѣ отразилось тоже. Образовалась нетерпимость къ чужимъ вѣрамъ, презрѣніе къ чужимъ народностямъ, высокомѣрное мнѣніе о себѣ. Всѣ иностранцы, посѣщавшіе Московщину въ XV, XVI, XVII столѣтіяхъ, одногласно говорятъ, что Москвитяне презираютъ чужія вѣры и народности; сами цари, которые въ этомъ отношеніи стояли впереди массы, омывали свои руки послѣ прикосновенія иноземныхъ пословъ христіянскихъ вѣроисповѣданій. Нѣмцы, допущенные жить въ Москвѣ, подвергались презрѣнію отъ Русскихъ; духовенство вопіяло противъ общенія съ ними; патриархъ, неосторожно благословивши ихъ, требовалъ, чтобъ они отличались порѣзче отъ православныхъ наружнымъ видомъ, чтобъ впередъ не получить нечаянно благословенія. Латинская и лютерская, армянская и другая всякая вѣра, чуть только отличная отъ православной, считались у великоруссовъ проклятою. Русскіе Московскіе считали себя единственнымъ избраннымъ народомъ въ вѣрѣ, и даже не вполнѣ были расположены къ единовѣрнымъ народамъ — къ Грекамъ и Малороссіянамъ: чуть только что нибудь было несходно съ ихъ народностію, то заслуживало презрѣнья, считалось ересью; на все не-свое они смотрѣли свысока.

Образованію такого взгляда неизбѣжно способствовало татарское пораженіе. Долгое униженіе подъ властію чужевѣрцевъ и иноплеменниковъ выражалось теперь высокомѣріемъ и униженіемъ другихъ. Освобожденный рабъ способнѣе всего отличать надменностію. Это-то и вынудило тѣ крутыя мѣры, то увлеченіе иноземщиною, которое со времени

Петра является въ видѣ реформы. Крайность, естественно, вызываетъ противную крайность.

Въ южнорусскомъ племени этого не было. Издавна Кіевъ, потомъ Владиміръ Волицкій, были сборнымъ пунктомъ мѣстопробыванія иноземцевъ разныхъ вѣръ и племенъ. Южноруссы съ незапамятныхъ временъ привыкли слышать у себя чуждую рѣчь и не дичиться людей съ другимъ обличьемъ и съ другими наклонностями. Уже въ X вѣкѣ, и вѣроятно древнѣе, изъ южной Руси ходили въ Грецію, одни занимались промыслами въ чужой землѣ, другіе служили въ войскѣ чужихъ государей. Послѣ принятія крещенія, перенесенная въ Южную Русь юная христіанская цивилизація привлекала туда еще болѣе чужеземной стихіи изъ разныхъ концовъ. Южноруссы, получивши новую вѣру отъ Грековъ, не усвоили образовавшейся въ Греціи неприязни къ западной церкви; архипастыри, будучи сами чужими, старались пересадить ее на дѣвственную почву, но не слишкомъ усѣвали: въ воображеніи южнорусскомъ католикъ не принималъ враждебнаго образа. Особы княжескаго рода сочетавались бракомъ съ особами владѣтельныхъ домовъ католическаго исповѣданія; то же, вѣроятно, дѣлалось и въ народѣ. Въ городахъ южнорусскихъ Греки, Армяне, Жиды, Нѣмцы, Поляки, Угры, находили вольный пріютъ, ладили съ туземцами: Поляки, забравшись въ Кіевскую землю въ качествѣ пособниковъ князя Изяслава, плѣнились веселостью жизни въ чужой землѣ. Этотъ духъ терпимости, отсутствіе національнаго высокомерія, перешелъ въ послѣдствіи въ характеръ козачества и остался въ народѣ до сихъ поръ. Въ козацкое общество могъ приходиться всякій; не спрашивали: кто онъ, какой вѣры, какой націи. Когда Поляки роптали, что козаки принимаютъ къ себѣ разныхъ бродягъ и, въ томъ числѣ, еретиковъ, убѣгавшихъ отъ преслѣдованій духовнаго суда, козаки отвѣчали, что у нихъ издавна такъ ведется, что каждый свободно можетъ прійти и уйти. Неприязненные поступки надъ католическою святынею во время козацкаго возстанія происходили не отъ ненависти къ католичеству, а съ досады за насиліе совѣсти и за принужденіе. Походы противъ Турокъ и Крымцовъ, съ одной стороны, имѣли побудительными причинами не слѣпой фанатизмъ противъ *несвѣрныхъ*, но мщеніе за ихъ набѣги и за плѣнъ Русскихъ жителей, а съ другой—ими водилъ духъ удалства и страсть къ добычѣ, которая необходимо развивается во всякомъ воинственномъ обществѣ, въ какомъ бы племени и въ какой бы землѣ оно ни организовалось. Память о кровавыхъ временахъ вражды съ Поляками не изгладилась у народа до сихъ поръ, но вражды собственно къ Римско-

Католической вѣрѣ, безотносительно къ Польской народности, у него нѣтъ. Южноруссъ не мстителенъ, хотя злопамятенъ ради осторожности. Ни католическій костѣль, ни жидовская синагога не представляются ему погаными мѣстами; онъ не побрезгуетъ ѣсть и пить, войти въ дружбу не только съ католикомъ или протестантомъ, но и съ Евреемъ, и съ Татаринимъ. Но неприязнь вспыхиваетъ у него еще сильнѣе, чѣмъ у Великорусса, если только Южноруссъ замѣтитъ, что иновѣрецъ или иноземецъ начинаетъ оскорблять его собственную святыню. Коль скоро предоставляется другимъ свобода и оказывается другимъ уваженіе, то естественно—требовать и для себя такой же свободы и взаимнаго уваженія.

Въ Новгородѣ мы видимъ тотъ же самый духъ терпимости. Иновѣрцы пользовались правомъ безопаснаго жительства и богослуженія; разницы въ отношеніи иновѣрныхъ христіанъ полагалось такъ мало, что въ Кириковыхъ вопросахъ указывается на такое явленіе, что матери носили дѣтей своихъ крестить вмѣсто православнаго въ римско-католическому (варяжскому) священнику. Пестроеніе варяжской церкви въ Новгородѣ произвело въ грядущихъ поколѣніяхъ духовенства легенду, въ которой показывается, какъ естественное стараніе нѣкоторыхъ духовныхъ фанатиковъ вооружить православныхъ туземцовъ противъ иновѣрцовъ было безуспѣшно. Множество инородцевъ-язычниковъ въ Новгородской волости не было обращено насильственно къ христіанству; Новгородцы были до того не энергическими распространителями вѣры, что въ Водской землѣ, еще въ XVI вѣкѣ, было язычество. Вѣра расходилась между ними не скоро, — за то мирнымъ путемъ. Принципъ вѣротерпимости соблазнялъ сильно западное христіанство, когда Новгородъ, подавая помощь Чудскимъ народамъ противъ Нѣмцевъ и Шведовъ, хотѣвшихъ насильемъ обратить ихъ къ истинной вѣрѣ, вступалъ въ неприязненные отношенія къ Ордену и Швеціи. Папы въ своихъ буллахъ укоряли Новгородцовъ во враждѣ къ христіанству, въ защитѣ язычества и возбуждали противъ нихъ Крестовый походъ. Нѣмцы и Шведы, съ которыми приходилось Новгороду и Пскову воевать, были въ глазахъ послѣднихъ политическіе, а не религіозные враги; вражда доходила нѣсколько до религіознаго характера только тогда, когда съ противной стороны оказывалось прямое посягательство на святыню православной вѣры: тоже самое, что видимъ и въ южной Руси. Нехристіане не подвергались также въ Новгородѣ ненависти; доказательство, что Евреи, которые не смѣли появляться въ великой Руси, въ Новгородѣ до того могли находить пріютъ, что даже въ силахъ были завести еретическую секту и совращать въ нее

туземцевъ. Когда съ одной стороны Папы и западные духовные обвиняли В. Новгородъ въ пособіи язычникамъ противъ христіанства, съ другой православнымъ сановникамъ не нравилась излишняя вѣротерпимость Новгородцевъ, духовные негодовали на нихъ за общеніе съ Латинами и усвоеніе чужихъ обычаевъ, они хотѣли поддерживать въ народѣ мысль о поганствѣ всѣхъ неправославныхъ, и съ этою цѣлю приказывали предавать церковному освященію съѣстные припасы, полученные изъ-за границы, прежде ихъ употребленія въ пищу.

Изъ этого короткаго историческаго обзора различія, возникшаго въ отдаленныя отъ насъ времена между двумя русскими народностями, можно заключить, что племя южно-русское имѣло отличительнымъ своимъ характеромъ перевѣсъ личной свободы, великорусское — перевѣсъ общности. По коренному понятію первыхъ, связь людей основывается на взаимномъ согласіи, и можетъ распадаться по ихъ несогласію; вторые стремились установить необходимость и неразрывность разъ установленной связи и самую причину установленія отнести къ Божіей волѣ и, слѣдовательно, изъять отъ человѣческой критики. Въ одинаковыхъ стѣпняхъ общественной жизни, первые усваивали болѣе духъ, вторые стремились дать ему тѣло; въ политической сферѣ первые способны были создавать внутри себя добровольныя компании, связанныя на столько, на сколько къ тому побуждала насущная необходимость, и прочныя на столько, на сколько существованіе ихъ не мѣшало неизмѣнному праву личной свободы; вторые стремились образовать прочное общинное тѣло на вѣковыхъ началахъ, проникнутое единымъ духомъ. Первое вело къ федераціи, но не сумѣло воплотить образовать ее; второе повело къ единовластію и крѣпкому государству: довело до перваго, создало второе. Первое оказалось много разъ неспособнымъ къ единойдержавной государственной жизни. Въ древности оно было господствующимъ на русскомъ материкѣ, и когда пришла неизбѣжная пора или погибнуть, или сплотиться, должно было невольнo сойти со сцены и уступить первенство другому. Въ великорусскомъ элементѣ есть что-то громадное, созидательное, духъ стройности, сознаніе единства, господство практическаго разсудка, умѣющаго выстоять трудныя обстоятельства, уловить время, когда слѣдуетъ дѣйствовать, и воспользоваться имъ на сколько нужно.... Этого не показало наше южно-русское племя. Его свободная стихія приводила либо къ разложенію общественныхъ связей, либо къ водовороту побужденій, вращавшихъ бѣлячимъ колесомъ народную историческую жизнь. Такими показало намъ эти двѣ русскія народности наше прошедшее.

Въ своемъ стремленіи къ созданію прочнаго, ощущаемаго, ослезательнаго тѣла для признанной разѣ идеи, великорусское племя показывало всегда и теперь показываетъ наклонность къ матеріализму и уступаетъ южнорусскому въ духовной сторонѣ жизни, въ поэзіи, которая въ послѣднемъ развилась несравненно шире, живѣе и полнѣе. Прислушайтесь къ голосу пѣсень, примотритесь къ образамъ, сотвореннымъ воображеніемъ того и другого племени, къ созданнымъ тѣмъ и другимъ народныхъ произведеніяхъ слова. Я не скажу, чтобы великорусскія пѣсни лишены были поэзіи; напротивъ, въ нихъ высоко-поэтической является именно сила воли, сфера дѣятельности, именно то, что такъ необходимо для совершенія задачи, для какой опредѣлялъ себя этотъ народъ въ историческомъ теченіи политической жизни. Лучшія великорусскія пѣсни тѣ, гдѣ изображаются моменты души, собирающей свои силы, или гдѣ представляется торжество ея или неудачи, не ломающія, однако, внутренняго могущества. Оттого такъ всѣмъ нравятся пѣсни разбойничьи: разбойникъ — герой, идущій бороться и съ обстоятельствами, и съ общественнымъ порядкомъ. Разрушеніе — его стихія, но разрушеніе неизбежно предполагаетъ воссозданіе. Последнее высказывается уже и въ составленіи разбойническихъ шаекъ, которыя представляютъ нѣкотораго рода общественное тѣло. И потому да не покажется страннымъ, если мы будемъ усматривать въ разбойничьихъ пѣсняхъ ту же стихію общности, тоже стремленіе къ воплощенію государственнаго тѣла, какое находимъ во всемъ проявленіи исторической жизни великорусскаго племени. Великорусскій народъ, практическій, матеріальной по преимуществу, восходитъ до поэзіи только тогда, когда выходитъ изъ сферы текущей жизни, надъ которою работаетъ, работаетъ не восторгаясь, не увлекаясь, прикидываясь болѣе къ подробностямъ, къ частностямъ, и оттого упускаетъ изъ виду образный идеалъ, составляющій сущность оиозтизированной всякаго дѣла и предмета. Оттого поэзія Великорусская такъ часто стремится въ область необъятнаго, выходящаго изъ границъ природной возможности, также часто ниспадаетъ до простой забавы и развлечения. Историческое воспоминаніе сей часъ обращается въ эпосъ и превращается въ сказку; тогда какъ, напротивъ, въ пѣсняхъ южнорусскаго племени оно болѣе удерживаетъ дѣйствительности и часто не нуждается въ возведеніи этой дѣйствительности до эноса для того, чтобы блистать силою роскошной поэзіи. Въ Великорусскихъ пѣсняхъ есть тоска, раздумье, но нѣтъ почти той мечтательности, которая такъ поэтически цѣняетъ насъ въ южно-русскихъ пѣсняхъ, уносить душу въ область

воображенія и согреваетъ сердце неземнымъ, но здѣшнимъ огнемъ. Участіе природы слабо въ великорусскихъ пѣсняхъ и чрезвычайно сильно въ нашихъ: южнорусская поэзія нераздѣльна отъ природы, она оживаетъ ее, дѣлаетъ ее участницею радости и горя человѣческой души; травы, деревья, птицы, животныя, небесныя свѣтила, утро и вечеръ, зной и снѣгъ — все дышетъ, мыслитъ, чувствуетъ вмѣстѣ съ человѣкомъ, все откликнется къ нему чарующимъ голосомъ то участія, то надежды, то приговора. Любовное чувство, обыкновенно душа всякой народной поэзіи, въ Великорусской поэзіи рѣдко возвышается надъ матеріальностью; напротивъ, въ нашихъ оно достигаетъ высочайшаго одухотворенія, чистоты, высоты побужденія и грани образовъ. Даже матеріальная сторона любви въ шуточныхъ пѣсняхъ изображается съ тою аморфно-эстетическою гранію, которая скрашиваетъ тривиальность и самую чувственность одухотворяетъ, облагораживаетъ. Женщина въ великорусскихъ пѣсняхъ рѣдко возвышается до своего человѣческаго идеала; рѣдко ея красота возносится надъ матерію; рѣдко влюбленное чувство можетъ въ ней дѣлать что нибудь за предѣломъ тѣлесной формы; рѣдко выказывается доблесть и достоинство женской души. Южнорусская женщина въ поэзіи нашего народа, напротивъ, до того духовно-прекрасна, что и въ самомъ своемъ паденіи высказываетъ поэтически свою чистую натуру, и стыдится своего униженія. Въ пѣсняхъ игривыхъ, шуточныхъ, рѣзко выражается противоположность натуры того и другого племени. Въ южнорусскихъ пѣсняхъ этого рода выработывается прелесть слова и выраженія, доходитъ до истинной художественности: отдыхающая человѣческая природа не довольствуется простой забавой, но сознаетъ потребность дать ей изысканную форму, не только развлекающую, но и возвышающую душу; веселіе хочетъ обнять ее стихіями прекраснаго, освятить мыслью. Напротивъ, великорусскія пѣсни такого разряда показываютъ не болѣе какъ стремленіе уставшаго отъ прозаической дѣятельности труда забыться на минуту какъ нибудь, не ломая головы, не трогая сердца и воображенія; пѣсня эта существуетъ не для себя самой, а для божеской декорации другого, чисто матеріальнаго, удовольствія.

Въ жизни великорусской, и общественной и домашней, видно болѣе или менѣе отсутствіе того, что составляетъ поэзію южнорусской жизни, какъ и обратно — въ послѣдней мало того, что составляетъ сущность, силу и достоинство первой. Великорусскіе мало любятъ природу; у поселенія вы очень рѣдко можете встрѣтить въ огородѣ цвѣты, которые

найдутся почти при каждом дворѣ у нашего земледѣльца. Этого мало, Великорусь питаетъ какую-то вражду къ произрастеніямъ. Я знаю примѣры, что хозяева рубили деревья возлѣ домовъ безобразно построенныхъ, думая, что деревья мѣшаютъ красотѣ вида. Въ казенныхъ селлахъ, когда начальство начало побуждать разводить около домовъ ветлы, чрезвычайно трудно было заставить поливать и холить ихъ и предохранять отъ истребленія. Когда въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія по распоряженію правительства сажали деревья по дорогамъ, это показалось до такой степени народу обременительною повинностію, что до сихъ поръ жалобы и негодованія отразились въ народныхъ пѣсняхъ, сложенныхъ до чрезвычайности тривіально. Въ Великороссіи много садовъ, но всѣ почти плодовые, заводятся съ коммерческою цѣлю; рѣдко даютъ въ нихъ мѣсто лѣснымъ деревьямъ, какъ бесполезнымъ для матеріальной жизни. Рѣдко можно встрѣтить Великорусса, который бы сознавалъ и чувствовалъ прелесть мѣстоположенія, предался бы созерцанію небснаго свода, вивался безотчетно глазами въ зеркало озера, освѣщеннаго солнцемъ или луною, или въ голубую даль лѣсовъ, заслушался бы хора весеннихъ птицъ. Ко всему этому почти всегда чуждъ великорусскій человѣкъ, погруженный въ обыденные разсчеты, въ мелкій омутъ матеріальныхъ потребностей. Даже въ образованномъ классѣ, сколько намъ случалось подмѣтить, остается та же холодность къ красотѣ природы, прикрытая, иногда очень неудачно и смѣшно, подражаніемъ западной иноземщины, гдѣ, какъ извѣстно — однимъ по опыту, другимъ — по слуху, хорошей тонъ требуетъ показывать любовь и сочувствіе къ природѣ. Въ такомъ случаѣ Великорусь обращаетъ свое заимствованное природолюбіе на предметы рѣдкіе, выходящіе изъ общей сферы окружающихъ его явленій, и тѣшить свои глаза искусственно взращенными камеліями, рододендронами, магноліями, никакъ не подозревая, что истинное чувство, способное дѣйствительно уловить и созерцать поэзію природы, именно въ этомъ-то не найдетъ ея, отвернется отъ нарядныхъ уродовъ къ соснамъ, березамъ нашихъ рощъ, погрузится въ созерцаніе безъискусственнаго, хотя бѣднаго, но живого, неиспорченнаго, неподдѣльнаго міра твореній Божіихъ.

При скудости воображенія, у Великоруссовъ чрезвычайно мало суевѣрій, хотя зато чрезвычайно много предразсудковъ, и они держатся ихъ упорно. Южноруссы, напротивъ, съ перваго раза представляются въ высшей степени суевѣрнымъ народомъ; въ особенности на западѣ южнорусской земли это сказывается очень разительно (можетъ быть, по удален-

ности отъ великорусскаго вліянія). Чуть не въ каждомъ селѣ существуютъ поэтическіе рассказы о явленіяхъ мертвыхъ съ того свѣта въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, отъ трогательнаго рассказа о явленіи мертвой матери, обмывающей своихъ малютокъ, до страшнаго образа вампировъ, раслипающихся вполночь на могильныхъ крестахъ и вопіющихъ дикимъ голосомъ: *мяса хочу!* — съ насыпями, разсыянными въ такомъ изобиліи по богатой исторической жизни странъ, соединяются преданія о давно-протекшихъ временахъ туманной старины, и въ этихъ преданіяхъ проглядываютъ сквозь пестро-цвѣтистую сѣть лучей народнаго мышления, слѣды незаписанной писаными лѣтописями древности. Волшебство со своими причудливыми приѣмами; міръ духовъ въ самыхъ разнообразныхъ образахъ и сипахахъ, поднимающихъ на головѣ волосы, и возбуждающихъ слѣхъ до икоты... все это облекается въ стройные рассказы, въ изящныя картины. Народъ иногда самъ плохо вѣритъ въ дѣйствительность того, что рассказываетъ, но не разстанется съ этимъ рассказомъ, доколѣ въ немъ не погаснетъ чувство красоты, или пока старое не найдетъ обновленія своего поэтическаго содержанія въ новыхъ формахъ.

Совѣтъ не то въ Великороссіи. Тамъ, какъ мы сказали, одни предразсудки; Великоруссъ вѣритъ въ чертей, домовыхъ, вѣдьмъ, потому что получилъ эту вѣру отъ предковъ; вѣритъ потому, что не сомнѣвается въ ихъ дѣйствительности, вѣритъ такъ, какъ бы вѣрилъ въ существованіе электричества или воздушнаго давленія; вѣритъ потому, что вѣра нужна для объясненія непонятныхъ явленій, а не для удовлетворенія стремленія возвыситься отъ плоской юдоли матеріальной жизни въ сферу свободнаго творчества. Вообще фантастическихъ рассказовъ у него мало. Черти, домовые очень матеріальны; сфера загробной жизни, духовный міръ мало занимаетъ Великорусса, и почти нѣтъ исторій о явленіяхъ души послѣ смерти; если же она встрѣчается, то заимствованная изъ книгъ и новыхъ и старыхъ, и скорѣе въ церковной обработкѣ, а не въ народной. За то, по духу нетерпимости, Великоруссъ гораздо упорнѣе въ своихъ предразсудкахъ. Я былъ свидѣтелемъ случая очень характеристическаго, когда одного господина обвиняли въ безбожій и богохульствѣ за то, что онъ отозвался съ пренебреженіемъ о вѣрѣ въ существованіе чертей.

Въ кругу грамотныхъ людей, только-что вступающихъ въ книжную сферу, вы можете наблюдать, какія книги особенно занимаютъ Великорусса и на что именно онъ обращаетъ вниманіе въ этихъ книгахъ. Сколько мнѣ удалось замѣтить — или серьезныя книги, но только такія, ко-

торыя прямо относится къ занятію читателя и даже только то изъ нихъ, что можетъ быть примѣнено къ ближайшему употребленію, или же легкое, забавное, служащее минутному развлеченію безъ созерцанія нестроения, безъ сознанія идеи; поэты читаются или съ цѣлю развлеченія (и въ этомъ случаѣ нравится въ нихъ то, что можетъ слегка пробѣгать по чувствамъ своимъ разнообразіемъ или необыкновенностью положенія), или же для того, чтобъ показать, что читатель образованъ настолько, чтобъ понимать то, что считается хорошимъ. Часто можно встрѣчать лица, которыя даже восторгаются красотами поэзіи, но въ самомъ дѣлѣ, какъ хорошенько осязая ихъ душу, то увидишь, что здѣсь играетъ не истинное чувство, а только аффекція. Аффекція — признакъ отсутствія истиннаго пониманія поэзіи. Аффекція въ нашемъ образованномъ обществѣ — черта чрезвычайъ обычная; оттого-то, кажется, у насъ и заимѣтно сочувствіе къ Французамъ преимущественно предъ другими народами, ибо это народъ заявившій себя мало поэтическимъ, народъ, у котораго литература и искусство и отчасти даже наука — на эффектахъ.

Если у Великоруссовъ былъ истинно великій, гениальный, самобытный поэтъ, то это одинъ Пушкинъ. Въ своемъ безсмертномъ, великомъ Евгеніи Онегинѣ, онъ выразилъ одну только половину великорусской народности — народности такъ называемаго образованнаго и свѣтскаго круга. Удачные описатели нравовъ и быта были, но это не творцы-поэты, которые бы заговорили языкомъ всей массы, сказали бы то и такъ, за что съ чувствомъ схватилась бы масса, какъ бы невольно должны былъ сказать каждый изъ этой массы, и сказать голосомъ поэзіи, а не прозы. Но, повторимъ, мы далеки отъ того, чтобы отрицать въ великорусскомъ народѣ поэтическій элементъ; мы говоримъ только, что въ немъ нѣтъ тѣхъ пріемовъ поэзіи, какіе есть у насъ и какіе до сихъ поръ прозываются искусствомъ. Пѣсни великорусскія, за отсутствіемъ всего этого, представляютъ однако оригинальнѣйшую поэзію, которая какъ будто говоритъ, что народъ, творившій эти пѣсни, хранитъ на днѣ своей природы такія новыя стороны поэтической стихіи, которая нѣкогда блеснетъ новизнѣю, неожиданнымъ блескомъ. Не смотря на близость и историческую и племенную насъ, Южноруссовъ, къ Великоруссамъ, замѣчательно, что въ мірѣ литературы имъ часто нравится то, что намъ никакъ не можетъ нравиться. Навривѣтъ, я видалъ многихъ Великоруссовъ, приходившихъ въ восторгъ отъ стиховъ Некрасова, и, признаюсь, не видалъ Южноруссовъ, на которыхъ бы онъ дѣйствовалъ поэтической строюю.

Въ сферѣ религіозности мы уже показали рѣзкое отличіе южно-русской народности отъ великорусской въ совершенномъ непричастіи первой къ расколамъ и отпаденіямъ отъ церкви изъ-за обрядовъ и формулъ. Любопытно разрѣшить вопросъ, откуда въ Великороссіи возникло это оригинальное настроеніе, это стремленіе спорить за букву, придавать догматическую важность тому, что составляетъ часто не болѣе, какъ грамматическій вопросъ или дѣло обрядословія? Кажется, что это происходитъ отъ того же практическаго, матеріальнаго характера, которымъ вообще отличается сущность великорусской природы. Въ самомъ дѣлѣ, наблюдая надъ великорусскимъ народомъ во всѣхъ слояхъ общества, мы встрѣтимъ нѣрѣдко людей истинно христіанской нравственности, чьихъ религіозность обращена къ практическому осуществленію христіанскаго добра, но въ нихъ мало внутренняго благочестія, пѣтизма; мы встрѣчаемъ ханжей, изуверовъ, строгихъ исполнителей внѣшнихъ правилъ и обрядовъ, но также безъ внутренняго благочестія, большею частью хладнокровныхъ къ дѣлу религіи, исполняющихъ внѣшнюю ея сторону по привычкѣ, мало отдающихъ себѣ отчета, почему это дѣлается, и наконецъ въ высшемъ, такъ называемомъ образованномъ классѣ, лицъ мало вѣрующихъ, или и советѣмъ не вѣрующихъ, не въ слѣдствіе какого нибудь мысленнаго труда и боренія, а по увлеченію, потому что имъ кажется невѣріе признакомъ просвѣщенія. Истинно благочестивыя природы составляютъ исключеніе, и благочестіе, духовная созерцательность у нихъ—признаки не народности, не общаго натурѣ народнои, а ихъ собственной индивидуальной особенности. Между Южноруссами мы встрѣтимъ советѣмъ обратное въ характерѣ. У этого народа много именно того, чего недостаетъ у Великоруссовъ; у нихъ сильно чувство всеприсутствія Божія, душевное умиленіе, внутреннее обращеніе къ Богу, тайное размышленіе о Промыслѣ, надъ собою, с рѣчное влеченіе къ духовному, неизвѣстному, непредставляемому воображеніемъ, таинственному, но отрадному міру. Южноруссы исполняютъ обряды, уважаютъ формулы, но не подвергаютъ ихъ критикѣ; въ голову не войдетъ никакъ, нужно ли два или три раза пѣть аѣлилуіа, тѣми или другими пальцами слѣдуетъ дѣлать крестное знаменіе; и если бы возникъ подобный вопросъ, то для разрѣшенія его достаточно объясненія священника, что такъ постановляла церковь. Если бы понадобились какіе нибудь измѣненія въ наружныхъ сторонахъ богослуженія или переводѣ книгъ св. писанія, Южноруссы никогда не возстали бы противъ этого, имъ бы не взошла мысль подозрѣвать какого нибудь искаженія святыни. Они понижаютъ, что внѣшность уста-

навливается церковью, изображаемою видимо въ ея руководящихъ членахъ, и что эти члены постановять, не извращая сущности, мірянне безпрекосовно этому должны слѣдовать; ибо коль-скоро та или другая внѣшность выражаетъ одну и ту же сущность, то самая внѣшность не представляетъ и такой важности, чтобъ можно сдѣлать ее предметомъ спора. Намъ случалось говорить съ религіозными людьми и той и другой народности; Великоруссъ проявляетъ свою набожность въ словонизвѣтіяхъ надъ толкованіемъ внѣшности, буквы, принимаетъ въ этомъ важное участие; если онъ строго православный, то православіе его состоитъ преимущественно во внѣшней сторонѣ; Южноруссъ станетъ изливать свое религіозно-нравственное чувство; не будетъ толковать о богослуженіи, объ обрядахъ, праздникахъ, а скажетъ свое благочестивое впечатлѣніе, производимое на него богослуженіемъ, торжественностію обряда, высокимъ значеніемъ праздника и т. д. Зато у насъ и образованный классъ не такъ легко поколебать въ вѣрѣ, какъ Великоруссовъ; заблужденіе, невѣріе внѣдряется въ нашей душѣ только вслѣдствіе долгой, глубокой борьбы; напротивъ, къ сожалѣнію, мы видѣли великорусскихъ юношей, воспитанныхъ, какъ видно, съ дѣтства въ строгой набожности, въ исполненіи предписанныхъ церковныхъ правилъ; но они при первомъ легкомъ нападении, а перѣдко вслѣдствіе нѣсколькихъ остроумныхъ выражений, покидаютъ знамя религіи, забываютъ внушенія дѣтства и безъ борьбы, безъ постепенности, переходить къ крайнему безвѣрію и материализму. Народъ южнорусскій—глубоко религіозный народъ, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова; такъ или иначе поставили бы его обстоятельства, то или другое воспитаніе было бы имъ усвоено, до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать сумма главныхъ признаковъ, составляющихъ его народность, онъ всегда сохранитъ въ себѣ начало религіи: это неизбежно при томъ поэтическомъ настроеніи, которымъ отличается его духовный складъ. Гдѣ поэзія, тамъ религія; одно безъ другого не мыслимо; вѣру въ душѣ убиваетъ анализъ; но поэзія противоположна анализу; поэтическая способность состоитъ въ соединеніи того, что анализъ разрываетъ по частямъ, въ созданіи цѣльнаго образа; который анализъ разлагая уничтожаетъ. Съ поэзіей неизбѣжна вѣра въ прекрасное, а прекрасное не подлежитъ анализу, ибо оно духовно; можно анализировать только матеріалъ, въ которомъ являеется прекрасное, можно разложить по частямъ музыкальный инструментъ и изслѣдовать эти части самымъ подробнымъ образомъ; можно съ другой стороны изслѣдовать законы звука, способъ передачи его чрезъ воздухъ нашему слуху, но нельзя

уловить и подвергнуть мелкому изслѣдованію цѣльность впечатлѣнія, производимаго сочетаніемъ звуковъ: оно цѣло, недѣлимо, духовно. Попытки материалистовъ добраться путемъ анализа явленій до сущности впечатлѣнія, производимаго изыщнымъ на душу нашу, оставались и всегда остаются безуспѣшными и будутъ обличать собственную неспособность чувствовать и понимать красоту въ тѣхъ, которые на это рѣшались. Французы, народъ, какъ мы замѣтили, глубоко непоэтический, еще въ прошлѣмъ столѣтіи воздѣляли теорію изыщнаго, основанную на признакахъ его сущности, въ простомъ подражаніи природѣ. Эта мысль по душѣ Веллкоруссамъ и въ наше время была высказываема, и искренно, тѣми, у которыхъ доставало искренности говорить то, что они дѣйствительно ощущаютъ и, конечно, раздѣлялась многими, увидѣвшими отраженіе того, что давно таялось въ ихъ сердцахъ. Въ комъ есть живая струна поэзіи, того ничѣмъ нельзя разубѣдить въ присутствіи духовной творческой силы въ произведеніяхъ искусства, нельзя потому, что онъ ее ощущаетъ. Такъ точно нельзя никакими доводами материализма убѣдить въ несуществованіи духовнаго начала того, кто чувствуетъ его въ себѣ, и потому не нуждается ни въ доказательствахъ, ни въ опроверженіяхъ, какъ не нуждается мы ни въ какихъ словопреніяхъ о томъ, въ холодномъ или тепломъ ли воздухѣ, когда тѣло наше это сказываетъ намъ.

Съ присущестью поэзіи въ душѣ, съ чувствомъ красоты и способностью — уразумѣть ее, тѣсно соединено сознаніе нравственности, добра. Материалистъ неспособенъ понимать и любить добро, материалистъ понимаетъ одну только пользу. Если онъ добръ отъ природы, онъ выражаетъ свою доброту только тѣмъ, что готовъ дѣлать другимъ то, что считаетъ полезнымъ; самое высокое проявленіе его доброты состоитъ въ томъ, когда онъ готовъ дѣлать для другого то, въ чемъ, по своему положенію, не ощущаетъ полезности, но что другой считаетъ для себя полезнымъ. Но преимущественно добродѣтель его основывается на такомъ силлогизмѣ: если другому буду дѣлать добро, то и мнѣ станутъ его дѣлать. Совершенно не то у человѣка, въ которомъ есть даръ и привычка ощущать въ себѣ живую душу и видѣть ее внутреннимъ зрѣніемъ, въ оболочкѣ внѣшнихъ для него явленій. Онъ не анализируетъ добра, которое и нельзя анализировать, какъ прекрасное; онъ созерцаетъ его въ его цѣльности и воспринимаетъ его всецѣлымъ духовнымъ существомъ своимъ. Добро, облеченное въ фактъ въ матеріальномъ бытѣ, можетъ отразиться посредствомъ того, что называется пользою и что всегда такъ будетъ, но творящій доброе дѣло не думаетъ о пользѣ, а ви-

дѣлать предъ собою одно добро въ еге нравственнѣи совершенствѣ. Кто дѣлаетъ, шѣя въ виду пользу, тотъ необходимо при своихъ дѣйствіяхъ за-даетъ себѣ вопросъ, полезно ли то, что онъ намеренъ творить; но кто думаетъ о добрѣ безотносительно къ пользѣ, тому не нужно разсужденія: онъ творитъ по внушенію чувства и разумнаго созерцанія красоты добра, дѣйствующей неотраженно на его волю.

Въ общественныхъ понятіяхъ, исторія впечатала, на двухъ нашихъ народностяхъ, свои слѣды и установила въ нихъ понятія совершенно противуположныя. Стремленіе къ тѣсному слитію частей, уничтоженіе личныхъ побужденій подъ властію общихъ, ненарушимая законность общей воли, выраженная какъ бы смысломъ тяжелой судьбы, соединяетъ, съ великорусскомъ народѣ, съ единствомъ семейнаго быта и съ желаніемъ личной свободы идею міра, выразилась въ народномъ бытѣ медлительностію семей, общинною ответственностію, тяглою посадовъ и салъ въ стѣрину, гдѣ невзвѣный отвѣчалъ за виновнаго, трудолюбивый работалъ за лѣниваго. Какъ глубоко лежитъ это въ душѣ Великорусса, неизмѣняетъ то, что по поводу устройства крестьянъ въ наше время, заговорили съ жеману этого Великоруссы съ разныхъ точекъ зрѣнія, подъ вліяніемъ и земледельца Московскаго Славянофильства, и новоявленнаго французскаго социалиста. Для Южнорусса нѣтъ ничего тяжелаго и противнаго такому моралю, и семья южнорусскія дѣлается и дробятся, какъ только у членовъ ея является сознание о потребности самобытной жизни. Опѣка родителей надъ взрослыми дѣтьми кажется для южнорусса неносимымъ достоинствомъ. Претензіи старшихъ братьевъ надъ меньшими, какъ дядей надъ племянниками, возбуждаютъ неистовую вражду между ними. Кровавая связь и родство мало располагаютъ у насъ людей къ согласію и взаимной любви; напротивъ очень часто люди пріятливые, кроткіе, мирные и уживчивые находятся въ непримиримой враждѣ со своими кровными. Ссоры между родными — явленіе самое обыкновенное и въ низшемъ и въ высшемъ классѣ. Напротивъ, у Великоруссовъ, кровавая связь заставляетъ человека перѣдно быть къ другому дружелюбивѣ, справедливѣ, снисходительнѣ, даже когда онъ вообще отличается этими качествами въ отношеніи къ чужимъ. Въ Южной Руси, чтобы сохранить любовь и согласіе между близкими родственниками, надобно имъ разойтись и какъ можно меньше жить общаго. Взаимный долгъ, основанный не на свободномъ согласіи, а на роковой необходимости, тягостенъ для Южнорусса, тогда какъ Великорусса онъ болѣе всего успокаиваетъ и умирятъ его личные побужденія. Велико-русскій изъ покорности долгу готовъ принудить себя любить своихъ ближ-

нихъ по крови, хотя бы они ему не по душѣ, снисходить къ нимъ, потому что они ему сродни, чего бы онъ не сдѣлалъ по убѣжденію, онъ готовъ для нихъ на личное пожертвованіе, сознавая, что они того не стоятъ, но что они все таки *своя кровь*. Южнорусецъ, напротивъ, готовъ, кажется, разлюбить ближняго за то, что онъ его кровный, менѣе снисходителенъ къ его слабостямъ, чѣмъ къ чужому, и вообще родство ведетъ его не къ утвержденію добраго расположенія, а скорѣе къ его ослабленію. И некоторые Великоруссы, пріобрѣвшіе себѣ въ Южной Руси ливнія, зовѣззави иногда вводить въ малорусскія семьи великорусскую плотность и недѣлимость, и плодомъ этого были отвратительныя сцены: не только родные братья готовы были поминутно завести драку, но сыновья вытаскивали отцовъ своихъ за волосы черезъ пороги дома. Чѣмъ болѣе принципъ семейной власти и прочной кровной связи вѣдрается въ жизнь, тѣмъ скорѣе она на нее дѣйствуетъ. Южнорусецъ тогда почтительный сынъ, когда родители оставляютъ ему полную свободу и сами на старости лѣтъ подчиняются его волѣ; тогда добрый братъ, когда съ братомъ живетъ какъ сосѣдь, какъ товарищъ, не имѣя ничего общаго, нераздѣльнаго. Правило: *каждому свое*, соблюдается въ семействахъ; не только взрослые члены семьи не надѣваютъ одежды другого, даже у дѣтей у *каждо свое*; у Великоруссовъ, въ крестьянскомъ быту, часто двѣ сестры не знаютъ, кому изъ нихъ принадлежитъ тотъ или другой тулупъ, а объ отдѣльной принадлежности у дѣтей не бываетъ и поминна.

Обязательная общинность земская и отвѣтственность личности міру для Южнорусца есть въ высшей степени несноснѣйшее рабство и вопиющая несправедливость. Не смѣть назвать ничего своимъ, быть батракомъ какаго-то отвлеченнаго понятія о *мірѣ*, отвѣчать за другого безъ собственнаго желанія — ко всему этому не расположила народъ южнорусскій его прошедшая жизнь. *Громада* по южнорусскому понятію совѣтъ не то, что *міръ* по великорусскому. Громада есть добровольная сходка людей; кто хочетъ — въ ней участвуетъ, кто не хочетъ — выходитъ, такъ какъ въ Запорожьѣ — кто хотѣлъ — приходилъ, кто хотѣлъ — выходилъ оттуда добровольно. По народному понятію, каждый членъ громады есть самъ по себѣ независимая личность, самобытный собственникъ; обязанность его къ громадѣ только въ сферѣ тѣхъ отношеній, которыя устанавливаютъ связь между ея членами для взаимной безопасности и выгоды *каждаго*, — тогда-какъ, по великорусскому понятію, *міръ* есть какъ бы отвлеченное выраженіе общей воли, поглощающей личную самобытность *каждаго*. Главное различіе здѣсь, конечно, проистекаетъ отъ по-

земельной общинности. Коль скоро членъ міра не можетъ назвать своею собственностію участокъ земли, который онъ обрабатываетъ, онъ уже не свободный человѣкъ. Мірское устройство великорусское есть стѣсненіе, и потому форма послѣдняго, введенная властію, приняла въ себя духъ и смыслъ, господствующій въ Великороссіи; корень его лежалъ уже въ глубинѣ народной жизни: оно истекло нравственно изъ того же стремленія къ тѣсному силоченію, къ единству общественному и государственному, которое составляетъ, какъ мы показали, отличительный признакъ великорусскаго характера. Частная поземельная собственность выводится такимъ легальнымъ путемъ изъ великорусской общественной философіи. Все общество отдаетъ свою судьбу одицетворенію своей власти, тому лицу, которое поставляетъ надъ обществомъ Богъ, и, слѣдовательно, все обязано ему повиновеніемъ. Такимъ образомъ, все принадлежитъ ему безусловно, какъ намѣстнику Божію; отсюда понятіе, что все Божье да царское. И предъ царемъ, какъ и предъ Богомъ, всѣ равны. Но какъ Богъ одного возвышаетъ, награждаетъ, а другого караетъ, унижаетъ, такъ поступаетъ и царь, исполняющій на землѣ божественную волю. Это выражается прекрасно пословицею: воля Божья, судъ царевъ. Отсюда народъ безропотно сносилъ даже и то, что казалось превосходило мѣры человѣческаго терпѣнія, какъ, наприимѣръ, душегубства Іоанна Грознаго. Царь дѣлалъ несправедливо, жестоко, но тѣмъ не менѣе онъ былъ орудіемъ Божіей воли. Противиться царю, хотя бы и неправедному, значить противиться Богу: и грѣшно и неполезно, потому что Богъ пошлетъ еще худшія бѣды. Имѣя безусловную власть надъ обществомъ, царь есть *государь*, то есть, полный владѣтель собственности всего государства. Слово *государь* именно означало собственника, имѣющаго право безусловно, по своему усмотрѣнію, распорядиться всѣмъ, что есть въ его государствѣ, какъ своими вещами. Оттого-то древніе Новгородцы, воспитавшіе себя подъ иными началами, различные притомъ отъ Великоруссовъ по народности, такъ взволновались, когда Иванъ III задумалъ замѣнить древній титулъ *господина* на титулъ *государя*. Понятіе о господинѣ выражало лицо, облеченное властію и уваженіемъ; господь могло быть много: и владыка былъ господинъ, и посадникъ — господинъ; но государь былъ лицо, о власти котораго не могло быть и разсужденія: онъ былъ единъ, какъ единъ собственникъ вещи; Иванъ домогался быть государемъ въ Новгородѣ, хотѣлъ замѣнить собою Великій Новгородъ, который былъ до того времени государемъ; также точно какъ въ Великороссіи великій князь замѣнилъ общества-

ную волю всей націи. Будучи самодержавнымъ творцомъ общественныхъ условій, государь дѣлалъ все и, между прочимъ, жаловалъ за службу себѣ землями. Такимъ образомъ земля принадлежала, по первоначальному понятію, міру, то есть, всему обществу; по передачѣ этого права — лицу государя, давалась отъ послѣдняго въ пользованіе отдѣльнымъ лицамъ, которыхъ угодно было государю возвысить и надѣлать. Мы говоримъ *пользованіе*, ибо въ точномъ значеніи *собственниковъ* не было. То, что давалось отъ царя, всегда могло быть отнято и отдано другому, что безпрестанно и случалось. Коль скоро образовалось отношеніе рабочихъ къ такому землевладѣльцу, то землевладѣлецъ, естественнымъ порядкомъ, получилъ значеніе олицетвореннаго міра, также какъ царь въ значеніи олицетворенной націи. Крѣпостной человѣкъ соединялъ свою судьбу съ достоинствомъ господина: воля барина стала для него замѣнять собственную волю, точно также, какъ тамъ, гдѣ не было барина, эту собственную личную волю поглощалъ міръ. У помѣщичьихъ крестьянъ земля принадлежитъ барину, который даетъ ее лицамъ, земледѣльцамъ, по своему усмотрѣнію; такъ и у казенныхъ крестьянъ: земля отдана міру въ пользованіе, а міръ, по своему усмотрѣнію, даетъ ее отдѣльнымъ лицамъ въ пользованіе. Въ Южной Руси, которой историческая жизнь текла иначе, не составилось такого понятія о мірѣ. Тамъ прежнія древнія удѣльно-вѣчевыя понятія продолжали развиваться и встрѣтились съ польскими, которыя, въ основѣ своей, имѣли много общаго съ первыми и если измѣнились, то влѣдствіе западно-европейскихъ понятій. Древнее право личной свободы не было поглощено перевѣсомъ общественнаго могущества и понятіе объ общей поземельной собственности не выработалось. Польскія идеи произвели въ старорусскихъ только тотъ переворотъ, что регулировали послѣднія. Каждый земледѣлецъ былъ независимымъ собственникомъ своего достоянія; польское вліяніе только обезопасило его отъ произвола народной воли, и прежде выражавшагося самодѣйствіемъ общества въ смыслѣ соединенія свободныхъ личностей, и облекло его владѣніе *de facto* правомъ. Такимъ образомъ, оно возвысило богатыхъ и вліятельныхъ, образовало высшій классъ, а массу бѣднаго народа повергло въ порабощеніе. Но тамъ магнатъ владѣлецъ не представлялъ собою выраженія царской, а чрезъ нее и барской, воли: онъ владѣлъ *по праву*; въ переводѣ на болѣе простой языкъ — право это выражало силу, торжество обстоятельствъ и давность происхожденія. Тамъ крестьянинъ не могъ дать своему господину никакого значенія священной воли, ибо онъ отвлеченнаго права не понималъ, потому что самъ

нимъ пользовался, а олицетворенія онъ не видалъ, ибо его господитъ былъ свободный человѣкъ. Естественно, и рабъ, при первой возможности, желалъ сдѣлаться свободнымъ; тогда какъ въ Великороссіи онъ не могъ этого желать, ибо находилъ своего господина завистливымъ отъ другой высшей воли, такъ же какъ онъ самъ завистль отъ него. У Южноруссовъ рѣдко были случаи, чтобъ крѣпостной былъ искренно расположенъ къ своему господину, чтобъ такъ былъ связанъ съ нимъ безкорыстною, будто сыновнею, любовью, какъ это не рѣдко мы видѣли въ мірѣ отношеній господъ къ крестьянамъ и слугамъ въ Великороссіи. У Великороссіянъ встрѣчаются привычки трогательной привязанности такого рода. Крѣпостной человѣкъ, слуга, рабъ, нерѣдко преданъ своему барину вполнѣ, душою и сердцемъ, даже и тогда, когда баринъ не цѣнитъ этого. Онъ хранитъ барское добро, какъ свое; радуется, когда честолюбивый баринъ его получаетъ почетъ. Намъ случалось видѣть господскихъ слугъ, которымъ повѣрялось завѣдывать какими нибудь интересомъ. Сами довѣренные были естественные плуты, и надували всякаго въ пользу своего барина, но въ отношеніи послѣдняго были ариядидовски честны и прямодушны. Напротивъ, Малороссы оправдываютъ собою пословицу: волка сколько ни корми, все въ дѣбъ смотреть. Если крѣпостной слуга не обманетъ господина, то потому, что никого не обманываетъ; но если ужъ искусился на обманъ, то обманетъ прежде своего барина. Какъ часто случалось слышать жалобы на Малороссіянъ отъ тѣхъ владѣльцевъ, которые, будучи Великоруссами по происхожденію, приобрѣли себѣ населенныя имѣнія въ Южнорусскомъ краѣ. Напрасно добрымъ обращеніемъ и справедливостью старались они привязать къ себѣ подданныхъ; барскія работы исполнялись всегда безъ желанія, и оттого-то между высшимъ классомъ у насъ распространилось убѣжденіе, что Малороссіане — народъ лѣнивый. Ни искренности, ни привязанности. Страхъ дѣйствуетъ на нихъ успѣшнѣе, и потому добрые господа дѣлались суровыми. Обыкновенно старались окружить свою особу Великоруссами, а съ малороссійскими крестьянами находились въ далекихъ отношеніяхъ, какъ бы къ чуждому народу. Тоже самое и еще хуже для Малорусса — *міръ* въ великорусскомъ смыслѣ этого слова. Что касается до укора, дѣлаемаго обыкновенно Малороссіянѣмъ въ лѣни, то они дѣлаются такими подъ условіями чуждыхъ имъ общественныхъ началъ крѣпостнаго или мірскаго права: послѣднее выражается для Малороссіянъ (которые не скованы узами общинной собственности), связью различныхъ условій, ограничивающихъ ихъ свободное распоряженіе со-

бою и своимъ достоинствомъ, приближающихся къ мірскому устройству. Вообще же упрекъ въ лѣности несправедливъ; даже можно замѣтить, что Малоруссы по своей природѣ трудолюбивѣе Великорусса и всегда такимъ показываетъ себя, коль скоро находитъ свободный исходъ своей дѣятельности.

Очень можетъ быть, что я во многомъ ошибся, представляя такія понятія о различіи двухъ русскихъ народностей, составившіяся изъ наблюдений надъ исторіей и настоящей ихъ жизнію. Дѣло другихъ будетъ обличить меня и исправить. Но разумѣя такимъ образомъ это различіе, я думаю, что задачей вашей *Основы* будетъ: выразить въ литературѣ то вліяніе, какое должны имѣть на общее наше образованіе своеобразные признаки южнорусской народности. Это вліяніе должно не разрушать, а дополнять и умѣрять то коренное начало великорусское, которое ведетъ къ силоченію, къ слятію, къ строгой государственной и общинной формѣ, поглощающей личность, и стремленію къ практической дѣятельности, выпадающей въ матеріальность, лишенную поэзіи. Южнорусскій элементъ долженъ давать нашей общей жизни растворяющее, оживляющее, одухотворяющее начало. Южнорусское племя, въ прошедшей исторіи, доказало способность свою къ государственной жизни. Оно справедливо должно было уступить именно великорусскому, примкнуть къ нему, когда задачей общей русской исторіи было составленіе государства. Но государственная жизнь сформировалась, развилась и окрѣпла. Теперь естественно, если народность съ другимъ противоположнымъ основаніемъ и характеромъ вступитъ въ сферу самобытнаго развитія и окажетъ воздѣйствіе на великорусскую.

Совсѣмъ другое отношеніе южно-русской народности къ польской. Если южно-русскій народъ дальше отъ польскаго, чѣмъ отъ великорусскаго, по составу языка, то за то гораздо ближе къ нему по народнымъ свойствамъ и основамъ народнаго характера. Такой или подобной противоположности, какую мы замѣтили между Великоруссами и Южноруссами, не существуетъ между Поляками и Южноруссами ни во внутренней, ни во внѣшней сторонѣ бытія; напротивъ, если бы пришлось находить коренные признаки различія Поляковъ отъ Великоруссовъ, то во многомъ пришлось бы повторить тоже, что сказано о Южноруссахъ. Не за то, при такой близости, есть бездна, раздѣляющая эти два народа и притомъ — бездна, черезъ которую построить мостъ не видно возможности. Поляки и Южноруссы — это какъ бы двѣ близкія вѣтви, развившіяся совершенно противно: одни воспитали въ себѣ и утвердили начала дѣ-

ства, другіе — мужицтва, или выражаясь словами общепринятыми, одинъ народъ — глубоко аристократическій, другой — глубоко демократическій. Но эти термины не вполне подходятъ подъ условія нашей исторіи и нашего быта; ибо какъ польская аристократія слишкомъ демократическая, такъ наоборотъ аристократична южнорусская демократія. Тамъ панство ищетъ уравненія въ своемъ сословіи; здѣсь народъ, равный по праву и положенію, выпускаетъ изъ своей массы обособляющіяся личности и потомъ стремится поглотить ихъ въ своей массѣ. Въ польской аристократіи не могло никакъ принятыя феодальное устройство; шляхетство не допускало, чтобъ изъ его сословіи одни были по правамъ выше другихъ. Съ своей стороны, южнорусскій народъ, устанавливая свое общество на началахъ полнѣйшаго равенства, не могъ удержать его и утвердить такъ, чтобъ не выступали лица и семьи, стремившіяся сдѣлаться родами съ правомъ преимущества и власти надъ массою народа. Въ свою очередь масса возставала противъ нихъ то глухимъ негодованіемъ, то открытымъ противодѣйствіемъ. Вглядитесь въ исторію Новгородѣ на сѣверѣ и въ исторію Гетманщины на югѣ. Демократическій принципъ народнаго равенства служитъ подкладкою; но на ней безпрестанно приподнимаются изъ народа высшіе слои, и масса волнуется и принуждаетъ ихъ уложиться снова. Тамъ нѣсколько разъ толпа черни, подъ возбудительные звуки вѣчеваго колокола, разоряетъ и сжигаетъ до-глаго Прусскую улицу — гнѣздо боярское; тутъ нѣсколько разъ *черная или чернецкая рада* истребляетъ *значныхъ кармазинниковъ*; и не исчезаетъ однако Прусская улица въ Великомъ Новгородѣ, не переводятся *значные* въ Украинѣ обѣихъ сторонъ Днѣпра. И тамъ и здѣсь эта борьба губитъ общественное зданіе и отдастъ его въ добычу болѣе спокойной, яснѣе сознающей необходимость прочной общины, народности.

Замѣчательно, какъ народъ долго и вездѣ сохраняетъ заветныя привычки и свойства своихъ прародителей: въ Черноморьѣ, на Запорожскомъ новосельѣ по разрушеніи Сѣчи, совершалось тоже, что нѣкогда въ Малороссіи. Изъ общинъ, составлявшихъ курени, выдѣлялись личности, заводившія себѣ особыя хутора. Въ южнорусскомъ сельскомъ быту совершается почти подобное въ своей сферѣ. Зажиточныя семьи возвышаются надъ массою и ищутъ надъ нею преимущества, и за то масса ихъ ненавидитъ; но у массы нѣтъ понятія, чтобъ человекъ лишился самодѣятельности, нѣтъ началъ поглощенія личности общинностію. Каждый ненавидитъ богача, знатнаго, не потому чтобъ онъ имѣлъ въ головѣ какую

нибудь утоцію о равенствѣ, а, завидуя ему, досадуеть, почему онъ самъ не таковъ.

Судьба южнорусскаго племени устроилась такъ, что тѣ, которые выдвигались изъ массы, обыкновенно теряли и народность; въ старину они дѣлались Поляками, теперь дѣлаются Великороссіянами: народность южнорусская постоянно была и теперь остается достояніемъ простой массы. Если же судьба оставитъ выдвинувшихся въ сферѣ прагѣдовской народности, то она какъ-то ихъ поглощаетъ снова въ массу и лишаетъ пріобрѣтенныхъ преимуществъ.

Съ польскою народностію совершилось обратное: тамъ личности, выдвинувшіяся изъ массы, если они были Поляки, не мѣняютъ своей народности, не идутъ назадъ, но образуютъ твердое сословіе. Исторія связала Поляковъ съ Южноруссами такъ, что значительная часть польской шляхты есть не что иное, какъ переродившіеся Южноруссы, именно тѣ, которые слялою счастливыхъ для нихъ обстоятельствъ выдвинулись изъ массы. Оттого и образовалось въ отношеніяхъ этихъ народностей такое понятіе, что польская есть панская, господская, а южнорусская холоцкая, мужицкая. Понятіе это остается и до сихъ поръ, и проявляется во всѣхъ попыткахъ Поляковъ на такъ называемое сближеніе ихъ съ нами. Поляки, толкующіе о братствѣ, о равенствѣ, въ отношеніи насъ высказываютъ себя панами. Подъ различными способами выраженія они говорятъ намъ: будьте Поляками; мы хотимъ васъ, мужиковъ, сдѣлать панами. И тѣ, въ либеральныя и честныя намѣренія которыхъ мы вѣримъ, говорятъ въ сущности тоже: если не идетъ дѣло о господствѣ и подавленіи нашего народа матеріально, то неоспоримо и явно ихъ желаніе подавить и уничтожить насъ духовно, сдѣлать насъ Поляками, лишить насъ своего языка, своего склада понятій, всей нашей народности, заключивъ ее въ польскую, что такъ ясно проявляется въ Галиціи.

Отъ этого-то, въ настоящее время, между нами и Поляками не можетъ быть такой обмѣны, такого соединенія и братства, какъ съ Великоруссами. Последніе по характеру противоположны намъ, но именно это и служитъ ручательствомъ необходимости этой связи: у Великоруссовъ есть то, чего у насъ нѣтъ, а мы съ своей стороны можемъ наполнить пробѣлы въ ихъ народности. Малоруссы сознавали и сознаютъ неизбежность и неразрывность связи съ Великоруссами, потому что последніе способны столько же, сколько мы неспособны, къ организаціи, къ поддержкѣ общественнаго тѣла и правильности его отправленій; съ своей стороны мы не останемся лишними для нравственной цивилизаціи Великоруссовъ; до-

живительствомъ можетъ служить то, что добрый Великорусъ какъ только заѣдетъ къ нашему народу, непременно насъ полюбитъ и получитъ симпатію къ малорусскому народу; онъ найдетъ въ немъ тѣ живительныя начала поэзіи, которыя мало судили развить Великороссы въ крутыя обстоятельства прежней ихъ исторіи. Поляки ничего отъ насъ не получаютъ, ибо ихъ коренныя свойства одинаковы съ нашими, но мы также не можемъ ничего отъ нихъ заимствовать, кромѣ панства, а это панство — убиваетъ нашу народность. . . .

Н. Костомаровъ.

ГАЛИЦКО-РУССКАЯ ГАЗЕТА «СЛОВО».

Мы получили объявление объ изданіи, съ января текущаго года, во Львовѣ, »Руської Политичної Часописи«, при слѣдующемъ письмѣ:

»Щиро-брацкое поздравленье! Зачинаемъ зъ Богомъ нову Часопись — если ласка Ваша пособитъ своими дописями. — Навчѣть насъ, якимъ чиномъ можна бы Вамъ пересылати нашу Газету, — а если можна, постарайтесь; чи не доставали бы мы якіи небудь журналъ русскій въ замѣну.

Здорови ся оставайте,
За братій не забувайте.»

Всѣмъ сердцемъ привѣтствуемъ начало народной журналистики въ близкой намъ южнорусской Галиціи. Политическая газета: »Слово« будетъ преимущественно посвящена отечественной, Русинской жизни и намѣрена быть вполнѣ *Словомъ Руськимъ*. Редакція »Слова« призываетъ увидшихъ съ нею по одному пути — служить соединенными силами »святій справѣ Руського народу.«

»Слово« начинаетъ тѣмъ, что будетъ печататься *гражданкою*, а не польскими и не церковно-славянскими буквами, какъ домогались того — съ одной стороны Поляки, съ другой — Австріицы. Мы увѣрены, что »Слово« достойнымъ образомъ исполнитъ свое дѣло и не смотря двойной иноплеменный гнетъ — пребудетъ вѣрнымъ и непоколебимымъ слугою Русинской народности, и до конца не измѣнитъ народному желанію, превосходно высказанному почтеннымъ Я. О. Головацкимъ. — Доказывая право Русинскаго народа на охраненіе и развитіе своей народности, — онъ выразился такъ на счетъ всѣхъ препятствій и противодействій: »насъ можно сломать, но — не согнуть«. Мы въ этомъ увѣрены, видя оживленіе Русиновъ, видя готовность ихъ — приносить посильныя жертвы для всякаго дѣла, полезное народному просвѣщенію и благосостоянію.

Еще разъ братски привѣтствуемъ Русинское »Слово«. Но не утаимъ отъ него нашего глубокаго убѣжденія, которое, быть можетъ, раздѣляетъ уже съ нами редакция: »Слово« тогда будетъ имѣть успѣхъ, тогда достигнетъ цѣли, когда сдѣлается народнымъ не только по своему намѣренію, не только по мысли, но и по языку. »Лучше своё лѣтане, ніжъ чужее хвѣтане, лучше своё лѣхматне, ніжъ чужее прѣхатне.« Этого народнаго языка слѣдуетъ искать не въ книгахъ, а въ живомъ словѣ народа: оно должно быть главнымъ источникомъ и основой письменной словесности; изъ него, какъ изъ корня, она должна развиваться и расцвѣтать. Пользуясь безъ разбора другими языками, что мы безпрестанно замѣчаемъ у Галицкихъ Русинскихъ писателей, »Слово« можетъ достигать постороннихъ цѣлей, но — не главной, и никогда не сдѣлается живымъ органомъ народной мысли и чувства, никогда не будетъ душою народной жизни.

Сообщаемъ нашимъ читателямъ объявленіе о »Словѣ«, въ подлинникѣ:

ЗАПРОШЕНІЕ КЪ ПРЕДЛАТЬ

НА РУСКУ ПОЛИТИЧНУЮ ЧАСОПИСЬ

»СЛОВО«,

ИЗДАВАЕМУ ВЪ ЛЬВОВѢ 1861.

Высылаемъ сіе запрошеніе въ русскій міръ тотчасъ послѣ полученія концессіи на издаваніе нашего »Слова«, увѣрены будучи, що скорымъ объявленіемъ возрадуемъ многихъ, которые будь письменно, будь устно не перестаютъ допрошивати насъ, коли уже разъ станемъ рѣдною рускою часописію бесѣдовати о справахъ домашнихъ та заграничныхъ съ любимыми Родимцами.

Концессію получили мы $\frac{3}{15}$ Сѣчня с. г., и подаемъ слѣдующій существенный уступъ ей до общій вѣдомости: »Высокое ц. к. Министерство Полиціи удѣляло Вамъ рѣшеніемъ зъ дня 7 т. м. Ч. 68 концессію на издаваніе кавціональной времемописи, котора має по предложенному Вами програму въ языцѣ рускомъ подъ названіемъ »Слово« що тыждня два разы въ Львовѣ выходити и въ печатны Института Ставропигійско-го Вашимъ власнымъ вкладомъ печататися.«

Мы почтением соотвѣтныя кроки относительно кавѣн, и надѣемся на снхъ дняхъ вруčiti ю принадлежащимъ властямъ. Взглядомъ же програму объявляемъ тутъ коротко, що стаемъ на основаніи цѣсарскаго Диплома зъ 20 Октовріа 1860 года, принимаючи его лояльно въ такомъ смыслѣ, въ якомъ ростокованцый онъ за свѣжа извѣстнымъ Окружнымъ Пославіемъ новаго Державнаго Министра, Рыцаря А. Шмерлинга. Точнѣйшее развитіе и блиащее опредѣленіе нашего политическаго вѣроповѣданія оставляемъ до перваго числа нашей временописи, приѣчая нынѣ толькото, що намѣрены мы головную и наибольшую часть нашего «Слова» посвятити справамъ рускимъ, домашнимъ, стараючися усиленно, абы сіе «Слово» въ полномъ смыслѣ было — *руское*.

Тожъ засылаючи дружеское поздравленіе нашимъ Родимцямъ-Писателямъ, ббольшою частію объявившимъ уже свою готовость насъ прилѣжнымъ сотрудиемъ всперати, взываемъ такъ Ихъ, якъ и всякого, кому благо нашего народа лежитъ на сердци, абы изволили они хотьбы *уже отъ нынѣ* смѣло и отверто дописывати къ намъ преимущественно въ справахъ Руси домашнихъ. Оразъ же запрашаемъ такъ Почт. Родимцѣвъ нашихъ Галицкихъ, якъ и Братей-Русимовъ за-Карпатскихъ до всевозможно численнаго соучастія въ предлатѣ, изъявляючи мимоходомъ то, що впрочемъ всѣмъ извѣстно, яко существованіе нашей временописи исключительно и едино отъ того Ихъ соучастія зависить.

Ведля затверженнаго концессією програму помѣщати буде наша временопись: *вступныи артикулы*, имѣющія на дѣля расправляти о вопросахъ политичныхъ, социальныхъ и религіиныхъ; *дописи* содержания розличнаго; *пересмотръ часописей* краевыхъ и заграничныхъ; *извѣстїи* зъ краевъ коронныхъ Австрїи и зъ чужины; *справозданья* и донесенія о дѣлательности благополезныхъ рускихъ обществъ, яко: Матичы русской, Комиссія Народнаго Дому, Братства Ставропигійскаго и пр.; *посланїя* и рѣшенія рускихъ *Ординаріатовъ* и Консистерїй, именно тїи, которы дотычатъ справъ Духовенства и дѣля школьныхъ; *новинки* щоденныи; обвѣщенія урядовыи, — *курсъ* грошей, — *цѣны* землепловъ, — *инсераты*. Кромѣ того долѣбшнюю часть «Слова» займе *фелетонъ*, который своимъ преимущественно научовымъ и изъячно-литературнымъ содержаніемъ составляти буде нѣяко особную часопись въ часописи.

Уже зъ другой половины с. м. — числячи по нашему рускому Мѣсяцеслову — стане выходити наше «Слово» на аркуши великаго формата по *два разы на тыждень*, именно що Середы и Суботы. Намѣряя искреннее согласіе сохранити съ заслужившимся отъ давна для Ру-

си «Вѣстникомъ» Вѣднскимъ, оно здоровить его днесь по братнѣму и предлагае: служити соединенными силами *свѣтой справѣ рускою народа* — взаимнымъ дополненіемъ.

«Слово» буде печататися *гражданкою*, котора власнѣ теперѣ свѣжо для него выливаеся, и чейже до первого числа буде уже готова. Пренумерата выноситъ на *цѣлый рокъ* вразъ съ почтовою пересылкою 8 р. а. в., на *полъ року* 4, на *четвертьрочіе* 2 р. в. Въ мѣстци дозволяеся и на 1 мѣсяць по 67 кр. пренумеровати.

Бюро Редактора есть на головной *Лычаковской* улицѣ подъ ч. 100⁴/₄; — экспедиція же умѣстится отъ дня появленія «Слова» въ Народномъ Домѣ, куда изволятъ тѣмъ Г. Пренумеранты, которые на мѣстци предплатити желають, отповѣдну належитость на руки нашего Сотрудника, тамъ же обитающого, ласкаво отсылати.

Богданъ А. Двѣцкій,
отвѣчательный редакторъ «Слова».

Львовъ, въ навечеріе С. Богоявленія 1861.

БИБЛЮГРАФІЯ

ВОПРОСА ОБЪ УЛУЧШЕНІИ БЫТА ПОМЪЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ

ВЪ ЮЖНОРУССКОМЪ КРАѢ.

Съ 1857 — 1860.

I. Исторія крестьянскаго вопроса.

КРЕСТЬЯНЕ въ Юго-Западной Руси XVI в. *Д. Мордовцевъ. Архивъ Н. Калачева.* 1859, 3. (3-я часть серіи, прежде издав. Архива г. Калачева), 19 — 47 стр.

Статья помѣщена подѣ рубрикою: *Приготовительныя свѣдѣнія для словаря историко-юридическаго собственныя именъ и техническихъ терминовъ*, встрѣчающихся въ древнихъ русскихъ памятникахъ. — Соде; жаніе: крестьяне: а) королевскіе, частныхъ владѣльцевъ, вольные находжіе, б) тяглые, огородники, подсуѣдки, вольники, осадники, бояре путные, конные, земляне. Инвентари. Арендные листы.

НАШИ въ БѢГЛАХЪ. *Аванасьевъ. Южный Сборникъ;* 6, стр. 51 — 60.

Разсказъ о томъ, какъ крестьяне, вслѣдствіе распространившагося слуха о раздачѣ даромъ земель въ Крыму и на Кавказѣ, поднялись на переселеніе.

ОБЪ ОТКРЫТІИ Черниговскаго комитета по крестьянскому дѣлу и о закрытіи засѣданій онаго. *Ө. Павловъ. Черниговскія губернскія вѣдомости.* 1859; 9, 10 стр.

Открытие происходило 22 июня 1858 г., закрытие же 22 февраля 1859 г. Въ статьѣ помѣщены рѣчи: Начальника губерніи, г. г. А. И. Покорскаго—Жоравко, Н. П. Борозды, В. И. Лизогуба; стихи: А. И. Хащенко; рѣчи: В. О. Подысоцкаго, П. А. Васильчикова, Г. И. Галагана, А. И. Лизогуба и В. Д. Дунинъ—Барковскаго.

ХАРЬКОВСКІЙ ГУБЕРНСКІЙ КОМИТЕТЪ по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ. *Як... Прибавленія къ Харьковскимъ губернскимъ вѣдомостямъ*. 1859; 33 и 34 и *Русскій Дневникъ*; 1859, 8 стр.

Здѣсь помѣщены: 1) Рѣчи *П. И. Лямина*, 2) *Д. А. Хрущова*, 3) стихи *Н. К. Гарцевича*, 4) рѣчь *М. Г. Гаршина*, 5) *Н. С. Краевского*, 6) *А. Н. Бахметева*, 7) *П. И. Нахимова*, 8) г. *Войтенко* и 9) *Г. П. Данилевскаго*.

ОБЪ УСТРОЙСТВѢ быта крестьянъ въ Галиціи. *Е. Карновичъ. Отечественныя Записки*. 1858; 3, стр. 34.

Историческое изложеніе устройства крестьянскаго быта въ Галиціи, начавшееся въ 1774-мъ году уничтоженіемъ, Австрійскимъ кодексомъ, крѣпостнаго права, какъ начала юридическаго и продолжающагося и по нынѣ опредѣленіемъ панщины. Въ концѣ статьи авторъ задаетъ себѣ 3 вопроса: 1) Своевременно и не рано ли послѣдовало въ Галиціи измѣненіе въ отношеніяхъ помѣщика къ крестьянину? 2) Справедливо ли было произвести это измѣненіе? 3) Нужно ли было сдѣлать вознагражденіе тѣмъ, которые потеряли убытокъ вслѣдствіе введенія новаго государственнаго порядка?

ОБЪ УСТРОЙСТВѢ быта крестьянъ въ Галиціи. *Журналъ Землевладельцевъ*. 1858; 7, 6 стр.

Разборъ статьи *Е. Карновича*, помѣщенной въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1858 г., № 3.

ОБЪ УЛУЧШЕНІИ быта сельскаго населенія Австріи. *К. Фогель*. Ст. I и II. *Сынъ Отечества*. 1858; 22 и 29. —

Тутъ же говорится и о Галиціи.

ОБЪ УСТРОЙСТВѢ земледѣльческаго сословія въ Австріи. *Н. Рунъ*. *Русская Бесѣда*. 1857; 4, стр. 105—136.

Замѣтки о заселеніи земель и о владѣніи ими въ Константиноградѣ.

скомъ уездѣ. *И. Дьяковъ. Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ.* 1860; 8, стр. 56—70.

Представляя мои бѣглыя замѣтки, говоритъ авторъ, о заселеніи и владѣніи землями на частичкѣ мѣстности Новороссійскаго края, основанныя на преданіяхъ и семейныхъ документахъ, я имѣлъ въ виду только сообщить нѣсколько матеріаловъ для исторіи Новороссійскаго края, начало которой положено г. Скальковскимъ въ его »Хронологическомъ обзорѣніи Новороссійскаго края.«

С Т А Р О З А И М О Ч Н Ы Я земли Харьковской губерніи. *Т. Селивановъ. Харьковскія губерніскія вѣдомости.* 1860; 5, 6 стр.

Статья эта написана по поводу предстоящихъ преобразованій быта помѣщичьихъ крестьянъ, когда дѣлается необходима исторія землевладѣнія. Подъ словомъ «старозазимочныя земли» подразумѣваются такія земли, которыя еще во время царя Алексѣя Михайловича, 1699 г., были розданы украинскимъ полкамъ, въ видахъ образованія населенія, которое своимъ заселеніемъ пустыхъ мѣстъ между Россією и Крымомъ, заслонили бы отечество наше отъ опустошительныхъ набѣговъ Крымскихъ Татаръ (слово *замка* выражаетъ свободное занятіе).

О Д Р Е В Н И ХЪ сельскихъ общинахъ въ юго-западной Россіи. *Н. Иванышевъ. Русская Бесѣда.* 1857; 3, стр. 1—57.

Въ этой статьѣ, на основаніи актовыхъ книгъ Луцкихъ, Владимірскихъ и Житомирскихъ изложены: составъ юго-западной сельской общины, устройство сельскихъ народныхъ собраній и юридическіе обычаи, по которымъ производились слѣдствія и постановленія судебныхъ рѣшеній.

П О П О В О Д У предъидущей статьи. *Б. Русская Бесѣда.* 1857; 3, стр. 58—63.

Авторъ указываетъ на связь сельскихъ общинъ юго-западной Россіи, въ XVI и XVII ст. съ древними русскими общинами, засвидѣтельствованными Русскою Правдою и лѣтописями. *Русская Бесѣда.* Тамъ-же и о томъ-же, стр. 63—64.

М Н Ъ Н І Е одного украинскаго помѣщика, выраженіе нослѣ бесѣды съ своими собратіями объ указѣ 23-го мая 1816 г. и объ 3ст. 1.

постановленіяхъ. *В. Каразинъ. Читенія въ И. Общ. Исторіи и Древностей Рос.* 1860; 2, стр. 218—227.

II Источники для разрѣшенія крестьянскаго вопроса.

Вздорожаніе земель въ Новороссійскомъ краѣ. *Одесскій Вѣстникъ.* 1860; 133, I ст.

Вольно-наемныя рабочіе въ Новороссійскомъ краѣ. *Одесскій Вѣстникъ.* 1860; 128, I ст.

Продажныя цѣны на земли въ Полтавской губерніи. *Д. Бутовскій. Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.* 1860; 1. стр. 1—8.

Эта статья написана по поводу: «*Свѣдѣній о продажныхъ цѣнахъ на земли, составленныхъ по купчимъ крѣпостямъ, предъявленнымъ ко вводу во владѣніе въ уѣздные суды, за послѣдніе 5 лѣтъ.* *Г. Бутовскій* доказываетъ, что эти цѣны невѣрны, ибо многіе помѣщики, во избѣжаніе большихъ издержекъ по купчимъ крѣпостямъ, уменьшаютъ въ 6, 7 и болѣе разъ покупную цѣну, чему обыкновенно содѣйствуютъ законныя власти ради пріязни, родства и знакомства. Не будетъ ли лучше, говоритъ авторъ, сумму десятилѣтняго дохода съ поземельныхъ угодій принять за цѣну земли?

Земледѣльческій съѣздъ въ Елисаветградѣ, 20, 21 и 22 апрѣля, 1860 года. *Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ.* 1860; 9, стр. 65—110.

Подробное извлеченіе изъ отчета, представленнаго Предсѣдателемъ съѣзда *О. И. Гулакомъ* въ Ученый Комитетъ Министерства Государственныхъ Имуществъ.

Отчетъ о земледѣльческомъ съѣздѣ, бывшемъ въ Елисаветградѣ, 20, 21 и 22 апрѣля, 1860 г. *О. И. Гулакъ. Записки И. Общ. Сельскаго Хозяйства Южной Россіи.* За 2-ю и 3-ю трети 1860 г., стр. 1—108.

Содержаніе: Программа земледѣльческаго съѣзда. Земскіе банки, статья *Д. Н. Струкова*—Земскіе банки, мѣтныя землевладѣльцевъ. Нужды и желанія землевладѣльцевъ, ст. *О. Гулака.* Теорія и практика, ст. г. *Палиссестова.* Вопросъ относительно приложенія къ хозяйству вольнаго тру-

да ст. *О. Гулака*. Мнѣнія землевладѣльцевъ: 1) О грамотности поселянъ, 2) о вольнонаемныхъ рабочихъ. (Кромѣ того помѣщено много статей по сельскому хозяйству). Въ статьѣ г. Струкова изложены главныя обязательныя условія будущихъ земскихъ кред. обществъ.

Е л и с а в е т г р а д с к і й с ѣ з д ъ землевладѣльцевъ. Д. Струковъ. *Сельское Хозяйство*. 1860, 7, стр. 87—99.

Имѣя въ виду предстоящія преобразованія въ отношеніяхъ крестьянъ къ землевладѣльцамъ, помѣщики Елисаветградскаго и Александрійскаго уѣздовъ, рѣшили съѣзжаться ежегодно въ Елисаветградъ для разрѣшенія вопросовъ, близко—касающихся къ будущему измѣненію быта, какъ крестьянскаго, такъ и ихъ собственнаго. На 1-мъ съѣздѣ, бывшемъ подъ предсѣдательствомъ г. Гулака, которому принадлежитъ и самая мысль о съѣздахъ, болѣе всего разсуждали о земскихъ банкахъ, о распространеніи грамотности и о сельскохозяйственныхъ предметахъ. Касательно земскихъ банковъ, помѣщики того мнѣнія, что приложеніе началъ, на которыхъ основанъ кредитъ земскихъ банковъ, къ Новороссійскому краю, едва ли возможно въ настоящее время, какъ по причинѣ отсутствія общественнаго довѣрія, такъ и по причинѣ недостатка и цѣнности капиталовъ. Также, помѣщики не считаютъ возможнымъ воспользоваться предложеніемъ о временномъ учрежденіи кредитныхъ отдѣленій при Приказахъ Общественнаго Призрѣнія, какъ потому, что въ случаѣ отдѣленія крестьянскихъ земель отъ помѣщичьихъ, перезалогъ оставшихся у помѣщика земель въ большинствѣ не будетъ представлять достаточнаго обезпеченія для займовъ, доделъ выдававшихся по числу душъ, такъ и потому, что финансовая опытность непремѣнныхъ членовъ Приказовъ весьма ограничена. Во избѣжаніе подобныхъ неблагопріятныхъ послѣдствій, помѣщики ходатайствуютъ у Правительства продолженія, хотя бы на 5 или на 6 лѣтъ, прежняго дѣйствія государственныхъ кредитныхъ учрежденій по ссудамъ подъ залогъ земель, съ выпускомъ закладныхъ листовъ на закладываемыя имѣнія, на основаніяхъ, изложенныхъ въ проектѣ положенія о земскихъ банкахъ.

Ч и с л о помѣщичьихъ крестьянъ въ Полтавской губерніи, по послѣд-

ней ревизіи. *Полтавскія губернскія вѣдомости*. 1860; 3, 2 стр.

Число этихъ крестьянъ простирается до 326,404 лицъ мужескаго пола; въ этомъ числѣ находится 40,787 людей дворовыхъ.

ХАРЬКОВСКІЙ ПОМѢЩИКЪ въ настоящее время. Письма: 1, 2 и 3. *Г. Данилевскій. Журналъ Землевладельцевъ*. 1858; 3, 7 и 13, 48 стр.

Статистическія данныя по Харьковской губерніи.

ХАРЬКОВСКІЙ ПОМѢЩИКЪ въ настоящее время. *А. Розалионъ-Сошальскій. Журналъ Землевладельцевъ*. 1858; 8, 14 стр.

Опроверженіе предъидущей статьи съ цѣлью защитить помѣщичье сословіе.

О ЖАТВЕННОЙ МАШИНѢ. Вопросъ г. Данилевскому. *Н. Жихаревъ. Журналъ Землевладельцевъ*. 1859; 19, 1 стр.

По поводу предъидущей статьи.

СТАТИСТИЧЕСКІЯ ДАННЫЯ для проекта положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ Полтавской губерніи. *Дм. Бутовскій. Сельское Благоустройство*. 1858; 4 и 10, стр. 3—14 и 7—14.

Данныя эти относятся: 1) къ землѣ, 2) къ цѣнности произведеній съ земли, 3) къ задѣльной платѣ, 4) къ быту помѣщичьихъ крестьянъ до 1858 г., 5) къ сельскимъ обществамъ помѣщичьихъ крестьянъ и 6) къ усадебной осыдлости помѣщичьихъ крестьянъ.

ЗАМѢЧАНІЯ на статью г. Бутовскаго: «Статистическія данныя для проекта положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ Полтавской губерніи». *Павелъ Трегубовъ. Сельское Благоустройство*. 1858; 9, стр. 297—306.

Замѣчанія г. Трегубова относятся ко 2-му и 3-му пунктамъ предъидущей статьи.

О КРЕСТЬЯНАХЪ Подольской губерніи. *Русская Газета*. 1859, (59) 7, 4 ст.

Сначала, для уясненія вопроса о преобразованіи участи крестьянъ, въ статьѣ своей, авторъ говоритъ о прошлой судьбѣ ихъ; потомъ знакомитъ съ настоящими средствами, какъ нравственными такъ и матеріальными, и оцѣниваетъ то влі-

ніе, какое оказываютъ на ихъ быть, съ одной стороны инвентарныя положенія, а съ другой стороны, переводъ многихъ изъ нихъ на оброки. (Статья не окончена по случаю прекращенія «Русской Газеты».

Иностранцы земледѣльцы, поселившіеся въ Россію на помѣщичьихъ земляхъ. *Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ*. 1860; 3, стр. 47—51.

Здѣсь помѣщена копія (въ переводѣ съ французскаго) съ договора, формально заключеннаго во Франціи, года 1¹/₂ тому назадъ, между г. Феликсомъ д'Эскудье-де Виллестаномъ, капиталистомъ изъ Тулузы, съ одной стороны, и нѣсколькими французскими земледѣльческими семьями — съ другой, относительно ихъ переселенія въ Россію и работъ на помѣщика (г.г. Зяро и Англези, — въ Новорос. край), на земляхъ котораго они должны были быть поселены.

О помѣщичьихъ имѣніяхъ въ Крыму. *У. Шатиловъ. Сельское Благоустройство*. 1858; 1, стр. 1—16.

Говоря о богатствахъ, которыми природа такъ щедро надѣлила Крымъ, авторъ замѣчаетъ, что большая часть этихъ богатствъ остается необработанною по причинѣ лѣности, коренныхъ обитателей полуострова, — Татаръ, отъ которой страждутъ интересы какъ помѣщиковъ такъ и крестьянъ. Чтобы помочь горю авторъ предлагаетъ слѣдующія мѣры: 1) установленіе постоянныхъ условій съ Татарами и вмѣстѣ съ тѣмъ — работы урочной, 2) увеличеніе народонаселенія русскаго и 3) поощреніе колонизаціи Болгаръ.

Сѣверная и Южная Россія. *Г. Никифоровъ. Журналъ Землевладельцевъ*. 1858; 3.

Сѣв. и Юж. Россія въ настоящей ст. разсматривается въ сельско-хозяйственномъ отношеніи.

Сѣверная и Южная Россія. *А. Розаліонъ-Сошальскій. Журналъ Землевладельцевъ*. 1858; 8, 14 стр.

Опроверженіе предъидущей статьи.

Отвѣтъ гг. Тернеру и Розаліону-Сошальскому. *Н. Никифоровъ. Журналъ Землевладельцевъ*. 1858; 13, 9 стр.

Г. Тернеръ разбираетъ въ 8-мъ № «Библиотеки для Чтенія» статью г. *Никифорова*: Сѣверная и Южная Россія, помѣщенную въ № 3 «Журнала Землевладельцевъ» Въ 8-мъ

№ «Журнала Землевладельцев» г. *Розалионъ - Сошальскій* дѣлаетъ замѣчанія на статью *1. Никифорова*. Въ настоящемъ отвѣтѣ *1. Никифоровъ* представляетъ свои возраженія *и. Тернеру* и *Розалиону-Сошальскому*.

О х о з я й с т в ъ Полтавской губерніи (письмо къ Редактору Э. У). *А. Чужбинскій. Экономическій Указатель. 1858; 45, 6½ столбцовъ.*

О р а б о ч и х ъ въ степной части Крыма. *Фр. Домбровский. Записки Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи. 1859; 3, стр. 105—125.*

Жалобы на недостатокъ рабочихъ рукъ въ Крыму.

П а р а л л е л ь рабочихъ силъ въ Херсонской губерніи, по отношенію къ сельской промышленности. *Г. Кузьменко. Одесскій Вѣстникъ. 1860; 27, 12—1½ стр.*

Н ѣ с к о л ь к о с л о в ъ о наймѣ рабочихъ. *К. Русская Газета. 1859; 17, 2 стр.*

Авторъ говоритъ о наймѣ, въ Новороссійскихъ губерніяхъ, рабочихъ, черезъ посредство волостнаго головы, безъ всякаго спроса на то самихъ крестьянъ и о притѣсненіи послѣднихъ помѣщиками.

Б ы т ь помѣщичьихъ крестьянъ на Подолѣ, Волынѣ и Украинѣ. Историческое описаніе до введенія общихъ инвентарей въ западномъ краѣ. Составилъ по польскимъ источникамъ *Д. Т. Кіевъ. Въ типографіи И. и А. Давиденко, (быв. Вальнера.) 1859. Въ 16-ю д. л. XII, 56 и I стр.*

Оглавленіе: Бытъ русскаго сельскаго населенія до присоединенія западнаго края къ Россіи, 30 стр.—Развитіе духа крестьянъ подъ русскимъ правленіемъ, стр. 31—39 и—Экономическое положеніе быта крестьянъ до введенія общихъ инвентарей, стр. 39—56.

Цѣль автора, какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи, заключается въ томъ, чтобы указать тѣ обстоятельства, которыя могутъ укрѣпить внутреннее убѣжденіе, что существующій порядокъ взявъ перевѣсъ не по одной матеріальной силѣ, но и по моральной возвышенности своей.

С п о л ь щ и к и. *Тарасенко-Отръшковъ. Указатель Политико—Экономическій. 1860; 18, 2 стр.*

Спольщики это — тѣже половники въ Малороссіи.

- КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ и землевладѣніе въ Новороссіи.** *А. Скальковскій. Русскій Дневникъ.* 1859; 56 и 57, 14— $\frac{1}{2}$ ст.
 Бѣглый очеркъ настоящего и будущаго владѣнія землей въ Новороссіи.
- РАБОТА БАРЩИНСКАЯ** въ Херсонской губерніи. *В. Шостаков. Записки Общ. Южной Россіи.* 1848; и *Земледѣльческая Газета.* 1849, 57. 5 стр.
- МНѢНІЕ** Харьковскаго помѣщика. *М. Гартинъ. Журналъ Землевладельцевъ.* 1858; 7, 2 стр.
 Объ отиѣнѣ барщины, введеніи наемной работы и установленіи денежнаго оброка.
- ПРИЛОЖЕНІЕ** наемнаго труда въ хозяйствѣ южной полосы Россіи. *А. Тимковскій. Земледѣльческая Газета.* 1859; 98 и 99, 5 стр.
- ЦѢНА** земли и вольнаго труда въ Екатеринославской губерніи. *И. Рачинскій. Земледѣльческая Газета.* 1859; 30, 3 стр.
- ГОЛОСЪ** изъ юго-западной Руси. Кіевъ. Типографія *И. и А. Давиденко.* 1860. Въ 8-ю д. л. 22 стр.
 Объ улучшеніи нравственнаго быта югозападныхъ крестьянъ.

III. Собственно крестьянскій вопросъ, т. е. статьи, въ которыхъ обсуживаются мѣры и способы разрѣшенія крестьянскаго вопроса.

НѢСКОЛЬКО данныхъ, на основаніи которыхъ можно улучшить положеніе крестьянъ въ южной Руси. *Илья Капнистъ. Журналъ Землевладельцевъ.* 1858; 7, 10 стр.

Основываясь на статьяхъ 1016 и 965 Св. Законовъ, Т. IX, изд. 1842 г., авторъ полагаетъ, что крестьянамъ слѣдуетъ отдѣлить на ревизскую душу по $2\frac{1}{4}$ десятины, что составитъ на тягло по $6\frac{3}{4}$ десятины (по разсчету 3 душъ на тягло). Онъ распредѣляетъ это количество такъ: $\frac{3}{4}$ десятины подъ усадьбу и огородъ, 3 десятины подъ посѣвъ, $1\frac{1}{2}$ десятины подъ паръ, т. е. толоку и $1\frac{1}{2}$ десятины подъ лугъ. На счетъ крестьянскихъ повинностей г. Капнистъ полагаетъ такъ: общество за каждую выдѣленную ему десятину должно дать

одного работника въ продолженіи 30 дней въ годъ. Работу слѣдуетъ распределить на уроки, опредѣливъ мѣру ихъ одинъ разъ навсегда, и раздѣлить на четыре времени года

О КРЕСТЬЯНСКОМЪ ВОПРОСѢ въ Малороссіи. Н. А. Ригельманъ. Сельское Благоустройство. 1859; 1, стр. 23—39.

При разрѣшеніи вопроса преобразованія крестьянскаго быта, говоритъ авторъ, должно руководствоваться преимущественно тремя соображеніями: 1) — произвести эту перемѣну наименѣе убыточнымъ образомъ для помѣщиковъ; 2) — создать для крестьянъ положеніе сколько-нибудь прочное; 3) — въ возможно — скорѣйшемъ времени прекратить обязательныя отношенія между тѣми и другими. Г. Ригельманъ, недоказывая важности этихъ трехъ задачъ, прямо переходитъ къ ихъ разрѣшенію. По его мнѣнію, наилучшее средство было бы: выкупъ крестьянскихъ усадебъ и небольшого количества земли (размѣръ зависить отъ мѣстности) въ собственность крестьянъ, посредствомъ процентныхъ облигацій, такъ какъ это было сдѣлано въ иностранныхъ государствахъ. Сверхъ сего г. Ригельманъ, въ своей статьѣ, касается всѣхъ сторонъ крестьянскаго вопроса.

Мысли о примѣненіи основныхъ началъ къ дѣйствительному улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ Новороссійскаго края. К. Роцаковскій. Журналъ Землевладельцевъ. 1858; 6, 28 стр.

Статья г. Роцаковскаго обнимаетъ собою всѣ вопросы по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ. Между прочимъ онъ говоритъ о необходимости барщины, о невѣстительствѣ постороннихъ въ крестьянскія дѣла, о предоставленіи права покупать помѣщичьи населенныя земли людямъ другихъ сословій, и пр. Вообще вся статья написана въ духѣ помѣщиковъ.

Замѣтка на статью г. Роцаковскаго: »Мысли о примѣненіи, и пр. Баль. Журналъ Землевладельцевъ. 1858; 10, 11 стр.

Замѣчанія автора относятся къ вопросу о выкупѣ крестьянами ихъ строеній. Доказывая несправедливость этой мѣры, г. Баль говоритъ, что нѣтъ возможности оцѣнить то, что именно принадлежитъ помѣщику, даже и въ томъ случаѣ, когда помѣщикъ снабжалъ крестьянъ своимъ лѣсомъ, ибо эти лѣса

ріалы срублены, вывезены и выдѣланы, или трудомъ, или деньгами самого крестьянина.

О т в ѣ т ь г. Бялю. *К. Роцаковскій. Журналъ Землевладельцевъ.* 1858; 13, 5 стр.

О б ъ у л у ч ш е н и и быта помѣщичьихъ крестьянъ Полтавской губерніи. *Полтавскій помѣщикъ. Отечественныя Записки.* 1858; 10, 16 стр.

Авторъ доказываетъ, что помѣщичьи крестьяне живутъ не хуже государственныхъ крестьянъ, что они трудолюбивѣе и нравственнѣе ихъ; дагѣ онъ изъясняетъ опасеніе, что помѣщичьи крестьяне, лишеныя пособія и надзора со стороны своихъ владѣльцевъ, будутъ впредь не въ лучшемъ, а худшемъ состояніи. Между прочимъ онъ изъясняетъ сожалѣніе, что законъ воспрещаетъ помѣщикамъ продавать крестьянъ на свозъ.

П о п о в о д у статьи Полтавскаго помѣщика объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ Полтавской губерніи. *А. Кристаловичъ. Спб. Вѣдомости.* 1859; 102.

М н ѣ н і е о способахъ къ улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ Харьковскаго уѣзда. *Сельское Благоустройство.* 1858; 9, стр. 271—282.

За нормальную величину надѣла на работника или тягло, въ этомъ мнѣніи, предполагается принять: $1\frac{1}{2}$ десятины пахати въ каждомъ изъ трехъ клиновъ, $\frac{1}{2}$ десятины сѣнокоса и $\frac{1}{4}$ десятины подъ усадьбу и огороды. — Выгонъ полагается, для избѣжанія неприятныхъ столкновеній, оставить въ общемъ пользованіи. — Нормальный надѣлъ усадьбы долженъ быть $\frac{1}{4}$ десятины на тягло. — Цѣна ей полагается двойная противъ пахатной земли, т. е. $\frac{1}{4}$ десятины надобно считать за $\frac{1}{2}$ десятины, во всякомъ случаѣ она не должна превышать 300 р. за десятину.

Усадьба, однажды отмежеванная, остается въ полномъ владѣніи общины. Помѣщики уступая ее крестьянамъ, могутъ не требовать выкупа, но съ тѣмъ, чтобы общество отбывало повинности за нее, равно какъ и за пахатную землю. — Усадьба остается неотъемлемою и потомственной принадлежностью крестьянской земли, совсѣми постройками на ней находящимися, но въ случаѣ выселенія крестьянской семьи, у-

садба переходить въ распоряженіе общины и отдается новому жильцу, инаиначе, какъ съ разрѣшенія помѣщика. — Переѣзна усадебъ можетъ быть дозволена только съ обоюднаго согласія и съ тѣмъ, чтобъ помѣщикъ далъ определенное пособіе на переселеніе. Общество обязано отбывать повинности троякимъ образомъ: а) платою, б) работами, в) сельскими продуктами. Мѣра вознагражденія по расчету должна состоять: деньгами въ 28-ми руб. сер., или въ работѣ въ двухъ дняхъ въ недѣлю. Для правильнѣйшаго выполненія барщины слѣдуетъ начертать урочное положеніе и оцѣнить каждую работу. — Помѣщикъ имѣетъ дѣло съ общиною, а не съ каждымъ работникомъ. — Въ заключеніе не мѣшаетъ сказать, что это мнѣніе, какъ полагаетъ г. *Кошелевъ*, пользуется въ Харьковскомъ уѣздѣ общимъ одобреніемъ.

П о п о в о д у статьи: «Мнѣніе о способахъ къ улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ Харьковскаго уѣзда» *Д.* (Сельское Благоустройство, № 9). *Земледѣльческая Газета*. 1858; 83, 4 столб.

Здѣсь выставляется неправильность нѣкоторыхъ положеній и преувеличеніе въ оцѣнкѣ крестьянскихъ повинностей, содержащихся въ вышеупомянутомъ мнѣніи.

Д в о р о в ы е л ю д и въ Новороссіи. *А. З. Спб. Вѣдомости*. 1859. 42; 2 1/2 ст.

Будутъ ли надѣлены усадебною осѣдлостью и нужнымъ количествомъ земли дворовые люди въ Новороссіи?, спрашиваетъ авторъ, и отвѣчаетъ, что эти дворовые люди, отличающіеся отъ дворовыхъ людей другихъ губерній, тѣмъ, что будучи взяты во дворъ помѣщика и получая скудное содержаніе и жалованіе и употребляемые ежедневно на полевые и другія работы, по справедливости должны быть освобождены на общихъ условіяхъ.

С о о б р а ж е н і я объ устройствѣ крестьянъ въ Черниговской губерніи. *Н. Волковъ. Журналъ Землевладельцевъ*. 1858; 13, 7 стр.

Г. Волковъ объявляетъ себя за выкупъ, находя, что всякое неполное разрѣшеніе задачи не удовлетворитъ крестьянъ, не успокоитъ помѣщиковъ и будетъ только поводомъ къ частнымъ и грустнымъ столкновеніямъ. Въ своемъ проектѣ выкупа цѣнности того, что отходитъ отъ помѣщика, авторъ

имѣть въ виду выпускъ облигацій; для ускоренія же выкупа онъ предлагаетъ разныя мѣры.

ТАВРИЧЕСКІЙ ЗЕМСКІЙ БАНКЪ. *Изв. Шм—ковъ. Одесскій Вѣстникъ.* 1860; 100, 1 ст.

Этотъ банкъ предполагается открыть по поводу переселенія Татаръ, отъ котораго сильно страдаетъ земледѣліе въ Таврической губерніи.

МЫСЛИ по поводу надѣла помѣщичьихъ крестьянъ землею въ Екатеринославской губерніи. *В. Вѣльюрскій. Земледѣльческая Газета.* 1859; 60 и 61, стр. 473—479 и 481—484.

О КРЕСТЬЯНСКОМЪ ПОЗЕМЕЛЬНОМЪ НАДѢЛѢ. Помѣщикъ Полтавской губерніи *К. Трощина. Сельское Благоустройство.* 1858; 11, стр. 167—174.

Улучшеніе быта помѣщичьихъ крестьянъ, говоритъ авторъ, должно необходимо состоять: во 1-хъ, въ надѣлѣ крестьянъ землею, въ количествѣ, достаточно ихъ обезпечивающемъ; во 2-хъ, въ установленіи правильнаго соотвѣтствія между трудомъ крестьянъ и предоставляемымъ имъ за него вознагражденіемъ, и въ 3-хъ, въ предоставленіи имъ болѣе свободнаго времени для собственныхъ работъ. — Въ отношеніи перваго пункта, г. Трощина полагаетъ, что надѣлъ въ двѣ десятины на ревизскую душу, по всей справедливости, можетъ быть признанъ достигающимъ цѣли улучшенія быта крестьянъ и обезпечивающимъ выполнение ихъ обязанностей предъ правительствомъ—Въ выноскѣ г. Кошелевъ считаетъ необходимымъ прибавить еще $\frac{1}{2}$ десятины на усадебную землю и луга.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ. Помѣщикъ Кіевской губерніи. *Указатель Экономическій.* 1860; 22, 1 стр.

Отвѣтъ на статью помѣщенную въ 167 № Указателя Экономическаго: »Должно ли, при опредѣленіи размѣра крестьянскаго надѣла, принять въ основаніе расчетъ по душамъ или по тягламъ?»

Въ своемъ отвѣтѣ авторъ совѣтуетъ произвести надѣлъ не по тягламъ и не по числу душъ, а по семействамъ, либо хозяйскимъ отдѣльнымъ дворамъ, и непремѣнно въ равномъ количествѣ каждому семейству. Норму для надѣла онъ полагаетъ взять семейство, состоящее изъ 5 человекъ.

С е л ь с к а я полицейская власть въ Бессарабіи. *К. Х. Южный Сборникъ*. 1859; 6, стр. 61—69.

З а м ь т к а для составленія проекта положенія о переходахъ крестьянъ Полтавской губерніи. *Д. Бутовскій. Сельское Благоустройство*. 1858; 12, стр. 161—162.

Чтобы остановить обезлюденіе нѣкоторыхъ мѣстностей, по случаю перехода получившихъ свободу помещичьихъ крестьянъ, и тѣмъ предупредить разстройство помѣщичьихъ хозяйствъ, авторъ полагаетъ необходимымъ: во 1-хъ, ограничить выселеніе крестьянъ въ другіе уѣзды известнымъ числомъ ревизскихъ душъ, которое окажется излишнимъ, и во 2-хъ, постановить, въ видахъ предупрежденія скопленія въ столицахъ и городахъ пролетаріевъ, чтобы каждое семейство или лицо могло быть приписано къ городскимъ сословіямъ тогда только, когда оно приобрѣтетъ домъ, по оцѣнкѣ, въ уѣздномъ городѣ—въ 300 р., въ губернскомъ — въ 500 р., а въ столицахъ—въ 1,000 р., или представить таковую же сумму денегъ, и пр.

Составилъ В. Л. Межовъ.

ОБЪ ОТКРЫТІИ СТУДЕНТСКОЙ БИБЛІОТЕКИ

ВЪ ХАРЬКОВѢ.

Изъ документовъ Студентской Библіотеки (1) видно, что въ 1828 году профессора и студенты Университета, равно какъ и частныя лица, пожертвовали нѣсколько книгъ для казеннокоштныхъ воспитанниковъ Университета. Такимъ образомъ положено первое основаніе Библіотеки для казеннокоштныхъ студентовъ, а въ 1829 году Правленіемъ Университета передано въ оную, изъ Университетской Библіотеки, нѣсколько дублетовъ. Потомъ приобретаемы были руководства и нѣкоторыя сочиненія частію покупкой, частію пожертвованіями (наприм., профессоръ Е. С. Гордѣенко пожертвовалъ много юридическихъ книгъ, оставшихся послѣ смерти брата его Гавріила С. Г., бывшаго здѣсь профессоромъ уголовного права).

Но съ выпускомъ казеннокоштныхъ студентовъ, по распоряженію начальства, на частныя квартиры, пользованіе этими книгами сдѣлалось неудобно. Часто случалось, что студентъ, пришедшій взять книгу, не застаивалъ того лица, которое завѣдывало книгами, ибо оно было занято исполненіемъ своей должности въ другомъ мѣстѣ. Поэтому студенты просили о передачѣ этой Библіотеки въ общее пользованіе всѣхъ студентовъ Университета.

Начальство охотно удовлетворило эту просьбу, но съ тѣмъ условіемъ, что они должны избрать изъ своихъ товарищей: завѣдывателей Библіотеки, принять на себя отвѣтственность за дѣлность казеннаго имущества и распоряжаться сами, подъ руководствомъ одного профессора-наблюдателя, всею Библіотекою.

Что студенты приняли съ живѣйшею благодарностью такое предложеніе — объ этомъ и говорить нечего. Они сознаютъ необходимость са-

(1) К. К. Фойгтъ, Историко-статистич. Записки о Харьковскомъ Университетѣ и его заведеніяхъ. Харьковъ, 1859.

мостоятельнаго труда, какъ жизненную потребность образованнаго чело­вѣка.

Затѣмъ Правленіе Университета, составивъ комисію изъ трехъ профессоровъ, поручило оной обревизовать Библіотеку, и, приведши въ новый порядокъ, составить два инвентарныхъ каталога, два подвижныхъ, и оцѣнить всѣ книги по ихъ достоинству, исключивъ негодныя къ упо­требленію.

Порученіе это исполнено. Въ настоящее время Студентская Библіо­тека, за исключеніемъ книгъ находящихся у студентовъ и недоставлен­ныхъ во время ревизіи, состоитъ 1) изъ 1,022 названій, въ 2,892 во­люмахъ, цѣною на 2,448 руб. 98 коп., по предметамъ юридическаго и историко - филологическаго факультетовъ; 2) изъ 446 названій, заключа­ющихъ 1,455 волюмовъ, цѣною на 1,715 руб. по медицинскимъ, есте­ственнымъ и математическимъ наукамъ.

Очевидно, что такое количество книгъ далеко не соотвѣтствуетъ той полнотѣ, какая требуется даже отъ небольшихъ современныхъ книгохра­нилищъ.

Для пополненія этого существеннаго недостатка, необходимы мате­ріальныя средства, а ихъ слишкомъ мало у большей части студентовъ. Правда, они дали два спектакля, въ декабрѣ мѣсяцѣ прошедшаго года, и часть денегъ отложили на выписку книгъ. Потомъ каждый изъ нихъ при­несъ свою лепту въ общую кассу; но всего сбора оказалось недостаточ­но для пріобрѣтенія самыхъ необходимыхъ книгъ.

Остается одна надежда, что прежніе воспитанники нашего Универ­ситета, ревнители о просвѣщеніи, редакторы и издатели газетъ, журна­ловъ и книгъ, примутъ участіе въ этомъ благомъ дѣлѣ, и выразятъ со­чувствіе къ нему: словомъ и дѣломъ.

На основаніи § 2 правилъ Студентской Библіотеки, нижеподписав­шейся избранъ студентами въ качествѣ наблюдателя и посредника меж­ду ними и Правленіемъ Университета по дѣламъ, касающимся Библіотеки.

Объявляя объ открытіи Студентской Библіотеки въ Харьковѣ, дол­гомъ считаю присовокупить, что книги, географическія атласы и другія пособія, адресованныя: въ Харьковъ, въ Правленіе Университета, съ надписью: для Студентской Библіотеки, — будутъ приняты съ искреннею благодарностью.

О. ПРОФЕССОРЪ И. СВИРИДОВЪ.

Февраль, 1861.
Харьковъ.

ОБЪЯСНЕНИЕ

НЕУДОВОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 3-Й КНИЖКЪ «ОСНОВЫ».

Авжéжъ—разумѣется.
Вадѣристый—бодрый, бодрящійся.
Бачъ—видишь, вишь.
Безбачченко — незаконнорожденный.
Бѣхнути—звукоподражательный глаголъ, выражающій моментъ тяжелаго паденія, удара и т. п.
Вілшъ—богѣ.
Благати—упрашивать.
Благѣнькій — слабѣнькій, плохенькій.
Вовты! — выражаетъ звукъ сильно всплеснутой воды.
Божвикъ—полка, гдѣ стоятъ въ хатѣ иконы, кіотъ.
Болячѣ—болно.
Бѣязко—страшно опасно.
Бра—зват. падежъ. сокращ. братъ.
Бранецъ—пѣвникъ.
Бривки—ум. брови.
Брязнути—звякнути; зазвенѣть.
Буваецъ—бывалый человѣкъ.
Бурѣлька—сосулька, и т. п. Москвская бурюлька—шишь.
Буть—(растеніе.)
Буча—драка; шумъ.
Вада—вредъ, помѣха.
Варуватися—беречься; сомнѣваться.
Вбачати—усматривать, примѣчать.
Вгамоватися—утишиться, успокоиться.
Вгѣда—угожденіе.
Вгонибити—удовольствоваться.
Вдѣржати—удержать; выдержать.
Вдіяти—сдѣлать, исполнить.
Веремія крутити—нападать въ разсмыну.

Верховѣдити — предводительствовать, первенствовать.
Вжахнутися — испугаться, вздрогнуть.
Вадовжъ—вдоль.
Взиръ—образецъ; видъ.
Вибачити—извинить.
Видѣлка—вилка.
Визволити—освободить.
Виконати—исполнить.
Вилаяти—выбранить.
Вилупити баньки — вытаращить глаза.
Випростатися—выпрямиться.
Випурснути—ускользнуть, вырваться.
Вирáзний—выразительный.
Вірнути—вынырнуть.
Виругѣувати—изгонять.
Вітнути—вырубить, выполнить.
Вишвячѣкъ—вишневый садикъ.
Вівдя—Евдокія.
Відгукнутися—откликнуться.
Відмувати — заниматься колдовствомъ.
Віршомáзъ—стихоплетъ.
Віршувати—ходить для поздравленія съ праздникомъ съ виршами или стихами; слагать стихи.
Вітання—привѣтъ; пріемъ гостей.
Вкїнутися—предстать; предаться.
Вкладатися—укладываться спать.
Влúчень—мѣтокъ.
Вовтузитися—возиться около чего.
Володіння—обладаніе.
Володіти—владѣть.
Волосія, волосінь — конскіе волосы.
Вонтптити — колебаться въ душѣ; трусить.
Ворѣжка—ворожея.
Ворухитися—шевелиться.

Віартій—упрямый.
 Віперти—втащити, вдвинуть.
 Впняйти—удерживать.
 Врѳда—красота.
 Вступнѳе—плата при вступленіи въ какое нибудь общество, пользующееся особыми правами.
 Втерѳ бити—втащить.
 Втерги—утереть; смолоть.
 Втручатися—вишшиваться; вязываться.
 Втлякѳ— въ привѳтку.
 Вхопѳтися—схватиться, взяться.
 Вчашати—часто приходити, являться.
 Вязѳенія — арестъ, заключеніе въ тюрьму.

Герготати—говорить на не понятномъ языкѳ.

Гѳлий—о рогатомъ скотѳ: безрогий.
 Гавкати—лаять.
 Гадка—мысль; забота.
 Гадючий—змѳиный.
 Галл—уменьшит. Анна.
 Гамувати—удерживать.
 Ганьбувати—порочать; издѳваться.
 Гачѳк—крючекъ.
 Гири—плѳшивая голова.
 Гилечка—вѳточка.
 Гладкій—толстый, жирный.
 Глибше нько—глубже.
 Глупа нічь—глубокая и непроглядная ночь.

Гнѳтикѳ—свѳтъильня у свѳчи, ночника и проч.

Голдувати—признавать надъ собою власть, повиноваться; уважать.

Голѳбля—оглобля.
 Голубѳй—голубокъ—дѳтенышъ.

Гоццювати—плясать гопакѳ.
 Господиня—хозяйка.

Гоцѳк—танецъ въ присядку съ прыжками.

Грасувати—разгуливать и топтать (о толпѳ людей).

Гребѳиць—гребешокъ.
 Гребѳнка—гребень, употребляемый при пряденіи для расчесыванія пряжи.

Грѳбля—плотина.
 Гривѳика — (увелич.) вѳдная монета въ 10 копѳекъ; 10 копѳекъ.

Гривѳжѳли — особаго устройства простые сапи.

Грузѳ—шебень.
 Грюкати — стучать; гремѳть; стрѳлять.

Гулькѳ!—глядѳ!

Дазъ—бі—Богѳ—дасть; вѳтъ.
 Дакѳ—вѳисто—такѳ.

Дѳйко!—ну-ко.
 Дѳе-ко!—кой когда, иногда.
 Де-не-де—то такѳ, то сякъ; кое гдѳ.
 Держѳвецъ—помѳщикъ.
 Деркѳчѳ—голикъ.
 Десь—гдѳ-то; словно, какѳ будто.
 Дѳякий—иной, нѳкоторый.
 Джерѳло—бьющій ручей.
 Дзвинѳия—колокольня.
 Дзвинка—масть бубны (въ картахъ)
 Дзвѳликѳ—табуретъ, стулъ.
 Дзѳнька—(ум. заск.) дзвѳшка.
 Дзѳчѳка—дзвѳшка.
 Дзѳчѳинка—дзвѳшка.
 Дзѳжѳ—квашня.
 Дзѳниця—часть, доля,
 Дзѳхати—дутъ; раздувать.
 Дзѳбѳти, или
 Дзѳбѳти—долбить.
 Дзѳвѳувѳтисл—узнавать.
 Дзѳглядѳти—присматривать, берѳчь.
 Дзѳдѳму—домой.
 Дзѳбрѳця—надсмотрщикъ; управѳляющій.

Дѳка—Евдокия.

Дѳмѳвка—своя родина, свой домѳ.
 До-пѳри—подъ стать, подѳ шару.

Дѳпевнѳтисл—домогаться.
 Дѳрѳдецъ—совѳтникъ.

Дѳсвѳѳана матѳ—хозяйка, у которой собираются на дѳсвѳтки—родъ посидѳлокъ до рассѳта.

Дѳ-снѳги—до послѳдней возможности; сколько хватило силъ и умѳья.

Дѳткѳливѳй — чувствительный, колѳкій, щекотливый.

Дѳ-хрѳна—очень много (въ шуточномъ тонѳ).

Дѳшкилѳти—донимать (объ ударахъ).

Дѳшкилѳтити—донять.
 Дѳ-щѳнту—до остатка, до конца.

Дѳригати—болтать ногами.
 Дѳригѳ—выражаетъ быстрое движеніе ногою.

Дѳрѳбѳнько—мѳлко.
 Дѳрѳбѳ—дрѳбѳ—выражаетъ скорую и частую походку.

Дѳрукѳрѳя—типографѳя.
 Дѳрѳчѳина—большая дубина.

Дѳрѳчѳѳкѳ—дубина, — большая палка.

Дѳуда или дѳудѳкѳ—дѳнь при крещеніи младенцевъ.

Дѳужчѳнько—немного силѳнѳе.
 Дѳука—богачъ и знатный человекъ.

Дѳуля—родъ продолговатыхъ грушъ; шишѳ, кукишѳ.

Дѳурнѳвѳкий—глупенький.
 Дѳухѳ—отверстїя во льду, для ловли вѳжновъ и проч.

Дяконѣнко—сынъ дякона.
Дяконка—жена дякона.
Дяконча—дѣтя дякона.

Еднoсть—сдвигеніе, согласіе.

Жаденъ—ни одинъ.

Жакувати—расхватать, грабить.

Жартовливий—шутливый.

Жахнутися—слегка испугаться.

Жіноцтво—женскій полъ, родъ.

Жовніръ—жолніръ, польскій солдатъ.

Жолніръ—см. жовніръ.

Жорна—ручная мельница.

Забазікатися—заболтаться, заговориться.

Завбільши—величиной.

Завзяття—горячность, уворство.

Заволочити—пройти боровой по засѣнной нивѣ.

Загавкати—залаять.

Загадати—задуматься.

Задвірокъ—задній дворъ.

Зазмирути—заглянуть.

Зазнати—помнить давнее событіе, или лицо.

Закликати—закзвать, призвать, пригласить.

Загрундуювати—затянуть (узель); закрѣпить.

Замість или

Замісць—вмѣсто.

Замедбати—оставить безъ вниманія.

Запедужати—заболѣть.

Запепастися—ослабѣть отъ болѣзней.

Запшчатися—возгордился.

Заплющитися—замуриться.

Запобігати—замокнывать; предупреждать.

Заподіяти—сдѣлать.

Запрацювати—пріобрѣсть тяжелою работою.

Запратіти—забросить, запрятать.

Зарадитися—помочь себѣ обезпечить себя, въ чемъ.

Засікъ—закрыть.

Застукати—застучать; захватить въ тѣсномъ мѣстѣ.

Засягнути—занимать, захватывать.

Зачиненый—притвореный.

Зачіпка—прищипка, привязка.

Збагнути—проникнуть до глубины, уразумѣть.

Збігъ—быглецъ.

Звадливо—обидно, досадно.

Зваковать—сдѣлать промахъ.

Звестися—поднятися; обѣдѣть, захирѣть.

Звыкати—привыкнуть.

Звичайнѣнко—вѣдливо, какъ слѣдуетъ.

Звідкіля—откуда.

Звідтіля—оттуда.

Звичати—обличать.

Звісно—извѣстно.

Звоувати—разорить войною.

Згаіти—замеридить, промеридить.

Згода—согласіе, миръ.

Здобути—пріобрѣсть, добыть.

Здолати—одолѣть; получить слау что-нибудь сдѣлать.

Здрімати—услухъ немощно.

Здуріти—сойти съ ума.

Зеленцемъ—въ неорѣомъ, въ зеленомъ видѣ.

Зіпхнути—столкнуть.

Зіходити—всходить.

Змалечку—съ малолѣтства.

Змовчати—замолчать; ничего не сказать.

Змогти—смоць.

Змусити—принудить.

Знависіти—взбѣситься.

Значний—знатный.

Знеацька—нечаянно.

Змизгитися—унизаться.

Знівечити—испортить, обратить ни во что.

Знититися—уничжиться;—оказывать подобострастіе.

Зомліти—обомлѣть.

Зпідъ—изъ-подъ.

Зрабувати—огрaбить.

Зрадіти—обрадоваться.

Зрадний или **зрадливий**—шманчивый, переувчливый измѣнливскій.

Зрадникъ—измѣнникъ.

Зрестися, отречься; отказать отъ чего или отъ кого.

Зудрїти—нечаянно завидѣть.

Зъєднати—соединить.

Знечѣвья—ни съ того ни съ сего.

Игеть—то—довольно-таки; ужъ и будетъ съ него.

Иззівати—совывать.

Изійти—изойти.

Изміждо—изъ, промежь.

Импеть—внезапность, внезапное, мгновенное дѣйствіе.

Индякъ—индюкъ.

Ищѣ—еще.

Івга— имя Евгенія.

Іжакъ—сжъ.

Казерзниця—проказница.

Каганецъ—плюшка, жирякъ.

Казанокъ—чугунный котелокъ.

Калантірь—карантинъ.

Карлючка—крючек.
 Кáчка—утка.
 Ква́пнись—стремиться желаніемъ,
 повадиться.
 Ква́тирка—форточка въ окнѣ.
 Кле́знути—ударить по рожѣ.
 Клі́кати—звать.
 Кля́жка—шеюлда.
 Кля́снути—хлопнуть.
 Кля́тій—бранн. слово: проклятый.
 Ковали́ха—жена кузнеца.
 Кови́нька—кляука.
 Козе́льці—растение со съдобными
 стеблями.
 Кози́нѣтко—козленокъ.
 Коли́ска—колыбель.
 Коло́да—круглое бревно.
 Коло́шкати—безпокоить разстро-
 вать.
 Комо́ра—кладовая, лавка, амбаръ,
 Компонува́ти—сочинять.
 Ко́рки—подборы въ обуви.
 Корого́въ—хоругвь.
 Коромо́ли—крановы.
 Коромо́лува́ти—кранольничать.
 Косту́ръ—кляука.
 Коти́ти—катить.
 Котри́й—который.
 Коха́нничко—умен. любовь.
 Ко́хъ—коренна. коробка.
 Краве́ць—портной.
 Крадько́ма—воровски, изподти-
 шка.
 Крама́рство—торговля красными
 товарами.
 Крамни́й—лавочный.
 Крамни́ця—лавка съ товаромъ.
 Кре́йда—мѣлъ.
 Кро́къ—шагъ.
 Кругла́ти—пить круговую.
 Круза́—сквозь.
 Кудисъ—куда-то.
 Ку́лші—бедра.
 Ку́пува́ти—покупать.
 Купце́мъ—толпою, роємъ.
 Курча́—цыпленокъ.
 Кúряча—сѣнота—растение Суна-
 lossum officinale и др.
 Кúхоль—кружка.
 Кучугу́ра—насыщ, куча.
 Куши́ръ—желкія водорасл.
 Куши́ръ—кожеванникъ.

Лави́никъ—членъ мѣщанскаго суда,
 магистрата.
 Ладивни́ця—ладунка.
 Лазя́—баня.
 Ламати́—ломать.
 Лашцю́гъ—цѣпь.
 Ласе́ньки й—лакомый.

Лататта—кувшинникъ, Nymphaea.
 Ле́ментъ—вошь.
 Либо́нь—чуть ли не.
 Линова́тись—лѣниться.
 Листува́тись—пересылаться пись-
 мами.
 Ли́шка—нечетное число (въ игрѣ,
 гдѣ надо угадывать четность или не-
 четность числа).
 Лопатки́—маленькіе незрѣлые струч-
 ки или бобы.
 Луза́ти—шелкать сѣмечки.
 Луна́—эхо, отголосокъ.
 Лупъ—хлопъ (глазами).
 Луски́ръ—название рыбы.
 Лютува́ти—вылать гнѣвомъ, бѣ-
 ситься зѣврствовать.
 Ляги́—лечь.
 Лякъ—ленутъ; страхъ; изъ ляку-
 состраку.
 Ля́снути—хлопнуть.

Магале́вать—дурико рисовать, шп-
 сать.
 Маѣтки—имущество.
 Маѣтностъ—нигилизмъ.
 Марни́ти—увядать (о лицѣ).
 Маха́ти—нахать, быстро бѣжать.
 Мачи́нка—маковое зорнышко.
 Мѣки́ути—заблѣсть (о козлахъ).
 Мѣншати́—уменьшаться.
 Мѣте́ль—и уменьшительное.—
 Мѣте́ликъ—мотылекъ.
 Мѣто—плата за товары на заста-
 вахъ, отъ воза.
 Ми́скій—городовой.
 Мовча́нъ—молчанка.
 Мовчла́ний—молчаливый.
 Муравьи́ня—муравейникъ.
 Мья́сниці—мисоѣдъ.

Наба́зграти—навалать.
 Набу́ти—приобрѣсть.
 На-взи́ръ—по образцу.
 На-впере́мѣни—попеременно.
 На-впросто́ць—пряникомъ.
 Нагада́ти—вспомнить; припомнить
 другому.
 Нага́рвати—нахватить, набрать.
 Нагу́кати—накликать.
 На́дѣти—приманивать.
 Нака́зува́ти—заповѣдывать.
 Налаго́дитися—сприготовиться.
 ссвардиться.
 Наля́пати—нащупать.
 Намѣ́шкурити—надрать (уши и
 т. п.)
 Наповероти́—возвращался.
 Наполе́гати—налегать, усиливаться.
 Наригува́ти—напарывать неуклюжо.

Нарізувати — нарізувати (о му-
жів).

Насамоті — наслідки.

Нáхідь — нашість.

Мáче — будто, слово.

Мая́лозити — намазати жиромъ.

Не-аби-дкий — не какой нибудь.

Невіра — невѣрный; (бранное слово.)

Невсипуща — (имя сущ.) безсмыслина.

Невсипущий — неуспыный.

Неговіркий — неразговорчивый,
молчаливый.

Недбалость — нестарательность, без-
заботность.

Недблядь — недосмотръ.

Недоріка — картавый.

Незабаромъ — немедленно, вскорѣ.

Не похйбний — неуклонный, не по-
гршительный.

Неспрощѣнна вѣдма — такая
вѣдма, которая сдѣлалась вѣдмой
через науку, а не родилась ею.

Нероблячий — неработающий.

Нѣтри — непроходливы заросли.

Ніби, ніби-то — какъ будто, слово.

Нікий — никакой.

Нудно — тошно.

Обірати — избирать.

Облогй — неосвоенная земля.

Обміркувати — обдумать.

Обойно — уменьшен. ласк.—обое.

Обора — огорожа; загонъ для скота.

Обрадовѣння — въ ироническомъ
смыслѣ радость, подъ которою разу-
мѣется бѣда.

Обску́бити — обдергати, оборвать.

Обѣито — изобильно.

Ова! — ова!

Огирь — жеребець.

Огу́локъ — вообще.

Одинецъ — единственный сынъ.

Одяски — отголосокъ хлосанья.

Однінокъ — пережня, отжня, выро-
докъ.

Однѣшдъ — отъять.

Одрáзу — сразу.

Одрізня́тися — отдѣляться.

Одтáти — отрѣзать.

Одцурáтися — отрѣчься, отказаться.

Окрінъ — крокъ, исключая.

Окрінъ — кнштокъ.

Оку́бити — сдѣлать уютнымъ.

Окульбáчити — ослѣпить.

Олія — постное масло.

Оманá — заблужденіе, обманъ.

Опанувáти — овладѣть.

Оперезáти — ударить, опоясать
поясомъ.

Описá — пещь.

Онічокъ — выдающееся мѣсто у печи
для каганця (см.).

Оповідь — рассказъ.

Оса́да — усадьба (въ глѣсн. смыслѣ);
заселенное мѣсто.

О́сипъ — дань съ зер.

Осмутніти — сдѣлаться невеселымъ.

Остогідіти — опостылѣть.

О́страхъ — боязнь.

Осягтіи — занять, взять во владѣніе.

Оттáкеньки — уменьш. вотъ-такъ.

Очерѣтъ — камышь.

Очйці — глазки,

Ошукáти — обмануть.

Падля́ка — бран. слово: падаль.

Павья́тати — помнить.

Паніа́тка — матушка; хозяйка.

Панотѣць — почетный титулъ ста-
рыхъ и достойныхъ уваженія людей:
священника и т. д.

Панотцівъ, цѣва, цѣве — отповскій,
ая, ое.

Панькати, ся — ухаживать за кѣмъ.

Панщина — барщина.

Панѣрникъ — бумажный фабрикантъ.

Панлюга — бранное слово къ жен-
щинамъ.

Паркáнъ — частоколъ въ укрѣпленіи;
прочная изгородь достатый заборъ.

Парубкувати — быть не женатымъ
молодымъ человекомъ.

Паска — куличъ.

Пастовникъ — мѣсто для пастбы
скота.

Патѣка — см. потѣка.

Пахтѣть — слегка пахнуть.

Пеленá — передняя часть рубахи.

Пелька — горло (въ ироническомъ
смыслѣ).

Перебѣдлювати — вести тары-да-ба-
ры.

Перевертень — отступникъ, измѣн-
никъ своей народности.

Переимáти — преслѣдуя опережать и
перехватывать дорогу.

Переку́вдженій — приведенный въ
безпорядокъ.

Перелігъ, род. лóгу — почва лежан-
шая нѣсколько лѣтъ не вспаханною.

Перепѣрти — переставить, передви-
нуть.

Пересѣрля — разнолвка.

Перестрѣти — встрѣтити по перегъ
пути.

Перехилѣ́тися — перегнуться, на-
гнуться.

Перѣшка — перышко.

Печѣне — жаркое.

Пилнѣнько—приспально. вниматель-
но споро.

Пірхнути—присасть отъ смѣха и
т. п.

Півникъ—пѣтушокъ.

Пів-ліха—похѣды.

Підвечіркувати—ѣсть послѣ пол-
дника, за вѣсколько времени передъ ужин-
номъ.

Підгорнути—повергнуть, покорить.

Підаурити—обмануть.

Підтикати—подобрать платье.

Підтигарий—помощникъ церковна-
го старосты.

Підупасти—ослабѣть, обѣдѣть.

Піклуватися—заботиться, стараться.

Письмо—грамотность.

Платтяниця—та, что ходитъ въ вѣ-
мецкомъ платьѣ.

Плідъ—плодъ, произведеніе.

Пліточка—плотичка, плотва (рыба).

Плюндрувати—грабить; разорять.

Плѣшечка—стекляная фляшка.

Побачити—увидѣть.

Повага—уваженіе; важность, солид-
ность.

Повиволікати—повытаскивать.

Повіть—уздѣл.

Новоловшина—дань отъ скота.

Поворотъ—возраженіе.

Повтікати—всѣмъ уйти, убѣжать.

Поголоска—слухи, вѣсти.

Погоріти—сгорѣть.

Погукувати—покрививать.

Подзвінне—плата звонарю за по-
хоронный звонъ.

Подітися—дѣваться.

Поеднати—соединиться.

Пожежа—пожаръ.

Пожовклий—пожелтѣвшій.

Позаймати—занять, овладѣть воѣмъ.

Пезахарчовуваній—захрѣвшій.
топій отъ плохого корму.

Позивати—судиться, звать къ суду.

Позирати—взглядывать.

Позачати—занимать; ссужать, одо-
лжать.

Показітися—взбѣситься. (о маю-
гихъ липахъ).

Поколошкати—растрепать, потре-
вожить.

Покохатися—влюбиться другъ въ
друга.

Полѣгкость—облегченіе.

Половити—переходить изъ зеленого
цвѣта въ блѣдно-желтый (о ржи и пше-
нцѣ на нивѣ).

Полохати—тревожить, пугать.

Помѣншати—сдѣлаться меньше.

Помічати—прилѣчать.

Понабудувати—понастроить, по-
орудить.

Поніти віри—новѣрить.

Попитати—спросить.

Поплѣнтатися—поплестить, побре-
сти, тихонько пойти.

Поплічанити—подручный человекъ.

Попожуритися—потосковать таки
довольно.

Попрошнѣчуватися—прошинься.

Попускъ—потачка.

Попхатися—потачиться потихонь-
ку.

Попхнути—толкнуть.

Порозимцею—по частямъ, по оди-
ночкѣ.

Посадовити—посадить (о многихъ).

Посваритися—погрозить; разо-
рится.

Посілокъ—военная помощь, отрядъ
посылаемый кому нибудь на помощь.

Поспільство—престой, сельскій на-
родъ.

Постерегти—примѣтить, подѣл-
тять.

Поступати—снабжать, давать.

Посходити—сойти; о растеніяхъ—
взойти.

Потай—скрытно.

Поти—до тѣхъ норъ.

Потреба—бѣда; сраженіе; дѣло.

Потребизна—потребность.

Потуга—сила (военная).

Потягти—потянуть; пойти; ударить
чѣмъ нибудь тяжелымъ.

Похирий—невеселый, сумрачный.

Почунити—поташить.

Почасту—частенько таки.

Прѣдсій—прежній, давнишній.

Пригода—несчастье, горе, несчаст-
ный случай.

Придивлатися—присматриваться.

Прилбция—шлемъ; часть шлема,
защищающая лобъ.

Прилучатися—присоединяться;
приключиться.

Прилюдне—всенародно, при лю-
дяхъ.

Прислухатися—прислушиваться.

Присмаки—лакомства.

Пристигти—притти въ самую нору.

Притакуватися—приладиться.

Притаманий—истый; присущій;
собственный.

Приторкуватися—прикоснуться.

Притулукъ—пристанище.

Притумбъ—испрямлено.

Прихилятися—нагибаться, само-
маться.

Пришеленоватий—съ придурыю.

Пріся—уменьшит. или Евросиний.

Проблукáти—промаляться.
Прекáзувати—(школьное) учить как читать.

Прóмито—плата на заставах сътоваровъ натурою, вывото денегъ.

Пропитувати—разспрашивать.

Пробстий—прямой.

Простромити—проткнуть.

Прохворостити—посѣть хворостной.

Прóца—богомолье.

Прóва—несоветное явленіе; выскочка.

Пеáльни—вирина духовнаго содержания.

Пúжка—плетка.

Пустязна—выморочное нипуество, или брошенная хослянина.

Рабувáти—грабить.

Радéнький—радехонокъ.

Рáйця—членъ мѣщавскаго суда ратуша.

Рáчки—на корачкахъ, ползнокъ.

Рейментарювати—предводительствовать, начальствовать полками.

Реймѣнчъ—начальствованіе.

Репьáхъ—репейникъ.

Речникъ—адвокатъ, ходитай по дѣламъ.

Рибáлочка—лоск. рыбакъ.

Ривчáкъ—канавка, прорытая водою, съ ручьемъ.

Рідъ—сѣмейство; родъ; родня.

Різанина—рѣзня.

Різдоб—праздникъ Рождества Христова.

Різка—роза.

Різувъ—охотникъ до рѣзни.

Річъ—слово, дѣло, вещь.

Рожэвий—розовый.

Розважати—утѣшать, упокоивать.

Розжартуватися—разшутиться.

Роззѣва—разниа.

Розмова—разговоръ.

Розмовляти—разговаривать.

Розруйнувати—разрушить.

Роспанáхати—разорвать, смѣшно разрѣзать.

Роспорóшеноий—разсыпанный, какъ пылъ вѣтромъ.

Ротний—ротикъ.

Рудий—рышій.

Рúлка—кранъ; горлышко.

Румсати—см. рибсати.

Рухомість—движимость.

Рúчий—лоскій.

Рысвати—рыскать, влскать.

Рябó—кличка собаки, по рябой или нестрой шерсти.

Сáме—именно.

Самохитъ—по собственной волѣ, хотѣнію; самовольно.

Свѣнути—появиться разсвѣту.

Свѣрѣпа—сурѣница (растеніе).

Себелі—названіе рыбы.

Сеймувати—отправлять сеймъ.

Сикатися—лѣзть къ кому, бросаться, привязываться.

Синятка—плахта синяго цвѣта (родъ нижняго женскаго платья).

Сиротá—сиротка.

Сідало—насѣсть.

Сіпнути—быстро дернуть.

Скаженіти—бѣсноваться.

Скаляти—запачкать.

Скарбóвня—казначейство.

Скарбъ—сокровище, казна, казначейство.

Скаржитися—жаловаться.

Скаучати—вызжать (о собакахъ).

Скѣля—скала.

Скнчѣтися—окончиться; скончаться; умереть.

Скíрѣнь—скорь.

Склáстися—сложиться.

Склнцювати, наклнцювати—набить стѣны клинущками.

Скóбитися—сдѣлаться, случиться.

Скопѣлати нѣсъ, губу—загнуть, поднять носъ и пр.

Скомпоувати—сочинить, составить.

Скубнѣти—дернуть, рвать за волосы.

Скупердáга—скрижше.

Скúпитися—соединиться.

Славѣтний—славный.

Слебезувати—медленно высказывать.

Слóвонько—словечко.

Словутий—славный, знаменитый.

Слукъáнный—послушный.

Смакъ—вкусъ.

Смáлець—птичій жиръ.

Смачѣнько—вкусно.

Смашнѣше—вкуснѣе.

Смáкати—дергать.

Смѣтникъ—сорная куча.

Сбняшникъ—подсолнечникъ.

Спáдокъ, наслѣдство.

Спáтоньки—уменьшит. форма глагола спать.

Спѣршу—сперва, сначала.

Спнѣити—остановить удержать.

Спѣвѣць—пѣвецъ.

Спѣльний—общій; совмѣстный.

Спѣкати—встрѣтить.

Спóмннка—воспоминаніе.

Справдѣшній—настоящій.

Спромогтисъ—собраться съ силами, со средствами; получить возможность.

Спустити—опустить.

Ставочокъ—ум. отъ ставъ—прудь.

Станъ—состояніе, сословіе.

Стандія—сборъ на содержаніе войскъ.

Стѣля—потолокъ.

Степанчичокъ—зайчикъ.

Сторчъ—стремглавъ.

Стрепенути—встряхнуть.

Стрѣтити—торчать.

Струнькій—стройный тонкій.

Струшувати—стригать.

Стукотити—часто стучать.

Стурбувати—встревожить; возбуждать.

Суплика—письменная просьба.

Сусуль—въ Черинговск. нарѣчій, вмѣсто сусиль — выражаетъ моментъ неожиданнаго появленія: шастъ.

Сухоперный — о платъѣ: вымытый напросто, безъ бученья.

Схопятися—вдругъ подняться, вскочить.

Схилити—нагнуть, склонить.

Схотити—захотѣть.

Счервонити—покрасить.

Счісувати—расчесывать.

Таборъ или Табуръ—обозъ (военный).

Таджѣжъ—да вѣдь же.

Темнота—тьма.

Тѣхъ!—корень глагола тѣхнуть.

Тиша—тишина.

Тікати—уходить.

Тіточка—тетенька.

Торба—небольшой мѣшокъ, сумъ, котомка.

Торікъ—въ прошломъ году.

Трисъ—выражаетъ моментъ треска, и удара.

Тройчатый—тройной.

Троаивъ—родъ танца.

Тубблецъ, тубилецъ—туземець.

Тужъ—тужъ—вотъ, вотъ; скоро, скоро.

Тѹлубъ—торсъ; трупъ.

Тюхтій—неживой, непнворотливый тяжелый на подъемъ.

Тягтій—тянуть.

Удѣча—характеръ, свойство (живаго лица).

Удливый—неотвязно-злой.

Удѣстися—уложиться, улечься.

Укѹпці—уменьш., ласка вмѣстѣ.

Умкнѹти—быстро уйти.

Умѡва—уговоръ, условіе.

Упѡвані—упольнѣ.

Уривень—парезнѣ.

Ускубути—легкомысленно дернуть (за волосы и т. п.).

Утїсокъ—притѣсненіе.

Ухналькѣ—гроздикъ для поджоговъ.

Ухожаі—угодыя.

Хай—пусть, пускай.

Хавъ—хватъ!

Хвилночка—минуточка, мгновеніе.

Хвѣскати—хлестать (бить).

Хвороба—болѣзнь, повѣтріе.

Хѣба—заблужденіе, погрѣшность, ошибка.

Хѣба-що—развѣ только.

Хижа—чуланъ.

Хилитися—клониться.

Хірити—хворать.

Хирний—хворый, слабый.

Хіуря—Февронья.

Хиді—хожденье.

Хіпъ—хватъ!

Хітъ—желаніе.

Хамнѣстѣтися—плескаться въ водѣ.

Хлющъ—выражаетъ плесканье воды.

Хлюща—что-либо мокрое изъ чего течетъ вода.

Ходѣ—позодка.

Хороба—см. хвороба.

Хрещѣна мати—крѣстная мать.

Хутко—скоро.

Цѣвахованнй—убитый гроздики.

Цѣбуля—лукъ (растеніе).

Цятъ, см. цятъте!—те! молчать!

Цѹпити—тащить.

Часловець—часословъ.

Частина—частица, отрывокъ.

Ченці—монахи.

Чимѣло—довольно таки.

Чиншъ—дань за право владѣнія землей.

Чітъ—четное число (въ игрѣ, гдѣ надо угадывать числа).

Чміль—шмель.

Чобігѡкъ—сапожекъ.

Чѡгѡсъ—(нарѣч.) чего-то, чему-то; зачѣмъ-то.

Чѹтко—слышно

Чѹтний—слышимый.

Шанѡба—выраженіе уваженія, почтенія.

Шѣрпати—рвать, разорвать.

Швѣдати—бродить, слѣзаться.

Швецъ—самохвѣтъ.

Швѣачъ, е—скорый.

Шепѣтати—громко шептать.

Шурхнути—произвестъ шорохъ.
 Школярство — школьничество; (со-
 бир.) школьники.
 Шо—что.
 Шпарко—быстро, проворно.
 Шпичка—спица, остріе.
 Шпурайти—бросать на далекомъ
 разстояніи.
 Шпурнути—швырнуть.
 Штовхати—толкаться. толкать.
 Штрикати—тыкать остриемъ.
 Шубовсть!—выражаетъ сильное па-
 дение въ воду.
 Шумувати—пѣниться.
 Шупити—понимать кое-что.
 Щадокъ—отдаленный потомокъ.

Щитѣтися—заслоняться, защищать-
 ся.
 Що-вѣтѣрка—каждаго вторника.
 Юшити—сильно течъ (о крови).
 Юшка—супъ; жижа.
 Язь, ізъ—перегородка въ рѣкѣ,
 для задержанія рыбы.
 Якость—какъ-то.
 Ялзѣтися—начкаться.
 Ярепудовий — бранное шуточное
 слово.
 Ярмаркувати—продавать или по-
 купать на ярмаркѣ, быть на ней.
 Ятеръ—снарядъ для ловли рыбы.
 Ящурка—ящерица.

ОБЪ ИЗДАНИИ

РУССКАГО ПЕРЕВОДА

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

МАКОЛЕЯ.

До настоящаго времени вышель 1-й томъ *Полнаго Собранія*, который содержитъ въ себѣ «*Критическіе и историческіе опыты*» (1825 — 1831 г.), *портретъ автора* и подробную статью профессора *Визиткаго* о жизни и сочиненіяхъ лорда Маколея.

Цѣна этому тому 2 р. с.; цѣна остальныхъ томовъ изданія будетъ по 1 р. 50 коп. за каждый.

Изданіе «*Опыгтовъ*» (Essays) и «*Исторіи Англіи*» будетъ идти параллельно и до мая 1861 г. выйдеть *три тома* (*).

Каждый томъ изданія будетъ продаваться отдѣльно; для желающихъ же подписаться на 3 тома цѣна:

Въ Петербургѣ и Москвѣ 4 р. 40 к.

Съ пересылкою во всѣ города Имперіи 5 » —

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С. Петербургѣ: у книгопродавца Як. Ал. Исакова, въ гостинномъ дворѣ, № 24.

Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. М. Щепкина и К^о.

Отъ г.г. иногородныхъ: *исключительно* въ конторѣ типографіи Николая Тиблена и К^о, на Васильевскомъ Ост., въ 8 линіи, № 25.

(*) Второй томъ выйдеть въ 1-хъ числахъ апрѣля.

ОТВѢТЫ РЕДАКЦІИ.

Ө-ру Ө-чу В-р-н-ву, въ Новомірогородѣ. Ваша статья можетъ быть напечатана съ сокращеніями.

Б. Ө. Г-ж-д-у. въ Кирстинцы. Очень рады предложенію съ нетерпѣніемъ и ожидаемъ исполненія.

И-ну А-чу З-т-р-к-в-чу, въ Орель. Отчетъ о вашихъ замѣчательныхъ стихотвореніяхъ вы получите въ особомъ письмѣ.

В. К-с-ц-ву, въ Сигорь. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ обѣщанныхъ вами статей.—Редакція совершенно согласна съ вами на счетъ оцѣнки нѣкоторыхъ нашихъ писателей.

А-ру Я-чу К-н-скому и В-ю С-чу К-л-ку, съ Полтаву, В. М-л-ю, въ Казань и А-ру А-чу Н-вр-цк-му, въ Темиръ-Хань-Шуру. Стихотворенія ваши будутъ, по возможности, печататься.

Н-ю Д-чу М-ко, въ Карабиновку. Ваше письмо будетъ напечатано. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ обѣщанныхъ трудовъ.

М-ру Ол-к-вичу, въ Козелецъ. Вашъ рассказъ и повѣсть будутъ напечатаны.

О-т-н-ч-с-ку, въ Петербургъ. Отчетъ о рассказахъ: «Сонъ и діло» и проч., будетъ сообщенъ въ слѣдующей книжкѣ.

П-р-х-д-вцу, въ Полтаву. Прозекъ и вѣсти ваши будутъ напечатаны, если не встрѣтятся особенныхъ препятствій.

О. П. Тр-цкому, въ Бѣлую Церковь. Весьма вамъ благодарны и, по возможности, постараемся воспользоваться вашимъ почтеннымъ трудомъ.

А-ру Т-ш-скому, въ Глуховъ. Вашъ рассказъ можетъ быть напечатанъ съ сокращеніями.

М-му Ч-р-му, въ Кіевъ. Ваши статьи, которыми весьма дорожимъ, будутъ напечатаны, если не встрѣтятся препятствій.

К. Шв-к-скому, въ Кіевъ. Принятіе вашихъ условій можетъ

состояться по разсмотрѣнiи вашихъ сочиненiй, если они будутъ присланы.

М-му В-р-въ и Г Ч-ри-скому, въ Кишиневъ, О. К-цову, въ Таганрогъ, П-ну Ст-ц-ку, въ Гродно,—Г-ю А-т-ву, въ Кролевецъ,—А. С-в-чу, въ Москву,—А. С. К-в-л-скому, въ Петербургъ,—А. А-др-ку, В. П-т-р-к-ж-ха и М-лу Ал-чу М-л-ш-ку, въ Кiевъ,—В. Д-б-к-му, въ Сосницю, Н. Т-х-рскому, въ Петербургъ, Ф. Б-ч-ку, въ Станицу Надежную, А. З-му К-п-к-му, въ Петербургъ, А-ру А-чу Ост-п-ку Б-л-ку, въ Ананьевъ, В-ю М-въ, въ Харьковъ, А-ю Сл-цкому, въ Переяславъ, Н. Н. П-т-ну, въ Градижскъ и А. Е. Зв-н-г-скому, въ Кременчугъ. Отчетъ о вашихъ сочиненiяхъ будетъ помѣщенъ въ слѣдующей книжкѣ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

ВЪ ФЕВРАЛЬСКОЙ КНИЖКѢ ОСНОВЫ.

<i>Стр.</i>	<i>Строк.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ:</i>
36	8 сверху	прильнѣ	прильнѣ
42	8 —	квітѣкъ	квітокъ
42	9 —	дѣтѣкъ	дѣтокъ
54	20 —	и смѣь	усѣмъ

ВЪ МАРТОВСКОЙ КНИЖКѢ.

I отд.	12	2 сверху	Грамматикѣ	Грамматкѣ
—	—	25 —	галушки	галушкѣ
—	20	12 снизу	замлѣли	зомлѣли
—	80	27 сверху	имъ его	нмѣ его
—	88	29 —	Гумаекъ	Гулаекъ
—	93	7 —	было странно бы	было бы странно
—	—	8 —	перепечаемъ	перенечатаемъ
II отд.	15	9 —	Бруховѣчнина	Бруховѣщина

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ.

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ: въ конторѣ «Основы» при книжномъ магазинѣ Дм. Еф. Кожанчикова, на Невскомъ проспектѣ, противъ Публичной Библіотеки также: у М. Ос. Вольфа, Як. Ал. Исакова, Ал. Пв. Чавыдова, П. И. Крашенинникова, Н. Г. Овсянникова;

ВЪ МОСКВѢ: у И. В. Базунова;

ВЪ КІЕВѢ: у В. Г. Борщевского;

ВЪ ПОЛТАВѢ: у Э. Л. Изопольскаго и Эм. Гр. Чижака;

ВЪ ТАГАНРОГѢ: у К. Д. Данилова;

ВЪ ОДЕССѢ: у Ал. С. Великанова,

и у другихъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать: *Редактору «Основы», Василію Михайловичу Бьлозерскому, въ С. Петербургъ, у Круглаго Рынка, въ домъ Принца Ольденбургскаго.*

Цѣна за **12** книжекъ, каждая отъ 12 до 15 печатныхъ листовъ,
8 р. 50 к. безъ пересылки, **10 р.** съ пересылкою и доставкою на домъ въ Петербургѣ.

1873
1874
1875



